

Небабсьон Евгений Анагольсьон

Русская философия Анализ истории

в пяти томах

2

12+

Евгений Анатольевич Небольсин

Русская философия.

Анализ истории. Том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19053951

SelfPub; 2020

Аннотация

Этот том интересен будет для тех граждан, кто увлекается физикой и математикой, ибо в нем каждая деталь научна и адекватно вписывается в доктрины современной науки. Вы узнаете о том, как точные науки свидетельствуют о высших силах и формах общения личностей. Богословие и точные науки не противоречат, а взаимно дополняются в описании Истины. Некоторые примеры. Очень занимательно и увлекательно.

Том 2

Предисловие

Что такое Истина? Есть мнение, что все в этом мире относительно. А есть мнение, что Истина одна. Как можно начать писать эту книгу, если в самом главном вопросе нет ясности?

Представьте, что вы идете по лесу и встречаете человека попавшего в яму. Вы берете палку и один конец протягиваете ему, чтобы он мог вылезти. И вот он карабкается из своей ямы. Это нормально, ибо мы правильно себя тут позиционируем. Но есть иные точки зрения, согласно коим мы видим противостояние интересов. Один тянет конец на себя, а другой тянет на себя. В пределах этого возникает множество теорий, в соответствии от того, как мы будем сдвигать свой акцент. С одной стороны, палка принадлежит тому, кто ее первым нашел. С другой стороны, он отдал эту палку другому и не может претендовать на обладание ею. С третьей стороны, они оба правы и палку надо поделить между заинтересованными сторонами. С четвертой стороны, все мнения – это лишь разные формы выражения одного и того же. С пятой стороны, все относительно... и так до бесконечности. Самое страшное в том, что все доктрины не лишены логики и потому уже претендуют на Истину. Хотя каждая из них и все они вместе быют только по одному и тому же капсюлю детонатора, приводящего в движение механизмы разрыва бомбы. Палка пере-

стает быть инструментом спасения. В результате гибнут оба. Истина же только одна – один спасает другого. Наша система образования изначально вводит нас в данную сферу бесконечного поиска истины. Изначально мы начинаем искать черную кошку в темной комнате. Причем кошки там нет. Повторюсь, что есть только один образ истинного мировосприятия – один спасает из ямы другого. Мы, русские, тянем мир из бездны и вне этого плана мы никто.

Из всех доктрин только это нужно называть истиной. Это есть критерий Истины, который должен быть выражен в любой научной доктрине.

Научный анализ, как и все иные языковые понятийные системы, как и вообще вся природа вокруг нас рассматриваются мной как формы межличностных отношений Личностей Святой Троицы, как между Собой, так и с человеком. Один говорит Другому только одно: «Я Тебя люблю». И слышит ответ: «Я Тебя тоже люблю». И вновь и вновь до бесконечности в пределах семейных межличностных отношений. Вне их, вне семейных отношений ничего не существует. Таков Предвечный Совет и мы в Нем сопряжены и соучаствуем, ибо таковое это бытие и Царствие Небесное при нашей земной жизни¹¹¹⁻¹¹⁻¹.

Жизнь требует возрастания до Образа Бога, а потому для участия в Этом Совете, человек в процесс богообщения включает все большие и большие миры. Мы захватываем теперь не только эти глубины океанов и Земли, но и

космос, и околоземного космического пространства. Жизни свойственно наступать на смерть отвоёвывать у нее все большие и больший пространства.

Что я ставлю целью в этом томе ⁴⁶¹?

Все дело в том, что человеку дано не верное определение, а потому и многие суждения становятся не верными, а научный анализ становится средством примирения двух точек позиционирования верной с не верной. Человек – это процесс межличностных отношений Личности Творца Бога Троицы и человека, это Тот Самый Предвечный Совет, соучастником Коего дано право быть человеку в пределах Замысла Божьего о человеке. Именно по этой причине, человек и Бог – это одно целое. Именно по этой причине, человека надо рассматривать не в том виде, как нам это привычно, а в его отношениях с Богом, с тем, без чего он жить не может, а потому следом за ним ничто на Земле жить не может. Человека надо рассматривать как систему, состоящую из Солнца, солнечного луча и солнечного зайчика на поверхности Земли. Но это также частный случай, ибо человек возник уже в тот самый момент зарождения Вселенной, что есть исповедь на своем уникальном языке о том самом грехопадении, о коем повествуется в Писании ¹⁹⁰ на языке нам привычном – на русском. Именно по этому в человеке все едино. Именно по этому подобное рождает свое подобие, подобное познается подобным, подобное стремится к подобному, а также все формы Закона Сохранения. Все это в прообразе

того, что человек, пребывающий на Вершине видит мир под собой в монолитном единстве, а когда он спускает к подножию Вершины, то виды меняются, но вид с Вершины и вид, открывающийся у подножия подобны, тождественны и едины в образе Закона Сохранения, ибо человек на Вершине и у подножия оной – один и тот же. Весь научный анализ, всякая человеческая деятельность утверждает именно это единство и это одиночество всего. Всякий ученый ищет только это единство, которое мы по естеству своему человечности в детстве называли беседой любящих друг друга сердец, Бога и человека. Сфер-областей во Вселенной абсолютное множество и каждая из них имеет свое бытия благодаря тому, что на свойственном для нее уникальном понятийном природном языке исповедует именно это положение вещей – межличностное общение любящих сердец.

Итак, второй, третий, четвертый и пятый тома – это некоторые примеры того, как реализуется эта мысль в окружающем нас мире посредством различных понятийных и языковых систем из различных сфер-областей бытия: математики, физики, биологии, физиологии, психологии, истории, экономики и так далее. Второй том – это математический анализ, философия, физика.

Часть 1. Вводные понятия

Весь материал мы поделим на три части. В первой будут сформированы и наглядно представлены законы Вселенной, как они работают и в каких пределах. Далее, просмотрим как

эти законы реализовались на физиологии человека и исходя из физиологии как они проявились в иных частностях, а именно в самой истории России, и потом на основе всего сказанного сделаем выводы.

На страницах последующих томов создается собирательный образ Вселенной и человека в ней. Мы в каждом случае позиционируемся то на новой точке мировосприятия и даем соответствующее новое имя Богу, то вновь возвращаемся на исходное, а именно к Его естественному Месту Бытия и зрим уже мир с Его Высоты. Сопоставляем и пытаемся их примирить в одном едином целом две точки. Это важно, ибо фокусируясь на какой-либо научной проблеме, из полученных кирпичиков выстраиваем комплексное решение её. Это удобно. Просто всякая научная доктрина всегда как-то уникальна в себе и при этом является частным случаем общего, подчеркивает какую-то одну сторону, оказавшуюся востребованной. Поэтому она требует адаптировать в нашем сознании общее в определении частного, чтобы через эту призму общего понять законы бытия частного. Это мы проделываем в первом томе и в «Научном анализе», где перечисленные и общеизвестные оттенки в определенных совокуплениях освещают поставленные вопросы в физике, математике, биологии, истории, экономике, рукопашном бое.

С другой стороны, нам очень сложно свидетельствовать о процессах внутреннего мира Начала начал, а потому раскрываем его в масштабах окружающего Центр Начала начал

пространства(смотри 111-11-2). Такова природа человека, которая раскрывает в развернутом виде только одно – природу Начала начал. Также как это делает система координат, ибо она, на самом-то деле, раскрывает нам очевидным образом суть процессов и явлений в точке начала координат(смотри 111-11-2). В принципе, это утверждение ключевое. Мир вокруг нас во всей своей яви исповедует только то, что заложено во внутреннем мире бесконечно малого(смотри 111-11-2). Мы видим развернутое полотно, на котором удобоприемлемо для наших природных возможностей изображена вселенная абсолютно малой величины(смотри 111-11-1 и 111-11-2). Об этом важно нам сделать заявление в самом начале, чтобы читатель имел ясное представление о том, о чем здесь повествуется. Когда мы вносим какие-то инструменты, то надо помнить, что не смотря на их усложненную формулировку их значение только одно и оно вписывается именно в озвученную в этом абзаце систему(смотри111-11-1).

К примеру, когда мы ведем речь об исторических процессах, о законах эволюции, то неизбежно раскрываем свойства внутреннего мира Начала начал, только вот таким вот специфическим понятийным языком. Языковых систем много, даже множество, причем множество абсолютное, но все они пытаются всеобъемлюще раскрыть только одно – происходящее во внутреннем мире этого бытия, а именно то, что является Началом начал. При этом это всегда выглядит несколь-

ко односторонне – бросается в глаза только то, что явно выражено как характерный для личности признак, но это так и останется только одна какая-то сторона Божественной реальности. Итак, мы рассказываем здесь только о личности и о межличностных отношениях, между коими любовь чистая и искренняя.

В этом же прообразе, для того, чтобы уверенно идти в будущее, необходимо хорошо знать опыт прошлого. А потому, чтобы ясно представлять то, что нам действительно нужно, как людям разумным, следует разобраться в природе вещей и выявить то, как о правильном выборе человечеством пути в истории свидетельствует физиология (смотри 111-11-2) человека. Сама природа несет в себе образ этого пути 111-11-3. И исходя из этого верного понимания о себе самом, нам явственно откроется то, что именно исповедует история. Времени прошло достаточно много – согласно научным данным, сотни тысяч лет и даже миллионы лет развития эволюции в самых ужасных условиях выживания. А так как осознаваемая нами история только-только перешла 2000-летний рубеж после Рождества Христова, то в этих рассматриваемых нами относительно малых пределах времени бытия людей (хотя бы в пределах 3-8 тысячелетий) очень сложно разглядеть то общее, которое явственно может обозначиться в текущем ныне частном в течение миллионов веков. Верный путь наделен вечностью, ибо он наиболее верно исповедует нам о Начале начал. То что несет ложное отражение Ис-

тины, ложное выражение Начала начал, то ушло в небытие и мы об этих явлениях знаем косвенно. Поэтому есть смысл пойти иным путём, избегая изучения множества ответвлений от правильного течения эволюции, рассмотреть только саму природу человека, на которой отпечатался только этот и только этот путь эволюционного становления жизни в верном направлении 111-11-4, его живучестью и образом вечности форм жизни. Также следует обратить внимание на том, что понятие верного пути очень много имеет других имен в зависимости от того, в какой отрасли человек этот верный путь из прошлого в будущее ищет или на каком языке понятий о верном пути говорит. На языке веры верным путем в вечность люди назвали Божественное. На языке физики и химии – это Закон Сохранения. На языке экономики – верное решение. На языке математики – постоянство начала. На языке истории – свидетельство о промысле Божьем. И так далее. Эти имена хотя и важные, но только лишь слагаемые жизнеутверждающего верного пути в будущее.

Для удобства и ясности изложения материала стало необходимым сначала построить модель мира, исходя из тех посылов, которые привычно пребывают в поле нашего зрения, адекватно вписываются в жизненное пространство, не выходя за пределы естественной возможности чувственного познания, в границах умственно постигаемой реальности бытия материи. То есть это то, с чем работает современная наука. Чтобы ответить на тот или иной вопрос, нам останет-

ся только найти то место на нашей модели Вселенной, в котором решение проблемы очевидно и при этом мы видим, как изучаемое явление гармонирует со всей совокупностью единого целого этого бытия. Именно по этой причине, для освящения каждого случая, необходимым будет давать точные координаты позиционирования себя на нашей схеме, а для этого придётся модель мира вновь и вновь рисовать, выстраивать эту модель. По этой причине повторений придётся делать много. Это необходимость возникает в любом рабочем процессе, а потому прошу терпения.

Моделей Вселенной несколько, но, несмотря на их различность, суть, выражаемая ими, остается той же. Это удобно, ибо к каждой проблеме, решаемой современной наукой, нужен свой уникальный подход, который не имел бы покусение на верное православное понимание (смотри 111-11-1). Далее на этот стержень нам останется правильно «надеть одежды» известных научных доктрин, привлекая на помощь мнение признанных великих. Опираясь на них, удержим верный курс, заданный святыми отцами Православной Церкви. В их очень не простое время было далеко не чуждыми веяния мировых учений и культур. Чтобы спасти свою паству, им приходилось исповедовать веру на специфическом понятийном языке учений сложившихся к тому моменту времени в данном народе. То есть веру Христову востребовано было «одевать в специфические одежды» (смотри 111-11-1), свойственные духу своей эпохи. Теперь только оста-

ется перечислить те «одежды» или языковые понятийные системы, чтобы переложить на веяния современного мира. Это процессы физики и химии; это зависимости математического анализа; это процессы эволюционного становления Вселенной и человечества; это история людского рода и его экономических систем; это системы рукопашного боя и монашеского делания(смотри 111-11-2). Это позволит увидеть, что данный стержень, соединяя противоположности и делая их составной частью друг друга, представляет нам единство мира. Созерцая все вокруг, только и только стоя на этой точке созерцания абсолютной примитивно-понятной простоты, мир предстает перед нами как на ладони, ведь только в этом случае мы смеем утверждать, что мы верно понимаем происходящее¹¹¹⁻¹¹⁻⁵. Так как Православие не имеет верхнего предела аскетического подвига, творимого ради лучшей качества богообщения (ограничения имеет только наша плоть), то нет предела близости Богу и к высоте Его Истины. Именно по этой причине остается, стоя на аскетическом подвиге, брать за основу догматическое богословие Православия. Об этом первые две части книги (2,3 тома).

Исходя из всего ниже изложенного во втором томе, есть необходимость в общих контурах пролить свет на область определения точных наук. Во-первых, всякое утверждение теперь оказалось в иных пределах пространственных границ. Пространство теперь, не смотря на свою постоянность может быть искривлено в пределах этого постоянства и стабильно-

сти. Мы выясним также исходя из того, что этот зримый мир есть порождение человека, то отсюда следует только одно, что человек в любой отрасли познания и посредством любой отрасли познания может познавать только самого себя (смотри 111-11-5). Инструмент познания естеством земной природы лежит в сфере, где функционируют границы и формы, то есть мы видим только границы и формы и можем оперировать только границами и формами. А именно умственным познанием мы привержены только к причинно-следственному механизму развития Вселенной. И бытийствует причинно-следственный механизм по законам богословия в данной сфере (за основу взята точка созерцания чувственно созерцаемого мира). Поэтому душевный мир, как связь с Божественным так и останется трудно достигаемым для научного анализа. Для него – это точка, которая не имеет величины. Можно строить абсолютно мощные циклотроны, но с их помощью природу свободы выбора познать никогда не сможем. Познаем природу закономерностей, а природу самоопределения – никогда, ибо природа самоопределения исповедует Божественное, явленное специфически, чисто в естественном для анализа образе – пустотой. То есть природа самоопределения всегда остается в пределах выражения свойств пустоты. (Это важное заключение, ибо пустотой в мире духовном является только отсутствие грехов. Следовательно покаяние – основа всего живого.) Хотя, не трудно предположить, что эволюция становления научного анализа движется

ко всё более и более точному свидетельству как раз о том, что ему, анализу, недоступно по природе – о природе личности, то есть о мире душевном, а потому в процессе становления постепенно обретает схожесть со свойствами души, ибо совершенства в чем-то ином, кроме как более подобного Божественному нет. Всякое самое глубинное душевное свойство личности обязательно проявится в обозреваемой природе вещей. Чем тоньше его оттенок, тем оно очевидным образом дольше распознается как реалья. Всякое движение, если таковое имеет место быть, направлено только в одном направлении – к выражению только Божественных свойств личности. Ничего иного в этом бытии нет. Душа даже в сфере анализа или бесконечной границы форм ищет себе не инородное, а только родственное. Иными словами, даже число – духовная инстанция. Если человек не увидел в данном явлении самого себя, свой образ и подобие, то явление считается не познанным. То есть личность должна распознать полноту выражения самой себя. Это важное высказывание, ибо человек везде познает только самого себя и Бога только через самого же себя. Это и есть человек. Мы должны ясно себе представлять, что человек – это не то, что привычно пребывает в поле зрения, но он есть то, что скрывается за этим или то, что предшествует этому. В первую очередь он есть причина всего того окружения, что оказалось в поле нашего зрения, ибо только в пределах прообраза и подобия причины возможно хоть какое-то общение и единство.

Только в сферах причины каждый из нас находит взаимопонимание и единение, ибо человек – это личность, которая пребывает во Царствии Небесном. Вне Царствия Небесного человек личностью быть не может и уходит в небытие. То есть привычно созерцаемый человек – это иное имя причины или набор имен оной, он еще и радость бытия и, как следствие, все сопутствующее этому определению. То есть человек – это два в одном, а именно Первопричина и верный образ исповеди о Первопричине в пределах бытия земного. То есть человек – это счастье, это набор понятийных языковых систем для общения с Личностью, это Начало начал и первопричина, это экстаз, это образ верного пути эволюции, это образ верной мысли о Первопричине, образ верного богословия, образ познания Бога и это личность. Если мы все это суммируем в одно, то перед нами возникнет нечто несколько иного определения. Образ верного богословия и верной мысли в сочетании с Началом начал и экстаза. Как это совместить? Начало начал – только что родившийся ребенок. А образ верной мысли и богословия – это уже свойственно человеку преклонного возраста, успешно прошедшему через множество испытаний и опасностей. Образ верного пути эволюции – это уже естественный отбор. Познание Бога и набор языковых понятийных систем, свидетельствующих о первопричине – человек может познавать только самого себя и Бога через себя. Вне себя самого человек познать Бога не способен, да и невозможно сие. То есть вы-

соко развитая природа чувственного познания – это уже дар видеть Бога, посредством всего того, чем обладает каждый из нас. Вне этого дара видеть Творца и вне межличностного общения природа существовать не может. Всякое естество имеет бытие только как посредник, как уникально сложенная система или связь между Личностями Творца и человека. Перед нами человек преклонного возраста, который смог сохранить в себе младенца, то есть чистосердечность Начала начал или радость ребенка (ради этого перводанного своего состояния практикует нирвану индус). В тоже время сформировал путь своей жизни и представление о Творце в богообщении, то есть сформировал представление о самом себе, как о Начале начал на понятийных языках своего времени. Подобное рождает только свое же подобие, то есть всякая система внешне должна иметь только прообраз младенца и исповедовать сущностное естество, которое вписывается в пределы того, чем человек был и остается навсегда, если живет. Это и есть перво-принцип, задающий все остальное в процессе формирования человечества. Что тут совершенство? Он есть совершенство, как Начало начал? Или он совершенство, как верное свидетельство о Начале начал, совершенствующееся до самого конца жизни?

Это аскет высокого подвига воздержания ради более всеобъемлющего и плодотворного богообщения. Это монах. Монах – это и есть человек в наибольшей достоверной полноте определения о совершенстве. В нем и Начало начал, и

все остальное, верно раскрывающее суть радости Начала начал. В этом прообразе все остальное, всякая научная доктрина – попытка выразить события в самом человеке в первопричине, в самом Начале начал посредством специфических инструментов понятийного языка. С одной стороны, человеку нет смысла стяжать в себе природу богомладенца, ибо она являет себя самопроизвольно в самом непосредственном обращении к Личности Бога. А с другой стороны, есть необходимость во время процесса моления делать какие-то подвижки в природе души и в окружающей нас среде, чтобы делать богообщение более качественным. Последнее обстоятельство породило научную революцию. О богообщении есть смысл говорить разнопланово. И каждый план важен, да так, что трудно понять, где важнее.

Так как человек познавая самого себя познает только Бога, то человек – это и есть Начало начал. Всякий ученый ищет в явлении замкнутую завершенность в образе Бога и в прообразе самого себя и Начала начал, то есть в прообразе замкнутости, которую несет в себе само бытие точки. Пункта бытия, с коего началось попавшее в поле зрения все. Физика – это тоже рассказ души о себе самой посредством специфического понятийного языка науки, но опять же только в пределах религиозного опыта. То есть она всегда упирается в набор суждений о человеке посредством ограниченных природой инструментов исследования. Человек – это Начало начал, а потому ученый всегда ищет во всем свое подо-

бие, отражение самого же себя – причину явления, его начало начал. То есть во всем ищет прообраз самого себя. Когда он находит свой прообраз в явлении, то сие в науке называется научным открытием, благодаря чему человек получает власть над событием или явлением. Он может управлять явлением, что и становится научно-технической революцией. Именно это дало возможность человечеству приручить животный мир, окультурить растения. Это же позволило приручить мир материи, соделать ее в прообразе самого себя. Но, несмотря на это, живым видением, то есть душевной любовью, физика так и не сможет стать никогда. Хотя будет копировать более и более точно, создавая опасную иллюзию живого. То есть человек для неё – не как для нас – вечная любящая душа, а останется только лишь тем, что попало в поле ее функциональной досягаемости, остается только лишь сводом законов материального мира, каким бы уровнем развития физика не была. Вот это страшно. Это касается не только физики, но и любой доктрины. Иными словами, человек только в одном случае может подмять под себя мир и Вселенную, если он в богообщении, то есть сам несет в себе ребенка, хранит в себе его образ Начала начал. Но этого мало, ибо только как удобство научная революция бессмысленна, а потому не возникла бы в бытии. Зачем это все, если после смерти вместе с телом уходит в небытие все земное. Это было бы верным, если бы не одно важное обстоятельство. Человеку нужно общение с Личностью Твор-

ца, ибо только в общении с Ним он остается человеком по природе. Плоть ему, если она не способствует утверждению самого главного, связи с Творцом, то сильно мешает. Мотив научной революции только в этом – помочь плоти быть помощницей душе в молении Богу. Она, плоть, должна быть в прообразе Творца. Казалось бы на этом можно закончить... Но это не так. Нужно внести разъяснение о том, что такое прообраз Творца. На страницах книги об этом проведен анализ, дано определение образа Творца для плоти. Там сказано, что плоть имеет образ смерти или пустоты. Ибо Бог для нас сокрыл Свое Лицо, для нас Его нет, а образ этого «нет» надо выразить и оный будет иметь образ этого «нет» поэтому научный прогресс, на самом деле несет в себе именно это предназначение – посредством его живое тело уподобляется смерти и при этом остается живым. Этот же смысл нам несет евангельский эпизод, где Спаситель возносится на Небо с Плотью, откушав до этого рыбу и хлеб.

В чем именно образ этого «нет». Всякая деятельность не должна отвлекать внимание от Творца. Обладание опытом владения материей служит как раз этому и только это качеству бытия, а именно обуславливает возможность быть в единстве с Творцом. Это есть самое правильное определение совершенству, чем мотивируется эволюционное становление к совершенству. Само по себе богообщение очень разноплановое по природе, имеет бесконечное множество образов-граней. То есть акцентироваться на чем-то одном в

ущерб всему остальному нельзя. Поэтому и научный прогресс нельзя ставить только в одном виде служения. Перед нами разнообразие реализации его в общении личностей. 1122

Человек способен совершенствоваться и совершенствовать мир вокруг себя только в одном случае, если он аскетизмом и богообщением хранит в себе младенца. Научный прогресс, как возможность владеть энергией, способствует этой возможности оставаться младенцем. Да, человек остается ребенком, не искушенным, но именно это качество нужно Творцу. Не знания и не опыт, а именно детское отношение к Нему.

После этого, в третьей части, мы постепенно перейдем к обсуждению материала, более адаптированного к нашим уже современным реалиям. Ведь ныне, в связи с новыми открытиями в науке, стоят несколько иные задачи перед людьми, а потому свидетельствовать о человеке, о его верном пути ко спасению приходится совсем иначе, к примеру, в космонавтике, видеть верные пути освоения коей значимо в пределах возможностей уже всего человечества. Хотя бы по той причине, что один искусственный спутник Земли ныне стоит астрономических сумм денег, а что уж говорить о целом направлении космических исследований. Ведь важно не знание того, есть ли вода на спутнике Юпитера, а владение энергией, ибо только энергия несет в себе прибыль всего.

Работа выглядит несколько сумбурной, но что сделаешь,

если так устроен мир, в котором управляемый хаос свидетельствует о Творце. Просто порядок заложенный в хаосе может быть распознанным только в промежутках времени не сопоставимых с возможностями человека. Хаос Точно также надо сказать о сложности изложения данного материала в том, что каждая философская и научная доктрина имеет свою актуальность как истина только в определённых функциональных пределах. Мыслителей множество и трагедия в том, что при попытке объединить их, сделать одним целым учением, что весьма важно, люди идут ложными путями. Вместо того, чтобы искать что-то одно естественно общее им всем и, распознав его, говорить об этом единстве именно в этом общем посредством понятийного языка данного мыслителя, почему-то пытаются своими умозаключениями низложить этот порядок вещей, затмить, сделать единым в противоестественных природе единства в иных гранях природы. Создаются даже теории, которые искусственно «натягивают» это единство. Тем самым нарушаются дозволенные естественные границы, в пределах коих эти теории имеют истинное значение, а потому активируются противоестественные природе Вселенной напряжения. Почему-то ученые пытаются применить истинное высказывание там, где оно уже становится ложным. Представьте себе этот титанический труд, в коем надо ставить все на свое естественное место для верного исповедования Истины. Лучше тогда вообще сказать, что Бог вообще не познаваем – это будет вернее и честнее.

Лучом света в темном царстве становится Алексей Федорович Лосев. Он в своих работах идёт иным путём, причем единственно правильным – он находит то, что является общим для всех научных доктрин (ведь в пределах этого общего разыгрывается весь этот сюжет истории мироздания) и, сформировав свой набор инструментов, понятный для всех (и для простолюдинов, и для учёных с узкой специализацией понятийного языка), изъясняет проведённые важные исследования, в коих мы видим видовые усложнения одного и того же общего для всего. Тем самым нам ясна суть вещей, а именно их особенно сложенный уникальный путь усложнения общего в развитии до частного. Таким образом, уже в то тяжёлое для православной Руси время, он, непокорный греху и его ереси монах на понятийном языке науки начинает свидетельствовать о Боге. Нужно с уверенностью сказать, что о. Андроник (Лосев) более фундаментально обозначил целое направление в науке, а точнее учение об общем для всех наук. Он смог на языке теории соединить в нашем мировосприятии Божественное и мир в том его состоянии, в коем пребывает оный после грехопадения, его «... крайних пределов тварного, областей наиболее удаленных от Бога...». Так как жизнь утверждена Богом, то без Божественной полноты в прообразе Его невозможна. Следовательно, жизненно востребованным остается свидетельствовать о Боге теперь уже и в новых критериях, естественных для крайних пределов нашего падения, а именно в критериях логи-

ческого обоснования математическим анализом. Это тоже неотъемлемая, очень значимая часть нашей жизни, которую надо защищать. Просто этот участок границы Родины самый слабый и уязвимый для вторжения сил бездны в жизненное пространство человека. Ведь только через эту нишу нашей жизненной Вселенной постоянно происходит проникновение зловещих сил. Потому неизбежно пребывая в борении с силами смерти, многие мыслители по любви своей к человечеству выходили на эту тропу сражений как в античности, как во времена Средневековья, так и теперь уже выходим мы православные в эти сложные времена.

Ч.1-1 Кто есть человек. Слово «экстаз» в переводе с древних языков означает «выход из своей сущности». Человек не может идти туда, где ему плохо, как и вообще все вокруг идет туда, где ему естественно быть. Так вот все в этом мире служит лишь тому, чтобы человек, пребывающий в нем, был постоянно вне своей сущности, вне себя. Экстаз – это другое имя состоянию торжества над собой, ибо только в торжестве духа над телом радость бытия. Природа экстаза – это выход из себя. Ради этого бытия человека в счастье Бог заповедал трудиться в поте лица. Не ради наказания, а ради того, чтобы человек остался во Царствии Небесном, неся в себе природу с печатью греха. Бог посылает всякое нам, чтобы как бы выгнать нас из самих же себя и, чтобы мы приблизились к Нему, чтобы мы продолжали жить в этом торжестве, в экстазе. Ибо теперь, чтобы видеть белое, появилась

потребность иметь представление о черном. То есть тяжести бытия нам даны только как посредство, для того, чтобы мы лучше видели радости Царствия Небесного. Но сам по себе экстаз – это не самоцель, как у практикующих Нирвану, а лишь структура-инструмент, опосредовано коего человек пребывает в богообщении. Такова же суть молитвы. Все вокруг имеет прообраз Богородицы. Даже сама смерть наша – это тот же самый экстаз, последняя земная реалья того, что молитвенник делал каждый день во время трудов или скорбей – тот же самый выход из самого себя.

Человек счастья не может усидеть на месте – он постоянно бежит к тем, кто этим счастьем не обладает, испытывает потребность в том, чтобы помочь им также обрести торжество над смертью. Не может он быть счастлив, когда рядом несчастье. Настоящий воин не может не быть несчастным, ибо победа всегда несет в себе одну лишь цель – поделиться радостью. Если победитель радостью не делится или не обладает, то это не победа, а начало поражения.

Материя и счастье имеют схожесть в одном – они стремятся туда, где оных нет. Таким образом мы можем предположить о том, что счастье и материя – это разные реалии одного и того Бытия, которому свойственно наступать на небытие. Жизни свойственно наступать на смерть, отвоевывать у нее новые пространства. Только счастье является бытием.

Но дело то все в том, что материальный мир вышел из Царствия Небесного вместе с человеком. Бог за первород-

ный грех низверг из Рая не только человека, но и Землю с ее материальным естеством. А потому этому миру вокруг естественно быть только во Царствии Небесном, то есть именно так, как это было в первозданном виде. Ну, казалось бы, душа идет во Царствие Небесное после смерти тела, сотворив многие подвиги благочестия и дела благие. Ну и какое к этому имеет отношение материальный мир? Если бы мир матери к этому никакого отношения не имел, то Творец забирал бы души людей, еще в самом раннем младенчестве, ведь грехов у них еще нет. Но нет ведь, он дает человеку годы и десятилетия жизни. Счастье человека вечное и, казалось бы, соверши подвиг аскезы, замори себя во Имя Божье и все – вот Оно Царствие Небесное. Это самый прямой путь к Богу. Причем самый быстрый. Но «нет» говорит Бог прп. Серафиму Саровскому и требует, чтобы он из затвора вышел к людям. Полнота образа Божьего, вне коей невозможно спасение. Бог не принимает то, что не подобно Ему. Все, что не подобно Ему, не может войти в общение с Ним, как с личностью с Личностью. То есть делиться своим счастьем богообщения – это означает быть в земных реалиях немного дольше. Торможение движения к Богу заключено именно в этом. И вот, благодаря нам, еще один человек обрел радость бытия и теперь надо вновь с кем-то делиться, чтобы бытие земное опять стало более вечным. Сам Спаситель взял на Себя все грехи мира, привязав к Себе радостью Духа Святого. Он вошел в мир как человек и Его теперь бытие земное для нас

вечно. Он поднялся на Небо с плотью. Человек же поднимает даже материю, формируя противоречие двух дополняющих друг друга реалий в прообразе экстаза, в прообразе выхода из себя. Точнее в прообразе змея-искусителя, образ который обрело человечество после общения с ним. Человек идет во Царствие Небесное, а хвост его тянется за ним и благодаря хвосту голова может совершать это движение вперед. Он отталкивается хвостом, чтобы голова перемещалась вперед. В этом же прообразе мы влечем за собой материальный мир. Чем массивнее этот хвост, тем медленнее наше движение к подобию Творца. В этом прообразе материя соучаствует в богообщении тем, что позволяет человеку беречь мир душевный в моменты богообщения. Не стяжать спокойствие духа, а беречь то, что было заложено во Царствии Небесном до грехопадения⁷⁷⁷⁻⁰⁶⁻⁰⁶. Общаясь со змием, человек нарушил порядок, ибо он общался с тварью так же как с Богом, то есть поставил тварь на одну полку с Богом в своем уме, но в самом образе змия человечество образ Божий не утратило, ибо нет покушения на связь с Ним даже в таком образе и потому есть перспектива становления до Его образа. Что и произошло и происходит в процессе эволюции. Змей так и остался в нас, то есть мы его носим в себе с тех давних времен. То есть материальный мир следует за человеком в вечность, что и породило все то, что мы называем научным прогрессом. Благодаря этому человечество имеет возможность стать вечным в земных реалиях.

Всякое противоречие мы рассматриваем как взаимно дополняющие друг друга грани и противоположности эти, на самом деле, как части одного единого целого, имеют только одну тенденцию – тенденцию движения данной реалии к совершенству, свойственному Абсолюту бытия. Противоречия заложены именно этим движением к Абсолюту. Именно в этом же прообраз экстаза, в коем одно следует за другим. Человек, как бы соотносит этому все окружающее бытие, соединяет собой бездну и Царствие Небесное и в торжестве одного над другим безмерно счастлив единством того и другого. Мир через него, через человека устремляется в естественное для себя состояние, в коем он был до грехопадения. Таков образ богообщения. Теперь рассмотрим самые различные вариации этого суждения, в коем вне единства противоположностей нет подобия Творцу и потому Оный не слышит молитву.

Ч.1-2. Бытие в Раю радостью – это иное имя жизни. Бог так устроил для нашего же блага, чтобы мы оставались насельниками Царствия Небесного. С помощью малых ядов мы убивали бы в себе то, что не от Бога, уводящее от радости Его Царствия. Бог непобедим и не сокрушим ничем, а потому Его творение в прообразе Его, в пределах той же степени подобия Ему, обладает тем же качеством – в пределах степени своего богоподобия оное ничем несокруσιμο. Исходя из этого свойства, яд сам по себе не губителен, но в малых количествах губителен для паразитов (бес тоже

жизнь, творение Его) и действует как исцеляющее. К примеру, за всю свою жизнь мы должны съесть смертельную дозу яда (пищевой соли в несколько тон), но если растянуть его потребление, то жизнь утверждается. Также при жаре в 120 градусов жить невозможно, но 5-10 минут бани действует как исцеляющее. Жить в ледяной воде проруби невозможно, но 10-15 секунд действует как исцеляющее. Змеиный, пчелиный яд, лекарства есть невозможно, но чуть-чуть в допустимых пределах – действует как исцеляющее. Голод убивает людей, но в малых дозах действует как исцеляющее. Физический труд может убить человека, но в пределах допустимых действует как исцеляющее. Вся наша жизнь в испытаниях ядами для искупления первородного греха, ибо это есть условие соблюдения образа экстаза. Это есть условие бытия во Царствии Небесном, в Коем мы, как неуничтожимая реалитя, пребывали уже бы при жизни земной, а сама неизбежность, то есть физическая смерть ничего не решала для вечности нашей души, для её жизни вечной Царствия Небесного. От того, что тебе дал Бог нельзя бежать и невозможно. Ибо трудностью мы убиваем в себе то, что слабо и не от источника всех радостей – не от Бога. А без радости нет жиюго – это есть грех. Но так говорить нельзя. Установка в данном виде – лишь некая точка созерцания, согласно коей мир сей призван быть ядом для инородной жизни в человеке. Это односторонний взгляд, адаптированный к востребованному данному стечению обстоятельств. На самом же деле человек

призван в поте лица преобразить Вселенную и соделать её чашей радости Божественной, наполненной до краев Духом Святым. И вот это качество жизни – бытие в процессе постоянного возделывания окружающего мира до Образа Чаши для Божьего присутствия, Его Святого Духа – есть норма бытия людей?????. И если человек не живет в этом замысле Творца, не преобразует Вселенную, то Вселенная становится ядом, убивающим все то, что мешает человеку быть образом и подобием Богу. Можно было сразу сказать о порядке вещей, который положен в основу всего – радостью творение радости – но, мне нужно сделать акцент на самом образе мышления, ибо это есть также одна из граней природы человека, которая также должна утверждать счастье и как бытие, нуждается в исповеди о Творце. В частном случае, для некоторых операций анализа можно допускать такие вот определения, но только в пределах общего плана замысла Бога о человеке, в пределах дозволенных Богом участия его в Предвечном Совете Самой Святой Троицы.

Ч.1-1. Русский жаждет быть там, где душе хорошо. Это значит, что ему привычно соединять в себе крайности. Это тоже в прообразе экстаза, при котором на одной чаше весов груз тяжелого бремени, а на другой радость Царствия Небесного. В сильном контрасте высокая степень переживаемого экстаза??????. То есть все лишения и стеснения свобод востребованы душевным счастьем, а потому русский пойдёт по своей воле вслед за этими отшельниками-монахами. Они

наш путь и они нам дают образ всей полноты мировосприятия, и они ведают о том, как идти тернистыми дорогами не надрывая свою природу, но понуждая её бережливой постепенностью. Радость имеет много условий своего бытия, при коих никак нельзя стоять на месте, и в то же время переборщить в движении с нагрузкой тоже нельзя. Ведь дело совсем в ином. Эти люди довели себя до такого аскетизма не усилием воли, а стремлением усилить постоянную радость в душе более сильным единением с Богом. Человек, достигший результатов силой воли и духа, становится злым и надменным и утверждает бытие тем же, ему естественно быть тираном, ибо смотрит на мир через самого себя. Не смотря на самые выдающиеся успехи, это есть грех и в Православии называется язычеством. Страшно то, что этой победой усилием воли произошло утверждение своей правоты. Этим трагедия усугубилась, ибо победа стала началом, первым звонком грядущего поражения. Если есть чистая радость (а чистая радость имеет место быть только при чистоте духовной, ибо такова реальность естества Нирваны), то само её присутствие медленно и уверенно выталкивает человека на поверхность к Солнцу, без усилий и без напряжений мышц. Воздушный шарик, наполненный воздухом всплывает на поверхность благодаря естеству своей природы, а не усилием мышц и энергозатратам. Будьте как дети. Именно храня в себе образ и подобие беззащитному ребенку, формировался человек в эволюции, без всяких там сильных копыт, рогов

и пасти и т.д. Чистота духовная также является словом богообщения, которое слышит Творец. Пусть в нем нет полноты присутствия всей динамики, но Бог принимает и такую жертву. Поэтому природа держится за этот образ и следует за ним и через него к Богу. Поэтому нам люди высокого подвига нужны для того, чтобы подсказывать нам верную дорогу по тернистому пути восхождения без усилия воли. Нужен тот, кто благодаря чистоте прошёл по этой дороге и не ошибся, не порвал свое естество усилием или переусердием и, в то же время, в меру сил понуждал себя в восхождении. Также как далеко не всякий спортсмен может пройти свой спортивный путь, не оказавшись инвалидом до конца дней. Просто сам по себе экстаз молитв и духовного торжества затмевает чувственную природу и человек не замечает того предела своих возможностей, в забвении невольно преодолев который он начинает себе вредить и становится инвалидом. Своего коня можно загнать до смерти. Сам факт, что он смог дожить до этих дней и счастлив в полноте – для нас это есть свидетельство, что перед нами святыня-путеводитель, которую надо беречь для следования за ним. В радости о Боге всякая самая тяжелая нагрузка становится не замечаемой частью физиологического процесса, также как дыхание, пищеварение и так далее. А без радости, даже мизерные нагрузки за письменным столом становятся тяжелой травмой психики, от которой нужно восстанавливаться, давать ране зарубцеваться. Вот что особенно ценно нам. Итак,

мною выражены некоторые образы-границы богообщения. Это важно для изложения остального материала.

Следует сказать о том, что после всех наших исканий мы должны будем прийти к выводу, что **настоящий воин мечтает принять схиму**. Это критерий, благодаря которому, мы имеем право утверждать о том, что наши суждения были верны.

Для автора. Подстрочные ????? подчеркивают мысль, которая как-то должна быть сопряженной с другими мыслями этого тома. Сопряжение должно произойти посредством цифрового кода. Я это оставил на более позднее время работы с текстами. Какие цифры будут стоять мне пока затруднительно говорить.

1.0.Фундамент эволюции. Начальные установки ^{см.ссылку306}

Для чего написана эта книга? В данной ситуации востребована философия, которая могла бы выразить новое, как хорошо забытое старое, на новом ясном современном языке понятий. Необходимо сформировать в новой форме старые постулаты устройства государственности и общественной безопасности. Знание – это сфера свидетельства о Божественном, также как Закон, ведь каждому из нас надо принимать мир не только интуицией, но и разумением. К примеру, если в нашем уме нет ясного представления о предстоящем, если нет плана то мы не можем ни творить, ни идти, ни возделывать. Закон, если не помогает жить, то он меша-

ет и его нет для нас. (Только имеющий духовный опыт победы в борении с силами бездны видят путь и могут идти против логики вещей). Сначала, мы все осмысливаем, а потому только приступаем к творчеству. То есть мышление остается востребованной составной частью полноты жизни в Божественном триединстве закон-идея-творчество и выкидывать из этого триединства осмысление, как и вообще любую из них, никак нельзя. Правильно мыслить Бога – спасение для человека и мыслить человек может только о Боге, ибо нет более ничего в этом бытии, кроме Него. Мыслить Его, чтобы сказать Ему слово и услышать от Него слово. Именно по этой причине, возникла и будет всегда возникать потребность к осмыслению Божественного, ведь, чтобы идти к Нему, надо пытаться давать определения о Нем в контексте любой ситуации, в которой мы оказались и ищем Истину. Человечество зародилось не сто лет назад и даже не тысячу. Это миллионы лет мотивированного контрастом Ему постепенного становления, а потому отвергать опыт прошлого, как несовершенное и отжившее нельзя. Ибо то, благодаря чему жизнь зародилась, благодаря этому она продолжает свое бытие всегда. Иными словами, сама её суть остается незыблемой и довлеет над нами, и подчиняет нас своим законам, и по этим же законам мир будет жить вечно. Человек – это счастье и внутренняя духовная радость, а не хорошие бытовые условия. Есть радость, то и пещера становится раем.

Изложение материала лучше начать с обсуждения вопро-

сов, которые перед людьми всегда стояли и будут стоять извечно. И один из самых главных задается о том, как победить смерть? Ответив на него, мы получим еще один критерий-схему богообщения, в который должна вписываться любая научная доктрина, если она несет в себе Истину. То есть мы сможем торжество жизни над смертью выразить с помощью научных понятийных языковых систем современности и это будет Истиной для любой научной доктрины. Это всегда несет желанную радость и все ей сопутствующее.

Надо сказать, что ответы на них всегда исходят из самого понимания о мире. Само по себе мировосприятие людей ориентировано двояко в зависимости от выбора точки позиционирования при созерцании мира: либо на идеализм, то есть с верой в существование в Творца-Бога; либо на отрицание высших сил – атеизм. В принципе, надо сразу сказать, что одно другим не исключается вовсе. Если идеализм исповедует Первопричину всего, то атеизм – это уже то, что относится к полноте, столь нужной для присутствия Первопричины в данных реалиях бытия. Оба мировосприятия по своему правдиво раскрывают произошедшее и дополняют друг друга в бытии. Ведь в противном случае атеистическая точка зрения даже не возникла бы в реальности, так как то, что не востребовано не способно проявиться. Это значит, что они, хотя и не равнозначны, но друг друга только лишь дополняют, ибо раскрывают разные грани Истины. Тогда мы конкретизируем проблему и упростим вопрос, что из этих образов

мировосприятия общее, а что есть частный случай от этого общего? Ведь, в конечном счете, перед нами именно так стоит задача: или мир состоит из хаоса, а потому богов люди создали себе для удобства, или Бог создал мир, порядок и людей в нём. И тут, в определении об Истине, сразу надо поставить все на свое законное место. Ведь Истина – это не нечто безличное и не определенное, и аморфное. Истина – это всегда живое, это Личность. Когда мы ищем Истину, то мы пытаемся разглядеть свое отражение в той реалии, в которой осуществляем этот поиск. Мы ищем Личность и характерные личностные черты. Путник встретил на своей дороге упавшего в глубокую яму. Он нашел длинную палку и подал один ее конец в яму. Один спасает жизнь другого. Вот это Истина. Современная наука же позиционирует себя иначе. Ученые привязываются к иной точке мировосприятия – к самой палке. Один тянет на себя, а другой на себя. «Кому принадлежит палка?» – задают они вопрос. И вот тут начинается полемика в поиске Истины. Одни говорят, что палка принадлежит тому, кто ее нашел. Другие – тому, для кого он ее искал. Третьи – ее надо разделить соответствующим образом. Четвертые – утверждают о том, что все эти формы мышления остаются разными гранями Истины в самых разнообразных сферах. Пятые – палка высшая истина, раз из-за неё столько полемики. Гитлер утверждал, что война – это и есть жизнь. Сам факт, что каждый тянет на себя палку – есть норма бытия, в коем выживает сильнейший. И так далее. Но

ни один из них не скажет о том, что идет акт спасения в процессе общения двух личностей. Один вытаскивает другого из беды. Ищут там Истину, где оной быть не может в природе вещей. Если мысль не утверждает живое, то истинным она быть не может. В противном случае, все теряет всякий смысл. Истина – это есть сам жизнь. Противостояние происходит всегда только в одном срезе между жизнью и смертью. То есть в результате победы, должно установится торжество жизни над смертью, то есть не должно быть погибших. Следовательно, победа в противостоянии всегда принадлежит всем и побежденному в первую же очередь. Победа, как торжество живого, не имеет границ. Вот почему живое – это когда один спасает другого, вытаскивает его из беды. Это когда один тащит другого ослабленного к Богу, к совершенству, к радости бытия, к силе. Такова природа Истины в земных реалиях. Вне этого ничего в природе вещей нет и не существует. В этом же любовь Божья, образ коей мы здесь утверждаем. В этом же межличностные отношения в образе всей Вселенной^{111-11-1.1}.

Все во Вселенной заточено только под одно и то же – под межличностные отношения. Все остальное вокруг – это то, что связывает нас между собой и Богом, благодаря чему мы являем основное свойство жизни – возрастаем до Божественного совершенства во всем. Это есть стимул и мотивирующий фактор всех форм эволюции.

1.0.-1. Во всем содержании труда, чтобы верно понимать

о порядке, мы постоянно будем обсуждать один и тот же вопрос: «Что такое хаос?» Востребовано верным выражением Истины постоянно менять ракурсы обозрения, что и будет делаться по ходу изложения темы, но неизменным останется только сам вопрос о соотношении хаоса и порядка.

Итак, что такое хаос? При поиске ответа на этот вопрос всякий из нас сталкивается с противоречием, в котором ясно одно, что хаос остается хаосом только в нашей ограниченной в возможностях чувственной природе. Если мы что-то воспринимаем, то уже сам этот факт возможности воспринимать реальность, свидетельствует об одном – никакого хаоса нет, ибо, исходя из приведенного нами (в этой книге) определения о природе познания, все распознается только в контрасте, который в нашем случае звучит как единство крайностей порядок-хаос или пустота-хаос. Любое проявление хаоса становится зримо лишь посредством сильного ограничения, свойственной всякой воспаленной чувственной природе, его (ограничения) абсолютной ничтожности. Мы не видим подобия Богу и самим себе. Божественный порядок опосредовано греховного воспаления как порядок не распознается в виду несоизмеримости, но распознается оный только в виде составляющей порядка – в виде хаоса. Дело в том, что природа человека ограничена грехом. Но, несмотря на это, остается той же, в какой она была в замысле Божьем, она не изменилась. Изменилось только положение человека на карте Вселенной, он перестал быть там, где ограничение

природы становится достоинством. И, так как утратило естественное для себя, то стало недостатком. Противоестественное положение человека во Вселенной соделало его слабым. Потому появилась плоть, без которой жизнь души в данной реалии невозможна. Ведь, если в пределах этого ограничения оказывается центр Бытия, в коем стянуты все нити мира во едино – в этих границах ограничения все нити мира пересекаются, то мир весь оказывается познанным даже такой немощной ограничением природой. Ограниченность природы не чувствуется, в этом случае ее даже нет. Нет слабости и человек всемогущ. Кстати, сие есть один из смыслов Колеса Велеса. Ограничение перестает быть достоинством и становится пороком, когда разум изменяет своему непосредственному предназначению и своему месту в бытии, когда теряет центр всех пересечений. С этого момента уму приходится познавать мир простым перечислением попавшего в поле зрения фактического материала и иметь «опыт сын ошибок трудных». А так как порядок не освидетельствуется, так как мы не понимаем смысла множественных взаимодействий, то и явлен Божественный порядок всегда отсутствием порядка или чувственной пустотой. Она, хотя есть неотъемлемая часть хаоса, но все же именно пустота в контрасте пустота-хаос есть начало всякого порядка³⁴³. Пустота имеет влияние свойственной себе реальностью, обыкновенным отсутствием всякого порождения греха. Этим безгрешным влиянием обусловлены возможности выражения свойств пу-

стоты в реалии хаоса. Почему? Потому, что действует закон пустоты: всё стремится к прообразу пустоты, а именно к абсолютной лимитированности её, к меньшему внутреннему противоречию, ведь в пустоте противоречий вообще нет и она абсолютно лимитирована. А это возможно либо только в пустоте, либо только в порядке Богом откровенной структуры, в коей одно другому не противоречит, но гармонично дополняет (это по определению о Божественном) и выражает. Чего-то третьего не дано, а потому мир состоит либо из пустоты, либо из материи, как несущей в себе структуру. Не столкновение в противопоставлении, а действенная цельная связь, в коей передается информация и энергия между связанными между собой дополняющимися противоположностями.

Всякое взаимодействие имеет двойственное значение. Единство – это свойство Божественное, тогда всякое совпадение – это специфически сложившийся прообраз этого единства, который вершится только в естественной для единства сфере Божественного бытия и потому уже есть первый элемент порядка, оказавшийся в поле зрения. Также следует напомнить о том, что хаос воспринимается нами хаосом только в одном случае. Когда природа познания сильно ограничена. Хаос нам не понятен, ибо, как структурный порядок, он воспринимается только с позиции Божественного. А то, что нам не понятно, то воспринимается пустотой. Всякое развитие или движение всегда оказывается в пределах

Замысла Божьего и всегда будет обусловлено влиянием пустоты, то есть влиянием простого отсутствия всякого греха.

Поэтому, с одной стороны, взаимодействие – это свидетельство об единстве взаимодействующих сторон. Просто это единство созерцается разумом вне контекста всей совокупности мироздания, а потому воспринимается не так явно, как хотелось бы. А с другой стороны, взаимодействие – это есть проявление противоречий. В нем неизбежно имеет место быть стремление свести эти противоречия на нет, то есть стремление противоречия к пустоте их, к взаимной нейтрализации^{111-11-1,1} во время взаимодействия – стремление к отсутствию напряжения^{111-11-1,1}. То есть, с одной стороны, частица неуничтожима, а с другой стороны она стремится исчезнуть из протиестественной ей и нам греховной реальности, то есть стать Божественным порядком, наиболее максимально выразить единство, несущим образ этой пустоты. Весь мир един не сам по себе, а только в Боге и через Бога¹¹¹⁻¹¹⁻⁶, а потому всякое взаимодействие по сути есть совпадение – есть уникально сложившееся, специфическое выражение этого единства или свидетельство о Нем. Так возникает череда счастливых случайностей или точных совпадений, как первые оттенки структуры, выражающей свойства и пустоты, и хаоса одновременно в одном, ибо подобное рождает только свое подобие обоюдно. Просто это два состояния бытия. Первое – движение к Нему, порождающее противоречия^(111-11-1,1). Второе – это уже бытие в Нем, когда цель

достигнута и потому нет противоречий, порождаемых движением к Богу. Пустота рождает счастливые случайности, как единство через Бога, то есть через естественную радость быть единым в Нем, в Его Райских Обителях, как естественное подобие самоё себя, в коих противоречия минимизированы и становятся дополнением одного другим в структуре. К примеру, яблоко – это сонмище точных совпадений, образующих структуру. Так как яблочная клетчатка остается структурой, то она остается не видимой для органов распознавания вкуса. То есть, если органами вкусовых чувствительных центров вкус не воспринимается, то его нет, ибо надо сначала разрушить клетчатку-структуру, из коей потечет яблочный сок. Если мы возьмем клетчатку в первородной цельности, то не познаем вкуса^{777-07-07.3}. То есть, с одной стороны, если есть противоречие, то будет распознаваемое нами движение. А с другой стороны, если противоречия исчерпаны и становятся взаимным дополнением в структуре, то как движение уже не распознается. С одной стороны, Божественный порядок может быть распознаваемым только в бесконечности, а с другой стороны, так как Его Тело цельно, то остается не видимым еще и по этой причине – по причине замкнутости цельности и единства.

Итак, если дать определение порядку, то мы увидим, что порядок – это зеркальное отражение пустоты в пределах возможности хаоса свидетельствовать о пустоте самим собой и при этом, не нарушая свои законы – законы хаоса (я бы до-

бавил стоицизма). Точнее, следует сказать, что зеркальное отражение пустоты в хаосе имеет два значения: абсолютная разрозненность частиц и порядок их построения, в котором нет противоречия, отсутствие которого свойственно пустоте. Что такое хаос, мы не знаем, но даже если сказать, что хаос – это разрозненные ничем не связанные частицы, то все равно общим для них будет трёхмерное пространство, которое связывает и пустоту, и частицы в нем. Мы видим в пустоте свой образ, мы видим структурность пустоты – трехмерность ее **777-01-3**. Именно в пределах этого порядка, в пределах отсутствия противоречия в чистом виде **777-03-2** (Точка несет в себе первый элемент противоречия, а именно его первопринцип выражения в бытии, который раскрывается во всеобъемлющей полноте во множественных процессах эволюционного развития Вселенной. То есть речь идет о первопринципе первоэлемента сочетания порядка и противоречия в одном **777-01-1.3**) мы видим Творца или замечаем Его через то, что инородно Ему и себе. Вне пространства нам даже подумать невозможно. Получается, что пустота и частица, если рассматривать в срезе отсутствия противоречий – это одно и то же только в разных инобытийных сферах. Ибо в пустоте и в порядке есть, с одной стороны, единящее их общее, а с другой есть то, благодаря чему они подобны друг другу – нет противоречия, нет противостояния **777-01-1.4**. А потому они взаимно сопряжены, дополняют друг друга в сопряжении, пребывая в процесс движения к Абсолюту бытия. Про-

сто вне этого процесса ничего не существует^{777-01-1.5}. Именно по этой причине всякий хаос стремится уподобиться тому, в чем он пребывает – пустоте. Именно по этой причине хаос структурируется, упорядочивается и он есть всегда порядок, не смотря на свою хаотичность. Ибо сам факт того, что мы его, хаос, распознаем как реальность, свидетельствует о том, что хаос – это порядок, который распознается во временных промежутках или с расстояний не сопоставимых с природной возможностью человека, оказавшегося отдаленным от Творца⁴⁴⁷. Порядок в хаосе есть всегда и виден человеку, если он пребывает в соответствии с Замыслом Бога на естественном для себя Месте – в богообщении рядом с Ним. Иными словами, инобытие, в его абсолюте, человеку помыслить возможно, а зреть чувственно нет, ибо чувственно узнаем его только через отделенное родство ему и родственное самим себе. То есть мыслим мы о нём только через то, что имеет хоть какую-то природную близость нам, живым. Мы мыслим о свойствах инобытия через все, оказавшееся в поле нашего зрения. Так как все имеет прообраз пустоты инобытия⁴³, то получается, что мы, как живые физические существа, видеть можем только живое в межличностных отношениях, которое явлено нам физической пустотой¹ и только через природное подобие ей – грани живого и такие его реалии как пространство в чистом виде, постоянство, устойчивость, единство и неизменность пустоты – некоторые

из них, из проявлений небытия⁴³. В принципе всеми этими качествами обладает любая микрона бытия, а потому сам факт того, что мы чувственно распознаем реальность, говорит только об одном – мы чувствовать можем только физическую пустоту, как неотъемлемое свойство Творца, благодаря чему мы имеем радость быть в поступательной динамике движения к Богу, благодаря богообщению. Река течет в океан и, благодаря этому движению к большей полноводности, мы можем зреть стабильность зеркала водной глади, в коем отражается небосвод. Вот эта стабильность, неизменность в чистом виде и есть пустота, которая представлена нам пространством со структурой трехмерности. То есть в пределах этой пустоты происходит динамически активное богообщение – это уже иной вопрос, но в данном случае речь идет о распознавании Творца специфическими инструментами и только в сфере, имеющей ограничение в природных свойствах. Хочу сказать только одно, хотя имеет место быть ограничение, но без богообщения посредством данного набора свойств даже данная реальность иметь бытие не может. Это тоже уникально сложенная речь Богу. Просто через человека данная речь имеет не только формальное выражением, но и большую полноту и осознанную составляющую всеобъемлющности природы личности. Именно по этой причине мир служит Богу и говорит Ему славословие через человека или образом человека более полно. Поэтому, если человек утратил связь с Творцом, то для мира Вселенной он перестает

иметь значение и уходит в небытие уже при жизни. Он начинает противостоять окружающей действительности, благодаря чему некоторые мутации становятся полезными в борьбе за выживание.

Для дальнейших суждений, нужно акцентировать внимание на важном свойстве живого: живое наделено свойством возрастать⁴⁴⁷. Причем возрастание может идти только лишь в одном направлении в сторону Бога и до абсолютного совершенства в Боге, ибо чего-то иного нет в бытии. От простого к сложному, но так как подобное порождает только свое же подобие, то всякое усложнение происходит в пределах той самой изначальной абсолютной простоты, из которой возникла эта сложность. Абсолютной простотой всегда остается пустота, как носитель простоты в чистом виде (благодаря чему всякое самое сложное усложнение не выпадает из поля зрения, если человек позиционирует себя в естественном для себе я месте миропонимания). Таким образом, пустота остается составляющей любого явления. Но пустота в чистом виде есть носитель еще и устойчивости, ибо пустота абсолютно устойчива по определению, ибо не изменяется, благодаря чему бытие явления обусловлено устойчивостью, как свойством абсолютной простоты, породившем явление. Таким образом, возрастание – это первый признак живого и естественный процесс жизни, это еще одно имя образа Божьего.

Понятно, что даже пустое пространство, в котором мы

распознали в абсолюте своего проявления родственные нам оттенки живой личности, должно быть наделенным процессом живого внутреннего возрастания до Абсолюта, в противном случае, пустота перестает быть пустотой в данном образе ее проявления – не будет самого пространства с его трехмерностью⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻⁹.

В поле зрения воспаленной природы попадает только его же подобие. В нашем случае нас интересует только его конкретный оттенок – отсутствие порядка. Хотя следует сказать о том, что в самом естестве Царствия Небесного ничего не нарушилось. Изменилось только позиционирование человека во Вселенной – оно стало противоестественным. Благодаря этому мир перестал быть понятным и потому Божественный порядок воспринимается как хаос. Но, не смотря на воспаление³⁸⁷, природа остается творением Божественным. То есть порядок в пределах природы человека не инороден порядку Божественному – есть также проявление хаоса, в пределах которого возникает одна из разновидностей хаоса, частный случай его (на самом деле порядок, явленный в хаосе, может быть распознанным только в промежутках времени, не сопоставимых с возможностями воспаленной грехом человека). Понятный человеку порядок возникает на теле мирового бесконечного порядка Вселенной – порядок в удобоприемлемых пределах для распознавания его личностью, несущей в себе природу воспаленную грехом.

Каждая область бытия – это такая сфера, в которой Бо-

жественное представлено несколько уникально и специфически, со свойственной для природы каждой сфера своеобразием. Свою уникальную своеобразием описания Божественного имеет и порядок. Структура в пределах бесконечной Вселенной и структура ограниченного мира человека – это сфера порядка. Но также как порядок бесконечной Вселенной свидетельствует о пустоте греха, также и наш порядок (в удобоприемлемых пределах для личности, несущей в себе природу воспаленную грехом) несет в себе свидетельство о Божественном в том же образе и в той же свойственной для него манере – той же пустотой, то есть отсутствием греха, создающим противоречия. То есть исповедует о Нем тем, что противоречия в упорядоченной структуре сведены до некоторого минимума, до наибольшего подобия пустоте отсутствия противоречия. Иными словами, перед нами и хаос, и порядок. То есть упорядоченный хаос или порядок – некоторый частный случай хаоса, возможное стечение хаотичности, в пределах коей оформилось живое, в виде упорядоченности. Исходя из этого, нет смысла останавливаться на том, что не имеет значения для нас как относительно неживое, как разного рода проявления хаоса, ибо востребовано нам только знание о жизни.

1.0.-2. Структурный порядок несет в себе, с одной стороны, чисто формальное проявление хаоса (одно из бесконечного множества), а с другой стороны, печать постоянства в прообразе пустоты и сообразно своему прародителю, Нача-

ду начал, то есть сообразно точке. Точка, как Начало начал – это с одной стороны образ устойчивости, неизменности, неразрушимости, единства не исключающих, а дополняющих друг друга противоположностей, то есть прообраз всякого порядка. А с другой стороны, первопринцип, задающий образ отличия от пустоты, первый элемент хаоса и непостоянства. Ибо точка и пустота различны. Точка – это уже есть величина или степень отклонения от абсолютной пустоты, хотя и абсолютно малая. А ведь устойчивость, неизменность, неразрушимость, единство – это различные имена пустоты. То есть порядок – это просто иное имя пустоты на специфическом языке природы хаоса⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻⁷. Дело в том, что эти реалии живого (образы постоянства) в условиях природы хаоса соприродны хаосу и явлены только в сфере формальностей, то есть если формально инородны пустоте – они наделены временностью. Если бытие имеет форму, то мы его видим. А если формы нет, то и распознавания нет. Поэтому порядок возникает из ничего, то есть из хаоса. Подобное порождает только свое подобие, то есть пустота порождает пустоту только уже в специфических образах: постоянство, неизменность, устойчивость, единство. Словом, неразрушимость пустоты порождает все тоже самое, своё же подобие – неразрушимость, которая предстает перед нами во всяком порядке вещей в каждом витке усложняющегося развития, в движении от простого к сложному по спирали в единстве и борьбе противоположностей, при коем одно тянет за собой дру-

гое к Абсолюту совершенства – неразрушимость по отношению к разрушимости и ее множественным хаотичным воздействиям. В противном случае, если нет постоянства, единства и так далее, то это не попадает под определение о порядке – это не структура. Пустота своим специфическим влиянием стимулирует свое подобие, а именно отсутствие противоречий, которое возможно только в структурных порядках, ибо в порядке противоречия оказываются дополнениями друг друга. А это образы пустоты, возникающие в среде хаоса. Только пустота вызволяет из него, из хаоса, то есть призывает из небытия к бытию свое подобие. А потому всякая случайность – это грань пустоты, более отчетливо выделяющаяся для нашей возможности обозревать в хаосе Божественное, то есть порядок. С другой стороны, порядок со всеми обозначенными ранее его свойствами в то же время сопряжен хаосу, то есть временный. Почему? Потому, что порядок – это то, что обозревается в такой сфере бытия, как броуновское движение. Две частицы, столкнувшись между собой на мгновение становятся упорядоченной структурной системой, которая далека от всеобъемлющей полноты. Так как нет подобия Ему во всем остальном, составляющем полноту, то нет и подобия Ему в другом свойстве., «бросающимся в глаза» – в свойстве вечности. Структура тут же рассыпается, чтобы свидетельствовать о полноте и вечности Его в иных свойствах, которые зримо не раскрываются в столкновении. Мир стремится к большей полноте выражения Абсо-

люта, то есть Творца. Само присутствие Его обуславливает влияние лишь одной полярности, благодаря чему все вокруг развивается в возрастании⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻⁶. Из всего сказанного становится ясным одно, что возрастание, как другое имя жизни, возможно только в одном направлении – только к Богу. Но в специфике нашего понятийного языка (пустота-вещество) сие звучит иначе – к более сильному подобию пустоте, ибо в понятийном языке данной сферы бытия ничего иного абсолютного и более элементарного подобия Богу для вселенной нет и Сам Бог пребывает где-то в пределах пустоты. Хотя, надо сказать, что пустота имеет много иных имен (Благодать Божья, счастье и так далее), но это только ее иные имена, которые звучат в пределах озвученного (пустота-вещество). Наш понятийный язык с его какими-то иными именами природно не вписывается в сферу осмысления данной конкретной проблемы, ибо в пределах способности вести обоснование в данной ограниченной сфере свидетельства о Творце перед нами возникает только одно обобщающее абсолютно все вокруг имя специализированного языка – пустота. Очевидным образом сие нам раскрывается из примера с трамваем, который движется из пункта А в пункт Б. В пределах простого механического перемещения сокрыт бурлящий поток жизни внутри трамвая. Люди встречаются, общаются и наводят межличностные отношения. Но в поле зрения механики попадает только вот это примитивное движение из А в Б. То есть пустота – это очень грубый инструмент, с помощью

когого мы не видим конкретно Личности Бога и межличностные отношения в привычной полноте, зато видим Его через те Его свойства, которые неизбежно попали в поле зрения благодаря этому инструменту.

У Бога свойств и граней множество. Каждое имя Его характеризует уникальное сочетание этих свойств и граней. Систематизировать и говорить обо всех возможных сочетаниях, образующих какие-то уникальные имена не представляется возможным, так как их множество. Но есть смысл говорить о самом абсолютно элементарном, с коего все начало быть, чтобы видеть его множественные образы в вещах бесконечного мира. Речь идет о точке.

Все начало быть из точки и точка Начала начал несет в себе все составляющие. Во-первых, точка несет отличие от пустоты, она есть первый элементарный вектор перемены, семя измены небытия, хотя и самое элементарное. То есть мы уже здесь видим тот самый первопринцип, задающий соотношение порядок-хаос (пустота-точка, бытие-инобытие) в пределах коего осуществляется развитие сюжета становления Вселенной⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻¹¹. В хаосе заложена пружина самоорганизации, направляющая коей есть упорядочивающая пустота. То есть пустота специфично влияет на множественный хаос, принуждая его бытие к образу своего подобия, приводит хаос к самоорганизации. Он так и остается хаосом, но теперь уже в его бытии заметен порядок – просто это частный случай положения вещей. Мы зрим на пространство хаоса и

замечаем только то, что оказалось в области подобия нашему естеству – структурную упорядоченность, в коей противоречия становятся взаимными дополнениями. То есть мы как бы ногой пытаемся в этом болоте нащупать твердую кочку, только мозг это делает почти мгновенно и в его область анализа попадает бесконечно больше.

Проявление подобия пустоте также всегда многогранное, то есть имеет много имен и одно из них выражается в наибольшей крепости, а другое имя – в наибольшей текучести, а третье имя – в наибольшей легкости. Все три имени, как несущие в себе один и тот же прообраз – образ пустоты, как-то уживаются в одном одновременно. Чуть ниже по тексту я дам этому явлению новое имя – стеснение, благодаря коему мы созерцаем свойства пустоты или видим иные имена ее. Это нужно, ибо для ответа на иные вопросы возникнет необходимость выразить иные грани бытия. Таким образом, в данных суждениях мы ничего нового не нашли, но только сформировали новый наименее выразительный или наиболее костный специфичный понятийный язык свидетельства о Боге, сотворившем мир. Хотя, к сожалению, на нем разговаривает значительное число людей науки, но, несмотря на это, посредством наиболее общих определений (пустоты и хаоса), сформировали общий закон, в пределах которого должен работать и работает весь контент бесконечных дефиниций. Это есть научный анализ, начиная от ядерной физики и заканчивая законами общества. То есть должны быть гото-

вы к развитию событий только в этой сфере, то есть нельзя выходить за её пределы.

Новое определение о самом элементарном элементе бытия (о точке), о Начале всех начал, исходит из того, что мы можем созерцать. Если дать определение природе человека, то перед нами встает очевидное – природа человека двоичная⁴³. Но нам интересно теперь само соотношение двух составляющих нашу природу двоичности. Так как точка – это есть то, что оказалось в поле нашего обозрения, то, относительно всего остального пространства пустоты, она терпит развитие от небытия пустоты к бытию точки в образе взрыва. То есть природа постоянства и природа перемен соотносятся как бесконечно великое к бесконечно малому в том же прообразе, в каком соотносится абсолютная пустота к точке – в этом соотношении бесконечность отличий. Также пространство соотносится к точке. Также абсолютно общее соотносится к абсолютно частному, то есть Божественное ко всему тому, что стало нести в себе печать первородного греха Адама. В этом есть Лосевское «... становление синтезирует подвижной покой бытия единицы с принципом упорядочения, объединения, собирания инобытийных полаганий...» (§89 Диалектическая формула натурального ряда). Это важное замечание, ибо всякое эволюционное становление в инобытии точки всегда будет в пределах общего – в пределах влияния абсолютной пустоты, формируя интересные образы о себе постоянном .

Точка – это величина изменения пустоты или величина отличия от нее, в прообразе коего разворачивается рисунок видимого бытия. А так как радостью утверждается все, то бытие точки уже есть принцип осуществления контраста, как прообраз экстаза, в коем, повторяюсь, радостью утверждается бытие Вселенной. Если мы стоим на берегу реки, то видим течение вод только потому, что берег – постоянная точка отсчета. Иными словами, мы видим все вокруг только потому, что мир течет, то есть он есть отличие от постоянства, он не есть пустота перемен. Ведь даже самом нашем организме заложена эта двоичность.

Точка – это первопринцип структуры субординации, которая потом тождественно выразится в строении Вселенной и в превую очередь человека. В ней заложены две крайности единого, которое потом получит иное имя для отражения, подчеркивающее важную составляющую нашего бытия – двоичность или экстаз.

Эти общие определения важны для более ясного понимания природы человека. Мною потом уже будет раскрыто то, как это укладывается в природе людей. Итак, мы провели некоторые зарисовки общего плана. Так как это то, что было наиболее общим, то в пределах этого общего и в прообразе озвученных ранее элементарных процессов общего разворачивается весь этот сюжет истории становления Вселенной и человека в ней. Далее нам остается утверждать все сказанное ранее но только иными языками поня-

тий философии, а также точных наук и истории Руси.

1.0.-3.а) Повторюсь, мы не знаем что такое хаос. И даже если даем ему имя определения, то неизбежно наделяем его теми свойствами, о которых к этому моменту уже имеем представление – мы зрим его как живое существо и сами того не замечаем, что этим мы хаос наделяем предрасположенностью к возрастанию до совершенства Абсолюта. Ведь мы, являясь живыми, замечаем в хаосе только то, что нам родственно и подобно, имеет причастность к живому, а именно не его самого, а то, что он изображает – образ пустоты. Сам факт, что мы видим хаос, то уже этим обозначаем предрасположенность к развитию эволюционного становления в таком вот хаосе, в котором пустота оказывает свое организующее, структурирующее влияние на материю и материя оказывает влияние на пустоту. В этой границе-срезе разыгрывается весь сценарий истории Вселенной.

Подобное родит только свое подобие, а потому точка всегда будет тождественна всему тому, что из нее произошло в эволюционном становлении. Поэтому всякая случайность, как и любая неслучайность – взаимодействие, свидетельствующее только о Начале начал – о точке. Именно по этой причине, столкновение всегда будет иметь только прообраз Начала начал – только точку. Так как прообраз ее далек от первоначала абсолютной крайностью специфичности, а потому и образ самого взаимодействия абсолютно далек от вечности – оное всегда должно быть мгновенным. Это видим

мы в броуновском движении. Случайность всегда остается в пределах подобия точке и из этой сферы выпасть не может, как и не может выпасть из своего тождества ей. Случайность заявляет нам о некотором свойстве, которое выпало из привычно созерцаемого порядка вещей. Хотя сие есть случайность, но все равно, это еще одно свидетельство о полноте единства, но также в образе все того же Первоначала всего вокруг. Просто это такая речь Бога, законченный смысл которой распознается не сразу, как нам это привычно в повседневности, а с огромного расстояния или большого промежутка времени после многих своих повторений. Повторения делают явление доступным для анализа. В противном случае о случайности, как о явлении, говорить нельзя, ибо вне этого случайность не попадает ни под какое определение.

Также надо помнить, что всякое взаимодействие – взаимодействие двух реалей, связанных одним прошлым и потому они являются тождественными прошлому и друг другу родственными в любом случае. И потому взаимодействие, как проявление того самого изначального единства, происходит в той же самой сфере единения, в коей было все вокруг в момент Начала начал⁷⁷⁷⁻⁰²⁻¹.

Иначе, как инородные друг другу по происхождению, в никакое взаимодействие оные бы не вступили, как не подобные друг другу. Следовательно, всякое взаимодействие происходит между реалиями, вышедшими из одного и того же Начала начал и исповедует только об этой первопричи-

не всех явлений, хотя и воспринимается нами как счастливая случайность в хаосе множеств взаимодействий. Таким образом, мы созерцаем вокруг только свой же образ и подобие в межличностных отношениях с Богом, благодаря чему подобное взаимодействует только со своим же подобием по причине одного единого Начала начал. *Мы всегда имеем дело с точкой, в пределах формального образа которой разворачивается весь театр мироздания, но на более совершенном утонченно-нежном понятийном языке обыденных реалий. Личность Творца предстает перед нами в сфере материального мира как порядок, но своеобразно то в виде пустоты, то в виде точки, то в виде формы (окружности с радиусами ноль и бесконечность, и т.д.).* Так как мы видим окружающий мир вплоть до самых глубин космоса, то это говорит только о том, что все это было когда-то и остается до ныне точкой или одним Началом начал. Это первое. Второе, сам факт того, что мы наблюдаем за происходящим вокруг и можем вести какие-то суждения о происходящем в самых далеких уголках Вселенной, говорит об одном, что Начало начал – это сам человек 777-02-3. Из человека и через него вышла вся видимая Вселенная со множеством ее физических явлений. Это то самое первое явление контраста, в коем есть две крайности единого, о котором мы говорим, как о экстазе. Так как все вышло из одного Начала начал и так как Оно тогда уже было человеком, то естественным для человека остается то самое первое положение в Начале начал и

потому, только по этой причине, все вокруг нам родственное и только потому имеет сопряжение с нашим разумом посредством телесных органов чувств. Когда-то мы все были одним целым в ином проявлении природы Вселенной и все вышло вместе за нами из этого единого проявления природы, вышло следом за нами и в нашем образе (экстаза), как подобие нам. Ведь то, что нам не подобно в образе воспаления природы – все то выйти не могло из Того Бытия. Человек вытянул из того мира в эту сферу бытия то, что ему родственно по единому образу поражения природы и человек стал родителем всего вокруг в своем новом образе, несущем поражение природы – в образе червя или змия искусителя. (Позже мы увидим, как выражается образ змия даже в самой элементарной частице зримой вселенной). Просто чувственная природа поражена первородным грехом, а потому видит только то, что также имеет поражение первородным грехом, как свое же подобие. Поэтому физически зримая окружающая вселенная – это то, что оказалось в сфере постижения чувственной природы, пораженной первородным грехом. Первородный грех привнес в этот мир человек и потому мир этот несет в себе то, благодаря чему он как подобие видим ему – первородный грех человека. Человек, как образ Божий или как пребывающий в Теле Христовом, является Членом (в пределах дозволенного) Предвечного Совета Троицы, имел и имеет власть в этом плане как образ Его. И именно своим благим намерением или волеизволением

ем⁴⁴⁸ помимо Предвечного Совета родил эту видимую все-
ленную из самого себя. Как несущий образ Творца, создал ее
своим первородным грехом и теперь, по-прежнему остава-
ясь у истоков его (Начало начал), зрит мир сей посредством
его телесной чувственной природы, пораженной первород-
ным грехом и мыслит его. Если человек пытается пребывать
на Предвечном Совете посредством невозможного, а именно
посредством природы первородного греха, то мир предстает
перед ним хаосом и даже уходит из виду. Ибо, если созерцать
Вселенную через то, чего нет в естестве Божественного, то
мир предстает, как отсутствие всего реального. Отсутствие
порядка – это и есть иное определение хаоса. Если же чело-
век в единстве с Творцом в Замысле Предвечного Совета,
то наоборот, перед взором открываются пути богообщения и
во всем открывается божественная красота Вселенной. Два
в одном, при котором, с одной стороны Вселенная рождает-
ся человеком в сфере, в коей есть первородный грех и пред-
ставлена как часть хаоса. И с другой стороны, мир остается
в богообщении с Ним посредством человека и исповедует
о Нем, являя нам красоты мира, то есть представлена веч-
ностью. Так как человек родил мир своим волеизволением
вне Предвечного Совета, то он временный есть. Нет вечно-
сти в первородном грехе. Два в одном, то есть все же человек
рождает Вселенную для данной специфической сферы вре-
менного бытия, в которой мир исповедует о Боге в данной
специфике, свойственной для этой сферы греха. Мы видим

мир, как свое же подобие.

(07.01.00) Благодаря тому, что человек родил сию Вселенную, мы зрим эти далекие миры, как родственные нам, как наши детище. Теперь же человек познает мир, а именно самого же себя. Человек имеет возможность познавать только то, что он есть сам – он и есть этот мир. То есть своим же волеизволением человек пытается вернуть мир в прежнее состояние. Мы потом, ниже по тексту узнаем, что соединить и восстановить утраченное можно только на Голгофе Христовой и в многочисленных прообразах Её. Только на Голгофе Христовой отворяются Врата Царствия Небесного. И потому только на Голгофе зародилась жизнь и чтобы быть тем, чем была жизнь изначально, надо жить в том же прообразе, в коем зародилась жизнь, для чего необходимо уничтожить все то, что этому мешает – нужно идти на Голгофу. Поэтому бери свой Крест и восходи к вершине, тогда обретишь все остальное. Если возьмешь что-то иное, то потеряешь даже то, что имел. Повторюсь, Голгофа – это то Место Вселенной, в коем зародилось все живое на Земле. На Ней все начало быть и на Ней все закончится. Это схоже с каменными столбами у нас на Северном Урале, названными в народе Семь Братьев. Верхняя кромка вершин каменных изваяний когда-то в самом начале времен была поверхностью или частью огромного горного ландшафта. Воды, морозы и ветра сделали свое дело, разрушили то, что поддавалось разрушению и перед нами возникли каменные

столбы, но верхний край коих так и остался напоминанием о том времени самых первых моментов истории Земли. Вот почему Вершина вершин Голгофа Христова остается тем Местом, в котором соединяется Царствие Небесное и царство земное и возвращение-восхождение Христа на Эту Вершину становится неизбежным. И нам следует идти за Ним. Это еще один поперечный срез соотношения порядка и хаоса, открывающий нам иные тонкости окружающей реальности 777-07-7.3.

б) Броуновское движение имеет две составляющие, в которых частицы либо перемещаются, либо сталкиваются. Перемещение частиц свидетельствует о трехмерном пространстве активной пустоты, от которой исходит влияние. Столкновение – это взаимодействие. То, что частицы между собой взаимодействуют говорит о том, что они имеют что-то общее и родственное происхождение – происхождение из одного общего начала. Поэтому взаимодействие частиц между собой не может выпрыгнуть за грани себя и происходят именно в пределах природы этого начала, в пределах естества заложенного в каждой частице и остается образом и подобием начала начал. В каждом взаимодействии подчеркивается еще какая-то грань начала. Итак, даже если Творца нет и, как говорят материалисты, природа явления случайная, то сам факт того, что произошло взаимодействие, то это свидетельство о первопричине и как-то там в пределах свойств природных возможностей

будет выстраивать хоть и отдаленное, но свидетельство о начале – структурный порядок только в прообразе начала. Мы видим двоичность берег-река⁴³. Просто подобное порождает только свое же подобие.

Стр.571 112211 Присмотримся к самой пустоте внимательнее. Согласно диалектическому закону все пребывает в развитии от простого к сложному. Хорошо. Вот перед нами усложнение простоты в границах законов пустоты в данном явлении, попавшее в поле зрения нашей ограниченной возможностями природы. Хотя видимый спектр очень узенький, но это не означает, что все нами не видимое и представленное чувственной пустотой не существует. Хотя и предстает перед нами пустотой. То, что является простотой, оное по-прежнему вступает в активное взаимодействие, но в данных временных промежутках об этом взаимодействии нам ничего узнать. Чем абсолютнее простота, тем больший промежуток времени она требует, чтобы заявить о себе. О том, что в пустоте есть некоторая невидимая активность мы узнаем опосредовано только косвенных доказательств, да и то в одном лишь случае, если этих взаимодействий произошло не одно, а множество. Только на основе этого можно вести анализ. Чем абсолютнее простота, то заявление о ней в естественной нам реальности требует большего количества взаимодействий. Являясь насельниками невидимого Царствия Небесного (смотри111-01-1.1) мы видим только насельников Царствия Небес-

ного, которые также чувственно безвидны. Невидимый образ, хотя и созерцается нами как пустота телесными очами, становится видимым через посредник. Тем самым, само первоначало двух взаимодействующих явлений хоть и имеет свое уникальное влияние, ибо оно родственно им обоим, но зримо распознаваемо только в образе их поведения при взаимодействии. Начало начал заявляет о Себе всюду и во всем, но, если в пустоте это заявление Себя (Начала начал) происходит в самом чистом виде, то во всех иных случаях сие заявление о пустоте чувственно распознается через посредники. Вне пустоты и ее трехмерного пространства ничего не существует. Пустота, сама по себе активна покоем, то есть она активирует в окружающем хаосе покой и тем самым упорядочивая реальность тем, что противоречия нейтрализуется взаимным дополнением. А покой – это в высшей степени абсолюта счастье по ограниченному односторонностью определению. Две взаимодействующие реальности в момент контакта исповедуют нам о Начале начал, подчеркивают еще одну какую-то уникальную грань. То есть взаимодействие заявляет о свойствах пустоты уже односторонне, то есть несколько засорено или затуманено. Из-за этого мы видим одно и упускаем из виду все остальное. Но все свойства пустоты есть и тут, ибо лежат в основе во всей полноте во всяком взаимодействии. В противном случае, вне свойств пустоты, кои заключены в каждом явлении, взаимодействие бы никак не состоялось. Итак, если

нет пустоты, то и нет всего того, что заявляет о ней и несет её образ в специфическом чувственно распознаваемом выражении – нет взаимодействия. Пустота – первооснова, первопричина всего. Если сказать о человеке, что он есть продукт эволюционного становления от простого к сложному (так говорят атеисты), то и молитва тогда просто обретает иное имя, то есть в контексте понятийного языка материалиста в поле зрения попадают специфические посылы и динамическое активное богообщение звучит иначе. Нам надо принять образ пустоты, а именно чувственной пустоты, чтобы свидетельствовать о ней в новом порядке – творить пустоту. (Узнаете Веданту, Буддизм, Индуизм, а именно практику выхода в Нирвану? Человек отказывается от всяких желаний и влечений) Почему именно пустоту? Потому, что именно чувственная пустота является первым признаком добра (смотри 777-01-2.4) и радости⁴⁴⁹. Радость здесь – это пустота или отсутствие горя, ошибок и травм тела, психики. Толстой сказал, что любовь – это «как палец, о котором я начинаю думать, когда он болит». То есть, как только палец возник в нашем сознании не как чувственная пустота, а как реальность, так сразу же мы говорим о том, что порядок вещей разрушен. И мы восстанавливаем этот образ пустоты в самих себе – лечим палец⁴⁴⁹. Если палец здоров, мы даже не вспоминаем о нем (перед нами образ пустоты). В богообщении это важный момент, ибо надо быть подобным Ему для беседы с Ним, так

как подобие только с подобным себе может общаться.
Говоря языком материалиста, мы должны быть чувствен-
но пустыми, чтобы общаться с пустотой. Бога нет в поле
желаемого распознавания, но от этого ничего не меняется.

Таким вот образом, не сказав ни слова о Боге, мы понимаем, что нового ничего не произнесли, но только далее Ему иное звучание на ином понятийном языке материализма и все... *Мы всегда имеем дело с точкой, в пределах формального образа которой разворачивается весь сценарий мироздания, но на более совершенном утонченно-нежном понятийном языке обыденных реалий.* Язык материалиста – это язык форм. И материалист правильно говорит о том, что в формах нет чувственности, ибо чувственность и духовность – это более утонченный и более глубокий понятийный язык о том же самом – о Боге. Хотя нельзя сущность называть языком, ибо это природа естества, а язык – это набор форм. Ощущение присутствующей сущности – это тоже познание, рассказ или свидетельство. Материалист, хотя и заявляет о Творце, но говорит о том, что во время свидетельства о Боге нельзя смешивать одно с другим, нельзя смешивать понятийные языки из различных сфер мировосприятия, ибо одно остается всегда в границах другого. В противном случае, сие становится не научным. Также как глаза или рот, или нос остаются в пределах определения социума человека, но отдельно под определение социума не подходят и остаются только в нем. Так и духовное остается в пределах материа-

листических формальностей. В то же время нельзя отделять одно от другого, ибо и то, и другое свидетельствуют об одном и том же. Мы увидели в самом-самом абсолютно общем плане то, что материя может как-то вести себя только в пределах своей (Богом установленной) естественной возможности развиваться к более совершенному выражению свойств распознаваемой пустоты посредством ограниченной грехом природы, но для верующего сие есть выражение свойств Бога. Форма свидетельствует о Боге только своей абсолютной лимитированной оптимальностью, которая имеет абсолюты в пустоте, в точке, окружности, сфере, в шаре и так далее. Оптимальность становится критерием простоты, с помощью которого форма исповедует о Боге??????1122.

Так как мы рассмотрели два абсолютно крайних случая мировосприятия, то из всего сказанного, становится понятным, что все наши суждения о мире не могут выпасть из этих крайних пределов – всякое суждение пребывает где-то между ними и выльется, в конечном счете, только лишь в то, что мы будем удобно для себя менять имена одних и тех же реалий в этой же общей схеме Вселенной и при этом будем верно обозначать границы возможности свидетельствовать об Истине. Также как след, оставленный человеком в грязи, в каких-то пределах возможного свидетельствует о человеке. Но только в пределах возможного и не более того, на что способна грязь с её свойствами. Хорошо сей момент показал великий отец Андроник (Лосев) в своей «Хаос и структура».

Он давал разные имена одним и тем же понятиям и показал образы гармоничного сопряжения их между собой. То, что он взял на себя – всегда было непомерной ношей для исповеди о Боге. С помощью такого крайне неудобного инструмента, в основе коего лежит естество самого дна Вселенной, «крайнего предела бытия тварного» (то есть числа) говорить о полноте Истины невозможно. Хотя усложнение формы в бесконечном развитии попытается в пределах абсолютной оптимальности формально выразить каждую грань сущности. Так произошло формирование природы человека. Логика и её число – это тонкая характерная для формы граница, это последняя хрупкая, легко ломающаяся твердь, разделяющая нас с бездной небытия. Как только форма теряет оптимальность, свойственную округности, так сразу же перестает быть подобной пустоте и разрушается. То есть несмотря на осязаемую омертвелость логики (которая выражает единое целое живого тела не только оптимальностью, но и через непрерывность причинно-следственных принципов отношений между бытием и небытием), всё же в ней есть грани Божественного, посредством коих логика опять же в пределах своих возможностей свидетельствует о живом Боге – только единство выражено теперь иначе – непрерываемой цепочкой суждений причинно-следственного механизма железной логики⁷⁷⁷⁻⁰²⁻⁷. Здесь с помощью логики свидетельство о Боге происходит свойством непрерывности. В противном случае, логика выпадает из поля зрения, как неподобие Богу и

потому инородность нам. Об этом нам говорит Алексей Федорович. Но, не смотря на сложность поставленной задачи, мыслитель блестяще справляется с ней. По известным причинам, не сказав ни слова о Боге, он свидетельствовал о Нём с помощью того грубого образа мировосприятия, ценностями коего жило русское общество. В тот тяжёлый для Православия исторический момент это было особенно востребованным и потому опасным. Требовало мужества и отваги, и безграничной любви к Родине, ибо приходилось стоять против власти тиранов. Вне всякого сомнения Алексей Федорович Лосев (в монашестве о. Андроник) – личность героическая, а о степени его святости должно засвидетельствовать нам время.

1.0.-4. В этой работе, чтобы не преступать пределы православного догматического богословия и не впасть в ересь, вплотную будем также пользоваться трудами Владимира Николаевича Лосского и говорить его понятийным языком. Он тоже воин и высочайший мыслитель Руси, который смог изложить основные моменты веры только уже естественными для православного верующего категориями близкими к современному языку понятий. Да много было ученых до него, но он в этом плане ближе всего к нам. Оба учёных, прибегая к относительно диаметральному понятийным системам для изложения Божественных принципов, утверждали одно и то же – они не смещали центры и тем самым не вводили их в противопоставление (это приводит в конечном счете к кро-

ви), тем самым наделяли общество способностью жить, ибо только эта кондиция бытия единомыслия и единства мировосприятия имеет значимость для нас живущих.

То есть, если сказать о Боге на понятийном языке абсолютного Его отрицания (при котором событие есть не Воля Личности, а случайность), то этим мы назовем ещё одно имя Господа. Также как и абсолютная пустота атеистов – имеет место быть как относительно верное утверждение, ибо пустота присуща Ему, как прообраз абсолютной непознаваемости посредством привычного нам набора инструментов (воспаленного грехом естества чувственной природы), давая повод утверждать о своей правоте упертым атеистам. Потому и случайность – не Воля Божья. Но атеизм страшен не в том, что отрицает бытие Бога, ведь от этого в природе вещей ничего не меняется, но меняется в нас самих. Атеизм страшен совсем в другом – каждый из нас путник и потому идёт туда, куда направлен его взгляд. Если видит перед собой пустоту и хаос согласно мировосприятию атеиста, то будущее его хаос и пустота. Поэтому мы, верующие, даже в капельке росы видим премудрость Божью, хотя это может быть наивно и не научно выглядит, но правды в данном случае больше, чем в самой гениальной теории научного анализа. С другой стороны, следует быть нежным по отношению к самим деятелям науки и на понятийном языке научной доктрины правильно дать имя Премудрости Божьей. Тогда восстановится баланс и в общественном сознании не появится черных дыр,

оформленных как законное пребывание сил бездны там, где им нет места, где их бытие становится преступлением против Бога и человечества.

1.0.-5. Для того, чтобы дальше вести предложенные в этих книгах исследования, чтобы знать где именно искать Истину, необходимо точно знать, что именно мы ищем. Ведь очевидно, что не каждое знание приносит человечеству пользу. Не каждое знание животворит. Чем наделено живое? Живое наделено чувством распознавания окружающей действительности. А потому выстраивая новую доктрину, мы не должны быть тем, чем ныне является мировая научная элита, которая ищет Истину методом тычка, то есть на основе результатов научного эксперимента. Невозможно распознать бесконечно общее посредством бесконечно малого частного случая. Но общее распознается только через его же подобие – общее всеобъемлющее понятие. Мы должны видеть Истину в общем плане и только потом сможем созерцать то место, которое отведено множественным частностям в этом общем. Так как для познания Творца мы прибегаем к мышлению, то неизбежно в этой области мировосприятия определяется новый критерий красоты и полноты созерцания Божественного – мы можем зреть Истину в некоторой новой специфике её проявления, свойственной только миру мышления – разумность устройства мира. Мы учимся читать замысел Бога и жить теперь еще и этой красотой. То как этот способ познания работает ныне есть извращение, житие с которым

требует массу энергозатрат. Ведь надо не констатировать новые научные факты, а уже знать о них заранее. Аппетиты растут с быстрыми темпами, потому что потребность в экспериментах все больше и больше. То есть в скором будущем для восполнения затрат от такой жизни в извращении не будет хватать даже солнечной галактики. Стремление к познанию в такой кондиции жизни убьет все. Иными словами, нам следует хорошенько разобраться в самой природе нашего познания и понять, что именно мы хотим и что должны получить на самом деле и, соизмерив себя с Божьим Замыслом, начать уверенное строительство чего-то там нужного в экономике. Мы должны научиться умом видеть реальность не испытывая её, подобно апостолу Фоме, «не вкладывая перста в ребра» для распознавания Божественного на ощупь. Вы поймите, что сильно велика цена такому вразумлению, которое получил апостол Фома. Какой смысл создавать теорию, если ей невозможно пользоваться, если с помощью её невозможно предсказать результаты опытов. Мы уверенно идем по лесу не потому, что соблюдаем правила и законы, а потому, что имеем способность видеть перед собой дорогу, соизмеряя ее с конечной целью путешествия. Мы должны открыть глаза ума, чтобы не ведая о том, каков мир мы могли бы уверенно выстраивать поведение материи; мы, не прибегая к практической науке и не ведая ничего, могли бы уверенно сказать о том, как устроен атом или как устроен космос. Не имея сверхмощные телескопы, нам должно быть от-

крыто устройство космоса с его множественными галактиками и созвездиями. Тогда не надо было бы проводить дорогостоящие эксперименты, если это итак можно спрогнозировать. Мы бы уверенно конструировали бы материю с нужными для нас свойствами и уверенно знали о том, куда имеет смысл направить вектор своей научной деятельности. Без этого качества научных исследований не может быть даже и речи о будущем науки во всех её формах и специализациях.

1.0.-6. Форма в масштабах бесконечных промежутков времени стремится выразить грани и свойства внутреннего мира. Каждая реалья естества материи заявляет о себе сразу же, но распознанию поддается только в процессе развития. То есть материя живет сразу в двух реальях и подчиняется обоим законам. При этом один закон работает в пределах функционального пространства другого. К примеру, кинетическая энергия метеорита, захваченного гравитационным полем планеты не пропадает, а подчинившись влиянию, адаптируется в пределах теперь уже иных реальий – движения по окружности вокруг планеты. Энергия не исчезает, а прячется в новой форме проявления, оставаясь той же по сути. То есть любое явление как-то исповедует не только то, что мы привыкли свидетельствовать научным анализом, но и то, что законам анализа не поддается. Из того же примера, вроде бы метеорит предстает перед нами с привычным набором свойств, но отдельные грани внутреннего мира этого небесного тела распознаются уже иначе – на огромных рас-

стояниях и в иных промежутках времени в движении метеорита в космической пустоте. Чем глубже запрятано свойство внутреннего мира явления, события или предмета, тем большие и более грандиозные масштабы нужны для раскрытия и освидетельствования его, как реальности. Иными словами, есть в этом теле и другие свойства, которые распознаются в масштабах уже иных, уже во всей Вселенной. Как научиться сопрягать одно с другим? Изначально, для формирования ответа на этот вопрос, хотелось бы уточнить области определения, в которых работают эти влияния (над этим работали такие выдающиеся ученые Лосский В.Н. и Лосев А.Ф.).

Для этого поставим один эксперимент. Сразу сделаю пояснение, чтобы не было каких-то недоразумений. На этот опыт в процессе повествования придётся ссылаться часто. Дело в том, что исследуемые нами вопросы многогранны и всегда касаются только одного и того же – бытие Бога, но в самых различных сферах жизнедеятельности и умного искания. То есть во всех случаях идет речь об одном и том же принципе жизни, ее миростояния в Нем³⁶². А так как этот принцип имеет место в каждой фибре бытия, то постоянно приходится прибегать к нему в суждениях для обоснования Истины, при этом в каждой конкретной ситуации предварительно адаптируя его (сей принцип), в специфике понятийного языка, соответствующей для природной реалии обсуждения вопроса. Активируя какую-то востребованную спецификой поиска решения задачи грань озвученного принципа

па, нам открывается верное освящение изучаемых проблем, возникших в процессе исследований. Также как огнём мы пользуемся, вычлняя в нем какое-то одно нужное в данный момент свойство. То мы используем его для освещения, то нам нужно его жаркое тепло для приготовления пищи, то просто хотим сжечь какой-то мусор и так далее. Но суть огня во всех случаях та же самая и для каждого случая мы вынуждены делать одну и ту же процедуру – производить один и тот же процесс разжигания его. Также и в нашем случае, для освещения какой-то новой реалии, нам потребуется акцентировать внимание на одном и том же принципе, и проводить тот же самый эксперимент, который этот принцип выражает. Хотя, кроме этого опыта нам придётся прибегнуть также и к другим наглядным примерам и точно также для освещения различных граней акцентировать внимание на каком-то ином интересующем свойстве. Таким образом, созерцая мир посредством самих себя мы его видим и при этом видим грани живого. Это на будущее, чтобы читающему быть готовым к частым повторениям. Это нормальный творческий процесс.

1.0.-7.Итак, возьмем абсолютно тонкую прямоугольную доску и выведем её в состояние вертикального равновесия с опорой на ровный пол³⁶². Понятно, что если мы её выпускаем из рук, то она падает и мы, применив весь свой багаж научных знаний законов механики, можем предсказать траекторию и место падения её. Почему так происхо-

дит? Потому, что для мертвой материи такое поведение материи естественно. Но жизнь подчиняется иному закону – несмотря на все то, что выводит нас из равновесия, мы не падаем, как прямоугольная доска под действием сил тяготения, а наоборот выравниваем свою вертикаль, восстанавливаем равновесное состояние. Равновесное состояние в любой грани имеет образ постоянства, что означает тождество пустоте. Жизнь, пребывая в постоянных колебаниях возле точки абсолютной устойчивости и абсолютного равновесия, как бы включает в себя обе эти составляющие – распад и восстановление. Одновременно она утратив равновесие падает, и в то же время вновь выводится в равновесие, тем самым порождая волновые колебания. Так как природа нашего познания суть такова, что чувственному и умственному освидетельствованию поддается только то, что подобно нам по природе вещей, то чувственно воспринимаемый мир – это тоже кондиция равновесия, устойчивости и стабильности (характерные черты постоянства пустоты). Дело в том, что сам по себе процесс распада – свидетельство о том, что в бытии есть нечто такое, что до распада обладало всем спектром стабильности, устойчивости. Мы видим не распад, а то самое до распада, которое начало распадаться – свой образ и подобие – мы видим равновесие (пустоту колебаний), только явленное нам опосредовано распадом. Мы видим пустоту посредством событий, иначе говоря, видим абсолют равновесия посредством колебания. То есть Божественное в нас

видит только подобие Ему в окружающем мире, зримое опосредовано процесса распада. К примеру, яблоко мы видим органами вкуса после того, как откусили и расщепили клетчатку плода. Мы понимаем, что это было яблоко. В переложении на математическую концепцию Отец Андроник (Лосев) назвал эту кондицию мироздания аксиомой числового первопринципа. (Логический анализ о.Андроника пребывает в области функциональных природных возможностей математического числа свидетельствовать о законах живого).66776677?????

Хочу повториться, так как всякое явление оказалось в поле нашего чувственного освидетельствования, то неизбежно оно надделено нашим подобием, то есть обладает тем же набором свойств и качеств. Ибо подобное познается только своим подобием. Отсюда следует важное. Если вводить в сопряжение две эти реальности в соответствии с поставленной перед нами задачей, то мы можем отвечать на многие вопросы. Можно научиться прогнозировать поведение природы без научного эксперимента, ибо всякое поведение природы свидетельствует о Боге без нарушения законов механики только в естественных для механики границах определения и в пределах Божественного предопределения. В противном случае, современная наука так и останется набором фактов, полученных эмпирически. Согласитесь, что надолго нас не хватит с такой постановкой вопроса.

Далее по тексту мы будем говорить о том, что ранее

распознанным быть не могло, ибо специфика инструментов познания этого произвести не могла. Ранее по тексту все о чем мы будем говорить на понятийном языке тех инструментов звучит как «ноль», ибо лежит вне поля зрения.

Всякое научное утверждение несет в себе, в первую очередь, свидетельство о Божественном, точнее в границах сферы данного научного поиска, несет в себе свидетельство о Его каком-то уникально-специфическом явлении в пределах исследуемого материала. Проводя исследования, с самого начала нам следовало бы утвердиться на том, что мы видим и можем видеть только Бога и пребываем в межличностном общении с Ним. Ибо для нас живых ничего более востребованным, кроме Божественного, быть не может. Таким образом, мы слышим Бога, видим Бога, распознаем Бога, нам может открыться новая способность видеть ещё одну специфическую сторону Истины Его, равно как узнавать о Ней через глаза или уши, или как-то иначе. Все это формы непосредственного контакта с Творцом в процессе богообщения³⁶¹.

Настоящая истинная теория должна безошибочно прогнозировать, в противном случае мы остаемся в познании подобными обыкновенной животной скотине, которая получив плохой опыт в будущем использует его для самосохранения. Нам также нужен плохой опыт в любом проявлении, но только как свидетельство о хорошем опыте. Это очень важно, ибо природа созерцания суть такова, повторюсь сно-

ва, что в ней виденье Божественного основа основ есть, а все остальные формы познания – суть множественные производные дефиниции, формальные видоизменения основы основ, многоликие образы этой основы, хотя также значимые для полноты приобщения ко Творцу³⁶¹. Человеческая эволюция в отличие от животных имеет направление к возможности все более полного познания Бога, к более многогранному свидетельству о Нём, и более плодотворному общению с Ним. (То что мы видим ныне – это беснование зверя, жаждущего пожирать все живое на своем пути).

Сформируем некоторые установки, которые станут необходимыми нам в некоторых примерах конструирования и с помощью коих мы, ничего не ведая о строении мира и исходя из некоторых посылов, теоретически сформируем модель и потом сравним с тем, что видим. А именно речь пойдёт о том общем первоначале (которое, по слову о.Андроника, есть суть аксиоматики по природе естества), как об ещё одном имени понятия единства, а именно единящего присутствия Божьего, явленного нам в данной специфике выражения или представленного нам в виде распознанной в таком вот уникальном образе грани или свойстве Вселенной. Почему мы это делаем? Мы хотим видеть всю истину, а не распознавать её какие-то оттенки опытным путём. А природа чувственного распознавания суть такова, что в ней всегда есть неподвижная точка отсчета⁴³ (того самого берега), относительно которой мы мерим, чувственно определяем степень

различия её от исследуемой реальностью. Так вот обладая точной постоянства, нам востребовано виденье именно точки постоянства посредством какого-то специфического свидетельства о ней. Если мы видим то, что заложено в основе основ нашей же природы, то говорим, что нам это понятно. Без этого нам не распознать всеобщую относительность «течения реки» – такова природа наших чувств. Надо заметить, что в данном случае, неизменная точка постоянства – это специфическое имя личности, это уникально сложившееся в данной реалии свидетельство о живом мыслящем индивидууме. То есть видеть истину и общаться с другой личностью – это значит видеть постоянство через его влияние, производной частью природы которой является всякое явление, оказавшееся в поле нашего обозрения. Точнее всякое явление – это специфическое свидетельство о постоянстве (о берегу) Личности – мы пытаемся распознать его в какой-то неведомой для нас пока ещё реальности, через какой-то проводник³⁶³. Итак, сформируем важные установки.

1.0.-8. Согласно священному Писанию, жизнь есть дыхание Бога. Если всё было сотворено Богом, то очевидно в Его прообразе должно обладать Его естественным свойством неуничтожимости, явленной в самых различных сферах и образах проявления, получившей имя Закона Сохранения. Иными словами, если сказать, что Бог есть, то этим высказыванием мы даем новое имя опытно распознанному Закону Сохранения (хотя так говорить нельзя, ибо именем являет-

ся Закон Сохранения). Точнее древние люди на своём понятийном языке религии сформировали это свойство сохранения жизни и бытия вообще, что потом перешло в Таинство Святой Евхаристии, когда на Престоле разделяется Тот, Кто разделенным Быть не может. Мы это понимаем не только по тому, что Господь не может творить и рождать инородное Самому Себе, а ещё и потому, повторяюсь вновь, что вечность жизни распознана опытно на практике, также как законы сохранения энергии, законы сохранения материи, которые человеку удалось открыть разумом в сфере материального мира. Древние судили о Боге во Вселенной также, как на своём понятийном языке судят о вечности мира современные физики и химики. Как в те времена, так и сегодня люди ни с чем более дела не имели и иметь не будут.

1.0.-9. Для нас важным будет заметить, что Божественное имеет энергию, несущую в себе образы единства и постоянства. Иными словами, вне всякого сомнения у закона сохранения есть такие имена, как: закон сохранения энергии (в физике); закон сохранения массы (химия); закон сохранения количества движения (в кинетике); закон сохранения единства (в математике); закон сохранения постоянства (в философии); закон сохранения образа Божьего (в биологии и различных от неё ответвлениях); закон сохранения промысла Божьего (в истории). И так далее. Во всех этих формах Закона Сохранения (энергия, движение, масса, единство, постоянство, образ Божий и промысел Его) постоянно переходят

из одного состояния в другое, оставаясь при этом неизменным одним и Тем же. К примеру, закон сохранения постоянства мы увидели в порядке вещей. Просто понятие постоянства является общим и для порядка, и для пустоты. И порядок, и пустота – это различные формы проявления свойства постоянства. Следовательно, пустота и порядок – суть одно и то же, а потому одно рождает свое подобие в другом или постоянство переходит из одного состояние в другое согласно Закону Сохранения. Но почему тогда порядок чувственно распознается, а пустота нет? Во-первых, не грамотно поставлен вопрос. Ибо пустота и порядок – это одно и то же и нам следует думать и говорить только о пустоте, имея в виду ее совершенство в абсолюте. Порядок – это то, что несет в себе это совершенство, нам нужно правильно мыслить не только потому, что такое мышление есть проявление настоящей Истины, но и потому, что такая форма исповеди остается жизнеутверждающей.

В пустоте распознается постоянство и порядок тоже распознается как постоянство. Это звучит в том же прообразе жизненной ситуации, когда путник вытаскивает попавшего в яму с помощью палки(смотри111-11-1.1). То есть через порядок мы видим образ совершенства для себя и мы за него крепко хватаемся, и он тянет нас за собой к отсутствию ограничений, к прежней свободе, в коей естественно нам быть. Пустота – это имя дыхания жизни, вдутого Богом, ибо критериями мира материи сие не может звучать иначе, но в любом

случае, чувственно воспринимаем мы только то, что позволительно нам воспринимать Богом. Наша поражённая грехом чувственная природа, как черное, позволяет созерцать спасительное белое. То есть отсутствие грехов или пустота пороков выступает для нас пустотой чувственной, а потому и порядок для нас тоже является чувственной пустотой греха, ибо всякое познание дано нам только через разрушение порядка – этот момент разработан в содержании иных томов этой книги. Просто счастье для нас – отсутствие несчастья, то есть чувствуя пустоту, то есть отсутствие несчастья и боли, мы счастливы и здоровы. (Палец на руке мы не чувствуем и не замечаем, пока он здоров, то есть порядок в структуре здорового тела – это есть пустота нестроения и разрушения). Мир несет в себе все свойства пустоты³⁶⁴ и именно по этой причине несет в себе бесконечную многогранность ее выражения. Так как мир был создан из ничего и только в некотором порядке, ибо только это «ничего», как постоянство, наделено этим свойством, а поэтому только оно было источником постоянства и только оно могло передать это своё свойство греховной пустоты, свойственной порядку вещей, стать структурой порядка вещей в космосе и во Вселенной, её гармонией. Тут нет нарушения закона природы – закона сохранения чувственной пустоты, распознаваемой только первородным грехом как пустота. Активность пустоты в том, что мы цепляемся за нее и в то же время она крепко держит нас и влечет за собой к себе, к свободе от всего

чувственного.

1.0.-10. Этот момент хорошо описывает отец Андроник, причем с помощью самого тяжёлого понятийного языка математики. Точка, прямая, плоскость, пространство и так далее – все они несут специфические выражения свойств постоянства пустоты или свидетельствуют о ноле, как об абсолютном постоянстве. Каждое измерение несет в себе эту печать постоянства ноля и специфически сложенную величину отличия, благодаря чему мы можем распознавать заключенную в них всех пустоту аналитически. То есть пустота остается основой: точки, прямой, плоскости, пространства и так далее. Для нас все перечисленное, как и все множественные их проявления – понятийные языковые системы о пустоте или отсутствии величины отличия. Просто все они наделены абсолютным постоянством пустоты (то есть абсолютно-го ноля) и востребованы только лишь для этого⁴⁵⁰. Ноль-постоянство – это энергия, явленная во множественных выражениях. В этом явлено «самотождественное различие», как сказал бы этот великий философ в работе «Хаос и структура». Данное фундаментальное утверждение нам понадобится в ходе обсуждения.

Пустота – носитель энергии. Почему? Потому, что все то, что попало в область ее влияния с этого момента носит ее печать. С этого момента, имеет когерентность в одном общем для всего, попавшего под влияние пустоты, свойстве. Все имеет в себе Начало начал и имеет прообраз диполи, в

коей одна грань так и остается образом и подобием Начала начал, а другая выражает усложнение. Все частицы в Начале начал подобны между собой и даже идентичны, но различны в образе усложнения в развитии. А потому именно этим краем цепляются за пустоту, при этом сооргунизуясь в порядок вещей в образе пустоты. Таким образом, точка пустоты становится источником, в котором реальность хаоса обретаёт одно общее для всех направление. Это-то и становится тем, что мы называем излучением. Появляется упорядоченность, которая обуславливает одно направления воздействия – это становится свидетельством о пустоте⁴⁵⁰ в деле, то есть энергией. Это есть истина хотя бы по той простой причине, что энергия не может реализоваться там, где нет для нее естественной основы. Источник энергии и окружающая его реальность пространства – идентичны по естеству природы⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻¹¹¹. Вот почему везде работает закон неунитожимости

1.0.-11.Этот же закон о вечности и неунитожимости жизни со всем ему сопутствующим набором множественных проявлений, распознали древние. Отличие от нас только в том, что сформировали они этот закон на своём понятийном языке религии – строили менгиры, дольмены, кромлехи в Европе и по всему миру (современные культовые сооружения).

Рассмотрим с иной стороны. Чувственно воспринимаемые и греховная пустота (отсутствие греха), и порядок тож-

дественны. Отсутствие греха имеет много упорядоченных форм самовыражения (государственность, религиозность). По природе жизнь абсолютно вечна, но временны противоположные себе и Богу ориентации ее. Тут два в одном. Вместо свободы теперь нужна ограничивающая скованность для того, чтобы противоположность направления развития живого не имело разрушительного влияния. А в другом случае, так как она имеет вечное, непреходящее в бытии реально-го, то только благодаря тому, что естественным образом для Царствия Небесного ориентирована на сослужение Творцу. Поэтому закрепощение, скованность, ограниченность свобод – есть, на самом деле, процесс непрерывного перехода из одного состояния свидетельства о Творце в иное, ибо для возможности бытия нужна полнота всеобъемлющая. А полнота не может быть вмещенной в какое-то даже самое малое ограничение, но может вместиться постепенно в бесконечном бытии. А так как полнота все же может вместиться в ограничение хотя в таком вот образе, то уже это обстоятельство бытия процесса вмещения обуславливает бытие всякого явления. То есть тут нет покусения на природу человека, а значит нет чувственного ко греху освидетельствования временного, ибо это принадлежит уже вечности⁴⁵¹. Иными словами, жизнь абсолютно вечна, временными могут быть только всегда противоположные (из-за ограниченности) Богу формы её, а потому мы распознаем только изменчивую внешнюю инородную Богу формальность⁴⁵¹.

Так как данная реальность инородна Богу, то инородна природе человека, а потому как инородное приносит боль. Просто боль в малых пределах становится чувством, или малым возбудителем нервной системы, но по природе сие остается болью в прообразе высказывания Льва Толстого о природе любви (любовь – это как палец, который воспалился). То есть пустота – это имя здоровой и устойчивой жизни¹⁷². Но чтобы познать саму сущность внутреннего мира, нам необходимо разрушать форму, уничтожать инородное Богу временное, в поте лица добираться до вечной Истины и животворить ей самого себя. Таково определение процессу пищеварения.

К примеру, пусть мы ходим не на ногах, а на руках – это противоестественно, а потому временно – мы устаем быстро и вновь жаждем отдыха и встать на ноги. Нет, не связали по рукам и ногам, а просто извратили образ жизни. Скованность в возможности Божественного творчества и при этом свобода в извращении Его подобия – условие ада. И наоборот, скованность во грехе, но раскрепощение в Боге – условия Рая. Новая реалия образа жизни, хоть и извращенная уже, но остается жизнью⁴⁵¹, а потому требует для себя полноты богообщения и богословия на новом понятийном языке. (Пустота¹⁷² постоянно переходит из одного состояния в другое⁴⁵¹) Слово Божье теперь должно прозвучать в новом для себя естестве природы. Неполнота богословия – ад или

рай растянутый до бесконечности (то есть рай бесконечно малыми дозами). Отсюда понятно о самой природе страха перед смертью – это страх остаться тем, кто мы есть при жизни, то есть мы боимся остаться абсолютно скованным в служении Богу и в такой кондиции перейти из этого века в жизнь вечную после смерти. Представьте себе, что Вас замуровали в бетон и при этом имеет возможность дышать. Так вам суждено жить вечно – вот что ждет грешника. Просто душа чувствует свою участь из-за сковывающего душу греховного образа жизни и для своей переориентации в естественное требует себе священника для исповеди. Это следствие не выплеснутой энергии в Его созидающем творчестве, скованной инородностью Богу. При противоестественной ориентации мы не сможем более двигаться, дышать, видеть, чувствовать, любить и так далее – просто мы становимся во всем этом скованными. Да-да, это все есть и присутствует, но в естественном для себя образе не может реализоваться как причастие к Источнику-причине абсолютно всех радостей – Божественной радости. Кстати, это та самая фобия замкнутых и стеснённых пространств, которую испытывают абсолютно все люди в разной степени проявления. Сама душа человека из-за грехопадения получила скованность плотью, а потому мы вынуждены жить в извращенной среде и по сковывающим наши свободы законам, ибо грехом мы сильно ограничены возможностью нашего тела – как бы ходим по земле на руках. Грех ничтожен, а Бог великий, а потому для

свидетельства о Нем в богословии необходимо бесконечно великое время, а без этого нет жизни. Вне свидетельства о Нем ничего не существует, а потому сковано для возможности свидетельства о Нем. Свидетельство о Нем продолжает быть (из-за чего все существует как реальность), но благодаря ограничению уже это свидетельство бесконечно для нас растянуто во времени. Именно поэтому же материя, хотя и таит в себе чудовищные энергии (ядерных реакций), но для нас они закрепошены Богом, ибо грехом Адама ориентированы противоестественно Богу, а потому, как творчество в Божьем Замысле, не востребованы, ибо разрушают живое. Но не смотря на свое закрепошение постепенно вбирают в себя всю Божественную полноту и благодаря этому живет и имеет место в бытии.

1.0.-12. Таким образом, как бы охарактеризовали на понятийном языке механики то место, где находится Бог. На большее, на более глубокое свидетельство о Боге ограниченные в природе механические законы не способны. Также как, вновь повторяю, земная грязь в пределах своих возможностей свидетельствует о том человеке, который оставил в ней след своего сапога – не более. То есть о том, во что он был одет, каков цвет его глаз и так далее, этот отпечаток сапога в грязи нам раскрыть не может. Точно также с помощью механики рассуждать не приходится о душевных переживаниях, пользуясь её критериями познания. Иными словами, в пределах границ области функционального определения ме-

ханики, более точно и полно эти моменты выражаются посредством иных более совершенных тонких граней человеческой природы и при этом раскрывают нам суть вопроса только понятиями веры. Хотя в этом месте следует продолжить мысль в ином направлении и сказать о том, что звуковая волна – это тоже механика, как и движение рук, ног, кровообращение. В процессе эволюции развития механика в сопоставимых вечности промежутках времени стремится к более точному раскрытию внутренней природы. Благодаря этому усложнению мы можем судить даже о душевных переживаниях личности. Этот процесс усложнения неизбежен, хотя всякое свидетельство о Боге и о Его бесконечной, множественной многогранности всегда будет ограничено пределами возможностей тварной природы, хотя и в более совершенных тонких гранях ее. То есть нам всегда будет открыта только лишь одна какая-то грань, специфически выраженная не всеобъемлющая односторонняя полнота исповеди о Творце – отпечаток Его сапога в грязи, только может быть уже иного уровня и более падших сфер. Пусть это будут уже не протектор от Его сапог, а даже глаза Божьи, но всё равно мы понимаем, что это только лишь еще одно Его свойство, мизер по отношению ко всей сокрытой множественной многогранной бесконечности Творца. Поэтому этот стоицизм, выраженный более современным понятийным языком, так и останется только лишь описанием, но не Сущностью, то есть судьбой, но не Промыслом, то есть законом справедливости,

но не Любовью Божьей, то есть разговорами, но не делом. То есть так и останется ограниченностью, причем бесконечно далекой от реальности.

Иными словами, так как в поле нашего адекватного распознавания оказалась такая грань Божественного, как Закон Сохранения, то нам удастся только лишь распознавать различные формы выражения этого закона, как отпечаток протектора сапога Одного и того же Путника. А если дать определение жизни, что это есть постоянное общение с Богом и познание Его в становлении до Его святого Образа, то становится ясным направление движения всех эволюционных токов живого – к возможности ко всё более и более полному и глубокому, и всеобъемлющему подобию, и познанию Творца в Его свойствах, через внешние Его проявления. Тогда Закон Сохранения становится Законом Сохранения Жизни, а все остальное – это разные грани. Например, закон сохранения постоянства, закон сохранения единства, закон сохранения полноты, закон сохранения цельности и замкнутости и так далее⁷⁷⁷⁻⁰³⁻⁰¹. То есть опосредовано «отпечатков протектора сапога» в более высших сферах мы узнаем того же самого Путника более многогранно и всеобъемлюще. Жизнь вечна по природе Божественного естества, а закон – форма выражения этой вечности в нашем земном бытии. Иными словами, придёт время и мы сможем распознавать Творца через гораздо большее, чем, к примеру, просто глаза, но и другие свойства. К примеру, на каком-то этапе может быть

научимся понимать Его речь. Эта эволюция к более лучшему всестороннему познанию Бога в Его свойствах обусловлена совершенством человека, заключающимся именно в этой возможности подниматься до некоторого абсолютного предела во все большем обоении себя. Мы называем желудь дубом благодаря возможности этого семени стать высоким деревом (но если что-то нарушить в нем, то это уже не дуб). Так и природа жизни совершенна именно в этой возможности стать абсолютом подобия Богу. Жизнь явлена именно в этом стремлении к более качественному богообщению посредством ещё одного подобия Творцу. Она раскрывается также и в этой еще одной грани, благодаря чему наша природа постоянно открывает в себе какие-то новые до сих пор неизвестные стороны и из семени во вселенной развивается дерево. Поэтому наше спасение в том, что Бог не познаваем благодаря Своей абсолютной бесконечности, а потому жизнь, как *непрерывный* процесс становления образа Божия в пределах Его же прообраза и как стремление ко всеобъемлющей полноте познания Его, будет испытывать это становление к совершенству всегда. Скованность в этом – ад. Но следует заметить также, что как сама форма и формирование более совершенного организма в процессе эволюции, позволяющего лучше распознавать полноту Божественных граней, ко спасению человека перед Лицом Божиим не имеет значения. Ибо имеет значение только для нас, то есть для устройства более совершенного земного порядка, более

комфортного Божественного присутствия в наших реалиях, для удобосложения вещей в понятийном наборе языковых инструментов межличностных отношений, для улучшения служения Богу в государстве (через это мы входим в межличностные отношения с Богом). Но при этом только «жертва Богу дух сокрушен» так и остается условием вечности жизни людей. Не многосторонность Богообщения, а сокрушение духа, наступающая через такое общение. Ведь самая главная победа в жизни любого человека – обретение Царствия Небесного, множественными, многосторонними и многообразными производными коего становятся все процессы жизнедеятельности. Спасение происходит не от формы, а от сути внутреннего мира души; не от научно-технического прогресса, а от самой душевной чистоты природы человека. Вот в этом срезе видно то, чем отличается древний первобытный человек от современного, ведь Богу неважно сколько талантов у каждого из нас. Ему важно спасение души, обретение ей Царствия Небесного. Более того у человека, талантов-достоинств, как бы и совсем нет, в отличие от множества достоинств дьявола. Но, в отличие от насельника ада, есть радость богообщения, плавно переходящая во Царствие Небесное. Этот момент так и останется неизменным, хотя, надо сказать о том, что множество достоинств-талантов – это также образ Божий. Образ совершенства, который востребован также только для одной цели, как необходимость поддержания себя в раю. Но абсолют оптимальности всегда остается пустота и

точка. Точка – абсолютное несовершенство в многообразии, но при этом абсолютное совершенство в свойстве оптимального. Одно и то же свойство остается совершенством в одном случае и несовершенством в другом. Но так как оба остаются совершенством, то неизбежно и точка, и бесконечное множество достоинств должны как-то быть двумя гранями одного единого. И мы видим сие. Человек сначала представлен миру в виде точки оплодотворившейся женской яйцеклетки, а потом уже явлен нам в виде разностороннего организма. Таков образ и всей Вселенной: и точка, и множественность граней, каждая из коих является совершенством в абсолюте.

Совершенная форма выражения внутреннего мира, востребована только для бытия радости в земных условиях, помогает адаптироваться счастью в этом мироздании. А так как счастье, как свойство Бога, всегда безгранично, то будет эволюционно изменяться всегда к более лучшему выражению внутреннего обожженного состояния. К счастью, так никогда и не достигнет абсолютной полноты. Естественным будет только одно, что происходит постепенное взаимно дополняемое совмещение одного с другим. Это всегда в прообразе головы и хвоста, при котором хвост толкает голову к цели. Просто иначе представлять наше бытие во Вселенной нельзя. Наука и прогресс должны стать составной частью жизненных процессов и только в данной, в противном случае она становится лженаукой. Итак, мы имеем дело со взаимодействием первостепенного со второстепенным без взаимного

ущерб и в единстве. В данных реалиях первое без второго невозможно и даже второе обуславливает бытие первого. То есть природа организма человека эволюционно подстраивается только под более комфортное всестороннее пребывание радости в земных условиях⁷⁷⁷⁻⁰⁶⁻⁰⁶. При этом надо сказать, что эволюция человечества движется в иную сторону совсем, чем принято научным сообществом. Если в среде животных происходит постоянная борьба, в которой выживает сильнейший и это качество радостной непобедимости формирует образ, то человек выжил благодаря тому, что имеет радость богообщения и умирает вместе с ней. Человек приходит на Литургию, чтобы остаться тут навсегда, если бы не послушание и долг перед семьей и ближними – через них надо служить Творцу. Присутствие этой радости обуславливает все остальные токи дальнейшего возрастания в Боге и формирует образ человека. Радость дает человеку дар видеть свое подобие – радость в различном её облики или видеть счастье, имеющего иные имена: безопасность жизни, энергоносители, красоту в этическом и эстетическом смысле. Радостью в Боге человек видит эту же радость во Вселенной и естественным желанием стать приобщенным к ней посредством вычленения её. Если мы радости дадим иное имя, характеризующее его в иной сфере бытия, к примеру пустота или отсутствие горя, то перед нами возникает следующая картина. Мы живем в пустоте и благодаря ей имеем возможность обходить опасность стороной. Там где пусто-

та, там и безопасность человека. То есть пустота – это Тело Бога, быть частью Которого стремится человечество и вообще все живое. Всякая форма возникает на границе с пустотой и формально характеризует свойства пустоты посредством природы. Пушинка летит и вместе с воздушным потоком обходит стороной все, избегает столкновения. Почему? Потому, что пушинка максимально сообразна воздуху или пустоте того, чем она сама является по естеству, то есть имея при этом родство материей. Человек пребывает там, где пустота и, имея максимальную сообразность ей, обходит стороной всякое столкновение с непустотой. Это и есть прообраз Пасхи Христовой. Только до Рождества Христова сие было пророчеством о том, что Спаситель мира пройдет мимо смерти. А после Воскресения Его, сие стало уже исповедью о Нем. Победить смерть Христос мог только в этом образе, ибо как-то иначе эта победа человечеством бы не воспринималась, ибо мы распознаем все только в прообразе человеческой природы и только наше подобие можем созерцать.

Так рождается научно-техническая революция. К примеру, человек своей радостью смог увидеть то место во Вселенной, в котором он в безопасности, то есть именно здесь оный сохраняет свое счастье, и, как следствие, возможность мыслить ради устройства своего счастья. И это место – есть близость края пропасти, граница между смертью и жизнью – жизнь там, где опасность смерти в особенной близости. В том же числе с помощью каких-то инструментов. Зверь, хоть

и сильный, и всемогущий, но к границе не подходит – бежит от неё, ибо заточен на победе не над самим собой, а над жертвой, которую зверь посредством своих физиологических достоинств толкает в пропасть вместо себя. А так как сие есть торжество только над слабым, а не над сильным, то есть торжество не над самим собой, то и естественным будет только такое звериное поведение. Именно так, подойдя близко к смертельной опасности, подпустив к себе смерть и постоянно проходя мимо нее, человек смог взять её в руки. Он взял в руки огонь и смог даже занести его в деревянную избу, в которой жил. Таким образом, пребывая в радости Царствия Небесного, человек может видеть радость и жизненный путь даже на самом краешке пропасти, на которой он очутился по грехопадению и благодаря дару видеть может даже спокойно жить возле неё и даже обнимку с ней. Горем зрим подобие ему – видим ад, борьбу, яд, безвыходность положения и грех во Вселенной и в ближнем своем. А видеть ад можно только слепотой духовной. Такой человек думает о том, что Бог создал женщину слабой для возможности насилия над ней, а потому народ-носитель таких идей обречен на вырождение, как враг самому себе и своей же природе. А на самом деле ее слабость – это защита жизни вообще. Все это важно сказать, ибо мы ориентируем научный анализ так, чтобы он живописательно вписывался в нашу реальность. Если человек, согласно диамату, есть вершина совершенства становления в эволюционном развитии, то это означает только одно: все

процессы, которые открывает человек в науке, задействованы в природе организма и всякая деталь в нашем теле как-то сопряжена в достижении общей цели – жить. В этом же прообразе мы должны вести все научные суждения. Именно для этой цели мне придется сначала акцентировать внимание на научных задачах, а потом вновь и вновь переходить к проблемам души. Это нормально и остается в прообразе живого. Благодаря этому мы можем раскрыть множество иных вопросов, которые стоят перед людьми. Этот побочный эффект имеет значение для современности.

1.0.-13. С радостью человек может вечно жить даже не только на краю пропасти (между адом и Раем), но и жаждет так жить и возрастать в радости, то есть ее ему становится постоянно мало. Человек в радости самоорганизуется ради утверждения ее торжества во Вселенной и жаждет познать неизведанные формы её (радости) носителей во Вселенной и далеко в космосе. Почему младенец растет и развивается? Самым важным условием его роста то, что он несет в себе радость, которая всепоглощающая. Тот, кто имел радость, тот и сберёг её, того она и взрастила, и потому не потерял стойкость и рвения к борению, и потому остался жить и продолжил свой род, ибо смог передать свою радость потомкам. Трагедия может прийти с неожиданной стороны, ибо, если это движение к Богу очень быстрое, то сим можно нарушить нежную природу человека. Именно по этой причине, Бог переселяет человечество в земные реалии, чтобы дальнейшее

движение к Богу было удобоприемлемо постепенным, без сверхсильных перенапряжений для немощной воспалившейся грехом природы людей. Применительно к нынешнему моменту, живому надо дать возможность эволюционного возрастания в прежнем ритме и в тяжёлых внешних условиях, в коих формировался древний человек. То есть жизнь на селе, в прежнем её укладе, со всеми её рисками бытия так и остается ключевым и самым значимым знаменателем, и нормальным условием для возможности возрастания человека – это условие нашего пребывания во Вселенной. Информационный поток в деревенской среде многократно более насыщенный и многогранный. Научный прогресс востребован в ином совсем – либо как инструмент, улучшающий условия непосредственного богообщения в процессе трудов в поте лица, либо для возможности жить там, где окружающие условия не позволяют быть счастливым так, как это было прежде во Царствии Небесном. И то и другое по сути одно и то же, активированное по-разному. С другой стороны, во Царствии Небесном всего этого не было и человек, общаясь непосредственно напрямую с Творцом, не нуждался в проводниках Себя – оные оказались востребованы только лишь для того, чтобы продолжать быть в прежнем межличностном общении с Ним, ибо ослабленная грехом природа требует к себе нежности. Ради того, чтобы вновь оказаться в естественном для себя состоянии Царствия Небесного окружающая природа приносит себя в жертву, благодаря чему человек в удо-

боприемлемых условиях может стать подобным Ему в свойстве вечности Его, то есть продлить земное время нашего бытия, столь нужное для настоящего покаяния. *Ведь каким бы развитым научный прогресс не был, в любом случае, идти по правильному пути к радостному счастью остается не за машиной, а за самим человеком. Человек идет к Богу, а машина ему помогает, все сильнее и сильнее включая в себя всю Вселенную.* Даже если с научной революцией придётся покончить раз и навсегда – человек сделает выбор и пойдёт не за хорошими условиями для плоти, но именно за своим душевным комфортом, утверждающим богообщение. Богообщение – это иное имя жизни. Техника призвана сослужить богообщению, а не уничтожать его сытостью и ленью. Эволюция идет в самом человеке и при этом только в одном направлении – к более лучшим способностям держать и хранить Божественную радость. Что-то в нем такое улучшается и это-то и становится самым важным достижением в становлении, и Бог закрепляет оное в природе человечества Судом Своим, явленном в каких-то тяжелых испытаниях. (Может быть даже сам научный прогресс призван какое-то время поддерживать человека, пока идет формирование в нем нового Божественного признака). Возникает новый образ лучшего подобия Богу, в котором человек проходит мимо смерти иначе. У каждого из нас есть время на покаяние, на возвращение к прежнему образу Творца. Поэтому живое остается живым также как желудь остается дубом, будущим

деревом. То есть идти мимо опасности (прервать межличностное общение с Творцом) не только благодаря своей Божественной чистоте (подобно пушинке в воздухе), но и теперь уже даром видеть перед собой дорогу. Да, человек согрешил, но у него теперь есть время на возвращение, благодаря дару видеть и обходить опасности. Человек видит Бога тем, что отличен от абсолютной чистоты Его, то есть отличен (от пустоты) отсутствия грязи. Теперь уже не расчёты и не асфальт под ногами (хотя это тоже востребованная часть природы познания Истины), а ясное видение верных путей обуславливает возможность уверенно идти в будущее в обход препятствий. Благодаря чему человек получил время для своего возвращения к подобию Творца. Возможно, что научная революция погибнет, но останется сам человек в радости для дальнейшего возрастания в Бог и в Его счастье. Наука никуда от него не денется и вновь наберет прежние обороты, лишь бы жива была душа человека, то есть он сам. Гораздо важнее и проще видеть радостью предстоящее, чем его вычислять аналитически. Это также как опытный плотник, выстраивая дом не пилит строительный материал согласно своим расчётам и потом собирает изделие, а в процессе самой сборки шаг за шагом притирает каждое бревно к общей будущей структуре строения избы. По мере возникновения надобности и по месту востребованности делает замер, и потом только отпиливает по этому замеру. То есть при строительстве дома каждое бревно обрабатывается

непосредственно перед самым уже процессом укладки: вытёсываются пазы только перед самым моментом его установки в сруб. А не так: обработать все бревна и потом пытаться их подгонять в друг к другу в структуре дома, из-за чего возникает множество ошибок, несоответствий, хаос в конструкции. Даже здесь мы видим образ Пасхи, возможность пройти мимо ошибки. Иными словами, человек хранит свою радость и радостью руководствуется в пошаговом принятии верных решений на каждом новом венце строящегося дома и, последовательно правильно выводя всё строение дома, радостью возводит себе обитель радости. *Таково новое определение соотношения хаоса и структуры.* Все брёвна разные, а потому каждое из них требует индивидуального подхода в решении. Жизнь просто такова, что невозможно в ней все рассчитать, зато можно видеть перед собой путь и идти по нему постепенно к цели.

Сама эволюция жизни следует именно по этой схеме, которая во всей своей полноте отразилась в природе людей. Наше тело – это запечатленный образ пути движения ко всеобъемлющей полноте выражения Божественного и современность – одна из последних бесконечных звеньев цепи, ведущей за Христом в будущее. Просто в процессе эволюции становление могло идти только по этому принципу, то есть только в сторону подобия Богу по Христианскому пути. Священное Писание дает уже конечный осмысленный результат-ориентир, в противном случае главный смысл, жи-

вое богообщение людей, затерялся бы во множестве не нужных слов и понятий.

1.0.-14. Еще одна интерпретация³⁶⁷ беседы личности человека с Личностью Творца посредством бесконечно ограниченного природой соотношения хаоса и структуры. Допустим, что некто возжелал составить карту местности, попытался выразить единство и взаимосвязность попавших в поле его зрения фрагментов в окружающей Вселенной. И вот он измеряет расстояния между объектами и в пропорциональных соотношениях выводит на листе бумаги. Мы понимаем, насколько сложен и трудоемок этот метод познания, причем предполагает бесконечно много ошибок. Мудрый просто залез на вершину и без всяких множественных расчетов и измерений срисовал открывшуюся реальность и там ошибки не будут существенными. То есть самое важное становление до совершенства происходит не в возможностях верно воспринимать мир посредством точных вычислений, а в даре созерцания. Человечество совершенствуется в своём внутреннем мире и в первую очередь стремится лучше отчетливее созерцать всеобщее радующее единство, и этот главенствующий процесс возрастания никак нельзя уничтожать хорошими бытовыми условиями, создающиеся городскими инфраструктурами, научным прогрессом. Бог их дает, но не для этого совсем, но чтобы сделать комфортнее единство в богообщении, активирующий этот процесс возрастания.

1.0.-15. Таким вот образом человек беседой с Ним соблю-

дает основной закон природы³⁶⁷ – закон сохранения образа Божьего. Вне Образа Творца общение невозможно. А если говорить о ещё более специфическом частном выражении этого общего понятия, то есть адаптировано к нашим потребностям жить – закон сохранения радости. До грехопадения, эта радость была естеством жизни во Царствии Небесном, а после грехопадения приходится много трудиться в поте лица, чтобы поддерживать себя в том же состоянии жизненного естества, помогать Богу утверждать Закон Сохранения в земных реалиях, что и есть сослужение Ему³⁶⁶. Для этого мы делаем ремонт своего жилища, наводим Божий образ Царствия Небесного, то есть держим порядок в обществе и во всем мире. В противном случае, Закон Сохранения радости начинает работать без нашего присутствия и соучастия, что становится трагедией для человека.

После порчи грехом жизнь не остановилась, а это означает, что выдержаны абсолютно все те требования полноты радости, которые свойственны Божественному изначальному Царствию Небесного даже в таких скованных грехом земных условиях. Повторю еще раз, абсолютно все. Радость бытия во Царствии Небесном – это как хождение канатоходца по канату, при котором главное – это равновесие на канате, а не то, что он делает в этот момент. Если есть равновесие, то в пределах равновесия и все остальное возможно. Этот образ канатоходца заложен в самой схеме формирования образа человека в процессе эволюции, при котором, если есть глав-

ное – радость, то в пределах ее остальное все возможно³⁶⁶. Значит отвергать сей сокровенный, выстраданный мириадами лет образ жизни или что-то менять в образе быта, или добычи хлеба насущного – есть преступление перед человечеством, ибо уничтожается самое важное условие бытия живого, дающего возможность дальнейшего эволюционного становления – радость в экстазе, как победа над греховной страстью в самом себе³⁶⁵. Экстаз радости заложен в основании всего мироздания и имеет множество имен. Во всем заложен образ Пасхи Христовой и имя Ее в каждой сфере звучит по-разному. Например, Вселенная с Богом в Центре, экстаз, Нирвана, организм человека, Солнечная система, атом, молекула, диполь в химии и так до бесконечности перечисления. Весь мир этим жив.

Поэтому следует сказать, что преступлением будут инородные природе человека и Богу направления в совершенствовании себя, а также нельзя изменять изначальному непосредственному единству с Богом Царствия Небесного и, не смотря на выдающиеся достижения науки, надо хранить сложившийся многими тысячами лет уклад быта, с его естественно малым уровнем энергоёмкости. Надо само естество жизни северного человека адаптировать в новые условия выживания. С этим славянские народы уже столкнулись после сразу же Великого Переселения и, чтобы не изменять своей специфике образа жизни, решили этот вопрос так, как сие дошло до наших дней. Иными словами эта кондиция живо-

го, коя пришла нам из бесконечного прошлого так и осталась условием жизни и явлена, как ещё одна грань Закона Сохранения, ещё одна форма его выражения. Преступление этих пределов дозволенного приведёт к гибели вообще всего на Земле.

Итак, во имя своей жизни человек призван быть в общении с Творцом, которое имеет много граней проявления в свойствах и сферах окружающего мира. Мы вычленяем каждое свойство для обозрения для того, чтобы отвечать на какой-то конкретный вопрос, помятуя о том, что это только лишь отдаленное выражение одного и того же самого важного в бытии вообще – беседы личностей в данной сфере мироздания. Нам не надо бороться за проявление какого-то свойства Акта единства, а просто пребывать в беседе с Личностью, быть в единстве с Ним, а все остальное приложится автоматически самостоятельно без всякой борьбы. Итак, ведя суждения в озвученной нами сфере реальности, мы призваны сослужить проявлению Закона Сохранения. Изначально надо сказать, что специфика строения организма человека обусловлена именно этим и только этим стремлением уже здесь, при жизни пребывать во Царствии Небесном, а не как конечный результат единства и борьбы противоположностей в жесточайшем естественном отборе. Эволюция организма стимулирована победой не над жертвой во имя себя, а над собой в воздержании и в стеснении быта ради ближних. Хотя физическая крепость и развитость мышц нашего тела всё же

стимулированы в той мере, в какой сие востребовано необходимою выживанием, но опять же только для того, чтобы данная кондиция Божественного присутствия оставалась на человеке в той же степени душевного комфорта и счастья, в какой она пребывала изначально на нем во Царствии Небесном. Нет ничего сильнее радости в Боге. Вне счастья от торжества духа Божьего и Царствия Небесного жизнь невозможна. Именно этот момент оформил привычное для нас обличие человека³⁶⁶. Хочу сказать, что так как сильнее радости в Боге нет ничего, то какое-то иное бытие (более чем это востребованное и какое-то более необходимое), чем духовная стойкость в радости перед силами бездны в душе, на природе людей эволюцией выразиться не может, в результате чего мы имеем то, что в привычном виде явлено в нашем естестве. Если нет участия в духовной брани, то и нет борьбы, в процессе которой определяются специфические победоносные видимые образы строения живого организма, адаптированного к специфике противостояния. Специфичность строения тела человека заточена на активацию торжества в борьбе над собой, над своей природой греха, даже если сие в ущерб собственной жизни. Победное стояние в духовной брани – основа основ во всю историю жизни, а потому в той же степени востребовано и в наши дни. И никакие достижения научного прогресса, и никакие удобства, связанные с ним, не должны покушаться на эту естественно сложившиеся ритм и гармонию. Ведь, повторюсь, счастье человека есть норма

здоровой внутренней жизни, определяющая все остальное. Это бытие в экстазе (когда есть торжество над самим собой) обусловлено только комфортом трудового процесса в поте лица, а не комфортными условиями бытия. Это разные и даже противоположные понятия. И при этом всякое торжество над собой или всякий экстаз, или всякое сверхсложная научная доктрина, структура мироздания вообще вписываются в следующее: один вытаскивает из беду другого ради спасения его.

Мы вновь дали новое имя беседе личностей через отношение хаоса и порядка, только теперь составляющие соотношения назвали иными именами.

1.0.-16. Итак, два аспекта живого: 1. Единство с Богом в прообразе связанной с Ним точки отсчета и созерцания мира; 2. Возможности природы человека.

Одно всегда по некоторой мере возможности дополняется другим, но никак не подменяет или заслоняет, как это имеет место в науке в наши дни из-за огромного скачка научного прогресса. Любая форма жизни – это состояние канатоходца, для которого жизнь – удержание равновесия тела на канате. А будет ли он в пределах этого равновесия радоваться, идти по нему, плясать на нем или даже ездить на велосипеде – второстепенное, явленное только как возможность. Жизнь – это одно, а эволюция – это другое уже. Это ее свойство, опосредовано коего полнота Божественного присутствия становится более и более всеобъемлющей. Все пребывает в подобии

Изначальному, а потому все изменения происходят в пределах этого подобия Ему и в то же время по пути наибольшего выражения всех Его граней в пределах богообщения. В этом же образе каждая фибра природы человека и даже всей окружающей вселенной несёт в себе цель вспоможения пребыванию души в торжестве от общения с Богом. Не пустая и бесцельная оборона в противостоянии за пребывание в земных условиях, а прижизненное бытие души и духа во Царствии Небесном и дальнейшее движение к Богу совершенствованием своего подобия Ему в сферах бытия, которые природно еще более близки к Нему. Они, эти сферы, есть в каждом из нас, но не активированы для богообщения, либо плохо активированы. Тут надо обязательно добавить важное, что природа имеет неоднородность из-за разной степени близости к Богу. В тех сферах, которые наиболее приближены ко Творцу, время сильно заторможено и по мере приближения оно течет все медленнее и медленнее, а в Самом Нем стоит вообще. Соответственно и сами эволюционные процессы становления образа Божьего в каждой сфере бытия текут по-разному, либо даже бесконечно долго **666-1-01**. Поэтому некоторые сферы бытия становятся активными в богообщении только в самые последние моменты эволюции после многих мириад лет эволюционного становления.

Бог находится вне всякой досягаемости и везде Его присутствие остается нетронутым. В этой недосюгаемости заложено «пройти мимо» и мы исповедуем именно это и именно

в этом наше спасение. Один вытаскивает другого из ямы и в этом есть спасение для того, кто из ямы. Ибо если тот, который наверху, прыгнет к нему в яму, то будет идти речь о необходимости спасения уже обоих. Такова динамика богообщения, межличностных отношений в любви. Может быть трудно говорить о научности данного высказывания, но важно для воспитания человека перевести суждение в этот ракурс. Хотя бы по этой причине сие будет Истиной, не говоря уже обо всем остальном. Это важно сказать, ибо каждая научная доктрина в конечном счете подводит ученого именно к этой границе бытия, выводит на эту площадку вершины, за пределами коей выше инструмент исследования натывается на пустоту. Дальнейшее продвижение вверх ограничено возможностями самой природы инструмента познания. Но как только мы меняем инструмент познания, так сразу же получаем возможность подниматься выше и мы понимаем, что бытие пустоты тоже обязано определенной динамике тонкого внутреннего мира. Об этом сказано в данной книге³⁴. Но исходя из всех суждений о пустоте (смотри 777-01-1.4), мы подводим в конечном счете опять к одному и тому же знаменателю (смотри 11-11-1), в коем один вытаскивает из ямы другого. Таково воспитывающее свойство Истины 000-01-07.

Как видим, пройти мимо смерти в прообразе Пасхи Христовой, имеет свое тождественное выражение в природе психики – экстаз, где ум находится вне тела и при любых стечениях обстоятельств должен быть на том же своем месте. Уму

нельзя участвовать в любых процессах физиологии человеческого организма, а также в самом процессе нудного физического труда, но только держать радость в себе вне этого и над этим, чтобы все остальное приложилось. Мозг в первую очередь несет в себе только счастье, а потом уже все остальное. В противном случае, ум перестает видеть верную а потому радостную цель. То есть достижение цели не несет в себе радость, что характеризует ее как ошибку. Ошибка приводит к смерти и потому мы ничего не знаем. Сие просто не дошло до нас из древности. Если ум не несет в себе радость (не важно по какой причине), то в его существовании теряется смысл. Дуракам всегда везет.

Солнце пребывает вне постижения и это тоже прообраз Праздника Жизни вечной(смотри777-03-01). Иными словами, всякое проявление Закона Сохранения обусловлено изначальным бытием Первоначала и при этом его не досягаемостью. Так как экстаз – это внутреннее умное делание и главный активатор жизни, то во внутренней природе головного мозга человека все адаптировано под выполнение данной задачи – кондицию состояния разума, а именно успешное именно духовное победоносное делание: хорошая память, глубокое мышление, высокая духовная и душевная природа созерцания Его. Для этого же самого в природе физиологии организма главная артерия, исходящая от сердца, поставляет мозгу наиболее очищенную и наиболее насыщенную кислородом и полезными веществами кровь. И это все

только для того, как говорят ученые, чтобы возникла ясность ума, столь востребованная в плодотворном делании на духовной ниве исихазма, позволяющая отчетливее видеть Его. Мне думается, что еще и для того, чтобы ясность ума в образе Бога и в образе Солнца, и в прообразе Пасхи Христовой была вне досягаемости для всего инородного этой ясности ума и даже сильной боли или усталости. По себе скажу, что ясность ума, столь нужная для плодотворного творчества – штука капризная. Для радости ума надо хорошо выспаться, нужно хорошее самочувствие, нужна бодрость. Либо полезный труд на свежем воздухе постоянно менять умственным. Плодовитая ясность ума – это дело очень тонкое. Требуется особого внимания. Именно этим же занимается сама природа человека и даже вся Вселенная служит именно этому состоянию разума людей. Только в этом случае феноменально работает память, благодаря чему все понятийные инструменты для анализа оказываются всегда «под рукой». От этого зависит жизнь человека, продолжит ли он свой род. При этом, повторяю, много такого в течение дня, которое покушается на ясность ума в радости, хотя именно такое состояние здоровья самое желанное. Исходя из такого посыла, если мы дадим определение жизни иное³⁶⁴, то нам становится ясным направление эволюции становления человечества. Мы видим еще одно направление движения к Богу в человеке – сама физиология природы нашей шествует к Немю(см.666-1-01).

Представьте себе, что вы проснулись утром, у вас хорошее настроение, светлость и ясность ума. Это-то и есть счастье. Его надо сохранить ну если не на всегда, то хотя бы максимально долго. То есть в этом мире много всякого такого, которое может осквернить радость и работоспособность мозга. И вот надо идти именно теми путями, в коих ясность ума остается такой как утром. Именно мимо всего инородного следует нам пройти мимо. Перед нами новый прообраз Пасхи. Мы, как тот водонос в библейском празднике Опресноков, несем собой кувшин, наполненный радостью бытия, данную нам еще при самом рождении в утробе матери. Мы его несем и обходим все то, что попадает на пути, чтобы не расплескать его содержимое. Сама эволюция жизни и становления организма человека, как мы видим, имеет только эту цель и имеет бытие только в этом прообразе. Все в нашем организме заточено только под одно – на высокую работоспособность мозга ради плодотворного бытия в экстазе богообщения. Всякая фибра нашего тела призвана оберегать радость от всего того, что мешает ей иметь место в данном бытии. И даже сам физический труд любой тяжести – это тоже покушение на радость бытия человека, это тоже травма психики. Для него ясность ума в радости также должна быть не достигаемой. Всякая аскеза направлена не на закалку силы воли или на крепость мышц, или еще чего-то, а также имеет только эту цель – хранить радость бытия в ясности разума. Более того, сие имеет место быть не только в нашем

организме, но и, как говорит нам история человечества, вся Вселенная мотивирована именно этим соединителем в природе человека Бога с видимым миром. Мы призваны тянуть за собой мироздание во Царствие Небесное. Ничего более Вселенной не движет. Таков прообраз недосягаемости Бога. Отсюда следует определение высшего экстаза – это есть не свойство плоти, а состояние плоти в радости через дух соединенный с Богом. То есть только ясность ума, также как палец руки, когда здоровый не чувствуется – его как бы нет. Но именно отсутствие всякого чувства есть признак того, что палец здоров и именно это есть радость. Этот момент отразился в практике Нирваны. Получается, что смерть греха – высшее качество совершенства. Все это в прообразе Пасхи Христовой отразилось на природе человека – природа человека проводит сознание мимо всего того, что инородно спокойствию и невозмутимости духа. Ясность разума человека – основа всего на Земле и мы должны обходить стороной опасность даже оказавшись в ней самой. Мы должны обходить стороной физическую боль и тяжбы физического труда. Это, как учение, имеет наиболее отчетливое выражение в Индуизме с его различными практиками Нирваны. Физический труд – это тоже покушение на природу радости и организм человека так выстроил свою физиологию в процессе эволюции, что позволяет мозгу пройти мимо этой опасности, позволяет быть уму вне самого процесса физического труда. То есть та самая радость бытия в утренние часы даже в изнури-

тельном физическом труде не притупляется и даже усиливается. Таков путь человека от самого младенчества до старости. Человек призван пронести дар или радость ребенка через всю свою жизнь и только так он попадает во Царствие Небесное.

Отсюда нам понятен путь эволюции всей Вселенной. Пусть жизнь – это огненная плазма. Плазма имеет структуру развития. Чем ближе мы к источнику возгорания, тем сильнее нам открываются какие-то возможности управления энергией огня. В конце концов берем то, что оказалось причиной или источником энергии огня в руки и теперь его воздействие можем концентрировать на чем-то конкретно, целенаправленно. Мы обретаем способность управлять им. Так вот эволюция организма человека именно такой имеет образ – мы лучше распознаем некоторые сокрытые глубинные свойства грани, приближаемся к точке воспламенения все ближе и ближе. Благодаря эволюции в этом направлении мы можем все лучше и лучше управлять своим телом. Движение к точке воспламенения предполагает несколько вариантов решения задачи и все они выразились на природе людей(см.666-1-01). Даже сопротивление естеству жизни оказалось на пользу, оказалось живительным условием. Сопротивлением процесс горения невозможно потушить, но можно только замедлить его до бесконечности, коя также есть свойство Божественное – быть везде и всегда³⁷⁰. Сопротивлением растянули до предела, благодаря чему на каждом ее

фрагменте развития плазменного потока появилась возможность пошагово, акцентировано более подробно и более развернуто распознавать, и констатировать свойства плазмы³⁷⁰. Растяжение процесса воспламенения привело к тому, что человек научился отчетливо видеть мир во множественных деталях красках, а дальнейшее движение к самому эпицентру, к краю, уже позволяет различать посылы-предтечи будущего совсем иначе. В конце концов, как это замечательно нам говорит Мирча Элиадэ, так возникла религия. В организме человека множество всяких процессов и все они заточены под одно единственное – способствуют видеть мир ясностью ума. Культовые религиозные действия несут в себе тоже самое – это продолжение внутреннего процесса человека. Подобное могло породить только свое же подобие. Из внутреннего мира вышла и вся вселенная, а потому мы будем постоянно давать новое имя Богу на том понятийном языке, на котором приходится богословствовать.

Почему в эволюции становления организма человека было уделено столько внимания работе ума (более того плодотворная работа ума стала основой всего)? Вся природа и каждая микрона нашего тела и вселенной, в конечном счете, призвана только этому – вспомоществовать плодотворной работе мозга. Она следует через мозг во Царствие Небесное, держит связь с ним. Потому, что всякая микрона бытия природно сама дает свое специфическое имя Богу. Она свидетельствует о Творце на своем уникально сложенном в

процессе своей эволюции понятийном языке природы (хотя такие высказывания не корректны, ибо речь идет не о свидетельстве о Боге, а о том, что мы призваны быть проводником мира во Царствие Небесное(смотри000-01-07). С этим можно согласиться, если взять за точку отсчета и начало всех начал Творца, как отсутствие заблуждений и ошибок. Мы берем в руки причину или источник энергии огня в руки и теперь его воздействие можем концентрировать на чем-то конкретно, целенаправленно. Хотя о богообщении так говорить не корректно, но (07.01.00) именно в этом прообразе молитвы пребывает человек во Вселенной. Перед нами новое имя человеку – это молитва Богу, это образ Богообщения с Ним¹¹¹⁻¹⁻¹¹. Любая наука в этой позиции освящения реальности адаптируется под теоцентризм, получает составляющую наиболее близкую к Божественному. И даже математика, как крайняя форма грубого богословия, в меру своих функциональных возможностей, исповедует нам Божественное в чистом виде. Отец Андроник Лосев в своем труде «Хаос и структура» замечательно показывает нам то, как математическое число, хотя и является крайним пределом бытия Вселенной, но по-прежнему относится к категории живого или остается в области бытия живого, то есть его границы, за гранью цельности и целостности которой абсолютное ничто. Не смотря на то, что число есть дно естества Вселенной, оно остается частью живительной полноты, а потому востребованной. Что уж тогда говорить о материи и науках, её

изучающих. То есть материя – это тоже форма богословия и жизни, в противном случае она была бы, как неподобие, вне области созерцания живыми существами, ведь подобное распознается подобным. И тем более невозможно быть ей строительным материалом для тела. Именно по этой причине, заключает великий Лосев, материя, как и само число – категории духовные или разные формы и степени духовного бытия. Ибо, ещё раз повторю, орудуя числом, как инструментом, мы неизбежно попали в сферу постижения духовной жизни. *Каждая микрона бытия имеет структурность, а так как, в пределах своей реалии, всякой структуре присущи крайности минимума и максимума, то выражены понятийным языком, свойственном уникальности своей природы. Всякий минимум или максимум распознается в соотношении заложенного в природе человека критерия, который духовный по существу.*

Закон Сохранения в самых различных его вариациях выражения в природе вещей – это духовная составляющая, выражающая свойство Божественного быть абсолютно вечным и непреходящим на каждой микроне бытия. Всё подчинено Закону Сохранения и человек сослужит этому промыслу Божьему, пытается вечно хранить жизнеутверждающий порядок вещей, знание о коем человеку заложено еще до его грехопадения на естественной Родине своего бытия – во Царствии Небесном. Человек в постоянном стремлении сохранить естественное Бога (порядок) в противоестественных

для жизни сферах из-за поражения грехом (хаосе). Жизнь по природе своей не терпит односторонности, ей нужна абсолютная многогранность. Мы не видим зайца, затаившегося в траве, но только при движении его. Мы не понимаем изображения на фото, ибо Солнце непростительно становится равнозначной частью всего остального, ибо в реалии совсем не так. Также как человек не может быть в одном положении, ему надо постоянно менять и позу, и положение. Из-за этого все ломки во Вселенной, но только и еще раз только в пределах Закона Сохранения – так живительно для всего вокруг подчеркиваются различные грани этого закона. Любое положение будет лишь новым свидетельством об Одном и Том же, сохраняя Его образ в разных состояниях мира. Энергия постоянно переходит из одного состояния в другое и остается постоянной величиной.

Источник влияния всегда вне постижения, но влияние Его неизменно присутствует, этим обеспечивая бытие Закона Сохранения в различных реалиях изменяющегося бытия. Недостигаемость Источника – условие бытия Закона Сохранения. Одно и то же Влияние Источника оказывается на все и в любом меняющемся виде, а потому всякое сочетание явлений и событий всегда будет исповедовать одно и то же, но разными состояниями природы. Всякое бытие природы попадает под это влияние и под этим воздействием меняет поведение, начинает исповедовать об Источнике этого влияния, являя нам Закон Сохранения образа Того, о Коем идет

это свидетельство в самом поведении. Образ один и тот же, но разные формы исповеди о Нем и они постоянно бесконечно меняются⁴⁵². Вне этого изменения нет стремления ко всеобъемлющей полноте (смотри 777-01-2.1), вне коей нет жизни, ибо нет свидетельства о Боге в Его завершенной всеобъемлющей полноте. Живое постоянно как бы переходит из одного состояния в иное. Это важно упомянуть, ибо выразилось в древней славянской вере и потом в Православии⁴⁵². Именно этот момент православные называют обоженьем Вселенной. Но тут нельзя путать обоженье формальное, как благоустройство быта по образу Царствия Божьего, с обоженьем сущностным. Как показал святой Андрей Рублёв, эти понятия не равнозначны и не взаимозаменяемые, а только лишь дополняющее следствие одно из другого (если первое обуславливает второе, то второе – никогда) – путаница в этом привело ко всем трагедиям в истории человечества. Только Благодать Духа Святого должна быть обожествляющим Материалом для окружающего мироздания, а форма вещей – это, хотя и часть живительной полноты исповеди о Боге, но остается только лишь как вспомоществующее и может быть более полное, несколько усиливающее конечное проявление внутренней духоносной сущности, если формальность имеет Богом откровенную структуру (смотри 777-01-2.1).

Замечательный ответ на этот вопрос дан в священном Писании. Когда молился о своем воинстве пророк Моисей. Ска-

зано, что когда он поднимал руки к Небу, то воинство Израиля держало верх над Амаликом. Когда опускал руки, воинство терпело поругание. Тогда двое сопровождавшие его подняли ему руки и Израиль одержал победу и вошел в свою землю обетованную³⁶⁹. Что есть руки поднятые к Небу в молитии? Только лишь внешнее проявление внутреннего сосредоточенного делания, рабочего процесса богообщения и, как оказалась, оный есть живительная востребованная грань полноты. И вообще святой пророк ставит научный прогресс в особое место в деле служения Богу³⁶⁹. Ведь по науке, преподанной ему свыше он устраивает скинию и Жертвенник. И напротив, перед тем, он разрушает иной шедевр научного прогресса – золотого тельца. Ведь золотой телец – это пик научного прогресса в те времена. Примечательно и то, что и золотой телец, и скиния были созданы из всего того, что жертвовали люди его народа: украшения и сбережения. Украшения даются не так просто, ибо это целая технология начинающая с тяжелого труда шахтера и заканчивая плавкой и ковкой металла. Только по неведению направлено сие было в иную сторону – предпочтение не сущностному единству с Богом, а чисто эстетично формальному, в прообразе золотого тельца, что и определило появление оногo. Так как совершенство имеет только одну полярность – подобие Богу, то два направления движения ведут к одному и тому же совершенству, только одно из них чисто формальное, а другое сущностное. И то и другое никак нельзя подменить одно другим,

но как-то совместить, не утрачивая естественную для Творца приоритетность. Так рождается Скиния. Человеку нужно служение Богу, как и во все времена с прежней кондицией активности непосредственных межличностных отношений с Творцом, при той же степени напряжения физических и душевных сил и в той же интенсивности трудов в поте лица только теперь уже с востребованной удобоприемлемой помощью от науки и её прогресса. В любом случае, Бог пребывает там, где нет смерти, а потому бытие в Боге становится основой всякого религиозного учения, хотя надо сказать, что отдельным народам это бытие в Нем становится наиболее всего значимым и более глубоким, при котором нет места даже для секунды вне богообщения. Эти народы формировались на протяжении многих тысяч лет, а потому наука не должна вторгаться в естество жизни, в её процесс, но только пребывать на внешних перифериях в коих становление природы до этого к образу Творца не шло – только в этом случае научный прогресс остается значимым для вечной жизни человечества. Совершеннее жизни нет ничего, а потому научная революция не покушается на живое подмной, не унижает присутствие Божественного, но дополняет её гармонично. Это и есть определение совершенству.

Жизнью в её живительном абсолюте наделён только Бог, а так как Творец абсолютно велик, то совершенством живого, сотворённого Богом, становится самый этот процесс возрастания до Его абсолютного величия. То есть, хотя и до со-

вершенства живому еще абсолютно далеко, но сам факт, что оно будет, то совершенство уже заключено в нем и оно совершенно. Просто совершенство, как сжатая пружина, распрямляясь приводит в движение все процессы становления и формирования живого. Распрямляясь она представляет нам образ своего внутреннего мира³⁷⁰ непосредственно только в самом в деле («эн ерго»). Как развивающееся растение мы называем цветком, хотя он еще только возникнет через какое-то определённое время (без непрерывности возрастания цветка не будет). Ибо начало и конец возрастания едины³ непрерывностью процесса становления и имеют образ единства Божьего в данном специфическом виде³⁷⁰, выраженном в неразрывной цепочке последовательности биологических процессов. Мы видим тот же образ Божий, Его совершенство, Его единство в прообразе той же самой точки, раскрывающийся в неразрывном единстве между началом и концом. Точка не имеет разрыва в себе собой, то есть в ней и начало, и конец едины. То, что оказалось разорвано, то утратило образ Божий, а вне образа Его нет жизни, ибо не сможет достичь совершенства Его образа в конце становления. А так как нет совершенства Божьего во всей полноте, то и нет жизни. То есть в этом случае Его единосущие, единство и живое в земных условиях уходит в небытие. Так вот, жизнь – это становление, при котором начала становления и конец тождественны в предмете, о коем идет свидетельство ими, то

есть конец всегда несет в себе все реалии причины начала, но только в более раскрытом виде. Именно по этой причине вся Вселенная имеет прообраз точки и пока этот процесс совершенства не дошел до своего завершения, он требует нежного к себе отношения, чтобы не порвать тонкую связующую нить – все должно быть удобоприемлемым для постоянства становления по самому максимуму, даже если становление будет идти бесконечно долго. Поэтому Вселенная – иное имя жизни и потому сама жаждет быть обоженной, а поэтому она так ухаживает за всем тем в человеке, через что это радостное обоженье Вселенной приходит. Из человека вышла Вселенная из Царствия Небесного и через него она вернется обратно. Человек и Вселенная тождественны в прообразах. Согласно самому призванию человеку надлежит обожить самого себя и через себя быть проводником преобразующей энергии Творца и этим преобразить Вселенную и не оставить её себе, но опять же отдать её Богу в прообразе Святой Евхаристии. Человек призван быть проводником Бога к Вселенной и Вселенной к Богу.

1.0.-17. При сотворении первого Адама Бог вдунул в него частицу Себя и вместе с Ней в человечество вошло всё сопутствующее Ему, вошёл весь сонм определений о Боге и Божественных имен, кои множественно раскрылись и раскрываются всегда на природе человека. Теперь через призму этой Божественной Крохи в природе человека он может безошибочно распознавать подобие Её во множественных

проводниках Божественного, даже в каждой микроне бытия. То есть с этого момента появилась возможность видеть Бога в бесконечно множественных проявлениях Его. Теперь есть шаблон-возможность созерцать мир через призму Божественного, чтобы видеть Бога и устраивать счастьем мир. Тем самым вести Вселенную к Богу. Только изначально заложенное в человека счастье, позволяет ему созерцать счастье и видеть счастье, сплачивать мир счастьем, и идти Туда, где пребывает это счастье и тем своим качеством жизни жить вечно в счастье. Бог там, где нет смерти. Радость бытия там, где Бог. То есть для ума естественно быть только в экстазе духа, что возможно только в непосредственном богообщении. Отсюда вывод, что без этой высшей экзальтации духа жизнь невозможна ни в каком её проявлении. Зародившись в реалии райского бытия, тело человека призвано очень бережно хранить этот огонек радости жизни, нести его мимо всего того, то инородно его бытию. В сотворении Богом женщины Евы из внутреннего мира Адама мы видим самый первый в истории человечества выход человека из себя в прообразе Пасхи Христовой, который в мире ученых называют экстазом. *А потому человеку естественно быть счастливым теперь только счастьем своей жены. Спаситель утверждал счастье счастьем ближнего своего.* Экстаз и вечность – это разные имена одного и того же. Прообраз экстаза богообщения имеет все вокруг и даже Вселенная несет в себе и Божественное присутствие, и дно небы-

тия. Да и сам человек, как соединивший в себе две крайности Вселенной – это есть тот самый экстаз, коим дышит и счастлива вся Вселенная и весь космос. Свойственная экстазу биполярность или контраст – это такой способ видеть Бога и пребывать в Нем, обусловленный грехопадением человека. Нужно сказать, что жизнь в экстазе – это радость бытия опосредовано того, что дух пребывает не во временном собственнй греховной плоти, а в вечности – в том, что несет человеку вечность. Во временном естестве плоти человек пребывает в мучении. Это не простое высказывание, а это есть ключ к пониманию о том, как надо настраивать психику во время тяжелого, нудного, монотонного физического труда. Этот момент выражен множественно в природе Вселенной и на самом человеке, прародителе ее, ибо подобное рождается только его же подобием. К примеру, в природе человека голова несколько отделена от туловища, имеет в некоторой степени самостоятельную независимость – как бы пребывает вне природы человека, торжествует над ней. Налицо контраст, в коем торжество радости имеет тот же самый образ. Беременная жена носит в себе семя мужа, то есть она живет радостью и здоровьем собственного дитя. В то же время, как один из образов экстаза, когда муж пребывает уже вне себя и живет радостью жены. Её здоровьем. Молодой муж, у которого любимая носит его дитя в утробе, сразу замечает перемену в себе, он потерял для себя самого значимость перед жизнью, чувствует свою второстепенность и потому бо-

лее готов к самопожертвованию. Этого с ним не бывало ранее и он до беременности сильно хотел жить. Такова природа экстаза – жить вне себя и только собственным духом, соединенным с Божественной вечностью опосредовано всего того, что к Ней приводит. Все выходит только из внутреннего мира человека – каждое его деяние, каждое его устремление. А так как это исходит из внутреннего мира человека, то это подпадает под определение экстаза, выхода из себя. Экстаз в радости о Боге – самое священное состояние радости человека и всей Вселенной, вне которого нет жизни ни в каком проявлении. Это самое священное действие и самая важная реальность постоянно пребывает под усиленной бомбардировкой окружающей среды, понуждая его к возрастанию. Вселенная хочет, чтобы человек занял свое место там, где не будет ему этих покушений на его радостное спокойствие духа – в самый центр ее у Бога. Вселенная хочет возрастания человека только в Боге и движения по направлению только к Нему. С другой стороны, после святой Евхаристии, человек наполненный священной радостью полноты жизни должен беречь себя, свою радость, чтобы случайно не расплескать ее во время следования по трудному пути к месту Праздника праздников (Опресноков из св. Евангелия). Это самое тяжёлое, ибо он должен быть там, где либо ему это безопасно, либо надеть на себя какую-то защиту. И то и другое приемлемо и принято самой природой в процессе эволюционного становления, при котором с одной стороны человек уже пре-

бывает в радостном Центре Вселенной, а с другой стороны избегает покушений на такое состояние порядка вещей. Тем самым в человеке мир оказывается единым. И только в человеке. Опытный монах, обычно прячется куда-нибудь в лесах и болотах, скрывается в пещерах или за высокими каменными стенами монастыря. Этот момент также не обошел эволюционное становление организма человека. Это тоже жизненно значимо и природа в этом же прообразе устраивает свой порядок. Так, к примеру, организм «прячет» ум под костным панцирем черепной коробки, то есть эволюционно подстраивается под эту кондицию состояния человеческой души в экстазе, благодаря которой человек становится более выносливым в терпении, рассудительным в самые тяжелые экстремальные моменты жизни, что важно для общей способности выживания, а главное не озлобляется в трудности и счастьем прощает своих обидчиков. Прощает своих обидчиков, ибо иное есть покушение на счастье быть в экстазе. Потом в процессе эволюции костный панцирь черепной коробки принимает иные множественные образы в общественных отношениях. Мозг прячут за высокие каменные стены монастырей, бесконечные нити государственных границ под охраной армии и флота.

Если тело не сослужит уму согласно возможностям своим, то оно теряет значение и гибнет, причем в муках. Монах если нарушил пост, то испытывает боль. Кровь начинает нести в себе то, что склоняет его к сонливости и к плохой работе

мозга, и утрачивается ясность ума и собранность духа, приводит к рассеянности внимания в молитве, отчего приходит это гнетущее душу чувство бесполезности напряжения сил и неудовлетворение. Монах – это и есть человек как в семейной, так и иноческой жизни. Он опытный аскет, высота его духовного подъема открывает ему некоторые возможности помогать тем, кого он любит. Он утонченный в стяжании побед воин. Он в торжестве духовной брани сердца, сразу замечает в себе утрату господствующей высоты духа, ему становится гнетуще плохо – он терпит боль, которая гораздо сильнее физической и даже бесконечно более невыносима³⁷¹. Ведь, если плоть мучается, то это еще не так страшно, ибо человек привыкает и живет с ней даже всю жизнь. Если душа мучается от боли, то человек не только не может созидать и творить, но даже способен на откровенные поступки против себя. Только ради душевного комфорта и радости, человек пашет, трудится в самых суровых условиях и переносит невероятные перегрузки и остается весел. Трудность, как ветер, который вроде бы должен погасить пламя костра, но все наоборот – ещё более усиливает и раздувает огонь. Это качество стало основой, благодаря коей древний насельник Севера смог жить в данных суровых условиях. Высшая экзальтация счастья, экстаза бытия – естество нашего духа и души, свойство ума, через которые преображается и становится счастливым само тело³⁷². Под эту кондицию экстаза, в коей пребывает ум подстраивается вся природа организ-

ма, которая создает вольготные условия работе мозга, чем обеспечивается ясность ума. Ясность ума – цель бытия тела. В каждой мышечной системе имеются вспомогательные работе сердца конструктивные элементы, проталкивающие кровь по сосудам. Иначе бы наше сердце не справилось бы с такой перегрузкой, а артерии, исходящие от него разорвались бы от высокого давления крови. Фактически сам по себе наш организм – это такое сердце только иного масштаба, которое качает в себе самом кровь и обеспечивает всем необходимым самое главное – работу ума³⁷². Эта кондиция бытия живого человеческого тела смогла в процессе эволюции адаптироваться к любым внешним условиям вот таким вот уникальным образом. Душа без тела в земных условиях жить не может, по слову святейшего Патриарха Кирилла. А для нормального бытия дыши в теле в наших реалиях нужна физическая активность, чтобы не было застоя, но был бы прилив в головной мозг свежей насыщенной кислородом и богатой питательными веществами крови. Только для этого и ни для чего более. То есть получается, что изначально, организм призван только сослужить работе мозга, он только улучшал его работу, создавал душе молитвенный комфорт в экстазе богообщения³⁷². Вот этой кондиции жизни остается адаптироваться в земной повседневности, к её требованиям выживать. Далее физическая активность, стимулирующая приток крови в мозг, не ради ее самой, но теперь еще обретает осмысленность. Адаптируясь в земных условиях ста-

новится физическим трудом в добывании хлеба насущного – это такая норма жизни, а не трагедия. Ум человека постоянно занят поиском Истины, пребывает в поиске Божественного, а именно всего того, что несет в себе Его энергии. Таким образом, получается, что труд человека – это извлечение энергии из всего того, что ее несет в себе, извлечение энергии из энергоносителей. То есть труд человека – это выражение тех внутренних процессов, которые происходят в человеческом мозге, без которых жизнь невозможна. Именно поэтому в определённых дозволённых нагрузках тяжбы не гасится счастье, а наоборот ещё более усиливается экстаз его переживания, приходит неизреченная любовь к своим соратникам и ясность ума экстаза. Плоть по силе своих возможностей пребывает в напряжении физических нагрузок, но не в ущерб работе мозга, а как раз наоборот, чтобы напитать мозг всем необходимым, служит уму через подпитывание и стимуляцию мозга. Плоть – это продолжение работы мозга по поиску Истины, но уже в иных сферах.

Можно сказать также и по-другому. Человек идет по дорогам счастья в прообразе того евангельского водоноса, несущего полный кувшин воды теми тропами, следуя которыми он не расплескал содержимое сосудов из источника. То есть организм – это процесс следования души земными тропами во Царствие Небесное. Человек ищет Истину – высказывание не корректное, ибо он уже есть Истина, которая только лишь нуждается в сопровождении к своему подобию, то есть

на Свою изначальную Родину – в Райские Обитатели Творца. Продукт питания – это своеобразно выраженная дорога туда. И так, *Вселенная носит во чреве своем человека в прообразе Богородицы Девы Марии. Точнее душу его во плоти.* В такой формулировке истинности больше 111-01-1.4-1. Но так как для нашего мышления так воспринимать мир не удобно, то продолжим говорить на том же понятийном языке.

Из-за мирового похолодания, поиск Истины обрел высочайшую интенсивность и потому жизнь в последствии обрела иной образ, вышла на иной уровень. Появилось контрастное, чередование сытного и голодного времени (зима-лето), а потому образ жизни неизбежно адаптируется и под эти обстоятельства – включаются иные механизмы в борьбе за выживание (смотри 111-01-1.4-1) – человек научился распределять продукт таким образом, что когда наступит голодное время, он также сможет питать мозг и именно поэтому физическая активность обрела теперь еще одну грань осмысленности – экономия и распределение материальных средств. Нужно было запастись энергией, востребованной для мозга в голодные годы. И так далее – и так весь образ бытия в таком напряжении и перестройке, благодаря чему человек постепенно все больше возрастает в полноте приобщения абсолютному счастью и радость им порождающая сначала адаптируется то к одной деятельности, то к другой. Этим возрастанием он побеждает смерть в земных условиях, отвоевывает у неё все большие и большие пространства теперь уже в

космосе.

Вся Вселенная через тело радеет в первую очередь о мозге, носит его в себе и на себе, питает его самыми изысканными соками от плодов земных и этим помогает человеку, сослужит уму в силу своих возможностей в его духовном делании³⁷² – в поддержании духовного огня радости, как самого священного и значимого условия жизни. Отсюда мы заключили, что вообще всякая деятельность человека – это часть более общего процесса происходящего в мозге опосредованно всего того, что происходит в организме человека и несёт в себе именно утверждение высшей радости от приобщения ума к торжеству Божьего Духа (этот момент адаптировался в формировании научно-технического прогресса, где компьютеры разного вида помогают уму в работе). Без присутствия Духа Божьего, то есть без его счастья во всей его полноте человек угасает и подвиг совершить не может, ибо подвиг – это естественное желание поделиться радостью и счастьем, а тело – это далеко не первостепенная, хотя и тоже значимая часть всеобъемлющей полноты общения с Богом. При этом следует помнить, что плоть наша немощна, а потому не поспевает за чаяниями духа, а потому сильно его стесняет в свободах, из-за чего возникает мнение, что тело и душа – противоборствующие между собой противоположности. На самом деле, в этой Вселенной нет противоречий, просто в ограниченных наших возможностях воспринимать реальность мы видим, что одно плохо поспевает за другим.

Но все же оное поспевает то есть движение одного за другим имеет место быть. Более того, одно толкает другое вперед к совершенству(смотри 111-02-01). Перед нами тот самый образ змия, в прообразе коего мы все ползем вперед и только туда, где нам хорошо, то есть к Богу. Одно дополняет другое и соучаствует в общем процессе эволюционного становления до Божественного совершенства. Сие есть жизнеутверждающая часть полноты всего человека, то есть востребовано в богообщении. Тело является инструментом для спасения, сопричастницей уму в приобщении к Божественному. По замечательному слову отцов Церкви, Вселенная через плоть сослужит душе всегда и опосредовано очень узкого пути(смотри111-01-1.4-1). Вселенная и плоть – это видимая часть души, если она в единении с Творцом.

1.0.-18. Ведь, если в одном случае, тело наше – это печь, в которой горят дрова, поддерживающие в земных реалиях телесный огонь в костре, столь важном для радости от общения с Богом в экстазе. То в другом случае, костер можно даже затушить от переизбытка дров или наоборот их недостатка, из-за чего тело начинает мешать душе единству с Богом, уничтожая радость жизни, что приводит к гибели. (Раньше, когда не было спичек, в избах огонь горел постоянно и днем, и ночью, и летом, и тем более зимой). От этого тоже создается впечатление, что якобы тело враждует с духом. Также, из-за не правильного отношения к радости жизни, создается ложное впечатление о том, что научная революция состо-

ит в противоречии счастью, а ведь изначально уже в глубокой древности она возникла и была призвана не мешать, а только сослужить единству души с Богом. Ведь только единство с абсолютно счастливым наделяет нас счастьем во множественных его вариациях. Как это пришло издревле, так и останется ключевым моментом навсегда в будущем. Дело все в том, что организм – это сердце человека, которому нужно соразмерное пульсирующее движение и если что-то покушается на эту соразмерность монотонности движения (в пределах коего поддерживается ясность ума), то покушается на саму жизнь. Отсюда следует, что было бы правильным дать определения о том, что именно является естественным для человека. Надо ответить на вопрос, какой именно образ жизни он должен вести, исходя из того, что благодаря именно этой кондиции образа жизни мозг человека должен пребывать в максимальной работоспособности и в интенсивной ясности ума, пленником чего человеку естественно быть?

Итак, изначально нам ясно, что живая связь с Богом является священной и именно она является сущностью всего бытия человека и Вселенной через него. Ведь только Бог в абсолютном максимуме изливает из себя все живительные и жизнеутверждающие реалии. Поэтому, если человек хоть раз побывал в настоящем состоянии молитвы, то он становится пленником её навсегда. Ибо только в этом случае он осознает, что все грани чувственной природы заточены одновременно на одно и то же – созерцание Начала начал-цен-

тра, а поэтому вне этой привязки к единому Центру абсолютно все красоты и радости мира утрачивают свою притягательность. Ведь опосредовано наших проводников к Центру мы в образе созерцаемого общего плана их красоты видим только этот Центр-Начало начал, ибо только Бог наделен абсолютной красотой. Вне этого единства с Богом через проводник(смотри 111-01-1.4), все вокруг красоты даже начинают угнетать и приносят настоящую боль. Боль душевная гораздо сильнее физической, ведь от этого человек способен на отчаянные поступки. Исходя из этого положения нам становится ясен образ главного стимулятора эволюционного становления человека.

1.0.-19. В состоянии радости перекликаются сразу абсолютно все составляющие наше естество, а не какая-то отдельная его часть. Тело радуется не органом чувств, а только тем, что естественно ему – душой и только в этом случае возможна полнота, в которой только Бог есть источник счастья для молящихся. Любящее сердце уже счастливо присутствием своей любви и когда счастливы все. Экстаз переживаемый в молитве, в богообщении многогранно полон. Все остальное вне его теряет свой цвет, не трогает сердце и даже сильно тяготит, скрадывает обретенное счастье духа, приходит тревога о грядущем своих любимых. Только в богообщении крайности (прошрое, будущее и настоящее) становятся одним целым или становятся одним цельным организмом. С одной стороны, имея глаза, человек смотрит на будущее

через свою цельность и выбирает путь адаптировано к природе оной и идет там, где нет покушения на эту цельность. А с другой стороны, Бог целен по природе, то есть Его нет там, нет Его цельности. Это означает, что быть с Ним – быть цельным и в образе Пасхи Христовой избегать прикосновения ко всему тому, что этой цельности нашей вредит. Так будущее заложено в самом человеке. Так приходит мир и уверенность в завтрашнем дне, как в настоящем и честным прошлым. При этом счастье становится несколько тревожным в пределах дозволенного, чувственным, но лучше быть в тревоге о возможном, чем горевать о случившемся. Бесчувственное счастье – это уже свободный полет в пропасть. Что это такое?

Чтобы поддерживать свой огонёк-экстаз радости о настоящем и будущем, человек сосредоточен, собран духом, внимателен, легок на подъем и разборчив, мало спит и мало ест, и много работает, ему постоянно мало прежнего духовного совершенства и душевной чистоты, наводит порядок, строит – то есть, как бы постоянно собирает дрова в этом лесу, чистит печь от золы и поддерживает огонь – этим теплом бережёт свою радость. Живя тем, что в нем горит огонек, человек не замечает всего того, что происходит с ним и в нем, ибо для него такой накал жизненного ритма во имя постоянного бытия в радости – на самом деле такой же физиологический процесс, как пищеварение, дыхание и биение сердца.

1.0.-20. Представьте себе солдата в армии. Вот он задумал

написать письмо родителям. Берёт листок бумаги и ручку, усаживается за стол. Для того, чтобы изготовить лист бумаги, срубили хвойные деревья лучших пород. Лес вытащили, складировали и потом везли за много километров. Далее на целлюлозно-бумажной фабрике рабочие изготовили бумажное полотно. Далее его разрезали до тетрадного листа и отвезли в воинскую часть. Примерно также с шариковой ручкой. Далее написанное письмо шло через тысячи километров в почтово-багажном вагоне. Тысячи путейцев прокладывали пути и поддерживали их в хорошем состоянии. Органы ФСБ и полиции, погранвойска и Вооружённые Силы охраняли этот повседневный рабочий процесс. И вот счастливая мама читает важное: "Мама, я тебя люблю". Она представляет о том, что сынок держал в руках этот листок и пытался над текстом. Сколько возни и энергозатрат, чтобы два сердца почувствовали естественное единство. И как бы всякая деятельность держится именно этими вздохами о друг друге любящих сердец и все в этом мире находится в простом служении этому торжеству любви³⁷². В конечном счёте всё вокруг нас придумано умом человека для того, чтобы сослужить единению любящих душ, ибо в данной ситуации жизни мы более подобны Богу, а потому подобны Ему во всех остальных сопутствующих Творцу реалиях – более вечном в продолжительном проживании, в красоте и радости. А самое важное, что Бог лучше слышит такую молитву. Все те институты государства, которые были задейство-

ваны в этом акте единства двух любящих сердец, держатся на плаву именно этим и бесперебойное обеспечение этого единства остается смыслом их общего дела служения, обеспечивающим крепость и устойчивость державы. Также Законом Сохранения радости, а именно в одном из её граней проявления – в энергии, держится весь мир.

1.0.-21.Бог – есть самая значимая и высшая инстанция жизни во Вселенной, а значит более значимого, чем простое единство с Ним, в природе вещей существовать не может и быть не могло никогда. Все вращается вокруг этого священного единства и возрастает в пределах оно не только в обществе, как показано предыдущем абзаце, но и в мире материй вообще. Так как Бог абсолютно велик, то материя и даже вся Вселенная Его вместить в себя не может, но, в то же время, вне всей полноты восприятия и отражения, и исповеди о Его Природе невозможно бытие ни мира, ни Вселенной, ни каждой микроны. Это противоречие становится той самой пружиной, которая активирует абсолютно все процессы становления до образа и подобия Ему, все формы движений к образу и подобию Ему. Не может исповедовать одновременно, но только постепенно Материя, благодаря присутствию в ней такого активатора эволюции, постоянно перестраивается(смотри111-01-1.4-1) в более совершенные формы в пределах возможности природы нести в себе и выразить Божественное. А тут тоже безграничная множественность. Так как возможности природы всегда ограничены, то и присут-

ствие Божественного на ней всегда временно, то есть природе «надо повернуться другим боком», чтобы совместить вечность в пределах временного бытия. Таким образом живоительно совмещаются две крайности и вечность и в то же время временность. Как только возможности природы данной микроны бытия нести в себе присутствие Его целостной полноты утрачиваются, так сразу же происходит распад, а Божественное, согласно Закону Сохранения, переходит в иное состояние и в иную сферу бытия Вселенной, в пределах которой природа какое-то время имеет способность нести присутствие Божественного благодаря свойствам своим. Мы видим, что природа вокруг несет Божественное Богу в прообразе Святой Евхаристии. Благодаря этому мир имеет способность быть переходя из одного состояния в другое, то есть он как бы идет там, где путь наиболее адаптирован к присутствию Божественного в себе. До Рождества Христова мир материй, неся Божественное Богу в прообразе евангельского эпизода приготовления к празднику Опресноков, пророчествовал о Предстоящем явлении Сына Божьего и благодаря этому пророчеству имел бытие. А после Рождества Его мир Вселенной живет уже свидетельством о Нем. Как только Вселенная выпадает из этого свидетельства о Первом Пришествии Сына Божьего, так сразу же обречено на небытие. Чем-то иным, кроме Первого и Второго Пришествия Сына Божьего мир жить не может. А потому в нем все заточено под Это, не смотря на свою обозреваемую бесконечность. Вселенная

жила ожиданием Сына Божьего, а потом исповедью о Нем и ожиданием Его Пришествия Второго. Так как мир материй, сама Вселенная и плоть человека обязаны своим бытием именно этому, то в самую первую очередь призваны вспомоществовать в этом священном единении души с Богом, двигаясь в своем становлении к совершенству через него, через человека. Тело человека, как грань всей полноты богообщения, принимает непосредственное участие в молитвенном общении с Богом, а потому его соучастие в этом имеет равноценную значимость. Телу человека уготовано свое важное место в процессе богообщения. Вне полноты природы единства с Богом нет спасения и молитвы тоже нет. Всему есть значение и свое место. Также как любая заноза в теле, может стать причиной смерти всего организма (если оставить без лечения), так и молитва может перестать связью с Творцом без тела. Хотя какое-то время сознание больного человека еще работает. Или корабль, не смотря на всю свою оснащенность всем необходимым, утратив какую-то малую деталь теряет свою управляемость и может пойти ко дну. В этом же прообразе соучастия тела в общении души с Богом имеет значимость даже вся Вселенная, просто бытие ее в этом процессе не так очевидно, как хотелось бы, а потому сие ускользает от разумного восприятия. Но оно есть. Таким образом, все формы государственности и все формы деятельности в нем, как частный случай, неизбежно призваны только одному – улучшить единение человека с Богом в мо-

литве³⁷², ведь Он – есть самая значимая и высшая инстанция во Вселенной¹¹¹⁻¹²⁻⁰⁰. Таким образом государство – это полнота, имеющая способность нести в себе Божественное в самой наибольшей многогранности. Чем больше всеобъемлющей многогранности выражения полноты Божественного, тем сильнее всемогущество человека в его молитвах. Возрастание в данном аспекте становится эволюцией. Тут есть причины согласиться с некоторыми замечаниями средневекового итальянского мыслителя Петро Помпонаци, утверждавшего, что «человек имеет образ государства». Хотя относительно всего того, что мною сказано в содержании этих томов книги, это высказывание выглядит несколько примитивно и краеугольно, ибо действительно само по себе государственное образование – это уникально сложившееся естественное продолжение природы счастья человека. Так активируется природа своей радостью, но ведь счастьем в Боге активирована вообще вся Вселенная. Государство, как и мир вокруг, родился из внутреннего мира счастливого человека. Также как расщепление ядра кометы создает видимость хвоста её, но никак не хвост порождает процессы в ядре или как-то обуславливает бытие ядра. То есть только не закон природы оказывается главным активатором всех побуждений устройства государственности, а процесс богообщения в единении с Творцом, свидетельством чего Закон является. Но ограниченность природы богообщения является ли недостатком? Или же разделенность – это опять какой-то иной

штрих счастья Божественного Промысла? Так ли это плохо, на самом деле? Или у этого свойства есть тоже Божественное предопределение?

Процесс пояснения этого вопроса следует вести через обоснование некоторого несогласия с одним замечанием В.Н.Лосского. Мне думается, что он не до конца понял суть вопроса, освященного Григорием Нисским. Святой Григорий утверждает, что Бог сотворил жену Адаму, чтобы сделать человека более совершенным и именно это большее совершенство в свидетельстве о Боге далее сыграло роль спасительного круга утопающему в грехопадении. Спасательный круг есть на каждом морском судне, даже если он не всегда востребован возникшими ситуациями – говорит Владимир Николаевич. Но на природе человека необходимо было выразить не достоинства совершенного тела, а то, что удерживает этот мир, не смотря на его очевидную разделенность. Нужно исповедовать любовь разделённостью, делать любовь видимой посредством разделённости – только во имя этого священного свидетельства имеет место быть разделенность в реалии. Сама Троица несет в Себе именно Это. А так получается, что человек живет не любовью, а вот этими спасительными кругами на судне, которых должно быть множество. Повторюсь, что разделенностью лучшее и полнее исповедь о том, что сокрыто – о любви, а потому и в данной сфере бытия моление Творцу происходит более качественное. Богообщение в данных условиях окружающей среды, в коих ока-

зался человек после грехопадения, лучше выражено именно этой разделенностью (смотри 777-01-2.1 и 111-01-1.4). В противном случае получается, что по каждой конкретной ситуации – свой специфически сложенный спасательный круг и человек возрастает в спасительных кругах, а не в любви. Что это будет такое, вместо того, чтобы совершать плавание, идти к цели? Это будет стяжание спасительных кругов для каждого конкретного случая в ущерб главному – достижению цели спасения души, в ущерб ее движения к Богу. Вне свободы от всякого ограничения невозможно подчеркнуть то, что вечно, неизменно и сковано в бытии абсолютной святости. Свобода призвана исповедовать о Природе Божественного, а потому только свобода Адама и Евы друг от друга, и свобода Каждого из Пресвятой Троицы Друг от Друга более совершенным более всеобъемлющим образом выражает Божественную реальность – Он становится видимым, единой плотью в Боге Отце. Это Закон Сохранения единства. Точно также свобода человека от Бога призвана подчеркнуть еще одну грань Предвечного Совета. Многогранность важна своей разделенностью и бытие живого позиционируется то на одном, то на другом, то на ином бесконечном. Единым остается конечная Цель и всеобщее направление движение к Одному Центру.

1.0.-22. Точно также, народившееся население – это тоже человек, своим бытием исповедующий не о количественном факторе, а о том, что держит этот множественный и разно-

сторонний в людях мир. То есть не форма и не принцип, и не закон и тому подобное связывает, а то что выразиться может только в свободном определении всего. Важно видеть не материю, не плоть, а то, что это все организует в гармоничную структуру. Мир должен быть пленен счастьем, радостью от близости бытия с Богом. Вот этим повелением Адаму и Еве «плодитесь и размножайтесь» Бог замыслил возрастание человека к лучшему совершенству, к большему подобию Богу, к более сильной молитве Ему через многое население, ибо Бог лучше заметен и именно вот этой кондицией множественности лиц в одном человек более всего ближе ко Творцу, более всего очевиден только тот принцип, который наиболее эффективно утверждает трудно спланируемый из-за своей многолюдности союз – мы лучше видим Его и более полно и плодотворно входим с Ним в общение, а потому более грандиозны плоды этого общения (Стоунхендж – один из них). Человек осознает, что телесная связь, связь благодаря взаимной выгоде или утверждённая страхом перед законом, бесконечно слабее связи, возникшей в Божественной радости каждого человека пребывающего в Нем, в Боге, в единстве с Ним, наиболее полно явленного в образе структуры сообщества одного направления к Цели, ибо сам человек – это нечто гораздо большее, чем просто телесно и умом воспринимаемое нами. Во-первых, человек – это видимая в земных реалиях конечное звено проявления солнечных процессов. Это уже больше, чем привычно зримое. С другой сто-

роны, он есть связующее звено мира духовного и материального, то есть Бога со Вселенной и все то, что мы видим в нём стало видимым из-за грехопадения. Человек попал в эту темницу, но жизнь осталась той же, то есть без счастья и радости Царствия Небесного она не возможна. Только теперь эта радость дается человеку дозами, по чуть-чуть, несущий только один образ Богородицы Девы Марии.

Это тоже образ пребывания человека вне мира сего, образ экстаза причем только в единстве с Творцом, то есть человек – это многогранный процесс межличностного общения личности человека с Личностью Бога. Самый первый акт выхода из себя, происходящий ещё в Раю (речь идет о сотворении Евы Богом из внутреннего мира Адама) обрел самые различные многогранности выражения, но так и остался центральным и определяющим моментом в окружающем нас космосе. Бог показал направление возрастания для большего подобия Ему. До этого первый человек в экстазе отдавался сам Творцу без остатка в ущерб себе самому. А теперь, Бог ему укажет путь иной – не вверх, а вниз. Сохраняя прежнее единство с Богом, оставаясь на Предвечном Совете Троицы в пределах Замысла Его, включать в богообщение ближнего своего, а затем и всю Богом данную ему Вселенную. Мы видим образ экстаза иной и именно сие ляжет в основу бытия Закона Сохранения человека во Царствии Небесном, который явлен перед нами во множественностях проявления. Только эта связь между людьми сообщества в данной реалии делает

структуру общественных отношений самой устойчивой.

Данное качество природы неизбежно выделяло людей из вселенной в том же принципе прообраза выхода из себя для общения на Предвечном Совете, что не давало слиться с флорой и фауной. Человек также не слился и с миром материи и, постепенно в процессе эволюции, все более и более сильно выходит из него в прообразе экстаза и идет впереди Вселенной к Богу, увлекая ее за собой. Это не результат эволюционного становления материи, а как раз бытие вне эволюционных процессов, вне борьбы противоположностей, то есть сие есть изначальный естественный порядок вещей. Человек пребывая в том же Замысле о себе, то есть пребывая в радости Царствия Небесного, зовет за собой к счастью всю окружающую Вселенную, влечет ее за собой, делится своим счастьем из-за любви своей к миру. Человек тянет туда всю тварь, предварительно приняв ее образ по грехопадению и преобразив ее в образ Божий привычно созерцаемого ныне человека.

До первородного греха человека образ непосредственного межличностного общения был тот же, но только не имел формы разделенности (оная в богообщении просто не востребована и даже мешает), которая привычна для сферы нашего поражённого грехом восприятия. Точнее формы вообще не могло быть, ибо единение происходит не благодаря форме и не формой, а внутренними мирами этих форм. Если единство сущностное имеет место быть, то различие форм

не играет роли. Если нет сущностного единства, то и формальное единство невозможно. Форма сама по себе следует за тем, что творится во внутреннем мире и неизбежно выражает его бытие в данной сфере формальных взаимодействий. Поэтому вне этой сферы, в кою мы попали после грехопадения, не востребованы были «кожаные ризы», как защита радости, как внешнее оформление внутреннего мира людей. Человек тогда был внутренним для нас современных миром и видел не внешнее формальное обличие, а чисто внутренний мир и этим своим внутренним миром пребывал в общении с Творцом. Таким образом, следует сказать очень важное. Вне сущности нет форм, то есть в реалии форма вне сущности не возникнет. Сама по себе форма имеет только одно сущностное наполнение и только одной полярности. И в сущности мы все едины, но так как присутствие сущности предполагает эволюционное становление, то различаемся мы направлением этого эволюционного усложнения формы. Хотя подобие Ему в форме тоже имеет значение для богообщения, ибо дискомфорт в единстве с Богом – это тоже уничтожение богообщения.

В сфере множественности форм, мы тоже можем быть едины с Богом именно благодаря этой самой изначальной простоте, которая имела место быть в самые первые моменты зарождения Вселенной. Она не имела и никогда не будет иметь эволюционного усложнения и потому так и осталась общим для абсолютно всех микрон мироздания (всякое вза-

имодействие происходит именно в пределах этого среза природы, в пределах этой области бытия, в границах этого общего для всех микрон мироздания^{777-01-1.8}), и останется абсолютным подобием Бога, Его Частицей, проникшей в природу человека со струей Благодати дуновением в лицо Адама (согласно описанию в книге «Бытие»). Вне ее человек не может идти в богообщение, не может присутствовать на Предвечном Совете Троицы (более наглядно представлено в 3 томе 3-2.7.-1). В пребывающей в поле нашего зрения специфической области бытия Вселенной, в коей мир представлен множеством форм и границ, простота в абсолюте имеет только одно выражение – шар. Это подобие Богу имеет только одно выражение, а потому контрастирует с любым отклонением от него. Этот момент ляжет в основу формирования чувственной природы человека. Мир множественно различен этому, а потому покушается на этот образ, оказывая ему «ранение», которая оказывается в поле нашего зрения. С тех самых первых времен зарождения жизни этот шар дошел до наших дней и не изменился, и никогда не изменится, ибо имеет подобие Богу вечному и неизменному. Множественность временных различий – свидетельство об этом. Каждая реалья с отличием, так как имеет бытие, то уже является единым с нами в Первоначале, но инородным благодаря различным направлениям эволюционного становления и развития. Поэтому это такой путь к одному и тому же образу, благодаря коему мы видим свое подобие себе. Мы видим

только тоже самое Первоначало в ином контрастном нам выражении. Каждое визуальное распознаение – это такой след на природе абсолютной простоты. Вообще следует сказать о том, что шар, как абсолютное выражение присутствия Божественной Сущности в сфере природы границ и форм, имеет иные грани, которые заявляют о себе в процессе развития. Одна из них – это вечность. Как она заложена в самом естестве шара? Это важно сказать, ибо нам надо видеть Божественное в Его проявлениях. 1 шар1

Что такое шар? Во-первых, перед нами граница. Вопрос, между чем и чем? Для ответа на этот вопрос, надо познать самого же себя и раскрыть суть природы познания, которая пребывает в сфере множественных границ и форм. Если мы увидим свой прообраз в ответе на этот вопрос, то нам сие изложение станет понятным. В противном случае, вести речь о чем-то ином не имеет смысла. Это следует из определения двоичности природы человека (об этом смотри в примечании 1133-43). Перед нами граница разделяющая постоянство берега и переменчивость всеобщей относительности Вселенной. В нашем случае, эта граница выражена сферой. Хотя так говорить нельзя, ибо сфера имеет прообраз точки и только точка является абсолютным постоянством этого бытия. Сфера же своим бытием в нашей реальности чувственного мира, уже несет в себе величину. А величина – это свойство отличия от того, что вообще не имеет хоть какой-то величины. Сфера – это та граница, которая очерчивает относитель-

но более постоянное от менее постоянного. Этот контраст бросается нам в глаза и мы имеем дело с этим. Точка тоже несет в себе величину, но эта величина равна нулю. Точка – это величина в потенции в возможности быть величиной, но по природе точка остается частью органического Тела. Точка остается нормальным бытием. Величина же – это то, что стало крайностью проявления какой-то грани этой точки. Этому посвящено множество научных исследований, которые пытаются раскрыть внутреннюю природу точки, а точнее того самого мира, о котором она символизирует.

Постоянству берега нужно дать иное имя – вечность. Что тогда видит человек? Человек видит свое подобие – тоже постоянство вечности, только явленное в контрасте временному. Во имя самоутверждения из временного человек вычленяет вечное, также как белое распознаваемо на черном фоне. Или вспомним палец Льва Толстого (смотри 666-21-07). Сущность постоянства Царствия Небесного нам не видна никаким образом, также как охотник не видит зайца, затаившегося в траве (он замечен только в движении). Но именно это и есть норма для нас во всех аспектах бытия. Мы по природе являемся пустотой для чувственного мира и всякое наше чувство «видит» величину отклонения от этой нормы. Но речь идет о том, что величина призвана информировать о том, чем она является и в то же время не является, но выражает. Иными словами, мы видим Бога в Его проявлениях, в различных свидетельствах о Нем. Поэтому мы видим не

зайца, прыгающего на лужайке, а то, о чем он свидетельствует своим бытием. Вспомните слова Творца пророку Моисею на горе Синай: «Задняя Моя узриши». Итак, нам надо было сразу определиться о том, что мы общаемся с Богом, видим только Бога и идем только к Богу. То, как это происходит, мы тут пытаемся понять.

Созерцаемая пустота, имеет множество граней выражения. И каждая грань – это тоже бытие, а потому это целый бесконечный мир в пределах этой грани. Это в прообразе того, что точка, не смотря на то, что она бесконечно мала, имеет бесконечно много всякого такого, о коем мы пытаемся свидетельствовать всем тем, что имеем в бесконечном научном анализе. Этого не следует пугаться и принять как есть. Но в данном случае, нас интересует ограниченная область множества форм и линий, в коей пустота имеет свой один и только один прообраз в её мире бесконечных границ – сферу. Ведь сфера – это граница контрастов, а всякий контраст имеет самое различное наполнение природой. То есть мы, сами являясь сонмищем форм, в этой грани бытия видим множественные прообразы пустоты, отдаленно напоминающие сферу и имеющие с ней какое-то отделенное и не очень отдаленное тождество. Созерцаем мир относительно его естественного для данной области бытия – относительно сферы, мы ищем все то, что хоть и родственно этой сфере в окружающем бытии⁴⁵³, но в о же время имеет величину контрастного отличия от неё. Саму сферу, как абсолют-

но пустое, мы созерцать не можем. А вот контрасты ей – да. Например, окружности для нашего восприятия нет, а вот эллипс уже есть. В области освидетельствования появляется только то, что отлично от сферы, ибо воздействием освидетельствуемая реальность вторгается и нарушает образ постоянства, покушается на него. Так как жизнь – это есть пустота (в прообразе пальца Льва Толстого), то нарушение образа постоянства, чем является 0 сфера⁴⁷², становится актом чувственного восприятия. В нашем мозге есть сфера, которая подвергается постоянной бомбардировке от окружающего мира и мы воспринимаем эти воздействия, если они изменяют сферу – только в этом прообразе⁴⁵⁴. Так мы созерцаем световые волны и все остальное. То есть в данной области бытия видим то, что хотя и подобно сфере в одном, но отлично во всем остальном только уже адаптивном к окружающей реалии. Точнее будем говорить, что мы видим сферу опосредовано всего того, что сферой не является. Мы видим сферу, когда она уже сферой перестала быть. Теперь есть смысл обозначить некоторые срезы сферы, чтобы увидеть их прообразу в нашем бытии.

Итак, мы имеем область бытия, множественно раскрывающаяся в этой исследуемой нами грани пустоты, пребывающей в пределах самой сферы – это 1 замкнутость. В этой области бытия Вселенной реальность представлена также в двух полярностях: либо замкнутая, либо разрушенная. Замкнутость нами также не распознается, но распозна-

ется через отсутствие оной, то есть через то, что когда-то этой замкнутостью было. То есть относительно этого свойства пустоты¹⁷² мы видим замкнутость¹⁷² опосредовано всего того, что эту замкнутость в себе утратило¹⁷². Перед нами еще одна реалья сферы. Цветок имеет бытие благодаря тому, что имеет замкнутую непрерывность всех циклов в своей природе и во времени начиная от семени и заканчивая цветением. В этом прообразе имеет место быть любое бытие. И так, природа человека несет в себе образ пустоты – то есть сферу. Человек смотрит на мир через этот образ пустоты и видит его множественные проявления в свойстве сферы замкнутости. Он исповедует этот образ пустоты и творит вокруг себя в том же прообразе.

У сферы также других свойств много и каждое свойство или каждая грань ее становится отдельной областью исповеди об одном и том же и также двухполюсной областью бытия, в коей, хотя и одностороннее, но разворачивается тот прообраз во всем сюжете истории Вселенной. Подчеркивая какую-то грань сферы, мы этим раскрываем целый бесконечный мир ограниченной природой реалии, заложенной в пределах данной грани сферы. Эту мысль хорошо подчеркивает А.Ф.Лосев. он раскрывает ее на примере числа.

К примеру, ???(3)??корпускулярность – это свойство имеет определение в области иного образа подобия пустоте. Пустота неизменна, а потому в этом прообразе подобия стремится сохранять неизменность и форма. Сфера должна

иметь упругость, как прообраз постоянства пустоты⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻¹⁷.

Человек пребывает в движении. Что такое процесс движения, перемещения с одного места на другое? Граница бытия и не бытия, в пределах коей представленная созерцаемой реальностью частица становится подобием пустоты в данном образе – движением. Образ пустоты в частице движется в своем прообразе и в пределах своего прообраза – в пустоте и к подобию и прообразу своему – к пустоте. Движение свойственно только узкой грани бытия, в пределах коей мир также представлен бесконечностью человеку тоже свойственно жить, а потому

И, если мы присмотримся к этой грани бытия, то поймем, что движение это также в том же направлении, человек идет туда, где наибольшая пустота в абсолюте, что есть молитва или процесс богообщения. Это имеет прообраз во всем поведении человека в земных реалиях бытия, то есть в земном исполнении человек идет к ее специфическому образу в пределах данного бытия. Это и есть прообраз богообщения, который имеет множество проявлений в каждой микроне этого бытия. Человек везде в прообразе Голгофы и при этом идет на Голгофу, то есть туда, где нет чувственно различаемого контраста, где все, что не пустота уходит на второй план. Именно по этой самой причине, в узком срезе бытия пустота-материя, являясь прообразом пустоты, человек идет к ее же образу – к пустоте (смотри 111-1-11). Причем идет к прообразу пустоты через все то, что само имеет прообраз пу-

стого. Он различает все контрасты ей. Иными словами, Сын Божий ничего не нарушил, но жил в пределах естества самой физиологии людей. Именно по этому Он вписывается в свод представлений о мире человека, хотя является Богом и при этом познанным не был, то есть был инородным абсолютностью Своей во всем. Это важно сказать, ибо перед нами встает во всем своем величии образ конечного пункта становления всех эволюций. Голгофа – это жизнь, а не смерть. Если на лобном месте человек умирает, то для него это место казни, а не Голгофа. Голгофа – это не место преткновения, а дальнейший путь в жизнь вечную. К примеру, вы решили выйти из дома. Вы встали с дивана и направляетесь к выходу, открываете дверь и выходите. Не через стену пытаетесь пройти, а там, где есть путь, где нет преткновения для вашего движения вперед. Пустота стремится к своему подобию – к пустоте и через свое же подобие – через пустоту. Точнее образ пустоты – стремится к образу пустоты через свое подобие – через образ пустоты и этот момент множественно выделен в природе Вселенной. Тут все очень просто. Мы представляем собой границу между пустотой и материальной реальностью, а потому в пределах этого может происходить всякое явление. В противном случае, оное выпадает из нашего поля зрения. То есть пустота, как составная часть природы, должна оставаться ее составляющей. Именно по этой причине, пустоту стремится к пустоте через свое подобие – пустоту. Точнее образ пустоты к образу пустоты,

через образ пустоты, чтобы остаться тем, чем она является. Сама по себе пустота имеет наполнение реальностью, то именно в пределах этой составляющей человек живет.

Казалось бы простой фрагмент Истины, но именно он обращает на себя внимание при исследовании природы становления. Почему камень, брошенный ударится о что-то там и займет свое положение где-то там, а вот воробей всегда будет летать и ни разу не столкнется ни с одним предметом. В камне и в воробье по-разному заложен образ пустоты. Соответственно, по-разному они будут себя вести. Человек живет в прообразе Голгофы Христовой и мир следует за ним. Этот момент выражен еще и по-другому. Тяжелее всего стоять на узеньких стопах, но человек так живет. Он стоит на них, чтобы жить. Это не смерть. И так можно продолжать бесконечно.

Единство не создают, его надо обнаружить, то есть теперь, чтобы увидеть внутренний мир, подобает проникнуть в него, разрушив форму, внешнее. Что и выразилось на природе познания человеком, ведь прежде чем освоить внутреннее содержание, подобает для начала в поте лица разрушать формы ткани, добраться до того самого, что является вечным и абсолютно не рушимым – до прежнего единосутия Богу и тем самым приобщиться к радостной вечности хотя бы ещё на некоторое время, благодаря чему привычная форма поддерживается в той неизменности, которая свойственна только Творцу. Хотя форма остается самым последним звеном

богообщения, она же также остается значимой частью реальности и потому должна соучаствовать в богообщении. То есть полнота восприятия Бога – так и остается условием, вне коего общение с Творцом утрачивается.

Божественное разрушенным быть не может, а потому, если что-то разрушается, то разрушается только форма, но о разрушении, как о реальности говорить нельзя, это не будет Истиной. Форма утрачивается только ради одного – для того, чтобы обрести более совершенное свидетельство о Творце в данной специфике природы озвученной области бытия – в сфере формальностей. Это естественный процесс, ведь богообщение – это возрастание, движение к большей полноте, а потому прежние одежды, в коих пребывает Божественное, постоянно становятся малы, сильно стесняют новую реальность. Опять же, вне богообщения никакое бытие невозможно, а так как прежние формы не позволяют иметь прежнюю полноту богообщения, то претерпевают перестроение. Этому служит желудочно-кишечный пищеварительный тракт, начинающийся полостью рта с двумя рядами зубов. Да и вся деятельность человека – это также именно то же самое дело, посредством коего человек, утруждая себя в поте лица, проникает во внутренний радостный мир Вселенной и извлекает когда-то единящую радость. То есть возвращается в то самое состояние, которое естественно для человечества, коим оно было до грехопадения, когда человек созерцал не обманчивую внешность и форму, а внутреннюю Бо-

жественную сущность опосредовано формы. Благодаря этому возвращению во внутренний мир, формы оказываются в некоторой степени совечными и подобными Творцу. К сожалению, мы слабы и беречь полученную порцию радости долго не можем. И если мы не подпитываемся вновь, то есть не входим в единосустье с Творцом, то можем утратить форму, образ Его, вне Коего нет жизни. Хотя, надо сказать, эволюция мира усиленно движется именно в этом направлении, по тому же пути становления эволюции, благодаря которой теперь человек будет довольствоваться одним приемом пищи гораздо дольше, а твердая черепная коробка призвана беречь в безопасности радость богообщения как можно дольше.

Примерно так же, вникая в сущность и не ведая о том, как устроен мир, мы приблизительно смогли наметить общий план устройства мира и человека в нём. Ведь в нас также заложена предрасположенность к тому же образу движения в мысли: от внешнего к внутреннему миру. (Об этом говорит о. Андроник (Лосев), который смог распознать контуры свидетельства о жизни даже в во внутренней природе причинно-следственного механизма, как бы увидел свое отражение в этом зеркале, утверждая о том, что сие есть хоть и конечная, но неотъемлемая и значимая часть полноты живого и выразил в трудах своих специализированным понятийным языком, который сам же и разработал). Подобное познается только своим подобием, поэтому в бытии нет более ничего вообще, кроме живого – то есть всего того, что мы

чувственно способны распознать. Какой смысл тогда вообще вести разговор, кроме как о том, с чем мы имеем дело – с живым. (Хотя смысл есть, ибо живое в земных условиях этот вопрос ставит в особенной остроте, ибо благодаря Божественному порядку временное в процессе эволюции становится все более и более вечным. Просто живое в бесконечно малых промежутках времени выглядит мертвым, безжизненным, без развития). Вопрос лишь в том, как выразить то, что кажется безжизненным посредством живого? Продолжая эту мысль плавно переходим к пониманию, что с помощью телесности подчеркнуть то, на что способна только множественность – это тоже некоторая грань величия и большая степень подобия Богу и исповеди о Нём, а потому вместо «разделяй и властвуй» (что имеет силу только над злом греха, который не может говорить о Боге, но разделение его нужно именно для этой исповеди), звучит «плодись и умножайся» (оставаясь одним телом в Боге), и будь единым в Боге и с Богом, и этим более совершенным, что выражено словами «где двое или трое собраны во Имя Мое, там Я посреди них» (Мф.18-20). Далее, Христос говорит апостолам: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века.» Просто живое, а потому доброе, имеет силу возрастать и преумножаться, и своей множественностью и многогранностью подчеркивает незримое, делает видимым Самого Бога в преде-

лах возможного. Так как счастье становится ещё более всеобъемлющим, то мы видим, что эволюция набирает силу в новых реалиях.

Физический труд тела – также важная составляющая в богообщении, вне которой единства с Богом нет. Если какой-то орган не задействован в жизненных процессах, то он постепенно начинает деградировать и отмирает, увлекая за собой в небытие весь организм. Даже через воспалившийся палец может погибнуть все тело. Также в процессе богообщения важна каждая деталь. То есть каждая фибра тела сопряжена в общем деле утверждения торжества радости, торжества жизни над смертью, а потому имеет важное значение. Также как любая деталь на судне несет в себе одну цель – безопасное плавание всего судна. Для этого утверждения торжества радости со временем появлялись инструменты, которые призваны усиливать переживание присутствия Бога. Иными словами, в процессе молитвы участвует или задействовано все тело человека. Оно должно быть нагружено движением и физической тяжестью в полном соответствии с Замыслом Творца ради движения души к Богу. Человечество по грехопадению общалось со змием и образ ограниченного мировосприятия змия он получил в этот момент. Если до этого Царствие Небесное было вокруг него, то после этого Оно оказалось только впереди, то есть конечной целью, светом в конце тоннеля, звездой по имени Солнце в прообразе этого

тоннеля и конечной цели. Где-то впереди и нужно движение вперед к Богу к Цели. Вот что такое тело и так оно сопряжено с разумом. Тело не враг душе, а важное вспомоществующее звено в деле спасения. Мы ползем к Богу. Если научный прогресс мешает этому, то оный есть инородное тело в живом организме. Этот момент был естественным отбором в истории человечества. (Тот, кто хочет познать силу молитвы, не должен ездить в авто).

Многогранность в процессе богообщения – ключевой момент древней веры славян до Великого Переселения народов на полуостров Индостан. Но как это было выражено. Вождь данного поселения-племени не просто восседал на троне – это представление абсолютно далекое от реального. Он вершил культовое действие и стоял во главе этого ритуала. Он пребывал в постоянном богообщении и все двадцать четыре часа совершал культ, единящий его самого и его народ с Богом. Как совместить физический труд в Замысле Божьем, благодаря коему общение с Богом становится плодотворным с ритуалом?

Множественность путей к Богу важна и имеет значение и в ином плане. Бог многогранен абсолютно и каждая грань Его раскрывается также природно ограниченным множеством и глубиной в пределах этой грани. Важно позиционировать себя сначала в какой-то одной грани, чтобы произнести слово Ему в плодотворном богообщении. После этого следует сменить позицию, перейти к иной грани и уже

ее набором инструментов сделать тоже самое – войти в Сообщество Святого Семейства. И так до бесконечности стремясь к полноте. Человеку нельзя быть в одном положении, ибо начинаются процессы омертвления. Также как постоянного лежащего человека следует постоянно переворачивать с одного бока на другой, чтобы не было пролежней, из-за коих организм начинает умирать. (Именно по этой же причине всякая диктатура, не смотря на всю ее привлекательность – смерть для общества. Так было в СССР. Вроде бы такую цену заплатили за Победу в войне, но куда все делось через пятнадцать лет?)

Именно ритуал призван менять позицию созерцания Творца, чтобы общение всегда оставалось радостью. Односторонность быстро приедается и человек теряет счастье быть в экстазе (также как хорошая мелодия быстро становится причиной раздражения). Каждый фрагмент богослужения несет в себе целую палитру духовных переживаний и в каждом моменте богослужения Бог представлен с какой-то особенной стороны и силе. В этот момент человек опытный в духовной брани видит путь решения своих задач в брани. Некоторое время спустя мир поворачивается к человеку иной стороной, раскрывая себя уже по-другому и Бог предстает перед ним в иных ракурсах, являя ему иные силы Свои. Теперь человек видит уже иные грани своих проблем и соответствующие пути решения их. И так повторялось вновь и вновь до бесконечности в дневном, недельном,

годовом цикле. Оставаться на чем-то одном нельзя, ибо нужна полнота. Оставаться можно только на одном – в радости о Боге. Вне Его нет никаких радостей вообще. И только радость становится диктатом всего, что было в человеке и будет. Радость бытия – это и есть диктатура, которая не нуждается в какой-то поддержке человека. Она независима от нас и сама за себя хорошо стоит причем абсолютно.

Ритуал несет в себе образ тела, позволяющего объединить народы в одно единое целое, а не идти в разную сторону. Так как только Бог имеет жизнь, то только в Его прообразе все имеет живучесть – в прообразе единого Тела Бога. Так в истории человечества появился Стоунхендж, с помощью которого летоисчисление фиксировалось одинаково для всех племен. Появился прообраз Божий в единстве всех народов благодаря системе оповещения окружающей вселенной о том, что творит в данный момент культового действия вождь племени. В Православии это пришло как колокольный звон, возвещающий соединившемуся с Богом крестьянину о каждом фрагменте богослужения. Это позволяет труженику не просто быть в экстазе от процесса физического труда, но еще и быть в сопряжении с общим делом всего сообщества племени, быть в согласии с миром и единым. Крестьянин постоянно разворачивает свой духовный мир и в сокрушении сердца благодарит Бога за каждое мгновение жизни своих близких. Он глава семейства, а там, где голова, там будет и хвост. При таком построении дела человек не нуждается в отдыхе, ибо

отдых им совмещается с процессом труда. Также как организм не отдыхает от внутренних биологических процессов, ибо в нем все непрерывно. Трудовая деятельность становится частью физиологии.

Так возникло славянское государственное образование, в коем деньги, исполнительная власть, законодательная власть и все иные институты были составными частями утверждения и торжества счастья Царствия Небесного в земных условиях. Никогда банковская система не могла себе позволить быть независимой от главного поступательного живого всеобщего движения в будущее к Богу. Такова специфика становления жизни северных народов. Все было заточено под одно и сопряжено между собой и являясь частью друг друга. Люди Севера претерпевали эволюционное становление только в контексте Этого единого живого Организма, вне коего он уже жить не мог, также как орган живет только в единство со всем телом. А если отделен от всего тела, то уже отмирает, хотя какое-то время он остается в прежнем виде – но это дело времени. Научная мысль пошла в иную сторону – человек теперь не описывал красоту Вселенной, как древний индус, а начал изучать свойства окружающего мира и делая открытия в этих направлениях, он лучше и лучше адаптировался к сложным климатическим условиям. Именно по этой же причине научно-техническая революция получила развитие в этой части Земли. В обоих случаях (Веданта и уклад дохристианской общины народов Севера) мы имеем

дело с одним и тем же – многогранностью приобщения к одному и тому же – к счастью Царствия Небесного уже при земной жизни. И то, и другое обозначилось на Голгофе Христовой во всех ракурсах. Если до Рождества Христова сие было пророчеством о Спасителе мира, то после Его Воскресения, сие стало свидетельством о Нем. Голгофа Христова – это не смерть, а жизнь. В противном случае, мы о ней ничего бы не знали, ведь мест казни было множество. На Голгофе надо жить, а не умирать – это первый и самый ключевой элемент, пришедший к нам из далекого дохристианского прошлого, наследниками которого мы должны оставаться всегда. Жизнь – это некончаемый процесс перехода от одной грани богообщения к другой. Всякая перемена несет в себе очертание смерти, но только потому, что мы не видим общий план жизни и ее свойств. Односторонность в разных формах проявления – это то, против чего протестует жизнь. Поэтому само наше земное бытие становится мучительной односторонностью, отчего она, жизнь, стремится избавиться. В этом и есть прообраз эволюции жизни, которая стремится при жизни земной победить односторонность, распознать уже здесь при жизни какую-то грань Божественного, чтобы опосредовано теперь уже оной войти в богообщение. Мы видим Бога еще и другими гранями своей природы.

Что нам досталось от тех времен дохристианских? Общинный образ жизни, который хорошо вписался в монастыри. Русские монастыри – это то самое родное нам, вне кое-

го русский жить не сможет. Европейец – тоже. Мне не хочется противопоставлять что-то греческому пониманию Христианства. Но в прообразе древней ведической традиции мы объединим все течения мысли в отдельный русла по единому общему для них признаку и обрисуем свой новый, как хорошо забытый старый, путь к одному и тому же и через одно и то же – через Голгофу Христову.

После Великого Переселения в жизни переселившихся произошли перемены и многогранность богообщения обрела иное естество. Ничему не обязывающий образ жизни индуса в безделье породил односторонность богообщения. Теперь вместо переключения с одного фрагмента на другой в общем циклическом ритме богообщения нужен отдых. Так возникает простор для переосмысления. Человек взошел на вершину радости, получил наслаждение и теперь вновь спустился. Он видел красоту мира и на своем понятийном языке излагает то, что ему открылось. Так появилось первое учение. У каждого человека понятийный язык свой и все они не похожи между собой, но красота мира для всех одинакова и потому спустившись в вершины они все говорят об одном и том же, но с помощью разных наборов языковых инструментов. Появляется целая лавина научных концепций и все они ведут к одному и тому же. Это важно для мирного сосуществования общества. Все как один следуют согласно какому-то учению к одному и тому же Источнику счастья. И каждый, пришедший к торжеству радости, становится плен-

ником этого пути к ней. Все это время он никого не терроризировал и общество мирно уживалось. Каждый понимал только одно, что ближний идет к радости бытия своей дорогой и ему нельзя мешать спорами об Истине. Каждое такое учение получило название упанишада со своим каким-то именем, а вся система в целом – Веданта. Так появилось ведическое мировосприятие.

Те, кто остались жить в районах Севера, с вершины не спускались. На Вершине вершин северный родился и на ней продолжал свое житие в радости. Он продолжали жить многогранностью непосредственного богообщения в постоянном торжестве счастья, поддерживая себя на вершине бытия то посредством одного, то другого, то третьего, то бесконечного другого в циклическом ритме дневного, квартального, годового цикла повторений. То есть, он, чтобы удержать горячее, обжигающее руки Тело, как бы, быстро менял, перехватывал, давая возможность остыть нагретой коже, чтобы не получить ожог. Если северный постоянно перехватывается, то южный получив порцию тепла, достаточную для жизни спускается вниз. Северный, чтобы жить в таких суровых условиях, нужно значительно намного больше этого тепла счастья. А потому, ему приходится больше терпеть, совмещая с отдыхом. Северный борется за жизнь иначе, ему нельзя отдыхать от односторонности, а быстро менять положение в пределах той же высоты Вершины вершин. Два образа выживания формируют разные направления эволюци-

онного становления. Просто физическая нагрузка несет в себе покушение на травму психики, то есть в северных широтах психику человека шло много воздействий. Поэтому быть в состоянии вне себя, в экстазе, было естественным народом и его бытия во Вселенной. Это определило специфику религиозной мысли.

Индуизм и древнюю славянскую традицию можно сравнить со столбами Семь Братьев у нас на Урале. Природа их появления очевидна. Когда-то верхний край этих столбов был частью огромного ландшафта каменных гор. Вершина этих столбов была частью какой-то равнины, но ветра и воды сделали свое дело. Они смогли разрушить то, что поддавалось разрушению, оставив не тронутыми эти изваяния. Весь этот ландшафт превратился в песок, а перед нами появились эти чудеса. Это заложено в природе человека и верхний край столбов, и то, что стало песком – две крайности бытия в одном. Человек так и остался жителем Царствия Небесного, хотя уже ходит по самому дну Вселенной. Человек вынужден в одном случае позиционировать себя только в высшей своей природе, а в другом имеет возможность расслабиться и расслабляется. Если индусу этого прикосновения достаточно, то для жителя Севера в тяжелых условиях нет. Ему в его динамике жизни необходимо постоянное присутствие этого счастья.

1.0.-23. В бытии, в коем мы были до грехопадения, люди пребывали в свободном определении друг от друга. Сие

есть более совершенное свидетельство человека о Боге и более совершенное подобие Ему. То есть плодотворная, творческая связь между людьми еще в те времена была возможна только опосредовано Бога и потому и ныне, и вовеки ничто вне её быть не может. После осквернения грехом та же самая кондиция бытия и свободное самоопределение, стала спасательным кругом утопающему человеку. Бог не дал человеку без любви даже размножаться, ибо без этой радости любить в Боге невозможно идти на самый важный и наполненный риском подвиг деторождения и воспитания. То есть человек несет в себе ещё и воплотившийся образ любви двух и более сердец. И этот внутренний и в абсолютно высшей степени совершенный мир любви может зримо исповедовать себя, видимо заявлять о себе только в свободе самоопределения и становления в более совершенные земные образы подобия Богу. Бог велик абсолютно и Его совершенство невозможно выразить в творении Его – природа человека немощна, тем более оскверненная грехом. Поэтому уже в Раю оказалась востребованной множественность людей – это не зло, а зримое более совершенное выражение бытия Божественного (смотри 111-01-1.4, 111-01-1.4-1). Далее в Ветхом Завете – это проповедь о Нем, а в Новом Завете – сонм мучеников и исповедников. А это уже распознавание иное – свидетельство бытия Духа Святого, свидетельство более полного и всеобъемлющего присутствия Царствия Небесного уже в наших земных реалиях. Мученичество за веру – симптомы

присутствия Духа Святого, так заявляет о себе Святой Дух.

Итак, всякое творение Божье наделено Божественным во внутреннем мире. Абсолютно совершенное Божественное может само себя исповедовать только в свободе самоопределения, то есть в независимости от всего остального кроме Творца. Сие есть основа всякого бытия, имеет множество наглядных прообразов в природе Вселенной. К примеру, как рождается кристалл алмаз? Пары углерода конденсируются на холодных стенках лакуны-пустоты в остывающей вулканической лаве. Подобно тому, как на оконном стекле зимой, появляются ледяные узоры. Каждая молекула, пребывая в свободе самоопределения в момент конденсации пара на холодную поверхность, исповедует свою внутреннюю природу, свою молекулярную атомную структуру, свою Божественную причастность, как частицу Его. Свобода дает возможность проявиться более тонким, более глубинным и даже бесконечно глубинным свойствам внутреннего мира материи, то есть сама себя ориентирует прообразе своего Родителя, выстраиваясь в единую однообразную структуру кристалла, крепче коего нет в природе вселенной. В самоопределении есть время, которое дает Богу возможность все более и более полно сказать слово Свое, от Которого все вокруг делается прекрасным. И наоборот, недосказанность Им и о Нем создает иное. Тот же углерод при иных условиях образования твердой материи, вне свободы самоопределения принимает образ и подобия несвободы – превращает-

ся в черный аморфный графит. Так как для жизни важно первое устойчивое состояние Вселенной, как бы в абсолютной твердости алмаза, то только о нём есть смысл говорить, ибо только оно, как самое твердое, обозначает себя в бытии и «замечает» только свое же подобие – тоже твердое. «Замечает» и входит в зримо распознаваемое взаимодействие. То есть углерод пребывающий в состоянии графита является некоторой пустотой для того же углерода, но уже в структуре алмаза – нет той твердости, благодаря чему выпадает из поля зрения как абсолютная твердость. То есть нет более полного подобия Богу, выраженного благодаря свободе. Иными словами, живое, как наибольшее и более глубинное выражение причастности внутреннего мира к Божественному, и только живое осуществляет взаимодействие. Ведь все то, что не устойчиво и слабое для твёрдого и сильного, все то есть просто чувственно воспринимаемая пустота.

1.0.-24. Именно поэтому Предвечный Совет важен для нас, как маяк и как образ для формирования устойчивой государственности. Предвечный Совет важен для нас именно как несущий образ требуемого согласия при абсолютном свободном самоопределении. Всё то, что противоестественно Предвечному Совету Троицы, все то наделено временностью. Все то, что подобно Предвечному Совету – все то наделено вечностью в той же степени подобия. То, как относятся между собой Участники Предвечного Совета Троицы, то для нас есть наука и образец для подражания. Каждый

из Них в первую очередь, пребывая в свободе самоопределения, полностью отдаваясь сослужит Общему Делу, а Адам не внял решению Предвечного Совета, как бы разрушил завет любви и теперь мы зрим сам этот механизм его изгнания. В поле чувственной природы попадает поддающееся научному анализу. А точнее, так как замысел Бога на человеке не изменился, то это означает, что человек так и остался свободным насельником Царствия Небесного, но только в пределах природных возможностей воспаленного грехом Адама. Господь изгоняет не Адама, а сам грех. Поэтому Адам по-прежнему насельник Царствия Небесного. Изменился лишь образ этого пребывания в чертогах Царствия Небесного (и для каждого народа он свой уникально сложенный). Все осталось как прежде, но человеку заповедано теперь в поте лица добывать себе этот хлеб жизни вечной и всей полноты радости её свободы самоопределения. Человеку теперь суждено убивать в себе всякое проявление смерти, сковывающую свободу самоопределения и самовыражения своей Божественной сути, полученной от Бога через дуновение в лицо Адама, описанное в Книге «Бытие». Мы читаем тут новое Имя того, что подпадает под определение экстаза. Теперь активировать экстаз для соучастия в Предвечном Совете (в переводе с греческого экстаз – выход из себя) подобает очищением своей природы. Да естественность так и осталась той, чем она была во Царствии Небесном до грехопадения, но приняла иное Свое выражение, ибо то, что сотворено Богом ни-

чем изменить невозможно и оно остается навсегда непреходящим, но только теперь нужен порядок, чтобы содержать эту самую естественность в земных реалиях. Порядок вещей должен быть естественен для Царствия Небесного³⁷². Естество естеству рознь. Для некоторых жителей Содома и Гоморры – одна, а для праведника – другая. Соответственно и судьбы различны: у грешника есть судьба, у праведника её нет и потому (по слову Святейшего Патриарха Кирилла) нет смысла ему знать будущее, ибо он будет жить всегда и даже Страшный Суд Божий для праведника – обыденное.

1.0.-25. Если до осквернения грехом человек жил в образе Божьем (то есть вечно), то после осквернения грехом нужна бесконечная многогранность полноты выражения образа Божьего в пределах Закона Сохранения этого образа. Адаму, чтобы хранить образ Божий и этим жить вечно, то есть победить судьбу (неизбежность смерти), необходимо самому трудом в поте лица сохранять этот образ Божий, поддерживать образ вечного сохранения. Чтобы жить вечно, необходимо пребывать в покаянии и самокритике, в совершенствовании себя в образе Божьем. Для понимания сказанного востребована некоторая высота, чтобы можно было смотреть на сложный понятийный философский текст. Созерцая общий план изучаемого вопроса, следовать ему по специфическим дорогам научной мысли. То есть о самом главном есть смысл сказать, что каким бы фантастичным любой научный анализ не был, он остается в пределах данного мировосприятия и

должен в меру своих уникальных возможностей и свойств свидетельствовать об этом порядке вещей из общего плана. То есть в общем мировосприятии этого бытия все есть живое и вне живого ничего нет. Осознавая сие мы можем ходить в этом лесу, не блуждая в нём. Как неживое, эта реальность воспринимается нами в виду того, что самые глубины внутренней природы вещества участвуют в формировании структуры материи. Так как природа сверхмалых реалий обнаруживается только в течение соответствующих несоизмеримых промежутков времени, то эта глубинная связь во взаимодействии выпадает из поля зрения, а потому воспринимается нами как бессмысленное свободное самоопределение. Такова главная мысль А.Ф.Лосева о бесконечно малых реалиях мира.

1.0.-26. В этом месте изложения мысли несколько отвлечемся. **Из всего нами озвученного совсем иначе воспринимаются некоторые вопросы устройства государства.** Бог есть свет абсолютной совершенной любви в Предвечном Совете Троицы. Нашему чувственному обозрению сие раскрывается Большим Вселенским взрывом, по слову ученых. Это нормально, ибо Божественное наделено абсолютным Величием, Коему в этом мире тесно в любой реалии, а так как вне Божественного ничто в этом мире быть не может, то мы будем видеть это стремление в абсолютно ничтожное вместить абсолютно Великое. Это и есть взрыв. Этот образ явления нам, осквернённым грехом, имеет госу-

дарственно важное значение. Вся власть Советам – хороший лозунг. Вопрос лишь в том, кто в этом совете должен был быть. Молодые красивые трудолюбивые парни и их красавицы жёны? Передовики производства и спортсмены? Музыканты и композиторы? Ответ на этот вопрос заложен в самой природе людей. Человек несет в себе образ Божий, а потому в по подобию Ему призван вместить в себя всю Вселенную, соединить в себе Царствие Небесное и дно бытия. Все в Одном. Если человек никогда не падал, то он несет в себе образ Ангела. Если же он упал, но не смог подняться, то он несет в себе образ дьявола. Но перечисленное не есть образ Божий. Образ Божий, когда человек соединил мир падший с миром Ангелов, то есть упал и поднялся. То есть бесконечно подниматься до образа Божьего – заложено в природе людей. Аскетизм – это суть не часть физиологии человек, а его сущность. Исходя из этого человек должен многообразно нести в себе этот образ становления из падшего состояния до абсолютного подобия Богу. Все люди на Земле падают, но подняться им самостоятельно вновь не всегда по силам, ибо нужен путеводитель-наставник и источник силы. Наверное все же, это не высокие специалисты-технари рабочего процесса, а люди-победители, победившие в духовной брани и имеют огромный опыт побед над самим собой в аскетических подвигах. Просто они поведут народ туда, куда сами шли всю свою жизнь и обладателями чего стали – к победе, к бытию в торжестве жизни. То есть торжество жизни

надо одеть в одежды трудовой специализации. Все остальное само по себе приложится – победа адаптируется во все сферы хозяйственной и научной деятельности. Ради этого торжества радости жизни и только для торжества радости было создано государство. Поэтому, неизбежно государство возникло только лишь для того, чтобы накапливать опыт бытия в радости, то есть дать возможность видеть и слышать людей высоко умудрённых жизненным опытом – победителей себя счастьем и радостью без вреда для здоровья. Здоровьем мы называем богообщение, в коем человек полностью и без остатка поглощен бытием в Творце. Он проходит мимо даже малого чувственного восприятия и мимо всякого стороннего влечения, уводящего от единства с Творцом. Здоровый человек ничего не видит и ничего не слышит, кроме Творца. Представьте себе такое состояние и вы будете иметь верное представление о человеке и о том, что такое государство. Именно по этой же причине торжество радости жить через побеждающего себя уверенно дает свободу врагу своему по отношению к себе, даже наделяет его властью, тем самым давая выразиться абсолютному совершенству на данной реальности, то есть промыслу Божьему, никоим образом не противясь всепобеждающей силе Господней. Каким бы он деспотом не был, что он может сделать...? Кроме как творить в пределах дозволенного Богом. Может либо приблизить, либо отодвинуть час более явной встречи с Господом, с которым он уже итак пребывает в самых тесных и реаль-

ных отношениях. В этом весь вопрос. Если государство гарантирует полноту общения личностей, то в нем нет потрясений и оно вечно. Просто диктатура радости вписывается в общественную жизнь гармонично во всей полноте. А если государство эту полноту межличностных отношений исключает, то происходит ущемление этого присутствия, от чего порядок в сообществе становится временным. То есть, если Церковь отделена от государства – проблемы не Церкви, а самого государства, ибо человек вне этой полноты свободы самоопределения перестает существовать как личность, вне этого самоопределения уходит возможность задействоваться более высшим граням личности и потому союз в таком сообществе обречён. Повторюсь, чтобы жить, человек должен быть личностью во всей полноте этого слова и без даже малого ущемления. То есть ему естественно пребывать в общении с Личностью Бога, как с подобием своим (условие живого участия на Предвечном Совете, что есть молитва). Ведь человек – это душа, одетая в плоть, а потому не плоти, а душе должно быть комфортно. На выгоде строить государство – дело обреченное на провал.

Это важно разглядеть в самом Священном Писании.

Первородный грех Адама имеет много граней, но в данной конкретике речь должна идти не о яблоке (это только лишь понятийный язык изложения Истины), а о том, что Адам вышел из Совета и нарушил Его повеление. Он нарушил единосогласность. Изменил Общему Делу служения,

благодаря Коему он, как человек радости, сам возник во Вселенной и тем самым утратил радость жизни – начал прикрывать свою наготу. Поэтому в таком состоянии вне радости духа, при коем невозможно делиться радостью с миром, ему нельзя было находиться вечно, то есть нельзя было узаконивать сам этот грех, что привело бы к разрушению всего того, что держалось на радости в Боге. А так как, не смотря на грехопадение, человеку по-прежнему естественно жить только Божественной радостью, но переизбыток оной приносит боль (от чего он начал скрывать наготу), то теперь надо отодвинуть бытие первых людей на безопасное расстояние, «создать временный карантин». (Это могло выразилось на природе людей после Великого Переселения). Для нашей конкретики устроительства государственности именно это и есть то самое страшное (узаконенное зло распущенности), которое узаконивается в самом понимании и в представлении о жизни. Рушится советская власть в обществе, ибо нет самого понятийного механизма устранения возникшего крена, имеющего прообраз грехопадения, в коем ради самого человека и полноты его счастья Бог привносит в мир ограничение злу – так только и только в греховной природе людей появляется смерть. Смерть – это ограничение злу.

« ...22 И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно».

Человек узрел в себе грани греховной плоти, но не обуздал её, а потому отныне житие во Царствии Небесном требует ограничения необузданности посредством трудов в поте лица, ибо теперь чтобы видеть белое, нужно иметь трудное и скорбное представление о черном. Вне этого контраста нам понять невозможно происходящее, то есть не увидеть самих себя. То есть наша земная жизнь во Царствии Небесном возможна лишь в одном случае, когда мы несем тяжести жизни.

1.0.-27. Что такое единение с Богом видно из следующего случая из жизни. К одному старому монаху приходит молодой инок и жалуется на одного азербайджанца, сетуя на то, что он заставляет его работать на его огороде. На что великий старец отвечает: «Я тоже на этом огороде работал всю жизнь, только у отца его»². Причастие к Богу определяет человека на все. Человек борется не за место под Солнцем, он борется за полноту самовыражения, за полноту подобия Ему. Это утверждение абсолютно многогранное. Чтобы Бог слышал и был в рабстве у человека, каждому из нас надо самому пребывать в рабстве. Или можно так сказать, что человек может смириться с любым унижением себя ради прежней священной связи с Богом. Творец выше всего и значимее всего, а потому священная связь с Ним остаётся самым важным, самым главным для всего абсолютно, самым главным стимулом всех самых жестких несвобод, исканий и побуждений. Связь с Творцом есть самое вожаделенное счастье. (Мы иногда боремся за права народа, как декабристы и

не ведаем о том, что Крепостное право в определённой Богом кондиции – на самом деле счастье для него. Несчастье в ином – нет радости бытия в крепостном праве для самих дворян. Вот тогда-то пребывать в подчинении у людей деградировавших становится настоящим адом произвола. Победа над крепостным правом каким-то иным способом, на самом деле становится эстафетной палочкой, передаваемым от одного времени другому в виде всякого рода кровавых сцен насилия и террора. Такова же реальность древних вер, ибо дело не в том, как мы живем, а дело в том, где мы ходим. Пути радости и счастья есть даже в самом страшном аду. И наоборот, в послевоенные годы бытия СССР на ровном месте без всякой войны и репрессий в достатке и равноправии погиб целый народ).

1.0.-28. Нельзя сказать, что для бытия в таком вот качестве нам не нужны волчья пасть, быстрые ноги, теплая шерсть и все остальное. Они нужны, как инструменты, ибо всегда есть необходимость адаптировать энергию Солнца под естественные запросы относительно слабого человеческого организма, коему нужно время для возрастания до большего совершенства в Боге. Человеку не нужны достоинства, необходимые для торжества над жертвой, а нужны ему достоинства для торжества над самим собой и при этом ни в коем случае не усилием воли, но только в экстазе богообщения. А это разные вещи. Человеку нужны не достоинства для победы над кем-то, а инструменты для более сильного приобщения

к радости бытия. Потому, как не востребованные, они эволюционно отделены от природы человека, дабы не мешать ему быть в его счастье и не отвлекать его от духовного делания. Человек торжествует над собой не усилием воли, а радостью, а потому эволюция жизни как бы убирает все то, что покушается на счастье человека бытия в Боге. именно по этой причине, голова все дальше и дальше отодвигается от тела (смотри 111-11-1,1 и 111-11-1 и 111-01-1.2 и 11-01-1.1 и 777-01-2.3). Хотя тело так и остается частью головы, но голова в прообразе выхода из тела вычленяется все сильнее и сильнее от органов жизнедеятельности шей. Таким образом, у человека есть только эволюционно сложившиеся достоинства торжества над собой, а живые носители этих достоинств торжества над жертвой, сослужат духовному деланию человека своеобразно в контексте своих уникальных возможностей, чтобы опосредовано его приобщать к Богу. А человек опосредовано носителей этих достоинств выживания имеет возможность увеличить время возрастания в Боге. Это тоже подтверждает гипотезу о том, что когда-то все живое было человеком, в последствии разделившимся на составляющие. Точнее, в таком образе через человека всякая тварь сошла в этот срез бытия Вселенной. Здесь рядом совсем дно бытия.

Процесс вычленения головы из тела в процессе эволюции заметно не только на природе человека. Цветы и растения своеобразно постоянно напоминают человеку о его месте во Царствии Небесном, ибо человек – единственный провод-

ник счастья и радости в пределы земные для всего живого от Источника всех блаженств и потому, также как тело человека радуется душой, флора и фауна радуются человеком, как своей природной составляющей. Это видно не только в добродушном характере прирученных животных, но и в том, что цветок поворачивает свой бутон к Солнцу и сопровождает его от горизонта до горизонта. В процессе эволюции этот момент, когда головка поворачивается за солнечным диском, вычленился в отдельный организм, который следует туда, где больше солнечных световых потоков. Этот организм был новым образом Бога и отдаленным прообразом современного человека, то есть человеком в состоянии эволюционного эмбриона. Вне этого движения от одного прообраза человека к другому более совершенному **666-06-06** живое существовать не может (смотри **777-01-2.0** и **777-02-7** и **111-11-3**).

Человек носитель в себе Царствия Небесного⁴³ и от Оного в нем самом исходит этот свет и своим влиянием изменяет природу флоры и фауны, наделяет ее способностью вновь быть в согласии и мире, как всему этому было естественно до грехопадения. То, что не естественно миру в первообразе, то человек нести не может и потому не несет, то есть человек здесь, как бы приносит акт покаяния – собирает то, что было разрушено грехом. Нет в природе нечто такого, которое бы согревало душу Божественной добротой, но только Бог Сам. Вот как было всё устроено для устремления в естественное для вселенной вечное бытие. И оное возможно

только через человека, через всякое его деяние и естество природы (смотри 666-06-06). Эта формула – точка отсчёта также для всех остальных научных поисков и исследований, которые должны нести счастье вместо правды, оформленной специфически в понятиях ученого. Счастье – это и есть правда.

1.0.-29. Бог есть абсолютное счастье. Он пребывает во Царствии Небесном. Из-за грехопадения человек обрёл смертельную порчу. Но это только лишь порча на том же самом естестве природы. Но тело остается той же самой сущностью живого только радостного бытия. Единственное, пока не будет восстановлена даже эта бесконечно малая и даже ничтожная реалья в естественном порядке счастья, говорить о полноте жизни и счастья не приходится. Если даже бесконечно малая частица оказалась инородной радости, то все тело страдает. С этого момента для того, чтобы как и прежде пребывать во Царствии Небесном необходимо очищение от нее, нужен труд в поте лица³⁰⁴. Это новое бытие жизни имеет многообразные виды проявления и это не какой-то там разовый акт. Нужна жизнь в постоянном процессе очищения в прообразе Голгофы Христовой.

Тогда, на самом деле, что такое спорт и где ему место в нашей жизни? Так как власть советов в любом государстве имеет прообраз Предвечного Совета Бога-Троицы, то, как уже сказано ранее, чтобы содержать порядок вечно, необходимо формировать власть по образу и подобию отношений Лиц Пресвятой Троицы. Все люди делятся эгоистов и аль-

труистов. И те, и другие несут благо в чем-то одном и в то же время злое в чем-нибудь ином в зависимости от ситуации. Но как их соделать одним целым? Нужно одно на всех общее дело. Эгоизм перестает быть злом, когда человек стоит на естественном для себя месте во Царствии Небесном, то есть в общении с Творцом, то есть там, где все связующие с Богом нити Вселенной пересекаются в одном Центре. Тогда слова «я есть» («эго ист») и «мир» становятся разными именами Одного.

Для спокойного формирования государственности важно, чтобы каждый его член жил общей радостью, то есть должен служить общему делу, чтобы оказаться в структуре его. Все, и эгоисты, и даже альтруисты, пребывая вне своего места всеобщего государственного служения Богу, это дело губят. Общее дело – это всегда какое-то иное имя торжества над смертью. Если мы находимся в зимнем лесу, то никому не надо доказывать о том, что нужен костер для обогрева. Каждый сам занимает свое место и эгоист и альтруист, то есть собирает дрова для поддержания костра. Борьба со стихией всегда сплачивала людей. Демократия или диктатура, социалистическая или капиталистическая форма собственности, эгоизм или альтруизм, а также все иные известные крайности обязаны своим бытием Божественной составляющей в своей природе уникальной специфики. То есть в каждой крайности есть какое-то свое уникальное благо, имеет свои достоинства утверждения живого. Но как их совме-

стить? Бог силен только в брани со смертью только тем, что пребывает там, где нет смерти. В этом же прообразе торжествуем над смертью и мы, люди. В прообразе Пасхи Христовой ходим мимо смерти. А так как во все времена смерть шла от стихии и в борьбе с ней, то понятно, что все озвученные крайности становятся взаимным дополнением только в одном случае – в борьбе с общим врагом. Хотя так нельзя говорить, ибо стихия врагом быть не может, ибо даже она в процессе эволюционного становления постепенно станет составной частью физиологии или еще одним звеном хвоста постепенного движения к Богу. Речь идет о трудном сложном многожертвенном процессе обуздания стихии, а не о ее уничтожении как врага. Хвост толкает голову вперед и без него нет движения туда, где голове хорошо, ибо там, где голове хорошо, там и хвосту хорошо. Хвост радуется головой (смотри 777-07-7.3). Без хвоста нет спасения 777-06-06. Так вот культ и даже каждое деяние человека стимулируют в его природе духа либо ту, либо другую грань. Если деятельность возвышает человека на благо общего, то государство будет крепнуть. А если нет – то разрушится. Альтруист и эгоист должны иметь место в реальности, чтобы было хорошо для государства, то есть на своем жизнеутверждающем месте. В противном случае, и тот и другой разрушают общий дом общества. К примеру, один из моментов, разрушающих советскую власть, был и есть спортивные состязания, которые возникли как необходимость на почве древнегреческой до-

христианской культуры с её ценностями эгоиста и плоти.

Дело в том, что сам факт бытия народа в огромных временных промежутках говорит о том, что люди тех лет исповедовали только то, что естественно для природы вечности – монотеизм (об этом будет сказано в книге). Но без связывающего Начала, без Благодати Духа Святого, монотеизм, обоснованный только на чистоте совести и чистоте духовной, и страхе перед наказанием (о Благодати Духа Святого тем народам ещё ничего не было известно), неизбежно вырождается. Причем здесь спорт? Спорт – самая безобидная форма стимуляции эгоизма, но когда такая кондиция внутреннего мира попадает в иную сферу общественных отношений, то те же самые активированные безобидные, казалось бы, принципы продолжают исповедовать естественное им. Сила культивации эгоистических настроений в духовной природе людей во время спортивных состязаний формирует образ мышления – противоборство. К сожалению, святой царь-мученик Николай не до конца понимал сие и сам пошёл на поводу у своего времени. Подготовил и взрастил не христианскую почву, которая в определённый момент просто переориентировалась против него самого. С другой стороны, так тоже нельзя говорить. Ибо спорт нужен, особенно в наше время, но не в той реалии. К примеру, сажусь на гоночный велосипед и пожираю сотни километров не для каких-то там наград или достижений. Просто сужаю свое жизненное пространство до таких вот пределов, в коих я по прежнему остаюсь

счастлив и живу в нем несколько часов. В этом высшее совершенство человека – пребывать в радости даже в самых стесненных реалиях и лишениях возможностей. Сие помогает потом вести иные дела, ибо настрой на аскетизм нужно постоянно поддерживать в высокой форме. Это не надо путать с усилием силы воли. Радостью преодолеваю расстояние и когда прихожу домой или на службу и это состояние духа, не требующее многого ради торжества над собой, адаптируется во всех моих образах ведения дел. Подвиг преподобного Серафима, адаптирую под конкретное выполнение поставленной задачи – доехать до Ганиной Ямы, в Царский Монастырь, чтобы исповедаться и причаститься Святых Таинств. Это спортивное занятие обретает осмысленность иную. Велосипед помогает мне хранить Божественную радость, а потому мое суженное пространство счастья не позволяет брать чужое из государственной казны – ведь мне нужна нагрузка на организм, чтобы поддерживать ясность ума, а земные блага этот момент не гарантируют и даже исключают. Также в свое время выходил на ринг и адаптировал ту радость в иной специфике упражнений и потому не проигрывал бои и остался без единого нокаута, нокдауна в голову (в живот попадали несколько раз крепко на тренировках). Ведь радостью пребывает и главное – трезвость ума, что и есть победа. Этот образ труда не озлобляет, ибо я просто безболезненно сужаю пространство для своего счастья, а счастливый человек не может быть злым.

1.0.-30. В.Н.Лосский в «Очерке мистического богословия Восточной Церкви» речь ведёт о невозможности познания Бога инструментами разума, что «... Апофатизм учит видеть в догматах Церкви прежде всего их негативное значение, как запрет нашей мысли следовать своими естественными путями и образовывать понятия, которые заменяли бы духовные реальности. Ибо христианство – не философская школа, спекулирующая абстрактными понятиями, но прежде всего общение с живым Богом»¹, как личность с Личностью. Бог един и одинок, поэтому неизбежно это свойство находит свое своеобразное отражение в реалиях нашей природы, как специфически уникальные множественные выражения единства и одиночества. То есть Божественное свидетельствует о Себе даже в «естественных путях разумного». Нам остается только лишь по максимуму различать свидетельства о Нём в этих сферах, то есть видеть Божественные следы в том, что нам досягаемо в этих «естественных путях мысли». В первую очередь, необходимо сказать, что естество во всех различных сферах бытия имеет разные пути эволюционного усложнения в пределах свидетельства о первопричине, в пределах единства, а потому единство, как единое, проявляется в них соответственно этой уникально сложившейся специфике выражения первообраза в данном усложнении – то есть разнообразно. Из-за этого создается ошибочное мнение, что природа естества различна, противоречива и разрознена. То есть, я бы сказал, что в каждом естестве

освидетельствуется Одно и То же, то есть возникает новое имя Единого и Его единства. Именно в пределах этого общего для всех областей бытия работает тот самый Закон Сохранения. Так появляются неразрывные последовательности непрерывно-скачкообразного становления эволюции жизни. Только в нашем конкретном случае он носит соответствующее специфике анализа имя – Закона Сохранения Единства. Если говорить на языке математического анализа, то можно привести слова о.Андроника (Лосева) о том, что «Прямая есть, таким образом, точка, данная как самоидентифицируемое различие^{777-01-1.5}» («Хаос и структура», §46 «Аксиома самоидентифицируемого различия в геометрии», п.3). Точка в новой реалии иного бытия обрела новое имя – она стала прямой, а потому некоторые признаки её так и остались в этом новом для неё проявлении, перешли в него. То есть некоторые свойства прямой по-прежнему являются принадлежностью точки. Хотя, точка и прямая соотносятся между собой, как бесконечно великое к бесконечно малому, но все равно опосредовано их обоих мы видим только одно и то же – Божественное постоянство в разном виде. То же самое можно сказать о плоскости по отношению к точке и даже о пространстве. Если точка есть, то неизбежно существует и пространство, как прообраз точки. Сказанное – разные способы свидетельства о Начале всех начал, о пустоте, как носителе постоянства в чистом виде. Вне этого мы не сможем видеть и понимать что такое точка и остальные ее множественные

производные (прямая, плоскость и пространство), и даже саму Вселенную. Таким образом, сие получило отражение в реальном мире вещей. Но точка – это тоже слово о Боге, но не Он Сам. Это слово о Боге на специфическом языке понятий, свойственных данному срезу бытия и востребованном обсуждением о Нем в данной специфике мировой реалии.

1.0.-31. Вообще Творец воспринимается с разных позиций по-разному, в том же числе в виде точки, как величина мерками греха, равная нулю. Если позиционировать себя на самом дне Вселенной с грехом, то Бога в этой реалии нет. Как уже сказано ранее, что всякое телесное чувство – это некоторая степень ранения, из-за покушения на абсолютное здоровье человека. То есть как бы проблема, которая отвлекает внимание от единства с Богом в Богообщении. Для материи человек имеет образ Божий, а именно он свободой и своим прообразом пустоты (смотри 777-07-01), который мы носим в себе, мягкостью тела не меняет форму материи воздействием. Иными словами, если он идет по местности, то как-то прикасается к материи, но так как его тело мягкое, то в прообразе пустоты воздействующей на материю взаимодействие сведено до минимума (смотри 777-07-01). Человек как-то более всего подобен воздуху, воде или сообразен пустоту. Подобно тому, как пушинка несет в себе образ воздуха, а потому увлекаемая его потоками обходит стороной препятствия, так и человек в процессе своего эволюционного становления все сильнее и сильнее похож на Бога в этих свой-

ствах Его невесомости и борется за жизнь в прообразе Пасхи Христовой (смотри 777-07-01). Это важное замечание. Человек несет в себе счастье, оберегая его. Человек плотью видит этот мир. Соприкосновением он получает травму, но она не имеет для него бедственного значения и он обходит ее стороной, ради сохранения радости. Человек максимально соединяет в себе две крайности – материю и пустоту (смотри 777-07-01). Мы видим тут эволюционное движение к еще одному прообразу пустоты греха, свойственного Богу.

(07.01.00) Когда есть непосредственное единение с Господом, то мир предстает пустотой, ибо все остальное не есть Он. Как только внимание переключается, то все с точностью до наоборот Бог предстает пустотой греха, а мир виден, как пораженный порчей греховной. Такова природа познания человека, соединяющая две крайности в одном. Когда мы молимся Богу, то можно заметить, что окружающий мир тут же для нас как бы исчезает, становится прозрачным, то есть мы видим Бога даже через стены. Все преграды становятся пустотой. Как только начинаем мыслить, так сразу же появляются образы мысли. Пораженный грехом видеть может только свое же подобие – сопричастность греху, болезнь. Два в одном в природе человека, при котором природа человека стремится отделить как можно лучше одно от другого, чтобы одно лучше дополняло другое и не мешало бы единству с Ним. Именно по этой причине, голова человека несколько отдаляется от той ча-

сти тела, в коей идут бурные физиологические процессы, ибо от них всегда много такого побочного, затмевающего ясность ума в прообразе Бога, Который не воспринимается⁷⁷⁷⁻⁰⁷⁻⁰¹. Поэтому Бог не воспринимается, так как абсолютный благ и здоровье, ибо несущий не ранение, а только здоровье. Отсюда следует важное заключение о том, что точка выглядит максимально возможным совершенством, как самое малое покушение на природу людей, как максимально самая малая и абсолютно оптимальная рана или отсутствие проблем^{777-01-1.6}. Но рана остается покушением на здоровое тело, даже если она максимально мала и оптимальна, ибо совершенство предполагает вообще отсутствие каких-либо признаков ранения. Точка же становится в данном случае составляющей Тела Бога. Грех – это всегда степень крайности какого-то признака, а в точке величина этой крайности равна нулю, но она есть, даже равная нулю. То есть данное свойство присутствует в точке, а вот крайности проявления оной нет. Травмой является то, что человек почувствовал, ибо в этот момент он отвлекается от общения с Богом^{777-01-1.9} (смотри ⁷⁷⁷⁻⁰⁷⁻⁰¹). В то же время, отсутствием величины греха обладает только ноль. Такова природа точки – она двоичная. В пределах именно этого разыгрывается весь сюжет Вселенной после грехопадения. Точка есть первообразная всего, ибо с неё все началось. С одной стороны, с неё началось развитие падения и разрушения той девственной природы, но уже пораженной грехом. С другой стороны, всё

то, что не разрушено грехом – все это так и осталось грехов-ной пустотой, так и осталось отсутствием раны, то есть, доб-ром, абсолютным совершенством. А об этом совершенстве что-либо говорить бессмысленно, ибо включаем инструмен-ты измерения степени ранения там, где ранения нет из-за абсолютного совершенства. Можно только одно сделать за-ключение, что эта природа абсолютного совершенства там, где есть абсолютная чувственно принимаемая пустота.

С одной стороны, совершенством мы называем усложне-ние эволюционного развития в пределах единства и в про-образе точки, которая самое элементарное и самое несовер-шенное усложнение. А с другой стороны, совершеннее Бога нет ничего, а точка – самый близкий элемент к этому совер-шенству в «инобытии» А.Ф.Лосева². Точка, прямая, плос-кость и пространство – это разные Лица Бога (разные сви-детельства о постоянстве пустоты) в разных сферах, надел-енных разными природными свойствами. В растении-семе-ни совершенством свидетельства о Боге выступает то цветок растения, то семя его. Хотя сие есть противоречие, но на са-мом деле противоречием не является, а суть проявления од-ного и того же – жизни, в которой одно гармонично допол-няет другое, к примеру конечное с бесконечным. В против-ном случае, мир бы был абсолютным хаосом – он стремил-ся бы к постоянному разрешению противоречий. Но этого не происходит, мир – это живое Тело, некоторые грани ко-торого наиболее сильно соприродны материи. Точка – это

то самое, то есть то общее с Телом Творца, в коем величина крена от естества Природы Его равна нолю, но в то же время Его присутствие есть. Поэтому опосредовано свойств чувственно принимаемого бытия мы распознаем Его бытие – мы видим единство разрозненных предметов. Наверное можно сказать иначе, что Тело Его в земных условиях может существовать только в виде порядка, в схеме, в гармонии всевозможных цикличностей, то есть различных прообразов пустоты. Одно стало дополнением другого и жизненно важное приобщение к Богу неизбежно стало определяющим стимулом эволюции в естественно слаживающиеся все более совершенные порядки и усложнённые гармонии форм устройства общежития. То есть это тоже некоторое проявление Божественного, адаптированного в уже в совсем ином срезе мира, в ином бытии, а именно на самом дне мироздания – на его границе. Хотя эта реальность остается в том же Царствии Небесном, но только уже иной степени близости к Нему. А потому с иными природными свойствами естества, обозначившимся грехопадением. Таким образом, государственные образования преследуют те же самые цели – быть частью Творца в еще большей полноте. Достижение этих целей теперь улучшено, теперь облегчено структурным государственным единством ради, повторяю, более плодотворного единения с Творцом. Сюда входят коллективный разум, при котором более полное знание ситуации через активное взаимодействие (где, чем больше умов, тем более точное и

верное решение), узкая специализация в деятельности помогает и создает монотонность труда, позволяющая удерживать внимание к Богу. То есть пребывая в прежнем молитвенном единстве с Ним теперь оказалось возможно много трудиться (при монотонности работ человек меньше отвлекается на суету). Более того, коллективным разумом легче накапливать опыт выживания, обработки материалов и так далее. Таким образом, человек в Боге в процессе эволюции все сильнее и сильнее стяжает свое счастье. То, как человек в государственной структуре более полно приобщён к Божественному, видно из жизни. Экстаз – нормальное состояние человека, а порядок государственного образования помогает совместить две крайности – жизнь в обществе и уединенность. Благодаря чему народ становится частью Тела Его и имеет способность живучести даже в районах крайнего Севера. Статистика показывает, что люди, ушедшие на пенсию, живут мало.

1.0.-32. В далёкие времена прошлого люди жили семьями-общинами. Вот это единение – это только лишь некоторое внешнее конечное производное, конечный результат проявления, который мы обзираем как единство. Это лишь то, что стало видимым внешним проявлением присутствия Его и всеобщего стремления к Единому Творцу, также как и все то, что мы можем созерцать вокруг видимой природой – разноликие формы единства: галактики с их звездами, планеты и их природу. Это не самоцель, а лишь види-

мое следствие некоторой единой для всего вокруг причины, ибо единство не создают, его обнаруживают. (Всякие иные способы единить общество инородны естеству Вселенной – формы насилия и, как следствие, покушение на убийство). Всё то, что когда либо создавал человек, все это лишь стало удобной дорогой для движущихся личностей к Богу, благодаря чему возникает и крепнет единство людей (и вообще дальнейшая эволюция этого пути будет набирать поступательную силу во все времена). Хочу повторить ещё раз, что это только следствие. То есть нужно творить не сам этот модус единства, нужно стремиться не к результату, а к тому, что нас делает единым самопроизвольно, то есть следует достигать то самое, производным следствием чего видимость единства является. Это неизбежно есть Тело Бога, то есть тот основополагающий принцип жизни, позволяющий человеку решать самые тяжёлые задачи и, подобно Богу жить везде, жить там (под словом «жизнь» имею в виду абсолютное счастье), где бытие с данными абсолютно ограниченными возможностями организма невозможно, где жизненно востребована многогранность и коллективный разум. По большому счету, Сам Господь выглядит вообще беспомощным, ибо в Его Естестве мы визуально не наблюдаем никаких достоинств – Он для нас пустота, как максимум бессилия. Но сила Его в недостигаемости для воздействия пораженной грехом природы, а потому автоматически отпадает необходимость иметь какие-то достоинства самозащиты

или творчества ради утверждения Себя в земных условиях, кои не мешают быть. Человек в процессе эволюционных процессов формировал именно этот зримый образ абсолютного бессилия, беззащитности из-за отсутствия достоинств организма, но не в ущерб радости бытия³⁷³. Парадоксально, но слабость и немощность не мешают нести в душе радость – это единство противоположных крайностей становится фундаментом всемогущества и силы Божьей, выраженной в том же числе в единении общества простым присутствием Бога среди людей. Если Богу это естественно, то человек из-за греховности своей, вынужден в поте лица поддерживать такой образ жизни, хотя в Боге это многолюдное единство несет радость всех и каждого в отдельности, что делает единство всех самопроизвольным.

1.0.-33. Возникает вопрос, как достичь этого качества единения в общественной жизни? И что это нечто такое, благодаря чему возникает единство людей? Представьте себе, что вы находитесь в зимнем лесу. Мороз. Понятно, что вы начнёте разжигать костёр и понятно также, что никому не надо доказывать о целесообразности этого мероприятия, обсуждать о каких-то преимуществах нахождения возле огня или богословствовать. Каждый из вас и без всего этого знает и даже иной раз самостоятельно ищет своё место, жаждет внести свою лепту в общее дело, прощает естественно возникающие трения или даже не видит их, ибо жизнь каждого в данном случае – это жизнь всех в равной степени. Также в

одиначку куда сложнее поддерживать сей очаг, чем всем сразу, а потому живучесть коллектива выше. Скажите, нужны ли здесь репрессивные меры? Нет. Всё само по себе держится и устраивается, ибо каждый смотрит на происходящее через призму результата – тепло и свет, исходящие от хорошего костра. А теперь предположим, что костра нет. Если единство облегчает победу над смертью всех и каждого, то чтобы держать всех в единении, нужно прибегнуть к насилию, насаждать страх (причем безуспешно). Это только наглядный пример, помогающий представить некоторые связующие механизмы, ибо на самом деле единство – это нормальное состояние жизни, которое на деле было всегда, а не возникло как необходимость или как некоторое следствие взаимной выгоды членов сообщества. Единство возникло не благодаря эволюции от простого к сложному, а вошло в это бытие, как свойство жизни, а потому стало сопутствующим ей во всех процессах эволюционного усложнения. Только в одном случае, единство устраивается радостью, то есть не насилем, а как сопутствующее следствие радости.

Для счастья нужно не насилие, а мир и спокойствие. То есть его не создают, а обнаруживают. Только в условиях абсолютного счастья возможно всякое творчество и деторождение, работают созидательные силы, есть желание и возможность кому-то помочь. Так был создан мир и Вселенная, так появился человек. Этот же закон остается главным для нас всех.

Без вожденной абсолютно всей полноты счастья человек перестает иметь образ Божий и становится эгоистом-узурпатором, то есть не может жить в коллективе, а потому невозможно никакое созидательное делание всего коллектива, а всякое побуждение человека в первую очередь становится формой достижения своих эгоистических целей за счет ближних и, если нет таковых, то дальнейшим самоубийством, как самая последняя ступень эгоистического самоудовлетворения вместо самоутверждения в победоносном торжестве жизни. Это естественно, ибо прежде чем кому-то дарить счастье, надо сначала им обладать. Именно этим восстановлением естественного состояния в радости болен эгоист и ему нужна помощь. Важен не тот мир, который нас окружает, а тот мир, который внутри нас. Бог есть счастливая жизнь в любых условиях среды и Его счастье не зависит от страшных обстоятельств, то есть нечто такое вне мира сего, то нам остается описывать эти множественные формы выражения данной кондиции качества торжества жизни. Над этим мы поработаем на страницах книг.

Если говорить о реальности существования Бога, то при любом ответе на этот вопрос, нам всем очевидно одно, что есть вселенское многообразное движение во всеобщей относительности. А все движения могут иметь только одно из двух направлений³⁷³: либо деградация (разрушение), либо совершенствование (восстановление). Третьего не дано. Вселенная либо совершенствуется (в стремлении к радости),

либо деградирует (насилием)³⁷⁴. Соответственно, если Бога нет, то всё деградирует и не имеет вечности, а если есть Он, то наоборот всё в постоянном движении к уподоблению Ему – возрастает в подобии Ему. А если даже что-то разрушается, то в более общем плане созерцания Божественного Замысла, на самом деле, остается лишь перестроением в более совершенные формы исповеди Бога. А воспринимается как разрушение только в ограниченных пределах возможности созерцать окружающий мир³⁷⁵. В любом случае, мы ищем какие-то характерные для личности черты в данной сфере бытия. Ибо познание всегда идет в пределах общения личностей Бога и человека. человек во всем пытается услышать слова Творца к себе и если он вдруг понимает Его речь, то кричит от радости «Эврика, я нашел». Когда совершаем какой-то анализ происходящего или пытаемся распознать богословие математических дисциплин, то мы должны так мыслить, ибо есть Творец. «Всё дело в том и заключается, что тут не просто формальная связь абстрактных понятий, но интуитивная очевидность и тут даже вовсе не понятия, а математические факты»². Этот момент также хорошо выразил св. Максим Исповедник.

1.0.-34.Вообще, изначально, при исследовании мы должны руководствоваться иными критериями поиска истины. По определению, жизнь имеет свойство развития к более совершенному подобию Бога. Вне этого движения к Богу нет

жизни. Совершенства своего она достигнет где-то в бесконечности, но уже этого достаточно, чтобы заявлять о себе, как о совершенстве, ибо она наделена вечностью. То есть, если есть движение, то это является только и только процессом возрастания, совершенствования – самое значимое и необходимое. Это даже не условие, а само естество живого. Это характерные для личности черты, опосредовано коих мы входим в общение с Богом. Так как оказалось в поле нашего созерцания, то это также свойство всего Того, данного человеку в ощущениях в процессе богообщения. Мы через это оказавшееся в поле нашего зрения видим только Его. Ведь ничего кроме Него в бытии нет и мы ничего кроме Него видеть в этой реалии не можем, а подобное познается подобным. Может быть нам не понятны явления вокруг, но различить слова Бога, сказанные Им в этих явлениях – это долг ученого.

Нам имеющим поражение грехом трудно говорить о том, каким должно было быть возрастание человечества, когда оное в лице Адама и Евы пребывало в Раю, зато после Святого Воскресения Сына Божьего стало ясным то, каким оное должно быть³⁷⁷. Творение Бога уже есть абсолютное совершенство³⁷⁸ потому неизбежно после грехопадения возникнет стремление на свою Родину к своему прежнему естественному подобию Рая, стремление в прежнее естественное состояние через восстановление естественного Богом от-

кровенного устройства Вселенной³⁷⁶. Это движение идет чисто внутри самой личности, чтобы быть подобием Богу, ибо только это обуславливает бытие живого в прямой связи всеобъемлющего богообщения – в богообщении без всяких посредников³⁷⁶. В этом случае Бог есть ориентир и маяк для движения к совершенству, ибо кроме Него нет ничего и нет ничего совершеннее Его и вне непосредственного общения с Ним иные формы собеседования становятся невозможными. Человек слышит не то, что надо слышать, видит не то, что надо видеть и понимает не так, как задумал Творец. Мир становится хаосом всеобщей относительности. Хотя всё вокруг есть многоплановая связь с Ним, понуждающая или стимулирующая всякие течения до Его подобия. Это также как пламя костра теплом понуждает нагреваться все близлежащее вокруг. Тогда появляется справедливый вопрос о том, что изменилось для человека после его изгнания из Его Обителей Царствия Небесного? Жизнь, как дар Божий, не утратила свойственную себе природу и перспективу вечности счастья. Мы живем теми же самыми законами Царствия Небесного, а потому наше положение отличается только тем, что теперь мы призваны видеть Бога иначе – через все, во всем или через посредники. Точнее посредников нет, а есть Его беседа с нами, выраженная тем, что мы называем observable окружающим миром материи. Мы в новом образе продолжаем с ним беседовать и призваны видеть себя, как Образ Божий, во всем, ибо в этом бытии ничего кро-

ме личностей нет. Межличностное общение происходит этими мирами и их материальными предметами, воздухом, светом и так далее. То есть условием бытия во Царствии Небесном остается в прежнем непреходящем замысле Его – бесконечная полнота абсолютно великого Божественного, райская чистота духовная и величие духа.

Так как становление до образа и подобия Божьего, как естество живого, есть ещё одно имя о Нём, то с грехопадением сие утраченным быть не может и по-прежнему имеет значение и остается основой жизни как на земле, так и в Райских Обителях – такова природа радости, которая никакими эволюционными процессами тронутой быть не может. И потому там, и здесь сие должно быть в той же прежней степени полноты бытия, ибо это условие жизни – движение к Богу, к Образу Его. Единственное отличие в том, что в Раю это движение к Богу, обоженье ничем не искушалось, не было стеснения бесконечной радости³⁸⁰.

Все дело в том, что Божественное в земных условиях представлено контрастом между бытием и небытием в пределах природной возможности этот контраст воспринимать. Как уже сказано, перед нами шар (смотри 777-01-17) с корпускулярными свойствами пустоты, а в нашем понятийном языке появляется новый инструмент – стеснение, как одно из проявлений корпускулярных свойств элементарной структуры. И тут вопрос обретает также множественность вариаций. Так как в земных условиях ей быть тесно, то благодаря

противоречию сему имеет место возрастание. Но возрастание возрастанию рознь. Возрастание должно быть удобоприемлемым, в пределах природных возможностей структуры тела оставаться частью полноты, то есть без покушения на нежную природу, ослабленную грехом. Потому будет иметь место поиска того места, где стеснение наиболее безболезненное, наиболее адаптированное, не замечаемое ущемление без покушения на ту же самую радость бытия от пребывания духа в Раю, благодаря коей происходит возрастание до подобия Ему (все фибры человеческого естества – это суть живительное созерцание Бога через Его множественные посредники, различные формы передачи Божественных Энергий, то есть личность общается с Личностью через каждую фибру бытия). Человек ищет то место в данной реалии, стеснение Божественного остается в пределах способности природы человека это стеснение выдержать, где нет покушения на ту же самую радость Бытия Царствия Небесного в нем – это и есть определение поиска Истины. Это также как вода ищет своего подобия в прообразе – свободу выхода. Если мы присмотримся, то тут тоже увидим стремление хранить подобие Ему. И вот тут следует быть очень осторожным, ибо стеснение оказывается в поле зрения только в одном случае – если стеснение становится сверх возможности природы, ибо утрачена прежняя чистота духовная, естественная для Царствия Небесного. Мир духовный и материй имеет соприкосновение и какое-то смешение, но нельзя смешивать до про-

тивоестественного мир материи и мир духовный. Мир, как бы, не дает человеку быть иным, вне чистоты духовной. Как только он теряет это свойственное Царствию Небесному, так сразу же возникает искушение и он замечает противоестественное стеснение себя.

Вообще, грехопадение предстает перед нами в двух ракурсах. С одной стороны – это наказание. Человек живет в том же Царствии Небесном, то есть пребывает в прежних лучах Бога, но представленных нашему разуму несколько иначе, в ином виде. Вокруг нас прежнее Царствие Небесное, но радость бытия в Нем зиждется по иному – в процессах. Мир перед нами в множествах – это носители Его, кои он в поте лица перерабатывает. Ибо он теперь в поте лица и со скорбями из носителей Его вычленяет то, что во Царствии Небесном было естественной привычной обыденностью. С другой стороны, грехопадение явлено болезнью человека, который теперь должен быть на карантине до полного выздоровления. Теперь ему предписан постельный малоподвижный режим, ибо прямые лучи Бога ему болезненны, ибо в прежнем виде они губительны и в прежней интенсивности переизбыточны, ибо рвут природу. Из-за этого утрачивается самое важное – подобие Богу в цельности¹⁷². Природа человека не изменилась, но изменилась форма выражения его бытия во Царствии Небесном, то есть осталась живительная потребность Царствия Небесного и теперь вся абсолютно та же полнота радости Бога удобоприемлемо растянута во времени. Те-

перь полнота Божественного принимается человеком малыми порциями, чтобы не повредить ослабленному грехом человеку. Так как вне пределов подобия Ему нет подобия Богу, то общение на Предвечном Совете становится невозможным. Иными словами, общение на Предвечном Совете Троицы остается самым высшим приоритетом всего. Отношения на Предвечном Совете должны быть прежними – это есть Знаменатель знаменателей всего и вся во Вселенной. Образ поддержания себя в подобии Ему для этих отношений различен.

Всеобъемлющность радостной беседы богообщения выходит далеко за пределы видимого окружающего бытия. Это естественно, ибо Бог абсолютно велик и оттого Он Сам и общение с Ним не вмещается в пределы даже этого бесконечного мира, в котором мы родились. Хотя на нашей природе можно увидеть всю палитру Божественного присутствия (в противном случае жизнь невозможна), но в ней неудобопостижимы все Его грани. Они выражены, но распознать в нужной кондиции каждую из них не представляется возможным. Разуму открыто только то, что наиболее всего бросается в глаза, а вся остальная составляющая бесконечности Творца явлена в таких образах, в которых на данный момент трудно ориентироваться, хотя наука пытается идти в этом направлении, пытается донести речь Бога людям. А вне полноты общения с Ним бытие жизни невозможно (нам нужно постоянно менять свое место позиционирования и вообще

все менять). Как уже оговаривалось ранее эволюция жизни направлена именно в эту сторону, благодаря чему в будущем человеку раскроется и станет доступна еще одна грань Его Естества уже при земной жизни. Нам нельзя стоять на месте – такова природа. Также как лежащего больного надо постоянно переворачивать с одного бока на другой, ибо в противном случае, появятся пролежни, из-за коих организм отмирает. Нам нельзя оставаться в этом мире для возможности более полного общения, а так как это бытие также отличается односторонностью по отношению ко Творцу, то для плодотворной беседы с Ним востребованным становится уйти в иное бытие, измениться. Это очевидно из определений о Боге. Иное бытие востребовано полнотой богообщения и не является смертью, как нам это явлено в реальности. Беседа с Творцом – это есть жизнь. Мы подобно младенцу в утробе матери беседуем с Богом посредством того, в чем мы едины с Ним, но приходит момент, когда этой полноты нам явно недостаточно и мы покидаем материнское чрево, чтобы появиться на этот свет, в коем беседа с Богом более всеобъемлющая, ибо единство с Ним явлено иначе. Хотя эволюция, повторюсь вновь, идет как раз в эту же сторону, чтобы распознавать Божественные грани для беседы с Ним не после смерти, а уже при жизни земной.????(3)?? (тут надо более лучше дать определение о полноте)

Тогда становится очевидным, что именно породило научный прогресс. Научный прогресс возник в бытии только

лишь для того, чтобы минимизировать до абсолюта влияния всех искушений на богообщение, в том числе удалиться от процессов жизнедеятельности. Живое возрастает и пока ещё слабое возрастание до Его Образа следует беречь. Человек в общении на Предвечном Совете – это не только его душа и не только его тело, но и теперь уже вся окружающая его Вселенная становится на Предвечном Совете опосредовано человека. То есть в спасении нуждается не какая-то часть человека, но весь он вкупе со всем тем, что единит его с Ним.

Человек стремится усилить богообщение еще большей полнотой всеобъемлющего подобия Ему, через ??????(4)?? упорядочение служения Богу всей Вселенной. С одной стороны, теперь влияние Бога оказывается лучами иного естества, но это те же самые энергии, заключенные не в лучи, а в другой носитель. Изменилась непосредственность³⁷⁹. Теперь надо иначе извлекать Божественное из носителя Его в поте лица. А с другой стороны, налицо карантин, ибо Вселенная нуждается в выздоровлении, через упорядочение служения Ему в прообраз начала начал, который имеет множество выражений. Просто грехом в человеке все дезориентировано и чтобы не порвать природу человека переизбытком Божественного влияния Бог его помещает на безопасное расстояние, в коем приобщение к Богу производится теперь также в прообразе Творца, то есть также бесконечно, но в сфере временных характеристик – долго. Так возник карантин. Выздоровление – это собиранье в единый акт богообщения в

удобоприемлемый порядок.

Научный прогресс – это ведь не покушение на природу Вселенной какой-то инородностью, а именно собирание ее в одно единое целое Образа Божьего. В природе Вселенной человек ничего не меняет, а устраивает порядок соответствующий самому себе⁴³, в коем одни свойства дополняются гармонично свойствами другими. Научный поиск, начавшийся уже во Царствии Небесном (смоквами Адам прикрывал наготу свою), был призван максимально высвободить душу для непосредственного бытия в Боге, то есть ослабить остроту сопротивления естественному велению жизни быть в Творце и возрастая в подобии Ему, усилить экстаз бытия до тех пределов, кои естественны жизни вообще без покушения на единство с Ним, как это было прежде во Царствии Небесном. Этот момент хорошо просматривается на опыте.

Выведем в состояние вертикального равновесия палку. Если мы её отпустим, то она упадёт. Опять поставим в состояние равновесия – она опять упадёт. Почему? Потому что она мертвая. На равновесие в живом организме наоборот абсолютно всё вокруг постоянно покушается, но он, не смотря ни на что, это равновесие вновь и вновь выводит исходное состояние самостоятельно. Почему? Потому что он, организм, живой. Вот чем живое отличается от мёртвого: живое восстанавливает равновесие, а мёртвое наоборот его разрушает. То есть, живое возрастает в стремлении уподобиться Богу ради соединения с Ним. Если Бог есть, то после отпа-

дения человека от Бога (и вместе с ним всей Вселенной через этот его грех), то неизбежно для всеобъемлющей полноты Божественного на природе человека все противоречивые крайности обязаны стать дополнением или одним единым целым. То есть, с одной стороны, душа должна присутствовать на Предвечном Совете в пределах Замысла Его, а всё соприродное душе в молитвенном торжестве должно идти по сценарию не только в становлении к вершине самосовершенствования в Боге, но и восстановления прежнего состояния бывшего до грехопадения ради единения с Ним во всей полноте вновь – равновесие должно восстановиться, как свойство живого: « ... Ибо тварь, изменчивая по своей природе, должна по благодати достигнуть состояния вечной успокоенности, приобщившись вечной жизни в свете Пресвятой Троицы»³. Просто это условие бытия живого, ибо оно должно восстанавливаться после покушения на его естество, в том же числе от грехопадения.

Что такое природа человека с точки зрения эволюции? Представьте себе что вы из винтовки стреляете по мишени. Целитесь в десятку. У эволюции только одна цель – попасть в будущее, чтобы жить там опять, каким бы оно тяжелым не было. Душа вечна, а потому тело все сильнее и сильнее должно стать сообразным душе. И это как раз мы и видим. Пушинка, оторвавшись от крыла птицы увлекается потоками воздуха и летит туда, где нет препятствий для нее. Ибо она сообразна воздуху. Это один из шагов эволюционного

становления к большему совершенству. Тут, в данном примере, в одной из свойств души цель эволюции наиболее хорошо различима. Вернемся к стрелку из винтовки. Во время прицеливания очень важно держать цель на мушке и не следить за движением пальца. Работа пальца становится независимой от сознания человека, ибо не важно когда произойдет выстрел, а важно иное, чтобы в этот момент цель и мушка совпадали. В противном случае, стрельба бессмысленна. Так работает эволюция. Не важно как идет человек путями эволюции к цели, а важно, чтобы цель постоянно была на прицеле внимания, тогда не важно как идет процесс и когда. Все это в прообразе Воскресения Христова. Эволюция, как бы, идет путями наиболее адаптированными к естеству природы единства личностей Творца и человека в земных условиях. Опять возвращаясь к Семи Братьям на Урале, мы видим тот образ течения развития жизни на Земле. Верхний край столбов так и остался частью того самого первого изначального ландшафта этих территорий. Постепенно ветры, вода и Солнце разрушили то, что поддавалось разрушению и мы теперь видим то, что было в самом начале времен и то, чем стал мир теперь, являя еще одно чудо природы. Верхняя грань столбов, как бы идет в будущее, оставаясь неизменным. Таков еще один образ становления человечества из самого первого прикосновения солнечного луча с поверхностью Земли до сегодняшнего момента. (Тут есть смысл сказать о важном. Пушинка имеет множество форсинок, чтобы

не уменьшая массу свою усилить контакт с воздушным потоком. В этом же прообразе становления совершенства должна идти научно-техническая революция. Она должна способствовать тому, чтобы человек был лучше подобен Творцу. К сожалению, очень часто духовники Церкви имеют образ Божий чисто формально. Также как если мы перышки сделаем из металла и будем пробывать летать. Если полет не состоится, то и нет смысла эту птицу держать).

И тут мы видим два пути восстановления. Один из них возвращение во Царствие Небесное после смерти. Второй путь – путь жизни даже на Голгофе, то есть следование за Христом, который воскрес из мертвых и потом с плотью вознесся на Небеса, то есть мы видим здесь прообраз монашества. Просто на Голгофе надо жить, в прообразе чего все на свете имеет место быть **666-01-07**. Плоть человека теперь в данном ее качестве стремится воспринять в себя всю полноту Творца. То есть пораженная грехом плоть человека теперь тоже должна сказать свое слово о Боге и Богу преображением в Нем до подобия. Движение к лучшему несет в себе некоторый модус, который в свою очередь, является производным от движения к большему совершенству. Это такая река, которая все ближе и ближе к своему океану, все сильнее и сильнее принимая его подобие. Производное от этого движения вод в океан представлено нам голубой полосой среди суши. Если движение вод остановится, то вода испарится или уйдет в песок и голубая полоса исчезнет, как со-

зерцаемая стабильность постоянства. Река существует только благодаря своему движению к океану³⁸⁰. Также примерно и жизнь возможна только при движении к Богу²⁵⁸. С каждым километром эта река жизни становится все полноводнее и полноводнее, все более подобна величию океана. В данном прообразе все эволюции во Вселенной действительно идут по пути становления все более и более совершенных форм живого. *С этого момента мы будем рассматривать исследуемую реальность только лишь в данном срезе – все что хоть как-то чувственно воспринимается – это лишь модус движения к совершенству, созерцаемый внешний результат всех внутренних процессов. Это голубая полоса²⁵⁸, созданная движущимися водами ко все большей и большей полноводности, ко все большему подобию океану в данном свойстве, к которому воды текут. В том же числе, счастье человека по природе является производным этого движения к лучшему в образе Божьем.*

С этого места наших суждений будет полезно акцентировать наше внимание ещё и на том, что вся реальность двоячная. Мир несет в себе две его составляющие не только по ранее указанным признакам⁴³ (берег-река). Важно назвать все эти признаки, ибо для ясности разумения востребовано иметь более четкое представление о том, с чем имеем дело, что мы исследуем. Хотя, надо думать, что это относительно. Ибо мир един, только наше в нём положение предполагает

двоичность несколько по иной причине – два центра Бог и человек. Эгоцентричное мировосприятие человечества, из-за коего оно было изгнанным из Рая, разделило мир для нас на две части: одна из них единит нас с Ним (ближе к Богу) и другая по ту сторону, где Его нет (если мы стоим лицом ко Творцу, то мир делится на две части: мир перед нами – это одно; мир позади нас – другое. И то и другое в некоторой мере абсолютного максимума пребывает вне чувственного восприятия, то есть и то и другое в абсолюте являются чувственной пустотой. Одна реалья пустоты действенная, источающая энергии, а другая пассивная или забирающая их. Человек становится посредником-границей между двумя реальями⁴³ 666-01-91. Вселенная человека так и остается творением Божиим, а потому как прежде до грехопадения также нуждается в Божественных энергиях. ?????(5)??? Если мы перестаем смотреть на Вселенную через призму Божественного (если утрачиваем молитву), если перестанем быть проводниками Его энергий, тогда то и другое хотя и попадают в поле зрения, но представлены в нашем образе пустоты, то есть все вокруг становится чувственной пустотой. Все вокруг тогда для нас есть наш образ, а именно равнозначные вещи, из-за чего мы путаемся в наших понятиях, тогда мы путаем все остальное – мы думаем, что в мире все относительно, то есть мир рушится. Это то, с чего началось поражение грехом, когда Адам принял запретный плод и это то, против чего так настойчиво противостояли святые отцы всех

Вселенских Соборов и, в конце концов, это то, против чего шли воины Армии русской в годы всех отечественных войн.

Для большей ясности следует сказать важное, что вера по природе свое совсем не то, что мы себе представляем. Это никак не самовнушение и никак не акт воли. Нам при рождении дана радость бытия Царствия Небесного и вот эту чистоту надо сберечь, пронести как можно дольше и дальше. Церковь – это тот самый опыт жизни, тот самый путеводитель, который помогает сохранить счастье. Сам организм человека – это такой вот опыт, то есть несет в себе образ аскетического подвига. Иными словами, человек – это такой вот образ Бога, который пребывает во второй составляющей этого мира, которая пребывает за пределами богообщения. Вера – это Божественная сущность человека, которая нуждается в сбережении. Опыт показывает, что нужно соблюдать десять заповедей, нужны посты и исповедь. А не совсем наоборот. Если мы видим огни, то скорее всего они висят на елке, а не фиксированы в воздухе (смотри 666-01-07).

1.0.-35.Сделаем ещё одно важное утверждение. Дело в том, что Бог велик абсолютно, тогда всякое движение к Нему неизбежно связано с развитием, в коем все уподобляется Ему, то есть возрастание в Боге, которое можно ещё назвать иным именем – восстановлением. При общении с Абсолютно Великим неизбежно наступает духовный дискомфорт, ибо дух абсолютно велик и удобно ему быть только в Боге, а потому возникает это живительное напряжение меж-

ду величием и ничтожеством⁴⁵⁶ – это такое состояние (движитель эволюции), при коем дух пребывает в сокрушении, сердце рыдает по грехам своим. Это естественное условие жизни человека пребывать в постоянной самокритике ради общения с Творцом, ибо в сам процесс перестроения неизбежно приносит боль – но это рост к большему подобию Творцу. Нет развития в лучшую сторону – нет живого, соответственно вообще ничего нет. Примечательно и другое утверждение, столь нужное для нашего понимания, что всякое восстановление может быть направленным только туда, где бытию естественно по природе, где есть для него дорога или путь, а ещё точнее – туда, где оно уже шло хотя бы как отпадение. Иными словами, если человек болен, то он когда-то был здоров и выздоравливает только в одном направлении – в направлении улучшения или прежнего своего здоровья. То есть только до того самого состояния, каким он когда-то обладал. Если по этой дороге человек не ходил, то она не может быть естественным путём возвращения. К примеру, если сын ушёл от отца, то естественным будет только возвращение к своему же отцу – что-то иное называется погибелью. То есть всякому развитию явления своё пространственное естественное предопределение, за пределы коего оно вырваться не может по природе вещей – из семени кедра вырастет только кедр, который даст потом такие же семена. Просто что-то иное окажется инородным, а потому невозможным¹⁶⁰. Сам факт того, что мы испытываем

дисконформат духа, терпящего сокрушение по своим грехам, свидетельствует о том, что мы возвращаемся к прежнему великому трудно и болезненно вмещаемому, но идем по естественной дороге, по которой когда-то уже шли, но никак не в противоположную сторону¹⁶⁰. В противном случае, эта дорога для нас так и осталась бы не ведомой, мы её бы даже не распознали. Точнее не смогли бы распознать, как родное¹⁶⁰.

Итак, делаем важное для нас обобщение. Все терпит развитие до более полного подобия Богу. Таким образом, развитие каждой микроны бытия всегда идет от частного к общему,

1.0.-36. Исходя из сказанного, что есть зло? Кружка, беспорядочно валяющаяся на полу – есть зло, но сама по себе кружка и сам по себе пол злом не являются. То есть, рассуждая в категориях живого (движения и возрастания от злого к доброму) движением для кружки в данном аспекте может быть только в сторону доброго – она должна оказаться на столе. Третьего не дано или третье тоже будет злом. Просто таково естество жизни, которое нами было изучено в эксперименте с палкой – возвращение должно идти только в прежнее, исходное состояние равновесия. Иного положения состояния равновесия нет⁶⁶⁶⁻⁰¹⁻⁰⁸. После грехопадения мир нарушением порядка обрёл зло, но сам мир не является злом, ибо он, как и прежде, абсолютно совершенное творение Божье, но только несколько дезориентировался. Также как дьявол – это тоже ангел Божий, потерявший Божествен-

ную ориентацию, но он по-прежнему остается святым творением Его, только утратившим путь возвращения. С момента грехопадения, наша чувственная повреждённая природа может адекватно воспринимать только Божественное, но через своё же подобие. То есть добро-соответствие Ему распознается через зло-несоответствие. Разум через злое ищет и усматривает свидетельство о добром, то есть законы, свойственные проявлению своего естественного жизненного подобия – жизни в радости, но, опять же повторяюсь, через скорби, неизбежно вязанные с возрастанием плоти. Возрастание через отсутствие оного. Если нет должного покаяния, то обрётённым естеством греха мы замечаем только свое иное уже подобие – злое вокруг, но не видим доброе, быстро забываем доброе и даже проходим мимо. Изменяется даже радость – мы радуемся трагедиям окружающих, называем это естественным отбором, причисляя себя к сильнейшим в нём.

Таким образом, развитие каждой микроны бытия всегда идет от частного к общему, самоорганизуясь в сообразное Началу начал, в определенный порядок вещей в прообразе точки. Подобное может родить только свое же подобие. Распознается как распад только потому, что общее в частном всегда терпит стеснение, разрушая его для нового перестроения в более совершенную форму в пределах подобия причине. Иными словами, первоначально тождественно его следствию, но различно из-за разных точек обозрения. И то, и

это одно и то же только разные точки восприятия.

1.0.-37. Скажем иначе об искажённой грехом природе человека. Она содержит в себе две составляющие: естественно ориентированное Божественному постоянному вечному и противоестественно ориентированное Божественному, а потому временное и относительное. Первое устраивает в свой прообраз, а во второй прообраз наоборот разрушается. Такова двоичность мира, в коей разрушение стимулировано внешней средой^{1133-43(a)}.

Так как это грани одного и того же организма, то неизбежно их единством в борьбе противоположностей активизируется напряжённость между этими гранями – между Божественным предопределением человека и падшим состоянием – судьбой, которая несет в себе только смерть, как временность противоестественно ориентированного. Тогда чувство (порожденное противоестественной ориентацией Творцу, то есть сопротивлением Ему и жизни вообще) может созерцать только своё подобие – также единство и борьбу противоположностей, то есть, скажем более точно, степень отчуждения (как говорит Гегель) или степень противоестественности Богу. В каждом из нас теперь есть не только То, что привнесено Богом в момент сотворения (речь идет о составляющей привнесенной с Дыханием Бога, вошедшего в лицо Адама), но теперь уже и мера греху, привнесенная через змия из небытия бездны и этой мерой отчуждения от первообраза мы мерим все то, что попало в поле зрения для

этой мерки, как своего подобия. Всякая величина неподобия Богу – свидетельство о Нем в первую очередь на данной специфике языка. Видеть мы можем только Творца и беседовать мы можем только со своим же подобием – с Личностью Творца

1.0.-38. Именно по этой причине, всё священное Писание нам отражает только горькие ошибки, свойственные степени отчуждения от Бога, и продолжительные пути их решения, ведущие по тому же пути, но в обратном направлении. А если нет отчуждения от Бога, то нет и ошибок – не о чем говорить и обсуждать, не востребован опыт решения проблем по исправлению ошибок. Так как опыт восстановления был бы не востребован, то и не появился бы в бытии в виде учения. Поэтому категориями ошибки, горя или греха мы живого Бога, как абсолютное безошибочное, радостное доброе, не видим. Точнее Он для нас греховная пустота. Плоть – это видимая часть души, в нашем случае уже воспаленной грехопадением, которая после грехопадения стала ещё одной центром-точкой отсчета, как изначально уже ошибочным положением дел. Сам факт того, что мы включаем этот инструмент для Богопознания, является ошибкой, ибо ему свойственно видеть только то, что оказалось в идентичной ей по природе области познания. Относительно этой антропоцентричной точки созерцания мира, Вселенная разрушается, а относительно теоцентризма Вселенная не разрушается, перестраивается в новую совершенную полноту благода-

ря своему движению к все большему совершенству до образа Божьего. То есть перестроение – это есть естественное всеобщее стремление к совершенству в Боге, ибо вне этого течения к лучшему в мире ничего перестает быть единым и потому не существует. Так как окружающая нас видимая Вселенная оказалась в области нашего обзора, то следует говорить о том, что через призму своего зла первородного греха мы видим только наше греховное (злое) подобие нам. Мы видим неполноту в виде всеобщей бесцельной относительности, в котором нарушен Божественный порядок и уклад Царствия Небесного – реальность, в коей не вмещается и стесняется Божественное. Понятно, что если Бог вечен, то всякое противоестественное Богу наделено диаметрально – свойством временности. То есть вечность так и остается но в Законе Сохранения постоянно переходит из одного состояния в другое, обуславливая эту реальность вечность в ином модусе – всеобщей относительности и временности. И, ради приобщения хоть к какой-то степени вечности, требует трудов в поте лица ради причастия к вечности абсолютной, которая всегда имеет только Божественное происхождение. То есть речь идёт о том, что та же самая жизнь, естественная для Царствия Небесного, из-за повреждения грехом, в земных условиях для естественной для своего формального бытия в вечности, требует энергозатраты для постоянного восполнения потерь. Понятно, что так во Царствии Небесном не могло быть. Вспомните пример с письмом солдата

своей маме. Сколько напряжения сил многих тысяч коллективов и энергозатрат необходимо для того, чтобы любящие могли совершать естественное для жизни меж собой общение. Если бы они были рядом, то ничего этого не понадобилось бы. Именно этим отличается жизнь во Царствии Небесном от той, что получили мы из-за поражения первородным грехом – глобальной энергоемкой суетливостью ради того же результата. Этот момент виден на той же нашей специфической модели жизни в том же эксперименте с палкой, которую мы пытались выводить в состояние вертикального равновесия – чем сильнее нарушение равновесия, чем сильнее степень отпадения или чем сильнее крен от состояния равновесия, тем больше затрат на восстановление живительного равновесия⁶⁶⁶⁻⁰¹⁻⁸⁹, без коего нет жизни. Если мы выразим сие системой координат на ней, то самая высшая точка равновесия становится нулем. В ней энергозатрат на восстановление нет или их абсолютно мало, ибо в абсолютно вертикальном положении палки колебаний нет. Хотя степень отчуждения от равновесия (амплитуда) абсолютно мала в состоянии абсолютного и очень шаткого равновесия, но естество Вселенной (в нашем случае в образе палки) остается одним и тем же (она одна и та же, как при возбуждении и колебаниях, как и в абсолютном покое)⁶⁶⁶⁻⁰¹⁻⁹⁰. Два крайних состояния, состояние покоя и колебания в стремлении к нему в позиции привязанных к ним точкам отсчета, формируют разные системы единиц измерения для познания мира, включенные в

«первопринцип самотождественного различия» А.Ф.Лосева или начальный «основополагающий принцип» святого Василия Великого. Человек, сам есть переходное соединяющее их звено между покоем и всеобщей относительностью. И то и другое – разные состояния человека, его мировосприятия со свойственными этим состояниям различными сравнительными мерами для восприятия окружающего (Ибо для человека утратившего покой, мир воспринимается вне покоя, то есть эволюционно разрушающимся, для него все относительно; человек, пребывающий в покое мир воспринимает иначе – он для него совершенствуется и в нём эволюционно восстанавливается в прежний Божий порядок. ?????(6)???) Это видно из того, что если мы обращаем внимание на Творца, то тут же мир утрачивает для нас все виды формальностей и исчезает как реальность в данном виде. Пропадают все стены и преграды(666-01-92.) Отсюда перед нами открывается то связующее звено между миром привычно зримой нами материи и миром духовным человека(смотри 666-01-91). Мир стал материальным в данном привычном восприятии только лишь потому, что он благодаря противоестественному положению человека во Вселенной противоестественен Божественному порядку, он первородным грехом Адама и вместе с Адамом противоестественно вычленился из общей структуры служения Вселенной Богу, подобно той кружке оказавшейся на полу. Это для нашего мировосприятия есть тот самый мост через бездну между миром духовным и миром ма-

териальным, несущий в себе образ богообщения^{1133-43(а)} и несущий в себе устройство порядка по образу Его. Мы в процессе богообщения как бы постоянно достаем кружку из под стола, моем её и ставим на место. Материальный мир – это кружка на полу, он болит и заметен как воспаленный палец на руке, а если становится в своем естественном месте – в соответствии с первоначальным замыслом Творца – то и не заметен, как здоровый палец и отсутствие отчуждения от состояния равновесия-покоя. То есть мир духовный подобно той же кружке только на столе стоит в общем естественном порядке. Мир духовный, когда кружка на столе, выпадает из поля зрения оскверненной чувственной природы – он не бросается в глаза как беспорядок, есть Божественная пустота для греха, коим воспалена чувственная природа познания. А мир материальный попадает в поле зрения воспаленной чувственной природы только когда имеет себе подобие – эта же кружка оказывается на полу, то есть когда возникает состояние той же реалии, как и напряжение в самом человеке из-за порчи грехом (между естественным и противоестественным), неизбежно активирующие эволюционные токи развития-восстановления из состояния противоестественного Богу в состояние Божественной нормы – в состояние абсолютной пустоты для греха, где исчезает из поля зрения исследований движущая эволюционные токи напряженность и появляется полное отсутствие энергозатрат.

Разрушенный порядок вызывает возмущение в духовной

жизни человека, что есть боль из-за дискомфорта, приводящая в активность процесс восстановления до тех самых пор, пока боль не исчезнет совсем. Так как боль уходит, ибо мир оказывается комфортным богообщению, то постепенно возникает та самая первая степень чувственной пустоты, явленной в абсолюте своей комфортности – космическим вакуумом. Таким образом, мир движется в будущее, а именно туда, где оное уже вершилось, ибо в любом случае, это уже есть возвращение или восстановление естественного состояния Божьего порядка и оное иным быть не может. В данном случае, речь идёт о том, что мир рожденный грехом, как возмущение, должен вернуться обратно только в прежнее состояние Царствия Небесного тем же путем через совершившего грех – исчезнуть вновь для греха по тому же самому пути, по которому нагнеталось напряжение – иного-то пути и нет, кроме как в естественное себе. Так как только человек повинен в проклятии Вселенной, то этот путь восстановления проходит через человека, то есть опосредовано того, кто повинен в этом, то есть через самого человека – его же руками и духом. Точнее будет, если мы скажем о том, что человечеству предложено восстановление через преображение помраченной грехом природы. Иными словами, теперь Царствие Небесное устраивается на Земле как на Небе, чтобы пребывать во всеобъемлющей полноте беседы человека с Богом в том положении, у каком он оказался. Иного пути, проходящего вне человека, мир просто не знает. Ведь естествен-

ная абсолютная свобода Царствия Небесного, как основное свойство всякого бытия живого, в земных условиях ограничена естеством грехопадения и становится свободой даже в рамках возможного, в пределах ограниченных свойств. То есть дело ведь не в том, каков мир вокруг нас, а в том, каков мир в нас самих. Мы из-за греха ограничены в свободах и о иных свободах, кроме как в привычных пределах обыденного, даже представить себе не можем, хотя предполагаем о том, что они должны быть и примерно вырисовываем их свойства. Наше тело – сонмище абсолютных ограничений, из-за чего мы ни летать, ни чего-то еще многого не можем. Но мы даже и не думаем об этом и счастливы тем, что имеем, ибо счастье не в наших возможностях, а в присутствии в нашей душе радости. Радость превышает всего, а потому она процессом эволюционного становления выделяет орган-носитель счастья от тела в отдельную часть. Поэтому голова отделена от тела шейей. Это с одной стороны. А с другой, абсолютным множеством степеней свободы в земных реалиях обладает только ?????(7)????точка. Это также как автомобиль обладает абсолютной свободой в рамках свойств его природы, обуславливающей возможности передвижения только по дороге (назад или вперед и в пределах правил дорожного движения). Хотя для нас очевидно, что абсолютная свобода имеет бесконечно больше сфер проявления, что открыто только человеку вне греха, как творению Божьему. То есть если он выйдет из автомобиля, то в его возможностях ока-

зывается даже скалолазание. Также как абсолютность Бога в земных условиях выражена природой человека и быть таким, как Он, в наших реалиях возможно только Ему и только Ему естественно Святое Воскресение и торжество над смертью.

Таким образом, развитие каждой микроны бытия всегда идет от ограниченного частного к всеобъемлющему общему, самоорганизуясь в определенном порядке вещей от чувственно воспринимаемого к чувственной пустоте.

1.0.-39. Всё созданное Богом абсолютно совершенное есть и, так как сие есть творение Божие, то не может быть отторгнутым или разрушенным никакой силой и Он является в абсолютном согласии с Самим Собой – это аксиома, о которой теперь нам надо будет помнить всегда. А потому причина всякого явления присутствует в нем вечно⁴. В то же время, когда речь заходит о земной природе, поражённой грехом, то мы смело в этой сфере включаем все известные законы физики и философии. В творениях Бога, каждое Его дыхание направлено на созидание, нет разрушительного греха, а потому нам следует разделять то, что открыто нам чувственно от того, что есть на самом деле, Его Божественное творчество. Представьте себе, что некоторые люди начали ходить на руках верх ногами. Меняется понятийный мир, образ мышления, их требования не адекватны и потому оные всегда будут искать себе единомышленников, а именно тех, кто им в силу своей хоть какой-то ущербно-

сти понятен и кому они понятны. Для таких людей все мы, как подобие, понятийно исчезаем, то есть они нас в каком-то смысле даже просто не видят в своем инородном противоестественном общем для каждого признаке единения, как себе не подобных – мы как бы становимся для них пустотой. Их мир ещё более ограничен в восприятии – они видят то, что подобно им. Мировосприятие сколачивается из всего того, что оказалось в поле их зрения, их вселенная бесконечно сужается восприятием только того, что имеет естественное для них подобие и соизмеримость **666-01-02**. (Так как мы пребываем в том же самом состоянии, то наша Вселенная сколачивается полем нашего греховного обозрения, то есть, созерцая мир, мы видим не перестроение в более совершенные формы, а греховное подобие себе: множественные продукты распада источника и греховную пустоту). Но им также как нам необходима победа в духовной брани – хоть непродолжительное возвращение в то прежнее естество опосредовано более крепкого единства со Творцом, ведь замысел Бога о человеке на этих людях с грехопадением не уничтожается, остается тем же. Ибо это такие же личности как мы и им нужны те же самые верные решения, просто теперь им теперь уже нужен ещё более тяжёлый труд в поте лица над собой, чем нам ради восстановления. Там, где естественно быть (или ходить привычными дорогами) нам, для них – нет. Хотя все общее для тех и тех остается в той же силе значимости, то есть в пределах тех же межличност-

ных отношений – нужно выделить все то, что Его по природе, и оставить все Его Им сотворённое, которое отторгнуть невозможно; нужно очистить от инородности, чтобы взять то, что отторгнутым и разрушенным быть не может и реально животворит своей той же природы радости и вечностью бытия. Только образ удобоприемлемого для нас и для них будет несколько иной. Организм человека, как бы призван этому деланию. Божественное, утверждающее вечность, никогда и ни чем не может быть разрушенным. Следовательно, если что-то есть в нас вечное и реальное – это уже есть Божественное, а все остальное – это такой вот хвост кометы, который адаптировался к окружающей реальности, то есть нечто специфически сложившееся производное Его. Божественное разрушить невозможно, а потому всякая обработка не покушается на нетварные энергии, ибо работает Закон Сохранения, в коем энергия неуничтожима и переходит из одного состояния в другое в пределах земного бытия. Таким образом, процесс потребления пищи – священное проявление беседы личностей, делание богообщения, которое призвано преобразить мир и отдать Богу Его богово, вычленив из продукта вечное. Организм человека, разрушая структуру продукта, предварительно вычленяет из формально инородного Божественное, а потому временного, оставляя только то, что вечное – нетварные энергии. Мы потребляем не материю в виде продукта питания, а именно её ношу, а именно то, носителем чего она является – нетварную непреходящую

энергию. То же самое касается деяния человека по обустройству окружающей его вселенной – он собирает себя то, что несет в себе Божественные свойства и неся в своей душе память о Рае, с помощью Божественных свойств в окружающих предметах устраивает тот же прообраз Царствия Небесного только уже в земных условиях. То есть создает естественный себе порядок посредством носителей Божественного многограня Вселенной. Сие может быть служением Богу лишь в одном случае (и как бы Вселенная только в этом случае сослужит человеку в его всяком творчестве) – когда он сам имеет непрестанное единство с Творцом. Так как всякий из нас сам по себе не чист по природе, то в своём естестве и в таком состоянии, поражённом грехом, вечность бытия в земных условиях обрести не может и богообщение требует должной полноты. А потому мы тут видим двоичность. С одной стороны непосредственное единство с Творцом требует удобоприемлемых условий. А с другой стороны, сама Вселенная требует от человека Божественной чистоты и создает ему эти условия. Для этого трудов в поте лица – постоянно необходимо очищать вечные непреходящие нетварные энергии от временности форм, чтобы приобщаться к ним, с Божественным свойствам всякого вещества. После грехопадения именно сие обуславливает служение мира человеку. В противном случае, всё переворачивается напрочь и человек становится изгоем в своём же доме и в собственной душе.

Исходя из этого, получается, что эти люди (вверх ногами)

такие же, как любой из нас, только им приходится более тяжело возвращаться естественное Богом сотворенное состояние, то есть сначала быть такими, как мы и через этот первоестественный образ идти дальше к большему подобию Ему. Просто много такого, что нам нормальным достается просто и легко, а этим же искажённым по природе дается мучительно и с более огромными потугами, но также как мы довольствуемся теми же источниками сил и, также как мы, без этого жить не могут. Вот примерно в таких аллегориях пытаюсь донести главную мысль этих книг, точнее одну из многих сторон Истины.

1.0.-40. Повторюсь вновь. Так как Сие есть то, что не поражено грехом, то органами чувственной природы не воспринимается, ибо чувственная природа воспринимает лишь то, что стало процессом отчуждения. То есть стало тем, от чего следует очистить нетварные энергии, чтобы быть причастниками их. Поэтому прежде чем взять энергию яблока, его следует разрушить структуру клетчатку – сделать откус. Но энергия, содержащаяся в его разрушенных тканях, остается той же, Закон Сохранения работает, но направление ее течения меняется и далее органы пищеварения вычлениют Божественное из проводника Божественного, а организм осваивает энергию, в нем она остается на какое-то время.66776677????? Плоть наша – видимая часть души, которая входит в богообщение данным образом и теперь уже пребывает в прежнем единстве с Ним в поте лица. То есть

плоть – это такой образ богообщения души с Богом.

Изменим понятийный язык и распознаем те же самые реалии с помощью его иного набора специфических инструментов. Если мы включим закон диалектики, в коем всё движется от простого к сложному, то очевидно, что самым элементарным, простым и несложным первоначалом всего (которое мы умом распознаём своей воспаленной грехом чувственной природы) была какая-то точка с естеством греха⁴⁵⁶ (со свойствами гегелевского отчуждения), из которой тут же начался долгий процесс движения (от абсолютно простого) к усложнению, в реалии которой происходит процесс восстановления и совершенствования в пределах образа Божьего, в пределах всех его свойств, в пределах его единства, а если сказать языком математики – в пределах прежнего образа, с коего началось эволюционное развитие – в пределах прообраза точки, возникшей в поле зрения как развитие в момент грехопадения³⁰⁴. Хотя точка и до этого была составляющей не распознаваемого Тела из-за отсутствия общности Его со грехом. Но так как появился крен, в котором какое-то свойство выделилось особенно сильно и даже противоестественно сильно в ущерб всему остальному, то перед нашим взором возникла реальность⁴⁵⁶. Это не означает, что все грани полноты куда-то исчезли. Нет, они присутствуют, ибо тогда эта реальность не существовала бы, как естество. Оная противоестественно ушли на второй план^{456(a)}. Теперь мы с од-

ной стороны видим явление той же самой точки, в коей та же абсолютно вся палитра граней Божественного Тела, но в ней есть особенно сильное противоестественное вычленение в каком-то свойстве. Это и есть определение первородному греху^{456(a)}.

Вспомним тот пример, в коем некие люди начали патологично ходить не на ногах, а на руках. Как раз в нем мы видим аномально отданные приоритеты какому-то одному свойству в ущерб всей живительной полноте. Хотя, как мы видим, живительная полнота остается, то есть это такой же человек, но какая-то грань ее получила болезненное вычленение и человек, имея весь спектр тех же Божественных свойств, теперь уже вынужден преодолевать собственную аномальность, то есть в поте лица торжествовать над искаженной инородностью своего тела, чтобы быть в том же богообщении. Ведь подобное родить может только свое же подобие, то есть точка несет в себе свод законов самовыражения, в границах коих идет всякое становление развития, то есть порождает только свой же образ⁴⁵⁵. Хотя оный постоянно усложняется в процессе эволюции, но это все равно тот же образ точки, хотя и в бесконечных усложнениях. (Это то самое, над чем столько лет пыhtят самые выдающиеся физики, ибо точка несет в себе все формы усложнения, но только в потенции, то есть в возможности)⁵.

То есть через призму первородного греха, который носим

в себе от самого рождения (речь идет о новой не привязанной к самой Личности Бога точке созерцания, как альтернативу Божественному, то есть новой точки позиционирования (смотри об этом ниже 1.0.1.-20.), коя есть не Он Сам, а только лишь какая-то самая отдаленная грань Его, привнесенной змием из бездны в мировосприятие человечества), мы зрим на этот мир и видим подобие ей, мы видим такое же ничтожество в ее прообразе, свойственное греху – то самое противоестественное Богу начало всех (теперь уже воспринимаемых через грех) начал. Змей – тоже творение Господа, но на мир мы должны смотреть не его глазами, а глазами Творца. В этом есть норма естества нашей природы, а падение в такое падшее состояние стало просто иной формой человеческой жизни, в коей полнота имеет несколько далекую от нормы форму. А так как даже при такой форме мы в любом случае имеем дело с жизнью, то вокруг оной постепенно и неизбежно началось восстановление естественного порядка вещей⁴⁵⁵, при которых мы постепенно совмещаем мировосприятие глазами змия с Божественным, с естественным для нас позиционированием до грехопадения – таково естество всего этого бытия – все имеет бытие только и только в становлении к одной всеобщей для Вселенной Вершине вершин, при котором должны стать одним единым гармоничным целым мир змия и Божий мир. Всякое явление происходит в пределах межличностных отношений, но только лишь получает новое имя Божье, хотя чувственно обзирава-

емое. И даже Вселенский взрыв. Бог попускает даже такой форме жизни, лишь бы она исповедовала о Нем и имела бы способность к преобразению в процессе становления до абсолютного совершенства. Его исповедь о Первоначале в дальнейшей эволюции, в рамках понятийного языка диалектического материализма, хоть и имеет вид взрывного разрушения, но, как частное по отношению к общему, по-прежнему остается в пределах функционального влияния общего⁴⁵⁶. На самом деле это явление взрыва должно быть только лишь иллюзией разрушения, это лишь чувственно воспринимаемая ограниченной поражением греховной природой реальность. На самом деле, за пределами этого ограничения грехом (так как частное остается частью общего или, хотя и искаженным, но по-прежнему творением Бога, подчиняющегося Его законам), видимое умом разрушение должно также свидетельствовать о Боге, но только уже иначе, но в то же время удобоприемлемо для нас – своим образом поведения. То есть должно шествовать только по пути нового, но в пределах отражения прежних Божественных истин, видимое умом разрушение позволено или происходит только в пределах дальнейшего утверждения Его единства и в рамках всего Его естества по пути богословия в иной сфере реальности (в реальности восстановления Божественного образа), а именно животворящую исповедь только уже теперь новым набором инструментов иного понятийного языка. Таково эволюционное движение в естественное для Вселен-

ной состояние выражения всей абсолютной полноты Божественного, Его Царствия Небесного. А именно посредством структурности, то есть строгой последовательности субординации, в коей посредством внешнего выражается внутреннее глубинное и точное выражения Истины (в пределах всех свойств и возможностей природы). Свойства абсолютно малой точки выражаются посредством абсолютно великого и бесконечного внешнего выражения. Без этого никак нельзя, ведь просто живое и все чувственно воспринимаемое требует для себя Божественной полноты во всех смыслах этого слова. Жизнь – это свидетельство о Боге. Поэтому вселенский взрыв – только лишь начало нового свидетельства о Творце, в иной сфере, в ещё одном Имени Его – в противном случае все в мире бы сразу же прекратилось, как неспособное жить. Просто точка и пространство, как составляющие одного единого целого, тождественны. И тождественны в иных сферах, с различными модусами свидетельство об этом Едином. Не смотря на видимые изменения звездного неба, естество Царствия Небесного разрушенным быть не может. Оно – по-прежнему то самое общее Тело, удерживающее единство всего множественного частного, у Врат которому стоит Архистратиг со вращающимся Мечом.

1.0.-41. Естественное состояние этого бытия, а также всего и вся в нем – быть обожженным в абсолюте, то есть иметь абсолютное приобщение к Богу. Это активизирует все формы движения к Нему, к Его образу. После грехопадения воз-

растание до образа Божьего оказалось заложенным в природе Вселенной ещё и в ином – необходимо восстановление после воспаления, что свидетельствует лишь об одном – когда-то Вселенная была уже во Царствии Небесном, ибо движение невозможно туда, где нет Родины, где бытия никогда было. Можно сказать еще иначе или нужно выразить эту мысль точнее, ибо грех по природе своей абсолютно ничтожен, а уму свойственно придавать греху большее значение, чем следовало. Более того, грех имеет разрушительную силу в пределах Замысла Божьего. Сознанию естественно быть привязанным только Богу, а потому, когда мы обращаем внимание не на Него, а на что-либо иное, то сразу же мир встает во всем величии греха. Когда же мы возвращаем внимание на Него, то мир тут же пропадает и мы становимся жителями Царствия Небесного вновь. То есть все дело не в том, какой мир нас окружает, а все дело в том, каков мир внутри нас. В этом противоречии заложен весь принцип устройства Вселенной и самого человека в ней **666-00-01**. Так как Бог бесконечно велик, а воспаленное грехом естество, представленное всей нашей вселенной, бесконечно ничтожное (несмотря на очевидную бесконечность космоса оный остается порождением абсолютного ничтожества точки), то процесс всеобщего становления также выглядит бесконечным стремлением к совершенству после разрушительного в прообразе той же точки бесконечно малого мгновенного грехопадения (смотри **666-00-01**). Два в одном и бесконечно малое

и бесконечно великое становятся одним. Вечность сопряжена с мгновенностью конечного, что и есть образ той самой пустоты, которая имеет образ цикличного. Жизнь в земных условиях вечна благодаря повторяемости конечных циклов. Так совмещаются две не совместимые реалии и вечность, и конечность. То есть подобное порождает только своё естественное подобие, а именно, так как время греха ничтожно мало, то и образ его явления абсолютно ничтожен и потому время нужное для выражения бесконечно великого на этом бесконечно ничтожно малом абсолютно и бесконечно велико. А без этого свидетельства-возрастания живое не мыслимо – его нет. Без этого стремления от абсолютно малого к абсолютно совершенству нет жизни и нет вообще ничего, ибо до абсолютной полноты жизни может возрастать хоть и абсолютно ничтожная, но все равно это жизнь, какой бы она не была. Два в одном и бесконечно малое и бесконечно великое становятся одним – это заложено в самой природе, в коей абсолютно малое семени, становится абсолютно великим растения. В этом образе единства двух противоположностей жизнь становится вечной. То есть, если мы никогда не видели то, как устроен мир, то можем смело предположить данный образ его бытия и при этом не ошибемся. Как явлен грех на природе вещей?

Если жизнь – это Бог, это всеобъемлющая полнота Божественного, то возрастание до такой кондиции бытия становится естеством жизни тварного. То есть сам факт, что ко-

гда-нибудь наступит такой момент (который никогда не наступит) уже заявляет даже о ничтожно малом и абсолютно примитивном, как о совершенстве в образе Творца. Тогда грехом будет разрушение, время проявления коего всегда мгновенно и абсолютно ничтожно, по образу и подобию ничтожности греха – это носит имя взрыв. А время становления в прежний образ абсолютно и бесконечно велико – это имеет имя эволюции(смотри 666-00-01). Хотя надо сказать разрушение само по себе грехом-то не является, ибо сие есть простой процесс вечного естественного перестроения до новой более совершенной формы исповеди о Творце. Грехом является, как уже сказано ранее по тексту, инородное природе человека позиционирование его точки мировосприятия, в коей это перестроение представляется разрушением. Из-за этого эти реалии несопоставимы по времени становления и пространственной масштабности до должного величия, носящего имя Божественной полноты тварной природы. По этой причине, так как по слабости своей мы берём за основу точку привязанную ко временности материи, то в этих пределах, свойственных нашей природе приобщённой ко греху, то есть относительно этой позиции созерцания окружающее нас течение становления в образ Творца всего представляется нам вечностью.

1.0.-42. ????? не понятно, это надо убрать????Как произошло грехопадение, исходя из предыдущих суждений? Жизнь – греховная пустота⁴⁵⁵, отсутствие болезни, то есть чув-

ственный вакуум. Подобное порождает только свое подобие, а потому грехом активирует в окружающей среде свое же естественное подобие – разрушает абсолютную пустоту греха^{48.2}, представленную нам как вакуум(смотри 666-01-02), обзриваемый пустотой посредством природы с грехом³⁸¹. При чем, такое греховное деяние порождает подобие ему в своей сфере бытия. Это становится источником греховного излучения, которое активирует нарушение абсолютного покоя и равновесия творения Творца, благодаря чему нечувствительный вакуум или, говоря иначе, чувственно воспринимаемый вакуум перестает быть для нас греховной пустотой, но в нём появляется чувственно воспринимаемое вещество, точнее он становится проводником возмущений. Представим себе игрушку ванька-встанька. В состоянии покоя и равновесия он находится вне поля зрения для возмущенной природы. Но вот природа возмущения прикасается к игрушке и игрушка становится тоже источником возмущения в той же сфере. Ничего в ней не изменилось, но только возникли движения там, где есть возможность проводимости этих энергий. Одним словом, возмущений не было и они появились из ничего – из пустоты. В этом же прообразе возникает мир из пустоты, в этом же прообразе световая волна может преодолевать расстояния миллиарды световых лет. Есть для этого основание, пребывающее в состоянии невидимой устойчивости⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻²²².

Жизнь – греховная пустота, отсутствие болезни, то есть чувственный вакуум³⁸¹. Так как подобное родит только свое же подобие, то возникшее из пустоты должно нести в себе тот же образ пустоты. А новое возникшее чувственно распознаваемое явление несет в себе в том же числе прежние свойства пустоты греха, несет в себе прежнюю жизнь, но в различных оттенках. Это явление, хоть и взрыв уже, но остается в пределах Божественного подобия, а потому востребовано в деле выживания в земных условиях. То есть востребовано для бытия и мы замечаем в нём то, что родственно нам по физике плоти, что и становится строительным материалом для временной «кожаной одежды» (см. Священное Писание, книгу Бытия) самого человека, чтобы жить в его Вселенной, хотя уже и поражённой грехом³⁸². Прошу заметить, что речь идёт не о творении мира, а о возникновении в пределах привычного нам мировосприятия только лишь какой-то составляющей в естестве нашей природы, поражённым грехом. Так как подобное познаётся подобным – грех познается его подобием, то именно наша греховная ничтожная природа созерцает ничтожное – световые волны и мы опосредовано её видим в нашей звезде не живое Тело Светила, а взрыв; не вечную непреходящую энергию во всеобщем Законе Сохранения, а ничтожно короткие временные реалии, а именно разлетающиеся осколки в процессе нарушения равновесия.

Если нет возбудителя, то и нет чувственного восприятия.

По этой причине абсолютные стабильность и равновесие³⁸³ также имеют для нас вид вакуума¹⁶⁶, как отсутствие возбудителя, как иное имя греховной пустоты. Потому у взрыва будут производные, рожденные нарушением равновесия, то есть кои неизбежно должны передаваться там, где это равновесие, наделённое пространством, имеет место быть. Взрыв всегда имеет две составляющие: одна – это до взрыва, а вторая – после него, то есть сам процесс развития. Это равновесие, как ещё одно имя жизни³⁸³ имеет способность восстанавливаться после нарушения. Вне какой-то из этих составляющих взрыв не распознается, поэтому только в пределах обоих из них передается разрушительный импульс. Импульс несет в себе нечто такое, что имеет иное имя жизни, в противном случае, это явление на теле живого, то есть вне системы берег-река или вне обоих составляющих так никогда бы и не возникла. Это возмущение покоя становится возбудителем чувственной природы, вечное по естеству Божественной составляющей и ограниченное по природе греха. Так как оно временное, но наделено некоторой гранью живого Тела (стабильности-берега), то именно этот оттенок становится тем малым, которым довольствуется ум для утверждения живого в земных реалиях. То есть человек, с одной стороны, наделён духовной составляющей, а с другой стороны, душа в земных условиях становится как бы собирателем (в поте лица), временным конденсатором, то есть исповедует о Боге на

природе этого нарушения пустоты греха, явленного во множественных осколках. (Можно сказать иначе, что то же самое тело явлено в ином образе причинно-следственных процессов и теперь этот новый образ стремится обрести опять новый образ и подобие самого себя, но уже в прежнем новом, как хорошо забытом старом). В земных условиях, по слову святейшего Патриарха, душа без плоти жить не может. Сознание наше (является естество жизни вдунутого Богом и так этим естеством остается навсегда), явственно осознает противоестественную себе скованность, ограниченность возможностей организма и понимает о том, что он пребывает в несовершенном мире, инородном для ума и духа. Как говорят духоносные отцы, плоть – темница души. Мы чувствуем свою стеснённость даже в окружающей обозреваемой Вселенной, полной галактических систем и созвездий. Этот плен активизирует противоречие, в пределах коего разворачивается весь сюжет эволюции мира. И это естественно для нашего положения в мироздании, ибо в лице Адама, ещё будучи в Раю, утратив единство с Богом, вместо должного покаяния⁶, начали прятаться от Суда Божьего за тварную природу, мы адаптируем её под свои потребности, удаляемся на безопасное расстояние для сильно ослабленной грехом жизни во плоти. Но часто забываем о том, что безопасность нам нужна только для одного – для возрастания в радости Божьей. Тем самым привыкаем к такой жизни, успокаиваемся и тем самым узакониваем грех, и, на самом деле, отдаляемся

от жизни, не становимся наделёнными живучестью в должной мере причастия Богу и потому погибаем во множестве научно-технических совершенств.

«7 И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания.

8 И слышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время пролады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая».

Человек не искал должного покаяния, чтобы вновь принять мир таким, каков он есть по замыслу Творца, а начал перестраивать природу уже по своему греховному умыслу, рождая тем самым первые элементы научного прогресса без благословения Предвечного Совета (как это мы видим в устройстве скинии пророком Моисеем). С этого момента человек несет в себе двойственность – с одной стороны, человек в данном качестве природы в привычном её для нас восприятии родился на свет первородным грехом, а с другой стороны может нести в себе дух и всю полноту радости Царствия Небесного, как родственное себе и Богу. Сам факт того, что всё вокруг является обозримым, созерцаемым или достигаемым, то есть сам факт того, что все вокруг поддается освидетельствованию посредством чувств воспаленных грехом, свидетельствует о том, что обе присутствующие в нас составляющие имеют место быть в каждой микроне бытия. Следовательно, реальная Истина, то есть первая составляющая, замаскированная второй, воспринимается также как и

во Царствии Небесном до отпадения и без Нее нет ничего в нашем бытии и быть не может. Истина воспринимается умом лишь опосредовано только образа поведения этого бытия в рамках Божественных влияний (например, о том, что планета удерживается Солнцем, мы судим по движению планеты по кольцу орбиты или исторические процессы в священном Писании или на Руси).

1.0.-43. Точка, если рассуждать с позиции нашего искажённого грехопадением мировосприятия, есть самое максимально не раскрытое, но в то же время полное свидетельство о Боге, ибо в ней нет очевидно созерцаемых ни субординации, ни вселенской многогранности свидетельства о Творце. Но, не смотря на это, точка уже имеет ряд свойств, которые характеризуются посредством той же самой воспалённой грехом природы, как выражение природы греха в самом чистом виде. Созерцаем бесконечное пространство и Царствие Небесное в Нем, но в поле зрения попадает только то, что подобно нам по природе ничтожности греха – точку, как начало начал, из которой потом началось взрывообразное развитие. Все остальные множественные формы самовыражения, привычно созерцаемые нами как бесконечный космос с его множественными мирами заложены точке, в Начале начал. Они раскроются потом, давая новые свидетельства нам о Творце. Точка – это составная часть пространства, законодатель или перво-принцип в самом чистом виде всего того, что нам явлено в бытии. То есть всякое развитие чер-

пает образ развития именно в точке.

С позиции же Творца – Богу все возможно и даже в этой же точке нет ущемления Его Божественной всеобъемлющей полноты и Он в ней пребывает. С одной стороны, Он не скован даже в точке, ибо может Себя умалить до такого состояния. А с другой стороны, это наша проблема, ибо созерцая Его, мы по природе ищем то, что естественно нам – мы ищем злое, слабость и находим в Нем, но величина злого-слабого равна нулю. То есть созерцая Его чувственной природой мы видим точку с нулевой величиной крена. Для большей ясности необходимо узнать, в чём именно произошло искажение природы с позиции созерцания в узкой сфере бытия инструментами математического анализа, как наиболее адаптированного к железной логике разума? Алексей Фёдорович Лосев замечательно показал, что точка тождественна прямой линии, точнее прямая линия – это точка³⁸⁴, которая оказалась в иной реальности⁷. Также как человек на земле стоять может без всякого движения, то попав в воду на глубину, ему надо постоянно поддерживать себя на поверхности, делая движения и руками и ногами. Это тот же человек и также стоит на месте, только в разных условиях и потому в разном образе жизни. Итак, мы во всем видим Божественное и в Божественном мы ищем только падшесть, имеющую величину падшести, равную нулю. То есть речь идет о точке. Но точка в разных средах представлена также по-разному (хорошо это показал А.Ф.Лосев). В одной среде точка имеет образ сфе-

ры, в другой – окружности, в третьей – плоскости, в четвёртой – прямой и так далее.

Разум по природе своей – в прообразе Начала начал, точки, есть цельное, неделимое естество, а потому все в этой вселенной воспринимаемое им ему подобно, соизмеримо ему и сопредельно, то есть воспринимает тоже только цельную и все то, что имеет прообраз этой единой цельности – непрерывную цепочку правильно выверенных логических суждений⁸. И в этой же реалии единства выразилась греховная природа человека: человек может акцентировать внимание в данный момент времени только на чем-то одном и в то же время в пространственном прообразе точки может переключаться с одного на другое вокруг себя; то есть может смотреть только в одном направлении, а не во все одновременно; имея выбор, в конечном счёте может идти только по одному направлению (а не во все сразу), где ему это удобно по его природе; мыслить может только поочерёдно-последовательно сначала об одном, потом о следующем и так далее, а не обо всем одновременно. А развитие организма, истории, а также само время течения всего также в прообразе Начала начал, точки, имеет одно непрерывное направление по кривой. В этом естестве бытия единого неделимого, неразрывного причинно-следственного механизма необходимо выразиться Богу, а именно во всей Его максимально всеобъемлющей полноте множества граней, чтобы быть узанным разумением человека, как естественное идентичное подобие со-

знанию. Представить себе тяжело, но этот множественный мир создан таким именно для того, чтобы показать человеку Лице Свое, Бог как бы старается быть узнанным человеком, давая раскрыться Своему Образу в бесконечных реалиях Вселенной. Он как бы боится, чтобы в какой-нибудь самой отдаленной микроне мира вдруг не окажется свидетельства о Нем, либо человек посредством научного анализа не услышит Слово Бога к человеку и человек заглянув туда вдруг усомнится. Но согласитесь, что сам факт того, что мы можем иметь представление о больших возможностях бытия и даже о том, что в природе материальных вещей невозможна одновременность (то есть понятия абсолютного и одновременного развития во все стороны, хотя оно только теоретическое), свидетельствует о сверхестественной и даже несколько инородной для мира природе ума, а именно о том, что сам разум человека не от мира сего видимого. Налицо инородное разуму ограничение количества свобод в природе человека, при которой в одномерное пространство причинно-следственного механизма становления заключены все свойства первообразной Первопричины. Также можно предположить и другой вариант бытия, когда вообще никаких степеней свободы нет, то есть колоссальная энергия содержится или заключена в темницу абсолютного стеснения точечного нуль-мерного пространства (более точное определение – атома), ибо она есть разрушающая сила, направленная в противление Богу³⁸⁵, то есть на противоестественное

возмущение жизни Царствия Небесного³⁸⁵. Иными словами, она всегда работает только в пределах Замысла Бога, а так как очевидно разрушения нет, то и нет Воли Его. Таким образом, рассуждая чисто богословски, мы можем уверенно сказать, что вне свободы, вне даже той её одномерной малости, какой в земных реалиях обладает бесконечный разум, Бог не способен свидетельствовать о Себе для нас в данной сфере нашего одномерного мировосприятия, не может свидетельствовать даже в сфере кинематики. А если не может заявлять о Себе, то и мир сей не имеет значения, так как не является тем, ради чего и благодаря чему он имеет бытие. Вне свободы даже в самом малом, мир не является процессом межличностных отношений. Бог заявляет о Себе везде, но нам это воспринять очень трудно. Но мы смеем предположить о том, что есть некоторая точка, в которой содержится огромная энергия и раскрыть её возможности в области адекватного распознавания разумом, то есть вызволить её оттуда, остается в возможностях человека в прообразе грехопадения. И при этом это возможно только и только по попущению Творца, в пределах Его Замысла и ради ещё одного свидетельства о Нём посредством множественных бедствий (ибо человек познает Его не отсутствием боли, а только через то, что приносит ему боль). Так выглядит или должен выглядеть единственный элемент материи, а может быть даже самый элементарный, из которого состоят даже самые малые частицы Вселенной. Не дай Бог никому её достать, ибо

при любом самом примитивном движении её родится распад равносильный рождению астрономической звезды. Это распад частицы намного более элементарной, чем ядро атома. С другой стороны, Богу неважно, что будет с миром этим, но Ему важно только чтобы мир свидетельствовал о Нём в пределах богообщения. Стоит пометить, что сам факт того, что человек имеет представление о ядерной энергии, о процессах внутреннего мира материи, говорит о том, что мир сей вышел из человека³⁰⁴. Человек родил этот мир всеобщей относительности своим грехопадением³⁸⁴.

*****На основании всего сказанного, есть смысл повернуть освещение** и исследовать самые общие моменты физики внутреннего мира. Если мы приглядимся к любой частице бытия или к любому явлению Вселенной, то увидим характерные личностные черты, наборы признаков, указующих одно и то же Божественное единство – мы видим одно и то же очертание берега, мимо коего текут воды⁴³. К примеру в таких формах, как точка, прямая, постоянство, упругость, пустота, замкнутость, полнота³¹¹. Итак, выражаясь точным языком понятий А.Ф.Лосева, мы имеем инобытие тождественных различий в образах: единое, постоянство, пустота, замкнутость, полнота, устойчивость, стабильность, упругость. Все это лишь имена³⁸⁵, данные людьми тождественным различиям одного и того же инобытия. Мной перечислены наиболее сильно бросающиеся в глаза самые фун-

даментальные реалии, на коих стоит мироздание и, с которыми работает учёный физик-исследователь внутреннего материального мира, давая специфические имена им, называя их корпускулярно-волновыми свойствами.

1.0.-43(б) Тогда возникает вопрос о числе j . Это число, которое свидетельствует о положении вещей. Само по себе извлечение корня квадратного из отрицательного числа невозможно и умом не воспринимаемо. Это число распознается только в функциональном взаимодействии. К примеру, отрицательный дискриминант свидетельствует о том, что квадратное уравнение не имеет решений. На графике это выглядит следующим образом: парабола не пересекается с осью абсцисс. Но это не означает, что самой функции нет в данной релии – она есть. Иными словами, все то, что выпало из нашего поля зрения, оказалось вне досягаемости оси абсцисс каким-то образом несет в себе то самое j . Если мы обратимся к определению о познании, то перед нами встает следующая картина. Наша чувственная природа созерцает только то, что попало в поле ее зрения, в область ее досягаемости, но сие не значит, что оказавшегося вне области нашего мировосприятия не имеет бытие. Оно существует, независимо от наших возможностей познания. В поле нашего зрения попадают только сопредельное греху, а именно процессы распада из-за перестроения в более совершенную форму исповеди о Боге. Мы чувствуем сами процессы распада, а за ширмой их или через оных мы видим Божественную причи-

ну всякого явления. Число, по природе своей, как раз нам выражает этот распад. В первую очередь *число указывает нам своим специфическим понятийным языком на то, что существует ноль, а множество всевозможных функций раскрывают нам свойства этого нуля*. Но как, посредством распада на специфическом понятийном языке системы координат, свидетельствовать об обратном свидетельстве о Творце – о становлении? Если распад – это положительное, то становление – отрицательное. Просто распад – это выделение энергии, а становление требует поглощение её. Распад – это разрушение порядка, а становление – это строительство одного. Нет таких числовых характеристик. Вот тут и возникает число j . Посредством закона распада, мы пытаемся давать характеристики возникшему явлению, которое пребывает вне области постижения его. Именно поэтому возникают такие вот странные инструменты описания окружающей реалии. Специфичность их обусловлена специализацией сферы жизненного пространства и самой точкой позиционирования при созерцании мира исследователем. Но в любом случае, речь по-прежнему идет об одном и том же, благодаря чему имеет жизнеспособность и все остальное вокруг – речь идет о свидетельстве о Творце. Распад – это перестроение в более совершенное свидетельство о Боге. Энергия при распаде, в любом случае, остается частью более всеобщего единства, в образ коего происходит становление, в новый более совершенный порядок ^{452(б) и 455} (смотри 777-07-111). Это

движение к большему совершенству и есть то самое – это и есть жизнь(смотри777-07-111). Перестроение, как бесконечно растянутое выражение свойств общего посредством частного, всегда будет инородным распаду, то есть мгновенному движению от общего к частному. Так же как восстановление положения равновесия всегда будет инородным движению свободного падения, которое происходит при нарушении и выходе из состояния равновесия. Этот момент важно включить в решении каких-то задач, чтобы исключить односторонность выражения Истины, ибо одно оказывается вне постижения другого из-за разных инструментов понятийного языка для выражения истины. (Разрушение происходит только потому, что природой естества меняется набор инструментов для выражения одного и того же). Причем так включить, чтобы эта реалья воспринималась удобоприемлемо. Примерно так, как это преподносит нам дискриминант квадратного уравнения. J – это нечто такое, которое характеризуется процессом, а потому распознается как реальность только в процессе³⁸⁹. Следовательно, деятельное выражение этой реальности может быть распознано только если оно в какой-то процессуальной структуре. Просто само по себе j ничего не значит. Это то, что невозможно вне процесса, ибо возникает как модус только в процессе (также как водная гладь на реке невозможна как реалья вне постоянного водного потока) и о этого многогранного понятия «невозможно» мы вычлняем то, что нас интересует в данной конкре-

тике, то есть выделяем какую-то одну сторону и реализуем ее в конкретике решаемой проблемы³⁸⁵. К примеру, в данном случае, речь идет о квадратном уравнении. Единственное, остается добавить, что невозможному и представленному нам на понятийном языке математики как j , необходимо дать имена, соответствующие сфере решаемой проблемы. Именно по этой причине j находит применение в решении таких задач, которые несут в себе именно эту непостижимую составляющую постоянного потока: расчет электрических цепей, в расчетах подъемной силы крыла самолета и так далее.

После написанного. *Исходя из новых перспектив, которые неизбежно возникают в процессе изложения материала, открываются новые обозреваемые реалии на процессы в физике внутреннего мира материи. Поэтому несколько неожиданно буду поворачивать освещение в эту сторону, чтобы зафиксировать важные моменты для исследователя.*

1.0.-44.В данной падшей реалии природы человека вся полнота Божественного пребывает в сильном стеснении. Мы видим выражение не всей полноты, а лишь некоторый малый спектр со свойственным ему набором степеней свободы. Но при этом это есть Божественная полнота, хотя и со зримо воспринимаемым ограничением степеней свободы, явленным нам в пределах линейного движения времени. Вне полноты подобия Творцу жизнь невозможна и в то же время вся

бесконечная полнота в ничтожно малой воспаленной грехом природе человека одновременно вместиться не может, ибо рвет ее естество, то есть нарушает образ Божий, вне коего богообщение невозможно, а значит и сама жизнь вне образа Его не возможна. Человек живет только своим участием в пределах дозволенного на Предвечном Совете. Именно для участия в Нем востребована вся полнота подобия Ему и в то же время цельная замкнутость, как образ единства в Одном. Поэтому для жизни, то есть для естественной ей полноты и иного подобия Богу, нужны такие критерии выражения Его Единой Сути, как непрерывная цельная последовательность. Потому что непрерывная цельная последовательность причинно-следственного механизма – это единство начала с концом, то есть имеет образ единого в не разрывной цепи следствия одного из другого. Ему сопутствуют иные образы проявления этого единого с иными именами – субординация, стабильная связь, закон, тождество, течение времени и так далее⁹. Ведь само по себе бытие является по природе полярным – в нём есть лишь два состояния природы или абсолютная свобода, или её отсутствие. Для Бога этих состояний нет, ибо для Него отсутствие свобод в нашем понимании не имеет значения. Это потом выражается в образе форм живого – к примеру, цветок раскрывает себя в довольно стесненных условиях тоненького стебля. Или узник перестает замечать свои стеснения, когда исполнен Благодати Духа Святого. Стоит только стеснить собственную природу

ду греховной страсти, так сразу же мир земных реальностей обретает иное естество. Следовательно, эта полярность обусловлена нашей позицией мировосприятия. Божественное в Своей полноте несет в себе совершенство в абсолюте. Грехом мы сузили свое восприятие мира, а значит стеснили богообщение до таких пределов, при котором мы видим совершенство Божественного лишь в некотором Его удобоприемлемом нам образе, а все остальное ускользает от нашего внимания. То есть не можем принять Вселенную и образы Божьи такими, какие они есть¹⁰. Грех, как противоестественное Богу, инороден Его Сути (для Него вообще нет никакого зла, но есть для нас) и потому грех не имеет никакой величины бытия, но выражен только противоестественной точкой обозревания мира, из-за чего форма выражает не дополнение одного другим³⁰⁶, а границу А.Ф.Лосев «Хаос и структура» разрушения единства, степенью воспаления, а потому имеет некоторое соответствие себе в ограничении, противоположное абсолютной свободе Творца. Ограничение в абсолюте. Точка – это граница величины смерти и она абсолютно мала, то есть равна нолю. Так как смерть абсолютно мала в точке, то именно это и становится совершенством. В точке нет величины распада, нет всего того, что мы ищем в Абсолюте Жизни нашей способностью природы познания – нет зла. Величина зла в точке равна нолю. Величина крена от абсолюта совершенства равна нолю. И так далее. Так как мы зрим мир Божий посредством данного набора инструментов и в сфе-

ре данного бытия, то есть в данном спектре естества мира, то есть ищем злое во Царствии Небесном, то находим только одно, что во Царствии Небесном злого нет. Мы смотрим на Царствие Небесное и видим только точку и множественные прообразы ее. Например, окружность, сферу, пространство, плоскость, прямую и так далее. Хотя я тут ошибаюсь. Ибо окружность, сфера, пространство, плоскость, прямая – это абсолюты подобия постоянству и потому оные, как постоянство выпадают из поля зрения. Ранее об этом уже говорено. Повторюсь, что мы видим только то, что стало креном от этого образа постоянства, креном для вечности. А крен для вечности – это есть временность. Точка остается только лишь составляющей Тела, Его гранью.

Развернём позицию нашего осмысления вопроса. Божественное всегда абсолютно бесконечно во всех смыслах этого слова. Тогда почему за основание всего мы всегда берем именно точку? Дело в том, что грех инороден Богу, а потому его нет в бытии, но что он есть по сути? По сути говоря, грех несет разрушение, то есть разделение предшествующего единства, которое Божественно по Его сути природы. Просто противоестественное положение точки созерцания наделяет точку иными свойствами. Мир теперь делится на две реалии. Одна из них – пространство между точкой и Абсолютом. А другая из них – то, что оказалось вне этого пространства, за его пределами (смотри666-01-91). Теперь мы созерцаем мир через иную призму, а именно че-

рез этот предел-границу, которая в центре представлен точкой, а все остальное представлено множественными образами оной. Теперь она не есть единство мира в себе самой, в ней теперь не сходятся все нити мира естественным для Бога образом. И мы созерцая Вселенную также ищем именно это. *Сие важно сказать, ибо речь идет не просто о точке, а о месте позиционирования со всеми вытекающими. В принципе, для нас бытие имеет две реалии. Одна из них, когда мы пребываем в общении с личностью, как с Творцом, так и между людьми. Мы полностью погружаемся в мир собеседника и все остальное уходит в инобытие. Мы можем закрыть глаза, отрешиться от всего, но оставаться при этом единении умов. В молитве исчезают для нас все преграды и стены. Боль и чувственная природа также уходит в небытие. Это тот самый случай, когда мир предстает для нас в естественном виде – в Божественной радости. А теперь, когда мы выходим из единения с Богом, то тут же перед нами реальия иная и иные законы, иной мир*⁶⁶⁶⁻¹²⁻¹². Теперь мир не един в точке Центра мира, ибо теперь она делит мир: на то, что было до и на то, что оказалось после; на то что внизу и вверху, слева и справа; и не то, что единит нас с Творцом и на то, что разделяет. Теперь она есть граница-раздел. Но это только в прямолинейном причинно-следственном механизме, точка имеет такой образ деления в чистом виде^{777-01-1.5} – она соизмерима толщине прямой. То есть мы зрим здесь самый первый элемент границы. В плос-

кости и в пространстве точка несет в себе соответствующий прообраз разделения, ибо пространство и плоскость – разные имена прямой. Это также как если вы стоите и любуетесь закатом, то видите солнечный диск в разных прообразах. На небосклоне это светящаяся окружность, на водной глади – это светящаяся дорожка, а в пространстве – это само святающееся пространство. Солнечный диск имеет множество прообразов и в иных реалиях. И все это будут разные имена одного и того же в разных средах бытия, соответствующие свойствам этих сред777-12-21.

Иными словами, когда речь идет о границе, то этим мы заявляем о самом первом элементе фигуры, а это форма границы в прообразе точки, как новое ее имя в данной ситуации (точка предстает перед нами в виде ограниченного пространства). Мы видим только то, что имеет прообраз нашего отношения с Центром всего, то есть в данном случае наделено границей, а точка – самое элементарное составляющее любой фигуры формальностей – это первый примитивный элемент формы. То есть, если сказать, что Тело – это форма без границ, то видеть мы можем это Тело только посредством естественного себе разграничения внутреннего нашего мира. Мир всегда отличается ограниченностью, а потому постоянно возникает противоречие, в результате коего одно становится подобным другому, сводя это противоречие на нет. Вот это движение, сводящее противоречия на нет, становится разрушением ради новой более совершенной фор-

мы исповеди о Творце. Вне этого жизнь бытия невозможна. То есть в результате разрушения появляются осколки, то есть формы энергоносителя, а сама связывающая энергия разрушенной быть не может по своей Божественному естеству. Вот эти формы оказываются в поле созерцания воспаленной первородным грехом чувственной природы. Мы, поглощая формы, становимся причастниками Тела-энергии, тем самым получается, что принимая пищу, не еда становится частью нас, а мы становимся частью съеденного продукта. То есть то самое состояние богообщения, когда границы вдруг уходят в небытие и молящийся предстает перед Спасителем лицом к Лицу, достигается другим способом и вся физическая природа человека имеет образ моления, образ беседе личности с Личностью. Как бы перед нами в самом приеме пищи заключено торжество над миром. Вот как надо понимать окружающую реальность. Итак, зла, как такового нет, но есть только противоестественное позиционирование созерцания Вселенной, из-за чего она предстает перед нами не как единство, а в границах, в разделениях, в осколках, в формах, в фигурах. Ум же ищет то, что единит эти формы. Именно по этой причине мы уверенно можем сказать, что человек – это не то, что привычно предстает перед нашим взором, это не только организм. Это вся Солнечная Система с Солнцем посреди ее. Человек – это Солнце, которое предстает перед нами как солнечный зайчик, процесс солнечной активности, получивший эволюционное становление

и обретший данный привычно воспринимаемый образ. Хотя, следует заметить, что наша галактика не одинока во Вселенной. То есть сам факт бытия разделенности в этом аспекте говорит о том, что звезда посреди галактики – это тоже противоестественная позиция мировосприятия, которая открывает разделение.

Это с одной стороны. С другой, дело в том, что пораженная грехом природа человека обрела абсолютное ограничение и вместо этого абсолютно бесконечного пространства мы в бесконечности Царствия Небесного можем видеть (посредством абсолютной ничтожности природы греха) только свое же подобие, только свою же ничтожность – точку³⁰⁷, границу в чистом виде. Но, несмотря на это, точка остается носителем этой бесконечности – беда наша в том, что в поле чувственного зрения попадает лишь эта мизерная реальность, мизерная по природному свойству греха. Тут мы видим противоречие, которое неизбежно стремится нейтрализоваться самостоятельно – абсолютно великое соединяется с абсолютно ничтожным. Таким образом, точка, хоть и стала противоестественной позицией мировосприятия, но по-прежнему содержит в себе всю потенцию Царствия Небесного, заявляющая о себе во множестве форм эволюционного становления от простого к сложному. Ведь несмотря на инородность позиции мировосприятия, Центр мира остается на Своем прежнем Месте, то есть форма остается наполненной Божественной сущностью и именно это обстоятельство заяв-

ляет и дает о себе знать. То есть, не смотря на раздельность фигур, обнаруживается единство их, созерцаемое во множественных взаимодействиях возникших, как свидетельство о том, что по-прежнему есть то общее, посредством чего происходит взаимодействие. Центр Вселенной и Оный не утрачен и он заявляет о Себе иначе, через то, что по природе естественно – через ум. Ум замечает Божественное в поведении материи. Это единство, явленное посредством поведения материи, мы называем законом или закономерностью. Бог общается не с формой фигур, а с их внутренним наполнением, в коем есть то общее для всего мироздания, посредством коего происходят взаимодействия. Для Бога нет форм, но есть только их внутреннее содержание³⁰⁸.

То есть болезнь (оная является формой жизни, ибо это просто крен абсолютизации не Самой Причины, а какого-то Её свойства), на Теле мира и на естестве живого явлена только каким-то разрушением единства, какой-то видимостью осколков, какой-то разделенностью и формой фигур, как образ степени многообразного стеснения, закрепощения (одномерность времени – одно из этих закрепощений) или вообще отсутствием свобод для воспаленной природы человека, абсолютной скованности во грехе – точкой. В противном случае, грех³⁸⁶ разрушит все вокруг, ибо только Божественные силы имеют право на свободу – ведь они на разрушение не способны, ибо они только созидают мир. Нужно отдаться смирением в Руки Творца, чтобы Он делал при-

вычное Ему или закрепить свободу греха ради живого ³⁸⁷. Сам Бог грехом не обладает, потому и нет смысла в закреплении, ибо нет разрушения. Только созидающее в образ Божий наделено абсолютным множеством степеней свободы ³⁰⁹, то есть граница в абсолюте своего проявления не является свойственной Его творчеству, ведь абсолютно множественная степень свобод ограничением не обладает. Точка для абсолютного множества степеней свобод не является границей в чистом виде, но является частью Его Тела. Иными словами, точка имеет общность с этим миром в одном и общность с миром тем, но уже в другом. В точке заложены характеристики и того, и другого, в зависимости от того, как мы себя позиционируем и что мы вкладываем в процесс богообщения. Так как воспаление это только лишь болезнь на живом теле, то есть больная душа остается все-таки жизнью, то, как прежде, подчиняется законам Божественным и по-прежнему стимулирована только Божественной радостью. Так как жизнь в Боге – это естественное состояние бытия для любых форм живого, то именно этим обстоятельством стимулировано движение к совершенству всякого тварного до абсолюта подобия Ему. Поэтому-то точка с одной стороны ограничение, а с другой стороны, как составляющая тела, несет в себе исповедь всего того, составляющей чего она является. Ведь жизнью востребовано только и только бытие в абсолютном образе своего Создателя, то есть ей нужна вся без остатка всеобъемлющая полнота Бо-

жественного и при этом востребованная для возможности жизни полнота может восприниматься только и только ограниченно сообразно точке, то есть постепенно без опасных перенапряжений в ослабленном от воспаления грехом естестве, исключая всякую передозировку радостью от бытия в созерцании Бога. *Так появляется направление, которое имеет образ прямой. Ибо через это абсолютное ограничение в чистом виде должна пройти вся бесконечная полнота Божественного, все абсолютное множество степеней свободы Его, вне чего жизнь невозможна. То есть везде мы видим два в одном⁴³ и везде работает Закон Сохранения образа Божия.* Именно поэтому ограниченной грехом человеческой природе всякие ограничения оказались востребованы для достижения столь значимой полноты богообщения и одно из многих их носит имя «время». Бог только по великой любви к нам ослабшим творит ограничивающую свободы форму. То есть восприятие всей полноты Божественного невозможно в одно мгновение без вреда, небезопасно, но безопасно только удобоприемлемыми, соизмеримыми нашему ослабшему естеству Частицами. Нам, носящим человеческую природу, сие стеснение явлено формой ограничения в линейно-поступательном одномерном, однонаправленном времени, в котором, в то же время, продолжают работать законы живого Божественного. Просто эти ограничения никак не покушаются на образ того же Самого единого цельного, в реалиях этого мира выраженного непрерывной последова-

тельностью, единящей начало и конец, как форма того же самого Божественного единства – непрерывно, пошагово-постепенно, эволюционно выражается вся полнота (от альфы до омеги) Божественного, несущего Свое имя в пределах одномерного пространства³⁸⁶. Так работает Закон Сохранения Божественного образа. Эта однонаправленность обусловлена только тем, что Бог Один и движение может происходить только в Нем и только в одну сторону, к Нему. Поэтому стеснение стимулировано не какими-то внешними факторами, а внутренними процессами, стремящимися к Единому в самих же себя, то есть стремлением в свой внутренний мир. Мир ограничен не тем, что его ограничили чисто границами, а тем, что наше позиционирование восприятия его открывает нам его в ограничениях. Мы зрим на мир и беседуем с Ним через абсолютную ограниченность в чистом виде и видим то Нем, что попало нам в поле зрения посредством такого мировосприятия. Мир в движении к Богу и в этом его свобода и ограниченность одновременно.

По этой причине, так как активированы эти законы бытия, свойственные нашей природе, осквернённой грехом, то неизбежно все они проявляясь вкупе работают в пределах Его и выражают это целое, единое и полное Божественного также в пределах Его. При этом имеет вид только как развитие со всем набором попавших в поле зрения критериев (время (наделено непрерывностью течения), протяжённость, оптимальность, непрерывная последовательность, суборди-

нация, возрастание)³¹⁰. Итак, на природе уже воспалённой грехом (и этим воспалением ограничена в свободе), полнота Божественного обязательно проявится (это аксиома, ибо пребывает в единстве с Божественным), только в границах частного это выражение полноты Его происходит несколько специфично, как-то уникально своеобразно сложено в контексте тех природных реалий, в коих оказалась полнота Божественного. Его живительное для Вселенной явление происходит в соответствии со способностями окружающей среды одномерного, двумерного и трехмерного пространств (здесь включаем лосевский понятийный язык). Причем все эти три составляющие естество среды, где оказалась полнота Его (хотя надо сказать, что это не предел – их больше), неизбежно имеют выражение в самой природе организма человека³⁸⁶: Божественное в наших реалиях показано то точкой, то прямой, то пространством. Прямая, точка и пространство тождественны в Боге, но различны в выражении Его – мы видим точку, прямую, пространство. Но все равно в наших реалиях все должно было быть сначала точкой. Точка тождественна прямой, после этого природа эволюционно усложнилась до плоскости (точка стала тождественной плоскости), далее эволюционно усложнилась до пространства (точка стала тождественной трехмерному пространству). И так далее. Всякое стеснение призвано уничтожить влияние разрушающего греха, а потому полнота Божественного, не смотря на Свою бесконечность, не чувствует Своего ущемления в чем

либо и проявится даже в той самой толике малости связывающей наше отдаленное грехом частное с Божественным общим. Потому воспаленная природа в пределах этой связи будет свидетельствовать о Творце, опосредовано этой малой толики связи с Ним. Видимая нами природа с грехом будет свидетельствовать о Невидимом Боге своим подобием Ему, то есть поведением (оное постигаемо только умом) осколков-форм в пределах ограниченных свобод. Умное в поведении форм мы воспринимаем умом, только своим же естественным подобием – очищенным от греха разумом (движение планеты по орбите или исторические процессы). Также мы видим мир в триединстве. Чувственное распознает материальность мира, умное видит умопостигаемое единство мира в Боге, дух пребывает в единении со своим естественным и природным – с Богом. Именно по этой причине, когда мы поднимаем взор на Творца, обращаем на Него свое внимание, то сразу же весь остальной мир исчезает, теряет свое бытие в формах и в образе поведения. Мы в этот момент видим сущность мира, его внутренний мир, становимся единосущными ему и он единосущен Богу через нас.

*****На основании всего сказанного, есть смысл повернуть освещение** и исследовать самые общие моменты физики внутреннего мира. Нам становится очевидным, что в пределах, обусловленных первородным грехом, элементарная составляющая мира воспринимается нами как молекула или атом со свойственным для них течением времени. Хотя

Начало всех начал всегда имеет образ бесконечно Великого, но в поле зрения абсолютно ничтожной из-за воспаления грехом чувственной природы попадает только лишь её подобие – ничтожное малое – точка. Мы видим только то, чем сами являемся. Вот откуда все это взялось¹⁰. Точка ничтожно мала даже для нас только лишь потому, что имело место быть свидетельство о бесконечно великом посредством поведения ничтожно малой видимой природы. Оно показывает нашему мировосприятию великую ничтожность воспаления грехом по отношению к бесконечному Божественному. Все существо мир вторит этому свидетельству.

В том же числе и все остальное. Для оскверненного грехом естества³⁸⁶ всякое развитие может представиться только трагедией, то есть в виде взрывообразного разрушения привычного, при котором, опять же, всякие течения в общем плане могли быть и будут не ничтожным разрушением, но только движением в одном направлении – возвращение в исходное естественное состояние во Царствии Небесном³⁸⁸. То есть возрастанием до такого состояния, которое максимально подобно Богу и даже должно стать с Ним одним единым. При этом следует добавить, что всё должно происходить только постепенно и в согласии с перечисленными критериями. Подобное являет себя только в своем подобии, свойственном для временных критериев. Разрушение, как производное греха – всегда временное мгновенное событие.

В то время как восстановление свойственно уже Божественному, а потому великому, то есть всегда будет подобно великому, то есть абсолютно растянутым во времени, ибо Бог абсолютно великий. Вещи абсолютно не соизмеримые. То есть, чтобы уместиться Ему в нашей реалии, уже нужно бесконечно много времени, ведь Он бесконечен⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻⁰⁶. А так как чего-то иного, кроме Божественного, в бытии не существует и что-то иное не имеет силы и что-то иное, кроме Божественного, в данной реалии выразиться не может, а потому в эволюции может проявиться только Его Образ.

Движение в становлении в естественный образ, как реализация Закона Сохранения, может быть стимулировано только напряжением между отпавшим от Создателя творением и Им Самим в Замысле Бога. Вот это положение есть та самая точка, которая в позиции Божественного определения вмещает в себя всю полноту Сущности от альфы до омеги. А с позиции противоестественной Ему альтернативы, то есть с позиции нашего мировосприятия – это самая несовершенная форма исповеди о Боге – абсолютно ущербна (смотри⁷⁷⁷⁻⁰⁷⁻¹¹¹). И для пребывания в нашей сфере бытия для неё востребовано эволюционное движение к полноте выражения Его от альфы до омеги. То есть закрепощение в точке терпит только греховное разрушающее, а так как Божественное в Себе сие не несет и остается тем же, то полнота Его выражена как бы другим способом, теми гранями точки, которые в себе несут Божественные свойства – постоянство грехов-

ной пустоты, пустоты математического освидетельствования и Благодати Божьей освидетельствованной душой. Подобное порождает свое же подобие, то есть пустота должна родить свое же подобие – пустоту в чувственно распознаваемых образах форм. Но как выразить пустоту посредством формы? Пустота несет в себе элемент постоянства в чистом виде, который в формальном абсолютном виде будет выглядеть только окружностью (точка – это тоже окружность с радиусом ноль). Следовательно, все в этой видимой вселенной по форме будет созвучно или сопредельно, сопричастно, сообразно окружности. Звук – это образ тишины. Вне этого цельного и замкнутого нет жизни и окружность – первый самый примитивный элемент её **777-01-05**. (Хотя надо сказать, что постоянство может быть в ином (смотри **777-01-7**), а именно в приращении коэффициента кривизны. Тогда окружность превращается в спираль, один конец коей устремлен к центру ее, но центра оной никогда не достигнет. Также спираль может иметь иные виды – цилиндр или конусообразный вид. Это тоже не инородно пустоте, а потому имеет место быть, как устойчивая форма. Приращение в коэффициенте кривизны может иметь иные образы постоянства и даже как приращение приращений в множественной степени. Это также не инородно пустоте и имеет место быть. Каждому такому образу постоянства соответствует устойчивый порядок, свой уровень стабильности-корпускулярности энергии. К примеру, тело находящееся в состоянии покоя и движущееся рав-

номерно – два уровня стабильности, которые имеют различные природы, но в обоих случаях не инородны пустоте. Но, следует сказать о том, что это два разных природой тела. В первом случае, у тела нет энергии скорости, а во втором есть. При взаимодействии столкновения одно тело получает энергию и мы видим, что из ничего рождается новая реалья(смотри 777-01-222). Теперь оба тела движутся. Эта реалья остается сообразной пустоте. Вопрос в ином, а именно в том, что сие выпадает из поля зрения человека или предстает перед нами только модус-конечное свидетельство, которое мы имеем природную возможность восприниматься чувственно – в образе круга. Мы из всего того контента множеств приращений в самых высших степенях, можем видеть только то, что оказалось в поле зрения, в области наших возможностей воспринимать это явление – мы видим окружность и то, что ей сообразно. Также как мы видим организм человека, хотя в поле зрения нам попадает только модус-производное от всех тех внутренних процессов, которые происходят внутри его. Иными словами, всю гамму множества проявления постоянства нам распознавать остается только косвенно. Пустота предстает перед нами как структуризирующее(смотри777-01-7) начало. Всякое развитие саморазвивающе происходит только в пределах структуры и потому не инородно пустоте. Хаос пребывает в пустоте всегда и потому при взаимодействии с ним становится структурой. Это важно заметить, ибо всякая ученая доктрина оказывается не самой по себе, а частью

структуры и ученый должен теперь думать совсем иначе – он должен заявлять о структурирующем влиянии пустоты только в прообразе оной на своем понятийном языке. Таким образом, атеист вынужден считаться с влиянием Божественного таким вот специфическим образом свидетельства о Нем. Точка является абсолютom совершенства структурном плане. Ибо данная структура является абсолютно оптимальной при абсолютном подобии пустоте 777-01-7.00. Следовательно все будет двигаться в рамках прообраза этого абсолюта и к наибольшему подобию этому абсолюту. Точка порождает пространство в своем прообразе. Точка и пространство тождественны.

Повторюсь, с одной стороны, с позиции природы с грехом точка есть самое не полное во всеобъемлющей многогранности, то есть граница в чистом виде, первопринципом отличия от пустоты. А с другой стороны, хотя и несовершенное, ограниченное, являющаяся начальной формой и законодателем-первопринципом грядущего разрушения-взрыва, но по-прежнему остается самым совершенным прообразом пустоты, то есть свидетельством о Творце.

Всякое производное точки несет в себе ее свойства 777-01-7.01 А именно, все вокруг несет в себе окружности, прямые и точки во множественных совокупностях. Но это не есть пустота, а только специфические способы её выражения в этих множественных совокупностях точки, прямой и окружности. Но опять же это есть выражение пустоты

и нам востребована только живительная пустота⁴³. Человек опосредовано носителей пустоты ищет именно эту пустоту во всем. Гегель говорит называет музыку звуками из Царствия Небесного, но он не был православным, ибо звук – это уже только лишь оттенок Царствия Небесного, также как самая красивая мелодия, является совокупностью циклов (то есть окружностей, линий и точек), а потому все равно остается только лишь оттенком Царствия Небесного. Музыка – это, как и звук, образ тишины, на ином уровне мировосприятия. То есть настоящая же полнота не во всеобъемлющности выражений звуковой пустоты, а в самой этой тишине. Настоящее наслаждение в абсолютных тишине, в темноте, в иных формах бесчувствия – это естественный фундамент богообщения. Какую-то грань этого бесчувствия практикуют индусы. В Православии же тишина динамична, также как водная гладь реки. Зеркало водной глади обязано своим бытием течению вод от источника в океан. Бог молвит Свои Слова неизреченной красоты именно безмолвием. Вокруг этого крутятся все религии мира и древняя славянская традиция – в том же числе. Мы наслаждаемся не образами тишины в звуке, как Гегель, а беззвучной речью самой этой тишины. Тот, кто услышал Слова Бога хоть раз в жизни, тот становится пленником этой радости навсегда, он идет на любые ограничения и на любые жертвы собой, чтобы быть в этом счастье навечно и рассказывает нам о своем счастье понятным языком своей современности. Так возникла речь,

потом письменность, научный прогресс – как разные оттенки религии.

То есть данная точка во Царствии Небесном ведёт себя так, как это ей естественно, а когда попадает в греховную среду³⁸⁶, то всё то же самое Естество Царствия Небесного, чтобы выразить прежнюю полноту своей природы уже требует развития до полноты многогранности. Два состояния тождественны между собой¹² в Первоначале, но различны в образе выражения Одного и Того же. При этом следует сказать, что с позиции Божественного для этой точки времени нет, зато с позиции всего временно преходящего время есть и оно заложено в задающем образ соотношения первопринципе развития, а потому безвременное божественное должно выразиться во временном только в образе Божественного, в уникально выраженном единстве – непрерывным развитием соединяющем начало и конец в одно, специфично формируя образ одиночества Бога во Вселенной и Его единства в обозреваемой непрерывности причинно-следственного механизма, что исключает всякое прерывание во времени движения к совершенству. Образ того и образ другого единовременно должны выразиться на природе жизни, если она есть творение Божье. И это выражение мы видим, ибо Бог живой и все живое тоже должно иметь это единое целое, цельное, замкнутое в цикличном движении от начала к концу. Временное ничтожности греха должно совместиться с Божественной бесконечностью. Ромашка в поле растет

от семени, при котором сам процесс возрастания обуславливает видимость стабильности бытия растения, как неизменной стабильности образа. Достаточно того, что нет искажения образа Творца, нет искажения исповеди Бога в специфике понятийного языка свидетельства о Нем, а потому, не смотря на фантастические, граничащие с чудом эквилибристики формы образа живого торжества над смертью (цветок стойко держит бутон над землей своим тоненьким стеблем) жизнь продолжается даже в таком вот невероятном виде. Но эта фантастичность выражения Первообраза ничего не значит. Так как нет нарушения цельности единого, то и нет покушения на жизнь – жизнь возможна даже в таком проявлении реальности. И ведь бутон соцветия твердо стоит против ветров и дождей. Но стоит хоть в чем-то чуть-чуть нарушить единство, как тут же теряется Образ Божий и мы видим, что стабильное состояние сменяет процесс разрушения – наступает смерть от какой-то, казалось бы, мелочи. Повторю ещё раз, так как живое обусловлено только Божественным, то бытие Его в разных условиях становится различным выражением многогранной цельности полноты в той специфике, какую навязывает новая реальность инобытия, в лосевском понимании этого слова (это важно понимать каждому из нас, ибо жизнь постоянно нас куда-то бросает и в каждом условии бытия следует дать свободу самоопределения только Божественным свойствам души, то есть дать возможность самовыразиться Божественной Сущности в окружающей реалии

человека, опосредовано нашего деятельного присутствия). То есть в одном случае и при одном условии, жизнь явлена с горчичное зерно, а в другом случае, та же самая реалья живого, но уже пребывающего в в ином прообразе – в инобытии, во Царствии Небесном, адаптируется в новых условиях только теперь уже в ином виде – горчичным деревом с огромной кроной. Но в том и другом случае неизменным остается Божественная сущность с Её прежней цельностью и с прежней всеобъемлющей полнотой жизни. Это одно и то же, но по-разному воспринимаемое. Божественное борется за свое бытие в данной реалии и в победах являя нам свои различные образы соответствующие свойствам природы. Это противоречие между Божественной Полнотой и ничтожностью греховной реальности стало той самой внутренней стимулирующей пружиной, которая распрямляясь становится бесконечно многогранным движителем эволюционного становления истории³⁸⁶, реализует все свои внутренние свойства во внешнее обозреваемое проявление с переменой образов выражения обоих реалий свидетельств о Творце (семья-организм). Иными словами, Вселенная так и осталась составляющей Царствие Небесное, но только видоизменилась, обрела иную обозримую реальность после того, как произошло грехопадение.

Исходя из этих положений, нам открывается возможность дать определение экстазу. Экстаз – это отрешение сознания, возвращение в родное прежнее инобытие Царствия Небес-

ного. Это естественное состояние живого, самовыражающееся в самых различных сферах деятельности человека, вне коего жизнь невозможна, ибо именно это и есть сама жизнь. Озарение, приходящее на творческую личность или нисходящую на личность, пребывающей в поиске Истины, к примеру, для ученого или поэта, или художника, или командующего в бою – это только лишь проявление какой-то грани экстаза в данной сфере умного делания человека.

1.0.-45(а) Если это трагическое событие отпадения от Бога действительно имело место быть, то, исходя из всего сказанного ранее, в каждой микроне мироздания сие обязано быть составляющей, должна отразиться сама эта трагедия грехопадения, а точнее должны стать сутью жизненной яви оба его состояния (от точки до какого-то специфического образа полноты выражения Бога). Если сие действительно есть, то мы оное можем разглядеть. Для начала выделим некоторые грани и синтезируем их единый образ.

Это означает, что природа двоичная, одновременно содержащая в себе и всеобъемлющую полноту причастия ко всему Божественному (открывающейся разуму со всеобщего обзора, то есть с высоты (в простоте, в чистоте), что свойственно первоизданной реальности Царствия Небесного) и эту же полноту, только уже не всеобъемлющую, а полноту в пределах нашей природной возможности зреть её односторонне и в пределах природной возможности вмещать в себя эту полноту и свидетельствовать о ней³⁸⁸. В одномерном простран-

стве, которое мы вычленим из многомерной реалии бытия для удобства анализа, единство Божественного теперь принимает вид той же одномерной непрерывной последовательности непрерывной цепи причинно-следственного механизма, в коей постепенно и удобоприемлемо нашему восприятию выражается слово о Боге во множественных подробных частностях. Одновременное присутствие обоих состояний Вселенной (до грехопадения и после оногo) в каждой микроне видимой природы мира неизбежно должно быть распознаваемым и нам дано его видеть только опосредованно своего подобия ему – именно этот прообраз одномерного пространства, а именно срез береговой линии⁴³ проходящей в нас самих же в виде тождественного различия, то есть границы в чистом виде или отсутствием величины несовершенства, или в виде прообраза совершенства, то есть пустоты несовершенства или границы в чистом виде. Крепость, упругость, твердость – это разные имена пустоты, которые выражают ее свойство неизменчивости. Просто подобное рождает только свое подобие во множественных оттенках, в том числе в данном качестве.

1.0.-45(б) Сделаем обобщение и сформируем некоторые критерии. Божественное наделено абсолютной крепостью, то есть не может быть измененным, а потому всегда остается вне обозрения⁷⁷ нашими органами чувств, то есть в обозреваемой нами природе могло возникнуть зримое подобие Его – хвост. Неизбежно, этот хвост имеет образ стабиль-

ности(смотри 777-07-7.3), как порожденный стабильностью-постоянством (хотя в нем происходит движение), ибо подобное рождает только свое подобие777-06-06. Это первое. Второе, сама схема выражения должна иметь только такой вид и только в пределах выражения стабильности: от простого к сложному, то есть в пределах того же образа, какой имеет Природа, породившая обозреваемый нами хвост: из малого простого происходит возрастание к более полному уточненно-многогранному свидетельству и специфическому пониманию о Боге в пределах подобия порождаемого породившему. Из-за этого мы видим стабильность бытия материи. Как материя она может только так восприниматься. Третье, природа поражённая грехом ограничена в возможностях по отношению к Абсолюту Божественного, то есть возможности выражать полноту Божественного, исчерпываются несовершенством и ограниченностью природных свойств, а потому позволяют только как-то односторонне свидетельствовать о полноте, а не быть всей всеобъемлющей полнотой Его Естества. И четвёртое, Божественное проявление в природе воспалённой грехом обязано свидетельствовать о всей абсолютно полноте Божественного от начала до конца в рамках ограниченности. Пятое. Единое всегда тождественно непрерывности всякой последовательности, отчего проявляется зримо воспринимаемый образ стабильности. Это одно и то же, также как человек пребывает на берегу и тот же человек в текущей воде тождественен самому себе же – ему естествен-

но быть только в той же радости. Изменилось чисто внешнее условие – теперь он пребывает в глубокой воде реки всеобщей относительности мира. Ведь теперь, чтобы, как и прежде быть в естественном себе состоянии покоя, то есть, чтобы как прежде стоять на месте в текущих водах, необходимы инструменты для поддержания себя в данной кондиции – нужна плоть и физические нагрузки ее – для того, чтобы держаться на поверхности в глубокой воде – нужно плыть. То есть сам он остается тождественен самому себе как на берегу, так и в реке. Не тождественны те реалии, в которых это тождество выражается, а потому предстает перед нами в ином облики, утверждая в нас заблуждение о том, что это разные сущности живого. Таким же образом, единство Бога обуславливает неразрывность последовательности, ибо в противном случае живительное единство в земных условиях невозможно. Итак все вокруг, все тождественно между собой, но различно образом адаптации. Шестое, прежде чем возможности свойств среды, в которой происходит адаптация Божественного, будут исчерпаны способностью выражать полноту Его, должно произойти законченность выражения полноты. Мы можем адекватно обозревать только свое же подобие, хотя, может быть, односторонне – такую же как мы сами законченную в себе замкнутую полноту, ибо только в этом случае полнота умещается в пределы возможности нашего человеческого анализа. В противном случае, сие окажется вне поля зрения органами чувств, или вовсе исчезнет

из бытия. Седьмое, самоидентифицируемое различие инобытия проявляется также в упругости, как форме выражения Закона Сохранения, созерцаемого в пределах времени³¹¹. Восьмое, чувственно воспринимаемая греховная пустота Божественного, чем наделяется живое¹³, обретает свое воплощение. Организм – это образ греховной пустоты, отразившейся на природе воспаленной грехом. Отражение сие воспринимается односторонне в пределах способности нашей чувственной природы охватывать Божественное.

Это можно продолжать бесконечно, но исходя из перечисленных критериев, развитие до совершенства во греховной среде не может быть бесконечным в одном, но обязательно бесконечно в другом. Свойства природы не позволяют ей воспринять в себя весь бесконечный абсолют полностью, а потому развитие доходит до какого-то момента, после которого начинаются разрушения. Но в пределах этих ограниченных свойств эволюция идет бесконечно по пути усложнения, благодаря чему вся полнота Божественного выражается уже иным образом, но в тех же пределах этой ограниченности^{666-01-7.1}. То есть в этом направлении движение бесконечно⁴⁵⁷.

Итак, в данной реальности присутствуют обе составляющие: одна абсолютно временная греховная; другая – абсолютно вечная. Два крайних абсолюта в сумме дают нечто, наделяемое какой-то степенью абсолютно вечного Божественного и

в это же время какой-то степенью временного и греховного абсолютного ничтожества. Вроде бы есть некоторая протяжённость во времени, как некоторая степень свойства вечного, как родственное бесконечному Божественному и, в то же время, есть и конечность, как свойство падшей, абсолютно ограниченной природы оскверненной грехом. И то и другое выражается на природе распознаваемых вещей.

Это следует принять по условию стоящей перед нами задачи: так как свойства не позволяют, то на этом этапе развития возрастание останавливается, являя нам специфический односторонний образ Творца. Но, как мы знаем из свойств жизни, если нет возрастания – нет и жизни (если нет притока воды в реку, то река высыхает и вместе с ней исчезает то, что привычно видеть – голубая полоса водной глади²⁵⁸). Итак, движение к Божественному подобию, заложенное в самом обожении, не упраздненное порчей грехом – естественное свойство всего живого. То есть сразу надо оговорить следующее, что естество Царствия Небесного (в том же числе в поражённой грехом природе) обнаруживает себя для нашей возможности обозревать, пребывая только лишь в состоянии постоянного развития к совершенству Творца. Благодаря самому внутреннему процессу становления, движения, эволюции к лучшему всякое явление предстает перед нами как обозреваемая стабильность. То есть живое стабильное безвременно-вечное выражается в движущемся временно-конечном и изменяющемся, а потому пред-

стает перед нами и как реальия постоянства формы, возникшей в процессе внутреннего движения, наделённой данной спецификой (сформированной требованиями полноценного бытия в окружающих обстоятельствах). *Проявление жизни в поражённой грехом природе* происходит только лишь благодаря постоянному внутреннему движению в пределах ограниченных свойств природы в сторону более качественного выражения полноты в сторону усложнения и движение сие может быть только возрастанием до образа и подобия Богу. Безвременное Царствия Небесного отражается как в зеркале во временном, формируя чувственные образы Царствия Небесного в данной реалии нашего естества в изменяющейся искажённой грехом природе. То есть эволюция природы человека могла идти только в совершенствовании внутренней природы организма, а не в сторону укрупнения **666-01-01.01**.

Жизнь – есть Божественная полнота, которая в разных реалиях по разному предстает перед взором. Это также как один и тот же предмет мы измеряем разными единицами измерения. Разные мерки дают разные значения одного и того же, но во всех случаях они тождественны. То есть мы способны только ее видеть, но в разном облике **666-01-01.02**. Если во Царствии Небесном ей естественно быть тем, чем она представлена нам в Книге Бытия, то в иной реалии эта же полнота Божественного, естественно явленная в той же абсолютной чистоте и простоте, попав в иные особенные условия данной реалии звучит уже на ином понятийном языке или

на ином языке функционального выражения, свойственном для этих условий в коих оказалось Божественное влияние. И теперь Божественное обозревается нами не только в непосредственном общении с Личностью Творца, но и в иных тождествах сему – в том же числе через иное естество, общее с Богом: развитием причинно-следственного механизма, в последовательно-постепенном, поочерёдном приобщении ко всей полноте Божественного (смотри 666-01-01.02) во всех гранях полноты, ибо жизнь в поражённом грехом мироздании возможна лишь в движении к полноте и в том же числе в многогранности Божественного. Ведь если огонь окажется вблизи камней, то камни начинают свое внутреннее движение до образа и подобия огню – они нагреваются. Поэтому одно и то же, только по-разному отражено. Это как осьминог, который не смотря на его размеры пролазит сквозь дыру размером с шарик пинг-понга (постепенно и поочерёдно сначала протекают через неё одни волокна к примеру, щупальца, потом другие не разрывая живую связь и животворное единство в прежней субординации значения для жизни, а потом протекает вся голова). Это одна и та же Божественная полнота живого только в разных реалиях самовыражения, как говорит великий А.Ф.Лосев. Вся беспредельная полнота природы Творца проходит через ограничение в чистом виде, то есть в виде точки, то есть в образе причинно-следственного механизма.

Что такое тождество? Это абсолютная схожесть. Вопрос

в ином, как могут быть тождественно схожими реалии выражения одного и того же в разных природах с разным естеством. К примеру, человек на суше не нуждается в каких-то действиях, а тот же человек, попавший в глубокую воду уже гребет руками. Это тот же человек, самотождественен самому себе. Так везде. То есть, если говорить об абсолютной схожести, то это будет иное имя абсолютной неизменности, которые, как мы знаем, присущи только одной природе этого бытия – абсолютной пустоте. Но абсолютная пустота, как уже сказано ранее, является чувственным освидетельствованием пустоты греха¹³, ибо мы распознаем Бога (счастье быть здоровым) только через то, что Им не является, то есть покушается на нашу природу (наносит травму в разной степени силы). Это такое свойство природы познания падшего человека. Так как Бог абсолютно свят, то, при попытке познания Его, от Него мы не получаем ран, но только живоносные энергии, а потому не видим Его влияний³⁸⁷. Следовательно, если говорить о тождестве вообще и во всех смыслах, то значит упоминать ещё об одной грани Божественной природы Творца, то есть о греховной пустоте в нашем восприятии. Переложив на язык математики⁵⁸⁵ (а это для нас важно, ибо математика – это самый авторитетный инструмент науки, востребованный для постижения умом происходящего) перед нами предстает ряд самых элементарных составляющих природы, свойственных самой кромке этого мироздания, за

костей уже пропасть небытия – с этим нам приходится иметь дело. Точка, прямая, плоскость, пространство и так далее – способы выражения одного и того же тождества в разных природных реалиях Вселенной³⁹² – Божественной пустоты для греха, невозможности чувственного освидетельствования⁹².

Нам естественно позиционировать себя только с Началом всех начал, но, к сожалению, мы часто это делаем без непосредственного общения с Личностью. Из-за этого мир для нас перестает быть монолитным и обретает границы сколов, то есть формы фигур. *Поиск истины всегда сопряжен с поиском начала явления, то есть мы ищем причину события, ее границу в чистом виде. Но это только вне беседы с Личностью, а в беседе с Ним точка перестает быть границей в чистом виде и становится гранью Тела Божьего, которое мы пытаемся выделить и придать противоестественный крен*¹¹¹⁻¹¹¹⁻¹². В пределах нашего обозрения оказываются все начала движений, за пределом начала коих таится непознаваемое. Но, не смотря на это, всякое движение одновременно и неизбежно будет исповедовать два состояния бытия и эти(смотри¹¹¹⁻¹¹¹⁻¹²) два представления об Истине, о коих мы заявили выше(смотри¹¹¹⁻¹¹¹⁻¹²). То есть все плохо совместимые пути, обуславливающие бытие форм, после некоторого предела оказываются разделёнными вовсе и неизбежно должны расходиться ^{666-01-01.02}. Но по природе своей явля-

ется и то, и другое в пределах возможности вмещать в себя движение к абсолюту (смотри 666-01-01.01). В пределах нашей природной возможности созерцать, мы какое-то время видим плохо совместимые пути вместе, то есть соединяющиеся (смотри 666-01-01.01). Как этот развод должен проявиться перед нашим взором³⁸⁵? Они, в пределах возможности ограниченной грехом природы вмещать в себе всех их, какое-то время предстают перед нами как части одного единого целого. А, так как они расходятся³⁸⁵, то это явление в наших глазах наделено свойством временности и предстает перед нашим взором формами – этому условному периоду дадим наименование бытийной единицы. Мы видим перекрестие только так, как и мы сами, в самом этом перекрестии, то есть вне его – где-то в бесконечности наша природная возможность созерцать реалию мира исчерпывается природной ограниченностью. Если бы расхождения не было, то явление не подобно нам в первородном грехе и потому ускользает от нашего восприятия, ибо, неся в себе воспаленную грехом природу, мы чувственно воспринимаем вокруг свое же подобие – все то, что временное, то есть пребывающее в процессе развития распада и попадающее в поле зрения в момент расхождения на составляющие.

Итак, всякое познание реальности возможно только в пределах ограниченности природы познания человека. Так как все варианты выражения тождественны в Первообразе, имея

одну природу в Нем, но разнолики в образе выражения её, то есть разнолики в образе выражения одной и той же Истины, то неизбежно пребывая в единстве по природе тождества, они плохо совместимы в вариациях выражения тождества Первообразу и потому либо все явления остаются в каких-то пределах едиными, либо расходятся с первых мгновений развития. Следовательно мир, в прообразе человека, внешне делится на совместимое и несовместимое, оставаясь единым. Но, как я сказал, всякое распознаваемое разумом через чувства расхождение станет видимым только после некоторого также известного предела, обусловленного свойствами природы с грехом. Переименовав Лосева скажем, что один всегда будет выделяться от другого и при этом пребывая в родовом единстве по естеству общей для обоих Причины. По определению о живом, жизнь требует возрастания в более сильном подобии Творцу и до абсолютного подобия Ему – без этого ее бытие невозможно. И, так как возрастание имеет место быть, то исходя из всего прежде сказанного об ограниченности чувственной природы восприятия и сказанного об ограниченных природных возможностях, предел возрастания в границах природы, а точнее предел Его восприятия и природной возможности вместить в себя все это возрастание, всегда неизбежен. Это когда свойство природы и степень возрастания становятся не совместимыми, приходит так называемая старость. Поэтому, дабы избежать этой смертельной крайности эволюционное становление до обра-

за Божьего идет по иному маршруту, лишь бы только оставаться в природных возможностях более сильно приблизиться к Богу. Не количество и не величина подобия Ему, а качество (смотри 666-01-7.1). Именно так на Земле появилась жизнь с именем человек. В этом естественный отбор.

*****На основании всего сказанного, есть смысл повернуть освещение** и исследовать самые общие моменты физики внутреннего мира материи. Мы видим то, что для нас привычно. Явления либо едины в роде или по тождеству инобытия естественного первопричине, либо инородны по выражению этого родового тождества или Истины. Так и мир в привычных для нас пределах обозревания делится на два вида единого³⁸⁵: либо единства, как целого, либо это же единое явлено иначе – во множестве частных во время взрыва или в процессе упругого столкновения, или взаимодействия. Подобное рождает только свое подобие, а потому образ единого до взрыва имеет тот же образ единого, но представленного нам иначе – согласно Закону Сохранения Его Образа. Иными словами, не ведая о том, как выглядит мир, в общих чертах делаем предположение о том, как он устроен в некоторых гранях его бытия – в пределах единства первопричины⁴⁵⁷. Главное, нам на основании Бытия Бога и знания некоторых Его свойств, стала бы ясна природа корпускулярного свойства элементарных частиц. Это утверждение станет востребованным, когда мы будем обсуждать вопросы физики.

Продолжим. Если мы сравним точку пребывающую в покое и эту же точку движущуюся, то, с одной стороны, они одинаковы или самотождественны. А с другой стороны – нет, ибо точка и точка в движении – суть различные образы Одного и Того же во Вселенной. К примеру, Солнце на небосводе есть светящийся диск, но в ином состоянии Вселенной, когда Солнце на закате и мы стоим на берегу моря, то мы видим уже световую линию, соединяющую нас с краем земли и тоже светящуюся. И диск, и эта соединяющая прямая излучают свет, но образы свечения различны **000-пример**?????. Это можно сказать иначе: точка в покое имеет пустоту движения, а точка движущаяся – это величина или бытие движения. То есть покой и движение соотносятся, как чувственно воспринимаемая пустота к чувственно воспринимаемому бытию – из ничего вдруг возникает нечто. Также точно соотносятся точка и пустота. Ведь абсолютно малая величина все равно остается величиной, хотя и абсолютно и бесконечно малой. Величиной или бесконечно малой степенью распада, ибо созерцанию поддается только процесс распада.

Также соотносятся прямая (бытие или величина протяженности) и точка (пустотой или нолем протяженности) – образы постоянства, образы одного и того же, явленных в различных состояниях Вселенной. Или можно сказать иначе, что это один и тот же бытийный элемент, но только в разных инобытийных природах собственного самовыражения (**смотри_000-пример**). Что такое инобытие? Давать опреде-

ление сложно, но исходя из некоторых примеров можно получить некоторое представление. Когда точка абсолютно покоится, тогда на неё распространяется один пакет законов. Когда она движется, то набор законов, которым она подчиняется, совсем иной. То есть, если точка начала передвижение, то она перешла в инобытие, то есть как бы родилась для инобытия, наделившись данной новой природной реальностью, попала в поле зрения иного набора законов. Также как заяц, попал в поле зрения иного подобия себе, когда начал движение. То есть покоящаяся точка всегда обладает множеством степеней свободы до того самого момента, пока она покоится и не начала какое-либо движение. То есть пока покоится, она имеет возможность выделиться в сфере возможности постижения разумом посредством чувственной природы. Но каким бы данное инобытие не было, оно всегда будет пребывать в пределах свойств покоящейся точки, в границах её бытия и, иными словами, всякое инобытие – частное, специфическое и уже одностороннее выражение полноты посредством проявления свойств её какой-то грани. Точно также следует сказать о ноле и числовом ряде или системе координат. Всё это есть свидетельства о постоянстве разноликой абсолютной пустоты, только (будем говорить более ясным понятийным языком А.Ф.Лосева) с разным первоначальным принципом, задающим план реализации в инобытии, оказавшимся в поле нашего обозрения. В одном случае, это число; в другом – прямая; в тре-

тьем – плоскость или пространство и даже абсолютная разноплановая бесконечность. А в самом первом случае – это движение, как ещё одна множественная форма проявления первопринципа, задающего специфику и закон формирования реальности и выражающего в своей сфере инобытия какую-то уникально сложенную картину мира или даже материальную реальность¹⁴. Это замечание для нас важно по той простой причине, что в пределах возможности обозреть и познавать мир перед нами разыгрывается именно этот сюжет, форму и образ которого задает первопринцип начала, коим стало грехопадение. Повторюсь, для упрощения выражения сказанного, мне думается целесообразным назвать пределы чувственно воспринимаемого пространства (смотри 666-01-02) (первопринцип) *бытийной единицей*³⁰³. Это удобно для того, чтобы в её пределах делать зарисовки и ясно себе осознавать то, как они перед нами должны представиться. Бытийная единица³⁰³ – это пространство реализации первопринципа в законченной полноте (смотри 777-01-11(a)), ограниченное первым числом после ноля, в пределах коего имеют чувственно распознаваемое значение многие формы развития. Когда природа человека ещё не была оскверненной грехом, в поле её возможностей чувственного обозревания была бесконечность Творца. Природа не терпела разложения, а потому познание Его не требовала той безопасной для богообщения удобоприемлемости, не могло быть первопринци-

па, задающего специфическое выражение образа Божьего в сфере нашего мировосприятия, а потому бесконечность была тождественна природе бытийной единицы, как иное имя Первобытия на понятийном языке данной обыденной, привычной реалии Вселенной^{777-01-11(б)}. С другой стороны, бытийная единица в точке – это граница в чистом виде, ибо нет никакого развития, но закрепощение, стеснение бесконечного мира в чистом виде^{777-01-11(в)}. И то, и другое – крайности, между которыми имеет место быть созерцаемая Вселенная. Эта установка базовая для дальнейшего движения в реалии квантовой физики, в глубины коей нам предстоит войти. Войти не просто так, лишь бы войти, но войти удобоприемлемо постепенно во всей полноте своей природы. В противном случае, научным это никогда не станет, ибо нам не распознать в данной реалии свойственные для личности черты, а это означает, что мы не услышим Слово Божье, Кое молвит к нам Он. Мы должны выполнить безопасное для полноты себя погружение в утробу ядерных процессов, чтобы хотя бы в общих чертах нарисовать закон внутреннего мира, форму взаимодействия двух реалий, одна из которых – абсолютное постоянство греховной пустоты. Это важно, ибо только в этом случае ядерная физика не будет угрозой для всего человечества. И уже сейчас нужно сказать важное о том, что этот закон будет когерентным к естественным процессам вечной жизни со всеми теми свидетельствами о ней, кои мы здесь обсуждаем. Просто ядерные процессы – это наше естественное по-

добие, ибо в пределах нашего естественного подобия существует мир, как образ межличностных отношений Бога и человека. То есть какие бы реалии не открывались бы во внутреннем мире материи – оное все равно остается инобытием Истины, Её подвидом, свидетельствующим об изначальном первоначале – своем роде. Это видно ещё исходя из того, что точка, в каком бы она не была образе самовыражения, остается тождественной самой себе в любой природе инобытия. Видов инобытия множество, но точка в них остается той же реальностью, за пределы свойств природы которой Вселенная выпасть не может. Точка – это только лишь то, что попало в поле зрения из-за ничтожности⁴⁵⁶ первородного греха человеческой природы, а потому и зреть мы можем только подобие себе – чувственное ничтожество, то есть точку⁴⁵⁶. Точка – зримое нами через призму греха реальная бесконечности. Именно по этой же причине, галактические монстры вселенной «видят» друг друга на расстоянии многих мириад световых лет, как самотождественное различие инобытия точки³⁸⁵. Ибо это зримое взаимодействие изначальных элементов природы простоты в пределах бытийной единицы³⁰³, усложнившихся в процессе эволюции до этого образа, воспринимаемого органами зрения человека.

1.0.-46. То, что подобно Богу во множественности граней и полноте проявления, является живым и только поэтому уже находится в возрастании и притом только через свое

своеобразно уникальное подобие Ему к абсолютно всеобъемлющей полноте Божественного. Известно, что мир – это единство и борьба противоположностей, в пределах коих происходит выражение всех свойств Его. А если этим понятиям дать иные имена, востребованные для обсуждения иной темы диамата, то есть о движении от простого к сложному, то получим, что мир – простота и её множественные усложнённости в пределах простоты. То есть усложненности, в общих формах проявления, остаются в тех же внутренних пределах подобия ей, простоты, как частное остается в пределах общего, ибо подобие рождает только свое же подобие. Иными словами, усложнённость возникает как внутренний процесс в пределах подобия простоте, как частное в пределах общего. Потому и подобие Богу возможно одновременно в двух реалиях и в простоте, и во множественной усложнённости оной¹⁵, ибо усложнение всегда может идти только в пределах подобия Творцу. Он остается законодателем всякого усложнения, в коем проявляется иное свойство Творца – многогранность. Но если развитие до пределов полного подобия Ему в усложнении в какой-то момент исчерпывается возможностями природы в данном свойстве, то эволюция в пределах данных реалий, чтобы продолжать идти к полному подобию Ему сворачивает с прежнего направления и ищет то свойство в своей природе, которое имеет способность к этому движению до полноты свидетельства. Но процесс становления будет всегда, в противном случае

жизнь невозможна. То есть сам процесс становления цепляет то одну грань естества, то другую. То общее, то частное в единстве и борьбе противоположностей. В зависимости от того, какая грань позволяет эволюции идти дальше к совершенству в Боге. То простота, то усложнение. То общее, то частное, ведь и то, и другое – составляющие одного.

1.0.-47. Тут лучше следовало бы прояснить ситуацию. Согласно математическому анализу, движение эволюционных токов всегда множественное и во всех направлениях, но оказывается в области нашего мировосприятия только то, что наделено вечностью. Ибо всякое временное, хотя и имеет место в бытии, но нам не известно или недоступно, так как оно ушло безвозвратно. В этом также соотношение общего(вечного, простого, общего, бесконечного) с частным(временным и ничтожным). Поэтому если есть эволюция развития в истории, то движение её стремится выразить как можно более полно то, что более вечно – простоту³¹². Простота вечна, а всеобъемлющее её усложнение в структуре – временно³⁸⁵ (такова природа человека, совмещающая в себе две противоречивые крайности). Отсюда вытекает очень важное для нас следствие. Чем глубже в природе происходит выражение Божественного, тем дольше по времени идёт адаптация Его свойств, тем дольше происходит возрастание до Божественной полноты – Бог абсолютно велик. Простота и сложность в процессе становления мира не исключают, но всегда дополняют друг друга, просто первое представле-

но общим и вечным, а второе частным и временным⁴³. По этой причине, чем лучше адаптирована простота, тем глубже и сложнее выражение оной в процессе эволюции на естестве жизни. Точнее будет сказано не «выражение простоты» в естестве жизни, а её способность пребывать в земных условиях наиболее долго. Качественно усложняется и совершенствуется только способность сохранять простоту в условиях окружающего мира и потому, повторюсь еще раз, усложнение идет в пределах простоты. Так как человек – самое совершенное и сложное существо на Земле (так говорят ученые), то отсюда следует, что процесс, не смотря на всю его простоту организма, усложнения в становлении эволюции к Образу Его в данном направлении происходил дольше всего и потому именно он появился раньше всех форм эволюции, сохранив в себе все элементы прежнего примитивного организма. Человек появился первым на Земле, если рассуждать с нашей позиции познания мира, пораженной грехом. Ни травы и ни иные живые существа, а человек первым возник в земных реалиях, распознаваемых природой несущей поражение грехом³¹³. Так как человек способен созерцать весь окружающий мир, то это говорит о том, что человек его родил. То есть множественный мир стал множественными ответвлениями от ствола эволюции человека. Вселенная вышла из человека, из его внутреннего мира³⁸⁵.

*****На основании всего сказанного, есть смысл по-**

вернуть освещение и исследовать самые общие моменты физики внутреннего мира материи. Человечество, в лице его научной элиты, пытаясь привязать научные явления к железной логике математического анализа, шло на хитрости, то есть включало в набор инструментов для суждений о мире такие понятия, которые по своей природе естества с логикой вещей никак не связаны, но они есть. Ученое сообщество гнушалось акцентировать на этом внимание, хотя без помощи этих инструментов вести расчеты процессов в природе не представилось возможным. К примеру, какова природа функций $\sin(x)$, $\cos(x)$? Или как распознать в окружающей реалии мнимое число, которое успешно используется в расчетах электрических цепей и подъемный силы крыла в аэродинамике? А ведь по большому счету, исходя из всех предыдущих суждений – это есть связь с потусторонним миром¹⁶. Но что это за связь? Как её пощупать рукой? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вооружиться соответствующим набором инструментов. В поле нашего зрения попадает только явление столкновения, на основе реализации коего мы смеем делать какие-то заключения. Исходя об определении об этом явлении столкновения имеют два вида: упругое и слипание. «Дело в том, чем глубже в природе происходит выражение Божественного, тем дольше по времени идёт адаптация Его свойств, тем дольше происходит возрастание до Божественной полноты – Бог абсолютно велик». В этих пределах разворачивается сюжет всякого взаимодействия

ствия, который, оказавшись в сфере возможностей адекватного наблюдения, с одной стороны смотрится как связь, а с другой стороны отторжение или взрыв. Хотя и то, и другое – суть столкновения, более Божественное выражается в более продолжительном взаимодействии по времени и выглядит как связь, как слипание. Что-то иное – упругий отскок – как временное и мгновенное. И то и другое остается в нашей сфере бытия Вселенной со своими именами, то есть не является потусторонним миром мнимой единицы, но только косвенным свидетельством о нем. Это высказывание нам пригодится при обсуждении общего плана физики внутреннего мира материи.

1.0.-48. Полнота Божественного возникла не где-нибудь и не случайно. Полнота Божественного – это имя живого, заключена в живом в пределах природы той тварности, которая была задана Богом ещё во Царствии Небесном. Полнота Божественного всегда была и остается условием бытия всего живого, её природой и даже первородный грех ее не упразднил, но только лишь воспалил. Теперь в рамках возможности падшей природы, в границах абсолютно ничтожного, эта бесконечная полнота может проявиться только и еще раз только бесконечно долго, то есть очень постепенно без нарушения цельности по законам (нежного) причинно-следственного механизма и в пределах нежной и слабой возможности отражать эту полноту более качественно и многогранно. Но это совсем не означает, что мы можем применять

свойства временного к природе вечности Царствия Небесного. Величина временности Царствия Небесного равна нолю, но Его присутствие имеет место быть. Это и есть точка, в которой слились противоречия в одно – присутствие есть, но величина временности равна нолю. Величина временности бывает разной от ноля до бесконечности. Очевидно одно, что время, как свойство грехопадения, не властно над теми высшими сферами, а потому изначально мы должны быть готовы к тому, что у этого мироздания две его составляющие: Царствие Небесное и то, что стало Его отчуждением из-за поражения грехом. И мы пребываем в обоих одновременно.

Вообще о Лосевском «первопринципе самотождественного различия» следует сказать особо. Всякая инаковость абсолютному постоянству или, иначе говоря, абсолютной пустоте становится различием или уникально сложившейся спецификой различия при сохранении прежнего тождества, что и становится тем изначальным первопринципом, который задает нам природу пространства. Просто математика – это тоже жизненная сфера³⁸⁵, как наименее значимая составляющая полноты, самый примитивный предел живого в самых упрощенных сферах маломерных пространств. Математик работает с материалом чисел, ибо первопринцип, посредством коего он изучает мир – число. А мы за первопринцип берём счастье Царствия Небесного, как основу жизни в богообщении. А в научном анализе пользуемся первопринципом грехопадения. То есть работаем в пределах среза уз-

кой береговой линии «берег-река». Нельзя сказать, что эти сферы Божественного явления равнозначны, хотя и в той и в другой выражается только одна и та же полнота Бога. Они не равнозначны в том, что счастье требует всеобъемлющего, неограниченного свойствами пространства, оное более качественно и более многомерное. Окружность – тоже живительная полнота, а значит живая, в противном случае, как наше подобие, она бы нами не воспринималась. Просто она, окружность, не является всеобъемлющей, а именно односторонней или узкоспециализированной полнотой. Это также как насекомое – оное несет в себе полноту, а потому это живой организм, но так как нет всеобъемлющей многогранности жизни, как у человека, то такая жизнь остается для нас вне должной полноты естественного межличностного общения. Иными словами, математика – это отпечатавшийся след босой ноги на чистом полу, а счастье – это уже целая радость бытия. И то и другое тождественны между собой в Источнике, ибо и то и другое есть человек, если человеком называть супра-Акт. То есть человек – более общее (и тому, и другому), то есть категория различия абсолютно постоянству пустоты разная. Но все равно, математика, так как несет в своих суждениях свидетельства о полноте Божественного (хотя в её функциональных пределах остается абсолютно ограниченной), то также подает признаки жизни, имеет живучесть, чем и привлекает к себе внимание людей. В противном случае, математика даже бы не возникла в бы-

тии как реальность. Вот основная мысль великого русского ученого А.Ф.Лосева, которую он развивает в своей знаменитой работе «Хаос и структура». Беда наша в том, что иногда мы ошибочно берем за основу не тот «первопринцип самотождественного различия», а потому пребывая в поисках Истины не можем увидеть то, что нас интересует. Если в исчислении за основание возьмем число «5», то будем видеть в числовом ряде только то, что делится на «5». То, что оказалось кратно 2,3,4 и так далее, в какой-то степени ускользает из виду. Но это не означает, что этих чисел нет. Так и в поисках Божественных Истин, надо сразу задавать первопринцип тождественного различия наиболее подобный Богу в полноте охвата¹⁰⁶. Тогда мир предстает без дыр, то есть в той же полноте восприятия (именно в такой кондиции пытаюсь погружаться в глубины ядерной физики). Именно по этому пути пошел пораженный первородным грехом древний человек в процессе своего эволюционного становления. Так как первопринцип тождественного различия был абсолютно многогранен и велик в полноте образа Божьего³¹⁴, то и выражение великое Бога в пределах земных ограниченных возможностей могло идти в более долгом временном промежутке(смотри 666-01-01). То есть человек возник самым первым на Земле, как пораженный грехом, и самый последний обрел то естественное для нас обличие к данному моменту эволюции, привычно воспринимаемое нами ныне. И это ещё не все, ибо, если сказать, что Бог – абсолют в величии, то эво-

люционное становление человека должно будет идти вечно. Проявление Божественного в данном ракурсе нас радует.

*****На основании всего сказанного, есть смысл повернуть освещение** и исследовать самые общие моменты физики внутреннего мира материи. Всё, что мы чувственно распознаем наделено некоторой степенью подобия Богу, а потому пребывает в родстве и нам – наделено жизнью, то есть такими характерными Ему чертами, как полнота и цельность по образу-подобию самого первого образа, сотворенного Богом. Сие не могло быть утраченным при исходе из бытия Царствия Небесного в бытие этого привычно воспринимаемого мира – из примитивного образа чувственно воспринимаемой пустоты в многообразные формы усложнений того же образа, то есть в пределах образа и подобия ей, пустоте. К примеру, окружности, специфического свидетельства о постоянстве в данной ограниченной природой узкой области инобытия, выделенной из всей всеобъемлющей многогранности. Благодаря этому образу ограничения в чистом виде, чем является точка, материя предстает перед нами в данном привычном для нас образе – в границах. То, что не имеет границ, то не имеет контраста, то есть безгранично чувственно нами не воспринимается³⁸⁵. Но данное утверждение не корректно. Я специально привел вновь эти суждения. На самом-то деле это бытие обязано своим существованием непосредственной динамике межличностных отношений. Человек, попавший в иную реальность, получил новые

формы речи богообщения. Человек, не смотря на грехопадение остался участником Предвечного Совета Пресвятой Троице в пределах Замысла Его. Но слова Творца теперь звучат иначе и потому ищет в окружающем мире то, что свойственно ему самому как личности. Ничего более, кроме общения с Богом, ученый любого направления исследований искать не может.

1.0.-49(1) Поиск Истины, что это такое? *Если мы стоим на позиции божественного постоянства и смотрим через призму свойств постоянства берега на течение вод изменяющейся реальности (относительности всего видимого), то в глаза нам бросается всё то, что несет в себе образы постоянства.* Так как жизнь – это постоянство, то мы замечаем только то, что востребовано жизнью в данных окружающих её условиях – многообразные оттенки постоянства⁴³, выраженные в некоторой уникальной специфике посредством перемен всего вокруг и пытаемся с ними работать, их использовать¹⁷. Это есть все то, что имеет твёрдость, прямолинейность, закономерность, постоянство в чем-то ином – к примеру, в окружности мы видим не окружность, а точку, как носитель постоянства и закон изменения. То есть посредством равноудаленных от центра точек, мы видим элемент постоянства кривизны линии. Замкнутостью кривой в окружности мы видим непрерывность и неизменность в цельности единства, как ещё одного имени постоянства. Это та самая неуничтожимая энергия, переходящая из одного

состояния в другое по Закону Сохранения Жизни. Так как только человек пребывать призван на Предвечном Совете в меру дозволенного Богом, то только ему ведомо о порядках Божьих и только ему через беседы с Ним известно каков мир Царствия Небесного. Поэтому мы отделяем разноплановые оттенки Царствия Небесного, явленные нам как постоянство, а именно её неуничтожимую энергию от вечно текущей природы опосредовано себя. Наш организм как бы вершит сравнительный анализ всего вокруг с Той Самой Частицей, Которая была вдунута Богом в лицо человечества. Пропуская через самих себя и по этим крупитцам как мозаику восстанавливаем прежний мир Божий Царствия Его и строим Его Царствие здесь и тем самым отвоевываем у смерти все новые и новые пространства. Божье наделено свойством неуничтожимости, что и стало Законом Сохранения. Таким образом, человек, имеющий в себе Частицу Бога, получает способность видеть подобие Ее вокруг и перестраивать под себя Вселенную, чтобы Его присутствие в Ней было Ему более удобоприемлемым. Это иное имя или иное определение межличностным отношениям Бога и человека **111-1-11.01**. Животное этой способности лишено, а потому для того, чтобы жить в процессе эволюции постоянно перестраивается под условия жизни в жесточайшем естественном отборе в борьбе за выживание. Животное берет какое-то свойство Божественного и опосредовано оно, свойства, утверждает себя в бытии. Так востребованными стали рога, копыта, шерсть,

мощная пасть и так далее. Бог человеку дал не свойство, а Частицу Самого Себя, чтобы мы могли видеть Её сущностное естество во Вселенной, ибо подобие познается только своим же подобием. Человек рожден в радости Царствия Небесного и потому быть счастливым – естественное состояние для него и Частицей Творца он утверждает радость, благодаря коей и держится мир. Зла, как такового нет, но есть ложное позиционирование себя при созерцании мира. То есть если мир виден как разрушение, то это означает, что мы не видим радующее сердце движение к лучшему, мы не видим перестроение из одной формы в более совершенную другую. Хотя это естественно для природы в процессе возрастания ее до подобия Божественному, а вот это-то нам закрыто ограниченностью греховной природы. Ибо, если мы зрим мир через границу в чистом виде, то есть через точку, то видим ее подобие вокруг – границы, свойственные формам. А также видим через абсолютную ничтожность греха множество его прообразов – множество ничтожных частиц. Поэтому мы вычленим из окружающей Вселенной радующее возрастающее Естество подобия Ему и отбрасываем все то, что мешало перестроению. Именно по этой причине, всякий научный анализ привязан не к воспринимаемому естеством греха греховной бесконечности, но к околонулевому участку такого пространства и призван искать естественное сопутствующее счастью – отсутствие греха, то есть призван в закономерностях видеть Того, Кто эти закономерности по-

рождает. Научный анализ всегда мотивирован утверждать жизнь вечную. Именно по этой же причине, Сын Божий часто помятует о Духе Святом и оставляет Его на людях, как теперь уже новую Частицу Божественного, позволяющую видеть Путь ко спасению в вечность.

*****На основании всего сказанного, есть смысл опять повернуть освещение** и исследовать самые общие моменты физики внутреннего мира материи. Изначально, проводя исследования, мы позиционируем себя с околонулевым участком пространства. То есть нам не важно, что именно творится с явлением или функциональной зависимостью в бесконечной дали, но только то, что в пределах ноля, в пределах нашего естественного подобия – человек является переходным звеном в потусторонний мир через начало всех начал. Мы видим мир только в пределах этого участка Вселенной – то есть все то, что вращается или колеблется вокруг точки всеобщего равновесия Вселенной – волны и то, что они испекудую – атомы. Прибегаем к расчетам, задейсвую влияние иногo бытия.

1.0.-49(2). Так как, ввиду отсутствия греха, ограничений во грехе во Царствии Небесном нет, то до грехопадения человек мог созерцать только внутренний мир Вселенной, он видел не внешние границы, как мы ныне, а само наполнение форм. (Именно по этой причине русские иконописцы на иконах не изображали тени, ибо точка и граница форм остаются частью одного единого целого, там Во Царствии Небес-

ном все есть и жива каждая душа пребывает в межличностных отношениях) Но замысел на человеке не изменился по грехопадению и ему, как прежде, чтобы жить надо продолжать видеть только внутренний мир Вселенной только уже не только в непосредственном богообщении, но и опосредовано внешнего, а именно формально законов поведения фигур³⁹¹. Беседа с Творцом теперь происходит в иных реалиях. В этом наш образ и подобие Богу, который сердцеведец есть, ибо видит то, что творится в душе человека – Он сердцеведец есть. Как это явлено на природе человека?

Мир нашего мировосприятия после грехопадения – граница. А потому в каждой микроне бытия Вселенной две составляющие её природы и одна из них постоянная, как мы знаем (берег-река). Одна из них естеством ближе к Богу, а потому наделена определённым спектром свойств Божественного. Приобщая себя к этой реалии для созерцания на Вселенную, мы как бы смотрим через призму абсолютного постоянства и замечаем только лишь то, что наделено этим свойством в бесконечной переменчивой Вселенной. Абсолютное постоянство в этих островках выражено разнопланово и разнообразно, благодаря этому мир предстает перед нами в Божественных красках. Мы видим только островки постоянства также, как в абсолютно черном фоне или в абсолютной темноте мы видим только источник света, как напрямую, так и во множественных отражениях. И то, и это в земных условиях имеет значение, как разные образы богообщения

ния и разные составляющие всей полноты богообщения:\

– непосредственное общение с Личностью Предвечного Совета;

– общение с Ним через проводники к Нему, через носители Его сущностей.

При этом надо сказать, что без непосредственного общения с Личностью Предвечного Совета человек начинает впадать в крайности и гибнет. Без общения с Ним через посредники нет полноты жизни в ином проявлении, а потому каждая фибра человеческого организма – это инструмент для общения с Богом в радости, в противном случае, всякая из них даже не возникла бы в реальности. Эволюция имеет только такое направление – более лучше видеть (быть в межличностном общении с Ним) Творца даже через посредники. Если Бог – торжество жизни, то природа под это торжество подстраивается. Она подобно художнику карандашом одного цвета, в рисунках коего белые места остаются не тронуты, а с помощью все более и более совершенной игры теней, то есть гармоничных усложнений, старается показать некоторые смысловые оттенки белого (смотри 3 том п. 3-2.7.-1.).

Это нужно для того, чтобы сберечь присутствие Божественного в первоначальном образе и удобоприемлемо адаптировать Его бытие в данной реальности, благодаря чему жизнь присутствует в земном бытии. И то и другое важно для правильного обоснования научной доктрины. То есть, если взять за основу понятие лосевского первопринципа, иными словами,

постоянство ноля, то перед нами возникнет исповедь о ноле во множественных функциях многомерного пространства (иными словами, как корабль назовёшь, так он и поплывет). Мы просто посредством функций даем разные имена нолю. Это важно, ибо именно этот первопринцип заложен в нашей природе человека – ведь именно с дуновением Бога в лицо Адама вошёл в нас первопринцип Божественного со всем его спектром свойств.

Нерушимость – это ещё одно имя постоянства. Так как мы несем в себе образ и подобие Божье, то нам востребовано для жизни только созерцание внутреннего нерушимого мира и приобщение к нему, а не к его внешней форме³⁹¹. Ту составляющую, которую уничтожить невозможно, мы разрушить не сможем, а ту, которая может быть разрушенной, разрушаем, оставляя то, что непорушаемо, в поте лица добывая себе этот неразрушаемый хлеб насущный, утверждающий в нас хоть какое-то приобщение к вечности в условиях земного бытия. Итак, подобно Богу, нам жизненно важно быть сердцеведами, созерцать внутренний мир Вселенной, то есть то, что мы делаем, разрушаем Вселенную извлекая из неё внутренний мир – это естественная потребность человека иметь образ Божий, без которого он жить не сможет. То, что было естественно для человечества во Царствии Небесном до отпадения из его пределов из-за греха первородного (Вселенная, на самом деле – это внутренний мир), теперь стало трудом в поте лица – мы разрушаем форму, что-

бы быть приобщенными к тому же внутреннему миру Царства Небесного. (Но опять же, если есть молитвенное общение с Богом, ибо, в противном случае, разрушение Вселенной обретает противоположный знак, становится преступлением). То есть наш человеческий образ Божий в том и лежит, что мы подобно Богу с помощью организма человека можем входить в общение Ним через внутренний мир материи и Вселенной³⁹¹.

1.0.-50. Это мы рассмотрели тот случай, когда мир созерцается с позиции Божественной высоты, с постоянного берега на текущие воды реки. *Если же мы смотрим на берег со стороны всеобщей относительности и движения вод, то родственного движению там на берегу, в абсолютном постоянстве Божественного нет ничего – перед нами восстает абсолютная пустота греховного движения.* Так как нет ничего соизмеримого с нашей чувственной греховной природой (или же эта соизмеримость ничтожно мала), то нам кажется, что Бога нет и, созерцая пустоту, становимся материалистами. В этом отличие теоцентризма от антропоцентризма, свойственного уже поражению от грехопадения. Теоцентризм – это когда собственное эгоистическое естество пребывает в естественном для Вселенной месте – в Центре мира (единственное оправдание эгоизму, ибо позволяет видеть в себе временное и греховное) и потому предполагает единство всего в Любви и творение Вселенной абсолютно постоянно и вечно.

Более наглядно это видно из следующего. Перед нами живой организм яблока, упавшего с ветки. Так как оно живое, то наделено такими свойствами, как постоянство, хотя и относительное (ибо когда-нибудь оно загниет). Ибо если мы разрушим ткань клетчатки этого фрукта для познания его, то, как продукт оно тут же начинает гнить. То есть в погребе до следующего сезона оно уже не доживет. Яблоко также наделено чувственно воспринимаемой пустотой, ибо, если мы не разрушим ткань фрукта, то вкусовые качества мы так и не распознаем. То есть яблоко для нас – вкусовая пустота до того самого момента, пока мы не разрушили клетчатку его мякоти, если так можно выразиться. Яблоко наделено ещё одним важным свойством – оно едино есть. Если его разрезать или нарушить это единство цельности, то, как мной уже сказано, оно испортится. Также как единство начала и конца – важное условие цельности, а значит жизни667766?????. Если, к примеру, началось развитие растения из семени, то это начало едино с концом этого развития – цветком. Если это единство цельности нарушить, то сие не есть уже образ единого Бога, а значит жизнью это растение уже не назвать – растение погибло, как утратившее образ Божий в свойстве замкнутости, а потому не дало созревших семян и осталось навсегда в прошлом. В этом же ключе работают и другие имена Божии: замкнутость тождественно единому в нашем случае; полнота образа; упругость; корпускулярные свойства777-01-7.1. Итак, постоянство тождествен-

но пустоте, тождественно, замкнутости, тождественно полноте, тождественно единству, тождественно упругости, тождественно Закону Сохранения (смотри 777-03-01), тождественно всем формам устойчивости. Все это – разные имена Божии¹⁸ 777-02-7.1, разные свидетельства об одном и том же – это жизнь.

*****На основании всего сказанного, есть смысл вернуть освещение** и исследовать самые общие моменты физики внутреннего мира материи. Итак, в нашей теории определились важные определяющие внутренний мир материи. Единое, постоянство, пустота, замкнутость, полнота, устойчивость, стабильность, упругость, сохранность, корпускулярные свойства. Если Бог есть, то все эти реалии должны присутствовать, быть свойствами материального мира, как характерные личностные черты Его. Творение Бога, представленное нам как внутренний мир материи – это есть жизнь. С позиции живого, то есть через призму своего внутреннего мира мы созерцаем мир и ищем свое подобие и находим в нем характерные черты свойственные только личности, которые оказались в поле зрения научного анализа в виде Закона Сохранения, в виде множественных математических формул. Как ни странно, но всякое учение, известное человечеству – это специфическое выражение личности в природе материи. Это никак не попытка создать многобожие язычества. Это попытка приручить разрушенный грехом мир, это попытка любить Вселенную, чтобы вернуть че-

рез себя ее Богу в преображенном образе и представить ее на Суд Ему.

Конечно, некоторые скажут о том, что у такого научно-поиска есть мотивация поиска Божественного ради воспитания людей нравственности, но к науке сие не имеет никакого отношения. Они скажут, что наука – нечто независимое от жизни и её прихотей, нечто само по себе определяющееся. Тогда зачем заниматься научными поисками, если, во-первых, искать не то, что нужно жизни для победы её над смертью и, во-вторых, не использовать научные открытия для утверждения живого там, где без научного прогресса сие невозможно. Новые формы межличностных отношений с Богом, явленные в виде научно-технического прогресса – это возможность побеждать смерть там, это возможность отвоевывать у нее новые пространства. И с другой стороны, сам по себе научный анализ в любом его виде – это чистой воды биологическое, привязанное к физиологии, ее гармоничное продолжение. Это потребность живой души¹⁶.

1.0.-51. То есть человеческое эго должно пребывать в центре всего мироздания, тогда оно теряет разрушающую силу. Если до грехопадения сие было естественным проявлением жизни, то после него ради сохранения того же естественного порядка, при котором человек пребывает в прежней полноте счастья Царствия Небесного, востребовано понуждение себя к подвигу стояния на высоте – в поте лица. В поте лица человек в пределах дозволенного Богом удерживать призван

своё эго возле Божественного Предвечного Совета, то есть быть рядом с Богом в послушании Ему и сослужении Ему в пределах дозволенного, ибо только на Этой Высоте ограниченные тварной природой возможности человека имеют вселенское значение. Хотя надо сказать, что человек высокого смирения с Волей Божьей, как раз удерживает свое эго с Творцом.

Антропоцентризм – это когда эго людей утратило своё Богом определённое место, а потому утрачено первозданное благолепие, обуславливающее мирное состояние духа, готовность к подвигу и потому начинаются поиски прежнего естественного бытия. Только пребывание в радости, причем только в радости Божьей может толкнуть человека к жертвенному служению. В то время как всякий поиск наоборот сопряжен с борьбой за выживание, то есть в поиске нет главного – любви, ибо единство людей в Боге – ещё одно имя любви. А потому, если в пределах этого единства, все вокруг было совместным подвигом, то вне этого единства – все бесконечно относительное вокруг и переменчивое становится предметом раздора. Вне единения всё вокруг движется и изменяется, несётся не понятно куда. Так как всё вокруг преходяще, то неизбежно провоцирует заунывную мысль из ада о бессмысленности всякой деятельности – всё устроенное не во Царствии Небесном, а в сфере перемен всеобщего тока, все равно будет разрушенным. Ведь в пределах временности всего не распознать масштабы Божественного Промыс-

ла, Его Божественной величавой красоты, а чтобы это человека пребывало на законном для Вселенной месте нужно понуждать себя, то есть нужен, повторюсь, труд в поте лица и терпеть скорби. То есть я не против законов диамата и даже материализма, а просто хочу поставить его в определённое Богом месте после грехопадения. Диамат самопроизвольно встанет на свое Богом откровенное место.

1.0.-52. Итак, как уже сказано выше по содержанию, жизненная, жизнеутверждающая полнота может реализоваться двумя способами. Это когда один стоит высоко на вершине и созерцает полноту Божьего мира с высоты как на ладони (мир оказывается вмещённым в пределы возможности мировосприятия), а другой – в низине, в долине созерцает и описывает все, что открыто вблизи, вмещая эту же полноту, открытую с высоты малыми частицами, удобоприемлемо. Оба варианта восприятия Истины важны для адаптации полноты Божественного в земных условиях, только в разной приоритетности перед вечностью души. А так как в обоих случаях речь идёт о животворной Истине, то оба они неизбежно должны присутствовать в природе человека. Также как на судне далеко в море каждый ответственен за жизнь корабля и каждый, пребывая на своем месте утверждает бытие всех, но приоритетность в субординации – тоже важная грань торжества живого над смертью.

Так как в непосредственной близости всеобщий обзор полноты не доступен, а жизнь без полноты невозможна, то

живое, чтобы жить, «выкручивается» (соблюдает Закон Сохранения Образа), то есть оставаясь в пределах своей искаженности или ограниченности набирает жизненно важную полноту иначе – простым последовательным перечислением, постоянными «дорисовываниями» и добавлениями к опытно известному уже, основному контенту старых знаний и опыта. Описанием всего того, что открывается в пределах плохих возможностей падшего с вершины человека. То есть достигает совершенства, причащается к полноте естества живого не сразу, как это было во Царствии Небесном, а удобопостепенно, последовательно порционно в соответствии с Божественной субординацией приоритетов ценностей (по образу змия) и в пределах образа Его. В данном случае и в данном срезе созерцания точка, а также и то, что как-то иначе выражает полноту Божественного в прообразе точки, тождественны через то, в чем они едины – в Начале начал, то есть в причине обоих. Просто различные природы дают различные образы одного и того же. А так как и то, и другое пусть даже односторонняя, но все равно полнота, то жизнь начинает бить ключом даже в таких пределах и в данном срезе мировосприятия предстает перед нами как оттенки личности.

Просто, в данном случае, конкретно эта сфера-область бытия может свидетельствовать о Божественном только прямолинейно прямой линией, неся в себе постоянство, как характерное свойство Бога, посредством неизменности на-

правления 777-02-02. Но, если говорить о функциональном просторе, естественному математическому анализу (аналитическому восприятию Бога), то в озвученных пределах существуют и другие сферы-области бытия, природа которых способна нести то же самое Божественное свойство с помощью иных форм постоянства. К примеру приращение. Приращение, не смотря на свой образ Божий в постоянстве, может нести любые абсолюты максимума. И получается только одно, что абсолютная первообразная будет точка или прямая, из коих все производные определяют весь спектр многогранности окружающего мира.

Иными словами, перед нами сфера, в которой мы можем распознавать реальность Бога несколько косвенно. Мы видим только то, что оказалось в поле наших физических возможностей созерцать. А именно все то, что имеет прообраз линейности. Причинно-следственный механизм.

Какая-то иная сфера, имеет иную природу с иным набором свойств и качеств, посредством коих исповедуется Божественное. В ней могут быть иные рисунки с иными формами выражения постоянства, а так как Божественное наделяется вечностью постоянства, то и производное его будет тоже рождаться постоянно. Это никак не разовый акт, а вечное истечение, попавшее в поле наших возможностей обозревать окружающий мир. В поле наших возможностей обозревать Бога попадает только Его производные. Почему? Потому, что сам организм человека – это производное эволю-

ционного становления мозга. Ум был прежде всего и он им остался, только имеет вот такое видимое выражение. Подобное познается подобным, а потому производное ума видит только производное Бога. Это более развитые формы межличностных отношений человека с Богом.

Итак, перед нами точка (или прообраз ее), постоянно источающая энергии. Точка источает пространство, но в поле нашего зрения оказывается только то, что подобно нам. Мы зрим Источник через ничтожество абсолютной ограниченности (точку) и видим свой же прообраз, также абсолютную ограниченность – точку, прямую или тот же образ, но только в иной среде(смотри 777-02-02).

Главное, что пред нами опять встает два в одном. Точка имеет множество степеней свободы (в потенции) и в то же время не имеет никаких степеней свободы вообще, то есть она – граница в чистом виде (луч причинно-следственного механизма только одну степень). Сама по себе прямая причинно-следственного механизма – это такая природа, которая стала уже следствием чего-то первообразного. Это уже много раз сказано, но вот противопоставлять ее своей же первообразной будет заблуждением. Первообразная этой природы имеет иное естество и остается в пределах своей же производной. Они никак не взаимоисключаются. При начале движения из состояния покоя мы имеем дело с ускорением. Каково оно по природе? Подобное порождает только свое же подобие, а потому всякое движение довольно про-

должительное время остается покоем (всякое начало движения не есть еще движение). Время уже идет, а движения нет. Иными словами, перед нами приращение, которое имеет значение стремящееся к бесконечности. Просто это остается в пределах природной возможности данного бытия терпеть такие перегрузки какое-то время. Это состояние природы мы назвали бытийной единицей. После, вступают в силу уже иные грани бытия. В результате, мы видим равномерное движение.

Эти разрозненные фрагменты мозаики также чуть позже будут востребованными в общей картине и потому мы отложим его пока в сторону, чтобы воспользоваться им и вставить в нужное место.

Бог, сотворивший всё вокруг, мог создать только Свое подобие, а потому все это также живое и также для своего бытия требует Его полноты, при этом всей божественной полноты Царствия Небесного – таково условие жизни. Бог опосредовано Солнца стимулирует и поддерживает в земных реалиях активность жизни. И живительная полнота обладания Божественным, как неотъемлемое условие бытия живого, пребывает в условиях среды, которая неизбежно либо покушается на эту живоносную полноту и стесняет её, либо ей пособляет животворно. Плохие условия внешней среды сужают пределы внешней манифестации жизненной активности, стимулируемой Богом опосредовано Солнца и, наоборот, хорошие условия расширяют эти грани. Но в обоих

случаях вся полнота Божественного пребывания Царствия Небесного хоть и с ярко выраженной односторонностью, но остается той же, ибо она есть ещё одно имя жизни, пребывающей в обоих случаях. Иными словами, если говорить о жизни, то надо говорить о межличностных отношениях человека с Богом. Все есть речь Бога к человеку.

Это выражено ещё и по-другому. Так как полнота Царствия Небесного является условием живого, то мы имеем два варианта. Когда многогранность этого бытия пребывает в самых зачаточных состояниях всех эволюционных токов, тогда вмещать в себя, в свои природные возможности охвата живительную полноту данной зачаточной кондиции естественно и потому относительно легче (она имеет бытие близкое к вечности). Такая форма жизни нами не воспринимается адекватно в привычном общении (она есть везде, к примеру даже на Марсе). Это первый вариант. Второй, когда эволюционные токи, стимулируемые Творцом, имеют такой предел срока развития, за гранью которого вмещать в себя живительную полноту Божественного, посредством прежнего набора свойств и возможностей природы становится затруднительным. Мы видим его в каких-то оттенках односторонности выражения, но не более того. А так как живое требует своего развития, как свойство жизни (а за пределы свойств оно выйти не способно), то наступает момент такого стеснения, в коем развитие преступает пределы, за коими начинается утрата полноты и последующего за ним дальнейшего

визуально обозреваемого разрушения. Так полнота выражается в ограниченных возможностях естества. Так как она есть жизнь, то она есть полнота. Но полнота в определенных пределах возможностей свойств данной природы, эту полноту выражать. Иными словами, в данном случае, эта полнота не является всеобъемлющей в абсолюте Божественного. Эта полнота во всеобъемлющем феномене явится в иных промежутках времени, ибо Божественное ввиду абсолютного своего величия требует этого бесконечного растяжения времени. Сбрасывая семена в землю, растение, тем самым, дает возможность дальнейшего возрастания до большей всеобъемлющности в образе живых организмов млекопитающих, тем самым развитие³⁹², как условие и естество жизни, остается в природе бытия. То есть надо сказать, так как Бог вечен, то путь возрастания человека к более многогранной полноте тоже вечен и, так как ничего в Божественном не является преходящим и временным, то и не может закончиться физической смертью, он просто не укладывается в органические возможности природы воспринимать Его Полноту. Поэтому визуально воспринимаемое разрушение ради дальнейшего движения к большему причастию к полноте Истины становится неизбежностью в любом случае. Но это только лишь перестроение в более совершенную форму, созерцаемое ограниченной грехом природой как разрушение. (Недостаточное причастие к Богу в данный ответственный момент приводит к преждевременной смерти). Но, повторюсь, это

только визуально воспринимаемая остановка жизни, ибо если есть возрастание, то живое не прекратит своё бытие даже после визуального разрушения, то есть физической смерти. Такими слабыми мы стали после грехопадения³⁸⁵.

Просто для жизни оказываются важными все виды полноты свидетельства о Боге и они, в любом случае, будут специфически сложенным, уникальным проявлением жизни: и точка вершины (как носитель полноты), и процесс становления (как движитель к полноте). Именно это выражено на схеме процесса продолжения жизни: семя-организм-семя¹⁹. Каждая сфера-область (смотри 777-02-02) этот путь свидетельства о Боге всегда проходит в пределах своей способности природных свойств Вселенной и естественен в области для данного греховного состояния человека, ибо грехопадение, как событие особой трагичности, должно было оставить печать на каждой йоте мироздания, а не только на флоре и фауне. Таким же образом, в пределах своих природных возможностей Вселенная была способна свидетельствовать о явлении Христа народу – закономерная реальность жизни. К примеру, когда Спасителя распяли на кресте, разверзлась земля и мгла поглотила Иерусалим с шестого часа по третий. Более никак окружающая природа об этом беззаконии исповедовать не могла (смотри 777-02-02). Это речь Бога, обращенная к личности человека⁴⁵⁸. Ученые мира ищут Истину в своих исследованиях, но на самом деле имя этому иное – по-

пытка понять речь Бога, обращенную к человеку. В данном случае, эта речь призывает человека покаяться и следовать за Христом. (07.01.00)*Надо заметить, что мы видим здесь образ человека. Бог говорит человеку слова Свои, которое человек узнает, так как они сообразны Личности. Человек слышит их и понимает эту речь.*

1.0.-53.В Священном Писании Бог творит Адама. Адам беседует с Богом, Потом общается с Евой. То есть перед нами Личности и межличностные отношения. Ничего более во Вселенной нет и быть не может. Все вокруг нас – это речь Бога, обращенная к человеку. Все вокруг в пределах Этого Предвечного Совета и вне Оного быть ничего не может000-111.

Все известные мыслители Греции дохристианских времён (вплоть до появления святых отцов Каппадокии, святого Максима Исповедника и их последователей) частному придавали значение общего или наделяли грехом Божественное. Каждая научная доктрина – часть Истины, имеющей ограниченную область определения, за пределами коей данное учение становится ересью и заблуждением. Самое сложное и трудное – определить границы области функциональной продуктивности учения, в пределах коих она имеет значимость как Истина. Именно это запредельное смешение по неведению является зерном содомского греха. Распознать границы – самое сложное и важное.

В Священном Писании, как уже сказано, мир – это Лично-

сти и отношение между ними. Мир един, а потому одна личность может говорить другой личности только одно «я тебя люблю». Только это делает мир единым. Абсолютно все вокруг несет в себе смысл этих слов. В противном случае мир бы рухнул. Общеизвестно, что каким бы истинным утверждение не было, оно всегда несет в себе фрагменты двусмысленности, из-за чего все вокруг наделено относительностью истины. Это и есть главное зло. А с другой-то стороны, любящему сердцу как раз это на пользу, ибо в любом, даже самом категоричном отрицании оно ищет и найдет то, что ему нужно. Сердце идет по этим водам, как по суше. И вот тут-то как раз всеобщая относительность работает на руку. Любовь ищет и видит иное, видит путь жизни даже там, где его умозрительно нет. Сердце видит путь жизни в будущее и этим руководствуется и именно это движение в будущее к Богу и есть сущность любви. Девушка любит не физическое тело, а то, что оно в себе несет – она любит то, носителем Кого он является. Эту мысль мне подсказал не великий А.Ф.Лосев, а простая ученица старших классов, юная поэтесса Диана Ключикова из маленького подмосковного городка Чехова. В Священном Писании Бог смешал языки строителей Вавилонской башни. Люди придавались значению слов умозрительно, а не сердцем. Только любящее сердце способно понимать речь ближнего своего, даже если он говорит на ином языке и на бесконечных расстояниях. Все во Вселенной по природе есть речь, обращенная

Богом к человеку. И слышать эту речь дано только ему. Кажется бы мир полон хаоса и человек должен тонуть в нем, но любящее сердце слышит иное и видит путь к Нему, что позволяет ему идти по водам. Ум говорит одно, а любящее сердце созерцает иное.

В этом же прообразе, нам, как ученым, надо отделить одно от другого не ради того, чтобы отбросить, как это востребовано молитвой, «... ибо если природа Единого порождает всё, она не может быть ничем тем, что она порождает» (Дионисий Ареопагит), а ради того, чтобы поставить одно и другое на свое Богом откровенное место. То есть важно не спутать Божественное с Его творением, важно не спутать голос Божий во Царствии Небесном с голосом змия-искусителя. Нам, как ученым, надо отделить одно от другого не ради того, чтобы отбросить, как это востребовано молитвой, а для того, чтобы определить место всякой научной доктрины в общем строении божественной субординации Вселенной. Эту мысль надо запомнить, ибо, хотя она звучит на понятийном языке Библии, но с ней важно подойти к обсуждению самого dna поисков человечества, в котором оказались ученые современной науки вообще – общих принципов квантовой физики. Точнее она станет тем основанием, на котором будет выстроен тот общий вид внутреннего мира материи, который открывается с высоты Божественного. Это важно потому, что за границы этого вида исследователь микромира выйти не сможет никогда. Он так и останется в

пределах его.

Созерцая Бога Троицу можно в Нём Самом найти все ответы на поставленные вопросы, спрогнозировать то, каким должен быть мир после грехопадения и более того можно спуститься ещё более глубоко – туда, где ныне копошится современная квантовая физика и указать область её функциональной значимости, вне коей она силу теряет.

Всякая микрона бытия как-то заявляет о Творце, благодаря чему она существует. Божественное, как естественное Царствия Небесного, после грехопадения человека выразилось в иных явлениях многогранности и образах единства, а также целостной замкнутости³⁹². Иными словами, надо помнить о том, какими бы причудами проявление Его не представало перед нашим взором, за пределы свидетельства о Божественном в бытии ничто выйти не может – все остается в границах Его бытия и подобия, ибо вне Его нет ничего во всех смыслах. Он Один и выражение Его в Им же сотворённой природе мира не будет иметь какого-то иного образа, но только того же прообраза одиночества. Центр один и всё в Его творении будет стремиться к единству в одиночестве по любому общему признаку единства. То есть естество Божественного (представленного как общее) в каждой микро-не (представленного как частное) остается не разрушенным во всем окружающем веществе, как неделимое и не поруганное³⁸⁵. Это не новое утверждение, а ещё одно имя Закона Сохранения. Закон Сохранения работает в следующем по-

рядке: если мы меняем позицию мировосприятия, то все в этом бытии переходит из одного состояния в иное. То есть в природе, искажённой грехом, Божественное присутствие не утрачено и, более того, остается в прежней кондиции. Да, мир перевернулся, перешел в Лосевское инобытие, но замысел о нём, суть его, и естество остались тем же³⁸⁵. А потому эта общая для всего вокруг составляющая в нашей искажённой грехом человека Вселенной (благодаря Его неизбежному влиянию) порождает единство, выраженное в естественном для этого поражённого грехом мироздания ракурсе – того же самого единства, но уже растянутого во времени, а именно всеобщего причинно-следственного механизма во множественных гранях своего оформления³⁹². Это то же самое единство и то же самое Царствие Небесное, только теперь после грехопадения оно явлено в принципах непрерывной цепи всеобщего причинно-следственного механизма. Как бы вписывается в умозрительное мировосприятие. Иными словами, все мы схожи в том, что в нас происходит движение, обозреваемое чувственной природой после грехопадения, толчком которого было общее единое, распознаваемое нами природой, ограниченной, воспаленной первородным грехом (о чем так много говорили многие мыслители всех времён, правда иной раз путали возникновение первородного греха с Божественным Промыслом). Даже если предположим, что мир был всегда и нет у нас одного общего толчка, как утверждают представители крайнего материа-

лизма, то, безусловно, и вне всяких сомнений, светит Солнце и стимулирует токи жизни в различных формах активности, оказывает влияние на все формы развития. Солнце остается посредником между Вечным Творцом и нами, а так как иного посредника нет в бытии, то мы неизбежно несем образ и подобие этого посредника – Солнца. Мир состоит из множества сфер-областей, каждой из которых свойственно выражать Бога по своему своеобразно. В одной из таких сфер-областей (смотри 777-02-02) Бог явлен границей в чистом виде – точкой. В этой сфере человек несет в себе прообразы Бога, которые напоминают нам об этом Начале начал – о точке и Солнце как раз и есть тот самый первообраз, образ и подобие коего мы все в себе несем (смотри 777-02-02).

Иные сферы-области бытия представляют нам Творца в соответствии с природными свойствами оных. С одной стороны, в нас идут множественные течения, а с другой стороны, мы несем в себе природу постоянства в абсолюте⁴³. Бог вечен, а потому через множественные творения Его мы чувственно видим Его, в том же числе через Солнце. Потому мы видим Бога через различные формы этих движений и их множественные сочетания, выраженные в многообразии флоры и фауны. Но даже многообразие форм движений неизбежно остается в пределах образа и подобия Источнику, как подобие рождающее только свое подобие. Иными словами, в каждой сфере-области бытия свое выражение Первопричины. А так как все они исповедуют этим только одно,

общее для всех их, то каждый образ выражения не противоречит всем остальным, а дополняет. То есть порожденное Солнцем, порожденное образом Единого всегда будет единством, рожденным от своего подобия – от единства, собственного источнику (Солнцу), только иначе выраженное во множествах многообразных форм и иначе воспринимаемое, воспринимаемое нами как флора и фауна, но всегда в пределах образа и подобия источнику. (07.01.00) *Так как сам человек несет в себе все эти сферы-области бытия, то вобрал в себя все эти образы, которые не противоречат друг другу, а взаимно дополняют. Благодаря чему, человек остается собеседником Бога посредством этих составляющих его природу. Сама Вселенная идет к Богу через человека, подчинением человеку соотносясь его внутреннему миру Царствия Небесного (так возник научно-технический прогресс).*

Духовники Церкви очень часто говорят сердцем, что выпадает из поля умозрения или высказывания становятся не корректными⁴⁵⁸, а народ разный и иной раз уже сердцем не слышит. То есть, если мы из дерева сделали ложку, то она наделена теми же свойствами, что и сама древесина. Ложка от этого не стала металлической. Если мы сделали из дерева гвоздь, то забить молотком его в доску мы не сможем. Поэтому всякое производное наделено только свойствами своей первообразной и потому остается в сфере своей первообразной. (07.01.00) *Именно по этой причине следует говорить о том, что во Вселенной зародилась жизнь человека*

в следующем порядке: сначала мозг, далее сердце, а потом остальные части тела. Этот момент объясняет нам то, как вышла флора и фауна из человека.

Если мы скажем, что атом думает, то это высказывание не будет научным, ибо в данной сфере анализа (смотри 777-02-02) это свойство никак не работает и атом, а точнее то, что перед нами явлено, есть чисто механика. Атом – имя Ему, данное в узкой сфере-области бытия (смотри 777-02-02). Трамвай едет по рельсам из пункта А в пункт Б. Но в нем едут пассажиры. Если мы будем учитывать то, о чем говорят люди в трамвае, то это не будет вписываться в расчеты о том, где будет трамвай через такое-то время. Это никак нельзя смешивать, но в данном случае одно остается дополнением другого. Да и мы не сможем учесть, ибо законы кинематики не распознают душевные порывы людей – это иная сфера-область бытия, в коей уже иные наборы инструментов выражающих Божественное (благодаря этому в этих сферах-областях мы видим бытие). Сфера-область, в коей порожден мир, так и остается носителем его. Этот мир в пределах этой сферы никак не может стать инородным сфере, то есть будет существовать по законам этой сферы и в ее пределах. Мы не сможем линейкой измерить смысл речи собеседника, ибо это разные сферы-области бытия, которые дополняются совсем иначе, а не противопоставляются (как в этом примере). Поэтому, если сказать, что святой идет по водам, как по суше, то лучше сначала говорить о природе иного происхождения, которая рас-

познается несколько иначе, иными инструментами. Если мы посмотрим на движение автомобиля по городу, то увидим, что он постоянно куда-то заезжает, где-то останавливается. Сама поездка подчиняется законам физики, зато все остальное выражает чаяния душевных порывов, служебными обязанностями водителя или любовью. Тут закон физики не работает и перед нами с точки зрения физики – просто хаос. Для физики порядок – это когда автомобиль движется с одной скоростью из пункта А в пункт Б. Но именно этого нет, но есть движение по семейным делам. Мы это понимаем, не смотря на хаос в движении авто по городу. Ум не протестует. Точно также следует преподнести и другое нарушение закона природы – хождение по водам. Иными словами, без этой работы поиска происходит отторжение от веры. Ребенок, в младенчестве, нуждается в нежной пище, чтобы потом уже будучи взрослым осваивать более грубые носители энергии. Очень часто этими детьми оказываются взрослые преклонного возраста.

Просто надо искать то в природе физических явлений, что может гармоничнее сочетаться с природой духовного мира и более качественно его дополнять. Именно так возник, к примеру, мир электроники, к чему духовенство Церкви оказалось не готовым и из-за чего пошло такое повальное отступление от неё.

Солнце и земная жизнь «самотождественны в различиях». И данное специфическое оформление активности

Солнца и его единства, выражено в жизненных процессах Земли и имеет вид единого во всем²⁰. Например, прикасаясь к живому растению, мы трогаем Солнце. При этом безопасно, то есть не получаем ожог. Тем, чем родилось живое, тем и кормится, ибо только оно усваивается, как естественное по природе. (07.01.00) *Так как грехопадение человека – это есть утрата и сохранение естественного положения человека в Пределах Совета Троицы, то обе составляющие являются нам в реальности. Одна из них чувственно постигаемая, а другая умопостигаемая. Одна видит частное-осколки, а другая видит общее и единыщее. Мы как бы слезли с Вершины вершин и перед нами мир предстал как непонятные высохшие множественные бугорки разноцветных масляных красок на холсте картины Айвазовского. Замысел художника понятый только с расстояния, в непосредственной близости осмотра утрачивается. Но это не значит, что утрачивается и сама связь между собой каждого мазка краски. Она остается и становится как бы уже не видимой и сторонней, а потому распознавание ее требует усилий ума. Всё живое обусловлено именно этим сторонним влиянием, которое становится общим для всякого движения не только как толчок движению, но и становится общим одним, как формирующее направления этого движения, попавшего под это стороннее влияние (из хаоса рождается порядок, который заложен в едином, а потому становится объектом обозрения для своего подобия – человека). В противном случае, что-то*

иное нам не родственно и потому инородное – оное не распознается (даже в непосредственной близости) в виду отсутствия родства. (07.01.00) *Чтобы человек распознавал Творца своего, Бог даровал ему Частицу Себя в тот момент, когда «вдунул жизнь в лицо Адама» при сотворении. Опосредованно этой частицы появилась возможность быть в единстве с Ним и видеть вокруг подобие этой Божественной Частицы, характерные личностные черты – Самого Творца.* Человек, повторюсь, не может воспринимать инородное себе. Вопрос в самом принципе восприятия. Представьте себе становление окружности на листе бумаги – из дуги вдруг возникает новая данность с новыми качествами, которая живет уже по иным законам. До этого момента, пока нет замыкания двух концов правильной дуги, как замкнутое цельное нами не воспринимается – мы его не видим и она есть и остается пустотой наличия окружности. Как только в процессе становления обнаруживается образ и подобие Богу в свойстве единого замкнутого, так сразу же оказывается в поле зрения человека, как некоторая реальность. То есть посредством Частицы вдунутой в лицо Адама мы видим мир в свойствах этой Божественной Частицы. Она есть мера всему. Мы видим характерные для личности черты. Так появились учения и научный анализ во всех сферах. Человек ищет свое отражение в окружающем мире и, если находит, то кричит от радости «Эврика. Я нашел. Я сделал открытие». Видеть личность и характерные для личности свойства – это означа-

ет, что человек относится к этому как к личности. Дает ему соответствующее имя. Видеть личность – это значит любить. Число, закон, функциональная зависимость – это свойства, которые принадлежат любви.

Здесь мне не хочется лезть в эти маловажные дебри, то есть отвлекаться на обсуждение этих тем, ибо само по себе вечное движение всеобщей относительности (имеется в виду то его понимание, кое придают ему материалисты) становится вечным лишь в одном случае, когда перестает быть соизмеримой с несомой нами в себе этой Частицы Творца, то есть уходит из области обозрения самое Начало вещей, что обусловлено свойствами физиологии человека, ограниченностью его восприятия окружающей Вселенной из-за осквернения грехопадением. То есть окружность с бесконечным радиусом воспринимается как специфический образ Божий только из центра этой окружности, а возле круговой линии окружность воспринимается только бесконечной линией – вот о чем речь. По этой же причине это движение кажется хаосом и тем, что предстает перед нами как отчуждение и распад. Ибо на самом же деле, все перечисленное – это элементы извечного стремления Вселенной к совершенству в Боге – к Его единству. Просто движение, хотя и всегда есть сопутствующее, неотъемлемое свойство частного и всегда не соизмеримо с общим, но остается свидетельством о Творце в одной из множества сфер-областей (смотри 777-02-02), то есть остается единосущным³⁸⁵ общему, а потому движение

пребывает в пределах общего и выражает образ и подобие единого общего. (Поэтому мы созерцаем этот мир во множественных предметах и вещах только благодаря тому, что наша природа центрирована). Так как общее движением не обладает, а частное всегда является гранью общего, то это свойство общего, исповедует себя в частном – оказывается устраивающим всякий порядок, заложенный как элементарное для всякого усложнения в источнике.

*****На основании всего сказанного, есть смысл повернуть освещение** и исследовать самые общие моменты физики внутреннего мира материи. Подобное порождает только свое же подобие в образе. Само по себе рождение можно представить в следующем виде. Пребывая на вершине горы некий муж зрел вселенную, но когда он спустился ниже, то ему уже открылось иное. Оба варианта позиционирования дают разные обзоры, но они подобны между собой. Так одно рождает другое подобное себе. Все вокруг нас рождено именно в этом прообразе. Следовательно, источник может родить только свое подобие в образе, в пределах которого происходят все формы развития и усложнений от простого к сложному^{777-12-21.7}. Это важное утверждение, ибо оно справедливо не только для тех моментов, кои озвучены в тексте, но и для частиц, и для световой волны. Итак, в этом высказывании сейчас сформирован первый аспект, с помощью которого мы можем сделать предположение о внутреннем мире материи. Итак, каждая частица терпит развитие

от простейшего элементарного до бесконечного усложнения в пределах образа и подобия источнику. Источник имеет посредник в образе точки, ибо на понятийном языке научного анализа только точкой воспринимается тот самый акт грехопадения первого человека. (07.01.00) *Человек пал до ничтожества, а потому без искупления в поте лица, то есть через границу в чистом виде мог видеть Вселенную только образ этого абсолютного ничтожества – точку. Человек утратил Вершину вершин и теперь умозрением видит мир через то, в чем он себя позиционирует. Так как после грехопадения его позиция мирозерцания стала границей раздела между прошлым и будущим, то есть границей между тем, что ближе к Началу начал и тем, что дальше Начала начал относительно точки миропонимания, то и Начало начал он видит именно в этом же образе – в образе границы в чистом виде с величиной равной нолю. То есть это точка. Созерцание мира в данном месте противоестественно человеку, а потому появляется дискомфорт между Божественным в человеке и реальностью его бытия. Это противоречие, как пружина, становится двигателем всякого развития и двигателем к совершенству, в том же числе возвращением на исходное – туда, где нам естественно созерцать мир. Если мы начинаем общение с Личностью Бога, то автоматически заметим очевидное – что мир границ и форм тут же исчезает и мы предстаем перед Ним. Человек соединяет в себе две эти крайности: Бога с дном мироздания*

Если мы нарисуем лучи, исходящие от центра окружности к ней самой, то увидим, что свойства окружности при уменьшении диаметра до абсолютно малого в точке возрастают в своей величине проявления до бесконечной величины. Таким образом, точка – это совсем не то, что нам представляется на листе бумаги. Это какая-то сверхмощная энергия⁴⁵⁹. А согласно Закону Сохранения точка и пространство вокруг неё – это разные *первопринципы тождественного различия*^{А.Ф.Лосев} *Того же самого. В точке мы видим то, каким должно быть пространство и наоборот в пространстве мы видим то, какой должна быть точка. Поэтому движение, развитие точки – это попытка выразить свойства пространства, а стабильность постоянства созерцаемого усложнения развития – это попытка выразить свойства пространства*³¹¹. Так как подобное рождено только своим же подобием, то в пределах образа и подобия точке и пространству во взаимном присутствии происходит усложнения в процессе развития от просто к сложному в осязаемых образах точки, сферы, прямой, плоскости и пространства, то есть все видимое должно нести в себе эти виды очерченности и оконтуренности с одним элементом постоянства пустоты (точка, прямая, сфера, окружность, плоскость, пространство) – все остальное противоестественно природе этого бытия, а потому стремится уходить в естественное, в родное свое инобытие. К примеру, так как подобно родит толь-

ко свое подобие (смотри 777-12-21.7), то и развитие имеет образ единого замкнутого в себе самом и элементом постоянства, то есть сочетать в себе оба компонента – спиралеобразно. Иными словами стремится к своему же подобию, из чего возникло бытие, – в пустоту. Ничего не ведая о внутреннем мире, но имея главное знание, что Бог сотворил мир, мы начинаем выстраивать представление о внутреннем мире материи. Исходя из того, что мир пребывает только в двух состояниях (смотри 777-12-21.7) – либо стабильности, либо распада³⁸⁵ – следует особо рассмотреть оба состояния в отдельности. О стабильности сказано и будет сказано много, но какой образ должен иметь процесс распада? Распад – это то, что мы назвали частным случаем общего, а движение (линейная характеристика) – неотъемлемое её сопутствующее, специфически характеризующее Божественное в своей сфере-области. Более точно если сказать, то частное – это то же самое общее, но только теперь это самое общее явлено иначе – в привычных пространственно-временных критериях и характеристиках. Два состояния остаются тождественными в инобытии. Поэтому частное, не смотря на то, что оно оказалось в поле нашего зрения, обладает всем спектром свойств инобытия и неизбежно подчинено только его законам. Частное исповедует общее, ибо подобие порождает только свое же подобие. А ещё более точное определение: частное – это иной вид общего, открытый в данной точке позиционирования. То есть точка движением может родить только линию,

линия плоскость в прообразе своего подобия. Движение соизмеримо с теми абсолютами, коих много в математике. Так, по замечательному утверждению А.Ф.Лосева скорость движения в пределах точки стремится к абсолютной мгновенности³¹⁵ в бесконечных расстояниях, то перед нашим взором порождение точки линией воспринимается фигурами. Поэтому точка так и остается частью каждого элемента в бытии, как это было в самый первый миг, ибо линейная характеристика, как сопутствующая частному, несет в себе весь спектр свойств выражения общего. Это и развитие, и единство, и постоянство, и многогранные образы стабильности, и замкнутость, и полнота и, в конце концов, жизнь. Так как человеку свойственно вести сопоставления противоположностей, то это нам говорит о том, что все противоположности остаются частью его природы. Частное и общее – это не отдельно взятые природы, кои противоположны. Это различные точки позиционирования личностью. Подобное порождает только свое же подобие, ибо и то, и другое – одно и то же с разных сторон восприятия. В противном случае, если бы они были разделены, то мы никогда бы не могли вести сопоставление в отношениях двух этих составляющих естество(смотри 000-пример). Одно зависит от другого в форме какого-то закона как одно несущее прообраз другого согласно такой-то и такой-то закономерности. Ученый всю свою жизнь ищет эти отношения прообразов, кои живут в нем самом. Человек сам являясь в сообществе с Творцом, остается

с Ним.

Не будем далеко отходить от основной темы (ибо востребовано освятить законы общественных отношений в иных томах книги). Сделаем важное заключение, что озвученное – первые углубления в точные науки и в частности во внутренний мир материи. Согласно им, к примеру, нам станет ясно, что свет имеет в образе своем спиралеобразную волну.

1.0.-54. Если исследовать общее, через призму частного, то мир предстает не единым монолитом, а частностями. Мир предстает непознаваемой бесконечной бездной, состоящей из множества подобных этому частному частностей, попадающих в поле зрения. Если мы спускаемся с вершины, то видим мир изменяющимся от единого целого во множественные раздробленности, от простого к сложному. При этом мы видим, как одно порождает свое же подобие и согласно Закону Сохранения переходит из одного состояния в другое в единстве и борьбе противоположностей. *Бог един и один в этом единстве-одиочестве с Ним мы пребываем. Мы одна Личность с Богом и в то же время, мы разделены и зрим Вселенную как в самом Начале ее начал, так и в данный момент ее становления. Мы так и остаемся одним: и тот, который есть Начало начал и тот, который смотрит конечный результат становления. Каждый человек важен как живой, как торжество жизни над смертью, ибо он есть глаза, он есть уши, он есть ум, осмысляющие одно важное для всего мирового сообщества, он борется за свою жизнь в данном*

контексте земного бытия – это борется со смертью все человечество в его лица. . Общее и частное – суть одно и то же, только предстает по-разному. В одном случае сущностно, а в другом – в границах(смотри777-12-21.7). Ведь на эти картины надо смотреть не стоя вплотную к ним, как мы это делаем во всех науках, а с некоторого обзорного расстояния, причем обозревать происходящее позволительно только с Божественной высоты или с той стороны, с какой восседает Творец, ибо лишь в данном случае мировосприятие активизирует жизнеутверждающее мировоззрение777-12-21.8. *Будущее отличается от прошлого тем, что с одной стороны будущее всегда просто и элементарное, а прошлое всегда уже есть множественное усложнение Божественной простоты Начала начал. А с другой стороны, прошлое элементарно, а будущее ещё более усложнится.* В том образе мировосприятия к коему прибегает научный анализ мы стали некоторым частным случаем того всеобъемлющего общего, чем является начало всего, а потому это естественно, что мы видим множество звезд, множество атомов и вообще множество всего. Так постоянно рискуем впасть в многобожие. В то же время, мы видим то, что вписалось в пределы элементарной простоты, хотя и множественно усложнившись. Просто научный анализ – это попытка вобрать в себя и соделать единым мир с воспаленной первородным грехом природой. Это становление в усложнении постоянно пребывает в естественном отборе, благодаря коему остается в поле зрения только

то, что остается в образе элементарной простоты прошлого (Начала начал), а также имеет образ элементарной простоты будущего.

Так как время не властно над Началом всего – оно навсегда в прошлом – то вести суждение следует от прошлого или с некоторого начала. (07.01.00) *Когда мы судим о происходящем, мы становимся на позиции давно ушедших времён, становимся современниками тех великих времён. Мы как бы выходим из текущих вод жизни на берег и созерцаем общее русло процессов из самого первого источника. Наш образ анализа происходящего принимает то, что востребовано для адекватного понимания Истины и Замысла Бога о Вселенной. Ведь анализ – это сравнение в пределах самой природы того, как было и как стало и узнаем в этом Его присутствие, и подчиняемся Его закону, и соизмеряем себя с Ним, и осмыслив, входим в сопряжение с Его Волей. Таков закон становление эволюции образа человека и именно так родился научно-технический прогресс 666-06-06.* А было в начале всех времён бытие во Царствии Небесном, точнее с позиции духа там настоящая вечная жизнь, а с позиции воспаленной грехом природы – там не было греха, а потому вообще ничего не было соизмеримого греху и уму нет выбора и приходится брать за основу не то, что уже есть, а то, с чем есть необходимость сравнивать происходящее ныне. Два в одном пребывает в природе человека. Для того чтобы суметь сделать правильный выбор, обуславливающий жи-

вучесть так, как сие было в изначальном райском бытии и анализировать ошибки – разум носит в себе Начало начал. (07.01.00) *Бог находится там, где нет опасности, где Он не достигаем для сил зла. В этом наше спасение. И потому мы в процессе эволюции принимаем образ именно этой недостижимости. Сама Пасха в переводе на русский означает «пройти мимо» и несет именно этот же смысл Божественно недостижимости, только адаптированной к земным реалиям*³⁹³.

В самой природе физиологии человека ум занимает то место, где дислоцируется Начало всех начал и принимает в себя Божественное, адаптировано к какой-то возникшей специфике функциональной активности разума. Начало начал шествует по Земле в образе человека там, где ему удобно, где нет смертельной опасности – мимо смерти. Так как сие востребовано жизнью, пребывающей в постоянном противостоянии, то верные решения анализа неизбежно отразились на самой физиологии человека в процессе эволюционного становления. В них одно с другим не конфликтует в противоречии, а гармонично дополняется взаимно. (07.01.00) *Таким образом, обозреваемый визуально человек, точнее его организм*³⁹³ – это есть набор верных решений, выражаемый в природе людей в процессе эволюционного развития истории мира. В природе людей заложен весь путь эволюционного этого становления, в коем остались только все верные решения жизненных проблем, как истинное богословие, как верное понимание о Боге, в противном случае, ошибки не пу-

стили нас в будущее и мы бы стали вымершими животными. Созерцая самого человека мы имеем возможность увидеть своё место в Замысле Творца о Вселенной, благодаря чему он имеет возможность жить вечно. Мы несем в своем естестве два в одном: идти и более не оступаться; не идти против Него³⁹³.

Когда обозрение эго оказывается вне своего естественно-го Богом откровенного положения³⁸⁵, то и вечность обретает иные перспективы – она становится противоестественным для жизни качеством – временным или бесконечным не обладанием истиной, а только лишь поиском ее, хотя и то же либо временным, либо вечным. При этом не понятным. А все то, что не понятно, все то предстает адом неизвестности (одна из сторон ада), не радующим разум и сердце, бессвязным и, вне какого-либо обозрения единства, бессмысленным, вечно не предсказуемым и этим пугающим. Это понятно всем и принимается за аксиому. В то же время, без этой ясности понимания происходящего, живое в земных условиях оказывается не полным, а потому конкретно в этих земных реалиях безжизненным, то есть присутствие этой грани также востребовано земными условиями бытия. Земная реальность не отрывает из естества Бога, но вычленяет в божественной полноте все то, что более всего востребовано необходимостью для адаптации всей абсолютно жизне-вительной полноты Царствия Небесного в земных условиях. То есть Божественное присутствие остается составляющей

всей полноты Его природы, а так как в деле спасения участвует весь человек и каждая фибра жизненно важна в этом движении к Нему, то и материя не инородна божественной полноте, а только составляет некоторые её может быть слишком отдалённые грани, в пределах природных возможностей коих происходит также жизненно значимое свидетельство о полноте Бога и сопряжение в деле спасения. Трагедия в другом – в том, что эти отдаленные грани должны быть на своем естественном месте в процессе движения человека ко Творцу. Материя, хоть и отстоит наиболее далеко от Божественной высоты (!), но в то же время она остается частью всей полноты и присутствие оной является обязательным, и значимым звеном в общей полноте бытия жизни. Иными словами, хоть Ветхий Завет для нас православных не имеет той значимости для обязательного знания, как Новый Завет, но для нас живущих на Земле всё равно остаётся востребованным, ибо к Царствию Небесному ходим мы дорогами в том же числе земными – только лишь по этому. Ведь Бог нам запретил искушать Бога своего помимо Его воли. Хотя конечно, надо помимо Священного Писания обязательно выражать специфику бытия каждого народа в согласии с его уникальностью образа жизни.

*****На основании всего сказанного, есть смысл акцентировать свое внимание вновь на том же самом, но уже стоя на озвученной позиции, то есть посмотрим на проблему уже с этой стороны, как бы повер-**

нуб освещение, исследуем самые общие моменты физики внутреннего мира материи.

Наше мировосприятие пребывает на границе между далеким прошлым и далеким будущим. В то же время, мир сам по себе пребывает в двух состояниях: единства и распада. Так уж устроены мы, что «видим все в различениях», то есть видим лишь то, что в этом срезе оказалось различным – между прошлым и будущим. Мы видим, что *будущее отличается от прошлого тем, что, с одной стороны, будущее всегда есть множественное усложнение Божественной простоты, свойственной Началу начал, то есть прошлого*. А с другой стороны, будущее всегда бесконечно вечное, то есть всегда является Божественной простотой. Касательно внутреннего мира материи – это два одновременных состояния: стабильности и развития, то есть разложения или распада. Но для нас, как исследователей, важно заметить не только то, что состояния материи до распада и после него различны (Бог дает нам видеть хаос и распад только для того, чтобы мы трудами в поте лица восстанавливали и преображали этот созерцаемый мир), но и в чем именно это различие распознается. Если мы дадим определение процессу познания человека, то обнаружим, что единственный инструмент, с помощью коего мы можем что-то анализировать – это есть столкновение, по исходу коего мы судим о свойствах материи. Известно, что при столкновении, в процессе взаимодействия, происходит усложнение, которое либо вписывается в подобие

абсолютной простоте и абсолютной элементарности будущего, либо нет. Если вписывается, то новое усложнение, как результат взаимодействия, оказывается подобен Божественной простоте, то есть становится наделенным таким побочным, сопутствующим свойством, как чувственно распознаваемая нами вечность новой образовавшейся системы, в кою входят два столкнувшихся явления. А то, что чувственно не распознается, то и не имеет значения для нас – мы на это даже не реагируем. То есть либо происходит сцепление, либо нет. Претерпевают сцепление только подобные по естеству или единые в образе Творца грани природы общего и только общего, ибо именно оные более всего бросаются в глаза и предстают как явление, опосредовано чувственно распознаваемого подобия нам – развития. Но надо сказать, что на практике абсолютно едиными в образе Творца грани быть не могут, ибо они имеют хоть какое-то пусть и абсолютно малое, но отличие. Абсолютное единство возможно лишь при отсутствии величины отличия от Бога, то есть в границе в чистом виде или в точке. Поэтому всякое соединение, хотя и становятся едиными в Боге, но абсолютно вечным быть не может и распадается. Но отторжение сие происходит гораздо более долго, из-за чего предстает перед нами как вечность слипания в соединении. В большинстве случаев, причем в абсолютном большинстве изучаемое явление предстанет перед нами зрительным обманом, на основе коего мы будем делать выводы. К этому надо быть готовым.

Итак, всякое столкновение исповедует нам Творца и рисует нам Его образ. Всякое столкновение происходит в пределах Его природы, только предстает перед нами в разных Его прообразах, из-за ограниченности нашей природы в возможностях воспринимать Его Реальность. То есть оказавшись в поле зрения человека столкновения делятся на два лагеря: упругие отскоки и слипание. В зависимости от того, как проявят себя корпускулярные свойства. Почему это происходит? Точнее, как это должно происходить? Нам опосредовано столкновения дано адекватно созерцать только образ Его, но в специфическом свойстве Его – в свойстве стабильности, которая обязана своему данному образу проявления (зрительный обман), как стабильность с разной степенью подобия вечности, только внутреннему течению, внутреннему развитию от элементарного начала прошлого к усложненному будущему (вспомните наше рассуждение о том, что водная полоса обязана своему бытию притоку вод²⁵⁸). Если мы, мотивировано к нашему предмету исследования, дадим иные характеристики прошлого и будущего, то становится очевидно одно, но не очевидно другое. Мир движется к совершенству наибольшего качественного подобия Богу. Вновь возникшее качество всегда требует изменения формы для самовыражения своего в сфере формальностей. Это не очевидное. Ведь на самом деле перед нами иное, а именно видимость того, что прошлое ближе всего к началу, а потому в простоте и в остальных критериях наиболее подобно ему,

чем будущее. Начало развития – всегда выход из некоторого состояния стабильности. Следовательно, начало развития всегда наделено всем спектром подобия стабильности²⁰. Если мы выделим некоторые фрагменты из этого спектра, то в прообразе всего ранее сказанного, каждая частица наделена двумя противоположными гранями и имеет образ диполя, у которой одна грань имеет сильное подобие стабильности, а другая подобие меньшей степени и выглядит как распад. Пребывая в состоянии стабильности, обладает свойствами развития, а потому, исходя из известных нам определений о природе познания, стабильность, как некоторое подобие вечности, оказывается в поле возможности познания органами чувств человека опосредовано созерцания процесса распада или развития, то есть опосредовано поведения второй составляющей диполя. Думается мне, что одно пребывает в процессе следования за другим. Эта двоичность заложена в природе самого человека, через призму коей он созерцает мир и распознавая в нем только себя в изучаемом явлении⁴³

Возвратимся к явлению столкновения. Перед нами сцепляются подобные по естеству грани общего, все остальные не подобные грани не замечают друг друга. Так как оные подобны меж собой ещё и тем, что близки к началу. То есть, так как течения в них близки к нулю³¹⁶, то и время взаимодействия протекает медленно – как подобие может родить только свое же подобие – активируя перед нами образ слипания, взаим-

ной диффузии. Процесс отталкивания очень продолжительный, из-за чего столкновение предстает перед нами слипанием. Но это лишь зрительный обман обусловленный возможностями нашей чувственной природы, способной воспринимать явление только в ограниченных пространственных и временных пределах, соизмеримых с возможностями чувственной природы человека и разума. Если сцепление происходит опосредовано противоположных граней диполи частицы, то, так как протекания процессов в этой грани происходят быстрее, то и разум констатирует явление иначе, причем настолько, что человек делает иные выводы – противоположные. Более того, сами свойства материи оказываются в сфере досягаемости по-иному, совсем иначе активизируется поведение материи. Таким образом, визуально воспринимается совсем иначе то, как вступают в силу иные законы (которые рисуют нам образы Бога в созерцаемой сфере-области(смотри 777-02-02)), которая имеет способность нести образ Бога только в виде пустоты 777-02-02.1 – законы упругости, сохранения, кои при медленном течении процессов выпадают из поля зрения и потому наше зрение фиксирует упругий отскок. Таким образом, в разуме человека рождаются иные учения о Боге с их системами понятийного языка и единиц измерений.

Это общий план. Остальное – различные вариации данного процесса. Если мы предположим, что все столкновения хаотичны, то именно такое сцепление становится началом

первого обозреваемого порядка²¹, в котором обозначается первый элемент границы в чистом виде, то есть порядка, делящим хаос на две части. Это понятно ещё из того, что самые изначальные и потому наиболее подобные началу моменты развития в пределах бытийной единицы образуют видимость связей, как более сильные, но менее объемные, то есть короткодействующие. А есть даже такие, которые настолько близки к началу начал, что развитие их по времени стремится к бесконечности, а потому созерцаемы нами как вечность материального мира. Эти же начала, предположительно предстают перед нами в образе, как наиболее стабильные, устойчивые. Можно смело предположить, что они способны на сверхпрочные соединения, который образуют в своих сферах свои спирали развития в рамках образа и подобия единства и простоты. То есть за пределы образа и подобия точки они выпасть не могут – они так и останутся образом и подобием своего начала начал, только на различных витках спиралеобразного развития.

1.0.-55. (07.01.00) *Как уже сказано ранее (смотри 777-02-02), сфер-областей в этом бытии множество. Без свидетельства о Боге ни одна из них иметь бытие не может, а потому каждая из этих сфер-областей по своему уникально и в соответствии со своими природными свойствами несет свой специфический образ Творца. К примеру, одна реалья бытия или сфера-область выражает Божественное точкой, другая прямой, третья плоскостью. Какая-то множе-*

ственная в бесконечности – солнечным зайчиком и так далее 777-02-02.3. Всё то, что проявится в истории как факт – это лишь то, что наделено живучестью, как иное имя Божественного явления в Его свойстве вечности, как имеющее единение всех живых существ в одном целом и в согласии с законами. Всё это выжило и этим делает единение максимально устойчивым к воздействиям хаоса во множественных формах. Солнце – это посредник между Богом и человеком. Примечательно, что вся флора и фауна – это есть конденсатор солнечной энергии. Человеку остается быть её собирателем, что выразилось в природе организма человека. Хотя так говорить никак нельзя, ибо в каждой травинке распознаются в первую очередь личностные характерные черты и мы видим, что через человека мир флоры и фауны стремится вернуться в Божественные Обитатели. Исходя из всех суждений о событиях и о свойствах Вселенной после грехопадения (мы тогда выяснили, что если человек во Царствии Небесном возник в последнюю очередь, то уже в инобытии поражённом грехом появился самым первым, дав толчок эволюционному развитию жизни согласно закону диалектики в пределах Божьего Промысла. Но, как самое-самое протяженное усложнение в процессе эволюции, естество человека выразилось в образ Божий в привычном виде (смотри 7777-02-02.3) только в самый последний момент истории Вселенной – в точной копии событиям творения мира Царствия Небесного и эволюция, надо полагать, не остано-

вилась), тогда то самое относительно первое проникновение солнечного луча в земную атмосферу уже было человеком (точнее частью природы человека, видимой нижней гранью его) в образе взаимодействия электромагнитной волны с земной поверхностью и, к сегодняшнему дню, то самое относительно первое изначальное взаимодействие так и осталось в основе всего живого и человека в том же числе (смотри 777-07-7.3). Оно получило эволюционное усложнение в развитии. Как мы помним из определения о соотношении общего и частного, человек имеет обе составляющие в себе. Как частное, он есть иное имя общего, стал иным именем Царствия Небесного, иным его проявлением. Вся флора и фауна. Мы все родственны в этом моменте зарождения, а потому пребываем в поле досягаемости друг другу и в одной сфере функционала. То самое взаимодействие (электромагнитной солнечной световой волны с поверхностью Земли) в процессе эволюции трансформировалось не только в самого человека, но и в его деятельность, то есть в собирание в поте лица всех носителей энергии. Эта энергия, пришедшая от того же самого солнечного луча, теперь поступает не прямоком от Солнца, как в самый первое мгновение зарождение живого на Земле, а через множественные проводники его, содержащие его энергию, обретшие вид флоры и фауны. То есть то самое относительно первое проникновение солнечного луча в земную атмосферу, уже ставшее человеком в новом образе взаимодействия электромагнитной волны с

земной поверхностью. В процессе эволюции несколько иначе оформилось, став тем привычным для нас, что созерцаем мы ныне в своем образе. С одной стороны человек – это не только сам организм, но и вся флора и фауна – составляющая его тела. А с другой стороны, Бог дает Себя человеку через проводники Свои, явленные нам как флора и фауна. С одной стороны, человек есть мир Вселенной, а с другой стороны, человек есть единство с Богом.

То есть человек по сути остаётся самым первым явлением греховной независимости от Бога, то есть грехом своеволия во Вселенной. Остается той же природой естества, коим он обладал в Раю, но только уже осквернённой грехопадением. Всякая сфера-область бытия свидетельствует о Творце уникально в соответствии со своими природными возможностями. Просто, в данном случае, конкретно эта сфера-область бытия может свидетельствовать о Божественном в соответствии со своими уникальными свойствами природы, то есть только возрастанием эволюционно не формально в достоинствах самообороны и нападения, как это естественно для твари, а сущностным возрастанием в подобии Богу, а именно в проводимости Божественных Свойств во Вселенную, как наиболее хорошо слышащий голос Бога – своей совести, неся в себе Сущность, как характерное свойство Бога, посредством постоянного общения с Ним^{777-02-02.4}. И он же так и остается в данной сфере первым навсегда. Было и будет еще много альтерна-

тивных этому направлений и форм, но всегда оставалось и остается вечным только то, что возрасало до подобия Богу, а потому о чем-то ином альтернативном мы ничего не знаем. Так как человек стал иным именем Царствия Небесного в новых реалиях, иным его проявлением, то неизбежно он же, человек, стал дверью для Вселенной, через которую мир, с одной стороны, обрёл воспаление от грехопадения, то есть обрел привычный для нас осязаемый вид, а с другой стороны, через эти врата имеет возможность вернуться обратно²².

Проводимость Божественных Энергий во Вселенную остается самым важным замыслом Бога о человеке. Всякое Слово Божье не может быть преходящим для всякого бытия, если оно сказано Им, то и быть по нему бесповоротно и навеки веков. А потому всё то, о чём было заявлено Им во Царствии Небесном касательно первого семейства и тварного мира, не может быть утраченным после грехопадения. Замысел Бога, несмотря кажущуюся всеобщую относительность, навсегда остается непреходящим. Можно назвать это Законом Сохранения Божественного присутствия в переменчивом мире. В одной из множества сфере-области бытия физики это хорошо явлено нам в основном законе – Законе Сохранения Энергии. Энергия вечна и всегда неуничтожимая, но только переходит из одного состояния в другое, а потому всё это исходящее от Солнца и преобразующееся в живую органику, так и остается навечно Солнцем, переходя-

щим из одного его состояния в другое. (07.01.00) *И именно этот замысел о человеке, как о проводнике Божественных Энергий, лёг в основу формирования всего образа мира и человека в нём. Человеку нет смысла нести что-то такое в себе, что наделяло бы его достоинствами, ибо он есть то самое, что переходит из одного состояния в другое согласно Закону Сохранения. Иными словами, сам человек – это не только его тело, а в первую очередь то, что носит оное в себе. Поэтому тело человека не имеет каких-то достоинств-признаков, необходимых для выживания, ибо человеку, чтобы жить вечно, важно перейти из одного состояния в иное, оставаясь частью Божественного присутствия. Как ни странно, именно это-то и оказалось силой в естественном отборе в процессе эволюционных токов – просто быть частью Его присутствия, чтобы перейти в иное состояние согласно Закону Сохранения. Тело же просто этот момент особенно хорошо подчеркивает. Бог явил Себя миру в образе борьбы с грехом, определяя все формы этой борьбы, а точнее Он явил Себя падшему человеку в многогранных образах побед над грехом, а потому ничего не изменилось и живое по прежнему, как и до отпадения первого Адама, остается стяжателем и проводником Божьего Мира и Его Энергий во Вселенную. Именно в этом и есть явление торжества над своей плотью, как выход из своей сущности (в пер. на др.греческий язык «экстаз»), поражённой грехом – еще одно имя жизни²³.*

Таким образом, Бог – живое Тело, Которое становится доступным для нас в «различениях»: «"Различения", наоборот, – это исхождения Божества вовне, те Его проявления, которые Дионисий называет также "силами", которым сопричастно все существующее, давая познание Бога в Его творении». (В этой фразе В.Н.Лосский на своем понятийном языке комментирует А.Ф.Лосева, его «Хаос и структуру») Иными словами, энергия становится энергией в привычном восприятии только после того, как она стала различием. Как понять эти высказывания? Повторю сказанное ранее. Представьте себе живой организм. Энергией для окружающего мира он становится только после распада, то есть в процессе отмирания. Пока тело живет, энергия заключенная в нём не дает о себе знать и мы ее не видим, ибо она заключена и потому остается вне области привычной досягаемости для чувственного восприятия. Пока мы ее не высвободили из заключения мы не сможем их распознать – она остается чувственной пустотой. Пока энергия остается заключенной она распознается и потому не имеет имени, которое она получает в процессе распознавания. Соленая, сладкая, светлая, темная и так далее. Иными словами, живой организм мы не видим, к примеру, вкусовыми органами чувственной природы – это для нас пустота для чувственного познания органом вкуса. Как наделённая жизнью, органическая ткань, обладает относительной вечностью, то есть свойством постоянства на протяжении многих лет. Процесс раз-

рушения наделён уже относительной созерцаемой временностью, а именно скоростью течения, которое, как раз, оказывается в поле нашей возможности созерцания, ибо дает толчок движению. Этот толчок человек гармонично вписывает в свою природу, наделяя его соответствующим именем. То же самое касается не только живого тела организма. Даже всякая частица, наделённая свойством вечности и постоянством – живое тело, которая содержит в себе заключенную энергию, которое способно выделить огромную энергию в случае распада. В противном случае, частица была бы инородной и вне поля зрения, как не имеющая аналога узкоспецифического, уникального подобия в нашей природе.

Как же тогда Закон Сохранения в узком сегменте этого бытия, то есть в свойстве единства? Закон Сохранения Единства должен оставаться, как непререкаемый Замысел Божий. Мир в различениях остается в пределах того же единства. Бог делает различия для того, чтобы сказать какую-то мысль человеку, ибо падший во грехе человек иначе пребывать в пределах Замысла Творца на Предвечном Совете Троицы не может. Человек видит мир, а на самом деле слышит Слово Творца, обращенное к человеку и если человек распознал Его мысль, то кричит «Эврика. Эврика. Я нашел. Я сделал открытие». Так рождается научно-технический прогресс. Вот как это преподносит В.Н.Лосский: «Автор "Ареопагитик" противопоставляет в Боге "единения" "различениям". "Единения" – это "тайные пребывания, которые себя не

обнаруживают" – сверхсущностная природа, в которой Бог пребывает как бы в абсолютном покое и ни в чем не проявляет Себя вовне». Таким образом, когда мы разрушаем структуру живого тела для его поглощения, то, согласно Закону Сохранения, мы становимся причастниками энергии, то есть частью Замысла общего плана, то есть частью жизни Его Тела в более общем понимании, которая в данном случае перестраивается (переходит из одного состояния в другое) в новое более всеобъемлющее реальное. Частное возвращается в общее. Иными словами, не мы съедаем это яблоко, а оно съедает нас самих, мы становимся частью всего того, что яблоко в себе таит – частью Его Тела^{667766??????}.

В нашей системе берег-река, нам становится очевидным, что берег несёт в себе ещё одну грань со всеми свойствами характерными для неё – он недвижим потому, что живой и мы все в нём едины³⁹⁴. С одной стороны, мы все едины в этом живом Теле, о котором математический анализ свидетельствует как об абсолютном постоянстве берега³⁹⁴, а с другой стороны все вокруг относительно, изменяясь постоянно течёт и распадается, как мы выяснили, по законам анализа и в пределах Закона Сохранения. Вот в чем важность святого Причастия в Храме Божьем. Поглощая Его святую Частицу, мы становимся частью Живого Тела Божьего, Которое едино даже во множественных Своих «различениях», ибо Божественное никому из нас разрушить не дано, Слава Богу – мы просто усложняем Его единую сущность для того, что-

бы сделать доступным нашим возможностям вобрать в себя Его. В этом смысл всего научно-технического прогресса. Причащаясь к Божественному, мы становимся удобоприемлемым различием, адаптированным к земным реалиям. В противном случае, оный становится в погибель всему живому. Быть причастником Живого Тела – условие живучести в особо трудных условиях, которыми жила Русь. Только так Живое Тело Бога Русь становится различимым в земной реальности. Вот почему очень важно придать Святой Евхаристии особенный статус и вершение Самого Этого Таинства требует сакраментальности, то есть это надо прятать от многих где-нибудь в лесах или за высокими стенами.

*****На основании всего сказанного, есть смысл заострить свое внимание на определении энергии.** Таким образом, перед нами явственно предстает очевидное. Энергия – это есть то самое, заключенное за Началом начал. Это и есть пустота, оказывающая свое влияние, явленная нам в самоорганизации порядка. Порядок – это специфическое выражение пустоты. Именно по этой самой причине соединение, осуществленное посредством именно этой грани бытия диполи обнаруживает также иные свойства пустоты – абсолютную прозрачность вкупе с прочностью структуры^{777-07-01.1}. Ведь именно твердость и прозрачность – это есть свойства пустоты, но только в одном случае пустота выступает неизменностью, а в другом невидимо глазу.

1.0.-56.Грех по сути своей абсолютно ничтожен во всех

свойствах, в том же числе время его бытия и действия также должно быть бесконечно мгновенное. Это разные образы границы в чистом виде, чем является точка **666-06-06.6**. Поэтому для Бога это качество Вселенной не играет никакой роли, ибо в будущем его никогда уже не будет, но имеет значение для нас, ибо восстановление к образу абсолютного совершенства (в Образе Божьем) в пределах данной реалии, коей уже свойственно наличие границ и контрастов, будет наоборот абсолютно вечным, соизмеримым состоянию абсолютной стабильности. Божественное всегда тяжело вмещается природой людей, ибо требует много времени, напряжения духовных сил и осмысленных физических усилий в поте лица для восприятия в себя всей полноты Божественного. Жизнь – это движение, и потому, чтобы вместить в себя Его, мало быть рядом с Ним на Вершине Голгофы и терпеть то, что Он терпит, ибо это ещё не предполагает возрастание до подобия Ему, нужно еще и в экстазе созерцать Его, ибо совершенство совершенству рознь. Только созерцание Его в общительном единении с Ним обуславливает движение в верном направлении. Тогда крайность совершенства перестает быть злом и это единственный случай, когда крайность становится живительным добром, ибо в любом случае, совершенством является не опосредованное, а только и только прямое общение с Личностью Творца. И это не крайность совсем, а как раз и есть то самое, естественное бытие и норма, коей была жизнь в самые первые моменты, в ее чистом ви-

де. В условиях земных – это возможность такого непосредственного общения²⁷⁴ в самых трудновообразимых условиях (это даже как-то бесконечно отдаленно напоминает йогу²⁷⁴, что говорит о том, что эта традиция родилась не на пустом месте в самой ранней истории, ибо само бытие несет в себе именно этот прообраз выхода из себя). Ведь чтобы видеть белое, нужно иметь представление о черном, причем каждое мгновение ведать о его присутствии. Именно для этого Бог попустил во Царствии Небесном быть древу познания добра и зла, в этом роль первородного греха, открывающий дар видеть Божественное в окружающем мире и более не путать Голос Божественный с голосом змия.

Повторюсь, жизнь имеет бытие благодаря множеству разного рода составляющих, в том же числе благодаря внутреннему свойству эволюционного возрастания, как одному из множества прообразов движения к Нему. А потому межличностное общение с Ним всегда остается Свята святых для всего того сопутствующего общению контента. В том же числе это важное условие того, чтобы возрастание шло в нужном направлении, чтобы преобразить падшую природу до естественного подобия Богу. Всё это предполагает соучастие в промысле Божьем – в устройении Божьего мира, ибо терпеть телесные страдания мы можем только лишь и только лишь при душевной радости²⁶⁹. Точнее, если напряжения сил становятся осмысленными, то под определение страдания оные

уже не попадают. То есть душевная радость возможна только в одном случае – в богообщении, ибо тогда страдания сопряжены общему току становления этой гармонии мира в Боге. Они, напряжения, не заметны, ибо естественны для природы человека, являются частью его физиологии, как дыхание, или пищеварение, или иные процессы жизнедеятельности организма. Они становятся заметными именно как страдания, только если нет общения с Богом. То же самое следует сказать и о познании. Вне богообщения человек постоянно смотрит в сторону бездны и потому движется к ней. Мыслители в постоянном стремлении как-то систематизировать знания в прообраз Личности Творца и тем самым поставить хоть какой-то заслон этому падению и от этого возникают выдающиеся философские системы³⁹⁶. Но человек не перестает смотреть в бездну, отчего падение его продолжается. Надо изгнать из него падший дух, а это уже дело молитвенника, а не мыслителя. (Хорошо этот момент показал Н.В.Гоголь в его «Вие». Пан философ рисует отдаленный самый примитивный прообраз Личности с помощью кусочка мела на полу и это становится заслоном каким-то силам бездны, но душа его пребывает вне единства с Творцом, а потому все остальное остается бессмысленным) Человек, в котором сидит падший дух, найдет лазейку для падения, даже если он будет в Раю Царствия Небесного, что уж там говорить о каких-то философских системах. Они такая же преграда, как песок для воды. Человек, в котором сидит дух Божий смот-

рит на мир с радостью, каждая деталь бытия получает иное значение. Даже дьявол действует в пределах Замысла Божьего, а именно служит человеку, чтобы он был и продолжал быть в радости, даже если вокруг ад. А философские системы, как и всякий научный анализ, ему нужны только для самоорганизации в Божественном порядке вещей³⁹⁵.

То есть счастье Царствия Небесного, как и прежде, так и остается условием жизни людей в той же самой степени экзальтации и всеобъемлющей полноты. Только теперь после грехопадения изменился образ бытия в Нем в Его счастье, то есть изменился способ приобщения к Нему. А потому в пределах Земли природа человека должна подстроиться под эту радость и счастье бытия во Царствии Небесном. Где-то на теле человека появилась толстая кожа и мощная кость, где-то растут волосы. Все во Вселенной добро есть, ибо все сотворено Богом, а злом сотворенное становится, когда смешивают понятия и субординацию значимости и приоритетов:

11 И сказал: кто сказал тебе, что ты наг? Не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?

12 Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел.

13 И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела.

14 И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах

во все дни жизни твоей;

(Быт.3:11-14)

То есть не Бог дал, а «жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел». С этого момента, чтобы обрести полноту радости и счастья появилась необходимость отделять смешенные между собой одно от другого, то есть все ставить на свое место в строгом соответствии приоритетов в естественной Божественной субординации. Поэтому Он явил Себя миру, как отделяющий доброе от злого.

22 И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно.

23 И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят.

24 И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни. (Быт.3:22-24)

(07.01.00) Это отразилось в образе человека, ведь сама природа людей – инструмент для того, чтобы отделить Божественное от греховного и ведь благодаря этому живет не только душа, но и даже наша плоть. Исходя из того, что Бог неуничтожим, то уверенно разрушая формы носителей энергии, мы многовариантно выделяем то, что разрушенным быть не может, то есть то, что от Него, а именно – неуничтожимую энергию Царствия Небесного из материи

и этим, причастившись, обретаем в себе образ её неуничтожимости³⁹³ – то есть становимся в образе Творца сопредельными радостной вечности, точнее обретаем какую-то степень вечного, ибо по немощи своей отвлекаемся и этим вновь скрадываем дары Божьи. Также необходимо сказать и другое, что мы, чтобы быть в условиях близких Божественным реалиям, разделяем все остальные смешения, к примеру, выделяем алюминий, железо, нефть и так далее. Мы из хаоса выделяем вещества-носители интересующих нас свойств, чтобы выстроить в некоторый живоносный несущий радость порядок вещей. Этим действием мы строим скинию по тому самому принципу, который стал смыслом исхода евреев из египетского рабства.

1.0.-57. Человек призван взять на себя ответственность за всю Вселенную, преобразить ее в образе Божьем и представить ее на Суд Творцу.

а) Это направление эволюции самое тяжёлое и многострадальное, ибо против человека «восстает» вся Вселенная. Но именно оно, именно это направление, и оказалось самым выигрышным и жизнеспособным, ибо включило в себя абсолютно все остальное и одновременно. То есть на самом деле жизнь только там и возможна, где победоносная борьба в душе человека стимулирована особой остротой тяжести быта. Просто сама по себе тяжесть быта – контраст естественному счастью человека, это есть зло, но благодаря которому наиболее хорошо видны Божественные оттенки⁷⁷⁷⁻⁰⁶⁻⁰⁶.

А ведь именно это и есть основа всего живого, а потому именно ради этого имеет место быть присутствие зла. Зло в присутствии Бога становится созидающей силой и выглядит добром. Ведь не ведая о черном, мы не узнаем о белом или без груза под днищем парусника, судно теряет живительную устойчивость на плаву. (07.01.00) *Мы видим тут свой характерный личности образ, а именно то, что путь в вечность во всех её формах проявления лежит через выход из себя к Богу посредством Голгофы, явленной в разном вариантных образах жизнедеятельности человека, что особенно хорошо отразилось на природе людей²⁵. То есть каждый несёт в себе все её грани этой Вершины и покорения оной. Быть на Голгофе ради обыкновенной и в то же время высшей радости быть человеком, а значит причастным ко Творцу, чтобы проводить Божественные токи во Вселенную – не только высшее счастье человека, но и самая святая его обязанность быть радостным, заложенная в замысле Бога о человеке и она не утрачена после грехопадения. (Хочу обратить внимание на том, что речь идёт только о выходе из себя ради единства с Богом в момент молитвы, ибо только в этом случае радость сопряжена с плодотворным творчеством, причем во благо каждого, ибо только оно пребывает в бытии. Оказывается, что выход из себя, то есть экстаз, сопряжённым может быть с единением с дьяволом или его кознями. Тогда экстаз будет во грех, ибо в человека входит дух злобы и ненависти). Мы обязаны иметь и имеем полностью*

счастья только в Творце. Всё живое является проводником Божественного свойства и граней Его¹⁹⁰, чем, в частности, является солнечный световой поток, трансформирующийся по закону сохранения энергии в иные виды оной. Солнце – это не источник энергии, а посредник, промежуточный проводник ее между Богом и человеком.

Так как человек не утратил возможности общения с Богом, как личность с Личностью и, так как только ему позволена эта межличностная взаимность, то животный и растительный мир при таком порядке вещей (только при таком порядке вещей человек – это личность) становятся вспоможением человеку в его священном долге быть единым с Богом, чтобы он мог проводить к Нему через себя Вселенную – многообразно жертвует собой человеку (обогревает, питает, обрабатывает, оберегает). Человек для Вселенной и всего ее космоса – врата во Царствие Небесное. Через него и через его порядок, выражающий внутренний мир его, мир Царствия Небесного, каждая микрона бытия сопряжена его служению Богу. Только умозрительно мир Царствия Небесного не построить, ибо умозрительно создаваемое должно идти в гармоничном дополнении с Обовью к Богу. Все должно быть подчинено и заточено под одно – под единство души с Богом.

Дело в том, что сфера нашего бытия несколько иная, естественная для жизни человека, несущего в себе воспаленную грехом природу. Но так до отпадения не было. Человек пер-

вый получил поражение грехом. Вот представьте себе, что вы сидите и ждете последствий проявления грехопадений. И вот оно произошло. В поле нашего зрения первым оказывается человек, следом за ним выходит из Царствия Небесного материальный мир, флора и фауна в пределах Закона Сохранения Образа. По этой причине, человек, пораженный грехом появился на Земле³⁰⁴ первым. Только образ выхода из Царствия Небесного мира материй, флоры и фауны также был иной, то есть не таким, каким мы его себе представляем¹⁹⁰. Человек рождал этот мир из самого себя⁷⁷⁷⁻⁰⁶⁻⁰⁶. Опустив из виду появление реальности мира материй, нам естественно сказать об этом на понятийном языке научного анализа¹⁹⁰: человек имел образ выхождения в самом изначальном взаимодействии первого кванта света от Солнца и тут же энергия его перешла из одного состояния в другое, формируя направление токов эволюционного становления. Этот ключевой момент приема-передачи (смотри ^{777-07-7.3}) стал образом утверждения жизни в пределах земли и первым пророчеством о будущем Спасителе. С этого момента включаются все те механизмы эволюции, которые известны нам из науки³⁵⁹. Из воспаленного грехом человека в его греховном привычном для нашего созерцания образе постепенно выходит вся флора и фауна, также наделённая первородным грехом. Первородный грех активизирует борьбу за выживание, а потому появляются направления эволюции с явно выражен-

ными достоинствами, столь востребованными для выживания в жесточайшем естественном отборе в условиях земного пространства³⁰⁴. Более того, в поле зрения нашего ущемленного грехопадением мировосприятия представлено, что из человека потом вышел Сам Сын Божий. Вышел Сам Бог, что уж говорить о флоре и фауне. Иными словами, если сказать, что жизнь – межличностные отношения с Богом, то все твари – это тот же человек, только, в пределах Закона Сохранения первообраза, адаптированный к условиям жизни в этих условиях. Все твари отдают себя ему³⁶⁰ и всё это ради священного единения Вселенной с Господом, что возможно только через него, через человека. Вселенная отдает себя человеку ради бытия его в более продолжительном обоженном молитвенном состоянии, ведь в этом случае через человека неуничтожимые энергии Вселенной занимают своё естественное Место у Бога в Божественной Литургии Царствия Небесного, как это было изначально заложено в Замысле Творца о Своём творении. Всему живому естественно быть только в Боге и даже в каком-то качестве, может быть как носитель личностных свойств и качеств, в пределах дозволенного соучаствовать на Предвечном Совете³⁹⁷. Достижение этой конечной естественной цели становится определяющим стимулом в формировании всех биологических цепей эволюционного становления флоры и фауны – это тоже самое взаимодополняющее единство Царствия Небесного, выра-

женное устремлением к Богу и ради устремления к Богу опосредовано человека. Может быть нас пугают такие формулировки Священного Писания, но такова природа этой сферы-области бытия, которая может излагать те же самые священные тексты только вот таким вот способом¹⁹⁰. Ведь только после грехопадения обрело иные привычно зримые образы со взаимно дополняющим распределением функциональных обязанностей между видами жизни и внутри этих видов. Этот момент обуславливает также многие второстепенные побочные свойства, обеспечивающими живучесть всех представителей жизни и каждой в отдельности в сложных реалиях окружающей среды обитания³⁹⁷.

Как это происходит? Повторюсь, дело в том, что Божественные энергии по природе своей неуничтожимы²⁴. Все то, что мы делаем, мы разрушаем посредством пораженной грехом своей природы то, что разрушается, оставляя нетронутым то, что для разрушения посредством нашей воспаленной природы недоступно. А именно не разрушенным остается Божественное связующее мир звено, как стоящее вне греховной досягаемости и, тем самым, делаем доступным для своей природы души Божественное Зерно, которое, повторюсь, разрушенным быть не может, ибо оно Божественное, Которое переходит из одного состояния в другое по закону Сохранения Божественного Присутствия. То есть одна составляющая из двух в двоичной природе всякой микроны

бытия остается верной самой себе и стоит на своем месте без всякого вмешательства из вне, но все вокруг нуждается в том, чтобы стоять на своем месте относительно его. Растение и животная плоть, и просто материя несут в себе Это самое важное и общее для них всех, ради чего оно вообще есть на Земле. Это постоянство. Но постоянство в пределах земли имеет иное определение, а потому смотрится иначе¹⁹⁰. В пределах земли постоянство – это модус, обозреваемый факт бытия, обозреваемый результат постоянного притока энергии. Реку мы видим как неподвижную голубую полосу, но ведь для этого нужно течение реки. То есть обозреваемая стабильность постоянства в природе пораженной грехом всегда динамична – это закон, благодаря которому мы созерцаем образ постоянства. Постоянство, как зримо воспринимаемый образ, переходит из одного в иное. Течение реки постоянно, и этот образ переходит в образ стабильности – мы видим постоянство, то есть речную гладь.

Чтобы понять это, нарисуем прежнюю схему жизни, чтобы подчеркнуть еще одну важную грань и разглядеть в ней интересующий нас вопрос. Возьмем деревянную палку и поставив один конец на пол, выведем её в горизонтальное положение до некоторого стабильного равновесия. Теоретически вывести ее до состояния равновесия можно. Но на практике все иначе, а именно в абсолютном равновесии она никогда не будет, ибо постоянно будет в стремлении упасть на пол. Она падает на пол потому, что этот предмет не живой.

А живое ведет себя иначе, после расшатывающего воздействия на здоровье организм наоборот восстанавливает своё равновесие. То есть палка, как бы, стремится в вертикальное положение под влиянием именно своей Божественной составляющей живого, явленной нам, как неуничтожимая энергия (Закон Сохранения) – она под влиянием цепляет вещество и восстанавливает, и поддерживает это равновесие. Процесс становления постоянен, а потому являет нам свой образ и воспринимается нами как постоянство, а так как мир познается в различениях, то всякое постоянство не может быть различимым из-за отсутствия в нем контрастов, а потому пребывает вне чувственного освидетельствования – так ведёт себя чувственно свидетельствуемая пустота. А потому и важно для нас падение, чтобы был контраст и мы могли видеть постоянство, а через это осознавали присутствие Его. Но, как бы то ни было, мы наделены обоими составляющими. То есть посредством вложенной в нас Частицы Творца, вдунутой в лицо человечества после сотворения, мы во круг видим все в Ее прообразе, в том же числе в Ее отдельной грани – постоянства, стабильности. Поэтому можем видеть постоянство во множествах проявлений. То есть можем видеть постоянство, как свое же подобие или, как подобие заложенной в нас Божественной Частицы, только через посредники, а именно в самом поведении развития. Мы видим зеркало, отражающее небо. Ибо в нас постоянно что-то отмирает и выводится из организма. То есть наша природа со-

стоит из двух составляющих её: одна восстанавливает здоровье, а другая отмершая отпадает от состояния равновесия и выводится из организма. При этом первая составляющая еще и возрастает. Два в одно, при коем в поле зрения попадает только то, что отпадает. Иными словами, в системе вертикальной палки аналитическому восприятию или осмыслению поддается только то, что подчиняется законам логики – палка начала свое падение и мы прогнозируем то, где она окажется с помощью знания законов механики¹⁹⁰, но когда палка начинает восстанавливать свое равновесие, то эти же законы механики перестают работать и система выпадает из поля их зрения, исчезает. Зримый мир зрим потому, что он как бы пульсирует. В этом же прообразе (смотри 777-07-07.3) то мы видим, то не видим. Так устроена вся Вселенная и каждая микрона в ней. Одна составляющая от Царствия Небесного есть и она не может быть разрушенной, а другая несёт печать поражения грехом и разрушается, в своем разрушении указуя на свое же первоначало. Благодаря чему Оно оказывается в поле зрения человека в прообразе Божественной Частицы. То есть живительной силой для нас становится только то в двоичной природе мира, что есть неуничтожимая вечно сохраняющаяся энергия, которая делает материю невидимой своим восстанавливающим постоянством модуса действием. Мир предстает перед нами в двух состояниях: космической пустотой и разрушением, свидетельствующим о ней (о пустоте), становится оказавшимся в поле зрения рас-

падом, несущим в самом своем процессе развития образ постоянства стабильности. Одновременно два в одном. Подобное порождает себе подобие в процессе взаимодействия, а потому материя не исчезает, но становится невидимой из-за своей стабильности и видимой из-за отклонения из состояния устойчивости, а постоянство становится узнаваемо уже в новом прообразе пустоты в сфере-области¹⁹⁰ отклонения из состояния устойчивости. Так, с одной стороны, рождается чувственный вакуум, как естественная кондиция Всемирного Закона Сохранения и в то же время, с другой стороны, созерцается материальный мир. Это одно и то же, но в различных проявлениях себя. Точно также нужно говорить о жизни о Царствии Небесном в разных проявлениях бытия ее и Его. Два образа Царствия Небесного сформировали два образа Вселенной. Именно в этой двоичности мы зрим тождественность человека и Вселенной, и, отталкиваясь от этого, даем определение. Подвиг – это веление высоты духовной жизни и она всегда понуждает к становлению, строительству, восстановлению и так далее, то есть это все то, что оказывается вне досягаемости логики или, к примеру, вне функционала законов механики. Так мир материи на своем понятийном языке²⁴¹ рассказывает¹⁹⁰ о природе человека, а природа человека раскрывает нам суть Вселенной и мира материи в том же числе. Хочешь познать мир, познай самого себя.

Бог нам заповедал в поте лица добывать себе хлеб насущный, ибо без сочетания к внутреннему миру материи, а по-

тому без этого рабочего процесса, без трудового разрушения всего того, что попало в поле зрения и потому разрушается (речь идет о неудобоприемлемых формах), невозможно приблизиться и приобщиться к тому, что не может быть разрушенным – к внутреннему миру и энергиям Творца. Мы отделяем вечное от формального временного, чтобы восприняв в себя вечное, мы стали вечными, как еще одна из множеств граней жизни и счастья. Энергия Творца стабильная есть и вечная, а потому принимая ее в себя мы обретаем образ и подобие ее – мы становимся вне видимости грехом, то есть здоровыми физически и душевно, наделёнными некоторой степенью вечного в устойчивом равновесии, то есть сильным иммунитетом. Так как имеем возможность лично общаться с Творцом, то неуничтожимая энергия, некогда заключённая во Вселенной, переходит через человека поглотившего её в естественную для неё Божественную реальность. То есть человек призван вычленять из Вселенной Божье и возвращать Богу – в этом его покаяние и миссия служения и ради этого Вселенная сослужит человеку единенному с Богом в молитве. Трудно сказать что это. Может быть это в Замысле Божьем, а может быть это покаяние-возвращение украденного у Творца при грехопадении. Мне думается, что надо принимать и так, и так, ибо жизнь требует многогранности. То есть и то определение, и это подходят к одному и тому же, но в разных ракурсах обозревания Бога. То есть обе формы исповеди востребованы, но только в различных ситуациях¹⁹⁰

б) Повторюсь, что всякая реальность распознается умом с помощью чувственной природы. Понятно, что так как природа двоичная и подобное познается подобным, то ум видит Божественное с помощью поражённой грехом плоти, с помощью которой ум видит Бога только через процесс распада (к примеру ум замечает, что поведение распада идет по закону и что само начало – вид этого закона, хотя в этом образе мы видим Бога глазами, слышим Его ушами, трогаем Его руками – это все принадлежит той же самой сфере осмысления мира). Представьте себе, что планета движется вокруг Солнца. Что видит плоть на ощупь? Она видит саму планету и даже движение планеты, но только по прямой, а ум замечает нечто большее – движение по орбите, то есть видит то, что за пределами чувственного плотского восприятия, а именно то, что в центре окружности. Мы видим движение и вычленяем умом из этой системы не планету, а то, что заставляет двигаться её по окружности – Солнце. Если бы звезды не было бы, то не могло быть движения по орбите. Но ведь согласно логике вещей и закону распада планета без воздействия должна пролететь по прямой – так диктуют нам законы причинно-следственного механизма. Так разум посредством чувств созерцая одно, начинает видеть другое, которое идёт в разрез первому. Таким же образом, мы созерцаем процессы, которые происходят во внутренней природе материи опосредовано внешнего их проявления, так сказать видимую часть айсберга.

Точно также всё вокруг. Ум видит в своей сфере свое умопостигаемое через то, что воспринимает плоть, через ту составляющую, которая пребывает в одной сфере-области бытия и идентична ей по распадающейся природе, то есть претерпевающее разложение. Ум созерцает мир Божий телом и руководит телом. Человек видит живое и как-то общается с ним. Санитар проходит мимо мёртвого, садовник не поливает водой засохшее дерево и не ест то, что не съедобно. И наоборот, плоть не распознает то, что не является живой любовью. Ум, по меткому выражению А.Ф.Лосева, интегрирует в образ своего подобия Богу и, как только это становится возможным, как только в сфере восприятия появляется нечто наделённое Его свойством, так сразу в уме возникает вся полнота сигнала, в коем в характерных очертаниях становится узнанной Личность Бога Творца. Такова природа чувственности, но, к сожалению, в пределах ограниченных первородным грехом, ибо душе свойственно видеть умом прообразы Творца даже во всей Вселенной. Для чувственной природы видеть что-то живое остается за пределами её возможностями, ибо для неё всё остается за стеной единого по природе безжизненности: и вещество, и вакуум²⁶. В то время как живой ум души распознает жизнь даже в чувственной пустоте межпланетного вакуума.

Отцы Церкви в один голос утверждают о том, что Бог не познаваем. Но что тогда толкает людей утверждать о том, что Бог есть то или иное? Почему люди путают Его творение с

Ним Самим? Ведь даже в основе греха лежит именно это заблуждение, когда человек разменивает Божественное с Его творением, ошибочно отдавая приоритеты, называют Богом даже самих себя. Дело в том, что человек смотрит на мир через призму своего Божественного ума и, если в производном Его удастся увидеть Его подобие в специфическом, уникально свойственном выражении полноты Божественного, то это совпадение его поражает и он путает образ выражения Бога в этой природе с Ним Самим (Луну с Солнцем). Это не Бог, а только Его какой-то специфически сложившийся носитель-прообраз. В прообразе природы человека, ум видит Божественное, а тело носитель Бога, распознаваемого умом. Божья полнота в законченности выражения напоминает Бога и поражает своей красотой, но это не Бог. Всё имеет законченность в цикличности восприятия полноты, но это не Бог, как многоцветный радужный обод вокруг солнечного диска является лишь чем-то отдалённым напоминанием о полноте всех тех процессов, которые имели место быть чуть более восьми минут назад на Солнце, но самим Солнцем этот обод радуги не является, хотя и выражает полноту свидетельства в пределах возможности воздушной среды.

«Это не вещь; она не имеет качества, ни количества; это не ум и не душа; она не находится ни в движении, ни в покое, она не пребывает ни в пространстве и ни во времени. Она есть сама по себе сущность, отделённая от души, или, вернее, она лишена сущности, ибо она существует прежде вся-

кой сущности, прежде движения и прежде покоя; ибо свойства заключаются в бытии и делают его множественным». (Дионисий Ареопагит). Сие высказывание псевдо-Дионисия принято за основу в этих книгах, но так как исследования здесь проводятся в рамках творения, то неизбежно мы должны принимать к исследованию некоторые образы Божьи, возникающие в поражённом грехом пространстве. Этот базис стал основанием для суждений.

*****На основании всего сказанного, есть смысл акцентировать свое внимание вновь на том же самом, но уже стоя на озвученной ранее позиции, то есть посмотрим на проблему уже с этой стороны, как бы повернув освещение, исследуем самые общие моменты физики внутреннего мира материи.**

Каким бы развитие не было, в какой бы степени усложнения не пребывало, оное, хотя и является частным, но по-прежнему несет в себе одну и ту же составляющую, свойственную общему – постоянство своей причины. Подобное порождает только свое же подобие, а потому всякое развитие происходит только в пределах подобия первопричине, а потому, если есть постоянство, то оное обязательно выразится в образе явления, возникающим в процессе развития. То есть источник родит свое же подобие во всех формах своего порождения и всякий образ явления неизбежно должен иметь подобие своему источнику. То есть развитие может произойти только в пределах естества источника и в

границах образа и подобия своему источнику. Так как источник несет в себе весь спектр полноты (единое, постоянство, замкнутость, пустота, устойчивость, полнота и жизнь), то и развитие в некоторых его пределах неизбежно будет наделенным всем тем же спектром полноты и свойств источника. И одно из этих свойств становится различаемо органами чувственного восприятия – мы видим частицу в соединениях частиц. Но на этом распознавание различий не заканчивается. Иные формы сцеплений тоже существуют, только заявляют о себе в иных образах Его. Что-то мы видим плотью при прикосновении рукой, что-то на вкус, что-то органом зрения, но более всего нас интересует распознавание умом. Мы иной раз не видим ничего, но умом понимаем, что, к примеру, планета движется по кругу из-за того, что в фокусе имеет бытие источник гравитационного поля, цепляющего планету, образующего кольцеобразную орбиту. Точно также чувственно распознаваемое явление частицы⁴ несет в себе единовременно и начало, и конец в прообразе ее причины – границы в чистом виде. Если сделаем разрез всякого явления во Вселенной, то перед нами откроется та же самая вся субординация свойств этого события²⁷. Каждый уровень в срезе представляет свою сферу уникального проявления свидетельства о Боге, в которой формируются свои, свойственные ей законы взаимодействия. Таким образом, появляется еще одна форма исповеди о самом основном свойстве Вселенной – о постоянстве Творца, как одной из многих Граней Бога

в сфере-области формального определения. К примеру, мы только умом видим, что есть источник сильной гравитации в центре галактики.

Для чего это сказано. Дело в том, что граница в чистом виде наделено пределами во всем, в том же числе абсолютно малыми параметрами времени, равными нулю. Поэтому начало начал будет заявлять о себе именно в этом прообразе и в какой-то степени подобия. То есть, если мы наложим на вечное и бесконечное то, что является границей в чистом виде, то получим то, что будет иметь признаки и того и другого. К примеру, если мы надует мыльный пузырь, то в вне механического воздействия на него, он живет, хотя и не бесконечно долго, но в пределах некоторой степени подобия вечности. Вносим в эту замкнутую систему границу в чистом виде и она должна родить свое подобие. Система постепенно начинает разрушаться и мы должны получить то, что наделено этими границами. Новая система (сфера пузыря и точка) иметь должна пределы существования в прообразу границы в чистом виде. Новая система соизмерима как-то еще вечности, но уже и соизмерима точке. Иными словами, мыльный пузырь превращается в иную систему – взрывается. Что мы и видим. Мы на основании богословия смоделировали процесс и его последствия. Получили верный результат, попробуем теперь погрузиться во внутренний мир материи. Из этого опыта мы можем понять то, где мы живем в этой Вселенной – мы живем в самом этом процессе взрыва.

1.0.-58. Если говорить, что небытие, как рассуждали многие мыслители, есть то, что выпадает из поля зрения человека, то нам остается дать некоторые определения тому, что оказалось в данной сфере мировосприятия. Сюда относятся: хаос; временные промежутки не соизмеримые с возможностью распознавать реальность; размеры; постоянство и так далее. Словом, это всё то, что не цепляет наше внимание. Тогда бытие это порядок; это продолжительное время жизни; движение и так далее. К примеру, относительной пустотой мы можем назвать отсутствие собеседника, как отсутствие возможности адекватного общения с помощью хотя бы речи, хотя вокруг цветы, деревья, горы и так далее. Точно такая же природа всякого познания – нет собеседника, обращенного с речью к нам – нет познания ни посредством чувственного восприятия, ни посредством точных наук или любых наук вообще. Тогда что есть настоящее бытие? Бытие – это, с позиции живого (поражение грехом не имеет силы) разума, самоорганизующийся в процессе общения с Личностью Творца порядок, скрепляемый любовью и укрепляемый любовью, то есть это все то, что несет в себе хоть какое-то родство нашей живой природе.

Во Вселенной ничего более нет, кроме личностей и межличностных отношений. Вне общения с Творцом нет вообще ничего в этом Бытии. Это тот самый костёр в зимнем лесу, который теплом единит всё живое и человек становится главным костровым²⁸. В огне отделяется неуничтожимая

энергия и передаётся окружающему миру оживотворяя его в смертоносном холоде. Просто в понятие личность нам надо вкладывать более общие определения. Вне солнечной активности мы жить не можем, а потому, человек начинается уже в глубинах самого Солнца.

По образу и подобию замысла о жизни всякое органическое соединение было или есть речь Бога к человеку, только, если говорить на нашем понятийном языке это проводник энергии Солнца и именно в этом качестве она зародилась, как частичный случай выражения Замысла Предвечного Совета²⁹. Так вот, понимать Его речь к людям – это означает отделить доброе от злого в поте лица. Так уж устроен мир, что живое проводит Силу и этим выделяет себя из всего мертвого как новую реальность, новое функциональное поле взаимодействий подобных друг другу. Вне проводимости нет ничего.

Изначально человек наделён властью отделять доброе от злого по образу Промысла Божьего, как образ того самого первого акта вычленения Царствия Небесного из всего того, что оказалось воспалённым первородным грехом Адама. И дана ему эта власть только при одном условии – если есть соучастие в Предвечном Совете в границах дозволенного Богом Троицей приобщения к Божественной Жизни, в Его Предвечном Совете. Причем соучастие в Его промысле скорбями и трудами в поте лица, что и есть условие жизни. Без Его наставления мы тут же смешиваем злое и доброе, от-

деляем и злое, и доброе, вместо того, чтобы отделить злое от доброго и тем самым становимся противниками Его святой Воле. И только принеся достойные плоды покаяния, дерзаем творить святую Евхаристию – мы получаем возможность и способность поглотить мир в его пока еще зародышном состоянии, чтобы удобоприемлемо в этих сферах отделить от него злое и дать Вечную Энергию Вселенной, вверенной ему для возделывания. Через это священное действие святой Евхаристии, опосредовано кострового-человека идёт приобщение Вселенной к Богу. Воспаленная грехом реальность становится новым плацдармом, на котором разворачивается ещё один исторический сюжет выражения Божественной полноты в большей всеобъемлющности. Тем самым Вселенная выделяет себя из космической пустоты межпланетного вакуума, как новое функциональное поле общения человека с Личностью. Почему это возможно только для человека? Потому что, хочу вновь повториться, это дано только человеку – распознавать Личность Творца в бесконечно многогранной Вселенной, не путая Её со множественными производными второстепенными. То есть быть с Ним в межличностных отношениях, даже входить с Ним в активные диалоги, дано только человеку. Именно по этой причине человек первый в мироздании после Творца и в Творце.

а) Рассуждая самым противным и низменным языком материалиста¹⁹⁰, сам по себе критерий случайного возникновения и дальнейшего формирования непрерывной биологиче-

ской цепи в живой клетке обусловлен Божественным свойством абсолютной свободой. Ведь мы вводим этот элемент, чтобы узнать самих же себя в этом специфическом зеркале и обозначить в свободе Лицо Личности в самом факте бытия закономерности. Ведь именно этот момент абсолютной свободы позволяет Богу легко вторгаться во все реалии естества и мы из любого своего состояния отторгаем мир и обращаемся к Богу, как будь-то и нет этого окружающего мира, как будь-то он прозрачная пустота. Бог творит Себе подобное только в свободе³⁹⁸. В бесконечном множестве реакций, стимулированных в пределах Земли солнечной квантовой активностью, какая-то данная случайно возникшее соединение во взаимодействии комбинация атомов и молекул дольше по времени сохраняет свойство проводимости энергии Солнца. Эта комбинация большей вечностью вычленяется из общего хаоса множества временных реакций, проявляя ещё одно свойство Божественного – причастность к Его постоянству или к формальной вечности, хотя и относительной. Две частицы сцеплены только потому, что несут в себе то, что их делает едиными – сущность энергии. Тем самым она выделяется из окружающего хаоса скоротечных взаимодействий для нашей возможности обозреть, ибо слишком мгновенное мы еще видеть не можем, а потому предстаёт перед нами как функциональный вакуум⁴⁶⁰ (в данной сфере или уровне мировосприятия). Соединение стимулировано лучшей способностью пропускать через себя Бо-

жественные энергии.

В пределах крайнего материализма место Божественному отведено крайне малое – речь идет о свободе³⁰. Но именно она дает возможность проявиться внутренней природе частицы, способность к обозрению человеком которой, как мы уже сказали, оказалось возможным только лишь благодаря её подобию нам – в ней есть порядок, благодаря коему она вычленилась из общего хаоса в сферу нашей способности обозрения и который заявляет о себе в самом процессе взаимодействия, в самом факте взаимодействия²⁷.

Все взаимодействия частиц перед нашим взором явлены в двух видах: одни отталкиваются при упругом ударе, а другие сцепляются. В поле нашего зрения все взаимодействия только отталкиваются, ибо так воспринимается мир опосредованно пораженной грехом природы³⁹⁸. Все частицы только отталкиваются. Но только отталкивающиеся частицы, относительно нашей возможности видеть этот процесс, предстают перед нами по-разному: либо разбегающимися, либо слипающимися. Просто процесс отталкивания либо мгновенный, либо сильно растянут во времени, из-за чего мы видим соединение, а точнее только видимость соединения. И то и другое имеет место быть, но в область нашей возможности видеть попадает только то, что оказалось в образе Создателя – стало единым, то есть слипшимися частицами, а именно чувственно воспринимаемым веществом. Все остальное, хоть и

оказывает влияние, остается вакуумом⁴⁶⁰. Но даже если оно есть вакуум, все равно это материя, влияние которой распознается несколько иначе – только разумом²⁷. И та и другая реальность – разные имена Творца только и всего¹⁹⁰. О материальной частице вещества этого определения мало. Какой образ несет в себе порядок?

б) В рамках возможного греховной природы лишь то наделено земной вечностью, что обладает Божественной полнотой, обозреваемой возможностями природы нашего организма. Вне Божественной полноты ничего существовать не может как во Царствии Небесном, так и в земных условиях (где прибавляется ещё падшая природа, которую призваны теперь уже уничтожать в поте лица для возвращения в первоначальное состояние Царствия Небесного, делать частью Тела Божьего). Сам человек даже в падшем состоянии может жить лишь при этом условии, если он несёт в себе, в первую очередь, всю ту кондицию палитры Божественной полноты, которая была задана во Царствии Небесном, описанном в Священном Писании в Книге Бытия³¹. Согласно закону, который гласит о том, что подобное познается подобным, мы имеем возможность обозревать только то, чем сами являемся – полноту Божественного. Об окружности можно сказать, что она есть окружность, если она замкнута и закончена в себе самой, как полнота. Хотя окружность сущностью Божественного не обладает, но образ окружности выражает образ

Божественной полноты, а потому с окружностью мы можем работать, как с законом. Мы узнаем себя, проявление себя как личности в одностороннем выражении полноты, чем является окружность. В том же ключе всё вокруг, что мы видим, есть наш образ и несёт в себе специфический отпечаток этой полноты Творца, то есть личностные характеристики⁴⁶¹. Мы как бы смотрим в зеркало и видим свое отражение. Только зеркалом здесь выступает, к примеру, не пасущийся вдали мамонт, не огонь в печи, а к данному моменту уже внутренний ядерный мир материи. Всё остальное, хоть как-то не полное, для нас чувственный и духовный бесконечный вакуум⁴⁶⁰, как иное Имя Творца. Но опять же речь идет только лишь о зеркальном отражении Личности Его в Его творении. Отражение так и остается отражением, это не Личность, а Его речь, обращенная к человеку.

Божественная полнота в поражённом грехом естестве земных условий может выразиться, как мы уже знаем, в линейнообразном причинно-следственном механизме¹⁹⁰. Мы видим Божественное проявление в постоянстве направления прямой, а также в постоянстве неразрывности между двумя точками. Но и это ещё не все оттенки, столь важные для нашего анализа¹⁹⁰. Элементов постоянства или иного Божественного свойства много. К примеру, полнота требует полноты, то есть завершенности без каких-либо недостатков для отражения полноты. Мы, по природе своей обладая цельно-

стью завершённой полноты ищем вокруг и чувственно распознаем то, что нам идентично, то есть также наделено цельностью завершённости полноты. Только цельная завершённая полнота, выраженная в причинно-следственном механизме, становится ощутимой или точнее чувственно ощущаемой органами чувств реальностью или становится способной к чувственному восприятию, ибо несет жизненную полноту Божественного. То есть все то, что не имеет завершённой полноты Бога в поражённом грехом естестве, всё это не воспринимается как чувственная материя. Всё что мы видим наделено полнотой выражения Божественного в пределах односторонней возможности природы вобрать в себя эту полноту и в пределах возможности нашей природы распознать её начало и конец.

Но это еще не критерий полноты истины, а некое отражение. К примеру, процесс адекватного общения возможен между живыми людьми. Хотя казалось, бы мертвый организм наделён той же полнотой, как живой, но мертвый оказывается вне всеобъемлющей полноты и потому, как выпавший из поля зрения адекватного межличностного общения, становится чувственной пустотой. Мы видим цветок на лугу, потому что до этого момента он был семенем, брошенным годом ранее в землю и стал полнотой отражения Божественного в причинно-следственном развитии одного из другого в процессе постепенного роста цветка и при этом нигде этот причинно-следственный механизм не прервался.

Непрерывность – это важный элемент выражающий единство начала и конца или синоним слова постоянства. Тем самым в рамках возможности природы растения выражать Божественную полноту цветок наделён некоторой вечностью бытия, ибо он будет жить в этих же условиях и через год и всегда. (Этот момент имеет выражение и древнеславянском образе жизни) Но если мы его сорвём, то нарушается непрерывность этого цикла и пропадает последовательность и автоматически возможность далее выразить Божественное, а значит, у него теряется эта вечность выражения полноты Божественного, благодаря коей он может жить. Как только цветок не стал живым, он сразу же исчез из поля нашего восприятия в прежнем образе, он перестал быть подобным нам в цельности завершенности полноты в образе живого растения. Таким образом, все должно быть той самой окружностью, то есть непрерывной цикличностью в Боге, чтобы иметь ощущаемое нами бытие. Это ещё один момент проявления влияния «берега» в двоичности природы. Но и это еще не все, ибо цикличностью обладает все вокруг чувственно распознаваемое. Этот момент лучше всего прочесть в примечании в записи №1133-311

*****На основании всего сказанного, есть смысл акцентировать свое внимание вновь на том же самом, но уже стоя на озвученной позиции, то есть посмотрим на проблему уже с этой стороны, как бы повернув освещение, исследуем самые общие моменты физики**

внутреннего мира материи. Так как самая элементарная частица чувственно распознаваема, то она несёт в себе весь спектр Божественной полноты, то есть как-то там оформленную цикличность временного с бесконечностью в одном, обнаруживая себя в нашем мировосприятии только как живое с его личностными характеристиками, одетое в непрерывный причинно-следственный механизм. Из характерных свойств Личности Творца мы вычленим что-то узкоспециализированное уникально сложенное, чтобы узнать самого себя в мире материй. Так зародились точные науки. Это приемлемо для материализма, хотя и сказано здесь много слов о Боге. Допускать никак нельзя иные грани Божественного там, где они функционально не задействованы, не вписываются в естество исследуемого вопроса.

в) Цикличность, окружность – это свидетельства о полноте Бога, обнаруживаемое в пределах возможности человека эту полноту вобрать в себя¹⁹⁰. Иными словами, если цикличность выпадает за пределы возможностей ее обозреть как замкнутую, цельную полноту, то данная система вне понимания, не имеет для нас характерных личностных черт, а потому предстает перед нами не как речь личности, обращенной к нам, а как хаос, как вакуум пустоты, не смотря на то, что она все же является цикличностью^{777-07-7.4}. То есть как только появляется влияние Творца, автоматически возникает специфическое свидетельство в соответствующем узком математическом срезе Вселенной¹⁹⁰, имеющее вид дви-

жения по окружности. Это свидетельство подчеркивает, что Божественное всегда цельно и замкнуто в Самом же Себе. Но так нельзя говорить, ибо влияние Бога везде, а потому вне Его нельзя искать связующее звено, способное прояснить связь между движением по окружности и стимулятором этого изменения направления движения, то есть движения вокруг центра. Ибо Он и есть эта связь, при которой одна сущность в пределах Его бытия естественно дополняет и вписывается в сущность другую, а ещё точнее одна реальность является частным случаем другой⁴⁶¹, более общей³². Нет ничего в этом мире кроме Бога, а так как распознавать мы можем только и только Его проявления, то все что мы видим – все это имеет только Его Божественные образы различных видов. Человек является Его образом в самой полной всеобъемлющности, образ в виде точки, окружности и кругового движения – самые ограниченный Его образы. Но так как человек во грехе является ничтожностью и потому он часто бывает «видит сучек в глазе брата своего», то ему свойственно искать черные пятна даже на Солнце. Так как нам по греховной природе естественно видеть в человеке только его недостатки, то и в Боге мы ищем или видим величину своего падшего подобия – величину греха, которая хоть и равна нолю, но все равно Он имеет общее с нами хотя бы вот в таком виде абсолютной ничтожности. Его присутствие хотя бы в таком вот виде имеет место быть. Именно по этой причине Начало начал предстает перед нами в образе точки,

а все образы совершенства имеют вид подобия ей (смотри 1133-190) и окружности, и сферы, и биологическая активность, духовная жизнь вообще¹⁹⁰. И вот тут, как мы видим, два в одном. Точка – граница в чистом виде, при котором величина ограничения Бога равна нулю, то есть нет ограничения Ему. С одной стороны, мы Бога, Начало начал, видим точкой, а потому все в этом бытии иметь должно Его Образ, то есть быть в прообразе именно этой точки, которая с одной стороны есть граница в чистом виде, а с другой стороны, абсолютно совершенный образ оптимальности в чистом виде. Кроме окружности и сферы наибольшего подобия в этом бытии ничего нет. И с третьей стороны, величина Его ограничения равна нулю, а потому Он везде и степень свобод Его бесконечна. Все три компонента становятся составляющими всякого явления в природе, начиная от микрочастицы и заканчивая космосом. Все имеет прообраз Начала на-

чал⁴⁶¹ 777-07-07.5

Цикличность – это способ выражения пустоты, чтобы быть вечно. Именно это несет нам обыкновенный числовой ряд в системе координат. Каждое число несет в себе цикличность в бесконечных дроблениях от нуля до бесконечности в пределах двух соседних чисел числового ряда системы координат, благодаря чему сам числовой ряд становится тоже бесконечностью («Хаос и структура» А.Ф.Лосев). Как бы образы пустоты наделяют систему еще одним сопутствующим свойством ее – бесконечностью числового ряда. Пустота бес-

конечна. Просто движение по окружности – это самое внешнее свойство, это модус всех не видимых внутренних процессов творения Божьего, попавшее в поле нашего зрения³³.

Далее надо сказать в стиле материалистических учений, что это стремление уподобиться в вечности совсем не по-нуждаемо, а возникает как реальность само по себе благодаря свободе самоопределения в несвободе от единственной цели, благодаря чему мы можем распознать очертания Творца. Просто свобода – свойство Божественное, неизбежно несущее с собой побочное сопутствующее свойство большей вечности. Ведь сразу надо сказать о том, что так рьяно игнорируют материалисты – абсолютную свободу, причем жизненно свободным это бытие может быть только в одном случае – в стремлении к Божественному совершенству – стяжанию этой жизненной полноты, ведь вне её мир теряет для нас бытие, как завершённость выражения Божественной полноты. Ведь само по себе бытие свободным от Творца быть не хочет, ибо не смотря на свою свободу самоопределения, оно сковано радостью следовать за Ним и к Нему, как дитя к своей матери, через человека. Тогда определение о свободе становится иным. *Свобода – это возможность идти только к Богу во всех смыслах этого слова. Но путей к Нему множество.* Просто каким-то иным движением в системе жить-нежить Вселенная обладать не может. Если движение к Нему есть, то она существует. Если нет, то она нет в этом бытии³⁹⁹. Либо есть – либо нет. Это есть имеющее вид релятив-

ного движения уподобление тому, что наиболее естественно для каждой микроны мироздания, ибо, если есть движение к подобию Ему, то возникает и движение к вечности – сопутствующее свойство, одна из граней подобия Богу, коих абсолютно много. Когда вечность становится соизмеримой с возможностями человека распознавать, то извлекает из чувственно обозреваемого небытия в чувственно обозреваемое бытие чувственно воспринимаемую Вселенную. Благодаря чему мы имеем дело с вещами, которые обозначились как доступная для анализа реальность. Так как вне Его ничего нет, то альтернативу этой формуле бытия вечности познать невозможно из-за временности оной, ибо не обладает свойством Бога – вечностью формы, способной оказаться или быть в поле зрения органов чувств. Только этой большей продолжительностью бытия возникшая форма активности взаимодействия солнечного луча и земных частиц, то есть более лучшим отражением в себе полноты Единого, а это вычленяет себя из пустоты для нашей возможности восприятия. Так началась эволюция, стремящаяся исповедовать Божественное в новых формах явлений. Это также как вода, дождём попадая на землю, только и еще раз только собравшись в ручьи попадает в поле нашего зрения как реальность, потом в огромные скопления рек. Она несёт в себе мощь потока в определённой форме русла, наделённого какой-то степенью вечности этой формы. Вот это и есть то самое, что мы зрим как бытие. Движение каждой капли воды просле-

дить невозможно и, так как выпадает из обозрения, то это для нас некая обозреваемая пустота, зато в поле адекватного обозрения попадают потоки эти капель – ручьи и огромные реки. То есть из всего этого великого множества явлений, стимулированных Солнцем, только то предстает перед нами в облики, что возрастает в Боге до определённых доступных обозрению кондиций (только то, что собирает воды до визуально воспринимаемых широких потоков вод), только то и предстаёт перед нами как образ живого. Только с этим мы работаем при анализе. Потом, с течением дальнейшей земной эволюции и, опять же, при неизбежном Божественном влиянии опосредовано Солнца, возникшая производная его активности в условиях Земли все более и более становится продолжительной от нескольких микросекунд до сотен лет.

*****На основании всего сказанного, есть смысл акцентировать свое внимание вновь на том же самом, но уже стоя на озвученной позиции, то есть посмотрим на проблему уже с этой стороны, как бы повернув освещение, исследуем самые общие моменты физики внутреннего мира материи. На самом деле мир более многообразен, но так как мы наделены первородным грехом, то воспринимаем только узкий спектр бытия^{777-07-07.5}, в границах наших возможностей видеть Вселенную и предстающий перед нами в виде привычно созерцаемого материального мира.**

1.0.-59. Отсюда следует важный вывод о том, что свобо-

ды выбора, как таковой нет³⁹⁹ и быть не должно, ибо свобода нужна не для того, чтобы достигать любых целей, а для того, чтобы беречь Божественную полноту в себе, во множествах способов беречь ту самую священную связь с Ним, которая может проявиться только вне всякой сторонней ино-родной связи³⁹⁹, неизбежно понуждающей к измене насилем и несвободой. Связь с Богом утратить невозможно, а вот утратить связь с любой иной альтернативой Ему – высшая степень свободы. А с другой стороны, нельзя человека представлять пленником Божественного Замысла. Мир многогранен и человек, живет, цепляясь то за одну Его составляющую, то отдавая приоритеты другой, благодаря чему создается иллюзия видимости свободы, неподчинения законам видимого мира, ибо он живет по каким-то там законам, которые также имеют силу, но уже в иных сферах-областях. То есть созерцая его бытие в данной сфере-области бытия, мы обнаруживаем, что поведение его подчиняется законам не от мира сего. Но это не так. На самом деле человек – это личность, а не природа, движущаяся к Богу. Он волен и Бог не покушается на его свободу. (07.01.00) *Мной рассматриваются некоторые реалии, пребывающие вне мира сего, но не для того, чтобы сделать человека предсказуемым в пределах Закона. Человек – это личность, а личностью он может быть только пребывая на Предвечном Совете Бога Троицы в пределах Замысла Бога о человеке, то есть личностью он может быть лишь в моменты межличностных*

отношений с Творцом, вне этого он тут же становится частью стихии, а потому становится предсказуемым. Такова природа двоичности точки Начала начал⁴⁶². Каждая микрона бытия несёт в себе специфически выраженную Божественную, одностороннюю полноту и тем она «довольствуется и дорожит, и этим живет». Она обнаруживает себя для нашего восприятия органами чувств только когда сливается и оказывается в едином токе и одного направления себе подобных. И мы, исследуя попавшие в поле зрения свойства всего потока исследуем свойства одной частицы. Иными словами, единство всегда обусловлено внутренней причиной в свободном самоопределении (движением, возрастанием к Богу в том же числе), а не случайностью или выгодой, или законом, ибо всякая случайность, закон или выгода стимулированы оптимальностью влияния единого Фактора, многогранно заявляющего о себе через это единство. Ибо сие есть специфически выраженная только лишь уникальная форма взаимодействия двух стихий «берега и реки», а иначе изъясняясь, форма береговой линии в реке, то есть закон проявления образа постоянства берега в переменной всеобщей относительности (чем является течения реки) само по себе своеобразно исповедует свою природу в привычных для нашего восприятия категориях. (07.01.00) *То есть сам человек – это образ закона взаимодействия двух стихий «реки и берега»*⁴³. Если сказать, что всякая микрона наделена полнотой Божественного, то полнота её не имеет полноты в

ином свойстве – нет всеобъемлющности, но только в односторонности. Иначе она была бы личностью. А с другой стороны, микрона также выпадает из поля зрения, если она не распознается чувственной природой – микроне нужны подчеркнутые иные грани всеобъемлющности. К примеру, соответствующие распознаваемые размеры, хотя в ней есть цикличность выражения полноты в причинно-следственном механизме движения в общее устье. Таким образом, так как частица несет в себе живое, то ей должно быть свойственно возрастание до такого состояния (которое в какой-то момент становится удобоприемлемым познанию, которое распознает только модус, возникший благодаря какому-то течению-притоку³⁴). То есть частица, кроме всего прочего, должна ещё и возрасти и при этом движение её должно быть в том же числе сонаправленным общему потоку и в общем потоке в эту сторону – к Богу в качестве, о котором учёные говорят как о массе. Иными словами, познаваемое должно быть сообразным для познающего, то есть быть в пределах одного пути движения к абсолюту совершенства.

*****На основании всего сказанного, есть смысл акцентировать свое внимание вновь на том же самом, но уже стоя на озвученной позиции, то есть посмотрим на проблему уже с этой стороны, как бы повернув освещение, исследуем самые общие моменты физики внутреннего мира материи. То есть элементарная частица внутреннего мира материи возрастает, ибо, в противном случае, ма-**

терия для нас была бы не распознаваемой. Возрастание, как условия всякого бытия, должно происходить в общем потоки и при этом до таких пределов, после которых пропадает возможность природы внутреннего мира материи вмещать в себя данную величину возросшей полноты.

С возрастом уходит устойчивость частицы перед воздействиями в окружающих условиях вселенной. Это есть распад уже, благодаря которому мы узнаем об альтернативе ему, о понимаем её существовании (нельзя забывать, что Бог дает нам видеть хаос и распад только для того, чтобы мы трудами в поте лица восстанавливали порядок и преображали этот созерцаемый мир).

1.0.-60. Отсюда следует, что свобода личности абсолютна в плену у Бога в живой непосредственной связи с Ним, ибо Он не насильник³⁹⁹, а потому в естестве поражённым грехом ничего не устраивает формально-схематически, но наполняет Собой уже то, что есть. С этим радость не утрачивается, даже если идти за Сыном на Голгофское служение в отречении от всякой сторонней связи вне Его. Бог творит мир любовью и дает нам Себя и этим Он связывает нас, а потому мы испытываем счастье в исполнении своего Божественного долга. Да Царствие Небесное внутри нас, но нам надо куда-то идти и это тоже часть нашей природы. Нам это естественно, ибо сие есть часть нашего естества, которое тоже нуждается в соучастии в сослужении Богу. И поэтому мы можем испросить у Господа о том, куда нам идти, чтобы жить вечно

и счастливо. Именно по этой причине Он, Спаситель, идет на Голгофу, указуя нам на то, как эта реальность нашей природы вписывается во внутреннюю духовную жизнь во Царствии Небесном. И мы вольны в свободе выбора только в этом ракурсе – идти по этому Его Пути или нет. Если мы идём, то получаем то, что естественно Богу – жизнь вечную в вечной радости Его. В этом выборе, мы есть возникший Божий порядок из хаоса. Хаос несет в себе одну важную грань – он не есть насилие. А так как порядок есть возможный частный случай хаоса (ненасилия), то хаосу он не может быть инородным, а потому обыкновенное послушание у Бога выстраивает порядок (частного случая хаоса) в пределах самого же хаоса, наделяющее Вселенную Божественным счастьем (в смысле быть частью Его, заложенном в двух словах: предлог «с» и слово «часть»). (07.01.00) *Мы счастливы от того, что являемся Его частью, несём Его Волю в себе, исполняем Его волю и проводим Его Волю во Вселенную. Именно по этой причине мы несем в себе образ жертвы, а не образ агрессора, ибо для того, чтобы отдавать не нужны физиологические достоинства, которые помогают бороться со смертью или опасностями. Просто настоящая Божественная радость такова по природе, что ничто ее не может помрачить, ни смерть физическая, ни что-либо еще извне. Человек образ этого безразличия к земным опасностям несет в своей природе. Это важно знать для обсуждения таких понятий, как здоровье организма, крепость семьи, крепостное право,*

долг служения и государственность, что также обсуждается на страницах всех томов «Русской философии. Анализ истории» («Русская национальная мысль»).

Чтобы устраивать государство, перво-наперво сначала следует наделить душу каждого человека Божественной полнотой счастья и так как всякое Божественное наделено нетленностью и непорушимостью, то дать возможность этому Божественному счастью (внутреннему миру души) выразиться в свободе самоопределения. Божественное исповедует Само Себя в бытии без всякого контроля. Точнее контроль может быть необходим только лишь для того, чтобы более полно и эффективно реализовать достоинства и таланты в служении общему делу строительства структуры государственных образований с усложненными формами хозяйствования³⁹⁹. Никак нельзя было создавать то, что было в СССР. Вот такие вводные понятия. На этом базисе, хотя и далеко не полном, выстроим всё остальное, востребованное реальностью нашей жизни.

1.0.1. Естество человека.

Обсуждение этого очень сложного вопроса не закончится изложением в данной главе, а будет предметом исследований и осмыслений во всех остальных томах книги, благодаря коим (разъясняя поведение материи и бытие её внутреннего мира, а также события в истории), на самом деле, раскрываем новые грани природы людей. Здесь будут представлены самые основные принципы, которые формируют

образ Божий, исходя из всего того, что мы имеем в поле нашего созерцания. (07.01.00) *Человек – это образ богообщения посредством того общего, что объединяет нас с нашим Творцом.* Как говорит Григорий Палама в труде «Триады» (3, 2:24): «... поскольку общение с Богом возможно и поскольку в своей в сверхсущностной сущности Бог абсолютно выше всякого общения, то между сущностью, в которой участвовать нельзя, и теми, кто участвует, существует нечто, делающее участие в Боге возможным».

Как уже сказано ранее, сотворение мира, согласно Священному Писанию, никоим образом не противоречит научным открытиям последних столетий. Более того, наука полнее, глубже раскрывает нам суть вопроса веры³¹⁷. В Священном Писании, как бы умышленно упущены вопросы научного плана, как ничего не значащие для спасения души. В Писании мы видим живую беседу любящих друг друга сердец Бога и человека. А цель науки, на самом деле, та же, что и у Священного Писания, ибо, проводя исследования законов материи и свойств её, мы ищем личностные характеристики Бога и свои. И выражаем их только на разных понятийных языковых системах. Просто в Священном Писании более развернуто проявлен промысел Божий на человеческих судьбах и более упрощенно и доступно доводится до человека смысл жизни его. Через Откровение мы узнаем о Творце в пределах возможностей нашего привычного восприятия. Сам по себе акт творчества, каким бы он не был, на самом

деле, мы не сможем воспринимать его как-то иначе, но только в границах того, что естественно для нас в обыденно-повседневном общении между собой в семьях. Представьте себе, грецкий орех. По сути вещей он есть живой организм семени высокого грецкого дерева. Но если он не погиб, то он предстает перед нашими органами пищеварения пустотой, ибо остается вне досягаемости, то есть, как желанный источник энергии, он остается пустотой. Или иной пример, корове дали зерно на корм. Все те семена, которые животное не перемолотило зубами в процессе пережёвывания, все это осталось пустотой энергий, то есть организм не получил притока энергии от этих семян. Они остались живы и дают всходы, оказавшись в почве. Вернёмся к ореху. То есть как только мы его расколем, так энергии несомые орехом, становятся доступными. Орех, как живое тело, умирает, но в то же время перестает быть чувственной пустотой. То есть из ничего появляются животворящие энергии, распознаваемые нашими органами пищеварения. То есть пока тело ореха живое, оно для нас пустота. Именно по этой же причине космический вакуум межзвездного пространства, на самом деле, так как остается пустотой – клокочущая жизнь. Само по себе Царствие Небесное – живое Тело – это по условию Божественного происхождения в творчестве Его, а так как Оно живое, то и не может быть воспринимаемым так, как это естественно, повседневно и обыденно земному человеку воспринимать только то, что мертво есть³⁹⁸ – только своё естествен-

ное подобие природе воспаленной грехом³¹⁸. Поэтому возникает такое чувство, что Царствия Небесного не существует вовсе^{777-07-7.6}. На самом же деле, то, что Бог для нас вне постижения и досягаемости – это есть спасение нам всем. Отсюда следует простой вывод, что для того чтобы остаться жить вечно во Царствии Небесном, необходимо уже здесь в земной жизни пребывая на Голгофе в прообразе Творца продолжать жить. На Голгофе умирать нельзя, но в прообразе Его надо жить даже в этих условиях. То есть даже в этом прообразе и этим подобием Ему быть причастником к Нему, уже здесь в земной жизни пребывать во Царствии Небесном. Пребывая в прообразе Христа на Голгофе, надо быть частью жизни Царствия Небесного, благодаря непосредственному пребыванию на Предвечном Совете Бога Троицы в определенных Им же пределах и соучастию в дозволенных Богом Троицей пределах в Его Божественной жизни, в пределах дозволенного Им присутствовать на Его Предвечном Совете, жить в Нем и по законам Оного и пребывать в таком состоянии адаптировано ко всем реалиям и во всех сферах человеческой жизни и деятельности. (07.01.00) *Более того, в священном Писании умышленно показан нам акт Божественного Творчества в том виде, в каком он предстает перед нашим взором на страницах Священного Писания. Показан творческий комфорт межличностного отношения и богообщения. Он имел место быть даже тогда, когда вообще ничего нет, никаких условий для жизни (на Голгофе). Этот мо-*

мент распознают православные святые отшельники, подвизавшиеся на столбах, в пещерах, в расщелинах каменных, в болотах, на островах. Написанное курсивом и подчеркнутое есть одна из самых главных мыслей этой книги.

Понятно, что законам справедливости и силы такое мировосприятие является инородным со всеми вытекающими последствиями, но именно это живое райского бытия становится активатором эволюции всех форм жизни. Именно этот образ мышления, именно эти ценности, идущие вразрез всему, оказываются самыми значимыми для утверждения живого. Вообще аллегория сия с орехом сама по себе строится на основаниях и при помощи понятийного языка свойств ничтожности падшей природы человека, который сам оказался разрушителем своей природы, а потому, хоть и несет нам понимание о природе человека, но на самом деле бесконечно далека от полноты Истины (то, что открывается – жалкий отголосок её). Эту ничтожность свидетельства о полноте можно сравнить со следом от сапога, который исповедует о человеке, хотя и бесконечно далеко от истинного положения дел – мы не видим в нем не глаз, ни рук и так далее. Но все равно, это остается свидетельством. Бог же остается тем, Кто Он есть³¹⁸. Привожу этот пример только потому, что позиционируясь на временном или говоря иначе, позиционируясь на ограниченном во времени в прообразе абсолютного ничтожества точки (границы в чистом виде), мы просто как-то иначе созерцать мир не можем, но только через призму

этого мизерного естества, а значит видеть след Творца мы можем только в этом прообразе ограничения ничтожества в чистом виде во множествах форм и видах. Сущность Его и оказавшийся в поле зрения след от Него не сопоставимы. Поэтому сотворение Вселенной из ничего всё равно останется для нас, слава Богу, недостижимой научной тайной, а грехопадение представляется вселенским взрывом, ибо в рамках данных критериев мировосприятия на фундаменте материализма что-то иное увидеть, повторяюсь, просто невозможно (Всякое даже рождение в пределах природы Вселенной, поражённой грехом, несёт в себе все оттенки взрыва, хотя на самом деле, в более общем плане – сие есть не взрыв, а живая реальность Божественного единства различных свойств, в коей происходит очередное перестроение в иную совершенную форму в вечном процессе движения Вселенной к совершенству в образе Божьем. Всякое свойство наделено характерными чертами личности. Единство мира в данной точке позиционирования⁴⁶¹ предстает перед нами во множестве свойств, каждое из коих – слово Бога об Самом Себе, обращенное к человеку. Когда человек говорит свое слово к Богу, то мира вокруг него нет, а есть только Сам Он. Когда же Он говорит Свое Слово человеку, то форм выражения этого слова множество. Когда он Его речь понимает, то входит в настоящую радость.) Именно по этой причине, доктрины всех религиозных систем в общем плане схожи, ибо при освящении этого вопроса, так или иначе говорили о том

же и смотрели на Начало начал через свой внутренний мир, через свой уникальный специфически оформленный духовный опыт достижения самой востребованной цели, выраженный в своих религиозных концепциях. Они свидетельствуют об одном и том же, но разнятся не только своеобразием понятийного языка мифологического изложения, но и определённой уникально сложенной односторонностью мировосприятия. Священное Писание приносит нам полноту не от специфического чувственно-разумного опыта приобщения к Божественному (хотя это тоже часть полноты откровения о Боге), а в силу косвенного свидетельства о Творце через Его промысел на судьбе богоизбранного народа, основанного на реальных исторических событиях. (07.01.00) *Просто история – одно из безоговорочных удобоприемлемых для нас свидетельств о Творце и Его свойствах. Оно выступает как специфический корректор всех наших помыслов и, в нашем случае, выступает судьёй степени истинности некоторых философско-богословских высказываний о Творце. Для богословия этот метод познания Его становится тем критерием правдивости, который правит наши суждения о Творце и Его свойствах. Человек в прообразе абсолютной ничтожности своих возможностей, не имея никаких особенных свойств строения организма (нет ни рогов, ни копыт, ни сильной клыкастой пасти), но просто имеет верный образ богословия и этого ему достаточно, чтобы владеть миром и торжествовать над ним. Человек – это верный образ*

представления о Боге.

На страницах этой книги ведется описание некоторого специфично оформленного следа, оставленного Богом в творениях Его. Только теперь в наши времена материала для изложения свидетельства о Божественном у нас в руках несколько больше, чем в том далеком прошлом. И поставляет нам его научный прогресс. И вот стоя на тех же позициях, но уже в новых, если так можно выразиться, одеждах «религиозных» систем. То есть в современном проявлении веры на основе научного опыта, мы делаем тоже самое, что делалось людьми во все времена – поворачиваем свой взор в ту же сторону и с позиций нашей специфики восприятия Вселенной задаем те же вопросы касаясь далёкого прошлого, которое таит в себе и этот миг, с коего всё началось быть во Вселенной. И как бы ничего особенно нового нам не открывается. С этой Вершины вершин предстает перед взором один и тот же вид, но исповедовать увиденное приходится только на том понятийном языке, на коем говорит мир. Именно по этой же причине этот мир множественен, что накопил за все эти времена множество форм языковых систем. Так как каждая из них исповедует Истину верно, то обречена на вечность. Взрыв, рождение галактики, в центре которой Солнце. Далее Солнце фотонами свечения бомбардирует поверхность остывающей планеты Земля, стимулируя процессы зарождения жизни. Если сказать, что Солнце и вообще Вселенский взрыв – это лишь некоторые Божественные свойства,

некоторые грани проявления Его качеств в данной уникально усложненной среде, то перед нами восстает библейская картина сотворения мира, созданная тем набором инструментов, который оказался у нас под рукой – через призму современных понятий о мире и жизни¹⁹⁰. Далее следовало бы оговориться. Ведь язык описания Божественного Промысла основан на понятиях, кои далеки от подобия Божественному в полноте. Вселенский взрыв – это единственное, на что способен язык¹⁹⁰ механики при описании библейской истории и событий, связанных с первыми людьми. Ведь логика – наука о границе, то есть о мертвых вещах о процессах распада. А как с помощью них описывать процессы жизни? Как описывать вечное с помощью абсолютного ограничения в чистом виде. Они будут всегда бесконечно далеки от Истины, ибо законы жизни диаметрально законам смерти – они не сопоставимы.

Представим, что мы стоим перед зеленым деревом в летний день. Если мы в определении о дереве возьмем не всю полноту природы, но ограничимся какой-то составляющей его. То есть возьмем за основу инструмент какой-то ограниченной сферы-области, ну к примеру только зеленый листик, то в поле зрения попадет только то, что имеет подобие этому листочку-инструменту в свойствах структурности, цвета и иных свойств. Сами ветви и ствол выпадают из этого определения и потому в прообразе листика мы их не видим – в этом образе определения их нет. Этой пустота. Перед нами,

с одной стороны, созерцаемое множество разрозненных не связанных в образе данного определения зеленых листочков. Они как-то там непонятно пребывают в пространстве.

А с другой стороны, листочки пребывают в каком-то не воспринимаемом данным способом, свойственном определению о природе листочка единстве. Между листочками обнаруживается связь иного естества, которое не имеет подобия природе единства, свойственного самому листочку. Листья дерева связаны между собой – они части ствола. Когда мы берем один набор инструментов, то перед нами одна картина. А если набор инструментов другого естества природы – то другая картина. Но не смотря на всю их противоречивость они тождественны и являются одним целым. Аналогично и в нашем обсуждаемом вопросе. Безсвязная множественность мира в чистом виде – это вид на Одно посредством одного набора инструментов 777-07-07.7.

Закон границы в чистом виде (точка) не свидетельствует о живом вообще, не свидетельствует о каких-либо связях, но только в присутствии Творца он заявляет о Нем для нас наполнением этих границ Сущностью, образуя ограничения не в чистом виде. Так появляется форма, в коей соединяются и граница, и величина присутствия Бога, чем повествует о себе сам живительный процесс – направлением развития распада он просто говорит о том, как было изначально – не более (хотя надо сказать, что это тоже часть полноты исповеди о Творце). Законов границы в чистом виде вне Творца тоже

нет и ни в чем они проявить себя не могут, и ни о чем они свидетельствовать не могут. Хотя точка и является формой, площадь и объем коей абсолютно мала и равна нулю. Точка, как граница в чистом виде, заявляет о том, что величина связи в данной сфере-области бытия равна нулю, а потому подчеркивает только одно, что связи нет (она равна нулю) и мир посредством этого определения элементарного шаблона мировосприятия получает иное имя. Частицы-точки в нем не связаны (смотри 777-07-07.7) так, как части этого состава между собой. (То есть, если мы берем за основу листик дерева, то увидим, что части листа между собой как-то связаны. Но в этом же прообразе связи, благодаря коей составные части листа являются одним целым, сами листики между собой не связаны в этом же образе, в каком составные части листа удерживаются между собой. А потому создается ложное впечатление о том, что листья между собой разделены. На самом деле единство всех листьев осуществляется иным способом, имеющим иное естество – стволом и ветками дерева. Но именно это-то и выпадает из поля зрения анализа, если мы берем за основу только ограниченную листом реальность). А потому природа ничтожности не может свидетельствовать о том, что связывает части между собой так, как это естественно для нее и по ее же закону бытия во Вселенной, а именно в самом этом законе отсутствия, создавая впечатление о том, что частицы разрозненны и разделены согласно закону, благодаря коему составные части этой частицы

едины. Парадокс. С одной стороны, разделения нужны для того, чтобы свидетельствовать о Творце, ибо именно в ней видны иные грани Бога. А с другой стороны, в определении, как граница в чистом виде – это точка, в пределах коей ничего подобного Ему и нам распознать невозможно и никакого подобия Ему в ней нет (нет связи, закона этой связи и так далее). Если сказать, что точка – это носитель всех характерных для личности черт, то этот первопринцип, задающий образ мировосприятия, раскрывает нам иную картину с иным именем, в коей мир – это речь Личности Творца, обращенная к человеку. С одной стороны, ограничение свободы общения для Бога и человека равно нолю (ограничения нет). А с другой стороны, перед нами то, что мы ищем – величину греха в Нем и она равна нолю, абсолютно ограничена и точка перед нами – это граница в чистом виде. Два в одном Природа греха ничтожна, а потому мы видим и ищем в Боге свое же греховное подобие – ничтожество и ограниченность во времени (временность). То есть с одной стороны, точка – это есть абсолютно оптимальная цельная структура. А с другой стороны, точка – это отсутствие какой-либо структуры, ибо нет никакой связи. От того, как мы задаем мировосприятие, так возникает перед нами Вселенная: то это бессвязный хаос, то это порядок, структура коего распознается в пределах бесконечности. А потому и мир перед нами – безсвязное множество всего хаоса. А так как этого греха в природе Бога нет, то и создается впечатление, что бытия Его

для нас нет и мы становимся атеистами. Мы делаем вот такие выводы. Из-за того, что чувственная воспаленная грехом природа абсолютно ничтожна, то из поля чувственного освидетельствования выпадает общее (ствол и ветви, соединяющие листья), уходят из поля зрения характерные для личности черты (циклической завершенности), в коем имеет место быть начало и завершение процесса перестроения. Перед нами только мгновения времени, в пределах коего невозможно посредством немощности природы человека увидеть характерные для личности черты – это скол. (Хотя в общем потоке движения к совершенству личностные свойства частицы попадают в поле зрения чувственного распознавания). Также как дуга, не завершенная в себе самой – не является окружностью, из-за чего мы не можем окружность быть за основание, через призму коего мы видим все то, что имеет подобие окружности. Поэтому важно в самую меру-шаблон мировосприятия влаживать все оттенки личности начала и до конца – и саму личность в первую очередь. (Об этом радели наши предки, когда всякое явление в природе наделяли личностными признаками)333-01-07.

Из всего сказанного в предыдущем абзаце, можно сделать вывод о том, что видимая составляющая мира не разрознена как листья дерева, а имеет то, что связывает ее и это все вокруг. Это связующее звено имеет место быть в самом человеке и он эту связь множественности мира человек видит умом. Представьте себе, что в аудиторию вошел лектор, что-

бы читать лекцию. Студенты об этом узнали и вошли в это же помещение и все время, пока шла лекция люди сидели и были привязаны. Как только лектор покинул аудиторию, молодежь разошлась по домам. Странно звучит, но перед нами то самое межличностное отношение человека с Богом, благодаря коему мир удерживается в единстве. Все мироздание вокруг сопряжено в единстве только лишь вот этим наличием в нем любви в прообразе того самого лектора, который делится тем, что сам получил – Истиной. Начало всего имеет только это духовное содержание, несет в себе любовь в чистом виде. Каждая микрона бытия любит Бога и согласно специфике сочетается с Ним во всеобщее единство Вселенной. Каждая микрона бытия любит и человека и человек через это имеет власть над Вселенной, как приобщенный к Предвечному Совету Бога Троицы¹¹¹⁻⁷⁷⁷.

Иными словами, позиционируя себя на абсолютно ничтожном, мы видим общее не так, как это принято в Замысле Его с Его характерными для личности свободами, но в виде явного нарушения разумного порядка вещей в самом процессе творчества Вселенной, описанного в Священном Писании. Мы не видим Связи листьев ствола дерева, но ограничиваем личность умозрительностью причинно-следственного механизма. К примеру, в день третий, согласно Ветхому Завету, «и произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду её, и дерево, приносящее плод, в котором семя его по роду его...». То есть получается, что трава и деревья появи-

лись ранее возникшего Солнца на небосводе, что противоречит разуму. Но на самом-то деле, это и есть Истина. Бог – это Личность, а потому Он как хочет так и делает. А если мы привяжем бытие к Солнцу, то перед нами научный причинно-следственных механизм с началом и концом. Иными словами, действительно, живое имело место быть раньше Вселенского взрыва, ибо, повторяюсь, сам по себе взрыв несёт в себе законы распада некогда имеющего жизнь, то есть законы смерти. И Солнце, как свойство творения Господа, обрело нынешнее естество только в результате грехопадения человека, в его новом прообразе того самого змия-искусителя, обретшего в данной реалии иной имя – имя причинно-следственного механизма. Вот почему бунтует разум, когда мы видим не соответствие нашему шаблону-мере бытия. С первородным грехом поменялось мировосприятие. Солнце для нас – это процесс взрыва, источающий сколы (эмв), но тут нет всей полноты, в коей каждая частица в единстве со всем миром. Ибо вся полнота в пределах Закона Сохранения оной предстает перед нами то единым целым, то во множествах. В зависимости от того, что мы берем за первопринцип упрощения. Если мы берем живое (растение^{777-07-07.7}), то перед нами весь мир, как на ладони (дерево^{777-07-07.7}). Если же берем какую-то грань (листочек дерева^{777-07-07.7}), то мир тонет во множествах^{777-07-07.7}.

Это также видно из следующего. Мир должен быть наделён абсолютным счастьем через полноту Божественного и

этим счастьем утверждён и держится. Вне радости мир не существует. Если посмотреть на материю с одной стороны, с позиции греха, как на мертвую, то в ней закрепощены огромные энергии, абсолютная скованность для самовыражения в данной сфере-области – это образ греховной пустоты, образ пустоты мертвого, а значит подобие Божественной радости³⁸⁵. То есть с одной стороны тут счастья нет, ибо нет свобод. А с другой стороны, для счастья в условиях воспаления грехом как раз это самое лучшее условие – быть закрепощённым в греховной свободе, закрепощённым для процессов разрушения³⁸⁵. Хотя надо сказать по Закону Сохранения одна и та же радость бытия в разных сферах-областях реализуется по-разному: точка или взрыв. Просто жизнь в одном восприятии ее – это вершина бытия, причём абсолютно высокая и абсолютно зауженная в своем пике вершины до самой элементарной точки. И потому скованность в пределах этой вершины – условие её бытия, а значит и счастья, в которой всякая вольность от этого Места становится трагедией. А с другой стороны, нет, ибо реализация Божественного в творениях Его – это тоже востребованное радостью бытие во множествах многогранности. Все важно для спасения, ибо в каждой конкретной ситуации Бог делает удобоприемлемым для человека все вокруг и даже Сам Себя либо сковывает, уничтожает до абсолютного подобия человеку (при этом не утрачивая Своей радостной Сущности, то есть скованность несколько не умаляет всей полноты Божественного во всей

Его многогранности³⁶, а свидетельствует об еще одном свойстве Творца – Его бесконечной любви к человеку), либо обретает множественную многогранность.

Этой скованностью в пределах вершины, в пределах подобия греховной пустоте держится мир. Рассуждая так в критериях духовности и нравов, нам открывается новое свойство материального мира – элементарная частица материи – это точка, несущая в себе огромные энергии самовыражения при освобождении, как свидетельство о Творце в самый неподходящий для этого момент – во взрыве (эти энергии несут в себе согласно Закону Сохранения и кинетическую, и потенциальную энергии. Этот момент важен, ибо колоссальная потенциальная энергия становится в кинетическом выражении и предстает перед нами бесконечными скоростями в пределах Закона Сохранения, что свидетельствует только об одном, что связь между двумя любыми точками абсолютно мгновенная – две точки – это суть одно Тело. Две точки, отстоящие между собой на бесконечном расстоянии – суть тоже одно). Материя скована в одном (в законах материального мира), но, как приобщённая к вершине бытия, остается по-прежнему свободной для выражения Промысла Божьего. Потому только мысль, как инородное жизни, может родить своё себе же естественное подобие – вызволить из Божественного заточения вершины колоссальную энергию, которая никогда не будет утверждением живого³⁸⁵, но только её разрушением. Поэтому явным не соответствием земным

порядкам в привычном понимании вещей, Священное Писание, на самом деле, не ломает Божественную субординацию жизни – просто, даже в таком вот чудесном сказочном изложении, сие естественно не для логики, а для живого и противоестественно для мертвечины логики. А так как такая истина в истории человечества выступает как животворная, то она есть Божественная и в ней больше правды, чем в самом железном логическом утверждении.

Теперь имеет смысл показать еще одну грань диаметральнойности естества живого от естества мертвого. Это видно из того же эксперимента с палкой, которую мы пытались вывести в вертикальное положение равновесия. Как её не выводи в вертикаль равновесия, она всё равно будет падать. Человеческий организм, наоборот, как его ни выводят из положения равновесия нормального здоровья окружающие факторы (микробы, болезни, опасности, погодные условия и так далее), он все равно восстанавливает свое положение. Палка мертвый предмет, а человеческий организм живой, а потому поведение диаметрально разнится. Мысль в естестве своём логична, но мертва есть, ибо в отличие от утверждающей равновесие любви, естественно вписывается в природу распада. Распад идет по законам логики. Для исповеди о живом включаются совсем иные инструменты и совсем иные критерии реальности. С другой стороны, если бы палка не находилась в положении равновесия, то она падать не будет. Если чашка для питья стоит на своем месте на полке, то не будет

представления о хаосе, о зле непорядка (в котором она является как попало). Если нет живого тела, то и нечему разрушаться. Если нет заряда, то и нет взрыва. Следовательно, если нет некоторой энергоёмкой реальности в абсолютном максимуме, то и нет следствия её, Звезды по имени Солнце, как впрочем нет проявления любви, если нет сверхлюбви. Именно по этой причине, в Священном Писании Живое стоит раньше всех иных её производных – логически и физически правильно выверенных закономерных конструкций – отсюда такие странности исповеди о Божественном, ибо уюту и счастью призваны служить законы материи, а не сами себе произвольно, как спонтанно-релятивистские механические.

Становится немного не по себе от такой мысли и кажется, что Библию могли писать люди, уже знающие о космосе и обо всем том, что мы знаем. Это так и не так, ибо Библия – Божье откровение. Это то, за рамки чего в своих исследованиях мы не можем выйти. После грехопадения появилось приобщение к границе в чистом виде. То есть мы можем свидетельствовать об этом Акте творения, но уже в природных границах возможности нашего разума видеть в некоторых пределах Божьего откровения о Себе, но это только пределы некоторых возможностей, а не сама Истина. Любовь более общее, за пределы которого выйти частному (разумному) невозможно. Потому до всей полноты этого свидетельства нам никогда не дойти. Также как след стопы человека, оставленный им в глинистой почве, хоть и свидетельству-

ет о человеке в пределах возможного почвы, но всей полноты этого свидетельства о нём в отпечатке не будет никогда. Просто природа, воспаленная грехом, может видеть то, что оказалось в поле обозревания и естественно для неё по родству происхождения. Исходя из этого, становится очевидным, что перед нами предстает некоторый дуализм мира, который возник перед глазами многих философов прошлого. Разум требует одного, а возможности могут другое. В зависимости от того, как сам человек ориентирован по отношению к Творцу, так он становится способным воспринимать окружающую его реальность дуализма: либо по ту, либо по другую сторону линии границы. Если человек находится в естественном животворном единении с Богом, то мир ему сослужит в этом, утверждает это качество его жизни и стремится уподобиться Богу через человека и в его же прообразе. Этим человек поглощает Вселенную. Он отделяет доброе от злого, ибо только доброе способно стать вечной жизнью всего⁴⁰⁰. Просто только в этом случае даже научно-технический прогресс становится благом. Если нет, то мир восстает против него.

Для чего начал эту главу с этих определений? Просто человек – венец творения и то, как это выражено в Священном Писании, мы можем выразить в новом понятийном языке современности, ибо сам по себе всякий язык изречения Истины – изменяющийся продукт этого мира и нам остается лишь постоянно его адаптировать в наибольшей полноте

выражения Её.

Итак, нам важно ответить на ряд вопросов, касательно самого становления жизни в свете материализма, которым мы все оказались заражёнными после стольких лет его торжества. Для того, чтобы проделать этот объем работы, подобает для начала вновь повторить опубликованное, освятить некоторые общие моменты, и только после этого нам откроются некоторые частные реалии-ответы, столь важные для верного понимания о вере.

Святому Августину принадлежит высказывание: «Человеческая жажда счастья является основанием всего». То есть в нашем случае для исследований речь сразу может идти об определении счастья человеческого, ведь это именно то, что утверждает мироздание, поддерживает космос и это именно то, что мы ищем в своих исследованиях, как самая важная составляющая природы людей и сам человек есть по сути воплощение радости. Представьте себе водную гладь. Как не воздействуй на неё, а она вновь принимает исходную форму ровной поверхности. Получается, что прочнее этой поверхности воды нет вообще ничего во Вселенной. В прообразе этого все вокруг, не смотря на очевидную нежность выдерживает всякие покушения. Точно также с радостью, единящей мир и материальный, как форму жизни, и душевный, и духовный³⁷. Власть Божья потому самая сильная, что она любовь есть. Что-то иное не имеет смысла даже для обсуждения, как заблуждение и потому принимаем

за аксиому³¹¹. Изначально, человек появился в таком естестве окружающей Вселенной, которое не могло нести ему какие-то стеснения и ущербность для абсолютной любви и радости и вот это состояние является естественным условием полноты счастья⁴⁰¹, в противном случае изначально что-то иное уже было бы выражено в самой природе духа, то есть счастья человек просто не искал бы. Человек, отпавший от Бога, утрачивает не место своего бытия, а возвышающий к Богу дух. А потому попадает в условия, в коих ослабленной грехом душе легче принять всю Божественную полноту Царствия Небесного, вне коей жизнь невозможна. Эти условия не противоестественны Божественной природе вечного счастья, хотя сильно разделяющее влияние ада. Падший дух проник в сердце человека, а потому никакие самые гениальные философские системы не могли удержать личность человека от падения. Да они преграждают путь, но падший дух найдет лазейку в бездну даже во Царствии Небесном. А дух возвышающий найдет выход из безвыходного положения даже в кромешном аду бездны. Для души все эти препятствия как песок для воды. Поэтому отпавший человек вместо того, чтобы став частью Творца быть в счастье, замечает противоестественное и вступает в ожесточённую брань с духами злобы, действующей именно через то, через что дьявол влез в чертоги Царствия Небесного⁴⁰². Представить себе тяжело, но факт остается фактом, что Адам,

нося в себе Божественное, из-за грехопадения, принимает уже образ того, на кого обратила внимание Ева, даже не он сам. Через образ своей жены Адам сам становится тем, на кого обратила внимание Ева. Он принимает образ скованности противоестественный Божественному Замыслу – из образа Божьего обретает образ ограничения греха⁴⁰², поглощающего жизнь (об этом будет сказано ниже)³⁸, что самопроизвольно являет сильную контрастность реальной природе человека и появляется противоречие враждебной окружающей среды и духовного естества Адама. Противоречие стимулировало стремление выразить в данных земных реалиях всю полноту естества человека. Оно автоматически активирует всякие движения эволюционного плана, начиная от преобразующего в образе Божьем эволюционного формирования человека в земной реальности и заканчивая эволюцией государственных отношений в исторических процессах и даже научно-технической революцией, где Божественное единство между людьми адаптируется различными средствами для улучшения комфорта пребывания в самой священной связи⁴⁰. Святые отцы говорят, что по грехопадению замысел о человеке не изменился, он так и несёт в себе ту же самую задачу обожения Вселенной, изменился только лишь план реализации этого замысла³⁹. Человек всегда следует зову души туда, где ему более всего естественно – быть на своей исторической Родине, ибо весь этот мир инородностью

ностальгически сильно стесняет его. Потому и кажется, что мир лежит во зле, ибо на самом деле «эти башмаки ему сильно жмут». На самом деле, мир не лежит во зле, а мы находимся там, где нам противоестественно сковано, то есть пытаемся устроиться там, где нам не место, а потому называем его злом. (Нужно сказать, что мир следует за человеком, как следует за головой хвост. Просто процесс этого следования не настолько быстрый, как хотелось бы, чем обуславливается этот дискомфорт). (0701.00) *А так как радость бытия – это самая важная составляющая человеческой природы организма, его абсолютно устойчивый стержень, без коего нет жизни для него и вообще нет ничего, то возникшее напряжение от скрадывающего радость противоречия в природах понуждает к одному из двух образов разрешения этого противоречия: либо занять свое естественное место в бытии, либо преобразить окружающую среду, адаптироваться в ней, найти все то, что делает условия жизни приемлемыми, сопоставимыми с райскими. Два этих плана не разрывны между собой и работают одновременно в процессе становления человечества. Человек идёт туда, где ему более всего естественно быть, где менее всего стеснение его духовной жизни – он ради этого, побеждая себя и свою смерть, близко подходит к смертельному краю и не переступает его, постоянно проходит мимо. Человек не борется со смертью, а потому ему не нужны физиологические достоинства, способствующие победам над смертью (у че-*

ловека не рогов, панциря, копыт, шерсти, пятака), ибо ему естественно видеть смертельную опасность на таком расстоянии, которое позволяет ему отойти на безопасное расстояние со скоростью пять километров в час. Он просто живет на краю и даже совсем не важно ему быть или не быть здесь на Земле, ибо того требует подобие Богу, чтобы вернуться в райские обители, которые либо могут возникнуть данных условиях бытия Вселенной (то есть в том естестве природы, в каком пребывает земная жизнь), либо вернуться в них после перехода в мир иной. Об этом пути Христовом надо помнить всегда (победа над смертью имеет разные оттенки и не всегда несёт в себе благое. Иногда с помощью научной революции утверждается жизнь греховная, благодаря чему гибнет душа человека. Вместо того, чтобы убивать грех, научно утверждается свобода ему. По этой причине, место научной революции там, где жизнь без него невозможна или нет покушения на вечность человеческой души. Надо сказать, что это имеет место быть при любом развитии научной мысли).

Тогда что это такое, счастье? Сразу же хочется подготовить читателя к тому, к чему мы должны прийти благодаря нашим суждениям, что счастье человека – жизнь в Благодати Божьей (тогда смысл жизни – стяжание Духа Святого). Ибо счастье – это радостное состояние души, а Благодать Божья наделяет человека счастьем даже в аду и отсутствие Её делает бытие человека даже в Раю адом. Святейший Пат-

риарх Кирилл на праздничной проповеди об апостолах Петре и Павле говорил, что сии воины Христовы всю жизнь были в гонении, были мучимы, постоянно терпели унижения и скорби. Но если есть Утешитель Дух Святой, благодать Его, то радость несколько не умаляется. Иными словами, Благодать Божья (Духа святого) – есть начало нашего существования, ибо Бог вдохнул в лицо Адама дыхание жизни. Преподобный Серафим Саровский и святитель Кирилл Александрийский по-особому трактуют стих 7 из 2-й главы Бытия. По их мнению, вначале из праха земного Бог создал земного человека, состоящего из духа, души и тела, а затем вдунул в него Божественную Благодать, дыхание жизни. (07.01.00) *Ведь не место делает человека жителем Царствия Небесного, а состояние его духа 666-07. Изначально, для изложения материала мы принимаем сей акт за основание, как точку отсчёта дальнейшего исчисления событий в земной реальности с помощью возможностей известных языковых концепций материализма. Ведь Царствие Небесное – это такое качество жизни, которое с точки зрения научного анализа неизбежно имело место быть в жизни самых первых людей планеты, а поэтому, чтобы хранить Божественное единение во имя радости, природа организма людей, в процессе эволюции, подвергается реструктуризации, подстраивается таким вот образом, чтобы не только не расплескать эту чашу наполненную счастьем от единства с Богом, но и безопасно нести её, держать её постоянно и максималь-*

но наполненной, чтобы не осталось места чему-то иному, кроме радости и чтобы эти все аспекты Божественного и самая священная эта связь с Ним была соблюдена наиболее сильной и полной – вот кто такой человек. Именно данное качество наделяет нашу жизнь наибольшей способностью сопротивления опасностям. Все фибры организма человека функционально нацелены только на это и служат только этому и только это единение со Творцом является, с одной стороны, самой высшей крепостью и устойчивостью, но при этом самой нежной шаткостью и оно есть смысл всего существования человека. Так как «человек – это животное получившее повеление стать Богом» (по слову святителя Василия Великого), а Божественное в Своём величии абсолютно не соизмеримо с природой Вселенной, то и время выражения Божественного в узких границах мироздания должно быть удобоприемлемо бесконечно растянутым (но опять же сие есть с точки зрения разума, поражённого грехом, а потому не может иметь силы догматического устоя). А потому в рамках изученного Акт преображения в природе иного несколько отпавшего естества мира должен продолжаться, преодолев некоторые знаковые этапы формирования от примитивных форм червей до современного облика человека. Это не противоречит Священному Писанию, ибо закон эволюции – естественное стремление к совершенству в образе Творца, вне Которого нет жизни. Жизнь даже воспаленная грехом остается жизнью. Воспаленное первородным гре-

хом живое естество сопряжено в некоторой степени с мертвой природой распада в материи, но не смотря на это она по-прежнему свидетельствует о Творце, а по этой причине, неизбежно, несёт в себе что-то, что оказывается в поле зрения нашего разума как свидетельство о Творце в пределах уже такого состояния жизни. Хотя надо сказать и другое, что зло всегда временно, ибо, не смотря на то, что данная реальность обладает ничтожностью греха, она имеет способность развития и возрастания до такой кондиции подобия Богу, при которой эта реальность перестает быть злом в нашем понимании. Зла в мире нет, но есть процесс возрастания, в котором какое-то время данная реальность остается злом. Злыми становимся мы, когда уходим от бытия в Боге, а потому не можем принять этот мир таким, каков он есть. «Не противление злу» в данном случае становится злом.

Как это выразил бы отец Андроник? Абсолютное, согласно Закону Сохранения, остается тождественным самому себе постоянно переходя из одного состояния в иное в самых различных образах самовыражения. То есть точка тождественна прямой, точнее это та же самая точка, только инобытие выражения иное, а потому точка в данном инобытии с данными его свойствами выглядит прямой. Представьте себе солнечный диск над водной гладью моря на закате – это есть свидетельство о Солнце. Когда яркая точка соприкасается с горизонтом, перед нами возникает святящаяся прямая линия, идущая прямо к нам. Это уже не точка, а это уже есть

иное свидетельство того же самого Солнца, только представленное иначе – в ином инобытии – в иной среде. Или Солнце светом проникает через туманность. Перед нами не точка и уже не прямая, а пространство света. Но во всех случаях речь идет об одном и том же, только различными образами самовыражения **000-пример**?????. В этом же прообразе, человечество с его Царствием Небесным явилось после грехопадения в данном привычно созерцаемом нами инобытии, сначала как точка, а затем как прямая линия (как причинно-следственный процесс течения времени) к нашей современности из глубочайшей глубины веков, от самого первого акта взаимодействия солнечного фотона с поверхностью Земли. Эта реальия Царствия Небесного представлена нашей чувственной природе в начале земных времен сначала точкой, а затем эта же реальия обрела иное выражение – она стала прямой эволюционного развития. А потом и пространством. В Писании об этом не сказано ни слова только лишь потому, что акцентировать внимание на этом не спасительно душе. Это с одной стороны, а с другой, природа повествует о событиях Священного Писания только вот таким вот способом, на своем понятийном языке¹⁹⁰. Просто природа как-то иначе говорить об этом не может. Бог мог творить только Своё подобие, а это означает, что сотворённое Им вообще не имеет признаков тления и нерушимо. А раз нет тления, то и не может быть времени, как метрической фиксации перемен. Так как нет времени, то в природе омрачённой гре-

хопадением (приобщением ко времени) Божественное должно также проявиться, но только в Своём подобии – тоже в безвременье – в вечности становления распознаваемых нами форм. Вот в этом есть природа эволюции, где Бог является нам свойством вечности и в свойственной Ему вечности, а точнее только лишь в какой-то степени проявления вечности или в какой-то степени подобия вечности – это как раз и есть то самое становление здорового живого тела организма в равновесие после его нарушения первородным грехом (в противоположность мертвой палке, которая это равновесие не сохраняет и не восстанавливает). То есть грехопадение – это падение (мгновенное нарушение равновесия в прообразе границы в чистом виде), а эволюция – долгое восстановление живительного равновесия⁴⁰³. Только теперь здоровым телом, восстанавливающим свое равновесие, становится не какой-то конкретно организм, а вся цивилизация³¹⁹. Воспаление грехом – это жизнь, которая временна, но даже в пределах этого воспаления природы, претерпевшей преобразование Сыном Божиим, мы видим стремление утвердить жизнь вечную Царствия Небесного во всех смыслах. Приобщение к вечности, в некоторой степени выражаемое непрерывным процессом становления миллиардами лет, в той же степени принесло свидетельство о Божественном, опосредовано эволюции, которая выражает иные стороны Его (то есть перед нами не только вечность Его, но и многое иное от Него). Так как сие заключено в самом Божественном Замысле о че-

ловеке, то автоматически включается все то, что связано с законами животного мира, открытыми учёными последних столетий. То есть эволюция становления человечества – как раз выполнение этого Божьего повеления человеку стать Богом в пределах дозволенного Им, есть своеобразное выражение творчества Бога в пределах природы, воспалённой грехом Вселенной¹¹¹¹. То есть это тот самый «след от сапога» Господня, выраженного в пределах понятийных реалий сначала Священного Писания, а затем уже в пределах понятийных реалий современных научных доктрин. То есть мы видим развитие форм жизни в сторону большего совершенства в Боге, что есть неотъемлемое свойство живого и человека в том же числе. Противоречия тут нет, но просто исповедь об Истине приняла ещё и вот такой оборот, ещё и такие специфические формы свидетельства о Творце. Понятно, что несоизмеримость идеализма с материализмом велика и может в той же мере правдивости слова о том человеке, явленное как след его стопы в окаменелости. То есть это специфически сказанное слово о Боге несет в себе какое-то малое отдалённое от абсолютно всей полноты выражение образа живого человека. Но всё равно, каким бы отдалённым оно не было, это есть хоть вот такое пусть мизерное, но также важное для нас свидетельство о Нём, о Творце в природе человека. Причём то, что сие есть именно свидетельство – вне всякого сомнения. Важное оно потому, что указывает путь победы, так явственно явленном в самом человеке. Это некоторый

след, по которому идут путники, ищущие выход из лабиринта смертельных опасностей. Поэтому современными открытиями во всех сферах научного поиска в богословие ничего особо нового мы не привносим, путь ко спасению остается тот же и также нам следовало бы говорить о том, что Бог решил, Он захотел, ибо все остальное выражает Замысел Творца в пределах природной возможности своей. Ничего нового привнести новыми открытиями мы не можем, но только лишь новым понятийным языком мы рассказываем о том же, как любят друг друга эти личности Бог и человек. А так как, согласно диалектическому материализму живой организм – результат эволюционного становления и развития материи (то есть – это еще и вершина совершенства эволюционного становления), то каждая микрона материального мира несет в себе то(смотри 111-777), благодаря чему она имеет бытие – слово любви человеку от Творца. В противном случае, для нас она бы не существовала в реалии мира. Человек не узнал бы ее, как несущую характерные черты личности.

Также наука и все ею исследуемое также свидетельствует о Боге в меру природной возможности это делать. Просто скажем, что свойства мира – свойства творения Бога и тогда наука – это просто уникально сложенный след, оставленный Творцом, проявившийся вот в таком образе ограниченной полноты для нашего мировосприятия, хотя в реальности также абсолютно далёкий от хоть какой-то всеобъемлющей

многогранности.

Надо сказать важное о том, что все выше сказанное заявляет о том, что есть некоторая верхняя граница, следствием коей становится все остальное видимое нами очесами телесными. Эволюционного становления оно не претерпевает. Тогда что претерпевает эволюционное становление? Становление терпит только этот мир, который имеет вид диполи, одна составляющая коей – Начало начал или Мир Царствия Небесного. А другая составляющая – хвост эволюционного развития, которое стремится быть образом и подобием первой ее составляющей. Мы дали определение верхней грани этого бытия посредством известных ныне знаний о мире и выше подняться не сможем. Наше эволюционное движение в научных поисках может идти только вниз (смотри 777-07-7.3) от верхнего Края Любви Божественной в бездну микромира Вселенной. Это может быть падением в бездну, тогда все вокруг может погибнуть. А должно быть спасением, ибо человек призван соединить в себе две крайности мира Царствия Небесного с миром бездны. Просто живительный лучик Бога должен проникнуть в самые глубины бытия, чтобы зародилась жизнь и там, где ее нет. Соучастие человека в промысле Творца делает его исполином на Земле.

И тут не следовало бы смешивать с Божественными чудесами, описанными в Святом Евангелии, ибо одно Божественное свойство, если не на своем естественном месте, инородно иному Его свойству. Мы то, что гармонично вза-

имно дополняется, ставим во взаимно исключающее противопоставление, что уже есть заблуждение, которое становится в конце концов преступлением перед человечностью. Наука для познания Бога вооружилась инструментом сильно ограниченным в свойственных ему возможностях (смотри 333-01-07), а потому в любом учении речь идет о характерно сложном отпечатке-следе Его Естества в рамках ограниченных свойств или же речь идет о специфическом выражении Божественного в обозреваемой Вселенной. В то время как Евангелие – это не только свидетельство о Боге, а потому несет в себе цель не научного искания и умственно-го поиска, а реальное участие в Божественной Жизни Предвечного Совета Бога Пресвятой Троицы, выраженное в природе человечества, как естественное ему шествие ко спасению. (07.01.00) *Это пища для познания усваивается не только умом, но и всем естеством природы человека, ибо в деле спасения участвует не только ум и не только все его тело, но вся природа нашей Вселенной.* Хотя в пределах своих возможностей и тут есть место иным свидетельствам, не поддающимся научному анализу – свидетельствам природы материи о самом страшном событии на Голгофе, ибо в тот момент разверзлась земля и наступила темень с шестого часа по девятый. Как-то иначе сказать свое описательное слово окружающий мир об этом злодеянии не может – только в пределах природных способностей говорить посредством специфического языка – катаклизмов. Речь Все-

ленной о Творце звучит иначе, не адаптировано к нашей возможности понимать этот язык, не так, как нам хотелось бы, из-за чего мы не обращаем на это внимание. Этот момент явственно представлен нам во всех течениях науки, где слова о тонких природах духовной жизни, где речь о Боге, от Бога и к Богу звучат несколько иначе, но ученые не слышат эту речь Его к нам и о Нем. Но сердца ученых бывает далеко отстоят от Него, а потому очень часто людям свойственно не слышать речь о Боге, даже в самом-самом откровенном свидетельстве о Нем, что уж там говорить о каких-то иных формах исповеди¹⁹⁰. Иными словами, полнота в бесконечной глубине так и останется для нас за пределом возможного обозреть Божественное³²⁰. (07.01.00) *Итак, материя – это духовная реалья бытия, в коей ничего, кроме межличностных отношений между человеком и Богом нет. Именно по этой причине человек возник именно из материи, а не из чего-то иного и это иное нам не ведомо как реальность, не имеющая к духовной жизни ничего общего. Этим попавшим в поле зрения мыслителей движением от простого к сложному в единстве и борьбе противоположностей в бытии возник человек, как выражение внутреннего мира каждой микронной материальной мира. В течение миллиардов лет постоянных процессов эволюционного становления получила свое выражение еще одна грань внутреннего мира материи и она оказалась духовной. Обозначилась в бытии та реалья, которая удобоприемлема для беседы Бога со Вселенной че-*

рез Его подобие – через человека 11111

1.0.1.(a) Возвращаясь к прежней мысли о свидетельстве Божественного, отразившемся на естестве человечества в пределах природных возможностей (и в определённой степени подобия Божественному – в критерии вечности), мы можем уверенно сказать, что формирование человека происходит в пределах образа и подобия Ему, в пределах выражения Его единства и вечности, то есть непрерывно и постоянно в течение миллиардов земных лет и не закончилось в дохристианские времена. Дело спасения Сыном Божиим совершено в Его полноте, далее дело спасения человечества остаётся за Духом Святым, ибо Сам Спаситель говорит: «Я умолю Отца, и даст вам другого утешителя». (Евангелие от Иоанна 14,16) (07.01.00) *Но природа человечества также не остаётся пассивной в стороне и активно движением устремлена на встречу к Нему. Иными словами, влияние Божественной Благодати на процесс естественного отбора и эволюции выкристаллизовало именно то, что имеем радость видеть ныне на данном этапе её формирования – человек адаптирован к способности нести счастье бытия своего*⁴⁰⁴. Только теперь, после пришествия Христа, чтобы удерживать радость духа, формирование и развитие обрели иную перспективу движения – общественные отношения, основанные на исихазме и оформленные в монашеские общежития. Не смотря на все множественные усложненности сам же принцип жизни, заложенный в самых первых формах, так и остаётся

в той же первостепенной значимости и достался нам из тех времён в том же виде. Просто изменились приоритеты для формирования человечества, ибо с Рождеством Христовым перед нами возник Образ Божий во всех Его гранях, а потому человечество увидело Путь, по которому надо идти и увидело новый образ красоты. Если ранее борьба с падшим духом осуществляется отказом от всякого родства с ним⁴⁰⁵, то теперь борьбы этой нет, но есть стремление удерживать связь с Духом Святым и передавать Его влияние в окружающий мир, что неизбежно самопроизвольно включает в себя и отказ от всякого родства с духом падшим. Поэтому в естественном отборе, который все же имеет место быть, выкристаллизовывается все то, что более близко к этому красивому Образу, способствующее продвижению по этому Божьему Пути более уверенно. Эта мысль постоянно подчёркивается в этих книгах, как самая важная живительная нить, но в разных ракурсах обозрения¹⁻⁰⁷⁻⁰³. Эту мысль прошу запомнить, ибо всякое утверждение в этом томе подводится мною к главному выводу о святой Евхаристии. Иными словами, в первую очередь надо нам выяснить суть нашей природы, чтобы понять то, как она терпит преображение в Творце посредством Таинств Церкви.

Продолжим. Счастье в Боге – сущность человеческой природы, вне которой он быть не может вообще никак. Так или иначе, отсюда вытекает важное для нас живущих обстоятельство – нужно правильно сформулировать опреде-

ление о природе счастья, ибо, по большому счёту, каждый из нас приобщается к нему в односторонней неполноте, а именно в какой-то его второстепенной и иногда даже самой отдалённой и самой неприглядной грани. Например, одни что-то коллекционируют, другие стараются разбогатеть, третьи видят радость в спорте, иные в алкоголе и наркотиках и так далее. Так как всё это также приносит радость, а источник радости только Один, то сие есть какие-то отдалённые оттенки приобщения к Этому единственному источнику всех радостей, что есть его отдалённое подобие образа Рая или даже жалкие осколки, если точнее говорить. То есть причастие к Нему Единственному Источнику счастья через какие-то страшные ограничения Его полноты, стимулирующим извращенную по отношению ко всей полноте односторонность природы нашего естества и образа жизни. Настоящая радость наделена полнотой во всех аспектах одновременно, но так как несем в себе воспаленную грехом природу, то эти оттенки счастья нельзя ставить не на свое место в ряде по приоритетной значимости, как это делают заблудшие. Просто есть такая радость, которая ведёт за собой все остальные и включает все остальные. Имя ей приобщение Благодати Божьей и к Ней приобщение первостепенное – это смысл всякого деяния людей. Это становится смыслом самопожертвования и именно этим наполняет жизнь всеми остальными оттенками радости её.

Так какая же она эта радость? Чтобы ответить на этот во-

прос о полноте счастья нам нельзя рассуждать и видеть только разумом, ибо это, хотя и значимая форма познания, но далеко не полная. В нас есть иные грани созерцания мира, которые спят из-за того, что не знаем даже о них, хотя они-то более всего востребованы. И одна из них – это радость о жизни вечной. Изменился образ жизни и иному отданы приоритеты в нем, а потому изменился и человек, а значит и его образ мировосприятия и миропознания стал иной. В отличие от того древнего человека, мы меньше любим и из-за этого редко заглядываем смерти в глаза. Только когда смотришь смерти в глаза хочется знать как можно больше, чтобы видеть спасительный выход. А потому раскрываются скрытые возможности человека⁴⁰⁶, у человека включается вся природа распознавания Бога, дар видеть путь мимо опасности в образе недостижимости Творца⁴⁰⁶. Глядя смерти в глаза, академические знания нужны в последнюю очередь, ибо нужно нести в себе эту радость, чтобы вокруг видеть через её призму её же образ и подобие. Это не смех, а только радость Божественная. Глядя смерти в глаза нужно видеть даже в ней счастье Царствия Небесного, ибо только в этом случае видишь путь мимо опасности. Итак, смысл жизни стяжание и сбережение Божественной радости. Остаётся только лишь разглядеть, как сие просматривается в самой природе людей. Например, представим себе сильное мускулистое тело, несколько хорошо развитая мышечная масса в совокупности со многими другими достоинствами. Так как оные имеют ме-

сто в природе человека именно в той кондиции, которую нам демонстрируют борцы и штангисты, следовательно, они востребованы и востребованными могут быть только для одного – работа их каким-то образом должна облегчать удержание этой радости единения с Богом. Если нет этого смысла, то ни борец, ни штангист не сможет собраться духом для рывка к победе. Только утверждая счастье, человек справляется с нагрузками, обуславливающими это счастье. В противном случае, эволюционно этого даже не могло возникнуть в бытии, как не востребованное (нет радости – человек не идет к ней, перестает творить, ибо не видит смысла). При этом в обязательном порядке должен работать хорошо мозг, как конечная цель и смысл бытия рельефной мышечной массы. Следовательно, нагрузка должна быть такой, чтобы мозг работал, воспринимал адекватно реальность, причём по максимуму его возможностей. То есть мозг вовремя тяжелейших изнурительных нагрузок должен нормально работать, помнить и запоминать, и решать задачи любой сложности. Должна быть ясность ума. Что-то иное начинает также скрадывать счастье жизни, хотя бы потому, что обуславливает ошибки и вместе с ними все их производные. Ошибка имеет определение только в данном аспекте – как покушение на радость. Как бы эволюционному историческому процессу здесь много работы по совершенствованию человеческого организма в этом и только в этом направлении.

Сердце сильное и работает, поставляя обогащённую кровь

по отведённой артерии в мозг только самую качественную кровь и при этом только во время физических нагрузок. В противном случае, функциональность мозга теряется после получасовой работы (так происходит в физической неподвижности) из-за слабого притока кислорода и питательных веществ, а также становится затруднительным вывод отходов жизнедеятельности мозговых клеток (появляется чудовищное зашламливание). Кроме физических нагрузок также есть много иных факторов напрямую или косвенно стимулирующих или тормозящих работу мозговых центров. Это питание, бытовые условия и время суток. И это еще не все, ибо нужна результативная осмысленность цели, ибо всё в природе организма в течение многих времён эволюции подстраивалось лишь под один знаменатель – мозг приспособлен поддерживать полноту счастья человеческого в той же реалии многогранности природы, в какой оно утверждено Богом во Царствии Небесном, ибо что-то иное нам не ведомо. Человек таким родился в бытии и иным быть не может. Так как зерно радости – есть настоящая жизнь, то полнота счастья имела место быть всегда, но не была такой выраженной всеобъемлюще, как ныне. Счастье утверждает жизнь, а потому обрело конкретную стимулирующую значимость для работы ума. Причем счастье – не демонстрация умственных способностей и не степень религиозности, а Божественная высота религиозности человека, ибо, в отличие от религиозности, мышление – это один из способов познания Вселенной,

это инструмент познания Его какой-то грани в соответствующей сфере-области бытия, причем также нужный, как зрение, как обоняние и так далее, призванный создавать комфортные условия пребывания духа в радости (от бытия в Боге). Только видит он замысел Творца, как свое же природное подобие в сфере анализа, то есть во множественных схемах умного устройства Вселенной. То есть зрит Бога в узкоспецифической полосе, где по природе вещей естественно видеть разуму по подобию своему. Иными словами, всякая деятельность человека на земле в первую очередь несёт в себе цель обеспечения оптимально спокойной функциональности головного мозга при любых нагрузках и окружающих условиях. А если говорить более конкретно, обеспечение хорошей продуктивности мозга, как фундамента для умного делания богообщения личности с Личностью Царя Небесного. И это есть смысл всех устремлений любого человека (и мира материи в нем), ни на миг в истории человечества не утратившего своей первостепенной значимости. Молитва же утверждает связь с Богом, что обуславливает автоматически приобщение ко всем остальным граням Божественного одновременно без вмешательства разума и, конкретно, одной из многих их – правильное мышление. Ибо разум занимает то место для мыслительного обозрения, с которого на Своё творение смотрит и осмысливает Бог и для утверждения себя в этом состоянии вечно жить, оперирует инструментами научного прогресса, оказавшимися в области досягаемости, наделяя

человека ещё одной гранью счастья – обозреть мир с высоты Творца, любоваться красотами и принимать верное решение и находить верные пути выхода из ситуации, которые всегда сопряжены только с желанием самопожертвования в утверждении этой красоты. А жертвовать собой может только счастливый человек, то есть добрый, ибо Бог дает человеку делиться только счастьем, ибо Он им пленит душу. Тогда сделаем вывод о том, что деятельность мозга, как и вся остальная физиология человека, способствует только одному и при этом самому желанному – счастью и его распространению, возможному только в постоянном единении с Богом. (07.01.00) *Ведь счастье – это такое качество жизни, без которого никакое бытие невозможно. Когда мир занимает свое естественное место в бытии и в природе человека, то он перестает волновать человека как реальность, как воспаленная грехом природа. Человек все то, что не болит, все это перестает чувствовать, а потому мир для него исчезает как реальность, как бытие оказывается за его спиной а перед ним, перед его очами предстает Бог. Именно это и выразилось на природе человека, на строении его организма – голова выше всего*77777.

1.0.1.0.Теперь этот же вопрос освятим с иной стороны, как в подтверждение сказанному. Голова человека согласно последним открытиям науки – это и есть основной организм человека, а все остальное – второстепенные части тела и вспомогательные ей органы. Что это значит? Это значит,

что если без руки или ноги жизнь ещё может продолжаться, то без головы, а точнее без мозга – никогда. То есть теоретически голова без тела ещё может жить (надо только создать для этого все необходимые условия), но тело без головы нет. Так как радость, счастье, экстаз – естественное состояние человека, данные человеку ещё во Царствии Небесном Самим Источником их, то в природе нашего тела это есть привилегия только головы, ибо лишь в ней возможно приобщение к Источнику радости через органы-проводники. Радость возникает только в мозге, а не во вспомогательных его органах (не в руке, ноге или иной части тела). Органы – это лишь проводники для активации счастья в мозге. Остается сказать важное, что организм человека служит только тому, чтобы поддерживать мозг в этом естественном состоянии – радости, экстаза⁴⁰⁷. Постная пища, сам процесс тяжёлого физического труда³²¹, все формы воздержания и ограничения себя, а также само строение нашего тела мотивируют выход души из чувственной природы, создают комфорт для торжества духа над телесным, потворствуют хорошей работе мозга и ясности ума. Только это в этой кондиции состояния человека обеспечивается высшая экзальтация экстаза и она естественна для человека, рожденного в райских обителях. (07.01.00) *Причем, это такой смысл человеческой жизни, заложенный в Божьем замысле, а потому независимо от того, есть первородный грех или его нет – стяжание радости от бытия в Боге, возрастание в этом счастье. То есть, так*

как Бог – это абсолют счастья и максимум радости, то быть Ему подобным в этом – высшая цель для бытия во Вселенной каждой фибры этого мироздания. Мир многогранен, но каждая грань его заточена именно под эту кондицию бытия, а природа человека – это такая система путей-проводников, с помощью коих Вселенная поддерживает подобие Богу для приобщения к Нему. Ничего помимо этого в природе нашего организма нет.

Отсюда следует только одно, что всякая деятельность человека направлена только на поддержание высокого жизненного тонуса головы и её мозга. Причем не просто снабжение мозговых клеток всем необходимым, а уму нужна особенная наивысшая кондиция комфорта, при которой работоспособность ума пребывает в высшей степени экзальтации, что и есть экстаз. Представьте себе, что вы пашете, сеете хлеб, строите дома, посещаете бани, сауны и так деле – все это, как физическая активность, призвано к поддержанию жизненного тонуса мозга в голове в данный момент, ибо в процессе физических нагрузок происходит важное – быстрый приток свежей крови, очищенной и наполненной по максимуму всем необходимым. При этом, эта физическая активность еще и мотивирована стремлением к поддержанию подобия Богу в иных реалиях, где приятное совместилось с полезным – будет урожай, который даст общение с Богом ещё и в иной грани счастья. Иными словами, для счастья нет необходимости в достижении каких-то внешних целей, но

нужен только сам этот процесс физической активности, стимулирующий нужную кондицию, и высокую работоспособность разума для прежнего хранения радости, доставшейся нам еще от тех самых первых времен. Вот почему первые люди во Вселенной были наделёнными телом уже во Царствии Небесном. Теперь, когда из-за греха появился дефицит притока энергии, то есть возникла необходимость её добычи, пришлось эту активность не ради активности для поддержания тонуса, но соделать ее еще и осмысленной, то есть направить в нужную для вечной жизни сторону – организовать к добыванию хлеба насущного, столь нужного для физического пребывания на земле в ближайшем будущем⁴⁰⁷. Но в любом случае, экстаз так и остается базисным стимулом всех активаций и мотивацией последующих эволюционных движений самоорганизации и организма человека, и потом всего общества. Экстаз так и остается возможным только благодаря единству с Богом, как и прежде, стимулирующим эволюционные токи, в коих качественная и разносторонняя извечная связь с Ним становится всё более и более полной. Повторюсь ещё раз, что люди работают ради хранения самой кондиции молитвенного единения с Богом, возникающего только во время процесса физической активности. В этом прослеживается стремление возрастания к более всеобъемлющей полноте исповеди о Боге, благодаря чему молитва Ему слышится лучше Им, а это есть самое важное на Земле. Об этом важно сказать, ибо, повторюсь ещё раз, как проявится

потом в истории, люди осуществляли сам этот процесс физических нагрузок ради самого процесса, ибо нужна именно эта кондиция духа, высшей экзальтации счастья, сплывающего общество, что обуславливает достижение иных второстепенных любых целей. Это есть основание бытия человека, последующего после Святой Евхаристии. Причастившись святых Таинств, человек обретает не Частицу в себя, сам становится Частицей Тела, в Коем все едино.

Голова же сама по себе не простой организм, а так как, изначально, ум рожден в абсолютном счастье, то счастьем измеряет все вокруг, активируя все токи научно-технического прогресса именно в этом направлении. Какого-то иного направления нет в бытии для ума человеческого, а если даже и было, то бесследно кануло во времени, как временное и мы об этом ничего не знаем и Бог не дает нам что-то иное знать. Так как голова самой первой возникла в области обзора воспаленной грехом природой в земных пределах, то путь эволюционного усложнения в естественном отборе шел дольше всего. Поэтому в ней есть нечто такое, с помощью чего она может распознавать реальность – это ум, а поэтому головой является все в человеке, все органы тела – это части головы, с помощью коих она разнопланово приобщается к одному и тому же Центру Вселенной. Эволюция головы и ее органов, привычно обозреваемых в виде тела человека, может идти только в пределах пути к счастью о единстве с Творцом и чаяний о счастье о Нем, и о радости в Нем. Поэтому

голова так и остается впереди эволюционного становления, следом за коей идет все остальное тело, а потому подчиняет себе все. Тело – это орган головы. Всякое позиционирование мировосприятия вне головы, то есть на каком-то ее органе, всегда будет только лишь односторонностью познания Вселенной или односторонностью богообщения. А всякая односторонность – уже есть инородность всеобъемлющей полноте, а потому и временна. Ведь ум, как и в тот самый первый миг земного бытия, видит только пути, в коих нет покушения на радость, видит то, что приносит человеку счастье, ибо только счастье является настоящей реальностью для человека. ничего иного нет в бытии. Причем, смысл человеческой жизни независимо от падения в первородном грехе – стяжание счастья и дальнейшее многообразное возрастание в нём. Человек с каждым днём должен становиться выше и выше, шаг за шагом поднимаясь к вершине и от увиденного окружающего мира, от большего подобия Богу у него сильнее и сильнее чувство восторга и радости. Он должен становиться все счастливее и счастливее от того, что Источник радости все полнее входит в его природу. Само счастье всегда несет в себе некоторые составляющие в прообразе сказанного в этом абзаце.

1.0.1.-1. Для освящения данного вопроса разберёмся в самой природе чувства на самом простом и грубом языке понятий. Всякий из нас стоял на берегу реки. Воды её текут вдоль береговой линии. Если бы земля под нами (и мы, стоя

на ней) двигалась тоже с такой же скоростью, то нам не распознать перемен в воде, река для нас была бы лужей. То есть, первым условием, которое позволяет человеку видеть изменения в реке – постоянство берега, как недвижимая точка отсчёта. Всякий из нас помнит все перемены в организме, от раннего возраста до этих минут, когда вы читаете эти строки. Помнит все биологические изменения в себе в процессе взросления организма. То есть, каждый из нас несёт в себе двоичность природы¹¹⁵, в которой есть некоторый берег, относительно коего, или стоя на коем, мы можем замечать (или иными словами чувствовать) перемены в себе от раннего детства до этих мгновений. То есть чувственное познание окружающего мира – это есть сравнение-сопоставление природы постоянства этого «берега» в организме человека с природой непостоянства, то есть течениями во Вселенной, а ещё точнее со степенью альтернативы этому постоянству. Это есть некоторый эталон, как еще одна из многих сторон счастья и радости, относительно которого все имеет некоторое отличие, поддающееся распознаванию, которое мы называем чувством. Если этого отличия-контраста нет в исследуемом предмете, то и нет восприятия, нет чувственного освидетельствования. То есть мы воспаленной грехом природой распознаем лишь то, что подобно нам в двоичности, что является контрастом к этому эталону постоянства берега. Видим только то, что имеет хоть какие-то признаки перемен. Мы видим темную полосу на белом, а белую полосу на бе-

лом не видим. Это как заяц, который распознается охотником только во время перемещения зверька или в каком-то ином контрасте, а в состоянии покоя он не видимый. Понятно, что в бытии сфер-областей множество, а потому и этих «зайцев» в реальности множественно бесконечно разных тоже множество и по-разному множественно явленна многогранность Вселенной в них. И при этом, чем сильнее приобщение к постоянству и чем сильнее подобна ему, берегу, мера чувственной природы, чем сильнее эталон измерения имеет признаки свойства абсолютной неподвижности берега, тем большее удастся распознать, тем заметнее самые малые изменения вокруг (это как на водной глади заметны колебания даже мотылька, упавшего в воду). Это уже удел опытных, сильных молитвенников-монахов, специалистов судеб человеческих⁴⁰⁸. Таким образом, нам становится понятным то, что после грехопадения нам дано чувствовать только альтернативу нашему счастью – горе. Именно поэтому некоторые знания, полученные через чувственную природу, несут нам несчастье. (07.01.00) *Природа человека – это симбиоз многих форм познания Бога в разных сферах-областях бытия.*

*****На основании всего сказанного, есть смысл вернуть освещение** на исследуемые общие моменты физики внутреннего мира материи.

Всякая частица, если она оказалась распознаваемой органами чувств или разумом, несет в себе двойственную природу: постоянство и изменение.

Теперь, когда известно о двойности всей обозреваемой природы, нам остается дать разносторонние характеристики обоих составляющих одно единое целое. Раскрыть существо вопроса позиционируясь на точках зрения физики, математики, биологии, богословии, нравственности.

1.0.1.-2. Всякое явление за долго до возникновения заявляет о себе многовариантно через множественные предтечи. Сначала, к примеру, это свет, потом звук, тепло и только в последний момент – это уже освидетельствование непосредственным прикосновением, когда человек оказывается в центре самого события. По этой причине, в ходе передвижения можем видеть все то, что нас ждёт в некотором будущем по пути следования⁴⁰⁸. Таким образом, будущим наделено всё живое, ибо живое по определению имеет свойство идти в будущее и при этом распознавать его черты заранее. Чем сильнее выражено постоянство нашего эталона измерения окружающего мира, тем лучше распознаются все те свидетельства о явлениях, которые вскоре станут современностью. Это называется даром пророчества. Старцы в строжайшем аскетическом делании стимулируют это качество абсолютного постоянства в себе и Бог дарует им Свое спокойствие духа⁴⁰⁸. Духовная жизнь людей – это как тишина, в коей чем меньше отвлекающих голосов, тем сильнее слышимость даже мышиного шороха. Видеть события наперёд – это тоже удел стяжания уверенности в себе, как неотъемлемая составляющая счастья. Ведь страшно не опасное событие,

а именно утрата видеть грядущее, правильно распознавать опасность, позволяющее обходить трагедии стороной ⁴¹. Дар видеть приходит только с помощью Духа Божьего и позволяет жить в радости и даже в кромешном аду ходить дорогами счастья. И наоборот, слепота приводит к отпадению даже от туда, где опасностей нет – из рая⁴². Дух ведения – это один из даров Духа Божьего, которого «... вдунул в лице его дыхание жизни.» (книга Бытие гл.2, стих7). Бог дал нам Духа Своего, чтобы мы могли видеть и узнавать Творца, и чтобы мы могли знать Его, идти к Нему мимо смертельных опасностей (прообраз Пасхи Христовой, ведь Пасха в переводе на русский означает пройти мимо). *Этот образ выразился потом на Святой Евхаристии во время литургии в Православном Храме. Во время святого Причастия мы впускаем в себя Частицу Бога. С этого момента, нам мир представлен несколько иначе. Теперь мы посредством Духа Святого, сослужащего священнику, оказываемся в поле победоносного торжества над своими греховными слабостями, с которыми мы боролись и не смогли их победить до исповеди.*

1.0.1.-3. Для возможности двигаться дальше в наших суждениях, необходимо понять то, как работает головной мозг. Но сперва, нам надо выяснить какова сама природа жизни, из чего нам станет ясной сама природа познания. Из некоторых суждений, приведённых чуть ранее по тексту, нам стало понятно, что природа живого двоичная⁴³ (берег-река). Имен-

но это соотношение двух составляющих нашу природу, попавшее в поле самого примитивного свидетельства инструментом математики (ноль и число), становится первообразом всех явлений в организме человека и особенно в природе чувственного восприятия. Представьте себе, что вы пытаетесь вывести табурет в состояние равновесия на двух соседних ножках. Чем сильнее крен прямой, соединяющей центр массы табурета и точку опоры, от абсолютной вертикали, тем тяжелее удержать или восстанавливать в состоянии равновесия качающийся табурет. Но можно вывести в такое в почти вертикальное состояние, при котором колебания, хотя и будут в любом случае вокруг вертикальной оси, но настолько ничтожно малы, что восстановление равновесия будет практически без усилий. В организме человека также происходят колебания, при которых и здоровье человека, и мир духовный, и мир душевный неизбежно и постоянно выводятся из равновесия всеми формами экспансии из внешней, изменяющейся Вселенной. Всё пытается столкнуть и вывести нас из равновесия, но вопреки сему борьба за жизнь – это восстановление, после коего здоровье опять нормализуется, душевный мир успокаивается, дух торжествует. Именно это происходит в головном мозге. Мы видим все благодаря этой составляющей, названной постоянством берега, относительно которого все течет. Мы видим и эту альтернативу норме абсолютной стабильности – крен, перемены. И чем сильнее стабильность, чем абсолютнее степень постоянства, вы-

раженная в минимальности колебаний вокруг данной «вертикали» вселенной внутренней духовной жизни, тем более тонкие перемены может различать ум человека через инструменты, заложенные в строении организма человека. Таким образом, самое важное в жизни мозга, а значит и абсолютно всех составляющих человеческого организма – приобщение к этому абсолютному постоянству берега посредством стабильности внутреннего равновесия. Таким образом, вся деятельность человека, все его побуждения осознанные и не осознанные, в конечном счёте, несут в себе одну цель – наиболее сильное приобщение к Божественному, наиболее близкое сближение с Творцом (в данном случае, в аналитической сфере-области этого бытия аналитически явленный нам как абсолютное постоянство), дарующее возможность более и более глубже познавать окружающий мир всеми органами чувств, в том же числе и предсказывать будущее и мыслить, как свойства чувственной природы. Это счастье есть религиозность, позволяющая близко подпускать к себе смертельную опасность и даже жить с ней, проходя или даже протискиваясь мимо неё. Благодаря этому человек смог взять в руки несущий смерть огонь и даже потом занести его в деревянную избу.

1.0.1.-4. В данном рассмотренном случае, познание мира, как свидетельство о Боге, оказалось в сфере возможности обоснования с помощью ограниченного природой логического анализа, где речь шла об одном из множества Его

свойств – постоянстве «берега». К сожалению, всякий анализ имеет адекватно зримую функциональность только в этой сфере-области бытия Вселенной – «течение», то есть почти мифическим берегом реки все возможности всякого логического суждения о Божественном исчерпываются и нам уже с помощью оно не откроются иные реалии «кухни» за водной гранью берега, но только множественные формы, а потому что-то более глубокое оказывается вне области компетенции логического анализа, вне области материалистической концепции¹⁹⁰. Но, надо заметить, что даже такое примитивное и абсолютно грубое свидетельство о Творце, как абсолютное постоянство, многим из вас дало возможность испытать радость о Нем. Потом чуть ниже по тексту мы разберём и другие концепции, как формы приобщения к иным Божественным свойствам, в иных реалиях формирования Вселенной и они тоже наполняют естество человека великим торжеством духа и счастья. Там речь пойдёт о культах, о ритуалах, об исторических процессах, философии и науке. Каким бы масштабным или уникальным, специфическим любое явление исторических процессов не было, всё равно оно будет выражать только эту физическую и психическую потребность человека, потребность быть в счастье от единения с Богом. Всё, что было в мире людей или ещё только будет – является исповедью о связи Вселенной с Божественным через человека. И тут нет смысла строить какие-то иллюзии. Тогда дадим определение подвигу. Подвиг – это

действия, направленные к единству с Творцом⁷⁷⁷⁷⁷. Но жертва здесь не самоцель, а условие для достижения единства с Ним. Для человека, наделённого счастьем, сие есть норма, он даже не задумывается над выбором. Ради этого самого важного ничего в этом бытии его не цепляет.

1.0.1.-5. То есть на самом деле, если говорить на понятийном языке святых отцов, все в нашем теле подчинено к стяжанию Благодати Божьей, приобщившись к которой человек становится пленником Её навсегда вновь, ибо всякая свобода от полноты счастья в данном и только в данном проявлении становится бессмысленной, не желанной, нуждающейся в очистительной жертве⁷⁷⁷⁷⁷. И даже всякая несвобода во имя полноты счастья от приобщения к Благодати Божьей, которая невозможна вне Бога, становится желанной необходимостью. То есть человек ищет на самом деле не свободы во всех смыслах этого слова, а радости бытия, что со свободой в том плане, в каком мы себе представляем, редко совместима. И даже более того, на самом-то деле бытие в счастье – есть свобода, а для сохранения счастья неизбежно возникает осмысленное стремление удерживать его в себе посредством свободы, с помощью коей достигается жизненно необходимая всеобъемлющая полнота. А это и есть физиологическая потребность в творчестве и в жертвенности, а потому обратно уже к прежней жизни, в которой нет активирующей радости бытия жертвенности, вернуться просто не может. Ведь сказано было Моисею пророку «Несть человек, иже увидит

Лице Мое и жив будет»^{777-07(a)}, то есть человек остается в желанном аскетическом плену этой радости навечно, ибо тот плен, не смотря на его очевидную суровость и тяжесть, на самом деле желанный и несёт смысл его бытия – радость человеку от бытия в естественном ему Царствии Небесном. Итак, все в этом мире: с одной стороны, если без Бога, отсутствие свободы гнетёт и томит дух, а с другой стороны, та же самая несвобода в Боге становится условием спасения, счастья и райского блаженства⁷⁷⁷⁷⁷. Мы хотим быть свободны от мучений души опосредовано мучений тела, а потому скованность ради близости к Творцу – это совсем не плен, а возвращение на Родину, из которой некогда человек ушёл. Это духовное единение с Ней должно наступить не когда-то там, а уже сейчас при этой уже земной жизни. Человека этот плен ни чуть не стесняет, ибо для него пленение сие не есть тяжесть, но есть достижение цели свободы от смерти, как ещё одно условие Рая. Иными словами, человека тяготит не ограничение свободы, а покушение на радость его бытия, от которого он может быть не свободен⁴⁰⁹.

1.0.1.-6. **Человек – воплощенное счастье.**

Если счастье является естеством жизни, то в течении множества веков этот момент неизбежно должен многообразно выразиться на природе человека во всех гранях проявления его естества. Причем, это неизбежно должно дать нам ответ на главенствующий вопрос о смерти – о том, какова её реальность. Если это так, то пусть сама физиология наша рас-

скажет нам о том, кто мы есть.

Прежде чем вести об этом речь, следует подготовить читателя. А потому сделаем некоторое пояснение, для того, чтобы более чётко понимать природу чувств. Изначально, следовало бы сказать, что природа человека многогранная и несёт в себе множество оттенков. Человек жаждет быть вечно, жаждет любить и быть любимым, жаждет быть счастливым. Человек имеет возможность видеть и познавать окружающую его Вселенную. Человек стремится к совершенству, к чистоте, к стабильности. И так далее. По слову Григория Богослова, Бог вместе со Своим Дыханием вдунул «частицу Своего Божества – благодать, которая с самого начала в душе присутствовала, давая ей способность воспринимать и усваивать эту обожающую её энергию». Это было соделано Богом для того, чтобы созерцая мир через призму Этой Самой Частицы Его Божества, человек мог видеть Её соприродного Творца своего, мог бы в непосредственном общении³²² и тем самым, обладая сотворенной природой, человек увлекал бы за собой Вселенную во Царствие Небесное. А также, пребывая в непосредственном богообщении, быть проводником Божьих энергий из Царствия Небесного в окружающий его мир материй – уверенно исполнить своё призвание, по учению святого Максима Исповедника: человек, являясь с Богом опосредовано вдунутой частицы Его Божества в единстве и тождестве стяжанием благодати, смог бы «соединить любовью природу тварную с природой нетварной». После

грехопадения первого человека способность его видеть Бога не утрачена, ибо Его Частица, вдунутая во время творения в человека навсегда остается пребывать на нашей природе. После грехопадения иным стал способ быть с Ним в единстве общения, добавилось то, что видим мы Творца в Его творениях – в природе. А потому изменилось и само богообщение – теперь, если наш ум в Боге, то мы пребываем с Ним в отношениях также через множественные посредники – носители Его энергий. Если наш ум в Боге, то мы пребываем в Нем⁴¹⁰ теперь уже и через окружающий мир. А потому нам дано чувственно распознавать только то, что несет в себе Божественное, что способствует нашему движению к совершенству, к чистоте, к стабильности. Мы в какой-то степени сопредельны падшей природе³⁸⁵, чувствуем все то, что несет в себе Божественное³⁸⁵ и видим Его через все то, что несет в себе Божественное. И этим пребываем в Нем (хотя и противоестественно тому, как это имело место быть во Царствии Небесном³⁸⁵), и при этом движется к Нему. Это видно из нашего примера, в котором река воспринимается голубой лентой только потому, что в ней происходит постоянное движение вод к океану. Нет движения – река исчезнет в песках. В этом же принципе устройства распознается весь остальной мир.

Ведь сама по себе природа – это «реальность в становлении», то есть совершенна только лишь «в этой способности

приобщаться к Богу, все более и более прилепляться к полноте Божества»⁴⁴ причем опосредовано только человека, а точнее образа человеческого пути движения к Богу в развитии становления до образа Бога, ибо, в противном случае, для нас совершенство природы оказалось бы чуждой, а потому не воспринимаемой. Если сказать, что мир пребывает в единстве и борьбе противоположностей, в эволюционном движении от простого к сложному в естественном отборе по спирали к совершенству, то человек, как самое конечное звено этого эволюционного становления – есть пик совершенства. Подобное рождает только свое же подобие, то есть каждая микрона бытия наделена тем(смотри11111), что несет в себе человек в чистом виде, то есть Вселенная общается с Богом через человека, посредством человека и Бог общается со Вселенной через человека. человек – это уста Вселенной, произносящие хвалебную песнь Творцу. В противном случае, человек из чего-то иного не состоял.

Чтобы адекватно принять учение святых отцов, необходимо сначала увидеть в самом себе эту Частицу Божественного с помощью того набора инструментов, который считается общепризнанным и научно обоснованным для познания мира. Исходя из этого перед нами встает вопрос о познании самого себя, чтобы познать Вселенную.

а) Почему Бог не познаваем? Потому что обладает свойством абсолютного постоянства. Опять же случай с зайцем, который сливается с окружающей средой и, пока он не дви-

жется, он не заметен. Следовательно, чувство – это всё то в нашем естестве, что распознает движение, перемену, изменение⁴⁴. А следовательно, природа наших чувств наделена постоянством, с помощью коего мы видим только лишь постоянство, через непостоянство, то есть относительно всего относительного во Вселенной. (Понятно, что только голова человека является центром, в коем сходятся во едино все нити чувственной природы). Скажем иначе, мы умом видим постоянство относительно созерцаемого нашими чувствами непостоянства (белое на фоне черного). Бог абсолютно постоянен, а поэтому нами чувственно не распознаваемый (заяц, затаившийся в траве не заметен). Следовательно, чтобы видеть Его, нужен контраст-непостоянство, которое о Нем для нас заявляет. Вне этой системы постоянство-непостоянство (берег-река⁴³) всякое непостоянство не имеет значения и его нет в бытии, ибо это зло⁴⁶³. Мы чувствуем то, где живём, а именно солнечный свет, излучение тепла и многое иное, только лишь потому, что земная жизнь в том её состоянии, в каком она оказалась после отпадения Адама и Евы из Рая – не несет в себе для человека естественный образ, а потому не есть естественная среда обитания человека, в которой мы чувственно созерцаем Творца через мир пораженный грехом. Благодаря этому мы не забываем и задаем вопросы о том, что когда-то человечество пребывало во Царствии Небесном, на своей естественной Родине. В против-

ном случае, мы бы не могли сравнивать то, что есть с тем, что было. Иными словами, мы не могли бы чувствовать все то, что есть от Бога⁴¹⁰, как не можем воспринимать белое, не ведая о черном. Итак, изначально, мы чувствуем только то, что несет в себе Божественное, имеет к Нему причастие – мы видим Бога либо непосредственно, либо в Его проявлении в естественном для нас бытии, несущем воспаление первородным грехом Адама.

Скажем проще, так как жизнь может быть только благодаря Божественному, то общение с Ним в любом образе имеет только живительное влияние. Но влияние влиянию рознь. Когда имеет место естественный порядок вещей, свойственный бытию человечества до грехопадения во Царствии Небесном, то мир представлен единым цельным организмом. Но, когда имеет место быть противоестественный порядок вещей, то познание Бога осуществляется в трагедиях, в искушениях, в поте лица. Бог в обоих случаях дает Себя и служит нам, но зависит от нас то, как мы Его принимаем.

б) Земля проклята за первородный грех Адама. Рай, как счастье, как естественная среда обитания, оказывается вне чувственной воспаленной грехом природы – вместо счастья мы чувствуем и, так как чувствуем, то и помним только наше же подобие – несчастье, трагические моменты жизни отражаются в памяти. Также нужно сказать о ещё одной грани Бога. Он абсолютно добр, а добро мы не ценим, а потому и не видим Его, как Ценность. Но видим только то, что

уже наделённым Им и Его добром когда-то было, как сожаление об утраченном, ибо без этого изначального «наделено Им и Его добром было» нет данного. Мы видим все то, что уже когда-то было только потому, что сами этим наделены. На общей схеме жизни, которую представили в виде вертикальной палки в положении равновесия, этот момент представлен следующим образом. Палка, выведенная из положения равновесия, начинает свое падение, тем самым свидетельствуя о том, что некогда она была в положении, от которого она начала своё падение – когда она пребывала в равновесии. Чем отличается система, называемая палка в вертикальном равновесии от системы, в коей палка в процессе падения (утерявшая равновесие)? Вся трагедия в том, что мы их путаем, а это разные системы, которые, как реальность, распознаются с помощью различных по природе инструментов, различны даже законы, коим подчиняются эти системы. Первый – законы стационарные, обусловленные внутренним миром. Второй – законы механики. Если мы перенесем все это на наше тело, то увидим эту же двичность исповеди об одном и том же в самих себе, при чем второе является производной первого. Наше тело – производное работы мозга. При этом их нельзя смешивать противоположным образом, ибо одно дополняет и дополняется другим. И перед нами прообраз акта возникновения мироздания из ничего. Вторая система, подчиняющаяся привычным законам механики, возникла из пустоты, а точнее

из системы первой, которой согласно законам второй нет в бытии(смотри 777-07-07.7). При этом надо заметить, что вторая система имеет прообраз первой во всем смысле. Обе так и остаются выражением одного и того же, но в изменившихся реалиях, в коих происходит самовыражение Его.

Мы видим то, что было благодаря создавшемуся контрасту. Умом мы видим одно, первообразное, а своей воспаленной грехом природой видим иное – только производное – процесс падение палки. Мы чувственно распознаем энергию, возникшую из небытия – из состояния постоянства в равновесии, распознаваемой её же подобием, воспаленной грехом природой. Подобное рождает только свое же подобие, то есть палка в равновесии падением рождает свое же подобие. То есть из неоткуда получаем энергию, имеющую образ и подобие этого «ниоткуда». Это «ниоткуда» одевает на себя одежды, в коих мы получаем способность видеть это «ниоткуда», ибо оно становится нами логически предсказуемым, как подчиняющееся закону физики. То есть естественное подобие второй составляющей нашу природу, то есть падшей природе органов чувств человека, в то время как само равновесие и процесс становления никакой логике не поддается и не подчиняется тем законам, по которым происходит падение палки или течение процессов распада. Повторюсь, что распознаваемое падение палки – это одно инобытие, а становление – тоже инобытие, но иного происхождения по природе вещей. Каждая из этих реалий, соот-

ветствующих своему инобытию, присутствуют в природе человека, а потому Божественное явленное в разных инобытийных сферах распознаются разными инструментами и по-разному. Таким образом, человек, делающий добро должен сразу быть готовым к тому, что никто это его добро не заметит. Доброе не видно грехом и более того, людям свойственно искать даже черный пятна на Солнце. Либо люди к хорошему быстро привыкают и принимают как должное, и в то же время помнят зло. Именно по этой же причине космический вакуум, до предела наполненный устойчивой Божественной Природой и красотами Её, визуально представлен нам холодной пустотой. Хотя даёт нам свидетельство о Боге только лишь в некоторых точках, в которых, к сожалению, уже происходит то, что оказывается в пределах распознавания нашей природой с грехом, то есть ядерный (и скорее всего ещё более внутренний) распад⁴⁵ устойчивости и равновесия. Иными словами, природа человека ничтожна и разлагается, а потому ищет в Боге свое же подобие – распадающуюся ничтожность. И находит не красоту вечного и бесконечного Царствия Небесного, а как раз то, что мы называем абсолютно малой частицей бытия, которая пребывает в процессе распада(смотри 777-07-07.7). Таким образом, свидетельство о Боге распадающейся материей выражается также, как падающая из положения вертикального равновесия палка свидетельствует о том, что у палки было состояние равновесия или даже свидетельствует о том, что эту палку в со-

стояние равновесия что-то привело или удерживало. Распад есть распад, какой бы сверхмощной силой он не обладал, он остается всё равно распадом 777-01-2.5. Повторюсь, что природа у нас такая, поражённая грехом, опосредовано которой чувственно мы можем видеть только зло, помним только зло и ищем тоже только зло и ради себя убиваем живое – просто по-другому жить, обладая такой падшей природой во грехе, невозможно. Именно по этой же причине деторождение и рождение вообще имеет такой вот привычный вид в прообразе нашего распадающегося ничтожества, в коем рождающийся видит перед собой одно из двух или окружающую темноту окружающего пространства, или свет в конце тоннеля. В этом же прообразе все в окружающем космосе. Солнце для нас – это тот самый выход и вход во Царствие Небесное, источающий нам свет в конце нашего путешествия по тоннелю.

Как видим, ничего не ведая об окружающей нас реалии, но разбираясь в собственной природе, мы верно предполагаем о том, как устроен окружающий мир (смотри 777-07-07.7).

в) С другой стороны, приобщаясь к Божественному, мы, принявшие Его радость бытия в экстазе, начинаем принимать Его образ и подобие. Он Творец и мы становимся творцами. Да мир разрушается, но мы вновь все восстанавливаем тем, что утверждаем свою радость. Причем, боимся потерять эту радость созидания, а потому в нас появляется необходимость постоянного творчества восстановления стабильности

порядка. Если мы устаем в одном образе труда, то переключаемся на другой вид деятельности. Если устаем уже и здесь, то ищем замену и работаем там, где есть силы. То есть мы постоянно меняем эталон полноты, через призму коего созерцаем Вселенную(смотри 777-07-07.7). Лишь бы идти, ибо только в этом случае возможно сохранение естественного, Божественного счастья 777-07-07.7(а). (В этом же прообразе адаптируется присутствие Божественного в этом постоянно меняющемся земном бытии777-07-07.7(б)). Достигшие совершенства в этом урезают время даже для сна, ибо после сна приходится восстанавливаться в единстве с Богом, что есть самое болезненное действие. Все в человеке заточено под это, лишь бы не потерять эту живительную кондицию радости богоподобия, лишь бы в пределах дозволенного Им непосредственно участвовать в жизни Пресвятой Троицы. Вот так в человеке одно уживается с другим. Следовало бы сказать, также, что человек, пребывающий в единстве с Богом, мотивирован миротворчеством, а не поделками из глины, к примеру. Продукты культуры и научного прогресса возникли не как объект первой необходимости, а как востребованное миротворчеством дополнение. (Культ нужен для того, чтобы менять свой эталон мировосприятия, адаптировано к данной реалии земных условий жизни. Ведь всю полноту сразу вобрать в себя невозможно, но только порционно, по чуть-чуть, в пределах возможности нашей ослабленной природы777-07-07.7(в)). То есть по необходимости (если нет нарушения приорите-

та, при котором движение и физические нагрузки остаются в той же степени активности, ибо стимулируют ясность ума), если данной активности физических нагрузок и возможностей тела уже не хватает.

Таким образом, общим знаменателем сему остается только постоянное пребывание в душевной радости от причастия к одному и единственному Источнику всех известных форм радости.

1.0.1.-7. **Чувственная природа** – это сравнительное сопоставление явления во Вселенной с эталоном постоянства (смотри 777-07-07.7), как основания разума. Мы чувствуем отличия от святости Бога, то есть обладая счастьем чувствуем степень альтернативы ему (или степень подобия ничтожеству) – несчастье. Если, будучи во Царствии Небесном, человек различал образы служения Богу тварного мира (и давал им имена), то теперь добавилось и он телесными очами видит во всем прообразы границы в чистом виде (ничтожества точки) еще и степень своего падения от Бога в окружающем мире. Хочу напомнить о том, что высказанное является функциональным выражением законов в той сфере-области Вселенной, которая оказалось в области досягаемости именно этих инструментов, опосредовано коих материалисты пытаются исследовать Вселенную **190**. Понятно, что мир Ангелов и вообще Божий мир так и остается там на суши, за гранью береговой линии⁴³, за гранью возможности самой природы этих инструментов познавать мир, ибо изначально-

но несут в себе несовместимое с естеством постоянства переменное греха. Этот потусторонний мир имеет своё влияние и раскрывается нашему разуму косвенно, опосредовано второстепенных аспектов проявления, попавших в поле, в сферу нашей физической чувствительности. Остается только в этой картине правильно выделить Божественное от всего остального⁴⁶. К примеру, если мы рассматриваем картину Айвазовского, то нам ясно, где находится Солнце, а где море и всё остальное. Хотя, написаны и Солнце и все остальное одними и теми же красками и на одном и том же холсте, но в реальности данные понятия не сопоставимы. Они не равнозначны в происхождении и по природе, но равнозначны в средствах для изображения – холст и простая краска. Так и для исследователя весь мир открывается некоторой черно-белой фотографией, на которой скрадывается объемность и краски, от чего трудно разобрать, что означают непонятные бело-черные полосы. Но слово «фотография» – инструмент современного понятийного языка, а для тех людей далекого прошлого понятийное имя этому фото несколько иное – древо познания добра и зла. Но чем отличается доброе от злого? Доброе, в отличие от злого, невозможно разрушить и абсолютно бесконечно, а потому в процессе эволюции, будет формироваться жизнь, как разрушающая все вокруг, ибо доброе в любом случае остается нетленным и непорухенным. Доброму свойственно жить вечно, а потому остается жить только то, что смогло усвоить доброе. И вот

разобрать в этом обозримом хаосе черно-белых полос и разложить все по полочкам, понять, где Солнце, как начало всего, где его только лишь уникально сложившаяся производная (солнечный зайчик), способная нести от него энергии – это есть самая основная задача. Более того, это задача, которая решается эволюционным становлением цивилизации, то есть природа эволюционно усложняется и совершенствуется всё более и более углубляясь в распознавании в окружающем мире всей многогранной полноты Бога, явленного нам во множественных Его носителях и, в целом, называемом нами Вселенной или миром. При этом следует сказать, что «... более частные феофании, происходящие на низших ступенях, сокрывают Бога в том, что Он есть по Своей природе». К примеру, Божественное свойство неизменности в механических, математических сферах бытия Вселенной может явить Себя в ином образе единства – в непрерывности множественных форм числовых последовательностей, ибо без Божественного свойства неизменности всякая последовательность или закономерность теряет личностные характерные черты, то есть рассыпается, как не имеющая специфически выраженного элемента постоянства неизменности бытия (к примеру, числовая прямая имеет постоянное, стабильное, непрерывное направление). К сожалению в область математического анализа попадает только это свойство Бога, благодаря которому существует весь анализ во всех его формах. Просто в данной сфере-области, в математике, для вы-

ражения Истины дана краска только одного цвета, благодаря чему облегчается умозрительное логическое понимание сути вещей. Тут нет закона инерции и иных форм проявления Закона Сохранения. Постоянство присутствует в каждой микроне Вселенной, ведь без него нет даже частицы, составляющей хаос⁴⁷. В противном случае, согласно нашему определению о материи, частица для нашего восприятия не существовала ни в каком образе, как не подобное нам для познания (вне системы берег-река). Поэтому всякий хаос, как носитель порядка, имеет способность выстраивать иные свидетельства о гранях свойства постоянства внутреннего мира частицы, в иных сферах спектра упорядочения в прообразе Творца, а не только быть частью малой частицы хаоса. К примеру такие свидетельства, как цельность, замкнутость, единство, стабильность и так далее. Просто частице надо дать свободу подчиниться закону, согласно которому подобное стремится к подобному, чтобы внутренняя природа постоянства оной могла самовыразиться в более сложных прекрасных структурных формах макрокосмоса. Почему? Потому, что частица, попавшая в поле нашего зрения наделена тем самым набором свойств Божественного – постоянством, неизменностью, которая заявит о себе в каждом взаимодействии всеобщего хаоса, как устроитель структуры.

1.0.1.-8. Всякая созерцаемая картина существует как сформировавшееся данное, но в ней всё сливается в одно общее понятие – множество. Но где в этом множестве то, что

может более всего соответствовать Божественному, множественные дефиниции от Коего формируются в выражении многообразия Вселенной не только на картине Айвазовского, но также, к примеру, в числовом изображении (красками чисел)? Это Исходное для всех образов, свидетельствующих о Боге, отражено на картине также краской как и Его производные, но только иного цвета и не более того. Они смешены. А реалии же эти понятия смешивать никак нельзя. Это Исходное наделено одними и теми же качествами и одно из них – различные формы исповеди об абсолютной простоте Творца. К примеру, в математике это ноль. Абсолютно прост и абсолютно не познаваем и все многообразие, составляющее числовое пространство, несет в себе эту связующую данное пространство грань – абсолютное постоянство. Ноль, на самом деле – это не только число, а самая элементарная функция, печать которой или свойства которой будут нести в себе абсолютно все возможные функциональные зависимости всех порядков и самых бесконечных сложностей⁴⁸. Ноль включает в себе абсолютно весь спектр зависимостей, который функционально раскрывается в числовых множествах координатного пространства. К примеру, числовые прямые, тоже как функции, имеют подобие нолю в некоторых гранях своего бытия. Для числовых прямых это – постоянное направление, изменение которого равно нолю. Это цельность единого, ведь в точке Начала начал нет разрывов. В прообразе этого прямая не имеет разрывов. Для

функции этим постоянством или свойством ноля становится неизменяемость закона по всей протяжённости или области определения функции. То есть, отталкиваясь от этого свойства, мы обретаем возможность видеть и другие формы и образы выражения постоянства, явленные нам как функциональные зависимости. В каждой точке координатного пространства нам раскрывается новое свойство Начала всех начал координат – это ещё одна грань ноля (смотри 111-11-2. Почему так происходит? Потому что закон видимой природы раскрывает сущность двоичности бытия и самого человека «берег-река». Это форма взаимодействия абсолютного постоянства её с изменяющейся составляющей пространства, возникшей после поражения Вселенной первородным грехом Адама 111-11-43. То есть, так как постоянство является составляющей во всех микронах Вселенной, из-за чего каждая из них пребывает в поле зрения человека, то и она, то есть эта составляющая везде будет давать о себе знать, позволяя человеку видеть, распознавать и мерить окружающую его реальность⁴¹¹.

Изменением^{48.2}, в чистом виде, была наделена Вселенная и до поражения её первородным грехом – в самом акте творения Богом – говорит преп. Максим Исповедник. Но тогда в замысле Его лежало движение к Божественному совершенству, то есть имело конечность – абсолютное подобие твари Богу из бесконечной отдаленности от Него в подобие Ему⁴⁹.

Так как Слово Божье не преходящее, то ничего в смысле жизни людей измениться не могло даже из-за греха. Ведь сам по себе грех силы не имеет и потому меняется только форма бытия или способ реализации Замысла о человеке. Почему мы созерцаем ноль как абсолютное постоянство? Потому что мы ищем подобие своей падшей природе там, где этого подобия Ему нет, где нет сопредельной нашей падшей природе ничтожности распада. Пытаясь созерцать Его, мы видим свой же образ и подобие в Нем – тоже ничтожность, в которой идут процессы распада. Причем, мы видим то, что остается в прообразе Творца – видим стабильность свечения, излучения (к примеру Звезды). В наших сферах-областях бытия природы эту реалию, созерцаемую как стабильность, стимулирует внутреннее движение возрастания в уподоблении Богу, благодаря чему в этом модусе заявляет о Себе Промысел Его. Также как голубую ленту водной глади на реке мы видим только благодаря постоянному возрастанию к полноводности в процессе течения вод к океану. С каждым метром река становится полноводнее и шире, а зеркало водной глади предстает перед нами как стабильность. Устойчивая картинка мира, созерцаемая нами, также обязана тому самому всеобщему движению Вселенной к своему конечному пункту назначения – к абсолюту, коим может быть только Бог. Этим иным образом несения в себе порядка, а именно элемента постоянства в самой стабильности движении к Одному единому Центру утверждается также и единство мира,

не смотря на его очевидную (!) разобщенность и распад⁵¹. То есть в пределах всеобщего движения к одному и единому, и всеобщему Центру распад предстает перед нами как перестроение в более совершенную форму этого единства. (07.01.00) Так вот именно этим движением в самом себе и к совершенству⁵² обязана стабильность созерцаемого абсолютного ноль. Просто ноль подходит под такое определение в данной специфической сфере-области свидетельства о Творце. Сам ноль делит пространство на две составляющие, в одной из коих имеет место быть процесс возрастания до ноль и ноль – высшая инстанция, а в другой – ноль – начало развития. Ноль, как стабильность обязан своим бытием именно этому течению мира из одной составляющей в другую, из одного состояния в другое. Тем самым, ноль – это естественная для созерцания позиция человека в бытии. В поле его зрения и в его руках уже не только все начала внутреннего мира материи, флоры и фауны, но и вообще этого бытия. Ноль в системе координат – это новое имя Бога и Его образа человека, которому свойственно звучать в данной сфере-области бытия только данным способом и в данном виде. Так движение несет в себе подобие пустоте, как несущее в себе элемент постоянства (в чистом виде свойственного пустоте). Пустота в абсолюте своей неизменна – это ее естественное состояние. Не подобие пустоте – протiwоестественно, инородно самому естеству природы, а потому движение, чтобы быть подобным вездесущей пусто-

те, как бы «борется» за свое постоянство, за свой прообраз. Постоянство, как образ стабильной устойчивости в чистом виде имеет множество граней и оттенков. И всех их единит одно общее для них – первопричина их бытия. А значит им всем свойственно стремление к стабильности и устойчивости в прообразе одной для всех первопричины. Тем самым, к примеру, в поле нашего зрения попадают много иных важных свойств материи. К примеру, свойство массы или инерции, как иного имени Творца в этой сфере-области бытия. Просто данная сфера-область бытия не способно как-то иначе говорить слово Богу, о Боге и от Бога к человеку, акромья понятий массы и инерции. И нет смысла ждать от этой сферы-области бытия чего-то иного. «Борьба» за свое постоянство обусловлено самим стремлением быть подобным Богу в прежнем прообразе, то есть как бы внося перемены в движения, мы покушаемся на Его выражение, явленном в данном качестве-образе пустоты. Заставляем перейти из одного состояния в иное, следуя Закону Сохранения Образа Божия, явленного нам в данном случае несколько специфично в виде Закона Сохранения энергии. Таким вот образом, одно свидетельство об одном и Том же в этой вселенной переходит в иное, то есть одно дополняет другое и только в одном и Том же – в Боге, как замечательно об этом сказал святой Максим Исповедник 777-07-7.8.

1.0.1.-9. Это важное для нас утверждение, ибо естество человека – это тоже некоторая оформленная стабильность

и также во имя бытия своего нуждающаяся во внутреннем движении, постоянно поддерживающем постоянство привычно созерцаемой формы. Мы имеем данный вид только лишь потому, что в организме постоянно течет животворящая река жизненной энергии, исходящая через нас в конечном счете, от Солнца. Согласно Закону Сохранения, река, по мере своего бытия, возрастает то в одной грани подобия Богу, то сменяется на другую грань и возрастает уже в ней, везде постепенно выражая всю полноту Божественного. Но, в любом случае, Божественная полнота всегда обязана своим бытием только радостью и счастьем, дарованным человеку ещё во Царствии Небесном. Теперь продолжим.

Без Божественного присутствия в человеке, как замечательно об этом свидетельствует великий о. Андроник (Люсев), картина мира – это возможный частный случай хаоса⁵³ и самое страшное то, что он равнозначен любому произвольному стечению форм – значение нуля размывается тем, что он, как самая элементарная функция – это просто число. Как число – оное просто инструмент математических операций, коих множество. Хотя по реальному значению в функциональном процессе ноль не равнозначен – он первопринцип, задающий образ мироздания. Ноль – носитель постоянства в чистом виде, многогранность и многообразность которого распознается во множественных образах функциональных выражений. Все функции, как множественно различные первопринципы, заложены в ноле и заявляют о себе

лишь в основном процессе в бесконечном пространстве системы координат. Иными словами, это один из образов древа познания добра и зла. Как с этой позиции всеобщей относительности определить было Адаму, где Божественное, а где дьявольское. Ведь жена его Ева – Божье творение, как и змей-искуситель, а так как подобное может родить только своё подобие, то как сотворённое Богом может быть злом? О чем говорит Адам: «Жена, которую Ты мне дал, она мне дала и я ел». Злом она действительно быть не может, но злом было общение Евы со змеем также, как с Богом, в той же равнозначности и на том же языке понятий и с той же ориентацией мировосприятия⁵⁴ (она как бы ноль отнесла к разряду чисел, что, с одной стороны, верно есть). Вот эта путаница, в коей Божественное смешивается с Его производным, есть зло. В математике сей момент наиболее очевиден, ибо ноль – это такое же число, как и любое иное. Просто все это принадлежит Богу и только Ему. Просто всему должно быть своё законное место. Кружка, которая валяется на полу – это зло, но сама кружка злом не является. С одной стороны всё вокруг есть творение Бога, а с другой стороны приоритетнее Творца и Его Предвечного Совета ничего быть не может. Адам через Еву общался со змеем также как с Богом. (В священном Писании это первое упоминание об идолопоклонстве, которое в наши дни надело на себя маску математического анализа и научных теорий. Да, именно так. Ибо Адам узрев Образ Божий в Его творениях, соделал творения посредником

в богообщении, прятался от собственного Отца за окружающую, прекрасную природу и прекрасную собственную жену для решения вопросов богообщения. Богу нужно непосредственное общение с Ним, соучастие в Предвечном Совете в пределах дозволенного Им. Общение через посредники и непосредственное общение – не равнозначны по слову Спасителя, обращенному к сестрам Марфе и Марии).

Нам предстоит поставить все на свое животворящее место. Назвать следует ноле́м не специфический вид числа, а носитель постоянства в чистом виде (а также границу в чистом виде), которое своим присутствием в каждой микроне заявляет о себе как закон.

1.0.1.-10. *Вообще перелаживать утверждения православного догматического богословия в систему понятийного языка современного научного анализа не представляет особой сложности¹⁹⁰. Для того, чтобы быть понятным в этом вопросе, разберёмся с этим еще раз и более подробно применительно к иной обсуждаемой теме. Выделим грань бытия или выберем сферу-область бытия, в коей за абсолют совершенства взята простота, то есть в ней Сам по себе Бог абсолютно прост и в единстве Своего одиночества абсолютно оптимален, а потому и в научном свидетельстве о Нём не может быть усложнений, выраженных развитыми научными доктринами. (В иной сфере-области бытия, в коей за абсолют совершенства взята сложность – Бог абсолютно сложный) Так как Абсолют, как крайнее проявление*

абсолютной простоты, не может в себе нести даже малейшей сложности, пребывающей в абсолютном зачаточном состоянии, то становится очевидным, что этим свойством обладает только абсолютная пустота, то есть в математическом переложении это ноль. (В иной сфере-области бытия, в коей за абсолют совершенства взята сложность – Бог абсолютно сложный потому, что пустота несет в себе абсолютно все формы проявления сложностей в потенциальной возможности, которые потом обозначатся в пространстве в виде многогранности и бесконечности мироздания) Всякое усложнение касается только всех тех процессов, кои эту реалию утверждают в земном бытии – имя этому эволюция (смотри 777-07-7.3). Следовательно, догмат о Боге Троице специфично явлен в любой точной науке в характерных для Него контурах тривиальной простоты и его остается только разглядеть и распознать (начала отсчёта). В дальнейших исследованиях и во всяком выражении это Божественное качество, выраженное в строго определённых формантах, свойственных математическому анализу, будет задавать образы поведения функций (первопринцип эволюционного формирования⁴¹²). И, так как всякое усложнение функциональных отношений оказывается под действенным влиянием изначальной Божественной простоты в абсолюте, то всякое усложнение в природе анализа неизбежно несет эту печать на себе и стремится выразить абсолютно все оттенки этого свойства абсолютного постоянства, а само это

усложнение остается в пределах общего, в пределах образа простоты. Более того, следует утвердительно сказать, что абсолютно все функции, сценарий поведения коих явлен нам в координатных пространствах – это грани абсолютной пустоты⁵⁶. Таким образом, хоть какие-то поползновения из аналитического небытия в сферу математического обозрения, трансформируются в определённые порядки, отражённые в формулах функциональных зависимостей – это тоже самое инобытие, только созерцаемо нами теперь уже вот таким специфическим образом, опосредовано призмы выражений математического контента. Приведем пример. Каждое число несет в себе личностные характерные черты, ибо в нем есть цикличность, сопряженная с бесконечностью полноты, хотя и односторонней. В противном случае, число было бы инородно самой природе человека и в поле зрения как реальность не появилось бы. Теперь представьте себе, что вы и все ваши друзья пребываете в зимнем лесу. Понятно, что вы разожгли костер. Жизнь вашего сообщества изменилась и появился порядок в прообразе личности. Каждый из вас идет за дровами по одной тропе и возвращается уже по другой. Так удобно и жизнеутвердительно, ибо идти по одной тропе можно только в одну сторону, не мешая друг другу⁴⁶⁴. А предположим, что костра не стало. Тогда и правила поведения членов сообщества меняются. Порядок исчезает и в сфере-области бытия системы костер-зима разрушился порядок появляется хаос. Точно также ведет себя число. По-

рядок – одно из возможных стечений хаоса и потому порядок никогда не будет инородным хаосу. С одной стороны, число – это составляющая хаоса, а именно случайно возникшего в нем порядка, а с другой стороны, число – это духовная инстанция. То есть число – это то, что имеет прообраз Божественного в данной сфере-области бытия, для которого свойственна только узкая специализация – природа аналитических исчислений.

Каждое число – это не просто цифра, а самое элементарное вычленившееся в сферу исчисления функциональное отношение к началу исчисления – к нулю⁵⁷. Число несет в себе значение, символизирующее свое место в мироздании и в то же время число – это прообраз ноля. В противном случае, вне отношений к нулю посредством подобия их друг другу этот объект даже не появился бы в реальности двоичного бытия⁴³. Отсюда следует, что всякое самое сложное уравнение – это есть только лишь отражение или уникальная форма единства, выраженная в сложном функциональном отношении к началу начал. Данное определение исходит из определения самого закона: закон – это форма взаимодействия стихии абсолютного постоянства со стихией изменений⁴³. Так как одна из составляющих всеобщую природу всегда несет в себе абсолютную неизменность, то и закон несет в себе именно это свойство – он неизменный в специфически выраженной форме двоичности природы. Поэтому всякий закон

несет в себе специфически уникальный образ ноля адаптировано к данному участку бытия, к коему привержено наше внимание. И потому оказывает влияние на самые отдаленные в бесконечности значения закономерностей, а точнее даже самые сложные функции работают в пределах прототипа ноля и свидетельствуют о начале всего. И эти формы выражения работают в равной степени как в самом начале координат, так и где-то в абсолютной бесконечности. Это свидетельствует нам о том, что пространство, не смотря на его бесконечность, едино в ноле (просмотри 1133-172) – это одно тело, причем живое тело¹⁷². Почему вношу термин «живое тело»? Потому что этот момент явственно следует из определения о живом¹⁷² (советую просм. 1133-172) и из определения того, что такое природа познания. Пока есть единство цельности – есть жизнь, которая пребывает вне области познавательного освидетельствования в тех критериях, которыми апеллирует математический анализ и вообще любой анализ, не только математический. Это также можно сравнить с мыльным пузырьком, в любой точке поверхности которого может произойти разрушение не только в этой точке, а вообще всего пузырька и при этом по одному и тому же закону – развития распада. Этим мы подчеркнули ещё одно свойство жизни. Ибо живое тело может погибнуть из-за нарушения целостности в любом месте его. Из определения о познании человека мы ниже по тексту узнаем, что развитие распада происходит согласно зависимости. То есть математическому

освидетельствованию поддается только то, что оказывается в сфере-области бытия, в коем свойственно свидетельствовать о Первопричине только данным инструментом – распадом (вне исповеди о Нем нет ничего в природе). Только процесс разрушения – это и только это есть область базирования математического контента – это то, что мы обрели с первородным грехом¹⁷². Как бы к делу не относится, но мы ведь ставим целью разглядеть на этом фото себя, то есть пытаемся разложить всё по полочкам, чтобы понять о том, где наше место в этой Вселенной.

Сам факт того, что мы распознаем пространство, говорит о том, что это первый элемент жизни¹⁷², ибо освидетельствованию поддается только то, что имеет одно общее с нами, с нашей природой – оно живое⁴¹². (Хорошо этот момент разработал отец Андроник Лосев в его работе «Хаос и структура»).

Хотя здесь следует сказать важное. Абсолютная простота не может терпеть распада, ибо нечему в ней расщепляться. Потому, вечностью наделена только простота Божественная, а потому будущее, как составная часть вечности, должно оставаться той же простотой. Она как была мириады лет назад, так и осталась переходя из одного образа восприятия в иной согласно Закону Сохранения. Это говорит о том, что простота никуда не уходит из живого организма, а всякое усложнение должно остаться в пределах общей простоты.

ты, чтобы стать наделенной будущим 777-27-000. Наша реальность ограничена возможностями вмещать Божественное, а потому всякое усложнение должно вписываться в такой образ простоты, который не выходит за пределы природных возможностей Вселенной, воспаленной первородным грехом человека. то есть если сложность не способна вместить в себя всю полноту Божественной природы, то простота эту всю полноту Его легко вмещает. Как только эволюционное усложнение в пределах образа простоты превышает дозволенное, так сразу же то, что было дополнением, за пределами черты возможностей оказывается противоречием, а потому начинаются процессы саморазрушения.

1.0.1.-11. Сам факт бытия пространства в нашем поле восприятия мира говорит ещё и о том, что пространство – это самое элементарное функциональное соотношение и отношение, в коих развитие, распознаваемое нашим подобием ничтожеству греха, пребывает в абсолютно зачаточном состоянии, являя нам более всего правдоподобно абсолютную простоту ноля. В противном случае, пространства для нас не существовало бы. (Тут следует сказать о том, что точка и пространство – противоположности, с одной стороны. А с другой, разные взаимно дополняющиеся грани одного и того же). В нём⁵⁸ также есть последовательность, устойчивость, стабильность, различные функциональные зависимости – это различные проявления абсолютного постоянства Бога в сфере Вселенной, привычной для нашего бытия,

осквернённым грехопадением. Таким образом, наше сознание работает только с этим изначальным материалом в некоторых пределах, обусловленных свойствами среды (в данном случае речь идёт о числе, названном мной «бытийной единицей»³⁰³) – см. раздел «Физика»). *То есть, если мы имеем некоторую зависимость в системе координат, то перед нами восстает следующая картина – в данной точке пространства мы имеем данное свойство поля. Мы переносим ноль в эту точку и получаем характеристики интересующих нас его граней. Ноль везде*¹⁷² и этим вездесущем он упорядочивает мир в структуру. Бог есть жизнь, а потому всё то в природе, пораженной грехом, что оказалось в области досягаемости влияния Божественным, всё это меняет своё неопределённое поведение и из хаоса возникает упорядоченная структура (по образу ноля, то есть живое), несущая отражение только Божественного (ничего иного нет в бытии) и со временем эволюционного становления всё сильнее и все более всеобъемлюще выражает свойства Его в данных пределах нашего обозрения (бытийной единицы³⁰³).

Хотя следовало бы сказать важное. О хаосе. Однажды ученикам Христа задали вопрос о том, почему они не постятся. За них ответил Сын Божий Сам, что пока Он с ними можно не поститься, но когда Он покинет их, вот тогда им надо будет держать пост. Постятся для того, чтобы быть ближе к Нему в единстве богообщения, ибо просто Бог прини-

мает мир таким каков он есть, а потому животворит его не зависимо от того, есть ли какие-то законы и порядок вещей или вообще их нет. То есть речь идёт о жизни, а не о порядке в ней, который оказывается востребованным только в условиях, удаленных от Рая и нужна оптимальность во всем. Сам по себе порядок, если он наделен стабильностью, то это живое, только на ином языке выражения. То есть, когда Бог ограничивает Своё влияние, то тогда уже необходимо следовать определённым границам, правилам бытия, ибо востребованная жизнью прежняя полнота Божественного⁵⁹, на выразительном языке сферы выражения исчислений, имеет вид только экономно-лимитированной, оптимально-удобопостепенной последовательности в Его прообразе – так возникает структура и вот так соотносятся хаос и порядок в Боге. Остается только правильно увидеть и выделить из всего сонма математических и физических доктрин это Божественное. Возвращаясь к тому же примеру живописи нужно сказать, что на всех художественных картинах мира Солнце будет изображено только кружком или светлым пятном, а все изображённые события или просто природа – ни что иное как множественные дефиниции проявления солнечной активности в земных условиях. Не смотря на это, картина, являясь набором разноцветных красок, несет в себе глубоченную мысль изображенного сюжета, в коем очевидно Солнце и его выражение в структуре гармонии рисунка. Так мы видим солнечный диск не только на ясном небе, не только в отражении

на воде, но и через все то, что им же порождено в условиях нашей планеты. Это растения и живые существа. Нам остается правильно выделить и отделить изображённое Солнце на этих картинах от всего остального проявления жизни, как следствия и результата солнечного влияния и представить в 3D формате. Перед наукой, причём любой, стоит та же самая задача – она ищет начало начал изучаемого ею явления, а ещё более доходчивее – ищет источник. Всякая наука неизбежно богословствует. Да математика видит, но только фиксирует или приводит нам информацию о явлении, констатирует факт. Она, посредством диамата, видит хаос в пределах структуры, а мы, живые, наоборот, видим в этом хаосе порядок, как свойство жизни. Также как для видеокамеры нет различия в фиксируемом ей содержимом для передачи на дисплей на суд оператору. Там могут быть животные и автомобиль, и деревья или просто камни – все это хаос для нее, точнее один из возможных проявлений хаоса случайно проявившимся в данной гармоничной структуре красоты. Хаосу свойственно быть упорядоченным, ибо всякий порядок – всегда частный возможный фрагмент хаоса. Просто подобное видит свое подобие и познается нами своим же подобием в нас⁶⁰. Разбирать этот хаос понятий – это опять остается уже в компетенции чисто нашего человеческого сознания, ибо человек ведаёт о Боге и созерцает мир с той позиции, о которой вычислительная машина не ведаёт, ибо мертва есть по сути. Она, как порождение хаоса или случайное стече-

ние обстоятельств, просто может более быстро и качественно выполнять некоторые специфические операции, не противоречащие законам хаоса, пребывающих всегда в его пределах. Вот так работает наука и вот так она богословствует. Кстати в этом же её злейшая опасность, которая породила катастрофы последних трёхсот лет бытия человечества.

1.0.1.-12. Любые усложнения в эволюции призваны свидетельствовать о начале начал, а точнее обо всей его многогранной простоте или многогранности простоты изначальных установок научных изысканий, то есть призваны свидетельствовать о Божественном в данных востребованных нами специфических свидетельствах о Нём. Как только усложнение утрачивает эту способность свидетельства о Начале всех начал или уже перестало свидетельствовать⁶¹, так сразу обретает свое небытие. Все, что не подобно Ему, в бытии не существует. Путать нельзя характерные признаки для данного проявления Божественного в природе Вселенной с самим Им, то есть нельзя путать признаки Божественного влияния с Самим Богом, частное с его первообразной полнотой – они не равнозначны. Так, думается мне, сказал бы Лосский В.Н.: все неизбежные усложнения выражений и теорий несут в себе исповедание об изначальной простоте, с которой началось развитие данной научной концепции и как только усложнение в пределах общего утратило образ той же изначальной простоты, так сразу же утрачивается возможность для нашего восприятия.

То есть научные концепции несут более полное раскрытие свойств внутреннего естества в более развёрнутых и в доступных для человеческого разума и чувственной природы формах.

Таким образом, в математике, на самом деле, речь идёт не о развитии от начала в бесконечность в соответствии с первопринципом или согласно какой-то функциональной математической зависимости, а совсем наоборот: бесконечность свидетельствует о множествах свойств поля в координатном пространстве через абсолютно все завязки и образы функциональных математических зависимостей, то есть через образы реализации закона, который исследователю предстоит найти. Иными словами, мы имеем дело с не развитием зависимости, заданной изначально первопринципом-функцией, а зависимость – это есть некоторая грань абсолютного поля, грань природы постоянства. Она несколько своеобразно и уникально свидетельствует о неизменном постоянстве, о его поведении в числовом пространстве. Поле – это число, коих множество, но значение его многогранное или имеет множество граней.

О чём здесь идёт речь? Природа человека, как мы уже выяснили, двоичная – берег-река⁴³. Форм взаимодействия между берегом и рекой множество и каждая такая форма взаимодействия свидетельствует о берегу, и характеризует какую-то его новую сторону. Закон – это форма или образ взаимодействия постоянства «берега» с изменяемой пере-

менной, представленной нам как образ «течения вод», это уникально сложенный или специфический вид двоичности природы, попавший в поле обозрения учёного человека. Тогда получается, что бесконечная реальность естества во-круг начала координат в математике характеризует разные оттенки этого начала или абсолютного постоянства, то есть того самого берега, опосредовано уникальности понятийного языка функциональной зависимости или, иначе говоря, закона развития функции⁴¹².

(07.01.00) Мы смотрим на Бога и видим в Нем то, чем сами являемся. А с помощью координатного пространства выражаем Его свойства. Это не то пространство, о коем мы говорим, как о реальности бытия. Это пространство, с помощью коего мы можем описать и дать характеристики Ему в данном Его образе. На самом-то деле все с точностью до наоборот. Бесконечное пространство – это Его Тело, а точка – это то ничтожное, что мы видим в Нем посредством воспаленного грехом естества своей природы. Мы ищем в Нем то, чем сами больны – мы ищем в Нем воспаление, свое ничтожество и получаем то, чего достойны. Мы, получив воспаление грехом, начинаем судить по себе о Боге и, понятно, что видим бесконечный мир в виде своего же падшего образа и подобия. Он теперь для нас не всеобъемлющая радостная бесконечность, а ничтожная точка. Мы ищем родственное себе в Нем и находим ничтожество точки. Именно по этой же причине перед нами встает об-

раз возвращения во Царствие Небесное: надо быть соизмеримым с входом в Него – с точкой, чтобы иметь возможность войти именно в это чрево вечной жизни. Это нашло отражение в природе человека, а именно в его образе Божьем или в образе подобия Ему в свойстве Его вечности – так мы утверждаем себя в вечности посредством продолжения рода из поколения в поколение. Что и есть образ змия, с коим общался первый Адам через Еву. Адам принял образ змия, как образ спасения, как образ межличностного общения человека и Бога в данном естестве окружающей реалии. Если во Царствии Небесном все вокруг было Божьим и только малое ничтожество запретного плода было выходом из Райских Обитателей. Соответственно образ Адама был иной – он имел множество граней, посредством коих Адам имел единение с Богом. Зато теперь все диаметрально наоборот – Царствие Небесное воспринимается ничтожеством точки Вершины Голгофы, а вся вокруг реалия – стеснение природы духа в виде поношения и истязания. И только одна грань, имеющая общность с Творцом – любовь к Богу и именно руководствуясь только ей Адам по образу змея движется в одном направлении к Богу. (Хотя конечно, в Замысле Божьем все грани общения с Ним не могут быть утрачены и они так и остались в каждом из нас, но обрели иной вид (соптри 111-11-1 и 111-11-1.1). Так как это есть реальность, то неизбежно от каждой составляющей оной в структуре строения человека должен присутствовать свой элемент, в

образе жизни его и даже в образе мировосприятия. То есть змей должен так и остаться составляющей природы человека и его естество должно иметь этот образ вхождения в Его обители. (Этот червь так и остался составляющей нашего организма и он теперь внутри нас в виде желудочно-кишечного тракта). С одной стороны, человек – это уже есть насельник Царствия Небесного, а с другой стороны, человек – это путь во Царствие Небесное. Два в одном. Это важно, ибо имеет многовариантное выражение на природе Вселенной и в частности в естестве людей: весь человеческий организм – инструмент для плодотворной работы головы в богообщении, до сей поры носящей в себе физическое начало зарождения примитивнейшей жизни цивилизации в том виде, в каком оно возникло как Солнце (смотри 777-27-000). Только теперь этот возникший в самом Начале всех начал процесс зарождения сокрыт в головном мозге в черепной коробке. Тело – это лишь орган головы (смотри 777-27-000), способствующий адаптации живого богообщения в земных условиях. Он линейно в прообразе змия идет к Богу, ползет к одному Центру. То есть духом и душой пребывая во Царствии Небесном, он телом или телесно идет змеинообразно (причинно-следственного механизма в мышлении, процесс переваривания пищи, процесс оплодотворения зарождающейся жизни, смотреть и идти можем только в одном направлении, и так далее; мы не можем идти, смотреть, мыслить и так далее во все стороны, но только в прообразе змия

несем в себе вид линии) во Царствие Небесное. Если в голове нет Царствия Небесного, то и Цели конечного пункта движения тоже нет. Но всё равно, разные оттенки постоянства – суть не само постоянство, а только лишь оттенки, некоторые проводники его в специфических выражениях в бытии. Это важное утверждение для понимания сути вещей.

1.0.1.-13. Ноль – это такое же число, коих множество, но значение его многогранное. Это сонмище возможностей, которые реализуются потом в бесконечном функциональном пространстве числовых координат. Посредством выбранного за основу первопринципа тождественного различия мы распознаем в инобытии все то, что попало в поле нашего зрения, как имеющее подобие этому первопринципу. То есть мы как бы накладываем трафарет на бытие и замечаем все то, что попало в поле нашего зрения, как совпадение. Если мы в первопринцип включим всю полноту бытия, то мир перед нами встает личностью Бога в межличностных отношениях Бога и человека. если в первопринцип влаживаем одностороннюю полноту математического анализа, то перед нами специфическая абсолютно ограниченная речь Бога к человеку, в коей человек видит или ищет характерные для личности черты⁷⁷⁷⁻⁷⁷⁻⁷. Также как чёрно-белое фото, на котором много каких-то чёрных и белых полос и пятен, но только человеку, созерцающему через призму ясного представления о Личности и своей полноты Божественного

дано распознать подобие Его Царствия Небесного в содержании фотоснимка или художественной картины, только ему дано отделить одни оттенки приоритетов от других и понимать смысл изображения – это, к примеру, дерево, это море и горизонт и так далее. Через Божественный порядок жизни мы распознаем живое присутствие Личности в разнообразных реалиях: эту материю, растения, насекомых, млекопитающих и самих себя, и свое место во Вселенной. Именно этим занятием нагружены учёные, которые проводят какие-то эксперименты и получают от них результаты, некое специфическое «фотографическое» изображение или свидетельство о Боге, в котором одно следует отделить от другого и упорядочить в систему⁶². Если мы ясно себе дадим определение системы, то нам станет ясным, что речь идёт о таком образе Божественной простоты, которая вписывается в пределы природной возможности познания человека. к примеру, можно просто произнести слово Бог и тем самым назвать всю Вселенную, то есть в абсолютную простоту вписалось абсолютно вся бесконечная реалья окружающего бытия. Перед учёным стоит та же самая задача, которую соделал Бог, отделивший Царствие Небесное от первородного греха Адама – нужно отделить живое от омертвелого⁴⁰⁰. Для неверующего учёного всё это черно-белые полосы случайно возникших обстоятельств, так же как порядок вещей и сама структура мира для него – одна из бесконечных сложившихся разновидно-

стей не ориентированного хаоса. Ведь нужно быть живым, чтобы в хаосе заметить жизнь и её оттенки, чтобы видеть субординацию начало-следствие. Нужно иметь избирательную способность разума, что и есть религиозность, без чего сам по себе учёный не состоится, ибо утратит исследовательское свойство – просто утонет во множестве значений и чисел. Для него гармоничная структура мира – хаос. Такие исследования не становятся во благо всему и Вселенной, ибо не несут себе образ замысла Бога о человеке и его Вселенной.

Иными словами, речь идёт о выражении Божественного на данном понятийном (математическом) языке исповеди Истины и бытия Бога, Его влияния, явленного нам во множественных Своих дефинициях. Бог и Его множественные производные или тварные создания – не суть одно и то же (также как нельзя общаться со змием также как с Богом, с его Творцом). Так как Бог в любой научной доктрине несёт Свое выражение, Своей абсолютной простоты в любой степени усложнения научных теорий, то этого критерия надо придерживаться для обоснования присутствия Божественного в науке и процессах обучения молодых ученых. Нельзя отрывать от Божественных ориентиров, нельзя выпускать любую проблему из пределов простоты общего вида Божественного обозрения. Ведь в конечном счёте, всякая наука несёт в себе именно эту цель, согласно которой необходимо ориентировать мир и Вселенную в живи-

тельном для человека направлении. Наука должна позиционировать человека в понятном ему месте позиционирования – в простоте Начала начал, ибо в каком-то ином месте мирозерцания человек тонет, путается и не может понять. Неведение его приводит в ужас ада. Человек должен осознать необходимость жить по Воле Творца и этим мы утверждали бы Божественный Промысел, этим соучаствовали бы в Его творчестве, воплощали бы Его Замысел на Вселенной³⁸⁶. Это не простое высказывание, ибо всякая научная доктрина является научной лишь в том случае, когда в пределах привычной Абсолютной Простоты установлено единство, явленное причинно-следственным отношением Начала начал к изучаемой её возникшей альтернативной эволюционной сложностью, которая оказалась нам интересной в связи с какой-то жизненной ситуацией или просто в соответствии с экспериментально полученными данными. Мы именно в изучаемом предмете, при исследованиях, ищем то самое Абсолютно Простое, доступное для разума, мы ищем Божественное. Для чего? Мы ищем Божественное, чтобы обрести власть уже и над этим испытуемым предметом, уже над этой частичкой Вселенной³²³. Мы ищем Божественное в себе и свой образ вокруг, ибо только тогда имеем силу любить мир и оный оный отвечает нам взаимностью, то есть становится наиболее комфортным для богообщения. Созерцая свой образ во Вселенной, мы можем стать связующим звеном между Богом и Вселенной.

И, по слову святых отцов, обожив себя, сможем обожить и обожим этот мир, то есть сможем стать проводниками Благодати Духа Святого, проводниками Божественного Повеления во Вселенную и представим его, то есть этот мир, на Суд Творцу и тем самым исполним замысел Бога о человеке, который призван соделать этот мир естественным для своего естества природы в полнейшем согласии с Предвечным Советом. Вот примерно так на самом деле гармонично перекликается научный материализм с православным догматическим богословием. Богословие как бы ищет твёрдую кочку в этом топком болоте хаоса научно-аналитической бездны⁶³.

1.0.1.-14. Это важно для того, чтобы вести научные исследования и адекватно в русле сотворчества Божественному реализовывать бы их в жизнь. То есть надо суметь гармонично совместить новые научные разработки с прежним укладом и высоким ритмом жизни, не покусившись на него. (Нельзя забывать о том, ради чего зародилась наука. Если говорить о том, что творится ныне, когда в Европе люди сто метров до магазина едут на авто, а в Африке в это время умирают от голода из-за того, что Сахара опустошает плодородные земли, то не это было целью науки). Православный догмат о Боге Троице является тем Солнцем на любой картине мира или научной теории, который надо выделить, как начало начал. *Мы ищем Божественное, а точнее пытаемся узнать себя, личность, найти своё родственное себе*

для того, чтобы дать имя характеризующее любовь как-то по своему, на свой манер и стиль. И тем самым, чтобы соделать явление предсказуемым ещё на самых ранних этапах его развития и тем самым адаптировать его под запросы и требования жизни быть в комфортном богообщении. То есть ради усиления религиозного чувства человека, то есть обрести власть не только над собой, но уже и над ним, над этим испытуемым предметом, уже над этой частичкой Вселенной, именуемой этим явлением³²³. Это ещё одно имя причины, благодаря коей возникла религиозность в человечестве. Это ещё одно имя наступления жизни на смерть. Мы, зная о том, как соотносится Божественное, или, иначе говоря, самое начало-причина явления с самим явлением в данной степени его развития, мы можем подчинить данное явление своей воле, чтобы оно заняло свое естественное для себя место во всеобщем этом празднике бесконечной любви. И отдать человеку его, то есть то, что он вложил во Вселенную по образу и подобию своему, своим иным именем любви. То есть можем заставить утверждать живое, направив оное в нужное для утверждения жизни русло. Это как воды реки мы направляем, делая котлован для будущего русла от истока до самых этих, к примеру, орошаемых полей – но никак не от устья. То есть, зная Божественное¹⁹⁰ в реке, что есть исток её, мы обретаем власть над ней. Так была покорена непредсказуемая, неуправляемая река Хуанхэ при царствующем в Китае Юе. Пример с рекой есть смысл

разобрать более плотно. Тут схема образа мышления простая: что есть Божественное в системе река либо низовье или верховье, либо что-то другое? Верховье, ибо с него начинается быть это явление. Следовательно, с ним и работаем. Это есть та самая схема, которая работает во всех исследовательских трудах и во всех науках и по другому не будет никогда³²³.

Это с одной стороны, а с другой соотношение с Божественным, оформленное как закономерность или функциональная зависимость – это есть отражение того, как бесконечность исповедует о своём начале (абсолютном постоянстве) и, не смотря на всю эту абсолютно бесконечную протяженность удалений, и множественные противоречия оказываются взаимными дополнениями друг другу, составными частями одного единого целого. То есть, где бы, в какой точке бытия мы бы не проводили исследования и определения значений, мы везде включаем одни и те же инструменты. Это есть выражение или отражение того, от чего она бесконечная форма определения Вселенной начала быть и стала такой. Когда это установлено, то становится формулой, позволяющей исследование превратить в стройное научное высказывание. После чего открытием является выражение тривиального начала в хаосе бесконечности, после чего мир становится понятным и зримый хаос становится Божественным порядком и гармонией. Но очень часто выбранный первопринцип не вписывается в возникшую пробле-

му, то есть реальность требует иного первопринципа рассуждения о Начале начал.

Мной ничего в математическом анализе не изменено и не добавлено. Но мной просто распознаны в нем и в этой мертвой логике характерные для личности черты. Никогда математика не встанет в супротив этого утверждения, ибо живое здесь ничего не разрушает, но и анализ не посягает на само живое, ибо занимает естественное для него и самой жизни место служения живому, становится частью живого и гранью Жизни Божественной Троицы. 777-77-717

Но, опять же анализ всегда односторонний. То есть созерцая мир через данную призму мы замечаем, что она как-то ограничена в утверждении мировосприятия, а потому возникают необъяснимые явления, не поддающиеся осмыслению. То есть нужен какой-то иной эталон измерения. Но это никак не означает, что надо отвергнуть прежний первопринцип. Его следует дополнить, то есть нужен такой первопринцип, который бы гармонично включал в себя предшествующий. Мы вновь возвращаемся в исходное, в Начало начал и в Нем этот эталон находим и потом уже посредством одного рассматриваем мир и вновь делаем открытие. Так рождается гениальный парадоксов друг. Также следует упомянуть, что сам по себе разум человека ограничен в своих возможностях воспринимать Вселенную и видит только Божественную простоту в пределах ограниченных восприятием, полученного из-за первородного греха, но воспри-

нимая доступную для разума эту простоту в окружающем мире бесконечных множеств, автоматически воспринимает и саму безграничную Вселенную в целом⁴⁰⁰. (Мы можем произнести слово Бог и тем самым сказать обо все остальном). Если этой доступной обзору простоты он, ум, не видит, то перед ним Вселенная предстает как разрозненный хаос – вне понимания. То как очевидный хаос во множествах усложнений сопряжен и укладывается в простоте Божественного, а значит перестает быть хаосом, становится научным открытием или научным выражением. Вот ещё один вариант определения о природе познания человека, как еще одна грань естества, с чего мы начали эту главу.

1.0.1.-14 Человек – это начало начал всего. Для того, чтобы разрушить грех, необходимо найти его начало. Человек ищет начало всякого явления, чтобы управлять им, чтобы обуздать его и чтобы им овладеть. Точно также и грех пьянства начинается с самого первого акта мысленного действия. Человек обуздывает животный мир, ибо в том же прообразе ищет в нем начало, как прообраз самого себя. Мирча Элиаде
13.02.1969

Смотри 1133-472

1.0.1.-15 Образ недостижимости и образ постоянства – разные имена. Момент инерции – тоже одно из имен Бога. Бог абсолютно недостижим и все вокруг Его творение имеет Его прообраз. Например, такие свойства, как упругость, твердость и так далее

Бог недостижим, а потому эволюция движется также в эту сторону. Все то, что вызвано из небытия в бытие наделено также этим свойством. Все вокруг нас движется эволюционно к большему подобию Богу именно в этом же прообразе – к большей недостижимости для зла. Научно-технический прогресс обязан дать возможность быть живому в прежней активности жизни, но в большей недостижимости для опасностей.

1.0.1.-1.6 Подобие в одном коэффициенте постоянства кривизны, как мы уже оговаривали, свойственно окружности. Прямые пересекающиеся под прямым углом в координатной плоскости также подобны пустоте. А потому на понятийном языке, свойственном такой составляющей сфере-области бытия, как формальность, пустоту можно изобразить не только окружностью, сферой и шаром, но и абсолютно прямыми линиями, пересекающимися под углом 90 градусов или $\pi/2$ радиан. Итак пустота, как имя живому телу, на понятийном языке анализа звучит «координатное пространство» в поле зрения коего оказываются все известные функциональные множества математического анализа. Иными словами, все то, что вписывается в пределы постоянства координатного пространства – все то имеет место в бытии. Следовательно, для исследований надо исповедовать этот принцип без всякого такого что может иметь нарушение.

Богословие несколько не покушается на догмы материализма и на все доктрины его, если они до конца «верны» то-

му первопринципу, коим они описывают мир и исповедуют Истину. Материалисты очень часто изменяют даже сами себе в процессе поиска Истины. То есть измена лежит во всем, а не следование точному научному плану.

Что такое математика? Это такой сосуд, который необходимо наполнить Божественной сущностью. Это важно сделать, ибо истина, если не животворит, то ею не является. Математический анализ, повторюсь, это емкость, в коей должно быть содержимое Естества Бога, причем емкость, которая мажет в себе его удерживать. Говоря иносказательно, ведро для этих соков жизни не должно быть дырявым, ибо оно перестает соответствовать требованиям определения Истины. Это тоже относится живоносной правде бытия, в пределах межличностных отношений человека с Богом.

– 1.0.1.-17

1.0.1.-18. Теперь вернёмся к сказанному чуть ранее, где речь шла о главном принципе (причем первопринципе) естественного отбора – к возможности различать в созерцаемой картине мира раскрывшиеся в течение очень продолжительного времени все более и более глубинные оттенки Его, Творца и очертаний Его влияния. На основании этого появляется возможность меньше делать ошибок и следовательно появляется возможность, раскрыв новое Его качество, благодаря чему, в какой-то степени, уподобиться Ему в ещё одном Божественном свойстве – в свойстве вечного (точнее жить ещё более продолжительно или более вечно).

Сам по себе естественный отбор – свойство природы Вселенной, стремящейся стать подобием Бога в силе, а значит иметь торжество, которое должно быть, как и сам образ Божий – только вечным, то есть оказаться в поле зрения современности. Просто только сила являет нам элемент постоянства, выраженным в данной реалии непрерывностью. Иными словами, стремление утвердиться в вечности, как грани счастья, становится активатором всех форм естественного отбора, как способа уподобиться Творцу вот таким вот ужасным образом пути становления – это есть приобретение, полученное с грехопадения первого человека, после чего появилась вражда самосъедения, в которой живое, как сила не участвует. Сила и слабость – это разные степени подобия Богу. То, что наиболее совершенно, то никак не участвует в борьбе, ибо всегда пребывает в торжестве непобедимости. Менее совершенное всегда оказывается на вторичных ролях и служит совершенному, чтобы оказаться через него в лучшем подобии Творцу, то есть стать более совершенным. Но благодаря воспаленной грехом природе, мы обманчиво мним из себя ничтожеством противоречий войны, в аде побеждающего нашу волю борения, нам все это представлено в ужасном образе – во самосъедающей вражде, в коей принимает участие только мертвое ради того, чтобы дать толчок живому. Но присутствие Божье, даже это, казалось бы адское качество жизни, делает осмысленным, ибо в результате его постоянно формируется силуэт некоторого очертания, который не

участвует в борении, не входит в противоречие, а все сильнее и более полно выражается Сущность Бога на природе Вселенной – Его Образ, в коем нет следов борьбы в противоречиях, но только все прощающей Любви. И только это становится силой. Таким образом, естественный отбор становится двигателем эволюции в сторону Божественного формирования образа для всей флоры и фауны, и через человека в Образе, в коем навязывает человек по образу и подобию своему в любви, ибо только при этом условии живое имеет свойство жить. То есть отражение Божественного на даже такой реальности может быть подобным Богу в свойстве жить и, в пределах подобия Абсолюту жизни, жить в какой-то степени вечно.

1.0.1.-19. Эволюционно сложилось так, что физиология человека наделена всем необходимым для успешного противостояния всему угрожающему жизни. Причем жизнь, как общение с Богом, в той же кондиции, какая возникла ещё во Царствии Небесном, так и остается ключевой основой всего живого, то есть радостного единения с Богом, нуждающемся в поддержании в той же кондиции. Так идет формирование живого во всех гранях проявления и, главное, человечности всего человечества. До рождения Христа общение с Богом происходило через подобие Ему в духовной чистоте, благодаря чему человек становился не потопляемым в телесной пучине моря. После светлого Его Пришествия общение через подобие Ему в духовной чистоте дополнилось обще-

нием в Духе Святом. Теперь общение с Богом в Духе Святом наделяет человека чистотой самопроизвольно, ибо, если он не отвлекается от Него, то и впадает во что-то иное. Главное, человек держится за Этот Выступ над пучиной вод и поднимается вверх из воды. Нам не важно, что в этой воде и какие муки борьбы она нам навязывает течением или волнами, ибо мы, хотя и абсолютно незащитны, но пребываем вне этого всего, то есть крепко держимся за этот выступ и тонуть не собираемся. Во Христе мы получили полноту откровения. Это уже новая реальность для человечества, которая должна была оказывать новое влияние на эволюционное развитие организма⁶⁹. Тем самым после Рождества Христова в естественном отборе оттачивалась функциональность отношения чувственной природы к Божественному иначе. Речь идёт не только о том, что выкристаллизовалось в самом строении организма, но и речь идёт о том, что разум человеческий озадачен созданием всего необходимого для более продолжительного утверждения живительного Божественного влияния в данной реальности. То есть человек созидает некоторый живительный порядок, несущий в себе ту же самую цель – спасение жизни от всякого такого, что может хоть как-то покушаться на её непрерывность, долговременную продолжительность в земном исполнении её бытия не только тем, что также как Творец не участвует в естественном отборе, но теперь ещё и с помощью преобразования окружающей среды проживания. После Рождества

Христова труд разума направлен на то, чтобы создать условия, при коих ум был бы беспрестанно сосредоточен на Боге и не отвлекался бы от Него. Это и есть цель эволюционного стремления к вершине совершенства в материальном мире, ставшее организмом человека, потом первое предназначение возникших государственных образований, научно-технического развития. Все во Вселенной бережет внимание для Бога и только через человека. Повторюсь еще раз, что естественное единство с Богом обуславливает все остальное в этом бытии – совершенствование быта жизни, а потом и государственных формообразований, о чём в принципе пойдёт речь других томах книги⁷⁰. Эволюционное становление претерпевает все, кроме самой этой составляющей постоянства-простоты. Она так и остается не тронутой в нашей распознанной умом двоичной⁴³ природе и отсюда следует, что именно эта составляющая обозначила своё бытие в самом начале времён и она первична в эволюции жизни. Именно она опосредовано эволюционного становления сильнее и сильнее адаптируется в земных условиях, формируя общий вид и направление эволюционных токов. То есть сразу не будем путать душу с её органом, который возник при адаптации её, души, в земных условиях. Преподобный Иоанн Дамаскин («Точное изложение православной веры» книга 2, гл. 12 «О человеке») даёт следующее определение душе: «Душа есть сущность живая, простая и бестелесная; невидимая, по своей природе, телесными очами; бессмертная, одарен-

ная разумом и умом, не имеющая определенной фигуры; она действует при помощи органического тела и сообщает ему жизнь, возрастание, чувство и силу рождения. Ум принадлежит душе, не как что-либо другое, отличное от нее, но как чистейшая часть ее самой. Что глаз в теле, то и ум в душе. Душа, далее, есть существо свободное, обладающее способностью хотения и действия; она доступна изменению и, именно, изменению со стороны воли, как это свойственно тварному существу. Все это душа получила естественно по благодати Создавшего, по которой получила и бытие, и определенную природу».

1.0.1.-20. Нам необходимо распознавать грани этого поля или постоянства Божественного, опосредовано выражения его в пространстве с помощью зависимостей. Распознавать Божественное посредством всего того, что происходит в процессе эволюции организма человека. Мы просто начинаем больше чувствовать, видеть больше оттенков Бога в сфере математики явленного перед нами полем, то есть называть Его разными именами. Наши глаза распознают не просто либо светлое, либо темное, но даже цвета и плохо различимые тона. Наше тело чувствует не только предмет, но и температуру его, шероховатость. Наш ум может предвидеть будущее. И так далее. И тут хотелось бы вновь остановиться и акцентировать внимание на важном. Эта часть реальности Вселенной не может свидетельствовать о Творце как-то иначе, кроме того, что мы видим. Если мы ещё как-то пытаем-

ся с помощью стрельбы из автомата Калашникова рисовать в контурах это живописное озеро со скалами и парусом посреди его, то нам уже с его же помощью не под силу выразить краски и цвета, и изящность утреннего пейзажа. Да дыры от пуль будут свидетельствовать о красоте данной реальности, но ожидать от этой картины хоть какой-то большей полноты – утопия. Поэтому, когда мы выставим на обозрение эту картину, то нарисованное понятным будет только нам. С одной стороны, это все же, хоть и такое вот чудовищно оформленное изображение пейзажа, а с другой стороны, сие недостаточно для ясности понимания, а потому создается впечатление, что ничего общего в этой реальности рисунка с действительностью нет и картина сия неизбежно как хаос отвергается (если не современниками, то будущими поколениями точно). То же самое в нашем случае. Материя в полноте свидетельствует о Творце, но то, что оказалось в поле зрения, то очень скупо – нет всеобъемлющей полноты. То есть нам явно недостаточно или мы ожидаем намного большего, поэтому мы с помощью науки свидетельствуем о творчестве Бога в тех границах возможностей, которые определены свойствами внутреннего мира материальной составляющей естества Вселенной. Сама же суть священного Писания наделена красками и более глубинными свидетельствами о Творце. И хотя оные более глубинные, но остаются в рамках дозволенного, а потому остается довольствоваться тем, что имеем. Также как след от стопы человека свидетельствует о че-

ловеке в рамках своих возможностей – углубление в почве в форме стопы. Говорить, что это человек нельзя, но можно сказать, что это свидетельство о человеке, правда, настолько далёкое от всей полноты Истины, что уму непостижимо. На Голгофе произошло беззаконие и природа выразила сие также беззаконием в границах способности своего естества, при котором нарушился порядок: разверзлась земля и погасло Солнце на целых три часа. Во Вселенной множество всего и вся и каждая из оных имеет свое уникальное и свойственное себе повествование о Творце. Как-то иначе Вселенная нам говорить не может, кроме как нарушение привычного своего хода событий – просто ей самой беззаконие на Голгофе противоестественно, а потому выразилось также противоестественным поведением материального мира и тщетны наши ожидания или надежды в этом плане, что природа вокруг покажет нам что-то ещё большее, кроме того, что случилось³²⁴. Иными словами, такова речь Вселенной, обращенная к людям, о трагедии, так она выглядит **666-01-190**.

То есть, если богословие науки не оправдывает наши ожидания явного свидетельства о Боге, то это совсем не значит, что Его нет. Мы просто не понимаем эту речь о Творце. Так как естество Вселенной свидетельствует о Господе в пределах возможностей естества, то нам остается довольствоваться этим. То же самое касается теории эволюции, которую никак нельзя отвергать, ибо это только лишь такая речь Вселенной о том же самом, о чем повествует в Книге

Бытия Священного Писания – это только лишь след оставшийся от того события. Это тоже свидетельство о Боге, специфично и довольно скупо явленное в данной сфере бытия и также абсолютно далёкое от полноты Истины. Но всё равно сие остается свидетельством. Что это значит? (07.01.00)

Змей-искуситель привнес иное мировосприятие. Человек общением принял его точку зрения, отличную от той, которая естественна человеку согласно Замыслу Творца. Теперь он смотрит на мир иначе и мир предстает перед ним тоже иначе – теперь он разделен на две части. Одна из них – это то пространство, которое находится между позицией человека и Богом. А другая – это то, что оказалось за пределами. Причем границей между этим двумя составляющими стал сам человек, ибо он разделяет Вселенную на «до.» и «после». Человек получил новое имя – граница. А так как каждый судит в меру своей испорченности, то и весь мир перед ним предстал в границах, а именно в формах и в фигурах. Все перед нами контрасты. Если Бог видит внутренний мир, Он сердцеведец, то отпавший человек смотрит на формы. Для него сущность спрятана за форму фигуры. Представим теперь, что человек смотрит на Бога. Что ему открыто? Ему открыта граница некоторого промежутка или величины. Человек ищет в Нем свое подобие, образ своей причастности ко греху, величину отличия от святости. Ищет черные пятна даже на Солнце. А так как Богу грех не свойственен, то есть Он и есть святость Сам, то величина бу-

дет отсутствовать. То и греха на Боге не находит. Величина отпадения от святости равна нулю. Таким образом, перед нами только граница, заключающая в себе ноль, нулевой промежуток величины. Это есть граница в чистом виде, то есть точка. В системе координат этим именем названо перекрестие осей числовых прямых. Представить себе тяжело, ведь безграничный Бог, пребывающий везде и всюду вокруг нас, а нам открыт как ничтожество точки. Каждый судит по себе сам и в меру своей испорченности. Это важно сказать, ибо имея верное представление о бытии мира, мы понимаем верный путь для нашего спасения. Возникло противоречие, в коем точка противопоставлена пространству. А так как возникло противоречие, то и неизбежно появились течения, в коих одно переходит в другое, одно становится подобным другому. Это важно заметить для понимания многого. Противоречие⁴³ стало двигателем эволюции. Как это понимать? Это видно в самом образе человека. Пасха в переводе на русский язык означает пройти мимо. Мы не боремся со смертью так, как это естественно зверю. У нас нет рогов, копыт, нет мощных клыков и пасти и вообще ничего нет. Мы видим смертельную опасность на таком расстоянии, которое позволяет нам пройти мимо нее со скоростью пять километров в час с ребенком на руках. Но это еще не все и может быть даже не самое главное. Представим себе пушинку, летящую навстречу быстро движущемуся авто. Наступило сближение. Потoki воз-

духа выносят ее и не дают столкнуться с корпусом машины. Почему? Потому что, по некоторым свойства пушинка подобна воздуху. Мы видим, что эволюция пошла именно по этому пути, при котором точка становится подобной окружающему вроде бы пустому пространству. Воздух там, где нет железного корпуса авто и пушинка остается с воздухом. Бог – это жизнь. И в любой смертельной опасности надо быть там, где жизнь. И все, и этого достаточно. То есть нужно быть подобным по некоторым свойствам Богу, чтобы обходить смерть стороной, мимо нее. Подобно тому, как точка стала пушинкой в процессе эволюции, человек обрел тот образ, который помогает ему идти мимо смерти даже на Голгофе Христовой. В этом и есть образ спасения. Человек через покаяние обретает все остальное. И вообще, мы видим, что в природе человека нет того, что предназначено для насилия и убийства, ибо человек – образ покаяния.

И как мы видим, хоть нам и открыт мир в границах, но представлен он нам уже не точкой, а формами в контрастах. Эволюция пушинки направлена на увеличение площади соприкосновения с воздухом при неизменной массе. Так и природа человека увеличивает степени распознавания Бога. Мы тоже подобно пушинке, только лучше видим Бога, слышим Бога, чувствуем Его запах, вкус, тепло, тяжесть, твердость, текучесть и просто чувствуем Его присутствие. Однако – это все остается в пределах той же

природы границы в чистом виде. Только внутренний мир сердца, то есть душа распознает Сущность Его, ибо Он входит в него после покаяния, очищения души.

(07.01.00) Представьте, что ваш путь лежит через горную грядку. Вот вы приближаетесь и издали вам открыт обзор на горный хребет. Кажется, что перед вами высоченная непреодолимая стена, потрясает какая-то мощь, исходящая от увиденного. Но по мере приближения нам все отчетливее видны перевалы, ущелья и каньоны. Ещё ближе и мы видим даже тропы и дороги. Все великое и непреодолимое, как сила, становится обозримым только издали, а все то слабое, через что можно преодолеть великое, открывается сближены. Самое тяжёлое и страшное – это приближение к силе. Но именно этот критерий выразился на природе человека в процессе эволюционного становления. Если зверь бежит от опасности, то человек идёт к ней, чтобы приблизиться. Он идёт к ней, ничего не имея из оружия и никаких достоинств, а то, что есть порой даже и не востребовано. Приблизившись к огню через победу над собой, человек понял то, как его можно обуздать.

1.0.1.-22. Бывают ситуации, когда страх такой нападает, что зуб на зуб не попадает, стучат как дробь барабанная и всего трясет. А вот надо идти туда, возможно последний раз. Молитва успокаивает, опять приходит уверенность. А молишься так, что дышать трудно. Вот тут-то и приходит смерть, о которой сказал Бог пророку Моисею. Нет – жизнь

остаётся, но многое теряет свой былой цвет – уходит и мирская радость, и суетная печаль. (Наверное, я перешёл ту черту, после которой назад уже нет возврата к прежней жизни. Да живым остался, но что-то порвалось в разуме и нет уж смеха, нет ничего такого, что молодило бы порывом любовной страсти. Ничего не может. Ни любви, ни плотских каких-то стремлений – один долг исполнения обязанностей и радость от этого. Простите меня за мою бесчувственность, но лучше умереть перед боем, но остаться жить, чем во время оно и по-настоящему. Хотя трудно сказать, нет ничего слаще пребывания в Благодати Божьей, такая это радость, что ничего не жаль ради пребывания в ней – все возьми, но лишь бы так было всегда. Вот примерно(!), о чем говорит Бог святому пророку в святом Писании: «Несть человек, иже увидит Лице Мое и жив будет»).

1.0.1.-23. Далее следует сказать о естестве человека главное, а именно, что душа – творение Божье, в которую потом Бог вдохнул Самого Себя, то есть жизнь и Благодать Духа Святого.

Святой Макарий говорит, что душа имеет вид телесности. Всякая трудность – это есть покушение на здоровье души. Мышечные нагрузки приносят болезни мышц, психическую усталость, что равносильно психологической травме, быстро заживляющейся. Зато после того, как боли проходят, мышцы уже легче справляются с данной нагрузкой, кожа грубеет и появляются мозоли, человек меньше страдает. Потом в

самом организме происходят какие-то изменения, в психике тоже появляются свои мозоли и гнетущее напряжение в душе вообще уходит. Человек выходит на такой уровень, когда ему, как и прежде хорошо и радостно уже при данной тяжести от этих нагрузок, ибо оные становятся для него не заметными, как дыхание или работа сердца. Возникает чисто физиологическая потребность в физическом труде, как уже неотъемлемой составляющей его природы. Но это далеко еще не все, ибо это лишь привычка, которая никак не гарантирует полноту счастья. *Полнота счастья во всей его всеобъемлющей многогранности приходит при единении в процессе общения с Источником счастья, также как пребывая рядом с огнем очага человеку становится теплее и светлее, хотя и без этого, казалось бы в нем все это заложено и тепло и свет. Человек становится сильнее во всех смыслах (не только физически), становится совершенным в образе Божьем благодаря той радости, которая заложена в нём изначально Богом⁷². Просто во время физических нагрузок влияние источника радости и счастья воспринимается наиболее остро, то есть в более сильном контрасте.* В некоторых старых советских фильмах, где показан крестьянский труд, можно уловить эти нотки радости трудового бытия. Просто так устроен мир, что то, что сеешь, то и пожинаешь. Раз Бог вдунул жизнь⁷² в Своё творение, в человека, то она в лице человека к Нему вернётся.

СЧАСТЬЕ000-00-00. Вообще, счастье человека не может

быть половинчатым. Так как мы наделены плотью и, вместе с ней окружающей нас Вселенной, то оные должны занять своё место там, где радость в них наиболее стимулирована в том пределе возможности охвата всей ее полноты, какой им необходимо для бытия. Не хочу сказать, что надо валяться как свинья в грязи, но и брезговать тяжёлым грязным физическим трудом тоже нельзя, ибо это, в пределах разумного, необходимая составляющая человеческого счастья, а значит его физиологии. Счастье постоянно грязнится и очищать его от всего этого – призвание физического труда. В противном случае, тяжелый физический труд, как реалья, не появился бы в бытии. Единственное, что труд должен быть таким, чтобы не уничтожать вожденную ясность ума, то есть примерно на 50%-60% предела физических сил.

Что такое очищение счастья? Для начала следует сказать, что, согласно нашим умозаключениям (там где мной было сделано высказывание о том, что мир вышел из человека), инородности для человеческой радости являются инородностями для бытия всего мироздания. Ведь человек в границах Замысла Творца состоит в Членстве Предвечного Совета. Поэтому, пребывая в отношениях с Личностью Бога, в первую очередь мы должны осознавать то, что в каждом из нас есть инородности для радости, есть то, что чуждо нашему счастью. Только после этого всякое явление или событие в нашей жизни становится процессом выведения инородности из нашего естества этой инородности. Если же мы не осо-

знали это, то сами становимся инородными для Вселенной. Природа начинает вести себя инородно естественному ходу бытия и уносит в небытие самого человека, отвергает его инородности вместе с ним, ибо человек не может в таком виде присутствовать на Совете Пресвятой Троицы согласно замыслу Его. Итак, всякое явление в этом бытии выводит чуждое Богу и человеку, и счастьем его в небытие, то есть либо исцеляет человека, либо наоборот уводит человека вместе с его болезнью духа. Итак, всякое, происходящее с человеком либо животворит его счастьем, либо изгоняет его из бытия. Всякая физическая активность – уже есть инородность, если в ней нет процесса очищения природы счастья. Это значит одно – покушение на психику человека, уже есть степень ее ранения, из-за чего неизбежен процесс восстановления, его называют отдыхом.

Также надо помнить о том, что все мы разные, то есть для одного труд тяжёлый, ибо травмирует психику, а для другого именно такая интенсивность и тяжесть его становятся условием настоящего экстаза. Травма психики исходит от того, что человек ожидает конца своим мучениям. На самом-то деле физическая нагрузка не может быть инородной природе человека, ибо в ней важна сама физическая активность, ведь посредством ее лучше работает сердечнососудистая система. В мозг поступает обогащенная кислородом и питательными веществами кровь. Ничему более наше тело служить не может и не предназначено. Травма психики возникает из-

за того, что сам ум человека позиционируется в противоестественном положении, из-за чего всякое даже малое напряжение или же даже отсутствие оно усиливает трагедию, делает ее очевидным.

Итак, мы выяснили, что нагрузка – это жизненная активность, а мучением она становится, когда не правильное место положения самого человека в этой радости жизни, а потому сие становится противоестественным, становится вторжением в природу счастья. ибо надо уже в каждый момент своего бытия пребывать в полноте своего счастья и физическая нагрузка – «это просто такая жизнь», в коей задействуется еще больше полноты для бытия в экстазе. Это становится частью физиологического процесса, также как дыхание или пищеварение, утверждающие счастье. То есть, это не должно быть мучением, ибо это такой способ стимуляции абсолютного счастья в земных реалиях, это такой способ достижения наивысшей экзальтации радости, форма активации экстаза. Просто жизнь – это вершина бытия и вершина человеческого счастья, на которой требуется стоять. Физиологическая активность в таком напряжении всех фибр человеческой природы становится вспоможением человеку в этом стоянии на вершине, еще одной подпоркой или опорой утверждения шаткого равновесия. Почему? Потому что без молитв, пребывая в зломыслии тяжёлый, нудный труд невозможен – это даже верная смерть. В зломыслии вообще все невозможно. Ведь труд в высоком пределе физических сил –

это такое хождение по канату, при коем заметны даже малейшие препятствия, то есть сразу сигнализирует об инородной даже малой помехе, которая не воспринимается вне напряжения, а поэтому именно эта кондиция чистого духа⁷² становится той отправной точкой человеческого счастья, которая становится той призмой созерцания Бога и окружающей Вселенной. Именно она стимулирует все известные формы эволюционных токов Вселенной и цивилизации, под неё подстраивается всякая человеческая деятельность и именно она есть основная цель всех устремлений. В новой еще большей задействованной полноте Вселенной нам в поте лица дается бытие во Царствии Небесном, то есть та самая прежняя жизнь в раю и это есть самая первая заповедь, данная Богом.

1.0.1.-24. Царствие Небесное в сердце человека пребывает, независимо от того, что творится вокруг и какие жертвы требует земное бытие. Мир понуждает человека творить жертву за то, что он имеет естественную полноту радости в противоестественных для этой радости реалиях, исходящих от влиятельной близости ада к окружающей нас природе. Этим именно счастьем он и поработочает Вселенную и торжествует над ней как царь природы. Когда человек умирает физически, то есть, когда временному отдает то, что в его природе было временным, то нормой для него будет остаться в Райских Обителях, в коих должен быть еще при жизни во плоти. То есть плоть должна отдать вечному, что в природе человека было вечным и стабильным, постоян-

ным. Ему уже нет смысла отдавать жертву за эту радость, ибо он на своём месте – вышел из реки на берег, то есть теперь ему не надо противостоять потокам вод или плыть против течения, чтобы иметь образ и подобие берегу – постоянство. Он там, где родился, откуда вышел изначально, где ему естественно быть по природе. Есть и другие формы напряжения, адаптация к которым делает человека ещё более свободным в земных условиях: это выносливость, терпение, помощь ближним, способность отпускать обиды, посты и так далее. Но это совсем не правила поведения благочестивых людей, а естественная потребность беречь в себе мир и покой. Просто без этого следуя по трудной дороге жизни можно расплескать это счастье. То есть, чтобы нести полную чашу радости (во время следования на Праздник праздников Опресноков), надо избегать каких-то резких движений и тем более падений. Поэтому тот, кто несёт её, тот и без заучивания общественных правил, сам будет вырабатывать тактику и стратегию поведения. Причем неизбежно то, что поведение несущего кувшин радости, будет в полном согласии с государственностью (смотри 777-07-7.9).

СЧАСТЬЕ 000-00-00 Но это уже пристанище монахов, подвижающихся в аскезе, хотя каждому из нас это нужно выстрадать, пройти эту черту в некоторой степени мученичества и обрести уже вновь радость жизни. Это такой барьер, преодолев который человек становится приобщником источника счастья. И преодолевать этот барьер нужно всем абсо-

лютно. Это как вино, которое на вкус противное, но преодолев вкусовой барьер человек может стать зависимым от алкоголя. Такова наша природа, полная «вкусовых» барьеров, более того в ней все есть барьеры. Но любая трудность предполагает силу причастия духа к Богу и силу любви, по степени полноты приобщения к Сущности Бога⁷³. Отсутствие этого предполагает иное. Надо сказать, что человек начал находить и другие инородные собственному естеству способы приобщения к чувству Рая без радости духа, без постоянной жертвы. Он получает удовольствие от воровства, алкоголя, курения, наркотиков, приобщения к утехам плоти, от обустройства жизни путём экономических, финансовых махинаций (то есть коммерции), научно-технической революции и так далее. Но если искусственные способы – форма самоубийства, то естественный способ причастия к радости дарует жизнь вечную. И об этом есть смысл сказать несколько иначе (смотри 666-04).

1.0.1.-25. В поиске ответа на вопрос о том, как разум освобождается в экстазе единения с Богом, рассмотрим физиологию человека следуя от противного.

Предварительно есть необходимость вновь дать определение природе модуса. Зеркало водной глади – это побочный результат внутренних глубинных передвижений вод от источника к устью реки или же производная течения вод от глубинных родников к поверхности, с коей идут испарения в атмосферу. Благодаря этому постоянному течению мы ви-

дим плоскость. Этот побочный эффект течения, зеркальную гладь, мы назвали модусом. Если говорить понятийным языком диамата, то перед нами очевидное. Что модус этот возник как побочный эффект движение от простого к сложному спиралеобразно в единстве и борьбе противоположностей. Иными словами, зеркальной поверхности водной глади что-то должно предшествовать, что-то должно быть более упрощенным и иметь его же, но только более примитивный прообраз. Мы не ошибемся, если скажем, что это точка. Как она представлена в яви – не важно. Главное, что она есть первообраз плоскости. Хотя первообразом плоскости, на самом-то деле является пространство, но согласно диамату – точка. Этот парадокс не заметили математики 19-20 века, а ведь сие есть ключевой вопрос богословия и ответ на вопрос о бытии Творца. Всякое развитие имеет начало в прообразе и подобии точки, из которой началось спиралеобразное развитие от простого к сложному в единстве и борьбе противоположностей, но согласно законам математического анализа первообраз всего есть пространство. Как это совместить? Диамаг – это анализ на основе визуальных наблюдений (смотри 777-07-07.7). А мат. анализ – это уже независимость от чувственной природы, а именно утверждение и функциональная сфера-область законов сотворенной Богом природы. А потому такая вот не стыковка. А между тем, это противоречие и есть движитель эволюции всего, ибо две крайности на самом деле взаимодополняемые составляющие одного. В

противном случае, они не существовали бы в природе даже. Природа человека в процессе эволюции накапливает точки соприкосновения с Творцом, чтобы беседа с Ним была более и более всеобъемлющей. Перед нами две составляющие в одном, в пределах чего разворачивается весь функциональный анализ и вообще разворачивается весь сюжет этого бытия Вселенной. То есть всякий образ бытия всегда будет иметь пространство и в нем нести образ Начала начал. Точка и плоскость имеют общие свойства, а именно стабильность. В процессе становления от простого к сложному периодически проявляется образ первоначала. Пустота порождает свое подобие в свойстве постоянства в пространстве, то есть окружность или сферу. Сфера и окружность – это подобие пространству в свойстве двухмерности и трёхмерности. С другой стороны, *Бог – это не абсолют или максимум всего, Бог – это в первую очередь живая Душа, это Личность.* То есть в процессе эволюции может идти становление только личности, принимающее различные формы и абсолюты.

Итак, мы видим устойчивую стабильность поверхности. Вода по природе конечна, то есть имеет ограничения. Если бы она была безграничной, то не было бы даже разговора. А так как есть граница, то она несет в себе образ границы в чистом виде – точки. Если источника воды нет, то и нет поверхности, зато есть пустота. Как мы ранее выяснили, что пустота должна породить свое подобие и потому нам водная гладь представлена как плоскость, несущая в себе подобие

пустоте в данной сфере-области бытия на природе данного явления. То есть перед нами следующее представление цепи: стабильность—движение-стабильность в прообразе точка-спираль-точка. Стабильность пустоты порождает движение, которое в определенный момент возникновения полноты самовыражения оказывается тем же, но на ином уровне (спиралеобразно). В этом же прообразе цикла рождается мир.

Наш организм получает импульс энергии от распада энергоносителей биологического происхождения (Бог дает нам видеть хаос и распад только для того, чтобы мы трудами в поте лица восстанавливали порядок и преображали этот созерцаемый мир – в данном случае этим порядком и преобразованием природы становится сам человек, его организм. В мире все два в одном. То есть все относительно только формально, а на самом деле энергия постоянна. В этой системе распад-стабильность или хаос-порядок одно порождает другое, которое тоже порождает). Перед этим желудочный сок расщепляет белок и углеводы. Ещё перед этим пища измельчается зубами во рту. Ещё перед всем этим на кухонном столе и на плите происходит предварительная обработка продукта питания. Ещё перед этим приходится ухаживать за скотиной, добывать хлеб насущный. Еще перед этим человек взирает даже на звезды и мыслит о том, как всё это сделать. И так далее. Когда вы вкушаете и перевариваете продукт питания, вы можете смотреть кино, петь песни, весе-

литься, танцевать и т.д. Вы не отслеживаете происходящее в вашем организме, не замечаете работу сердца и легких, ибо всё происходит само по себе, автоматически. Сознание работает «на все сто процентов», не отвлекаясь, ибо оно свободно, как бы вышло из тела и не живет теми процессами, которые происходят внутри организма. Это имеет образ внутренней духовной жизни, то есть экстаза. Внутри организма идут монотонные постоянно повторяющиеся процессы. *Если труд продолжительный монотонно повторяющийся (и при этом не важно какой он тяжести и сложности), то он автоматически гармонично вписывается во внутренний биологический процесс тела, становится его внешним продолжением и потому вновь сознание оказывается свободным, ибо в этот общий пищеварительный процесс добавилась ещё одна операция. Не нарушен образ духовной жизни человека – экстаз, а потому нет покушения на природу человека, но только ее утверждение в вечности счастья и радости.* Таким образом, богообщение, воплотившееся в пищеварительный процесс, теперь вобрало в себя более общие рамки жизнедеятельности (в поте лица по заповеди Божьей). В принципе этот момент и происходит, и человек привыкает ко всему при одном условии, если ум сам по себе вновь оказывается и пребывает в экстазе, то есть, если высвобождается. И мозг поддерживается в состоянии независимости от внутренних биологических процессов жизнедеятельности в теле, когда имеет место многократного цикла в физиоло-

гических процессах организма и во время трудов.

(07.01.00) Самое страшное, что может быть для человека, это отвлечение ума от процесса богообщения и организм подстраивается под эту самую важную кондицию жизни, подстраивает под нее даже весь окружающий космос посредством строительства каменных ритуальных комплексов, а в наши дни посредством научного прогресса. Итак, монотонность и однообразность физического труда позволяет высвободить в какой-то степени работу мозга³⁰⁵ и в то же время стимулировать его притоком свежей обогащённой крови благодаря работе сердца без перенапряжений и особых нагрузок⁷⁴.567567 Таким образом, монотонный циклический труд также становится как бы частью внутренних биологических процессов, не отвлекающих ум – разум выходит из тела и становится там, где ему определено место быть самой природой. (07.01.00) Если сказать, что выход из тела – это есть экстаз (по определению понятия экстаза), то получается, что сам организм возник только как жизнь в экстазе. То есть экстаз – это иное имя жизни (естественное её состояние быть за пределом барьера-порога «вкусовой неприязни»). Этот момент выразился на самой физиологии организма, ибо голова, как бы пребывает вне тела, некоторым образом отстоит от него на расстоянии шейного позвонка. Да и сама смерть человека – это исход души из тела – тот же самый образ экстаза, тот же самый естественный образ бытия живого, когда голо-

ва, хотя и несколько отделена от тела, но в то же время поддерживает связь. Именно так, по тому же принципу и ради тех же целей возникли государственные образования с их культом во главе всего, выродившемся потом в денежные обороты банковской системы.

В последствии сам по себе научно-технический прогресс неизбежно стимулирован и связан именно со священным действием, совершаемым на святом Престоле во время богослужения, точнее он есть одно из порождений Святой Евхаристии в прообразе того же экстаза. Тут сразу могут возникнуть возражения, ибо, скажут они, что научный прогресс, хоть и не был выраженным столь явно, но начал быть задолго до Рождества Христова. Святая Евхаристия – это Путь в вечность, Который искали во все времена и о бытии Которого знали во все времена. Пройти по нему мог только Бог и рожденный от Духа Святого. На самом деле, если в более ранние времена, до прихода Спасителя на Землю, была надежда, что этот Путь Кто-то пройдёт, то после Него всем было известно, что этот Путь пройден. Но То и Другое в любом случае отделено от Центра, разделяющего мир на «до» и «после» в прообразе экстаза и побуждает к жертве себя ради других. Путь пройден, как необходимость преодоления «вкусового барьера». Это священное победное деяние неизбежно специфически выражалось на своих понятийных языках каждого времени. В нем Бог должен принести Себя в жертву ради вечной жизни человечества. А так как всё вокруг есть проводник

Божественного или, иными словами, всё вокруг есть разные формы Слова Бога-Отца к человеку, Богу-Отцу от человека и о Боге-Отце, то во время литургии как раз и творится то самое действие, совершаемое современной наукой. Именно по этой причине Макс Вебер назвал христианство религией овладения миром. Сама религия стимулирует именно это движение научно-технического прогресса.

1.0.1.-26. *Нудный однообразный⁷⁰ и монотонный труд¹²¹ – великое открытие-достижение, возникшее как следующая ступень эволюционного становления человечества, при которой нет покушения саму сущность человеческой природы – её физиологическую потребность пребывать в напряжениях допустимых пределов ради нескончаемой радости в качественном богообщении⁷⁵. Всякое напряжение или усилие психики, в конечном счете, приводит к усталости. То есть в самой психике не должно быть даже малейшего напряжения (сообразно пустоте, но в ином имени) или усилия для пребывания в радости, чтобы не было усталости. Радость должна быть естеством, как у детей. Как это достигается? *Благодать Духа Святого – это такая Вселенская Шестерня, вращающаяся вечно. Через сцепление с ней передается вращательный момент всему, благодаря чему зарождается жизнь. Если начинаешь изучать природу человека, то ясным становится очевидное. В природе человека все заточено на то, чтобы быть с Этой Шестерней в более качественном и стабильном в сцеплении. Если есть эта кондиция бытия,**

то и нет никакого напряжения или чего-то такого, которое ущемляет или как-то расстраивает здоровье организма. Эволюция жизни с самых первых мгновений, не совершенствовалась, а именно подстраивалась под это. Если есть сцепление, то понимаешь, что легче его удерживать, пребывая в постах и воздержании от всего того, что ослабляет дух и как-то уничтожает его бытие в Боге. Так появляются учения о порядке вещей в макром мире, в общественных отношениях, позволяющие быть человеку в Боге 777-07-7.9. Вот как, это работает.

Человек, который делает усилие для поддержания состояния психики в нужном тоне счастья, подобен крепкому стальному стержню, который может выдерживать все нагрузки в течение пусть 500 лет. Но всё равно наступит такой момент, когда он изменит свою форму – закон физики, то есть металл «устает». Водная гладь в тарелке, даже если её ровная поверхность будет претерпевать даже ещё более сильные воздействия, то форма её так и останется вечной. Ибо после воздействия поверхность восстановится. Получается, что водная поверхность более устойчивая воздействию, чем самый твердый в мире материал и при этом без каких-либо напряжений во внутренней структуре. То есть естественное состояние бытия человека там, где нет никакого вообще покушения на природу человека. Нет никакого покушения на его психику, даже если он оказался в условиях страшных в прообразе Голгофы Христовой. Вот примерно в чём различит-

ся. Вот так оказывает своё благотворное действие молитва. Достаточно прикоснуться к Божественной Сущности, и радость входит от Него в нас сама по себе. Прикосновение не требует никакого физического усилия, не требует уединения и не требует работы по освобождению ума, как это практикуется в Буддизме и в Индуизме, ибо это происходит внутри самого человека, в его разуме. (Старцы уединяются от мира для нас, а не для себя.) Не важно в каком состоянии пребывает человек: на смертном одре или в тот страшный момент, когда вдруг получил увечье ранением и истекает кровью – все это не мешает прикосновению ума к Божественной Сущности и получить экстаз. Поэтому Истина, как уже написано ранее, проверяется только в обречённом состоянии человека, когда полная безысходность от лишений, нет чего-либо такого, которое могло бы увлечь и затмить боль и предстоящее, но при этом надо жить. То, что приносило счастье в обыденности, то не может уже иметь ценность в экстремальных условиях потрясений: ни вкусная еда, ни деньги, ни удовольствия плоти (ни пиры во время чумы). По слову святейшего Патриарха всея Руси, именно этой радостью благовествовали миру мученики за веру, истязаемые мучителями. Видеть Истину и тренировать такой образ бытия помогают Крестные Ходы, когда люди в течение нескольких часов без отдыха проходят десятки километров с молитвами. То есть во время шествия можно как и прежде веселиться душой и радоваться жизни, ибо Крестный Ход обретает некоторые

иные формы в виде физических нагрузок иного характера, но все равно, эта сообразность Голгофе Христовой несет в себе приобщение не только к страданиям Христовым, но и к Его радости, затмевающей всякие невзгоды⁷³. Страдания не скрадывают радость, а наоборот, создавая контрастность, усиливают переживание счастья. Если вообще примитивно говорить, то можно сравнить с тем, как человек получает радость от приема пищи в столовой, когда он голоден, только процесс приема пищи теперь в несколько иных масштабах и образах, ибо теперь он начинается гораздо раньше – в поле за плугом или с косой на покосе, то есть в монотонной тяжёлой работе^{305-3в}. А так как человек обратил свой взор и на звезды неба ночного, то может быть и там уже будет начинаться его процесс переработки продукта питания, с последующим доведением его до нужной удобоприемлемой кондиции, нужной для простого пищеварения в желудке. Отличие только в том, что радость экстаза усиливается контрастом преходящего мира постоянству Божественного Духа и обретает иные грани с расширением масштаба сферы жизнедеятельности. Радость человеческая тлеет во внутреннем мире человека, то есть важно только то, что творится в его душе, а то, как он живет, насколько он скован в своих свободах и истекает ли он кровью – это вообще никакого отношения к счастью не имеет – это все внешнее, это только лишь одежда на здоровом теле духа. Она может быть ветхая и изношенная, но только здоровое тело души остается счастьем. При ограни-

ченной свободе передвижения во время труда из-за возникшего контраста сам по себе экстаз усиливается, ибо в нем задействована большая полнота природы, чем в безделье. Так что отпадает необходимость в какой-то там свободе от работы – просто работа становится не заметной⁷⁷ для сознания, ибо она как бы становится частью всех физиологических процессов⁷⁰, также как и работа внутренних органов тела человека¹²¹, усваивающих съеденную пищу или вбирающих в себя кислород. Это то самое естественное состояние человека, какое он имел будучи насельником Царствия Небесного и пребывает в бытии, Кое не утрачено даже с грехопадением, а продолжается в ином образе жизни – в трудах в поте лица (и скорбях). Получив заряд жизни, человек перестает что-то иное искать даже если это происходит в одиночной камере с малыми размерами. Уверяю вас, что от этих молитв люди сильно меняются и становятся пленниками своей радости до конца дней⁷⁶. Ведь эта радость вытесняет все лишения и даже страшные физические увечья, утраты всякой способности к существованию, затмевает все услаждения плоти – человек вдруг начинает жить настоящей полнотой жизни²⁶⁹.

Повторюсь, что радость усиливается лишь в молитвенном единстве с Творцом во время работы и при этом на родном языке⁷⁸. Так религия становится опиумом для народа естественного происхождения. Когда рабочее место намолено, то люди идут на работу ради получения экстаза и, неизбеж-

но, деньги становится самым второстепенным (когда же нет молитвы, то люди бегут от того, что несет им болезненную душевную травму, а потому не ведают, что творят и деньги не на пользу, и потому их всегда мало, либо этими же деньгами пытаются залечивать душевные раны всякого рода вожделениями и алкоголем). Таким образом, это и есть настоящий образ приобщения ко Христу, ибо изначально человек был рожден в Раю и только в Раю ему естественно оставаться, то есть только Царствие Небесное и душевный комфорт, и радость так и остаются тем же естеством жизни, только теперь чтобы пребывать в этом качестве радостной жизни Царствия Небесного нужен процесс физического напряжения и усилия в работе, то есть жертва. Рай душевный после грехопадения теперь уже должен адаптироваться в новую реалию и только вот таким способом – благодаря активации жизнедеятельности. Это огонь, который по-настоящему греет, благодаря чему человек не замечает, что творится вокруг него, что оказывается особо востребованным в тяжелых условиях, к примеру, рабства⁷³. И при этом человеку этот огонь не инороден, он – его естественная внутренняя сущность, а потому принимает его, как естественное. Точнее, при нормальном естественном человеку порядке вещей, все вокруг в таком же прообразе процессов внутреннего мира организма оказывается сильным стимулятором экстаза в нем, все вокруг не дает человеку оставаться в собственной сущности – посредством боли и скорбей выгоняет из самого себя туда, где че-

ловеку умом естественно быть – в этом тоже есть сослужение человеку окружающей Вселенной, способствующему единению человека с Богом. Но стоит только «... и глаза не зрячие открывали мы...» так сразу все вокруг обретает диаметрально противоположное значение – всё, что было несущим счастье и радость, становится несущим страдания. Это становится взрывом и расправами над своими «рабовладельцами», даже духовными лидерами от видения вопиющей несправедливости. А ведь, на самом деле, рабовладельцы сами являются рабами у своих же рабов. И если рабовладелец перестает быть рабом, то и рабы перестают быть рабами. Об этом подробнее изложено в 4 и 5 томах данного издания. Кстати, тут два образа красоты возникает перед нами и оба являются модусом внутреннего мира, результатом движения в нем. Только в одном случае, красота предстает совсем иначе и заметна только бойцу, которому предстоит только еще идти на возможную смерть. А другая красота рождена тоже миром и спокойствием, но это не то спокойствие, о котором сказано ранее. Это спокойствие ложное и обусловлено падением. Эта красота дьявольская. И Бог потому наделяет такую женщину красотой, чтобы в нее сильно влюбился самый сильный, ибо ей нужно падение остановить. Эта красота – сигнал от погибающей души **666-04**.

1.0.1.-27. Итак, сам принцип счастья заложен в трудовом процессе, даже если он очевидно бессмысленный. Без него трудовой процесс невозможен. Труд имеет значение только как необходимое состояние-фундамент для качествен-

ного причастия к Царствию Небесному в исихазме (смотри 777-07-7.9). Человек, который что-то ворует или принимает наркотики, или много потребляет алкоголя, или нечестно добывается каких-то целей – тоже мотивирован экстазом, только вне единства с источником всех радостей – с Богом. Поэтому, на самом деле, обделён всем, ради чего он шёл на эти злодеяния (смотри 666-04). (07.01.00) *Результаты трудов счастливый сам отдаст, ибо ему дорог сам процесс, само его состояние бытия в процессе, а не результаты трудов, ибо не ими он пребывает в радости, а самим процессом их производства – этот момент был и есть утверждение наступления монастырей до мирового господства. Не в конечных результатах трудов смысл бытия, а в самом этом качестве жизни единства с Богом посредством процесса их добывания. То есть в самом этом труде, который стимулирует активную, ровную работу сердца, а сердце питает и поддерживает мозг в состоянии плодотворной ясности, коим обусловлено единство с Богом. Поэтому этим огнём, коим является сила народного духа, надо научиться пользоваться, тем более человек постоянно подминает под себя все большие и большие пространства в связи с расширением круга интересов и в этих аспектах происходит его эволюционное становление.*

Всё дело в том, что сам по себе первородный грех не имеет силы, то есть ничтожен и наделён временностью, то есть ничтожен и во временных промежутках. Во Христе мы получили всю полноту откровения, но так как это нечто новое

в жизни человечества, то, неизбежно, новая реальность даст новое направление для эволюционного становления. Человек будет видеть Бога еще и в этой новой реалии (вспомним пушинку и ее эволюционное стремление к подобию воздушным массам). Действие Духа Святого должно дать коррекцию в направлении развития или выразиться на природе человека в процессе эволюционного становления организма человека. Это высказывание будет верным, если эволюция жизни действительно существует как реальность бытия⁷⁹.

Если экстаз является естеством жизни (смотри 777-07-7.9), то в течении множества веков этот момент неизбежно должен многообразно и фотографически отразиться на природе человека во всех гранях проявления его естества. Так как Божественное несёт в себе радость во всех смыслах этого слова, то всякий экстаз – это какое-то, некоторое одно и то же естество в природе головного мозга человека, стимулируемое по-разному, опосредованно разных составляющих всю нашу природу людей. *(07.01.00) Бог дает радости многогранно и потому проводники этой радости в этот единый Центр головного мозга разнообразны. Если мы посмотрим на природу человека, то увидим, что сам организм человека – это набор разных посредников познания Бога в одном, а именно грани Его бесконечной радости⁸⁰. В то же время, как бы несет в себе этот образ выхода из своей сущности – образ экстаза. К примеру, ближе всего к небу пребывает голова, далее сердце, ниже желудок и ещё ниже половые органы. Го-*

лова пребывает как бы несколько отдельно от организма и от всех процессов в нём. Она как бы в прообразе экстаза отстоит в положении выхода из тела. Через все органы тела, разум получает радость, ибо каждая фибра в организме человека – это инструмент богообщения, в противном случае, она не появилась бы в бытии, как не востребованная или как несущая горе. Надо сделать важное дополнение. Человеку свойственно мыслить вне зависимости от того, чем он занят, он как бы парит над всей суетой происходящего, как бы остается в образе своем вне мира сего – в прообразе своей природы, в образе независимости ума от суеты сует. То есть осмысливает происходящее. Эту жизнь вне своей природы, то есть независимо от всех тех процессов, происходящих в ней, называют экстазом. Но природе человека экстаз экстазу рознь. Только в единстве с Богом возможна жизнь. Вне единства с Ним происходит деградация и смерть. Одно из дух – третьего не дано, не существует. Экстаз несёт радость и животворит, в противном случае, жизнь не состоялась бы на Земле. С помощью названных инструментов, в процессе общения с Источником всех радостей и счастья, человек пребывает в естественном для жизни состоянии экстаза, благодаря чему они оказались востребованы в условиях земных, а потому возникли посредством эволюционного развития. Если человек счастлив, то хочет жить и борется. И этому они призваны служить изначально. Причем жизненно важно, ради жизни в экстазе должны быть задействова-

ны все инструменты, но в том контексте, в каком заповедал Бог по грехопадении первых людей – в поте лица добывать себе этот хлеб вечной радости. Человек, который не ведаёт о полноте единства с Богом и получил хоть раз радость вне этого Божественного определения приоритетов, становится пленником этого одностороннего пути к удовлетворению и его уже трудно как-то поставить на истинный путь, ибо связано уже с ломками, а он уже мерит мир сей через эту призму своего атрофированного счастья. Да, его счастье мизерно и абсолютно одностороннее, но он дорожит этим опытом радости и крепко за него держится. Иными словами, змей, с коим общалась Ева тоже творение Божье и потому несёт в себе некоторую грань или некоторый оттенок всей полноты образа радости – в противном случае, это было бы не живое существо. Просто человеку свойственна только всеобъемлющая полнота счастья, а не этот огрызок его – именно по этой только причине его называют извращением. Но этого счастья хватает, как мы видим, чтобы сделать человека его пленником иной раз даже навсегда и ползает по земле подобно змею. Так люди становятся разрушителями⁸¹. Но какую именно радость мы просим или через какой посредник приходиться должна радость по преимуществу согласно воле Божьей, чтобы не быть извращением? Во-первых, всякая радость – это непосредственное умное общение с Личностью, с Источником всех радостей, то есть некоторая форма богообщения, дарованная только человеку в состоянии тяжело-

го физического труда⁷³. К сожалению, часто отдается приоритет иному пути приобщения к Божественному, то есть через те реальности, которые, повторяюсь, также утверждены Богом, но в них вожденная полнота отражения Божественного (без чего нет радости в экстазе) имеет ограничение возможностями немощной природы организма человека. Потому состояние торжества духа через такие посредники в природе человека имеет временное бытие и даже кратковременное, и при этом связано с огромными напряжениями, сильно энергозатратное – это ещё одна грань извращения. Выход из себя – естество человека, ибо так заложено в его природе. Ум не живет процессами в своем организме, но участием на Предвечном Совете Троицы, что фотографически отразилось на строении нашего тела. То есть голову не надо отделять от тела, ибо она итак несколько отделена от него. Хотя благодаря Богом откровенному порядку в приоритетах (душа и дух) с помощью инструментов-посредников распознавания полнота Божественного, познаваемая посредством разума приносит ту же самую радость от торжества духа над плотью в экстазе, но более продолжительно и без усилий. След на песке от человеческой ступни свидетельствует о живом человеке, оставившем его. Свидетельствует о полноте выражения Божественного, но в рамках возможностей свойственных влажному песку. Точнее сказать, это свидетельство о Боге, сотворившем человека. Да атрофированное счастье вмещает в себя полноту Божественного, но в тех

же рамках ограничения возможностей, свойственных этой грани человеческой природы. Пленником атрофированного счастья оказался человек. Так вот это свидетельство о радости Царствия Небесного и радует сердце одинокого заблудившегося путника – оное хоть и далеко от полноты, но родное по природе. Но есть люди которые живут среди таких, как они каждый день и эту же радость они даже и не замечают, как не замечают мелкую лужу на пути своем. Так как они в богообщении включают всю свою природу, то этот экстаз от мировосприятия более всеобъемлющий. То есть та полнота выражения Божественного, что естественна разуму, для плоти просто несопоставима, а без полноты выражения Божественного жизнь плоти невозможна. Как совместить одно с другим? Плоти нужно вписываться в эту полноту выражения и вбирать всю полноту Божественного малыми порциями в пределах способности вобрать в себя ее. Это можно сравнить с теми прекрасными мгновениями восторга, когда слушаешь пение Андреаса Бокелли и Сарры Брайтман. Но простой мужик во время покоса, размахивая косой испытывает тоже самое в экстазе, только в продолжение нескольких часов. В противном случае, он за косу даже и не взялся бы. Потом, дабы не расплескать своё счастье, он просто переключается на иную форму деятельности, которая требует напряжения уже иных групп мышц. Человек – это тот, кто радуется.

Это также можно сравнить с мячом, качающимся на вол-

нах. Для него естественно быть всегда на поверхности, ибо в нём воздух. В то время, как камень всегда будет на дне. И, чтобы ему держаться на поверхности воды подобно мячу, надобно прилаживать усилия. Вот в чем разница. Или иной пример. Адаму было хорошо во Царствии Небесном до грехопадения, зато после грехопадения ему приходится прикладывать невероятные усилия, чтобы пребывать в той же кондиции – чтобы жить. Нет, все инструменты-посредники познания Бога востребованы и все они утверждают жизнь в радости экстаза, но не всякий вид богообщения наиболее актуален в страшной ситуации. К примеру, пение великих маэстро он просто не заметит. В первую очередь человек должен быть утешен духом, то есть в высших инстанциях своей природы, а потом уже все остальное по мере необходимости и по послушанию духоносных отцов, дабы не повредить саму священную связь с Радостью мира. К примеру, выживший в катастрофе, израненный, истекающий кровью человек в данную секунду не будет радоваться вкусной пище или хорошему заработку. Он бывает не рад даже своим близким. Ему нужно выйти из своей сущности и прикоснуться к Источнику всех радостей и счастья – ему нужно только действие Утешителя всех Бога Духа Святого. К сожалению, только скорби могут указать на Него и понуждают к поиску выхода из такого состояния к Нему, ибо только Он может быть утешителем во время их. Это имеет тот же прообраз, когда мозг эволюционно стремится выйти из тела. Хотя его действие таково,

что в Его присутствии уходит не только боль, а также блекнут все привычные радости мира, причем навсегда. Человек уже не плачет и не может смеяться, не может слушать музыку, смотреть кино и так далее – это все блекнет в благодати Духа Святого.

Во-вторых, без полноты восприятия Божественного посредством всех талантов человека, без подобия Богу в чистоте духа и души, радость становится извращением человеческой природы и поэтому наделенной пустотой, то есть бесплодностью и временностью такого восторга. Подобное родит только свое же подобие. Если нет полноты Божественного, то в трудах нет рождения живого в той полноте, коей наделён от Бога сам человек. Просто приобщение к Божественному приводится противоестественно сильно ограниченным образом, то есть приоритет отдан тем реальностям, которые несут в себе второстепенность и даже третьестепенность, а потому и восторг имеет временное бытие и даже кратковременное, а последствия греха всегда плачевные.

В нашем организме есть такая высшая реалья нашего естества, которая несет в себе все эти грани абсолютного счастья одновременно в самом зачаточном состоянии, так что бытие в ней делает человека радостным в полноте и она, высшая реалья, оформлена как определение. Это имеет как бы образ кометы, где только счастье есть бытие, а все остальное хвост и более нет ничего, то есть диаметральный полюс счастья вообще пустота небытия. То есть счастье – это когда

все грани стимулированы одновременно в напряжении ¹⁹⁰, в противном случае нет смысла говорить о чем-то ином. Если бы не было так, то и человечество не обозначило бы себя даже в бытии в этом виде: голова и все остальное производное её (хвост кометы). Понятно, что эта высшая реалья, в критериях духовного торжества, имеет только одно выражение – многогранное счастье вне ущемления одного ради другого. Этот экстаз, о котором говорит Плотин, не мгновенное какое-то проявление, как следствие влияния первородного греха, а именно качественное пребывание в Боге и при этом постоянное и вечное. Просто всё познается в сравнении и если нам Бог посылает тяготы, то только для того, чтобы мы возжелали вернуться и увидеть своё Истинное счастье. Так вот, отсюда следует, что все грани человеческого естества стимулированы, пребывают в напряжении только на Голгофе. Но это удел Сына Божьего – брать всю соль мира на Себя и нести безропотно. Мы же люди должны приобщаться к Уделу Сына Божьего в Радости по чуть-чуть, то есть по силам нашим берем соль из этой солонки не всю сразу, а щепотками (через благородный крестьянский труд). В этом прообразе каждому дано взойти на свою вершину сообразно Голгофе Христово и съесть всю её соль горя ³⁵⁴. Бог милостив к нам и, дабы не повредить нашей воспаленной грехом природе, оттягивает время, позволяет есть каждый день и по чуть-чуть, то есть по щепоточке, распределяя её равномерно на всю жизнь, устремляясь в вечность. Соль для тела

становится сладостью для духа. Именно на этом помешено все человечество, начиная от всех спортсменов и заканчивая деторождением.

1.0.1.-28. В естестве человека более ничего такого не существует, кроме природы счастья. То есть надо сказать, что Зигмунд Фрейд отчасти был прав, сам по себе экстаз – естественное состояние человека, без которого он погибает. Но приобщение к Божественному, игнорируя заповедь Божью о труде в поте лица, то есть противоестественным образом – это ведет к гибели. Иначе говоря, в нашей реалии греховной природы остаётся жить только то, что имеет силу счастья в Боге. Представьте себе делающего первые глотки алкогольного напитка с названием водка. Он морщится, старается обильно запивать и закусывать. Трудно себе представить, что люди преодолев этот барьер трудности, становятся заядлыми алкоголиками. А между тем, так устроена жизнь, что приобщение к счастью происходит через напряжения и иной раз через очень большие страдания и боль. И само по себе Царствие Небесное также даётся через крестные страдания²⁶⁹ ради ближних, через что прошёл Христос, Сын Божий. Но оказывается, что можно воровать у Бога радости бытия, но только эти радости далеко не унести и от возмездия не уйти – просто Божественное является нашим естеством, пребывающем в духе и если идти на преступление против Бога – идти против самого себя. К примеру, наркотик дает экстаз, но человек, испытавший сие, начинает сильно болеть,

преодолевая ломки и так далее. Сначала лучше платить, чем неизбежно потом. Иуда Искариот искал счастья без страданий и попал в ад, ибо даже само его самоубийство не несло ему страдания. Только лишь в тяжёлых трудах на земле селянин уже при земном бытии приобщался к радости духа и тем утверждал торжество живого над смертью в обозримом будущем – только так рождается уверенность в себе.

Святейший Патриарх в своем слове во время праздника Вознесения Христова сказал, что грех тоже вечен. Дело в том, что грех утверждает свою вечность противоестественным порядком вещей. Лучше помыть руки перед едой, чем после, ибо во втором случае могут начаться болезни, которые приводят к увечьям и даже к смерти. Надо сначала платить, ибо оплата всегда вписывается в пределы физиологической безопасности здоровью. Зато плата за грех уже несет в себе необратимые последствия.

1.0.1.-29. Люди рождались разные и никто не задавал себе вопроса о том, где ему обрести счастье, ибо оно заложено в каждом человеке. А так как оно – суть нашей природы, то оно, счастье, остается только почистить, что явно только через тяжесть жизни в естественной природе людей проявляется. Это было нормой бытия человечества прошлых веков, а сама природа уже творила некоторый отсев или естественный отбор, в котором формировался сильный и уживчивый, с адаптированным к данной реальности счастьем человек. Но сам этот отбор не стоял во главе угла для жи-

вущих, ибо это дело не торжествующего радостного духа, а самой природы, которая в каждом поколении живущих все лучше и лучше подстраивается под радость духа. Сам человек, если пребывает в радости от полноты общения с Источником всех радостей – с Богом, не ищет чего-то иного, кроме как быть в этой радости всегда и, будучи счастлив, не ведает о каком-то там естественном отборе – это не его удел. Радость в Боге – это такой горящий уголь, держать который в руках тяжело не перехватываясь. Если мышечная система устала от нагрузки в процессе труда, то человек переключается на иную форму деятельности, а если надо – на третью и так далее, но лишь бы продолжать быть в той же радости богообщения. Насколько это более лучше он делает, чем другие или хуже – это уже суд жизни, имеющий значение не для него самого, а для будущих поколений как большая или меньшая живучесть в пределах земных, но никак не для Царствия Небесного. Человек, в счастье пребывающий, не мотивирован только выгодой (это тоже грань счастья), но в первую очередь идёт на любые самопожертвования, как мы уже выяснили и вот здесь остается дело за природой – сможет ли она выжить от такого самопожертвования или нет. Если выжила, то дало потомство для будущего в земных условиях.

1.0.1.-30. Итак, на основе исторического опыта согласно рассуждениям ранее по содержанию, высший экстаз – это исихазм во время тяжелого нудного физического труда (кстати

в народе называют яростью, во время которой человек пребывает в ясном сознании при высшем темпе работы, что никак не связано с боевыми действиями). Чтобы приобщаться к настоящей радости жизни, надо суметь пронести ее туда, где более всего трудно, при этом нисколько не утратив оную. Это то самое, что несло людям русское монашество, как ориентир-эталон-образец настоящей жизни. Миряне, созерцая сие могли по мере своих сил быть похожими на образец и дать ориентир своим детям на эталон образа жизни, ведь самое тяжёлое – это иметь возможность передавать сие по эстафете другим поколениям, ибо приходят иные времена и постоянно меняется понятийный язык, а потому всегда есть риск стать пленником ложного пути к радости, ибо много такого, что делает людей пристрастными к мнимому счастью. Легко подменить путь к экстазу в тяжёлом труде, отравлением плоти водкой или наркотой.

Таким образом, мы выявили ещё одно проявление Божественного во Вселенной – выявили критерии человеческого счастья, которые никогда не потеряют своей актуальности и животворящей значимости, а потому обязаны иметь своё бытие во все времена и даже при самом высочайшем уровне технического прогресса, который лишь при соблюдении Божественной субординации становится естественно востребованным. Так формировалось совершенство форм в процессе эволюции.

Перечислим грани проявления Божественного – это твор-

чество, гениальность, покой, преданность, верность долгу и так далее. Так как всякая красота в абсолюте остается только Божественного происхождения, то приобщившись к Божественной Сущности в святости счастливой жизни, всё остальное перечисленное автоматически становится достоянием человека. То есть радость бытия, заложенная Творцом автоматически наделяет человека всем сопутствующим наполнением. Просто иные знания, кроме знаний о пути к счастью, не востребованы и гениальными считаться не могут. Это есть одна из граней самой главной мысли этой книги. Если кому это и так ясно, то могут не читать её.

1.0.1.-31. Много было свидетельств действия Благодати Божьей, и здесь будет проделано то же самое, но только теперь уже не богословием и трудами святых отцов Церкви, а разглядим свидетельства Божественного присутствия понятным языком самой природы и языком истории человечества, адаптированными под требования ясности мировосприятия современного человека.

Прежде чем лезть в самые глубины природы Вселенной, материи и в естество самого человека, по максимуму реализуем все те возможности, кои оказались неучтенными, несправедливо остались без внимания мировой научной элитой, что и повлекло много всякого страшного.

Что можем почерпнуть из того, что попадает в поле зрения в человеческом естестве? Эволюция и жесточайший естественный отбор формируют такие формы живого, кото-

рые наиболее сильно могут противостоять почти всем опасностям и покушениям на жизнь организма. К примеру, организм человека сформировался таким образом, что точка соприкосновения тела с землёй – стопа. И как бы она наиболее адаптирована для этого, ведь на ней грубая толстая кожа. Ничего в нашей плоти так не приспособлено, как эти части ног. Какое-то альтернативное – есть извращение природы людей, неизбежно влекущая болезни и просто гибель. Так вот, если к небу ближе всего находится голова, то всё остальное занимает своё естественное животворное положение автоматически, без какого-либо вмешательства разума и контроля с его стороны. Если голова ближе всего к небу, то ясно, что ноги опираются на землю ступнями. Что такое земля? Земля несёт в себе смерть в виде всевозможных болезней, грибков и плесени. Но лишь в одном случае земля становится добром, даёт толчок жизни и является условием счастья – когда она занимает своё естественное место в жизненном порядке вещей. Так, например, дерево берёт соки жизни из неё опосредовано корнями. Но стоит только ветке прикоснуться к почве, так сразу на здоровый ствол попадают всевозможные грибки и плесень, от чего растение начинает гибнуть. То есть стопа в процессе эволюции стала наиболее адаптированной к опасностям исходящим от почвы. Но кроме почвы вокруг нас много и других воздействий на жизнь как растения, так и человека. При этом всем ядам и опасностям также соответствуют эволюционно сложившееся

противодействие, то есть наиболее сильно адаптированное соответствие – противоядие. В мире этом за все время его существования ничего не менялось и не изменится – небо и земля так и останутся на своем месте, а потому каждому воздействию должна быть своя ответная реакция, защищающая организм от гибели, как бы своя толстокожая ступня к этому покушению на здоровье тела. Но где взять такой ориентир, с помощью которого можно правильно распределять, отслеживать все эти соответствия типа голова-небо и земля-ступня? Что должны мы удерживать ближе всего к небу (и при этом к какому небу), чтобы автоматически все занимало своё законное жизнеутверждающее место, как условие счастья человека в земных условиях? Чтобы ответить на эти вопросы, неизбежно следует идти к самому началу начал в самую глубину тысячелетий и даже миллионов лет, когда всё только ещё начиналось на этой планете. И понятно, что речь может идти о высшей некоторой инстанции в человеке, которая явилась бытию во всей полноте обозрения ее реальности и имеющей своё подобие в мироздании. Надо сказать, что в течение стольких веков жизнь иной раз была настолько ужасающе тяжёлой, что даже те трудности, которые терпели узники Освенцима – лишь «цветочки». Но люди жили и рожали, а значит, были счастливы. Если учесть, что мы стали их потомками, то унаследовали от них их всю природу, благодаря коей оные смогли выживать в данных страшных условиях. Мы её не утратили, но так как она не востребована,

то и не обозначает себя в реальности, а потому просто спит. Так как мир долгое время не менялся (или меняется очень медленно) и эволюция имела порядковую очередность формирования, то только в одном случае каждому яду соответствует свое противоядие в том же прообразе порядка формирования, где земле противостоит ступня с толстой кожей – когда высшая составляющая человека находится в единении с высшей составляющей Вселенной. То есть, если человек остается самим собой, а именно тем, кем он был ещё во Царствии Небесном, он имеет способность жить, ибо после грехопадения, пребывая уже в земных условиях, естество его не могло стать каким-то другим, ибо, как творение Божье, оно вечно (то, что творит Бог не тленно и нерушимо). Именно по этому не меняется мир, ибо жизнь по прежнему, как во Царствии Небесном, обусловлена только полнотой райского счастья (это только лишь её другое имя). Изменилась только среда обитания и человек начал эволюционно формироваться в ней, адаптироваться к земным самым страшным условиям. Эволюция человечества шла именно в этом направлении и в этой последовательности становления: сначала одно, потом другое и так далее. Возможно что-то утрачивалось, а что-то прибавлялось, но только высшая инстанция в нашем естестве остается на своем прежнем месте и в той же значимости приоритетов. Так формировался организм. Если человек начинает общение с Богом, то в непосредственном единении с Ним может пребывать только высшая инстанция

нашего естества. Следовательно, все остальные грани нашей природы самопроизвольно становятся на свое естественное место согласно своей субординации происхождения.

При этом единение с Богом на Предвечном Совете остается основой счастья (Царствие Небесное в нашем сердце пребывает), то есть естественный отбор, постоянно формирующий образ победителя в духовной брани, имел и имеет место быть при высокой религиозности, то есть при активном соучастии в Божественной жизни Троицы в пределах возможного и дозволенного Им. И это есть формула нашего счастья, с которым мы ходим среди опасностей и оные не только не губят, но даже теперь ещё сильнее утверждают нашу жизнь⁸². Тогда несчастье – это когда человек утратил естественное положение свое в Божественном порядке вещей, благодаря чему всё вокруг не только перестало служить утверждению жизни (как это было в во все времена), но оказалось враждебным, актуализировав тем самым необходимость противоестественной борьбы с опасностью, в процессе которой происходит напряжение сил и последующее неизбежное жертвование своими энергиями для восстановления естественного положения вещей в нашем естестве. Связанные с этим неизбежны издержки, а значит и страдания, и даже погибель. Борьба за выживание всегда противоестественна для Царствия Небесного, а потому, чтобы исключить ее из жизни, для любой самой страшной Голгофы в нашем естестве есть своя стопа и пята с толстой кожей, стоя на которой

ему естественно и легко утверждать себя в Райских обителях, а потому легко иметь высшее счастье даже в самых трудных ситуациях. Царствие Небесное в сердце человеческом, независимо от того, что творится с ним в этот момент: совершает ли бег на марафонской дистанции или пашет, сеет, косит траву. При Богом установленном положении вещей, опасность и даже страдание, вместо покушения и причинения вреда, на самом деле даёт жизни новый толчок, обеспечивает новое возрождение Вселенной. Повторюсь еще раз, что сие возможно при одном условии: высшее естество в природе человека должно быть в естественном единении со своим подобием – с Высшей Инстанцией во Вселенной. Надо сказать, что в мироздании нет ничего такого, чего не мог бы вынести человек, ведь всё происходит в рамках естества утверждения его природой счастья Царствия Небесного, за которые он выйти не может. А потому все с течением многих времен адаптировалось даже к бесконечной температуре в глубинах Солнца, а мы живём и очень часто при этом мы даже не ведаем о происходящем – ибо всё на своём месте⁸³.

1.0.1.-32. Хотя следует сразу сказать, что, так как мир находится в движении, то из-за бесчисленных взаимодействий неизбежна дезориентирующая активность окружающей среды, с последующим разрушением священного единства высшей инстанции природы человека с высшей инстанцией Вселенной⁴¹³. Это говорит только об одном, что данное земное бытие для души противоестественное, ибо движение акти-

вирует хаос взаимодействий. Таким образом, мы находимся под постоянной бомбардировкой окружающего нас мира. Иными словами, так как человек отвлекается от Творца, то постоянно в какой-то степени имеют место нарушения гармонии единения человека со Вселенной и процесс становления, восстановления бывают тяжёлыми. В принципе из всех потрясений в жизни людей – это самое страшное, ибо человек легко мирится с телесными увечьями, но никогда не сможет смириться с низложением, дезориентацией духа. И иногда люди, утратив радость жизни (она возможна только благодаря присутствию Бога в душе в естественном образе³⁸⁵), ищут способы возместить утрату искусственно, ибо не могут справиться с собой, и, чтобы заглушить боль, ищут Истину там, где нет Его требуемой полноты (живительная полнота должна быть только всеобъемлющей) – в области разумного. А разуму естественно только зреть весь цельный мир сразу, лежащего у подножья высоты. Вне высоты, требуемая полнота восприятия мира достигается иным способом, она раскрывается только перечислением множества частных фрагментов той же самой полноты. Сразу все фрагменты полноты можно вобрать в себя только с вершины, какое-то иное греховное позиционирование созерцания мира рвет ограниченную природу. (Просто ограниченность заметна, когда позиционируешь себя вблизи к поверхности земли, а когда позиция взята в высотах, то ограниченность перестает мешать, ибо мир представлен как на ладони). А так как Он абсолют-

но велик, то даже самое малое Его присутствие всегда разрывает наше естество, понуждает к возрастанию и этим приносит боль. Человеку нужна вся полнота в каждый миг своего бытия – таково условие бытия жизни. А разуму для этого необходимо огромное время, да и то сие будет односторонностью.

Разум воспринимает Богом откровенную форму, а живое – это не форма, а наполнитель формы, это сущность. Если нет сущности, то это боль и люди прибегают ко всему тому, что эту боль низводит на нет прямо сейчас и в данный момент. Понятно, что речь идёт о всяких ядах в малом не смертельном количестве, ибо убивают то, что, призвано проводить Божественное для бытия в экстазе, то есть удаляют то, через что вместо радости ничего не приходит, что есть боль – само тело. (Нож необходимо отобрать из рук, если становится оружием преступления). Например, наркотики, которые дают удовольствие от расслабления, но желаемое восстановление естества духа радости не происходит, ибо нет наполнения Божественными соками и потому начинается поиски всего того, что в себе несет Божественные сущности. И от этого, если это продолжается слишком долго, то начинаются разного рода перерождения, как печать греха Каина. И, возможно, что эволюция для них имеет уже иное направление – оказываются востребованными мутации (которые позволяют вызволить сущность живого из посредников и выживать за счет других уже даже в таком вот энергозатратном

положении и с такой печатью греха), благодаря коим яды перестают действовать (как это произошло с алкоголем у некоторых народов Средиземноморья). Но тогда человек, имеющий травму психики, будет искать иные уже формы убийства себя и при этом также в малых дозах, что дарует ему данное состояние плотской экзальтации. И он их найдёт, ибо к этому толкает само падшее состояние духа, а не Бог. Нужно не только бороться с доступностью наркотиков, но, главное, надо изгонять падший дух.

1.0.1.-33. Ещё вот что важно для нас – то, вокруг чего всё в нашей жизни вращается. Тогда возникает вопрос о смерти. Если все так хорошо вокруг, то как примириться с этой неизбежностью? Что такое загробный мир и как распознать его черты умопостижением?

На самом деле смерти нет. Смириться с Волей Господа – это значит отдаться на произвол естественного хода событий. Пример, щенок сразу после рождения начинает искать сосцы матери; птицы выют гнезда и делают сезонные перелеты к новым местам гнездования; котёнок безошибочно среди множества других предметов возьмёт лакомый кусочек мяса. Откуда эти знания? Это заложено в природе вещей; в естественности хода жизни; в программе, заложенной ещё в утробе матери. Так вот, победить биологическую смерть – это значит освободиться от страха перед ней, перед новой переменной; очистить себя от всего того, что мешает свободному проявлению естественного хода событий в самом се-

бе; избавиться от того, что мешает проявиться заложенному в нашей природе и постоянному перерождению⁴⁶⁵. Мысль всегда ограничена и потому стесняет Божественное в душе и, как порождение смерти, родит только своё же подобие – форму, как образ границы в чистом виде, то есть смерть души. Потому можно бороться за жизнь, но творить суд над ней нельзя, ибо всякий суд есть мысленное суждение о живом в данном этапе становления ее до образа Божьего, который всегда ещё пока далек от подобия Ему, но так как становление не закончено, а потому это вторжение в естественный ход событий, несущий в себе и зачатие в утробе матери; и рождение на свет; и появление нового человека, то есть свадьба, и далее перерождение в духовном плане, то есть старость; новое перерождение во Царствие Небесное.

Если положить перед щенком кусок мяса, то он не пройдет мимо, а сразу же приступит к еде, даже если он делает это впервые. Инстинкт, как память, заложенный в природе животного, толкает на безошибочное действие только одного плана – он ищет утверждение вечности жизни своей только в Том, Кто этой вечностью наделён – в Боге. Божественное адаптировано к природе щенка в молоке опосредовано сосцов матери, что заложено самой природой. То же самое происходит и в природе человека. Инстинкт, как память об утерянном том бытии, срабатывает в тот момент жизни, когда начинается новое рождение⁵⁰, что мы смертью называем или следующим биологическим изменением в нас. То же самое

происходит с бабочкой из гусеницы. Или, когда растение начинает своё развитие из семени, слабенький стебель перед тем, как увидеть солнце, пробивается сквозь толщу земли в точном направлении к небу, встречая на своём пути и камень, и грызунов, и всякое такое противное. Но всё же он лезет вверх, туда, где никогда не был и не видел (даже предполагать не может о том, что там за границей, после которой начинается небо), но сие заложено самой природой в нём! Таким образом, Божественное ввиду своей бесконечности и многогранности, постоянно ломает все то, что несёт в себе печать мысли⁴⁶⁵, вложенной в уста змию и перешедшей на природу человека. Божественному постоянно тесно в нашем воспаленном грехом естестве, а потому происходят постоянные ломки старых форм и появление новых более совершенных, образуя иллюзию смерти, с одной стороны, а с другой – становится движителем эволюции жизни в бесконечных видах естественного отбора. Это зависит от того, кто мы есть и что вкладываем в смысл этого бытия

Все то, что есть сотворенное Богом, вызвано из небытия никак не сверхгениальным помыслом, но только жизнью Бога, а значит имеет свою степень тождества Ему – также наделено какой-то степенью ограниченной полноты жизни и потому оное, это творение Его, нами распознаваемо чувственно, и потому оное, как естественное для нас, оказывается строительным материалом более сложных органических тканей в организме. Материя не может быть инород-

ным веществом для живого в Боге определенном порядке торжества жизни (в земных условиях). Материя сковывает жизнь, как Крест Сына Божьего на Голгофе, но не покушается на само естество её⁸⁴ – счастье. То есть, так как подобное познается своим подобием, то окружающая нас материя – это такая форма жизни, исповедующая на своем специфическом языке Бога. Эта форма жизни без человека, хоть и обладает полнотой, но эта полнота односторонняя, то есть в ней нет всеобъемлющей полноты. Всеобъемлющая живительная полнота становится таковой только при присутствии в ней человека, а потому человек в привычной для нас яви заложен в материи, как будущий цветок в семени. Потому Вселенная – живое тело. В противном случае, мы, как носители живой ткани, не состояли бы из чего-то иного, но только подобного себе. Поэтому всякое движение, как уже сказано ранее – не движение в бездну, как процесс деградации, а процесс становления подобно семени растения, которое стремится туда, откуда оно пришло – к Солнцу. Да оно упадет на землю по осени или в иное время, но это уже будет образом того, как луч нисшедший от Звезды попал на поверхность планеты. Но в любом случае, не может естественность пребывать там, где её не было, где нет никакого бытия, уверенно идти туда, где нет условий для такой же(!) будущей(!) жизни – подобное стремится только ко своему же подобию и пребывает только среди своего же подобия⁸⁵. Человек не может идти там, где

нет земли под ногами⁴⁶⁷, то есть все это есть часть его, человеческой природы, ибо он наделён жизнью. Это также прописной закон, требующий своего освидетельствования. Вообще, если говорить о природе материи, то можно однозначно утверждать следующее: так как только Бог является бытием, то материя имеет место быть лишь в пределах Его определения, как конечной высшей Цели и потому движение материального мира – одно из этих определений, важных дополнений полноты.

Полярность этого бытия только одна. То есть если материя движется в бытии Творца, то движется только к совершенству, к подобию Ему, благодаря чему она существует, как реальность чувственного распознания⁴¹³. Если материя изменяет сему, то сразу же исчезает для всего, что мы видим и называем жизнью, как инородное должно выпасть из поля зрения. Тут нет какой-то невидимой нити, которая насильно тянет за собой всю Вселенную, но абсолютная свобода самоопределения – быть свободной от противоестественного ей греха связывает нас в единое. Это называется любовью. Просто нашим искаженным грехом сознанием мы понимаем свободу в распущенности, в возможности принять нечто альтернативное жизни и Богу, то есть смерть. То есть в нашем падшем состоянии свобода – это на самом деле быть инородными самим себе, самому бытию, а ведь вне оно материя существовать не способна. В этом желание мира быть в его Творце. Это ясно ещё

из того, что само по себе насилие, как инородное, не подобно природе естества человека (что отразилось в самой физиологической беззащитности человека), а так как подобное познается только своим подобием, то и не может быть распознано, даже если что-то такое все же есть.

(07.01.00) Бог вдохнул в сотворённую природу первого человека жизнь, что означает только одно – она тянется туда, откуда пришла – ну никак не в противоестественное – не в какую-то иную не ведомую сторону. Также как цветок тянется туда, откуда он пришёл, когда был в виде солнечной энергии. В том-то и дело, что человек счастлив тогда, когда отдавшись своему очищенному от грязи естеству при единстве с Богом, добровольно и самопроизвольно идёт по этой дороге перемен, которая ведёт только туда, откуда пришли. То есть, пребывая в священном единении с Божественным, надо успокоиться и положиться на Волю Божию, дать возможность Божественному устроить Свою красоту, дать возможность красоте отразиться на своей судьбе, дать природе своей самораскрыться в полной мере, самовыразиться в естественном развитии бытия. Причём не просто отдаться, а прикладывать все усилия для бытия в чистоте перед Творцом, чтобы идти в унисон этому вселенскому течению. Природа человека несет в себе физиологию, все фибры которой преследуют в себе только одну цель – быть чистоплотным в духе. Не надо человеку никаких физиологических достоинств для победы над жертвой, ибо его

организм – это процесс очищения от духовной грязи в поте лица.

(07.01.00) Тогда у нас возникает иной вопрос: куда нужно идти или как угадать вектор направления всеобщего течения, чтобы обрести радость жизни? Ответ прост. Так как перерождение мира следует по пути к большей полноте выражения возвышенного Естества в бытии⁴¹³, то человеку тоже подобает постоянно трансформировать Божественное в себе самом и через самого себя в окружающей его реальности, быть проводником Оного в этот мир, совершенствовать себя и в своём лице всё вокруг до полноты Божественной, идти в одном направлении с этим общим током Вселенной. Только при таком условии жизнь для него не прекратится и в мире уже ином, и в будущем. То есть когда все три долг человека, его воля и естественное развитие мира сопряжены, то это становится счастьем для него. Вселенная своим ходом событий подыгрывает ему во всём, с одной стороны. А с другой – сминает всё то, что становится на его пути (против него) и тем самым бережет человека. Так при высокой религиозности сама по себе уходит необходимость в органах самозащиты у людей. То есть, нет нужды в мощных рогах, копытах, шерсти и так далее, ибо естественный отбор обошёл тех, кто сохранил наиболее сильно религиозность, благодаря которой он держится за свое спасительное место во Вселенной. Надо сказать, что чем быстрее токи жизни, чем больше в ней опасности, тем бо-

лее очевидно явлена жизнеспособность верующего человека. Именно такое обстоятельство станет определяющим в формировании человечества с тем набором качеств и свойств, который обусловит живучесть в жесточайшем естественном отборе грядущих тысячелетий. (07.01.00) Человеку достаточно быть чистотою духа и смирением в сопряжении этому всеобщему течению к совершенству в мироздании. В отличие от животных, которые в процессе эволюции получили для жизнеутверждающего противоборства набор качеств и свойств, дающих возможность выживать в борьбе со стихией и хищником, то есть в той или иной форме получили способность уживаться в противостоянии вселенскому течению.

1.0.1.-34. Примечателен момент, что при окончании одного периода жизни, уже есть всё необходимое для бытия после нового рождения. Например, в утробе матери ребёнок, питаясь через пуповину, имеет всё необходимое для самостоятельного существования вне ее утробы: легкие, органы пищеварения и так далее. Они есть, но обнаруживают себя, только когда становятся востребованными. Например, очень много не нужного и бессмысленного имеет своё место в жизни человека, которое не может быть востребовано, как имеющее главную особую значимость. Речь идет о музыке, живописи, театре, как производное жизненных процессов происходящих лишь в душе. То есть грани души, как бы, не имеют значимости для пищеварительных процессов и добыва-

ния пищи, но востребованы уже только после отделения души от тела. Почему? Потому, что вечность – одно из множества прекрасных свойств Истины и уподобление Ей именно в этой яви красоты Возвышенного является сутью природного устройства живого организма (отстаивающего свою красоту, то есть вечность во всех её проявлениях). Живопись, музыка, театр – это сфера возвышенного, которое станет востребованным для жизни после нового рождения во Царствие Небесное, ибо это потребности живой души.

Но и это только лишь аллегории. Наш разум при желании и здесь найдёт то, что будет утверждать атеизм. Чтобы упрямить этот вопрос, нам нужно точно понять, чем является разум и какова его область определения, где он имеет власть аналитика? Следует разглядеть, где он не может иметь функционального простора с его набором природных возможностей для описания окружающей реальности. Описание с помощью разума возможно, но не получится ли так, что художник с помощью пулемёта будет пытаться вывести на полотне контуры прекрасного вида перед ним: эти горы и моря, восход Солнца и парус на тихой воде. Дыры разрозненные мы будем видеть, но замысел картины не поймём. Ещё архиепископ Кентерберийский Ланфранк (ум. 1089) говорил, точнее повторял мысли многих великих мужей о том, что область определения Божественного – одно, а реальности логических разумений – другое и находится в строго в своей сфере возможностей¹⁹⁰. А какое-то иное осмысление невоз-

можно того, что осмыслению не поддается. Хотя бы к этому мы должны быть готовы. Итак, вот что можно адекватно утверждать об естестве человека, что попало в поле нашего зрения. Понятно, что это далеко не все, а потому придётся эту тему раскрывать на протяжении всех томов этого издания книги «Русская философия. Анализ истории».

Выводы из проделанных в этой главе исследований. Ключ.

Покой и движение – это есть свидетельство об одном и том же – о том, что стало обоих их причиной, только в разных инобытийных сферах-областях – это разные возможности исповедовать Бога, которые свойственны разным природам⁸⁶. Отсюда следует, что, так как покой и движение оказались составляющими нашего естества, то неизбежно они должны быть продублированы во всех иных сферах-спектрах, свойственных нашей реалии земных условий. Они должны иметь косвенное выражение, адаптировано к иной среде бытия Царствия Небесного. Движение всегда имеет место быть только в направлении возрастания до образа Божьего и покой, как грань Божественного, остается модусом внутренних процессов. Таким образом, возник живой организм, который есть движение-покой, как образ явления естества Царствия Небесного в земных условиях, как новое имя дыхания Божественной жизни. Для нас это важно сказать, ибо отсюда следует очень важное заявление касательно богословия, что умеренно подвижный физический труд – это

есть неотъемлемая составляющая живого, как и покой, есть комфортное условие для богообщения. Касательно научно-го подхода к экономике, то полнота раскрепощения физиологии в процессе творческой и трудовой деятельности становится условием высокой ясности ума, что есть экстаз, в пределах коего и только в пределах коего возможна высокая производительность труда. Всякое ущемление свобод и здоровья человека в этом плане – ущемление возможности более эффективного исполнения своего долга. Чтобы убить муху можно взорвать весь дом, а можно свернуть газетку и шлепнуть по ней слегка – вот в чем эффективность. Отсюда следует также иное важное заявление – научно-техническая революция призвана служить не комфортному отдыху, а только комфортному труду, в коем отдых гармонично вписывается ради большей полноты раскрепощения сознания в процессе творческой и трудовой деятельности (сопутствующая этому высокая организация труда) – это становится условием высокой производительности труда (касательно экономики) и самое главное, такой труд – комфортное условие для богообщения.

Покой, как часть нашей природы – это есть специфическое явление Царствия Небесного (супра-акта) в реалии природы (специфического инобытия), свойственной разуму. Так как богообщение, являясь самым важным именем жизни, как иное определение полноте раскрепощения физиологии в процессе творческой и трудовой деятельности, ста-

новится условием высокой производительности труда только теперь уже в умственной функциональной сфере, то всякая умственная деятельность – это есть условие комфортного пребывания в единстве с Богом, то есть условие полноты жизненно важного раскрепощения физиологии человека. Именно во имя этого рождались религиозные доктрины, культуры и даже философские течения, способствующие такой организации труда, при которой общество начинало жить не недостатком, а именно плодотворной ясностью ума. Но дело в том, что сам человек разный даже в процессе своей жизни. Достаток важен при его формировании в раннем детстве. Но сам по себе достаток оказывает губительное влияние на работу мозга, отчего иной раз течения мысли деградировали до атеизма и шли в разрез религиозности. Покой и движение – разные составляющие природы человека, а потому жизненно востребованы активаторы и умственной природы людей, и физической⁸⁷. Одно и другое важны. Но при этом надо заметить, что умственный труд все равно остается приоритетнее, как более прямой путь во Царствие Небесное, но так как оный является самым тяжелым, то физический труд становится ему вспомоществующим (на сие не смог решиться первый Адам – вспомните – он, хотя и осознал свое преступление, но сил ему хватило только опоясать себя смоковыми, то есть лишь это удобоприемлемым ему было – признавая свою вину идти на стеснение своей природы⁷. Примирение с Отцом Небесным оказалось возможным только лишь

через Сына Божьего Духом Святым), то ради послабления в деле умственного восхождения до образа и подобия Божьего Бог утвердил труд в поте лица.

Итак, мы дали некоторые определения двоичности природы человека и его Вселенной посредством самых различных систем понятийных языков, которые оказались известными и которые на данный момент пребывают в стадии разработки современными учеными. Не углубляясь в недра различных наук, сформулируем ещё некоторые важные умозаключения.

1.0.2.Богопознание

Человек при жизни, распознав радость Божью Царствия Небесного, становится пленником Ее, а потому ищет способ утвердить свою радость. И тут-то он начинает понимать, что радость утверждается только одним способом – трудиться в поте лица и много пребывать в посте, и нести послушание, и любить ближнего и соблюдать заповеди Божии. Словом, делать все то, что помогает удерживать Наполнитель в душевной чаше, не расплескав Его. С этого момента, человек становится тем, кем ему быть естественно – он видит именно этой всеобъемлющей полнотой счастья то, где нет покушения на его счастье и его полноту. Причем видит эту полноту своего подобия Личности Бога и слышит речь Самого Творца через окружающее множество односторонностей выражения полноты. Даже если он оказался в аду, то, посредством тлеющего огонька радости в душе, видит свое счастье

верного пути в окружающем его аду и идет по направлению к нему и, пребывая в радости, не замечает того, что вокруг него ад. Даже не знает об этом. Он даже в таких окружающих условиях по-прежнему счастлив, он по-прежнему житель Царствия Небесного, ибо замысел Божий о человеке не изменился. Но так как душа оказалась в стесненных пределах земных из-за грехопадения, то ей, по слову Святейшего Патриарха Руси Кирилла, нужна плоть, чтобы жить в этих ограничивающих свободы условиях земных – его организм в процессе эволюции подстраивается под эту возможность души человека пребывать в прежней радости Царствия Небесного.

СЧАСТЬЕ. 000-00-00 Для удержания человека в радости единения с Богом появились разного рода приспособы. Не для выгоды и облегчения, и удобств, и не для того, чтобы много есть и спать. Научный прогресс призван сослужить радости человеческой души в несении в себе этой радости непосредственного богообщения, чтобы он случайно не соделал страшное, не отвлекся от молитв, чтобы не поранил руки и не повредил ноги, чтобы не воспалился чем-то иным, не загрязнился в процессе трудов в поте лица, а это тоже грань полноты радости, без которой нет полноты. С этой установки начнем изучение богопознания.

В самом падшем человеке Он видит только то зерно, которое может прорости и дать благие плоды, то есть видит то, за что Бог его терпит на земле и ждет от него возрастания.

По весне земля безвидна и пуста, но это не означает, что её надо оставить, ибо Солнце греет землю и вот тут начинается чудо. Человеку нужна теплота, чтобы он возрос. Сделать это можно только неся в себе эту радость. Женщина чувствует этот свет и в ней рождается только одно чувство – желание взять немного этой радости и родить радость от радости

1.0.2.-1. Очень часто в разговорах со священником бывает слышен вопрос о бытии Бога. Собеседник требует визуального или умопостигаемого доказательства о Творце. И тут приходится слышать от отцов какие-то научные доводы. Мы же пойдём в решении этих вопросов несколько иным путём и по максимуму используем не полностью реализованные возможности всего того, что открыто взору нашего разума на основе чувственного опыта. Бог един в полноте Своей, а потому единым должно быть творение Его и взору нашему должно быть явлено только единство, как ещё одно имя полноты свидетельства о Творце в пределах возможности нашего разума её распознавать и видеть Творца, в пределах природной возможности этого естества нести в себе выражение полноты о Нем. Это распознавание Божественного стимулирует радость, как ещё одно имя полноты Божественного.

Изначально уже, сам вопрос несёт в себе ложные установки (также как в апориях Зенона). То есть так говорить нельзя, также как спрашивать, к примеру: сколько куриных яиц растёт на ягодном кусте? Да яйца кур – это реальность. Реальность бытия и ягодный куст. Но яйца не растут на ягод-

ном кусте – как можно вести речь о количестве яиц на кусте? Так нельзя ставить вопрос, ибо сама постановка вопроса (исходя из истинных посылов пытаются протолкнуть ложный вывод) утверждает о том, что яйца растут на кусте. Также как нельзя требовать, чтобы нам показали Бога в виде дедушки на облаке. Дедушка есть и облако есть, но дедушка на облаке сидеть не может. Бог не может творить противоестественное самому Себе – вот в чём вопрос, но может показывать Себя адаптировано к возможностям физиологии человека. Здесь уместно немного понятным языком аллегорий привести доводы Аристотеля.

Представьте себе, что вы увидели своего приятеля и подходите к нему для приветствия, во время коего подобное в нас общается строго только со своим подобием в нём. Ваша ладонь тянется к его ладони для рукопожатия; ваши глаза смотрят в глаза его; ваша речь сопряжена с его речью; ваш ум в единомыслии с его умом. То есть во время общения подобное может быть в естественном плодотворном сочетании только со своим подобием. Не может ум как-то иначе взаимодействовать с ладонью или чем-то ещё кроме его ума. Человек в процессе разговора не ищет глаза собеседника там, где их нет согласно естеству (где находится ладонь, к примеру), то есть не смешивает подобия. Но тогда, если есть Бог, как Высшая Инстанция Вселенной, то для познания Его в нашей природе естества обязательно должна быть грань естественного подобия Ему, опосредовано коего можем обозре-

вать Его. И она, эта грань, соответственно положению Его во Вселенной, должна быть высшей в природе человека. Мы придаем Божественному такие качества, которые свойственны только Его творению, но это только лишь творение Его – не более того. А как-то иначе воспринимать Его мы не можем, ибо только с творением имеем дело. Иными словами, на Безграничного мы смотрим через призму границы в чистом виде, ищем в Нем свое ничтожество и судим о Нем по себе, ищем в Его Естестве скверну греха. Мы не понимаем о том, что это Бог только лишь потому, что придаём Ему в данной реальности противоестественные Ему образы, которые в данной реальности не могут проявиться в каком-то ином облики, чем то, что есть на самом деле, а потому не правильно пытаемся налаживать с Ним отношения. Как бы при встрече мы тянем ладонь не к подобию ей в Нем, то есть не к ладони, а, к примеру, за ухо и получаем естественную в этом случае не адекватную реакцию Собеседника, в нашем случае Творца³⁸⁵. Сие заблуждение пришло к нам из древнего мировосприятия. Мы не понимаем, что это Бог потому, что переносим естественное для нас в те сферы, где их пребывание противоестественно, ибо в данной реальности они должны быть другими, должны быть представлены иначе. Ведь, из-за различия в образе жизни, современному человеку, в отличие от древнего, свойственно придавать значение внешней форме в ущерб Сути внутреннего мира, а поэтому вопрос лишь в том, где найти ладонь Бога для рукопожатия; где найти глаза

Его, чтобы смотреть Ему в глаза; как найти Его ум, чтобы единомыслии с Ним пребывать⁸⁸. Не может ладонь видеть цветы на лугу или оттенки их запаха, но только чувствовать их естественное подобие для ладони при прикосновении к ним. Органы обоняния не воспринимают механические движения идущего поезда вдали. Разум же видит не вещи, но через вещи видит уже только свое подобие – иное проявление Божественного свойства, свидетельствующее об единстве – Божественный порядок этих вещей. Как только человек обретает непосредственное единство с Богом в духе, так сразу же мир вещей для него исчезает, он перестает чувствовать его и он его не видит. Общается с сущностью внутреннего мира. Так человек разумом «чувствует» и понимает мысль Бога – то только потому, что сие его подобие, которое оказалось в сфере разумения – гармонию Вселенной. Как впрочем, Божественный порядок вещей, заключенный в каждой чувственно воспринимаемой микроне – это выражение внутреннего мира. Сие мы увидим ниже в опубликованных здесь суждениях, где речь пойдёт о цикличности в природе живого. То есть развитие человека настолько далеко зашло, что то многое, когда-то бывшее чудом, ныне же просто инструмент созерцания того же Объекта – Бога.

1.0.2.-2. Логический анализ, как грань духовной культуры, есть самая примитивная попытка обоснований о Боге. Но так как это тоже часть полноты свидетельства о Нем, то также является значимой и имеет лишь свою сферу-область и со-

ответствующую ей специфическую грань функционального проявления, и свою стихию функциональной свободы, свою ограниченную область выражения Истины. А именно – либо да, либо нет. Либо Бог есть, либо Его нет⁴¹⁴. Далее включается математика, как более конкретное, усложненное решение этого вопроса: вот там Он есть, а вот здесь Его нет. Далее включается геометрия, как еще более усложненное, ибо единство, замкнутость – это ещё некоторые имена полноты. Следовательно, в ограниченные, но в то же время, ещё более полные возможности, геометрии выражать форму замкнутой полноты входит выражение Божественного в окружности: либо окружность есть, либо её нет. Ещё более всеобъемлющее – это биология, история. В них нам видны форма и поведение Бога. Но все эти более сложные свидетельства о Творце так и останутся в пределах общего, а именно логического анализа: Бог есть или Его нет. Ведь Бог – это живая Душа, это Личность. А с личностью надо только беседовать.

В то же время всякий самый совершенный порядок абсолютно всегда останется одной из форм или частным случаем проявления хаоса. В очень узкой сфере-области области мировосприятия, то есть в срезе порядок-хаос: хаос – всегда проявление непознаваемости, а точнее он – иное имя оной, то есть пустоты⁰⁰³⁻⁰³⁻⁰⁷. Если мы не видим себя в реалии, то она нас пугает. Но распознать в хаосе Божественный порядок может только то, что само несет в себе порядок – его эталон, свойственный для этой реальности – сознание, ибо по-

добное распознается только своим же подобием. Мыслящий разум в структурном хаосе видит мысль Бога. Поэтому логика, как отрасль функциональности разума в природе человека (с её либо «да», либо «нет»), выражается в ракурсе: или чувствую Бога через Его выражение в возникшем порядке, или не чувствую. Эта узкая сфера-область нашего бытия (данет) досталось нам от грехопадения первого человека – от древа познания добра и зла, как основания «да» или «нет»⁸⁹. В пределах оной развернется потом весь сюжет мировой истории. Более, логика, как инструмент богопознания, ничего не видит и никаких ответов более нам не предлагает, а потому нельзя от неё требовать большего. Хотя все ответы заложены внутри этой сферы логики. Тут следует сказать ещё более точно, что если Бог «оказался» в поле зрения, в области распознавания логики или математики (других наук), то в этом случае не нарушено важное условие земной жизни со всеми её радостями, о полноте выражения природы коего так радел Лоренцо де Валла. Точнее, если логика является частью этой Вселенной, то ей требуется тоже как-то своеобразно сверх лаконично и оптимально свидетельствовать о Боге, чтобы быть распознаваемым Его подобием в данной сильно зауженной области созерцания Вселенной, а именно образом Божьим – человеком. Иными словами, в логике человек может видеть Творца, если только она свидетельствует о Нём. И наоборот, если она свидетельствует о Нём, то она существует, как логика. Какие-то иные логические реалии

не существуют, а потому не востребованы и потому не распознаются, и даже как предмет обсуждения не обозначились в бытии и не осмысливаются. Если есть Бог, то имеет место всё Им произведённое (Им сотворённое) – вне Его ничего не существует. В противном случае, вне сотворённого Им мира, утрачивается смысл вести речь – зачем науки ни о чем. Так как всё сотворено Богом, то имеет бытие свойство Его – вечность. И наоборот, Мир, повреждённый первородным грехом попал в инобытие, коему свойственны границы во всем, то есть в мир временных форм на Этом Теле вечности Его творения, а потому все то, что оказалось воспаленным, все это наделено свойством временности. С помощью этого критерия двоичности вечность-временность всего нам следует увидеть свое подобие Богу – свидетельство о вечности через противоположность – всеобщую относительность. При этом в наших возможностях чувственной природы, ограниченных первородным грехом, остается только отрицать все то, что отрицается хотя бы только потому, что попало в поле зрения пораженной грехом чувственной природы, ибо видеть свое подобие на Теле вечности – это уже грех. Все это попавшее в поле зрения греха подобно нам во грехе, но не подобно Богу и от этого временно. Именно поэтому мир для нас явлен в постоянно изменяющихся формах: умирает и возникает вновь. Это хаос, в котором обнаруживается, что постоянное изменение упорядочено. То есть движение есть, но в одном направлении – оное происходит по каким-то прави-

лам, инородным абсолюту хаоса. Мы чувственно распознаем распад, как природное свойство присутствующего в нас воспаления от греха, но иной составляющей в нашей двоичности природы, то есть разумом замечаем именно то, что этот порядок устраивает и стремимся это влияние вобрать в самих себя, как свое подобие – просто подобное стремится к подобному (этот момент мы ниже по тексту книги назовем приемом пищи, священной Трапезой). То есть нам подобает видеть то, как временное исповедует то, что ему инородно, если не на том, естественном для себя месте. Если бы не было временности, то мы не смогли бы распознать её свидетельство о Боге – то, что наделено вечностью, как свойством только Божьим: «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно.» Итак, мы чувствуем одно, но умом видим другое – порядок. Порядок упорядочения движения – всегда имеет свою причину. Речь идет о направлении движения, которое возникает только в перестроении. Все движется к совершенству и движение именно этим упорядочено⁴⁶⁶.

Пытаясь познать Бога, способны лишь на то, чтобы только отрицать то, что не есть Он. В то время как Самого Его мы отвергнуть никак не можем – таков порядок вещей, что Бога ни разрушить, ни отвергнуть невозможно. Бог именно для этого наделил мир греха временностью круговорота⁴⁶⁶, чтобы мы могли видеть Его в том, что нетленно и вечно, че-

рез временный носитель Его Энергий. Закон всеобщей относительности работает только в этом ракурсе, при котором мы видим то, что абсолютно во всем: если мы не ведаем о зле, то нам не понять что такое добро. Также следует добавить, что мир, повреждённый первородным грехом, наделён ещё одной гранью временного, свойством неустойчивости – с помощью этого критерия нам придётся свидетельствовать об абсолютной устойчивости. Ведь мы своей природой, опосредованно коей пытаемся познавать Творца, «... достигли крайних пределов бытия тварного, областей наиболее удаленных от Бога, отделенных от Него не только природой, как тварной, но также и свободной волей, создательницей нового модуса существования – греха ...»¹, а потому созерцая мир через призму наибольшего удаления от Него, Его не видим, но хоть эта природа наиболее удалена от Творца, она остается частью всеобъемлющей полноты Божественного творения, а потому нуждается во внимании, как и мы нуждаемся в том, чтобы даже этот край бытия богословствовал, исповедовал Творца, чтобы он Его славил. Это для нас также жизненно спасительно. При этом, чтобы не повредить эту сильно и даже абсолютно ослабленную грехом природу, опосредованно коей происходит познание Бога, поражённую грехом, нам следовало бы так выстраивать цепь наших суждений, чтобы случайно неосторожным словом не нарушить эту наислабейшую нить упорядочения, связывающую нас с Богом. Иными словами, нам следовало бы так выстраивать

цепь наших суждений, чтобы случайно неосторожным словом не повредить целостность единства полноты, трансформировавшейся в последовательность хода мысли, нечаянно не утратить бы непрерывность линии от Начала начал, то есть не утратить Божьего свойства постоянства, оформленного в образе единства в данной специфике реальности бытия. Ибо ввергнув в разрушение единства далекого-далекого начала всего с его производным современности, мы вместе с этим разрушаем замкнутость целого и тем рушим образ Божий в свойстве единого, то есть утрачиваем жизнь. Тут нужна особенная, беспредельная нежность, стимулирующая самую высокую степень трудолюбия ума – «не отвергай любви Небесной – она прозрение твое» – поет великая певица Анастасия Титова (слова песни Татьяны Шиловой). То есть нигде не должно быть нарушения или даже малой натянутости в железных логических суждениях, образующих тонкую нить последовательности и «железной логики». Так как первый Адам общался со змием и через него познал древо добра и зла, то природа наша в земных условиях приняв образ того, с кем вошла в общение, так и осталась нести в себе что-то от образа змия, на животе ползающем там, где ему это позволяют условия без нарушения прообраза змия, то есть причинно-следственного механизма, образа Божьего в ограниченной первородным грехом сфере мироздания. Иначе образ Божий в этой сфере бытия проявиться не может. То есть не нарушив жизненное пространство червя, не покусив-

шись на природу оного, которую мы носим в себе с того самого первого времени, нам предстоит эволюционно преобразуя себя до наиболее полного приобщения к Нему, проделать путь к Истине, причем только там и только в том месте, где этот червь может и способен ползти без разрушения своей природы, чтобы вновь вознестись на небо⁸⁹. Чтобы реализовать этот план, тут должно быть послушание абсолютной силы у абсолютной слабости – таково условие бытия полноты жизни, где капитан судна несет послушание даже у матроса, также как матрос несет послушание у капитана. Только благодаря этому эволюция не прервалась и червь в процессе эволюции становится нежно запрятанным от опасности в кольчугу плоти и в то же время заключенным в клетки человеческого организма. Его приходится носить уже в себе и питать пищей телесной, сообразуясь со вселенским круговоротом⁴⁶⁶ (он становится кишечником). Мы, в этом же прообразе, нуждаемся в цепочке суждений, то есть логический анализ, как однонаправленное движение по линии последовательности – это тоже нам досталось от природы червя⁸⁹. Наоборот. Гениальность – это всегда видение гармонии в единстве, свойственном для Царствия Небесного до грехопадения, ведь человеку остается прежнее – мир нужно созерцать с вершины бытия, с которой смотрит Бог, а не с какого-то подножия её, как сие естественно змию. Разные образы мировосприятия с разных точек позиционирования надо

соединить в одно. Это противоречие стало пружиной, толкнувшей эволюционное становление до привычного ныне образа мироздания. Разум должен иметь одновременно и единение со своей природой, и независимость от оной, то есть должен торжествовать над ней не покидая ее. То есть голова должна быть не в теле, как у змея, а над телом и не где-то там а только впереди тела. Только преобразование себя самого в данном прообразе, позволяет быть в милости у Бога и с этим иметь все остальное, а не строительство объектов для достижения близости Творцу или еще как-то искусственно. Без этого нет полноты. Потому в наших возможностях так и останется вечное ползание в причинно-следственном образе железной логики, в пределах коей исключены прыжки и перескоки⁹¹, мы не можем преодолеть подобно птицам глубокие овраги и высокие горы, ибо от этого теряется основание под нашими ногами, как образ единого, как условие для бытия связующей цепи суждений и человек-мыслитель, не искушённый в вере, не может воспринять свидетельства о Боге, теряет дар видения единого между разрозненными событиями, перестает быть «другом парадоксов». А так как происходит нарушение логической цепи суждений, то мир веры его разрушается, он умирает как верующий (становится атеистом), то есть для веры он опять остаётся мертвым – ведь, если нарушено первое условие бытия живого, единство Бога, выраженного в ненарушенной цельной последовательности – единства начала и конца – то и нет подобия нашему живо-

му естеству, которое несет в себе полноту Божественного, то есть оно погибает как разрушенный организм. Только образ единства Бога во всех гранях наделён жизненностью⁹³.

1.0.2.-3. Что есть само по себе грехопадение? Если мы присмотримся к эпизоду диалога змия с Евой, то не увидим как бы ничего такого, что покушалось бы на жизнь первой семьи. Да и покушения на жизнь нет совсем, там просто покушение на священный образ её – там призыв к познанию. Но познание познанию рознь. Одни знания воскрешают, а другие смазывают всякие картины мира бесконечно трудно связываемой реальностью.

СЧАСТЬЕ 000-00-00 Здесь есть смысл вспомнить слова Льва Толстого о любви, что это как палец, на который он обращает внимание только если он болит. Кто есть человек? Человек, как уже много раз здесь сказано, является дорогой эволюционного становления, на каждом участке коей природа счастья человека по своему адаптируется, набивает мозоль. То есть человек – это совокупность разноплановых мозолей, которые приспособливают счастье бытия человека в земных условиях. Иными словами, человеку чувствовать мир нельзя. В прообразе Нирваны ему ничего в этом мире ни видеть, ни познавать нельзя. И это и есть абсолютно крепкое здоровье, раз все вокруг, подобно пальцу, никак не трогает и не отвлекает внимание от самого главного – от Творца. Помним, что самое страшное для человека утратить внимание, отвлечься от Бога. Так вот, получается, что нам даже видеть

окружающий мир телесными глазами нельзя, ибо это подпадает под определение о воспалении, о противоестественности природе человека, это такая мозоль. А теперь эксперимент. И к нему надо отнестись ответственно. Попробуйте обратиться к Богу в настоящей молитве. Вы заметите, что мир для Вас исчезает, пропадают все преграды и перегородки. Перед нами Личность. Мы Его не видим, ибо всякое созерцание подпадает под определение о воспалении, об инородности Божественному естеству. То есть наступает именно то самое состояние здорового тела и миропонимания. Мы едины с Богом, высшая инстанция в нашей природе в единении с Высшей Инстанцией во Вселенной, то есть если голова выше всего и ближе всего к небу, то неизбежно ниже в нашем теле будет шея, потом плечи, руки, сердце, еще ниже желудок и в самом конце толстая кожа стоп соприкасается с землей. То есть тогда все в нашей природе занимает свое естественное место. Каждая стопа встает на свою землю и своей толстой кожей бережет радость жизни, мы стоя на ногах не чувствуем боли. В этом же прообразе, каждому опасному влиянию мира соответствует своя стопа, свое противоядие – так сложилось эволюционно. А именно, жизнь стремится стать вечностью, а потому зрение и чувственная природа вообще – это такая мозоль или прообраз толстой кожи на массивной пятке, которая помогает быть счастливым в земных условиях. Мы ничего не должны видеть и чувствовать – это есть определение нормального здоровья. Всякое явление в

жизни человека – это то, что либо воскрешает в нем жизнь, либо наоборот ее губит. Ибо оное есть движение либо к Богу вверх, либо вниз. Иными словами, это есть такое движение, в котором распознается внутренний мир бытия. Вспомните Платона. Когда идея мастера каменных дел совокупляется с камнем, то камень получает образ идеи. Аналогично и здесь. Безмыслие и бесчувствие, наступающие в молитвах стимулируют бытие образа, в коем человек не чувствует, то есть здоров. А всякое явление просто ускоряет воплощение этого образа. Холодная вода, баня, физический труд, сон и так далее. Жизнь – это счастье, обусловленное не богатством, ни возможностями. Жизнь – это счастье, которое обусловлено именно многогранным движением в молитве. Если нет богатства, то движение становится осмысленным. А богатства, как раз это движение делают не нужным. Нет смысла испытывать судьбу, чтобы убедиться в этом.

Если мы познаем Бога, то одновременно нам раскрываются все остальные грани Его и при этом мы познаем Его так, как это естественно природе человека, благодаря чему мир уходит из чувственного восприятия. Он как здоровый палец перестает быть чувственно заметным. Мы видим мир, только лишь потому, что противоестественностью своей он травмирует нас, воспаляет природу. Человек выздоравливает только в молитве, ибо во время оной мир исчезает и перед нашим умом встает только Личность Творца. Мир не видим только в молитве 003-03-7.7. Змий же, непосредственному

естественному сущностному единству с Творцом предлагал альтернативу, а именно познание какой-то одной отдельной грани из абсолютного множества⁹⁴ полноты, то есть помимо единства с Ним. Потому, имея знание о ней, человечество утратило все остальное знание. Также как, если вы пребываете на вершине бытия, то вам открыта вся Вселенная под ногами. А если решили знать большее и спустились в долину, то конечно, мы видим уже эти буераки и поваленные деревья и хаос всеобщий, свойственный для леса, что скрадывалось при созерцании сверху. Хотя это тоже знание и в каждом случае есть свой позитив, который имеет жизненно важное значение, а потому и то, и другое обязаны быть в нераздельной связности, как грани одной и единой полноты живого. В раздельности, из-за безрадостного открывшегося вида, теряется связь общего единого, созерцаемого с высоты, а поэтому отвергается красота гармонии. Ибо все остальное, обозримое на вершине нами утрачено – можем видеть только то, что оказалось в ограниченном природой секторе обзора – под носом и под ногами. Одно дополняя, в тоже время исключает другое. (07.01.00) *Итак, нам открыта только узенькая абсолютно малая грань Божественного – некоторая точка, через которую вполз инородный порядок в образе змея во Царствие Небесное и через который провалилось привычно созерцаемое земное человечество, увлекая за собой свою Вселенную. Эта яма так и осталась противоестественным для нас бытием и потому теперь через*

эту точку-грань Бог свидетельствует о Себе. Так мир человека сузился до грани Творца, до абсолютно малого – до точки соприкосновения с Ним. И теперь, вместо того, чтобы обладать полнотой всеобъемлющего созерцания, мы получили полноту абсолютного ограничения (мизерной точки, с ее множественными прообразами, как наипростейшего элемента нашего обозреваемого чувственной природой, с ней потом начали работать математики, как несущей в себе весь спектр разнообразия контента возможных функций). С этого момента и до самого Рождества Христова человек приобщался к Богу и познавал Его только посредством духовной чистоты, умаления греховной природы до максимально ничтожного⁴¹⁵, а после Рождества Христова духовная чистота оказалась вместилищем иной призмы мироприятия – Духа Святого⁷⁷⁷⁻⁰⁷⁻¹²⁷.

1.0.2.-4. Итак, Бог имеет соприкосновение с этим миром Вселенной в точке, которая становится первым элементом привычно созерцаемого нами порядка, его причинно-следственного механизма. Точка становится первым элементом, раскрывающим Божественное содержимое её с Его почти не распознанной многогранностью в границах пораженной грехом природы Вселенной. В любом случае, это является истинным утверждением, если созерцать мир с позиции пораженной грехом природы человека, то точка – это есть самый простейший, самый элементарный и потому в каком-то смысле самый совершенный порядок вещей в пределах Все-

ленной, поражённой грехом³⁰⁴. Это есть самый элементарный порядок вещей, образ коего несет в себе каждая микрона этого чувственно распознаваемого бытия³²⁵. Нам следует сразу принять это за аксиому. Этот хоть и самый элементарный, но абсолютно многогранный порядок потом выразится во всех формах эволюционного становления мира. СЧАСТЬЕ.ПОКАЯНИЕ.000-00-00 Через эту точку Он имеет влияние на падшую во грехе Вселенную. Человек стремится к покаянию, то есть принять образ точки в том смысле, какой несет в себе образ величины греха, который при покаянии примерно равен нулю. Иными словами, не убить в себе природу греха, а уменьшить до естественного минимума, в коем этот крен или величина отклонения от живительной нормы становится равной нулю. Жизненно важно поставить ее на свое место, где нет величины отклонения от нормы Божественной естественности¹¹¹⁻⁰¹⁻¹⁶⁰. Если бы мы не видели Вселенной, то смело могли бы предположить о том, что эта точка имеет место быть, что ее бытие динамично. Раскрыв глаза, мы этой точке дали бы имя Солнце.

Так как точка, как элементарный порядок вещей, не имеет величины греха – она есть положение абсолютного равновесия^{118, 160}, а потому нет протяженности (отклонения от нормы) и, как хорошо заметил А.Ф.Лосев, потому не способна делиться, ибо тогда стоило бы говорить о более элементарных атомах, чем точка. То есть Бог не имеет вели-

чины во грехе – Он существует для нас через Свою связь с нами и потому для нас имеет образ абсолютно малой ничтожности во грехе в точке-вершине горы (склоны которой – пути эволюции становления до образа ее), величина «причастия ко греху» коей равна нолю – это единственное, что осталось от Царствия Небесного в области нашей досягаемости: «всякая тварная вещь имеет точку соприкосновения с Божеством: это – её идея, её причина, её «логос», который одновременно есть и цель, которой она устремлена» («Очерк ...» В.Н.Лосский). именно по этой причине мы, несмотря на свое Божественное происхождения, ничтожны на теле Вселенной. Таким образом, с одной стороны, Бог пребывает во Вселенной, но не имеет величины во грехе. Именно это отсутствие величины мы опосредовано своей греховной природы, наделённой греховной величиной, пытаемся распознать, пытаемся видеть Творца. Как бы это невозможно. А с другой стороны, так как Бог это только лишь обозреваемая посредством нашей природы с грехом точка, то все то имеет жизненность или обладает свойством Творца в пораженной грехом природе, что несет, с одной стороны, многогранный прообраз точки, а с другой – перед нами полнота Божественного влияния в этой точке, ибо Божественное ни в чем не терпит ущемления. Да мир бесконечно велик, но в поле зрения нашего попадает только то, что подобно нам хоть в какой-то грани – какие-то святящиеся точки во Вселенной вокруг Земли. Или, к примеру, имеет образ точки в свойстве

неделимости. То есть если протяженность, имеет где-то разрыв, то и образа точки не имеет. А так как не несет в себе свойства цельности, то она уже не едина, не подобна Творцу, а значит и нам инородна тоже. Поэтому безжизненная в данной категории мировосприятия – это таков закон. Иными словами, прямая – это точка, принявшей образ прямой в инобытии, то есть прямая непрерывностью тождественна точке, по слову того же Лосева. Нарушением единства утрачивается подобие Богу, а потому погибает жизнь. Этот образ абсолютной неусложненности или простоты точки, выраженный в некоторой неразрывной протяженности, хоть и несет живое в себе, но в пределах земного бытия слишком уязвим для сил разрушения. В наших условиях образ сей к воздействию слабо устойчив и, чем сильнее влияние ада, тем уязвимость для разрушения возрастает, тем сильнее бомбардировки от хаоса по устойчивости формы единого, оказавшейся в поле досягаемости этим воздействиям, тем сложнее формы жизни. Ведь для устойчивости перед воздействиями востребованы оказались достоинства в строении организмов⁹⁵. Это становится ключевым моментом для последующих наших суждений. Иными словами, как только природа, пораженная грехом, формально утрачивает образ точки в данной видовой категории, через которую Бог оказывает животворное влияние (речь идет о прямой линии развития – в свойстве её непрерывности), так сразу же утрачивается образ Божий, выраженный в пределах возможностей пораженной

грехом природы и в пределах пораженной грехом природы в данной видовой категории останавливается жизнь, точнее отражение ее в этом специфичном зеркале. То есть так как точка абсолютно не делима, то и иные прообразы оной, а значит и живого должны быть не делимыми и цельными. Поэтому в нашем сознании прямая представляется неделимой, в противном случае, она становится не тождественной точке в различии, свойственному для бытия в инобытии. В нашем случае эта схема работает следующим образом: нет образа Божьего – нет жизни, то есть это безвозвратная смерть для живого в земном проявлении. Хотя вернуть единство естественно Богу и возможно только в Нем, ибо подобное рождает свое подобие. Именно поэтому мы становимся вновь здоровыми.

1.0.2.-5. Другой момент. Влияние через точку. Одному старцу было видение, что группа бесов волочит лист от дерева. Иными словами. Слишком много суеты, а результат никчемный. Бог вообще со Вселенной имеет общее только лишь ничтожную точку⁹⁶, ибо только это ничтожное зримо для нас ничтожно грешных – судим по себе о мире и видим свое подобие в Нем. Суета – это бесплодные движения, коих у Бога нет или величина коих ничтожно мала, то есть полная безрезультатность. Он же бездействует во грехе, а результат-то множественный, хотя мы видим отсутствие всякой зримой деятельности. Результат – обозримая красота бесконечных множественных миров Вселенной. Бог ни-

чего общего с грехом не имеет, но даже то, что попадает в поле нашего предвзятого зрения впечатляет наш разум величием. Присутствие Его зрим через то мизерное ничтожество, которое привычно созерцается нами вокруг и оно динамично. Если грех поглощает, то святость жертвует собой, непрерывно (постоянно) источает энергии. Следовательно, жизнью надделено всё то, что жертвенно по сути. А так как источником всего является только Господь, то мы остаемся лишь проводниками Его энергий только и только в этом же прообразе абсолютной оптимальности и этим способны жить, имея подобие Ему⁹⁷. Отсюда следует важное. Вся Вселенная разделилась надвое: то, что имеет подобие Ему, то есть проводит Его энергии; то, что имеет грех – поглощает. Проводимостью Божьих энергий надделено только то, что подобно Ему, только то, что созерцается нами как единое и цельное, как несущее в себе свойство постоянства хоть в чем-то. К примеру, той же проводимостью обладает речной поток воды, из-за чего мы видим (модус), а именно единое и цельное протяженной водной голубой полосы. Если нет этой проводимости, то и обозреваемый образ полосы водной глади сменяется на иной – на испаряющуюся, исчезающую лужу²⁵⁸. Так явлены нам два образа Вселенной: бытие и небытие³²⁷.

Согласно теории самотождественного различия точка и прямая – это разные образы Одного и Того же Бога в раз-

ных по природе средах (сферах-областях). Точнее той Его грани, которая по естеству природы подпадает под функциональное математическое освидетельствование посредством разных понятийных систем в пределах математики. То есть точка и прямая – разные имена Бога на специфическом понятийном языке, звучащие в различных природных реалиях. Просто каждая природная реальность говорить о Боге как-то не естественно себе не может. Почему образ Его по разному выражен? Потому, что прямая является инобытием и Бога, и точки. То есть это одна и та же Сущность, только в одной реальности явлена как точка, а в другой как прямая¹². Это важно для нас, ибо именно этот же механизм разнопланового выражения и свидетельства о Творце работает везде и в нашем, изучаемом нами вопросе. Они хоть и различны, но не инородны друг другу в Боге. Иными словами, если человеку до отпадения от Бога (то есть ничего общего не имеющего со грехом и вообще пребывающего вне сферы досягаемости поражения грехом) для нормальной жизни достаточно пребывать даже в покое, то уже нам, несущим в себе природу воспалившуюся грехом, чтобы сохранить образ Творца, чтобы сберечь образ Его в себе ради своей прежней жизни, приходится с одной стороны много трудиться в поте лица, а с другой – подобно червю даже ползти. И при этом ползти только тихонько следует для того, чтобы не расплескать Божественное содержимое в нас³²⁶ и не утратить ту священную связь, ради коей наше движение остается осмысленным – оно с

одной стороны стимулирует и улучшает эту связь, активируя работу сердца и мозга, а с другой стороны такова же природа логического анализа, который, как только утрачивает цельность цепочки логического суждения о Боге, как только цепь прерывается, так сразу становится ложной, то есть безжизненной, как не имеющей образа Божьего в своей узкой специфике Его выражения, не проводящей свидетельства о Боге в своей сфере функциональной значимости⁹⁸. Это, хоть и второстепенная, но тоже важная составляющая жизненной полноты, которая значима для земного общежития и которой нельзя пренебрегать (об этом на языке понятий своего времени говорил св. Нил Сорский). Ведь червь ползти может там, где ему это удобоприемлемо, где ему не холодно и не жарко, где нет провалов пропасти. И как бы мы не чуждались червя, мы остаемся в пределах его природы. То есть двигаться быстрее его или находится там, где ему не естественно, мы не можем. Чтобы жить, то есть чтобы иметь образ Божий в земных реалиях, мы должны беречь и его (как капитан судна бережет каждого своего матроса, ибо для общей живучести корабля они равны, хотя и остаются в пределах субординации). Да, в процессе эволюции этот змей надел на себя плоть и теперь он может намного больше, но сущность его осталась той же. Ведь мы постигаем мир в прообразе змия – последовательно в пределах природных возможностей и удобства.

Наша жизнь – это такое плавание, в успехе которого важна каждая деталь. Нам никуда от этого не деться. Ведь, прене-

брегая такой абсолютной ничтожной малостью в бесконечном Царствии Небесном, через эту дыру провалился первый Адам и вслед за ним вся Вселенная и человечество вообще. С тех времён по-прежнему нам самим приходится блюсти или беречь свое единство – ползти подобно змию по самому дну этого бытия, выбирая адаптированный к возможностям природы человека путь. То есть подчиниться его закону, в мировосприятии не нарушая единство в специфической сфере, свойственной причинно-следственному механизму, железной логики суждений⁹⁸. Слабость и незащищенность непрерывности в земных реалиях – это тоже часть нашей природы, а потому пренебрегать ею нельзя, ведь тоже хочется пребывать в слабости без напрягающего духовные силы познания Бога. То есть теперь нам уже мало верить и быть в Благодати Божьей, но нам нужны знания тоже. Надо просто ещё и уверенно знать, иметь научное знание о Творце. Это с одной стороны востребовано. А с другой, жизни свойственно побеждать смерть, двигаться, отвоёвывая у неё все новые и новые пространства – это тоже движение, которое есть жизнеутверждающее и создающее привычно созерцаемый образ. И при этом, повторяюсь, с одной стороны, надо совместить одно с другим (не разрушить и связь с Богом, и, с другой стороны, сохранить Его образ в своем естестве без нарушения причинно-следственного механизма⁹⁸, то есть в единстве и жизненной полноте. Живому свойственно обязательное возрастание, а потому то, что было слабо-

стью постепенно набирает мощь. То есть во имя сохранения живительной полноты и единства в естестве слабости (ибо главное есть не сила, а жизнь) удобоприемлемым становится не лезть постоянно на вершину горы, чтобы узнать о том, куда идти, а уже без напряжений в своем естестве спокойно ходить проторёнными тропами. Как бы знание вида с вершины, становится достоянием её подножия с помощью порядка вещей. Два в одном сходятся только как порядок, образуя структуру, что потом в последствии станет уже культовым действием. Два противоречия сходятся в природе человека в процессе эволюционного становления, где дурак гору переходит, а умный обходит её. И то и другое оказываются востребованными, ибо это наша природа, побеждающая смерть в обоих образах. Нам легче идти там, где мы уже ходили много раз, но иной раз, чтобы жить надо подниматься к вершине.

Так мы постепенно приближаемся к созданию искусственного интеллекта, ибо анализ становится не сам по себе, а ограниченным, избирательным.

1.0.2.-6. Потому тут надо изменить вопрос и сказать так чисто в стиле математического анализа (исходя из этого набора возможностей анализа и наших знаний о Вселенной): если есть Бог, то где Он именно пребывает и где Его нет? Покажите нам Его. То есть, если Самого Бога нам видеть очень и очень затруднительно, то с помощью возможностей математики оказывается разрешимым хотя бы узреть то место,

где Он пребывает – Его координаты. Нам с помощью анализа остаётся довольствоваться только этим и ни на что иное он ответить не может (не способен), и нет смысла нам этим грузиться. Хотя тут тоже не так просто, как кажется. Анализ по природе – это характеристика распада. Представьте себе мыльный пузырь. Точка, в коей он может начать разлетаться на мелкие капли, может обозначиться в любом месте поверхности мыльной сферы. Какого-то фиксированного места по всей поверхности нет. То есть ноль – это точка пространства в любом ее месте, а оси координат – это уже характеристики этой точки в данном месте ее бытия. Просто созерцаемое бытие раскрывается нам посредством ничтожества нашей природы в данном виде. Ведь математика и логика не призваны давать сущностные оценки в полноте, но только в том, что оказалось в их поле зрения. Если точка нам ничего не может раскрыть о бытии, ибо аналитическая природа нашего разума требует динамику причинно-следственного механизма развития. В ней мы живем, видим многое и рассуждаем в этой сфере-области. Эта такая вот специфично¹⁹⁰ звучащая речь о Боге, которую следовало бы научиться понимать.

В чем именно разобшение языковых систем, на коих мир говорит об одном и Том же? К примеру, линейкой мы можем измерить только то, что может быть ею измерено – расстояние. То есть, если Бог есть, то нам удастся измерить только то в Его естестве, что попало в поле досягаемости линейки – может быть измеренным с помощью оной. Всё осталь-

ное бесконечно многогранное Творца для восприятия таким способом, бесследно окажется утраченным и вне возможности опознания. Также как глина свидетельствует о человеке, оставившем в ней когда-то след своей ступни. Но это только отпечаток ступни или даже сапога, а все остальное в природе человека, бесконечно более многогранное и сложное в его естестве так и остается за пределами возможности этого своеобразного углубления в природу бытия рассказывать о человеке. Также соотносится всякий анализ в науке к абсолютно многогранной Истине, при котором – да, явление Бога есть в данном образе – вот его отпечаток. Но это не Бог, а только отпечаток. Это важно, ибо неискушённый человек сразу же заявляет об этом, как об Абсолюте, творя из этого идол, который не несёт в себе настоящую Силу, но только специфичное свидетельство о Боге, о Том, Кто эту Силу даёт. Также как Луна, хоть и светит ночью, но это не источник света, а только отражатель, свидетель о Солнце – загара вы не получите, к примеру. Или подсоединив батарею к лампочке с помощью проводов, мы же не утверждаем о том, что провода и есть источник тока. Источником электричества остается батарея. Так гордецы обманом уводят народы в бездну за собой. Мир предстает перед нами во множестве прообразов абсолютного ничтожества, в коем предстает перед нами Творец, то есть в прообразах точки. Именно эти прообразы раскрывают нам свойства внутреннего мира точки. Итак, человек призван соединить в себе окружающую Вселенную с

Царствием Небесным, призван быть проводником окружающего мира к Богу. Таков Замысел Творца о нас и оный не изменился и после грехопадения. Мы должны зная обо всем, то есть неся в себе Царствие Небесное, идти и подчиняться законам природы, несущей в себе абсолютную слабость из-за первородного греха, чтобы оберегать нежную связь немощного мира Вселенной с Богом, с абсолютной силой Творца.

1.0.2.-7. Для приведённых ниже суждений необходимо сделать оговорку, ибо труды будут читать многие подкованные богословы. Чтобы быть корректным приведу слова В.Н.Лосского из его «Очерков...»: «Его воля для нас – тайна, ибо воля есть отношение к другому, а ведь нет другого, кроме Бога; творение из ничего для нас непонятно. Мы знаем волю Божию лишь постольку, поскольку она является Его отношением уже к миру сотворённому. Она точка соприкосновения между бесконечным и конечным, и в этом смысле Божественные влияния являются творческими идеями вещей, их «словами», их «логосами.» Точка – соприкосновение между конечным нашим миром и бесконечным миром Царствия Небесного, что можно разглядеть в точке, которая с одной стороны конечна в абсолютном проявлении ничтожного (греха) и бесконечна в многогранности свойств и направлений. Итак, имеет место быть точка между двумя стихиями, через которую мы знаем о воле Бога в той степени, в какой «она является Его отношением к миру сотворённому». Как это проявлено нам станет ясным лишь тогда, ко-

гда разберёмся в самих себе, в своей природе.

Всякий из нас стоял на берегу реки. Воды её текут вдоль береговой линии. Если бы земля под нами (и мы, стоя на ней) двигалась тоже с такой же скоростью, то нам не распознать перемен в воде – раз нет контраста, то река для нас была бы лужей. То есть, первым условием, которое позволяет человеку видеть изменения в реке – постоянство берега, недвижимая точка отсчёта (в то же время, о постоянстве берега можно судить благодаря течению реки, что также важно для нашего исследования). Всякий из нас помнит все перемены в организме, от раннего возраста до этих минут, когда вы читаете эти строки. Относительно берега или стоя на коем, мы можем замечать перемены в себе от раннего детства до этих мгновений, происходящих в самом себе и окружающем мире¹¹⁵. В нас самих и в окружающем пространстве Вселенной постоянно что-то рождается и отмирает, и вновь рождается относительно берега сего. Это та самая часть человеческой природы, которая останется жить после смерти. Нам же важно сделать пояснительные выводы, значимые для всех наших дальнейших суждений (потому их следует запомнить): так как мы наделены обоими составляющими «и берега и реки», то каждая часть нашей природы видит только свое естественное подобие. Природа поражённая грехом видит грех и его разрушительные последствия, а ум, как дар Божий, через разрушительность греха видит то, что удерживает мир, формирует в нём порядок, какие-то критерии постоянства и

красоты.

Природа двоична. В ней одна составляющая абсолютно постоянная, а другая временная. Что есть такое временность? Временность – это характеристика промежутков времени, то есть временными границами. Иными словами, это прообраз границы в чистом виде – точки. Точка – это носитель всех форм временности бытия, как граница в чистом виде и абсолют мгновенности. Просто величина всех форм отклонения и временности в точки равна нулю, но это не означает, что их нет в ней(смотри 777-01-1). Тогда окружающее пространство – постоянство. Почему мы представляем все иначе? Потому, что так удобнее нам раскрывать на понятийном языке разума суть природы постоянства берега. Точка – это величина отклонения от нормы, равная нулю. Это ноль. Все видимое вокруг несет в себе образы временности, прообразы временности или мгновенности в чистом виде, точки. Все вокруг имеет ограничение, временность бытия и только пустота космического вакуума оказывается сущностью всего, то есть как бы поверхностью сферы мыльного пузыря. Вот почему мир нам явлен динамикой взрыва.

1.0.2.-8. Теперь важно сказать о том, как они сопоставимы между собой эти две сферы познания. Как уже сказано ранее по тексту, что Бог для того, наделил нас временностью бытия, чтобы мы могли видеть то, что непреходящее, вечное, спасительно нетленное, устойчивое и чтобы никогда не останавливаться на достигнутом. То есть этой абсолютной

темноте контрастом становится яркая звезда. Возьмите прямую и ровную палку и выведите в состояние вертикального равновесия. Если мы её отпустим, то согласно логике вещей и законам физики, она упадёт и мы даже можем сделать некоторые расчеты траектории падения. Но палка – мертвый предмет, а потому подчиняется мертвым законам анализа. Живое же наоборот постоянно восстанавливает равновесие, борется за свою жизнь, не смотря на все постоянные покушения: погода, болезни и так далее. Это та самая часть естества, где законы логики, с их способностью выражать Истину с помощью последовательности, не имеют силы: логика властна только над процессами распада, разрушения. В то же время, противоречием законам физики является именно этот процесс восстановления, который вне сферы-области функциональности умопостижения, ибо никакому закону распада ФАКТ восстановления не подчиняется – это пустота или та часть нашей природы, которая не воспринимается чувственно, это свойство имеет одно из имен любви. Бог дает нам видеть хаос и распад только для того, чтобы мы трудами в поте лица восстанавливали спасительный порядок и преображали этот созерцаемый мир. То есть законы анализа правдиво проявляют себя только там, где есть токи жизни, и как-то своеобразно уникально свидетельствуют о Творце (о берегу) в естественной для себя специфике, явленной в логической непрерывной цепочке суждения, как мерило или мерное неразрывное освидетельствование единства Творца в

происходящих переменах и изменениях. Это означает лишь одно – сфера определения любого анализа, обоснованного на чувственных восприятиях, не переходит границу береговой линии (просто не может этого сделать, а потому следует сразу сказать, что всякие размышления о познании Сущности Божественного с помощью мышления будут безрезультатными и неверными, ведь законы бытия в пределах берега иные, чем в стихии всеобщей текучей относительности). Надо сказать и другое, что законы распада работают в очень или даже в абсолютном спектре ничтожества – в пределах точки. То есть, если говорить о творчестве, то творение, как образ Божий в Его производных, несет в себе именно это качество движения из абсолютного ничто в многогранное подобие Бога (согласно Священному Писанию). Просто иначе быть не может, ибо абсолютная бесконечность величия Божественного так и будет активировать движение Вселенной опосредовано человека до хоть какого-то подобия Творцу – к совершенству⁹⁹. А так как совершенством может быть только величина отклонения, равная нулю, то и образ совершенства может иметь только один вид – ничтожность или ноль, или точку. Потому и образ того акта творчества также – это постоянные изменения, то есть переход из одного состояния в иное, отстоит от Естества Бога также бесконечно далеко, как соотносятся между собой движение и постоянство. Следует заметить, что альтернативы состоянию равновесия палки множество. То есть положение равновесия одно, а направле-

ний падения её множество, что примечательно для нас, ибо в окружающей Вселенной только точка имеет свет, альтернатива коей может быть только темень. Исходя из этого нам несколько односторонне и ограничено понятна природа светил, как единственная альтернатива окружающей смерти и тьма их поглотить не может, то есть, не смотря на её бесконечность, она бессильна. Мы именно этим и подобны им – постоянно восстанавливаем равновесие в своем здоровье.

1.0.2.-9. Исходя из сказанного о точке отсчета в нашей природе (берег-река), наша природа людей двоичная (в рамках возможности нашего анализа). А так как подобное может познаваться подобным, то все вокруг, попавшее в поле обозрения или то, что стало видимым и чувственно воспринимаемым неизбежно наделено той же двоичностью, подобием двоичной природе самого человека. Пусть даже мир бесконечно множественный, но выделяем из него только то, что оказалось единым-схожим с нашим естеством – границей двух реальностей, образующей формы. То есть самый этот процесс молитвы в общении с Богом не предполагает вообще никакой даже малый контакт с токами живой реки, но только с берегом. То есть, нет места вообще никакой созерцательности ни чувственной, ни умом, ни сердцем, ни духом, ни душой, ибо все это уходит из поля зрения, ибо отсутствие боли – это отсутствие раздражения нервных клеток. А всякое наблюдение или осязание, или ощущение есть уже распознанная чувствами или умом переменяющаяся реаль-

ность, как причастное к текущим водам. Если чувства распознают реальность, то это означает, что она, реальность, как-то заявила и заявляет о Творце отклонением от первообраза. Если заявления нет, то данная реальность для чувственной природы не существует и остается вне распознания, как не подобное сознанию. Но в любом случае, заявляет о Творце природа или нет, происходит межличностное общение человека и Творца. В одном случае, сие происходит через посредник, а в другом непосредственное участие на Предвечном Совете в пределах замысла Творца о человеке. То есть природа – это только лишь творение Его, посредник для общения или Его речь к нам, но не Сам Он. Об этом же говорят опытные святые отцы Церкви. То есть важен не контакт подобных друг другу граней природ двух собеседников, а опосредованно этих контактов качественное единение в духе, без чего все остальные формы единства перестают иметь смысл, ибо они прилагаются самопроизвольно¹⁰⁰. А потому видимый мир в момент общения человека с Богом наоборот перестает быть видимым. Парадокс, когда мы не молимся, то видим мир, а когда мы видим Творца в молитве, то мир перестает существовать, он тут же исчезает. Теперь вспомните определение любви, данное Львом Толстым. Любовь – это как палец, о котором он вспоминает, если он начинает болеть. То же самое о здоровье человека надо сказать. Если мы не чувствуем свое тело, то оно не болеет, то есть здорово. В прообразе молитвы и межличностных отношений с Богом

все в нашем человеческом естестве и в окружающей природе (смотри 003-03-7.7). Так как Божественное единство всего, явленное как межличностные отношения Предвечного Совета, изначально было во Вселенной и это есть естество жизни, то именно эта линия так и остается доминирующей через всю историю мира и Вселенной и выражено в Законе Сохранения. Всё то, что способствует этому, то и остается, как значимое и распознаваемое, как форма живого. Так формировалась цивилизация и ее Вселенная за ней следом. Во исполнение «полноты времен» Премудрость Божия, действующая в мире как сила, промышление, входит в исторический процесс эволюции, как Личность и заявляет нам о Себе только для общения с Ним, хотя может быть в новом образе. Так как Бог велик бесконечно, то и Лик Божий смог фотографически выразиться наиболее полно и подобно лишь в самые последние моменты всеобщего движения становления Образа Божия в природе вещей.

1.0.2.-10. Следует назвать более широкие определения о Том мире. Каждый из нас помнит все биологические изменения в себе в процессе взросления организма. Каждый из нас помнит свои переживания в душе: печали, утраты любовь, и несчастье разрушений – всё это было и прошло. Что тогда осталось от того? Осталось то, относительно чего мы могли распознавать эти переживания – их полное отсутствие. То есть, в каждом из нас есть некоторый берег, о свойствах которого свидетельствует все это происходящее

в нас и вокруг¹⁰¹. То есть это постоянство, как радость стабильности (когда нет никакого относительного, временного; когда порядок вечен; когда везде чистота; когда живы все те, кто нас родил и любит; когда все на месте(смотри 003-03-7.7)) имеет ещё и эти сопутствующие грани и оттенки. Но в нас есть и вторая составляющая двоичной природы, течение вод в которых постоянно все счастливое утрачивается, стабильное разрушается, живое гибнет, любимое уходит в никуда, чистое грязнится. Получается, что Бог (как источник всех форм радости, но всякая радость может быть только в Творце) требует избавиться от всего временного и тленного, не имеющего подобия Ему, ибо вечность, стабильность и постоянство берега – это просто иные имена счастья. Экстаз всегда есть то, что не поддается разрушению, распознаваемое только в относительном переустройстве, перемене или разрушении¹⁰². Процесс разрушения – это и есть очищение от всего того, что может терпеть разрушение, как мешающее счастью.

1.0.2.-11. Экстаз религиозный и физический – это разные грани одного и того же действия. Пророк Моисей, как пишет Дионисий Ареопагит, чтобы беседовать с Богом, «начинает с очищения, затем отделяет себя от нечистых; он слышит «звук труб весьма сильный, видит множество огней, бесчисленные лучи которых распространяют яркий блеск; затем, отделившись от толпы, он достигает с избранными священниками вершины Божественного восхож-

дения. Однако и на этом уровне он ещё не в общении с Богом, он не созерцает Его, ибо видит не Бога только то место, где пребывает Он». Он видит лишь то, что оказалось в области возможности созерцать святым естеством духа праведника. Экстаз в более глубоком познании Творца для нас невозможен, ибо сокрыто за границей наших телесных возможностей. Да и Сам Творец по Своему великому человеколюбию утаивает от нас то, что может разрушить нашу природу, ведь одна из самых основных идей Православной веры состоит в том, что абсолютная сила Бога ищет удобоприемлемости в нашем естестве, а потому бережливо несет послушание у абсолютной слабости, то есть у человека, по грехопадении несущего в себе ту же самую первоизданную полноту жизни. Чтобы не повредить тонкую и слабую нить земной жизни, Творец бережливо, с особой нежностью поспешествует в ухаживании за больным человечеством. На этом волоске висит мир всего бытия, а потому Сотворивший небо и землю, отдаленные галактики космоса и созвездия бесконечного мира послушествует у совсем ещё малого, только-только родившегося на свет дитя, пребывающего в молитве. Более того, её молитва сильнее и ближе к Богу. Бог ни в коем разе не уничтожает слабость по праву сильного, как победитель в естественном отборе, но дает силы и время для возрастающего становления в Своем Образе, для наполнения силами. Для нас такое знание о Творце толкает нас вести по Его образу и подобию – мы также должны принимать мир

таким, каков он есть и бережливо нести на себе его немощи. Мы должны нести слабости ближних своих, ибо только в этом случае мы становимся сильнее и возрастаем. Таким образом, сила приходит только тогда, когда мы напрягаемся.

1.0.2.-12. Далее здесь будет несколько сложное обоснование, то есть у любителя могут возникнуть сложности понимания. Но это важно для дальнейших суждений.

Всё вокруг несёт в себе две составляющие (берег-река) и то, что уже на «берегу» – это уже область только духовного восприятия, а не мысли, о чем сказано в предыдущем содержании. Исходя из закона, гласящего, что подобное познается подобным, следует сделать важный вывод, что все вокруг, оказавшееся в поле обозрения, так как оно распознается нашими органами чувств, то наделено теми же составляющими той же и из той же береговой линии, то есть граница двух реальных проходит в любой области познания Бога человеком или в любой области общения Личностей Предвечного Совета.

Далее, следует сказать следующее, что течение вод, как переменное, нужно выразить более точно применительно к явлениям во Вселенной. Если берег – стабильность, то выходит, что течение вод – это разрушение стабильности, то есть распад¹⁰³. Исходя из наблюдений за переменами, мы видим в поведении их течения все свойства этого берега, как разные имена, характеризующие постоянство – к примеру, на-

правление. И вот тут вновь следует напомнить об опасности ошибки, ведь как бы то не было все эти имена Бога остаются только лишь производными, Его свойствами, но это не Сам Бог. Также как ладонь вашего товарища, которую вы пожимаете при встрече, является только лишь частью его организма, а не он сам. Хотя ладонь наделена всеми оттенками полноты жизни организма, только в разных приоритетах выражения этой полноты. То есть, мы ошибочно можем назвать Бога в каком-то частном Его проявлении, что и становится идолом (также как ладонью можем ошибочно назвать человека). По понятным причинам, чтобы ошибочно не назвать какой-то оттенок Истины ею Самой, в самом содержании данной книги мной будет много раз делаться напоминание об этом, адаптировано к смыслу излагаемой темы. Смысл понятия приходится вычленять для обозревания с помощью составных слов через дефис или посредством словосочетаний.

Несколько иначе имеет смысл выразить мысль св. Максима Исповедника. Всякий распад – это только лишь умопостигаемое разумом человека, поражённого грехом. По слову святого Иоанна Дамаскина «Просто человек изначально был сотворен обожающимся, тяготеющим к соединению с Богом. Ведь свойство первозданной природы выражалось в самую первую очередь в этой в этой способности приобщаться к Богу, все более и более прилепляться к полноте Божества, которая должна была пронизать и преобразить всю тварную

природу». То есть сам факт возможности возрастая до образа и подобия Божьего, говорит о том, что сие уже есть совершенство в Боге¹⁰³. Бог един, но много имен Его, сообразных единству, выраженного этими именами в разных сферах-областях-гранях бытия Вселенной. К примеру, постоянство, единство, замкнутость, целостность на самом деле тождественны и являются лишь разными именами Божьими, каждое из которых строго соответствует своей сфере бытия. В данном случае, область в которой происходит становление до образа Божьего, несет в себе такие свойства, которые дают свое естественное для себя и специфическое имя Богу – развитие. Это единое целое между началом и концом обуславливает становление живого до совершенства от бесконечно малого до бесконечно великого, соединяя в себе две крайности. Если нет образа Божественного в том же числе в данном проявлении, то и нет жизни, нет становления. К примеру, если сорвать цветок, то цветком, как уникальным именем о Боге в данном образе, он уже не будет, ибо это уже новое имя Ему – это сено. Хотя внешнее сходство с живым будет ещё долго. Смещение этих двух реалий, как говорит о. Андроник Лосев, становится причиной всех абсолютно заблуждений. Бог один и Его одиночество мы видим опосредовано многих явлений, носящих Его своеобразное имя.

1.0.2.-12-а. Всякое возрастание в Боге имеет некоторый предел возможности выражения свойств Божественного в природе поражённой первородным грехом Адама. Бог абсо-

лютно велик и абсолютно многогранен. То есть жизнь в данных свойствах своего бытия может отражать возрастание в Боге в определённых зримых нами пределах, за границами коих всякое возрастание ускользает из поля зрения. Но так как без возрастания жизни нет, а ограничения возможности становления пораженной грехом природы есть, то получается, что живое должно вписываться в это противоречие, в котором есть место и возрастанию, и пределам его¹⁰⁴. Жизнь при этом должна иметь какую-то степень вечности и временности, ибо есть сегмент Божественного выражения, но в пределах ничтожества первородного греха. Как это совместить все в одном? Не будем мудрствовать и усмотрим сие в природе. Жизнь идет и мы рождаемся с предопределением дальнейшего роста и при этом растем не бесконечно, но до определённого количества лет. В личности рост происходит в следующем порядке: сначала физические плоды созревают, затем душевные, а потом и духовные. И в родившемся ребёнке опять повторяется все сначала. Как бы не ведая о том, что такое жизнь мы выявили то, какой она должна быть эта жизнь в общем плане.

1.0.2.-13. Ещё следует продолжить важное обсуждение о том, что плоть немощна по отношению к душе и тем более к духу, а потому и возможности природы утверждать их присутствие в земных оковах становится для неё непосильными¹⁰⁵, ибо в процессе становления личности в Боге, ей открывается все больше и больше Божественного в естествен-

ном процессе богообщения и познания Его. И, самое главное, человеку этого всегда мало и мало. Он стремится к большему и это хорошо. В экстазе единство с Источником всех радостей становится все более и более насыщенным и всеобъемлющим. Радость приходящая от Бога через плоть на много более ограничена и даже абсолютно ничтожна, чем радость от непосредственного общения с Ним через разум и это всегда не предел, а потому мы с возрастом в процессе возрастания личности в Боге видим угасание плоти и более того, дух осознанно может толкнуть тело к саморазрушению ради радости ближнего, ибо дух может пребывать в радости бытия только если счастлив ближний.

Мы видим перестроение в более совершенную форму, но сам конечный результат перестроения, новая возникшая более совершенная реальность бывает ускользает от нашего взора. Поэтому мы видим Бога в противоестественных Ему проявлениях неполноты свидетельства о Нём, опосредованно коего нам открывается только лишь некоторое знание об Этом источнике-эпицентре. К примеру, Бог дал временность или относительность для того, чтобы мы могли увидеть иные грани и Его вечное, постоянное и непреходящее, свойственное Творцу, также как благодаря темноте мы знаем об источнике света. Хотя, на самом деле, так как Он существует, то сие разрушением быть не может – это очередной этап процесса перестроения, как неизбежное неотъемлемое качество всего живого – только лишь следующая ступень лестницы

возрастания до абсолютного подобия Богу. Просто сама по себе природа, оказавшаяся в сфере нашего сильно ограниченного чувственного восприятия, не может вмещать в себя ту полноту Божественного, а потому то, что оказалось не завершенным и не полным из-за ограниченной природной возможности, оказывается не жизнеспособным и имя Его, звучащее в данной сфере, уходит в небытие. Сам же процесс перестроения выпадает из поля зрения, представляя нашему взору только сам акт разрушения, обозримо обозначившийся в результате естественного возрастания к Его совершенству.

В этом процессе перед нашим пораженным первородным грехом взором появляются образы, о которых мы своей поражённой природой опять же ошибочно свидетельствуем как о Божественном, а потому ускользает из восприятия вновь возникающая после перестроенная реальность. Когда эти образы-идолы неизбежно разрушаются тоже, то мы в ужасе думаем, что это смерть. Сие воспринимается в виде разрушения совсем по иной причине. Просто, когда мы начинаем набирать высоту поднимаясь по лестнице духовного совершенства, они теряют свою значимость как свидетельство о Творце как какие-то там кольца, ограниченное выражение полноты Его. Нам тесно, а хочется большего экстаза и человек легко расстается со всеми ограничениями, мешающими большему единению с Богом в радости – люди идут в монашество. Ведь, распознаем мы в новом свидетельстве неко-

торуую только лишь грань Творца. Но так как в ней нет и не может быть всеобъемлющей полноты исповеди о Нём, то данное свидетельство наделено автоматически другим свойством несовершенства – ограниченностью в вечности – временностью. Нам нельзя быть пленником одного, застаиваться на чем-то одном, надо идти вперед и осваивать новые реалии счастья. Ведь всё великое распознается с некоторого расстояния, также как картину, написанную маслом, вблизи не рассмотришь. То, что было для нас Божественным, постепенно утрачивает прежнее значение – всё более и более выявляется зловещая ограниченность в когда-то казавшемся совершенстве. В то же время, вновь возникшая после перестроения реальность становится более великой, из-за чего выпадает из возможности быть распознаваема прежними методами и способами, то есть уходит из привычного поля зрения и потому воспринимается как небытие. Ведь Бог Своим влиянием может только совершенствоваться, при Нём распад невозможен. Есть только неутомимое влечение к большему счастью. Никакого насилия над свободой выбора человека, ибо человек счастлив быть в своем стеснении, если оно не покушается на выражение полноты. Но движение к большей полноте неизбежно и потому в процессе возрастания стеснение все равно станет покушением на новое выражение полноты, потому неизбежно перестроение в новые формы, в коих прежнего стеснения уже нет. То есть без постоянного последовательного перерождения невозможно

бытие эволюции, в которой естественный отбор, в коем выживает сильнейший, все сильнее и сильнее вырисовывает более совершенные богоподобные формы, как очертания Абсолютной Силы – Бога. Получается, что если мы не возражаем в Боге совместно со всем мирозданием, то перестаем видеть все то, во что переродилась эта реальность, чем она стала после «смерти»-перерождения. Это с одной стороны, а с другой, каким бы процесс разрушения не был, распад происходит только в пределах сферы категориальной формальности, свойственной природе Вселенной, поражённой грехопадением. Сущность остается, но распадается грех, а продукты разложения так и остаются инобытием Истины в поле Её зрения и влиятельной досягаемости, только теперь уже несколько далёкой от полноты в той законченности, что была до распада. Энергия постоянна, но форма её носителя изменчива.

1.0.2.-14. Если мы скажем, что частное есть часть полноты, то будем не точны и даже сие грубая ошибка есть. Ибо в жизни несколько иная реальность. В ней общая полнота распадается до более примитивных простых элементов, но и они тоже маленькие носители полноты. Вот что говорит нам о. Андроник в работе «Хаос и структура»: «3. Строго говоря, целое никогда и нигде не равняется сумме частей, и в арифметике число тоже не есть сумма всех своих единиц. Но мы помним: интенсивная совокупность есть нулевая в смысле своей инобытийности, в смысле участия инобытия (по-

сколькx тут играет роль только само понятие элементов, т. е. их количественная значимость). Примишлять нулевую инобытийность не значит продолжать рассматривать целое как простую сумму его частей. Как только мы, взявши простую сумму всех частей, примыслим тут, что это взятие есть нулевое в смысле инобытийности, так мы тем самым уже перестали иметь дело с голой суммой всех частей. Мы уже тем самым отличили ее как таковую от всего прочего, т. е. превратили в целость. Целость эта, разумеется, инобытийно-нулевая, а не инобытийно-содержательная, которая во «множестве» является уже источником для специфического упорядочивания множеств.» (А.Ф.Лосев «Хаос и структура» в главе «Самотождественное различие», § 45. Аксиома самотождественного различия в арифметике).

Скажем тоже самое, но более доходчиво. Только полнота наделена жизнью, а частное её этой жизнью не обладает. А так как продукты распада оказываются в области распознавания нашими органами чувств, то они также наделены нашим подобием и полнотой, а потому все качества живого присущи новой реалии – вновь продукты распада попадают в поле влияния Источника жизни и вновь начинается возрастание до некоторых пределов возможности видимой Вселенной заявлять о существовании Бога. К примеру, если мы разрушили окружность, то возникли дуги, которые продолжают нести в себе элемент постоянства, а значит оказываются в поле нашего обозрения, как носители такого

Божественного свойства. Утрачена замкнутость, как призма, через которую созерцается мир видим мы все то, что имеет замкнутость. Мы пребываем в поисках всего того в нем, что имеет подобие замкнутости – дуги становятся инобытием или распознаваемой посредством замкнутости пустотой. Если мы из частей составим полноту, то жизнью это не будет, а значит Истиной не является. Ибо произошло нарушение единства в ином образе полноты – нет непрерывности между началом и концом. Нет подобия началу. Зато сами дуги, как части, это подобие началу сохраняют и они уже оказываются в поле нашего обозрения. То есть если мы сорвали цветок, то срastить его вновь, воссоздать прежнее свидетельство о Боге, воссоздать прежнюю полноту мы уже не сможем. Хотя корень и сам цветок остаются в поле нашего созерцания, как несущие подобие нам, но только в ином проявлении образа мировосприятия. Иными словами, мир органической материи распадается до таких неделимых элементов жизни, которые, оказавшись в поле влияния Божественных энергий выстраиваются вновь подобные себе структуры жизни. При расчленении вступают в силу, как жизненная потенция более элементарные частицы.

Частное остается частью полноты Истины в ином проявлении – оно остается частью Солнца в новом специфическом образе свидетельства о Боге и потому опять пребывает в пределах Его влияния. То есть возрастание неизбежно вновь. Частное несет в себе ту же энергию. Истина – это живое на-

чало, следовательно Солнцем неизбежно будет стимулировано в возникающих новых соединениях новое возрастание до прежних пределов относительной законченности полноты свидетельства о Творце, только теперь уже может быть в новом уникально сложившемся специфическом выражении. Очевидным образом это проявится только в одном случае – когда условия среды, в которых оказались частицы распада, будут благоприятными для выражения этого свидетельства о Творце и при этом оставаться в сфере возможности нашего восприятия. То есть по грехопадению само по себе разрушение общего и живого происходит до тех пределов неделимости, коим внешние условия позволяют возрастать до прежних привычных форм выражения полноты Божественного, пребывающей в поле нашего обозрения. К примеру, если клетка попала в естественные условия жизни, то из неё может возникнуть организм (так появляется новое семя). Если условия не позволяют, то клетка разрушается до более элементарных составляющих, её сложных органических молекул, которые в реалиях земных становятся строительным материалом для других новых клеток. А так как имеет место Божественное влияние опосредовано Солнца, то начинается развитие полноты до определённой законченности полноты Божественного в специфическом выражении образа Его Природы, свойственного для нашей области мировосприятия. Если условия инородны даже органическому соединению молекул, то предел распада может произойти ещё до

более элементарных частиц, но опять же при Божественном активирующем присутствии, то есть Его влиянием (которое никогда не будет инородным даже для абсолютной пустоты) стимулируются новые соединения, выражающие только полноту образа Божественного активатора жизни опять же до специфической полноты выражения Божественного – ничего иного в этой реальности не будет. Так замысел Бога о Его творении, не утраченный по грехопадению, продолжает осуществляться в пределах нашей видимости в земных условиях. Таково «богословие «Божественных имен», которые проявляются в тварном», как «лестница «богоявлений» или богопроявлений в тварном мире». «Бог нисходит к нам в Своих энергиях, которые Его являют, мы восходим к Нему в «соединениях», в которых Он остается природно непознаваем». Именно эту реальность свидетельствующую о Творце на каждой ступени восхождения к Нему мы способны созерцать. При этом «на каждой ступени восхождения, приближаясь к более высоким образам или идеям, мы должны остерегаться того, чтобы не создать из них понятий – «идолов Бога». Тогда только мы можем созерцать Божественную красоту, видеть Бога постольку, поскольку Он становится видимым в творении». (В.Н.Лосский «Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Глава «Божественный мрак»)

1.0.2.-15. «Идолы Бога», по слову В.Н.Лосского, имеют множественные вариации и все они, в отличие от настоящей вечной Правды, наделены одним общим свойством – неко-

торой степенью временности и тлением. Когда мы общаемся с собеседником, то есть с личностью, то перед этим, может быть мы сначала рассматриваем на нем какие-то его достоинства и ищем разные его определения свойств, а потом вдруг это вдруг все это становится пустотой. Ибо сообщается сознание со своим же подобием – сознанием. В этом же прообразе происходит общение с Душой Бога, с Личностью Творца. По этой причине, чтобы мы не путали Божественное с чем-то иным, (07.01.00) *Он помогает нам избавиться от всего того, что мешает истинному единству с Ним, то есть попускает болеть всему тому, что временно. То, что оказалось воспалённым, то не уже приносит радость бытия, вновь и вновь выгоняя человека с прежних мнимых представлений об истинных ценностях к настоящим. Отсюда следует ещё одна формулировка об экстазе в Истине – это радость бытия, которая непреходящая в любых реалиях, болезнях, ситуациях и испытаниях жизни¹⁰⁷. Нам чувственная природа дана только для того, чтобы терпеть болезни, и боль, ибо при этом условии, когда болит только то, что не от Него, мы вновь возвращаемся к прежнему ориентиру. Божье приносит радость, а все остальное боль.* Таким образом, человеку естественно быть только там, в Раю, то есть после грехопадения замысел Бога на человеке не изменился – нам по прежнему естественно пребывать только во Царствии Небесном и по прежнему живем только в Нем. Изменился только образ жизни, который способствует этому прежнему

пробыванию Там. То есть Царствие Небесное так и осталось достоянием человека, ибо Бог не бросает Свои слова на ветер. Его слово остается раз и навсегда непреходящим во веки веков. Но только теперь, чтобы быть в Нём, чтобы пребывать в той же кондиции счастья Царствия Небесного в том же богообщении, как и ранее, нужна мобильная интенсивная динамика внутреннего мира, ибо заповедано трудиться в поте лица. Этой реке нужен внутренний процесс движения от источника к океану, ведь только в этом случае возникнет важное качество – зеркало водной глади, которое способно отражать небо над собой. Это единственно верный путь к радости жизни. Но люди научились воровать и, став пленниками ложных путей, приобщаются к этому экстазу через алкоголь, наркотики, прочие грехи. Эти страсти – просто иные имена идолов.

1.0.2.-16. Так как путей приобщения к Источнику всех радостей (то есть экстаза) множество, то, как приносящие экстаз, по слабости человека все они сбивают с толку, становятся, повторяюсь, некоторыми «идолами Бога», формами идеологий, односторонними и стесняющими представлениями о Творце. А так как непреходящим может быть только Божественный, Богом определённый порядок вещей, то непреходящей оказывается и радость, и полнота счастья от присутствия Божественного на человеке, а потому может безошибочно распознано только в страданиях от идольского неведения истины²⁶⁹. Именно по этому страдания нам ниспосла-

ны Самим Богом при отпадении человека от Него (в поте лица будешь добывать себе хлеб), чтобы мы могли безошибочно распознавать и познавать Его, как несущего счастье в естественном экстазе от единства с Ним же, как то значимое и великое, без чего жизнь невозможна. Это тоже такая вот свеча или светило в окружающей крошечной бесконечной тьме заблуждений и тьма даже в самых страшных своих проявлениях не может поглотить этот свет. Как с помощью черного цвета, мы видим белый, так с помощью страданий мы видим настоящий источник счастья и радости в иных образах выражения.

1.0.2.-17. Эти идолы нас преследуют постоянно и всегда будут сопутствовать нам. Чтобы познавать Божественное, необходимо отторгнуть их, то есть проходить мимо всего мыслимого и созерцаемого (в науке это называют апофатизмом). Тем самым, нужно торжество над самим собой. Бог помогает человеку найти Себя, даруя для этого боль, с помощью коей ломает в нас идола. И человек, понимая, что радость ушла и появилась боль, оставляет прежнее убеждение и вновь ищет то, что несёт ему радость. Поймите правильно, что если Бог есть, то самым важным и священным в нашей жизни может быть только познание Его единением с Ним, а потому всё в этой жизни будет служить только этому условию живого и даже самое страшное пребывает в служении человеку: боль, болезни и смерть.

Один великий подвижник всю жизнь страдал от болезни и

вот выздоровел. Старец стоит и плачет перед иконой, умоляя Творца вернуть прежнюю болезнь вновь, ибо не имея черного, он перестал видеть белое: «По что Ты меня оставил, Господи?» Бог победитель есть абсолютно всего. Поэтому, чтобы общаться с Ним нужно быть таким же торжествующим как Он, победителем, причем все победы начинаются только самого себя с помощью Его, с победы только над самим собой с помощью Его, пребывающем в напряжении сил и болезнях. Превозмогая боль и победив себя даже в малом, мы становимся подобными Ему хотя бы в малом и потому можем общаться с Ним, как со своим подобием хотя бы в этом малом. В ликующем от Благодати сердце, всякие боли уходят, страдания прекращаются. То есть сама по себе боль или болезнь – это помощь человеку избавиться от всего того, что мешает ему пребывать в священной связи с Творцом из-за некоторых «идолов Богу»²⁶⁹, ведь уйти от них можно только к Нему, начав движение в Его сторону и в молитвенном богообщении, и только в одном случае – при реальном единстве с Богом. Именно по этой причине после грехопадения Бог заповедал трудиться человеку в поте лица, ибо это такая кондичия жизни, при коей человек сам себя вводит в болезнь, в которой с помощью черного человек видит белое, а с помощью страдания распознает то, что наделяет его радостью в эти минуты и часы страдания²⁶⁹. Ибо страдания становятся тем средством, благодаря коему усиливается счастье.

Хотя, следует сказать, что правильнее об этом у Альберта

Эйнштейна, что боль – это отсутствие радости, что темнота – это отсутствие света, что зло – это отсутствие добра. Заметьте, что о физической нагрузке ничего не сказано. Также как и о погодных условиях, об условиях жизни. Для радости бытия в Нем это ничего не значит. Приходит женщина к израненному и думает, что когда он был здоров, он радовался пряникам моим и теперь он будет им рад. И вот она ему сует под нос этот пряник. Несчастный негодует такому, ибо ему в этот нужна радость иной природы. Вот эту природу-то указывает нам для счастья Сам Спаситель.

Это высказывание нам дает возможность сделать нужный вывод: во время испытаний веры, если нет возможности препятствовать разрушающему устои злу, нужно смирение, ибо не устои утверждают радость на сердце и настоящее счастье, а та самая внутренняя работа над собой, то самое священное единение человека с Богом, ибо оно эти устои потом, если надо, возродит. Это есть самое нужное, как фундамент будущего устройства государственности, а именно возможность Божественному проявиться на судьбах будущих поколений.

1.0.2.-18. На основании суждений об отличиях полноты от частичности или общего от частного, мы можем освятить ещё некоторые столь важные для понимания моменты. Так как в этом бытии кроме Бога и Его творений нет ничего, а Он есть жизнь и добро в чистом виде, то все остальное будет следствием или производным, или формой выражения только Его жизни – ничего иного в этой реальности быть не

может¹⁰⁸. Остается лишь рассмотреть то, как должны идти процессы эволюции в данной реальности живого, несущей в себе осквернение грехом.

«Личность, утверждающая себя как индивид и заключающая себя в пределах своей частной природы, не может в полноте себя осуществлять – она оскудевает». Живое, если оно действительно живое, то требует развития до всей и абсолютно всей полноты Творца, точнее развитие до этой полноты – это есть иное имя живому, звучащее на одностороннем (в любом случае всякая речь будет односторонняя) языке, естественном для природы той реалии в какой пребывает живое. Всякая реалья, с одной стороны, инородна Богу тем, что она обладает односторонней полнотой в данный момент, а с другой стороны, так как она развивается до всеобъемлющей полноты, то есть когда-то все равно сия полнота наступит, то даже такая реалья полнотой обладает, хотя и в будущем. Это ещё одно определение «два в одном» или «берег-река»⁷⁷⁷⁻⁰²⁻⁷.

Так как Божественная полнота абсолютно велика, то она во всей полноте Его так никогда и не сможет быть выраженной в тварном, и от этого движение к Нему будет вечным, и при этом только сопутствующим этому вечному движению исполнению полноты времен. То есть тварное несет в себе Божественное свойство, если есть перспектива непрерывного развития до единой законченной в себе полноты Господа, воплощающейся в неизбежный образ Его. И в то же вре-

мя, тварное, обладая Божественной полнотой односторонне, абсолютно далеко отстоит от Его Естества во всеобъемлющем выражении также в иных направлениях, а потому тварное должно пребывать в постоянном совершенствовании к подобию Образа Бога – полнота тварного, не изменяя своей животворящей цельности или полноте, благодаря чему постоянно возрастает до всеобъемлющей многогранности. Итак, перед нами двоичность бытия, при которой всё тварное несет Божественную сильно ограниченную однобокую полноту в самом примитивном выражении (окружность-берег), и становление до всеобъемлющей полноты Божественного (также как камень возле костра со временем нагревается обретая образ и подобие пламени костра). Именно в этом же направлении в образе постоянства берега и к образу его постоянства движется эволюционный процесс от примитивных червей до высокоорганизованных организмов, ибо после грехопадения ничего не изменилось в замысле о тварении, но изменился образ и путь совершенствования природы, в которой появился грех, из-за чего возможность вместить в себя полноту Бога всегда имеет некоторый предел, за гранью которого движение к совершенству в данном греховном естестве природы теперь уже становится невозможным. Из-за утраты полноты наступает разрушение всего того, что утратило полноту из-за стеснения в дальнейшем возрастании, ибо этим грехом оказалось поражено¹⁰⁹. Мы в постоянном движении совершенствования, в возрастании при

сохранении в себе законченной полноты. То есть мы должны жить, чтобы возрастая до большего подобия Богу без нарушения в себе того, что заложено изначально. Законченная полнота – это свойство, возникшее не на ровном месте, а свойство, вытекающее из самого одиночества единого Бога, а ещё точнее, законченная в себе замкнутая полнота – это ещё одно из многих имен единства Бога, специфически выраженного в одном из множества своих проявлений – Законе Сохранения Энергии, пришедшей от Солнца, как отдаленного прообраза Его^{777-01-11(a)}. Подобное рождает только свое подобие, не только как несущее в себе первоначальный образ – единое целое (центра галактики), свойственное звезде – но и по сути. Так как всякая полнота имеет непрерывность единства центра (непрерывность точки), то энергия есть активатор движения, которое имеет также прообраз центра, единство непрерывности единого (и начало, и конец), образуя некоторый фотографический образ того же самого первоначала естества энергии, как выражение полноты только в самой зачаточной, наипростейшей форме – квантовость, корпускулярность всех частиц во Вселенной. Можно ли её отнести к виду нетварной энергии? Трудно тут сказать – может это нам станет известно со временем, но для нас важно, что потом это примитивное движение, базисно оставаясь тем же единым и абсолютно простым, формально усложнится в процессе эволюционного стремления природы более полно выразить все грани Божественного.

1.0.2.-19. Если мы попытаемся вывести палку в положение вертикального равновесия, то обнаружим, что она постоянно падает вновь. Почему она падает? Потому что мертва есть. На здоровье живого организма постоянно что-то покушается, постоянно выводит его из положения равновесия, но живое борется, постоянно восстанавливает это равновесие. Процесс становления до некоторого максимума возможности пребывать в равновесии – это есть жизнь. Если дать определение смерти, то перед нами встает следующее – это то, что было и исчезло. Была одна форма и ушла безвозвратно. Смерть – перемена формы или смерть формы и появление новой формы-прообраза границы в чистом виде (точки). Вообще если сказать, то сам человек – торжество живого над смертью. Человек – это есть постоянно умирающая форма и стабильность ее же самой, то есть два в одном. Благодаря этому происходит сохранение формы. То есть торжество жизни над смертью заключено даже в том, что в нас идут процессы, постоянные перемены, мы движемся и управляем своим телом, а тело хранит форму благодаря этому.

Процесс деградации равновесия – это смерть, опосредовано коей мы имеем способность распознать альтернативу смерти, а именно свое же подобие – живое (также как, чтобы видеть белое, нам надо иметь представление о черном). (07.01.00) *Смерти нет вообще как реальности, но есть смерть формы подобия Ему, а именно ее изменение во*

имя торжества живого. Когда-то в самые далекие времена сие привычное ныне для нас, явленное передвижением, оказалось вопиющим ключевым моментом истории, когда жизнь смертью в данном виде побеждает смерть во имя жизни. Появилось движение живого тела. Вообще если сказать в процессе эволюционного становления этих побед было множество и все они были ключевыми и каждая из оных нашла отражение на нашей природе. Просто каждый элемент, который напоминает нам об этом, о каждом шаге к большому совершенству в Боге, стал обыденностью и не воспринимается так, как к этому относилась жизнь. Если мы привязываем свое мировосприятие к постоянству формы, а не к сущности, то перед нами трагедия ломки. Эта путаница есть зло. Мы всегда зрим не смерть, а жизнь через смерть в процессе постоянного перестроения, ибо только через процесс перемены мы способны видеть то, что постоянно или то, что было постоянным. Так как становление или восстановление происходит до определённого предела возможности природы выражать всеобъемлющность полноты Божественного, то после этого предела возможности поражённой грехом природы исчерпаны. Почему? Потому что форма всегда выражает движение. Точнее это есть образ движения³⁴. К примеру, в храме из года в год обваливается штукатурка, кирпич и прочее. Чтобы поддерживать прежнюю форму, нужно движение или приток строительных материалов: кирпича, извести, цемента, песка и т.д. Если это движение прекращается,

если возрастания нет, то форма (модус) тут же терпит распад. То есть, как только наступает максимум выражения Божественных свойств в пределах реальности, так сразу более некуда двигаться – наступает предел. Этот предел выражения наступает ещё и от того, что энергозатраты на восстановление не сопоставимо малы перед запросами восстановления, а потому эволюция разворачивается в иную сторону – в сторону минимизации при более качественном, глубоким и усложненном совершенстве в Боге, в подобии Ему. Палка, в процессе становления или отпадения от вершины равновесия – это не есть идентичное тому, чем она является в положении максимума в верхней точке, когда все эти отклонения от равновесия настолько пока ещё малы, что никакого движения отпадения от точки равновесия мы не распознаем. Начало падения – это только ещё начало, но не само падение¹¹⁰. А так как нет движения, как важной кондиции нашей природы, то нет и образующейся им формы³⁴. Сие означает, что это состояние для нас выпадает из восприятия и нам сие представляется пустотой. Но именно это, становится эталоном, посредством которого мы замечаем только то, что сообразно ему. В эталоне – начало всякого развития и в то же время еще очень велико подобие Началу всех начал. Насколько далеко зашла эволюция становления мозга, что в нем происходит сравнительный анализ с тем, что еще не есть развитие, хотя уже не есть стабильность. Посредством точки мы видим все то, что ей сообразно во всех гранях двоич-

ности природы. То есть, ещё раз подчеркну, что образ материи, как модус формируется внутренним движением. Жизнь – это вершина бытия и одновременно положение устойчивости в равновесии, которое исключает какое-либо движение. То есть вершина бытия – само естество жизни – ускользает из возможности восприятия нашими органами чувств, ибо мы распознаем только через то, что имеет альтернативу постоянству¹¹¹.

То есть восприятие замечает только перемены относительно постоянства берега (который есть вершина, а равно верхний предел максимума устойчивости, а равно точка двоячности распада-стабильности), что есть одно из свойств состояния равновесия нашей палки. Представьте себе, к примеру, живого барана. Его организм – это устойчивая поддерживаемая в состоянии равновесия система, а потому он не существует для нашего познания вкусовыми ощущениями и пищеварительной системой – организм барана живой. А так как он живой, то не распадается, а потому мы его не «видим» вкусовыми органами чувств. Природа познания, поражённая грехом, «видит» только то, что умерло, терпит разрушение. Но так как он, баран, жив (держит равновесие) и существует для разума и для души, то мы можем как-то с ним общаться и жалеть. Опять же следует подчеркнуть, что это ошибочное восприятие возникло из-за грехопадения, через призму коего наши чувства распознают только то, что деградирует, отмирает (см. 3 том «Некоторые технические сторо-

ны вопроса.»). Вне реалии греха возрастание тварного в Боге не имеет какого-то ограничивающего грехом предела, а потому бесконечно, а потому в пределах Начала начал, как в наибольшем подобии Первозданному бытию, мы наблюдаем это возрастание. Но имеет ограничение грехом в условиях земных. То есть наступает такой момент, когда одежды для души становятся малы. Во Царствии Небесном условия среды располагают к вечности и бесконечности возрастания, ибо возможности Царствия Небесного таковы, что для максимума выражения Божественных свойств нет пределов для реальности Рая. Это несколько подтверждается археологическими находками. Огромные организмы животных, насекомых, а также гигантские растения – все это могло возникнуть благодаря благоприятным, более всего подобным Раю, условиям жизни и внутренним особенностям самих элементов живого. А само Священное Писание свидетельствует о том, что первые люди жили более 900 лет. Двигаясь от общего к частному с помощью великих богословов прошлого, нам удалось ответить на некоторые вопросы, выразить частные моменты. Это сделано для тех людей, которые заблудились во множественных частностях научных, житейских и так далее, а общий вид, открывающийся с позиции Божественного, как это было и есть в Раю, к сожалению утратили. Тут делается попытка выхода из лабиринта. Примерно также решим проблемы математики, квантовой физики, биологии, не задаваясь особенным стремлением освещать вопросы, постав-

ленные этими науками – нам нужно держать общий курс, а все остальное ситуационно по возможности и по востребованности.

1.0.2.-20. После распада, возникшее оказавшееся в поле зрения нашей воспаленной грехом природой частное всё равно остается частью Божественного Общего, то есть остается живым, хотя и воспалённым первородным грехом Адама. Но что тогда умирает и распадается? Распадается только то, что мы можем видеть воспаленной грехом природой – форму. Почему оное стало частью, частным, течением и так далее? Потому, что изменило ориентированность на противоестественную. Разрушается только противоестественная ориентированность, попавшая в область подобия нашей природе познания⁴¹⁷, но ведь сущность остается той же, несущей в себе ту же Божественную реальность сотварения во Царствии Небесном и оное исповедует себя только тем, что естественно ему, как Божий замысел на творении – оно возрастает до образа и подобия Божьего. Хотя являясь только оттенком Царствия Небесного даже в такой сложившейся односторонности природы воспаленной грехом, но стимулированное Божественным влиянием, вновь возрастает до естественной законченности полноты, в пределах ограничения возможностей природных свойств. И так всегда: возрастает до пределов возможности природной ограниченности свидетельствовать о Боге, после чего наступает предел возможности развития, после которого дальнейшее возрастает

тание ограниченной грехом природы становится невозможным. А так как свойственное живому возрастание останавливается, то наступает смерть или разрушение, уходит сдерживающее в единстве начало и начинается распад на элементарные составляющие. А так как они все остаются в области влияния Божественного, то вновь начинается стимулированное Богом возрастание. К примеру, все что становится почвой, стимулированное Солнцем⁴⁶⁸, вновь становится растением(смотри 777-02-7). Если возникшая полнота остается в поле зрения возможности человека видеть, то перед нашим взором из относительного ничего (энергетической пустоты) появляется реальность, которая наполнена энергией Солнца⁴¹⁶.

Если полнота не вмещается в привычные возможности восприятия органами чувственной природы, то по мере нашего сближения ко Творцу в процессе естественного возрастания до Его Образа, обретает иные удобоприемлемые¹¹², хотя и может не ведомые нам перспективы полноты. Законченная полнота Божественного, специфически и уникально выраженная в данной своеобразно сложенной природе, в любом случае наделена полнотой свидетельства о Боге (в противном случае мы не могли бы её распознавать). А так как Божественное для греха не существует, то, как только возникает законченность в полноте свидетельства о Боге опосредовано поражённой грехом природы, так сразу же совокуп-

ность всех критериев развития, как форма, свидетельствующая о Божественном, должна тут же исчезнуть для нашей Вселенной поражённой грехом. Как это происходит – уже иной вопрос. Важен сам факт того, что замкнутая окружность – это образ пустоты и она-то и становится пустотой. Как только наступает полнота, так сразу же начинаются процессы разложения. Вновь разрушаясь на множественные частные элементарные составляющие, в коих возрастание до полноты исповеди о Боге опять будет иметь место. Полноту Божественного воспаленной природой удерживать невозможно, но без этого нет жизни. Два вмещаются в одно и принимают образ всеобщего движения к полноте и разрушения, после того, как полнота эта наступает. В этом прообразе цикла живет абсолютно все вокруг.

(07.01.00)Если мы присмотримся к себе, то в природе человека этот момент выражен. Сам экстаз, по природе, является как раз именно этим, именно законченной полнотой, после чего начинаются процессы, которые связаны с усталостью и бессилием. Экстаз – это такой раскаленный камень, чтобы не обжечься и удержать в руках который надо постоянно перехватываться.

Мы об этом сказали чуть выше, что движение становления формирует воспринимаемый образ Его, а потому как только приток заканчивается – тут же форма распадается. Просто данное количество энергии может удерживать только определенный эквивалент структуры. На что-то большее он не

способен согласно Закону Сохранения. (Если мы разожжем костер зимой и точно такой же летом, то увидим, что летом языки пламени намного выше, чем в мороз. Один и тот же квант энергии являет себя по-разному в разных условиях.) Парадокс: частное, ограниченное первородным грехом, но стимулируемое Божественным влиянием, возрастает до законченной полноты первообраза и потом тут же разрушается – просто полнота (фотографическое выражение Божественного), как только проявляется в пораженной грехом природе, так сразу становится максимально инородной греховному естеству, а потому разрушается и вновь начинает новое становление форм. Причем, разрушается для того, чтобы в следующем цикле свидетельствовать о Божественном несколько иначе, более полно и сложно выражая Его Природу в случайной полезной мутации, которая позволяет быть подобным Ему еще в каком-то ином качестве. Тем самым, выстраивая древо эволюции всех форм живого в абсолютно во всех сферах бытия. То есть если имеет место быть присутствие Творца, то даже при этом простом Его присутствии смерть сослужит Богу, выступает устройтелем лучшего, обыкновенной переменной внешнего вида к более совершенному подобию, более адаптированному к выживанию в данных природных условиях, а потому более вечному. Так Вселенная, пораженная грехом, то пребывая под влиянием Его свидетельствует о Нем и об образе приобщения человека к Нему, указывает человеку единственно верный путь к Богу (именно его

прочитали мыслители Древней Греции, но также и то, что пройти по нему суждено только Богу). Таким вот образом соотносятся в единстве и борьбе противоположностей две составляющие наше естество природы – воспаленная перво-родным грехом природа и Божественное влияние.

1.0.2.-21. Так как согласно Священному Писанию, первый Адам не до конца отпал от Творца, ибо после поражения грехом продолжил общение с Ним и даже осознал произошедшее¹¹³ – это важно заметить. То есть мы имеем дело с некоторой степенью отпадения, бытие в коем предполагает энергозатраты. Следовательно, во Вселенной разрушается только то, что может быть разрушенным, то есть пребывает вне этого общения человека с Ним¹¹⁴. Ничего в этом мире нет, кроме межличностных отношений человека с Богом. В каждой микроне бытия не может быть утрачено то, что имеет даже хоть какое-то самое малую причастность к этой Беседе личностей. Так было при сотворении мира и осталось во веки. А потому той остаточной частицы прежнего естественного причастия Богу, не утраченного при распаде, достаточно для того, чтобы влиянием полноты Божественной во Вселенную через нее вошло всё Божественное. Оно оказывает через неё, через частицу, какое-то распознаваемое организующее влияние, которое созидает гармонию по прежнему Божественному образу, в полном соответствии со степенью той же роли причастия частицы к этой всей полноте Истины. Так как Божественное не утрачено, тогда будет иметь бытие вся-

кое бесконечно малое частное. То есть, если явление имеет хоть малую толику причастности к полноте Его, или имеет что-то общее с полнотой (хотя и остается частичным) или частицей полноты, то может взаимодействовать опосредовано только этой составляющей, то есть посредством самой сущности, которая является и остается общей по прежнему для всего вокруг, посредством которой может произойти взаимодействие¹¹⁶. В пределах этой общности для всего одно становится составляющей или гармоничным дополнением другого. Иными словами, опосредовано её, то есть частицы, попадает под влияние полноты и становится тем самым сдерживающим полноту и организующим порядок живого в земных условиях – строит форму, попадающую в область созерцания органами чувств, как свое себе подобие. (Этот момент благотворно скажется потом на способности жизни иметь гибкость в эволюционном строительстве новых форм живых организмов). Вот эта общая для всего грань взаимодействия (в пределах общего полного выражения Божественного и многовариантного множественного частного) вычерчивает нам в процессе единства борьбы противоположностей некоторые образы или бесконечные образы одного и того же. Наделяют нас способностью познавать Божественное опосредовано Его носителей¹¹⁷. А если сказать, что полнота, как иное имя общего, сама по себе для нас, наделённых природой греха, является чувственной пустотой¹¹⁸, то мы можем

иметь представление о том, в какой примерно реальности и где пребывает Бог. Читатель, наверное, устал от постоянных перечислений оттенков определения отношению Бог-творение. Но дело в том, что все эти оттенки – суть богообщение и богопознание в специфическом понятийном языке обсуждаемой нами реальности. Вне этого уникально сформированного отношения к Богу никакой реалии не существует.

1.0.2.-22. Двоичность природы¹¹⁵, выраженная аллегорично нами как берег-река⁴³ – вездесущее состояние зримой Вселенной. Всё то, что мы познаем чувственно обязательно подобно нам в этом срезе, в коем видны две составляющие, в противном случае мы ничего бы не могли распознавать, как реальность. Мы можем видеть только то сущее, что стало процессом взаимодействия обоих стихий. Мы чувствуем одно, но видим иное – чувствуя движение, видим сферу бытия, которая в природе вещей неизменная (иными словами постоянство) только является нам опосредовано какого-то прообраза поражённого грехом взаимодействия, то есть мы посредством поведения стихии видим то, что именно является тем самым берегом, относительно которого мы замечаем вокруг перемены, как подобие поражению грехом. Ведь только зная о зле, созерцая через зло, нам становится ясным что есть добро и где это добро. То есть мы видим Промысел Его, Десницу Творца, опосредовано поведения всеобщего движения в пределах Замысла Его, явленного нам как твердое, жидкое и газообразное вещество. Таким образом,

изначально материя нам указывает то направление, в котором пребывает Бог и куда следует двигаться в поисках Оного. Только не так, как это делают ученые, ибо то, с чем они туда лезут, наделено поражением первородного греха и потому могут вызвать только то, что естественно для него – подобие первородного греха, то есть расщепление, как новая степень зла. В этом есть содомский грех, ибо искать в Боге злое нельзя.

1 И пришли те два Ангела в Содом вечером, когда Лот сидел у ворот Содома. Лот увидел, и встал, чтобы встретить их, и поклонился лицом до земли

2 и сказал: государи мои! зайдите в дом раба вашего и ночуйте, и умойте ноги ваши, и встаньте поутру и пойдете в путь свой. Но они сказали: нет, мы ночуем на улице.

3 Он же сильно упрашивал их; и они пошли к нему и пришли в дом его. Он сделал им угощение и испек пресные хлебы, и они ели.

4 Еще не легли они спать, как городские жители, Содомляне, от молодого до старого, весь народ со [всех] концов [города], окружили дом

5 и вызвали Лота и говорили ему: где люди, пришедшие к тебе на ночь? выведи их к нам; мы познаем их.

6 Лот вышел к ним ко входу, и запер за собою дверь,
(Быт.19:1-6)

Эти люди хотели узнать о том, что у ангелов Божьих злого и нашли огненную серу с небес – то что хотели. Только жить

с этим оказалось невозможно. Поиск зла, как подозрительность – вот суть содомского греха. Нам же естественно искать добро через злое, спрятанное злом. Человек несет в себе Божественное, вопрос в том, как помочь ему это раскрыть для мира. В этом есть та самая война, побеждать в коей нам всем жизненно важно.

Поэтому, исходя из всего прежде сказанного, материя есть самая первичная феофания, которая полнотой специфического одностороннего свидетельства о Творце рассказывает о Нём в пределах возможностей, свойственных природе материи вот таким вот уникальным очевидным образом. Материя, из которой мы состоим – это самые первые ворота на пути к Нему (самая первая ступень), также значимая часть полноты творения, нуждающаяся в преображении человеком. Сам факт бытия человека делает бытие материи осмысленным. Через человека Вселенная вышла из Царствия Небесное и через него Вселенная должна вернуться, обрести прежнюю свою Родину – Царствие Небесное. Материя идет к Богу через человека, ибо только он есть вершина эволюционного становления, в коей Бог чувствует Себя все более и более удобоприемлемо.

1.0.2.-22-а. И при этом следует быть осторожным, ибо на каждой ступени явлено нам свое специфическое свидетельство о Нём, несущее торжество, а потому рискующее стать идолом Бога.

Чтобы вести исследования, изначально уже следует ска-

зять важное о том, что наша Истина должна обладать неотъемлемым свойством животворения, в противном случае, она Правдой быть не может. Точнее надо сказать, что правда – это ещё одно имя Божье. Также, Истина, как реальность имеет ещё одно имя – радость, которая всегда есть вид общего плана тварного мира, в котором сливаются во единое целое все частности и конкретности¹¹⁹. Так как изначально мы несем в себе поражение первородным грехом, скрадывающего и отягощающего наши возможности быть с Богом и зреть общий радующий душу своей вечностью бытия план окружающего мира, то мы вынуждены всегда подниматься от конкретного, частного и множественного к общему и животворящему, жизнерадостному единому целому. Это важно, ибо имеет с одной стороны радостное, а с другой, несет в себе воспитывающее, объединяющее начало на человека, чтобы «мысль не могла блуждать, когда сначала созерцала Лица, чтобы затем перейти к созерцанию их общей природы». Итак, один из критериев свидетельства об Истине – радость от созерцания её.

Единство Бога отмечено на всех творениях Его. Прежде чем продолжать эту мысль, надо повторить важное, раскрыв сие в ином ракурсе, что несмотря на то, что мир перевернулся из-за грехопадения человека, само его естество осталось тем, каким оно было во Царствии Небесном. Это также как цветок мать-и-мачеха, у которого лепестки со стороны Солнца нежны и бархатные, а с другой шершавые. Но от это-

го сам цветок не перестает быть тем же цветком. Или, если кружка валяется на полу, то это не означает, что сама эта чайная посуда есть зло. Как зло она даже не появилась бы в этом бытии. Злом стал изменившийся в противоестественную сторону порядок. Поэтому само единство Творца после поражения грехом не утрачено, по прежнему выражено на Его творении, и так и осталось важным условием жизни и бытия каждой микроны Вселенной. Пораженный грехом мир не перестал быть единым, только теперь об этом единстве исповедует сам процесс распада в самых разнообразных вариациях, обусловленных свойствами среды, разнопланово в различных степенях свободы. Если единства нет – жизнь невозможна и мир разрушается. К примеру, Солнце, как проводник Божественного, в образе Того, Кого оно проводит, неделимо и то, что имеет его образ и подобие в земных условиях должно обладать этим же свойством неделимости, а значит свойством единого для того, чтобы быть таким же как Солнце – делиться собой в меру возможного без покушения на цельность единого своего бытия, жертвовать также как Солнце. Тем самым обладать в пределах возможности природы, пораженной грехом, некоторым ещё одним подобием Солнцу и в ином свойстве – в степени совечности бытию Солнца. Солнце становится перво-принципом становления всякой структуры живого на Земле. То есть быть единым как Солнце, чтобы жить в условиях земных, причем также вечно как Солнце. Только если единство Солн-

да остается всегда вне пределов досягаемости для разрушения грехом, то единое в земных условиях, выраженное посредством пораженной грехом природы, пребывает в некоторой степени досягаемости для противоестественных, для разрушительных сил бездны. Даже малое нарушение цельности образа единства Солнца в земных условиях, даже малое прерывание его на одну микрону приводит к отсутствию подобия Солнцу, как одного из проявлений Бога, что равносильно разрушению (смотри 777-02-7). Нет единства, тогда жизни тоже нет – она может остановиться, если не вмешивается Творец. Таким образом, непрерывный причинно-следственный механизм, как специфически выраженный образ единства в данном уникальном инобытии, есть специфическое отражение Единого Целого в пределах модуса двух степеней свободы, явленных как линейное течение времени, в котором есть начало и конец. Почему двух степеней свободы? Потому что, не смотря на то, что пространство трехмерное и даже многомерное, мысль человека и вообще наше естество наделено свойством двумерного пространства¹²⁰, ибо в общем плане в наших силах двигаться либо вперед, либо назад. Именно в этих же пределах движения (либо туда, либо обратно), мы в силах воспринимать чувственно мир. Просто наш мозг так устроен, что несет в себе две реальности. Одна из них вмещает все Царствие Небесное, а другая имеет образ змия-искусителя. И мы пребываем либо в одном, либо в другом. Точнее мы то в одном пребываем, то в другом. Так мы

чередуюем удобоприемлемо обе реалии своего миропостижения. Внимание может быть приковано к чему-то одному, в ходе мышления образуя линейный причинно-следственный механизм¹²¹. Да мы можем вновь выйти из себя, прикоснувшись с Царствием Небесным (мгновенно взобраться на вершину и потом, мгновенно распознав верный путь вернуться в прежнюю реальность и продолжить движение в верном направлении, что и происходит каждую секунду на протяжении всей жизни), чтобы переключаться, меняя направление, но опять же острие разума может быть направлено в одном лишь направлении и прикасается только последовательно к чему-то одному, а потом только к другому. Мы постоянно входим в инобытие и вновь выходим из него, чтобы

В этой специфике линейного мы можем распознавать единое, в виде отрезка, который цельный и без нарушения и разрывов в себе. Именно в этих аспектах формируется полнота единого в пределах возможности природы хоть как-то выражать Его присутствие, как образ уникально и специфично сложившегося следа Его Ступней. Отрезок имеет постоянство, ибо он непрерывен и не имеет искривлений, его направление постоянно. В то же время, отрезок имеет прообраз границы в чистом виде, то есть точки. Он подобен временности. Присутствие Творца теперь отразилось в реалии точки большим подобием пространству. Почему? Потому, что точка – абсолют временности в чистом виде, а пространство – это абсолют вечности в чистом виде. Когда одно вхо-

дит в отношении с другим в данной степени, то получается образ пространства в точке в данной степени подобия.

1.0.2.-23. Вновь повернемся к математическому анализу. То есть если мы возьмем координатное пространство с центром в точке ноль, то очевидно, что все это пространство делится на две составляющие: сам ноль и окружающее его пространство. Тогда всякая функциональная зависимость – это есть уникальное повествование о гранях ноля в его множественных функционально оформленных проявлениях. Ноль виден нам во взаимодействии, через поведение окружающего ноля пространства, причем только в пределах естественной возможности этого пространства свидетельствовать о ноле. Таким образом, ноль в системе координат – это не просто число. Это то самое, о чем показано в видении одному старцу: группа бесов в процессе огромной суеты и усилия делали никчемное действие – волокли листик дерева. Бог вообще бездействует во грехе, то есть величина Его усилия во грехе равна нолю, но посмотрите насколько бесконечно сотворённое. «Упорядочение ... управляется «светозарной силой», которой Бог пронизывает материю и которая есть те Его слова («логосы-воления» св. Максима Исповедника), те Его повеления тварным вещам, о которых повествует книга Бытия. Ибо Слово Божье, как говорит Филарет Московский, не похожи на слова человеческие, кончающиеся и исчезающие в воздухе, как только сходят с уст... . Его слова исходят, но не проходят. Он сотворил не на некоторое время, а навсе-

гда.» Само же начало координат в пределах поражения грехом свидетельствует о величине греха, предполагает степень распада, но сам ноль – это есть вообще не сообразная этому пространству инобытия реальность, в коем все иначе абсолютно¹²². Но так как речь идёт о бытии Вселенной поражённой грехом, то приходится работать с тем инструментом, который оказался в поле зрения наших рук и соизмеримо возможности нашего естества, чтобы хоть как-то более адекватно свидетельствовать о процессах. Поэтому всё изменяется вокруг ноля только лишь потому, что сам ноль – постоянная в абсолютно во всех отношениях и мы замечаем пространство и все его перемены благодаря только присутствию ноля (хотя в настоящей реалии дело обстоит несколько иначе – это просто вид, который нам открывается с нашего поражённого грехом бытия), то есть на самом деле мы призваны видеть только ноль опосредовано перемен и во всех переменных находить характерную его природе печать. Ибо именно благодаря этому его свойству, человечество получило возможность в своей естественной полноте природы зреть все более и более всеобъемлющее восприятие.

Чтобы понять о чем речь, следует провести эксперимент. Возьмем цельную систему – мыльный пузырь. Вычленим в ней интересующую нас область, в которой анализ естественно функционален. Как замкнутая система, он не терпит распада, а потому оный в сфере распад-цельность остается аналитически распознаваемым полем, то есть не поддающимся-

ся описанию посредством системы координат, с помощью которой мы анализируем только процесс распада. Но стоит только прикоснуться к его поверхности, так сразу включаются всякие функциональные зависимости. Мы можем видеть график распада на частицы в зависимости от времени. Дело в том, что прикосновение могло быть в любой точке мыльной сферы. То есть в любой точке её поверхности могло возникнуть начало развития и ее соответствие – координатной плоскости. Иными словами, вся плоскость (сферы с бесконечным радиусом) до распада была нолем. После начала распада мы видим отклонение от первоначального образа сферы и чем дальше, тем это отклонение все сильнее и сильнее. Сам процесс распада в системе координат односторонним образом исповедует нам только о том, чем был мыльный пузырь. Если бы пузырь был кубом, то после его распада, в самом его процессе развития мы получили бы свидетельство о кубе. И так далее, таких примеров множество.

1.0.2.-23-а. А теперь, если сказать, что в ноле есть и начало, и конец, все образы движения с любой скоростью, что он вершина всех множественных вершин в числовых рядах (А.Ф.Лосев замечательно этот момент разработал), и что он – неделимое (точнее как не дели он остается тем же по сути неделимым), то его разноликие множественные выражения или, иными словами, производные его абсолютного постоянства, также будут наделены этими же свойствами (разными именами постоянства), только теперь уже не в не в том

абсолюте, каким является ноль, но теперь уже несущим в себе (кроме некоторого свойства постоянства, доставшегося от ноля) свойство нашего наделённого грехом пространства. К примеру, это свойство постоянства ноля выражено в образе непрерывности точки (начала координат) между началом и концом в ней самой, ибо как только обозначилось хоть какое-то не подобие ей в этом качестве, так сразу приходит не подобие во всех иных реалиях – в том же числе в свойстве быть или жить в земном естественном для нас проявлении жизни.

1.0.2.-24. И тут мне бы хотелось прояснить мысль более полно, исходя из работ великого Алексея Лосева. Само по себе Царствие Небесное едино и абсолютно велико в Себе Самом. После того как мы отпали от Бога и получили ничтожество из-за поражения грехом, воспринять или познать единое целое Божьих Обителей так, как это было естественно человеку до отпадения из рая, без покаяния или без уничижения себя в осознании своего ничтожества, оказалось невозможно. Но для бытия живого Царствие Небесное по прежнему востребовано в той же остроте значения для жизни. Не смотря на то, что грехопадение произошло, замысел Бога о человеке не изменился, он по прежнему должен жить и в полноте воспринимать Царствие Небесное, ибо Царствие Небесное так и осталось внутри нас. Хотя каждому из нас естественно быть по прежнему частью Его и Его обитателем. Только теперь с помощью новых посылов свойственных

иной реальности надо этому же существу бытия дать имя, сказать о том же самом посредством иного набора инструментов, теперь уже свойственных пораженной грехом природе – теперь уже Его надо сначала разделить не делимое, то есть сначала необходимо адаптировать под возможности нашей пораженной грехом природы, под пораженное грехом естество разума человека. Именно по этой причине появляется число. Мы не живем полнотой Царствия Небесного, но приобщаемся к Нему порционно кусочками и непрерывно, в неразрывной цепи. И как только полнота оказывается нашим достоянием, так сразу же данная реальность уходит в небытие, а то, что разрушается вновь начинает возрастать до полноты, чтобы все повторилось вновь Нам чужда одно и то же, то есть постоянно необходимо что-то новое, причем более совершенное и только в Боге, а потому приобщаемся к Его абсолютной полноте постепенно, понемногу, «малыми долями-частицами», порционно-квантово, восходя к Его полноте до самой старости¹²⁵. Именно поэтому и только для человека, для его ограниченной способности межличностного общения, все в этом мире пораженным первородным грехом Адама стало иметь порционный образ. Мы потому живем, что приобщаемся к Истине, но не сразу все одновременно¹²⁶, а удобоприемлемо порционно. Счастье человеческое от общения с Истиной лучше всего беречь и растягивать до бесконечности, а не брать все сразу, ибо пораженная первородным грехом природа обрела абсолютную слабость. Если вы

помните содержание того, что выше по тексту, то понимаем, что это еще одна грань образа святой Евхаристии. На святом Престоле разделяется Тело Христово. Мы так устроены, что перед тем, как познать и сделать возможным для усвоения нашим организмом, необходима предварительная обработка. Мы сначала делим мир на удобовоспринимаемые доли-кванты. Это не только первый этап переваривания пищи, когда во рту происходит измельчение продукта до удобоприемлемых маленьких порций, но и вообще любое устройство жизни в земных условиях и за пределами оных. Дело в том, что комфорт в данной яви – это отражение Царствия Небесного, в котором все сослужит человеку или точнее сослужит Богу через человека, как через связующее звено между данным миром и Царствием Небесным. Поэтому-то создавать вокруг себя благоприятные богообщению условия – это заложено в самой природе людей¹²⁷.

1.0.2.-25. Числовые операции – это тоже первоначальное действие, которое дает возможность делить всё мироздание на порции, и тем самым строить комфорт бытия – это один из критериев преобразования Вселенной. То есть математика – это такие зубы, которые предварительно размельчают мир, адаптируют его под возможность человека им владеть или возможность Вселенной сослужить Богу, опосредовано того, кто призван привести её к Нему, кто должен в себе и ее, и Его носить – человека. А в нашем случае, математика – это копия для вершения Святого Таинства Евхаристии. То есть

число, как это замечательно показал Алексей Фёдорович, это есть категория психологическая, то есть духовная¹²⁸. Царствие Небесное с этой Вселенной имеет точку соприкосновения, через которую исходят все влияния. Только Бог обладает сутью жизненной и только она имеет значение для нас. Точка соприкосновения становится проводником Божественного влияния в нашу Вселенную. Следовательно, все то в нашей греховной природе, что подобно сообразно этой точке соприкосновения, также имеет подобие в свойстве жизни, хотя и многоформенно. Неживое, если даже оно существует, но как неподобное нам, выпадает из поля нашего функционального постижения – с функционально мертвым мы не работаем, а только со своим подобием – с живым. Итак все вокруг нас живое.

(07.01.00) Как был представлен этот мир до греха? Если сказать, что греховное временно, то есть в самых абсолютно узких мгновениях времени (граница в чистом виде) и абсолютно не постоянно ни в чем, то влияние Его тогда будет несколько сдерживающим текучесть, несколько растягивающим эту временность до бесконечности продолжительности до Божественной вечности. Каким стал мир после грехопадения? Все поменялось с точностью до наоборот. Теперь о Мире Божьем мы судим иначе, в меру своей испорченности и греховной ничтожности. Для нас теперь Царствие Небесное – это такая ничтожная точка Начала всех начал абсолютного постоянства в окружении всеобщей от-

носительности. И нам, великим в гордыне (всякое отличие или величина отклонения в данном бытии духом распознается как гордыня), надо умалить себя и уничтожить свою гордыню настолько, чтобы пролезть в эту ничтожно малую узость бытия. Надо принять образ змия, чтобы войти в этот тоннель и в нем уже начать движение к свету вечной жизни в конце его. Именно по этой причине сие выразилось именно в таком образе зачатия новой жизни для продолжения рода, как вечности уже земной. И то, и другое нашло свое выражение на природе человека (и стало белой линией в древнейших религиозных системах, что нашло отражение на структуре организма самого человека). При этом надо сказать важное о том, что образ змия возник не на пустом месте. Это, как сказано уже ранее, есть образ спасения, который в образе Творца наиболее оптимален для бытия в данной реальности всеобщей относительности. Это очень важный вопрос для понимания национальной политики. (07.01.00)

Мир, окружающий нас, полон всего и всяких крайностей, но только одна из них важна для спасения – святость в Боге. Именно этой гранью змий идет вперед и может пройти во Царствие Небесное. Это движение головой вперед несет важное для нас знание о природе человека. Голова имеет глаза для того, чтобы видеть Творца; уста для того, чтобы вести беседу с Ним; рот для того, чтобы принимать Его. Святость, как любовь в чистом виде, становится двигателем эволюции. Так как святость – это есть любовь в

чистом виде, то и представление о красоте тоже остается в пределах святости. Именно по этой же причине женщина любит не за то, что у супруга есть какие-то достоинства физиологического плана, с помощью коих он может противостоять смертельной опасности и не за его благосостояние, а за чистоту его души. Она любит его душу, пребывающую в Боге. Именно так возник человек и именно так идет его дальнейшее становление в этом бытии. Это важно сказать, ибо монастырский образ жизни – естество бытия всего живого и человек – венец монашества. Женщина любит то, что естественно вписывается в природу любви, то есть то, что не противоречит естеству ее любви. Она любит только это и дает дорогу в вечность земную только этому. Она проводник любви и этим ведет к Богу всю окружающую Вселенную. Царь же или вождь племени – это люди, которые ведут свои народы к этому. В противном случае, Бог их убирает с арены истории, как противоестественное Себе 222-03-333.

Окружающий мир явлен нам, как спасительная речь Бога, если мы отрелись от своей воли во имя Его.

Чем ближе к нолю, тем выше подобие постоянству, но чем дальше от ноля, тем сильнее подобие временности – тем сильнее переменчивость. Исходя из этого нам становится очевидным многое. Ноль оказывает на пространство влияние, исповедуемое поведением всех функций и измеряемое координатным пространством, имеющим абсолютное подо-

бие нолю посредством исходящих из ноля прямых. Каждая из них имеет подобие нолю – например, величина кривизны имеет постоянство – она равна нолю, то есть имеет одно направление, цельная и имеет непрерывность, как подобие непрерывности точки. Просто точка и прямая, из точки исходящая – это различные роды, объединенные некоторого вида, который А.Ф.Лосев называет «нечто». Иными словами, «числа не только тождественны между собой (они являются частью «нечто» (к примеру, прямой) – авт.), но ещё и различны между собой (они имеют свои уникальные значения). Однако, диалектическое исследование показывает, что эта самождественность также необходима как саморазличие». То есть, как бы, ноль распространяет свое влияние через своеобразно выраженное подобие, на фундаменте которого потом уже перед нашим взором возникнут функциональные зависимости (весь сюжет мировой истории) и потому являющиеся его производными, а именно также наделены в какой-то степени подобием ноля. Мы, опосредованно мирового многогранного различия, можем, как и в математическом пространстве (видим этот же самый ноль), созерцать только ноль, но только посредством иного набора инструментов, свойственным реалии, взятой нами как метод познания. Это функциональные зависимости, которые, несмотря на всю сложность уравнений и функциональных формул, неизбежно имеют общее с полем, а потому, так как попали в поле освящения, они чувственно воспринимаемы.

Ведь всякая зависимость в функциях – это в первую очередь закон, наделённый свойством абсолютного постоянства ноля – он работоспособен одинаково во всех гранях координатного пространства и имеет подобие нолю в свойстве его логически обозреваемого постоянства, называемого нами законом взаимодействия двух реалий, одна из которых и есть постоянство. Просто это все предполагается автоматически с возникновением системы координат и заложено в ней. То есть, если мы назвали число, то автоматически мы назвали все координатное пространство с нолем в центре его. Единственное, что мы назвали не само числовое пространство, а какое-то его одно из множественных имен в виде этого числа, кое характеризует как-то все числовое пространство. В противном случае, имя, как число, не имело бы никакой значимости. Также как, если сказать слово «нога», то автоматически мы назовем всего человека, ибо вне его нога жить не может, но только вкуче со всем его телом. Отсюда становится ясным, что мы несем в себе эту точку соприкосновения с Царствием Небесным – с его умственно обозреваемым постоянством ноля, а потому видим только то, что имеет хоть какое-то подобие Ему в этом ноле или хоть какую-то констатацию ноля-постоянства в обозреваемой реальности, то есть какое-то ещё одно Его имя. Даже если это самые труднообразные комбинации и формы, возникших в эволюции жизни, нам без этого не жить в земных условиях, ибо поддерживать в себе постоянство.

1.0.2.-26. С другой стороны, отталкиваясь от определения о самой природе познания, мы утверждаем, что это есть та самая граница, в пределах коей происходят все события во Вселенной от начала до конца. Чтобы понимать этот момент более четко, следовало бы сказать вновь о том, что оговорено более подробно в третьем томе. То есть то, как соотносятся живущее тело с тем, что оно уже станет после смерти и уже распадающимся, точно также соотносится ноль (пустота или отсутствие распада живого тела) в системе координат к остальному численному распознаваемому пространству (к тому, что организм начал уже терпеть распад). Согласно определению о природе познания, в поле нашего зрения всегда оказывается только то, что имеет развитие разрушения. Мы чувствуем вкус разрушенного зубами яблока, мы видим свет, ибо световая волна – есть продукт распада, произошедшего на Солнце, материя – продукт внутренних процессов разложения в атоме в виде периода распада и так далее.66776677????? Такова природа познания опосредованно природы воспаленной грехом, которая видеть и познавать может только живое опосредовано уже мертвого, то есть то, что когда-то было цельно-единым живым, но само живое посредством оной, распадающейся, не распознается, то есть всякое живое остается чувственной пустотой, а на языке понятий математики – нулем. (Целое яблоко для органов вкуса – это пустота, его нет, ибо нет отклонения от нормы, покамест мы зубами не разрушили его – такова природа позна-

ния, которая может чувствовать то, что уже было, отжило) Точнее живое распознается тем, что смогло пройти очищение от греха в поте лица. То, что организм растёт, к примеру, фиксирует только ум, как созерцающий мир через призму его Творца. Животное идёт к водопою – понимает только ум. Планета вращается по окружности, значит, в центре есть Звезда – понимает ум. Человек в космосе пребывает в невесомости, но так как природа греха видит только свое же подобие, то есть не видит в чистом виде Божественное, то организм человека чувствует только свою невесомость, а то, что есть движение по круговой орбите – нет, но распознается сие только умом. То есть Божественное осознает Самого Себя через все вокруг. Ум, наделённый волей имеет возможность зреть Бога. Эта возможность получена от Него вместе с Частицей Его (Бог вдунул в лицо Адама жизнь), а потому пребывающий в молитве, видит свое подобие – Душу Бога, Личность Творца, понимает волю Бога. Таким образом, умом мы видим ноль, как свой же прообраз, как характерную для личности черту, чтобы быть в естественном для мира состоянии – в общении личностей друг с другом.

В целом мире мы видим только Его, который не может быть обозримым опосредовано греха, выражающимся в системе координат числовым пространством распада. Точно также вопрос стоит о постижении Бога умом¹²⁹.

1.0.2.-27. Таким образом, мы стоим перед противоречием, которое не может укладываться в разуме. Но если эти

противоречия являются реальностью, то она обязательно должна как-то обозначиться в самой природе – ведь речь идёт об умопостигаемом проявлении Божественного в природе вещей. В противном случае, это все сказанное будет пустословием. Ведь всякое противоречие не свойственно Божественному, ибо ум не наделён свойством величины греха, протяженностью и временем, но должен в себя вместить одновременно и ту крайность, и эту. Для этого ум должен занять естественное место позиционирования для себя.

(07.01.00) Центр мира, как начало всех начал, несёт в себе единое и при этом абсолютно целое, неделимое, благодаря чему, как неделимое, он есть вечность бытия и жизнь. Только явлено нам это посредством того, что мы можем воспринимать – посредством постоянно делимого. Из теоремы Фалеса нам известно, что «если на одной из двух пересекающихся прямых отложить несколько равных отрезков и через их концы провести параллельные прямые, пересекающие вторую прямую, то они отсекут на второй прямой равные между собой отрезки». Немного развернем эту теорему и сфокусируем свое внимание на другой его области. Вычленим из этой теоремы важное, что отрезки, ограниченные двумя пересекающимися прямыми и находящимися на параллельных прямых подобны между собой с одинаковым коэффициентом подобия. Как это имеет отношение к нашему вопросу? Две прямые, которые пересекаются параллельными другими прямыми, сходятся в точке. Получается, что

все подобные друг другу отрезки, отсеченные на параллельных прямых этими сходящимися прямыми в точке подобия этой точке с определенным коэффициентом подобия. Но подобными могут быть только в одном – все отрезки несут в себе прообраз единого начала – точки, в том смысле, что, как и точка непрерывна в себе, так и отрезки имеют непрерывность в себе. То есть противоположные концы каждого отрезка в прообразе точки едины между собой с помощью соединяющей концы непрерывной линии, также как един центр в самом себе, из которого исходят эти две прямые, несет в себе самом и начало и конец одновременно в одной точке. Геометрия двумерного пространства может исповедовать только с помощью данных инструментов, ничего более глубокого у нее нет, чтобы вести обсуждение решения столь нужного нам вопроса. Просто геометрия с иными понятиями не работает, кроме как прямая, плоскость, точка, отрезок и иные прообразы окружности. Хотя в геометрии полнота свидетельства о Боге очевидна, но нет желанной всеобъемлющей исповеди о Боге (геометрия почти абсолютно ограничена в возможностях). Зато есть, хотя и односторонняя, но удобоприемлемая наглядность изложения истины в тривиальной простоте теоремы Фалеса. Итак, если единство между противоположными концами какого-либо из отрезков нарушить, то подобие его началу-точке в этом свойстве единого утрачивается. Нет подобия – нет и всего остального родственного Началу

начал. А.Ф.Лосев сказал бы, что нарушилось самотождественность различия в инобытии. Следовательно, для человека, созерцающего мир через единое целое Бога, этот разорванный отрезок исчез из поля зрения, как не имеющий подобия единому целому Его, то есть центральной точке, то есть Богу, а увидев подобие Богу в единстве, он сказал бы, что тут два отрезка, и оба подобные точке. Как только что-то нашим бытием всего живого вокруг становится нам не подобным, то есть не несет в себе характерные черты личности, так сразу же данная реальность перестает для нас существовать и исчезает, но появляются иные реальности с характерными свойствами личности и они-то как раз остаются в поле зрения – осколки. Также как окружность, если оказалась разорванной, то выпала из поля зрения, в коем первопринципом является замкнутость, к примеру. Но дуги, появившиеся из-за разрыва, несут в себе оттенки личности. Такие как постоянство (величина искривления постоянная), непрерывность от одного конца к другому и так далее. Пропадает окружность и возникают дуги. Гениальность Лосева в том, что он проявил смелость, сказав о том, что далее дуги начинают становление до иного образа выражения личности – до окружности. Просто есть движитель этому – Бог в прообразе Своем Солнце. Он есть и Солнце Его образ и так как мы попали в область Его влияния, то именно этим Он требует всему быть ему подобным. Также как водная гладь, разрушенная брошенным камнем в нее, посте-

ленно восстанавливается – точно также восстанавливает окружность из дуг, чтобы быть подобным Первопричине. В этом прообразе все вокруг имеет стремление к устойчивости Образа Божьего в себе и человек – вершина этого 777-02-7.

Итак, перед нами образ влияния, которое выстраивает все в этом бытии в своем прообразе. Все то, что этому образу не подобно становится временным, то есть либо уходит в небытие, либо восстанавливает свое подобие Ему в прообразе возмущенной водной глади. Окружающее множество всего вокруг с одной стороны временно, а с другой стороны в пределах этой временности возникают островки устойчивой стабильности.

Также как окружность (эти отрезки наделены всеми свойствами Центра, а это означает, что как свойство живого они также пребывают в дальнейшем развитии). Умирает только эта инстанция, оказавшаяся в поле предыдущей досягаемости для разделения неделимым центром, но сам центр всего остается вне возможности делиться и вне досягаемости для делителя. (Напомню, что деление происходит в тот момент, когда ограниченная в свойствах природа не в состоянии вмещать в себя всю полноту Божественной реальности, что начинает тормозить дальнейшее развитие становления, вне коей живое невозможно. С этого места жизнь идет в ином направлении, в коем возрастание продолжается, а значит главное свойство живого – становление до Образа Его имеет место быть всегда. Просто выражено сие уже иначе. Чтобы про-

должать вмещать в себя Божественную полноту происходит именно это деление в пределах сферы бытия живого на подобные друг другу множества. Это явление получило иное имя – взрыв в новой сфере, в коей разворачивается новый сюжет исповеди об Истине). А так как единое целое есть существенная реальность по сути вещей, то и все то, что цельное и единое, и в полноте отражения свойств Центра также является существенной сущностной реальностью жизни. Если единое и целое утрачивает подобие своему началу в свойстве быть в одиночестве, а это означает также утрату единства и цельности (ибо одиночество Творца предполагает все остальное одновременно), то есть имеет или получает прерывание целостности и единства причинно-следственного механизма соединяющего в себе начало и конец, то и утрачивает свое бытие как реальность, как личностное свойство для нас личностей исчезает из поля нашего восприятия, ведь мы живые личности. Не важно, что это будет смерть или распад молекулы или атома. К примеру, растение, если его сорвать или нарушить в нём развитие, то оно исчезнет как реальность, как растение навсегда: оно не сможет плодоносить и исчезнет для будущего, в отличие от вечно живущей личности его там в будущем уже нет. Само по себе растение – последовательное неразрывное причинно-следственное развитие от начала и до конца, при котором соблюдены все составляющие Начала всех начал в процессе возрастания в земных условиях до образа Начала всех начал, возникших

после грехопадения. Математически эти составляющие Начала всех начал могут быть представлены только как центр координатного пространства, ибо иного хоть как-то более сопредельного и более элементарного инструмента в их расположении нет. В точке ноль есть и начало, и конец, и неделимость (смотри 777-02-7). И потому ноль есть самая элементарная логическая неразрывная постоянная последовательность и даже все вместе взятые зависимости, а все остальное попадающее в поле зрения ноля остается образом и подобием его 777-02-7.3.14. Само же координатное пространство делится, как уже сказано ранее, на две составляющие: ноль и пространство. При этом окружающее ноль пространство выражает все свойства ноля, специфически односторонне, в силу своих природных возможностей раскрывает свойства ноля во множественных *непрерывно-неразрывных* последовательностях, как образ взаимодействия абсолютного постоянства, ноля, с абсолютной бесконечной изменчивостью. Изменчивость рассказывает нам о ноле на свойственном для себя языке. Ноль, как образ взаимодействия оформлен в самые разнообразные зависимости, которые в математике называются функциями. Всякое координатное пространство полно в самом себе, а потому без ноля и его влияния нет никакой функции или закономерности во всем координатном пространстве. Каждая фибра его заявляет только о ноле. Можно несколько иначе сказать, что ноль задает некоторый изначальный признак или перво-принцип самовыражения, опо-

средованно коего созерцая мир, мы видим только то подобие, что оказалось в поле нашего зрения из-за того, что наделено этим вот признаком, характерным только личности. Ноль – это постоянство, первый элемент порядка, заключенного даже в самой высшей степени приращения развития. Так мы пришли к существованию дифференциального уравнения, а потому в пространстве мы видим хотя и самые различные, но тоже порядки, которые мы называем функциями-зависимостями в прообразе дифференциального уравнения. Скажем иначе, что есть такие грани в каждом элементе Вселенной, которые, имея высшую степень приращения, в то же время всегда остаются исповедью-свидетельством о ноле.

Ноль наделён не только тем, что привычно нам, то есть не только спецификой математического освидетельствования. Мы можем задать в понятии ноля иной признак, любой перво-принцип исповеди ноля или иную грань порядка, к примеру целое. Всякое цельное для нас является пустотой. Почему? Потому, что видим мы только то, что стало продуктом распада. Такова у нас природа познания, что мы видим только то, что разрушилось. Вкус яблока мы чувствуем (а можно сказать созерцаем), когда разрушили зубами его ткани. То есть если нет разрушения тканей продукта, то это так и остается вкусовой пустотой, нолем (вне видимости и вне возможности познания). Для того, чтобы познать то, как устроен организм, его нужно убить и потом только сможем проникнуть во внутрь и получить знания. Без этого живой ор-

ганизм остается познавательной пустотой, нолею. Но это не значит, что целое, как данность, не существует, ибо мы взяли это целое за основу созерцания, сделали трафаретом для поиска всего того, что подобно целому. И все то, что посредством трафарета попало в поле зрения, стало новой формой свидетельства о полноте, новым именем целого и замкнутого в себе. Вот примерно что несет нам соотношение численного пространства и ноля – это то, что оказалось в поле нашего восприятия и то, что остается чувственной пустотой (ноль), как единое и цельное^{66776677??????}. Согласитесь, что сам по себе ноль – это такая реальность, которая живет совсем по иным законам и оные есть духовная жизнь человека.

1.0.2.-28. С другой стороны, «Бог «дает много» абсолютно новому сюжету, бесконечно отдаленному от Него «не местом, а природою» – так говорит Иоанн Дамаскин». Иными словами, мы путаем «природу» сущности с «местом» математического анализа, то есть с точкой в координатном пространстве. То есть число всегда несет в себе только описательные функции. Но рисунок, написанный с предмета и сам предмет, образ которого был нарисован – вещи далекие друг от друга, причем бесконечно. Просто рисунок обладая полнотой в одном, но не обладает всеобъемлющей полнотой.

Тоже самое выражение мы видим в Православном догмате о Святой Троице, в котором по слову греческих отцов Церкви «Бог один, потому что Отец один», то есть Сын и Дух Святой выражают именно это одиночество, единонача-

лие и Единство Отца, которое многовариантно отпечаталось во всех сферах Вселенной. В то же время, исповедуя триипостасность Бога, мы видим одну или единую для всех Трёх Ипостасей творческую созидательную Волю в каждой микроне этого бытия. Ведь в каждой частице присутствует абсолютное творческое согласие всех Трёх Воль, не смотря на то, что Бог Отец предвечно родил Сына и извечно источает Святой Дух, в творчестве Они едины и значимы для этого бытия в равной степени. Это можно сравнить с командой корабля, пребывающего далеко от берега в океане или в море. Да, капитан судна стоит выше всех, но общее дело и жизнь всей команды зависит от каждого в равной мере. Получается, что там, где нет согласия – там нет вообще ничего. Только абсолютное согласие всех Трёх Лиц и только согласованность дарует творческий результат в созидании и устройении Вселенной. Только согласие всех трех Лиц наделяет пустоту сущностью, вызволяет из ничего Вселенную. В каждой частице мира в ее триединстве Божественных Личностей распознается специфично выраженное свойство Каждого из Лиц и творческое присутствие Каждой из Трёх Ипостасей Бога Пресвятой Троицы. Причем в каждой микроне бытия прослеживается абсолютно согласие Всех Трёх Лиц, в противном случае для нас что-то иное, вне этого согласия, остается небытием и не существует. К примеру, прошлое, настоящее и будущее; высота, длинна и ширина; холодное, тёплое и горячее; световая волна имеет тепловую энергию, свет и корпускулярные

свойства; семя, растение, цветок. И так далее и везде абсолютно. Каждая Ипостась Троицы своеобразно соучаствует в Общем Деле служения Троицы и Её сотрудничество с Другими Двумя как-то уникально заявлена и распознается в этом общем процессе. Именно в каждой частице бытия триединство формирует одну общую волю, одно общее единство и жизнь¹¹¹⁻³³³.

Таким образом, Божественное, Его одиночество и, как следствие, единство в природе поражённой грехом многовариантно адаптируется в живое, одно из имен которого является причинно-следственным механизмом, в котором приоритеты, свойственные субординации ценностей, выстраиваются в неразрывную последовательность-цепочку непрерывности единства между началом и концом всякого явления. То есть так и остается единым, но с другим каким-то именем, то есть выраженным в неразрывной связности последовательности между началом и концом явления.

Представьте себе, что вы слышите звук. Просто неизменяемый звук, хоть и слышим нами, но как бы быстро привыкаем к нему и он более не увлекает наше сознание. А вот на основании этого, перемена в звуке, причем не простая перемена в звуке, а исповедующая Божественное в рамках возможности ума воспринимать гармонию мелодии в периодичных созвучиях, обращает на себя наше внимание иначе и мы, ради этого, можем собираться даже целые концертные залы и стадионы. Созвучие становится для нас музыкой, когда в ней

появляется закономерность, цикличная звуковая осмысленность (такое свидетельство о живом, а именно о Боге ласкает разум). Также как цикличное движение планеты по окружности исповедует нам о Солнце, что также активизирует те же грани разума и потому ласкает наш разум также, как в циклических повторениях в звуковых комбинациях несут в себе осмысленность¹⁴⁰. Просто, если мы вычленим из природы сферу форм, то всякий цикл – это тоже одно из имен Божественного, это одно из имен, звучащее в специфичном инобытии, как уникальный свойственный данной природе образ, возникший в нём. «Можно сказать, что сообразность есть отмечающая природу Божественная печать, которая создает личное отношение к Богу, отношение для каждого человеческого существа "уникальное". Это отношение становится реальным, осуществляется посредством воли, направляющей природу к Богу, в котором человек должен найти полноту своего бытия». Это стабилизирующее влияние берега, в системе берег-река в специфических критериях, свойственных этой сфере бытия, несущее выражение свойства постоянства (берега). Распознавая этот островок стабильности и нетленности в этом мире всеобщей скользкой относительности, мы становимся причастниками единого, то есть в какой-то степени счастья. В музыке именно это и только это ласкает наш ум. Повторяемость в периодичности – это не сущность, а необходимая форма её, исповедующая единство Божественного, Его влияния и присутствия. Она часть бы-

тия и потому востребована, ибо облегчает молитвенное делание, создает комфортные условия, столь важные для плодотворного общения с Богом. Ведь мы счастливы от того, что приобщаемся к вечному, неизменному, когда то, что мы любим, остается с нами навсегда. Мы вечное не теряем и от этого спокойны. Мы слышим свою Родину в звуке, в мелодии, распознаем её через также световые волны, так как они несут в себе периодичность. Родина посылает нам островки Своего подобия, а потому мы их видим по причине родства, в процессе богообщения наступаем на эти твердыньки и благодаря этому становимся причастниками вечности, шествуем уже при земной жизни по Царствию Небесному и во Царствие Небесное. Это как бы живительные для души посылы постоянства от туда, где все всегда стабильно и постоянно (туда, где этого постоянства нет). А если цикличности нет, то видеть и слышать это никто не только не будет, но и даже не сможет, ибо сама по себе волна – это периодичность, образ постоянства пустоты греха. Хотя можно сказать иначе, что созерцаемые островки постоянства – это мы слышим речь только Бога, специфично адаптированного к нашим способностям воспринимать в явлениях природы. А именно в том, что событие имеет периодичность, то есть несет частицу Божественного, а не просто свидетельство о Нём. Иными словами, под словосочетанием «познание Божественного» мы понимать должны только одно: в явлении, в событии, в эксперименте мы должны увидеть тоже

самое родное себе – самого себя, как личность, то есть специфически оформленную цикличность, когда из одного следует неразрывно другое в закономерности, то есть по спирали гармонии. (07.01.00) *Познавая Вселенную, мы познаем самих же себя, ищем в себе Божественное через отвержение всего инородного Ему. Мы должны распознать свое подобие – мы распознаем лишь то, что заложено в нашем организме Богом (частица Бога вошедшая в человечество, когда Творец вдунул в лицо Адама жизнь), где формы многообразно цикличны в том же числе, к примеру в ином имени цикличности, в симметрии, где правая сторона нашего организма похожа на левую. Эта симметрия и цикличность важны для нашего адекватного притягивающего распознания, ибо это есть конечное звено выражения Божественного одиночества-единства, важное для всей полноты свидетельства о Боге. Без всего этого полноты свидетельства о Творце быть не может – мир разрушается, через это отсутствующее звено. Если мы помним, что начало этого чувственно воспринимаемого мира, получившего воспаление грехом могло быть только прообразом ничтожества – точкой, тогда нам становится понятна природа всякой цикличности и симметрии – это все видимое и созерцаемое нами сообразно только этому началу начал, ибо в ней заложены все эти свойства, а подобное порождает только свое же подобие (смотри 777-01-123). Как-то иначе свидетельствовать о Боге свойства этой Вселенной не позволяют и Он свидетельствует о Себе*

вот таким образом в повторяемости и цикличности, явленных нам в Его творениях. Если этого нет в реальности, то для нас сия бесформенность не привлекательна. Мы её не видим как темень вокруг свечи и она не объяла этот свет. Если человек не узнал самого себя в явлении, то не услышал речь Бога к человеку, а потому явление называется не познанным. Таким образом, все во Вселенной сообразно Богу даже в малом и без остатка. Единство подчеркивает все и движение, и закон, и сущность.

1.0.2.-30. Вот таким образом, Бог являет Свою волю¹⁴¹. Человек – личность, а потому несет все свойственное личности и воля – одно из них, а потому, чтобы служить Богу, чтобы быть подобным Ему, необходимо творить жертву по Образу Его и по подобию своему (также в форме периодичности, повторяемости). «Это отношение становится реальным, осуществляется посредством воли, направляющей природу к Богу, в Котором человек должен найти полноту своего бытия». Иными словами, если окружающий мир движется по этим законам с одной стороны самопроизвольно, стихийно и в то же время повинуюсь воле Творца, то мы по образу Божьему тоже наделены волей и потому в нашей природе хотя и есть место стихийности, но есть желание или долг обуздать стихию и упорядочив в Его прообраз, направить ее совокупно Воле Творца на Суд Его. То есть тоже как Он делаем это не стихийно, а уже целенаправленно по любви, чтобы быть сопричастником к Его воле, соучастником в преобра-

жении Вселенной, соратником Его творчеству и этим имея всю полноту общения с Ним продолжать движение к Нему. Так как подобием пустоте является абсолютно правильная окружность, то в поле нашего обозревания рождается годовая, недельный и ежедневный кругооборот в нашем поведении, чтобы улучшить единение с Богом. Потому этот кругооборот востребован в молитве. Живое Царствия Небесного или эта радость Райских Обителей, оказавшаяся в пределах земных условий, адаптируется в них, образуя живое тело, жизнь которого обусловлено полнотой счастья от единения с источником всех радостей. *"Душа бо человеческая, – говорит святой Тихон Задонский (XVIII в.), – яко дух от Бога созданный, ни в чем ином удовольствия, покоя, мира, утешения и отрады сыскать не может, как только в Бозе, от Которого по образу Его и подобию создана; а когда от Него отлучится, принуждена искать себе удовольствия в созданиях, и страстями различными, как рожцами, себя питать, но надлежащего упокоения и отрады не обретает, и так от гладу следует умереть, духу бо духовная пища потребна есть"*

1.0.2.-31.а Внимание на Боге – самое тяжелое и самое значимое для человека и всего живого состояние. Все вокруг и все в природе самого человека заточено под это пребывание сознания в постоянной связи и единстве с Ним. Чтобы пребывать в таком состоянии внутреннего мира физиологии человека, необходим такой труд, при котором можно было

бы сочетать полезное для выживания с приятным богообщения и который бы стал продолжением физиологических процессов организма, то есть не отвлекал бы ум от этого периодического духовного делания – молитвы (хотя и то, и другое – разные имена одного и того же). То есть труд должен стать несколько машинальным, что позволяло бы сконцентрироваться на Творце без ущерба труду и вообще общему делу всего коллектива или государственности. Да это труд монотонный и нудный, но таким он представляется, если нет молитвы^{305-3а}. Да, сие можно сравнить с нирваной, но есть одно важное «но». Нирвана – это отказ от всякого желания ради Божественной чистоты. Но эта полнота односторонняя, ибо ради всеобъемлющей полноты единения с Богом мало только подобия Ему в чистоте духа, нужна еще непосредственная беседа с Ним. И трудно тут понять, что именно важнее или одно и другое идут в тесной связке. Связка и того, и другого, но не приоритет одного по отношению к другому. Языческая традиция нам несет образ-схему отношений человека с Богом, но это не беседа живых душ, это только механизм. Это такой автомат Калашникова, который может быть оружием сдерживания, а может стать орудием преступления. Хорошо об этом сказано в Священном Писании, змей, как образ спасения, стал проводником дьявола.

Беседа – это тоже является частью Вселенной, как динамическая связь личностей, а потому игнорировать сие никак нельзя⁴¹⁸. Представьте себе, что стоят два человека и каж-

дый из них постоянно отрекается от всего того, что этих людей разъединяет. Они не дают пролететь между ними даже мухе, скажем просто. Это хорошо. Ну, а если им просто вести беседу, то все остальные устремления к чистоте отношений личностей теряют смысл. В этом тоже разница между религиями, практикующими Нирвану (освобождение) и Православием.

1.0.2.-31.6 Для утверждения следующей мысли, уместным будет вспомнить слова из послания Феофила Антиохийского о том, что человек «сотворён по природе ни смертным, ни бессмертным. Ибо если бы Бог сотворил его вначале бессмертным, то сделал бы его Богом; если же наоборот, сотворил бы его смертным, то сам оказался бы виновником его смерти. Итак, Он сотворил его ... способным и к тому, и к другому, чтобы, если устремится он к тому, что ведёт к бессмертию, исполнял заповедь Божию, получил от Него в награду за это бессмертие и сделался бы Богом; если же уклонился к делам смерти, не повинуюсь Богу, сам был бы виновным в своей смерти. Ибо Бог сделал человека свободным и самовлстным». Бессмертие – это всегда еще одно имя радости. Именно это и произошло в истории человечества, ведь выродились лишь те, кто не смог быть счастливым (машинальный и нудный физически тяжёлый труд отягчает жизнь и отпугивает от этого образа выживания), ибо нудный, машинальный труд способствует общению с Богом и дарует и еще более усиливает высшую экзальтацию экстаза, а пото-

му делает его потребностью жизни. Физический труд возник только для большего и более качественного бытия в радости. Это потом уже приятное он вынужден был совместить с полезным, с еще одной гранью счастья. Человек в этом состоянии более всего распознает влияние, исходящее от мощей усопших родственников, а также необходимость постов. Потому именно по этой причине произошёл отход человека от охоты к собирательной экономике полуголодного образа жизни, то есть человек обрел оседлость.

Надо сразу сказать, что иное имя богопознания и богообщения – радость в экстазе – основа земного бытия человечества, а потому именно она выставляет свои требования, в согласии с коими формируется как внешний облик самого человека, так и внутренние процессы организма, так и образ его жизни, так и степень полноты духовного приобщения человека к своей Родине, к своему естественному бытию жизни во Царствии Небесном¹³⁰. Если мы приглядимся к любому образу деятельности человека, то заметим, что любое движение человека несёт в себе цикличность, в коей есть и начало, и завершение. Это свойство живого в земных условиях – жизнь Царствия Небесного, явленное нам в границах, в природных ограничениях. Если вдруг появилось начало, а законченности нет – это уже хаос, бесформенное, не понятное и не нужное. К примеру, пошли мы в лес за грибами и не вернулись. Или забросили сеть в море и не вытащили её. Или съели что-то и не переварили. Или вобрали в себя воздух и

не выдохнули. Или если мы начали рисовать круг и не закончили, то кругом это не будет, но просто кривой линией. И так далее. Не завершенность – признак ада, гибели, смерти. Молиться при таком образе хаотичного бытия и деятельности очень тяжело и даже невозможно, ибо одно инородно другому, отвлекает внимание. А если человек постоянно отвлекается от непосредственного богообщения, то наступают боль и человек постоянно ждет окончания трудовой деятельности на отдых, чтобы дать возможность зарубцеваться травме психики. Вот почему бытие определяет работу сознания, то есть образ не законченной деятельности, как не соприродное, не поддерживает комфорт богообщения в молитве, ради чего эта деятельность вообще имеет место (это высказывание нам понадобится, когда мы будем изучать вопрос о том, почему древние приняли оседлый образ жизни). Бытие определяет сознание и сознание определяет бытие – два образа жизни, которые определяют и два образа формирования экстаза богообщения: один – радость по достижению жизненно важной цели; второй – радость уже прямо сейчас в самом этом процессе движения к цели. В принципе, как мы увидим – это два разных этапа формирования человечества, в коих одно другому не стало инородным, но одно дополнялось другим. Становление цивилизации, переход от кочевого образа жизни к оседлости (смотри 777-07-7.9). Работа ума, плодовитость работы мозга – это тот важный момент, оказавший на человека образующее действие. В мозг идут все

нервные окончания, а потому экстаз получают не органы тела, а мозг опосредованно работы органов его тела, как проводников. Человек – это беседа двух личностей Бога и человека, а потому все в природе Вселенной подчинено комфортным условиям только этого. Человек – это сцепление со Вселенской Шестерней (смотри выделенное 777-07-7.9). Поэтому образ жизни нужен не физическому здоровью организма, а высокой работоспособности головы (смотри 777-07-7.9), а точнее лучшей ясности ума³³⁸. А это облегчает задачу – создание условий для эффективной работы разума не требует обильной еды и огромной мускулатуры, каких-то особых достоинств организма – это такой знаменатель, который утверждает все в меру, потребление диктуется не красотой тела или хорошего тонуса организма, а умственной способностью к духовному деланию и анализу. Понятно, что с этого момента человек становится слабым как воин и для выживания ему нужно искать не только убежища, но ради выживания быть в сообществе. Так как такой образ жизни, не смотря на всю его аскетичность и довольство малым, полностью удовлетворяет всем требованиям физиологии и при нём активизируются духовные силы, которые усиливают радость бытия, то оказывается не востребованным искать что-то иное альтернативное. То есть активизируется в природе человека то общее для всех окружающих, благодаря чему сообщество обретает единство. Это с одной стороны, а с другой слабость диктует иное. Дело все в том, что теперь для достижения радости

бытия, как конечной цели, достаточно меткого попадания в цель. А это исключает перенапряжения и связанные с ними востребованные достоинства в строении организма¹³¹.

Для охоты свойствен хаос и если есть сумбур и бесформенность в образе поведения, то есть ум не может акцентироваться на главном – его внимание на противоположном. Оторванность от общения двух личностей Бога и человека – есть самое страшное зло, которое требует энергоемкие затраты. Человеку свойственно видеть личностные свойства во всем вокруг и относиться ко всему вокруг только как к личности, то есть как к самому себе. Благодаря этому мир окружающий тоже относится к человеку как к личности, а точнее к Личности Своего Творца через человека. Благодаря этому мир дает человеку все свое самое сокровенное и даже дает распоряжаться собою. Человек приручает флору и фауну, обуздывает и одомашнивает природу матери и подминает под себя всю Вселенную как Властелин о Боге. Даже сама по себе охота первобытного человека – это в первую очередь форма приручения животного. Если зверя не приручить, если не видеть в нем личность, то и охота не будет успешной. Это уже тонкости, взятые из опыта потомственного бывалого охотника. Не видишь личность – нет любви, не будет и взаимности.

Ведь во время охоты ум сосредоточен на достижении иной инородной разуму и духу цели – на убийстве животного, убивая которое человек в первую очередь наносит ране-

ние своей же душе. Этот естественно возникающий во время охоты хаос инороден естеству человека, ибо бомбардирует естественное для человека состояние экстаза, во время коего должна быть концентрация на самом важном – на непосредственном единстве с Богом, на внимании человека ко Творцу (смотри 777-07-7.9). Уму естественно быть только во Царствии Небесном, а охота – это хотя и также является общением с Творцом, но уже через посредники, которые легко могут стать инородными идолами, что также травмирует душу. Человеку свойственно избегать самое страшное для него, что раздражает психику, тиранит душу, даже если это стимулирует аскетическое делание, многое воздержание. Именно на этом принципе жизни людей оформилось дальнейшее направление становления эволюции. Говоря современным языком православных отцов, человек в поисках непосредственных отношений с Творцом начал избегать не нужной суеты мира ради единения с Творцом, а если востребован физический труд, то только ради единения с Ним как можно сильнее адаптировать сие в самом образе труда¹³², то есть сделать его циклично-однообразным. Вот каково эволюционное становление.

1.0.2.-32. А теперь, исходя всего выше изложенного, рассмотрим собирательную экономику древнего человека. Все вещи в бытии человека возникли не на ровном месте. Дело все в том, что мы уже другие и живем иначе. Многие нас сильно пугает и только потому, что мы уже давным-давно

потеряли человеческий образ. Иносказательно, сие выглядит так. Мы видим нож и начинаем шарахаться от него и людей с ним в руках. На самом-то деле, мы ошибаемся, ибо предназначен он для иного. Сам факт, что мы так судим об этом, говорит только об одном, что мы давно утратили первоизданную человечность, благодаря коей мы вообще смогли выжить. Там каждое движение, хотя и монотонное и нудное есть, но в каждом мгновении имеет непрерывную последовательность, цикличную завершенность и результативную полноту цикличности (в отличие от труда охотника). Сам по себе замкнутый цикл несет в себе такое бытие определяющее сознание в специфическом образе Творца³¹¹, способствующем высвобождению ума, столь востребованного для всего остального и особенно для главного. Так как цикл несет в себе Образ Божий, гармонично в него вписывающийся, то автоматически оный становится частью всего биологического процесса человеческого организма. То есть человек даже во время работы может теперь спокойно пребывать в эйфории «нирваны» богообщения^{305-3в}. Только, если сама по себе нирвана в индуизме, буддизме бессмысленна, эгоистична и не предполагает какой-либо физической активности с пользой для будущего (потому это понятие могло возникнуть только на основе инородности природе человека), то в Православии она наоборот противоположна – мы имеем дело не с молчанием, а с динамическим общением с Творцом на Его Предвечном Совете Троицы, а это более всеобъемлю-

щая полнота и имеет ещё одну грань – служение ближнему и плодотворную конечную цель – новая возникшая физиология тела имеет совсем иной вид. При нирване физиология тела не только пассивна, но даже отвергаются все её влечения и поползновения на спокойствие психики. То есть мы просто отвергаем все то в себе и в своём внутреннем мире, что мешает и возмущает внутренний покой – так это практикуется нирваной. Но так было до Рождества Христова, ибо когда не ведаешь о направлении движения к Богу, то лучше вообще никуда не ходить. А Православие утверждает движение. Но если есть движение, то только в одном верном направлении – к Богу. Всякая альтернатива исключается, ибо нет более в бытии ничего иного, кроме Него. То есть либо стоять, а если идти, то ко Творцу. На самом-то деле, в природе человека не может быть ничего лишнего, ибо каждая фибра нашего тела появилась в природе человека не спроста, ибо она как-то там соучаствует и вспомоществует душе в её богообщении во время естественно востребованного экстаза. Каждый волос для торжества в брани важен и значим. Все в природе человека цепляется за соломинку для спасения. Православные не отвергают отрешенность от мира сего, но и не замыкаются на этой отрешенности. То есть, все то, что мешает или возмущает внутренний покой в нирване – все в самом процессе богообщения становится на свое место соучастия, а потому усиливает радость, делает ее на много более полной и становится вспомоществующим элементом для плодо-

творного отношения с Творцом. Вот как соотносятся Индуизм с Православием. Если мы присмотримся к древней традиции славян, то увидим много такого, что напоминает схемы отношения человека с Богом, чем и руководствовался, скорее всего, древний славянин. Мы видим много символов, которые описывают то, как происходит утверждение жизни на Земле, привязанных к физиологии тела. Это перешло и в Индуизм. Человек следовал этим схемам, подражал процессам природы. Иудаизм же дает нам иное. В Священном Писании мы видим целые трактаты речей, даже инструкции, видим общение двух личностей Бога и человека в чистом виде, то есть одна живая душа общается с другой живой душой. Все остальное – как сложится, как Его воля будет. Под эту речь от Него и к Нему подстраивается все вокруг. Так примерно, Русь до христианская соотносится к той, что стала после Крещения св. Владимиром. То есть в Православии человек течения физиологии не уничтожает, а направляет к более полному единству с Богом, если не стоит на месте, а идёт в точном направлении, где Бог, усиливая экстаз в общении с Ним. Хотя так тоже говорить нельзя, ибо экстаз – всегда сопутствующее, но никак не главная цель.

Работа тела становится частью всего молитвенного делания души, то есть тело – составляющая часть речевого процесса. Ибо физическое напряжение тела теперь уже не только во ради бытия человека в экстазе, но обрело осмысленность и результативность. Ведь тело тоже остро нуждается

в богообщении – оное для этого возникло в бытии, хотя общение происходит через посредники-носители Его энергий, то есть тело, оказывается, изначально призвано только для активного соучастия в этом¹³³ – это уже иное состояние духа, еще более высшая степень экзальтации разнопланового счастья, куда более всеобъемлющего и более полного, чем нирвана. Посредством тела душа сочленяет в процесс речи человека с Богом все, что попало в поле его досягаемости.

Востребованы не резкие, но плавные движения во время собирательной деятельности соразмерны биологическому такту и мыслительному процессу. Они не перенапрягают работу сердца, повышают кровяное давление до такого значения, кое нужно для высокой активности мозга кондиции. Благодаря этому деятельность вписывается в физиологию таким образом, что мозг обретает выдающуюся работоспособность и умственную свободу мышления. А так как голова человека – это есть организм (все остальное в нас – вспомогательные инструменты), то происходящее в ней куда более важнее, чем то, что творится с остальным телом – в головном мозге формируется счастье, явленное в простой ясности ума и поддерживается телом. (07.01.00) *Понятно, что этот момент радости бытия трудно распознается, но если человек испытал ее, то становится пленником ее навсегда. Если вдруг происходит перемена в этом состоянии, то человек тут же понимает то, что он утратил, что стал инороден естеству радости и стремится вернуться.* Это самое важное

для нас людей⁴¹⁹.

1.0.2.-33. Это ещё не все. Дело в том, что, так как после грехопадения организм человека формировался эволюционно, то есть, если когда-то он имел вид примитивных форм жизни, то неизбежно эти формы живого остались в нашем теле навсегда и требуют к себе того же самого, благодаря чему они зародились и жили в свое далекое время. Причем в самом мозге, как носителя самого раннего этапа становления эволюции. Ведь мозг самый сложный организм, следовательно дольше всего терпел эволюционное становление, то есть он, как живая реальность, первый возник на земле¹³⁴. Потом в развитии всё множественно усложнилось, но это только внешние изменения, а мозг все равно несет в себе то самое изначальное семя радости бытия, то есть те составляющие древней примитивной жизни и они составляют основу её до сей поры. Поэтому, чтобы активировать мозговые клетки, необходимо давать им то, что они требуют по своему подобию и естеству. То есть питание мозга происходит как и в те времена только наипростейшей примитивно сложенной живой тканью, как это могло быть изначальное. Эта ткань присутствует в любом живом организме. Организм ищет её и выделяет эту ткань из продукта, воздуха и поставляет в мозг.

1.0.2.-34. *(07.01.00) Чтобы владеть явлением, надо найти и овладеть его началом и причиной. В пределах причины и Начала всех начал не надо много усилий для того, чтобы владеть миром. Более того нужна абсолютная слабость,*

ибо слабое живое ищет именно в этом свое спасение. Быть с Началом всех начало – естество образа Божьего в человеке. Именно причина, как подобие нашему основанию жизни, доставшемуся нам по наследству от самого первого акта зарождения живого на Земле, питает наш мозг. Начало начал во Вселенной питается Началом начал в ней же. Мозгу для питания нужна только та же самая примитивная ткань жизни, которая была в самый первый акт появления живого на Земле, когда первый фотон Солнца прикоснулся к поверхности Земли (конечно, так говорить нельзя, но так понятнее мысль). Всякое начало максимально подобно пустоте, в противном случае говорить о явлении без начала нельзя (смотри 777-01-2.1). В каждом из нас сидит этот младенец и живет именно он в нас, и именно его мы бережем в себе и кормим его этой же пищей. Именно по этому ничто нас так не радует, как дети.

Владеть причиной самого себя в эволюционном становлении – это и есть то самое, что наделяет разум властью над его собственным телом. В этом же прообразе телом становится постепенно вся Вселенная.

Как уже сказано, все в природе заточено на то, чтобы человек пребывал в сцеплении с Богом. Человек набирался опыта, а потому уразумел также и то, что для более качественного бытия в единстве с Ним нужен пост, ибо в такой пище легче питать мозг. Просто в растительной пище совокупно с голодом более всего той ткани, коя зародилась в первые

мгновения бытия жизни и она более доступна, отчего работа мозга улучшается. Желанная ясность ума более продолжительна. После принятия оседлого образа жизни, в рационе питания оказывается в основном растительная пища и рыба, то есть то, что возникло на самых ранних этапах становления жизни. Тем самым максимально активируя и облегчая работу сознания, улучшая его мыслительную деятельность (она становится приобщенной к Началу начал, что называется глубиной мысли) и всем этим выше названным все более и более усиливая экстаз от ещё большей близости Богу, которая поддерживается вот этим образом жизни и этим качеством еды. Только под это и только под это качество обыкновенного радостного бытия эволюционно усложняясь подстраивается вся физиология человека, его всеядность, развитость кистей рук, относительно слабо развитая мускулатура, не развит костный состав и вообще все особенности внутреннего строения тела – счастьем их совершенство не востребовано, ибо счастье – состояние ума, а не физики тела – эволюционное усложнение востребовано физикой тела для наибольшего подобия уму в свойстве вечности. А так как для ума нужно питать мозг, а не мышцы, то собирательная экономика древних людей, с её растительной пищей, монотонной нудностью, повторяемостью труда, как раз стимулирует это качество духа, свойственное Царствию Небесному – «будьте как дети, ибо таковых есть Царствие Небесное». Если вам приходилось собирать ягоды в лесу, то меня понима-

ете, о чем именно тут говорю. В последствии по этой же схеме, как верно заметил Пампанацци, возникла государственность, как высшее изобретение для удобства богообщения в монотонном труде всех форм кругооборотов жизни, как продолжение физиологии тела. Так удобнее беречь свою ясность ума и, чтобы пост был согласованным для всего сообщества, появилось религиозное учение.

Так как единство с Богом, общение с Ним возможно только в экстазе, без которого жизнь невозможна, то под самое важное делание единения с Богом заточено абсолютно все в природе людей, в природе флоры и фауны и вообще в природе всей Вселенной. Все вокруг радуется о Боге человеком, человеком все Ему служит и через человека движется к Нему. Этому подчинены все устремления в человеке и этому служит каждое его дыхание, и помысел. Таким образом, необходимо сделать важный вывод о том, что сформировавшийся образ ведения хозяйства и образ жизни – это часть устройства востребованного жизненно важного всеобъемлющего счастья и радости от полноты единства с Богом. Государство – это часть физиологии или такое же значимое звено востребованной полноты живого биологического процесса человека (как потребление пищи), покушение на который также является преступлением. К примеру, казачество – это культ.

Тяжелый нудный труд, как несущий травму психики, покушается на здоровье человека, расстраивает волю его толь-

ко лишь в одном случае – когда он противоестественен самой основе психики человека, пребывает вне положения в общей бионике его. Вместо того, чтобы усиливать экстаз и укреплять психику, в этом случае, он её разрушает. Поэтому богообщение остается единственным условием нормальной жизни человека. Единственно естественное положение человека – пребывание и соучастие в Предвечном Совете Бога Троицы в пределах Замысла Бога о человеке. Исходя из этих посылов, нам становится ясным очевидное. Дело в том, что в условиях северных земель и северных широт, разделение труда было высшим изобретением, при котором каждый был занят нудным тяжёлым трудом. Да, труд так и остался разнообразным, но в разделении стал монотонным. Вместо того, чтобы ранить психику человека террором безысходной нудности, наоборот начинает её наполнять живоносным соком, то есть по иному и в большей полноте стимулировать радости в экстазе. Вдруг оказывается, что настоящая жизнь не в сытости, не в плотских утехах и не в постоянной лежанке, а в самом этом процессе рабочего замкнутого цикла, тяжесть которого только усиливает остроту и высоту экзальтации переживания радости. (07.01.00) *Монотонный физический труд в поте лица становится составной частью биологического процесса организма, с помощью коего радость бытия Царствия Небесного сохранена. А потому отдых становится иным – оный не может быть вне его же физиологии, также как нельзя отдыхать от работы легких*

своего дыхания или работы сердца, или процессов пищеварения. Как только труд стал нести в себе специфический образ Божий, так сразу он стал частью природы человека, вне коей жизнь невозможна. Человек перестает ждать окончания своего труда, но старается остаться в этой кондиции физических нагрузок, ибо просто начинает жить большей полнотой радости, от чего он счастлив и при этом за свое счастье он получает ещё и другое счастье – результативные вознаграждения от трудов своих. Более того, жизнь во Царствии Небесном, как уже много раз сказано, в пределах земных имеет только вот такой образ. Это та же самая кондиция бытия в Раю, только «другими красками» утверждения, а потому психика человека формировалась в контексте самого замысла Бога о человеке.

В Индии ради практики состояния Нирваны активируют болевые ощущения, чтобы создать контраст норме своего бытия (видеть через сие черное то, что есть белое). Наш осмысленный труд в поте лица, столь востребованный в наших широтах, подменили бессмысленной практикой йоги, причиняют себе неудобства и даже болевые ощущения ради поиска того в себе, что дарует спокойствие духа, выход из себя. Благодаря чему боль уходит или уже перестает восприниматься. Это тоже черное, посредством коего видно белое, а конкретно – настоящую радость, над которой боль не властна. Боль уходит по той простой причине, что все встает на свое естественное место, в коем каждому покусению

на живое соответствует свое противоядие, своя пята с толстой кожей. Тут тоже мы видим то же самое – поиск всего того черного, что контрастирует белому, усиливая восприятие. Тьма бесконечна, но источник света она не может вобрать в себя из-за бессилия своего. Да и вообще, такое высказывание не корректно, ибо бессилие – это небытия, это то, чего нет, отсутствие силы. (Это слова молодого Альберта Эйнштейна). Если бы не тьма, нам невозможно было бы видеть путь к свету. В этом случае, *даже* тьма является вспомогательным элементом нашему движению ко спасению, к возвращению во Царствие Небесное.

1.0.2.-36. Нирвана требует смотреть внутрь себя, чтобы избавиться от желаний. Что предлагает нам Православие? Православие требует смотреть на Творца. Так как Истина одна, то достаточно смотреть только в одну сторону – на Неё, что выразилось в природе человека и всего живого ^{смотри в} **томе 3 пояснение №79**. Умом мы можем смотреть только в какое-то одно место и оно более всего привлекает внимание при молитве, а все, что слабое и ложное, и больное уходит в небытие, оставляя только то, что имеет приобщение к Истине, а значит и радости бытия. И тут надо сказать о важных посылах, чтобы вести какие-то исследования. Дело в том, что вся физиология человека в одном случае, как вспомогательное для бытия в экстазе, является достоинством его, а в другом, если человек пребывает во грехе безделья, то – с точностью до наоборот – мешает радости бытия. Этот мо-

мент обозначился в образе жизни народов. Нирвана ^{смотри в} **томе 3 пояснение №79**, как понятие в современном облике, родилась в пределах мягкого климата и изобилия съестного, а потому столь сверхинтенсивный физический труд был не востребован. Отсюда следует, что все то в природе людей, что в северных широтах несло утверждение жизни и радости её, из-за не востребованности в данных реалиях рая земного имеет знак противоположности – мешает радости своей незадейственностью. Так возникла эта практика освобождения от всего того, что мешает человеку быть счастливым – освобождение от всех желаний плоти ^{смотри в томе 3 пояснение} **№79**. На самом деле человек родился в абсолютном счастье для духа, но в то же время на Голгофе для его физиологии. Ведь физиология призвана поддерживать душу в состоянии постоянной экзальтации экстаза опосредовано физической нагрузкой ¹³⁵. Если человек с Богом, то Голгофа контрастом даже усиливает радость и животворит психику, ибо для неё в природе человека оказывается своя пята и он призван на Голгофе жить, а не умирать. И при этом жить вечно. А если без Него, то даже изобилие всего несет боль и страдания. Человек бежит от тяжести и ищет себе упокоевание в лени. При этом следует сказать, что просто физических нагрузок для полноты счастья явно не достаточно. Если цель угодна Богу, то удовольствие усиливается, ибо достигается самое основное зерно полноты. Это видно из примера. Представьте, се-

бе, что вы катаетесь на лыжах. Да это приносит удовольствие, а теперь ту же физическую нагрузку если трансформируем в уборку снега, то уже полноты радости больше, ибо это уже доброе дело, а потому есть благодарные люди и теперь уже ясности ума вкупе с хорошим рабочим тонусом присутствует чувство морального удовлетворения. Убирать снег можно с чайными перерывами для бесед после каждых 40 минут. Теперь полноту радости можно усилить ещё сильнее, если снег убрать вокруг Храма. Тут уж трудно что-то рассказывать, ибо уже какое-то иное влияние от Храма активирует иные не ведомые новые переживания духа, открываются какие-то до сего не ведомые грани этого бытия и просто приходит уверенность в себе и радость тем родным, коих нет уж с нами. Это большая полнота. Через это уже надо пройти, ибо этот опыт чисто личный. (Этот труд возле Храма откроет нам, почему древние строили сооружения усопшим). После грехопадения человек так и остался жителем Царствия Небесного и потому естественно ему быть только в постоянном общении с Богом. Только теперь уже это общение, стимулирующее прежнюю высшую степень экзальтации экстаза, происходит «в поте лица». Итак, Истина – удел Царствия Небесного, тогда приобщение к Нему в естественном порядке (в поте лица будешь добывать хлеб) стимулирует тот же райский наивысший экстаз. Беседа с Творцом, активизирующая экстаз богообщения – стимул всех подвигов человека, даже при самых тяжёлых нагрузках и жертвенности. А от-

сутствие оной бьёт по рукам, человек способен даже на лишение себя жизни без каких-либо причин и в райских условиях. Состояние души остается главным критерием и мерой всех реалий Вселенной. Так как радости всегда мало, то человек, пребывающий в Божественной радости жаждет идти на подвижничество, чтобы еще более усилить радость. Потому именно для успешного поддержания души человека в этой кондиции духа призвано все и в природе организма, и в окружающем мироздании. Под это подстраивается мышечная масса, ум, пищеварение, работа сердца, вращение Земли и так далее – все способствует только счастливой жизни не в минуты безделья, а во время самого процесса монотонных трудов. То есть настоящий экстаз и полнота жизни не во время отдыха, а в самом процессе деятельности, которая, если вписывается в образ Божий в виде цикличной монотонности, становится частью физиологии, составной общего биологического процесса организма, также как иные процессы (дыхания, пищеварения и так далее) – как можно отдыхать от собственной природы? Именно в этом направлении могла идти эволюция Вселенной, если она есть в природе вещей. И тут не надо говорить о том, что люди жили так из-за того, что имели силу духа. Да это было, но дураков тоже нет, ибо все равно только радость толкает к жертвенному служению и наделяет человека жизнью, ибо деятельность должна иметь ещё и угодную Богу цель – это также значимая часть полноты счастья. Если вы не видите радость из-за

того, что труд этот бесполезный для выживания, то и работать не будете, причем тут сила духа? Человек родился ребенком и радостью ребенка он продолжает жить всегда – мы несем в себе ребёнка всю жизнь. По слову Ф.Достоевского «ничто на земле не стоит плача детей», то есть в каждом из нас живет этот младенец и он должен пребывать в радости. (07.01.00) Мы выводим этого младенца из себя и прячем от тяжести физической, чтобы не повредить его спокойствие – вот что такое экстаз. Природа человека в процессе эволюции этот момент подчеркивает, ибо голова пытается быть как можно дальше от процессов организма. Остается только экстаз этот упорядочить в естественном ритме жизни причем так, чтобы он вписался в земные реалии служения общественной безопасности. Надо гармонично включить его в общественные отношения для мирного сосуществования, то есть создать государственную структуру. «Нужно точно попасть в мишень». То есть цикличность, монотонность, периодичность и повторяемость активируют машинальность, освобождая и очищая ум для самого важного действия – плодотворного общения с Богом, тем самым обуславливая экстаз бытия. Чтобы ритм жизни в радости гармонично вписался в природные условия и тем самым труд начал бы приносить ещё одну грань счастья – был плодотворным, необходимо быть в ритме вселенских циклов, к примеру, точно знать все сроки посевов. Именно для этого оказался востребован календарь, чтобы жизнь в таком ритме точно вписа-

лась в годовой цикл. Ведь нужно точно знать, когда именно надо начать свой монотонный, однообразный труд на посевной¹³⁶. Точность – это одна из важных составляющих образа и подобия человека Богу, благодаря коей живое обретает Его свойство лимитизированной оптимальности (прообраз оптимальности в чистом виде – это точки, Начала начал). Таким образом, Стоунхендж – это просто ещё один шаг эволюционного становления, в котором организм посредством каменных рукотворных сооружений принимает более вселенские масштабы, но опять наделён тем же неизменным образом выражения Божественной Сущности в земных условиях, то есть тем же образом единства Его проявления – теперь уже в новых масштабах цикличности спирали истории. Ведь организм живого несет в себе множество повторений циклов начиная от самого элементарного строительного материала – атома и заканчивая ритмом биения сердца. Это уже называется ритуалом, в погоне за точностью исполнения которого, упражнялись древние арии. Вот так выглядит путь эволюции жизни на Земле.

1.0.2.-37. Таким образом, становится понятным возникновение Стоунхенджа, а равно древнего города Аркаима в Оренбургской области. Понятна также неизбежность совмещения культа усопшим предкам с наукой определения годового солнцестояния, что и воплотили древние посредством величественных каменных инструментов. Но если при тягестях жизни в районах Севера культ и ритуал порождают-

ся необходимостью автоматически (это сам образ жизни), то там, где тепло и сытно – нет. Там, чтобы вершить молитву и поддерживать ту же кондицию экстаза, востребован искусственный ритуал. К примеру, в той именно форме, в какой он нам предстает в Веданте – в точности выражения ритуала или периодичности. И даже календарь не востребован. Иными словами, если на Севере колесо само крутится естественным ритмом жизни понуждая к физической активности, то в Индии (а равно в иных близких к Экватору землях⁴²⁰), чтобы жить это колесо нужно уже вращать³³⁹ самому, ибо, чтобы общаться с Богом, надо сохранить в том же числе хорошую физическую форму, как важное подобие Отцу Небесному, как также значимое, недостающее условие полноты, востребованное для плодотворного общения с Богом, как внешняя значимая составляющая внутреннего молитвенного делания – в противном случае, человеку не нужна была бы нервная система, как мешающая богообщению, ибо посредством неё человек отвлекается от молитвы. Ибо это часть востребованной жизненной полноты и потому важное звено для практикующих единство с Творцом. Так легче творить молитву, так более комфортно богообщение – просто так удобно самому главному в теле человека – душе¹³⁷. В процессе исторического развития проявились новые реалии полноты выражения Божественного, а потому возникли иные приоритеты и соответствующие им формы естественного отбора замешанные на новых формах поддержа-

ния изначальной кондиции экстаза, стимулирующего государственность в среде бездельников¹³⁸. Отсюда йога и нирвана в современном понимании – это замена, востребованная изменившимися условиями бытия людей пришедших с далекого Севера к побережью Индийского океана. Дело в том, что во время практики йоги человеку легче ориентироваться в самом себе, в своем внутреннем мире. Почему? Дело в том, что очень легко утонуть в своих блужданиях по своему внутреннему бесконечному миру. Надо отрешиться от себя, но от чего именно. На помощь приходит боль. Человек ищет в себе то точку позиционирования в которой он не видит и не чувствует боль и вместе с этой болью уходит в небытие весь окружающий иогина мир. Совершенный иогин, говорят индусы, видит в себе события происходящие тысячи километров от него. Если в условиях Севера об этом даже не задумываются, ибо крестьянская ноша выполнит эту роль, то в условиях мягкого климата Индии все иначе и этих практик множество. Процесс засыпания сознания в высотах экстаза в единстве с Ним – это норма для организма человека, вне коего жить не может 111-01-00,777-01-00. Единственное, что мне трудно говорить о том, практикуют ли йогини через эту отрешенность непосредственное общение с Богом, как личность с Личностью, что стало возможно только после сошествия Святого Духа? Либо это просто чистота духовная от всяких помыслов и чувств, ибо вплотную этими религиозными традициями не занимался. Но в любом случае, идет

речь об активации одного и того же центра экстаза в природе человека. Речь идет только о разных способах, о различных путях, адаптировано к условиям проживания. Вне этого жизнь невозможна.

Эти различные практики Нирваны тоже есть открытие доступной для всех формы миротворчества, искусственный активатор силы духа и миролюбия, столь востребованных для мирного бытия всего общества. А ведь свойственный Северу путь к той же самой полноте радости, уже не имеет того жизненного значения для плоти, ибо в тех районах побережья Индийского Океана нет той остроты борения за существование как на Севере до Великого переселения. Страдания не те как раньше и не тот уже риск для жизни, стимулирующий собранность сообщества в борьбе за существование. Это иначе активировало извечный конфликт между душой и телом, между потребностью души и усилившимся послаблением плоти в новом теплом климатическом поясе. Вот с чем столкнулись славяне, переселившиеся на полуостров Индостан. Просто в любом случае человеку для жизни так и осталось как и ранее жизненно важным видеть Божественное, то есть надо зреть на белое, которое распознается посредством только черного. Как быть, ведь плоть должна зреть Бога через ум, в противном случае, все изменится в человеке. Потому человеку пришлось создавать искусственно себе боль и в этом состоянии всеобщего болевого шока искать тот уголок вселенной своего внутреннего мира души, где боль переста-

ет властвовать над разумом – вот что такое практика йоги. В ней человек освобождается от всего того, что несет ему страдания, несомые упражнениями йогоина²⁶⁹. Это та самая часть человеческой природы, которая потом претерпело святое Преображение во Христе, получив приобщение к Благодати Духа Святого. В принципе, строительство величайших каменных сооружений в эпоху неолита, как экономически бесполезное мероприятие, уже можно отнести к отдаленному прообразу достижения нирваны. Мы этим также пользуемся, когда престопаем к вершению молитв.

Надо сказать, что везде, где есть ныне массивные каменные культовые сооружения – там поселившиеся народы строили их по той же самой причине – это тоже открытие новой формы миротворчества ради единения с Богом¹³⁹. Этому свидетельствует Священное Писание, ибо люди строили только то и только то, что утверждало радость Царствия Небесного в земных условиях, что стало главным стимулятором мирного сосуществования и будущих государственных образований. Только нирвана и йога, как самоудовлетворение, ничему не обязывают, обделены полезностью достижения цели, столь нужной для выживания на Севере. Это духовный онанизм, оказавшийся полезным общежитию в районах субтропиков, а потому он ужился в условиях демографического взрыва – цель не где-то там, а в тебе самом – ложись и спи (из фильма «Садко»). Это конечно созвучно со словами Христа о том, что Царствие Небесное внутри нас –

в нашем сердце, но это не то. В условиях постоянной борьбы за жизнь экстаз северян требовал большей всеобъемлющей полноты задействованной природы для утверждения радости. Ибо для выживания уже нужно действие, осмысленное напряжение физических сил – каждое действие должно быть сопредельным с целью, то есть правильным, точно выверенным, осмысленным и должно являться составляющей общего стремления к цели. Жизнь – это не спорт, как разновидность нирваны и йоги в погоне за самоудовлетворением. Жизнь – это служение Общему Делу Предвечного Совета, в прообразе чего победы сразу всему народу нужны были, а не одиночные, что обусловлено тяжёлыми условиями жизни северных районов. То есть счастье всегда наделяется более всеобъемлющей полнотой там, где есть достижение целей и решение ещё и задач более вселенского масштаба и эта полнота счастья нужна в тяжёлых условиях Севера. Даже уединение старца, восседающего в покое с четками в руках – это совсем иное понимание отрешенности себя от своих чувств, чем то, что мы видим индийской и азиатской традиции. Там динамика беседы двух живых личностей, человека с Богом. Хотя он также неподвижен и экстаз его уже не может стимулироваться физиологией прежним образом, когда он был молод. Отсюда и возникает эта потребность идти в диаметральной направлении, а именно отрешиться от всех своих желаний, упражняясь в аскезе совсем иначе – в удобоприемлемом для старца образе. Ведь плоть его уже сама по

себе не тревожит и лишена чувств. Это тоже жертва и она также не ради себя, а ради тех кого он родил когда-то и ради тех, кто вокруг и далеко за пределами селения, ибо он живет только их радостью бытия. Он счастлив их счастьем. В уме он просит Бога за них – в противном случае, нет подобия Богу, а потому молитва не может быть услышанной. Поэтому этот созерцаемый покой – только лишь обманчивая видимость. На самом же деле за внешним покоем прячется бурлящий поток жизни в высших сферах, в коих решаются судьбы мира, сообразно снежинке, сталкивающей снежную лавину в пропасть – вот до каких высот он, старец, смог подняться для того, чтобы стоять за свой народ. Он там на верху в брани, а чистота души – это то, что ему дано в покаянии для торжества в борении. Бог для другого сил не дает. По образу Божьему он становится все более и более бездейственным, но все более и более результативным³⁰⁵. Такие старики нужны в любом состоянии их немощи, ибо от них идёт благодать. В Индии все борение сводится к очищению от всякого желания. Умудренные в этом старики ходят по селениям, заходят в любой дом и несут в себе поучения о Нирване. (Вот как это комментирует режиссер фильма «Садко» А. Птушко и сценарист К. Исаев после слов птицы-счастья о том, что всякое действие приносит проблемы противодействия и потому для счастья надо просто отказаться от каких-либо действий и просто спать, на что Садко Гуслиар отвечает: «Негожи нам эти песни. Дура – птица. Ты выйди и на белый мир посмотри».)

ри, спой им – может сыты будут ваши людишки... Нет, и это видать не то счастье, что надобно нам. Пойдёмте побрательнички...») Но то, что было силой в условиях Севера, стало злом в условиях юга. Именно бесплодный духовный онанизм нирваны¹⁴² ослабил переселившихся в будущую Индию славян и много веков спустя обеспечил столь быструю колонизацию индийского народа англичанами³²⁸. Хотя, повторяюсь, что этот опыт тоже важен, но ведь Иисус Христос привнес в аскетизм животворящую осмысленность и большую результативность. Таким образом, получается, что жизнь зародилась на Вершине, прообраз которой несет в себе Голгофа от начала и до конца. Жизнь во Царствии Небесном требует очистительную жертву, имеющую множественные прообразы её. То есть Голгофа должна оставаться в бытии – только там живому естественно быть. Не ритуал, а его наполнение есть жизнь¹⁴³. Хорошо сервированный стол не гарантирует сытую жизнь, то есть можно принимать пищу и без столовых приборов. То есть важно сказать, что сам по себе ритуал пуст, становится для жизни тоже бессмысленным, как нирвана и йога. Также как главное деяние Свое соделал Иисус Христос, а пресвитеры Православия выполняют востребованное для единения всего народа ритуал-воспоминание о главном деянии Сына Божьего, чем мы едины в мировосприятии. Но согласитесь, что сие хоть и востребовано как служение Богу, но бывает далеко не равнозначно в приоритете.

Но именно так сложилось в истории человечества. Ритуал, обеспечивающий бытие жизни человека в тяжёлых условиях Севера – норма жизни, которую нельзя назвать ритуалом, но её естественно сложившимся ритмом. Ибо сам по себе ритуал важен для иного – он несёт не только единообразие мировосприятия, но и поучительную функцию новому пришедшему на смену старому поколению. (982 н.РХ.) *Здесь важно сказать о природе молитвы. Дело в том, что молитва, если она настоящая молитва, возвращает человека-молитвенника в то состояние, в коем он был в самом раннем младенчестве. Он перестаёт помнить злое и обиды, прощает всех, не видит ни национальности, ни условий жизни своей. После того, как он возвращается в этот мир, важно, чтобы он видел перед собой верные установки на жизнь и хороших наставников, у коих ему надо нести послушание. Вот тут-то и подбирает его, вновь рожденного для этого бытия, ритуал, наставляет его на путь Истины. (Ведь человек после молитв должен вернуться в сообразность Божественному, адаптированную к данным условиям жизни народа, к национальному характеру и к образу жизни народа).* Но когда человек оказался в условиях, не требующих прежнего напряжения сил и воли (а для общения с Творцом (то есть для экстаза) востребована прежняя полнота подобия, то есть должны быть задействованы те же грани природы человека в той же полноте и в той же интенсивности), тогда человек решает этот вопрос двумя способами. А точнее тут одно

из двух: либо он строит грандиозные сооружения (которые, как и йога, для решения житейских проблем и добывания хлеба насущного не имеют значения) и этим самым нудным, тяжелым процессом активировав прежнюю кондицию тяжести жизни для пребывания в экстазе или же вовсе ради нирваны отказывается от всякого чувственного восприятия и влечения плоти. (982 н.Р.Х.) *Если природа тела не задействована в самой динамике богообщения, то она имеет диаметрально противоположное действие – мешает человеку в этом священном мероприятии – отвлекает его, что и есть основа всякого греха. А потому наоборот приходится усыплять все то, что ему мешает быть в прежней кондиции счастья, очищает себя от всяких желаний и отвергает всякие движения природы тела. Иначе, нет прежней полноты экстаза.*

1.0.2.-38. Подобное порождает подобное, то есть сам себе цикл – это физико-математическое выражение той грани бытия Божественного, которую мы вычленили для исследования, изложенное на свойственной ей (границе) физико-математическом языке понятий – это такое слово природы в данной ее сфере-области бытия форм о Боге и Богу, на котором говорит человек с Богом, о Боге и Бог человеку. О Нем говорит каждая фибра вселенной во всей её многосложности от начала до самого конца во всеобъемлющей бесконечной множественности. А физико-математический понятийный язык – это сфера-область бытия, как одно из последних звеньев этого богообщения посредством узкого спектра бытия – форм.

Именно по этой причине, каждая фибра этого мироздания несет в себе элемент периодичной цикличности, как несущей в себе хотя бы один элемент постоянства или абсолютное подобие пустоте в форме. Поэтому цикл во Вселенной – это специфическое свойственное данной реалии выражение единства внутренней природы в пределах возможности механики это делать. В древней греческой мысли хорошо проработана эта идея, что в область постижения разумом попадает только то, что остается в сфере функциональности ума, то есть несет в себе порядок¹⁴⁰, иными словами цикличность в структуре, как специфическое слово материального мира о Боге посредством формы, сказанное веществом в пределах её физических возможностей говорить о Творце и Творцу. Это то же самое явление Творца человеку только в иных проводниках Его. Сама по себе природа человека несёт в себе, в своей природе множество циклов, периодических движений и симметрий, как распознаваемое сим присутствие Божье через Его нетварные энергии. Нетварные энергии наделены единством и абсолютным постоянством, их невозможно разрушить, но перейти из одного состояния в другое или из одного образа исповеди о Нем в какой-то иной. А потому эти множественные симметрии естественным образом для способностей природы механики выражают разные грани единства бытия нетварных энергий. Просто подобное порождает только свое же подобие, а потому и ритуал вышел из самого человека, ведь периодичность, по-

второяемость, цикличность – также внешнее проявление-порождение внутреннего мира. Это характерные для личности черты, специфически явленные в данной сфере-области бытия. С одной стороны – свидетельство о воле Божьей и выражение единства. А с другой стороны, так как человек тоже, как Он, наделён волей, то для приобщения к Его Божьей воле нужно отдавать должное и этой области-границы бытия, коей свойственно заявлять о Боге данным образом – цикличности. Нужно самостоятельно творить в образе Его подобия – в образе периодичности. Все без остатка должно исповедовать Творца, ибо вне богообщения не существует вообще ничего. А потому, рассуждая посредством специфики используемых инструментов, цикличное общего очертания структуры ритуала становится молитвой, молитвенным деянием плоти в пределах её возможности. То есть молитвенным деянием в механическом исполнении, что неизбежно становится понятным для Бога и оказывается в поле Его зрения, а потому становится заметно Его Разуму, ибо оно подобно Богу как живое свойство личности, стремящееся к Нему, чтобы быть рядом с Ним и в Нем Самом. Это значимо и востребовано для цельности и законченности образа полноты.

(07.01.00) Просто получается, что тело, как несущее симметрии – это есть видимое слово молитвы Богу, а значит все то свойственное телу человека, а именно хорошее здоровье, цельность, полнота всеобъемлющая – это также востребовано богообщением и это также есть образ Божий,

*это уже есть молитва Творцу*¹⁴⁴. Да и слова молитвы наше тело может произносить только таким и ещё и вот таким образом – в специфическом своем творении образа Божьего, что выражается в некотором цикле повторяемости. Ритуал – это стремление уподобиться Ему в возможности тела выражать единство цикличностью между началом и концом явления, ради возможности «зацепиться за Творца» через искусственное уподобление Ему, ради качественного общения с Ним. Просто Бог не подобие Себе не воспринимает, а потому всякого не подобия Ему нет в этой реальности. К примеру, замкнутая кривая – это подобие Творцу в одном, но если она имеет форму отличную от абсолютного круга, то не смотря на замкнутость в прообразе единства Творца, она форма не подобна Ему в постоянстве расположения точек. Образ постоянства отклонения от направления – это есть подобие пустоте, как носителю всех видов постоянства. Быть инородным самой пустоте невозможно, а потому временно по сути⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻⁷.

(982 н. Р.Х.) Такое подобие тоже действительно, как единственная подходящая уникальная форма ключа к замку, благодаря чему Он видит Свое подобие и понимает эту речь. Бытию тоже хочется быть в общении с Богом, ведь подобие его Ему – это такое бытие, которое тоже определяет сознание, как вспомогательное сознанию в деле служения Богу. Эта уникальная форма кривых на замочном ключе, которая в своей специфической сфере бытия точно повто-

ряет требуемую ломанную кривизну скважины замка. Подобие одного другому обеспечивают результирующее сопряжение. Только подобие здесь требуется не только в этом качестве формальности, как у ключа, а востребовано богоподобие более полное – в виде качественной чистоты духа. Этому способствует и призвано способствовать вспомогательное соучастие тварной природы в самом важном делании человека – в общении с Богом. Она должна способствовать молитвенному общению человека с Богом, а не покрывалом его грехов¹⁴⁵, как это возникло в Раю, далее стало идолопоклонством и потом, в процессе эволюции, выразилось в научно-технической революции, не утверждающей живое там, где жизнь без НТР невозможна, а как энергоёмкое покрывало его грехов. Она почему-то стала служить не очищению духовной жизни, ради праздника душевного, а как раз позволяет жить в этом райском саду вместе с грехом, в лени, без радости становления личности, то есть в извращении Божественного. Это опасно. Нужно покаяние.

Для осознанного уподобления Богу и плодотворного общения с Ним человек сам по своей воле творит образ единого – так родился ритуал. Это также как попавшему в воду необходимо делать определенные повторяющиеся движения руками, чтобы уверенно держаться на поверхности. Ритуалом здесь является всё абсолютно, начиная от строительства дома и заканчивая теперь уже космическими полётами. Повторюсь, если на Голгофе это богообщение естественно и

непосредственно, то вне её, вне тяжбы и вне жизненно важных потуг, значение имеет все. Востребованы подобия Ему даже в формальностях ради единства с Богом. Хотя только формальности без сущностной чистоты духа – это тоже крайность. Ведь форма несет в себе прообраз границы в чистом виде или противоречий в чистом виде, чем является точка. Точка – это противоречие в чистом виде, в коем абсолютно великое пространство в антагонизме абсолютному ничтожеству. Прообраз точки – это прообразы отсутствия или ограниченности бесконечности, ибо точка величиной не обладает, ибо нет греховной величины у Сущности. А так как мы все же несем в себе величину греха, то есть тело, то оно должно нести прообразы этого абсолютного совершенства (отсутствия величины греха) во всех гранях земного бытия. Иными словами, образы точки должны пребывать в каждой микроне данной реальности. Какие это прообразы, свойственные точке? Точка абсолютно симметрична, замкнута, циклична сама в себе, имеет постоянство величины искривления во всех степенях. Как видим все это мы несем в своей природе организма и не исключением будет какие-то странности в образе поведения и в образе жизни. Там тоже должны быть прообразы точки и пустоты, чтобы бытие не оказалось инородным самому естеству своему же. Иными словами, после грехопадения человек так и остался жить во Царствии Небесном, но только теперь земная жизнь, то есть жизнь после грехопадения – это такое сочетание языко-

вых систем беседы личностей Творца и человека между собой. (07.01.00) *Общение может быть только сущностным, а формальности всегда лишь отражение этого сущностного единения. С грехопадением речь не изменилась, но изменились способы ее вести. К примеру, образ сущностного общения имеет образ общения внутреннего мира одной личности с внутренним миром личности другой. Муж входит во внутренний мир жены, то есть именно в этом прообразе происходит общение внутренних миров межличностного общения. Входит в этот мир через то, что имеет прообраз точки в образе того, чем был змей-искуситель. Как-то иначе данная зримая реальность окружающей природы выразить не может. понятийный язык выражения не может звучать как-то иначе. Вне сущностного общения личностей всякое единство становится насилием и терроризмом. Непосредственное межличностное общение человека и Бога обрело посредники в прообразе разного рода подобия точке. Все это важно сказать человеку, ибо он обычно не знает о том, кто он есть, ибо в поле его зрения попадают, обычно волчьи стаи или иных диких животных. А потому ищет не Лицо Бога через покаяние, а то, что дает ему жить вечно греховной жизнью.*

Действительно, человечество могло возникнуть только там, где в жизни ещё не было искусственно творимого периодического делания, то есть ритуала, ибо жизнь сама была ритуалом, но (по слову великого русского философа о. Ан-

дроника Лосева в «Диалектике мифа») на некотором прообразе и подобии Голгофе, в коей точка уже есть Вершина вершин. А потому то, что естественно для нас северян, для южных стало откровением о Боге. Иными словами, грандиозные стройки каменного века – это лишь потребность человека быть в прежней кондиции счастья Царствия Небесного, оставаться тем, каким он был всегда, хранить прежний накал борения и востребованы они не для результата, а только для бытия в самом этом процессе строительства, для своей жизни в прообразе Христа на Голгофе. Это являлось пророчеством о Перовм Пришествии Его во плоти. Это, как и нирвана, тоже можно назвать грехом Онана, ибо огромные напряжения сил не несут в себе практической осмысленности, не имеют значимости для жизни – прообраз йоги в иных формах и масштабах проявления. Мне думается, что только так могли возникнуть Египетские пирамиды и все то подобие им, что мы находим ныне. Ибо в этом есть воплощение полноты экстаза: напряжение всех фибр плоти человека, ритуальная цикличность для молитвы, почтение усопших предков⁴⁶⁹. Вы поймите, что если вы зверя посадите в клетку и будете кормить, то это совсем не означает, что он просто ляжет и будет лежать. Для поддержания физиологических процессов ему необходимо делать все тоже самое, что он делал на свободе. Он также будет двигаться по клетке – метаться из угла в угол, но его движения бессмысленны.

1.0.2.-39. Плотин называет абсолютную простоту одним

из свойств Бога, которая оказалось в поле нашего зрения как необходимый инструмент. Если мы возьмем во внимание это ещё одно имя абсолютного ноля или единства (если мы возьмем это свойство за первопринцип устройства мира), то все то, что мы рассматривали о Божественном на понятийном языке ноля откроет нам иные грани, будет выражено теперь уже понятиях Плотина – всякие усложнения простоты производят во Вселенной эту многовариантность многообразности в границах зеркального отражения ноля, которое нам естественно воспринимать чувственно или опосредованно ума. Ничего, кроме ноля мы воспринимать не можем и мы через множественное бесконечное усложнение воспринимаем только ноль. Как пространство свидетельствует о Боге? Дело в том, что простота зеркально отражается во всех усложнениях, то есть подобное рождает только свое подобие¹⁴⁷. А потому всякие усложнения, в конечном счете, как порождение подобия, продолжают нести в себе в общем плане тот же образ простоты и принимают образ простоты, и воспринимаются органами чувств только в пределах простоты. Повторюсь вновь, что мы везде созерцаем только простоту, но зеркально выраженную и явленную в усложнениях оной, продолжающей нести в себе элемент постоянства простоты. Да мир бесконечно многогранен, но мы вычленим из него то, что поддается нашему осмыслению и восприятию – только удобоприемлемую полноту в природе усложнения. Мы смотрим на Вселенную опосредованно того, что заложено

изначально в человеке ещё во Царствии Небесном, то есть для человека естественно искать только счастья себе – накладываем заложенный в нас шаблон и вычленяем из окружающего мира то, что нам подобно по образу и подобию, то что бросается в глаза, как контуры образа Божьего, как первые признаки живого, имеющие отклик на влияние Творца нетварными энергиями Его – своё подобие – выражение простоты Бога. Что-то иное нами не востребовано, как не имеющее жизнеутверждающего значения. Поэтому обозреваемое нами пространство подобно нам в причастности к Абсолюту жизни в различной степени, свидетельствует о Боге в виде всего того, что разумом созерцается в пределах дозволенного замыслом Божиим, а потому остается не утраченным даже при поражении грехом. В критериях анализа простота представлена нам, как образ пустоты в данной реалии бытия на специфическом языке, свойственном для данной реалии бытия. Если окружность – это образ пустоты на понятийном языке геометрии, то простота – это повествование о том же самом, на языке более общем, более пространном. Далее мы ниже скажем и обоснуем в третьем томе о том, что у простоты есть еще одно имя – любовь. *(Любовь) Точнее будет, если мы скажем, что простота, постоянство, пустота греховная – это имена любви, а не наоборот. Пусть будет так, но нам важен сам принцип, с помощью коего мы вели обоснование. Там мы зададим теперь уже этот первопринцип построения Вселенной, чтобы понять иную грань бытия Бога*

и в большей полноте.

Если точка является общим для нас и с нашим миром, то это не простота, а первый элемент усложнения, имеющий максимально много общего с простотой (смотри 777-01-2.2), несет множество свойств простоты и наиболее всего подобна простоте. Если точка не является общей для нашей реалии, то ее нет для нас – она есть пустота.

Бог присутствует везде, то есть является с одной стороны причиной и активатором жизни, а с другой Он является пустотой греха. Именно вторую составляющую, явленную нам как пустоту греха, посредством ума и его инструментов, то есть науки, мы функционально исследуем, Иными словами, не смотря на то, что Он присутствует, но не может проявить Себя во грехе в виду Своей абсолютной святости и потому может быть познанным посредством поражённой грехом множественной природы, ибо в пределах её обозревания Он свидетельствует о Себе. Нет греха – не может быть нарушения равновесия – тогда нет величины крена от положения равновесия. Такое положение вещей представлено в системе координат точкой. Точка это не пустота, с одной стороны, но и не величина – с другой стороны. Вот как сказал об этом В.Н.Лосский «Очерк мистического богословия Восточной Церкви»: «Всякая тварная вещь имеет точку соприкосновения с Божеством: это её идея, её причина, её «логос», который одновременно есть и цель, к которой она устремлена». Далее точка, как модус не может быть вне свидетельства

о Творце, а потому, чтобы выразить свою внутреннюю природу, движется как-то выражая в самом процессе постоянство, в том же числе постоянство выражено во всякой непрерывности, то есть в самом факте ее – от начала до завершенности с коэффициентом кривизны равным нулю. Далее, чтобы быть понятным, следует произвести некоторые суждения. Представьте прямую линию. Вот на неё оказывается влияние Бога. Что должно измениться в самой прямой линии? Может она станет короче или длиннее? Нет, ибо как может бесконечная прямая быть короче или длиннее? Прямая, являясь свидетельством о Боге в одной сфере, может свидетельствовать о влиянии Бога только так, как это ей свойственно, то есть одним способом – изменить направление и стать кривой линией, причем только в Его же Божественном образе свидетельства о пустоте¹⁴⁶, то есть с одним постоянным коэффициентом закругления кривизны, но только уже отличным от нуля (что свойственно прямой). В данной сфере бытия сие работает только в этих критериях, ибо природа прямой как-то иначе говорить о Боге не способна. Просто в природе вещей для данной области бытия Вселенной чего-то иного быть не может. Прямая не может как-то иначе изменяться, кроме как изменением направления. (А как может измениться кривая с одним постоянным коэффициентом закругления – изменить коэффициент таким образом, что постоянным уже будет приращение в коэффициенте в каждой последующей точке. Таким образом закругление начнется еще бо-

лее усиливаться. Перед нами новая реальность, которая характеризует то же самое постоянство ноля, но только иначе. Оба варианта тождественны в одном – в самом ноле). *Новый появившийся вид усложнения, свойственный иной сфере бытия, не может выпасть из прежнего более общего свидетельства о постоянстве Бога. То есть кривизна, а точнее её общая реальность, так и остается постоянной пустоты. (Это также как если люди едут в трамвае, то не смотря на все те сложности отношений между ними внутри трамвая, они в общем плане продолжают двигаться по рельсам). Точно также и сама прямая свидетельствует о точке, как о более общем. А точка – о пустоте. (Тут следует прочесть ссылку 1133-305) Теперь, если мы представим себе пустоту, то увидим ее во множественных образах. Если есть константа, то есть подобие пустоте. Эта константа может присутствовать в явлениях со множеством степеней, но не смотря на это, даже такая агрессивная абсолютная крайность не будет инородна пустоте, а значит и природе вещей* (вот здесь уже начинается богословие или первое погружение в губины квантовой механики).

Иными словами, у каждой самой откровенной бесконечной крайности есть то, что имеет общее с самым абсолютным ее отсутствием – это постоянство пустоты, как части всякого видимого бытия и эти все реалии, из-за того, что несут в себе постоянство, то есть остаются не инородными вездесущей пустоте, оказываются не инородными

и друг другу, а потому могут дополняться взаимно, когда выстраиваются в определенный порядок. Иными в каждом из нас эти реалии имеют место быть (777-01-1). Это значит только одно, что мы можем прикоснуться к любой даже самой бесконечной галактике в любой момент.

Таким образом, в бытии реальность должна нести печать сразу двух составляющих: и точки, и прямой одновременно. Как это возможно? Окружность или сфера сообразны точке (просто их радиус больше нуля), а потому точка в реалии может быть выражена или спиралью, или прямой^{311-(г)} (просто, если радиус вращения вокруг прямой-центра спирали равен нулю, то спираль становится прямой). Кривизна, в пределах живительного влияния Божественного, явлена только в пределах прямой и свидетельствуя о Божественном в более общем и в частном внутреннем усложнении (своей кривой описывая окружность), в то же время движется ещё и по прямой. Получается у нас некоторая синусоидальная спираль. А если мы вспомним, что чувственная природа распознает только то, что несет хоть какой-то элемент постоянства (печать Божественного присутствия) через то, что стало терпеть процесс распада, то перед нами возникнут новые образы, новые имена той реальности, о которых свидетельствуют точка, прямая, спираль и так далее. (Сам по себе распад – это перестроение в новый образ дного и Того же – Творца). Благодаря чему, мы поймем природу свидетельства о Боге в электромаг-

нитной волне, в процессах атомного ядра и вообще во всем вокруг. Мы поймем природу свидетельства о Боге во всем вокруг и в разных образах, представляющих нам внутренний мир усложнения. Мы так и остаемся созерцателями того, что нам удобоприемлемо созерцать, то есть созерцаем то, что оказалось в области нашего сильно ограниченного мировосприятия. То есть воспринимать мы можем только простоту, которая так и останется внешним обликом, так и останется общим для частного – для внутреннего усложнения. Мы распознаем Божественный мир опосредовано того, что дает нам способность вычленять Его из всех Его образов усложнения. Мы созерцаем только с высоты вершины на то множественное усложнение, которое раскинулось у подножия этой горы, которая всегда есть и будет прообразом Голгофы Христовой. Все во Вселенной содержит в себе две реалии – Вершины-первоначала-первопричины и следствия. Все едино в этой Вершине и разделено в следствиях-усложнениях. Воздействия и взаимодействия – это иное имя единства Вершины, в пределах коей происходят всякие взаимодействия. Все вокруг тождественно между собой опосредовано Вершины⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻¹. Мы все едины, ибо стоя на этой вершине, нам открывается один и тот же мир, в одном и том же проявлении во все времена (потому всегда новое будет хорошо забытым старым). То есть мы видим сначала пустоту греха (отсутствие греха), потому различные проявления образы пустоты греха в её носителях

– точку, потом линию и потом только плоскость, и так далее. Все вокруг нам предстает пустотой греха только в этих самых первых образах – мы видим точки, прямые, линии, окружности в самых разнообразных сочетаниях. При этом, следует сказать слово о движении – это совмещение двух образов, несущих в себе разные элементы постоянства – прямая и точка³³⁰. Все то, что стоит за этими реалиями, какими бы они усложненными в процессе эволюции не были, выпасть из их пределов не могут – остаются внутри.

1.0.2.-40. То есть если есть Бог, то движение любого порядка и вида всегда будет свидетельствовать о Нём присутствием элемента постоянства (вне коего, кстати, распознавание никакой всеобщей относительности невозможно) в пределах строго своей природной узкой специфики, свойственной среде данной сферы-области бытия свидетельства о Нем и при этом сие влияние будет постоянным в любой точке линии¹⁴⁷. То есть из прямой становится линией имеющей постоянную кривизну (постоянное приращение кривизны, постоянное приращение приращения кривизны и так далее). Это высказывание мы должны принять за аксиому. Поэтому движение, как модус, не может быть частью безобразного хаоса, но частью общего первоначального образа, в коем элемент постоянства заложена как грань, а потому продолжает свидетельствовать о Нём везде своим изначально заложенным элементом постоянства – мы фиксируем изменение траектории по окружности. Окружность, с одной стороны, яв-

ляясь частным одним из возможных случаев хаоса, с другой стороны, как данное уже в ином критерии (в критерии порядка), не может быть частью безобразия хаоса – оная специфически созерцаемый видимый Образ Его, свидетельствующий о Господе в вычлененной нами сфере – опять движением, а сложность опять в образе своего проявления имеет образ удобоприемлемой восприятию абсолютной простоты – окружности. И так до бесконечности прямолинейность сменяется окружностью, сложность не выходит за пределы простоты и остается сообразной точке и ее постоянству. В принципе точка, прямая линия, окружность и множественные их композиции вариаций несут в себе самотождественное различие в инобытии, ибо точка – носитель абсолютного постоянства абсолютной пустоты; прямая – носитель постоянства посредством носителя его – точки, то есть уже в инобытии; спираль опять несет в себе постоянство пустоты и того набора инструментов, коими наделены точка, прямая, то есть из всех фигур именно окружность наделена максимальной простотой и образом постоянства в востребованной исследованием реальности (это легко проверить математикой). В её кривизне, как и в прямой только один элемент постоянства – коэффициент кривизны (у прямой тоже один коэффициент, равный нулю). Спираль, как носитель свойств и окружности и прямой также несет в себе один и единственный элемент постоянства – в постоянной кривизне, у которой концы окружности не совпадают. Так как все названные элементы

науки являются носителями постоянства, то неизбежно оные имеют одно общее для них, посредством коего оные тождественны и посредством коих происходит взаимодействие точки, прямой и окружности между собой – посредством одного и единственного общего для всех – постоянства Творца и во Творце. То есть всякое общение происходит только в Самом Творце Боге. Это вычленение сферы из бытия, то есть тот модус, способный свидетельствовать о Творце опосредовано математики, в котором мы видим движение точки по прямой и по окружности одновременно. Чем именно является сие общее для всех составляющих? Представьте себе точку на поверхности сферы мыльного пузыря. Она не виснет неопределенно в пространстве, как это свойственно хаосу, а является частью единой сферы поверхности мыльного пузыря, а потому живет по законам, свойственным этой мыльной сфере. Теперь, перенесем этот образ на пространство. Точка являясь частью общего, остается частью его и живет по законам именно этого общего. А потому в истории Вселенной эволюция становления нам рисует то, что свойственно данной области общего – она рисует то, что несет в себе Божественное, то есть наделено элементом постоянства – одновременно и окружность, и прямую. Можно сказать, что точка, как несущая в себе окружность с радиусом равным нулю, рисует окружность рисует во всех абсолютно случаях, ибо прямая – это тоже окружность, радиус которой бесконечность. Поэтому, если мы вычленим из этого бытия

сферу геометрических фигур, то есть уберем краски и оставим одни формы, то мы видим мир во множественных сочетаниях форм, представленных нам во множественных сочетаниях точек, прямых, плоскостей, сфер и окружностей. Что-то иное не имеет подобия пустоте, из которой вышло всё созерцаемое мироздание. То, что они выделяются цветовыми гаммами, качеством и количеством – это уже другой вопрос и иная сфера богословия в пределах подобия пустоте. Множество разных вариация выражения пустоты. Инеродное пустоте всегда временно (777-01-1). Но их сущность остается также в этой же проекции – они несут в себе специфическое выражение печати Божьей – элемент постоянства. К примеру, момент инерции, как стремление сохранить прежнее состояние – иное имя массы тела. Итак, получается, что точка – абсолютно бесконечно мизерный частный случай общего существует по законам только этого общего (остается частью сферы мыльного пузыря). Общее, в виду своей бесконечности космоса (пустота пронизывает все), имеет различные проявления влияния, представленные нам как окружности с разными радиусами начиная от нуля (точки) и заканчивая бесконечностью (пространством).

Живой человек всегда несет в себе единство – это грань образа Божьего. Поэтому даже если мир множественно многогранен, то опять в поле нашего зрения попадет то, что *удобоприемлемо* выражает Божественное единство всего, соединяющее мир через его начала. Именно с этими множе-

ственными зеркальными отражениями мы имеем дело во всех научных анализах и в быту. Единство, простота Бога и Его бесконечность, пустота-отсутствие греха (как безгрешного), в области мировосприятия змия-искупителя, чью позицию мирозерцания принял Адам (в этом удел противостоительного человека пораженного грехом мировосприятия) – так вот все это явлено нам точкой – мы не видим доброе, ибо дано нам видеть и распознавать только злое. Поэтому чувство в Боге видит бесконечно малое, свойственное злему – точку, отсутствие величины злого, а разум в этом абсолютном мизере, как образе совершенства (в совершенстве величина злого абсолютно ничтожна) открывает и видит прообразы ничтожной малости злого, прообразы пустоты или отсутствия злого – свое Божественное подобие. То есть ум видит все более и более всеобъемлющую раскрывающуюся, бесконечную полноту Творца³⁰⁵.

1.0.2.-41. И тут, надо сказать, что не смотря на то, что точка является носителем постоянства в самой себе, с одной стороны несет в себе первый элементарный порядок и составляющие абсолютно всех порядков, а с другой стороны несет в себе некоторый элемент хаоса – точка может двигаться неопределенно(777-01-11). Следовательно, все то, что хоть как-то имеет дело с точкой, также несет в себе двойственность природы. Поэтому прямая линия, хоть и несет в себе элемент постоянства – она также есть носитель постоянства только уже в ином бытии для точки, в коем имеет

место свидетельство о Боге обыкновенной непрерывностью или постоянством нераздельной связи на всем протяжении линии (просто в данном бытии свидетельствовать о Творце естественно только вот таким вот специфическим образом или природе естественно вести речь о Боге и Его постоянстве только в таком образе) – в самоидентификации, но только теперь движение может постоянно менять свое направление. Линия свидетельствует о Боге безразрывностью, непрерывным единством связующим каждую точку. Линия также должна свидетельствовать о Творце и его единстве, ибо мы здесь копаем Его речь к человеку – зеркально отражается единство в кольце, то есть в окружности, то есть в правильной фигуре. Далее движение самой этой окружности по окружности, далее этой последней окружности опять по окружности и так до бесконечности. Как бы единство постоянно подбирает хаос, наделяя его свойством упорядоченности с различными образами одного и того же элемента постоянства. Именно по этой причине даже хаос оказывается в поле зрения наших возможностей делать анализ, ибо несет в себе подобие нам – он, на самом деле есть порядок, характерная черта личности, но из-за того, что порядок трудно распознаваем (или порядок выпадает из поля зрения), он предстает перед нами хаосом, в коем присутствуют две составляющие той самой системы берег-река. Вот почему хаос остается хаосом в пределах изволения Бога. Хаоса как такового не существует. Существует только обозреваемое смешение

порядков.

Для чего акцентирую на этом внимание? Подготавливаю читателя к изложению более сложных труднодоступных моментов мировосприятия из сфер квантовой и ядерной физики.

1.0.2.-42. Слово «отражается» – это иное значение от слова «рождение», то есть подобное рождает свое подобие, выраженное посредством уникальных свойств среды, а в нашем случае речь идет о творчестве. Поэтому, какой бы сложность не была, она несет на себе зеркальное отражение простоты¹⁴⁷ в любой уникальной реальности. То есть выражение образа Божьего в пределах возможности природы Вселенной поражённой грехом творить это отражение. Таким образом, любая сложность, в конечном счете, и в общих определениях, должна иметь выражение единого в смысле целостной замкнутости или цельности, в границах которой происходят процессы усложнения эволюционного становления. Иными словами, всякое диалектическое усложнение не может выйти за пределы цельного, но происходит только внутри, а так как развитие и усложнение будет иметь место всегда, а утверждающая всякое бытие полнота Божественного не может проявиться единовременно в одно мгновение (только постепенно и последовательно) и при этом не должно быть инородным вездесущей пустоте, то, неизбежно, отражение единства и простоты, и пустоты – это развитие во всеобъемлющей полноте в данных критериях будет иметь вид спи-

ралеобразной траектории. Мы вычленим из бытия ту сферу, в которой математический анализ видит только свою подобную себе специфическую составляющую спирали и при этом в пределах все той же нашей возможности его воспринимать, а сознание – свою¹⁴⁸. Поэтому, какой бы сложность не была, она не инородна простоте по внутреннему усложняющемуся естеству природы, имеющей либо простоту, либо сложность формы¹⁴⁹. Надо заметить, что всякое усложнение происходит только в сфере подобия абсолютной пустоте, по образу и подобию подобия окружности-пустоте. Окружность наделена устойчивой стабильностью только по тому, что несет в себе только один элемент постоянства пустоты (пустота – это реальность постоянства в чистом виде) – коэффициент кривизны. Всякое вне одного элемента постоянства пустоты уже имеет степени инородности (к примеру эллипс), так как меньше в ней подобия пустоте, отчего возникает внутреннее противоречие-напряжение в самой структуре бытия между неподобными друг другу, из-за чего оно восстанавливает свое подобие благодаря распаду на подобные части, либо благодаря восстановлению своего подобия без распада на составные части. Такова природа корпускулярности всякой частицы этого бытия (окружность-корпускулярность). То есть усложнение происходит в сфере подобия пустоте, в противном случае, данная реалитя не наделена устойчивостью и, как инородность, разрушается, как инородное

тому фундаменту, на котором эта структура усложнения возникла – она инородна пустоте. Только подобные реалии могут быть в отношениях и соотношениях⁴⁷⁰. То есть реальность усложнения подобно окружности несет в себе только один элемент постоянства и развивается согласно его закону (777-01-7). (Единственное, следует добавить, что резонансное состояние вызывают те реалии эволюционного усложнения, которые несут в себе один коэффициент кривизны). То есть и сложность, и простота так и остаются в одной сфере (и постоянства, и хаоса – с одной стороны), но инородными могут по самому внешнему проявлению – а именно по тому, что является инородным по природе – по уникальности самого пути развития усложнения, инородными по самой кондиции возникающего в процессе эволюционного усложнения порядка (сложность и простота, с другой стороны). То есть в сфере разумного для визуально воспринимаемого взаимодействия сложность должна быть в том же природном подобии другой сложности – путь усложнения должен быть одним у всех – иначе взаимодействие, как самый первый свидетель единства в образе выражения Бога, выпадает из поля зрения как ожидаемое в привычном образе восприятия его. Так как две существующие реалии имеют одну Причину своего бытия, то они тождественны в Ней, хотя пути усложнения их могут быть противоположными. В пределах этого тождества происходит всякое взаимодействие, даже если оно выпадает из поля зрения, из-за того, что пути усложне-

ния обоих диаметрально или около этого. Вот почему хаос всегда будет упорядоченным. Ибо един для всего этот самый фундамент, на котором он проявляется несет в себе природу единого и абсолютно простого – пустоты. Все в этом хаосе имеет приобщение к одной структуре, только в разных пространственных выражениях. Нет, нельзя отрицать иные взаимодействия – они есть и возможны, но нашими органами чувств как реальная действительность адекватно не воспринимаются, как привычные взаимодействия равнозначных вещей. То есть инородны друг другу сами эти порядки по форме пути усложнения, а потому хотя и остаются в пределах досягаемости для взаимодействия через одно для всего общее, но в иных гранях могут друг друга «не видеть», как не видящее в ином своего же подобия. Потому сложность, как несущая в себе тот же образ простоты, воспринимается относительно простоты, как простота и взаимодействует как простота с простотой, не распознавая внутреннее усложнение. (К примеру, столкнулись два коробка со спичками. Масса коробка «не видит» того, какой формы спички и какого цвета. Масса – это простота в пределах коей могут быть самые разнообразные усложнения. Если мы поломаем спички, то их масса не изменится). Сие можно сравнить с автомобилем, который ныне усложнился настолько, что превратился в целый рабочий кабинет водителя со всеми удобствами, но, не смотря на это, он так и остался в пределах первоизданного – он автомобиль⁴²¹.

С другой стороны, простота воспринимается сложностью, как пустота. А вот сложность воспринимается простотой тоже как простота. То есть в обратном направлении, а именно созерцать чувственно простоту посредством сложности невозможно, ибо у простоты нет подобия сложности, то есть усложнений никаких нет, то есть в простоте пребывает пустота-отсутствие усложнения (или пустота сложности). То есть сложность, как кондиция, отсутствует в простоте, а потому в пределах чувственного распознавания, когда входит в функциональное сцепление, как взаимодействие не распознается греховной природой¹²². Хотя простота сложностью распознается как точка, ибо в поле зрения всякого усложнения попадает только точка, как ничтожество сложности в чистом виде⁷⁷⁷⁻⁰⁰¹⁻⁰⁰¹. Иными словами, это распознавание функциональное всегда и образ распознавания опять несет подобие пустоте величины усложнения (точки) – это сфера, окружность. Потому у сложности части едины естеством все той же простоты, то есть простота, как внешний удобопринимаемый образ, абсолютно всегда так и выражается любой сложностью и усложняется только в пределах этой же простоты. Потому мы видим свое же подобие – простоту, присутствующую в усложнении. Ведь в то время как у простоты нет выраженных сложностью частей, через призму которых мы пытаемся распознать то, чего нет в простоте, у сложности эти части есть и явлены они нам уже как корпускулы энергий, то есть соизмеримые со сложностью части единого по-

стоянства. Сложность тождественна простоте, хотя отличие в том, что сложность выражает свойства простоты, раскрывает ее глубинные характеристики-границы ее природы. Как это понимать? Ответов множество и нам никогда не хватит ни времени, ни иных возможностей этот вопрос раскрыть во всей полноте. Но некоторые моменты важны для раскрытия проблем в физике и математики с иной стороны. Например, нам важно знать, что именно активирует всякое усложнение и куда это усложнение направлено. Вопрос и простой, и сложный.

Дело в том, что неустойчивостью наделено только то, что инородно пустоте в её свойстве постоянства. И в то же время устойчивость несет в себе абсолютное подобие пустоте, как отсутствие элементов непостоянства. Пустота (или отсутствие величины греха) вездесуща и является тем ориентиром, поворачиваясь к коему мир существует. К примеру, окружность подобна пустоте, так как в ней есть свойственное пустоте абсолютное постоянство – в каждой точке кривизна одинаковая⁷⁷⁷⁻⁰⁰¹⁻⁰⁰¹. Все, что не подобно пустоте, становится ей инородной, а потому начинаются процессы становления или отторжения-распада до подобных пустоте составляющих. Но постоянство можно выразить иначе и новое не будет инородным пустоте, то есть если кривизну загнуть так, чтобы начало дуги не совпадало с концом – чтобы не было замыкания – получается участок или одно из звеньев спирали. Спираль, как несущая в себе только один элемент

постоянства, не инородна пустоте, а значит имеет устойчивость и стабильность. Имеет право на бытие. Так как энергия – это то, что имеет сущность постоянства пустоты, то получается, что спираль и вообще все то, что наделено подобием пустоте – есть энергия⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻¹. Причем, вновь и вновь повторяюсь, тождественность пустоте бывает даже в природе с бесконечной степенью порядка усложнения и там энергия постоянства имеет место быть. То есть, хочу сказать, что всякое усложнение происходит в пределах тождества постоянству или подобия пустоте, а потому наделено определенной устойчивостью даже в такой абсолютной крайности бесконечности величин каких-то там значений, как не инородное вездесущей пустоте пространства. Естество нашей природы познания мира таково, что мы видим простоту только опосредовано сложности⁽⁷⁷⁷⁻⁰⁰²⁻⁰⁰¹⁾, а потому нам открывается лишь чисто её усложнённое внешнее естественное идентичное, то что не является Сущностью – форму, а внутреннее простое сокрыто для нашей поражённой грехом, то есть усложненной в мировосприятии чувственной природы. Так как для Сущности форма не имеет значения, но имеет значение для нас, пораженных сложностью греха, то именно по этой причине, нам приходится в поте лица измельчать усложнения до удобоприемлемой, нерушимой простоты хлеба насущного, не покушаясь на сущность – так нам заповедал жить Бог по грехопадению¹⁴¹.

Так как мы смотрим на простоту через призму формаль-

ности этого выражения множественности частей (имеющих место в сложности с естеством той же простоты, из которой возникла сложность), то в них ничего не обнаруживаем ничего подобного ей в простоте и единстве её. Простота и ее единство ее предстает перед нами, созерцающими через призму сложностей, пустотой или отсутствием сложностей. Сложностью мы называем то состояние Вселенной, в которой она оказалась из-за грехопадения, а это и есть зло, посредством коего нам не распознать добро (с его простотой). В добре нет злой реальности, а потому добро для зла – пустота вакуума. Что такое зло видно из примера с кружкой, оказавшейся на полу. Непорядок есть зло, но сама кружка злом не является. Дьявол только лишь перемешал Божественную реальность, запутал, сделал её путано-усложнённой, пытался и пытается адаптировать под себя противящегося Богу, но осквернить её не мог²²²⁻⁶⁶. То есть в реалии обыденного мы имеем дело только с тем, что сложно и запутано, а отсутствие этого качества нами не распознается, ибо его нет в нашей сфере распознавания реальности (777-002-001, хотя в реальности оно есть¹²²). По этой причине, так как естество простоты усложнившись становится новой кондицией простоты, то есть инобытием с новым именем сложности, то, неизбежно, сложность, какой бы она не была, продолжает жить в том же числе по законам абсолютной простоты – они так и остаются в одной сфере⁴⁷⁰ и в одном поле зрения друг

другу – одним в одном, но разными в другом. То есть влияние Божественного по-прежнему остается в силе как на простоту, так и на самую сложность. А точнее сложность в любой степени остается формой Божественной простоты и опосредовано её держится связь⁴⁷⁰, подчиняющая Божественному произволению¹⁵⁰. Поэтому, не смотря на грехопадение мы не выпали из поля зрения Творца, но для общения с Ним в прежнем качестве теперь уже нужен труд в поте лица, чтобы выделить из всякого усложнения простоту и адаптировать ее в своей природе. Что такое грех? Это противоестественный Богу порядок, состоящий из сотворенного Богом явлений. Два пути тут рождаются. Либо восстанавливается порядок, либо новый возникший порядок в пределах его противоестества свидетельствует о Боге, станоится Его новой исповедью. Поэтому-то согрешивший человек по гордыне своей должен совершить цикл всей полноты Божественного. Благодаря чему и возникает новое усложнение 777-002-001. (07.01.00) *Нам становится понятным очевидное. А именно то, о чем речь Творца к человеку в общем плане, который многовариантно адаптирован в каждой конкретной ситуации бытия человечества и конкретного человека. Бог говорит, что все временно и потому просит покаяния. Отсюда становится понятной сама природа гравитационных полей и массы³³¹. Опять же нельзя забывать, что эти картины неизбежно открываются только с позиции естественной для*

«крайних пределов бытия тварного, областей наиболее удалённых от Бога, отделённых от Него не только природой, как тварной, но также и свободной волей, создательницей нового модуса существования – греха, ибо грех, говорит святой Григорий Нисский, есть изобретение воли тварной...»⁴²² – мы измеряем этой мерой лишь то, что попадает в поле соизмеримости греху, природе граничащей с бездной, поэтому через эту призму элемента постоянства-простоты мы видим Бога в образах движения и через движения линейные, а также по окружности, как различные степени усложнения простоты-постоянства. Поэтому надо уверенно сказать и другое о речи Бога к человеку: материя, так как чувственно воспринимается, то мы познаем её органами чувств по той же самой причине – оная соприродна нам в том смысле, что в человеке материя вошла в некоторый резонанс, максимально проявив свойства внутреннего мира, благодаря чему оные очевидно попали в поле нашего зрения (мы видим душу в одежде плоти), а именно постоянство-простота выраженное в виде этого усложнения цикличности повторяемости. Понятно, вводя понятие цикличности, мне приходится свидетельствовать о Творце с помощью абсолютного ограничения в чистом виде – одной лишь приграничной составляющей для внутреннего мира природы Вселенной (наиболее очевидной для разума) – линейной характеристикой, то есть некоторым конечным производным всех тех внутренних первообразных процессов или уже конечным результатом их, бла-

годаря коим вещь имеет своё для нас привычное бытие – это свойство падшей природы человека, «его самоопределения в новом, граничащем с небытием, состоянии – состоянии греха и смерти». И эта приграничная конечная составляющая полноты также жизненно важна, ибо также соучаствует в свидетельствах о Боге, но только в чисто своей специфической сфере возможностей свидетельствовать о Нём – она есть точка, выстроенная в линию, которая очерчивает окружность. Линия не может стать вещью, как свидетельством о Боге в привычном для нас проявлении, но ей дано быть только свидетелем о Творце лишь в своей нише, в специфически уникальной естественной среде возможностей – непрерывностью, окружностью или движением веществ по окружности. Просто сам по себе Закон Сохранения (постоянства) – это есть зеркальное отражение бытием нашей Вселенной того единства и простоты, кои свойственны только Божественному. А точнее единое бытие Его свидетельствуется теми критериями, которые свойственны нашему миру, в пределах коего имеет место быть наше чувственное мировосприятие, то есть свидетельствуют о едином Боге примитивно с помощью внешнего, с помощью линейного математического свойства, описывающего окружность – просто в пределах этой сферы, природа поражённая грехом в крайнем его естестве, как-то иначе свидетельствовать о Боге и всё Его многообразии не способна. Это такая речь, которую надо научиться понимать, над чем и работают ученые во

все времена. То есть это такая своеобразная речь об Истине, о Боге и как-то иначе она «звучать» в данном природном естестве и в данной сфере-области бытия, данной гранью мироздания она не может, также как произносить слово звуковой волной с помощью руки невозможно – нужен для этого гортань и легкие. Таким вот образом, природа, оказавшаяся захваченной влиянием Бога, свидетельствует о Нем в том образе, который соответствует специфике естества самой природы, в гранях её возможности реагировать вот таким вот уникальным устройством порядка вещей без покушения на само их усложненное естество, неизбежно образуя в конечном формальном проявлении видимые свидетельства о Боге, как некоторые периодические циклы или кольца, свойственные для линии образы единства¹⁵¹. Как только непосредственное контактное влияние уходит, так сразу начинаются движения вне цикла, свидетельствующего о едином, не по окружности, а по формально распознаваемой как прямолинейное развитие – по касательной. Подобное рождает только свое подобие. То есть прямая – тоже есть свидетельство о Боге, только теперь уже самим процессом распада, а точнее процессом перестроения под новый образ свидетельства о Боге в ином бытии в том же влиянии Творца, образующем новый порядок. Подобное рождает свое подобие, то есть прямая несет в себе все грани и свойства окружности: прямая – это тоже окружность с радиусом в бесконечность. Свидетельство о Боге становится несколько иным, двояким:

одно – это свидетельство о том, каким было; второе – это то, что досталось в наследство от прошлого. Так материя начинает подчиняться законам иного развития, свойственным для данного инобытия. Точнее принимает такие зримые нашей ограниченной природой свидетельства о Боге, как распад. Ведь мир един и весь пребывает в становлении, но для нас делится на две части: только одну часть мы видим как устройство порядка. Потому что процесс становления в своих временных пределах распознается возможностью наших органов чувств как законченное в самом себе¹⁵², то есть лишь при завершении свидетельства о Творце (до этого момента бытие предстает нам как хаос). Мы видим Бога в завершённом цикле от начала и до конца. Когда же мы не видим завершения¹⁵², то это предстает перед нашим взором, как хаос (окружность, которая не завершена, окружностью не является). Мы не обращаем на это внимание и эта реальность выпадает из нашего поля зрения и потому предстает перед нами как чувственная пустота окружающего вакуума. Об этом бытии свидетельствует только одно – наличие пространства, в котором раскрывается очередной сюжет бытия. То есть из ничего вдруг возникает новая реальность, которая попадает в поле зрения, как новое имя. То есть сначала этой реалии качества не было, потом возникло и получило новое имя. Дуга, как только замкнулась в себе, так сразу же стала окружностью, то есть – это та же дуга, только с новым именем – окружность. Окружность возникла из пустоты, ибо до этого

сие имя не существовало и возникло из ничего и при этом несет в себе образ и подобие пустоты – в окружности коэффициент закругления в каждой точке один тот же, постоянный, а в абсолюте этим свойством обладает только пустота.

Таким вот образом, сначала мы видим точку, если есть удерживающее начало, а если нет – то распад-взрыв. Отсюда прекрасно следуют законы индукции. Катушка индуктивности при возбуждении порождает электрические токи – образ взаимодействия двух миров, где высший из них мир зеркально отражается в другом, самотождественным различием явлен инобытия образуя образы колец, как специфический образ работы Закона Сохранения. А ещё полнее Закона Сохранения Образа Божьего, который проявляется уникально в естественном для свойств среды порядке, но для нашего восприятия это выглядит специфически, то есть как частный случай свидетельства о Творце¹⁵³. Таким вот образом становится ясным очевидное, что взаимодействие происходит совсем в иных сферах – в сферах своего подобия и идентичности, выявляя зеркальные отражения Творца, оказавшиеся в поле нашего зрения. То есть взаимодействовать может только Бог в Себе Самом и то, что наполнено Его нетварными энергиями, множественно представляясь нашему восприятию, как мироздание, в коем все взаимодействия происходят только в Творце, как Носителей всех форм и видов единства (взаимодействия в том же числе). Иными словами, не ведая ни о чем, можно следуя от простого в православной догма-

тике с особой осторожностью³³² спуститься до тех реалий, в коих живет общество и, более конкретно, дойти до пределов процессов материального мира. Усложнив формально простоту, сделать основополагающее предположение для будущей электродинамики на основе догматического православного богословия. Какой-нибудь монах это мог предречь задолго до опытных открытий свойств катушки индуктивности – просто надо было продолжить дело отцов каппадокийцев¹⁵⁴.

Тем же образом, о первопричине, то есть береге свидетельствует инобытие в формально выраженном образе течения реки, но только в нашем случае в самотождественном различии множественных образов. Распад-перестроение на понятийном языке физики – это развитие. А на понятийном языке богословия физическая сторона – видимая часть айсберга, своеобразное или специфическое свидетельство о новой полноте исповеди Божественного, то есть нового предела, в коем более всеобъемлюще свидетельствуется о Нём, из-за чего происходит естественное перестроение в новую уникальную форму богословия. *Точка и пространство тождественны, ибо одно как-то уникально подчеркивает свойства другого: точка рассказывает нам о пространстве и о единстве его, а пространство раскрывает нам внутренние характеристики точки, в пределах коей перестроение происходит постоянно, ибо движение Вселенной к Богу непрерываемо (что есть самое существо и суть живого).* Но из-за

произошедшей духовной катастрофы человека, утратившего прежнюю связь с Богом, перестроение коснулось и его самого, Вселенная как бы сметает его со своего пути. Но так как природа частиц, как частное, получившееся благодаря распаду, тоже сотворена Богом, то Он вездесущий, оказывает на них влияние в новых пределах иного бытия, в новых образах порядка соизмеримых со степенью близости этих частиц Богу¹⁵⁵. Вот этим изменением направлений траекторий движений возникших частиц свидетельствуется о том, что есть какое-то стороннее воздействие, причем само по себе воздействие несет в себе не просто воздействие, а новое свидетельство о Боге в новом возникшем инобытии, несущем новое имя процесса воздействия. Так как реалья с новым именем остается в поле влияния Божественного, то есть по-прежнему новую реальность окружает пустота, то идет свидетельство Им уже о Себе в самом нём в Своем новом качестве, ибо в этот момент включаются новые грани Божественного. Иными словами, исходя из аксиомы, которая гласит, что в каждой точке этого бытия присутствуют абсолютно все грани влияния Божественного, мы сделаем важное заключение о том, что каждая грань Божественного заявит о себе в строго своем естественном себе проявлении. Это может быть огромные или бесконечно малые промежутки времени, или пространства, или внутренние усложнения структуры. (Этот момент упорядоченности в разных гранях влияния Творца порождает в нашем разуме представление о мире, как о хао-

се). Тем самым мы видим, что в самом факте изменения направления и далее в самом образе изменения свидетельствуется о различных гранях одного и того же – Божественного. Таким образом, мы видим во всем только одно и то же, но в различных гранях или сферах, или видах инобытия.

Во всяком усложнении всегда усложняется то, что есть простое¹⁵⁵, но только в форме, а не как не в сути. Такова природа сложности по образу падшего ангела, который так и остается Божественным творением, но дезориентирован в Его замысле (он все делает от чистого сердца, но не к месту, не ко времени). То есть простое так и остается самим же собой – простым. а так как это есть первый самый элементарный кирпич, посредством коего Божественное находит Своё подобие в любом усложнении и посредством которого происходит адекватно осязаемое сцепление с усложнением, то именно оно указывает на существование причины. Именно по этой причине мы смеем созерцать шаблонно²⁰⁴ только то, что имеет усложнение Божественного до законченности²⁰⁵ образа Его простоты, того что произведено во Царствии Небесном и закреплено Им в нашем уме только то, что имеет хоть какое-то отношение к Божественному. В процессе эволюции это первое проявление жизни (взаимодействие фотона с поверхностью Земли) множественно усложнилось, но при этом так и осталось первым приоритетным основанием живого как и в те самые первые моменты зарож-

дения жизни, но только пределах подобия Богу обрело уже более сложные контуры полноты Его Промысла, опять же вписывающиеся в тот самый шаблон. Отсюда нам становится очевидна причина высказываний древних некоторых философов, которые называли материю первопричиной всего. Отчасти это так, хотя это неточность, которая стала идолом Бога. Все исповедует истину в пределах дозволенного, но это только лишь указатель направления к Месту Его бытия, Его специфическая икона, потому материя, исходя из природы познания – лишь отдаленное, самое внешнее свидетельство о Творце, то есть врата к Нему, а не Сам Творец. А ещё точнее – специфическое проявление этого о Нём свидетельства в тех границах, в коих мы Божественное имеем природную возможность видеть, что они тоже как-то правы, но дело совсем в ином – сие слишком далеко от желанной степени всеобъемлющности полноты исповеди Истины. Также важно заметить, что Бог ведёт Себя схожим образом по отношению к самому человечеству, в коем после грехопадения Творец явился только во влиянии на историю цивилизации в Ветхом Завете. То же самое надо сказать об эволюции жизни к совершенству. Это тоже важное замечание, которое окажется востребованным, когда мы приблизимся к конечному пункту нашего анализа – в квантовой и ядерной физике. Конечно, можно сразу назвать вещи своими именами, но тогда перед нами возникнет отсутствие полноты восприятия в прообразе Божественного. Из-за этого истина не будет удобоприемле-

мой, мы е сможем ей овладеть. Нужна связь Божественного с самыми отдаленными к этому моменту уголками научного анализа.

1.0.2.-43. Если музыка собирает целые концертные залы, а звучание речи может спланивать целые народы, то отсюда следует, что просто звук и гармоничное созвучие – несут в себе одно и то же, извлекаемое умом явление Божественного, только по-разному, в разных степенях усложнения формы, в иных сферах и гранях природы явления Его, но при этом в той же полноте свидетельства о Нём¹⁵⁷. Специфика, в которой односторонне выражается полнота Творца, разная: в одном случае – это звук, а в другом – управляемый звук. Два свидетельства о Творце, но в различных пониманиях о совершенстве и степени подобия Ему. Обе формы исповеди важны, ибо животворящие есть, но в земных условиях и в строгой приоритетности. Вне Божественной субординации каждый образ совершенства становится или может стать диаметральной противоположностью совершенства – вопиющим невежеством.

Всякое совершенствование превращается в усложнение и происходит только в пределах подобия простоте-пустоте, ибо вне этого подобия пустоте, всякое усложнение становится инородным, а потому прекращает свое бытие в ином свойстве пустоты, а именно его нет в вечности, а потому мы ничего об этой сложности не знаем⁴²³. Итак, возможностями нашего мировосприятия всякое усложнение воспринимается в виде цикличности, как подобие пустоте. Поэтому, ес-

ли мы прислушаемся к музыке Чайковского или Бетховена, то перед нашими умственным взором уже плывут сюжеты из нашей жизни. Все, что мы видим, мы видим посредством того же самого шаблона²⁰⁴, а именно элементарной Частицы Божественной полноты, только выраженную в самых различных средах и с помощью самых различных ситуационных инструментов. С помощью которых хаос принимает все боле и более всеобъемлющие, а потому все более прекрасные образы полноты исповеди о Творце. К примеру, земная жизнь – это протяжённое явление границы в чистом виде, заключенное между началом и завершением, стимулируемое нетварной энергией, которая постоянно и многообразно переходит из одного состояния в другое согласно Закону Сохранения. Явление, стимулируемое энергиями, просто принимает самые различные оттенки выражения формирования законченного единого цикла. Это может быть растение, либо иной живой организм и так далее. Всякий организм живет законченным и цельно-целым, но при этом несколько односторонним (или односторонне явленным) выражением абсолютно всеобъемлющей полноты свидетельства о Боге, о Его существовании. Понятно, что в земных условиях это выражение полноты Творца характеризуется ещё и другим свойством – очень шаткое, нежное существо, что обусловлено некоторой степенью поражения грехом¹⁵⁸. Если Солнце – единое целое, но вне сферы досягаемости сил разрушения, то земное выражение того же самого Солнца и его той же самой едино-цель-

ной полноты пребывает в поле действия сил разрушения. Если законченности полноты нет в цельности, если единство Творца, шаблонно выраженное в живом теле, нарушено, то и нет подобия Ему во всем остальном. Даже окружающая среда, в которой происходит формирование организма, не имеет значения, ибо также не будет подобий Солнцу в иных свойствах его – нет вечности бытия, а потому для нас ничего не значит – это не существует и чувственно не распознается¹⁵⁹. Даже если условия жизни будут Царствием Небесным, то из-за нарушения полноты и целостности всё равно приведёт к гибели, как это было с первым Адамом. (07.01.00) *Человек является зеркальным отражением Бога, так как Он предстает перед нами в Своем посреднике, а именно в Солнце, то и видимый образ мы принимаем того, что видим – образ Шара Солнца, удаленного на расстояние от тела, образ шара питающего тело всем необходимым (через рот и нос). Отсюда этот образ молитвы в человеке, ведь тело просит этот шар и шар питает тело тем, что оно просит.*

К примеру, свое зеркальное отражение мы можем видеть на поверхности воды, на стекле или на хорошо отшлифованной поверхности металла. Объект отражения тот же и мы узнаем себя, полноту своего подобия в каждом из трёх отражений сих, а значит адекватно в пределах возможного мы можем взаимодействовать с этим подобием, с этим выражением своей внешности. Но наше отражение, в котором мы можем быть адекватно функционально шаблонно распознать

себя, имеет место не только в этих трех предметах (водная гладь, стекло или хорошо отшлифованная поверхность металла), но и имеет место быть во множествах микронах Вселенной, несущих в себе хоть какую-то грань абсолюта Божественного (без чего отражение невозможно) и каждый элемент её наше отражение несет в строгой специфике своего природного естества. В каждой йоте бытия мы пытаемся увидеть свое зеркальное отражение. Мы, сами являясь личностью, пытаемся узнать свои характерные личностные черты во всем, ибо только распознав себя в окружающей реальности и даже в каждой микроине бытия, человек сможет полюбить мир, преобразить его и представить его на Суд Божий. В том соответствии, какое востребовано утверждением Божественного в земных условиях, реагируем только на то, что несет в себе прообраз нашего Божественного, то есть некоторую характерную для личности целостную завершенность высказывания, то есть свидетельства о нас и в логике, и в математических системах, и даже в чувственно распознаваемой на научной основе корпускулярности окружающего мира в том же числе. То есть мы слышим то, видим то, чувствуем то и пользуемся только тем, что зеркально отражает наше естество, а точнее то личностное, что заложено в нас Богом в Шестой День Сотворения мира. Грехопадением хоть и исказилась природа, но дар видеть себя в Боге через окружающие вещи так и остался актуальным. Мы так беседуем с Ним. Хотя посредством ограничения грехом теперь нам

стало столь сложно в окружающем мире узнавать самого себя, своё лицо – приходится много потеть в трудах и плакать на исповеди. Без очистительного покаяния мы видим себя в окружающих вещах иначе, то есть не так, как это заложено Богом. Ибо когда появилась сама эта природа с грехом, опосредовано которой мы воспринимаем теперь еще и то, что имеет или несет в себе наше подобие в образе воспаления первородным грехом – мы видим ничтожество греха, этот окружающий материальный мир, флору и фауну и через их свойственное греху ничтожество умом распознаем мир душевный и духовный³³². Также как, если мы видим своё живое лицо в отражении на воде, то можем этим пользоваться – разглядеть то, к примеру, насколько оно чистое или грязное в зависимости от того, куда переносим точку отсчета, стоя на которой распознаем мир. Если оно грязное, то в зеркальном отражении этого бытия мы замечаем свой искаженный образ. Есть некий ориентир, опосредованно коего мы видим, что все вокруг нас перестает иметь желанный Божий порядок. Надо сказать, что когда мы видим свое отражение опосредовано Божественного в нас начала, то получаем с одной стороны, радость осознания нашей жизни, а с другой – печаль, когда посредством Оного созерцаем себя, свой искаженный грехом внутренний мир.

Наше отражение абсолютно разноплановое и творится каждую микрону времени. Мы счастливы от побед своих, от красоты природы, ибо речь идет о разных именах одного

и Того же в себе. Мы, также, узнаем себя в поведении животных и так далее. Чувство, само по себе, распознает лишь воздействие на нервную систему, но радость-то получаем мы от образа, о коем это воздействие исповедует. Точнее, воспринимаемый образ, как сказано ранее, вписываться должен Божественную простоту, ибо только она становится доступной для восприятия. (07.01.00) *Наша природа ограничена, а потому созерцание мира человеку возможно только с Вершины вершин, ибо мир тогда вписывается в ограниченные возможности человека. Мы видим простоту. В противном случае, воздействие становится не понятным, а все то, что не является понятным и от того пугающим и болезненным – все это есть процесс становления, то есть боль, как естественный вид для инородного Божественному в нас началу, как точкой созерцания*¹⁶⁰. *Всякое противоестество приносит боль. Пусть эта боль будет даже маленькой, но это будет боль от нового становления, в коем человек вновь заново занимает естественное для себя место на Вершине вершин*¹⁴⁰

Бог же являет себя в образах²⁰⁵, а потому всякий экстаз, удовольствие любой природы – это есть радующий Образ, то есть категория не плоти, а души – точнее торжества её духа от видения Правды в том же числе. Ведь душа независимо от обстоятельств может либо мучиться, либо радоваться также как разбойники на Голгофе в момент распятия Христа⁴²⁴. То есть душа следует за духом, по слову отцов

Церкви. (07.01.00) Для души пребывание в экстазе – норма и естественное бытие её, в котором она либо радуется, либо страдает в процессе следования за духом и становления к радости, получая сигналы либо от Бога через свое тело (как инструмента опосредовано коего познается Бог или делается попытка Его познания посредством абсолютно ограниченной природы), либо душа получает радость непосредственно, напрямую, то есть естественным для неё образом от Бога¹⁶¹ – во время общения духа с Личностью Его. Если душа живая благодаря общению с Богом, то в экстазе активизируется и даже формируется независимая от земного царства будущая жизнь, как новая грань радости, столь нужная для живительной полноты – теперь человек не только счастлив вообще, но ещё и счастлив от того, что живет вечно в данном качестве некончаемого счастья. Что тогда такое любовь? Любовь – это тот самый свет из будущего, созерцая который человек жаждет идти навстречу к нему в будущее всю жизнь. Именно по этой причине, любовь живет помимо половых влечений и даже без них. Если личность этот свет не видит, то и нет любви. Эта такая независимо от земного бытия сложенная жизнь не дает покоя не только исповедникам веры, но и даже атеистам. Атеист обделен полнотой радости экстаза, он идет к свету задом на перед, созерцая мир в том, что уже произошло. Если душа мертва, то всякое удовольствие – есть форма самоубийства, как порождение злобы – там где голова, там будет и хвост 777-06-06. Вся-

кая радость или удовольствие установлены Творцом только для души, по слову отцов Церкви, а человек просто научился извращать, прибегая искусственно, воруя её, избегая жертву и труды в поте лица. Таковым бывает развращение духа.

1.0.2.-44. Если бы мы зрели нечто иное альтернативное ожидаемому, то уходит полнота из поля зрения в том ракурсе, в каком востребована ожидаемая полнота (автоматически уходит радость в экстазе). То есть если нет зеркального отражения нашего образа в данной реалии, то и утрачивается дар видения, нет возможности распознавать Его явь в себе – это, как реальность, для нас не существует (хотя оно скорее всего существует для Творца) или мы увиденное используем иначе не по назначению, что равносильно слепоте. В то же время, если мир поражённый грехом первого Адама не отражает реальность нашей высшей природы, то без этой составляющей опосредовано чувств падшего нашего естества мы даже видеть, слышать и чувствовать не сможем¹⁶². Сам факт, что мы видим и слышим окружающий мир, говорит о том, что в нем все это присутствует. Таким образом, ум, как дар Божий, посредством тела видит свое подобие в пределах возможности чувственного распознавания – природой осмысления видит промысел Божий, в то время как чувственная природа видит только свое подобие во грехе – поражение грехом. Если мы востребованное не увидели, не распознав свое подобие, то повели бы иначе, так как видели бы уже иное. К примеру, если мы видим человека, а он уже не ды-

шит, то не будем с ним вести беседу, ибо для этой сферы бытия и нашего мировосприятия его уже нет, хотя, казалось бы, что изменилось-то, тело чувствуем рукой и видим его опосредованно глаз. Но мы не хотим общаться и даже стоять рядом. Иными словами, мы адекватно воспринимаем только личность через характерные ей черты, через ее выражение в цельно-едином, которое имеет только всеобъемлющую полноту и законченность в самой себе. А ещё точнее мы созерцаем основу всякой полноты – присутствие Личности посредством нетварной энергии, обуславливающей бытие, чувственно распознаваемую как завершённую в себе протяжённость с началом и концом. Но в нашем случае, в критериях естественного первородному греху прямолинейного течения времени, цельно-единое, несущее в себе и начало, и конец, имеет самые многообразные выражения единства и цельности протяжённости между этими началом и концом. Все, что вне этого образа цельно-единой законченной циклической полноты протяжённости – все для нас как реальность чувственно не существует. К примеру, цельно-единое адаптируется в живом в некоторой законченной в себе полноте триединства: семя, растение, цветок.

1.0.2.-45. Поэтому, эти цветы на лугах и все растения, все живые существа, все атомы и их множественные соединения, волны, частицы всех внутриатомных миров – это все есть прообраз зеркального отражения нашего духовного мира, специфический образ Единого или полноты, законченно-

сти в себе, как-то своеобразно и уникально свидетельствующие о Творце. Благодаря тому, что все это видимое свидетельствует о Творце всеми перечисленными нами ранее критериями. Благодаря этому все наделено жизнью. Мы воспринимаем не материю, а именно эти маленькие многочисленные свидетельства о Боге, образки Божественного присутствия нам несомые посредством всего, хотя и само слово «материя» – это есть только лишь ещё одно общее имя сомнищу специфических образков Бога. Что-то иное, что-то не Бог в Своих образах, для нас не существует – вне чувственного познания. (982 н.Р.Х.) Отсюда надо сделать определение образу мышления богослова. Мысль богослова по природе всегда блуждает, ибо она есть альтернатива беседе личностей Бога и человека. А так как сама природа ее такая, то и блуждание неизбежно. Поэтому движение ее тоже должно богословствовать и иметь прообраз Божий – хождение по кругу. В этом круге постепенно мыслитель включает все большее и большее пространство Вселенной, в пределах единства оказываются все большие просторы и миры. В этом вечном хождении по кругу вкупе с молитвенным деланием есть жизнь человека, которая в древней славянской культуре обозначена именем Колеса Велеса (тор). Мыслитель становится «парадоксов другом», а вне этого мыслитель никто. (мышление)

Единое и полнота синонимы – они тождественны, ибо единое, представленное фигурально в математике точкой,

имеет тоже самое качество законченности в себе самом, то есть точка – есть нераздельно-единые и начало, и конец в одном (но только без протяжённости или протяженнось равна нулю), а значит и нет нарушения целостности его цельно-полноты, ибо невозможно нарушение цельности того, что не имеет протяжённости в себе, то есть не имеет величины во свойственной нам природе греха, чем является точка, ведь, хотя она уже есть общее с бытием во грехе, но всё равно – это ещё не есть развитие^{777-01-2.2}, а зажатая в абсолютно узких рамках сковывающая грех естественность счастья. Точка – это первопринцип, задающий все разновидности проявления мироздания в самых бесконечных степенях первообразных потенции⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻¹¹. Также как растение от семени до увядания есть цельная полнота, как всё живое от рождения до смерти живет только без нарушения единства и целого в самой протяжённости. Два в одном. Вот это два в одном, в котором колоссальные бесконечные энергии своим бытием не нарушают устойчивость постоянства⁷⁷⁷⁻⁰¹⁻¹, то есть не смотря на свою абсолютную бесконечность остаются в пределах точки, ее постоянства или абсолютной пустотой. Так вот это два в одном остается тем самым шаблоном-ориентиром, в прообразе которого разворачивается весь сюжет мироздания. В точке противоположности становятся составными частями одного единого целого. Это тоже нам понадобится для обсуждений вопросов физики внутреннего мира материи.

Но если (07.01.00) единство начала и конца в точке всегда вне досягаемости для падающих сил разрушения, а значит наделено свойством вечного, то все остальное альтернативное сему, то есть имеющее хоть какой-то разрыв или нарушение образа Божьего в себе – цельно-единства между началом и концом – как раз наоборот. Например, растение держит свой бутон на тоненьком стебле, но так как образ Божий в данном специфическом выражении цельности не нарушен, то этого достаточно для бытия в любых условиях. Не смотря на то, что стебель такой тоненький, растение живет и даже успешно противостоит стихиям. Нет нарушения образа Бога – жизнь будет иметь место даже в вот таком виде в условиях полного ада и пройдет все самые страшные испытания естественного отбора. Также и беззащитность человека. Какая-либо альтернатива сему противоестественна даже там, где нет никакого борения за выживание в естественном отборе. То есть чтобы жить, растению нужно блюсти только этот для него естественный порядок вещей. Таким образом, так как есть образ Божий, то этот плен в абсолютно узких границах, на самом деле, сладок или не заметен (точнее его нет вовсе), а нам открывается Бог в пределах природной возможности «внешнего» в материи свидетельствовать о Нём.

Живое имеет свойство возрастания ^{777-01-2.0}, вне коего живое также невозможно. Что это значит? Это значит, что в земных реалиях, если между началом и концом произошел

разрыв, то прежний образ погиб, ибо единство-полнота разрушена процессом возрастания. Но появились два отрезка, которые несут в себе тот же образ родителя – начало и конец, между коими имеется живительная непрерывность в образе живого Бога. Так как в этих отрезках соблюдены все аспекты условия пребывания Божественного, то они живы и начинают проявлять свойство живого – они растут в пределах подобия Божественного и до подобия Божественному, то есть выражают единство-цельность-полноту в новом образе и в подобии родителя. Пустота – законодатель всего того, что из нее вышло и на основе чего все существует. Вне подобия пустоты, всякая инородность ей в этом бытии невозможна. (07.01.00) *Пространство несет в себе вездесущую пустоту, а именно постоянство в абсолютно чистом виде. И то, что инородно этому постоянству, то есть несет в себе элемент непостоянства отторгается самим бытием, как инородное ему. Это и есть законодатель всех принципов становления и эволюционного развития в бытии. Именно по этой же причине жизнь человека, как несущая в себе элементы инородства из-за поражения грехом является временной* 111-222-333. Но до бесконечности они расти не могут, ибо во всяком развитии наступает такой предел бытийной единицы, когда уже не позволяют природные свойства земной среды, в которых начинается возрастание. Более того, также слишком много разрушительных воздействий на данную непрерывность, а потому до бесконечности данная неразрывность

может возрастать только во Царствии Небесном, где нет разрушающих противоречий. Но и тогда возрастание не прекращается – просто перспектива возрастания обретает иной вид реальности – множественность^{777-01-2.1}, которая сплавивается в сообщество по образу и подобию – так появилась флора и фауна. Множественность решает некоторые вопросы большей полноты, которые не могут быть разрешимыми в одной особи выражения. Потом этот образ размножения, как иная грань Божественного множественно в вариациях выразилась в различных эволюционных становлениях. Так появился человек на земле также во множественных своих образах, обозначая то же самое развитие, но в удобоприемлемом данной реалии бытия виде, начиная от примитивных микроорганизмов и самим им.

1.0.2.-46. Теперь перед нами вновь важно в противоречии отделить одно от другого, Божественное полное и вечное от временного и ограниченного греха, чтобы внести ясность в исследуемом предмете. Вселенная, поражённая грехом, свидетельствует о Божьей Сущности точкой со значением пустоты (то есть ноля), которая становится Центром всего. Ибо Божественное чувственно воспринимаемым грехом не обладает, то есть в Его свойствах нет поражения грехом, а следовательно нет всего того, что может быть соизмеримо греху – речь теперь уже идет о временно явленной протяжённости во времени, как прообраза границы в чистом виде. Вот эта границ-то в чистом виде и становится сопут-

ствующим всему живому в окружающем нас мире. В то же время, присутствие Бога есть, а значит есть влияние, но нет греховной протяжённости, как величины греха и самого греха в Его присутствии¹⁶³, но явление Его в этой протяженности – идея вещи не тленна и вечна. Как только поражение грехом появилось в реальности, как ныне привычно зримое, то какое-то время остается не зримо (так как начало – это ещё не движение, по слову учителей Церкви). Иными словами, ещё пока не может проявиться как некая чувственно воспринимаемая реальность, соизмеримая с естеством нашим, а потому учёными о ней свидетельствуется, как самая элементарная жизнь на молекулярном уровне. Ученые созерцают простейший внутренний мир материи, посредством усложнений макромира, а ведь многие свойства в данном микромире раскрыться могут только в пределах уже бесконечно огромных – в границах макромира. Иными словами, в пределах микромира они почти не работают и не явлены. Поражение грехом – это не способность принять мир в таком образе, каков он есть во всей полноте и сразу, а потому мы зрим его только в некоторой непрерывной последовательности в образе цельно-единства⁴²⁵, то есть эту полноту воспринимаем уже не всю сразу, удобоприемлемо-постепенно. Как ни странно, но с позиции природы, несущей в себе поражение грехом (и, как следствие, наделённой всеми известными науке понятиями об эволюции и законах сохранения), начало всего в привычно зримом мире имеет как раз

этот самый прообраз ограниченности и узости миропонимания⁴²⁶ и если мы соединим все воедино, то получим то, что естественно нами воспринимается, как прообраз. (07.01.00) *И эта точка-начало есть то самое «место», через которое первый Адам был изгнан из Рая⁴²⁶. Он так и сохранился и выразился на природе физиологии человека в том образе, который имеют женские детородные органы⁴²⁶. То есть точка из которой выходит мир во всей полноте, но только в прообразе этой точки – в непрерывной последовательности, в коей непрерывность – важное условие земной жизни, а именно прообраз непрерывности именно этой точки. Причем первый человек, с позиции научного анализа, только в таком вот виде пребывать мог. Точнее это только то, что попадает в наше поле зрения, имеющее столь сильное поражение грехом, с помощью естественных ему инструментов диалектического материализма⁴²⁶.*

Все дело в том, что хоть и всякое начало, еще не развитие^{777-01-2.2}, но нам интересно ещё и иное в самом этом начале – оно уже не есть состояние стабильного покоя, при котором или относительно которого всякое разрушение всегда абсолютно мгновенно, а восстановление растянуто до бесконечности. Человек, отпавший от Бога возвращается к Нему всю свою жизнь мировой истории и одновременно с этим пребывает в постоянном богообщении, как уже вернувшийся в Его Лоно. Это два в одном не могло не отразиться на са-

мом эволюционном становлении, в процессе которого жизненно важным остается только одно – как можно раньше распознать грядущее, опасность приходящую из будущего. Всякое явление всегда имеет предтечу, распознать которую спасительно для биологической земной жизни. То есть вопрос в том, как люди к этой предтече относятся⁴²⁷. Для жизни во Царствии Небесном – нет этой значимости, а для живого в земных условиях – есть. А потому, исходя из всего изложенного ранее следует определить направление эволюции жизни в будущем⁴²⁷. В процессе эволюции, жизнь как бы постоянно поднимается на вершину, сообразную Голгофе, с высоты которой видно все в природе вещей, а это важно для вечности бытия земной жизни в условиях постоянных катастроф и опасностей. Получается, как бы, что для того, чтобы победить смерть, необходимо сочетать в себе одновременно два в одном – быть на Вершине⁴²⁷ в Образе Божьем и нести в себе живое в прообразе змея-искусителя⁴²⁶. То есть мы в прообразе змея-искусителя выходим из точки входим также в точку, а именно можем взойти на Вершину в прообразе Христовой Голгофы – умереть для греха. Мы видим все то, что оказалось в области нашей досягаемости и чем выше мы поднимаемся над миром, тем больше нам открывается, тем безопаснее бытие⁴²⁷. Иными словами, для созерцания Вселенной, востребована некая призма мировосприятия, через которую видно самое важное – путь в вечность через все

то страшное, свойственное земной жизни. Представьте себе водную гладь озера в утренние часы. Вода как зеркало не шелохнётся. На поверхности заметны колебания даже от мотыля, упавшего в воду. А если есть волны, то колебания воды от живого мотыля уже не распознать. Итак, призма созерцания мира должна иметь именно прообраз тихой воды, с отсутствием величны колебания – прообразом точки, чтобы видеть сигналы предтечи грядущего. К примеру, в лесу пожар. Человек его видит с огромного расстояния и предпринимает меры ко спасению, а бабочка летит и начинает распознавать только уже тепло от огня и бывает уже поздно. То есть видеть грядущее дано всем живым, но в разной степени имеют власть над судьбой. Так вот, чем сильнее покой, чем сильнее величина отклонения от нормы равна нолю, тем лучше видимость всякой альтернативы покою, этой точке, этому нолю. Покой – это свойство постоянства, свойство «берега» в нашей двоичной природе «берег-река», это отсутствие величины колебательных возмущений. А, если говорить более конкретно, то речь идет о точке, в которой происходит процесс распада, при котором начало, ещё не есть развитие и распад^{777-1-2.2}. Вглядимся внимательнее в это начало начал. Точка имеет общее с одной стороны с Миром Небесным, как отсутствие величины отклонения от Божественной нормы, а с другой стороны – с миром земным^(см.777-01-1), а именно в пределах постоянства уживаются все абсолютные крайности с их бесконечными порядками степеней. При этом на-

чало развития – еще не развитие. Два в одном. Как земное – это уже развитие, предел первообраза коего есть абсолютная общность с Миром Небесным⁴²⁸. Так вот значимым для земной жизни может быть только общее с Миром Небесным. Это такая верхняя грань точки, а именно её абсолютного постоянства, природно приблизившись к коей по максимуму, человек обретает ту желанную призму, посредством коей лучше распознаются абсолютно все симптомы грядущего⁴²⁷. Ведь точка имеет несколько этапов разложения, сначала – это абсолютная первоизданная цельность-единство, потом в ней начинается развитие – нарушение цельности при её ещё пока видимом цельном состоянии и далее уже развитие взрыва, при коем начало развития – еще не развитие. Человек, как бы стремится взять за основу для созерцания естество первого этапа – первоизданное, цельное, чистое, покойное состояние в процессе развития(см.777-01-2.2). И этот эволюционный процесс подбирания к вершине в природе самой точки растягивается в бесконечность, ибо время перехода из одного состояния в иное в пределах природы самой точки относительно и стремится к вечности777-01-2.3. Всё это, а именно эволюционное становление до такого представления о совершенстве, произойти может только в самом человеке, в его природе в процессе эволюционного становления. То есть, если есть в природе процесс эволюции, то направление его суть таковое. Вот почему история исчисляется только по-

следними 8-10 тысячелетиями, как попавшая в поле зрения человеком современным.

Именно по этой же причине, наука, если занимает свое установленное Богом место вне суждений о Нем, с позиции православного богословия, то становится ересью и именно по этому, по слову Григория Паламы, мы должны заниматься мирской мудростью.

1.0.2.-47. Все дело в том, что во Царствии Небесном нет греховного языка. Там все вне греховного контраста и потому бессловесно во грехе. Ведь там все едино, постоянно, стабильно в покое, замкнуто в себе. Это все потом, уже по грехопадению, неизбежно находит свое отражение в образах земных в самых различных формах жизнедеятельности, боевых действий, языках, языковых вывертах, научных доктринах, в искусстве. Как только возникает выражение этого реалии в более всеобъемлющей Божественной полноте, так сразу это становится Божьим Словом или Победой, новой жизнью или откровением в научной разработке. Чтобы видеть Творца, первым делом, мы вычленим из этого бытия определенную сферу, изолируем ее от всего остального. Если метеорит летит по прямой линии, то это нам свидетельствует о Боге в пределах данной сферы бытия Вселенной – о том, что движение стабильно и непрерывно, и постоянно. Если он оказался захваченным гравитационным полем звезды или планеты, то мы замечаем иной признак присутствия единства-постоянства в более сложном выражении – стано-

вится цикличностью, как в еще одном специфическом образе Единого – единства. Хотя само по себе движение остается стабильным в той же линейной скорости, то есть метеорит, попав под более всеобъемлющее влияние Бога, остается причастным к Нему в той же сфере, в которой метеорит свидетельствует о Боге как стабильное и непрерывное движение по прямой. Добавляется к этому свидетельству еще одно и тоже с еще одним элементом Его постоянства. Таким образом, обе реалии не пропадают, а совмещаются. Одно порождает только свое же подобие в ином – уникально-специфически сложенное Божественное слово из речи природы во всех иных сферах бытия Вселенной.

В каждой вычлененной из бытия сфере-области бытия имеет место быть свойственное этой сфере свидетельство о Творце. Так как данная точка является общей для сфер-областей бытия с разным для каждой набором свойств, то в данной точке включаются все свидетельства о Творце, свойственные всем сферам одновременно. Чтобы понять порядок вещей, мы вынуждены вычленять каждую сферу-область бытия из всех, чтобы видеть ее через свойственное для нее поведение точки⁷⁷⁷.

Та самая цикличность, которая присутствует в самом звуке, далее периодичность на более высоком уровне – в созвучии нот, которое ласкает ум через слух, образуя музыку, собирающую во едино целые концертные залы для любованием Божественным. То есть мы видим не просто «перемеще-

ние вод относительно берега» по прямой, но теперь эти воды также перемещаются в образе подобия Богу в иных сферах-реалиях бытия, как Его творение, то есть уже несколько усложнено – вокруг постоянного центра, а потому мы способны видеть свое подобие – периодичность взаимосвязности, когда в пределах того же самого подобия постоянству пустоты из одного выходит другое безразрывно²⁴⁵, что мы называем ещё и другим словом – цикличность. Безразрывность, взаимосвязность, по верному слову Николая Кузанского – это ещё и такая форма единого целого.

Чем отличается бытие от инобытия в приведённых примерах? Бытие Бога, чувственно воспринимаемое нами отсутствие величины греха – это есть точка, которая в самотождественном различии в инобытии, становится (в тех же пределах отсутствия величины греха) уже тем, что нам привычно созерцать¹⁶³. Как это понимать? Одному старцу было видение, что толпа бесов при максимуме затрат делали минимум пользы, волокли опавший листочек дерева в общую кучу листьев. В то время как нормальный Божий порядок вещей предполагает иное – при минимальных затратах, явленных в образе абсолютно малой точки, творится максимально огромную пользу – привычно созерцаемое нами мироздание. Вот почему ядро атома всегда должно быть сопряжённым с электронным облаком, на базе чего в дальнейшей эволюции разыгрывается весь сюжет истории Вселенной до наших дней.

Далее, мы можем ещё более усложнять движение, попавшего в инобытие и, в прообразе постоянства-пустоты всех высших порядков усложнения, то есть не нарушая законы единства целого – это и есть Закон Сохранения Энергии, при котором энергия постоянно переходит из одного состояния в другое, имя коему «усложнение»⁷⁷⁷. Постоянное движение по прямой относительно берега, которое неизбежно присутствует в движении по окружности или кривой, так и останутся самыми начальными и будут неизбежно присутствовать во всех сферах бытия и как составляющие, и самые элементарные, и вычлененные из бытия как общий план. Примерно также как движение по прямой содержится в движении по окружности или кривой в виде мгновенной составляющей в бесконечно малых промежутках времени (либо по окружности с бесконечно великим радиусом). А потому эти законы нам не чужды, мы также живем и по ним, как составляющие полноты живительной⁷⁷⁷. Сие только в дозволенных самой жизнью пределах нам не инородно, ибо за оными начинается уже необратимый процесс нарушения цельного и распад¹⁶⁴. Этому закону подвержено все, что мы чувственно воспринимаем: музыку, гармонию, материю и свет. И тут важно сказать, что свет распространяется в эфире, в той же консистенции, в какой частное взаимодействует с общим или подчиняется закону общего. То есть движущаяся частица под влиянием Божественного присутствия опосредовано составляющей её грани наибольшего подобия Ему в данных усло-

виях, взаимодействием образует цикличность, которую мы способны видеть.

(07.01.00) Святой Григорий Палама говорит ещё и о том, что природа проявляется в наиболее совершенном виде только в общении с Богом. Хотелось бы добавить, что природа проявляется в наиболее совершенном виде только в общении с Богом благодаря чему эволюционно во Вселенной возник человек, как образ этого совершенства, как посредник между миром и Богом. Его мысль переведена на иной понятийный язык отцом Андроником Лосевым в его «Хаосе и структуре». Это также хорошо видно на яви, ибо материя возникает как внешний образ внутреннего события. Именно с этим уже наиболее доступным внешним мы работаем как явлением – с физическим материальным телом, оказавшимся в поле нашего обозрения. Образ возникает также, как образ реки возникает из процесса потока движущихся вод в одном направлении. Нет потока – исчезает образ (модус). Исчезает образ – мы не можем работать с тем, что когда-то уже было и прошло⁷⁷⁷. То есть повторю ещё раз, что когда есть влияние Бога, тогда есть движение, с одной стороны как образ полноты в одном инобытии и в то же время формирующее будущий образ полноты в инобытии уже в другом. А полнотой, в любом случае, может быть только прообраз окружности с одним коэффициентом постоянства-пустоты во всех своих вариациях всеобъемлющего. (07.01.00) Коэффициент постоянства может иметь

постоянное приращение, а так как приращение постоянно, то данная реалья не инородна пустоте, остается в ее пределах – пустотой, чувственно не воспринимаемой. Это приращение коэффициента тоже может иметь приращение и оно также может быть постоянным. Так как приращение приращения даже не смотря на его абсолютную бесконечность значений постоянное, то это не инородно пустоте, а значит стабильно и подобна пустоте. И так далее, все усложнения в этом случае вписываются в порядок вещей стабильности прообраза окружности, а потому все реалии всех порядков и бесконечных степеней усложнения в этом направлении тождественны в пустоте и опосредованно этой единой составляющей входят во взаимодействие, образуя структуры и подчиняются законам. Оные – и прообраз, и подобие точки в ином бытии, наделённым иными свойствами, благодаря коим полнота предстает перед нами в таком вот виде выражения всех своих вариаций всеобъемлющего – образ человека. Уходит влияние – начинается свидетельство о Божественном в иных реалиях, воспринимаемое нами как распад по прямой в самом первом мгновении. Почему по прямой? Подобное порождает подобное себе. Прямая несет в себе самый первый присутствующий везде образ того, что породило движение по прямой, как подобие рождающее свое себе подобие – постоянство единого в образе едино-непрерывного-однонаправленного⁷⁷⁷. Произошёл самотождественный переход в инобытие ставшее разли-

чем¹⁶⁵. Так вот если начать разбираться в распознаваемой сфере потока, то перед нами откроются некоторые границы. Эти границы потока суть естество самой нашей природы, в пределах возможностей коей открывается поток, хотя на самом деле поток имеет иные более широкие реалии, ибо поток это уже некоторая бесконечно далекая производная самой высшей Реалии бытия. Поэтому поток влияния всегда относительно различный, хотя он сам по себе остается одним и тем же. Также как река воспринимается нам рекой с определённого расстояния, как-то иначе созерцать если водный этот поток, то для нас как река скроется, выпадет из прежнего образа и мы будем иметь о ней иное представление и дадим иное имя. То же самое здесь, когда мы говорим о том, что уходит влияние, то свидетельствуем об ином принципе видения, об иной точке обозрения на водный поток. Остается ответить каким может быть образ потока?

Собирательный образ потока мы уже раскрыли ранее, когда обсуждали опыт с палкой, пребывающей в равновесии¹⁶⁶. Исходя из этого нам стало ясно, что если нет темноты для распознавания света, то и не увидеть той абсолютно малой точки, источающей светящийся поток. Итак, поток исходит из точки. Но открывается нам в потоке только то, что естественно или созвучно нам природой вещей, местом позиционирования. Поток в самый начальный момент имеет интенсивность, которая падает по мере удаления от эпицентра. В какой-то момент интенсивность становится удобо-

приемлемой и потому попадает в поле нашего зрения как обозримая реальность, как подобное нам, а потом вновь исчезает, как утративший это подобие в самом себе. Он по-прежнему есть, но нам уже не видим, то есть чувственно нам представлен только тот участок спектра, который подобен нам по природе. В потоке участок сей виден по истечении одного того же промежутка времени после истечения⁷⁷⁷. То есть свою необходимую распознаваемую кондицию поток набирает не сразу после выхода из источника, а по истечении некоторого времени. Таким образом, после взрыва перед нашим взором встает образ потока во все стороны, который смог быть распознанным нашими ограниченными возможностями чувственной природы организма – это толсто-стенная сфера с её множественными внутренними кольцевидными прообразами потока из точки (к примеру, круговорот воды в природе – один из них). Бог же оперирует с внутренней сущностной составляющей в Своем Образе природой материи, как максимум первозданной устойчивости, источающий влияние¹⁶⁷, а нам по грехопадении открывается только то, что стало формой сущности в прообразе границы между небом и землей, раем и адом, бытием и небытием, жизнью и смертью, сушей и потоком вод⁷⁷⁷. Иными словами, мир для нашего логического узкого мировосприятия полон сфер – так происходит механизм общения природы с Богом в на языке форм, а точнее это то, что оказалось в поле нашего зрения чувственной природой, которую мы полу-

чили поражением грехом. То есть не ведая о том, как устроен мир, мы могли предположить, что Земля круглая. Отсюда нам становятся ясными процессы взаимодействия частиц. А именно то, почему они либо отталкиваются, либо слепляются в единое, образуют к примеру молекулу. Две реалии, являясь творением Божиим едины в сущности простоты, но различны и несопоставимы, и инородны, и несовместимы в форме, в образе или пути усложнения, в формальном свидетельстве о Творце⁷⁷⁷. То есть два явления идентичны и едины в одном, но различны и несопоставимы во всем другом. В том, в чем они идентичны – они едины. В том, в чем они инородны – они разделены. И то и другое остается и без того единством, ибо единство – это естество всего. Перед нами то единство, которое исповедуется посредством греховной природы, которая может видеть только свое естественное разрушительное подобие первородного греха, свое ничтожество в прообразе точки, а потому все взаимодействия частиц – свидетельство о первозданном единстве ничтожеством границ в чистом виде, то есть посредством несопоставимой несовместимости – отталкивание. Но почему мы видим иное? Потому, что мир явлен нам в границах между единством всего в тождестве первопричины и между инородности всего в путях усложнения. В поле нашего зрения оказываются взаимодействия, коих можно разделить только на две части, в зависимости от участвующих во взаимодействии граней природы: одни отталкивания распознаются

слипанием, ибо в возможностях нашей природы из-за долготы воспринимать это отталкивание только как слипание. Другие распознаются отталкиванием только потому, что попали в поле зрения как отталкивание. Время процесса взаимодействия отталкивания различен, что представляет нам мир либо слипшимся в атомных соединениях, либо наоборот разрозненным²⁴⁶. Но, повторяюсь, так как наши инструменты приспособленные для свидетельства о Божьем изначально содержат в себе элемент распада, то через эту призму созерцания мир перед нами представлен также только распадающимся, но только в различных временных промежутках. Поэтому, исходя из этой установки для созерцания, ничего не слипается, но в пределах обозрения ограниченной чувствами природы видится только распознаваемое нашей природой отталкивание. Хотя, надо сказать, в пределах более широких умственных возможностей распознаются связи и единство отталкивающихся предметов – мы видим закономерности, как специфические образы единства. Процесс отталкивания происходит очень долго, именно по этой причине то, что отталкивается относительно долго – то нами распознается как соединение атомов. То, что отталкивается относительно мгновенно, то предстает перед нами распадом или упругим ударом, хотя можно найти и такую точку обозрения на явление, с позиции которой даже распад является слипанием в маленьких промежутках времени. В противном случае, если бы сие было бы как-то иначе, то нам

ничего не было бы известно о ядерном распаде – ибо просто не существовало бы его в природе вещей. (07.01.00) *И тут главное не упустить важное из виду о том, что всякое взаимодействие уже не есть хаос, но есть новое возникшее явление закона, который свойственен только единству-порядку и потому несет в себе все грани Божественного порядка и Его единства. Ведь всякое взаимодействие происходит только посредством общего для всех взаимодействующих реалий, то есть общей для всех точки Начала начал – в Боге⁷⁷⁷. Поэтому единственная позиция, с которой есть возможность принять мир, как единый порядок – созерцать мир с того Места, с коего смотрит на мир Сам Бог – тогда приходит радость созерцания единства в супротив иной точке обозревания, которая нам преподносит мир в виде распада. Таким образом, обсуждая внутренний мир материи посредством богословских инструментов, мы приводим первые очертания представления о Вселенной в том виде, в каком она должна нам открыться.*

Все же как объединить единство и распад. Всё дело в том, что в явлении процесса распада, которое мы имеем способность созерцать, развитие происходит не равномерно. Неизбежно, сначала имеет место абсолютного ноля, в коем процессы почти абсолютно ещё равны нолю и едины. Следовательно процесс взаимодействия происходит только в этой области явления, точнее то, что мы можем созерцать – скорость процессов почти равны нолю или имеют очень и очень

относительно долгое протекание (в самых первых мгновениях оно может быть равной вечности)(777.01.-2.2). Вот этот момент относительной вечности и выдает нам созерцаемый факт слипания, который на самом деле отталкивание. Дело в том, что сфера максимально подобна носителнице абсолютного постоянства – пустоте, ибо несет в себе только один уникально-специфический элемент постоянства, из-за чего быть инородным пустоте ей противоестественно. Иными словами, всё то, что искажает сферу – попытка исказить саму пустоту, которой подобна сфера. Инородное пустоте либо разрушает её выражение в форме с одним элементом постоянства, либо она тут же стремится к восстановлению. По этой причине, две взаимодействующие частицы сферичны и подобием пустоте «берегут» свое подобие пустоте, утверждающей устойчивость и стабильность. Вот почему две частицы только отталкиваются, пребывая при этом какое-то время в единстве, как природно подобны-

©777-01-0.07(пустота-сфера)•

1.0.2.-48. В этом контексте наших возможностей воспринимать только внешнее в прообразе границы в чистом виде, явленное в границах форм, а именно в пределах функциональности геометрии (механические свойства и движение), как нечто самое внешнее выражение внутреннего мира, как самая конечная производная первоначального бытия или попавшая в поле зрения, как поддающееся обозрению самое конечное следствие всех процессов, а также внутрен-

них взаимодействий, сфера-область бытия аналитического умопостижения *может свидетельствовать о Едином* в вычлененной из всеобъемлющей полноты специфической для нас сфере формальностей, то есть в естественном для данной узкой области бытия проявлении с его прямолинейным движением времени – *только как движение по окружности*, то есть в пределах природной возможности движения терпеть изменение по законам свидетельства о Нём. Тут сразу же три образа исповеди о Боге в одном, которые остаются не инородными пустоте, а потому в наших реалиях наделены некоторой степенью устойчивости, так как нет инородности пустоте – это непрерывность, движение по линии с одним коэффициентом постоянства кривизны и прообраз точки или движение остается в пределах окружности. Поэтому при распаде производной движения по окружности так и остается только прямая, как подобие порождает свое же подобие. Именно по этой причине, всякая корпускулярность и луч развития остаются свойством материи при любых изменениях в ней – это предоставленное для нашей природной возможности восприятия сферическое облако, как внешнее обозреваемое проявление сокрытого внутреннего – непрерывность, свойство движения по прямой и окружность, ибо это заложено в её внутренней природе, хотя только как мгновенное временное значение – это с одной стороны. С другой стороны – это выражение единого в категории пока трудно воспринимаемой (воспринимается единство в таком вот об-

разе взаимодействия только на великих расстояниях в позиции также великого – Бога), как грань природы, которую мы распознаем посредством её подобия, которую носим в себе. Так как третьего в природе вещей не дано (либо окружность – либо прямая), то и нет надобности о чем-то ином говорить. Следовательно, материя имеет способность вести себя в двух реальных: это стабильность бытия, то есть как заложенное внутри материи движение по окружности, свидетельствующее о единстве; это распад, как движение по прямой в очень коротких промежутках времени (мгновенная скорость). Это все то, что попало в поле зрения органов чувственной природы, имеющей поражение грехом и это все тождественно в своем первообразе и опосредовано этого первообраза по-прежнему имеет единство, явленное нам в нашей сфере умопотсужения, как взаимодействие. Ей свойственно видеть чисто внешнее свидетельство о Боге. Внутреннее же – в поле компетенции только Бога⁷⁷⁷.

1.0.2.-49. Бог создал мир просто так для радости, чтобы счастья было по более. И все. Нет никаких иных целей, выгоды и смысла. Жизнь сама по себе абсолютно проста в своем бытии бесконечного счастья, но во грехе обретает такие сложности единства и борьбы противоположностей, что для восполнения утрат, возникших в противостоянии, нужна энергия, которой нас питает Господь от любви к нам. Чем сильнее влияние бездны, тем жизнь наша в том же первозданном счастье (в каком-то ином она невоз-

можно) все более и более напоминает паровоз, работающий на всех максимумах и при этом почти стоящим на месте. Энергозатрат много, а результат оказывается в прообразе ничтожества точки, границы границ. Раз грех неизбежно связан с энергозатратами, то отсутствие греха имеет иную, противоположную полярность для Вселенной поражённой грехом. То есть безгрешие есть бездействие во грехе, но это совсем не значит, что нет вообще никакого действия в противоречии. Если грех забирает силы, то безгрешность всегда есть отдача сил, жертвенное безвозмездное служение. То есть безгрешность – это надеяние во грехе, воспринимающаяся как чувственная во грехе пустота, не распознаваемая или распознаваемая пустотой поражённой грехом природой – это надеяние во грехе есть безвозмездное жертвенное служение – это безвозмездная отдача сил. Это поток от Источника. Нужно сказать иначе, что абсолютная простота – это тоже одно из свойств этой Вселенной, которое в ином определении есть отсутствие сложности. То есть естество, в котором нет чувственно воспринимаемого воспаления от греха. Как Царствие Небесное сопряжено с нашим миром, имеющим поражение первородным грехом с этой позиции? И какой вид имеет данное сопряжение? Как сказано уже ранее Бог имея общее с этим миром, в то же время не несет в себе никакой величины во грехе – Он не поглощает энергию, а отдает. В этом сопряжение. То есть в точке по имени ноль из-за отсутствия греха разрушения в Божественном

максимуме явлено творчество. Оно предстает перед нами точкой, ибо Начало начал – это еще не движение, какие бы бесконечные энергии оно бы не несло. А с другой стороны, какие бы Бог деяния не творил, все они встают перед нами в прообразе нашего же ничтожества – точки. Ведь каждый судит Бога в меру собственной испорченности⁷⁷⁷. Просто присутствие творческой реальности организует мир, точнее, если рассуждать в критериях диалектического материализма, то перед нами встает мир бесконечных случайностей в критериях мертвых его законов – самоорганизующейся Славы Божьей¹⁶⁸. Почему самоорганизуются? Потому что порядок – всегда проявление Божественное в земных реалиях, ибо Он один. Его одиночество – самая упрощенная структура, в которой мы можем разглядеть первый элемент порядка, в прообразе коих устраиваются все остальные мыслимые и не мыслимые структурные образования. Порядок – это образ Божий, вне которого жизнь невозможна. Вне порядка нет жизни. Если есть порядок, то он всегда в образе Его и всегда от Него(см. 777-01-7). А разрушение – всегда из-за греха. Во грехе Бог бездействует, но попускает ему в пределах Замысла Его быть, а так как нам свойственно чувственно видеть только разрушение в прообразе нашей греховной ничтожности, то Он не заметен, ибо волевое организующее действие Бога оказывается вне области постижения привычными органами мировосприятия, несущими в себе поражение грехом. Познание идет только своим же подобием Божественно-

му – одухотворенным разумом. Для видения с позиции греховного, где, с одной стороны, вне Божественной бесконечности всякий порядок так и остается частным случаем хаоса, случайно сложившимся стечением обстоятельств и даже самоорганизацией в Славу Божью. А с другой стороны, с позиции Божественного порядок – волевое решение Личности Творца по устройству красоты мира. Посредством Божественного присутствия в нас Тела и Крови Христовой после святого Причастия, мы замечаем Божественный Промысел. Мир – это носитель Божественного для того, чтобы идти теми дорогами, где Божественному естественно быть. Мы в земных условиях, как бы с особой осторожностью несем на себе кувшин, наполненный Божественным присутствием и боимся делать огрехи, дабы не расплескать Содержимое сосуда и тем самым бережем свою жизнь. Отсюда нам виден иной оттенок искомого нами собирательного образа определения окружающей реалии бытия, что координатное пространство наделено ещё иными качествами: оно делится на две составляющие: ноль и окружающее координатное пространство – носитель свойств этого ноля⁷⁷⁷. При этом следует добавить, что ноль, являясь греховной пустотой или, иными словами, пустотой хаоса, или нулевой величиной разрушения выражен во всем координатном пространстве также порядком или, иными словами, пустотой хаоса, имя которому порядок числовых прямых и является таковым благодаря только тому, что он несет в себе образ ноля, а именно

созидающее в Боге начало, воспринимаемое нами как жертвенность, ибо только жертвенность не имеет греха и во грехе является пустотой или греховным полем. Таким образом, чувственная греховная пустота абсолютного ноля динамична, то есть имеет имя жертвы себя, а координатное пространство, распознанное теперь уже чувственной природой, пораженной грехом, поглощает то, что излучает ноль¹⁶⁰. Ноль всегда вне познания, ибо бытие его не соизмеримо нашему естеству чувственной природы плоти, так как оно является пространством постижимым, оказавшимся в области нашего логического созерцания. Пространство – это такой процесс раскрытия свойств и качеств абсолютного ноля или греховной пустоты. Пространство – это такая специфическая форма исповеди о ноле, в которой раскрывается некоторым образом сложенная полнота Божественного инобытия⁷⁷⁷.

1.0.2.-50. Также ноль несет в себе ещё одно интересное свойство из множества – обладает множеством значений, что есть множество степеней свободы. А если более точно об этом сказать – ноль несет в себе абсолютное множество реальных пространств, но только в потенции, в возможности. Следовательно, мир являются самотождественным различием абсолютного ноля в инобытии, имя коему привычно зримое пространство⁷⁷⁷. Отличие в том, что ноль, как нечувственная реальность – это только ещё возможность проявления, а мир – это уже чувственная реализация возможностей. Исходя из того, что начало движения или процесса –

это еще не движение и не процесс, то чувственная природа начинает видеть не ноль, а околонулевое пространство, в котором точка оказывается в поле зрения. То есть мы видим ее через посредник. Мы видим начало начал, поток энергий, не как точку, а как сферу. Мир и абсолютный ноль – это одно и то же, только воспринимаемое по-разному, посредством разных инструментов⁷⁷⁷. Мир, с позиции хаоса и греха, образа ничтожности, может обладать абсолютот простоты и чистоты тоже только в образе ничтожности точки и в ней же он-частное обладает общим со всеобъемлющей бесконечностью Божественного, ибо в данном состоянии абсолютного постоянства изначальной точки движение может начаться в абсолютно любую сторону, а движение – какая-то уже форма, уже есть частный случай, исключаящий то самое первоначало – его абсолютное многообразие возможностей ноля. Но так как надприродное естество в обоих случаях (ноль и пространство) остается тем же, то в этой первообразной обоих реалей (ноля и пространства) они есть одно и то же – они тождественны, а потому имеет возможность сцепления при взаимодействии, как подобные друг другу. Это естество, согласно нашему восприятию, имеет иное имя – абсолютное множество возможностей, которое носит всегда с собой всякое явление-уникум, само по себе ставшее таковым как специфическая грань этой же абсолютной возможности. Просто в данной реальности, естеством природы данной окружающей реальности оно подсвечивается, то есть

более всего выделяется, оставляя в тени все остальное. Но всякое взаимодействие, казалось бы инородных друг другу явлений, может происходить только посредством этого общего для всех явлений – абсолютного ноля или абсолютной пустоты, но при этом её бесконечно разной динамической возможностью. Повторюсь, всякое взаимодействие – свидетельство о том единстве надприроды, а потому только в образе протекания взаимодействия мы можем узнать не только о единстве надприроды, но и об иных свойствах оной. Просто явления и то, что мы называем взаимодействием их – это уже различные сферы свидетельства о Боге, обнажающие разные свойства одного и того же – надприроды. Хотя надо сказать еще и иначе, что так как надприрода остается первопричиной любых явлений, то все взаимодействия имеют только один и тот же прообраз единства. Они все одно и то же, но раскрываются нам разные грани, формируя разные образы одного и того же. В одном случае, это два столкнувшихся теннисных шара, а в другом – ядерный распад⁷⁷⁷.

1.0.2.-51. Вообще никаких сложностей, в переложение на математическую основу, не имеет только точка, а движение по прямой – это уже её самоидентифицирующее различие в инобытии, то есть на нашем понятийном языке – это некая элементарная сложность-свидетельство¹⁶⁹. Они также в образе единства и, в конечном счете, вырисовывают общую для обоих составляющих (для движения по прямой и постоянной неподвижной точки) картину – окружность или что-то около

этого (это векторное исчисление). То есть Царствие Небесное теперь, в переложении на понятийный язык математики (а точнее речь идёт о том, что оказалось в зоне её специфической возможности свидетельствовать о Царствии Небесном), уникально адаптирована в сфере, которая частично несет поражение грехом (поражение грехом, как процесс распада – это тоже свидетельство о том, чем была реальность до распада). Ранее точка была единством всего, а теперь в другом инобытии та же самая реальность единства всего в другом инобытии представляется как окружность и при этом также свидетельствует о Едином, но с помощью иного набора инструментов, природно естественных для данного нового инобытия или для данной сферы. Как-то иначе говорить о Боге она не способна, ибо у каждого явления своя гортань для совершения речи. Иными словами, точка, прямая и окружность – это различные носители Божественного, но в разных инобытийных естественностях. Они есть выражения одного и того же, но в разных природах инобытия. Таким же образом нам представлена более приемлемая к жизни реальность – ранее Царствие Небесное было Вселенной, а теперь всё то же самое, но через труд в поте лица и в самом этом процессе в поте лица. Так родился спин.

1.0.2.-52. Частное хранит в себе образ и подобие общего, вне коего частное невозможно, а потому это общее специфично выражается во всех научных направлениях: в реалиях математики – число; в реалиях геометрии – сфера и

окружность; в реалиях механики – инерция; в реалиях ядерной физики – стабильность ядра и так далее. Исходя из этого, частное исповедует природу общего только в пределах его же подобия – частное не может быть инородным общему, также как окружность не инородно пустоте или зримое в непосредственной близости не инородно виду с вершины. То есть частное исповедует природу общего, как свою, но только уже в некоторой уникальной специфике и живет по законам общего – процесс распада происходит только инородного общему и до пределов подобия общего, и только в пределах общего, и вот в нем распознаются уже иные грани общего. Просто полнота всего мира Божественного нам раскрыта в таком вот виде, оставаясь при этой частью общего. Распад – это инородное пустоте и потому временное и это то, что характеризует Его с помощью иного набора инструментов, свойственного иной сфере бытия. Поэтому-то нам попадает в поле зрения взаимодействие общего с частным, которое совершается не только в сфере общего, но в том же числе в прообразе частного – в точке 777, единое нам, поражённым первородным грехом, представляется как одиночество единого, а на самом деле это только окно в бесконечный мир, через которое мы выпали из Царствия Небесного, как поражённые грехом, образ и подобие чего мы должны нести, как подобное породившее свое же подобие. Мы несем в себе образ этого окна. Точка – ничтожно малое, ибо образ ничтожно малого мы имеем и из-за этого бесконечность

и величие Царствия Небесного предстает перед нами в нашем же образе – ничтожности⁷⁷⁷. Исходя из этого мир предстает перед нами в пространственных объемных предметах, разделенных пространственной пустотой. То есть мы стали частным случаем, абсолютно множественных возможностей общего, выражаемых во множественных прообразах точки. Мы стали каким-то своеобразным различием первопричины-точки-пустоты и судим о первопричине посредством того набора инструментов, свойственных той сфере-области бытия, в плену коей оказались из-за первородного греха⁷⁷⁷. Так как всякое различие первопричине несёт в себе составляющую этой же первопричины, то после того, как началось движение, так сразу опосредовано оно началось свидетельством о Том, под влиянием Которого движение неизбежно попадает в сцепление и пребывало всегда, но опять же в прообразе своей первопричины в специфических условиях бытия. Все имеет прообраз точки и ничего не изменилось в природе движущейся частицы, просто теперь движением по окружности частица подчеркивает только основную грань своего внутреннего мира, что она, не смотря на свое частное выражение бытия Тела, остается частью этого Тела. То есть в одном случае, область бытия несет в себе такие свойства природы, в которых Божественное представлено точкой. В другом случае, уже иная область бытия несет в себе иные свойства природы, в которых Божественное представлено движением точки по прямой. В третьем случае, уже инобытие, как

иная область бытия несет в себе такие свойства природы, в которых Божественное представлено движением точки по окружности. Но во всех трех случаях имеет место свидетельство об одном и том же – о Боге⁰⁰⁰⁻⁰⁰¹⁻⁰⁰². С другой стороны, все формы поведения и образы единства Божественного уже имеют место быть в Божественной Сущности, а потому как-то иначе, вне этих сценариев-схем исповедь о Боге проявиться не может. То есть и точка, и её движение по прямой, и её движение по окружности, и просто сфера, и движение с иным проявлением константы – это суть Творящего Свое подобие в реалии, заложенная в любом элементе единовременно вне зависимости от свойств той или иной области бытия²⁴⁷. Просто в бытии существует только Он и Семейные отношения личностей. Вне этих бесед на Предвечном Совете ничего не существует и существовать не может. Просто в той или иной сфере бытия какое-то Его свойство из всех наиболее сильно актуализируется, а потому мы воспринимаем это как уникальное свидетельство о Боге⁷⁷⁷.

Частное – продукт распада общего единого, имеющий развитие в одной из множества составляющих единого (представлено нашему ограниченному сознанию как распад), в котором покой или ноль – также частный случай. Так как Бог не может быть разложенным на составляющие или быть распадом, то влиянием общего на частное вносится лицензируемый через образ бытия элемент постоянства Общего и Его единства, как образ свойств общего. Творец и Его же

творение, так как остаются одним и тем же единым вовеки, но теперь уже на разных языках свидетельства, то есть остаются в поле взаимного постижения, остаются образом единого и в пределах одиночества. Тогда как частное несёт в себе одно из не самых главных проявлений общего, на котором акцентировали внимание ученые, имя которого – цикличность относительно этой точки в прообразе двуединства (берег-река⁴³). Так мы получаем волну, которую физики называют электромагнитной. При этом исходя из всех определений о пустоте, волна взаимодействует с космической пустотой.

Иными словами, если бы мы никогда бы не изучали физику и жили бы лет 200 назад, то можно было бы выдвинуть гипотезу о том, что свет и материя в структуре своей цикличны⁷⁷⁷ только лишь потому, что мы их видим, исходя из свойств нашего познания и познания самих себя¹⁷⁰. Потому что мы, сами являясь гармонией, можем видеть только гармонию или сами, являясь носителями Божественного, можем видеть Божественное опосредовано Его проводников и формальных свидетельств о Нем – кружки, линии, точки, величины изменений и так далее. Природа сознания **везде** работает одинаково – везде распознает проявление Божественной Любви, адаптированной в самые разнообразные формы восприятия радости. Личность видит только личность и характерные личностные черты. Подобное познаётся подобным. Личностные характеристики – это радость, приятное

созвучие, доброе слово, красивые соцветия, пейзажи, ароматные запахи, тепло, вкус и так далее. Бог вдунул в лицо Адама частичку радости, чтобы человек мог быть счастлив и опосредовано счастья мог бы видеть только счастье в Боге и о Боге.

Можно и нужно сказать немного не адекватно для нашего ума. Если спросите у математики (у математического образа мировосприятия) кто для неё Бог, то в естественном для неё модусе функционирования для её естественной сферы обозрения Бог будет представлен берегом⁴³ или отсутствием перемены течения вод⁴³ (она укажет на берег, на то, что она не может подвергать анализу, но при этом имеющему влияние) и на этом наши познания о Боге с помощью математики будут исчерпаны, ибо о чем-то большем такие «щупальца» математики нам поведать не в состоянии или как-то иначе она о Творце говорить не может – но только посредством свойственных ей природных инструментов, а что там на этом берегу делается – это же вне области её компетенции.

Почему-то находятся такие знатоки, которые пытаются претендовать на большее, в то время как это большее – иные сферы-области природы человека, в коих нужна специализация иных инструментов, иных человеческих органов познания Божественного. То есть познание посредством иных граней мировосприятия в частице, вдунутой человечеству в лицо Адама. Есть другие органы чувств, естественным для которых будет более полное выражение Бога, обозреваемо-

го уже возможностями, находящимися за природной гранью математического образа мировосприятия, но за гранью их обозрения так и останется всё остальное, что оказалось вне области досягаемости теперь уже этого берега. Мы этими щупальцами чувствуем твердую дверь, за которой имеют место быть какие-то иные твердости или предметы в пределах их восприятия, но отношения между этими предметами щупальца не распознают. Например, если наша душа видит Ангела, то математический анализ его описать не может, ибо это в сфере возможностей обозреть духом. Также как невозможно с помощью чувств распознавания вкусовых качеств продукта питания созерцать то, что вне сферы природного освидетельствования – небесные светила в ночном небе. И так далее. И тут виден самый важный ответ на извечный вопрос о первичности души или тела. Что первично в нас: течение эволюции тела на протяжении миллиардов лет (то, что исповедует нам диалектический материализм) или же всё-таки душа, пребывающая в радости? Это также как, если вы залезли в воду и пытаетесь ответить на вопрос: «Были мокрым всегда?» «Что первично для меня первородный грех или всё же человечество?» Понятно, что до этого момента вы уже были в этой реальности, только Вас не было в воде. Но, даже пребывая в воде, приоритеты остаются теми же – тело и его здоровье важнее. Только в нашем случае, тело – это сама душа и ее здоровье важнее даже здоровья физического. То есть счастье людей так и останется только

в безотрывном единстве с «берегом», то есть с Богом, ибо душа жаждет быть там, где она родилась, где ей более всего естественно – вне этих вод. Счастье, причем надо обязательно добавить от единения с Богом во Царствии Небесном, так и остается естественной нормой человеческого бытия. Так прошло эволюционное становление в течение всей истории.

1.0.2.-53. Итак, подобное входит во взаимодействие только со своим подобием и быть сопряженным может только со своим же подобием опосредовано соответствующих подобий в природе эволюционного усложнения. Узреть Божественное можно только подобием Божественной Природы в естестве человека – высшей инстанцией в нашем организме. Всё остальное является также богообщением подобного Богу естества человека с Самим Им, но посредством Его косвенных проводников-посредников. Это представлено нам через возможности нашего организма воспринимать лишь то Божественное, Которое оказалось в поле зрения в специфическом виде, в области адекватного постижения свидетельства о Творце – это какое-то специфическое свойство береговой линии и в определённых возможностях природы тела пределах ограничения¹⁷¹. То есть нам открывается лишь та реальность Естества Бога в посреднике, подобие которого мы несем в себе хотя бы в той малой степени, в какой мы принимаем участие в Божественной жизни Святой Троицы; в пределах тех возможностей, кои открываются Частицей Естества Божественной жизни, вдунутой в лицо Адама Богом сразу по-

сле сотворения. Тут чудес нет и не надо их ждать по наивности своей, ибо оные научными быть не могут (не надо нам такие вопросы задавать). Тогда возникает вопрос, что мы можем видеть? Вот сядем на лавочку и поразмыслим. Хотим увидеть Бога и что нам будет открыто? То есть к чему мы должны быть готовы, пытаясь созерцать Божественное? Какой образ мы должны быть готовы воспринимать?

Вот сосед помогает престарелой бабушке – колит дрова. Мы видим действие – подвиг жертвенности и называем это добром. Бог если есть, то он добр и мы также должны видеть это действие – жертвенное служение, самопожертвование ради слабого. Сосед может быть похожим на чудовище, но изображая его добрую природу духа на рисунке, мы можем выразить лишь изображением этого жертвенного действия, ибо только в этом случае он воспринимаем как доброе (то, что он чудовище тут же уходит на последний план). То есть Бога мы можем видеть только в Его благотворном промысле, в действии – какие-то иные образы Его автоматически должны отпадать, как второстепенное, что мы и сделаем то, что изначально нам предопределено – отбросим всё то, что мешает видеть Господа. Иными словами то, как представится перед нами вид Божественного нас уже не будет смущать – какой есть, такой и воспримем, лишь бы было это жертвенное делание. И если сделать его фото как-то иначе, то доброе уходит из поля зрения в небытие и сливается с реальностью окружающего. Итак, Бога мы видим в Его твор-

ческом труде, в Его в проявлении жертвенности – в Его действии отдавать слабому и этим животворить слабого, нести у слабости послушание⁴²⁹. Отсюда нам открывается природа Божественного экстаза⁴³⁰ – в самом процессе уничтожения ибо «совершенство личности заключается в отдаче. Как от природы "отличная", как "не природная" (от авт.: инородная природе, ибо природа живет притоком энергии), как личностная, она выражает себя в отказе от бытия для самой себя. Это – истощание Личности Сына. "Вся тайна домостроительства, – говорит святой Кирилл Александрийский, – заключается в истощании и уничтожении Сына Божия". Это – отречение от Своей собственной воли не есть определение или действие, но как бы само бытие Лиц Святой Троицы, имеющих только одну волю, присущую общей природе». То есть сам этот процесс жертвенной отдачи – это следствие экстаза некончаемого акта любви, доставшийся нам в виде далёкого отголоска в семейных отношениях между мужем и женой, и Богом⁴³⁰. Радость в экстазе – образ нашего мироздания и оный предполагает насыщенность всем необходимым, конечной целью всех побуждений и человек не ценит все то, что ему мешает быть в этой радости – человек становится жертвенным от переизбытка счастья.

Далее, мы усилим экстаз, то есть добрым мы назовем более высокую быстроту проведения этой колки дров и, наверное, лучше всего будет движение со скоростью света (более

добрее или максимум доброты). Далее сосед, если он хочет быть ещё добрее, то должен быть наделён ещё и другим качеством – он не должен у старушки просить ничего ни есть, ни пить. Далее, если ещё более добрый, то он не должен даже отдыхать ни днём, ни ночью, ни зимой ни летом – только творить своё жертвенное дело – отдавать. Ведь так от него добра ещё больше. Причём отдавать во все стороны без всякой очередности, то есть одновременно, иначе Он будет иметь толику слабости. Далее у доброго должны быть соответствующие его физиологические особенности: так как глаза смотрят лишь в одну сторону, то глаз у Него должно быть либо множество, либо Ему это без разницы – то есть глаза не нужны; у Него нет носа, ибо нет дыхания для насыщения крови кислородом; нет рта для еды и зубов – ведь Бог только отдаёт, как Абсолют жертвенного служения, то есть нельзя Ему поглощать даже малую толику чего-то. Далее жертвовать собой во все стороны он должен будет одинаково, чтобы было справедливо. Теперь, если он будет излучать тепло, то опять он будет добрее, нежели он будет холодным, то есть ему нельзя это тепло забирать из окружающей среды. И чем теплее он будет, тем он добрее (то есть высота температуры не имеет верхнего предела). То же самое касается и света, исходящего от него. То есть, если он будет ещё и светить, то тоже будет ещё более хорошим. То есть опосредовано представления о добре и исходя из физических потребностей организма, мы все ближе и ближе продвигаемся к максималь-

ному образу. Мы видим, что все сильнее и сильнее вырисовывается контуры абсолюта. Вырисовывается нечто шарообразное и сияющее и дающее свою жертву во всех смыслах понятия добра. Вот такие установки. И, как бы антропоморфным тут и не пахнет, точнее антропоморфия здесь заложена, как уникальная специализация явления Божественного, адаптированного к земным условиям и к данной ситуации немощи старушки (ведь только голова является организмом, а остальное – части тела), также здесь заложены образы всех форм жизни Вселенной. Есть ещё некоторые важные аспекты, которые более отчётливо нам нарисуют то, каким должен быть Бог, когда мы Его увидим через посредники, но этого уже достаточно. Хотя нет, одно необходимо помянуть. Дело в том, что сильно быть жарким нашему кольчику дров нельзя, ибо можно поджечь жилище старушки. Тогда ему надо быть там, где его жар безопасен. Лучше всего ему надо остаться далеко – это тоже проявление доброго.

Просто древние это указывали более упрощенно и в назидание молодым на их повседневном понятийном языке мировосприятия. Ведь в те времена всё вокруг воспринималось как чудо Божье. К примеру, в некоторых странах люди узнали, что есть воздух только 100-150 лет назад, а так птицы летали для них сами по себе, как Ангелы. Для них чудо было естественным также как пообедать. Вот на каком уровне мышления мы были совсем недавно. Ныне мир уже изменился и формы исповеди Бога вместе с ним стали иные.

Теперь остаётся посмотреть вокруг и поискать то, что нам дает жизнь, увидеть фотографию или икону подвига. И так, в наше поле обозрения, к примеру, попадают эти цветы – нет, хотя и похожи на нарисованный нами образ, но они борются за своё существование, животные – тоже нет. Луна круглая, но тоже нет, ибо холод от неё. Остаётся Солнце. Да, это подходит под все наши определения. И как бы за обозреваемым солнечным диском не прослеживается душа и дух. То есть мы можем видеть только некоторое внешнее проявление внутренней природы в прообразе границы в чистом виде, мы видим проводник Божественного, ибо плоть может созерцать только своё подобие – плоть Бога. Мы видим Бога в проводнике и принимаем образ проводника Его к нам. То есть Солнце – это одна из множественных граней Божественного, то есть это наверно Тело Бога, доступное для зримого восприятия человеком и мы внешней природой подражаем Солнцу, а внутренне остаемся с Ним.

Вот как сказано царём Давидом: «...Единою клянуся о святем Моем, аще Давиду солжу? Семя его во век пребудет, и престол его, яко солнце предо Мною...» (Священное Писание. Псалтирь, 88 псалом, стих 36) То есть Бог сравнивает престол царя Давида с Солнцем, как ещё одной формой свидетельства о Себе во Вселенной.

1.0.2.-54. Поэтому древние не лгали, рисуя Дедушку на облачке – эта правда не могла иначе восприниматься и в ней Истины больше, чем в самом последнем научном исследо-

вании. Старичок с нимбом – антропоморфированное изображение Солнца, сияющего сквозь облака. Именно так выражается Творец понятийным языком природных явлений и именно к этому следует быть готовым, чтобы созерцать Божественное опосредованно органов чувств, воспринимающих мир в данных сферах всеобщего. В каких-то иных сферах реальности, более высших, нам открываются уже иные формы образов Божественного и понятно, что оные всё более и более будут нам напоминать нас самих²⁴⁸. Остаётся только антропоморфировать Божественный подвиг, сделать Его доступным для нашего мировосприятия, как это неизбежно выразилось на мировосприятии древнего человека, на его примитивном понятийном языке, на котором до сей поры говорят многие современные духовники Церкви. Никаких чудес нет – всё логически правильно выверенная цепь суждений.

Бог даёт нам Свои энергии, явленные в виде Солнца. То, что оказалось в области возможности постижения ограниченной человеческой природой чувств, то мы и можем созерцать, а всё остальное сокрыто за этой стеной ограниченных возможностей природы органов чувств. Всё что-то за гранью – продукт нашего опыта душевного и духовного, из чего строится мировоззрение. Мы чувственно воспринимаем ладонь товарища, но межличностные отношения с ним – компетенция не тела, а только души. Формы святости и подвига, то есть формы Божественного проявления, в Сво-

их выражениях на православных иконах наиболее адаптированы к человеческому мировосприятию, к его конкретным чаяниям и жизненным ситуациям. (07.01.00) Но, несмотря на нашу природную ограниченность, что-то более этой ограниченности не востребовано, ибо даже тем, что имеем, мы не пользуемся в должной мере. Ведь все свойства Божественного Естества так и остаются реальностью, благодаря которой мы живём, хотя мы такие, какие есть и несем в себе печать абсолютного ничтожества греха в точке. С одной стороны, если человек позиционирует себя в Замысле Божьем, то даже абсолютного ничтожества точки достаточно для того, чтобы мир оказался в естественном для него месте – лежал под человеком. Ничтожество точки обнаруживается в тот момент, когда человек позиционирует себя как-то иначе. То есть мы подражаем Богу в сути и через Вершину вершин, а не в том, как Он проявляет Себя во внешнем мире – в абсолютном стеснении ограниченности. То есть, что изображено на иконах? На иконах изображена радость Царствия Небесного, стимулирующая подвижничество, жертвенное служение, осмысленный подвиг утверждающий победу над судьбой, а потому икона всегда остаётся окном в жизнь вечную, проводником к источнику (сам проводник источником не является). В принципе, тоже самое зрим, когда смотрим на Солнце, то есть это тоже икона, показывающая жертвенность. То есть вечность через эти различные окна-проводники на нас имеет влияние, рас-

познанное опытом людей, когда оные были в торжестве в духовной брани в течение многих сотен лет и даже тысячелетий. Ради чего-то иного икона теряет смысл. Что мы можем видеть, созерцая Бога? Только живую Личность, то есть наше подобие, то есть мы накладываем трафарет-шаблон своей природы и обращаем внимание на то, что попало в поле зрения этого шаблона – и вокруг ищем личностные черты, а именно само Его действие жертвенности через проводников Своих²⁴⁸. Он есть, как бы, ноль греха и максимум истечения блага через окна-проводники. Поэтому мир для нас представлен в пределах этого трафарета-шаблона, а все то, что за его пределами – все это ускользает от нашего восприятия, но это не означает, что этого ничего нет²⁰⁴ и это не означает, что оное не действует или распознавание этого действия явится позднее. Исходя из всего сказанного, следует важное. Для того, чтобы вновь обрести Царствие Небесное необходимо постоянно активировать то качество нашей природы – её высшую грань-шаблон-трафарет, которая позволит воссоединиться вновь к Его Естеству не так, как это сейчас, а в том в прежнем образе.

1.0.2.-55. Вот что сокрыто за пределами шаблона. «И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни.» (Быт.3:24) То есть вход во Царствие Небесное лежит через то подобие в святости Херувиму, который стоит возле Входа в Рай. Просто может возникнуть мысль о

том, что следует построить космический корабль и влететь в Звезду на нём – цель человечества достигнута. Хотя конечно, освоение космоса лежит именно через эту Голгофу или по пути в прообразе ее, а именно для этого необходимо войти в Солнце, как через тот самый Вход, но это остается только чистой формальностью, то есть речь не идет только о теле, но о душе в первую очередь. Ибо первый Адам был низвергнут из Рая именно по этой же причине, ибо он, после общения со змием, там пребывал уже чисто формально. Дух уже был далеко, а потому остерегаясь всяких случайностей, не предусмотренных научным опытом мы, пребывая внутри жаркого Солнца, будем как Адам прикрывать свои слабости-наготу, защищаться от всего того, что покушается на нашу жизнь, поражённую грехом. Будет суета противостояния всем видам воздействия внутри Звезды, но желанного общения с Богом не будет. А ведь именно это качество бытия является ключевым, в котором «не место красит человека, а человек место».

1.0.2.-56. Далее интересный для изучения момент. Священное Писание нам говорит о том, что Бог поставил у Входа во Царствие Небесное «Херувима и пламенный меч обращающийся», если мы посмотрим на Солнце не защищённым глазом, то поймем почему меч пламенный и при этом обращающийся, ибо увидим как бы пламя, которое плавает, обращаясь по солнечному диску. Наверное, поэтому древний так написал – иного ему было не дано видеть чувствен-

но. В этом же образе формируется всякое иное даже научное утверждение. Какими были Солнце и Луна до грехопадения, нам земным представить невозможно, ибо мир свидетельствует не о порядке и его законах, а о совсем ином – о любви. Это, как бы, цветок мать-и-мачеха. Если мы смотрим на него с обратной стороны лепестков, снизу соцветия – мачеха, а если сверху – ласковая мать. Отсюда название цветка. То, что предстает перед нашим телесным взором – мачеха, ибо понуждает нас к труду в поте лица, чтобы видеть мир сверху – так, как нам естественно его видеть для того, чтобы жить в объятиях ласковой мамы. Говорить о том, как было изначально, каким был мир Рая, насколько он был ласковый – трудно даже представить вне молитвенного общения с Богом.

Царствие Небесное абсолютно безгранично. Пределами и границами самых различных форм стала наделена наша Вселенная, получившая поражение грехом³⁴⁰. Оказался ограниченным в свободах и сам человек опосредовано ограниченных возможностей своей плоти. Так как природа человека двоичная⁴³, то и ограничение это только там, где ему свойственно быть, а именно чувственно распознаваемой во всех гранях части его естества, пораженного грехом. Понятно, что образом абсолютного ограничения грехом может быть только бесконечно малое пространство во грехе – это точка. Величина её равна нулю, но присутствие Божественного в пределах этой точки-Вселенной есть и оно не сковано

этим абсолютным ограничением – влияние Оного бесконечно. Счастье – это не форма, а состояние духа, а потому своим счастьем не замечает этой скованности, а потому влияние через такое абсолютно малое ограничение в том же абсолютности полноты явлено бесконечностью, хотя и в пределах даже этой точки. Стеснение распознает только дьявол, как носитель греха. Поэтому изначально следует сказать каким было самое первичное ограничение в пределах нашей, поражённой грехом природы. Оно надделено в полноте и свойствами бесконечности Царствия Небесного, Его абсолютным постоянством, и свойствами грехопадения в абсолютно ограниченных пределах специфических возможностей вместить в себя Божественное, свойственных природе мира. Понятно, что, с позиции научного анализа и свойственных ему естественных ему инструментов познания, самым элементарным и начальным состоянием Вселенной могла быть только точка, которая несет в себе и элемент постоянства, и выражение, и абсолютной чистоты от греха, и с другой стороны общность с воспаленной грехом природой. А это присутствие Божественного возможно, как мы выяснили ранее, лишь при одном условии – есть постоянная, нескончаемая жертва. В противном случае, сие было бы жертвенной пустотой, которая нами характеризуется как злое³⁴⁰. Таким образом, в точке без величины греха, естественное для нас выражение этого смысла – излучение энергий жизни. Когда же точка вбирает в себя, то появляется величина греха в прообразе его ничтоже-

ства и границы в чистом виде. С одной стороны, все стремится к единству, то есть движется к точке, то есть несовершенство движется к совершенству в процессе всех видов становления. С другой стороны, Совершенство всегда жертвенно, а потому оно питает всё вокруг собой и благодаря этому все вокруг имеет место быть. Два образа совершенства, не смотря на их противоположности, дополняют друг друга и определяют мироздание как бытие. Благодаря чему имеем два в одном и излучение, и поглощение. Именно это ограничение, а точнее его образ-форма-точка формирует все остальные многовариантные множественные подобия-прообразы, ставшие планетами, галактиками¹⁷². Просто как-то иначе в данном контексте природы Вселенной эти прообразы-подобия выразиться не могли бы. При этом следует сказать, что само по себе Солнце тоже должно быть точкой, а то, что мы видим – суть уже то, что более всего естественно нашей чувственной природе. Мы видим производное от излучения и возрастаем в потреблении его, ибо нам постоянно мало – таково естество жизни, которое всегда стремится к большему. Царствие Небесное остается присутствовать везде и в каждом уголке мира и во все времена, а поэтому именно эта составляющая обнаруживает себя в каждой частице мира, в каждой волне. Отсюда ясно следует, что Солнце – это не Бог а Его посредник. Межличностное общение с Ним происходит в прообразе двойственности: Он отдает Себя, а мы идем к Нему, чтобы отдать Ему себя. (Если будете в Троице-Сергие-

вой Лавре зайдите в Московскую Духовную Академию и поклонитесь памятнику профессорам, преподававших некогда в этих стенах. Вы заметите на западной стороне мраморной плиты, что годы кончины многих из них либо 1937-1938, либо 1961-1964. Вот такая была у нас оттепель).

1.0.2.-56.2. Святой Ириной Лионский в пятой книге «Против ересей», в главе 9, п.1 говорит следующее: «... совершенный человек, как я показал, состоит из трех – плоти, души и духа; из коих один, т.е. дух спасает и образует; другая, т.е. плоть, соединяется и образуется, а средняя между ними двумя, т. е. душа, иногда, когда следует духу, возвышается им, иногда же, угождая плоти, ниспадает в земные похоти. Итак, все не имеющие того, что спасает и образует в жизнь, естественно будут и назовутся плотью и кровью, потому что не имеют в себе Духа Божия».

Итак, самое первое и важное, на чём стоит философское суждение об истории – чувственно осваиваемая многогранность двоичности (с точки зрения логического анализа, а на самом деле, следуя Православному догматическому богословию их три) природы человека. Это мы установили в предыдущих суждениях, когда создавали собирательный образ этой двоичности природы. Продолжим это далее. Остаётся дать некоторые качественные характеристики каждой из этих составляющих. То есть надо ясно выявить, как оные проявляются в окружающем мире. Нам это важно, ибо вне созерцания Бога больший приоритет какому-то из этих двух

полюсов создает злокачественный крен, выкристаллизовывает разное влияние на умы и разное формирование истории, как науки и ведет или к гибели всего. Только вкупе с богообщением всякая исследовательская работа утверждает вечность души и только через это ведет к вечности жизни на земле. Это важный научный аспект – тоже обзриваемая реальность, с которой надо считаться в самую первую очередь. Ведь в ней явлены нам некоторые качества и свойства каждой из двух природ человека.

1.0.2.-57. а) Одна составляющая нашего естества хочет есть и спать, получать плотские удовольствия, исходящие от симуляции борьбы с течениями жизни. Другая наоборот, стремится быть там, где естественно ей быть по причине подобия и родства²⁶⁹. Если одна в чем-то находит своё умиротворение, то другая всегда бунтует против такого положения вещей, испытывает напряжение и страдания. Так альпинист, к примеру, стремится к вершине горы (где актуализированы свойства Божественного, простор и бесконечность вокруг, ощутимы явно), при этом истязая свою плоть перегрузками, голодом, холодом и постоянным риском. Боксёр выходит на ринг, также испытывает перегрузки и получает множественные микротравмы головы и тела, чтобы завоевать первенство. Культурист поднимает тонны груза за тренировку, чтобы придать красивую форму телу, стремится уподобиться Богу в могуществе своей силы и красоте строения тела. Парашютист на полторы-две минуты хочет уподобиться Ан-

гелам Божиим в состоянии полёта. Монах уходит в тайгу, обрекая себя на одиночество и трудности жизни в тяжёлых условиях. Эстет бунтует против того, что в некоторых местах здания Большого Театра осыпалась штукатурка. И так далее. То есть, чтобы обрести единение с идентичной душой Природой, опосредовано приобщения к одному из Божественных Свойств, человек жертвует другой составляющей себя – физической. Терпит невероятные перегрузки, рискует здоровьем и даже жизнью, побеждает страх. И наоборот, когда тело спит и много ест, то живая душа страдает, мучает совесть, человек ненавидит себя за слабость перед искушением и так далее. То есть тут следует сделать важный вывод о том, что иметь счастье и радость духовную одновременно с плотским удовольствием невозможно – либо плоть страдает и душа в радости жизни, либо душа мучается из-за того, что телу хорошо. Уже изначально, тут никак нельзя строить иллюзий, ибо настоящее счастье всегда трудовое, оно идет вкупе с физическими нагрузками – это заложено в самой природе, так как заповедано Богом по грехопадению, а Бог не может желать человеку иного, чем Он Сам – кроме счастья. Также как и тот факт, что духовная радость во Царствии Небесном несовместима с утехами плоти. Отсюда вспоминается сказочный сюжет, в котором стоит богатырь возле камня с надписью: «Налево пойдёшь – богат будешь. Направо пойдёшь – счастлив будешь. Прямо пойдёшь – погибнешь». В том-то и дело, что счастье и богатство там, где как раз страдание в

подвиге. Это же выразилось на Голгофе Иисуса Христа.

В момент биологической смерти, по логике вещей, каждая составляющая двоичной природы человека возвращается в свою естественную среду по природному подобию: душа занимает то место, куда всю жизнь стремилась, а плоть туда, к чему более всего тяготела²⁴⁹.

Это двоичное качество естества людей заявляло о себе во все времена истории, стало основанием всех побуждений и устремлений древнего человека, выразившееся в его образе жизни и в ритуальных священных действиях, призванных организовать стремление к перегрузкам ради духовного торжества и направить стимулированный внутренней радостью и счастьем любви подвиг каждого в одно общее жизнеутверждающее русло всего сообщества, находящимся в общем духовном единении. Иными словами, оставалось упорядочить счастье каждого в борьбе всего сообщества за жизнь. Человечеству важна не сама цель, а процесс её достижения, в котором цель сама приложится, как ещё одна только лишь составляющая грань праздника жизни.

Если одна природа торжествует, то другая испытывает перегрузки и напряжения. (07.01.00) *И видать по всему, в отличие от животного, человеку душевные перегрузки терпеть гораздо более болезненно, раз он изначально постоянно избирал такой себе путь – путь физических страданий и мучений во имя душевного комфорта. То есть стремился всегда туда и желал жить так, чтобы душа его испытыва-*

ла максимальное с одной стороны сокрушение духа от своей беспомощности (как жертва Богу) и тяжбу от природной немощи плоти, а с другой стороны, раскрепощение и радость от единства с Творцом. Именно по этой причине, человек рисковал везде и, как показывают раскопы, делал то, что ему более всего тяжело²⁵⁰. Да, может не надо далеко ходить в древнейшую историю – сколько на Руси было подвижников благочестия, как они жили, как они ущемляли себя во всем, как постились и как носили на себе вериги или строили величественные монастыри. Оказывается все это не ново, а старо как мир. Многое ныне изменилось, но зримые перемены не посягают на сущность живого, но так и остаются лишь формальностью и в сфере формальностей, ибо Сущностный Наполнитель так и остается во главе угла. Поэтому накопленный опыт хранения единства с Самой Сущностью Божественного передан нам по наследству от самого изначального акта творения человека через земное бытие древних. Потому единение с Ним нуждается в стимуляции в той же степени, в какой она пребывала изначально и благодаря чему вообще живое зародилось на Земле. Не изменилось основное качество человека – потребность быть там, где более всего опасно и тяжело¹⁷³, ибо только лишь через сие безошибочно распознается то высшее счастье, которое невозможно затмить никакой болью или горем, или тяжестью. А человеку с его набором достоинств везде опасно и эта слабость становится достоинством, чтобы восстанавливать утраченное бого-

общение. Сие есть ключевая линия становления эволюции, а поэтому неизбежно будем ей следовать в самых сложных природных условиях вечной борьбы или даже при зримом отсутствии оной²⁵¹. Нам надо следовать за Христом, то есть по собственной воле идти на страдания, как прообраз Христовой Голгофы²⁶⁹, чтобы жить вечно – в противном случае жизнь заставит идти на Голгофу насильно – либо неизбежны войны, либо изменится климат и все остальное вместе с ним.

б) Эта линия бытия распознаваема в каждой микроне бытия, но наиболее наглядно ее видно из следующих наблюдений (*кстати, суждения сии нам пригодятся ещё много раз, ибо линия сия наделена свойством многогранности и для освящения каждой иной, новой исследуемой нами грани придёт к нему возвращаться вновь ниже по тексту*). Итак, пусть обыкновенная палка выведена в вертикальное состояние равновесия. Если её отпустить, то по логике вещей она упадёт. Но в жизни, как раз все иначе – палка стремится, как бы, восстанавливать равновесие после всех воздействий на неё. Казалось бы, что легче из двух: бороться за равновесие или нет? Понятно, что выдерживать вертикаль равновесия тяжелее, ибо это постоянное напряжение сил, но именно это и есть утверждение жизни⁴³¹. Под палкой в вертикальном положении подразумевается здоровье людей, на которое постоянно ежесекундно происходит покушение и оно постоянно восстанавливается от их воздействия. Эта странность

поведения – есть лишь видимая часть айсберга, созерцаемая посредством природы, воспаленной грехом, для коей естественно и логически обосновано только падение. Эта видимая часть айсберга свидетельствует о том, что есть некий активатор такого поведения, вне коего нет возникшего образа бытия в равновесии. (07.01.00)(982 п. Р.Х.)(жизнь там, где ее быть не может) *Пребывать в положении вертикали – самое тяжелое и проблемное, но, как оказывается, именно это имеет место в бытии и именно оно востребовано равновесием, то есть жизнью и для побед над смертью. Сам Бог таков есть, что Его бытие не вписывается в логику вещей, но Он противостоит, Он есть. В этом же Его прообразе стоит цветок на тоненькой ножке стебля, хотя логичнее, удобнее и безопаснее лежать на земле. Иными словами, видим мы, что именно в природе вещей живого бытия заложено это стремление быть в более тяжёлом, более трудном, а потому сие исповедует себя в том, что человек стремится туда, где ему более всего трудно – на вершину горы в прообразе Голгофы Христовой, в торжестве в бою к победе жизни над смертью²⁵³. Человек рад видеть не выгоду или блага мира сего, а любовь и любящее его сердце, следующую за ним на Голгофу. Так как жизнь уже есть сама по себе проблема и трудность, то надо в любом случае в этой трудности торжествовать над собой счастьем и тем самым решать её проблемы, терпеть и бороться – восстанавливать свое здоровье во всех реалиях посредством того*

же самого следования человека любовью и за любовью на Вершину сообразную Голгофе. А так как жизнь не прекращалась никогда, то стало быть именно эта Божественная радость-любовь, распознаваемая в скорби, есть определяющая белая линия в формировании цивилизации – человечество стремится туда, где тяжело в прообразе этого же стремления жизни к самому тяжёлому – сохранению равновесия¹⁷³. То есть отдается приоритет не более легкому, а безрассудному противостоянию в борьбе супротив всему иному вокруг, только лишь потому, что того требует само естество жизни, её радости-любви. Поэтому возник цветок, несущий в себе этот прообраз вызова стояния бытия небытию, как постоянное торжество в противостоянии, просто в таком вот образе, в такой структуре его бытия – он держит свое соцветие на тоненьком стебле и высоко над землей – только потому, что так труднее всего быть, так более отчетливее проявляется образ победы радости-любви в тонкостях усложнения. Спаситель Иисус Христос не мог повести себя как-то иначе, кроме идти на Голгофу и жить на ней, и при этом продолжать любить даже в таких вот мучениях Голгофы, противостоя всему. Он явил Собой в этих адских муках всеобщего поношения Божественную Жизненную Силу, позволяющую жить вот так.

В этом же мы видим образ грехопадения. Змий-искуситель ползает, ибо это разумно, легко и удобно. И человек, приняв образ змия за основу, преобразил его. Поэтому-то

человек стоит на узеньких стопах, а не ползает в прообразе змия, хотя и продолжает носить его в самом себе в виде пищеварительной системы. Человек продолжает эволюционизировать в сторону усиления контрастов: большей тяжести жизни, делая ее беззащитной и совмещая ее с трудностями выживания. Просто так большие радости в Боге и все, и более нет никакого иного смысла.

То есть в этом смысле (здесь прослеживается адекватная логика) жизнь требует соблюдения самого принципа, то есть Он не мог пойти по легкому пути и своей властью освободиться и справедливо наказать всех – это удел слабости, удел мертвого, а не живого. Он боролся за живое. Также как легче всего и логичнее всего не бороться за равновесие в здоровье своем, не восстанавливаться после покушения, а пойти по легкому пути, как это сделал Иуда Искариот. Иными словами, жизнь должна торжествовать не усилием воли и не силой духа, а любвеобильным миром счастья, ибо только благодаря этому она есть там, где тяжело, где естество радостной любви лучше всего видно. Жизнь – это тяжело, но зато счастливо и много здесь любви, смерть – легко, но гадко и любви тут нет. То есть расслабиться и забыть про все и всех – означает умереть. Даже само Воскресение Его – не нарушение закона жизни, а естественное движение в инородном для логики, но привычном для жизни контексте, как новый вызов невозможному. Просто в этом большие радости о Боге и все. Это как раз

продолжение следования той же самой золотой линии, где живое продолжает себя утверждать в тех же критериях и в тех же противоречиях, но только в более и даже бесконечно высшей степени тяжести и абсолютной алогичности. Мир живет не логикой, не справедливостью возмездий, а счастьем и утверждением радости. Как ни странно, сам факт того, что это не поддается логике свидетельствует о том, что именно это-то и есть жизнь и бытие Вселенной. Жизнь продвигается туда, где наиболее трудно только лишь потому, что там больше противоречий, больше зла, ибо только в нем заметно белое Божественное, отчего нагнетается острее накал внутреннего борения самого себя – только и всего. Таково веление жизни, несущей в себе воспаление грехом – просто как-то иначе победа над смертью выглядеть не может. Поэтому воскресение возможно лишь потому, что это не противоречит законам жизни – только лишь потому, что более всего трудно и даже в нашем понятии невозможно, вот насколько трудно. Таким образом, как бы трудностью, а значит и настоящей жизнью является сама Голгофа и её множественные прообразы, явленные нам бытием самой Вселенной, в коей каждая микрона имеет именно этот же прообраз стояния в равновесии. Потому стоящий на двух узких ступнях человек является сам безумием трудности, является сам по себе уже образом и подобием Голгофы Христовой – такова природа человека. Следует добавить, что Пресвятая Богородица не упраздняет,

но смягчает остроту тяжбы и этим Она заступница за верных перед Очами Божьими. Ведь все то, что естественно для Бога губительно для живого в земной реалии, а потому нужно заступничество от Его гнева праведного ради нашего исправления и покаяния.

1.0.2.-58. Надо сказать, что современная археология всё более и более очевидно свидетельствует об этом факте. Древний человек многое делал не для выгоды и не для облегчения своего быта и жизни, а совсем наоборот – для торжества радости-любви. В этом направлении человек шел всегда. Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) выпустила восьмитомное издание «История человечества», в которое вошли все новейшие археологические открытия, сделанные до 2003 года. В нём прослеживается мысль о том, что древний человек всегда руководствовался Божественными принципами в своих устремлениях, руководствовался Божественными ориентирами, заложенными в нём. *Он искал и ищет то, что более всего облегчает ему утверждение своей природы (постоянства) в переменчивой окружающей Вселенной. Он в этих изменчивых реалиях искал облегчения торжества той первичной составляющей естества человека, названную мной постоянством-берегом реки⁴³ – Истины, а значит вместе с Ней и самого себя, как носителя оной. О чём здесь речь? Речь здесь не о великих стройках, таких как Стоунхендж, а о совсем ином. Мы являемся носителями посто-*

яинства берега в себе, а потому ищем грани постоянства в окружающей Вселенной, чтобы опереться на них, ради облегчения трудного торжества постоянство во всеобщей относительности всего, ради торжества своего над миром. Это не только энергоносители в виде продукта питания, ибо энергия неизменна в пределах Закона Сохранения, но и островки постоянства во Вселенной, явленных нам многообразно не только в виде зарядов энергии, но и в виде всяких дневных, недельных, месячных, годовых циклов. В каждом из нас есть тот второй «я», победив который побеждаешь мир и в данном стоянии торжества над собой только для этого возникает необходимость строить тот же Стоунхендж к примеру. Сам этот процесс трудного бытия в труде – есть стимуляция наивысшей экзальтации радости бытия и счастья. Вот это достичь и удерживать и есть самое тяжёлое – это не только подвиг, но и разумность подхода, нужны способы. Человек рожден во Царствии Небесном и все Его составляющие, Сама Его Сущность дыхания Его жизни в нас так и осталась знаковой в природе человека. С грехом изменился образ торжества этого счастья, высшей экзальтации радости. Так как Божественное в человеке нетленно и нерушимо есть, то не смысла хранить в себе радость Царствия Небесного, ибо она уже заложена в нашей природе и составляет основу ее, необходимо ее постоянно очищать, необходимо уничтожить все то, что тленно, временно и тяготит этим дух, скрадывает счастье. Для этого

Бог указывает путь, следуя коему человек не грязнится. А если все-таки помрачение радости произошло, то очищением умерщвляет грех, упраздняет временное и тленное, отягчающее дух – это и есть труд в поте лица¹⁷⁴. Для человека ничего не изменилось и он по прежнему насельник Царствия Небесного, но теперь уже постоянно исполняя это условие. Вот почему человек искал совсем не благоприятной вольготной жизни без борьбы, а как раз тяжелого борения ради адаптации этого качества победного торжества над самим собой и в самом себе. Ведь с этого всё стало быть в истории человечества: Царствие Небесное так и осталось самым важным условием жизни человека, только теперь уже этот же самый хлеб насущный требуется добывать в поте лица. Чтобы было ясным о чем здесь речь, приведу пример. Вы все видели монаха отшельника с четками на руках. Аскет постоянно перебирает шарики произнося молитву. Действие нудное, монотонное и продолжительное. Теперь представьте себе, что эти же чётки только уже с огромными шарами массой по несколько десятков килограмм. Надо делать точно такое же действие и читать молитву на каждом шаре. Дело не в нудном тяжёлом труде, а в способности не отвлекаясь концентрировать свое внимание на Источнике всех радостей и при этом как можно дольше. Только нудный труд своей машинальностью это позволяет. Ибо достоинство такого труда в том, что действие сие, с одной стороны, сопряжено с напряжением духа в той же степени

и в том же образе, в каком молитва сопряжена с перебиранием узелков на четках. А с другой стороны, внимание не переключается на что-то иное, как образ того самого страшного преступления, которое совершил Адам в Раю – дело было не в яблоке, а в том, что он отвлекся от Бога, обратил внимание на иное Ему. То есть нудный монотонный физический труд несет в себе элемент постоянства, а потому не является инородным пустоте греха, как носительнице постоянства в чистом виде. Таким образом, монотонный физический труд утверждает то качество жизни, коим обладал Адам до первородного греха и онный в пределах наших обстоятельств выживания был и будет всегда специализированный и пребывает в структуре государственного образования. Иными словами, монотонный физический труд – это есть самое выдающееся изобретение человечества, призванное облегчить утверждение постоянства своей природы в отдаленном прообразе Его неизменности и победу над собой ради близости к Богу. Оно несёт в себе цель достичь именно этой кондиции жизненного процесса, при котором перебирание шариков нанизанных на леске чёткок многовариантно как бы адаптировано в специфике государственного служения, как соучастие разума в желанном и жизнеутверждающем единении духа с Богом в молитвенном действии – адаптируется в образе повседневного энергоемкого физического труда, при котором тело человека (хотя надо сказать и вся Вселенная), по слову святых отцов, становится вспомо-

жением души в молитвах Богу³³³. (Сюда следует добавить пост и все то, что стимулирует хорошую работу мозга и тем усиливает ум, стяжает ясность ума, а также обогащает сам этот опыт распознавания присутствия Благодати Божьей на мощах усопших праведников). Потому что по грехопадению ничего не изменилось в Божественном Замысле о человеке и человеку по прежнему естественно быть только счастливым насельником Царствия Небесного, ведь каждое Его Слово абсолютно незыблемо и вечно, но изменился только план реализации Замысла. В пределах этого состояния духа в радости Царствия Небесного человек должен соединить в себе все без остатка. В пределах постоянства и свойственного ему счастья происходит соединение радости с трудностью жизни посредством ее подобия постоянству, то есть цикличности. И не только в этом срезе. Важно сказать, что этой радостью должны обладать все и все вокруг.

Это стало первым законом формирования эволюции. Ведь сам по себе организм человека – сонмище монотонных, нужных, циклических процессов. По этой причине с самого первого момента зарождения жизни на Земле эволюция должна была идти только в образе и подобии пустоте греха согласно именно только этому закону.

То есть научным изысканием становится поиск островков, наделённых Истиной, способствующих утверждению данной кондиции образа Творца, чтобы можно было опи-

раться на них по пути следования к Богу и всё сильнее и полнее трансформировать Божественные свойства в окружающем порядке вещей, проводя посредством самого себя во Вселенную Божественные энергии и свойства³³⁴. Понятно, что тяжело победить себя, когда приближаешься к смертельной опасности и ещё тяжелее остаться возле неё и продолжать жить в обнимку с ней (умереть, как оказывается легче, чем жить на краю пропасти в таких условиях постоянной тяжбы – только и всего). Еще тяжелее соединить жизнь со смертельной опасностью. Этот парадокс в поведении древних людей, который учёное сообщество археологов прошлого столетия не могло объяснить. Человек родился полнотой радости и может жить только тем, что его породило и потому искал всегда то, что ему знакомо, о чем он ведал, то есть родное ему и близкое радостное. Точнее, он искал то, где когда-то был¹⁷⁵ и чем сам был – искал себе подобное. Мир после грехопадения изменился и естественное для человека Царствие Небесное в возникших условиях принимает и обретает уже иное формальное выражение, новое имя – форму живоносного порядка вещей, с его сложившейся субординацией приоритетов, соблюдая который трудами в поте лица остаются неизблемыми законы Царствия Небесного. Личность со всеми естественными для нее запросами может пребывать в земных условиях. Но этот порядок вещей, обуславливающий вечное естественное счастье и радость в земных условиях оказываются в поле досягаемо-

сти ада. И порядок сей постоянно бомбардируется влиянием бездны опосредовано окружающих вещей. Близость ада сильно активизирует хаос, через что разрушается сама природа любви. Поэтому, чтобы жить вечно, необходимо постоянно восстанавливать разрушаемые Божественные жизненные устои и, тем самым, удерживать равновесие, как своими силами, так и прибегая к помощи извне. Так возникла эта потребность в поте лица хранить прежнюю радость Царствия Небесного – собирать эти крохи множественных осколков, которые таят в себе все частицы бытия и ими выстраивать естественные для радостной жизни условия³³⁴. На том отдалении от Царствия Небесного, на коем находится человек ныне вся та полнота радости бытия, которая естественна для личности и в которой он был до грехопадения, невозможна. Это противоречие между тем как это естественно человеку и тем, как это есть в реалии, толкает людей к поиску лучшего, он концентрирует островки радости воедино, как увеличительное стекло концентрирует пучок световых волн в точку. Именно это породило научно-технический прогресс, в коем человек «вьет себе гнездо» по образу прежнего Рая и в то же время движется к Раю всю жизнь. Это не тот поиск Истины, о котором говорят многие, ибо Истина уже пребывает в человеке, если он вписывается в наше определение о человеке-радости-любви – такой человек ищет истинное подобие в себе в физических свойствах природы⁴³². Ведь чтобы жить, необходимо видеть себя в окружающем мире, причем

свое счастливое «я», естественное для Царствия Небесного надо постоянно адаптировать к условиям земного бытия²⁵⁴. Только это качество духа дает видеть характерные для личности очертания даже в малой микроне бытия. К примеру, дает возможность понять, что палка нужна только потому, что обладает некоторыми гранями абсолютного постоянства Божественного бытия, как маленький оттенок той радости из Царствия Небесного, с помощью которого можно хоть как-то обеспечить незыблемость своего Божественного счастья: она в какой-то степени подобия абсолюту твердая и в какой-то степени подобия абсолюту ровная и длинная. Эти оттенки постоянства (личностные черты) в разных его вариациях послужат важному делу, а именно помогут адаптироваться абсолюту личности (речь идёт об абсолютном счастье Царствия Небесного) в данных условиях хаоса, стимулируемого бездной. *Это открытие радует сердце, ибо оно есть победа над влиянием бездны.* Быть в окружении своего радостного подобия – более естественно, чем в хаосе. Это не только сообщество разновариантных носителей Царствия Небесного, таких как и сам человек⁴³², но и то, окружение мира со множеством осколков той Вселенной, которая была сотворена во Царствии Небесном. Всё сотворенное сотворено счастьем, а потому все, что хоть как-то имеет бытие – все несет радость и благодаря Божественной радости существует, не смотря на всю свою физичность и материальность. Почему тогда нам иногда это трудно понять? Потому, что ра-

дость должна быть ко времени, к месту и в должной мере. Если этого нет, то радость становится горем. Иными словами, сотворенное Божественной радостью только в Божественном порядке земных условий утверждает радость-любовь. Получается, что нужно собирать камни, восстанавливать прежнее порушенное счастье бытия во Вселенной¹⁷⁵ – это тоже трудно воспринимаемый разумом абсолют, но именно он остается стимулятором всех активностей и течений живого в мире. Поэтому вся флора и фауна в той же мере востребована, как вспомоществующие в этом самом священном и важном для всего мироздания делании человека – быть ему в единстве с Богом⁴³³. Флора и фауна оказываются в области нашей власти только лишь по этой причине – ради сослужения Богу через нас, через людей и приобщения через нас к Нему. В противном случае, вне сослужения они нам вредны и опасны.

В земных условиях бытия, Царствие Небесное, как жизнь с ее естественной потребностью наступать на смерть, может быть выражено только в некотором Богом откровенном порядке единства, в котором разрозненные (из-за греха) грани Божественного выстроены в некоторой жизнеутверждающей неразрывной последовательности, как специфическом образе одиночества-единства Бога в данном одномерном линейном пространстве, в коем происходит развитие¹⁷⁶. Это также уже иное несколько своеобразно выраженное Боже-

ственное в пределах ограниченной возможности природы данной сферы одномерного бытия, в котором живое удобоприемлемо-постепенно последовательно приобщается ко всей полноте, но только постепенно, непрерывно то к одной грани счастья, потом к другой и так живет тем же единством, выраженным непрерывностью постепенности до полноты приобщения ко всем граням счастья вне единовременности проявления – таков образ Бога в Его одномерном инобытии, такова специфичность речи данного ограничения природы поражённой грехом – оно несет в себе хотя и *линейные, но характерные черты личности*. Человек искал не облегчения быта в тяжёлых условиях, а копаясь в самом себе, в своём духовном мире, искал тот верный ход в своем движении в вечность, благодаря коему жизнь в земном её проявлении остается непрерывной. Это такое верное действие, благодаря коему он мог разобраться в самом себе, обеспечить неразрывность цепи развития своего бытия в данных условиях и обстоятельствах, чем облегчается утверждение радости жизни и прежнего счастья. Просто Божественная радость, в отличие от всех остальных, радуется своей насыщенностью полноты в любых ситуациях и в любых тяжестях жизни – она всегда альтернатива миру сему. Черное нам дано для того, чтобы видеть белое. То есть трудность жизни сразу же стряхивает все ложные ориентиры на радость, уводящие от обязанностей перед сообществом и семьей, тем самым вновь восстанавливается утверждающая Божий поряд-

док радость от исполнения своего долга перед окружающими его людьми. Человек изначально должен пребывать во Царствии Небесном. Он родился там и для него это естественно – быть абсолютно счастливым. Также как комфорт в любом виде заложен ещё в отношениях ребёнка с матерью и отцом – человек помнит свой этот город детства, а потому только и только то, что скрадывает счастье (один из видов болевого шока), дает первый сигнал о нарушении, активизирует потребность к его восстановлению как утраченного. Человек, чувствуя боль от своего неподобия Богу и ищет способ восстановить себя³¹¹, и естественный себе комфорт, и видит перед собой свое подобие – счастье (экстаз Псевдо-Дионисия Ареопагита), и следует туда, где ему естественно быть в счастье, чем утверждает сопутствующую грань радости – абсолютную вечность своего бытия, ибо только счастье наделено свойством Божественной вечности. Таким образом, разбойнику, который был распятым на кресте вместе со Христом, утешением могло быть только причастие к Источнику всех радостей – только и только к Божественному. Изнемогая от боли и видя уже перед собой смерть он требовал себе утешения не вкусным обедом, вином и красивыми девушками. Просто он уже искал Истину и был уже готов принять в себя настоящую радость, которая не может затмиться никакими скорбями – от утешения в Духе Святом через проводника Его – через Сына Божьего. Эту настоящую радость невозможно разрушить ничем. Человек, которого уже ничто

не могло радовать в этой жизни получает счастье от близости Царствия Небесного, получает то самое счастье, с которым шли уже апостолы на свою мученическую кончину, и все святые в том же числе.

1.0.2.-59. В чем именно проявление Божественного? Представьте себе, что некто сотворил чудо – повернул время вспять, заставил трещать горы и поднимать вверх моря. Но это не несет человеку счастья. А так как нет этого самого главного, то все остальное для человека теряет смысл и он это не ценит, и даже не замечает. Бог работает только лишь в этой нише природы человеческой души, в этой грани Вселенной – в душе человека только лишь утверждает радость. А для этого многого не надо – просто умом прикоснуться, дотронуться до Источника всех радостей на Земле и во Вселенной и счастье наступает даже там, где вокруг настоящий ад и поношение даже теми, ради которых жил все эти годы. А более человек ничего не просит – зачем ему поворачивать время вспять, если нужна простая радость и счастье. Получается, что настоящее чудо совсем не то, что мы просим у Бога в виде полномасштабных превращений, а маленькую радость и уверенность в себе посреди безнадёжности и горя. Все остальное, если было и будет – мы этого не увидим и не заметим. Мы наблюдаем за всем этим через телескоп, но что это всё для нас.

1.0.2.-60. Если мы приложим к этому математический анализ, то сможем разглядеть контуры, то есть сможем уви-

деть некоторые оттенки того, о чем сказано в предыдущем абзаце. Мы просто продолжим обсуждение той же линии суждения на ином языке понятий.

Что роднит все элементы математического анализа? Все элементы математики и все её множественные производные во всех смыслах – это есть носители свойства постоянства⁷⁷⁷, а оное Божественное – единственное из всех множеств Его, оказавшегося в сфере функционального обозревания любого и данного понятийного языка. Если мы возьмем множественную производную, то увидим, что все производные и первообразные равны и тождественны между собой в поле, то есть они все так и остаются составной частью живого организма, только раскрывают разные в нем грани⁷⁷⁷. Итак, носителем постоянства в одной сфере инобытия становится точка, в другой сфере становится прямая; в третьей – плоскость; далее – пространство, окружность, сфера. Далее появляется ещё одна реальность в природе которой постоянство может быть выражено идеей (религией). Все это перечисленное родственно в пустоте, как в постоянстве в чистом виде⁷⁷⁷.

Всякая идея выражает стремление торжествовать в Истине путем усилия воли, сопряженной с подобием духа Богу в чистоте духовной. Так было с человечеством до Рождества Христова. После святой Пятидесятницы все изменилось. Сошествием Духа Святого, постоянство бытия утверждается не только подобием Творцу в чистоте духовной, но ещё и непо-

средственным динамическим общением с Ним, то есть Его Наполнителем-Энергией-Благодатью и радостью. Достаточно разжечь костер счастья, так сразу же единство автоматически приложится – это и есть стимулятор всякого равновесия и всякой устремленности восстановить его²⁵⁶. Оно возникнет само по себе без нагнетания истерии. Люди будут держаться вместе. Нет ничего прочнее счастья и всего того, что им утверждается. Также как водная гладь – как не воздействуй на неё, а она вновь и вновь принимает ту же форму равной поверхности. На это не способно самое твердое тело во Вселенной. Водная поверхность не принужденно сама по себе занимает тот образ постоянства, в то время как твердое тело после любых воздействий разрушается и меняет форму. Также и богатыри, казалось бы не дюжей силою обладают, а не могут противостоять тому, чем довольствуется инок.

Отсюда ясно раскрывается причина эволюционного становления цивилизации и маршрут её дальнейшего движения в земных условиях – она никогда не покушается на радость, она призвана только её хранить и беречь, и развиваться только в пределах её пространства. Она утверждает то, что её активизирует, как движение к лучшему и более совершенному. Радость, как частное хранящее в себе общее – причина эволюции, а не как-то иначе. Если мы приглядимся к счастью, то увидим в нем то же самое подобие чувственной пустоте. *(07.01.00) То есть, если вспомнить определение о природе чувственности³⁴¹, то радость – это естественное*

подобие чувственной пустоте. Радость, как и окружность, не инородна пустоте, а именно иное имя пустоте греха. То есть радость – пустота греха и в этом ином имени элемента постоянства несет в себе различные структуры проявления и природного выражения, а потому естественна для мира и, как подобие пустоте, наделена наибольшей устойчивостью по тому же принципу наибольшей устойчивости водной глади озера перед любыми воздействиями. Всякая государственность устраивается только счастьем каждого человека (см. 777-03-2).

Жизнь обретает хоть и более нежные образы, но они более устойчивые к воздействиям и счастье становится все более стабильным и всеобъемлющим. (07.01.00) При этом, человек молитвой видит только лишь то, чем сам является в замысле Божьем – счастье и сам туда следует к нему вопреки чувственности. То есть жизнь остается в пределах межличностных отношений – это есть иное имя элементу постоянства. В этом случае жизнь не инородна пустоте (в смысле отсутствие смерти), а потому в самых различных своих прообразах, как подобие общему-пустоте, наделена некоторой степенью устойчивости в строгом соответствии со степенью подобия пустоте-жизни. Таким образом, чтобы жить, ему дано быть счастливым даже в полном аду, ибо, если он счастлив (счастье может быть лишь в Боге), то видит те грани бытия, которые подобны и утверждают радость даже на самом дне бездны – просто там

их очень мало, отчего приходит востребованность в поспе и упорядочении жизни. И наоборот, пребывая даже в раю, если не счастлив, будет искать то, что временно и несет печать инородности-смерти. Понятно почему выживают люди с радостью в душе. Это – во-первых. Во-вторых, в процессе эволюции совершенствуется все то, что помогает не в борьбе за выживание, а помогает сохранить эту радость бытия – зрение, с помощью которого радостный человек видит путь к дальнейшему счастью даже иной раз через покушение на свое здоровье, страдание и лишения, если без этого обойтись нельзя. Ведь даже на самом дне бездны существуют оттенки Царствия Небесного коими довольствуется живое. Посредством упорядоченности своего бытия, человек в этих реалиях зрением сберегает живое даже через лишения, а потому зрение становится приоритетом эволюционного становления человека и только от него получается потомство³⁴². А так как он получает дар зрения, то это говорит о том, что он более уверен в себе, меньше ошибается и потому уверен в себе – то есть более всего счастлив. То есть, если эволюция цивилизации существует как реальность, то неизбежно в ней совершенствуется органы зрения предстоящего будущего. Глаза, как мы выясним ниже в содержании этой книги – самый сложный орган чувственной природы, а это означает, что он более всего усложнялся, дольше всего формировался в процессе эволюции, так как ранее всего возник, как иное имя элементу постоянства. То есть квант света, зашед-

ший в слои атмосферы Земли, прикоснулся к ее поверхности и в этой самой точке взаимодействия произошло то, что потом эволюционно усложнилось до привычно созерцаемого образа – глаза. Квант света смог зеркально отразиться, а смог войти во внутренний мир материи, но в этот момент эта точка «увидела» Солнце и в этом же прообразе глаз всегда будет видеть только Солнце. Хотя надо сказать, что квант света сам изменился, принял разные формы и носители себя в своем прообразе. Но ещё дольше эволюционно формируется духовное зрение, о котором говорят как об интуиции. Так как Бог абсолютно велик, то духовное зрение, как орган более полного созерцания Творца, будет оформится как очевидная реальность в процессе эволюции еще более долго, чем зрение. Это уже сложное устройство мозга. Этот орган зрения³⁴³, который более чётко качественно еще только должен будет проявиться в будущем на природе человека³⁴⁴ несет в себе самый изначальный элемент Царствия Небесного – элемент постоянства в самом абсолютном чистом виде. Это, кстати, будет способствовать освоению космических пространств, ибо верное решение будет приниматься совсем иначе, ибо теперь уже только благодаря зрению очень часто путь жизни будет идти через Голгофу, против чего всегда бунтует разум – так заложено в нашей природе, если мы приглядимся к себе – ведь созерцая добычу мы очень часто преодолеваем многие препятствия, ввергая свой организм даже на опасность и трудности. То есть эволюция – это, с одной

стороны, только лишь процесс адаптации организма человека к трудностям³⁴⁵, а с другой стороны, образ пути следования мимо этих трудностей в прообразе Пасхи Христовой. То есть достаточно видеть Божественное, чтобы идти на то, что имеет образ Голгофы. Такова эволюция жизни человека.

(010 – 914стр) Как уже сказано ранее, чтобы мерить что-то нужна мера, её эталон³⁴³. Этот эталон всегда от Бога и в самых различных проявлениях характеристики свойств Божественного нужен везде. Человек изначально был сотворен во Царствии Небесном и Бог «вдунул в лице его дыхание жизни», а эта частица Бога – есть радость бытия³⁴³ и истинное счастье, как тот самый эталон, коим человек мерит все вокруг на своём пути, то есть он видел и видит качественную идентичность, и подобие Божественного, и измеряет степень Его проявления и Его подобия – такова природа зрения и соответствующий ей путь жизни. Ведь только достигнув этой кондиции, жизнь обретает вновь удел осмысленности³⁴³, что так ласкает и радуется сердце и жизнь налаживается, ибо есть выход для нас всех. Живое в своей полноте всеобъемлющего Божественного присутствия наступает на смерть бездны – в противном случае, нам радость Царствия Небесного была бы доступной только после смерти, но это не так²⁵⁴. Пребывая духом в счастье Царствия Небесного, в земных условиях по мере овладением знаниями о материи и её свойствах, человек совершенствовал и улучшал быт своей жизни во вре-

мя трудов, делал трудовой процесс все более и более комфортным, то есть адаптированным к возможности духа быть в единении с Творцом и этим оставаться в естественном для человека счастье Царствия Небесного. Просто не отдых является частью физиологического процесса, но именно нудный и монотонный физический труд. То есть УЛУЧШАЮТСЯ не бытовые условия отдыха, а условия своего труда: он не получает увечья плоти; он после работы начал мыться; содержать в сухости ноги и руки; появились предметы, которые удобны в труде и так далее. Физический труд в поте лица остался сильно востребованным только как фундамент для молитвы, как условие очищения души от скверны, омрачающей радость и счастье человека. Через него нет влияния смерти из бездны в виде холода на ноги или антисанитарии, а наоборот – он влияние жизни на смерть. Ибо вне радости труд невозможен.

1.0.2.-61. *Как уже сказано выше, человек, пребывая в Истине искал способы облегчения своего не простого положения бытия в поте лица (обладание Истиной всегда Голгофа есть). Таким образом, Она, кроме всего прочего, самопроизвольно наделяла нас ещё одним свойством Царствия Небесного – представлением о благоустроенной среде бытия ради спасения новой и ещё пока слабой жизни, то есть детей, в условиях несовместимыми с нормальным бытием (для владеющего Истиной она дарует Рай, дарует более вечное утверждение в данных окружающих тяжёлых реали-*

ях). Приобщаясь к Божественному Предвечному Совету³⁴³ в межличностных семейных отношениях, древний автоматически воспринимал также весь спектр сопутствующего набора полноты (хотя далеко не всеобъемлющего), но, следует сказать, только в допустимой Им природной возможности косвенного причастия ко всей полноте в естественных природных границах. И при этом в данной сфере функциональности этого свойства, в доступной степени обозрения и восприятия, и обладания (а в интересующем нас случае речь идет о искомом и желанном облегчении быта и безопасности бытия, как сопутствующие, неотъемлемые грани Рая). То есть порядок, в пределах человеческого миропонимания – это есть иной элемент-имя постоянства, в котором утверждается стабильность хорошего условия монотонного трудового процесса. В нем монотонный труд становится частью биологического процесса без покушения на здоровье на новое тело, с иным проявлением образа биения сердца и с иным проявлением образа физиологического процесса (777-01-7). Только теперь уже это не тот рай, о котором нам свидетельствует мавританская культура. Этот рай обусловлен комфортными условиями не отдыха, а тех же самых востребованных физиологией организма физических повторяющихся движений, то есть того же самого нудного монотонного целенаправленного и осмысленного физического труда, востребованного для продолжения земного бытия со всем спектром безопасности и блаженства приобщения

через него к Богу. Все во Вселенной движется в монотонном цикле и мы становимся частью этого выражения Царства Небесного опосредовано своего монотонного труда, гармонично вписывающегося во все циклы космоса, то есть сопряженного с дневным, месячным и годовыми циклами. (07.01.00) (982 н. Р.Х.) (образ пустоты) Так как мир создан из пустоты, а подобное рождает только свое подобие, то все вокруг должно иметь образ этой пустоты. Что такое постоянство – это то, что не имеет никаких перемен. То есть всякий образ пустоты должен выражать только постоянство. Точка, прямая, окружность. Если эти реалии не имеют перемен, то это есть образ пустоты. Эллипс имеет переменные, а потому инороден пустоте и от этого не обладает устойчивостью, отчего такая форма разрушается и в природе эллипсы не существуют, но только точка (сфера с радиусом ноль), плоскость (сфера с радиусом бесконечность) и сфера-шар. Именно этот образ пустоты мы рисуем своим образом жизни и образом трудовой деятельности (циклическая монотонность). Этот образ монотонности выражен во всех различных индуистских, буддистских практиках, но для народов северных широт эта практика нирваны-освобождения явлена именно процессом монотонного физического труда. Именно такое качество жизни толкает человека к мышлению, становится стимулятором различных множественных прообразов точки-сферы, в которых заложен первый элемент структуры, заявляющий о се-

бе во всех иных формах усложнения в движении от простого к сложному спиралеобразно. Всякая сфера, как образ пустоты, имеет высоту, ширину, длину, симметрии всех видов, замкнутость, периодичность, стабильность, то есть все то, что свойственно порядку-структуре. Это стало активатором государственности, быта и научно-технического прогресса⁶⁶⁶. Личность может заявить о себе в данных реалиях Вселенной только соучастием на Предвечном Совете Троицы. А заявить о себе не может никаким более иным способом, но только вписываясь в общий мировой цикл данным образом, повторяя образ Божий в прообразе мирового цикла⁶⁶⁶. (07.01.00) Таким образом, соблюдена заповедь Божья о том, что человеку по грехопадению следует добывать хлеб насущный в поте лица, ибо человек далек от подобия сфере, хотя и несет в себе множество ее элементов. А так как он далек от подобия сфере, то и далек от иного подобия Ему – не подобен в вечности, то есть ограничен временностью своего бытия. А поиск утверждения в вечности является смыслом и целью каждого учёного и в современности, и в будущем – ничто иное он искать не может, кроме характерных черт личности. Ученый стремится узнать самого себя в явлении, в событии, даже в структуре микромира. Если он увидел свое отражение, то заявляет об этом как об открытии. То есть самым важным условием возникновения научно-технического прогресса всегда была и будет высочайшая религиозность, дающая возможность человеку адекват-

но видеть только и только лишь востребованные жизнью оттенки личности или свойства Рая в мироздании, а именно Божественную субординацию в окружающей Вселенной³⁴³, либо её многовариантные явления в отдельном каком-то научном эксперименте, и на понятийном языке науки выражать это зримое, то есть установки веры ищущей уразумения (*fides quaerens intellectum*). Это учёные называют научным открытием¹⁷⁸. Как бы то не было, всякая научная деятельность Истину (то есть Божественное) призвана искать, а религиозное деяние этой Истиной призвана обладать, а именно быть носительницей Её, чтобы научная деятельность была плодотворной и не в погибель человечеству. То есть душой и духом надо жить уже сейчас во Царствии Небесном, чтобы тело достигло своей цели и, как хвост следует за головой, следом пришло во Царствие Небесное³⁴⁶. Ибо мерить надо только тем, что наполнено жизнью, только тем_(010 – 914стр), что несет в себе прообраз личности. Как бы вещи почти диаметрально противоположные, но их (науки и религии) трудная и трудоёмкая совместимость образует важную совокупность. Ведь для того, чтобы мерить что-то, необходимо в руках держать эту меру (как говорит А.Ф.Лосев). Чтобы искать счастье, надо быть счастливым, чтобы видеть Божественные свойства во-круг¹⁷⁹, необходимо сначала обладать Божественным⁶⁶⁶. Вот именно эту цель преследует религия – приобщает к Богу, делает человека с Ним одним целым, наделяет Истиной. Ре-

лигия наделяет науку причастием к Божественному для того, чтобы ученый, обладая верным инструментом, искал и безошибочно находил только то, что задано искать религией в её инструменте – Божественные свойства Личности, а не что-то иное. Ибо жизненной значимостью обладает только Божественное, а что-то иное не востребовано и чуждо живому – так и только так формировалось человечество и смогло преодолеть этот временной рубеж миллионов лет жесточайшего естественного отбора, во глубине которых человек искал пути и формы причастия к Божественной Природе с той же целью, какую мы преследуем, когда молимся в наших Православных Храмах. Разница лишь в том, что инструменты, опосредованно коих и с помощью коих происходит понятное разъяснение путей к консолидации духа сообщества через познание Божественного и дальнейшее причащение к Божественному Естеству¹⁸⁰, в те далёкие времена формально отличались от того, что мы имеем ныне в нашем обозрении по причине, свойственной тому времени, а именно из-за малости опыта владением материей и некоторой ограниченности восприятия окружающего мира, скудости материала, попавшего в поле зрения из-за слабых знаний о вселенной, которые были использованы в понятийном языке общения и выражения религиозной доктрины, столь необходимой для утверждения нужной сплывающей кондиции духа общины или народа¹⁸³. Так, к примеру, опытно установлено, что икона, как проводник Благодати Божьей, помогает умирить се-

бя, а значит побеждать себя в брани с самим собой.

Почему ещё важно владеть Истиной. Очень часто люди это качество нашего бытия на Земле (при коем человек в единстве с Богом), путают с тем, что называют возможностями или даже сверхвозможностями. Владеющий Истиной всегда увидит выход из положения и будет жить, даже если его возможности абсолютно минимальны. Просто выход из трудного положения будет адаптирован к природным возможностям, даже если эти возможности абсолютно ограничены²⁶¹. Жизнь очень нежна и нести этот кувшин с живой водой не просто по пересеченной местности. Ибо в этом случае не востребовано идти напрапалую, но важно аккуратно обходить препятствия. То есть идти туда, в такое будущее, в коем безопасно. То есть виденье перед собой пути выхода гарантировано только обладанием Истины, ибо в таком будущем нет покушения на Неё, а значит там есть жизнь, причем жизнь в радости. Возможности же не гарантируют живучесть. Также как бесы, обладая сверхвозможностями, но не обладаю Истиной и потому плутают в поисках выхода, живут в аду²⁵⁷. Так рухнул СССР, обладая возможностями сверхдержавы убивали даже свой народ.

1.0.2.-62. Не важно, в чём именно человек распознавал Божественные свойства, важно то, что он их искал, чтобы с помощью оных формировать тот порядок³⁴³ вещей, который в максимуме делал бы бытие радости духа комфортным²⁵⁷.

Находил, и причащался, и, желая быть более Богоподобным, достигал поставленной цели, после чего берёт этот опыт богообщения¹⁸². Дело все в том, что в условиях земного бытия и из-за поражения грехом законы Царствия Небесного, столь значимые для всего живого, имеют несколько иное проявление (только лишь как носители элемента постоянства, характерной черты личности, в специфическом выражении на природе) – возникает эта необходимость выстраивать окружающий мир в каком-то порядке вещей, при котором Божественное, а значит и самое это естество человеческого счастья, комфортно утверждается в данных реалиях природных условий или в данной обстановке, или в возникшей экстренной ситуации²⁵⁷. Это тоже одна из сторон образа Божьего в человеке, своеобразно сложившийся в инобытии, наделённом первородным грехом. Он имеет образ пути, следуя которому, человек сохраняет свое счастье³³⁵. Остается познать внутренний мир материи и найти свое личностное отражение для того, чтобы можно было выстроить порядок вещей таким образом, при котором свойства материи максимально вспомоществовали бы хранить³⁴³ эту радость и утверждать себя как личность. Это такой порядок вещей, при котором наше наследство полученное во Царствии Небесном, утверждается наиболее полно. Таким образом, можем сделать первый важный вывод: работа учёного на своем рабочем месте и священника в храме – разные формы одного и того же стрем-

ления, это лишь различные способы постижения одной и той же цели – самоутверждения Божественной Сущности, ибо личность вне единства с Ним жить не может. Отличие в том, что они не равнозначны по приоритету важности и значимости для вечности души. Например, горящая электрическая лампочка помогает читать молитвы по молитвенным книгам даже ночью. Дополнение одного другим не актуально, то есть без этого молитва в темноте своим языком не утратит свою силу, но передавать опыт жизни общения с Богом из поколения в поколение актуально будет всегда – это уже важная задача только науки³³⁶. То есть наука несёт в себе цель еще одну цель – утверждение вечности телесной в земной реальности – только для того, чтобы передавать опыт богообщения, а священник печётся о вечности и радости душевной о Боге в данной ситуации и в текущем моменте, как связывающий настоящее Царствие Небесное души и земное будущее для тела. И вообще, если дать полное определение человеку, то есть человек – это тот, кто пребывает в единстве с Творцом, то в поле его возможностей оказываются инструменты вселенских масштабов: «если вера наша размером с горчичное зерно». Человек становится частью Солнца, а потому и власть иная, и наука имеет тогда уже иные приоритеты и реалии, и обсуждение уже идет совсем иначе. Поэтому место науки в монастырях, где адекватно одно дополняется другим в общем деле служения. К этим вопросам мы ещё вернёмся в главе «О науке».

1.0.2.-63. Как это понимать «инструменты, посредством которых происходит распознавание Божественного свойства»? Этот вопрос замечательно осветил Алексей Фёдорович Лосев в труде «Хаос и структура». Вспомните советский мультфильм «38 попугаев», где у каждого своя_(010 – 914стр) уникальная мера³⁴³. Да, мы различны с теми людьми, но только формой мировосприятия, обусловленной более сложным бытом современного человека, постоянно менявшегося во времени, с течением веков и тысячелетий. Убить гигантского мамонта или огромного пещерного медведя (как сам по себе очень опасный и трудоёмкий процесс) или ради принесения себя в жертву спрыгнуть с высокой скалы в морскую пучину, или подержать в руках пылающую в огне хворостину, или творить Святую Евхаристию в современном Храме не имеют очевидной жизненной или хозяйственной важности³⁴⁷. Но это разные формы выражения одного и того же извечного и самого важного торжества в духовной брани, это разные земные реалии межличностных отношений души и Бога, то есть это пути, выводящие человека в некоторое душевное состояние¹⁸³ близости к Богу. Таким образом, они лишь разные формы и степени приобщения к Божественному, как ритуальное действие, наделяющего востребованной определённой степенью могущества первобытных или современных людей. Могущество Божественного, к примеру, в некоторых пределах востребованное условиями выжи-

вания, достигалось сплочённостью коллектива. При слаженности всего сообщества легче вмещать в себя великое – свойство Божественной многогранности, столь востребованной при разделении труда среди членов коллектива¹⁸⁴. При этом душевное и духовное единство – это такое состояние, когда подвижничество всех становится легко организуемым, где каждый сам ищет свое место в системе и общему делу служит на этом своём месте посредством своей трудовой специализации и тем дополняет в общем служении торжеству жизни и жертвенном служении оной – сие заложено в самом Принципе бытия Бога Троицы. Это как на корабле в море, где от каждого члена команды зависит судьба всех и всего судна, но при этом все соблюдают субординацию.

22 И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно.

23 И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят. (Быт.3:22,23)

Адам, в пределах дозволенного ему Богом, был «членом Команды» Предвечного Совета и только за ослушание Предвечному Совету был низвергнут из Райских Обителей. Хотя самый замысел о человеке, как члене Предвечного Совета в пределах дозволенного замыслом Творца, не изменился, он так и остался в Нем в Его Команде (в пределах дозволенного Творцом), но теперь для утверждения себя в прежнем

Богом определенном всемогуществе Предвечного Совета, как Образе Божьем, то есть быть причастником Силе в той же прежней степени, ему необходимо примирение в Господе Сыне Божьем, продолжая в Его Замысле «возделывать землю, из которой он взят». В противном случае, становление до Образа Божьего и преобразование окружающей нас Вселенной оказалось бы делом стихийности, а не творческим делом живой души личности в пределах семейных отношений Бога Троицы 777-666-333-222-111. В этом случае, тело человека стало служить душе, пребывающей молитвенном в прежнем единстве с Богом. В любом ином случае, если душа не в Боге, то тело душу губит либо плотскими радостями, либо плотскими болезнями.

Итак, здесь идёт речь об утверждении счастья в тех границах скованности грехом, коими располагает естество природы человека и сообщества, живущего в сложных природных условиях, поэтому сие утверждение счастья становится наиважнейшим и остается наиважнейшим скрепляющим все вокруг условием. Без счастья ничего невозможно творить и более того такое творчество является преступлением перед человечеством – это надо помнить всегда. Счастье во всеобщем равновесии всегда есть противовес или контраст тяжести бытия, явленного вне равновесия. Счастьем воспитывается ребенок, способный поднять нацию. Так как Бог велик, то бытие самого процесса причащения к Божественным Сущностям через Его множественные производ-

ные, обуславливало острую потребность вмещать в себя данное невмещаемое множество, то есть понуждало к серьёзным напряжениям физических, душевных и духовных сил для общения с Ним и восприятия в себя Его великого Естества²⁴³. Вместить в себя Его реальность – это иное имя, данное познанию. Ведь сам факт непонимания происходящего – это уже трудность, которую жизненно важно преодолеть. Но без этого вмещения в себя победа невозможна во всякой борьбе, идущей в пределах земных условий жизни, как условие земного бытия вообще. А потому вне этого всякая деятельность теряет смысл, ибо обречена на поражение. То есть люди, в первую очередь должны были быть участниками Богу без всяких посредников, чтобы быть участниками к Его Сущности через все остальное – через Его множественные посредники. То есть сначала людям подобает стать великими подобно Ему и в Нем, а потом только в какой-то степени совершенства становились подобными Ему во всем остальном научно обоснованном. Таково богопознание и его плоды.

Так как Божественное совершенство и окружающая реальность (а именно её хаос и несовершенство) находятся в антагонизме, а всякое противоречие в постоянном стремлении уйти на нет, то это взаимное влияние становится причиной движений и становления от несовершенного к совершенному, от хаоса к порядку, то есть от общего к точке. Весь мир вокруг нас находится в направленном движении имен-

но благодаря тому, что Он тянет вселенную к Себе и за Собой, обуславливая эти напряжения¹⁸⁵. Бог абсолютно велик и мир с поражением первородным грехом не может вместить Его одновременно сразу. А так как вне вмещения всей полноты Божественного никакая бытийная реалья невозможна, то для того, чтобы жить, ко всеобъемлющей полноте нужно идти в определенной Богом очерёдности, последовательно, непрерывно и постепенно, поочередно приобщаясь ко всем Его граням: сначала к одной, потом другой, далее к третьей – но при этом стать в обязательном порядке причастником абсолютно всех их, как частей всей живительной полноты – постепенно одно за другим к полноте и совершенству⁷⁷⁷. Именно так возник из хаоса порядок и только в этом высокий смысл числа согласно отцу Андронику (Лосеву). Числа – это множественные прообразы одного и того же «0»

1.0.2.-64. Если мы присмотримся к точке_(010 – 914стр), то увидим, что это в ней изначальное, исходное как раз несет в себе эти грани: целостность, замкнутость, порядковость, законченность в себе самой, имеет начало и конец одновременно в одном, протяженность, величину, непрерывную неразрывность, полноту, многомерное пространство и, исходя из целостности – непознаваемость, и так далее. А потому в окружающей природе, порожденной из той самой чувственно воспринимаемой точки-вершины, эти составляющие обязаны проявиться, как подобное рождает свое подобие⁷⁷⁷. Так родились из абсолютной простоты такие свой-

ства и имена элемента постоянства, как целостность, замкнутость в самой себе, гармония, неразрывность, последовательность, начало и конец, законченность в себе и так далее. Что-то иное – неподобно, а потому не устойчиво и обречено на разрушение, а потому только это могло возникнуть из небытия-пустоты и пребывать как бытие только подобии этому. Если нет этих составляющих, то и нет ничего в области нашего чувственного освидетельствования⁷⁷⁷. А если нет распознания, то и говорить не о чем и мы ничего об этом не знаем. В то же время речь идёт о модусе, о некоем обозреваемом уже внешнем конечном результате внутренних процессов, а не о внешних составляющих изучаемой реальности. Иными словами, все перечисленные свойства – это лишь разновариантные носители постоянства Божественного (образ Закона Сохранения) и выражение неизбежного стремления приобщиться к полноте Божественного.

Иными словами, так как природа человека наделена полнотой Божественного, то процесс наращивания Божественных свойств до все более и более всеобъемлющего (ибо возрастание есть самое важное свойство бытия жизни, ибо вне этого нет подобия Ему) неизбежен и всегда будет сопровождаться с одной стороны напряжениями, ломками сильно стесняющего прежнего, скорбями и трудами, как неотъемлемым сопутствующим. А с другой стороны отсутствием всего этого. Как это понимать. Если мы предадимся чувственному, то даже самое малое напряжение пальца руки при ра-

боте на компьютере будет нести нам огромные жертвы. Если мы позиционируем себя на кончике этого пальца. А если предаемся духовному, то даже марафонская дистанция становится радостью как на легкой прогулке на свежем воздухе⁶⁶⁶. Но при этом в обоих случаях степень приобщения к Божественному во всеобъемлющей реальности со временем будет расти всё сильнее в пределах возможности природы вмещать в себя эту полноту в иных реалиях перспектив становления в образ Божий, только теперь уже за счет внутренних ресурсов путем минимизации до такого абсолюта, коим обладает точка, тем самым совмещая возможность природы вмещать в себя ограниченность природы тела с безграничным величием Творца. Божественную полноту во всеобъемлющем качестве, обозначая и отражая на природе организма человека и на самой окружающей его среде обитания (на порядке её быта) все более отчётливую печать³⁴³ Творца¹⁸⁶ адаптировано к реалиям выживания. Это есть закон эволюции, как шествие к Богу через Его проводники от точки к точке. То есть через приобщение ко Творцу в одном свойстве, человек неизбежно обретал целый спектр сопутствующих иных множественных граней Природы Творца (кстати, власть над сложившимися обстоятельствами и над природой – одно из них). Грань, через которую происходит приобщение ко всей полноте Божественного, становится тем путем, следуя которому человек начинает скорбное восхождение на Вершину вершин ко всей полноте Творца. Вершина одна,

а путей восхождения к Ней множество. Но вот что важно здесь сказать и надо согласиться с Аристотелем. Дело в том, что степень полноты приобщения зависит от того, насколько та грань Божественного, через которую человек пытается обрести победоносное бытие, выше в субординации Божественного порядка, насколько она близка к Богу¹⁸⁷, то есть насколько важнее для спасения. Иными словами, человечество пребывает в стадии становления, как бы всё время поднимается по этим ступеням к Божественному Началу начал в пределах абсолютного подобия и образа пустоты – сначала нижние ступени, а потом только верхние и далее ещё более верхние. В пределах стабильной устойчивости или уникального образа пустоты, закручиваются выдающиеся сюжеты эволюции форм живого и в границах более утонченных образов Бога⁷⁷⁷. Сам факт того, что есть высшее уже говорит обо всем остальном. Сама высота, само бытие пика вершины, то есть присутствие всеобщего для всего вокруг максимума определяет живительную субординацию приоритетов, в которой никак не должно быть перескоков и путаницы. Это значимо для того, чтобы нести максимально подобие той же самой живительной простоте в абсолюте, в пределах коей разворачиваются сюжеты эволюционных усложнений и в этих усложнениях подчеркивается многогранность. Просто усложнения дают возможность более полно и качественно подчеркнуть и выразить многогранность Божественного в нашем греховном бытии⁶⁶⁶. Точнее форм живого множе-

ство, но в конце концов остается жить только то, что поднялось и поднимается по этим ступеням до абсолютного совершенства, не разрушая свое естество. Сие и есть направляющая эволюционных движений к совершенству, как и вообще русло всяких движений²⁶². Но это не есть верный путь к Богу сам по себе, а только лишь производное того непосредственного священного единства человека и Творца, благодаря коему открывается в том же числе и такое подобие Ему – верный путь к Богу. Ведь верный путь к Богу – это есть производное самого непосредственного единства с Ним, которое потом адаптируется в земных условиях, как путь в совершенство. Подобное рождает только свое же подобие и само присутствие в нас абсолютного совершенства ведет нас к абсолютному совершенству. То есть что-то иное такому порядку вещей становится идолопоклонством, чем и были почти все религии до Рождества Христова¹⁸⁷.

1.0.2.-65. Изначально мы выяснили, что история и все процессы в бытии привержены выражать самые разнообразные оттенки Божественного в прямой зависимости от сложившейся ситуации. Этим именно формируется внешний вид живого, оказавшегося в поле нашего зрения. Поэтому этим избирательным принципом «пользуется» любое становление жизни или адаптации естественной экзальтации счастья, как специфическое выражение самого-самого Живого на природе поражённой грехом. В противном случае, об этом, как о жизни, нет смысла тогда говорить.

Именно от того, какие из этих оттенков в данной реалии наиболее востребованы и задействованы жизненными процессами зависит форма образа жизни. Иными словами, память о событии имеет самое главное значение для будущего, как попытки выживать, утверждая новую форму Божественного именно в очередности этой последовательности¹⁶⁴ становления к полноте совершенства Творца. Именно это запоминание, опыт выживания становится знаковым, благодаря чему многое в самой природе человека оказывается просто не востребованным¹⁸⁸ и потому забытым, то есть утраченным в физиологии. То есть в процессе эволюции утрачены. В том же числе не востребованы перегрузки физические или психические. А так как оные не востребованы, то как вечно активированное специфическое достоинство в организме человека, не могут проявиться в образе живого – он так остается нежным и беззащитным. То есть сама форма жизни (специфически сложившийся организм) – это есть память счастливого человека об опыте выживания¹⁸⁹ в данных условиях²⁶³. Этот опыт позволяет избегать ошибки, которые могут понуждать ... даже к ускоренному бегу, к примеру. Надо принимать такое решение на основании пережитого опыта, благодаря коему не востребованным оказывается быстрое передвижение, но только ходьба со скоростью 5-6 км в час. Это ещё одна составляющая, которая способна формировать привычно зримый образ живого существа. То есть

длинная шерсть, клыки на мощной пасти, копыта или мощные лапы, и так далее – все это есть различные формы памяти об удачном опыте выживания, выраженной уникальными мутациями от самых примитивных до самых сложных организмов, чтобы «зная» прошлое, можно было посредством их уверенно идти в будущее в этом же пусть несколько инородном естествену образе жизни и поведения. Если же есть толчок жизни благодаря притоку энергии из-за удачно сложившихся обстоятельств в возникшей ситуации с её экстремальными для нас условиями (то есть, если толчок произошел благодаря какой-то своей уникальности), благодаря чему форма носителя энергии оказалась удобоприемлемой для усвоения, то это событие становится знаковым и проходит испытание эволюцией, как новый опыт выживания, оставляет свой отпечаток даже на физиологии нового организма. Это становится неким дальнейшим направлением эволюции, то есть шаблоном, запомнившимся удачным опытом, нужным для поведения в схожей вновь возникшей ситуации, только выраженное в уникальности закрепощения формы жизни.

Тогда во имя утверждения жизни востребованной оказывается хорошая память, несущей все виды шаблонов удачного опыта, обретенного жизнью во Вселенной и утвержденного всеми формами помятования об этом, начиная от самых элементарных и начальных некоторых полезных мутаций в организме животного (организмом живого здесь называю первый активированный Солнцем элемент живого, чем

было отпадение от Царствия Небесного) и заканчивая упорядоченным культом, во время коего древние люди ритуально-упорядоченно улаживали кости, убиенных на охоте мамонтов, пещерных медведей, знаменуя этим важную мысль о том, что удача всегда там, где действие людей сопредельно замыслу Бога о мире, сонаправлено поступательному движению всего к Богу. То есть люди жили и живут законами удачного момента и счастливой случайности. (Также к этому же следует отнести современные достижения науки). Но для того, чтобы хорошо работала память нужна максимальная ясность ума. Вот тут-то и все начинается для всего человечества.

1.0.2.-66. Слышу вопрос о том, что есть такое этот шаблон? Точнее как он удерживается в реальности, и какова природа его естества? Шаблон, как мы выяснили ранее – это то, что оказалось в пределах природной возможности свидетельствовать о Боге для окружающей среды или быть проводником Его энергий посредством даже воспаленной грехом природы человека²⁶⁴. Шаблон этот – это есть привычно созерцаемая точка (оказавшаяся в сфере воспаленной природы греха) в разных её проявлениях³⁴³, в то же время соединяющая нас с Царствием Небесным. То есть она несет в себе всегда две составляющие – она есть составная часть Царствия Небесного и в то же время, она остается частью нашей реальности природы, несущей в себе печать скверны греховной, воспаление грехом, печать границы в чистом ви-

де – ничтожества точки. Именно двоичность¹⁹⁰ исповедует себя во всем и постоянно – воспринимается нами сначала развитием распада, но затем на ином фундаменте, имеющем прообраз ничтожества границы в чистом виде, то есть на основании протяженных промежутков времени нам является иная грань великого. Причем в любом случае, только в прообразе прародителя своего во грехе, явленного перед нашим абсолютном ничтожным взором как подобие его – абсолютное ничтожество⁴⁵⁶, то есть в прообразе точки. То есть с позиции более всеобъемлющего подобия Богу в Его грани-вечности – тут же начинает удобоприемлемо к нашему восприятию свидетельствовать о себе ещё одна сторона влияния Божественного и как только в процессе развития обретает образ полноты времен (Божественные образы в ином качестве, что всегда означает новую ступень торжества жизни над смертью), так сразу же в данном образе в нашем уме тут же возникает шаблон новая точка отсчета или новое имя элемента постоянства в прообразе точки – определяющий образ мышления, образ выживания, культ и все остальное²⁶⁵. Теперь о том, как это адаптировано в мире материальном на понятийном языке научных доктрин.

Для более глубокого освящения вопроса следует более точно сформировать определение о жизни, а для сего, чтобы не произносить слова о Нём всуе, немного отпустим богословские термины.

Жизнь в нашей земной реалии возникла, как результат солнечной активности. Согласно Закону Сохранения Энергии, световая энергия переходит в энергию электрически заряженных частиц, накапливается и далее происходит разряд⁷⁷⁷. Для того, чтобы делать необходимое умозаключение, мы должны в данной схеме увидеть то (по слову прп. Максима Исповедника в его книге «Амбигвы к Иоанну»), что наделено нами, то есть полнотой свойств нашего живого организма, нечто родственное нам (где-то ещё в ином искать не приходится). (07.01.00) *Так как жизнь – это в первую очередь проводимость энергии от источника к зарождающейся новой жизни, то уникальность строения организма становится уникальной формой прохождения или передачи, или продвижения энергии, то есть уникальной формой проводника энергии от Источника в этот зримый нами мир.* В схеме возникновения заряда и дальнейшего его поведения можно распознать проводник – это электрический разряд²⁶⁶ в данном виде траектории. В процессе эволюции траектория принимает многовариантные и множественные формы проявления, начиная от простых огней на мачтах кораблей и заканчивая самыми сложными органическими образованиями, чем стал человек с его культовым поклонением Богу. Повторюсь еще раз, что процесс разряда – это есть акт передачи энергии и наделен некоторой протяжённостью со всеми сопутствующими этой сфере-области бытия слагаемыми, которые нам известны и понятны как светящиеся огни или

Северное Сияние, которые в процессе эволюции просто обрели иной вид этой протяженности – многовариантно трансформировались во флору, фауну и человека в оных. Человек, как самое сложное и потому самое древнее существо, явил нам образ проводимости заряда²⁶⁴. То, что мы видим в самом процессе электрического разряда – это есть разряд энергии³⁴³, происходящий в газовой среде. Но разряд может идти не только в газе, но а также и в других средах, и в ином естестве природы, образуя не свечение разряда, а самые причудливые формы развития, ставшие потом «шаблонном хорошего опыта», позволяющего более подобное Богу бытие в ином Его свойстве вечности, ведь все в этом бытии стремится уподобиться Творцу во всех Его гранях. То есть более продолжительное по времени протекание разряда в постоянно усложняющихся самых элементарных биологических формах. В противном случае, если разряд не был бы в образе подобия или иным именем абсолютной простоты-пустоты-постоянства (планировании творчества Божественного), то и не был бы подобен природе простоты-пустоты-постоянства³¹¹ человека, а потому и не мог быть распознаваем чувственно, ибо инородное не распознается в том образе, в каком оно имеет реальность. Это означает, что разряд находится в одной с нами сфере-области этого бытия, как самая элементарная форма жизни²⁶⁷. При этом, следует добавить, что сам по себе организм в любом его виде несёт в се-

бе ту же самую двойственность – печать обоих положений: стационарного заряда и разряда в развитии. То есть имеет вид некоторого головастика, в голове которого происходит главное действие, а некоторая уникально сложившаяся производная возникшая от разряжения оного – хвост²⁶⁸. Точнее следовало бы сказать, что эта реальность отличается от всех остальных форм разряжения только лишь тем, что продолжительность земной жизни несколько растянута и более подобна образу Бога в ином – по степени схожести с вечностью, а потому из-за более медленного протекания процесса эти формы разряжения наиболее адекватно оказываются в поле нашего чувственного восприятия. Каждая грань в быстром электрическом разряде, растянувшись во временных промежутках, предстает перед нами в более и более очевидном образе. И чем тише протекание разряда, тем больше свойств раскрывается перед нашим взором – с некоторой расстановкой и порядком оной. Это совсем не означает, что иных форм жизни нет – они просто не распознаны из-за высокой скорости протекания, а потому не предстали в должном удобном нашему познанию виде. Далее можно уже особо не затруднять себя изложением того, как возникли остальные организмы, ибо это уже только лишь технический вопрос, это лишь вариации озвученной данной общей схемы или технические процессуальные тонкости эволюционного становления, обретшие столь множественные формы современного мира и его Вселенной. Всё живое в этом бы-

тии при более тщательном рассмотрении несет в себе именно эти обе составляющие головы¹⁹² и хвоста¹⁹⁰, только выражающиеся столь специфично и своеобразно в соответствии с условиями окружающей среды (при этом адаптировано к условиям Земли состояния обоих реалий Вселенной, как до грехопадения Адама, так и после в прообразе нашей схемы «берега и реки⁴³»). В процессе эволюции, растягивающей процесс разряда до максимума, человечество получило способность распознавать в нем свойства личности. То есть то, что выражает свойство головы¹⁹¹: дух, душа и её мышление⁷⁷⁷⁻⁰⁶⁻⁰⁶. В отличие от животного и растительного мира, человек в эволюционном становлении Вселенной наиболее выражено остался причастником Царствия Небесного со всеми Его сопутствующими оттенками. Поэтому надо ясно себе представлять, что все это, в любом случае, обозначится в культе приобщения ко Творцу, благодаря чему человек по прежнему может хранить ту же радость своего бытия во Царствии Небесном, пребывая в земных условиях. Когда придается значение культу усопших, то очевидно, что человек распознает в этом нечто существенно важное, в противном случае сие не имело бы устойчивости в знании опыта выживания и ушло бы в небытие как не востребованное. Мощи усопших, согласно нашим приведенным ранее определениям, являются носителем постоянства в чистом виде – это пустота. Когда человек занят научными поисками, он зрит

на мир через призму носителя постоянства в чистом виде, чтобы найти свое подобие в окружающем мире только для того, чтобы облегчить сохранность живительного постоянства-энергии. Через Бога человек видит Его подобие – видит путь для следования по жизни. Даже если он уже не верит в промысел Божий – сам факт, что он ищет Истину – он ищет Божественное, только не там. Просто его мир сильно приземлённый, но так как, производя исследование в материальном мире, не может выпасть из общего – из пределов общей простоты, зримой с высоты Божественного, то по истечении определённого времени, созерцая на образ пути своего шествия с высоты прожитых лет, ученый замечает, что траектория движения свидетельствует о каком-то стороннем влиянии, образ свидетельства которого все более и более вписывается в характерные для личности черты, что и есть по природе закономерность, первоизданную простоту того же Божественного и когда наступает полнота времен, вместе с ней наступает озарение. Только Его Именем ученый назвать это не может по гордыне своей. Либо узнает Его, но беда таких ученых в том, что попадают они в лапы сект, время существования которых годы или десятилетия, а так как время становления сект до прообраза Творца мало, то и не может нести ту полноту, кою несут мировые религии.

Опять же живому свойственно быть в поиске Истины, а потому оно ищет Божественное, а именно ищет пути адаптации своего духовного мира, но теперь в сфере более ма-

териального (ищет то, что наделяет «хвост» свойствами гол-
ловы, как образ тела¹⁹², продолжительностью жизни, то есть
подобием Богу в свойстве абсолютной вечности на природе
частично поражённой грехом). Это можно сравнить двух
наблюдателей между собой. Один созерцает мир с высоты
вершины горы и ищет утверждения жизни в открывшихся
и доступных для него реалиях. Другой стоит где-то внизу,
в долине под горой. То есть там, где намного легче выжи-
вать и в доступных для него реалиях гораздо больше воз-
можностей успешной борьбы за свое утверждение. Это вос-
принимается как противоречие, хотя на самом деле оба слу-
чая утверждают живое по востребованности и потому оба
заложены в самой природе человека и это два в одном фор-
мирует его Божественный образ в истории мира. Так при-
мерно выглядят сходство и разница первого человека с на-
ми, современными, а потому и самоутверждение того древ-
него, ныне живущего в нас самих в современном окружаю-
щем мире, происходит с помощью разных посылов, оказав-
шихся в области досягаемости человека: древний носил на
себе частицы мощей своих усопших предков для того, чтобы
идти вперед там, где открыт путь в счастливой случайности
даже в трудные моменты, а мы копаемся во внутреннем ми-
ре материи, чтобы эти трудные моменты исключить из своей
повседневности. С другой стороны, также как и первый че-
ловек, мы ищем этот же путь во внутреннем мире материи
И то и это востребованы в гармоничном сочетании. Это раз-

ные характерные черты личности – счастливая случайность, точность и так далее. Но с помощью той и другой характерных черт личности не равнозначных способов приобщения к своему прообразу, Личности Создателя, люди стремятся к одному – к счастью и выживанию одновременно, а поэтому обе составляющие имеют место одновременного выражения на природе человека в процессе эволюционного становления человечества. Ведь с одной стороны надо дать возможность самовыразиться Божественной Природе в благоприятных условиях, а с другой стороны, надо чтобы процесс выражения вписывался в естество земных реалий и в пределах этого идти к большему подобию Ему. К сожалению, соединить в себе два полюса очень тяжело, ибо все равно духовная деградация имеет место в среде людей, связанная с изменившимся образом жизни, поэтому мощи усопших предков, как проводник к духовной жизни, активность которой стимулируется только тяжестью бытия, становятся менее востребованными. Но если на вершине единство с Творцом неизбежно – само по себе имеет место быть (вершина – это точка или что-то близкое ей) и обусловлено, повторюсь, тяжёлыми условиями для всех, то там, где есть деградация, жизненно важное единство вершины в новых условиях нужно поддерживать самому, причем искусственно, прикладывая усилие, а поэтому естественное бытие вершины трансформируется во всевозможные ее образы. Вершина адаптируется в различного рода специализации со свойственными им понятийными

системами-инструментами сохранения этого единства – так появилось слово и, вместе с ним культ религии. (07.01.00) (982 п. Р.Х.) Человечество родилось на Вершине вершин в прообразе Голгофы и потому сама по себе жизнь остается этой вершиной бытия⁵⁵⁵ и вне этой Вершины вершин жизни нет и быть не может, а потому быть живому на ней в прообразе Голгофы естественно⁶⁶⁶⁴³⁴. Поэтому неизбежно теперь создает себе эти условия сообразные во всех смыслах и подобиях той же Вершине⁶⁶⁶. Так оказалось востребованным возникновение общины, письменности, памятников архитектуры, захоронений, государственных образований и различных форм собственности. Без этого жизнь на вершине в прообразе Голгофы Христовой, когда соединяются два образа утверждения жизни в одном, становится очень тяжёлым и под силу только Богу. Так востребованным окажется аскетизм в жизни современного общества по образу и подобию той жизни, в которой пребывало человечество до двадцатого столетия – до измены Вершине вершин, до измены Родине⁶⁶⁶. Просто всякое победоносное событие несёт в себе влияние и это событие невозможно без единства с Божественным⁴³⁴. Если победа была без единства с Божественным (в молитве), то это было лишь началом поражения с дальнейшей гибелью «победителей» и неизбежным исчезновением такого опыта, как утверждающего живое. И мы о нем ничего не знаем поэтому. Если некоторый набор культо-

вых действий обеспечивает, несёт в себе качественное изменение к лучшему, то есть становится реальной победой в себе самом и над собой с помощью Божьей, то сие, в прообразе становления эволюции, запоминается и берётся на вооружение, формируется шаблон выживания, посредством коего общество получает путёвку в будущее, оно знает цену победы, живёт и продолжает нести в себе этот опыт, передавая следующим поколениям. Благодаря этому, в конце концов, к этому опыту приобщится всё человечество, ибо именно оно качественно сделает людей одним единым народом. Вот в каком направлении происходит наращивание полноты Божественного присутствия в облегченном варианте, благодаря коему обуславливается и утверждается жизнь¹⁹³. Вся история человечества – это именно эволюция форм (на основе практического опыта выживания) к более полному приобщению к Божественному через Его свойства-зоны-аватары⁶⁶⁶. Об этих свойствах-эонах есть смысл сказать вкратце, чтобы быть потом адекватным в своих дальнейших суждениях.

1.0.2.-67. Для этого следовало бы проследить сам путь становления. Представим себе древнего человека обзирающего Вселенную. Что предстает перед его взором? Для ответа на сей вопрос, сделаем некоторое заключение о том мире, который мы назвали берегом в системе берег-река с текущей водой. Как его увидеть, этот берег? Как распознать его влияние? Потусторонний мир есть и если он есть, то как-

то свидетельствует о себе. Но где его проявление в окружающей нас среде? Где эта дверь, через которую можно войти в этот мир и обнаружить связь с Богом? Что из всего окружающего нас мира наиболее близко предстоит к Божественному в Его порядке субординации? Может быть эти камни? Эти вулканы или реки? Эти деревья или что-то ещё? Как Его увидеть в окружающей реальности? Понятно, что ответы на эти вопросы не могут быть даны экспериментально, но только на основе жизненного опыта. И далее, первый человек не мог целенаправленно искать наиболее сильное свидетельство о потустороннем мире, ибо ему надо было каждый день искать пропитание и защиту, в процессе только этого возможно распознать Его бытие. Ведь влияние Божественного, как адекватное и несомненное свидетельство о Нём могло проявиться лишь как счастливая случайность¹⁹⁴, то есть в критериях облегчения трудной участи выживания простым везением. Откровение о присутствии Божественного, есть Он или нет, могло проявиться в мировосприятии человека опосредовано везет-невезет, как более успешное, результативное творчество в делах. Что-то иное не востребовано, а потому не понятно, то есть не может быть воспринятым, как нужное. Большая результативность явлена нам в видении одному старцу. Группа бесов прикладывая огромные усилия волокла опавший лист дерева. Результативность этого бесконечно энергоёмкого действия почти на нуле, в то время как Бог видимым образом во грехе вообще бездей-

ствуует, то есть в этой сфере-области Его деятельность нулевая, но творческая результативность от этого бездействия видится нам как вся эта видимая бесконечная Вселенная. Таким образом, счастливая случайность – это есть высочайшая результативность по минимуму затрат и деятельности – таков образ Божий⁶⁶⁶. Чем ближе подобие наше Богу, тем результативность лучше. К примеру, охотник пытается добыть зверя⁶⁶⁶. Если выстрел не точен, то приходится стрелять ещё и ещё. Хотя можно было бы все сделать с первого выстрела и более уже её не выслеживать и не сидеть в засаде часами. Жизнь – это такой вечный биатлон. Эта формула должна работать.

(07.01.00) (982 н. Р.Х.) Все случайности бывают либо счастливыми, либо не счастливыми. Счастливые случайности абсолютны лишь во Царствии Небесном. Счастливая случайность в Раю – это само Естество Царствия Небесного. Они там в каждой микроне бытия, а потому всё, что не делал бы там – все то счастливый случай есть. Только запретный плод не вкушай. И наоборот, в аду счастливую, а потому животворную случайность получить очень тяжело и даже почти невозможно. Проведём аналогию. Человек оказался в воде и для того, чтобы жить как прежде, ему надо удерживать голову над поверхностью воды, ибо как прежде ему надо дышать и есть. То есть также как и до падения в воду человеку надо пребывать во Царствии Небесном, видеть Солнце и вдыхать в себя жизнь. Для это-

го человек делает движения руками и ногами в поте лица ради счастливого бытия и ради счастливой случайности. Удержание головы над водой богословы назвали экстазом⁶⁶⁶, что в переводе на русский означает выход из себя (выход из того, что обозревается воспаленной грехом природой – прообраз воды). Дадим более общее определение экстазу⁶⁶⁶. Хорошие бытовые условия, которые человек научился создавать благодаря научному прогрессу – это также есть прообраз той самой потребности человека видеть Солнце и вдыхать в себя жизнь, удерживая голову над водой. Человек движет мысль и все вокруг ради бытия своего в прообразе Голгофы Христовой на Вершине вершин – во Царствии Небесном³³³. Какое-то иное применение научному прогрессу – есть убийство живого. (Это определение счастливому случаю нужно запомнить.) То есть те же самые дела, но при влиянии Божественного должны идти лучше. А так как всякая ошибка совершается по вине самого человека, то и совершенное верного хода – также в его власти. О сверхестественном тут нет смысла как-то говорить. Ну не мог древний искать инопланетные цивилизации, к примеру, и многое такое пустое, чем ныне заняты учёные – ему надо было реально бороться, выживать и на основе своего опыта жизни выстраивать суждения.

1.0.2.-68.(a) Для того, чтобы дать определение счастливой случайности, следовало бы более просто сделать комментарий к мысли отца Андроника (Лосева А.Ф.), опубли-

кованной в его работе «Хаос и структура». Дело в том, что сам факт чувственно воспринимаемого бытия частицы свидетельствует о том, что она наделена (хотя и с креном в одну сторону) полнотой подобия человеку в ограниченном образе замкнутого кольца. Но общеизвестно, что всякая полнота абсолютно многогранна. Все грани полноты различным образом воспринимаются органами чувств в строгом природном соответствии. В поле зрения и возможностей человеческого организма адекватного функционального восприятия попадает лишь какая-то сторона-грань, малая толика от всей многогранной полноты, встречающейся только по пути следования ко спасению, но это совсем не означает, что все остальные грани не существуют^{777,666,333}. Материя, выказывая одну сторону своего бытия как данное, теперь уже только с помощью случайности свидетельствует и об остальных вышедших из поля зрения сторонах или гранях, которые напрямую ускользают из чувственной сферы человека^{777,666,333}. Предположим, что возник малый источник стороннего влияния. Как только он возник, так сразу появились случайности, возникновение которых трудно объяснить, но они свидетельствуют о том, что их бытие что-то побудило. Так, например, влияние Луны не распознать чувственно, но увидев приливы-отливы морей, мы узнаем о наличии источника влияния^{777,666,333}. Называя непредсказуемое явление несчастливой или счастливой случайностью, отец Андроник хотел тем самым сделать намек на то, что есть источник сча-

стья. (07.01.00) Именно счастье своим влиянием вызволяет из небытия в бытие эту окружающую материю, обуславливая случайности, которые утверждают такую беспомощную, совсем слабую, беззащитную жизнь, коей является человек. То есть, надо полагать, для того, чтобы творить, человек должен быть счастлив, ибо вне его человек не только творить, но даже жить не может¹⁹⁵. Тогда, во времена жизни о Андроника, время было такое, что откровенно говорить о Боге было нельзя, а потому он об этом не говорил прямо, а только лишь подталкивал читателя к этой мысли. А опыт жизни со временем покажет именно то из всего сонма вещей, окружающих нас, что наиболее адаптировано под естественную потребность человека быть в радости (без покушения на счастье) и идти в счастливое будущее, и оказаться там, в радостной вечности.

1.0.2.-68. (б) Межличностное общение⁴³²

Что такое бытие? Бытие – это личности и общение межличностное. Это семья, в пределах коей существует все остальное. Вне семейных межличностных отношений ничего более не существует. Всякая связь между личностями основана на том, что один говорит другому только одно слово в самых разнообразных и разноликих формах. Это слово – люблю. Эта материя всей Вселенной во всех ее видах проявления, эти самые сложные научные доктрины – все это есть слово любви одного другому.

1.0.2.-69. Исходя из самого основного свойства жизни (то

есть жизнь – это процесс проводимости Божественного от источника к потребителю), посредством «темных очков»²⁶⁹ можно судить о том, жив человек после смерти или нет. Для человека значимо только то, что наиболее живительно и жизнеутверждающе свидетельствует о влиянии Бога из мира мёртвых на мир живых. Понятно, что опосредовано останков когда-то живших любимых и любящих нас людей оно наиболее отчетливо явлено, хотя и иное, несколько специфическое влияние, которое надо бы как-то распознать. И это влияние может быть распознано в соотношении: полезно или не полезно для жизни или в контексте счастье-горе (везет-невет). С другой стороны, ведь если говорить о воротах во Царствие Небесное, то останки усопших – это именно тот след ко двери, в которую уходят усопшие и, если есть какой-то диалог, то только через эту дверь. Иное человек вокруг найти не может. Поэтому исходя из тех посылов, кои попали в поле зрения первобытному человеку, пребывающему в общении с Богом, нам должно стать также ясным важное об умерших, что либо они победили стихию мира, вышли на берег из общего течения вод и жизнь не утратили³⁴⁸ (пребывают там, оставив нам путь к воротам в ту реальность, из которых исходит влияние) и тем самым сообщают нам либо живительную реальность. Либо нет, если усопшие были увлечены течением потока стихии мира, который зацепив души их за распущенность нравов при жизни – тогда нам сообщается иное влияние, исходящее от мощей – противное становле-

нию жизни – как и прежде при жизни земной они вампиризируют. Почему исходит влияние? Потому что над Божественным силы тления и перемен не властны, они так и остаются и по-прежнему источают что-то такое жизненное и её утверждающее. А излучать они могут только постоянство, которое есть одно из свойств Творца. Постоянство, распознаваемое в деле – эн ерго. Влияний в космосе множество, но нам нужно только такое одно из них, благодаря коему зародилась жизнь. Надо это бесконечное множество отфильтровать и то, благодаря чему живое зародилось сделать доступным для живущих. То есть, когда мы говорим об энергии, то уже стоим на антропоцентричной позиции, ибо на самом деле в пределах нашего мирозерцания излучения никакого нет – оное не воспринимается как подобие греху – нет тенденции бесплодного поглощения (вампиризм – это тоже влияние, по природе кое имеет тенденцию цепляться за все то, что несет в себе постоянство), но только жертвенность-дарование и есть, по сути, специфически выраженное адаптировано нашему миропониманию взаимодействие двух реалий. То есть всякое подобие греху должно уйти, чтобы оставить только то, что остается непреходящим и первостепенным. Вот что такое мощи усопших. В принципе всякий родитель делает для детей это всю жизнь и даже после смерти продолжает оставаться тем же³³³. Но, чтобы не вносить путаницу в суждениях, продолжу говорить на том языке понятий, который нами адекватно воспринимается. А данное реальное положение

ние дел оставим для квантовой физики.

Жизнь является процессом проводимости Божественных энергий от источника к потребителю³³³ – она в этом качестве возникла здесь на земле и не может изменить своему первопринципу зарождения и первоестеству в сущности, но согласно Закону Сохранения Образа Божия, изменяет только форму процесса, трансформируясь и переходя то в одну форму выражения, то в другую. Если при жизни человек хранит свой образ Божий, то есть везде остается самим собой, человеком, во всех трудных ситуациях, эти энергии в разнообразных формах жертвенного служения окружающим и окружающему миру трансформирует в удобоприемлемые живительные образы, то после смерти удобоприемлемой становится только одна жертва живому. Для жителя Царствия Небесного трансформировать эти токи жизни в какую-то конкретную деятельность уже не представляется возможным – это прерогатива живущих³³³. То есть влияние любви остается, чтобы живущие на свое усмотрение направляли в нужное русло⁴³⁵. Божественное присутствие свойственное степени близости человека к Богу при жизни не утрачивается. Не утрачивается также и после смерти – таково свойство Божественного и таков Закон Сохранения. Это не те токи, которые, по сути, есть множественные перевоплощенная энергия Солнца. Ведь солнечная активность в пределах земного может быть куда-то направлена: или на разрушение, или на созидание. Так вот влияние, исходящее от этих врат, может

быть распознанным только в этом и только в этом контексте, только в таком и только в таком контрасте, и иметь только такое созидающее для жизни значение, и быть только единством контрастирующих, ибо чего-то иного в этом бытии, кроме Божественного, нет ничего. Разрушающее и созидающее действие солнечной энергии в обоих случаях утверждают живое в соответствии с создавшейся ситуацией. И присутствие этих врат распознается только вот этим. Если оно существует в бытии, если есть это влияние, то явит только в этих критериях и только такое – через утверждение живого, выраженное в самых разнообразных формах – любовь, принимающая все как есть, низлагающая противоречия и делающая их дополнением друг другу, дарующая все остальное: везение (как жизни утверждение), радость, умиротворение, прощение, правильный выбор, настрой к подвижничеству, поиски обустройства хорошего быта и так далее. А если нет влияния или, скажем точнее, оно очень слабое, то перед нашими возможностями распознавать мир любовью противоречия не становятся частями одного целого, а потому хаос так и остается хаосом, а потому влияние этих врат не распознается²⁶⁹. Врата – это мощи отживших свой век людей. Это первое, что попадает в поле зрения первых людей. Отсюда можно судить о том, куда попал человек после смерти. Если влияние есть, то его душа близка к Богу. Это важно помнить. Понятно, что без присутствия мощей Бог остается и Его влияние пребывает как и прежде, но проявление Его

сил и свидетельств о Нем сильно разряжено и не акцентировано в точку, и не «отфильтровано». Всякое Божье явление требует адаптации к природе человека, чтобы не повредить её образ Божий, несущий в земных условиях печать слабости первородного греха. Просто мощи усопших праведников несут эту «разжёванную» удобоприемлемую кондицию. Это можно сравнить с боксерской перчаткой и боксером. В поединке с соперником работает не боксерская перчатка, а то что её наполняет – сам человек. Духовник – это боксер, а духовные чада – это боксерские перчатки на его руках. Дерется с силами бездны сам духовник (или старейший в семье), как ведающий о Силе Многой и он удерживающий мир от катастрофы³³³. Это заложено в самом священном зачатии человека и несет в себе тот же прообраз через всю его жизненное бытие. Отсюда же следует мысль о том, что Христос, Сын Бога Живаго, не смотря ни на какие-либо искушения и утраты, не заразился заразной болезнью, не развратился от общения с последними самыми страшными грешниками и победил смерть, ибо Семя Божье тому свидетель и Причина³³³. Это важное открытие для отцовского любящего своих детей сердца. Чем сильнее подобие Богу отца, тем увереннее в себе ребенок и его жизнь вне опасности.

Жизни присущи характеристики: 1) возрастание или постоянное движение становления в совершенство; 2) по верному пути к Богу. Обе из них многогранно выразились на природе телесности человека. Процесс старения – это есть

возрастание-восхождение на вершину также в некоторой сообразности Голгофе, с высоты которой человек может видеть свое прошлое-путь подъема как на ладони и пока еще опасаться неизвестного будущего, сокрытого дорогой-ступенной нового возвышения к Вершине. Каждый день человек должен становиться все ближе и ближе к высоте Творца в полноте, то есть возрастая в стяжании чистоты духовной (до ничтожной величины греха) и присутствии Духа Святого, так что в самый момент смерти человек призван оказаться наиболее близко к Нему. Предки оставили опыт жизни, выразившийся на физиологии человека, в виде отпечатков своих ступней, то есть свой след, свою дорогу, свой путь к Богу в виде мощей¹⁹⁶. Присутствие Бога есть везде, но посредством мощей своих предков, это присутствие наиболее адаптировано к природе человека³³³. Через мощи усопших влияние несколько уже разжевано³³³, то есть оно уже не столь агрессивно к природе людей, несколько нежное. Именно по этой же причине возникали сообщества – так легче дается богообщение и удобнее быть схожим Ему в свойстве Его многогранности. Сам факт, что люди жили сообществами, свидетельствует о том, что было нечто такое, что, не смотря на очевидную разноликость, обуславливало единство всех, был мир совместного сосуществования. То есть это не как у зверей – родился и, забыв родство, ушёл навсегда. Это объединяющее всех чувство единого унаследовано от того самого первого акта возникновения жизни в пре-

делах Земли, а потому остается сообразно ему на протяжении всего времени. Ведь подобное рождает только свое же подобие и потому всякое развитие-становление остается в пределах подобия первообраза **333-666-777**. Тот самый первый акт зарождения живого был точкой **333-666-777**, несущей в себе весь спектр сопутствующих качеств: постоянства, единства, цельного, всеобъемлющей полноты и потому получило бытие или прошло жесточайший естественный отбор только то, что имеет прообраз той самой точки-начала **333-666-777** со всеми перечисленными тут её этими свойствами. Согласно Закону Сохранения Образа Божьего (а Образ Божий, как пребывающий вне постижимости, никогда и ничем не порушить) все производные того самого первого акта, оказавшегося в поле нашего зрения посредством пораженной грехом природы, несут в себе сохранение образа того же самого единства, целостности и так далее **333-666-777**. Они есть аватары земного Первоначала всего. Вот из чего родился мир и в пределах сохранения этого образа он останется навсегда, ибо вне этого образа в его природе более ничего нет. Так как природа, воспаленная грехом, также свидетельствует о Боге только уже в пределах своих ограниченных грехом возможностей, то у людей этот образ перво-акта с его двумя природными составляющими ⁴³ ещё более сильно выражен, даже в максимуме возможного, а точнее только он и выражен. Этот образ либо верный, либо не верный. Верный – да, неверный – нет, ибо нет таких достоинств, которые сглаживают эти

полярности, которые бы могли дать жить неверному, несущему в себе ошибку. Поэтому те, кто шёл по верному пути к Богу, неизбежно был наделён именно этим чувством понуждающем быть в естественном для себя единстве³³³. Какая-то личность иного сложения духа автоматически чужда сообществу и не могло от неё произойти потомство, а потому что-то иное до нас не дошло, как прерванный эволюционный ток³³³. Но и это ещё не предел. Так как жизнь – это есть процесс проводимости энергии от источника, тогда то, насколько этот путь верен и правильный, настолько он жизне-тельный, настолько он вечно сохраняющий живое, настолько сильнее в нём проводимость Божественного из того мира в этот, как наиболее сильный образ того самого перво-акта зарождения жизни на Земле, как свидетельство о Боге в пределах природных возможностей пораженного первородным грехом естества человека. Ведь усопших много и много из них увлечено рекой страстей плоти или может быть остались с искалеченными душами – эгоисты остались таковыми же и после смерти. Иными словами, такие тоже имеют влияние на судьбы людей, но уже в иную, воспринимаемую относительно диаметрально противоположную сторону – сторону смертоносного хаоса³³³. А может влияние настолько слабое, что хаос не становится чувственно распознаваемым порядком. Если всё это сказанное имеет место во Вселенной, то очевидно оно должно проявить себя в окружающей реальности.

1.0.2.-69.-а. Вот мы сделали некоторое предположение со-

гласно логическим рассуждениям. То есть, если есть Бог, то влияние Его на наш мир живых разнопланово может более всего проявиться только через останки тех усопших, которые при жизни имели наиболее сильную праведность и чистоту духа. Жертвенность их согласно Закону Сохранения должна остаться. При этом, этот исходящий через них свет от Творца можно распознать только посредством «очень затемненного стекла», то есть посредством сильного напряжения сил тяжести жизни, в трудном противостоянии смерти. Люди замечали разницу, не смотря на трудности дела шли лучше в присутствии мощей своих усопших когда-то любящих предков. В такой полной опасностей жизни счастливая случайность особенно хорошо контрастирует – через затемненное стекло пропадают отраженные сбивающие с толку блики и видно только Солнце. Теперь посмотрим, что мы имеем на самом деле.

Для более адекватного понимания этого вопроса, следовало бы дополнительно ответить на другой вопрос: что есть это такое само влияние мощей усопших предков? Мир сам по себе состоит из двух реалий. Одна из них является чувственно распознаваемым инобытием. Но обе из них присутствуют в каждое мгновение времени во всяком явлении. Точка и прямая – носители одного и того же Божественного свойства постоянства, но в различных природных реалиях Вселенной, то есть обе так и остаются одним и тем же тождеством первопричины, но в разных природных условиях выражения¹⁹⁷.

Таким же образом, Солнце своим влиянием просто оттягивает от настоящего естества человека ту часть природы, которую нам привычно видеть, делая её несколько извращённой, однобокой, не гармоничной, почти абсолютно ограниченной и по замечательному слову прп. Максима Исповедника, смиряющей противящийся Богу дух человека²⁷⁰. То есть более всего стимулирует только одну некоторую грань, из-за чего возник человек¹⁹⁸ в привычном облике⁶⁶⁶. Хотя это есть парадокс, но сие согласуется с опытом жизни, ибо Бог в каждом из нас, но только выделен Он хотя и однобоко, но в пределах всеобъемлющей полноты Его. Крен инороден естеству Его, а потому, не смотря на приобщение к вечности, временный. Тут надо сразу понимать, что не может разрушение созидать и потому мы едины в Боге, в солнечной активности, но ведь различны в эволюционном усложнении природы. Мы несем в себе печать и того взрыва, который каждое мгновение имеет место быть на Солнце, и, в о же время, иной составляющей естество Солнца – постоянства⁴³.

Образов Солнца много, но только один из них наделяет стабильной устойчивостью – тот который в максимуме дарует энергию – не косвенно и не отраженно, но на прямую, непосредственно в ясный день. Просто, если мы вычленим из реалии свойство стабильной устойчивости, то на этом понятийном языке подобием стабильной устойчивости самого Солнца будет его множественные проявления в земных ре-

лиях и мы можем лицеизреть их. Причем, следует сказать, что если стабильная устойчивость нарушена, то влияние Солнца восстанавливает стабильную устойчивость, а так как что-то иное менее подобно Солнцу, а потому более инородно ему и от того более временное имеют бытие, как распознаваемая структурная реальность порядка. Что-то иное не стабильно и не устойчиво. Теперь вспомните о самом законе живого и о Законе Сохранения Жизни (смотрите примечание 1133-160).

Теперь обратимся к земной реалии. Если Солнце, как проводник свойств Бога, просто дарует энергию для жизни организма, то для некоторой степени подобия Богу в свойстве вечности необходимо также жертвовать собой и при этом оставаться также вне досягаемости, то есть ходить там, где нет покушения на вечность²⁵⁷ в данном образе и формах видимого проявления энергии, ходить там, где нет ничего такого, что пыталось бы изменить¹⁹⁹. В тех сложных условиях первобытного мира, для которых характерна абсолютная непредсказуемость и опасности, оказалось не востребована способность (видеть посредством) логического мышления, но только духовное зрение. Поэтому тут речь идёт о таких свойствах Творца, которые наделяют человека определённой степенью везучести, обусловленной не логикой, а только возможностью видеть предстоящее, чтобы избежать ошибки. Человек может видеть только Творца, а так как Он пребывает там, где Ему естественно быть, то человек не идет

туда, где Его нет, а значит не идет туда, где будет покушение на его жизнь-богообщение, на его бытие на Предвечном Совете в пределах допустимого Им. То есть везучесть – это то же самое Царствие Небесное, но только уже посреди окружающего ада, когда человек опасные места обходит стороной. Это утверждение нам понадобится, когда мы будем обсуждать некоторые жизненные ситуации.

Одно из имен Его – подвиг, а потому подвижничество, создает некоторые комфорта душевному труду, а это обуславливает везучесть (тем самым устраивая возможность видеть Творца, а именно иные счастливые совпадения³³⁷ – некоторый специфический порядок вещей, понимаемый нами как космос, украшение, красоту эстетическую, а не только красоту логически верно сложенную). (07.01.00) *Если мы присмотримся своему организму, то увидим, что сам человек в своей природе несет образ подвига – ведь он постоянно восстанавливает еще и этот образ Творца, то есть восстанавливает равновесие здоровья в себе. Это дает нам возможность эту красоту воспринимать как Божественную, ибо везучесть всегда там, где есть живое присутствие Творца-подвижника, прообраз Коего имеет Солнце.* Иными словами, образ красоты всегда будет не рукотворный, и видимым он становится посредством эстетических оттенков живой души. Это видно хотя бы из того, что душа наслаждается видами, даже не несущими в себе изначального образа, то есть никак не симметриями и правильными, логически вы-

веренными предметами. Мы смотрим на мир с совсем иных позиций – с позиции степени близости Богу и как несет в себе Его живительную энергию, а потому все логически выверенное нас даже пугает. Нами созерцается не красота форм, а процесс подвижничества Вселенной, а потому она красива. Просто подвиг – это еще одно имя личности.

1.0.2.-69.-б. Образ красоты всегда не рукотворный⁴³², и распознаем оный в формах эстетическими гранями живой души, а это, надо сказать, условие нашего спасения и важное условие для позитивного решения трудных задач. В противном случае, даже говорить об этом не имело бы смысла, ибо, к счастью, в природе не может быть чего-то сверхестественного, выходящего за рамки бытия природы Творца, вне общения со Святым Семейством. Причем это влияние очевидно и обозримо может адекватно проявить себя только в данном качестве. И никак более, кроме одного – утверждения нашего бытия во Вселенной. Сам факт, что мы есть – значит есть и влияние. Жизнь – это сущность, а не форма, явленная нам в математическом корпусе несколько упрощённо в пределах природных возможностей формы, как реальной сферы бытия Вселенной исповедовать о Боге. Если логически верно сложенная цепь суждения, выражаясь понятийным языком математики – это всегда прямая линия со зримо воспринимаемым началом, но без конца³⁴⁹, то противоположность этому всегда есть движение, удерживаемое от логического развития, но собирающая в себе мир посредством становле-

ния его до Первообраза – это точка. Как в одно уместить два, чтобы зримо выполнялись оба условия бытия Вселенной в данной специфической сфере естественного нам мировосприятия? Сразу две составляющие укладываются в одно таким образом – в движение, с одной стороны и по окружности – с другой, что есть против всякой логики, но это такое свидетельство о Боге в данных природах Бытия.

1.0.2.-69.-г. Что такое везение? Везение – это чудо счастья. Везение – это такая категория реальности, которая присуща только жизненной Сущности – это оказавшееся в поле зрения посредством контраста присутствие Бога. Вне Оно-го везение, как случайное или непредсказуемое утверждение живого, по определению самого этого понятия просто невысказуемо, ибо в данном случае речь идёт об акте непредвиденно возникшего торжества жизни над смертью. Это такая закономерная случайность, благодаря коей живое продолжает существовать в данной форме и в данных обстоятельствах без серьёзных утрат. Это то, что оказалось вне нашего очевидного уразумения и при этом утверждает наше земное бытие. Очевидно, что, если счастливая случайность, как утверждение живого в данной сложной ситуации, может либо возникнуть, либо нет, то во Царствии Небесном, в царстве полного счастья, счастливая случайность или везение гарантирована каждое мгновение времени абсолютно на все сто процентов. При этом вне зависимости от порядка вещей и при любых обстоятельствах. То есть перед нами две край-

ности, между коими теплится живое в привычном восприятии. Тогда степень приобщения к Царствию Небесному становится определяющим фактором частоты появления счастливых случайностей в условиях жизни земной, оные исходят только от Бога и Его Райских Обитателей, как естественной среды обитания человека, в коей счастье уже не случайно⁴⁷¹ 333-03-471. (07.01.00) *Ведь по грехопадению эта нам естественная среда Рая так и остается условием жизни, а потому счастливая случайность так и остается востребованной жизнью, она есть условие её бытия в земных условиях. А в Раю не востребованы достоинства, способствующие успешному ведению борьбы за выживание, ибо там этого нет. Это-то и выразилось на природе человека, на его беззащитности.* Теперь остается пояснить, что такое случайность? Прежде чем ответить на этот вопрос следует ответить и на другой: какие бывают случайности? Случайности бывают хорошими или плохими. Как бы жизнь наша вся состоит из них. И тут тоже работает ещё один закон природы, описанный ещё древними греками: подобное стремится к подобному. Например, животные собираются в стада или группы по своему виду каждый; газы к газам; жидкости к жидкостям; твёрдое к твёрдому и так далее. Каким должно быть естество человека, чтобы к его подобию стремились бы ему подобные живые, счастливые случайности? Понятно, что он должен быть счастливым, причем только в Боге, должен быть уже при этой жизни жителем Царствия Небесного. Не потом,

не после смерти как воздаяние за подвиги, а уже сейчас должен жить тем миром и в том мире, и его природными реалиями радости. Ибо только в этом случае для человека после его смерти ничего не меняется и Царствие Небесное становится следствием. Жизнь – это река, сколько вод приходит столько без остатка должно уйти. Счастьем человек делится, которое он уже имеет. Это важное утверждение, которое позволяет понять поведение древних. Ибо человек собой единит две реалии: абсолютной везучести с абсолютной невезучестью. Ум во Царствии Небесном, тело во вне Оного и в то же время в Нем через ум.

Бытие людей может стать радостью лишь в одном случае – если человек уверенно видит своё будущее, если его не тревожит неизвестность грядущего, ему всё понятно и он ещё владеет самим собой²⁰⁰. Хотя это не корректное высказывание, ибо если ум находится во Царствии Небесном (человек способен видеть только то, что увидел в самый первый миг своего бытия, то есть то, что было заложено в него изначально, как основа, то есть лишь одно – Царствие Небесное), то есть в вечности, то ясной становится природа зрения – бытие во Царствии Небесном, которое адаптировалось в земных реалиях вот таким вот образом – в причинно-следственный механизм. Человек, как бы приобщается ко всей полноте счастья Царствия Небесного не сразу, а постепенно-последовательно вечно. Он следует туда, где эта ниточка Царствия Небесного непрерывна и он движется там, где непрерывна

эта ниточка во Царствие Небесной. Так уж получилось, что дано ему видеть и желать только то, что имеет жизнь в Боге, в которой он изначально был сотворен. Он может смотреть только в одну сторону и двигаться только в одном направлении, пребывая только во Царствии Небесном и в то же время только к Царствию Небесному через свое новое рождение. Это два крыла одного и того же. Это две составные части одной реальности⁶⁶⁶. Такова физиология человека и условие возникновения счастливой случайности, для обладающего тем набором своих абсолютно ограниченных достоинств, коими в этих условиях человек обладает (абсолютной незащищенностью). Человеку с его абсолютной уязвимостью во всем остается только лишь постоянно выбирать себе путь²⁶¹. (Вот какое определение финского феномена сису³³³.)

То есть счастье людей не в сытости и комфорте жизни, а в состоянии души, в более глубокой внутренней жизни людей – в уверенности в себе, обретенной через победное торжество над самим собой (везде надо добавлять, что с помощью Творца!), благодаря чему всё остальное обозримое ему также подвластно. А сытость и комфорт – лишь самые последние сопутствующие, прилагаемые и не самые важные, и в то же время востребованное дополнение для его счастливого бытия. Сытость и комфорт жизненно важны, но только для радости младенцев и детей, а взрослому человеку хотя и естественно жить теми же радостями младенцев и детей (это остается составной частью природы человека на всю жизнь),

но чтобы жить с ними необходимо пребывать в трудах в поте лица.

Состояние духа характеризуется поведением: либо победа над самим собой, либо избежав самое трудное бремя себя, совершить умный поступок и пойти более лёгким путем. Получается, что дураки всегда живут в трудностях – но живут и не ошибаются, а умные их избегают – и жить не хотят и ошибаются, ибо это вне логики вещей. Ведь, с одной стороны, исходя из приведённых ранее определений, жизнью является только бытие в трудностях. А с другой – в знаковых ситуациях не всегда есть выход из положения для умного, а тот, кто много терпел и понуждал себя – тот окреп физически и нравственно, и духом (пишет Н.М.Карамзин). А так как идти на трудности подталкивает любовь вкупе с интуицией³⁴² 1.0.2.-68.(6), то ко всем этим слагаемым нужно добавить ещё и способность выживать, ибо очень часто выход из положения требует идти на трудность, как прообраз Голгофы, а не обходить её стороной. Ведь сие важное обстоятельство дарует возможность свободно и легко стоять на некоторой тяжёлой точке хорошего обзора – на высоте, в пределах коей всегда трудно. (07.01.00) *Высота – это то самое место, с которой открывается вид на происходящее внизу³⁴², всё разрозненное сливается в одно единое целое гармонии. Между какими-то отдельно взятыми обрывочными понятиями, при созерцании сверху, вдруг просматривается связь и смеи-*

ной дурак становится «другом парадоксов»²⁰⁶. Тяжело дураку, но он благодаря этому видит и предвидит, он остается частью вечности, а так как он еще и силен, то этой тяжести просто не замечает, ибо для него это естественное, то есть является частью физиологии – также как простое пережевывание и переваривание пищи, когда-то в далекие времена становления цивилизации, было также огромной трудностью, но со временем стало привычным для физиологии процессом, то есть бытия человека в прообразе будущей Голгофы Сына Божьего – ведь стоять на узеньких стопах и держать равновесие и при этом удерживать голову на высоте – это самое трудное положение жизни, какое только можно вообразить. Но именно стойкость в этой позиции дарует возможность видеть мир и исходя из этого принимать правильные решения, воспринимаемые нами как счастливая случайность²⁶⁰. В этом прообразе утверждает себя всякое живое^{333,666}. Получается, что дурак – это есть самое совершенство, к которому стремится эволюция, ведь только в таком образе⁶⁶⁶ мы можем продолжать жить во Царствии Небесном в земных условиях²⁶¹. Тяжела жизнь на вершине, зато все вокруг оказывается в области радостного обозрения и тяжесть жизни для него – естественное дополнение его счастливому бытию. А именно эта тяжесть становится относительной, а потому не становится трагедией. Он не умирает, а живет на Голгофе в тяжелом процессе. Каждый самый

ленивый во время сна несёт какую-то тяжесть жизни, только он её не воспринимает как тяжесть, но это не означает, что её нет совсем – она постоянно восполнением растроченных сил просто хорошо адаптирована под возможности тела быть в таком образе, то есть относительно. Когда-то процессы, происходящие в физиологии, были трудностью, но в процессе эволюции они стали частью физиологического процесса да так, что это позволяет ему даже спать и жить во сне. То же самое происходит с человеком, когда он пребывает в жизненном цикле. Человек совмещает сон с тяжестью жизни. Он, пребывая в молитвенном единении с Богом, испытывает экстаз и уходит душой и сердцем из этого мира в естественный ему мир счастья. При этом совмещает две крайности бытия в себе: тяжесть трудной жизни и радость Царствия Небесного. Благодаря этому человек становится Богом по Благодати Духа святого.

Человек несет в себе образ Всевидящего, а не всеумного. Он, встав на две узенькие стопы в таком вот шатком образе избирает удобный себе путь. Просто так радостнее, так видно Солнце. Совмещает трудное и безумное с умным, ибо гораздо менее энергозатратно и в большей устойчивости просто иметь вид червя, но мир тогда показывает свое обратное лицо, обратную сторону себя, заслоня лучи Солнца. У него нет радости духа. Умный наряжено думает и «ломает голову» над тем, как все устроено, а дурак просто это устройство видит с высоты и, так как он видит, то не пытается

ся сделать расчеты верного пути, следует по той дороге которая наиболее свободна. То есть видящий путь в отличие от того, кто просчитывает, не ошибается – потому и везёт всегда. А так как он не ошибается благодаря своему дару видеть путь, по коему он «следует на праздник Опресноков с кувшином воды в руках», то и нет у него каких-то достоинств, благодаря коим он может жить даже ошибаясь – нет никакой защиты, кроме ясности ума и дара видеть. К примеру, вы заметили яблоко на дереве и хотите его сорвать – вы идете на трудность осознано причем по той дороге, которая наиболее удобна для специфики нашего тела, ибо видение лучшей участи или чего-то несущего в себе образ Царствия Небесного через Голгофу и потому толкает людей идти на самопожертвование. Этот момент выразился в течение всей истории человечества – человек сорвал яблоко, а потом постоянно гнался за трудностями жизни и шел по удобному для себя пути, он всегда искал свою вершину – свою Голгофу жизни, как естественную потребность(!), активированную общением с Богом, где без усилия воли, сам того не замечая, во время богообщения побеждал себя, свою греховную природу, благодаря чему ему открывалось видение низлежащего мира и он обретал возможность созерцать верные пути, и брать в свои руки начала всех явлений. Тот, кто на вершине – тот видит всё и он «гений парадоксов друг». Кто под ней – ничего не видит и жизнь его сплошной «и опыт сын ошибок трудных». Просто каждый выбирает тот путь, который оказался

в его области обозрения и в сфере его функциональных возможностей²⁶¹. Понятно, что побеждает тот, кто, даже при относительно малых функциональных возможностях, обладает большим выбором путей решения проблем и задач. Что также выразилось на природе человека эволюционно²⁷³.

Так что же такое случайность? Случайность – это первые сигналы обозримой неизбежности. Если вы, к примеру, зашли в воду, то не надо говорить о том, что стали мокрыми случайно. Если вы чистые сердцем, то автоматически всегда будете жертвовать всем нуждающимся, будете не хитрить, а откликаться на любую просьбу, будете отдавать, а это и есть страдание, только в радости оно не воспринимается таковым – прообраз уверенного восхождения на свою Голгофу. Такова эволюция становления живого, при которой высота дает поле обзора, в котором лучше всего обзревается Солнце и открывается верный путь²⁶⁹. По этой причине то, что для человека-материалиста невообразимая случайность, граничащая с чудом – то, для пребывающего на высоте обозрения является закономерным и обыденным, нормой физиологического процесса, в коем случайность гармонично вписывается в общий план. Когда случайностей становится много, тогда появляется новое понятие. Таким образом, та самая невообразимая случайность, благодаря которой появился человек на планете Земля или даже чудо, на самом деле, – естественное течение событий и обязано сво-

им бытием Божественному замыслу. Следуя тому же изначальному первопринципу зарождения Вселенной жизнь ваша станет сплошной счастливой случайностью, ибо дуракам всегда везёт – они, хоть и глупы, но счастливы и в то же время видят перед собой дорогу в будущее. Это неизбежно и каких-то особых чудес тут тоже не наблюдаю. Просто жизнь так устроена, что либо надо самому жертвовать ради её торжества «в поте лица», либо ради своего торжества она сама возьмёт у нас всё ей необходимое, но только теперь уже насильно. В первом случае, бытие становится везением, во втором – трагедиями, которые мы воспринимаем как невезение и травма психики. Если опять вернёмся к трудности бытия, то дадим адекватное определение невезению – это попытка вернуть человека на исходное, в естественную ему сферу бытия – на прежнюю высоту вершины помимо воли самого человека, из-за чего человек получает душевный удар. Только и всего. Как можно назвать везением то, что человек стоит на ступне, у которой кожа толстая – счастливое совпадение? Ведь в иных частях организма толстой кожи нет. А если человек окажется в таком положении, когда будет касаться земли иной частью тела, где кожа тонкая – тогда как? Это уже будет невезением или болью, стимулирующей к возвращению на исходное⁶⁶⁶. (07.01.00) *То есть быть в положении стоя – это естественное 33,666 и при этом сообразно Голгофе Христовой самое трудное³⁵⁴, но радостью эта трудность скрадывается, становится ча-*

стью физиологии и именно стоя человек, высвободив руки, имеет возможность творить, делать самые важные свои дела. Получается, что человек несет в себе некоторый оттенок Царствия Небесного, как раз образ счастливого случая, который востребованным оказался в земных условиях. Именно по этой причине, это новый образ бытия во Царствии Небесном, а потому, чтобы не был нарушен Замысел о человеке, Бог заповедал в поте лица добывать себе этот хлеб насущный, дающий жизнь и, который мы, отпавшие, называем здесь везением. Таким образом, мы вновь понимаем, что человек до грехопадения и после него – один и тот же и ему естественно и надо жить только в прежней радости Царствия Небесного, адаптировано к данным условиям жизни. Эти вещи следует говорить таким языком современных понятий, чтобы быть понятным. Приходится прибегать к иным религиозным системам, чтобы раскрывать свойства иных граней внутреннего мира человека и на этом новом языке понятий свидетельствовать о том, что такое богообщение и человек в единстве с Творцом 333,666,777.

Человек изначально жил в Раю и к этой среде жизни он был приспособлен чистотой сердца (по образу Божьему от постоянного внимания на Него), а потому его везде преследовали счастливые случайности и он даже не воспринимает сие как случайность, также как не воспринимает случайностью деторождение или дыхание. В последующем после грехопадения времени, человек оказался в некоторой яме гре-

ха, в которой Истина теперь не вокруг, как прежде, а сияет лишь с одной стороны, а потому всеобъемлющность мировосприятия в прежнем виде ушла и человек получил иной вид мировосприятия – стал наделен только одним направлением движения, может смотреть только в одну сторону и мыслить только что-то одно^{272 (и 432)} 1.0.2.-68. (б) – куда-то ещё идти, кроме как во Царствие Небесное и по просторам Царствия Небесного, человеку не дано и нет смысла искать чего-то иного. Более того, он туда даже и не может идти, и никогда не ходил и ходить не сможет, и не будет. А потому человек, хотя и призван пребывать во Царствии Небесном, но все равно несет в себе образ того, с кем он общался^{333,666} – печать змия³⁰⁶. Таким образом, после грехопадения человек обретает образ счастливой случайности совсем иной, не такой, как во Раю, но теперь уже адаптированный для жизни в тяжелых земных условиях. Что такое грехопадение? У каждого живого существа есть глаза и Бог смотрит на мир через эти глаза, в противном случае, согласно нашим умозаключениям, живое существо зрением бы не обладало. Бог этими глазами смотрит и заглядывает в самые отдаленные уголки. Беда человека в том, что он принял образ созерцания мира и мировосприятия с противоестественной себе позиции – принял точку зрения ползающего на брюхе по земле червя. Человек стал видеть сам и убрал возможность Богу⁽⁰¹⁰ – 914стр) этими глазами смотреть на мир. Мир повернулся к

человеку тыльной стороной и теперь цветы мира он созерцает с противоположной стороны – снизу. Цветок же поворачивает соцветие свое в сторону Бога. Теперь, чтобы обрести прежнюю радость, человеку надо подниматься над этим миром, поближе к Богу на Вершину сообразной Голгофе Христовой и этот момент обозначился впоследствии эволюционного становления⁶⁶⁶ на самой физиологии человека. Это ключевой момент эволюции³⁵⁴.

Но, следует сказать, что человек каким бы он богоподобным не был, но все равно влияние первородного греха сказывается на его бытии и потому каждый из нас оказывается в области досягаемости для покушения на его радость жития, а потому неизбежно эволюция шла именно так, что живое ко всякой несчастливой случайности становилось все более и более адаптированной, то есть всякая грубость по отношению к жизни встречала свое противоядие, свою ступню с толстой кожей в организме человека. Так-то жизнь всех бьёт одинаково, просто для одних это рабочий процесс, рабочая повседневность, обстановка, реальность и часть физиологии, а для других, всех остальных становится сломленной судьбой и невезением и последние уходят в небытие. Таким образом, в этой Вселенной нет ничего такого, на что человеческая природа не имела бы своей ответной защитной реакции. Даже на температуру в миллионы градусов.

1.0.2.-69.-д. Если ближе всего к небу находится голова, то автоматически стопы ног будут соприкасаться с землёй.

Это, как прежде сказано, уже не случайность, а реальность и закон торжества Правды Божьей²⁷⁴. Земля из всей прочей окружающей среды наиболее опасна для вечности земной жизни, ибо в ней более всего болезней, грибков и опасных насекомых. Но в процессе эволюции сложилось именно так, что кожа ступней твёрдая и наиболее адаптирована к этим воздействиям. То есть счастье человека – это ежедневное победное торжество над собой, пребывая во внимании Богу. Тем самым блюсти Богом откровенный порядок в условиях земных, при коем все занимает своё естественно-адаптированное к нагрузкам место²⁷⁴, ибо каждой опасности и каждому покушению на природу человека в организме соответствует своё эволюционно сложенное противоядие (и оно должно быть на своем месте в нужный момент). И нет в этой Вселенной чего-то такого, чему не сформировалось своё противоядие на протяжении мириад лет. Если высшая инстанция в природе человека находится в естественном для самого человека и бытия всего вокруг – единении с Высшей Инстанцией Вселенной, то автоматически всё остальное также занимает своё естественное место – человек вновь обретает образ Царствия Небесного в земных условиях в прообразе счастливой случайности. И даже самая страшная Голгофа теперь уже имеет свою ступню и даже в этом случае счастье человека не разрушено и святое Воскресение Христа – на самом деле естественное положение вещей для Бога и естества мира, только воспринимает-

ся посредством ограниченной пораженной грехом природы как зло и чудо. Просто что-то иное – погибель, даже если всё вокруг роскошь. Такое вот Православие и именно в этом значимость его для утверждения экономики. Нужен труд молитвенный в активном сопряжении с физическим, то есть труд в такой кондиции, при коей человек может пребывать и на самой высоте над обозримой вселенной, как естественное состояние для души, то есть организма человека, возникшая в самом начале времен. Стоять либо на земле, либо на производствах с горячим стажем, возле мартена, либо на боевом посту – на всё это «бремя Мое легко есть», если единственное условие соблюдено, то есть если самая высшая инстанция в человеке – в естественном для неё месте, то есть находится в единстве со своим подобием во всей Вселенной, то всё остальное неизбежно занимает также свое естественное место, ибо для всех воздействий стихии имеется эволюционно сформировавшееся противоядие или стопа²⁰¹, наиболее адаптированная к такому воздействию или яду. Это выглядит как везение, как счастливая случайность совпадений-ответствий³³⁷, хотя на самом-то деле все неизбежно и закономерно. Таким образом человек в образе Божьем призван соединить радость Царствия Небесного с бытием этого мира.

1.0.2.-69.-д(1). Мир создан Богом и человеку естественно быть только в Нем. Если мы начнем рассуждать об этом же в иных критериях, а именно в критериях счастья, то всякое воздействие исповедует только это положение вещей, а

потому становится не покушением на радость, а её усиливающим стимулятором, при условии, что разум пребывает в естественном ему единстве с Богом. Это только тогда воздействие становится покушением на здоровье, когда единство с Творцом нарушено. Тогда воздействие становится уже диаметральностью – болью, воздействием, травмирующим психику и всю природу вообще. Тут либо с Богом и все есть, либо не с Ним и вообще ничего нет. Ведь из-за немощи человека, единство разума с Богом без такой спасающей стимуляции приводит к деградации веры, ибо без черного нам не понять что такое белое, без темного стекла все вокруг свидетельствует о себе, как об источнике света, из-за чего мы путаем настоящий прямой свет от Солнца с отражениями его. Поэтому хорошие условия тяжелого физического труда с высокой техникой безопасности, в чистоте и уюте – это совсем не одно и то же с хорошим бытом отдыха. Жизнь – это полнота богообщения, а потому комфорт полноты жизни – это комфорт физическому труду. Просто хороший быт без своего покровительства живому, то есть прообразу Голгофы Христовой – это грех, также как нож в руках преступника – опасность. В этом труде не призываю к восхождению на Голгофу, ибо всё уже исполнилось. Но вести образ жизни сообразный восхождению на Вершину вершин, быть постоянно сопричастным к этому Подвигу бытия в счастье должен каждый, но только в соответствии со своими природными и другими возможностями и в соответствии с профессиональным

долгом. Ведь даже дыхание и биение сердца человека сообразны восхождению Христа на Голгофу, почему мы должны изменять этому основному принципу жизни? Подвиг несения Креста надо адаптировать в уникальной специфике профессиональной деятельности, ибо Подвиг в прообразе Голгофы Христовой – само естество бытия. Это естество бытия живого, а не смерти, а потому Голгофу надо ассоциировать не со смертью, а с жизнью. На Голгофе надо жить. Перед нами новая реалья, в коей одно противоречие дополняет другое в прообразе того, как человек в процессе эволюции «предпочел» прямохождение с трудным хождением на ногах логически выверенному и более удобному безопасному полнаию на чреве червя-искупителя. Человеку так радостнее жить и более ничего за этим не стоит. Хотя он в процессе своего шествия по путям своим выбирает удобоприемлемую дорогу, чтобы случайно или нечаянно не расплескать содержимое своего сосуда, кое он несет на свой Праздник Опресноков. Господь пребывает на Голгофе, ибо теперь уже так больше радости. Эту грань важно подчеркнуть, ибо в наше время идет перенаселение и как совместить одно с другим? Православие не призывает что-то менять формально во всех структурах общественной жизни, то есть пусть вообще ничего не меняется, но призывает только делать это лучше и при этом в обязательном порядке никак не стяжая силу воли. Тот маленький младенец, которым был каждый из нас, так и остался самой важной частью нашей природы на всю

жизнь и он, по меткому замечанию Ф.М.Достоевского, не должен плакать в нас. Любая нагрузка, пусть даже сверхтяжелая и связанная с огромными лишениями, должна быть в пределах возможности терпеть младенцем. Это трудно понять, но такова реальность человеческой природы – она должна вместить в себя все крайности и оставаться в пределах слабости новорожденного. Иначе – это покушение на самую важную в нас природу, которое заявит о себе много времени спустя. Оставаясь младенцем, человек должен исполнять свой долг, он относится к своим государственным, общественным делам лучше и с любовью. Быть младенцем – это одна из самых важных граней человеческой радости. Она наиболее значимая. К сожалению, очень часто мы приобщаемся к этому Священному Таинству без радости в терпеливом несении скорбей и понуждений, в ожидании лучшего в скором или далеком будущем – такое причастие будет в осуждение и даже грехом. Человек не должен ждать, а уже прямо сейчас пребывать в естественной для себя радости Царствия Небесного. Даже если богат человек, то все равно он нуждается в радости, с помощью которой и в пределах которой можно пребывать в ограничении приема пищи или каких-то иных формах аскезы. Аскеза – это не упражнения выработки силы воли, а под наблюдением опытных духовников Церкви – это ещё одна возможность испытывать иную высоту радости и жить в ней. Вне этой радости аскетическое делание становится грехом и даже преступлением перед самим собой и

своими близкими, а потом даже перед человечеством. Человек идет «не против крови и плоти», а против противоестественного для неё бытия без радости в Боге. Итак, самый важный замысел этой книги – доказать, что *подвиг творится не усилием огромной воли, что есть грех, а радостью в Боге*²⁷⁵.

1.0.2.-69.-е. Так как жизнь – это не закон, а присутствие Бога, явленное нам земным во множественных проявлениях форм счастья в полном согласии с законами природы, то счастливая случайность всегда есть утверждение ничего иного, но только одной сополярности нам бытия – живого, а потому может иметь место только там, где присутствие Божественной Сущности имеет место быть, там где Она имеет свое живительное влияние. Тогда закон будет работать, как утверждение Сущности в данных реалиях, будет вспомоществовать утверждению живого в данной реалии, просто свидетельствуя о присутствии Творца, как трансформация Божественного, а именно Его Сущности в окружающий мир. Это и есть везение, как чудо торжества жизни там, где, казалось бы, она в прообразе Голгофы Христовой просто невозможна⁷⁷⁷. Если нет Божественного присутствия, то и тот же самый закон уже работает совсем в иную сторону – уничтожает жизнь даже там, где казалось бы смерть невозможна⁷⁷⁷. Так как Энергии Духа Святого есть жизнь, то даже смерть становится счастливой случайностью, ибо она есть переход к более совершенному бытию, как совпадение воле

Бога, самого человека и даже дьявола. Смерть – это последняя жертва самого себя, расставание с прежними формами приобщения к тем же самым радостям жизни, то есть отторжением всего того, что уже начало сковывать в богообщении растущую духовно душу и то, как этот переход происходит в самый ответственный момент и то, насколько он естественно вписывается в самый этот образ повседневной жизни умирающего, свидетельствует о многом. Если человек также осознанно это делает – ради того, чтобы всем было хорошо, как акт служения, то он утверждает для себя привычное ему – следующую счастливую случайность, благодаря которой он остаётся жить во Царствии Небесном²⁷⁶. Если он цепляется за все и всех ради самого себя (ищет каких-то доноров соков жизни), если он в тревоге – это означает, что душа его видит под ногами пропасть, свою погибель, с тем багажом грехов остаётся в этой текущей пучине всеобщей противоестественной жизни относительности, а потому испытывает панический страх – просто природа при жизни является либо частью вечности, либо временной формальностью перед бездной, то есть этим видит грядущее и её не обманешь. Просто жизни быть донором естественно, а смерти и омертвелому естественно быть вампиром, а если душе естественно жить за счет кого-то, а там уже, в этой бездне не будет этих доноров, отдающих соки жизни. Это всё перечисленное есть критерии, позволяющие судить о мощах усопшего человека, как о двери, коя есть либо проводник в

жизнь вечную, либо туда или в ту сторону, откуда либо адская бездна веет своим вечным холодом, либо Сущность Божественного оказывает на нас живительное влияние²⁰² и мы замечаем, что нам начинает везти. А так как мощи усопших – это только лишь путь эволюционного становления, то есть некоторые врата, через которые поступает реальное обозреваемое неуничтожимое влияние²⁰³, то отсюда следует, что самая реальная и настоящая жизнь находится не здесь совсем – не на Земле, а там, в загробном мире, влияние Сущности которого так хорошо созерцается здесь в этой жизни опосредовано мощей усопших и при этом только праведников. То есть в этой земной реальности все такое шаткое и временное только лишь по той причине, что является противостоестественным вечности и абсолютной устойчивости и постоянству окружающего бесконечного пространства, неуничтожимой Божественной Природе вечного. Хорошо адаптированное под естественные требования людей влияние Божественного исходит от мощей усопших праведников, а потому именно они обеспечивают жизнеутверждающее везение и государственное устройство! Таким образом, понятие «везение» – это специализированный инструмент распознавания Божественного присутствия и мера святости. Настоящее наследство ребенку – это не деньги и не хоромы, а именно то самое – родители должны попасть во Царствие Небесное после смерти, чтобы влиянием тянуть своих детей к подвижничеству. В противном случае, если родители попада-

ют в ад, то детям их приходится туго. Они не могут противостоять трудностям, много пьют и впадают в иные искушения. Это открыли древние люди, о чем свидетельствуют археологи^{333,666}.

1.0.2.-69.-ж. Можно рассуждать несколько иначе. Известно, что жизнь наделена свойством проводить Энергии. Если Бог действительно есть, то, что нам передается от Него по наследству от родителей? Наши родители, согласно определению живого, могут дать нам естество Божественного дыхания вечной жизни, которая в природе воспаленной грехом в земных условиях наделена свойством временности, ибо вечному здесь в земной реальности быть вечно противоестественно. Временность, как бытие, также имеет различную степень подобия Божественному в самом процессе воздействия. Мягкая ткань временна в одном, но вечна в другом, в то время, как кость сохраняется более продолжительно в другом, но временная в ином. Божественное же наделено свойством абсолютной вечности во всем, а следовательно, мягкая ткань и прочная кость – разные образы выражения одного и того же, вечности. С одной стороны, различные образы постоянства, различные жизненно востребованные способы свидетельства о свойствах Абсолюта, в совокупности гармонично дополняющие друг друга образы торжества жизни. А с другой, свидетельства о поражении первородным грехом, ибо несут в себе уязвимость перед силами разрушения. По определению Божественное всегда неуничтожимо есть, а потому,

если что-то передается по наследству, то в первую очередь только это – Божественное, Его твердость, как один из многих прообразов постоянства Его, в ещё одном его выражении, коим является радость о Господе. Божественное одной только чувственной природой в абсолютной полноте распознать невозможно. Что-то в Нем мы можем распознать. И это Его что-то можно разглядеть тем, что имеет Ему подобие в нас – умом через Его промысел (в образах структуры бытия) и Его Благодать Духа Святого душевной радостью. И, исходя из этого, если Божественное реально существует, то неизбежно должно быть желанное как счастье и должно быть получено по наследству от родителей, как Образ Его, явленный в эволюции. И не только как неуничтожимое, но и как функционально востребованное, ибо сие есть Божественное по определению. То есть по определению самой физиологии человека это такие же соки жизни, которые мы получали от матери через пуповину, а точнее они там присутствовали и не могут быть прерваны после родов – это также по определению о Творце. Если пуповина, питающая младенца во чреве имеет временное бытие, то, далее, посредством материнского молока осуществляется более продолжительное донорство. И далее до 16 лет родители кормят ребёнка, после чего он выходит в мир и на этом, следует сказать, что, так как донорство – свойство Божественное, то в категории временности оно не существует, а потому по Закону Сохранения никогда не заканчивается и постепенно все полнее по-

казывает Свой Лик то в одном, то в другом, переходя в естественное Себе – в реально вечное и наиболее всеобъемлюще полное. Природное, как потребитель, имеет временное бытие, а духовное – вечное и непреходящее, как вечно источающее самоё себя. То есть согласно определению о Природе Творца и согласно свойствам Его Естества, кои непреходящи в Законе Сохранения, родитель не перестает кормить дитя даже после своей смерти, продолжает передавать Божественное, но теперь уже каким-то таким носителем, о коем сложно говорить, ибо он становится богоподобным после того, как родил и продолжает его рождать во веки. Человек пришел из небытия в бытие опосредовано родителей своих и должен пребывать всегда в единстве с тем же самым чувственным небытием-донором через них же и даже после пребывания родителей на земле^{333,666}. Таково проявление Закона Сохранения. Иного чего-то, кроме родства с Богом через своих мать и отца, как маршруты прохождения Божественного из Царствия Небесного к нашей современности, человечество не ведает и ведать не может, также как рыба в реке не ведает иного пути в океан, кроме движения к нему по самой реке. Дело все в том, что Божественное абсолютно велико и Его влияние через родителей не рвет природу человека, возрастание происходит к Его величию удобоприемлемо, так как наиболее адаптировано к потребностям ещё пока живущего человечества на Земле в данный момент. Родители продолжают свое то самое дело, когда будучи ещё совсем моло-

дыми, они прежде чем положить в младенческий рот продукт питания предварительно жуют пищу. Потом мы уже будем делать то же самое своим детям. После смерти функция сия родителей не заканчивается и Божественное излучается опосредовано их мощей в том же адаптированном к нашему ослабленному грехом естеству качестве – так возникает свидетельство о какой-то степени близости ко Творцу, обозначенное на понятийном языке людей инструментами счастливой случайностью. (Согласно этим суждениям получается, что колдунам и ворожеям лучше детей не иметь, ибо проводят влияние ада). (07.01.00) *Именно по этой причине, измена Родине было осуждением человека, ибо это измена своему роду (Родина и род имели тогда один и тот же смысл). Нельзя уходить далеко от родных могил. Нужно очищение себя от той грязи, которая засоряет связь со своим родом. Женщина, носящая в себе плод, бережется, ходит там, где безопасно для ее будущего малыша. После рождения младенца, она продолжает нести его в себе и тоже продолжает беречься, хотя уже как-то иначе, то есть этот подвиг имеет уже иной вид, но тоже в Законе всеобщего Сохранения она по-прежнему связана с ребенком пуповиной и все ее мысли и весь ее мир продолжает жить именно этим убережением своего плода. Это образ подвижничества жены и оный есть путь Богородицы. Любящая мать, чтобы сберечь свой плод также продолжает ходить удобными безопасными тропами. Только в ином прообразе. Она начинает пони-*

мать важное, что для того, чтобы беречься ей лучше воздержаться от посещений некоторых заведений, избежать общение с плохими людьми и кое где для движения вперед нужен пост и молитва особой силы. Муж иначе утверждает вечность. С одной стороны, он должен быть помощником своей жене беречь свой плод всю жизнь. А с другой стороны, Бога не достать, а потому Его Сын, даже пребывая в земных условиях будет всегда ходить мимо смертельной опасности и даже, будучи распятым на Кресте останется жив. Подобное живет по Закону своего Подобия, от Коего рождено. Это иной путь и когда оные находят одну общую точку соприкосновения, то великий праздник во Вселенной. Праздник вечности. Любящее сердце ищет этот путь и найдет.

1.0.2.-69.-3. Сам по себе родитель может быть проводником только лишь Божественного для своих детей – чего-то иного, повторяюсь, нет в бытии. Дело все в том, как мы это Божественное ребенку преподносим. Удобоприемлемо ли для него, способен ли он это потребить и освоить. Также следует сказать о том, что если что-то и есть от инородной Богу, временной природы, то оное не задерживается ввиду своей временности и уходит. Нам до него дела нет. Остается только непреходящее Божественное, а потому ничего более кроме того, что дает Творец, он давать своему дитя не может. После грехопадения человеку, чтобы давать только доброе (а значит и удобоприемлемое) своим детям, пришлось отделять доброе от злого. То есть мы все несем в своих руках

этот плод познания добра и зла, только теперь, чтобы быть приобщёнными к добру, следует его отделить от злого. Только в этом случае дитя сможет жить. С момента грехопадения это становится самым важным земным делом. Ради этого работает в человеке пищеварительная система, ради этого мы готовим пищу перед едой, ради этого мы вычленим из вселенной и заготавливаем стройматериал (чтобы строить жилище), ради этого мы создали научно-техническую революцию, ибо плодом познания добра и зла стал весь мир. Так вот отделяя доброе, то есть Божественное, от всего остального, мы не разрушаем мир Божий, а просто выделяем какую-то грань его полноты, чтобы соделать эту всю оставшуюся полноту удобоприемлемой для усвоения. И все. Нельзя порвать образ Божий в человеке. Вся оставшаяся грань той же самой полноты Божественного потом войдет в человека и также удобоприемлема. Мы даем это детям и учим их тому же самому, чтобы они делали это же только уже для детей своих⁴³⁶. Следовательно, чтобы познать мир и вычленим из него Божественное, нужно уже иметь и нести в себе ту самую частицу Божественного, чтобы посредством её видеть все то, что несет Ему подобие, характерные для личности очертания. Эта частица была вдунута Богом в лицо Адама и через это реальное приобщение к Божественному, человек имеет понятие о Божественном причем реальное, а не ритуальное, фиктивное, бумажное, напускное. Вот именно это естество передается нам от наших родителей – Божественное дыха-

ние жизни, доставшееся от первого Адама и оно, как свойство Божественное, является непреходящим. Бог «... Дух дает во главу человека, ибо через Духа мы видим, слышим, говорим». (св. Иринея Лионский «Против ересей» гл.5, 20:2). Оно дано нам навсегда и именно опосредовано оно, мы можем распознать Божественное вокруг нас и потом умом выделить Его из стихии. Ум нам дан только для этих целей. Просто личность – это священо, ибо только она способна беседовать с Богом.

Исходя из этого перед нами предстает схема-образ богообщения. Если мы готовы к этому, то оно всегда удобно-приемлемо. К примеру, в 67 году после Рождества Христова Иоанн Богослов слышал Речи Бога, а в этот момент его спутнику открыто было иное – пребывал в страхе от того, что земля под ногами тряслась и гром, и молнии сверкали вокруг. Иоанн просил его, чтобы он записывал все то, что он в этот момент произнесет. Так появился на свет «Апокалипсис» от Иоанна Богослова. Также мы видим, что в момент распятия Сына Божьего люди видели одно, а на самом деле происходило другое – с одной стороны, посредством природы, воспаленной грехом, люди зрели мучающегося на Кресте Христа, расколовшуюся землю надвое и свет угас с 6-го часа по 9-й, а на самом деле это было богообщением в таком вот противоестественном нам грешным образе. Или явление Божьей Матери Тамерлану спасло Москву от разорения и опустошения, а в самой Москве встречали Владимирскую икону

Богородицы с трепетом духовным и восторженно. С другой стороны Богоявление во время Крещения Иисуса Христа, во время коего народ удобоприемлемо узрел Бога Святую Троицу²⁷¹.

Нам несущим в себе поражение первородным грехом, без очищения посредством слезного покаяния, Божественное всегда предстает в том образе, который соответствует степени нашей духовной нечистоты – мы ищем в Нем нечистоту и потому не так понимаем язык Творца посредством Его проводников. И это, к сожалению, становится тем ядом, который уносит жизни людей⁶⁶⁶. (Просто некому было этот яд превратить в продукт). Нужно уподобиться Богу, чтобы понять Его речь, чтобы даруемое Им для спасения, не стало убийством. Нужна очистительная жертва, нужно покаяние, что есть Дар Божий. Бог велик, а потому всякое общение с Ним всегда будет нести именно эти образы – все разрушается для построения нового более совершенного образа свидетельства о Творце. Без этого процесса постоянного перестроения жизнь, как сущность, причем только и только Божественная, пребывать в земных реалиях не может. Именно по этой причине, все вокруг нас – это есть постоянное возрастание, в коем все и становится и разрушается одновременно, то есть делится на прошлое и будущее. Нам нужно поспешать за этим перестроением и вновь и вновь отбрасывать старое, уходящее в прошлое. Это есть одна из граней покаяния^{333,666}. В противном случае, мы рискуем навсегда

остаться с прошлым и в прошлом. Мы, созерцающие мир посредством природы воспаленной грехом, вместо того, чтобы видеть в новом перестроении более совершенное свидетельство о Боге, мы видим разрушение и деградацию – это цепляет нас за собой, а потому пугает, вводит в уныние и печалит. На самом деле это естественно Богу – разрушать все то, что против Его, против Его радости и нас в том же числе, если мы попали в эту область и утратили себя как личность перед Богом.

1.0.2.-70. Бог велик абсолютно и познание Его из-за этого невозможно, а с другой стороны, познание Творца – жизненная необходимость. Точнее это познание происходит каждое мгновение бытия человека на Земле. Вопрос лишь в том, что очевидно в земных условиях во всей абсолютной многогранности Господа³⁵⁰ Его порядок возникнуть не может, хотя он есть. Поэтому непорядок воспринимается нами как хаос, о котором свидетельствует Священное Писание. То есть в земных условиях после грехопадения «лишь бы все было хорошо и всё жило, не важно каков порядок вещей» Царствия Небесного уже не работает, хотя и остается самым важным. Нужна постепенная удобоприемлемость Его выражения в земных реалиях. То есть, чтобы сложилось жизненно важное единство по подобию живому Богу, необходимо соблюсти условие подобия Ему. С другой стороны, опять же, бытием наделено только Царствие Небесное, вне Оного нет ничего вообще. То есть человек так и остался насельни-

ком Царствия Небесного и Божественных Обитателей. Растение мы называем цветком, даже если оно только-только начало пробиваться сквозь почву. В этом же прообразе мы даем имя Обителям Бога, только на своем понятийном языке. Чтобы понимать о том, что вокруг нас Рай, мы должны быть абсолютно едиными с Богом, то есть просто жить, ибо жизнь – уже есть процесс возрастания, лишь бы он был непрерывный до самого-самого и бесконечно, когда единство с Ним⁴³⁴ становится визуальным 333,666,777 – до свершения полноты времен. Только благодаря этому мы подобны Ему во всех иных гранях природы: единство трансформируется в последовательную непрерывность⁴³⁴ и становится еще одним именем оно, в коей что-то жизненно востребовано в первую очередь, а что-то потом. Он, Творец – есть постоянство бытия и вечность или непрерывность – иное имя этому свойству Его, которое выражено во всем том, что Ему подобно. Его творчество – это излияние Его энергий в Его прообразах. Именно по этой причине все вокруг наделено устойчивостью, ибо устойчиво само излияние. То есть источник этой устойчивости сам по себе стабильный. Если вы бросили камень в ручей, то на какой-то миг всплеск воды нарушил общий ток, но затем опять все восстановилось. Начало начал ручья где-то в верховьях, сокрыто для воздействия. В этом же прообразе все остальное. Иными словами, то, что Бог вне досягаемости для нас – в этой нашей спасение. В этом же прообразе каждая грань Его специфично в данный момент

утверждает непрерывность жизненной нити, в итоге чем и приобщает нас к вечности и, в принципе, именно благодаря этой причине инородного природе вещей во Вселенной ничего нет. Ибо даже все то, что инородно, то инородно только потому, что стоит не на своем месте жизненного приоритета востребованности, то есть вне естественного порядка вещей. А так эта инородность остается творением Его. То есть тут жизнь получает новое имя – субординация порядка вещей, в коем звучит имя связи межличностных отношений «я тебя люблю». Сам по Себе Творец – это, по определению, абсолютное постоянство, неизменяемость во всех отношениях, а потому именно это качество адаптируется теперь уже в ином ракурсе – в цепочке последовательного развития-становления-возрастания, которое физики называют Законом Сохранения Божественного единства или ещё можно сказать образа, то есть распознаваемой нами непрерывности-нераздельности²⁰⁷. Иными словами, Божественная энергия похожа на клубок ниток, который, не теряя образа Божьего в в одном, не теряет Его образа в другом в пределах Закона Сохранения Его бытия. А именно в свойстве цельности-нераздельности шара, превращается в постоянство иного ракурса – в непрерывность нити. Перетекает и потом опять становится клубком ниток, скручиваясь в шар вновь, то есть из Солнца потомком солнечного света постепенно и последовательно трансформируется в самые разнообразные красоты мира (одежды Его)²⁷⁷. После грехопадения человечество име-

ет возможность приобщения ко всей полноте Божественного только через эту нить неразрывной последовательности, постоянно вычленяет её из всего того, что попало в поле зрения человека как хаос, разматывая весь клубок вбирает в себя всю полноту. В пределах ее формируется вся физиология человека, составными частями коей являются все грани Вселенной. Ныне, это обрело новые высоты совершенства, оформившиеся в НТП. (Только опять же если не происходит нарушение главного принципа удобоприемлемой нежности, когда человек берёт от жизни в допустимых пределах). В этом же прообразе, мы передаем своим детям эту Божественную нить, которую приняли от своих родителей, уподобляя свое бытие Богу в образе родовой цельности, благодаря чему человечество имеет способность отделить живительное для себя Божественное от инородностей Ему – тем самым создаем себе удобоприемлемые условия быта для богообщения. Именно этим самым качеством наделены мощи усопших праведников, от которых исходит Божественное веяние. Ведь наша жизнь – это тот самый постоянный поиск Божьего жизненного непрерывного, кое имеет место быть во всем остальном временном, омертвелом, безжизненном. Это тот самый труд в поте лица, о коем заповедано Богом после нашего грехопадения, только выраженный не только в данном привычном для нас понимании, а также на самой природе нашего организма, который тоже «трудится в поте лица», перемалывает продукт²⁰⁸, адаптирует его под нашу воз-

возможность освоить энергии, высвободившееся от переработки этого продукта. Просто Божественное переработанным быть не может ни временем, ни чем-то там ещё, но переработанными могут быть только носители Его⁴³⁰. Именно по этой причине мощи святых праведников, с которыми мы имеем дело, имеют именно этот вид носителя, вид тождественности вечному, вечному постоянству в чистом виде. То есть мощи перед нами иного вида иметь не должны. Только этим своим присутствием помогают нам не утратить это важное качество – не спутать нетленные плоды Божественные с теми, которые нам преподносит дьявол в самых различных перевоплощениях.

После грехопадения, для человечества ничего не изменилось, оно так и продолжает лицезреть Творца и слушать Его Речь абсолютно всеми гранями природы, в том же числе позиционируя теперь себя в иной точке мировосприятия – естественного для змия-искусителя. Теперь он смотрит на мир с иной стороны – не с той, с какой мир старается показать себя Богу (с тыльной). Понятно, что у всех растений мира эта сторона не самая лицеприятная, но она также является проводником Божественного. Этот носитель несет уникальный образ богообщения. Так как Божественное, согласно Закону Сохранения, всегда непреходящее, меняет только свой образ, то в таком своеобразном богообщении перемалывая носитель в поте лица, человек делает Его Энергии удобоприемлемыми для усвоения ослабленной грехом при-

родой человека.

1.0.2.-71. Жизнь поражённая грехом не может пребывать во Царствии Небесном без нарушения полноты в себе самой. То есть радость теперь должна вписываться в пределы возможностей природы человека, чтобы не было передозировки. Всё в меру. Иными словами. нужна строгая удобоприемлемая дозированность счастья, а потому чтобы не погубить её Бог отводит от Себя на некоторое безопасное расстояние⁴³⁷. Не творит убийство в наказание за преступление, а просто прячет, чтобы сохранить живое²⁰⁹ бытие непрерывной цельности, вне коей возрастание до Образа Божьего невозможно⁴³⁸ и вообще ничего невозможно, а потому невозможна и сама жизнь. Бог никого не убивает, но выводит из Царствия Небесного ради того, чтобы на человеке до конца был исполнен замысел полноты становления личности⁴³⁹ только теперь уже по иному плану. Нужен карантин-изоляция, ибо для больного грехом нельзя многое. Теперь познание Бога наделённым естеством воспалённой грехом природы, возможно лишь в той степени постепенности, в какой Бог ради безопасности самого же человека подпускает к Себе. Поэтому на природе, ослабленной скверной греха, выражение полноты Творца необходимо также всеобъемлющее и при этом удобоприемлемое ради всеобъемлющего. То есть постепенное и по мере возможности природы безопасно вбирать в себя всю полноту, нести печать на себе Его, то есть

этот «след Божий» – по чуть-чуть, как проявление нежности (нежность – это свойство любви Божьей), чтобы выразиться в конце конов уже всей полноте абсолютно, во всех гранях Творца. Вот где берет начало родительская забота о чадах своих и Его. Нарушение последовательности и нарушение этого принципа неизбежно становится погибелью, ибо человек утрачивает способность возрастания⁴³⁸. Мало-помалу каждый из нас раскручивает этот клубок с Божественного и накручивает на самого себя, постепенно приобщаясь то к Его одной грани, потом к другой и далее ко всей полноте Его, при которой самая эта физическая смерть – лишь новая уходящая из поля зрения ступенька вверх, за коей скрывается следующая реальия Божественной полноты живого, новый горизонт полноты свидетельства о Господе в пределах той же самой порционной²⁰⁴ возможности познавать Творца. Это новое качество, перешедшее из определённого количества – мы постоянно умираем и вновь рождаемся, но уже в инобытии, в ином естестве не изменяя основному принципу всего живого – возрастанию.

1.0.2.-72. То есть человек все вокруг, всё несущее в себе Божественное, адаптирует под естественные запросы своего ребёнка, вычленяет из всего вокруг Божественное и Оным наделяет дитя. Хорошо все то, что хоть как-то утверждает живое. Только одно утверждение непрерывности может быть более временным, а другое более вечным, а Божественное в чистом виде, без всяких примесей, свойственных злу, на-

деляет человека и детей его ещё одной важной гранью Божественного – вечностью в абсолюте. Дает новую поддерживающую в состоянии вечного частицу-импульс живого, тем самым вновь стимулируя постоянно угасающую воспаленную грехом²¹⁰ земную жизнь. Это важные утверждения для обоснования влияния, исходящего от мощей угодников Божьих. Утверждение живого происходит двумя способами – толчок новым импульсом энергии и чистота, как Божественное свойство постоянства. О первом говорить не приходится, ибо это есть восполнение сил, ушедших на восстановление затрат. (07.01.00) *А вот второй момент – это уже особенный случай – это когда живое оказывается в образе недостижимости Бога, то есть в образе Его пребывает вне области достижимости для покушений, исходящих из преисподней на живое и, как следствие, восполнение сил уже менее всего востребовано. Бог абсолютно не достижим, а потому и Его Сын тоже вне достижимости для смерти, даже если он будет распят на Кресте, Он проходит мимо смерти. В этом прообразе утвердилась жизнь и этому закону формирования подчиняется эволюция, в которой формируются глаза и вообще дар видения и предвидения. Человечество пошло по этому второму пути – мы ходим в прообразе недостижимости Бога, то есть там и пребываем там, где нет покушения на жизнь и здоровье нашего тела, то есть нет затрат на восстановление после воздействий, что и выразилось на природе человека, ибо она не имеет никаких досто-*

инств для успешной борьбы за выживание. Человеку остается только почаще чистить этот образ подобия Богу от всего инородного ему в душе. А мощи усопших праведников имеют ценность именно в этом – несут в себе чистоту в абсолютном образе, этот первопринцип формирования живого из абсолютно простого в сложное в данном направлении в пределах счастливой случайности, как раз эту составляющую³⁵¹. Не энергии, как импульс солнечной энергии, а именно как частицу стабильности, что также есть влияние, как образ излучения. В этом природа счастливой случайности.

1.0.2.-73. Итак, когда это все началось? Это началось во Царствии Небесном, да и потом по грехопадении замысел о человеке не изменился. Бог, в виду Его абсолютной святости, никогда не ошибается, а потому всякое Своё Слово произносит раз и навечно, а потому изменился только лишь этот образ пути обоженья мира через связующую все поколения людей нить. Если там, в Раю, было все сразу и одновременно, то теперь тоже самое качество бытия несет иной образ единства – он стал постепенной, последовательной, неразрывной цепью событий²⁷⁸. И этого ещё мало. Бог велик и величие Его нужно адаптировать под запросы естества земного бытия человека. Хотя, что адаптировать? Если сказать, что по грехопадении человечество потеряло все, это будет ересь. Всё не утрачено, но изменилось в нашем мировосприятии, как не учтенное, отвергнутое нами ранее – такова природа ограниченной грехом возможности принимать мир. Что-то

осталось в прежней возможности свидетельства о Боге и вот это «что-то» в свойствах Его нетленно, неизменно, постоянно и передается нам от Бога по наследству от родителей – это то, что остается жить после смерти и то, чем мы все имеем возможность жить. Получается, что сама зримая нами природа, наделенная свойством временности, отдаёт дань и временному, и в то же время, как бы держится⁴³⁰ за вечное Божественное, за Его образ в человеке по слову св. Максима Исповедника. Тут много сказано о Божественном влиянии опосредовано мощей усопших праведников, что в них эта грань Божественного связывает или должна связывать нас с теми временами бытия абсолютного мирового постоянства, когда произошло сотворение мир и первого человека в нем. По крайней мере, если этот момент имеет место в бытии, то должен как-то обозначиться в реальности, он должен проявиться в истории человечества. То есть что нам говорит об этом сама практика?

Человек эту связь узрел! Что такое мощи усопших? Как-то включаю запись уже давно почившего Патриарха Алексея Второго, на которой он вместе с отцами Троице-Сергиевой Лавры читает акафист Живоначальной Троице. Почему эта запись сохранилась? Потому что она имеет способность проводить Божественное²⁷⁹, то есть она востребована только как проводник-носитель Божественного, адаптированного к человеческому мировосприятию, благодаря чему она сохранилась. Слушая чтение великих по-

движников, ловлю себя на мысли, что в эти моменты ни о чем более думать не могу, но только о соучаствовать богообщении в аудиозаписи с теми, кого уже нет на Земле. Точно также всё вокруг имеет бытие только как несущее в себе Божественное и Божественный образ, подобно этой аудиозаписи. Вне этого образа нет ничего вообще¹¹¹ и как не востребованное уходит в небытие. Этот образ несет в себе не только весь материальный мир, но и мир флоры-фауны – это носители Его присутствия или можно сказать о том, что это Речь Его к человеку. Следуя этому же курсу мышления, мы осознаем, что только для этого возникла письменность – для того чтобы фиксировать духовный опыт, приводящий к разного рода успеху и победам в каких-то важных делах. Это такие вот своеобразные мощи-следы к победе, которыми дорожит человечество и которые остались в этой реалии только лишь потому, что они имеют живительную значимость для вечности живого, для неуязвимости перед опасностью. На том месте, где было спасительное в какой-то ситуации Божье знамение обычно строят Храмы. Точно также обстоит дело с мощами усопших людей, носителей в себе трудно поддающегося осмыслению Божественного присутствия. Все мы люди едины с предками в одном общем первоначале, но различны во всем остальном.

Так как дети становятся свободными от родителей только лишь очевидно, то есть постоянно усложняющимися формами богообщения, но никак не по сути, то че-

ловеку неизбежно было дано распознать не это формальное (мощи – это форма присутствия живого Бога), а благотворное живительное сущностное влияние, это сущностное единство с теми людьми, кто уже отжил свой век. Хотя мы едины с ними и без присутствия их мощей-останков. Они в нас не нуждаются, но нуждаемся в них мы, ведь они есть тот самый путь, который максимально адаптирован к природе человека. Счастливый человек нужен всем и его близость к Богу после смерти имеет значение и для живущих. Он жил счастливо и дарил счастье, и продолжает также дарить только счастье. В этих сферах-областях бытия и орудия этими критериями, работая с этими инструментами или мерой данной природы распознается присутствие или степень присутствия Творца на мощах.

Бог велик и абсолютно многогранен, а потому приобщение к Нему требует строгости, то есть через то, что более всего удобоприемлемо к живущим на Земле. Причем это влияние мощей усопших на живых работает в том же с ракурсе, в каком идут процессы формирования эмбриона в утробе матери. То есть через это влияние живое имеет способность вести ту же линию правильного отделения доброго от злого. Иными словами, живое имеет способность вычленять Божественное или отделять от всего инородного и второстепенного непрерывную жизненную нить-постоянство, коя несет в себе живительную силу, от всего того, что мертво есть по сути, отделять от того, что не ко времени, не в меру и не

к месту. Сами по себе мощи усопших – это не первопричина, а след когда-то прошедшей по Земле жизни в данном направлении к Богу, как бы натоптанная тропа маршрута победоносного опыта, по которой лучше всего идти нам живущим. Это проводник из Царствия Небесного и во Царствие Небесное. Понятно, что дорог к Богу множество, но из всех их мы выбираем самую оптимальную, что, в конце концов, эволюционно отражается на природе живого и человека в особенности, ибо оный как раз и несет в себе оптимальность во всем. То есть влияние, исходящее от мощей, работает в том же образе-первопринципе, в каком оно возникло в самом начале всех времён и в образе дальнейшего направления развития эволюционно становления живого в виде человека: сначала в нем – во влиянии постоянством – самоорганизуется хаос²⁷⁹, а потом направляет солнечную энергию уже не в хаос, а уже в некоторую упорядоченную форму его, основанную верными решениями утверждения жизни в отдаленном прообразе³⁴³ постоянства³¹¹ Божественного, поддерживая данную форму бытия и утверждая в данном качестве способность к возрастанию²¹¹ до более всеобъемлющей исповеди об Истине. Причем подпитка энергией в данном случае достаточна случайным образом, ибо постоянство сохраняет возникшую форму. Человек живет именно этим единением в Боге, а не поиском носителя Его энергии, а потому довольствуется случайностью получения энер-

гии. Именно поэтому он в своей природе не несет каких-то достоинств, столь нужных для успешной борьбы за выживание. Тут нет необходимости особо что-то комментировать, но отчасти верно говорили даже самые радикальные материалисты эпохи Просвещения (в том же числе современная наука) о том, что организм – это есть высокоорганизованная материя, только добавить ещё надо было слова: поражённая грехом. Но какой бы высокоорганизованной материя не была, а все равно в ней есть общая для всех сущность, то есть некая постоянная, недвижимая точка отсчета (берег)⁴³ и она остается абсолютно непреходящей принадлежностью Божественного и всякого живого, и при этом в пределах косвенного восприятия поражённой грехом чувственной природы. Мы видим только и только множественные и косвенные свидетельства о неподвижной точке отсчета (береге)⁴³, как о первом самом простом элементе порядка, сообразно коему строится вся Вселенная в этих множественных свидетельствах о точке-первопринципе, согласно коему происходит становление всего остального вокруг и, множественные грани коего, выразятся во множественных формах выражения свойств берега в нашей реалии. Мы видим, что материя организована в живую структуру двоичности природы. То есть человек – это выражение этой двоичности природы в чистом виде и, как пик эволюционного становления совершенства, только человек есть личность, опосредовано коей бесконечная Вселенная общается с Богом.

То есть, рассуждая в критериях математики, от тех далеких предков нам досталась эта неподвижная точка (доступное для математического обозрения грань Духа Святого, вдунутого в лицо человека Богом), которую мы передаем своим потомкам, но не только именно её, а также направление эволюции развития живой структуры к совершенству только в образе и подобии Богу. (До этого, ранее по тексту, сие мы назвали непрерывной нитью, единящей нас в настоящем и наше будущее с актом творения человека Богом). Это все то, что наиболее удобоприемлемо любому человеку во всех смыслах. Сама по себе точка отсчета, которую мы назвали в одном случае берегом⁴³, а в другом случае полем, несет в себе бесконечный спектр возможностей в потенции. Вот этот бесконечный спектр возможностей в потенции, адаптированный по максимуму к природе живого человека через мощи усопших, столь важен для нас, ибо Через них Сам Бог адаптирован к нашему естеству и именно это мы имеем способность распознать как Его влияние, распознаваемое в процессе жизнедеятельности человека, как стимулирующее счастливые случайности, отклики Царствия Небесного, столь жизненно важные и востребованные жизнью в трудных условиях (что и распознал древний). Просто в поле потенциальных возможностей множество, но мы пользуем только то и даем раскрыться только тем возможностям, кои востребованы жизненной ситуацией. Так формируется образ становления в процессе эволюции. Великое беспредельное Боже-

ственное посредством мощей любящих нас усопших избирательно трансформировано в удобоприемлемое для нашей ослабленной грехом природы.

1.0.2.-74. Именно по этой причине наши дети становятся свободными от нас, но только чисто формально. Дети вышли из нашего внутреннего мира, в коем едиными с нами они уже тогда не были, но при этом остаются единосущными с нами, мы остаемся навсегда единой сутью с ними²⁸⁰ (остается просто самому безоглядки! идти к Богу, а они сами сущностно потянутся следом). И даже не только с ними, но и с теми далёкими предками, которые давным-давно отжили свой земной век и может быть были не так святы как нам хотелось бы. Мощи – это такой же человек, с которым мы можем входить в своеобразное общение и этот момент распознал уже древний человек. Просто диалог с теми, чьи мощи перед нами лежат, изрекают словеса в иных реалиях и иными реалиями в пределах изначального общего, понятийным языком Творца и потому оной не может быть столь узко специализированным в ограничениях естественного для нас частного. То есть речь их нам не может быть о том, что привычно для нас пребывающих в суе²¹², но только о том, что жизненно важно в судьбоносных моментах. Чтобы слышать эту речь нужны особые условия и трудности выживания, приобщающие к чистоте. А потому их присутствие помогает совершить подвиг, то есть общение с ними деятельное, а не пустословие – в рамках быть или не быть.

1.0.2.-75. И вот тут следует немного подробнее провести исследования, чтобы можно было сделать нужные нам выводы. По определению, Божественное абсолютно безгранично и многогранно. Но как тогда в эту множественность вписывается единство и одиночество Творца? Представьте себе хаос. С одной стороны, хаос – это свойство всепрощающей любви Бога и, в то же время, в некоторой степени, условие жизни. Бог принимает мир таким, каков он есть. А с другой стороны, хаос есть смерть²⁸¹. Представьте себе, что вы на космическом корабле попали в Солнце, в самую звезду. Там хаос множественного проявления жизненных колоссальных энергий (ведь оные трансформировались на Земле во множество упорядоченных явлений по имени жизнь, то есть там на Солнце как бы максимум всего живительного). С другой стороны, корабль напичкан всякой электроникой и этот порядок для нас спасителен. Мы бережёмся от хаоса здесь, ибо нарушение цельности нашего организма, а значит и образа Божьего, что инородно живой личности. Являясь единственными с тем, что в максимуме⁴³⁷ творится за стенками космического корабля, мы в то же время бережёмся от всего того, что там происходит. Это также как первый Адам прятался от Творца своего за ветви деревьев, сберегая в себе неразрывную цельность, вне которой невозможно дальнейшее возрастание в Боге. Он абсолютно велик и рвет наше естество Своим величием – вот в чем дело^{333,666,777}. Иными словами, когда мы воспринимаем Бога, то, как бы, созерцаем на Него

через призму первородного греха – собственной слабости, греховной ничтожности. Мы ищем в Нем ничтожество и находим эти максимумы ничтожества, кои представлены нам распадом в чистом виде, имеющим имя Солнце. Но все равно это жизнь, а потому ей присущи все грани полноты Божественного, что возможно при соблюдении порядка порционной удобоприемлемой постепенности поглощения всего Его, всех Его энергий ослабленной грехом природой. Не одновременного, а постепенного долевого приобщения к полноте Божественного на протяжении всего бытия человечества. Приобщение ко всему этому максимуму всего живительного должно быть, повторюсь, удобоприемлемо постепенно. Потому Бог для нашего воспаленного грехом разума, в пределах ничтожности нашей природы, в критериях научной механики и богообщения – это как бы точка без прообраза величины греха. Он представлен нам некоторым местом, абсолютно ограниченной порцией всего реально существующего. Телесными очами мы видим то, чем является наша телесная природа и точка – это, в духовных очах, вершина совершенства, Вершина вершин, в пределах образа коей происходит становления всех форм и реалий. Подобное рождает только свое же подобие. Это уже есть начало некоторого наиболее совершенного в максимуме порядка³⁴³, который укладывается в нашем разуме и она же точка-эталон для всех форм мер, измерений, самый элементарный шаблон 111,666,777. Эта точка-шаблон несет в себе и грани единой полноты, и про-

тиворечия, укладываемые в гармонию (излучения происходит в абсолютно все стороны из центра, то есть излучение происходит также в противоположные стороны), и элементы сопредельности, и единства всего этого противоречивого (излучение происходит из единого центра). Поражённая грехом чувственная природа способна созерцать лишь некоторый фрагмент полноты Божественного в пределах дозволенного её способностью, она как бы вычленила из абсолютно многогранного Его общего, множественного естества Божественной Природы какой-то оттенок или то, что подобно ей и при этом безопасно вписывается в пределы ограничения нашего естества греховной слабостью, то есть ограничения возможности вмещать Божественное – точку или ноль количества разрушения, свойственных Созидателю. Точка, как ноль разрушенного или разрушения, несет в себе грань упорядоченности⁷⁷⁷⁻¹⁰², благодаря чему мы, нося её в себе, можем устраивать порядок сообразный ей и видеть порядок, и понимаем Божественный порядок, что он есть порядок – прообраз её, её ноля разрушения, хотя для природы телесного в пределах ее возможности распознавать окружающий мир порядком не является – он хаос, ибо телесность не имеет того, подобием чего является всякая структура. И при этом принимать всю полноту Творца. Не смотря на то, что Творец бесконечен, мы телесными очами видим только такой образ Его, каким сами телесно являемся. Мы видим ничтожную точку⁷⁷⁷.

1.0.2.-76. Порядок³⁴³ – это только лишь одно из множественных возможных стечений обстоятельств бесконечного хаоса, несущего в себе структуру, сообразную точке. То есть не смотря на исключительную упорядоченность, всякий порядок – только лишь некоторый частный случай хаоса, а потому одно другому не является инородным. Если во Царствии Небесном всепрощающая, жертвенная любовь поглощает даже хаос, который прощён²⁸¹ (пусть будет все как есть – лишь бы было все живым и значит в радости), то наша воспаленная грехом любовь несет в себе элемент эго в плохом смысле слова и следовательно хаос становится инородным. Точнее хаос так и остается хаосом с его единственным живительным оттенком Царствия Небесного (свободой самоопределения), но только теперь востребовано стало его бытие адаптированное к данным реалиям выживания, в коих, чтобы жить пребывая в пределах жизненно важной свободы самоопределения хаоса теперь уже востребован порядок, в виде последовательности и субординации приоритетов вещей. Это новый вид явления двоичности, ее новое имя. Хаос представляется нам отсутствием порядка по причине той, что как порядок он нами не воспринимается (хотя таковым является, ибо в Самой Живоначальной Троице семя порядка и присутствует обозримо) и отсутствует для нас по причине абсолютного величия²⁸¹, которое за пределами нашему восприятию. Поэтому, как носитель свободы, как составля-

ющая хаоса, порядок нам не инороден, зато инороден хаос в границах порядка (это насилие). Потому мы видим Бога тоже сообразно своей слабости – порционно – в прообразе своего эго²¹³, чтобы порядок не был в пределах инородности. Вместо того, чтобы общаться с Ним и возрастанием обрести Его Образ, мы лелеем, прячем свою слабость, как форму живого, которая также имеет право на жизнь. Мы прячемся от Него за деревья и прикрываем свою наготу сообразно библейским «опоясаниям из смоковых листьев». Ведь нам теперь надо, чтобы возрастание происходило удобопостепенно, ведь Бог абсолютно велик и нужно подобие Ему для общения. А мы подобны Ему в этом свойстве величия, если есть возможность непрестанно возрастать до этого величия¹²³⁻⁴⁵⁶⁻⁷. Поэтому общение с Богом сопряжено с трудностью вечных перестроений до большего подобия Ему, что неизбежно при общении с Ним, а потому сие всегда болезненно. Ад – это возрастание до величия Бога без сущностного единения с Ним, в коем этого возрастания уже не может быть. А так как ад имеет бытие, то сам факт этого существования уже говорит о том, что возрастание до Его величия имеет место быть. Возрастание вечное, а потому и муки будут вечными. Хотя это страдание по природе часть физиологии, то есть естественно для организма, но должно быть в меру. Ведь, не смотря на напряжение в природе человека, связанное с возрастанием, общение с Творцом несет только скрадывающую боль даже на Голгофе радость, так как Он

есть счастье в абсолюте. Человек не замечает ту черту, преодолев кою обратно возврата нет. То есть, пребывая в экстазе, есть опасность незаметно порвать самого себя и этим порывом разрушить образ Божий в себе, явленный в бесконечной слабости (из-за греха). Вне образа Ему нет живого, то есть имеется опасность даже погибнуть. Нужна мера^{333,666}. Ибо сочетание (возрастание до образа Божьего и сам образ Божий) – суть полнота живого, как одно без другого невозможное. То есть и стоять на месте нельзя, дабы не повредить образ Божий²¹⁴ и чрезмерно быстрое возрастание тоже нельзя²¹⁵, дабы в ином не повредить образ Божий, вне коего нет жизни⁶⁶⁶.

Природа, как много раз здесь оговаривается, поражённая грехом свидетельствовать может о Боге только в силу своих природных возможностей и в пределах ограниченности таких возможностей, но в нашем случае важно сказать о проявлении в виде ином – порционно-частично, односторонне. Поэтому, в границах возможности свидетельствовать о Божественном, природа, поражённая грехом, самопроизвольно начинает подчиняться высшему Закону, выстраиваясь в сообразность, с одной стороны, ничтожеству и, в то же время, сообразно совершенному порядку – с другой стороны. И то и другое (и ничтожество, и порядок) свойственны точке, несущей в себе все. В прообразе точки природа, поражённая грехом, может свидетельствовать о Боге в тех прекрас-

ных формах живого, которые доступны нам для созерцания – мы видим мир в прообразах точки – в отдельных предметах и многочисленных формах их. Природа, без поражения грехом, наделена полнотой и бесконечностью. И то, и другое должны выразиться во Вселенной. Тогда сам по себе порядок востребован для того, чтобы Божественные полнота и единство реализовались в ином качестве исповеди о Нем: в прообразе точки порциях-частицах. Каждая порция-частица несет в себе вид законченной в себе полноты первообраза посредством уникального первопринципа изложения-исповеди Истины. Далее в прообразе точки – в соединениях порций-частиц, в которых одно достоинство, как нетронутая порчей часть полноты тварной природы, дополняется другим достоинством, образуя в соединении иное проявление одного и того же для всех и всяких форм исповеди Божественного – устойчивость к данной реалии хаоса и к данной среде окружающих условий, как подобие пустоте, как иное имя пустоты в данных специфических реалиях окружающих условий. Нетронутая порчей часть полноты, как новый возникший образ Творца и при этом обязательно надо добавить, в природно доступных нам пределах обозрения, оказывается в какой-то грани менее видимой – по образу не видимого Божественного, что и формирует тот вид, который предстает перед нашими телесными очами в привычном качестве. А именно, либо обзриваемый вакуум, либо разрушение. Но в поле зрения законченная в себе полнота бытия оказаться не

может. (07.01.00 новое имя двоичности) Если мы созерцаем Божий мир через призму анализа, то перед нами встает реальность с отсутствием величины греха, то есть как уже сказано ранее – ноль-точка¹⁹⁷ (то есть выглядит она может только как полость пустоты) или же распадом, как новое свидетельство о ноле-точке. Отсутствие греха телесными очами распознается либо постоянством вакуума, либо развитием процесса распада. Перед нами новое имя двоичности бытия и человека в нем. Если присмотримся к этому объекту, причем самому элементарному, то увидим, что в самых элементарных проявлениях на ноле-точке выражены все грани привычно созерцаемого нами порядка⁷⁷⁷, который становится в поле нашего обозревания, когда оные, грани, оказываются удобно приемлемыми для нашего ослабленном грехом естества. Это два в одном одновременно и единство, и неразделенная протяженность с началом и концом. Это и многомерность и величина. Из ноля-точки-корпускулы-формы родился мир⁷⁷⁷ в Божественном первопринципе и все природные реалии точки этот мир должен в себя вобрать в сообразных ей дефинициях, ибо подобное родит только свое подобие⁴⁴⁰. Иными словами, вне образа точки никакое развитие невозможно²⁸² – только во множественных прообразах её и в пределах ее подобия⁷⁷⁷. Это с одной стороны. С другой, в данный момент времени в природе, пораженной грехом, в каждом единении составляющих посредством

границы абсолютного постоянства, слабая сторона одного дополняется сильной стороной другого, образуя нечто новое, но только опять же в прообразе той же точки-ноля-корпускулы только с иным первопринципом самовыражения-исповеди Истины, то есть лишь границах подобия изначальной полноте бытия Царствия Небесного в привычных для земного бытия реалиях – тому же самому образу цельной полноты – точки. С третьей стороны, приходит иной момент и то, что было слабостью оказывается в сменившихся условиях силой. Каждому воздействию своя грань противостояния. И тут трудно понять, что сила, а что слабость. Ибо слабость наделена свойством проникать в слабое и малое, благодаря сему быть вездесущей, чтобы потом возрастая в эволюционном становлении от слабого в силу, раскрывать великое уже в иных областях бытия, отвоевывать у абсолютной слабости – смерти новые пространства и побеждать её. То есть слабостью Божественное наделено лишь в земных формах проявления Его, ибо живое, явленное здесь в условиях Земли, может быть легко разрушенным. Силой же предстает перед нами, как неземное, как не от мира сего тленного и слабого.

Этот порядок вещей, несущий в себе и субординацию, и единство есть живое тело со всеми выражениями природы Божественного – это новое имя Ему, возникшее ином бытии Вселенной, представленное перед нами из-за поражения грехом в строжайшей последовательности непрерывности-точности. В четвертых, точка «по своему смыслу самотождественна

решительно всем фигурам и пространствам» (А.Ф.Лосев). И в пятых, только точка наделена качеством Сущности, явленной перед нами порционно. Благодаря всему перечисленному живое наделено еще и иным Его свойством – абсолютной устойчивостью в прообразе устойчивости водной глади водоема перед всеми возмутителями ее спокойствия. Нарушение живительного порядка вещей всегда временное и равновесие восстанавливается влиянием Его.

Таким образом перед нами встает очевидное, что всякое сцепление или взаимодействие происходит только в одной грани, коя имеет подобие между собой и абсолютную тождественную идентичность по природе – в общем для всех – в точке, которая нащупывает себя, распознает себя только во взаимодействии и рисует в границах новых соединений новый образ только Божественного и только Божественного⁷⁷⁷. Поэтому всякое сцепление происходит только и только в общем для всего Естестве Божественного или близкого к Нему подобия³⁵², ибо только здесь имеет место быть подобие и идентичность природ. А так как общим для всего остается только Начало всех начал – Бог, то мир⁷⁷⁷ связан, един, взаимодействует, сопряжен, постоянен тоже только этим же общим – Началом всех начал – Богом⁷⁷⁷. Для нашей телесной природы в силу своей причастности к абсолютной ничтожности греха, всеобщее единство мира может быть представлено тоже только ничтожностью в ограниченности времени такого единства – частицы после столкновения могут пред-

стать нам как отталкивающимися и разлетающимися. Но так как в каждой из них есть идентичная им всем грань постоянства, то эта общая для всего и вся грань имеющая постоянство, то есть течение времени в этой реалии сильно растянуто, то есть имеет подобие абсолютной вечности, то отторжение предстает перед нами слипанием, не упругим столкновением¹⁰⁻¹¹⁻¹².

1.0.2.-77. Бог непреложен во всех смыслах этого слова, Он вечен и, если Он пребывал на человеке (был Наездником на нем) в жизни земной, то, присутствие Его в тех же пределах природы души не может быть утраченным после смерти. Эта кондиция единения души с Богом остается во веки веков²¹⁷. Это важно подчеркнуть, ибо все в этом мире в образе Богородицы Девы Марии. Ее Младенец появился на свет, предварительно пребывая в утробе Богоматери, о чем свидетельствует диалог Ее с матерью святого Иоанна Предтечи. Он появился на свет не в момент Своего Рождения, а уже был и пребывал в утробе Девы Марии, и правил миром, пребывая в Её утробе. Человек должен быть насельником Царствия Небесного уже при земной жизни своей. Поэтому очень важно, чтобы человек сделал хоть какое-то доброе дело для Храма Божьего от чистого сердца, чтобы Он поставил Свою отметину, печать Свою на человеке. В этом случае, рано или поздно он вернётся к храмовым дверям вновь и уже с иными мыслями. Таким же образом, так как человек по сути живой, то есть уже при жизни является проводником

Его нетварных энергий, то и мощи его после успения (как и мощи его предков) будут также проводимостью только Того же Божественного присутствия, оказывать то же самое влияние на окружающий мир, распознаваемое только уже совсем иначе – опосредовано лицезрения живучести в борьбе за выживание – везучестью. Таков понятийный язык исповеди о Боге, ибо как-то иначе говорить о Боге мощи усопшего не могут. Мощи усопшего должны потворствовать живому в победе над смертью в пределах Божественного влияния от них, творить с помощью живых на земле некоторую сопредельную Богу созерцаемую красоту служения. Бог нашими руками Сам творит Свою непобедимую волю (а мы зрим свою непобедимость и иной раз причисляем её себе самому). То есть также опосредовано нас живущих продолжать то дело, которое началось ещё во Царствии Небесном Самим Богом сразу же после грехопадения первого человека. А именно разделять доброе от злого, чтобы добром утверждать себя, как это происходит даже в утробе матери, благодаря чему мы сами возникли в бытии. Плод добра и зла был съеден и теперь в природу человека проникло злое вместе с добрым⁴⁴¹, из-за чего есть необходимость отделить доброе Царствия Небесного от злого бездны или иначе жизнь прекратится. Это ад, ибо теперь, чтобы видеть белое, нужно иметь представление о черном. Чтобы влияние от мощей усопших распознать, необходима кондиция подобия им усопшим – нужна духовная жизнь, активированная через тя-

жести жизни, что возможно только в борьбе, ведь чтобы видеть белое счастья, нужно зреть через черное тяжести. Повторюсь, что сами по себе мощи, каким-то иным образом, вне борьбы отделяющей доброе от злого, спасительно свидетельствовать о Боге не могут. Поэтому выражение Божественного присутствия и промысла возможен только в трудностях борьбы за выживание в поте лица. Влияние сие бросается в глаза не прямо, но в более и более глобальных масштабах – в этом трудность свидетельства о Нем. Ведь Божественное всегда для человека слишком велико для явственного освидетельствования, поэтому прошло столько тысячелетий, чтобы реальность влияния мощей усопших оказалась в поле опытного уразумения и чувственного восприятия живущими в границах влияния Божественного²¹⁷, с помощью которого он распознал также важное – в каждый момент бытия есть вещи первой значимости и второстепенной, и третьестепенной. Жизнью обладает только Бог, а потому чтобы жить в земных условиях с поражённой грехом природой надо обладать единством с Ним, а значит и полнотой исповеди о Нём в порядке жизненно выверенной последовательности приоритетов и субординаций. С другой стороны, какое-то иное вторжение Божественного в этот мир становится губительным. А потому мощи усопших праведников ведут себя именно так, как они ведут. Это понимают духоносные отцы Церкви при жизни. Ведь достаточно просто молитвы от них и нужная спасительная гениальная идея сама придет

к мирянам на ум и главное, она будет адаптирована к данной ситуации, к данной возможности и способности противостоять силам бездны. Это тоже прообраз Творца. Достаточно положить пищу младенцу в рот и его организм сам все остальное сделает. То есть, если пища адаптирована к возможности усвоить еду, то малыш сам разберется как ему это потребить. А если пища не адаптирована к усвоению, то это грех уже самого родителя. Мощи усопших несут именно эту роль в нашем бытии земном.

Быть подобным Ему одновременно во всех гранях поражённой грехом природой невозможно, но постепенно-последовательно – да. А поэтому поочерёдно приобщаемся к каждой из них и с постепенной нежностью выражая всю полноту каждой из них (из этих граней), и в строгом соответствии с очерёдностью приоритетов Божественной вертикали субординации (к примеру, дневного и годового цикла, и цикла всей жизни), благодаря которой соблюдено важное условие бытия живого в земных условиях (а именно соблюдено подобие Богу в таком свойстве, как единство, явленное как неразрывность последовательности)³⁵³. Мы через это единство в образе неразрывности последовательности в строгой Божественной безразрывной очерёдности не сразу, а удобопостепенно на протяжении всего бытия человечества, приобщаемся ко всей полноте Творца²⁸³. Именно поэтому человек является уже абсолютным совершенством и имеет право и возможность беседовать с Личностью Творца, как лич-

ность. Но чтобы быть Ему подобным, эту эстафету мы получаем от своих предков, что наделяет нас основным качеством живучести – какой-то степенью подобия Богу еще и продолжительности бытия, то есть в другом Его свойстве – свойстве земной вечности⁴⁴, когда достижение цели становится выражением духовного пребывания в Ней и с Ним в прообразе Девы Марии. Так мир готовился ко Христу.

Для чего тогда нам продолжительность жизни? Ведь одной достаточно было бы нескольких мгновений, чтобы вновь обрести спасение? Продолжительность жизни и вообще бытие цивилизации нам даны для того, чтобы в пределах этого промежутка времени наступила вся полнота времен, в границах коих представляется возможным лицезреть Творца³⁵⁵, а именно полноту Его (хотя для этого в нашем естестве предназначено все абсолютно, как инструмент богообщения во многих гранях). Бог многогранен и спасение, по верному слову учителей Церкви, обязано быть не только полным, но и, важно подчеркнуть, всеобъемлющим, затрагивать все сферы-области бытия Вселенной и природы человека. Поэтому продолжительность жизни диктуется не только потребностью всеобъемлющего выражения Его Сути, которая всегда бесконечно велика, но и необходимостью беречь опыт спасения, необходимость передачи эстафеты поколений, в коей человечество движется к Богу, чтобы полнота исповеди о Нем, если не выразилась на данном поколении людей, но хотя бы где-то в бесконечно далеких потомках. Постоянно

появляется новый опыт результативного богообщения и его надо передать новым поколениям. Этих вновь родившихся надо научить и поставить на путь истинный, не упустив множественность знаний, но соделав их удобоприемлемым для восприятия. *Это есть новое имя*³⁴³ *влияния мощей усопших, явленное в данной специфической кондиции – нам родителям для своих детей предстоит выполнять свой долг – пережёвывать продукт питания и вкладывать в рот младенцу всю жизнь и после смерти. Просто сие выражено в различных проявлениях исполнения этого долга.* Так как опыт богообщения накапливается, то и продолжительность нашего земного жития-путешествия должно увеличиваться соразмерно полноте свидетельства, как востребованное в том же числе и этим критерием.

1.0.2.-78. Этот момент мог обозначиться в земной реалии ещё и по другой причине. Кем мы более всего в этом мире дорожим? Так как все вокруг нас есть личности и общение между ними, то становится понятным, что кроме окружающих живых для каждого из нас это ещё и те, кто был рядом и умер. Если мы приглядимся к природе человека внимательнее, то выявим очевидное. А именно созерцаем мы лишь то, что было некоторое время раньше опосредовано уникальным образом проявившихся следов. А раньше всего мог быть только Творец-Созидатель, потому созерцая мощи усопших, мы смотрим на Него через толщу времён. Также как, смотря на Солнце, созерцаем лишь то, что произошло

ранее чуть больше восьми минут. Само же явление имеет место быть и в данный момент, но чувствуем мы только то, что было в прошлом сообразно нашей падшей природе. Теперь представьте себе, что Солнце начало от нас удаляться – время прохождения света увеличивается и тепла все меньше и меньше. Но это не означает, что Звезды более нет, просто она ушла из под привычного нашего восприятия. Также как, общаясь человеком, еще пока живущим, посредством привычного набора инструментов, здороваясь с ним за руку, мы также видим и чувствуем межличностное единство в одном. И вот он от нас удаляется, на смену самому очевидному рукопожатию приходят иные формы чувственного освидетельствования – мы включаем в себе иные инструменты распознавания себе подобных и довольствуемся чувством единства в иных сферах чувственного восприятия: слышим голос и видим контуры его тела. И если он вообще ушёл даже из этого обозрения, то сие также не означает, что его нет, то есть он как бы стал пустотой в одних сферах мировосприятия, но это не значит, что его нет в сферах других – просто мы общаемся уже посредством иных природных реалий – мы все сильнее и сильнее приближаемся к тому родовому общему^{333,666,777}, что объединяет нас как виды, то есть находим радость посредством таких инструментов, которые оказались востребованными в самые первые времена бытия мира и оные ещё более общие, единящие нас в себе даже с материей во время общения с Богом опосредовано их²⁸⁴. Мы

также остаемся в той же позиции взаимодействия и общаемся посредством того же единого и общего для всего мира, которое является Началом всех абсолютно начал⁴⁴².

Если говорить о сообразности пустоте, то перед нами возникает следующая картина. Если мы посмотрим на Царствие Небесное, то так как ищем в Нем величину ничтожества греха, то тогда увидим пустоту, то есть в Этой Реалии нет неподобия, печать чего мы несем на себе – нет величины греха. Дадим определение жизни посредством удобного для разума инструментария. Вспомним вновь слова Толстого о любви, что это как палец, на который мы обращаем внимание только тогда, когда он начинает болеть, то есть когда в нем происходит разрушение, имеет место быть величина отклонения от нормы, величина ошибки или иными словами греха. То есть сам факт того, что мы это не видим свидетельствует о том, что именно это есть норма бытия и абсолютного здоровья. А потому все то, что является созерцаемым оказывается прообразом больного пальца. Но нормой является то, что палец здоров и мы его не замечаем. Этот момент выражен во всех сферах и формах познания. Даже духовник, который, если в молитве увидел пред собой или почувствовал, то старается уйти от этого, ибо это первый признак прелести, то есть это не Бог, а Его образ. Это самое сложное есть – не спутать Самого Бога с Его образом. Икона – не Бог, а только окно в мир Божий, в который надо подниматься. Бывает мы видим Солнце в отражении на воде, но это никак не означает, что

надо идти в воду 666-21-07. Тогда нарисуем образ того, что не является чувственно распознаваемым.

(07.01.00) Жизнь это равновесие, самая верхняя точка вертикального положения палки, которую мы пытаемся поддерживать в устойчивом состоянии вертикали. Так как она мертвая есть, то постоянно стремится упасть. Но живое, не смотря на постоянные покушения на его равновесие, стремится к иному – оно удерживает и восстанавливает равновесие своего здоровья. Так вот верхняя точка равновесия – это на самом деле наиболее устойчивое состояние только лишь потому, что оно не инородно образу пустоты по количеству затрат, то есть сообразно пустоте и не требует энергии на восстановление, если находится в абсолютном равновесии. Иными словами, живое несет в себе прообраз пустоты, а потому не инородно ей, то есть обладает устойчивостью. Хотя и обладает определенным зарядом-порцией энергии, в то же время для нас равновесие, как отсутствие величины отклонения от нормы, как образ больного пальца, как чувственно распознаваемое отклонение от нормы, не существует. Палец живой, а потому хотя и несет в себе энергию, но мы его не чувствуем, пока он не болит. Именно этому сообразен окружающий нас космос, полный до бесконечности именно этой космической пустотой(000-101).

Именно этот элемент постоянства в чистом виде и несут мощи усопших, что делают их не инородными живому. Хо-

тя, как носитель *элемента постоянства*, сообразен этому даже камень, из-за чего, как свидетельствуют археологические раскопки, древние очень часто поклонялись какому-нибудь бесформенному камню, как несущему прообраз этого постоянства, в образе чего человеку надо постоянно утверждаться. Человеку в опасности необходимо быть до конца сообразным пустоте греха, пустоте ошибок взаимодействий и работе, отсутствию не правильного представления о Царствии Небесном, не оказаться не сообразным Ему. То есть нужен носитель-проводник-ориентир этого элемента постоянства, который заключен не только в продуктах питания, но и в окружающем нас мире. Благодаря этому мы можем поддерживать себя в прообразе Божьем, а именно в контексте Его физически чувственно распознаваемого наглядного – в пустоте чувственного и мира сего. Но в отличие от каменной породы, мощи усопших как раз наиболее адаптированы к нашему мировосприятию. К примеру, мы знаем как жили те, чьи мощи чтим и потому сие дает нам определенный ориентир для поведения. При жизни эти люди были добры и благочестивы. И это только один из примеров. То есть просто камень и мощи усопшего для людей не одно и то же, а потому поклонение камню ушло в прошлое, а более разжёванное для понимания о постоянстве вечности осталось.

Образ пустоты несет в себе всякий экстаз. Достижение экстаза происходит очищением от всяких влечений до пустоты неприятия мира. В этом состоянии можно труд в прооб-

разе Голгофы Христовой, на Вершине вершин которой надо держать себя в равновесии духа. Хотя люди ослабевшие начали убивать себя ради этого состояния.

В жизни людей сознание человека общается с его подобием – с сознанием. Сам факт того, что мы это видим во время общения, то это свидетельствует о том, что для человека сие не есть норма, ибо в любом случае, общением мы соприкасаемся с тем, что постоянно. Просто соприкосновение сие уникально-специфическое есть – общение имя ему⁴⁴². Это тоже нуждается в упорядочении до состояния устойчивости в ином имени элемента *постоянства*, чтобы быть сообразным Ему в зримой умопостигаемой нами сфере – в сфере сознания. Именно по этой причине мощи усопших, в коих когда-то пребывало сознание для живого окажутся потом в приоритете. Камни несут в себе элемент постоянства, но в мощах влияние Творца антропоморфно, то есть в них полнота всех граней пути ко спасению человека, каждая из которых несет в себе свой оттенок абсолюта устойчивости, свой уникально сложившийся элемент постоянства. В каждой из этих сфер природа нуждается в устойчивости, стремится к равновесию. Эту полноту распознали древние, что предопределило их переход от кочевого к оседлому образу жизни и к собирательной экономике, как ещё одного *прообраза постоянства*, а потому не инородного самому бытию, а значит несущему в себе начало устойчивости-равновесия.

Итак, мощи – это пустота, наиболее сильно и антро-

поморфно свидетельствующая о Причине причин. То есть также как, созерцая Солнце, мы видим то, что было восемь с половиной минут назад, при соприкосновении ладоней мы чувствуем то, что произошло некоторые мгновения ранее или выпавший из положения равновесия столб своим падением свидетельствует о том, что он был в положении равновесия. Мы все живем одновременно, так как едины в Одном, хотя чувствуем только то, что стало уже прошлым. Так вот, умерший человек остаётся жить, оставив после себя то, что стало следствием некоторое время назад – свои дела и собственные мощи, но сам же он жив, только теперь вышел из области привычного общения и имеет своё влияние на происходящее через иные сферы естества человека, опознаваемых иными гранями его природы, и по-прежнему продолжает нести свою ношу – ведь он приобщён к Царствию Небесному (см. выше, где речь идёт о страдании во имя распознавания настоящей всеобъемлющей полноты радости). Если его нет во Царствии Небесном, то и не может он получать радость от служения Богу, то нет его живого влияния на земную жизнь¹¹¹, то есть он не проводник Божественного в наше бытие в естественных для него формах. Понятно, что из всех материальных предметов, амулетов, истуканов, идолов, камней и тому подобного мощи усопших предков оказываются в особом предпочтении, ибо за ними стоит реально живая душа, а потому оные наделены свойством особой проводимости тех самых энергий Божественного, благодаря которым

зародилась жизнь на земле, как счастливая случайность, как влияние Царствия Небесного. Мощи наших предков проводят Божественное теперь не так, как нам это привычно для богообщения, ведь богообщением мы называем даже прием пищи (разжёванной младенцу перед употреблением), а проводят так, как это естественно им это делать, посредством наиболее высших сфер нашей природы. Влияние Божественного велико и абсолютно разноплановое, а потому человеку требуется это Влияние адаптировать под свои способности принимать Божественное. Также как младенцу пищу надо сначала приготовить и даже иной раз кормящая мать разжёвывает в собственном рту. Поэтому применительно к затронутой нами теме, через мощи предков в разжеванном антропоморфном виде, в коем мы распознаем Бога, к нам может идти *именно эта счастливая случайность*²¹⁸, зародившая жизнь и она так и остается навсегда общим, и самым важным моментом во всех сферах человеческого бытия^{111,333}. Эта счастливая случайность²¹⁸ в наши дни оказалась вжней востребованности и, как при самом начальном зарождении живого, остается ключевым моментом бытия даже Вселенной. Она столь необходима во время охоты на мамонта, в трудных условиях жизни Севера и так далее. Без неё нет вообще ничего и она остается той самой белой непрерывной нитью, соединяющей нас с Богом через самых первых предков на планете Земля и именно под неё все сильнее и сильнее подстраивается эволюционный процесс становления

– он преобразует, в прообразе Богородицы Девы Марии, как бы все сильнее и сильнее приближает воспаленное грехом естество будущего человека к самой границе кромки берега, где полнота единого ещё пока в прежнем Божественном Естестве есть, а первопринципы разложения, хотя уже идут, но даже еще не обозначились как реальность – это как бы процессы, происходящие в самой ещё пока точке-первоначале-прообразе. Она только приближает, но перейти «береговую линию» с данной кондицией падшей природы не сможем никогда (об этом уже сказано ранее в содержании). Но так как именно эта нить обуславливает конфликт с окружающей Вселенной, то именно она становится двигателем-законодателем всех эволюций – под неё подстраивается окружающее бытие. Сама же эта тонкая нить эволюции не поддается. Так будет бесконечно.

У этой нити есть ещё одно важное свойство, благодаря ко-
му Божественное устрояет Себя опосредовано человека, на-
ступает на смерть в прообразе Шестоднева. Это свойство,
как высшая способность видеть только Своё подобие, отде-
лять или вычленять Его из всего второстепенного остально-
го (отделение добра от зла начал сам Творец в Райском Са-
ду после греха Адама) и взаимодействовать, входить в меж-
личностное общение не как с богом философов, а как лич-
ность с Личностью⁴³². Повторюсь, что первыми людьми, сде-
лавшими это открытие закона счастливой случайности, были
первобытные люди, которые с помощью доступных форм по-

нятийного языка выявленное умозрительно выразили в реальности культа. При этом необходимо повторить, что человек смог распознать благотворное действие не лёжа в кустах, а во время трудов, сопряженных с риском и даже лишениями, ведь именно только здесь счастливая случайность особенно заметна, востребована и потому оказался распознан закон её бытия.

1.0.2.-79. Природа человека многогранная. Одна сфера его бытия временная и мгновенная, другая более устойчива, а третьи сферы имеют самое высокое приобщение к Богу и подобие Ему, а потому более всего протяженные и непреходяще-постоянны. Неизбежно одна какая-то грань непреходяще абсолютная⁴³ (берег) в образе Абсолюта. Именно оную как-то надо распознать и вычлениить, как абсолютную совершенность и как счастливую случайность, способствующую непрерывности жизненной линии, единству начала и конца в прообразе Творца. Это с одной стороны. А с другой стороны, перед нами еще одно имя экстаза, ради бытия в котором мы очищаем свою пустоту от всего того, что ей инородно в сознании человек^{111,333,666}. Это-то и происходит после успешия праведного человека – все временное истлевет вместе с чувственной природой, поражённой грехом, не тронутым остается лишь очищенное семя. Поэтому присутствие мощей некоторых из усопших помогает и облегчает живительное единение с Богом. Просто с помощью культовых деяний стимулируется непреходяще абсолютная грань (берег) – че-

го-то иного в них уже нет, ибо как временное давно истлела – потому появляется возможность умом видеть тот ориентир-точку-постоянство-нетленность, с помощью коей мы становимся способными отделять живое от мертвого, вечное от временного. Это даруется только при присутствии абсолюта жизни – той самой призмы-шаблона, через которую человек видит подобие Божье в окружающей реальности – видит островки стабильности или видит Его в различных свидетельствах о Нем. Благодаря чему, имеет возможность сделать верный выбор, взять этот носитель Его свойств и энергий и утверждать вечность своего бытия в Нем, проживая при этом даже в земных условиях.

Верный и правильный поступок (счастливая случайность) животворен даже для такого организма, у которого вообще нет никаких достоинств, столь нужных в борьбе за выживание. И наоборот, даже дьявол, обладая абсолютно всеми достоинствами для успешной борьбы за выживание, но без этого ориентира вечно ошибается и потому пребывает в аду (иногда человек предоставляет ему счастливую случайность и зверь выходит из бездны, чиня бесчинства). Так в истории нам раскрывается ещё одна грань эволюционного становления.

Вообще-то в нашей природе, осквернённой грехом, много всякого такого, что сильно мешает видеть живое вокруг²⁶⁹. То есть каждый судит о мире в силу своей испорченности, а это становится настоящим бедствием. Но только после то-

го, как человек умирает для греха и все временное и тленное, мешающее видеть живое уходит, отпадает, тогда остаётся лишь то непреходящее, наделённое свойством Божественного Естества. Это мы называем даром видеть, то есть продолжать быть в Боге. Профессор МДА Алексей Ильич Осипов на встрече со студентами и преподавателями Российского Православного Университета им. св. апостола Иоанна Богослова в 1998 году сказал, что келейно можно молиться даже своим усопшим родственникам, которые, бывает, не имеют той силы Благодати, как у святых прославленных. Мы все едины в Боге и это самая главная Истина, которая обнажает ответы на все вопросы. Мы понимаем о том, что такое энергия, что такое дар видеть, чувствовать и мыслить. Поэтому и связь человека с Богом в присутствии мощей, находится не в столь сильном напряжении, как без них, что делает богообщение несколько более комфортным. В присутствии мощей молящийся человек не испытывает дискомфорт ¹¹¹. Это важный стимул для бытия многих некоторых странностей в поведении древнего человека в столь сложных тяжелейших условиях жизни, не имеющих, казалось бы, значимости для человека. Изучая их образ жизни ясным станет одно очень важное для нас – человек выжил благодаря тому, что устраивал комфортное для души служение Богу, а не комфорт для тела. К примеру, не строил себе огромные бассейны и ложи, а устраивал безопасность труда, уютные условия работы, ибо движение в определенном ритме цикличности есть

часть физиологии человека, гармонично вписывающейся в естество единения с Творцом. Нам нужно создавать благоприятные условия богообщению, имеющие такие имена как охота, рыбная ловля, хлеборобство. Точно также как организм человека создает благоприятные условия не сну, а работе мозга. (Эти мысли ко мне пришли после того, как приложился к раке со святыми мощами Василия блаженного)

1.0.2.-80. Теперь становится ясным, почему древние так щепетильно относились к этому – они всю жизнь строили гигантские сооружения для устройства загробного мира – целенаправленно устраивая себе телесному тяжёлую жизнь, причём осмысленно совмещая оную с культовым деянием, со устройством пирамид и каменных огромных культовых сооружений. Им нужна была не еда, а единство в естественной для каждого грани быть одним целым – в Боге. Так мыслило человечество миллионы лет, благодаря чему нарождалось даже в таких тяжелейших природных условиях и в плену смертельных опасностей. Быть единым целым организмом – прежде всего, что обуславливает все остальное более сильно – простое постоянное везение. Просто Бог устраивает счастье человека в счастливой случайности, как частице сферы бытия Рая и свойственное Себе подобие, а мы просим или стремимся к достижению каких-то целей, коим редко бываем рады. Смирившись с волей Творца, мы вдруг становимся уверенными в промысле Божьем, что именно это надо было делать, а не то, чего так желали в тот момент выбора.

В древнем мире межличностное единство было сильно мотивировано сложной окружающей обстановкой, а потому было более сильным, чем ныне. В этом аспекте противоречия единое-разобщённое также распознается влияние исходящее от Бога через мощи усопших. Мощи усопших тоже разные. Ближе и ценнее, и значимее, чем живое, рядом – нет, ибо только живому свойственно любить и творить единство в Его образе, для Него. И не просто живое, а живое, да ещё и единосущно-соприродное, да еще и по максимуму адаптированное к нам, и вообще даже близкое в родстве, и даже не просто родственное, а родство родительское, а ведь родитель всегда наиболее всего счастлив успехами своих детей, а потому не может быть роднее среди всех окружающих реалий, а потому и память о том или тех, кто жил рядом, кто дал жизнь или спасал от гибели по любви своей, всегда подкрепляется очевидным животрепещущим опытом сотрудничества живых и усопших. Вот это и есть Родина. Кормить, жертвовать, спасать и так далее – это все имена Божьи, кои предполагают один величайший закон – доброе переходит из одного состояния в другое, всегда живет вечно, то есть по Закону Сохранения непреходяще. Это, как Божественное, кое, согласно определению о Нем не может прерваться с переходом человека в мир иной, но только лишь меняет свой образ – это наиболее сильное связывающее звено с Общим, а не множественное проявление в посредниках-аватарах 111,333,666, коих много вокруг. Иными словами, из всего множества посред-

ников Божественного и человека, мощи имеют приоритетность во всем. Поэтому люди носили на себе мощи своих усопших предков и старались с ними не расставаться даже во время опасной охоты, ибо вечность нужна везде и каждое мгновение, то есть во всех формах её проявления – в живучести в самый сложный момент опасности – в том же числе. Проводя Божественное, автоматически человек получает эти программы действий, носящие имена Божьи. Ведь это проводник иного имени вечности – счастливой случайности, столь востребованной в такой ситуации поиска и преследования добычи. (982 н. Р.Х.) *Вот что такое Родина.* Эпоха Неолита, как свидетельствуют археологические раскопки, стала революцией, ибо древний оставил сытное жительство, а именно кочевой образ жизни (тогда он следовал за стадами травоядных животных и кормился охотой на них) и начал вести более голодный оседлый образ жизни. И всё по той же причине – желание быть рядом с останками усопших. Если есть везение, то есть абсолютно все остальное, а потому они теперь не носили их на себе, а просто закапывали своих усопших родственников прямо в жилищах и жили на могилах их, ведь усиление «греховной пустоты» рождает подобие – пустоту невезения, то есть дарует возможность иметь «пустоту ошибок» в жизни. Иными словами, дарует возможность отчетливее видеть контрасты внутреннему миру и «пустоте греховной или пустоте трагедий», если так можно выразиться. Сущностное общение происходит посредством внутрен-

него и во внутреннем мире личностей, в том же числе Лиц Святой Троицы. Вне этого единения язык общения, как формальность, перестает иметь значение, ибо не понятен. Опять же это следовало бы трактовать ещё в ином ракурсе: человек жаждет быть в естественной для него реальности доброты Царствия Небесного, ибо что-то иное ввергает личность в сильный дискомфорт. А так как душевные боли гораздо более сильнее физических (из-за душевных болезней человек начинает себя даже убивать), то человек идёт туда, где хорошо душе, а не телу. Ибо тело – это лишь вспомогательный инструмент утверждения живого в специфической сфере по имени всеобщее движение Вселенной (просто в данной кондиции природы душе надо иметь именно такой вот образ – образ телесности), способствующий усилению радости от единения с Ним, а потому трудное бытие – как раз то, что нужно душе, естественная стихия для работы инструмента. В процессе эволюции этот инструмент поддержания духовного мира на должной высоте неизбежно постоянно меняется, но никогда его бытие не уходит, как не нужное. Хотя в Индии пошли как раз иным путём. Так как из-за мягкого климата этот инструмент не востребован для выживания, то чувственная физическая природа, призванная вспомогательствовать душе в её священном призвании и утверждать богообщение более всеобъемлющим, оказывает диаметрально противоположное действие – в бездействии оный воспаляется, то есть начинает мешать человеку в единении с Творцом, что приводит к са-

мому страшному – человек отвлекается от естественного общения с Богом на это воспаление. Человек сам стал отказываться от всего того, что он чувствует. Так возникла нирвана, освобождение от всех веяний чувственной природы. Радость Царствия Небесного там, где имеет место изначальное единство всех личностей, а не там, где телу хорошо и вольготно. Радость пришедшая в экстазе от причащении к Богу становится смыслом для всеобщего единения и объединения. Там, где хорошо душе, там крепче любовь и сплоченнее сообщество, там ближе Царство Небесное и Господь посреди людей. Просто заповедь Божья «в поте лица добывать хлеб», а именно отделять доброе Царствия Небесного от злого преисподней и отвергать влияние исходящее от неё, оказывается значимой для жизни и явленно в этих формах³⁵⁶. Эта особенность бытия жизни, как мы видим в более поздние времена, станет, как сказано ранее, определяющей белой линией естественного отбора всех эволюционных процессов, станет конечной целью, которую преследует эволюция. И, как мы видим, на самой физиологии человека – в процессе эволюции организм создает не твердый панцирь защиты, а устраивает уму или для высокой работоспособности мозга самые благоприятные условия для богообщения. Хорошая работоспособность мозга становится во главу угла всей Вселенной и это становится силой-защитой, способствующей живучести в самых экстремальных условиях. Важно не столько то, что делает организм, а сам этот процесс происходящего в орга-

низме, ибо благодаря этой физической нагрузке в мозг поступает самая чистая кровь, самая насыщенная всеми полезными веществами. Это можно провести аналогию с тем, что происходит в обществе. Научный прогресс – это как нож, который вспомоществует в нужном деле, но может быть и орудием убийства, хотя создавался он для того, чтобы более эффективно вести богообщение, ибо трапеза – это одна из форм общения человека с Богом. Организм – это и есть тот самый инструмент, который совершенствуется эволюционно и вспомоществует разуму в самом важном для человека – в единении с Богом, в служении Ему. Научный прогресс должен создавать не вольготные условия для отдыха и сна, а комфортные условия для радости богообщения³⁵⁷, в коей стимулирована вся полнота человеческого естества, что происходит во время именно физических нагрузок в процессе работы, как важное условие богообщения³⁵⁶. В этом-то и есть суть всякого эволюционного развития, движение коей направлена к Богу, большему подобию Ему. С другой стороны, эволюции нет, ибо процесс богообщения – это уже совершенство в абсолюте и оный останется неизменным во веки веков. Что тогда становится эволюцией? Если сказать, что эволюция есть, то получается, что есть такие проявления жизни, кои вырвались вперед в совершенствовании. А если сказать о том, что эволюции нет, то тогда получается, что все равны. Ибо достаточно лишь раскрыть все потенциальные возможности проявления живого. Вся многогранность про-

явления Божественного на жизни бесконечна, но в реалии же на 99% спит и не задействована в повседневности. Это означает только одно, что она терпеть эволюционные изменения не может. Засыпание происходит, если вследствие мутации появился какой-то полезный признак, помогающий выживать более лучше. С ним легче жить. Живое бежит от трудности и возрастание до совершенства, вне движения ко-его к лучшему нет жизни, идет не над тем, чтобы лучше работал мозг, а над тем, что облегчает жизнь – над строением самого организма. В результате появляется характерный звериный признак. В общественной жизни этот момент также выражен, как форма геноцида одних более совершенных по их мнению над менее совершенными. Хотя надо просто дать возможность личности раскрыться, а это возможно только в трудности бытия. Если появилась какая-то мутация, коя облегчает жизнь в данных условиях, то надо вновь идти туда, где трудно, чтобы мутация потеряла бы свою значимость, ибо нужны те мутации, кои улучшают богообщение, из-за чего человек более богоподобен и более миролюбив и любвеобильный. Именно эту тенденцию мы замечаем. Голова отходит от всего организма, ибо близость биологических процессов в теле затрудняет умственную работу, покушаются на ясность ума. И вообще все в нашей физиологии заточено на дар лучше видеть и мыслить, и общаться с Ним. Эволюция – это такой змей, тело которого движется за головой. Куда голова идет, туда и тело-хвост.

Образ Божий – это в первую очередь здоровый организм, в котором мышечная масса должна быть натруженной. Желательно, чтобы организм был стройным подтянутым причём в любом возрасте и этому должен содействовать научно-техническая революция, ибо в этом качестве разум сохраняет способность ясного мышления, хорошей памяти и работоспособности. А отсутствие каких-то болей в теле человека не приводит к акцентирующему внимание на Бога усилию психики, то есть вся плоть находится в сопряжении душе в молитве и нет самого страшного – отвлечения ума от Бога, ибо внимание человека сконцентрировано на Боге. Ведь, если что-то мешает уму быть в единстве с Творцом, то ошибки неизбежны и естественный отбор обретает силу. Поэтому смотрим далее.

Для дальнейших суждений необходимо осмыслить важное о случайности. Материалисты лгут, когда говорят, что случайное совпадение или случайность определяет движение эволюции и вообще жизни на Земле, ибо под этим понимают иное. К примеру, далеко не случайное единство атомов некогда живой материи, не наделяет жизнью её. Случайное совпадение не закреплённое мотивацией тут же распадается на те же составляющие³⁵⁸. Случайное – это явление о себе той самой изначальной реалии, с которой все начало быть, с которой началось всякое усложнение во Вселенной⁷⁷⁷ и присутствие которой обуславливает закрепление мутации в физиологии организма. То есть нужна энергия, которая активи-

вировала бы это единство, наделяло бы его устойчивостью перед нагрузками. То есть, если есть стимулятор единства – будет соединение. Нет его – не будет и соединения. К примеру, если есть гравитационное поле земли, то воды соединятся в реки. Есть стимулятор – даже из зародыша возникает живой организм. Нет – даже здоровый слаженный организм распадается без всяких случайностей. Именно по этой причине святые духоносные отцы говорят, что мир сотворен Богом нетварными энергиями²⁸⁵ и все вокруг в этом поступательном движении к Нему, в чем и явлена нам мотивация единства. Дух святой несет в Себе разные энергии, которые устраивают человеку эту счастливую случайность. То есть то, как нетварные энергии Духа святого, становились причиной счастливой случайности, то есть устраивали единство живой ткани в органическом соединении, точно также нетварные энергии стимулируют, устраивают счастливую случайность, востребованную в тяжёлых условиях выживания и во время успешной охоты, и государственных образованиях. Они нетварные, просто они есть и все, а их присутствие активизирует движение всего к своему подобию. Одна и та же природа живого устраивает Вселенную. Таким образом, Бог продолжает творить мир своими энергиями, а эволюция Вселенной так и будет впредь выражать его природу и подчиняться счастливой случайности, мотивированной нетварными энергиями и исходящей из Царствия Небесного в земную реальность. Только Бог имеет жизнь, а наши родители

были просто проводниками этой жизни, в виде этих нетварных энергий, благодаря присутствию коих начались цепные реакции устроения живого организма, его счастливых совпадений и случайностей, которые несут в себе образ Божественного единства в прообразе Его земного выражения – в непрерывности-точки-линии жизни. На эту жизненную линию они как бы насаживали одежды: кормили нас и одевали, когда мы были маленькими. Именно эта жизненная линия после смерти человека продолжает источаться от мощей его и, как нетварная энергия, как активная пустота-постоянство, обуславливает те же самые счастливые совпадения, точнее мотивирует их продолжительное закрепление, а потому идёт жизнь. Древний житель планеты это изливание через мощи усопших узрел не так, как мы здесь, а опытно. Сам факт присутствия нетварных энергий – чудо вечности бытия, в пределах коих происходят все виды взаимодействий. В этой сфере происходят все столкновения частиц и сопадения, что делает возможным творить также и иные совпадения, столь важные для строительства жилища – это мы называем измерениями и математическими расчётами²⁸⁶. Пространство в математическом анализе – это тот самый фундамент, который и есть нетварные энергии. Таким вот образом, окунувшись в мир Живоначальной Троицы и в Ее множественные оттенки в земных реалиях, мы вновь возвращаемся в сферы-области бытия математики, чтобы дать некоторым ее понятиям иной, более глубинный оттенок. С одной стороны пространство –

это пустота, а с другой, пространство – это вечное Живое Тело с новым именем нетварные энергии.

1.0.2.-81. Поэтому позднее люди распознали и другое, что не все усопшие несут положительное влияние, но лишь те усопшие, кто обладал определённой степенью святости и близости Богу. Это следует из определения о физиологии человека, который является либо проводником Божественных свойств для своих детей, либо пропускает через себя холодящее влияние ада, то есть наоборот вампиризирует жизнь из живущих. Поэтому в жилищах хоронили только усопших детей и лиц особой святости, а остальных выносили для захоронений в определённое место. Так появились первые погосты. После того, как люди приняли оседлость и уже во всю вели собирательную экономику (собирали они семена с колосьев пшеницы, ржи, гречихи и так далее), пройдёт около 2-3 тысяч лет до того самого момента, когда они научились обрабатывать землю, но все это время в оседлости они так и будут вести полуголодное бытие ради близости со своими предками во влиянии их. (982 н.Р.Х.) *Это и есть Родина.* И даже потом, после того, как начали выращивать урожаи зерновых, что высвободило время и силы, опять человека понесло на тяжести жизни – он начал таскать камни до 20-30 и более тонн и из них строить жилища не себе, а усопшим. Это так называемые дольмены, менгиры, кромлехи, распространенные по всей Европе (их там несколько десятков тысяч). Не для своего блага земного, а для тех, кому они уже не

нужны – для усопших! Физиология и плоть человека требует молитвенного общения с Богом через ум, вне этой составляющей бытия живого нет спасения, ибо нет полноты. Кстати, строительство этих сооружений уже тогда несло в себе прообраз с одной стороны Голгофы как пророчество о Пришествии Сына Божьего, а с другой стороны – утверждение присутствия Царствия Небесного через монотонный физический труд (монотонный труд цикличен, то есть несет в себе образ пустоты), в прообразе самоочищения нирваны, как не значащее для жизни напряжение сил. И в то же время соделать осмысленными понуждения плоти также в еще одном прообразе Творца, ибо физическое напряжение – это тоже часть общения человека с Личностью Бога. Нужно было, может быть «укрощать Хуанхе», как это произвел божественный Юй в Древнем Китае. И так, вся история человечества в поисках удобоприемлемых трудностей ради близости Богу и в пределах прежнего бытия во Царствии Небесном, без покушения на природу личности. (07.01.00) Тяжести максимально в радости раскрепощают душевные порывы в богообщении, ибо трудность жизни адаптированная в культуре предкам становится составной частью общего моления духа и души – это важнейшая составляющая, в полноте приобщающая к Божественному и всем сопутствующим Ему свойствам и качествами. Просто так человек испытывает большие радости, ибо благодаря труду в поте лица раздвинуты границы его Вселенной. Она соединяет бездну и

Царствие Небесное, а потому сильнее контраст, даже абсолютно сильнее, что и есть высшая экзальтация переживания радости. Потому это уже часть физиологии, что потом неизбежно краеугольно выразилось даже на Голгофе в Распятии Сына Божьего – в то дохристианские времена сие было пророчеством о Нем.

Тяжесть – составная часть физиологии, а потому тяжестью она становится только при одном случае – если есть что-то противоестественное нашей природе бытия, если что-то не на своем месте. В радости всякая ноша перестает быть ношей. Это и в некоторых дозволенных Богом пределах также плотские радости в виде удовольствий, и умственные в виде решений каких-то головоломок или логических задач, это и ясность сознания, и так далее – это только некоторые грани полноты, бытие коей жизненно важно, «ибо только весь человек участвует в богообщении, а не какая-то его часть»^{свщм Иринеи Лионский}. Но, при страшных испытаниях подобных Голгофе, не второстепенности, а только чистое проявление полноты Божественного, смогут утешить человека, это единственная реальность утешающая в страданиях, позволяющая перевесить тяжесть на чаше весов и удержать их в равновесии – богообщение в молитве²⁶⁹. Просто, повторюсь, в богообщении тяжесть страдания перестает быть тяжестью и страданием, но составной частью Божественной радости. Чтобы ведать о белом, нужно постоянно отталкиваться от представления о черном, чтобы ведать о радости надо созда-

вать противовес ей, ибо жизнь возможна только в равновесии – вот что такое бытие во Царствии Небесном опосредовано «труда в поте лица», заповеданное Богом из-за поражения первородным грехом. Чем сильнее радость, тем тяжелее ноша в противовесе ей и одно без другого существовать как реальность не может, но только одно обязательно дополняет и противовешивает другое²⁸⁷. Просто та же самая религиозная радость в душевном экстазе, распознанная через тяжелое бытие тела во время трудной и хаотичной собирательной деятельности финны это называют сису, теперь уже, также без покушения на природу экстаза, органично вписывается в общее для всех направленное действие, организовано в специфическую форму межличностных отношений, имеющей прообраз будущей литургии-свидетельстве о Голгофе Христовой. *Люди осознали, что монотонность физических нагрузок в определенном темпе несет тот же восторг экстаза богообщения, ибо кондиция покоя имеет выражение в циклах* **окружностях (777-01-05)**. *Организм сам есть гармоничная совокупность циклов и симметрий, а потому и имеет бытие свое в данных реалиях земного пространства, то есть так адаптируется Царствие Небесное в данных условиях Его пребывания***777-01-05.111**. *Осталось только это открытие адаптировать в иную реальность, усилить и сделать более многогранным, то есть перенести монотонность в иные сферы жизнедеятельности, ибо людям нужны не продукты питания, а именно эта кондиция радостного*

единства о Боге, благодаря коей все остальное прилагается само по себе. Как-то иначе быть не могло, ведь именно эта схема бытия многогранно перешла из прошлого в настоящее и далее перейдет в будущее. Таким образом, та кондиция радостного состояния сознания во время собирательной деятельности поддерживается уже иначе – в коллективном монотонном труде строительства каменных сооружений и, надо сказать, усиливается коллективизмом, то есть наделён ещё большей полнотой радости в новой форме понятийного языка беседы с Творцом – коллективных побед. Радость коллективная сильнее вводит в резонансное состояние. Без этих тяжёлых испытаний не видно настоящей Божественной радости²⁶⁹, ибо уходит самая главная грань Божественного и отдается приоритет более второстепенным компонентам, имеющим меньшую силу единения и сплочения людей²¹⁸ и люди начинают довольствоваться этим и так как нет полной экзальтации полноты экстаза, то появляется склонность к поиску того, чем утолить жажду за счет второстепенного, то есть к изменам ради низменного счастья и дальнейшей гибели вообще. В истории человечества было много форм выражения истины, явленных в религиозных системах, но только та из них осталась и прошла все естественные отборы – та, которая была наделенной полнотой и потому прошла через горнило Голгофы и гонений. На ней все формы трудностей воплотились одновременно и в этом тоже величие Вершины всех вершин.

Пример из жизни. Мне приходится ныне работать на тяжёлом производстве. Труд тяжёлый, физический, монотонный и продолжительный (в респираторе и в наушных звукоизоляторах), но народ весел, шутят и смеются – нет злобы. На иных посмотришь – всё есть и даже роскошь. Но спиваются, носятся за развлечениями, удовольствиями, гонятся за богатством, ищут способы испытать новые ощущения, чтобы заглушить боль и не могут утешиться. Как-то смотрел передачу про войну на Донбассе. Дают слово девушке, бывшей там и она с тяжёлым ранением была эвакуирована в Россию. Вылечилась и вновь рвется на передовую. Весёлая, жизнерадостная вспоминает, как ей на День её рождения подарили бутылку питьевой воды и банку сгущёнки. Здесь в России этих сладостей много, но для неё важно то братское единство, явленное в высшей экзальтации ни с чем не сравнимой любви и то, как и в каких условиях это дарилось. И вот опять рвется в то же пекло, чтобы ей вновь подарили бутылку воды, когда вокруг голод и безводье. Нет роднее человека, который отдаёт тебе последнее в самый экстремальный момент и быть среди таких есть настоящее счастье. (Это можно сделать туризмом). Казалось бы для жизни надо много богатства, а на деле именно на Голгофе-то настоящая жизнь и на ней она зародилась, и на ней она быть всегда, ибо на ней нет смерти(смотри 777-01-05.111). И там высшее счастье любить и быть любимым, пережив которое хоть раз становишься пленником одного навсегда. Становится тошным лю-

бое сообщество, отличное от того, что там в бою. Представьте себе, что вы выбрали себе невесту, а она не рада жизни с вами. И вот что-то случилось страшное и она тебе говорит, что и так никогда жизни не было, а теперь вообще все рухнуло. К сожалению, так говорят мужи, а не жёны. И вот он мчится за какой-то своей правдой, а правда совсем в другом – он просто это ... оное. И наоборот, привыкшая нести в душе радость не заметит ни этой ежедневной суеты, ни этих искушений судьбы. А без этого нет ничего в этом бытии, вообще не может существовать ни в какой реальности – нет смысла строить какие-то иллюзии. Именно эта радость становится движителем во всех самых крупных стройках человечества. Из археологических находок следует, что человек как бы в постоянном стремлении удержать в руках эту жарптицу, для чего идет на все виды ухищрений на основе былого опыта – так душевная радость понуждала строить сооружения для заупокойных культов. Жарптица сия не терпит эволюционного становления, ибо она есть абсолютное совершенство, но мы идем в образе эволюции по пути совершенствования способов и форм владения ею¹²³⁻⁴⁵⁶⁻¹¹¹. Эта радость и только она при верном освящении целей и задач может утвердить крепкие союзы семьи, сообщества и быть движителем экономики страны смотри начало 3 тома. Так было на Руси, ибо не денежное довольствие было утверждением стабильности экономического развития²¹⁹. То есть я хочу сказать, что приобщение к Богу опосредовано причастно-

сти или приобщения к страданиям Христа на Голгофе, неизбежно активируют всё сопутствующее Божественному – радость, чистота любви, гениальность, красота, сила, выносливость, словом всё то, что животворит²⁶⁹. Поэтому строятся огромные монастыри и храмы²²⁰.

1.0.2.-82. Подобно тому, как первый человек носил на себе мощи своих родителей, в наши дни сие не утратило своей актуальности, ведь святая Евхаристия совершается на мощах святых угодников Божьих. Они вшиты в Антиминс. Или просто мощи святых вкрапливаются в иконы или помещены в специальные мощевики. Почему? Потому что также как древние мы опытно познали покровительство святых умерших, но только в самые ответственные моменты, связанные с особым риском для жизни. Мы также, как первые люди ходим среди могил, только одни есть погост, а другие мы называем Домом Божьим. Вот откуда выражение «вернуться к родным могилам». У казаков есть поговорка «кто в бою не бывал Бога не маливал». Поединок^{111,333,666} – это то самое качество образа жизни, в котором явственно различим Божественный Промысел, то есть пути Божьи и Его Замысел только во время поединка видимы для разума. Во время него можно явственно распознать законы, которым поддётся простое везение, ибо только здесь оно особенно остро востребовано, ибо только здесь включаются в промысел нетварные энергии. Ведь во время поединка все находится в максимальном напряжении и собранности, а потому стано-

вятся различимыми даже оттенки, в коих распознаваемым стало Божественное²²¹. Это также как заяц обнаруживается охотником только в движении. В состоянии покоя зверёк сливается со средой. В нашем случае всё также, но только всё в точности наоборот – Бог недвижим, а мы все вращаемся вокруг Него и можем разглядеть этот контраст своему естеству в некоторых границах наших возможностей. С помощью движения мы распознаем столь востребованные постоянство и стабильность³⁴³. Это может быть ровная палка, очень твердое неизменяющееся под действием нагрузок тело, теплое, светлое, стабильность даже в самих переменах, мощи усопших людей и так далее (всякая непостоянность, непредсказуемость востребованным никогда не будет). Всё это оказывается востребованным, как вспоможение утверждению Божественной природы и Его порядков в земных опасных условиях, как бы островки разновариантного проявления постоянства в пределах нашей реалии пораженной грехом. Нам естественно жить только в Раю, а потому мы как бы собираем все то вокруг, что помогает нам быть стабильными и неизменчивыми в этом мире перемен и непредсказуемости и, тем самым, посредством найденных островком постоянства сами делаемся стабильными в свойстве вечности нашего земного пребывания и, в конечном счете, увеличиваем продолжительность своей жизни. Мы создаем вокруг себя тот первозданный рай Царствия Небесного. Мы молимся в храме, трепетно относимся к мощам усопших людей,

охотимся на зверей, собираем ягоды, урожаи, мы толкаем науку и развиваем научный прогресс только лишь для того, чтобы быть постоянным как Сам Творец, чтобы Он мог войти в нас, как в Свое же подобие. То есть желаем быть услышанными в молитве, что равносильно владеть окружающим миром и сделать его предсказуемым, то есть постоянным по образу Бога Отца, что потом претворяется в целях научного прогресса. Именно этот Божий замысел на человеке мы реализуем во Вселенной, преображая её. С другой стороны, течением вод мимо Берега⁴³ река вычерчивает все контуры постоянства Оного – контуры Лица Божьего. Без контраста, явленного в единстве борьбы противоположностей, в которой мы все соучастники, нам никогда не увидать Творца, не распознать контуры Береговой Линии. (07.01.00) *А так как граница берег-река, как единство и борьба противоположностей, проходит через сердце человека или через саму природу его, то именно в образе взаимодействия постоянства берега с изменчивым течением вырисовывается очерченное потоком Лицо Бога – так во Вселенной появился привычный ныне образ человека и далее возникла сама история человечества, посредством коей мы тоже лицезрим Промысел Божий. Ведь ключевым моментом истории остается только Пасха (в переводе на русский «пройти мимо»), что и отпечаталось на самой природе человека и его образе. Ведь чтобы выживать, достаточно, чтобы все смертельные опасности для жизни проходили мимо, а потому в природе чело-*

века нет ни рогов, ни мощных зубов, ни сильной пасти, ни копыт, ни шерсти и так далее. Человеку место всегда там, где сообразно Царствию Небесному нет опасности его жизни. История формирует нам образ человека.

Так как для древнего это постоянное хождение по краю пропасти было естественным рабочим процессом, то ему Божественное было открыто особенно откровенно²²². Таким образом, мощи усопших праведников имеют влияние на живущих именно в этом ракурсе – в образе очертаний береговой линии, обуславливающее неприкосновенность Образа Божьего в первую очередь в их душах, как вспоможение творящей молитвы душе в её противостоянии изменчивому миру²²³. Потому такое перед ними благоговение, называемое современными учёными культом предков. О рукопашном бое можно прочесть¹¹¹ «Древних славянских верованиях».

Исходя из всего этого перед нами ясно открывается важное, что мир человека делится на две составляющие. Одна из них – культовое действо, а другая – сам рабочий процесс физических нагрузок добывания хлеба насущного «в поте лица». И одно с другим не делимо. В первом случае, происходит стимуляция высших граней в природе духа человека и некоторое осмысление полученного опыта богообщения с попыткой сделать этот драгоценный опыт достоянием всего сообщества. А в другом – человек благодаря тому, что оказывается в тяжести быта (как бы смотрит на мир через сильно

затемненное стекло), то есть обретает способность безошибочно распознавать радость (видеть только источник света, а не отраженный), то есть активизирует только самую настоящую и реальную радость бытия в этом крошечном аду естественного отбора в единстве и борьбе противоположностей. Человек в культе как бы всплывает на поверхность воды, делает глубокий вдох и потом, погрузившись вновь уже под водой выдыхает. И вновь все повторяет процесс, чтобы плыть дальше. *Так взаимодействуют культ и процесс физического нудного труда. Это два крыла одного и того же тела и их никак разделять нельзя, ибо один гармонично вытекает из другого и пребывает один в другом. Это разные стороны одного важного понятия – богообщения.* Оные когда-то с одной стороны были одним целым, а с другой одним целым никогда не были, ибо одно гармонично вытекает из другого. Одно без другого не воспринимается и остается бесполезным, ибо и то и другое – суть одно тело²²⁵.

1.0.2.-83. Таким образом, главное качество и условие жизни человека – единение (общение) с Богом, составляющее основу природы человека во всех смыслах, наиболее сильное выражение которого выкристаллизовывалось во всей истории человечества. в этом только явлена эволюция, сам же факт жизни, само же единение человека с Богом эволюции не поддается. Два в одном⁴³, при коем эволюции нет в бытии и в то же время, если она есть, то направлена к достижению только одной цели – быть в Боге (см.123-456-111), Формы

религиозных культов; пути достижения наибольшей многогранности полноты приобщения к Божественному; способы облегчения единения с Богом – да, все они были разными и постоянно диалектически совершенствовались, но основа так и оставалась той же, как в самые первые времена зарождения жизни на Земле, так и ныне и во веки. И почтение предкам, чисто формально претерпевавшее эволюцию, с постепенным отчуждением духа до нужной высоты, обретало всё большее значение и более отчётливые очертания.

(07.01.00) Вообще, если сказать о направлении становления человечества, то мы заметим одну важную тенденцию. Природа старается как бы отодвинуть подальше центр, где формируется ясность ума, то есть отодвинуть мозг от всех процессов жизнедеятельности. Старается многогранно и многообразно ограничить проникновения любых ядов в мозговую деятельность. Это в точном прообразе Бога, пребывающего вне досягаемости до всего того, что творится на Земле. Бог абсолютно недостижим для всего злого и инородного Ему и в этом прообразе и к этому образу происходит движение всех эволюционных токов. Человек теперь имеет имя Пасхи, он проходит мимо смертельной опасности и только таким образом борется со смертью. Да человек живет в аду, полном смертельных опасностей, но он подобен Богу и остается также как Он не достижимым, ходит рядом и даже спит в обнимку со смертельной опасностью, но не прикасается к ней. Он занес огонь в деревянную избу, к

примеру, но не поджег свое жилище и живет в нем. В этом же прообразе и в этот образ формируется эволюционно человеческий организм. Его голова старается быть подальше от всех физиологических процессов пищеварения и дыхания, быть на безопасном расстоянии. Ясности ума достаточно для того, чтобы иметь все остальное одновременно. И в то же время Он принимает активное соучастие во всех процессах распознаваемого бытия. Два качества бытия в одном. Это выразилось на природе человека. Голова его отстоит далеко от пищеварения. Мозг в ней защищен панцирем. Далее, сердце и легкие защищены грудной клеткой. Все остальное не имеет защиты, Таз человека как бы поддерживает внутренности. Ничего лишнего. Именно в этом прообразе шло становление культур и образа жизни людей. Духовенство прятали за высокими стенами монастырей. Так удобнее и об этом сказано в третьем томе. Мы видим, что природа дышит, принимает энергии, мыслит и радуется только одним органом – человеком_{III}. В этом же стиль русского рукопашного боя_{III}.

(1380)Для более полного понимания сути вопроса, дадим новое определение победе_{III}. Так как сам человек – творение Бога, то победа – это ещё одно из множеств Его имен. Это есть жизнь, а значит это Его энергии, воля, которые прошли через проводник. Тот, кто наиболее сильно проводит Его Сущность людям, тот и победитель. И тут совсем не важно, как это произошло, важен сам факт произошедше-

го проникновения ради утверждения Его влияния в земной реальности²⁸⁸. Поэтому останки усопшего праведника (при жизни постоянно побеждавшего самого себя) или младенца так и остаются проводниками Божественного влияния – такова природа Замысла Творца – быть раз и наечно. Мощи праведника это след, своеобразно отпечатавшийся на земле по пути шествия в одну и только одну сторону – во Царствие Небесное. Если человек идет в ином направлении, то уже не человек и потому его нет в бытии и мы из-за этого о нем уже ничего не знаем. Нам о таких ничего и не нужно знать, ибо важно ведать только то, что несет нам торжество жизни. Победоносное следование к Богу (повторюсь еще раз, что **только следование к Богу является победоносным**) визуально проявившееся уже при жизни святого (человек-победитель уже при жизни в прообразе Богородицы носит в себе торжество Царствия Небесного) и человеку живущему лучше всего идти за ним по этому следу, ибо сие есть гарантия успеха и условие бытия в постоянной везучести¹¹¹. Почему для нас важно? Потому, что это лишь разные имена-оттенки Божественного и они, посредством мощей усопших праведников звучат, наиболее хорошо адаптированы к сфере человеческой Вселенной. Это есть победа¹¹¹. Тут следует строго соблюдать границы сферы функциональной адаптации духа, души и тела. Тело познает Божественное бесконечно в границах ограниченной природы телесности. Душа, более всеобъемлюще воспринимая Бога через ра-

зумное, разрушает стройность разума, а телесное из-за этого испытывает боль и труд в поте лица. Великое рвет всякое стеснение Себя – причина болезней. Но с другой стороны в пределах удобоприемлемого сие есть движитель всякого прогресса(см.123-456-111) – все возрастает до подобия Ему. В пределах доступного, разум также имеет предел познания Божественного. В силах разума сказать только одно, что Бог пребывает в стихии абсолютного постоянства берега, то есть где-то там за береговой линией в системе берег-река⁴³. Душе этого также мало, а потому ей это не приятно, сильно грубое определение на уровне кощунства, режущего слух любящему сердцу. Душа Богом сильно любит¹¹¹ в радости.

Как мы убедились, что чувственная природа распознает множественно-различные вариации этого постоянства, разные оттенки присутствия Божественного. Душе уже нужно иное качество всеобъемлющего свидетельства, а именно Бог познается присутствием душевной радости – в восторге. И все вокруг заточено под то, чтобы Божественную радость удержать навсегда. Там где Бог, там великая радость. Тоже самое либо «да», то есть Бог есть и значит есть радость любви, либо нет – нет и радости. Это та же система берег-река, только уже характеризуется иными именами в категориях добро или зло. Именно по этой причине во Христе разбойник распознал радостью Сына Божьего в этом контрасте окружающего ада, ибо то, что ранее несло ему удовлетворение теперь пустое. Он умирает, мучается и то, что несло ему

раньше радость – теперь радовать не может в любой степени изобилия. Разбойник обрел великое утешение от общения с Ним, которое в суете мирской иной раз даже затаптывается, как не востребованное²⁸⁹. С этим же потом шли апостолы на мученичество и вообще все святые до наших дней. Следовательно, для иных высот человеческой природы нужны не телесные, а иные проводники иных свойств Божественного. Ну уже никак не физика и не математика. Душа чувствует иное при рождении ребёнка, при везучести и при счастливом случае, при виде живых существ и красоты, и гармонии. Ему нужно межличностное общение с Богом в прообразе того, что было на Голгофе Христовой.

Дух мирен или воинственен может быть. Мирен дух тогда, когда есть равновесие, как свойство постоянства. Соответственно, радость где-то тут, в этой реалии сфере-области бытия береговой стабильности. Представьте себе, что вы оказались в тяжелейших условиях выживания. В этот момент главное найти (в прообразе абсолютной недосыгаемости Бога) в своём внутреннем мире то место, где душе естественно, тепло и уютно, спрятаться в этот уголок и тихонько повторять слова молитвы, тем самым оберегая ум¹¹¹. Понятно, что в данной страшной ситуации многое вокруг такого, которое вытаскивает молитвенника из этого уголка, но тогда нахожу то, что помогает мне в этом островке радости и счастья остаться¹¹¹. К примеру, на помощь себе беру спасательный круг – молитвы, написанные буквами, ибо без этого

метущуюся душу тяжело удержать в узде без этого инструмента¹¹¹. Сие становится первым элементом научно-технической революции^{111,333,666,777}. Это также как в холод на ногах теплые валенки, на теле шуба, на голове шапка из меха⁷⁷⁷. Я по-прежнему тая сокровенную и самую вожделенную тихую радость, в поте лица тружусь в комфорте не замерзая и распознаю, как мирен дух исходит от мощей святых праведников. И от простого молитвенного общения, которое выражается словами (хотя слова, также величайшее изобретение, вспомоществующее молящейся душе, нужны только нам самим тут, ибо Бог видит и так, что нам на потребу нужно). Духу нужно вообще все то, что не подвержено прямому распознанию ни чувственной природой, ни душевной. Это то важное влияние, что исходит от самих мощей праведников не подвержено никакому тлению и более того, чем тише этот мир в душе человека, тем заметнее даже незначительнее контрасты, кои поддаются распознанию человеком, что позволяет ему видеть отчетливее даже малые возбудители или находящиеся на огромном расстоянии, то есть позволяет видеть вокруг гораздо больше, чем ум и открытые глаза, благодаря этому быть в безопасности. Всякий дар распознавать – это единство с Творцом.

После этих суждений о природе человека вновь возвращаемся к физике материального мира, чтобы увидеть в нем иные оттенки Истины.

1.0.2.-84.а) То есть свет – проводник энергии электромаг-

нитных волн и, созерцая мир посредством света, мы уверенно ступаем по Земле на пути к Нему в Храм. В этом же прообразе мощи усопших святых, как еще один вариант специфического света – проводник иного свойства Бога – везения. И мы идем теперь в этот прообраз Храма – к везению. Именно так появляется опыт успешного духовного стояния в борьбе, в конце концов, трансформировавшийся в религиозные учения, как в ещё одну форму выражения свойств Божественного, как в ещё один прообраз специфически сложившихся следов Бога в сфере умственных делах человеческих на этой Земле, как в ещё одну форму приобщения к Божественному, оформленная в новом качестве – в мышлении, правильно исповедующем Истину. Чтобы передать это новому поколению, оказалась востребованной речь. Ведь богословие – это тоже есть форма подвига, в котором явлены уже иные грани Божественной Сути. Это не пустой звук, ибо, повторяюсь, ведя оседлый образ жизни, человек не знал, как растить хлеб ещё две или три тысячи лет, но предпочитал оставаться вместе со своими уже усопшими предками. Усиливая в себе чувство того самого постоянства⁴³, адаптировавшегося в ином прообразе в сфере физического напряжения – монотонном, нудном, но при этом цикличном физическом собирательном труде, благодаря чему ставшем даже частью биологического процесса организма, он получал возможность прямо во время труда такого лучше распознавать окружающий мир посредством настоящей радости

духовной жизни в Боге, через иной образ пустоты-постоянства^{111,666,777}, то есть через мощи ощущал единство со Творцом, шёл по этому следу за ними назад в глубину времен к тому самому первому акту сотворения человека. Шел к тому самому моменту, который потом выразился во множествах цикличностей различной природы. Это и машинальный физический труд, это и все формы материального мира, несущие в себе окружность, симметрии, начало и завершенность. Мощи усопших – это такой специфический образ экстаза в чистом виде, в коем природа радости максимально освободилась от всего инородного ей^{111,777}. Сама смерть несет в себе прообраз выходя из себя, то есть экстаза. Поэтому хоронил усопших прямо в своем жилище, ибо отчётливо осознавал, что везение (говоря нашим понятийным языком) проявлялось от почитания своих усопших предков. А везение – это категория меры специфическая, в узеньких пределах которой живет счастье в окружении несчастья – это свойство влияния, исходящего от Царствия Небесного, на пути к которому находился древний человек и каждый из нас. Ничего не изменилось как для нас, так и ля тех древних.

б)Раз есть счастливый случай, тогда есть и правильность выбора пути – отсюда вывод, что те усопшие, на могилах коих они жили, пребывают рядом с Богом во Царствии Небесном. Отсюда столь простое мышление первых людей: раз на опыте видно благотворное влияние от могил, то и Благ Тот, с Кем эти усопшие ныне пребывают. И то, как вели се-

бы усопшие при жизни становится образом для подражания. Они вели себя вот так и благодаря этому от них благотворное жизнеутверждающее влияние. Следовательно они там, где этого блага много. Так было совершено первое научное открытие и вместе с ним пришло приобщение к Божественному, полученное не умозрительно, как мы это сделали чуть ранее по тексту, но чисто опытным путём, замешанным на крови и лишениях. И сие не потеряло актуальности в наши дни современности, а потому в этом же прообразе идет развитие науки до сего дня и вообще всегда.

Хотя бытие в оседлом образе жизни стало не такой сытной, как свидетельствуют учёные, исследуя раскопы древних поселений, но жизнь вечная дороже сытной пищи и собственного здоровья и сил, используемых на строительстве заупокойных городищ. То есть древний человек, научно распознав влияние от усопших, применяет этот опыт на практике и принимает решение изменить коренным образом своё бытие от кочевого сытного к голодному оседлому. Повторюсь, что древний довольно чётко распознал влияние от людей, ушедших в мир иной, что жизнь – не сытное потребление пищи, а просто бытие в покровительстве Божьем, что и обуславливает счастье человеческое. Это и есть Родина. Вне такой кондиции бытия жизнь останавливается.

1.0.2.-85. Дело в том, что мощи усопших имеют важное качество, которое человек стремится достичь во время практики Нирваны. В принципе, радость заложена в самой при-

роде человека, она составляет главную суть его естества, поэтому очищение от всего того, что инородно радости становится условием жизни на Земле^{111,222,333,666,777}. Так возникла практика Нирваны и ее множественные модификации. Хотя мне думается, что Нирвана имеет происхождение от той формы аскетического подвижничества, кое имело место быть у людей Севера. Ведь среди коренных народов Индии Нирвана не практиковалась, если верить ученым. Она была принесена с Северных широт.

а) Далее в процессе эволюции полития постоянного содержания себя в радости²²⁵ терпела лишь формальные изменения, суть же оставалась той же²²⁶. Люди как бы несли кувшин еще тогда, еще во Царствии Небесном наполненный счастьем до самого верха и, чтобы не расплескать его содержимое выбирали себе удобный путь. То есть ради бытия в радости творили разнообразную жертву Богу и почитали своих усопших предков. *Они искали не еду, они шли исключительно в ином направлении – утверждали радость своего бытия на основе многовекового опыта: чтили усопших тем, что самыми разнообразными способами поддерживали душевную радость, а всё необходимое для жизни прилаживалось к этой радости само по себе, как везение, как бесконечная череда счастливых случайностей, как неотвратимое влияние и сопутствующее главному действию²²⁷. Не погоня за радостью в процессе естественного отбора, а радость бы-*

тия в Боге самопроизвольно приобщает ко всему остальному востребованному к выживанию.

б) Исходя из некоторых соображений о некоторых сопутствующих аспектах монотонному, нудному труду можно предположить, что именно они и стали толчком неолитической революции. Достоинство однообразного труда в том, что автоматизм **циклических** движений создает тот же прообраз вожденной пустоты, который практикуют пленники Нирваны, то есть цикличность(777-01-05.111) освобождает ум, не отвлекает внимание от Бога. Потом, как говорят ученые на основании археологических находок в течение 2-3 тысячелетий присваивающая в собирательном плане экономика гармонично перешла на производящую в том же прообразе цикла777-01-05.111. Первое применение мат. анализа.

1.0.2.-86. а) Далее хотелось бы обратить особое внимание на этот опыт становления цивилизации, ибо актуален он был и будет всегда. Даже после того, как человек научился вести производящую экономику, когда он вновь начал жить в достатке и его вновь что-то толкает отягощать себе житие²²⁸. То есть важен не сам по себе хороший быт людей, а именно эта кондиция духа в единении с Богом. Не недостаток всего наделяет человека возможностью быть сильным в жесточайшем естественном отборе, а внутреннее состояние души, активированная жизненной потребностью духа в богообщении. Это приобщение обуславливает привнесенную жертву самого себя, причем оно не активировано необходимостью

выживания, а именно жажда настоящей истинной радости. Руки высвободились, но природа любви тянет жертвовать. У радости быть в таком виде есть еще одна грань – быть как можно продолжительно в земных условиях. Жертва в отдельности каждого в таком вот образе неизбежно была хаотичной²²⁸ и, чтобы быть подобным Богу еще одним оттенком, а именно в вечности счастья, оставалось её просто правильно организовать. Нужно заметить, что сие есть еще один образ Богородицы. Это то самое деяние, которое происходит в утробе матери – хаотичная солнечная энергия упорядочивается в структуру и, надо заметить, что опять тут присутствует тоже самое конструирующее влияние Божественных Сил, исходящих через мощи. По слову св. Иринея Лионского, «только целый человек может участвовать в Боге, и если нет тела, то нельзя говорить и об участии», то есть плоть тоже совершает свою молитву сообразно и сопричастно душе и ей для вершения этой молитвы даны телесные мышцы, которые должны быть в напряжении и не просто в напряжении, а еще и в осмысленном деянии. И не просто в деянии, а в упорядоченном деянии. Только ради усиления счастья в еще одном оттенке, а именно большей продолжительности или большей степени подобия вечности, посредством упорядоченности деяния человек строит гигантские сооружения, как новое имя присутствия Божьего, выраженного в творческом процессе и ещё одна форма причащения к Божественному, как новая еще более всеобъемлющая в полноте счастья, ци-

визированная, удобная форма сближения с Богом, опосредовано непомерно тяжёлого, а также важно подчеркнуть, монотонно-однообразно-циклического физического труда в структуре государственного образования для почтения усопших. Это форма богообщения в любом случае неизбежна и наиболее совершенная, но утверждающая то же самое состояние духа, которое стремился достичь и поддерживать в себе тот самый более ранний неандерталец. Почему именно деяние, как напряжение физических сил? Дело в том, что воздействий на природу человека абсолютное множество, ибо мир бомбардировкой буквально терроризирует наше естество и потому для того, чтобы одним действием исключить его отвлекающие воздействия от Творца (а это самое страшное), нужно движение всех в одном направлении, востребовано напряжение сил только и только в монотонном нудном труде(777-01-05.111). Потому что вне этого напряжения в данном прообразе пустоты и подобия ей(777-01-05.111), человека несет на какую-то односторонность, которая и есть прообраз грехопадения.

б) Стояние духа в Боге – прежде всего, ибо от этого зависит все и вся. Состояние чистоты духа, раннее обусловленное суровостью быта, теперь, когда бытовые условия постоянно улучшаются, начинает поддерживаться искусственно, но уже несколько иначе – появляется трудоёмкое организованно-осмысленное творчество всех и каждого в одном направлении. А там, где мысль, там общество может быть

либо консолидировано, либо противопоставлено само себе – природа мысли по сути такова. Либо да, либо нет. А так как живое способно на творчество только в состоянии консолидированном при мирном сосуществовании, то по этой причине подвижничество нуждалось в организации единого направления^{111,222,333} – так появилась сплывающая мысль. Только такая идея могла оказаться живучей в умах людей, благодаря чему началось образование государственности, как форма ритуального действия. Это есть ещё одно имя присутствия влияния Божьего, активация еще одной грани природы человека в богообщении. Это форма приобщения к ещё одному Божественному свойству из множеств в Его Божественной субординации естества Вселенной, при котором счастье людей опять остается в той же естественной полноте, заданной еще во Царствии Небесном. Просто в этой кондиции бытия сообществу легче проходить мимо смертельных опасностей (отвлечения от Бога), как качество жизни, сообразное грядущей Пасхе, как множественные пророчества об обещанном Спасителе. Следует сказать, что совершенство всегда в единстве с Богом, а размежевание с ним приводит к деградации всех сфер. Потому нужен ориентирующий трудовой подвиг-посредник, через который бы имело место желанное единение со Творцом. Так возник в бытии царь – посредник между народом и Богом. Он нес образ подвига, а потому только ему предназначалось совершать ритуальные культы жертвоприношений. По своему государствен-

ному долгу он был ближе всего к Божественному, в то время как все остальные члены сообщества косвенно потворствовали, соучаствовали ему в этом единении с Ним. В то же время царь также потворствовал беседе своего народа с Богом. Поддерживали друг другу руки к Небу для молитвы. Все пребывали в этом священном ритуале государственности, причем опосредовано той специфической деятельной специализации, которой каждый член общежития занимался всё своё земное житие. Каждый из нас любит совершать подвиг, счастлив от побед над собой – остаётся только организовать нас так, чтобы каждый, стимулируемый любовью побеждал себя, дополняя своей специализацией подвижничества остальные формы самопожертвования, чтобы каждый дополнял иные составляющие общего дела, а не шел бы в разрез сообществу. Царь был священником-пастырем, а не рабовладельцем²²². Изначально он призван заботиться о людях своих²²⁹.

1.0.2.-87. Человек обрёл очевидно распознаваемую двоичность своей природы (дух и душа тут воспринимается как единое целое) после изгнания его из Рая, но Божественное со всеми гранями полноты Его так и осталось основой жизни человека, только теперь уже в ином новом естестве окружающей среды. До первородного греха человечество, пребывая в Божественной Сущности, в Благодати и Любви, не могло ещё пока иметь в себе второй составляющей, воспаленной грехом, то есть природы вблизи бездны. А когда попал под

её более сильное влияние после отпадения, чтобы сохранить прежнюю радость бытия в Божественной полноте, тогда и надевает на себя эти одежды (оставаясь тем же творением Бога), как бы для обогрева Бог даёт кожаные ризы, ведь по слову святейшего Патриарха Кирилла в земных условиях душа без тела жить не может. Также как тело в условиях зимы жить без теплых вещей не способно. (07.01.00) *Наделённый жизнью и пребывая в бездне, он постоянно по-прежнему будет искать То, Что этой счастливой жизнью его наделило. Так начала формироваться чувственная природа, дающая возможность распознавать Сущность Бога в различных проявлениях, как виденье пути дальнейшего продвижения в будущее во Царствии Небесном посредством продолжительности жизни. Что-то иное, то есть бездну, мы чувствовать не можем, ибо мы туда не идем, а потому его нет в нашем бытии, ибо не может быть востребовано. Мы в любом случае идем во Царствие Небесное, только пути к Нему настолько путанные, что иной раз не покаявшемуся грешнику ходить по ним придется вечно.* Так как превыше Творца и значимее Творца нет вообще ничего, то связь с Ним есть самое важное состояние человека и человечества. Следовательно, духовная жизнь человека – есть та настоящая жизнь, коей мы даем определение как живому. Духовная жизнь человека и физическое его естество постоянно побуждаемы пребывать в Божественной Сущности и всё в человеке служит только этому и ориентировано только на эту духов-

ную жизнь^{111,333,666}. Именно данное обстоятельство понуждает материалистов говорить о том, что всё есть материя.

1.0.2.-88. а) Древние философы Греции считали, что всё есть Бог. Если мы так скажем, что вся Вселенная является Богом, то этого высказывания для полного выражения Истины будет мало, ибо следует конкретизировать, ведь существует здесь субординация значимости в самом этом Божественном Проявлении. Да, вне Творца ничего не существует, но Кто-то был рожден прежде всех век, а кто-то сотворен или что-то сотворено. Всякая реальность наделена Божественной нетварной Энергией и Её носителем, в противном случае, она реальностью быть не может, а потому согласно свойствам своего бытия, обязательно является проводником Божественного, вопрос лишь в том, насколько проводник энергии адаптирован к запросам природы человека. Например, камень ведь нельзя принимать в пищу, как продукт питания, а кусок хлеба можно, хотя и то и другое сотворено Богом. Чем-то ведь они отличаются и человек тянется именно к продукту питания и может распознать или отличить хлеб от камня. Хотя хлеб состоит из тех же материальных веществ, что и камень, точнее хлеб – это камень, только уже наделённый свойством проводить Божественную Энергию, адаптированную к физическим требованиям тела, как продукт питания. Продукт питания – это камень, который стал конденсатором в себе энергии, удобоприемлемо к усвоению организма человека. (Также иконы святые – проводники к Боже-

ственному, но оные – не Бог.) То есть сама по себе природа человека – это инструмент души, помогающий вычленять Божественное из того, что это Божественного проводит 666. И ни для чего более физическая природа человека не нужна, а потому, как не востребованное, даже не возникла бы в бытии, ибо её манифестация в данном облике – это следствие того вкушения древа познания добра и зла. Человеку теперь предстоит всю жизнь в трудах и заботах отделять добро от зла. Именно это обстоятельство обусловило все формы эволюции и становление научно-технического прогресса. Так-то всё просто, но почему-то материалисты путают живое и мёртвое-несуществующее. Называть мир просто свойством материи – есть грубая ошибка, ибо неведением о Боге исключается сама возможность материи вместить в себя Энергию богообщения, как конечной точки полноты определения о материи. Конечно, можно дать иные имена, но это ничего не меняет. Солнечная энергия скапливается в предметах и мы ее их них вычленяем, чтобы жить. Но Солнце для верующих – это такое свойство Его, проводник Его нетверной энергии. Здесь нет противоречий и можно дальше вести какие-то опытные исследования мира. Мы копаемся во внутреннем мире вещества, чтобы найти в явлениях его характернее черты личности. Мы общаемся с Богом и материя – это такая речь от Него к нам, а потому всякое слово, сказанное Им человечеству несет в себе образы Божественные. Когда ученый увидел в явлении самого себя, увидел свойства

личности, он кричит от радости, ибо это открытие. Он дает сему явлению Имя в прообразе Творца **111,222,333,666,777**.

б) Куда бы не попадал человек, от своей двоичной природы он никуда не мог уйти (точнее от её Божественной составляющей своей природы) – везде он исповедовал её и везде оставлял следы такой исповеди. (Не исключение и современная реальность.) Таким образом, на самом деле охота, к примеру, на мамонта древним человеком и современные изыскания в ядерной физике современными учёными несёт ритуальные цели ради приобщения к Божественному, опосредовано какого-то из Божественных свойств или, скажем иначе, желание оставить печать Божественного в бытии **442**. Различны только время их поиска и соответствующий этому времени набор инструментов, коими оперировали люди для описания Истины, который оказался доступным человеку в его уровне цивилизованности. И всё... . Древний и современный человек ни в чем, думается мне, не имеют отличий между собой – и тот и другой озабочены одним и тем же, но только перед взором древнего открывались иные возможности, иной строительный материал для дома, оказались в поле зрения иные посылы, посредством коих древний выражал чаяния души, попадали иные инструменты, столь нужные для достижения человеком той же цели – качественного богообщения (как и ныне): сплочения людей в служении Богу **111,222**. Этому способствовали огромные нагрузки и риск при поимке огромных животных, наделенных огромной си-

лой²³⁰. Точнее, если сказать, то эти принадлежащие зверю качества, хотя и односторонне, но наиболее сильное имеют подобие Божественному (в пределах разумения в том же числе) и согласно Закону Сохранения Образа Божьего переходят от животных на род человеческий только в иной кондиции – в любви. В сообществе охотников возникает более сильная любовь, более сильное сплочение. А ведь для человека ничего более не нужно. Просто, как мы выяснили ранее, без Божьего промысла такие деяния (переход Божественных свойств) успешно сотворить невозможно – нужно постоянство или присутствие Царствия Небесного в образе счастливой случайности. Охота на мамонтов – это одна из самых первых форм богословия, с помощью доступных разуму в те времена посылов и понятийных аргументов, характерных своему времени и на том уровне развития, коим располагали. Что это давало? В принципе, богообщение не требует каких-то культовых действий, ведь молитва звучит в душе.

(07.01.00) Но тело – это тоже часть природы человека и, если она не задействована в самом процессе богообщения, то, неизбежно, становится препоной, препятствие на пути к Нему в общении с Ним. Тело должно соучаствовать в богообщении и, также как и вся Вселенная, призвано только усиливать это единение с Богом. Поэтому культовое деяние – вспомогательное душе в её молитвенном напряжении.

Для того, чтобы облегчить это единение, даже плоть человека призвана максимально подстраиваться только под запро-

сы души (снабжает мозг всем необходимым и защищает его твердым панцирем черепной коробки). Это во-первых. Во-вторых, в обществе образ Божий более всеобъемлющий, если в оном соучаствует много людей. Коллектив 111,222 – это новый образ Божий человека, в коем он стал многократно более бдительным, сообразительным. В сообществе он стал больше видеть и слышать вокруг, что вызволило из небытия инструменты единства, к примеру, устную речь, а потом были придуманы буквы. Далее в поле нашего зрения попадает новый величайший шаг в эволюции, новая полнота времен – труд становится разделенным, а потому однообразным (не важно какой он спецификации) – только для облегчения поддержания трудного образа Творца, Его единства каждого и всех сразу с Богом, без чего жизнь вырождается^{222,777}. Это важно для всего сообщества в самом пути следования к Богу, при котором коллектив становится одним цельным сплочённым организмом²⁹⁰ – более подобным Богу.

1.0.2.-89. Что нужно человеку для счастья? Ответ на этот вопрос постоянно изменяется, ибо смешение – это неотъемлемая и самая главная проблема жизни, всегда сопутствующая ей. В ней появляются второстепенные посылы, которые ставятся в один ряд с первостепенными. Из-за чего возникает острая потребность очистить от всего чуждого, расставить все на свое место вновь. Ведь Истина везде остается Истиной, также как, к примеру, математическое обоснование $E\ddot{e}$ $2+2=4$ остается тождеством и в зное Африки, и в холоде Ан-

тарктиды. Это не зависит от того, где Оная пребывает и в каких условиях.

Точно также обстоит дело с иными проявлениями настоящей Истины²⁹¹ в ином ее проявлении – в радости, к примеру. Душевное и духовное обоснование Истины – абсолютное счастье и мир духовный^{111,222,333}. Счастье – это не преследуемая конечная цель, а первое самое необходимое условие жизни и состояние духа⁴³. Счастье – это сама природа человека и оно остается тем, что оно есть везде и оно остается той же не утраченной природой живого даже в страданиях на Голгофе^{111,222,333,666} или в каких-то иных искушениях и невзгодах. Должно быть равновесие, на одной чаше весов коего страдание, а на другой радость. Чем сильнее радость, тем больше на себя может брать тяжести человек. Вот это и есть самое главное открытие на Голгофе Христовой. На Голгофе Христовой наиболее отчетливо просматривается именно эта реальность природы человека, которую ничем не затмить, не помрачить никакими страданиями и лишениями. Именно этим и научились пользоваться народы Севера. Повторю, что радость заложена в самой природе человека, она и есть сама природа, составляет главную суть его естества, поэтому очищение или освобождение от всего того, что инородно радости становится условием жизни на Земле. Просто практика освобождения на почве русских земель звучит несколько иначе, чем в Индии. Оказывается ее можно результатив-

но активировать не только упражняясь в йоге или выходе из себя в Нирвану, но и в простом повседневном тяжело труде, лишь бы он был монотонным, цикличным, чтобы исключить увод внимания от Бога, как самое страшное на Земле. Это открытие позволило человечеству в эпоху неолита принять оседлый образ жизни. В пределах этого эшелона шло становления русской цивилизации^{111-01,222-01,333-01,666-01,777-01}.

Благодаря этой практике освобождения тяжесть воспринимается как естественная повседневность и даже остается не замеченной. Именно по этой причине, один из разбойников распознал в Иисусе Христе Сына Божьего, ибо радость не утрачена даже в эти последние минуты жизни в поношении от всех и в муках, и безысходности^{111,222,333,666}.

а) Как же искать Истину? Так как Божественное никогда и ничем не рушится^{111,222,333,666,777}. Это надо принять как аксиому. Следовательно, надо просто пропускать человечество через горнило опасностей и трудностей²³¹. Многие терпят скорби, но только те в них счастливы, кто обладает Истиной, они по-прежнему даже в тяжестях добросердечны, жалостливы и щедры, и продолжают думать не о себе – это самый главный критерий крепкого психического здоровья. И вот мы подходим к ним и просим стать нашими учителями для достижения счастья. Если они счастливы, то обязательно научат и рецептом поделятся, ибо делиться счастьем – также одно из условий их радости^{111,222}. Если есть счастье в

народе, то люди всегда договорятся, даже если культ разный – важна сама кондиция торжества духа над телом, а не путь её достижения²²². Счастье – это состояние духа, а не одинаковое мышление и никак не верное представление о Вселенной. В пределах одной религии люди не найдут общий язык, если позиционируют себя на разных понимания о Боге реальности. Поверьте так бывает очень часто. Говорят много о вере, но это только разговоры и не более того. И наоборот, люди разных религиозных конфессий будут вместе мирно уживаться, если позиционируют себя на одной точке в Боге. Если мыслитель встает у власти, то начинается Бутовский полигон. Мысль всегда предполагает поиск Истины, стремление к ней, опосредовано логически верной последовательности, когда одно закономерно следует за другим в связной цепочке суждений. Мысль всегда в поиске возможности достичь счастья без потерь и трудностей, и скорби для себя самого (но не для окружающих), чем она сразу же пленит, одурманивает²²². Там все обосновано целью достижения счастья, но нет самого счастья, которого надо достичь, пребывая в поиске Истины, а потому нет радости в Боге. А так как счастья нет в самом процессе жизни, то оно не приходит и тогда, когда цель достигнута и трудности уже позади. Если нет должного состояния духа, то и нет ничего, ибо все рассыпается само по себе. Порядок должен быть обусловлен радостью и мотивирован конечной целью бытия в ней. Два в одном. Приобщение к радости всегда предполагает жертву, а вот удержание

в себе – это уже иная реальность того же жертвенного подвига, ведь порядка вообще никакого может и не быть, но дух при этом может достичь высшей экзальтации радости и сотворит порядок – в этом таинство сотворения мира – счастьем Бог творил мир и мир, самоутверждаясь, живет по закону счастья. В этом плане душевная радость всегда первична, материя вторична.

б) И наоборот, абсолютно правильный порядок не стимулирует в угнетённом состоянии души какие-то течения к радости. Порядок – не источник счастья и живительной силы, а только несколько удачно сложенная емкость-хранитель их в данной ситуации и в условиях земных⁴⁴³. Порядок богообщения призван хранить состояние души в единении со Творцом. Мир абсолютно полон бесконечностью смертельных опасностей, бомбардирующих нашу природу, смущая дух и склоняя его к измене внимания от Бога. Два пути решения проблемы. Человек пытается заглушить пустоту или безжизненность порядка⁴⁴³, то есть душевную боль в забытии плотских утех и вожделений, убивая то (в себе и в своем естестве), что радость не несет, а потому становится грузом. Это как корабль, который держится на плаву и держит на плаву всю команду, но как только он утрачивает эту способность – так сразу же становится грузом, тянущим ко дну за собой и всю команду. Или как нож, который либо удобен для работы и утверждения жизни, либо становится орудием преступления – зависит от внутреннего духовного наполне-

ния его владельца. Это белой линией выразилось в древне-греческой философской мысли и во всех языческих направлениях религии. (07.01.00) *Выверенный порядок вещей никак не утверждает счастье, ибо только само счастье может быть создателем порядка, ведь порядок призван поддерживать и безопасно сохранять огонь счастья и радости, сущности Божественной. Это не мысль о радости, а сама радость или такое таинственное вещество Духа Святого. Это не цель, которая где-то маячит в обозримом будущем, достичь которую мешают то или то, те или те. Это не цель, ради которой надо что-то преодолеть и иметь силу воли. При верном понимании вопроса, цели нет, ибо она уже достигнута, ибо Царствие Небесное в нас самих, в нашем сердце. В противном случае мы жить не смогли бы. Царствие Небесное надо только найти в себе самом, раскопать под завалами собственной душевной грязи. В прообразе Богородицы, этот плод уже есть в человеке и целью становится только одно – сохранить, безопасно его довести до деторождения* 111-1,222-1,333-1,666-1

Это сама сущность жизни, которая невозможна без бытия во Царствии Небесном. Человеку уже сейчас надо быть в Райских Обителях или то, чем должен быть наделённым человек уже при жизни и потом с этим «веществом» нетварных энергий постепенно переходит в мир иной. Сама же по себе цель вне радости не предполагает, а даже исключает радость бытия во Царствии Небесном⁴³. (К примеру, святая Матре-

на Московская так и говорила, чтобы шли к ней за помощью на её могилку). Это внутренняя работа над собой и молитва, обеспечивающие присутствие этого «вещества» в нашем организме.

в) Так как в идеологии все верно выстроено, то всякое инакомыслие – преступление и, соответственно, инакомыслящие – враги народа²³². Это тот самый случай, когда корабль, который, если не держит живое на плаву, то будет живое тянуть и увлекать ко дну. Одно из двух. Просто закон так и остается в одной своей значимости – он призван утверждать жизнь. Это правила дорожного движения и не более.

Мы полностью исповеди о Боге разрушаем всякие идеологии, всякое логическое обоснование, хотя змий этот вновь и вновь порывается из бездны в образ мысли опосредованно умов человеческих. Не зря на Гербе Москвы святой Георгий поражает змея в голову и нам это надо постоянно делать, чтобы он не поглотил человечество вновь, как это произошло в прошлых столетиях. Хотя, надо повторить, что всякая идеология тоже нужна в пределах служения Богу и только обузданной во имя служения Богу как культовое действие служения Богу. Змей, как несущий образ идеологии, образ причинно-следственного механизма мысли или последовательной железной логической связной цепи суждений – тоже тварь Божья и может, и должен, и призван жить в служении Ему, но в строго отведённом этому служению месте.

г) Так как человек обретает образ того, на что смотрит,

то общаясь со змием во Царствии Небесном, человек обрёл образ змия²³³. Первородный грех не может убить живое, но наделяет нас образом противоположенным – односторонность мировосприятия и однобокого поиска Истины^{111-2,222-2,333-2,666-2}. Теперь мы смотрим на мир не с самой высшей позиции, откуда на Вселенную смотрит Бог, а с самого низа – с позиции змея. Если высота дает всеобъемлющее знание сразу, то теперь, чтобы распознать тот же вид, нужно, как змею, исползать эти территории вдоль и поперек (см. ⁷⁷⁷⁻⁰²⁻⁷). Это состояние поражения грехом тем самым обнаруживает противоречие двух крайних позиций мировосприятия – высоты Вершины вершин и подножий Вершины вершин. А потому две составляющие и Самого Бога и Его творения-червя, начинают с одной стороны заявлять о себе, а с другой – исповедовать о Боге в пределах природных возможностей, то есть начинает эволюционное становление из образа червя в первоначальный Образ ^{111-3,222-3,333-3,666-3} ибо человек смотрит на Бога и потому одним из образов Его выражения в земных реалиях становится образ победителя над собой, над своим уже змеиным «я» в жертвенном приношении себя ради других, тем самым порождая сообщество членов. Человек несет образ не убийцы змеиной природы, а образ торжества над природой змия. Это важно заметить. Это то качество иного подобия Богу определяет в конечном счете живучесть каждого и всех сразу, при котором единый ор-

ганизм²⁹⁰, состоящий из нескольких или многих членов общества, наделён ещё и многогранностью свойств одновременно и единовременно. При этом каждый счастлив. Дело в том, что в одиночестве человек обладает этими гранями, но являет их в очерёдности по змеиному образу первородного греха – односторонне – внимание не может быть уделённым всему одновременно, но только в последовательной очерёдности – сначала одно, потом другое, потом третье и так далее. Сообщество же всеми этими гранями обладает вне очерёдности, то есть в одном образе Творца – сразу, распределяя каждое направление односторонности природы в одну из граней. То есть это важное условие бытия, наделяет не только живучестью, но и помогает хранить себя в ином образе Творца, иметь столь важное сопутствующее качество – быть счастливым, а значит ещё и в некоторой степени святости вечным (в земных условиях только счастье имеет эту грань). То есть в любви достоинства каждого становятся достоянием всех и каждого одновременно, что также стало важным критерием дальнейшего эволюционного становления цивилизации в том качестве физиологии, которая привычно явлена нам ныне (абсолютной беспомощности).

1.0.2.-90. а) Человек искал Истину всегда не потому, что ей не обладал или утратил, а потому, что этой Истине или радости, носителем коей являлся и является человек, надо было выразиться в данной реалии, создать для этого естественную (не инородную ей) среду обитания. Чашу до кра-

ев полную радости надо нести осторожно, дабы не расплескать её – искать такой путь следования, чтобы по неосторожности не качнуть этот сосуд. Вот что такое поиск Истины в иной трактовке этого понятия (в первообразе евангельской подготовке к празднику опресноков). В принципе, сие есть прообраз Богородицы, носящей во Чреве своем Спасителя. Надо беречь себя. Бытие этой радости в природе человека есть основа жизни. И только ради её бытия человек очень осторожен и удобоприемлемо прокладывает себе путь, то есть устраивает все вокруг в удобствах продвижения посредством научно-технической революции. Ради бытия этой радости возник этот мир, ибо оный и есть удобный путь человека к Богу. Бытие радости диктует человеку образ жизни, поведения и всякое творчество – человек остается добр, даже если голоден. Все дело в том, что жизнь – это равновесие весов, на одной чаше коих лежит тяжесть бытия, а на другой счастье и радость. В пределах этого эшелона мы совершаем марш. Если есть радость, то и ноша будет по силе радости – не больше и не меньше. Точнее, сила радости источает свет в иных видах проявления своего и творчество – одно из них, а потому остается определением степени тяжести ноши. Радость – источник всякого подвига жертвования собой. *Таким образом надо стяжать радость о Боге^{111,222,333}, чтобы быть сильным и непобедимым²⁹². Именно эта цель заложена в возникновении всех форм культуры и научно-технической революции.* Просто охота на мамонта или строитель-

ство Египетских пирамид, как трудное сосуществование в пределах возможного – активированные только радостью о Боге разновариантные формы той самой «добычи хлеба насущного в поте лица», то есть разные формы одного – активности высшей природы естества духовного счастья в человеке²⁹³. Божественная Первичная Природа наиболее сильно востребована в общежительстве, как миротворящее Начало всех начал в этом обществе или коллективе. *(Государственность) И при этом не трудность ради трудности, а трудность ради усиления духовной экзальтации счастья и единения всех в этом счастье, была адаптирована в одном образе специфической деятельности и преследовала одну общую цель – Первоначало. То есть люди в первую очередь шли на трудное не ради насыщения плоти, как носитель причины всех раздоров, а ради того, чтобы выкристаллизовать в себе миротворящее духовное начало в процессе охоты или иного образа деятельности, чтобы возвысить любовь и очистить межличностные отношения. И в такой высшей кондиции своей природы возвратиться в семьи и в общину, чтобы там творить доброе дело, как образ и подобие Божественной первичной Природе. Поверить тяжело, но именно ради этой цели древний ходил на охоту или вообще что-то делал^{111,222,333}. А будет охота успешной или нет – не важно совсем, ибо, если будет самое главное – будет все остальное. Иными словами – да, для пропитания нужен был продукт, но это только лишь то, что прикладывалось к тому само-*

му востребованному, что муж нес в семейство после охоты или трудового дня. Муж нес в себе чистоту духа и любовь, а потому всегда был желанным, ибо это и есть самая важная добыча. Если этого не было, то племя было обречено на гибель даже при всеобщем достатке^{111,222,333}. А если есть, то даже смертельные условия жизни будут только усиливать жизнеспособность коллектива и активировать в нем счастье единения с Богом. То есть муж, который принес в дом злое в душе своей есть содомлянин. Таким образом, всякая деятельность древнего человека – это в первую очередь формы богослужения и виды межличностного общения, которые в процессе дальнейшего становления общества нуждались в организации еще одного образа Творца. Так появились государственные образования. Вот почему древние черепа убитых животных использовали в культах, а потом вообще начали строить культовые каменные сооружения – межличностные общения в служении Богу⁴³². Человек, будучи изгнанный из Рая, имел представления о Нём, что самопроизвольно обусловило данное его поведение – он ищет то, где было ему привычно хорошо, где ему более всего естественно быть, как в его изначальной Родине²⁹⁴. Богу всегда естественна радость в абсолютном её значении, потому и творчество Бога несет в себе множественную продуктивность счастья – все во Вселенной пытается пристроиться к этой радости посредством подобия Ему всем своим существом.

Также как счастливому человеку Ему хочется творить в абсолюте мир счастья и радости. А потому человек изначально на всё вокруг может смотреть только через призму этой реалии Божественного и тем самым замечает во Вселенной лишь то, что естественно для него. То есть то, что оказалось в поле обозрения – грани, несущие свойства Родины, Истины, к которым человек стал причастен ещё в Раю. Этот мир несет в себе множественное разрушающее влияние бездны, а потому, чтобы самоутвердиться в данных для человека противоестественных условиях, он строит ограждения^{111,222,333,666,777} для разрушающего влияния ада в самых различных прообразах себя самого, то есть собирает вокруг себя носители Истины, которая заложена в нём самом²⁹⁵. Ищет подобие Истины, которое раскидано по Вселенной во множествах частиц и природ. Так больше радости. Он ищет радостное, явленное как прямое и твердое в абсолютах, тяжелое и легкое в абсолютах, светлое и тёмное в абсолютах, скользкое и шероховатое в абсолютах, стремится на все вершины в их абсолютах. Только абсолюты имеют подобие Творцу и могут быть задействованы в порядках земного выражения Божественного присутствия⁷⁷⁷. (По этой причине, Истина для человека не может быть чем-то иным, чем то, что есть Родина во всей специфике Её проявления в данных реалиях окружающей природы).

б) Нужно сразу заметить, что в Раю мир человеку открыва-

ется в полноте и многогранном единствообразии²³⁴, то есть он там видит радостное – мир в единстве и ему всё понятно – в противном случае, что-то не понятное автоматически вызывает неуверенность и опасения, а сие скрадывает радость⁴³², а это не есть райское счастье⁴². Этим высказыванием определение о познаниях Вселенной ограничивается, ибо что-то иное не приносит радость⁴³². Адам видел там в Раю все в гармоничной сообразности Творцу – в целостности-цельности. Следовательно, видеть будущее – самое естественное и самое важное составляющее качество счастья⁴² человека, как ещё один образ уверенности в себе⁴³². Видеть будущее – это всей полнотой природы человека, всеми фибрами его естества видеть впереди (в будущем) Личность. И эта Личность Сам Бог со всеми сопутствующими Ему условиями Царствия Небесного через предстоящий чувственно воспринимаемый жизненный путь, как присутствующую в нас конечную цель. То, что мы называем даром ясновидения у православных старцев – на самом деле сопряжено с Райской радостью⁴³², есть нераскрытый талант каждого человека и каждый человек повинен в своих ошибках, ибо в поте лица не активировал во всей полноте все грани своей природы – потому и ошибался.

Итак, перед нами дилемма. С одной стороны, эволюция имеет место в бытии. А с другой стороны, нет. Если сказать, что есть эволюция, то отсюда следует, что существуют такие

формы жизни, кои на поприще эволюционного становления к совершенству преуспели более всего. То есть идут впереди всех и всякого эволюционного движения и оные наиболее совершенны. А если сказать, что жизнь – это уже абсолют совершенства эволюции нет, то получается, что эволюция не имеет смысла и ее нет. Жизнь всегда Божественна, то есть в ней множество талантов и достоинств. Им только надо дать возможность раскрыться. Если появляются мутации, кои дают некоторую способность торжествовать в борьбе за выживание в жесточайшем естественном отборе, то эта мутация закрепляется как лучшая живучесть, проходит естественный отбор временем. Но живое остается тем же и ему можно давать возможность раскрыться, чем и занимаются артисты цирка. Солнечный поток каким был миллиарды лет назад, таким и остался. Он может быть сильным или слабым, но какой-то эволюции в своей природе он не испытывает. Получается, что мы все равны. И червь, и насекомое, и млекопитающее. Это тоже не есть истина. Два в одном. Эволюция движется к совершенству в прообразе того самого змея-искусителя. Голова – совершенство, а хвост следует за головой. Там где голова, там будет и хвост. Противоречий тут нет, но одно живительно дополняет другое.

1.0.2.-91. Разные свидетельства о Царствии Небесном предстают перед нами в разных прообразах Его⁴³². Но в любом случае, как уже сказано, человек видит образ единого Бога, только в своем инобытии для Него (в соответствующую-

щей инобытию природной специфике, естественной и привычной для нас) это единое и неделимое Божественное явление Его подобием – неделимым единством единой в себе самой непрерывной последовательностью сменяющихся закономерных непрерывных событий на шкале времени. Но эта последовательность наделена образом Божественного, то есть свойством единого, явленного неразрывностью этой цепи, где прошлое всякого распознаваемого явления связано с будущим единой и непрерывной, неделимой связанной цепочкой событий, нарушение коей – нарушение подобия Ему, что сопряжено с утратой будущего, ибо неполнотой утрачивается образ Божий, вне коего привычно принимаемая жизнь невозможна и распознавание образа Его вне единства невозможно или становится невозможным. *Человек вне Образа Его не может идти вперед к Нему, ибо не видит в будущем Личность. Если человек видит мир в попадающих в поле зрения обрывках, то отсутствие Образа Творца в обрывочках делает мир для нас неопознанным. Мы не видим единства в разрозненных осколках. Видеть единство и вечность мира, как это было обыденным человеку в Раю, также является (хотя и трудоёмко) доступным и важным человеку в земных реалиях, то есть человек видит будущее, как единое целое, как неделимую реальность, как Личность. Уже поэтому только человек, видевший там в Раю все в Образе Единого – в гармоничной целостности, теперь имеет возможность узнавать её признаки в земных реалиях. У человека*

от Царствия Небесного осталось понятие о Едином и созерцающая Его признаки-составляющие вокруг, по крупицам воссоздавать утраченное грехом бытие в течение многих и многих лет, что определило развитие эволюции теперь ещё и в этом направлении – человек, возникший в реалии Земли, как победоносный путь радостного торжества над самим собой и над природой вообще, воссоздает этот удобоприемлемый богообщению рай в земных условиях теперь уже посредством технического прогресса. Всякое бытие вне богообщения будет разрушено. Просто разрушение и восстановление – всегда не сопоставимы в продолжительности. Грех – это ничтожно абсолютно малое, а Божественное становление бесконечно великое и все в этом же соотношении: горе ничтожно мало, а радость всегда бесконечно велика.

Видение будущего, а именно Личность Бога в нем обуславливает всякое эволюционное становление, в коем конечная Цель Личность Бога. Эволюция всегда идет до совершенства подобия Творцу, ибо предстать перед Ним в будущем подобает уже абсолютным подобием Ему, в противном случае, как с Личностью, мы общаться не сможем, не сможем Его распознать как Творца. В то же время, движение к Нему обусловлено Его присутствием в нас – это двоичность свойственна полноте радости, условие уверенности в себе, то есть счастья. Хотя, надо сказать, что сие высказывание не корректное, ибо (07.01.00) *если мы видим Бога в данный момент, то видим и будущее. Это как в реке (смотри 1133-43).*

Так идея, также отдалённая грань Его реальности, обрётённой во Царствии Небесном, несет в себе только одно понятие – Бог, верно вписаться в Образ Коего, становится возможностью быть и в будущем, и во веки. Поэтому сие не даёт покоя во все времена бытия цивилизации. Все постоянно меняется и из-за этого идея постоянно терпит ломку, болезненно трансформируется во множественные идеологии, коих было в истории человечества мириады, но только в одном наиболее полно получило верное определение – православном догматическом богословии^{111,222,333,666}. (Человек помнит о Рае и живет в Нем, чем отличается от животных, утративших эту память и потому уже не ищущих пути в коих он бережет в себе Божественное присутствие и возвращения к Богу через покаяние и не могущих отличить добро от зла вне сферы своего обзора). Скажем проще. Всякое явление несёт в себе полноту Божественного, но только односторонне выраженную в некоторой Его грани, которая в Раю представлена не отдельно от всего, а составной частью единого рабочего процесса Его творчества, а потому молитвенное единство с Творцом стимулирует поиск именно этой причинной составляющей во всяком явлении, через которую приходит приобщение ко всей полноте Божественного. (07.01.00) *Божественное абсолютно многогранное всегда и абсолютно совершенное, а потому не терпит эволюции, ибо нет какого-то большего совершенства в бытии. Человек, как образ и подобие Божье, также имеет множество талантов и до-*

стоинств в прообразе Творца Небесного. Им надо только дать возможность раскрыться в бытии, что и происходит в реалии Вселенной. В этом и есть эволюция, и в то же время ее отсутствие. Мутации – это тоже реальность, но для человека она не имеет значения, ибо он отдает приоритеты любви и межличностным отношениям с Богом. Животное же, пользуется новыми способностями, кои возникли в связи с появлением этих отклонений в физиологии организма. У человека мутации не задерживаются, а у животного передаются по наследству. Поэтому человек так и остается в прообразе точки, которая содержит в себе все множество вариаций самовыражения, но только в потенции, в возможности. Как только их точки возникает какая-то умопостигаемая зависимость, так сразу же то бесконечное множество выпадает, ибо реализация всех остальных вариаций усложнения простоты точки становится затруднительной и даже невозможной. Хотя новая обозреваемая реальность в то же время сохраняет подобие точки, выраженное законом зависимости или так и остается тождественной точке. В этом прообразе существует отношение личности с остальным миром флоры и фауны. И флора, и фауна остаются частью природы человека и молятся Богу человеком, ибо он сохранил в себе все реалии бытия, хотя и в потенции, в возможности как-то проявить образ Божий.

Вся полнота Божественного из-за своего величия разрушит наше естество в сфере причинно-следственного меха-

низма, а вне полноты спасение невозможно – через эту дыру в днище тонет весь корабль мироздания. То есть чтобы соблюсти неразрывность и цельность в прообразе Божьем в специфической сфере причинно-следственного механизма, а именно в прообразе Его единства в связной цепи очередности событий, в коих из одного следует другое, нам нужно показывать только данную сторону всей полноты явления, чтобы постепенно без напряжения в нежной природы человечества приобщиться ко всей остальной части всеобъемлющей полноты. (Это прообраз ползающего змия-искусителя). Это важно, ибо также удобоприемлемо приобщает человечество к другому из множества свойств Истины – молитвенному комфорту, раю земному²⁹⁶, кои возможны только через исполнение замысла Творца о человеке – надо быть в Богом отведённом человеку месте. Именно это стало причиной бытия эволюции человеческого быта и при этом именно в этом направлении эшелона развития её, которое утверждает образ Божий в цельности и, хотя и очень шатко и нежно в земных условиях из-за близости ада, но во всеобъемлющей полноте²³⁵. Человек эту нежную и шаткую цельность старается ограждением защитить от множества покушений и тем хранит радость богообщения и усиливает ее все большим и большим включением в молитвенный процесс окружающего нас мира Вселенной. Полученный опыт достижения и сохранения радости становится достоянием общества и оный, этот опыт обретает устойчивость в умах и затем

передается по наследству другим поколениям. По наследству может передаваться только счастье и радость в опытной обличии^{111,222,333,666}. То есть, повторяюсь, нельзя говорить о том, что благодаря какому-то научному открытию что-то стало легче – нет, просто радость бытия во Царствии Небесном при земной жизни стала более устойчивой^{111,222,333,666}. А то, как это выражено в реалии жизни, совсем не означает, что люди стали больше спать и есть. Совсем наоборот, облегчается жизнь во Царствии Небесном благодаря монотонному физическому труду в полсилы возможностей человека, в гигиене и без обморожений. Просто для беседы с Богом нужна Голгофа и человек теперь восходит на нее удобно-приемлемо без вреда для плоти. Ведь во спасении, в радости бытия во Царствии участвует весь человек и уже вся Вселенная, а не какая-то его часть или часть Вселенной, а потому человек должен беречь свою кожу, свои части тела и Вселенную, как неотъемлемые соучаствующие в деле человека пребывать во Царствии Небесном^{111,222,333,666}. Ведь быть во Царствии Небесном, не смотря на грехопадение, так и осталось наиважнейшим условием бытия человека в первую очередь(!) и всего живого вокруг через него. Именно это и стало причиной возникновения речи, письменности и научной революции, что мы ныне имеем радость созерцать^{111,222,333,666}. Люди в новой реальности после грехопадения создают то, что заложено в их природе, как Основа основ. В противном случае, об этом даже говорить нет смысла.

1.0.2.-92. Каким был человек до отпадения – очень сложно говорить. Но после отпадения на человеческом естестве могло выразиться только одно – рисунок, маршрут продвижения эволюции, где одновременно в триединстве проявились и сам Рай, и маршрут отпадения от Него, также маршрут осторожного движения по этой самой границе с бездной, то есть по самому дну природы (и человека, и Вселенной). В то же время на рисунке сем должен быть виден образ осторожности несения радости бытия в Раю или иными словами, путь возвращения к Богу на прежнюю Родину. В этом рисунке должно быть изображено и Царствие Небесное (как о человеке замысел Божий и оный не может быть утраченным, и оный не терпит эволюции), и сам крайний предел-границу с бездной, а также на рисунке отражена дорога возвращения-преображение во Царствие Небесное, то есть торжество над собственной природой. Потому жить в радости Благодати Божьей так и осталось самым важным фундаментом утверждения жизни человека^{111-01-1.1,333,666}, как в Раю, так и земных реалиях – Основой основ, Твердыней твердынь, естеством всех природ – ибо она стимулирует бытие этих качеств. Радость так и остается иным именем всякого проявления жизни и потому человек всегда ищет то, что дает свободу высвобождению радости; то место, где нет покушения на радость; где нет покушения на свободу радости. Освобождение радости становится приоритетом всего и двигателем всех форм эволюции^{111-01-1.1(смотри111-01, 111-01-1.2, 111-1-11)}. И

только она есть мотивация всякой устойчивости^{777-01-2.4} и свободы, как водная гладь озера^{111-01-2.4,222,333,666,777-01-2.4}, которую как не нарушай, но она все равно восстанавливается^{111-01-2.4,777-01-2.4}. Жизнь в Благодати Божьей, как естество Божественного дыхания абсолютной радости, после грехопадения с одной стороны непреходяще вечна. А с другой стороны, как уже много раз оговорено, сохраняя свободу самовыражения радость призвана постоянно адаптироваться в новых и новых реалиях²³⁶. То есть два в одном. В природе человека выражена и Причина причин, и вся цепочка развития от первых её мгновений и до сего дня, а потому для подобия Единому в земных условиях должна быть связь с Ним, с одной стороны, прямо сейчас в данный момент и, с другой стороны, как следствие потом – в будущем – как конечная Цель всех земных устремлений и эволюционных становлений, как образ единства Бога, в коем нет порывов, в коем все монолитно. Второе всегда есть следствие первого именно в данной схеме бытия, также как камень возле костра разогревается именно присутствием плазмы и разогрев сей эволюционирует до определенного максимума благодаря именно этой близости к огню и только в этом направлении – не куда-то там, но только к большему подобию плазме. Так как мы все идём в одном направлении – в Божественное будущее (а будущее только Божественное), то и образ совершаемой молитвы должен быть выражен во всей полноте функциональности природы человека примерно одинаково, что тво-

рит важное качество – мы становимся понятными друг другу. Это сотворит нас цивилизацией иного уровня, что позволит более успешно решать более мощные проблемы.

Какой исходной формой мог обладать человек, в самом начале зарождения жизни после его отпадения от Бога, оказавшись на дне безобразия²³⁷? Повторюсь, что ответ заложен в самом человеке. Тут как бы тяжело говорить научным языком, но лучше всего сказать библейскими аллегориями. Согласно закону эволюции, в процессе оной мы принимаем образ Того, на Кого смотрим. В Писании сказано, что Ева общалась со змием. Отсюда следует, что человек изначально имел вид змеи^{111-02-01,222,333,666,777}, несущим в себе именно это качество ограниченности^{111,222,333,666,777} сообразно природе змея-искусителя одностороннего мышления неразрывного причинно-следственного механизма⁷⁷⁷, о коем сказано чуть ранее. Так как это противоестественный образ для человека, то тут же начинается внутренняя борьба, наследниками коей мы все являемся до сей поры – противостояние естественного с противоестественным в единстве борьбы противоположностей^{666,777}, как движитель эволюции²⁹⁷ в границах абсолютно одностороннего выражения образа Божьего, который нес в себе змей – в прообразе единства Творца, выраженного непрерывностью причинно-следственного механизма. К примеру, душа жаждет летать, на что плоть не способна – противоречие, активирующее эволюционные те-

чения. Причем важна не сама борьба ради борьбы, то есть сама борьба ещё не есть полнота жизни. Важна победа в этой борьбе, причем не разовый акт, а постоянное важно торжество (смотреть 111-02-01), 222,333,666,777 в борьбе этой, как образ изначального бытия во Царствии Небесном, как условие жизни и сама жизнь – абсолютная радость²³⁸. (Этот момент остается одним из ключевых, ибо после причащения во время святой Евхаристии, причастившийся мирянин нуждается в дальнейшем молитвенном сопровождении опытного исихаста-инока, в противном случае, слабому тяжело распознать сам процесс исцеления, ибо нет отчетливого контраста до и после Причастия. А без распознавания вера угасает. Иными словами, для серьезного духовника Причастие Святых Таинств духовных чад становится только началом напряженного духовного борения против покушения на эту Божественную Составляющую, присутствующую в причастившихся душах) Повторюсь, что речь идёт об утверждении жизни не посредством силы воли, а только радостью. И последующее развитие эволюции могло идти только в одном направлении – успешное обуздание этой природы не силой воли, а только счастьем, благодаря радости о Боге, делающей незаметными скорби, что и выразилось на самом человеке – он носит в себе фотографическую печать Божьей радости побеждающей, торжествующей над животным началом 111-02-02, 222,333,666. По слову святых отцов Церкви Василия Великого и Григория Богослова: «Бог сотворил челове-

ка животным, получившим повеление стать Богом». Как это выражено?

1.0.2.-93. В каждом из нас живёт змей длиной 4 метра(смотри111-02-02),333,666, строение которого в процессе эволюции выразилось в образе победы над природой торжеством над ней (а не убийством), в образе обуздания природы, в образе победы над судьбой и смертью. Дело в том, что познание Бога остается основой всякого дыхания жизни. Познание имеет два образа. Сродни позиции созерцания окружающей реальности – либо с высоты вершины, либо в непосредственной близости к земле111-02-03. Везде нужна полнота, которая, исходя из возможностей, открывающихся позиционированием созерцания Вселенной и Бога, также явлена в двух образах. А так как полнота восприятия легче всего дается только с вершины бытия¹¹², то неизбежно эволюция обозначит контуры обоих образов спасительного познания, в которых момент восприятия мира с высоты присутствует и в то же время сопряжен с образом мировосприятия червя, его причинно-следственной линейностью восприятия, свойственного железной лигоике – два в одном(смотри111-02-03),222,333,666. То есть главное не еда и пожирание всего на своём пути, как это суждено червя, а этот именно порядок Божий торжества радости над собственной природой. А для жизни в земных условиях сие есть два крыла. А это возможно только на вершине, сообразной Голгофе Христовой. Так человек из ползающего, в процессе раз-

вития и эволюционного становления змея, стал прямоходящим; у него нет приспособлений для облегчения борьбы за выживание, как у животных; у него нет шерсти; клыков и рогов. Ближе всего к небу находится голова, ниже сердце и руки, потом уже желудок и потом все то, что менее всего значимо для вечности. Потому что так более сообразно Голгофе Христовой^{111-02-04,222,333,666}, то есть в данном случае в пределах природных возможностей человека наиболее остро стимулирована борьба. Так в пределах природы более тяжело жить радуясь в воздержании, быть прямоходящим сложнее ползанья, а иметь устойчивость на площади двух ступней и в тяготах противостояния холоду и опасностям, и победное торжество над тяжестью этой обуславливает его бессмертие^{111-02-04,222,333,666} – ещё более тяжело. Более того, если сюда прибавить дальновидность во всех смыслах этого слова, которая свойственна человеку-вершине, то видение цели и окружающая реальность – это ещё одна статья противостояний, причем в прообразе Голгофы Христовой активированных наиболее остро. Ведь конечное для течения всех эволюций Божественное есть, а оно абсолютно и всегда в альтернативе из-за абсолюта Его во всем. Тяжесть – это противоречие, обусловленное борьбой дополняющих друг друга двух противоположных образов одной и той же полноты-единства мира, раскрытой с отдаленной высоты и бесконечное перечисление в непосредственной близости – и это есть противоречие, соответственно, стимулирующее ста-

новление и эволюционные токи от влияния Божественного на природу. (Хотя так нельзя говорить, ибо на самом деле природа следует за Творцом и противоречие – это возникшее напряжение в процессе движения, неизбежное также как между составом вагонов и движущим их локомотивом). Это также единство двух реалий – бесконечно удаленного в будущее, в котором пребывает Творец и реальностью настоящего дня. Победивший в себе этого змея, одностороннего и ограниченного образа Божия, а именно оседлавший свою природу, становится победителем смерти²³⁸ и всего остального (смотри 111-02-02), 222, 333, так человек носит в себе утверждение свойства Божественного – вечности жизни и вся эволюция человечества – это стремление сотворить невозможное – *оторваться от греха и во плоти войти во Царствие Небесное*. Живём не для того, чтобы перерабатывать энергоносители, а просто жаждем быть похожим на Творца Вселенной в счастье¹⁵⁹ Его, коим был человек до отпадения из Рая и таким же он остается во веки веков, даже если придётся голодать или принять мученичество за других. И даже здесь, на самом нашем естестве, явственно видно эту тенденцию торжествовать в радости в трудной борьбе с самим собой, не только оберегая образ Божий в самом образе¹⁵⁹, но и в подвижничестве. Это продолжение белой линии эволюционного становления уже теперь не только тех людей, когда-то принявших оседлый образ жизни, но и уже совре-

менного человечества. Ведь Бог виден только в противоречии-напряжении, которое возникает только в процессе следования за Творцом и только за Ним¹¹¹⁻⁰¹⁻⁰⁰¹. Следование к Богу стимулирует напряжение между совершенным и менее совершенным-прошлым, в коем побеждает только более совершенное, а значит более радостное и оное, как большая радость, утверждается в данной реалии Вселенной. Новое, как хорошо забытое старое, на самом деле – приобщение к извечному одному и тому же счастью, но с помощью более совершенных инструментов (совершенство и радость – разные именно жизни) и «опыта – сына ошибок трудных» ¹¹¹⁻⁰¹⁻⁰⁰³. Именно благодаря этой радости движения к Свету в том же числе сфере эволюционного становления привело преобразование природы человека от змия к привычному виду. Радость от единства с Богом активирует все процессы эволюции и утверждает человека исполином Вселенной. Человек видит каким он стал и становится в процессе движения, при этом только на пути к Богу испытывая экстаз своего бытия. То есть условием экстаза также является процесс становления только и только до образа Божьего. Это такое пленение человека радостью, присутствием коей человек осознает себя свободным, поэтому радость и свобода – это разные имена живого¹¹¹⁻⁰¹⁻⁰⁰¹. Что-то иное сразу вводит в транс, а потому делает нас страшливыми и боязливыми перед переменами этому принципу. Бог виден в борьбе, а радостное торжество, несущее образ Творца во всякой борьбе, всегда начинается

только в самом себе²³⁹. Для созерцания Бога нужно борение себя, а не кого-то ещё. Также как заяц для охотника распознаем только в движении зверька. А так как мы есть то, на что смотрим, то и принимаем образ Того, на Кого смотрим в процессе борения, как стимул эволюционных процессов данного направления (уподобления только Богу). Животное видит Божественное в добыче, как носителе энергии, а потому и адаптируется под этот образ восприятия Творца. К примеру, у него эволюционно появляются клыки. Человечество посмотрело на змия-искусителя и приняла образ его (смотри 111-02-01), а потом смотрит на Бога, чтобы в победном противостоянии с самим собой на нашей природе человека проявился образ Того, на кого мы смотрим и призываем на помощь в этой брани – Творца. То есть ясно, что человек может формироваться в данном виде только лишь торжествуя в борьбе с самим собой, ибо только на Голгофе явлен Бог для обозрения («Воистину Сын Божий. Помяни мя, егда приидеши во Царствии Твоем».) Грехом является подмена, когда человек путает Образ Божий с образом проводящего Его через себя, а потому здесь нам важно сделать замечание и сказать, что (07.01.00) древний ходил на охоту не за дичью и собирал семена колосьев не для того, чтобы есть. Нет совсем, также как много позже тоская на себе огромные глыбы не руководствовался земными целями (речь идет о строительстве менгир, дольменов, кромлехов) – он, зарядившись доброй Божественной энергией в процессе охоты

или сбора семян, после трудового дня нес в своей душе для детей и родных радость богообщения, приобщившись к которой счастливыми становились все остальные члены семейства и племени, и народа (смотри 111-01-001). Люди приняли оседлость только лишь потому, что охота не гарантирует успех и человек, возвращаясь нес радость не полную, а собирательная экономика гарантировала обеспечение продуктом вместе с этой радостью (смотри 111-01-003). Человек получал торжество счастья и потому мог делиться им, то есть был добр (доброта и радость в Боге – это разные имена Творца), и потому любил и его любили. И только этим он мог выжить в самых страшных условиях Севера и только этим, радостью, он мог пленить всю Вселенную. Если муж пришел домой и принес с работы злое сердце, то это первый сигнал содомского греха – это вырождение. 111,222,333

Всякая победа в брани с каждым шагом эволюционного развития выводит образы, адаптированные к опасному воздействию, а потому смягчающие остроту противостояния. Организм, как бы адаптируясь, ослабляет и нейтрализует то самое напряжение в противостоянии, которое было движителем эволюционного прогресса. Радостное торжество над собой в борении становится утверждением внутреннего биологического процесса, его физиологией. А потому из-за ослабления остроты противоречия уходит дальнейшее формирование победоносного образа. То есть ослабляется острота восприятия борьбы противоположностей, бла-

годаря коим возможны эволюционные токи, в которых выживают более сильные образы подобия Богу. Нет сообразности Голгофе Христовой, а потому и уходят характерные для личности черты. Так как сама тяжесть борьбы за жизнь, а ещё точнее, степень остроты этой борьбы – это фундамент формирования еще какого-то уникального образа Победы в этом противостоянии, то, постоянно утверждающая живое победа (во всякой определённой степени обострения противостояния) мутациями загоняет жизнь в такие откровенно утонченные формы, что от этого жизнь воспринимается абсолютным чудом. Лишь бы острота противоречия, активизирующая борения и связанные с ним эволюционные течения к Богу, была в той же прежней кондиции¹¹¹⁻⁰¹⁻⁰⁴, коя возникла в самом начале времен по грехопадению. И при этом в пределах природных возможностей организма. К примеру, стоять на двух ступнях в первые моменты – это трудно, то есть максимально активизирует некоторую кондицию остроты противостояния, благодаря коему победа сильно душу общает к Царствию Небесному. А так как есть основа для беседы с Богом, то будет и жизнь в этих условиях. Но этим все не заканчивается, ибо всякая острота борения в конечном счете становится частью физиологии, то есть постоянно скрадывается. А потому нужны такие мутации, которые бы вновь противоречия в прообразе Голгофы Христовой вывели бы на должный уровень, тем самым кристаллизуя и поддерживая любовь.

Повторюсь еще раз, что в процессе эволюционного становления опосредовано мутаций, организм приобретает такие достоинства, которые уничтожают прежнюю остроту противостояния и человек перестает замечать сие как трудность. Просто со временем сия тяжеба становится частью биологического процесса, то есть привычной как дыхание. Теперь человек уверенно не только стоит на ступнях, а даже уже бежит. Но «вожди» эволюции должны быть в том же натяжении всегда, ибо только движущее эволюцию противоречие между данной реальностью совершенства и абсолютной конечной – Богом формирует уникально складывающийся образ победителя. Вне движения к абсолютному подобию Богу во всех гранях естества нет человека. Только в этом случае в земных условиях живет душа, если мотивирована приобщением к Царствию Небесному посредством той же кондиции напряжения трудом в поте лица, как заповедь Божья, как самое необходимое условие жизни вообще и причем на любом уровне её становления. Человеку нужна в первую очередь только жизнь души в Жизни **111-01-005**. Мы как бы подвешены и ногами нащупываем под собой твердыню, цепляемся за все то, что оказалось в поле досягаемости ступней ног, как более близкое к Божественному свойству на поверхности Земли. Если находим, то сие становится опытом богообщения, хотя и далекий от абсолюта полноты. То есть неизбежно самопроизвольно опять формируется прежняя кондиция противостояния, активизируется прежняя степень остроты борения,

вне которого душа начинает деградировать и умирать. Это обусловлено абсолютным совершенством Бога, у которого мы постоянно заимствуем какой-то новый прообраз совершенства и восстанавливаем единящее душу с Богом напряжение в прежнем значении прообраза Голгофы Христовой. К примеру, повторюсь, когда-то было очень тяжело стоять на двух ступнях, но человек адаптировался к этой трудности и даже стал виртуозом, а теперь ещё труднее стоять вообще на одной ступне и жизнь теперь уже будет формировать новый образ победы – счастливую жизнь на одной ступне (к примеру). В этом же природа счастливой случайности. Постепенно шаг за шагом, от победы к новой победе человек постоянно все ярче и выразительнее формирует свой образ-очертание Начальника Царствия Небесного, а именно его специфической яви – счастливой случайности (смотри 111-01-005) и тем самым победоносно наступает на невозможное, отвоёвывает у смерти новые пространства, где, казалось бы, жизнь не возможна. Христос умалил Себя, вознёсся на Небеса с плотью именно по той же причине, по какой червь принял обличие человека и начал ходить на двух ногах. Христос не нарушил главного – Он остался в Жизни. То есть невозможное стало возможным по той же причине – просто это Вознесение, как и сама жизнь на Небе с Плотью тяжелее всего 111-01-006,222,333,666. Невозможное стало возможным только потому, что данная реальия несет в себе наиболее острое и даже абсолютное противостояние, торжествовать в котором

возможно только Богу. А мы тоже взайдем на эту же Голгофу Христову вслед за Ним, но в пределах нашей природы взять на себя всю полноту ответственности за мир. Иными словами, жизнь возможна только в радости и при этом только на каком-то прообразе Голгофы^{111-01-006,222,333,666}. На Вершине вершин все началось и на Вершине вершин все остается во веки веков¹¹¹⁻⁰¹⁻⁰⁰⁷. Эволюции это не поддается Просто эти прообразы Голгофы имеют удобоприемлемость, благодаря коей нет нарушения Образа Божьего в самом человеке – не разрушается нежная нить единящая все⁴⁴⁴. В пределах этой радости(смотри 111-01-005) возникает победоносный новый сюжет становления живого до абсолютного подобия Ему. Именно это условие становится знаковым в формировании живого и спасительным для нас – ведь мы уже идём по тому же следу, начиная от странностей поведения первобытных людей(смотри 111-01-005) и заканчивая новыми победами⁴⁴⁴ – освоением(смотри 111-01-005) космоса²⁴⁰. Прежнее движущее и живительное противоречие, обуславливающее спасительное становление образа единения души человека с Богом в земных условиях, как движитель эволюции, возникает в человечестве, когда сами люди противостоят не внешним условиям выживания, в сокрушении сердечном осознают свое греховное состояние, кем оказался первый человек по грехопадению – осознание ничтожности, которое мы носим в себе всегда при любом совершенстве тела. Движитель

эволюции – противостояние самому себе, в коем ради далекой видимой духом цели, человек по любви Богу выбирает удобоприемлемый путь через страдания в прообразе Шестивия Христа через Голгофу. Надо сказать, что покаяние это настоящий дар Божий, без коего идти на жертву собой трудно и страшно. Видение в себе греховного ничтожества через призму Божественного сильно стесняет дух, но именно это состояние напряжения духа толкает к покорению новых вершин, к подвигу противостояния себе и начинается возрастание личности к Личности Творца и уже только потом, следуя за ней, поднимается Вселенная. Человек, как существо духовное, может иметь представление о своей слабости лишь в критериях, которые имеют отношение к везучести, к счастливой случайности. Оные должны сопровождать человека во всей его жизни, полной противостояния. Человек – существо духовное, а потому он живет не в законе, а в Жизни. Бытие в Жизни обуславливает бытие жизни даже там, где согласно закону она невозможна. Иными словами, из всех мутаций, если таковые имеют место в бытии, человеку востребована более всего только одна, но только не для исполнения закона, а только та, что обуславливает везение в борьбе и постоянное торжество в ней. Ничего более не надо, никаких достоинств, но только одно везение(смотри111-01-1.1),333, чтобы без всяких возможностей и без всяких достоинств пролезть туда, куда с этим сонмом беззащитности и немощности пролезть невозможно. Этот момент мы видим во святом

Воскресении Сына Божьего и последующим Его святым Вознесением на Небо. Как атеисты, хотим это воспринимать или нет, но нам ничего не остается, кроме того, что надо в это верить, ибо это есть маяк становления человечества, как тот самый Абсолют, противоречие Коему стимулирует все течения эволюций.

1.0.2.-94. Сам по себе мир многогранен и многогранны трудности, преодоление коих предполагают эту высоту духовной жизни(смотри 111-01-00), с коей открывается глазу вид на мир. Начиная с предательства, тяжести несения ноши и терпения истязаний, и заканчивая унижением и позором. Таким вот образом, после отпадения от Бога человечество готовилось ко принятию Христа и Голгофе Его, на которой стали очевидными абсолютно все аспекты нестроений (вплоть до наступления «темноты с шестого часа по девятый» и даже землетрясения) и не временно-разово (как в спортивном поединке), а великое вечное торжество над ними – грядущая Победа²⁴¹. Победа победе рознь. Спаситель как бы указывает нам о том, какие нам победы нужны. Не те, что потом попадут в Книгу рекордов Гиннеса, а те, благодаря коим утверждается дальнейшее победоносное шествие жизни в будущее – утверждение крепости союзов, крепкого здоровья вкупе с высоким аскетизмом.

1.0.2.-95. Представим Божественном в ином ракурсе – Он всегда наше будущее и настоящее одновременно. Так как будущее (оное есть и настоящее⁴³ для кающейся души) все-

гда есть вечность в любом проявлении, то будущее все лучше и лучше зеркально отражается уже в настоящем и в самой истории человечества, а эволюционное развитие рисует все более и более отчетливые очертания и формы, выражающие этот образ и подобие вечного будущего. (Чем ближе мы к огню, тем сильнее жар, тем сильнее нагреваемся. В этом же прообразе происходит активация эволюционных процессов в земном бытии. Будущее начинается в настоящем. Чем дольше процесс становления в эволюции, тем лучше виден образ Творца. Суд Божий будет именно в этом, что мы к Судному Дню должны быть Ему подобны). В противном случае, подобное прошлое и нынешнее не стремилось бы к своему же подобию – к будущему, а потому все то, что будущего не имело – все то безвозвратно утрачено, а потому об этом ничего не знаем²⁹⁸. Может быть нет смысла говорить посредством такого набора инструментов, но по жестокосердию нашему приходится прибегать к такому способу свидетельствовать о Боге. Мы в молитве общаемся с настоящим для нашей души, но с будущим для нашего тела, а именно с его конечной целью становления (смотри 111-01-00), 222, 333, 777. Это еще один вариант выражения двоичности природы, в которой думаем и принимаем образ того, на что смотрим или будем там, куда смотрим – на берегу вечности. Потому Оно нас современных судит или смотрит на то, насколько мы Его верно исповедуем. Как это выразилось на природе людей на данном этапе? Понятно, что если речь идет о мире видимом,

то, как самое значимое, подразумевается только продолжение рода. Бог как бы заградил путь злу в будущее, к Самому Себе и ведет жизнь через великое смирение и умаление себя до малого – узенькие врата точки(смотри 777-01-1). Точка – это отсутствие величины греха или величины смерти, а потому Бог постоянно пропускает через точку всю Вселенную. Именно по этому прообраз этой Точки имеет будущее жизни земной. Прообраз точки заключен во чреве жены, будущей матери. Это одно. Второе, войти в земное будущее или продолжить свой род дано не каждому, но лишь тому, в ком жена распознала Божественное в своем прообразе, чтобы дать Ему возможность пребывать здесь на земле, утвердить Его в новой реалии зарождающейся жизни. Только лишь подвиг жертвенного служения несет в себе прообраз Богородицы, через который в мир входит вся полнота Творца. Муж рождает свою душу в радости, он носит в себе эту радость Царствия Небесного уже при жизни. Он бережет свой плод и ходит тропами осторожно, дабы не повредить 111-01(6) образ Божий в иных гранях проявления Его присутствия. Он понимает, что для этого нужно воздержание, нужны посты и прощать врагов своих.

С другой стороны, то, как Бог нежен с человеком и служит ему, Своему творению даже через самопожертвование, также муж может и призван смирить себя и пребывая в служении слабому – жене своей и детям – радоваться не своей радостью от своих достижений и побед, достижениями и по-

бедами своих детей и жены. Так, деторождением Бог оставил зло, в прошлом^{111-01(в)}. Бог разделил зло, чтобы оно стало добром, ведь только этим Он способен властвовать над ним^{111-01(г)}. Душе, общающейся с Настоящим, необходимо смирить себя для бытия себя в плоти в будущем⁶⁶⁶⁻⁰¹⁻⁰⁰. (Муж может быть уродлив от рождения или как-то ещё, но это не та грань Творца, на которую можно обратить внимание – главное, что он жертвенно служит). Этот момент выражен в Священном Писании.

а) После смерти мы, выражаясь понятийным языком естественного для нас, идём также в будущее, ведь многие пребывавшие в клинической смерти, говорят о том, что видели свет в конце какого-то тоннеля. Тот же прообраз мы наблюдаем в захоронениях древних. Гробницы построены в виде женских детородных органов^{(смотри111-01(в))} и чтобы попасть внутрь, необходимо сильно стеснять себя и даже протискиваться по некоторому узкому коридору. Таких памятников десятки тысяч по всей Европе и многие ещё предстоит открыть. Получается, что молитва – это общение настоящего с будущим, прообраз чего получил половой акт^{(смотри111-01),333}. То есть именно этот образ священного деяния молитвы выражен в семейных отношениях между женой и мужем. Без этого мы лишены будущего. Импотенция в этом плане становится извращением, которое неизбежно выразится и в земных условиях в виде всевозможных от-

чуждений, о коих нет смысла говорить. Исключением может быть монашество, ведь настоящий монах, уединившийся для аскетического делания ради усиления молитвы, живет не ради возрастания в силе воли, а ради того же экстаза от непосредственного единения, как прикосновения к Царствию Небесному и к радости Его через унижения себя до ничтожества, вне коего мы не сможем пройти через узкие врата. Вновь видим тот же прообраз точки, из которой вышли мы вновь в нее входим. Вселенная ничего более не знает и эволюционно формируется только в этом прообразе, в коем раскрывается нам беседа двух личностей человека и Бога. Мы зрим звезды на небе не как-то там, но только в этом же прообразе длинного тоннеля, в конце коего свет – светящаяся точка и темнота пространства вокруг нее. Повторю свое утверждение о том, что мир этот видимый возник из человека, точнее и того, чем он оказался в момент грехопадения. Он нес в себе какое-то время величину греха равную нолю, которая на языке анализа имеет имя точки. Из точки возникла Вселенная, созерцаемая телесными очами и она была образом Творца с абсолютно малой величиной греха, то есть человеком. Сие есть Закон Эволюции, который эволюционными изменениям не поддается. Человек так и несет в себе это через всю историю мира. Точка имеет множество талантов и достоинств, но только в потенции и в способности проявиться. Им надо дать возможность раскрыться во всей полноте, что и происходит в реалии бытия. Но человек не раскрыва-

ется, он таки стоит на тех же позициях Начала всех начал. Если какое-то достоинство вдруг как-то раскрывается, то сие уже перестает быть человеком, ибо односторонностью утрачена бесконечность в потенции, в возможности проявиться (если окружность стала эллипсом, то она инородна пустоте и, так как появился контраст нормальному положению вещей, то, как инородное, попадает в поле зрения). Человек, узнавая в сем событии самого себя, созерцая в нем личностные характерные черты, дает имя, в коем выражен оттенок, инородный человечности. Человек как бы стоит перед входами в лабиринт и не идет ни в один из них. И потому не ошибается, ибо держит в себе возможности в потенции, держит Начало всех начал. А мир флоры и фауны как раз – это то, что (эволюционно) следует по этим входам, принимая образ всех их и каждого по отдельности. Таким образом, ясно, что означает фраза «мир флоры и фауны вышел из человека и человеком вернется во Царствие Небесное».

Человеку естественно быть только пленником радости, источник коей только один – Бог. И монах сильно в этом зашел далеко и вернуться уже никогда не сможет (смотри 777-07(a)). Этим отличается единство с Богом монаха и мирян, ибо Бог дает познание Себя через посредника, через кого-то, чтобы укрепить любовь друг другу и Вселенной. Мирянин должен оставаться в пределах семейного взаимопонимания 666-01(a). Об этом очень важно сказать, ибо всякое суждение, всякое деяние – это суть взаимоотношений меж-

ду мужем, женой и Богом. Абсолютно все теории и доктрины – это разные понятийные языковые системы отношений. Казалось бы, учёный рассказывает студентам какую-то математическую или физическую теорию, но на самом же деле, в самом конечном счете он утверждает новый понятийный язык отношений в будущих семьях, в коих личности производят слова любви друг другу. Вне этого никакого единства нет и быть не может. Если теория ложная, то она естественна самому естеству физиологии, а потому противоестественно обязательно проявится в семейных отношениях. Трагедия в том, что ошибка заявит о себе не сразу, а в самый последний момент, когда уже отворотить ничего невозможно. Но а в данный момент будет воспринята, как и сама теорема, как норма поведения⁴³². В этом суть сказки А.С.Пушкина «Петушок», в коей царь узнал о трагедии в тот момент, когда к нему подлетал петушок, чтобы клюнуть ему по голове и убить. Вина происходящих катастроф не на машинистах паровоза, ведущего поезд, а на тех, кто перевел стрелку на тупиковый путь.

б) Вообще, как уже показано в этом томе, человек, познавший добро и зло, призван отделять доброе от злого и этим иметь способность жить, отдавая Богу богово и, возвращая Ему украденное в первородном грехе. Муж по природе своей призван познавать Божественное через своё подобие Ему и отдавать будущему Богово по природным способностям своим. Жена по природе своей призвана принимать Бога и отда-

вать будущему Богово по силам и природным возможностям своим, то есть передавать новой жизни только Божественное. И тогда Божественным все живится и этим исполнением долга перед Творцом живет сам человек. Поэтому и сама по себе физиология человека обрела именно такие контуры самого этого процесса общения с Богом^{111,222,333,666,777}, ибо в самом этом образе мы видим как злое и греховное постоянно остается в прошлом, а подобие Будущему уверенно идет в будущее. Именно поэтому нужна молитва. Муж имеет право войти в Алтарь храма, чтобы активировать в себе самом все необходимое для возможности распознавать все то вокруг себя, что несет в себе Божественное. Без этого оный извращенец. В жене распознает Божественное и от этого Божественного зарождается жизнь, ибо только Он имеет жизнь. В Храме познает Божественное и от этого рождается мир, как ещё одна грань Божественного. Жена в Храме узнает о том, каков Образ Божий и в чем Он красив, чтобы распознать Его в своем окружении и потом служить Ему через своего мужа и чтобы дать толчок жизни тому образу, который она узрела в Храме Божьем, то есть через деторождение дать Ему путь в будущее в земных условиях.

в) Повторюсь, познание Божественного или обладание Оним несёт в себе целый спектр сопутствующих реалий радости от любви. Так половому сношению в обычной для нас яви, сопутствует радость во время оргазма²⁹⁹. В принципе это естественно, когда всякому познанию Божественного со-

путствует экзальтация восторга²⁴². Таково естество природы, посредством которой, если приходит познание, то только Божественного, ибо живое ничего иного, кроме Божественного познавать не стремится. И только Божественное может радовать человека.

Солнце – это будущее всего земного и для всего земного оно имеет специфический прообраз Творца. Поэтому все живое земное может иметь только прообраз только того, что его породило в этом осязаемой нами Вселенной и человек, как самый первый организм на поле зрения. Конечно, у Творца ничего невозможного нет и тот потусторонний мир много богаче, но это в том мире. Здесь, в земных условиях, все строго регламентировано и в прообразе Начала начал и в пределах подобия Ему, Началу начал. Поэтому, голова – есть основной организм людей. Выше всего к небу, как наибольшее подобие Ему, находится именно голова, чуть ниже иной прообраз – сердце, чуть ниже желудок и только потом самым последним звеном являются половые органы. В богосочинении участвует весь человек и даже вся Вселенная через человека, а не какая-то его отдельная часть или грань природы^{111-01-1.2}, ибо только вся полнота имеет способность жить и только всей полнотой есть возможность войти в будущее и там присовокупиться ко Творцу (смотри 111-01-1.2). Человек не может спастись отдельно от окружающего его мира, но только вместе с ним, он призван увлечь за собой его Вселенную и представить ее Творцу на Суд Его. В этом весь сюжет исто-

рии. Как видим, половые отношения – самая нежная форма богообщения и значимая составляющая полноты, вне коей жизнь земная невозможна. Ей нужны особые условия, причем это должна быть радость, которую надо нести бережно – для неё нужна ровная дорога без опасностей. Иудаизм, свидетельствует нам (сие перешло в Православие), что жизнь – это общение с Богом, это межличностные отношения, в пределах коих Личность Личности говорит только «Я Тебя люблю» и слышит ответ «Я тоже Тебя люблю». Вне межличностных отношений ничего не существует^{111-01-1.3}. Вне общения с Ним, никакая жизнь невозможна. Просто это общение с Богом имеет множество вариаций и все они заключены в многогранной физиологии организма. То есть все перечисленные части организма(смотри^{111-01-1.2}) – это разные по значимости пути, проводящие Божественное в природе человека к одному и тому и от одного и того же. Это инструменты для общения с Богом только разной степени полноты проводимости счастья от приобщения к Богу. В том же числе, речь должна идти о степени приобщения к вечности с помощью соответствующих этим уровням инструментов приобщения радости в процессе познания Его. Если какая-то грань природы человека несет приобщение к Богу даже в абсолютной малости и бесконечными перегрузками, то такая реалья будет иметь место в бытии. А если вспомнить, что все нервные центры (экстаза) находятся в голове человека, то становится ясным, что в будущее стремится войти одна и та же реа-

лия счастья во всей полноте своей многогранной природы, а именно один тот же отклик Царствия Небесного в природе людей, приводится в активированное состояние только с помощью разных проводников-активаторов его организма – вечность утверждается в различных гранях Вселенной в соответствии с природной способностью эту вечность нести в себе и вместить в себя. Эта реальия радости, составляющая нашего человеческого естества, активируемая межличностными отношениями посредством названных(смотри111-01-1.2) инструментов и половые отношения, хотя и значимый путь к радости, но не должен доминировать, но пребывать в строгой субординации в замысле Бога. То есть наше тело – набор путей души к Богу111-01-1.4,222,333,666, это инструмент для активной стимуляции только одного – экстаза, в пределах природной возможности организма помочь душе пребывать в том же самом – в единстве с Богом111-01-1.4. Плодотворная стимуляция единого центра этих граней нашей природы, то есть опосредовано названных путей-инструментов – это есть естественный многоликий и разноликий процесс общения с Богом и в данной реалии востребованной полноты богообщения111-01-1.4. Человек везде рад только единству-любви, а не чувственным ощущениям, посредством коих это единство возникает111-01-1.5. Природа двоичная в человеке. Чувство вне единства с Ним есть низложение живого. Общение с Богом через то, что ближе всего к Нему по природному естеству и более подобно в критериях протяжённости во вре-

мени имеет большее подобие вечности, так как не требует усилий. Та же самая радость посредством иных граней природы людей – требует напряжения, а потому временное и более трудоемкое, и даже более болезненное и скорбное²⁵². Богообщение в поте лица дает тот же самый эффект, как и непосредственная беседа с Ним, но только через нагрузки и даже иной раз огромные. В природе человека только одна грань способна прикоснуться Царствия Небесного и через это единение получать блаженство. Иной второй нет. Но как бы то ни было, продолжительно или временно, независимо от способов активации этой грани, это бьет по одному и тому же капсулю», то есть один и тот же экстаз. Без экстаза, обусловленного приобщением к Царствию Небесному, жизнь невозможна и человек что-то иное не ищет и утверждает всякое бытие, творчество и всякую структуру только экстазом^{666-01-1.0}. Повторюсь, счастье – условие жизни, как сопутствующее общению с Ним. Тяжелый рабочий процесс не мешает общению с Богом, если оный не отвлекает ум от Творца. Также активизируется тот же центр в мозге и через его активацию человек входит в состояние экстаза. (07.01.00) *Тяжелый физический труд призван включить в беседу с Творцом всю всеобъемлющую полноту, а потому более усиливает контраст переживания радости, отчего она становится еще более притягательной, благодаря чему, человек становится пленником этого пути к радости жизни. Вне этого счастья труд травмирует психику чело-*

века 666-01-1.1. Финны называют это сису.

Добиваться экстаза, как естественного состояния от бытия души во Царствии Небесном, возможно, но воспаленная грехом природа делает сие несколько противоестественным Божественному, а все противоестественное Ему не может быть наделено Божественным свойством – вечности. Если наполнить резиновый шарик воздухом, то он будет наплаву в любой шторм и непогоду. Таким образом, человек высокой святости без всяких усилий постоянно наплаву и видит сияющее Солнце. Он блаженный. Сие обстоятельство активизирует эволюцию в одну сторону. Если же резиновый шарик наполнен песком, то он будет всегда на дне. Сие направляет эволюцию в сторону иную. Даже если приложить усилие и поднять его к поверхности, то все равно, когда силы закончатся, этот предмет вновь окажется на дне и радость видеть Солнце уйдет, а видеть это Солнце – первое условие жизни. В этом природа сису (смотри 666-01-1.1) Об этом хорошо сказал А.С.Пушкин в «Сказке о попе и его работнике Балде». Балда верхом на коне может преодолевать любые расстояния и это ему приносит удовольствие, зато бес кажелится и считает сколько ему еще осталось пронести коня. Одно и то же действие, казалось бы, а как они противоположны. В первом случае, несет радость наезднику, а во втором страдание, хотя и тот и другое – составляющие природу человека и выражают разные ее грани. Вот что такое чистота духа в прообразе воздушного шара на поверхности бушующего моря. В буре

тоже есть покой. Вне этого, если человек позиционирует себя на телесности своей природы 111-6,333-6,666-6, то все то, что его окружает начинает раздражать, как покушение на его здоровье, а потому даже малое прикосновение (мухи) может вывести человека в тяжелейший транс и довести до отчаяния. Если он потерял копейку, то это он вспоминает всю жизнь и низводит себя ненавистью. Такой человек не видит цели, но бережет то, что имеет и панически боится всего того, что покушается. Это фобия ко всему внешнему. По грехопадению человеку приходится постоянно трудиться, чтобы обрести этот хлеб насущный, имеющий ещё и вот такую грань его проявления – радость от бытия в экстазе во время повседневного тяжелого физического труда благодаря приобщению к единому для всех и вся источнику счастья посредством различных граней человеческой природы. Настоящий святой человек в монашестве пребывает в радости постоянно.

(07.01.00 и 982 н. Р.Х.) Таким образом, присутствие мощей активизирует везучесть в пределах коей живет человек даже такой беззащитный и немогущий. Это и есть прообраз точки. Без везучести, живому нет счастливой случайности, а потому появившиеся полезные для выживания мутации закрепляются в данной форме жизни. Случайность – это прообраз Божественной недостижимости для всего опасного для жизни. Бог абсолютно не достигаем и мощи усопших нам несут именно это реалию. Это и есть Родина, вне

коей нет жизни. Жизнь – абсолют совершенства именно в данном критерии. А другие нет смысла иметь и обсуждать. Эволюция не трогает живое, хотя прообраз этой недостижимости формирует эволюция. Как в атоме, как в молекуле, так и во всем вокруг. Ясность ума, как основа хорошего общения с Творцом и мышления, становится тем, под что заточено все в организме человека и даже в окружающей Вселенной, флоре и фауне. Организм человека таит в себе множество опасностей для ясности ума, а потому эволюция выстраивает тело так, чтобы ясность тоже была в прообразе Бога, то есть вне досягаемости для этих опасностей, как в самом теле, так и опасностей извне (черепная коробка, ребра, таз). Физический труд также служит ясности ума. Это потом уже ляжет в основу религии народов Севера, сформирует образ недостижимости Бога на образе жизни этих народов. Так возникнут то, что станет прообразов Православных монастырей. Все это было до Рождества Христова пророчеством о Пасхе, а после Его Воскресения стало исповедью.

1.0.2.-96. Плоть поражена грехом, а потому утрачена и прежняя естественная для счастья вечность, скрадывается радость, экстаз стал временным, трудоемким и скоротечным. Именно по этой причине, монахи в столь строгом аскетическом делании пребывают, умерщвляют поражение грехом изнурительными постами и трудами. При этом следует сказать, что это не самоцель и потому не самоистязание си-

лой воли, а сама их физиология, обыденное нормальное состояние – это путь, по которому надо и хочется, и можно идти только в радости. (07.10) *То есть настоящий инок или аскет в первую очередь набирает силу счастья, а потом уже начинает свой подвиг.* Ведь для того, чтобы видеть белое, сперва нужно постоянно иметь представление о черном. Вот это черное у монаха пребывает на своем естественном для природы человека месте – плоть пребывает в аду, то есть испытывает тяготы привычного труда в поте лица, чтобы душа была в Раю в данный момент трудный. Плоть в поте лица следует за душой в сторону счастья и не замечает трудностей, ибо счастлива душой. Также как девушка бежит навстречу с любимым и не замечает всего того, что этому сопутствует. Монаху нужен труд ради самого процесса стимуляции работы сердца, то есть сам процесс труда, благодаря коему его душа различает естественное для себя во Царствии Небесном, парит высоко в Небе³⁰⁰.

1.0.2.-97. Божественное наделено свойством вечности абсолютного счастья. И наоборот, чем ближе бездна, тем радость и причастная к ней жизнь более мгновенно-временна. Как мы сказали, разум приобщается к Богу в процессе познания Его с помощью разных инструментов своих: ум, сердце, телесные составляющие чувственной природы и даже Вселенная. Вечное пребывание человека в радости естественно по природе только в причастии к Нему посредством духа, умного делания и все в физиологии заточено под это

единение с Богом. Чем сильнее подобие естества человеческой природы Богу в богообщении, через которое это приобщение к Богу происходит (посредством единства с Ним), тем явственнее полнота этой радости и тем продолжительнее восторг (в том же числе от осознания непреложности такого счастья человека). Так как при половых отношениях, приобщение к Божественному происходит опосредовано природы низменной, а потому слабой для удержания в человека в радости, то и обладание радостью, опосредовано её, долгим быть не может, но только в рамках возможности этой грани человеческого естества нести радость посредством таких непомерных для неё нагрузок – в течение краткого времени. Но сам факт, что это приобщение таким вот образом возможно, то даже данная почти абсолютно ограниченная реальность будет иметь место в бытии и она тоже значима для спасения. Даже если хотя бы один единственный раз на бесконечно малый миг в бесконечности сей момент обозначится в бытии, то все будет заточено именно под него и все вокруг будет жить именно им и вне оно не существует. Таков мир, который живет только радостью и счастьем в Нем. Молитва, как познание Того же Источника радости, то есть Божественного во Вселенной, несёт в себе эти же самые переживания духа, но не в коротком времени, а уже вечно. Повторюсь, что сам по себе мир без счастья не существует и не нужен. То, что это не пустые суждения, говорить бесполезно, ибо нам сие становится ясным только из собственного опыта.

И опять же острота этой радости невозможна без стимуляции всей природы человека, без активации абсолютно всех граней её. Только «весь человек может пребывать в молитве»²⁴³, а это значит, что не смотря на временность радости через телесность, она остается частью всеобъемлющей полноты – нельзя без неё. Даже если радость сия будет абсолютно кратковременной. Никто это не отрицает, но, если есть такие люди, то они подразумевают о том, что все должно быть в гармоничной соизмеримости с замыслом Творца, ибо речь идет о единстве только с Ним, которое всегда в радости, ибо такое счастье еще и плодотворное есть. Сам факт, что такое единство несет в себе радость, говорит о том, что сие угодно Богу. Но угодно не как пустое, а как плодотворное. При этом сердце должно гонять кровь по организму, учащённый пульс и сопутствующее обильное потовыделение. Словом всё то, что при половых актах – всё это должно быть и во время молитвы в естественном сопряжении с тем же нудным, монотонным и при этом осмысленном физическим трудом, при котором единство души с Богом в то же время есть конечная цель плоти – где пребывает голова, там в процессе движения будет и хвост – два в одном и такова ещё одна сторона явления двоичности природы человека. Жизнь невозможна без следования за Жизнью. Хвост следует за головой и при этом неизбежно активируются напряжения, в которых одно не противоречит, а дополняет другое, одно вспомоществует другому⁷⁷⁷⁻⁰⁶⁻⁰⁶. Ведь так произошло зарождение жизни

в момент зачатия, а потому, как первопринцип становления, остаётся условием продолжения оной. И для бытия в радости и для бытия ее прямо сейчас и для бытия ее, как конечной цели (а также этому образу), не должно быть измены в любом виде деятельности человека, и при этом в продолжение всех лет бытия на Земле. То есть жизнь, как процесс половых отношений, несет в себе образ оргазма в момент её зачатия, когда на одной чаше весов лежит изнурительная трудность, а на другой восторг бытия в единстве с Источником радости. Если радость есть, то и ноша для неё тоже будет – эта чаша наполнится. И тут не важно, какой высоты научно-технический прогресс, важно данное состояние организма человека, как условие ясности ума, столь нужное для более крепкого сцепления со Творцом во время молитвы. Научный прогресс – это лишь новая одежда счастью, гармонично вписывающаяся в процесс беседы личности с Личностью. Не важно каков уровень науки и бытовых условий – познание Божественного остается быть актуальным в прежней первобытной остроте и возможным только естественно сложившимися образами.

Тут следует сделать важное пояснение. Путей к радости много и все они проходят через наш человеческий организм, который является многогранным проводником энергий от Бога и только к душе, и потому составляют его телесную сущность. Мы – есть многогранный путь к радостям Царствия Небесного, без коих нет живого ни в каком виде **111-01-1.4,666**. Но давать приоритеты или быть пленником

нужно только одного пути – по нему заповедано идти Богом по грехопадении²⁴⁴ или следовать за преп. Нилом Сорским и Серафимом Саровским. Ведь все остальные формы приобщения к радости самопроизвольно и неизбежно получают естественную активацию в данном богомоткровенном порядке вещей в строго определенном приоритете очередности и в дозволенной Богом мере. Быть пленником иных путей^{111,666} – грех, который убивает тех, кто им следует, ибо нет уже этой самопроизвольности включения всего остального, но кренообразно остается одно в ущерб всем остальным – вот в чем погибель. Счастье всегда есть стимул всех побуждений человека и выгода – одно их них. Материальное благополучие – не самая важная составляющая радости бытия, ибо сказано, что «здоровый бедняк счастливее больного короля». Отсюда нам становится ясным, на каких принципах строились города на Руси. Одни строились, как везде в мире – на пересечении торговых путей, ибо сие стимулировано гранью благополучного обустройства. Другие строились по иной причине, стимулированы иной гранью счастья – торжество духа. Люди тянулись к монашеским общинам, ибо рядом с ними легче жить³⁰¹. Без счастья и полноты радости никакие строительства невозможны. Невозможно никакое общинное житие, ибо человек идет на труд не ради получения материальных благ, а ради стяжания радости из-за усиления единства с Богом сообразно Голгофе Христовой. То есть в некотором прообразе Голгофы в процессах монотонных тру-

дов, чтобы принести её, эту радость, в семью и этим стяжать любовь^{111,222,333,666-07}. Семье не нужны продукты питания, а нужен счастливый жизнерадостный живой муж. Потом уже труд физический несет в себе и иную второстепенную составляющую счастья – добычу продукта питания, ибо продукт питания тоже важен, но только как второстепенный. То есть теперь речь идет о труде не ради самого физического труда, в коем эта радость сохраняется, а уже несколько осмысленным – он несет ещё и материальные блага, востребованные для формирования образа Божьего в ином и утверждения Его свойства вечности в иных, как конечное востребованное звено всей полноты счастья. То есть, если охотник принес добычу и, положив ее возле костровища, начинает смаковать этим, претендует на полное к себе уважение и подчинение, то это не охотник. Охотник должен принести с собой радость. Потом это уже перешло в более сложные системы отношений, но основа сия осталась фундаментом, на котором строится всякая общественная система. В монастырях – это есть ключевой момент. Люди в Божественной радости пребывающие подобны Богу – «творят вокруг себя мир и жертвуют собой в добровольном рабстве пребывая у ближних своих»³⁰². Монашествующие своим образом жизни призваны активировать в своем окружении шаблон-мировосприятие, толкающее к подвижничеству ради спасения других. Монах служит ближнему, ибо вне этого ему радость не дана, ибо настоящая радость приходит счастьем ближнего

своего – этот принцип есть основа всякой государственности даже с самым не совершенным сводом законов. Если мы кидаем в костер сухие ветки, то тут же получаем желанное тепло и свет, причем желанные свет и тепло нужны уже сейчас во время работы. Дрова горят, а мы подкидываем в пламя еще в меру. А не так: сначала работаем, а потом награда – никак нет – все они сопутствуют друг другу, одновременно и сразу же, и потом. Трудности жизни при этом действуют как ветер, раздувающий пламя костра. То есть тяжёлые условия жизни по всей логике вещей должны погасить это пламя¹⁶⁰, а на самом деле оно только усиливается, ибо в трудностях наиболее стимулирована торжество над собой. То есть надо обратить внимание на Бога уже в данный момент, потом выйти из себя и торжествовать над собой. Так быть в единстве с Богом. Это в хороших условиях быта не понуждаемся к напряжению сил. Зато в трудностях наиболее четко заметен контраст, чем усиливается острота восприятия Божественного, а потому усиливается восторг. Мы монашествующие работаем не ради конечной цели благополучия, а ради радостного бытия во Царствии Небесном в самом процессе, при этой жизни, ради экстаза, приходящего во время самого этого монотонного тяжелого физического труда. Этот экстаз приобщения к нетварным энергиям возможен только во время физической нагрузки, причем этого еще мало, ибо надо приложить усилие не просто так, а осмысленно, то есть ради того, чтобы быть на пике вершины.

Для нас важен сам этот процесс, активирующий счастье и восторг, а цель сама по себе приложится. Это есть прообраз Богородицы, ибо если есть плод, то есть и цель. Нет живого плода во чреве, то и цели не может быть. Если при жизни не завязался плод радости в нашей душе, то и цели достижения Царствия Небесного быть не может. Это становится фанатизмом, как форма фашизма. То есть надо при жизни разжечь этот огонь и почувствовать тепло и свет его, ибо после смерти, как говорят отцы Церкви, уже ничего не сделать. Доброе дело не гарантирует сие, а потому часто становится медвежьей услугой. Если голова не была там, то и тело-хвост там не будет. За них это уже делаем мы, когда молимся за усопших. Вот примерно так должна была стать завершённой теория Зигмунда Фрейда. Монашество – прообраз недостижимости Бога для греха, естественный образ жизни человека, имеющий множество разноликих оттенков образов богообщения через воздержания – маленькие победы духа в себе и половые отношения – одно из самых последних и не самых значимых образов единства со Творцом^{111,222,333,666}. Монах в послушании у ближнего.

Итак, человек Богом наделён природой и при изгнании из Рая в мир отвергнутый, человек не утратил её. Он тот же, как и до грехопадения. То есть ему, как и прежде, естественно пребывать только во Царствии Небесном в прежней полноте и строить свое сообщество на законах Его. С этого момента³⁰⁴ он несёт в себе печать от обоих состояний Вселенной,

точнее плоть несёт в себе образ их обоих сразу, причем одно не в противоречии другому, а в дополнении. Все живое живет только потому, что в движении, а у движения имеется свой Активатор и Он есть и конечная цель. Поэтому плоть следует за духом, постоянно за что-то там цепляясь, но она будет там, где дух, формируя его образ. Если дух идет к Богу в непосредственном межличностном с Ним общении, то плоть примет его образ в пределах эшелона следования за духом. Таким образом в спасении участвует весь человек, включающий в себя всю Вселенную. В пределах мировосприятия человека, в границах его представления о счастье формируется и окружающая его Вселенная, а потому за духом человека следует и весь мир. Также повторюсь, что мы не понимаем тех древних людей и недооцениваем их, только лишь потому, что сменился наш образ жизни и вслед за ним понятийный язык и не более того. Но об этом уже в следующем томе книги.

Вывод 1.

Исходя из всего изложенного материала в данном томе, мы делаем вывод, что естественное состояние человека – пребывать в естественном единосущии с Богом, быть соучастником в Предвечном Совете Бога Троицы в дозволенных Богом границах. Это есть Святая Евхаристия. И тут, для более ясного выражения сути вопроса, уместно вспомнить притчу о семени.

Святая Евхаристия – это венец духовных трудов и роста в

постах и молитвах православного верующего, а всякий венец становится только началом иного бытия. Человек умыл душу на исповеди, вобрал в себя Частицу Его и с этого момента начаться должно его торжество над собой – ему нужно вспомоществующее сопровождение сильных опытных исихастов. Это важно заметить. Представьте себе, что родился младенец и этим ничего ещё не закончилось – ему нужно вспомоществующее пожизненное сопровождение родителей. Если ребенок пытается что-то одолеть и у него это не получается, но он не сдаётся и вот тут важен совет наставника. Как приятно это видеть родителю. Так и Бог радуется, созерцая душу, борющуюся со грехом, пытающуюся противостоять злу в себе самой. Вот тут-то и требуется поддержка ей.

«2 И учил их притчами много, и в учении Своем говорил им:

3 слушайте: вот, вышел сеятель сеять;

4 и, когда сеял, случилось, что иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то.

5 Иное упало на каменистое [место], где немного было земли, и скоро возшло, потому что земля была неглубока;

6 когда же возшло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло.

7 Иное упало в терние, и терние выросло, и заглушило [семя], и оно не дало плода.

8 И иное упало на добрую землю и дало плод, который возшел и вырос, и принесло иное тридцать, иное шестьдесят,

и иное сто.

9 И сказал им: кто имеет уши слышать, да слышит!

10 Когда же остался без народа, окружающие Его, вместе с двенадцатью, спросили Его о притче». (Мар.4:2-10)

Земля – это сам священник, который должен дать живительные соки созревающим будущим семенам на своем колосе. Живительные соки в образе жертвенного служения Бога человеку. Это не разовый акт, а каждая секунда в течении всей жизни. Почему? Представьте себе, что человек зарекся употреблять алкоголь и вот он на каком-то празднике вновь стоит перед искушением. Душа борется сама с собой и думает о том, что немногим ранее он давал себе клятву не пить, но у друга День рождения. В данный ответственный момент нужна поддержка в борении, нужно вспомоществующее присутствие Божественного, ибо одним усилием воли не выстоять. А если выстоит, то становится пленником такой победы над собой, а потому он становится диктатором, что есть начало гибели. Иными словами, после Святой Евхаристии в причастившимся человеку должна продолжать жить эта частица и через неё должно приходить живительное победоносное борение всегда, а вот это уже прямое обязательство священника, как несущего на себе Христа, ибо для него начинается подвиг. Ибо нельзя стать диктатором даже на Голгофе. Через присутствие Частицы мы становимся единосущными во Христе, а потому доходит до нас молитвенное влияние духоносного отца. Молитвами духовника Оная долж-

на тревожить несущего в себе после Причастия Частицу человека и помогать в борении над самим собой посредством живительных соков, исходящих к плодам-семенам от корня, коим является духовник для всего колоса. С этого момента он постоянно должен пополнять этот сосуд животворящим Духом Святым.

Чтобы понять суть вопроса, будем говорить от противного. Вспомним сказку про солдата, который варил кашу из топора. Почему он это делал? Да потому, что пища, которую вы ели у скупого и жадного человека не переваривается, человек мучается. Скупой постоянно жалеет о своих растратах (см. **подстрочный индекс 666-6**), что передается гостю после еды. Но это действие злое, от съеденной пищи из рук злого. Частица Святого Причастия имеет иное естество влияния, иное предназначение и диаметрально преобразующее действие. Тело Христово по природе Своей абсолютное благо есть – Оно не делимо и люди поглотившие в себя Частицу, сами становятся Частью Его Тела, частью Его Торжества над злом. Духовнику остается Его присутствие в теле причастившегося активировать. В этом наше спасение. Духовник не жалеет о своих растратах, а постоянной молитвой становится проводником живительных токов от Творца к причастившемуся, он призван постоянно активировать установленную связь Тела с Его Частицей, пребывающей в носителе Её после причастия. Вся самая тягловая работа священника начинается после святой Евхаристии в Храме, благода-

ря чему человек перестает поддаваться греху. Все это время, после свершения богослужения в Храме, воитель-духовник пребывает в молитве, как опытно ведающий о Силе Божьей. *Надо сказать, что рыбу надо выуживать только после того, как она оказалась на крючке, а не до этого или тянуть гибнущего из бездны болезней и греха только после того, как он крепко ухватился за спасательный круг, а не перед этим. Нужно сказать ещё и иначе – куда шествует духовник, туда следуют за ним причастившиеся на литургии и в делах своих и во внутреннем настрое*^{111,222,333,666,777}. Каждый из участников имеет какую-то свою уникальную специализацию труда в мире, а потому люди становятся аватарами или носителями в себе Бога в своей сфере деятельности. Каждый, будучи единым в Боге, в своей уникальности общественно-го служения утверждает единство, что и становится государственностью.

Вывод 2^{111,222,333,666,777}•

Итак, из всего изложенного во втором томе, мы имеем представление о человеке. Физиология каждого человека имеет прообраз Голгофы Христовой, на коей в образе Божьем человек идет мимо смерти, остается недостижимым. До Рождества Спасителя сие было пророчеством о ней, а после Его Воскресения напоминанием-исповедью о Христе. Только на Голгофе или хотя бы во множествах подобиях ее есть жизнь. Человек несущий в себе этот прообраз, вне подобия ей во всех сферах жить не может. Тогда в чем отличие лю-

дей на Земле? В прообразах Голгофы, выраженных в образе жизни. Человек Севера жил в тяжелых условиях, в коих день год кормит. А потому его образ жизни был наделенным самой высокой интенсивностью физических нагрузок, в этом его прообраз Голгофы самый высокий, в отличие от людей из иных широт. Хотя надо сказать, что неискuschenность и блага – это тоже смертельный яд, к которому надо найти противоядие и пройти мимо смерти. Физиология северянина адаптирована к радости в этих нагрузках и ему естественно жить только в таком высоком ритме. Это-то и стало частью физиологии человека Северных широт. Это такой эшелон, в пределах коего радость бытия наиболее сильно поглощает природу человека и именно в этом эшелоне шло становление русской цивилизации. Изменение прообразу русской Голгофы становится покушением на убийство целых народов.

Таково определение физиологии человека. Теперь в других томах книги посмотрим то, как она заявляет о себе во Вселенной, в истории человечества и в истории Руси

Примечания

1133-1) В.Н.Лосский, «Очерк мистического богословия Восточной Церкви». Тут идет обоснование о том, что посредством самого первородного греха познать Божественное невозможно, ибо Бог грехом не наделён. Но речь идет о познании Бога опосредовано природы, имеющей воспаление первородным грехом. То есть воспаление грехом сильно ограничило всеобъемлющность полноты исповеди о Боге, но

это только всеобъемлющность, а живительная полнота так и осталась тем, что оказывается в поле нашего созерцания, как подобие нам – как живое. Когда говорим, что «видеть можем физическую пустоту», то предполагаем ту пустоту, лицезреть которую мы можем посредством чувственной телесной природы. Но это не означает, что эта пустота не несет в себе духовное, лицезреть которое мы можем посредством только уже природой духовной.

1133-2) Из-за грехопадения потребность жить в прежней кондиции полноты радости в Боге не утрачена и она по-прежнему в самом образе Божьем человека. Повреждение образа Божьего в человеке обрекает его на утрату подобия Ему, из-за чего человек не может присутствовать в пределах дозволенного на Предвечном Совете. То есть теперь, чтобы не повредить образ Божий, возникла необходимость несколько растянуть пребывание в радости Оного во времени. Именно по этому послушание инока в первую очередь нужно ему самому, ибо он в пылу горячих молитв может настолько впасть в напряжение, что не заметив предел, сильно повредить своей природе и заболеть, то есть получить рану из-за покушения на образ Божий в человеке. Отчего, после этого, к нему придут уже иные мысли – мысли разочарования. Нести послушание – это есть тот самый путь, благодаря коему Русь смогла не только удерживать подконтрольными такие территории, но и заселить их. В рабстве у человека пребывает даже Сам Бог. Об этом можно прочесть здесь же

в «Примечаниях» в ссылке №39.

1133-3) В.Н.Лосский, «Очерк мистического богословия Восточной Церкви».

1133-4) «То, что возникло из другого и в силу этого явления иным по сравнению с тем, из чего возникло, не может быть иным до такой степени, чтобы не сохранить ничего от источника своего возникновения. Никакая материя не лишена свидетельства своего происхождения, даже если изменяется в новое качество.»

Тертулиан «О плоти Христа», 9.

1133-5) «Хаос и структура» А.Ф.Лосева §53. Подвижной покой

1133-6) Дело в том, что при любом положении дел, жизнь утверждается только благом Божественного естества. Так как для Адама жизнь не остановилась, то было нечто такое, благодаря коему жизнь утверждалась и оно могло быть только Божественного происхождения. Так как только оно могло быть утвердителем живого, то и говорить имеет смысл только об этом, о том, что утверждает живое. Это и делается священным Писание специфическим понятийным языком истории свщм. Иринея Лионский.Свщм. Иринея Лионский так трактует этот момент священного Писания: «Адам..., обольщенный другим под предлогом бессмертия, он тотчас объемлется страхом и скрывается не так, как будто бы избегнуть Бога, но смущенный тем, что преступив заповедь Его, он не достоин с Ним. Страх же есть начало премуд-

рости (Прит. 1,7,9,10). Сознание преступления производит раскаяние, а раскаивающимся Бог дарует Свое милосердие. Ибо Адам на деле показал свое раскаяние через препоясание смоковничными листьями, хотя были многие другие листья, которые могли бы менее беспокоить его тело. Он однако сделал одеяние соответственное с его непослушанием, пораженной страхом Божиим и, укрощая сильное стремление своей плоти – ибо он утратил естественное свойство и детское расположение и пришел в понимание худшего – надел узду воздержания на себя и на свою жену, боясь Бога и ожидая Его пришествия, и как бы показывая нечто такое: поелику – говорил он – я через непослушание потерял одежду святости, какую имел от Духа, то сознаю теперь, что я достоин такой одежды, которая не доставляет никакой приятности, но колет и уязвляет тело. И он всегда бы носил эту одежду, смиряя себя самого, если бы милосердый Господь не облек их одеждами кожаными вместо смоковничных листьев.» св.мч.Ириней Лионский «Против ересей» книга 3, п.5

1133-7) А.Ф. Лосев переводит на понятийный язык своей теории общеизвестное утверждение, о котором пишет христианский мыслитель Тертулиан в своей работе «О плоти Христа» п.13: «Если душа стала плотью, это уже не душа, а плоть. А плоть, если стала душой, это уже не плоть, а душа. Там они взаимно превратились друг в друга. ...

... Тогда всему грозит опасность быть принятым не за то, чем оно является, и утратить то, чем оно является, раз его

воспринимают иначе и если его называют не тем, чем оно является. Вероятность названий тождественна сохранению собственных свойств. А когда изменяются качества, то предметы обретают новые имена. К примеру, обожжённая глина получает название черепка и не участвует более в имени прежнего рода, ибо не относится более к этому роду.»

1133-8) Тертулиан в своей работе «О плоти Христа» п.13: «... следовательно, и душа соделавшись плотью, представляет собою субстанцию единовидною и плотною, то есть совершенно цельною и неделимою.»

1133-9) Эта мысль принадлежит Николаю Кузанскому или ее также можно найти у него.

1133-10) Творчество Бога – это то, что оказалось в поле нашего зрения.

1133-11) Замечательно эта мысль выражена у В.Н.Лосского в его «Очерке мистического богословия восточной церкви»: «Творческая единовременность первых дней становится для твари последовательностью».

1133-12) «Мы нашли, что «это» и «иное» тождественны между собой в смысле «нечто» и различны по своему нумерическому бытию. Следовательно, получается, что «это» и «иное», с одной стороны, суть вместе некое единое абсолютное тождество, с другой же – оно некое абсолютное различие. Спрашивается: как совмещается между собою то и другое, абсолютное тождество и абсолютное различие?» «Самотождественное различие инобытия» – это есть ответ, данный

А.Ф.Лосевым на этот вопрос, им же поставленный.

1133-13) «Нуль-множество и нуль – вещи диаметрально противоположные» – говорит Лосев А.Ф. в своей работе «Хаос и структура».

1133-14) Лосев А.Ф. «Хаос и структура»

1133-15) Эту мысль можно привязать к 1133-147, 1133-178, 1133-359.

1133-16) «Число должно быть рассмотрено как факт духовной культуры». «Само по себе число многогранное и может выражать различные свойства в науках» А.Ф.Лосев «Хаос и структура».

1133-17) Можно согласиться с Тертулианом, когда он говорит о том, что Адам, раскаявшись, накрыл наготу свою смоковничными листьями, дабы стеснить свою природу ради возможности богообщения. Но в этот момент первое семейство пребывало ещё в раю. После изгнания из райских обителей к этому добавилось иное предназначение Вселенной – она несет в себе функцию сбережения жизни человека в земных условиях ради принесения им плодов покаяния. Иными словами, важна сама кондиция постоянства, как естественная среда проживания и естество самой жизни во Царствии Небесном.

1133-18) «Инобытийно-нулевое, то есть оно зависит в своей значимости и структуре только от своей же чисто смысловой значимости» Лосев А.Ф. «Хаос и структура». §3
Определенное бытие.

1133-19) Именно это явлено и в самом Священном Писании, где огромный опыт жизни избранного народа упраздняется Любовью Царствия Небесного, с Которого все началось. Скорее всего материя, а точнее ее элементы, свойства которых описаны в таблице Д.И.Менделеева, также проходят этот путь возрастания в пределах той же замкнутой полноты до самых тяжёлых усложнений в строении атома и его распад до тех же элементарных составляющих.

1133-20) Форма, как и граница в чистом виде ничего не значит для бытия. Более того – это то, что роднит со смертью. Жизнь – это не форма, а содержание, сущность, наполнитель формы. И «...чтобы его разрешить, достаточно решить другой, гораздо более легкий вопрос: что предшествует чему, число выражению или выражение числу? Может ли быть число, которое никак не выражено, и может ли существовать выражение, в котором нет ничего числового? На этот вопрос приходится вполне твердо ответить: число возможно без выражения, т. е. оно возможно как выразительная форма, а выразительная форма никак невозможна без числа. Без числа вообще ничто невозможно, ни малейшее движение мысли или бытия.» (А.Ф.Лосев «Хаос и структура» § 14. Число и понятие.)

1133-21) «Точка есть и признак неразличимости и признак отличимости одновременно. Это и делает её геометрическим перво-принципом...» всего существующего порядка вещей. Лосев А.Ф. «Хаос и структура» § 55 «Аксиома опре-

деленности (закона) бытия в геометрии».

1133-22) Для Василия Великого первое мгновение времени не есть время: как начало пути ещё не путь, как начало дома ещё не дом. Но так как это уже есть движение, то в некоторых пределах уже оказывается в поле зрения.

Тут следует сделать ещё одно важное замечание. Развитие начинается из абсолютного покоя, а потому всякое начало всегда долгое время сопредельно нолю и покою. То есть надо быть готовым, что развитие никак не может подчиняться линейному закону возрастания.

1133-23) Он как бы цепляясь не за Бога, а за мироздание утянул мир за собой в бездну. «7 И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания», то есть вместо покаяния и смирения перед Судом Божиим, начали прятать грех тем, что укрыть грех не может. Яблоко внешне выглядит красиво и вождельно. Но Адаму, несущему в себе образ Бога-сердцеведца, естественно созерцать подобно Ему только внутренний мир вещей и их энергии, а он обратил внимание на внешнее, на то, что эти энергии не несёт. Не форма утверждает живое, ибо она мертва по сути, а энергии. Вместо того, чтобы быть носителем энергии во Вселенную, он обретает иное содержание – диаметральное.

1133-24) «Присутствие Бога в Его энергиях должно понимать в смысле реальном. Это – не действенное присутствие причины в ее следствиях: энергии – не "следствия" (эффек-

ты) Причины, как мир тварный. Они не сотворены, не созданы "из ничего", но превечно изливаются из единой сущности Пресвятой Троицы. Они – преизбыток Божественной природы, которая не может себя ограничить, которая больше своей сущности. Можно сказать, – что энергии раскрывают нам некий образ бытия Пресвятой Троицы вовне Ее неприступной сущности». (В.Н.Лосский, «Очерк мистического богословия Восточной Церкви», гл. «Нетварные энергии»)

1133-25) Этот вопрос более подробно разобран в других главах книги

1133-26) Человек познает мир опосредовано разных инструментов, кои наделены разными характеристиками. К примеру, чтобы узнать смысловое содержание картины художника, надо созерцать её несколько издали. Чтобы умом понять происходящее в данный момент, надо выждать время, чтобы всплыли все остальные характеристики происходящего. Только сердце видит Истину в данный момент. Понятно, что глупый много не знает, но он и не ошибается, ибо видит сердцем. Когда умный узнает Истину, выждав время, многое уже будет утрачено и время будет упущено, ибо детей рожать надо уже сейчас и воспитывать их тоже нужно сейчас.

1133-27) Для большей ясности в этом вопросе есть смысл процитировать работу о.Андроника (Лосева) «Хаос и структура»: «То, что акт полагания покоится в себе и одновременно движется в себе, примиряется в том, что акт полагания

есть нечто целое, ибо для целого как раз надо, чтобы оно одновременно и находилось в самом себе, и двигалось по самому себе. То, что полагание покоится в ином и одновременно движется в ином, синтезируется также в то, что акт есть целое, но целое, обозреваемое с внешней стороны, т.е. цельность границы. Оба синтеза, как синтез тождества и различия, предполагают границу, появляющуюся в результате полагания акта.» То есть, о.Андроник утверждает важное – всякое явление несет в себе полноту всего одновременно.

Всякое явление можно сравнить с яблоком, которое содержит начало в виде семян и внешнюю оболочку – фруктовую корочку. Семена несут в себе образ и подобие постоянства в максимуме возможного свойственного природе плода, в то время как внешняя грань явления – корочка – это то, что наиболее временное и менее всего значимое. (Этому явлению мной дано имя бытийной единицы³⁰³). Но во взаимодействии явлений участвуют все грани явления, только в поле зрения попадает лишь то, что оказалось способным визуальному, чувственному и любому другому восприятию. Распознавая воздействие, мы формируем законы, коим подчиняется явление в этом секторе обозреваемого проявления возникшего события. Так рождаются учения наук с их законами механики, химии, физики, биологии и так далее.

1133-28) В противном случае, как инородное нашей природе, явление выпадает из нашего мировосприятия.

1133-29) Объединяющий людей костер – это есть на-

глядный пример, выражающий одно важное для понимания свойство – свойство единения. Энергия заставляет вещество, пребывающее в хаосе, вести себя как-то иначе, выделяя в беспорядке первый элемент порядка, попадающего в поле нашего восприятия, что и становится фундаментом исчисления всего. Так как точка, как самый первый элемент в привычно воспринимаемом нами бытии по грехопадению, несет в себе первое очертание порядка, а также такие признаки, как единое, целое, то именно эти признаки разнообразно во множественных образах проявились в процессе эволюции. Вне этого даже если бы было какое-то бытие, то для наших органов чувственной природы так и осталось вне досягаемости. Весь сюжет Предвечного Совета, а точнее вся Кухня Божественной Жизни на понятийном языке точных наук выраженным быть не может. Прикоснитесь пальцем к обледеневшему окну и вы увидите точку, в пределах коей смогло уместиться вся сверхсложная реальность всех биологических процессов, которые происходят в вашем организме. Но на понятийном языке рисунка на стекле это только лишь отпечаток пальца, через призму которого и на этом же понятийном языке рисунка, фигурируя бесконечно примитивным инструментом, мы пытаемся рассуждать. Или к примеру, трамвай едет из пункта А в пункт Б. За словом трамвай сокрыто все, чем живут и о чем думают пассажиры. На большее данный понятийный язык не способен.

1133-30) «Что такое закон? Закон в нашей системе бе-

рег-река – это форма и образ взаимодействия постоянства и переменной, то есть форма береговой линии». В свободе дана возможность проявиться иным формам взаимодействия двух частиц, в процесс которых включаются те грани из полноты природы, кои оказались вне сферы нашей возможности воспринимать чувственно. Мы точно также видим взаимодействие постоянной и переменной, но теперь только лишь умом, наблюдая за поведением частицы, своеобразно свидетельствующей о том же самом, что есть некий берег, который исповедует о себе формой взаимодействия, создавая новый образ сцепления взаимодействующих частиц.

1133-31) Наши православные мученики за веру в первую очередь стояли именно за Божий порядок в себе, ибо не рубашка дороже всего, но то что под рубашкой – живое тело.

1133-32) Лосев А.Ф. «Хаос и структура»

1133-33) Движение по окружности – разновидность взаимодействия двух частиц опосредовано «тех граней из полноты природы, кои оказались вне сферы нашей возможности воспринимать чувственно»

1133-34) Вспомните то место ранее по тексту, где говорилось о том, что зеркало речной водной глади – это лишь образ процесса течения вод к океаны, проявившийся образ возрастания (в данном случае полноводности реки).

1133-35) Все религиозные доктрины, несут в себе именно некоторое свидетельство о Боге лишь в сфере своего мировосприятия. Но дело в том, что в какой бы степени разрабо-

танности религиозная доктрина не пребывала, она все равно остается в пределах своих возможностей свидетельствовать о Боге. Да, есть ярко выраженный след от протектора сапога, но это только след, но не сам человек. Всякая среда может только выразить свойства Божественного, свидетельствуя о нем, но так как всякое свидетельство о Боге остается частным случаем проявления хаоса, то человек созерцая и эту грань этого бытия, легко становится жертвой своего внимания. Вот почему многие религиозные учения деградировали до материализма, переродились в научные исследования. Именно по этой причине вера – это не свод глубоких богословских тенденций и сверхгениальных философских доктрин. Вера – это всегда есть живое межличностное отношение между человеком и Богом, благодаря чему мир перестает быть хаосом в мировосприятии людей. Никак более Его постичь невозможно, ибо всякий порядок так и остается случайно возникшим стечением обстоятельств, одной из возможных вариантов проявления хаоса. Также как упорядоченный набор букв в романе Льва Толстого, хоть и несет в себе высокий смысл, но это все равно одна лишь из бесконечности возможных сочетаний букв. Точно также организм человека. Об этом важно говорить, ибо Православие все более и более тонет в упорядоченном хаосе, утрачивая Самую Сущность.

Один епископ, желая проверить положение дел в своем благочинии, решил посетить все храмы своей епархии. Вот

плывет он с сослужащим ему духовенством по озеру и решили заплыть на один из островов для отдыха. Там они встретили трех иноков. Владыка спрашивает их о том, как они спасаются. Они отвечают: «Трое нас, трое Вас, Господи помилуй нас». Тут архипастырь возмущился такому невежеству и начал давать многие наставления в вере, после чего они отплыли от острова. И тут видят, что иноки бегут за ними по водам, догоняют лодки и спрашивают о том, что недопоняли. Владыка, видя такое свидетельство высокой святости, произнес: «Служите как служили». Вот о чем речь. Народу России не всегда надо знать даже Ветхий Завет, но служить так, как служил до известных революций. Мы бегаем за учителями, которые иногда не стоят того. Хотя следует оговориться. Архипастырь держит паству в единомыслии, как условие мира в его ведомстве. Поэтому ересь у этих трех святых иноков не мешает, так как пребывают они на труднодоступном острове. Благодать их освещает вселенную, творит в ней мир, а потому отвлекать от их подвига изучением текстов – было бы уже даже преступлением.

1133-36) Именно по этой причине, опытный исихаст не замечает скованности во всех смыслах этого слова. Более того ограничение себя для него становится условием возможности видеть Божественное, ибо то, что приносит боль – то не есть Божественное, следовательно надо идти туда, где этой боли нет, как естественное для счастья и радости. Так человек обретает опыт выхода из самого себя, из своей при-

роды, которая несет в себе страдание. В науке это называется экстазом. Чтобы найти ту сферу в себе, в своей природе, где возможен настоящий выход из себя, нужна боль, чтобы опосредовано черного увидеть белое. Те, кто практикуют йогу заняты именно этим поиском в себе.

1133-37) Мир имеет устойчивость, благодаря стремлению его к Божественной радости, но никак не крепостью соединений, кои всегда относительны.

1133-38) Первый образ человека, действительно мог быть только змием. С этого момента, началась его священная брань со змием в самом себе – в каждом из нас плохой «я» пытается бороться хорошего. В процессе эволюции выживало в борьбе только то, что более всего имело образ Божий, то есть торжествовало над природой змия. От того образа змия нам достался ныне пищеварительная система, в то время как сам человек обрел образ победителя над змием. По слову святых отцов, «человек – это животное получившее повеление стать Богом»

1133-39) Мне думается, что Бог отделил чувственную природу от духовной у Адама и тем, самым сотворил Еву для того, чтобы Адам своим счастьем богообщения не повредил свою природу, не порвал её в порыве большего приобщения к Божественному. Счастье теперь будет наделено спасительной полнотой лишь в одном случае – когда Ева тоже будет счастлива в той же полноте. В то же время, неся послушание у Евы, у слабости, Адам берег себя. Таким образом, сла-

бость, на самом деле, становится самым сильным щитом, заступником за жизнь самого Адама.

То же самое мы видим, когда Бог указывает святым православным старцам прп. Серафиму Саровскому, Нилу Сорскому и многим иным вернуться в народ, стать ближе к людям.

1133-40) Это хорошо заметно на одном примере хорошего церковного пения на богослужении – душа чувствует комфорт и не блуждает мыслями о суете мира. Но, в нашем случае, речь идет о ином образе комфорта, который также имеет значимость, при котором, надо сказать, что бытовому комфорту места почти нет, но есть комфорт творческий, способствующий отношениям с Богом в том же образе, как и песнопение в храме, как в Елизаветинском монастыре города Минска. Не хороший быт и отдых, а гармоничная симфония в удобоприемлемом комфортном делании – богообщения. Ибо в этом случае человека на отдых не тянет вовсе, ибо от счастья не отдыхают.

1133-41) В одной из своих проповедей святейший Патриарх Кирилл сказал, что предсказывать будущее – дело не спасительное. Ибо тому, кто чист сердцем уготована жизнь вечная, а потому нет никакой разницы что там грядет из будущего. Ведь люди, ищущие предсказаний будущего обеспокоены совсем иным – они переживают за то, как с полной пороков омертвелой души встретить грядущее, которое, может быть, даже не так уж и трагично. Они даже малого бедствия начинают страшиться. Чистый сердцем, словно шар воздуш-

ный на водной глади – не страшны ему штормы.

1133-42) Попробуйте закрыть глаза во время движения. Приходит страх и неуверенность даже тогда, когда на расстоянии мили ничего нет и гладкий асфальт вокруг. А если открыть глаза, то не страшно идти по краю пропасти, либо через заросли кустарников, либо вообще жить в аду.

1133-43) **Из чего видно нам двоичность природы.** Всякий из нас стоял на берегу реки. Воды её текут вдоль береговой линии. Если бы земля под нами (и мы, стоя на ней) двигалась тоже с такой же скоростью, то нам не распознать перемен в воде, река для нас была бы лужей. То есть, первым условием, которое позволяет человеку видеть изменения в реке – постоянство берега, как недвижимая точка отсчёта. Всякий из нас помнит все перемены в организме, от раннего возраста до этих минут, когда вы читаете эти строки. Помнит все биологические изменения в себе в процессе взросления организма. То есть, каждый из нас несёт в себе двоичность природы, в которой есть некоторый берег, относительно коего, или стоя на коем, мы можем замечать (или иными словами чувствовать) перемены в себе от раннего детства до этих мгновений.

Вообще жизнь – это постоянное перерождение есть, в которой составляющая нашей природы постоянство (берег) – это та часть нашего естества, которая остаётся жить после смерти, как нового этапа перерождения.

Всякий быт и здоровье всегда имеют отдаленный прооб-

раз Царствия Небесного, ибо в нем имеют место быть удобоприемлемые условия разнопланового богообщения. Начиная с непосредственного общения на Предвечном Совете в дозволенных Богом пределах и заканчивая общением с Ним через посредники, сном и приемом пищи. Стол, стулья, самовар, чашки и другие предметы быта. Всякое изменение этого порядка вещей есть покушение на природу человека и человек постоянно борется или пытается восстановить этот порядок вещей. К примеру, делает ремонт в доме, наводит прежний порядок и чистоту. Человек жаждет постоянства хороших бытовых условий, в прообразе тех реалий, в коих жил человек до грехопадения. Все это осталось в нас, досталось нам с той самой поры и заложено в виде двоичной природы людей.

Отсюда ясно что такое богообщение. Бурный поток воды сносит. И, чтобы противостоять ему, хранить желанный покой, стоять на месте в прообразе Берега, к чему мы все стремимся, нужно усиленно грести руками и ногами. Нужна огромная сила воли и выносливость. А с другой стороны, можно просто ногами достать дно и уже при жизни понять суть порядка вещей. Достать дно ногами и при жизни уже быть насельником Царствия Небесного, то есть осознать все то, что будет с ним после смерти. Достать ногами дно и уже при этой жизни понять природу берега и его законы. То есть понять, что есть такое жизнь вечная после смерти. В этом суть Нетварных Энергий, ибо теперь, когда открыта еще дна

грань в природе человека – это еще одна грань счастья. Природа счастья в том, что мы ничего не теряем, все стабильно, ничего не рушится, никто не умирает и все живы. Если для практикующего Нирвану – это освобождение от всего того, что временно, освобождение от всего, что есть проблемы, то для русского – это просто процесс богообщения, единство с Тем, Кто абсолютно стабилен и постоянен. Царствие Небесное теперь в сердце человеческом, внутри нас, а не где-то там в будущем или после смерти. Тот, кто при жизни не распознал дно этой реки, не будет стоять на твердыне бытия и после смерти, когда он выйдет на берег этого бытия.

1133-43(a) После отпадения человека от Бога, сама природа человека по сути стала именно этой границей. Человек принял иное положение в бытии, в коем мир разделился на две составляющие. Одна из них – это то, что лежит между Богом и человеком. А другая составляющая – за пределами первой, вне посредника между Богом и человеком. Надо сказать, что по природе они различны и составляют естество человека. Человек видит мир в этой сфере своего бытия и в прообразе самого себя – в границах.

После отпадения человека от Бога, сама природа человека по сути стала именно этой границей. Человек принял иное положение в бытии, в коем мир разделился на две составляющие. Одна из них – это то, что лежит между Богом и человеком. А другая составляющая – за пределами первой, вне посредника между Богом и человеком. Надо сказать, что по

природе они различны и составляют естество человека. Человек видит мир в этой сфере своего бытия и в прообразе самого себя – в границах.

1133-44) «Становление остается существовать само по себе и его единственная функция – отображать первообраз.... Здесь первообраз только указывает на свое отображение в инобытии, а инобытие своим отображением указывает на первообраз.» (А.Ф. Лосев «Хаос и структура». §63 «Продолжение» п.2) Иными словами, становление или развитие, эволюция, возрастание – это все есть иное имя Бога, специфически являющегося нам в реалии природы. Вот почему отцы Церкви самый этот факт того, что происходит развитие называют совершенством. Семя гладиолуса брошенное в землю – это уже есть цветок, на любом его этапе формирования или бытия вообще.

1133-45) Одному отшельнику было видение. Ангелы Божьи подняли его на космическую пустоту. Велико было его удивление и восторг, когда он увидел вместо космической пустоты множество живых цветов великой красоты. Они устлали весь их путь движения. Вот чем на самом деле наделено межзвездное пространство. Бог дает нам видеть хаос и распад только для того, чтобы мы трудами в поте лица восстанавливали порядок и преображали этот созерцаемый мир.

1133-46)

«7 И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги,

и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания.

8 И слышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время пролады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая». (кн. Бытие, гл.3, стих 7-8)

Человек, наделённый Божественным дыханием жизни (кн. Бытие, гл. 2, стих 7), чтобы видеть Бога и быть в непосредственном общении с Ним, но после грехопадения дар Божий человек не утратил – он по-прежнему имеет возможность общения с Отцом Небесным, но только теперь начал доверять посредникам, видеть Бога через посредников, которые, как выяснилось, не всегда свидетельствуют о Нем. Позже в истории человечества сие трансформируется во множественные формы идолопоклонства, в том же числе – в научные доктрины. Поэтому человеку теперь появилась необходимость отделять Божественное от носителя Его энергии, причем в поте лица.

1133-47) А.Ф.Лосев в своей «Хаос и структура» говорит, что всякое упоминание о хаосе уже наделяет его (хаос) составляющими порядка, а потому уже хаосом не является. Это уже порядок. Только порядок, явленный в хаосе, может быть распознанным только в промежутках времени не сопоставимых с ограниченными возможностями человека.

1133-48) Ноль – это не только число, как мы привыкли это понимать, но и перво-принцип всякого исчисления и бытия, это ноль-множество инобытия, непрерывность, метод определённости. Хорошо об этом выражается А.Ф.Ло-

сев в его «Хаос и структура», § 56 «Аксиома определённости (закона) бытия в теории множеств»: «Закон бытия или метод определённости даёт схему по которой объединяются отдельные моменты в цельную совокупность. ... закон такой объединённости есть вне-инобытийная, ..., или инобытийно-нулевая схема. Тут числа объединяются вне своего специфического порядка и размещения.» Возможность объединения чисел вне своего специфического порядка и размещения обусловлена самим свойством числа, которое входит в функциональное сцепление вне привычной специфичности чисел – в инобытии. Просто функциональное сцепление, основанное на свойствах чисел – суть отражение инобытия в данном бытии. А потому и хаос воспринимается нами как хаос, ибо число оказывается в иной области, а именно вне привычной предсказуемости.

1133-48.2)(смотри 1133-455,1133-456) Под словом «изменение» над полагать становление до совершенства Богу. Изменение всегда имеет иное имя «разрушение». Хотя надо сказать разрушение само по себе грехом-то не является, ибо сие есть простое естественное перестроение до новой более совершенной формы исповеди о Творце. Грехом является позиционирование своей точки созерцания, в коей это перестроение представляется разрушением.

1133-49) Становление, развитие – это есть также образ «самотождественного различия» в инобытии с такими качествами и свойствами, благодаря коим Бог может проявиться

только лишь как становление, как развитие.

1133-50) Прошу обратить на этот момент особое внимание, ибо страх перед смертью – это, на самом деле, душа видит перед собой бездну. Если человек решил покончить с собой, но боится этого, то возникающий страх есть последний спасительный барьер, который нельзя разрушать, а данная философия может это сделать, из-за чего может на-верное, возникнуть гибельная уверенность. Нужно слушать свое сердце, ибо только оно видит перед собой будущее. Многие шли на смерть ради других, ибо любящее сердце ви-дит перед собой путь в будущее. Ибо только в одном случае открыто Царствие Небесное, только в одном случае открыт путь в будущее – когда человек жертвует самим собой ради ближних от любви к ним. Отцы и матери воспитывают своих детей и набирают детей из приютов.

1133-51) Хотя, следует сказать, что сам факт того, что мир попал в поле нашего восприятия, в нем есть нечто, являю-щееся единящее в некоем только умопостигаемом инобытии, о чем много говорит А.Ф.Лосев. То есть некоторая площад-ка, на которой «стоят все эти вещи».

1133-52) Абсолют совершенства во Вселенной только один.

1133-53) Хаотичное движение не свидетельствует о умо-постигаемом порядке.

1133-54) Эти оранжевые революции делают не американ-цы совсем. Если присмотреться к происходящему с пози-

ции геополитики, то перед нами совсем иная картина. Понятно, что необходимо вести демографическую политику, надо притормаживать рождение народов. Но как это делается в мире? Если на Востоке постоянно идет война и люди живут в нищете, постоянно выживают в трудностях, то Европа все голубеет и голубеет. Кончиты вурст выступают в парламентах. В результате сильные народы просто приходят и живут в этих землях. Францию вообще уже не узнать. Батька правильно себя ведёт – он пытается этого петушка из сказки А.С.Пушкина выдворить из страны, ибо "Ку-ка-реку, царствуй лёжа на боку" – это есть перефразированная формулировка той концепции, за которую ратуют европейские мыслители Средневековья и в частности некоторые крикуны, подталкивающие народ к восстанию. Враг рода человеческого эту концепцию адаптирует в специфичном мировосприятии народа, в его уникальную культуру, в его своеобразный образ мышления и привносит в образ жизни. Эта доктрина имеет одно и то же имя – лень, но во множественных проявлениях. Потом, когда этот петушок сделает свое дело и при этом никогда не обманет – он действительно укажет на опасность, но это будет в тот момент, когда уже ничего противопоставить не сможет, ибо на основе образа жизни формируется образ красоты и ценностей – добром становится все то, что приносит покой и расслабление, и вместе со всем этим слабость. Следом придет уже Шамаханская царица и несущий ложное представление о красоте и ценно-

стях брат начнет убивать своего же брата. Бытие определяет сознание. Каждый не хочет менять свой сложившийся в лени образ жизни, а потому и считает справедливым стоять за свой образ жизни в лени.

1133-56) Если провести некоторые обоснования, то становится ясным, что пустота и полнота – разные имена одного и того же инобытия, явленного в нашей реальности. Поэтому «все функции, сценарий поведения коих явлен нам в пространствах» – это вычленившиеся грани абсолютной пустоты. Это уже части полноты, как продукты распада, естественным образом распознаваемые всплывшейся грехом природой, способной различать только свое же подобие.

1133-57) Всякое число несет в себе множество граней и только некоторые из них попадают в поле удобного восприятия разумом. Иные же явлены в иных формах взаимодействий и, как связующих во единое целое, распознаются иным инструментальным контентом. Таким образом, самоорганизуясь в данные порядки исчислений, которые не поддаются уже математическому анализу, но остаются носителями полноты выражения и свидетельства о ноле. На этой мысли постоянно акцентирует внимание А.Ф.Лосев в своей работе «Хаос и структура».

1133-58) Хотя их нет в восприятии, но есть в возможности.

1133-59) Обусловленная влиятельной близостью Бога.

1133-60) Если этой реалии в нас нет, то и познание через

то, чего в нас нет, невозможно. Именно по этой же причине человека называют микрокосмосом, ибо Вселенная его распознается нами.

1133-61) Подобное порождает только свое же подобие, потому всякое явление имеет место быть в пределах подобия причины – своего начала. Как только подобие первоначально, так сразу же явление обретает свое небытие.

1133-62) Если человек не смог узнать самого себя в изучаемом или исследуемом явлении, то явление считается не познанным.

1133-63) *Соотношение материализма и идеализма приблизительно напоминает соотношение отпечатка ступни ноги и всего тела человека, который этот отпечаток оставил. Сам по себе оставленный след несёт в себе выражение только живой природы человека, но настолько это выражение далеко отстоит от реальности, что как-то мыслить о всей полноте природы самого человека через созерцаемое углубление, оставленное ступнёй, не приходится совсем. След – это не человек, а только свидетельство о нем.*

1133-64) Вообще, для тех, кто привык к более живому языку богословия, скажу, что для преодоления трудностей следует просить у Бога радости. Если есть радость, то любая трудность трудностью не является. И наоборот, если радости нет, то и трудно переносим даже Рай Царствия Небесного.

1133-65) То есть инобытие – это иное бытие, иная грань одной и той же реалии или иная сторона бытия, распознава-

емая иначе, посредством иных инструментов познания.

1133-66) А.Ф. Лосев замечательно разворачивает полностью определения числа, на основе чего перед нами предстают такие грани его, которые дают о себе знать только уже в иных структурных образованиях и функциональных построениях. «Хаос и структура».

1133-67) Согласно учениям святых отцов, Бог, желая спасти человека, отводит его на безопасное расстояние, дабы не навредить ослабевшей, заболевшей грехом природе. Создает как бы карантин. Поэтому чувство страха – это на самом деле чувство хорошее, ибо остерегает человека от преждевременного – человеку нужно возрастание – нельзя умереть без покаяния, причем надо заметить – без достойного покаяния. Только покаяние очищает человеческую любовь, а любящее сердце видит, что смерти нет. По замечательному слову прот. Андрея (Лемешонок) на литургии в Свято-Елизаветенском монастыре г.Минска в день новолетия. Он сказал: «... мы же большую часть своих грехов не видим, вот в чем дело. И не потому, что Бог нам их не хочет открыть, а потому, что, если Он нам их откроет, то мы не выдержим. Бог нас щадит, жалеет. Потому что, если бы мы увидели в каком безобразном состоянии мы находимся, то мы бы гордые люди не понесли бы этого. Поэтому потихонечку, по капельке открываем, что в общем мы не герои мы с вами, абсолютно не герои. Давайте попросим у Бога прощения и поблагодарим Его...»

Человек увидевший себя хоть в малой неполноте настоя-

щего нашего безобразия, становится изгоем самого себя. И если у него есть любовь, то появляется острая мотивированность отдать даже последнее ближнему своему. Причем настоящее покаяние раскрепощает душу, которой естественно только любить – она толкает людей идти только по этому пути – жажде отдать себя в служении Богу. Тогда вот и вылетает из души возглас: «Господи помилуй меня грешного. Господи, что я делал... что я делал, как я жил... . Что это я был? Это был я? Прости меня грешного». Лежат на полу и руками его царапают в биении. Слышны стоны; «Что я наделал и что есть моя жертва в оправдание? Но возьми хоть её, что ли». Так выходит из человека зверь. Человек начинает слышать слово Божье с этих минут.

В то же время все нужные слова уже сказаны и те, кто не услышал – те просто не искали, а не искали, ибо было для них не востребовано. Не востребовано только потому, что душа уже мертвая есть и потому не искала своего родного, родственного себе – Бога. Это означает, что эти люди будут всегда правы в собственных глазах. А это уже страшно, Господа.

Только любящим сердцем можно узреть путь в вечность Царствия Небесного. Вот что такое страх, когда душа чувствует, что идет в бездну ада и после очищения видит путь в вечность через служение ближним и страх уходит. Причем страх этот, хоть он и животный, но его нельзя преодолеть каким-то иным, противоестественным способом, коих

человечество к этому моменту накопило великое множество: аутотренинг, сила воли, психотропные препараты и что-то там ещё. Ибо это ложится не нужным грузом на весь род и на братьев и сестер, что есть первый признак несения ими этой тяжести. Так и будут с содроганием вспоминать своего родственника. Страх перед смертью нужен в деле служения Богу и ему тоже есть место. Бог отводит на безопасное расстояние человека, ибо Ему от нас нужно иное – возрастание до абсолютного подобия Творцу, как иное имя Его.

Итак, какие-то сообщества, исповедующие иные пути победы человека над смертью – это есть опасные секты, ибо сила, высвобождаемая при этом, не идет на созидание и на торжество мира в обществе.

1133-68) В противном случае, какая-то иная деятельность ученого становится преступлением.

1133-69) Можно не соглашаться с ересью Тертулиана, который впал в монтанизм, утверждая, что «во Христе мы не получили полноту Откровения, что откровение не закончено, но находится в процессе завершения благодаря действию Святого Духа.» Но жизнь свидетельствует иное. Действие Святого Духа формирует образ человека. Процесс становления происходит, активируясь этим действием Святого Духа. Но это уже процессы земные, не касающиеся полноты Откровения.

1133-70) (смотри об этом здесь 1.0.2.-69.-д(1))На самом деле, сказанное не полно, ибо это только продолжение того

процесса, который происходит в самом организме человека – организм постоянно поддерживает в самом себе этот порядок, который несет в себе образ только одного – образ и подобие постоянства берега⁴³. Более в нашей природе ничего нет такого, образ и подобие которого бы мы несли в себе. Этот порядок бережет в себе организм человека. Надо сказать, что эта деятельная реальность выходит далеко за рамки нашего тела – мы постоянно поддерживаем порядок в бытовых условиях, в труде, в государстве, в мировой политике и теперь уже подбираемся к космосу. Касательно человеческого здоровья, так как мы в самом порядке структуры организма несем в себе образ и подобие абсолютного постоянства берега, то здоровье наше – это в первую очередь образ этого постоянства. Иными словами, так как радость – это иное имя постоянства берега⁴³, то для здоровья необходимо молитвенное богообщение, то есть общение с Источником радости. Это во-первых. Во-вторых, в нас есть ещё и иная составляющая природы человека – река⁴³. Эти воды не должны быть стоячими, тогда и образ постоянства очерчивается быстрее. Таким образом, рецепт здоровья – это радость богообщения в подвижном труде. Лекарства – это то, что нужно в особый кризисный момент, если таковой имеет место, чтобы смягчить напряжение в больном организме и более быстро выздороветь(к примеру, если упал, то для того, чтобы встать, нужно за что-то зацепиться или опереться), но жить только за счет этого – это уже нельзя допускать.

1133-71) Так природа живого после грехопадения несет в себе обе составляющие, то жизненно важными остаются они обе и потому обе они есть сила, которая утверждает живое. Ущемление любой из них приводит к гибели. Человек, который не несет послушание у слабости, переусердией в одной крайности рвет свое естество – это то самое естество природы, ради сбережения коей Бог сотворил Еву, то есть отделил слабое от сильного, поставив между ними равенство, дабы Адам обращал свое внимание и возрастал в Боге не сам единолично, но именно со всей Вселенной вкупе, не повредив ей и сохранив ее. Бог велик абсолютно, а потому в поспешности можно погубить себя и, чтобы этого не произошло, повторяю, нужна постепенность, адаптированная в послушании у немощных, у тех ослабленных и больных, коих посылает нам Бог на пути нашего следования. Иначе будет так, как это показано в фильме Ибсифа Ефимовича Хейфица «Дорогой мой человек» (1958). С другой стороны, надо показывать, что болезнь не есть норма жизни, что надо восстанавливаться. То есть нельзя утверждать грех законом, как норму жизни, ибо тогда нормой жизни становятся все остальные формы распущенности и коррупция – одна из них. И даже все формы катастроф – это тоже последствия узаконенного греха.

1133-72) Радость – это иное имя жизни, вдунутой в лицо человека Богом при сотворении.

1133-73) Если есть радость, то самые тяжелые условия

жизни не становятся трудностью. Если радости нет, то даже Рай Царствия Небесного становится трудностью. Просите у Бога радости в суровых постах и искушениях, как иное имя Благодати Духа Святого.

1133-74) Это становится конечной целью разделённого труда, обуславливающего монашеский образ жизни, адаптировавшийся в последствии в государственность.

1133-75) Все будущие открытия, которые возникнут в истории человечества – будут иметь бытие только в этих пределах и нести только лишь эту нагрузку.

1133-76) Многие прошедшие сталинские лагеря православные люди вспоминают свое время в тюрьме, как самые счастливые годы. Ибо молитва помогала наиболее сильно ощущать Божественное присутствие. Отвлекающая суета и сытость, как сопутствующие свободе – первые враги отношениям с Богом и жизни в Нем.

1133-77) Что мы замечаем? И почему, если мы замечаем, жизнь наша становится адом?

Человек при жизни^{1.0.2.-69.-д(1)}, распознав радость Божью Царствия Небесного, ищет способ утвердить свою радость и тут-то он начинает понимать, что утвердить свою радость только одним способом – трудиться в поте лица и много пребывать в посте, и нести послушание, и любить ближнего и соблюдать заповеди Божии. Научный прогресс призван сослужить радостному человеку, чтобы он в труде не поранил руки и повредил ноги, чтобы не воспалился чем-то иным, не

загрязнился в процессе трудов в поте лица 1.0.2.-69.-д(1).

В самом падшем человеке он видит то зерно, которое может прорости и дать благие плоды, то есть видит то, за что Бог его терпит на земле и ждет от него возрастания. По весне земля безвидна и пуста, но это не означает, что её надо оставить, ибо Солнце греет землю и вот тут начинается чудо. Человеку нужна теплота, чтобы он возрос. Сделать это можно только неся в себе эту радость. Женщина чувствует этот свет и в ней рождается только одно чувство – желание родить радость от радости

Мы распознаем только то, что покушается на нашу природу, наносит травму в разной степени силы. Это свойство природы познания падшего во грехе человека. Так как Бог абсолютно свят, то при познании Его от Него мы не получаем ран, но только живоносные энергии.

1133-78) Если вера утверждается народу на родном языке, то и понятийный язык, обусловленный специфическим бытом, также неизбежно оказывается включенным в исповедание веры. Это очень важно для единства народа и высоты его нравов.

1133-79) Монтанизм Тертулиана несколько иначе явлен, чего он в своё время распознать умом просто физически не мог, но, думается мне, близок к истине.

1133-80) «... ибо Бог был видим сообразно воспринимающим способностям человека». «Против Праксея» гл.7

1133-81) Метод Геннадия Шичко – великое средство из-

бавления от всех вредных привычек, но оно обделено самим стимулом жизни, пленником чего человеку естественно быть.

1133-82) Бог Троица вечен только благодаря тому, что в Нем все пребывает в единстве. Этим Он победитель всего. Все остальное – это есть Его бесконечные возможности творчества. Это также как корабль в дальнем плавании – главное, надо просто беречь жизнеспособную конструкцию корабля, чтобы хранить плавучесть, а все остальное приложится самопроизвольно. Ничего нет лишнего и лишь бы счастье было, а оно побуждает к подвижничеству. А не так – цель любой ценой.

1133-83) Поэтому написанное Новалисом ещё в 1798 году "Ваша так называемая религия действует как опиум: она завлекает и приглушает боли вместо того, чтобы придать силу" на самом деле звучит совсем иначе в данном трактовании об естестве нашей природы. Трудно сравнивать радость с опиумом или "in vivo veritas", точнее сие может быть только по степени испорченности человека. Противоестественное положение дел несет страдание и потому человек, вместо того, чтобы восстанавливать Богом откровенный порядок вещей в себе, он просто отбрасывает все то, через что приходит это страдание. Так в природе вещей возник наркотик. Мы не притупляем боль наркотиком, а ищем Бога в себе и та толстокожая пята, которая наиболее адаптирована к данно-

му покусению на природу нашего организма, что сформировалось естественным образом на протяжении многих миллионов лет, занимает своё место.

1133-84) Это важное утверждение, из которого явствует, что для жизни в скованном положении нужно очищение души. Только чистота духовная дает возможность не утратить радость в воздержании и человек может сковывать себя во всем и в том же числе в посте. Если мы будем поститься не очищая душу, то это уже становится насилием над самим собой и неизбежно приведёт к травмам организму⁷³.

1133-85) Подобное стремится только ко своему же подобию и пребывает только среди своего же подобия. Подобие одного явления другому обусловлено только родством происхождения. То есть одно было другим и одно есть другое.

1133-86) Можно сказать, что покой – это движение со скоростью ноль.

1133-87) В этом есть разрешение спора между святыми Нилом Сорским и Иосифом Волоцким.

1133-88) Ошибка в форме исповеди Бога обрела свою значимость после того, как человек перестал ходить через горнило искушений, ежечасно быть испытываемым постоянными рисками жизнью, жить на краю пропасти, где сразу видно где край земли, а где пропасть после него. А так как виден этот раздел, то через эту призму разделения нам открывается доброе и злое. Доброе всегда твердо под ногами и все то, что временно и ложно должно отпадать и отпадает. До этого

момента эти формы свидетельства о Боге, этот понятийный язык удовлетворял запросам человечества. Но это совсем не означает, что мир людей был отсталым, а совсем наоборот – он обладал уникальными способностями мышления в совокупности с феноменальной памятью. Отсталость развитости быта компенсировалась особыми возможностями ума. Работа нашего мозга активирует лишь какие-то доли процента реальных его возможностей. Просто, когда появился язык, потом письменность, мозг разгрузился и обленился. Также как ныне мышечная масса оказалась не востребованной из-за того, что машины почти все делают за нас.

1133-89) Мы в логике, как в самое лаконичной духовной культуре, несем образ того самого вопроса, заданного змием жене Адама, Еве: «А правда ли что вы смертью умрете?». Да или нет. То есть отныне червь может ползти только там, где есть ему жизнеутверждающее пространство – да, правда, что Бог это сказал.

1133-91) Здесь есть смысл сделать обоснование о числе.

1133-92) Вот почему достаточно в простоте выразить национальную идею и автоматически начнутся эволюционные процессы становления нации.

1133-93) Один величайший бегун всех времён сказал, что бежать он может не быстрее своей беременной жены.

1133-94) В этом есть зерно всякой ереси, ибо привязываясь к частному они судят об общем и даже о Божественном. Вот как об этом рассуждает Тертулиан в своей книге «Про-

тив Праксея» гл.10. п.20

«... следовало бы понимать частное на основании общего. А они Но это составляет отличительную черту всех еретиков. В самом деле, поскольку то, что они способны найти в тексте Священного Писания, составляет лишь малую часть его, они все равно защищают частное против всеобщего и принимают последующее вместо предшествующего. Однако, всякое правило установлено с самого начала в предшествующем и опровергает последующее, а значит, и частное». К примеру, не благочестивый муж избил свою жену. Этот момент «смакуют» в обществе со всех ракурсов, чтобы потом издать закон, позволяющий жене бросить своих детей и семью, и даже засудить своего беспутного супруга. В результате, из-за одной семьи подвергаются разложению остальные семьи целого народа. Хотя частный случай должен решаться в частном порядке, а не так, казнить всех остальных из-за одного. Также как заразного больного надо в частном порядке садить на карантин, а не все общество вместе с ним в одну комнату на этот карантин. Так действует враг рода человеческого через ересь.

1133-95) Организм, обладая слабой устойчивостью перед воздействиями, борется за свое земное бытие только уходом от воздействия, а не свойствами успешного противостояния. Для понятийного языка научного материализма, который признан как фундамент для научного поиска, сие высказывание выглядит не корректно. Востребованность тут пред-

стает в ином ракурсе. В естественном отборе участвует множество направлений развития и проходит жесточайший отсев только некоторые, в коих имеет место быть важный признак. Он-то и уходит в вечность как характерное свойство нашей природы, благодаря коему он, признак, попадает в поле нашего зрения и во всех таких же ситуациях он работает также. Сие предстает перед нами как верная мысль. Этот момент мы переводим в сферу межличностных отношений. Это нормально и в прообразе Божественного.

1133-96) Прошу заметить, что речь идет о точке, которая имеет образ ничтожно малого, ни имеющей протяженности. Так распознается Божественное посредством распознаваемой воспаленной грехом природой. То есть Божественное распознаваемое абсолютным ограничением из-за греха, имеет образ абсолютного ограничения – точки. Божественное, распознаваемое природой, которая на тронута грехом, то есть распознаваемая природой, не имеющей ограничения – бесконечна и величава в красоте.

1133-97) «Мы уже не раз говорили, что свойство личности заключается в отдаче. Как от природы «отличная», как «не природная», как личностная, она выражает себя в отказе от бытия для самой себя».

1133-98) В порыве движения к радости, переусердством человек способен порвать себя и тем самым утратить образ Божий в свойствах полноты, единого и целого. Утратив полноту и единство, человек утрачивает образ Божий и гибнет.

Враг этому есть смирение и послушание.

1133-99) Как уже не раз сказано, возрастание до образа Божия – это есть иное имя Творца, произносимое творением о Боге. Таким образом, так как есть сам факт возрастания, то это уже есть совершенство образа Божьего в Его тварениях.

1133-100) Иными словами, во время молитвы всякое чувственное созерцание Бога уже есть заблуждение, ибо не с этим созерцаемым идет общение, но духом и образом жизни – процессом труда в поте лица **1.0.2.-69.-д(1)** на благо ближнего.

1133-101) Чувственно воспринимаемая материя подчиняется закону, который есть образ взаимодействия двух составляющих всякое чувственно распознаваемое естество – постоянства и переменной относительно этого постоянства. А все то, как мы знаем, что не подчиняется закону – все это не является материей.

1133-102) Разрушения делятся на две части – естественные и противоестественные. Естественные – это те, к которым организм адаптирован и может восстановиться. Противоестественные – это те, которые также приходят в процессе экстаза, но к ним человек адаптироваться не смог, ибо они не востребованы для утверждения вечности жизни.

1133-103) Как мы видим и здесь две составляющие образа экстаза в той же кондиции торжества постоянства и постоянного очищения. Из чего мы понимаем, что все вокруг – праздник жизни, праздник торжества Божественного, как вечно победителя. В этом явлено жизнь во Царствии

Небесном в земных условиях. Само по себе очищение – это Бог дает нам видеть хаос и распад только для того, чтобы мы трудами в поте лица восстанавливали порядок и преображали этот созерцаемый мир.

1133-104) За этим пределами утрачиваются возможности природы быть не разрывными, то есть утрачивается Образ Божий, предстающий перед нами как единство, явленное в природных свойствах Вселенной, одно из имен которого – причинно-следственный механизм становления единого.

1133-105) Дело в том, что если душе хорошо, то плоть страдает. И наоборот, если плоти хорошо, то мучается душа. К примеру, альпинист покоряет вершину горы для того чтобы вновь доказать себе, что он может на многое и с высоты посмотреть на мир. Душа вновь торжествует, но плоть его при этом терпела перегрузки, холод и голод. И наоборот, если забыл накормить ребёнка или проспал на работу, то страдает душа, ибо мучает совесть. И надо сказать, что душевные боли куда более страшные, чем боли телесные.

1133-106) Очень важно сказать о том, что Бог сотворил мир, ибо в пределы этого высказывания входят все образы первопринципа тождественного различия. Вот как об этом говорит святой Василий Великий: «...Но к какому концу приводят геометрия, арифметические способы исследования о толщах и пресловутая астрономия – эта многопопечительная суета, если изучившиеся сим наукам дошли до заключения, что видимый сей мир совечен Творцу всяческих

Богу, и если то, что ограничено и имеет вещественное тело, возвели они в одну славу с Естеством непостижимым и невидимым, не в состоянии будучи выразуметь и того, что где подлежат повреждениям и переиначиваниям части, там и целое необходимо потерпит некогда одинаковые видоизменения с собственными своими частями? Но они до того осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце: называя себя мудрыми, обезумели (Рим. 1, 21-22), что одни утверждали, будто бы небо от вечности существует вместе с Богом, а другие говорили, что оно есть Бог безначальный и нескончаемый, причина благоустройства в частях вселенной. И без сомнения, излишество мирской мудрости принесет для них некогда приращение тяжкого осуждения за то, что, с такою осмотрительностью вникая в пустые предметы, произвольно слепотствовали в разумении истины.» Святой Василий великий «Беседы на шестоднев» (Беседа первая).

1133-107) Отсюда следует, что в момент испытаний, надо просить у Бога радости на преодоление трудности жизни. Ведь, если это не связано с болезнями близких нам людей, то нет более ничего такого, что нам нужно.

1133-108) Не случайно на иконах в изображениях неодушевленных предметов просматривается лик. Лик имеет даже ад, правда звериный.

1133-109) До грехопадения природа человека была такова, что могла нести на себе любые высоты совершенства в

Боге, а потому не было смерти.

1133-110) «... Как начало пути еще не путь и начало дома еще не дом, так и начало времени еще не время, а даже и не сама малейшая часть времени...». Святой Василий Великий «Беседы на шестоднев» (Беседа первая).

1133-111) Мы подобно пророку Моисею, взошедшему на Синай для богообщения, видим лишь склоны, ведущие к вершине, где пребывает Бог.

1133-112) Это возрастание можно сравнить с восхождением на вершину горы, когда мир, созерцаемый в непосредственной близости – в долине несет в себе такую полноту, которая недостижима для восприятия человеком. Но только с Божественной высоты мир оказывается как на ладони, то есть полнота его становится удобоприемлемой, адаптированной под возможности человека воспринимать мир в целом.

1133-113) Тертулиан откровенно говорит о том, что первый Адам принес покаяние, а потому Бог смягчил наказание.

1133-114) Тертулиан в своей книге «Против Праксея» говорит следующее: «Итак, быть оставленным Отцом значит для Сына умереть. Следовательно, именно Сын умирает и воскрешается Отцом по Писаниям (см. 1 Кор. 15:3) Сам восходит превыше небес, и Он же нисходит в преисподние места земли (см. Еф. 4:9-10)

1133-115) У Василия Великого в его труде «Беседы на ше-

стоднев» находим: «***В начале сотворил Бог небо и землю.*** Двумя крайностями обозначил сущность вселенной, приписав небу старейшинство в бытии, а о земле сказав, что она занимает второе место по сущности. Без сомнения, ежели есть что-нибудь среднее между небом и землею, то *оно сотворено вместе с сими пределами*». То есть все дальнейшее творении Бога происходит в данных обозначенных границах, ибо посредством земли, Бог дает нам возможность видеть Небо. Но грех имеет иное естество – он абсолютно ничтожно временен. То есть теперь, чтобы видеть вечное Адаму предстоит отделять все временное в поте лица. Именно эту новую роль будет выполнять органы пищеварения в человеке, что потом плавно переходит в эволюцию научно-технического прогресса.

1133-116) Всякое взаимодействие – в первую очередь является связью, то есть единством, обозначившим себя в данной реальности вот таким образом, свойственным данной реальности или природе данной сферы бытия.

1133-117) «Это не рационалистические сведения, которые мы сами формулируем, не понятия, сообщающие нашим "разумным" способностям положительное знание о Божественной природе, это – скорее образы или идеи, способствующие тому, чтобы направить, преобразовать нас к созерцанию того, что превосходит всякое разумение». (В.Н.Лосский «Очерк мистического богословия Восточной Церкви»)

1133-118) Представьте себе, к примеру, живого барана.

Его организм – это устойчивая поддерживаемая в состоянии равновесия система (см.1133-166), причем наделённая живительной полнотой, а потому он не существует для нашего познания вкусовыми ощущениями и пищеварительной системой – организм барана не распадается, не утрачивает полноты выражения Божественного, а потому мы его не «видим» вкусовыми органами чувственной природы. Природа познания, поражённая грехом, «видит» только то, что умерло, терпит распад. Чтобы познать то, как устроена машина, её надо разобрать. Чтобы изучить строение организма, надо проникнуть в его нутро и так далее.

1133-119) Истина также имеет и иное имя, услышать которое можно только лишь во время богослужения, обратив внимание на то, что люди становятся иными в поведении. Они могут неподвижно стоять часами, не замечая того, как течет время. Мне во время Великого Поста посчастливилось быть на службе отца Александра Никулина с селе Новоуткинск, Свердловской области (в сторону Первоуральска), во время которой мы простояли более шести часов и не заметили этого времени. Таково есть Царствие Небесное, в коем нет времени, оно стоит и не хочется возвращаться в суетливую рутину. Стоять ведь не так просто, казалось бы, тем более столько времени. Также как держать суровый пост, при этом пребывая трудах в поте лица – тоже не просто, но в том и дело Благодати Божьей, радостью скрадывающей эти дни.

Это свойство Истины описал в своем письме в Париж

один француз, гостивший в России в начале 19 века. Он говорит, что стоя на богослужении, не замечает того, как быстро летит время, что время останавливается и утро сменяется вечером.

Победа над собой нужна всем, но без реальной связи с Победителем всего, с побеждающим всё – с Богом это просто невозможно. Более того, победы на усилении силы воли, к сожалению, есть извращение. Также как воспитание детей на побоях, оскорблениях и прочих видах стимула.

Это тоже образ свидетельства об Истине, которое научно в своем принципе.

1133-120) Двумерным пространством мной принято называть точку и проходящую через неё прямую.

1133-121) Еще одно имя окружности, только имеющей радиус стремящийся в бесконечность. Либо отрезок, как радиус окружности, стремящийся в бесконечность в обе стороны. Оба случая востребованы в равной степени в научном анализе. Дело в том, что всякое обсуждаемое нами естество неизбежно пребывает в полноте общего, то есть только некоторая часть, несущая живительную замкнутость в самой себе. Таким образом, всякая реалья, оказавшаяся в координатной плоскости, должна нести в себе специфический образ пустоты, из которой возник мир. Так как образом и подобием пустоты в данной реальности является окружность, как набор всех абсолютно образов постоянств пустоты во всех гранях окружности, то всякое изображение координатной плоско-

сти является образом окружности. В противном случае, оно не существует в природе вещей.

1133-122) Вот как об этом говорит Тертулиан в своей работе «Против Праксея» в гл.10: «...всякое правило установлено с самого начала в предшествующем и опровергает последующее, а значит, и частное».

1133-123) Вспомните, что было сказано выше по тексту. Мы обрели смерть, ибо пораженная грехом природа может возрастая в Образе Божьем только лишь до определенного предела, после которого развитие останавливается. А так как развития нет, то происходит разрушение. Именно по этой же причине все воспринимаемое человеком должно быть удобоприемлемым в пределах возможности воспринимать Божественное опосредовано носителей Его энергий. То есть именно в этом становится востребовано квантовость всего существующего, нежно приносящего энергии.

1133-126) Как это естественно для человека, пребывающего во Царствии Небесного.

1133-127) Надо заметить, благоприятные условия не для тела, а для делания «приёма пищи», для вкушения хлеба Небесного – мы призваны служить Богу в поте лица в условиях комфорта, а не спать.

1133-128) Лосев Алексей Фёдорович «Хаос и структура»: «... и в психике отдельные ощущения, восприятия, образы, представления и т.д. и т.д. сами по себе уже сформированы при помощи числа, потому что все они чем-нибудь отлича-

ются др. от друга, то есть разделены др. с другом, то есть считаны, то есть содержат в себе число».

1133-129) В.Н.Лосский в своих «Очерках...» по этому поводу вот что говорит нам: «... святой Григорий Богослов в своем Слове на Крещение: "Я еще не начал думать об Единице, как Троица озаряет меня Своим сиянием. Едва я начал думать о Троице, как Единица снова охватывает меня. Когда Один из Трех представляется мне, я думаю, что Это целое, до того мой взор наполнен Им, а остальное ускользает от меня; ибо в моем уме, слишком ограниченном, чтобы понять Одного, не имеется больше места для остального. Когда я объединяю Трех в одной и той же мысли, я вижу единый светоч, но не могу разделить или рассмотреть соединенного света". Наша мысль должна безостановочно двигаться, перебегать от Одного к Трем и снова возвращаться к Единству; должна безостановочно колебаться между обоими терминами этой антиномии, чтобы дойти до созерцания царственного покоя этой троичной Единицы. Как заключить в один образ антиномию единства и троичности? Можно ли объять эту тайну без помощи несоответствующих ей понятий движения или развития?»

1133-130) Представьте себе человека, стоящего на берегу. Ему естественно жить законам радости. Он способен двигаться пешком и ползком. Если он окажется в воде, то человек не изменился, а потому ему естественны только прежние реалии счастья, коими он руководствовался стоя на берегу.

Он также любит и счастлив за своих родных, когда у них все хорошо. Только теперь, чтобы быть в прежней кондиции радости, ему нужно утверждать свою жизнь совсем иначе. То есть изменился только образ утверждения того же самого счастья и радости бытия – теперь человек должен в поте лица добывать то, что имел стоя на берегу. Именно этим отличается человек до воспаления грехом от того, кем он стал после воспаления. То есть та же самая радость Царствия Небесного так и остается в прежней живительной значимости и после грехопадения, только теперь изменился образ утверждения её, названный экстазом.

1133-131) Это важный момент, который потом станет определяющим в истории Руси 1.0.2.-69.-д(1). Дело в том, что нудный и тяжелый труд в широтах Севера должен быть особенно оборотистым. Тут нет места отдыху, ибо день год кормит. Высоченный темперамент трудовых будней, требует к себе особенного состояния духовной жизни. Это такое бытие, когда человеку нельзя даже отвлечься, ибо сбой настроем очень тяжело поддается восстановлению до прежнего состояния. Это значит, что работоспособность деградирует, человек скатывается во всем остальном. Вот такой остроты вопроса в районах с благоприятным климатом никогда не существовало. Дело в том, что того количества алкоголя, который вырабатывает организм в процессе жизнедеятельности достаточно, чтобы человек оказался в высшей экзальтации радости. Но для этого, этот мизер необходимо доставить точ-

но по адресу. Благодаря этой точности, человек пребывает в веселье после трудодня. Этот естественный экстаз на самом деле норма жизни, а потому человека вновь и вновь тянет к жизни в этой же радости опосредовано нудного тяжелого труда. На этом кончике иглы уместается жизнь в радости для жителей северных районов. Понятно, как легко сбить столку, вывести из привычного цикла жизни, где каждая минута на счету. Эта кондиция жизни – приготовление есть к седьмому дню Воскресению. Только в этом случае, когда каждый день есть праздник, то и воскресный день воспринимается как праздник.

1133-132) В одном из двух состояний духа может пребывать человек. Одно из них понуждает к долгу усилием воли. Другое – человек хочет быть в радости. Что из них сильнее? Сила воли – дело великое, но приходит усталость и вместе с ней начинает деградировать порядок, держащийся на силе воли. От радости же усталость не приходит никогда. В этом различие ада от Рая, при которых в аду живут сильные личности, способные терпеть огонь и скрежет зубов, ибо радость мертва. А в Раю «будьте как дети, ибо таковых есть Царствие Небесное».

1133-133) В противном случае, тело не появилось бы в процессе эволюции, как не востребованное.

1133-134) Единственное, что нужно сказать, эти самые первые формы элементарной жизни пребывают в атмосфере, как носители энергии и ради них работают наши легкие.

Именно по этой причине, всё то, что связано с притоком обогащённой кислородом крови в мозг становится основополагающим жизни в земных условиях, то есть без этого смерть приходит моментально, в то время как без присутствия иных составляющих тела жизнь может продолжаться. Это говорит о том, что организм черпает жизнь в атмосфере.

1133-135) Дело все в том, что внутренний мир человека очень многогранный и разноплановый, а потому заблудиться в нем очень легко. Произвести отсев может помочь только боль и в нашем случае труд в поте лица. В Индии труд в поте лица, столь востребованный в наших широтах, подменили практикой йоги, причиняют себе неудобства и даже болевые ощущения ради поиска того в себе, что дарует спокойствие духа, выход из себя, благодаря чему боль уходит. Это не есть действие Благодати Духа Святого, но только то, что Ею может быть преображено.

1133-136) То есть теперь нагрузка, несущая экстаз богообщения, создается не ради нагрузки, но ради достижения каких-то жизненных целей.

1133-137) Вспомните мысль, сказанную выше по тексту о том, что если природа сама по себе стихийно следует в Божественное будущее, то человеку, несущему в себе воспаленную грехом природу, надобно прилагать усилия в поте лица для того же самого возрастания до образа Божия, для становления в совершенстве в Нем.

1133-138) Отсюда рождается мысль о том, что далекие

предки всех тех народов, которые ныне имеют представление о календаре, когда-то остро в этом нуждались. Чтобы сохранить привычный комфорт богообщения, им необходимо опереться на то, что несет имя Божественное, характеризующее полноту в окружности, а в нашем случае речь идет о годовых циклах, ибо это есть постоянство, озвученное языком инструментов земных реалий. (А ведь постоянство – это есть фундамент, на который опирается молитвенник, пребывающий в богообщении). Так как они в этом нуждались, то этому понуждала их среда обитания – она была тяжелой. Следовательно, скорее всего человечество вышло от туда, где было много труда в поте лица, который еще надо было правильно организовать, чтобы точно знать время для посевов.

1133-139) Мне думается, что в связи с какими-то нововведениями в образе жизни, труд стал более высокопроизводительным. Поэтому, чтобы хоть как-то свести на тот же прежний уровень противоречия между потребностью души и желанием плоти, древние насельники Европы увлеклись не йогой и нирваной, как в Индии, а строительством гигантских каменных изваяний. Что стимулировало бытие ещё одного важного качества – единство народа.

1133-140) «Хотя художника и нет налицо, однако же искусства сии сами собою достаточно показывают художнический ум, и ты можешь удивляться домостроителю, кузнецу, ткачу, смотря на его произведение». (Василий Великий «Беседы на шестоднев». Беседа1. «В начале сотворил Бог небо

и землю» (*Быт. 1, 1*)).

1133-141) Василий Великий в «Беседах на шестоднев» говорит во второй беседе: «Но Бог, прежде нежели существовало что-нибудь из видимого ныне, положив в уме и подвижись привести в бытие не сущее, вместе и помыслил, каким должен быть мир, и произвел материю соответственную форме мира. Для неба отделил Он естество приличное небу, и в форму земли вложил сущность, свойственную земле и для нее потребную. Огню же, воде, воздуху и формы дал, какие хотел». *То есть не творчество причинно-следственного механизма чередующихся событий творит мир, а волеизволение Личности Бога. Это важно заметить для нас, ибо причинно-следственный механизм – выражает только развитие распада, разрушения. Это никак не может быть одно и то же с созидательным устройством.*

1133-142) В той или иной степени оный имел место во всех народах Средиземноморья до Рождества Христова, только выражался оный своеобразно и уникально, разновариантно.

1133-143) Ритуал не дает востребованной темноты, чтобы видеть свет или не дает черный, чтобы видеть белый. То есть само по себе богослужение вне трудов в поте лица превращается в чистой воды ритуал, из-за чего наступает духовная слепота и трагедии мировых катастроф.

1133-144) Именно по этой причине в природе живого имеет место быть трусость, ибо береженного Бог бережет,

как несущего в себе образ и подобие, столь значимые для богообщения. Бог не видит то, что Ему не подобно.

Вообще надо сказать, что даже у святых отцов много противоречий в их трудах. Но дело в том, что Бог ничего не противопоставляет, но только все в себя включает – именно в этом Его миротворчество. Поэтому всякая даже ересь является или становится частью этой окружающей реальности. Но почему тогда настоящий богослов начинает протестовать? Потому, что еретическое утверждение берется за основу дальнейших суждений, как точка отсчета. А это как раз неправильно, ибо на это может претендовать только полная Истина. Также как назвать руку человеком можно, но утверждать на полноту откровения о человеке – это означает впасть в ересь. Если мы человеком назовем голову, то это уже ересью не будет, ибо остальные органы в человеке – это части головы. Голова и руки никак не равнозначны по значению – в этом губительность ереси, которая может благословить сунуть голову туда, где место только руке. Голова должна быть светла, чтобы даже в полном аду видеть Божественный свет.

1133-145) Адам и Ева опоясались смоковыми листьями.

1133-146) То есть чувственной пустоте, которая воспринимается как пустота лишь в одном случае – она замкнута в самой себе. То есть прямая линия, сама по себе являясь свидетельством о Боге в свойстве постоянства, а именно абсолютно прямой, теперь изменяя направление свидетельству-

ет о том же свойстве Бога в кривизне, описывающей окружность.

1133-147) Мы смотрим на Вселенную опосредовано того, что заложено изначально в человеке ещё во Царствии Небесном, то есть для человека естественно искать только счастья себе – вычленим из окружающего мира то, что нам подобно по образу и подобию, то что бросается в глаза, как контуры образа Божьего, как первые признаки живого, имеющие отклик на влияние Творца нетварными энергиями Его – своё подобие, выражение простоты Бога. Что-то иное нами не востребовано, как не имеющее жизнеутверждающего значения, ибо вне межличностных отношений человека с Творцом. Поэтому обозреваемое нами пространство подобно нам в причастности к жизни в различной степени, свидетельствует о Боге в виде всего того, что разумом созерцается в пределах предопределения замыслом Божьим, а потому остается не утраченным при поражении грехом. Новый появившийся вид усложнения, свойственный иной сфере бытия, не может выпасть из прежнего более общего свидетельства о постоянстве Бога. То есть кривизна, а точнее её общая реальность, так и остается прямой и развивается в пределах только оной. (Это также как если люди едут в трамвае, то не смотря на все те сложности отношений между ними внутри трамвая, они в общем плане продолжают двигаться по рельсам). Точно также и сама прямая свидетельствует о точке, как о более общем. А точка – о пустоте. Таким

образом, кривизна, в пределах живительного влияния Божественного, развивается только в пределах прямой и свидетельствуя о Божественном в частном (своей кривой описывая окружность), в то же время движется ещё и по прямой. Получается у нас некоторая синусоидальная спираль. А если мы вспомним, что чувственная природа распознает только то, что стало терпеть процесс распада, то перед нами возникнут новые образы, новые имена той реальности, о которых свидетельствуют точка, прямая, спираль и так далее. Мы поймем природу свидетельства о Боге в электромагнитной волне и вообще во всем вокруг. Мы поймем природу свидетельства о Боге во всем вокруг и в разных образах, представляющих нам внутренний мир усложнения. Мы так и остаемся созерцателями только с высоты вершины на то множественное усложнение, которое раскинулось у подножия этой горы, которая всегда есть и будет прообразом Голгофы Христовой. Мы все едины, ибо стоя на этой вершине, нам открывается один и тот же мир, в одном и том же проявлении. То есть мы видим сначала пустоту, точку, потом линию и потом только плоскость. Все вокруг нам предстает только в этих самых первых образах. Все то, что стоит за этими реалиями, какими бы они усложненными в процессе эволюции не были, выпасть из их пределов не могут.

1133-148) В этом отрезке наших суждений силу набирает диалектический материализм. Но хочу оговориться, что он работает только в этих пределах. Хотя все философ-

ские и религиозные доктрины в данной концепции имеют свои пределы проявления, обусловленные степенью приобщения к Божественному, оные имеют истину лишь в данных границах. Что-то иное вне этих границ становится ересью и осуждено на Вселенских Соборах. С другой стороны, богословы могут протестовать, ибо мир сотворён был из ничего. Это так, но в данном случае перед нами стоит задача свидетельствовать о Боге в пределах возможности человека понимать происходящее. Я проявляю здесь нежность, не конфликтуя с догматикой Православия и работаю по конкретному случаю. Что там за пределами нашего восприятия разумом – вне нашей компетенции, ибо это уже сферы бытия, познаваемые иными инструментами чувственной природы человека – душевными и духовными. Возможности анализа исчерпаны в их сферах познания Божественной реальности. То же самое касается более частных вопросов исследований точных наук. Продвигаясь от общего в православной догматике к конкретному случаю физики, к примеру, нам открывается возможное поведение материи и её новое свойство. Но опять же точные науки имеют границу истинности в своих пределах, в которых усложнение общего обрело данное исследуемое проявление, как свидетельство о Боге.

1133-149) Кирпич, где бы оный не был, остается кирпичом, даже если оный стал уже частью дома, а потому все процессы взаимодействия остаются в прежних форматах естества природы этого обожженного куска глины. Единствен-

ное, если кирпич пребывает в стене, то взаимодействие между стеной и другим кирпичом в пределах визуального восприятия изменений в стене не распознается чувственно.

1133-150) Именно в этом и есть опасность впасть в атеизм, пребывая в усложнениях научно-технического прогресса. Просто опосредовано сложности созерцать Бога нельзя, ибо в абсолютной простоте Бога нет сложностей, попадающих в поле нашего зрения, воспаленного первородным грехом и потому усложненным.

1133-151) След человека, оставленный в грязи, тоже в пределах своих возможностей свидетельствует о человеке, его оставившем, хотя и бесконечно более примитивно, чем сам человек. Полнота свидетельства не является всеобъемлющей, но только ограниченной природными возможностями грязи.

1133-152) Это есть также производное корпускулярности, как образа и подобия нашего временного бытия во Вселенной. Мы можем воспринимать возрастание до совершенства только до определённого предела, за коим возможность чувственного распознавания пропадает (см. выше по тексту книги).

1133-153) К коим относятся также, к примеру, точка, отрезок, наделённый непрерывной протяженностью между началом и концом, окружность и так далее.

1133-154) Если придется изучать труды святого Василия Великого, то вы будете удивлены его познаниями об устрой-

стве мира. Он в первой беседе на шестоднев говорит о том, что есть у Земли полюса, что она в центре, то есть круглая и так далее. Всё это на простых рассуждениях, кои он приводит. Четвертый век после Рождества Христова!

1133-155) Так как возрастание предстает перед нашим взором чередованием то распада, то структурой с признаками корпускулярности, то и организующая все структуры Вселенной связь с Творцом также предстает перед нами как влияние, как организующее Вселенную влияние.

1133-156) По определению о простом и сложном.

1133-157) Полнота и всеобъемлющая полнота – это и одно и то же в одном, но не одно и то же в другом.

1133-158) Вспомните теорему Фалеса, которую мы обсуждали ранее по тексту (единство без греха несокруσιμο).

1133-159) Дело в том, что окружающая среда является жизнью и становится инородной всему тому, что не несет в себе образ и подобие Богу – всему тому, что имеет разрушение единства и полноты образа Божьего. Человек, как только утрачивает полноту и цельность образа Божьего, так сразу же начинает умирать. К примеру, смертельное ранение или болезнь.

1133-160) Это видно из примера, который открывает нам природу познания. «Возьмите кухонный стул или табурет и выведите его в состояние равновесия на одной ножке. По логике вещей он должен упасть. Благодаря логическому анализу мы даже сможем узнать, где он окажется через определённый

ное время. В жизни же все наоборот – стул постоянно «стремится» быть в состоянии равновесия, ибо много покушений на наше здоровье со стороны природных явлений, от окружающего общества, но организм опять его восстанавливает. Это есть победа над всем тем, что несёт человеку смерть. То есть логика – закон победы смерти над жизнью, а победа над логикой вещей – победа жизни над смертью. Всякое падение из состояния равновесия приносит удовольствие, а процесс восстановления – трудность, напряжение сил и воли. Это есть боль.» Также необходимо посмотреть примечание 1133-175. То есть возвращение, приносящее дискомфорт – это только подъем к прежней Вершине бытия. Подниматься в гору трудно, чем спускаться с нее же.

1133-161) В принципе этот момент становится ключевым для возникновения религиозных переживаний и всех религиозных доктрин, в коих богообщение опосредовано противоестественного хоть и становится страданием, но происходит желанное примирение с Творцом посредством чистоты духовной, если человек это ищет. Но, надо сказать, что, хотя и посредством чистоты духовной имеет место примирение с Богом, но это еще не есть присутствие Духа Святого.

1133-162) Подобное познается посредством только своего же подобия.

1133-163) Если мы рассмотрим окружность, как образ элементарной законченной в себе полноты, то есть образ живого в данной среде мировосприятия. Также если мы рас-

смотрим прямую-касательную окружности то увидим, что две реалии живого в образе окружности и прямой имеют одну общую точку соприкосновения, но прямая – это есть подчинение закону распада того, что когда-то было окружностью. То есть осколки, исходящие от разрушенного вращающегося предмета летят по касательной. Итак, продукт распада и живое имеют одну общую точку. Примерно так это можно представить, что общее Божественное имеет с греховным общую точку.

1133-164) Хотя распадом сие нельзя называть, ибо личность человека видит живое и называет живым только в пределах того, что оказалось в пределах своего «эго». Это Божественного бесконечно, а потому то, что стало распадом, на самом деле, подчиняется уже не личности, но Личности. То есть в той же схеме «окружность – прямая касательная», вот эта прямая касательная на самом деле есть часть окружности с бесконечным радиусом. В противном случае, все распавшееся выпадает из поля зрения, как не являющееся жизнью. Не познаваемо, как наше подобие. (Бог дает нам видеть хаос и распад только для того, чтобы мы трудами в поте лица восстанавливали порядок и преображали этот созерцаемый мир)

1133-165) Понятийный язык А.Ф. Лосева

1133-166) Палка своим поведением свидетельствует о высшей точке равновесия. То есть если она не начала падать, то мы не распознаем то, что когда-то или несколько

мгновений назад было равновесием – нет о том свидетель-ства – это предстает перед нами чувственно созерцаемым ва-куумом. Именно по этой же причине о Боге мы ничего не ведаем в критериях материального мира.

1133-167) В первые мгновения истечения материя наиболее подобна Источнику.

1133-168) Произношу новое имя явлению – самооргани-зуется. Это еретичное высказывание ввожу не спроста. На самом деле, отцы Церкви свидетельствуют верно – Бог изво-лил так и было так. Но нам, несущим в себе воспаление грехом открывается всякое изволение Божье как самоорганизу-ющееся. И на этом понятийном языке есть востребованность свидетельствовать о Боге в пределах возможностей этого по-нятийного ограниченного языка.

1133-169) Прямая и точка – различные свидетельства об одно и том же, только в различных средах.

1133-170) Потрясающие выводы сделал Василий Великий в первой беседе на шестоднев. Простыми размышлениями он уже в своем 4 веке смог сделать обоснования о том, что Земля круглая и имеет полюса.

1133-171) Познавая Божественное посредством ограни-ченной природы человеческого организма человек испыты-вает боль и скорби.

1133-172) Все имеет производное точки, то есть несет в себе образ её, как рожденное из нее, всегда несет в себе ее подобие. Именно поэтому живое имеет в привычном виде –

это есть развернутое свидетельство внутреннего мира точки. Живое всегда есть чувственная пустота, распознаваемая посредством чувственной природы, воспаленной первородным грехом. Потому, что оно не распадается, а живет. Живое яблоко на столе есть пустота для органов вкуса, ибо оно не попало в рот, не оказалось в поле зрения, в поле досягаемости вкусовых нервных окончаний, но это не означает, что яблока нет в реальности. Именно по этой причине мир Вселенной, до отказа наполненный живительной красотой и счастьем зрится нами как холодная межзвездная пустота⁴⁵¹.66776677????

1133-173) Жизнь – это всегда есть равновесие весов, на одной чаше коих трудности и тяжести жизни, а на другой радость бытия. Это также как мать мается со своими детьми, но иного ей не надо, ибо в этом её счастье.

1133-174) В язычестве естественный для физиологии человека труд в поте лица, как то самое черное, посредством коего нам дано видеть белое, заменен на различные телесные истязания и жертвы.

1133-175) Каждый из нас ищет только то, о чем он уже ведает и то, где он уже был.

1133-176) Развитие всегда однонаправленное, а потому оно есть проявление Божественного единого и неделимого в одномерном пространстве.

1133-177) Отсюда становится понятным, почему враги России так жестоко расправились над Григорием Распути-

ным и расстреляли всех, кто носил эту фамилию в родной его деревне. Вот почему перед оттепелью «зачистили» профессуру Православной Академии в Сергиевом Посаде. Вот почему расправились над семьёй раввина в Екатеринбурге, ветерана Великой Отечественной Войны, кавалера всех Орденов Боевой Славы. Убивали русский путь, вместо того, чтобы следовать ему.

1133-178) Человек как в самом себе, так и в научном эксперименте пытается соединить два противоречия, возникших ещё при отпадении человека от Бога. Он как бы естество мира, раскрывающегося с вершины несущей прообраз Голгофы, на которой человеку естественно быть духом, с требованиями физиологии быть вечно в земных условиях – у подножия этой вершины-прообраза Голгофы.

1133-179) Ради приобщения быта и условий жизни к естественному для человека уподоблению Царствию Небесному, то есть райских условий, ведь в чем-то ином быт и уклад жизни подобным Раю быть не может: либо приемлемые условия для полноты обладанием счастья, либо нет.

1133-180) У святого Василия Великого в толковании на шестоднев во второй беседе (Беседа 2. «О том, что земля была невидима и неустроена (*Быт. 1, 2*)») находим: «Когда же приписываем Богу глас, речь и повеление, тогда под Божиим словом не разумеем звука, издаваемого словесными органами, и воздуха, приводимого в сотрясение посредством языка, но, для большей ясности учащимся, хотим в виде пове-

ления изобразить самое мановение в воле».

1133-181) Повторюсь, что речь идёт об инструментах понятийного языка, на котором рассказывается о Боге, а не о деяниях Божественных Лиц.

1133-182) Именно для этих целей востребованным оказался речевой язык и письменность.

1133-183) Как важная грань, сие востребовано для стяжания собранности духа, с чего всё в этой земной реальности начинается, а потому столь значимого качества души в борьбе за жизнь.

1133-184) Разделение труда, как уже много раз сказано, способствует сохранению прежней жизнеспособности человека с увеличением производительности труда и, что самое главное, без ущерба на концентрацию духа на единение с Богом. В пределах подобия Богу идет все вокруг нас.

1133-185) Если мы приглядимся к природе человека, то заметим, что жизнь – это совмещение стихий, которые не могут быть совмещены в окружающем порядке вещей. К примеру, организм вобрал в себя и огонь, и воду – то, что в природе земной реальности взаимно друг друга исключает.

1133-186) Святой Василий Великий в своей третьей беседе на шестоднев («О тверди») говорит: « Но не оставим без замечания и следующего. После того как Бог повелел: *да будет твердь*, сказано не просто: *и стала твердь*; но: *и создал Бог твердь*, и еще: *отделил воду*. Пусть глухие слышат и слепые прозрят! И кто же глух, кроме не слышащего, когда

столь громогласно вопиет Дух? И кто слеп, кроме не видящего столь ясных доказательств об Единородном? *Да будет твердь*, – это вещание первоначальной Вины! *Создал Бог твердь*, – это свидетельство о Силе творческой и зиждительной!» То есть Бог в каждом своем творческом акте попечительствует только об утверждении тверди в самых различных образах и вариациях. Мы тверди дали имя «постоянство».

1133-187) Сказано Богом в Евангелии: «Скрывайте свое сокровище на Небеси, где не тля тлит, не татие не подкапывают не крдаут».

1133-187) Без единства с Творцом человек не видит этого верного пути.

1133-188) Речь идет о достоинствах организма, которые способствуют выживанию в процессе жесточайшего естественного отбора в борьбе за выживание.

1133-189) Без покушения на счастье.

1133-190) Каждая сфера-область бытия свидетельствует о Боге на своем уникальном для нее языке, без чего бытие в никаком виде и образе невозможно. Единственное, что каждая сфера-область бытия свидетельствует о Боге по своему уникально в соответствии с ее природными свойствами. Но так как всякая сфера-область бытия не смотря на различность образов выражения Божественного исповедуют об Одном и Том же, то это означает только одно, что все образы Его во всех сферах-областях едины и взаимно друг друга гармонично дополняют и гармонично сопряжены во взаи-

модействии. Всякое взаимодействие всех разнородных явлений происходит только в Божественной общей для всех реальности, то есть посредством только своих подобных друг другу граней. А все явления в природе подобны друг другу только в Боге. На человеке все в этом мире имеет единство и он сообразно своему внутреннему миру, пребывающему во Царствии Небесном устраивает образ Его вокруг себя. Само развитие эволюции человечество шло именно по этому принципу: голова рождала свой хвост, без которого бытие молящейся души в земных условиях невозможно¹⁹².

Двоичность эта хорошо зрима на точке, в которой окружность касается прямой. Прямая и окружность – реалии разных природ, в которых Бог свидетельствует о Себе столь различным способом. Прямая, хоть и является характеристикой распада, а потому для нас она есть образ смерти. Но опять же это относительно, ибо прямая несет в себе живительную двоичность – она ровная, не имеет изменений в направлении и скорее всего прямая – часть окружности с радиусом стремящимся в бесконечность. То есть прямая – другая окружность, которая не воспринимается умом, как окружность.

1133-191) Производное берега во всем его спектре возможностей и побочных свойств.

1133-192) Голова является телом и хвостом, то есть организм, в процессе эволюции стремится обрести образ головы в том же числе в образе вечности бытия. Хвост возник из головы, а потому хвост несет в себе все свойства головы. Так

как голова несет в себе образ пустоты, то и хвост – это многовариантные оттенки головы. Вот почему материя несет в себе различные прообразы постоянства пустоты. Без тела, по слову Святейшего Патриарха, душа не может жить в земных условиях.

1133-193) Сам по себе экуменизм – это преступление против народов, ибо несёт в себе как раз иное: люди отвлекаются на формальное, благодаря коему народ остался на первобытной стадии его бытия в ущерб тому качественному, что утверждало жизнь народов с данной самой сильной формой исповеди Бога и соответствующему высокому уровню развития цивилизации, то есть, благодаря смешению, чистота смешивается с нечистотой.

1133-194) А.Ф.Лосев так разъясняет этот момент: «Представление множества с точки зр. единораздельности, когда мы имеем в качестве самой сложной категории только категорию типа, было лишено всякого элемента измеримости, или иначе мера чистого и основного множества (счетного множества) – нуль. Теперь же мы приходим к тому выводу, что измеримость может быть не только нулевой, – только об этом нам говорит категория становления. Если же мы захотели бы исследовать разные типы измеримости, то это было бы равносильно исследованию разных типов становления, то есть тут нужен был бы выход за пределы самой категории становления. Но это в полной мере совершится только после перехода нашего становления в ставшее и далее,

наконец в выразительную форму.» («Хаос и структура», М. 1997 «Мысль». §63. Продолжение. Стр. 281) Иными словами, счастливая случайность – это то, что не вписалось в тип измеримости, имеющей данную выразительную форму ноля.

1133-195) Боль физическая по сравнению с раной в душе ничто. С раной в душе жить невозможно, а израненному можно жить и примеров тому множество. Так мы устроены Богом, что радость душевная и мир духовный в экстазе – основа жизни (1133-434).

1133-196) (также см. 1133-435) А чуть позже мы разберемся и в другом. Мощи усопших – это уникально сложившийся понятийный язык эволюционного становления, как образ отражения победоносной борьбы за выживание. Далее этот же момент отразится в наборе законов общественного становления. То есть мощи усопших – это такой же опыт победоносного шествия человека в будущее, как наиболее совершенная религиозная доктрина и наиболее удачная форма хозяйствования. Точнее это то самое, что бросается нам в глаза – нам, созерцающим мир с точки созерцания, сопряженной с воспаленной грехом природой.

1133-197) А.Ф.Лосев в своем труде «Хаос и структура» называет точку наиболее простейшей «фигурой», причем «по своему смыслу абсолютно самотождественной решительно во всех фигурах и пространствах». (§71 Аксиома выражения в геометрии.)

1133-198) Так как до грехопадения ещё во Царствии

Небесном, материальный мир был частью нашей природы, то есть мы несли в себе общее. То теперь уже, после грехопадения, это общее, вместо пребывания в своём естественном месте, получило стимуляцию Солнцем со всем очевидным спектром эволюционного развития.

1133-199) Это есть соучастие в промысле Божьем, который по Образу Своему постоянен. (в п.144 «Примечаний» этот момент проработан более качественно). Смотри ниже в примечаниях п.257

1133-200) Закройте ладонью глаза. Вы сразу потеряли в себе уверенность, от чего вы утратили радость, ибо на вас нападает страх от неизвестности и вы цепляетесь за всех прохожих. Но вот вы открыли глаза и хорошо видите. Вы уверены в себе, отчего уходит паника и приходит спокойствие. Вы стараетесь помочь тем, кто слеп. То есть радость – это не заработок за содеянное, но это такое качество жизни – это то самое вечное бытие во Царствии Небесном не потом после смерти, но уже сейчас.

1133-201) Каждый верный шаг – это не результат каких-то вычислений, а естественный порядок вещей удерживающего свое внимание на Бога.

1133-202) Эти диаметрально различимы.

1133-203) Согласно Закону Сохранения энергия неуничтожима.

1133-204) Мы созерцаем Божественное многовариантно, накладывая как бы шаблон на мироздание, благодаря чему

в поле зрения попадает только то, что вписалось в контуры шаблона, обусловленного ограниченностью падшей природы человека. Благодаря этому из всего мироздания нами воспринимается только узенький участок спектра реального бытия. Но и даже такой узенький спектр впечатляет наше воображение своим бесконечным величием – перед нами космос. Одному старцу было видение, в котором он увидел полноту космоса и он был весь в цветах.

1133-205) отсюда нам понятна природа корпускулярности и порционности этого бытия. Всё в мироздании пребывает в развитии, но так как мы видим только то, что имеет образ Божий, а развитие всегда предполагает возрастание до образа Его, то появляется эта порционность, при которой развитие продолжается до некоторого предела, в котором обретает Божественную полноту выражения. До этого самого момента, пока развитие не дошло до этого предела – его нет для нашего восприятия, но как только пересекает этот рубеж становления – возникает как чувственно воспринимаемая реальность. Далее проходя рубеж дальше – вновь исчезает для нашей возможности созерцать чувственно. Возникшая порция наделена теми характеристиками, которые мы взяли за основу в физике и математике. Сам по себе мир вокруг нас – не сплошное бытие, как это естественно для Царствия Небесного – разрозненные упорядоченные островки бытия – планеты, звезды и так далее. О том, что мир – сплошное бытие, свидетельствуют только множественные связи между пред-

метами.

1133-206) Вся история эволюции Вселенной – стремление совместить несовместимое, разделенное первородным грехом до того образа, коим была Вселенная до падения первого Адама. Тогда каждая микрона бытия была не разделением противоположностей, а как раз наоборот связующим звеном.

1133-207) Свойство живого, в земных условиях суть таково есть, что нарушение непрерывности-нераздельности, то есть замкнутости или цельности приводит к нарушению образа Божьего, без которого жизнь невозможна.

1133-208) Божественное не нуждается нежном к Нему обращении, ибо нежное нужно только нам. Поэтому перемалываемая продукт, мы без страха расчлняем его, ибо Божественное разрушить невозможно – оное остается в любом случае. Единственное, что обработка должна пройти так, что восприятие Божественного оказалось для нас удобным, то есть мы должны стать способными взять Его и причаститься к Нему.

1133-209) То есть не утрачивает способности к возрастанию до образа Божественного.

1133-210) Таким образом, становится очевидным, что детей рожают по-разному. Дети по плоти требуют отделить Божественное из продуктов питания и окружающего материального мира. Есть дети, которым необходимо выделить Истину, как Божественное свойство, из хаоса свидетельств о Боге. А есть дети, которые получают Божественное в чистом

виде, явленного Благодатью Божьей. Всякое приобщение к Богу несёт в себе экстаз, пленником которого оказывается новоиспеченное чадо, как сопутствующее свойство счастливой случайности или некоторого оттенка присутствия Царствия Небесного и чем сильнее подобие человека Богу, тем более вечным становится такое его экзальтированное состояние в реальности. То есть сам процесс «детопроизводства» в Боге несёт в себе Божественные радости **1.0.2.-69.-д(1)**.

1133-211) Прошу быть православных богословов благосклонными к данным высказываниям, ибо это только лишь понятийный язык свидетельства о Православном понимании о Боге Троице. Этот инструмент свидетельства о Творце на большее не способен, а потому не имеет права стать основой догматического богословия, ибо в этом случае становится уже ересью.

1133-212) Хотя суета – это тоже богообщение, но во второстепенных и третьестепенных сферах. Ибо ни о чем более человек говорить не может, просто не осознавая того, что он говорит о Боге, даже если отвергает Его.

1133-213) Именно в образе нашего эго, несущего природу воспаленную грехом, мы вы видим порционность Вселенной, то есть всё вокруг нас не сплошное в образе единства, а разделенное в образе отдельных вещей и предметов – больших и малых.

1133-214) Возрастание – есть образ Божий в одном.

1133-215) Замкнутая, единая целостность – образ Божий

в другом.

1133-216) Один грешник, пишут отцы, попал в рай за одно подаяние страждущему, сделанное им в юности. То есть всякое даже самое малое доброе перевешивает все злые дела, ибо оно надделено Сущностью, а злое пустое есть.

1133-217) Хотя надо сказать, что из поля зрения человека Божественное, как ориентир, образ и подобие никогда не уходило, ибо тогда мы знали бы о других формах жизни людей.

1133-218) Счастливая случайность, которая исходит от святых мощей предков с физической точки зрения надделена пустотой всего того, что нами может чувственно восприниматься, ибо сами мощи – это суть след, оставленный пустотой греха в пределах земных. Вот эта пустота и есть то самое. Ведь о пустоте мы свидетельствуем во время охоты, риска и при тяжелых физических нагрузках. Пустота ошибки чувственно не воспринимается, как трагическое событие, ибо чувствуем мы, как было установлено, только то, что стало трагедией, а мы жаждем богообщения, которое предполагает пустоту греха или пустоту ошибки. Охота, тяжелые физические нагрузки землепашца – это все есть богообщение и предполагают плоды – то, что несет в себе Божественные энергии, которые надо бы выделить из добытого продукта. Человек, идущий на дел богообщения сам должен быть пустой. Мы несем в себе эту пустоту, но мощи усопших это присутствие пустоты усиливают, ибо ничего более в них нет.

Скажем так, когда мы говорим о пустоте, то предполагаем иное, ибо на самом деле слово и понятие «пустота» – это лишь иной понятийный язык, выражающий Божественное волеизволение.

1133-218) Потом, позднее в истории это станет государственностью.

1133-219) В царские времена жалование платили от случая к случаю – по большим церковным праздникам.

1133-220) Дело в том, что говорить о приобщении к Голгофе Христовой в том понимании, в каком о ней имеют представление люди, нельзя. Всякая деятельность человек несет в себе степень подобия Голгофе Христовой и даже простой человеческий сон, ибо во сне организм, как всякое живое остается на вершине бытия. Вести народ на Голгофу – это означает, что подталкивать его к творчеству, которое хоть и несет в себе некоторое малое приобщение к отдаленному подобию Крестным страданиям Христа, но все же крайностью в данном смысле не являются. Речь идет о том, что горькую соль эту следует вкушать удобоприемлемо в пределах физических возможностей человека хранить образ Божий в том, что он уже есть по природе, то есть без покушения на цельность и единство, как иные имена образа Божьего, вне коего нет жизни организма.

1133-221) Хорошо отразил А.С.Пушкин в «Пиковой даме». Пример не очень удачный, но мысль поэта очевидна.

1133-222) Поэтому Н.М.Карамзин описывает в своей

«Истории Государства Российского» некоторые странности в поведении древних славян.

1133-223) Потом уже по грехопадении начнётся эволюция во всех смыслах этого слова, в том же числе научного прогресса, благодаря коему неприкосновенность Образа Божьего, оформленного в личности, далее в образе жизни и в более широком плане.

1133-224) Тут важно подчеркнуть, что само по себе присутствие этих двух крыльев Церкви, культ и производство, ещё ничего не значит. Ибо тело, хоть и наделено полнотой человека, но если оно бездыханное, до это не человек, а только труп, который нужно срочно закопать, причем очень срочно, ибо такое положение дел имеет диаметрально влияние – тянет народ к гибели. Нужна жизнь в качественном единении с Богом, тело Церкви должно дышать.

1133-225) Экстаз по Дионисию Ареопагиту.

1133-226) Плоть в процессе эволюции все сильнее и сильнее подстраивается под более качественное торжество радости духа, без которого становится невозможной никакая творческая деятельность человека. Человек должен гореть в любом деле.

1133-227) Этот тот самый парадокс с которым столкнулись учёные археологи (1974 году советские учёные, пребывая в атеистическом государстве, впервые высказали эту мысль). Сказано в Евангелии: «Служите Мне и всё остальное приложится вам».

1133-228) Дело в том, что как только уходит развитие, как возрастание в Боге, так приходит смерть народа, выраженная в братоубийственных войнах. Это ещё одна грань, обусловившая направление эволюционного становления человечества.

1133-229) ** Поучение Мерикара, XXI в до Р.Х (написано в I переходный период), египетский царь фараон поучает своего преемника сына: *«Заботься о людях – пастве Бога. Для них сотворил Он небо и землю, для них, покори́л Он чудовище водное, для них соделал Он дыхание в ноздрях их, дабы жили они. Они образы Его, вышедшие из тела Его, для них, сияет Он в небесах...»*

1133-230) Столько мяса съесть вряд ли возможно за два-три дня, ибо гораздо легче находить еду иными способом.

1133-231) По слову Святейшего Патриарха, проводить через Крест.

1133-232) Вспоминаю мультфильм, где удав по имени Каа поползает в стаю бандерлогов («слово или мнение бандформирования» – в переводе) и поглощает их, то есть выстраивает мировоззрение их в свое подобие змии, то есть в логическую цепь суждений. А так как в правильном мышлении, его логически выверенной цепи есть порядок, но нет счастья, как состояния духа (оное в этом случае всегда где-то в обещанном, логически выстроенном будущем), то и нет условия для главного действия – делиться и жертвовать собой, то есть творить подвиг. Подвиг вообще всегда против стройной ло-

гики вещей, ибо разумно идти лёгким путем, обходить горы стороной. А поэтому жены становятся умными в логике вещей (но не мудрыми) и перестают рожать, и отцы перестают воспитывать – это трудно, а потому не умно. Вот так в СССР, расстреливая врагов народа – расстреляли самих себя, ибо на подвиг способен только счастливый в Боге человек.

1133-233) Того самого Каа из мультфильма

1133-234) Прошу заметить, что речь идет о единообразии, как образе Единого, а не однообразии.

1133-235) То есть человек молится не только своими делами, но и хранением образа Божьего в себе. Смотрите примечания под номером 8 и 159.

1133-236) Хотя необходимо напомнить о том, что до Рождества Христова человек приобщался к Богу только духовной чистотой, а после грехопадения духовная чистота оказалась вместилищем Духа Святого.

1133-237) Безобразие – отсутствие Образа.

1133-238) Только победа в борьбе является жизнью. Торжество в борении – это еще одно имя радости.

1133-239) И когда поднимаешься в атаку или просыпаешься задолго до рассвета, тогда борешься самого себя. И когда просто воздерживаешься в посте и молитве – тоже активируется одна и та же реалья в природе человека, работает тот же принцип, также борешься самого себя и торжествуешь в экстазе над собой.

1133-240) На самом деле освоение космоса – еще один

прообраз экстаза, то есть чисто внешнее проявление внутреннего эволюционного становления, активированного новыми победами над собой в постах и в иных формах воздержания. Отсюда гармонично вытекает дальнейшая минимизация жизни.

1133-241) (По этой теме также смотри 1133-190) Повторю, что написанное здесь полнотой Истины не обладает, но только специфическим зеркальным отражением её в оказавшейся востребованной разумом доступной ему полноты данной реалии – это только углубление следа отпечатавшихся на нашем земном мире событий Священного Писания на данной реалии естества Вселенной. Само же Священное Писание здесь никоим образом не затронуто и остается абсолютным авторитетом, ибо сфера его свидетельства о Боге несет в себе откровение Бога. Мне же остается комментировать некоторые его положения понятийным языком в пределах возможности материализма это делать. Иными словами, изложенное соотносится с Библейским текстом примерно также, как весь человек с углублением отпечатка ступни его на песке или снегу. След о событии есть, но он абсолютно далек в свидетельстве о полноте Истины, но след всё равно есть, все равно остался и своеобразно свидетельствует о Творце, о Его полноте Истины. Просто это следует всегда оговаривать при разграничении, иначе возникнет хаос богословской ереси. Также как окружающая природа земли и неба засвидетельствовала о трагедии на Голгофе

только лишь в рамках возможного или в пределах способности свойственному окружающему естеству свидетельствовать о таких событиях¹⁹⁰. Более, чем вот так получившимся «углублением», природа не может выразить Его Реальность, ибо это то, на что оказалась она способной согласно своим свойствам. Земля разверзлась и на небе померкло Солнце на целых три часа (это не лунное затмение). Это уже есть неординарное и в нашем понимании противоестественное поведение Вселенной, но не противоестественно для неё самой и для Бога, а потому требовать чего-то большего для ограниченной природы нельзя, хотя разум этого требует и не насытившись бунтует против веры. Точно такая же ситуация в абсолютно во всех научных концепциях, своеобразно, специфически несущих в себе выражение следов Божественного, но разум по слабости своей не распознает в явлении след Творца, как Личности и отвергает Его бытие. Настоящий учёный изучает только лишь законы проявления Творца в них, что и становится настоящей востребованной, создающей наукой. Такие ученые не будут забивать гвоздь в голову, чтобы снять электромагнитные импульсы в поисках кнопки управления над сознанием, но будут уверены в промысле Божьем.

1133-242) Научное открытие, к примеру. Также хорошая новость, успехи детей и так далее

1133-243) По слову св. Иринея Лионского, «только целый человек может участвовать в Боге, и если нет тела, то нельзя

говорить и об участии», то есть плоть тоже совершает свою молитву согласно душе и ей для этой молитвы даны мышцы, которые должны быть в напряжении и не просто в напряжении, а еще и в осмысленном деянии.

1133-244) «Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей;...» (Быт.3:17)

1133-245) Св. Василий Великий «Письмо Григорию брату о различии сущности и ипостаси», п.4

«И кто бы в каких мыслях ни узнал величия Одного из Тех, Кого исповедуют во Святой Троице, благодаря тем же мыслям придет к Отцу, Сыну и Духу Святому, одинаково видя славу [Их], не оступаясь мыслью ни в какие промежутки между Отцом, Сыном и Святым Духом, потому что ничто не вплетено между ними, нет ничего постороннего божественной природе, что могло бы чем-то чуждым извне попавшим разделить ее в самой себе, никакого неодолимого пустого промежутка, который создавал бы зияние во внутренней гармонии божественной сущности, вставкой пустоты разрывая связность. Но помывший Отца помыслил и Его Самого по себе, и Сына воспринял умом». Исходя из этого исповедования о Боге Троицы, мы находим важные для нас свойства бытия, а именно то, что оно непрерывное и замкнуто в себе. Сам факт того, что мы чувственно распозна-

ем, говорит о том, что оно уже есть цельно и едино в образе Божьем.

1133-246) «... Везде тут один и тот же метод – выражение идеальной фигуры при помощи инобытийного к ней пространства» (А.Ф.Лосев, «Хаос и структура», §71 Аксиома выражения в геометрии)

1133-247) А.Ф.Лосев «Хаос и структура» (§71 Аксиома выражения в геометрии. пп.3-4) «Итак, идеальность бытия заставляет точку быть во всех моментах своего пути одновременно, а инобытийность идеального заставляет точку иметь этот путь в виде замкнутой линии (скажем окружности). Выразительная точка, следовательно, есть окружность, во всех моментах которой точка пребывает одновременно и неизменно.»

«Этот совершенно понятный язык можно пояснить ещё и так. Идеальное вне временного и внепроцессуального, но оно может отождествляться с реальным. В таком случае оно охватывает все реальное, двигаясь по нему с бесконечной скоростью. Когда точка движется по своему пути с бесконечной скоростью, она сразу и одновременно находится во всех без исключения точках своего пути. Это и значит, что она сохранила в реальности свою идеальность. Выразительная точка поэтому тождественна с бесконечно большой окружностью, которая, однако, пройдена вся сразу в одно бесконечно малое мгновение.

«Следовательно, наша точка сразу и одновременно опи-

сывает в одно мгновение бесконечно большую окружность и вправо, и влево, и вверх, и вниз, и во всех промежуточных направлениях, различие которых исчезающее мало. Наша точка есть некий фонтан бытия, бегущий сразу во всех направлениях пространства, которые можно только себе представить. Она сразу пробегает всю бесконечность, во всех направлениях и мгновенно возвращается к себе»

Тут А.Ф.Лосев не без основания утверждает точку, как луч, формирующий зайчик на поверхности экрана. Тем самым совмещаются реалии, которые иначе никак нельзя совместить: точка, как излучатель энергии, активирующий пустоту греха и весь огромный мир Вселенной, который образуется этим «бегущим зайчиком».

1133-248) А.Ф.Лосева называют идеалистом по этой же самой причине – он в математическом, философском и физическом обосновании мира создает антропоморфный образ. Без антропоморфизма невозможно познание Вселенной. Любой ученый в первую очередь должен познаваемый мир сделать удобоприемлемым для познания. Также как продукт питания должен пройти первоначальную обработку – в противном случае это становится смертельным ядом.

1133-249) «И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратился к Богу, Который дал его.» Библия, книга Екклесиаста или Проповедника, 12-7.

1133-250) Вновь вспомните сказку, в которой стоит богатырь перед камнем, а на нём надпись «На лево пойдёшь –

богатым будешь. На право пойдёшь – счастливым будешь. Прямо пойдёшь – смертью умрёшь».

1133-251) Дело все в том, что сами страдания – лишь как темное стекло, позволяющее видеть только основной источник света, то есть Солнце. После грехопадения жизненное естество осталось тем же, как изначально, во Царствии Небесном, а потому требуется вспомоществующее для верного созерцания Бога – нужны скорби. Настоящая радость распознается только в искушениях.

1133-252) Сказано жене Адама, что в скорбях будет рождать детей. Но так как эти страдания приводят к экстазу того же, прежнего общения с Богом, хотя и даже в бесконечно малых пределах, то все равно даже эти мгновения будут затмевать все самые страшные скорби бытия и оный будет неизбежно выражен в природе человека, как плодотворное.

1133-253) Дело в том, что само по себе удержание в равновесии, как усилие не является естеством жизни. Также как если сыпать песок в одно место, то начнет расти горка из песка. Рост песчаной возвышенности – не есть дело возрастания самой песчаной горки, но дело осыпающегося этого кремниевго порошка на вершинку, благодаря чему она растёт. Точно также равновесие и все формы возрастания обусловлены связью богообщения, имеющей образ человека. То есть победа жизни над смертью – это есть утверждение связи с Богом в земных условиях.

1133-254) Если говорить о миссии Сына Божьего на Зем-

ле, то мы заметим, что опять имеет место резкого противопоставления понятий трудно сопоставляемых. Христос новыми заповедями утверждает естественное Царствия Небесного на земле и тем самым активизирует жизненно востребованную напряженность в ином уже статусе. Не надо лезть куда-то на вершину горы или обживать суровые просторы Севера, ибо теперь тяжестью стало несение в себе такого мировосприятия среди диких племен, резко контрастируя обычаям и противопоставляясь их образу жизни нравам. Жизни, как естеству Царствия Небесного, свойственно наступать на смерть и отвоевывать у неё новые пространства. Вот это шествие Царствия Небесного мы видим в Священном Писании. Именно этой реалии призван из небытия научный прогресс. В противном случае, если бы жизнь, как естество Царствия Небесного, не наступала бы на смерть, то и не было бы смысла примирения и Царствие Небесное было бы доступным только после смерти. Человек не мог бы быть его насельником уже здесь на Земле в поте лица своего.

1133-255) Это как опорная палочка путнику, хромающему на ногу. Когда вы читаете молитвы и произносите их наизусть, то, при нападении врага рода человеческого, бывает в уме происходит путаница и смятение. Человек начал применять некоторые знаки для того, чтобы восстанавливать ход мысли. Так появилась сначала речь, а потом возникла и письменность. Речь и письменность востребованы только для того, чтобы противостоять существам бездны, равно как и мно-

гое такое в этой реальности, которое помогло противостоять зверям лесным и теперь уже смертельным условиям космоса.

1133-256) Равновесие и единство – разные имена одного и того же понятия – жизнь.

1133-257) Отсюда нам ясно почему так сложена природа человека. Тут явно выражена роль «точного попадания». Человека постоянно делает точное попадание и потому имеет возможность жить даже в абсолютно ограниченном пространстве ада. Обладая абсолютным ограничением возможностей и свобод, он может просто видеть перед собой только одно верное направление, только один выход из положения и именно этим выходом он утверждает свою жизнь. Он постоянно движется вперед и только туда, где есть выход, утверждая свое бытие в той же радости Царствия Небесного, в каком человек пребывал до отпадения во грех. Если есть видящие глаза, то и выход будет адаптирован к природным возможностям человека – это также как на велосипеде мы стараемся объезжать ямы и выбираем себе хорошую ровную дорогу. В этом контексте эволюционно формируется человек, при котором точность попадания позволяет жить в радости Царствия Небесного не только в земных условиях, но и даже в аду. Отсюда это стремление точного выполнения ритуала в древней ведической традиции в Индии. Чтобы угодить Богу, говорили они, надо точно исполнить ритуал.

1133-258) В своей работе «Амбигвы к Иоанну» св. Максим Исповедник так освещает эту мысль (А.Ф.Лосев дал ей

особенный колорит и более всеобъемлющее определение). «Начало всего естественного движения состоит в “пуске в ход” сотворения существ, и начало этого “пуска в ход” положено Богом-Творцом (генесиургос). Целью естественного движения сотворенных существ является неподвижное состояние. Это состояние происходит из Бесконечности и достигается путем выхода из всего конечного: вследствие отсутствия пространства в нем по естественным причинам прекращается движение существ... Бог есть начало (архи) и конец (телос) всякого возникновения и движения: они исходят из Него, стремятся к Нему и в Нем обретут свою неподвижность»

1133-260) Таким образом, заповедь Божья о том, что в поте лица мы должны добывать себе хлеб насущный становится образом-формулой развития эволюции человечества и жизни вообще

1133-261) Это также как езда на велосипеде. Приняв данное ограничение свобод, соответствующее свойствам велосипеда, в процессе передвижения на нем мы выбираем только такой маршрут, который максимально адаптирован к возможности ехать на велосипеде. Поэтому мы довольствуемся теми возможностями, которые характерны велосипеду.

1133-262) «Святой Максим Исповедник вводит различие между понятиями смысла (логос) и образа существования (тропос). Тварный мир существует в соответствии с божественным смыслом или замыслом, но образу его существо-

вания может не соответствовать замыслу» прот. Иоанн Меендорф. Хотя на мой взгляд, так как всякое развитие происходит в пределах Божественного влияния, то всякий образ существования все равно ведет к исполнению замысла. Трагедия заключается в том, что всякое усложнение может быть инородно самому естеству человека, попавшему в ад по грехам своим. А потому, может быть лучше заменить словосочетание «существование замысла» другим «осуществление замысла»²⁶⁴.

Отец Иоанн Меендорф: «Различие между этими двумя системами отражает фундаментальное различие между платонизмом и христианством. Творение, движение история в платонизме и у Оригена есть результат грехопадения, а следовательно, рассматривается как зло. В христианстве история имеет положительный смысл. Движение есть результат сотворения мира Богом, поэтому оно естественно, а следовательно хорошо.»

1133-263) Ещё точнее, если говорить, то речь идет о любых условиях выживания.

1133-264) Речь идет о свидетельстве о Боге посредством воспаленной грехом природы человека в пределах физической возможности свидетельствовать о Боге. В этом именно и есть противоречие древнегреческой философии и Христианства. В пределах высоты раскрывается один вид и все в границах природных возможностей обзора представлено в единстве и созидающем перестроении становления к об-

разу Бога. Вне высоты из-за ограниченности обзора все перестроения выпадают из поля зрения как завершенное свидетельство о Боге. Так как нет осмысленно зримого завершения, то перед взором разума представлены разрушением и мир воспринимается как деградация распада и при этом в ограниченных первородным грехом пределах явлен, как смешение добра и зла.

1133-265) А.Ф.Лосев выражает сей момент на понятийном языке математики в своей книге «Хаос и структура».

1133-266) Траектория электрического разряда – это лишь та часть от реальной полноты природы, которая оказалась в области адекватного распознавания привычными органами чувств в пределах данного промежутка времени, упуская из виду все то, что сокрыто природными возможностями нашего тела созерцать мир и проявляющегося в только в пределах бесконечности.

1133-267) Точнее если говорить, то это только лишь островок в топком болоте, на котором возможно утверждение поступи Божественного. Бог мог вдохнуть дыхание жизни только в лицо Адама, то есть в то, что к этому подходит по естеству природы. Таким образом, Бог тоже как бы выбирает маршрут своего наступления на смерть.

1133-268) Вот этот хвост нуждается в том, чтобы утверждение Божественного в пределах земных было удобоприемлемо торжества Божественного в условиях земных. Таким образом, этот хвост претерпевает изменение в процессе

эволюции таким образом, чтобы сберечь присутствие Божественного дыхания жизни в реалиях Земли 1.0.2.-69.-д(1). Постепенно это становится свидетельством о Боге для нас, для людей, посредством данного понятийного языка эволюции биологической жизни, чтобы мы, по слову прп. Максима Исповедника, могли правильно славить Бога и восходить ко спасению.

1133-269) Дело в том, что Бог является Источником всего в максимуме, в том же числе и счастья. Но в жизни исходя из определения об источнике, источником является все то, что хоть как-то излучает, а точнее отражает, но источником не является. К примеру, источником света можно назвать даже Луну, но это будет неверно. Для того, чтобы узнать где настоящий источник в максимуме, нужно очень темное стекло, как у сварщика электрической сварки на сварочном щитке. Все то, что несет отраженный свет – все это не видно, но видимым становится только Солнце. Именно ради этого Бог посылает нам страдания как прообраз Голгофы, чтобы мы могли видеть Божественное – все то, что несет счастье в максимуме и не затмевает его даже в искушениях.

1133-270) Св. Максим Исповедник «Амбигвы к Иоанну»: «...доколе все сие находится под властью тления и изменения, и мы облечены в тело смирения, и равно подвержены многообразным напастям, проистекающим от него по причине присущей ему немощи, не превозносились бы мы присущим среди нас неравенством...»

1133-271) В том же ключе с позиции свойственной воспаленной грехом природе, воспринимается сотворение мира в естественном для него образе. Стоя на точке зрения научного анализа мы видим эволюцию становления пораженной первородной грехом природы до образа Божьего в пределах возможности как можно более во всеобъемлющем виде свидетельствовать о Боге. Поэтому греческая философия говорит только о том, что открылось её взору. За ней следом идет Ориген, переложивший эллинскую мысль на христианскую почву. И только святой Максим исповедник более четко сформулировал учение о Логосе, как о принципе творения.

1133-272) Иными словами, человек способен сосредотачиваться только на чем-то одном. Хотя после этого – на другом, потом – третьем и так далее. Но это только очередность последовательности (одно-второе, одно-третье и так далее тоже одно), ибо одновременно все воспринять человеку невозможно.

1133-273) Применительно к древнеславянской истории этот момент несколько тысяч лет назад стал знаковым, тогда многотысячные толпы переселенцев, гонимые умными решениями не бороться со стихией, а начать обживать земли с теплым климатом, ринулись на юг и расселились на территории современной Индии. Соответственно и религия оказалась стимулирована иначе – не законом, которому подчиняется счастливая случайность, а правилами поведения в об-

ленившемся обществе.

1133-274) Мы несем в себе образ Голгофы Христовой, ибо стоять на двух ногах для человека – самое тяжелое состояние – голову тяжелее всего удерживать ближе всего к небу, но тога всё остальное самопроизвольно занимает своё место.

В будущем неизбежно придёт такое время, когда воздержание станет нормой жизни. Но что такое воздержание? Это естественное ограничение в свободах без покушения на полноту радости бытия в самых высших проявлениях счастья. Человек ради радости идет на ограничение себя во всем и в свободах – в том же числе. К примеру, человек стоит на двух ногах. Куда более безопасно, легко и вольготно быть подобным червю – просто лежать и передвигаться ползком – но от этого меньше счастья и радости, человек хуже видит Бога. Стоять на двух относительно узеньких стопах – это есть максимум трудности и сильное ограничение вольготности бытия. Но оно не мешает человеку петь песни, любить и быть любимым, радоваться жизни и в полноте быть счастливым. Человек даже не ведаёт о том, что он бесконечно скован. А ведь грехопадение имеет именно этот смысл – куда легче быть червем и человечество становится им. вся история становления человечества – это укрощение своего червя и преображение его природы до наиболее максимального уподобления Богу. Червь живет в нас до сей поры в виде пищевой системы, но мы уже давно не ползаем на брюхе, мы ходим на двух узеньких ступнях удерживая голову ближе

к Солнцу. Эволюция жизни, как мы видим, идёт именно в этом направлении, когда, не покушаясь на само счастье человека, происходит все большее и большее ущемление свобод. Это ограничение становится сильным до такой степени, которая позволяет не только жить в условиях перенаселённости, но и осваивать даже космические пространства. Высший предел ущемления – Голгофа Христова. Просто в космосе больше природного постоянства, больше покоя, который нам востребован наиболее сильно в самом главном священном делании – в молитве. Это то, ради чего удаляется от мира пустынный и, говоря понятийным языком материализма, оный является проводником энергии, которая несёт в себе именно этот самый важный элемент постоянства – Закон Сохранения Энергии.

1133-275) Святой Максим Исповедник говорит, что смыслом всего мироздания является это поступательное движение души к Богу. Но это не противоречит нашему утверждению, ибо это движение только иное имя радости подвижника.

1133-276) В своей работе «Амбигвы к Иоанну» св. Максим Исповедник так освещает эту мысль «Целью естественного движения сотворенных существ является неподвижное состояние. Это состояние происходит из Бесконечности и достигается путем выхода из всего конечного: вследствие отсутствия пространства в нем по естественным причинам прекращается движение существ...»

1133-277) А.Ф.Лосев не без оснований выносит этот момент на обсуждение посредством понятийного языка математики в своей книге «Хаос и структура».

1133-278) Это тот же самый человек Царствия Небесного, только теперь оказавшийся в водах суеты греховной и потому вынужденный жить по иным законам, но все замыслы Бога о человеке и сама природа человека остаются теми же. Это можно сравнить с Солнцем, образ которого в одной среде или в одном инобытии-среде мы видим в виде точки, а в другом инобытии-среде Солнце представлено как прямая линия, как святящаяся прямая на водной глади при закате, исходящая от самого горизонта к нашим ногам.

1133-279) Утверждение живого происходит двумя способами – толчок новым импульсом энергии и частица постоянства. О первом говорить не приходится ибо это есть восполнение сил, ушедших на восстановление равновесия. А вот второй момент – это уже особенный случай – это когда живое оказывается вне области досягаемости для покушений, исходящих из преисподней на живое и, как следствие, восполнение сил уже менее всего востребовано. Человечество пошло по этому второму пути – мы ходим там и пребываем там, где нет покушения на жизнь и здоровье нашего тела, что и выразилось на природе человека, ибо она не имеет никаких достоинств для успешной борьбы за выживание и мощи усопших праведников имеют ценность именно в этом – несут в себе как раз эту составляющую. В данном случае, голосовой

след, оставленный после себя святейшим Патриархом Алексием вторым несет в себе не восстанавливающую энергию, но вторую составляющую утверждения жизни – свойство Божественного постоянства⁴³.

1133-280) Отсюда нам открывается ответ на то, как нужно воспитывать своих детей. Достаточно поднять в подобии Богу в сущности, чтобы детям, как единосущным нам, открывались только такие посылы для решения их проблем, которые естественны их высоте обзора. В этом случае, в поле их зрения попадают только добрые пути решения задач и Бог им закрывает уши на плохое. Хочешь воспитать ребенка – возрастай в Боге.

1133-281) Дело все в том, что Бог попускает быть хаосу в пределах безопасного, то есть пока этот хаос не покушается на волю Божью. Это можно сравнить с игрой в шахматы. Если опытный игрок продумал на сто ходов вперед все возможные варианты, то сопернику можно позволить многое в пределах этих ста ходов. Просто исход в любом случае будет один и тот же.

1133-282) Также как в границах природного образа семени развивается будущее растение. Ну никак не возникнут, к примеру, запчасти для автомобиля.

1133-283) Богу важно, чтобы мы жили, а потому он нас не изгоняет из Царствия Небесного, а отводит на безопасное расстояние, ибо возрастание до образа и подобия Божьего в данном качестве воспаленности грехом природы в райских

условиях невозможно, ибо отныне нужны трудности постоянной ломки своей природы, в которую все сильнее и сильнее входит Бог. Такова природа смерти, как следующего этапа болезненного перестроения. В раю этих условий нет, а потому возрастание невозможно. Вне возрастания утрачивается замысел Божий о человеке, то есть останавливается жизнь, которой свойственно только расти, то есть речь шла о гибели человечества. Вот почему Бог от великой любви Своей спасает людей и отводит нас туда, где мы можем возрасть безопасно.

1133-284) Именно по этой причине, останки древних людей представлены как куски «мертвой» материи, посредством которой мы общаемся с Богом в том самом изначальном диалоге и посредством тех же самых слов, кои мы читаем в Книге Бытия. Ибо этот инструмент – есть то самое общее наше с материей, которое выделяет нас с материальным миром в отдельный вид.

Хотя неизбежно есть иные реалии, относительно коих мы есть подвид даже уже не с мощами и не с материей, а с пространством или даже с пустотой. Мощи – это то, что наиболее близко к нам и нашей природе, и удобоприемлемо к возможности восприятия, ибо несут в себе и пространственные свойства или свойства даже пустоты. Именно по этой причине в реалии богослужения много всяких символов, языковых понятийных систем, относящихся к пространственным свойствам. Принять их сердцем как живое проводниками к

Богу вне мощей, когда-то живших людей, намного тяжелее.

1133-285) Если сказать, что все это есть свойство материи, как утверждают материалисты, то опять же исходя из формулы берег-река⁴³, в каждой частице есть некая грань постоянства, которая неизбежно едина для всех частиц Вселенной и несет в себе именно одну и ту же природу абсолютной неизменности берега⁴³. Подобное может взаимодействовать только со своим же подобием, также как крутящиеся шестерни входят в сцепление только лишь в одном случае – если шаг зубьев обоих сцепляющихся шестерен одинаковый. Инородные друг другу реалии даже сосуществовать не могут. Именно в этой вот единой природе для всех частиц входит некое сверхестество устраивающее порядок жизни. Да это сверхестество также есть свойство материи, но сам факт, что оно организует порядок, то пусть будет и такой язык понятий, исповедующий то, что мы называем Божественным Промыслом.

Протоирей Андрей Лемешонок говорит об этом так: «Мы пришли на Тайную Вечерю для того чтобы вкусить, яко благ Господь. Конечно мы понимаем своё убожество, свое недостойнство, может быть некое даже безумие в этом желании – как могут уста, нечестивые, не чистые уста вкусить то, что для Ангелов является... – со страхом смотрит ангельский мир. Как вообще любовь Божья, полнота любви Божьей войдет в меня, а мой храм осквернен, но тем не менее эта любовь и привела нас сюда в эту новогоднюю ночь. Именно лю-

бовь, потому что нас Бог любит. Наши отношения временны и не постоянны. Как часто мы видим любовь переходит в ненависть. человека Человек ищет силу любви в себе, а её у нас нет. Для того, чтобы любить друг друга нужен Бог и Его любить... .»

1133-286) Все числовые совпадение активированы только нолею, началом всех исчислением, а точнее абсолютной пустотой ноля.

1133-287) Поэтому для производительности труда важно создавать противовес тяжести – в противном случае будет так: «где бы не работать лишь бы не работать».

1133-288) Вообще служение Богу следует принимать только в полноте богообщения. Это означает, что участниками Божественному должны быть все. Когда начинается узурпация веры, тогда начинаются необратимые процессы.

Один святой молился Богу о спасении его родной матери, которая после смерти оказалась в аду. Бог смилостивился и дал двух ангелов за неё в преисподнюю. И вот они её отыскали и начали поднимать на Небеса. За неё сразу же начали цепляться остальные насельники ада. Но она, вместо того, чтобы помогать им крепче держаться за себя, начала отталкивать со словами, что только за неё ангелы прилетели. И вот, когда последний из держащихся за её одежды сорвался вниз, ангелы её тоже сбросили в ад за ними следом. Таким образом, тайные сообщества претендующие на Истину и сокрывающие её от народа, на самом деле, топчут воду в ступе.

Всякое спасение возможно только вкупе со всеми. Служение Богу, как движение к Нему, возможно только в одном случае, когда человек является проводником Божественного во всех смыслах этого слова.

1133-289) Об этом пишут все святые учителя Церкви, но более всего конкретизирована эта мысль, думается мне у преп. Максима Исповедника в его труде Кн.2 «Вопросоответы к Фалассию» Часть1. Вопросы1-4.

1133-290) Хорошо об этом сказал преп. Максим Исповедник, что душа становится одной, только тела разные: «... дело любви, соединенные которой друг с другом, мы имеем одну душу, хотя и носим два тела...» (Кн.2 «Вопросоответы к Фалассию» Часть1. Вопросы1-4) .

1133-291) Нельзя называть Истиной отдельные кусочки правдоподобного изложения. Всякая настоящая победа творится радостью и только счастьем. А когда приходит некий и говорит, а вы знаете что... А правду ли говорит тот или тот... ? Люди узнают правду и не могут более быть победителями, съедаемые думками и желанием мести. Так к примеру смогли парализовать работу в начале 20-го века, опубликовав чуждые Руси «Протоколы сионских мудрецов». Даже если это правда есть, тогда надо знать полноту правды, которая к сожалению раскроется только в течение многого времени и победит только сила радости. В этом случае, когда есть присутствие Бога, даже бес своей деятельностью соучаствует в промысле Творца.

1133-292) Мы ленивы только лишь по той простой причине, что нет у нас радости, а потому ради соблюдения равновесия мы на противоположную чашу весов не кладем ничего, никаких тяжестей. И потому жизнь у нас в поисках легких условий бытия и ничего не делая – «где бы не работать, лишь бы не работать».

1133-293) Также как на современных производствах нужно дать возможность выразиться тому Божественному, которое заложено в природе каждого человека. Это возможно только лишь в душевном комфорте без всяких стеснений, исходящих от всяких магов.

1133-294) В том же числе посредством научно-технической революции.

1133-295) «... Ибо сей разум есть орган, искусно собирающий все мысленно просиявшее в бытии проявления Божественной Благости, посредством Которой он, вступая в величественное устройство бытия, несётся и уносит с собой к Производительной Причине сущего тех, которые всецело определили этим разумом все стремления свойственного им по природе влечения, не удерживаясь решительно ничем из того, что после Причины.» преп.Максим Исповедник Кн.2 «Вопросоответы к Фалассию» Часть 1. Вопрос 2

1133-296) Это необходимо для осторожности, то есть для того, чтобы не расплескать чашу радости в себе, несомую из Царствия Небесного в течение всей жизни. С этой наполненной счастьем чашей можно умирать, то есть идти дальше по

жизни. А без неё – никак. Поэтому человек живет «не хлебом единым, но всяким словом из Уст Божьих».

1133-297) Мной несколько перефразированы слова преп. Максима Исповедника: « А если, быть может, что древом познания добра и зла является видимое творение, то не прегрешит против Истины...» Кн.2 «Вопросоответы к Фалассию» Часть 1. Вопрос 2.

1133-298) Точность – важное качество бытия человека, которое имеет место в самой природе людей. Человек без радости жить не может, А потому степень алкогольного опьянения – тоже составляющая трудовой радости, от которой приходит веселье во время труда и после. Просто этого алкоголя очень мало – микроны и поставляется он кровью точно по адресу – туда, где он востребован. Так организм человек сможет беречь радость даже во время трудной и нудной работы, что естественно для человека в течение всей его истории. Но, к сожалению, люди распознали другие носители алкоголя вне организма – в окружающей природе. Теперь оказалось можно пребывать в состоянии опьянения, употребляя забродивший виноград, без трудовых нагрузок. Человек стал пленником ложного пути к радости жизни, разрушая свой организм ядом. Это бореие с ядом предполагает победу над ним. Но это не та победа, ибо от неё нет радости всем остальным.

1133-299) Оргазм – это, как алкоголь естественного происхождения, вырабатываемого организмом, как защитная

реакция против покушения на радость человека быть во Царствии Небесном. Это такая реакция самозащиты тела, как утверждение вечности жизни Царствия Небесного в данной привычной для нас земной реалии.

1133-300) Нарбатывай радость. Работаешь когда, то представь, себе что ты с этого момента будешь это делать вечно. Организм сразу начнет перестраиваться и экономить, и не ждать конца работы. Расслабься по максимуму и делай без напряжения в теле. Постарайся как бы уснуть во время работы и при этом акцентируйся на молитве простенькой. Не чувствуя телесной нагрузки акцентируйся на Боге. Трудись без напряжения, ибо напряжение сбивает, отвлекает внимание. Все остальное само придет и появится осознание того, что время летит мгновенно вокруг, а в тебе оно остановилось. Это можно делать во время бега или ходьбы. Силу воли нельзя применять. Труд должен принести тебе радость, ибо после этого у тебя будет желание вновь это повторить. Так для тебя эта нагрузка станет естественным дополнением, ибо посредством её ты видишь то, что она не может затмить, также как темное стекло не может затмить только Солнце. Первое время усталость будет с непривычки, но это несколько не пугает, ибо нет самого страшного – травмы психики. Потом вообще хорошо будет, ибо живому свойственно возрастание и радость постоянно будет также расти. Самое главное, что у тебя начнется настоящее веселье, пленником кого должен быть каждый. Что-то иное – все есть извраще-

ние и погибель и потому мы об этих людях, как наследниках инородной радости, ничего не знаем. Тут надо быть осторожным, ибо во время такой радости можно себя порвать – вскочет где-нибудь грыжа или варикоз. То есть тут надо слушаться слабую половину, ибо в этом случае её слабость становится силой – защитой твоего здоровья. Неси послушание у матушки своей и так вот будешь счастлив. Если будешь все делать усилием силы воли, то будешь злой. Жена твоя будет страдать от тебя и все остальные. Все настоящие победы – всегда творятся только радостью и от них нет усталости и скорби. Так победишь.

Только при этом условии человек становится «где бы не отдыхать – лишь бы работать» А не так как ныне – «где бы не работать – лишь бы не работать».

Вообще мне думается, что кое-что надо более тщательно изучить труды некоторых отцов-учителей Церкви. Отчасти некоторые из них правы, ибо духовенство иной раз, своим образом жизни и веры, показывают иное – «где бы не работать – лишь бы ничего не делать». Об этом говорит, думается мне, всей своей жизнью преподобный Максим Исповедник, как и многие наши русские святые: преп. Нил Сорский, Серафим Саровский и множество других. Народ берет на себя весь удар этой жизни, а потому ему надо иной раз другое, чтобы принять удар без травм и трагедий. А духовенство живет иными мирами и целями, активировав в народе не радость подвига, а силу воли в терпении. Это первый

признак грядущей катастрофы.

1133-301) «7 Настал же день опресноков, в который надлежало заколать пасхального [агнца],

8 и послал [Иисус] Петра и Иоанна, сказав: пойдите, приготовьте нам есть пасху.

9 Они же сказали Ему: где велишь нам приготовить?

10 Он сказал им: вот, при входе вашем в город, встретится с вами человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним в дом, в который войдет он,

11 и скажите хозяину дома: Учитель говорит тебе: где комната, в которой бы Мне есть пасху с учениками Моими?

12 И он покажет вам горницу большую устланную; там приготовьте.

13 Они пошли, и нашли, как сказал им, и приготовили пасху.» (Лук.22:7-13)

Для нас важно то, как комментирует это место святой Максим Исповедник.

«... первым выходит к ним навстречу несущий кувшин воды, обозначая собою всех, кто соответственно любомудрию носит на плечах добродетели сберегающую словно в сосуде, в умерщвлении *земных членов* (Кол.3:5) тела благодать Духа, очищающую их через веру от скверны». Это важное замечание преп. Максима Исповедника фундаментальное есть для веры Православной. Несущий на себе кувшин не может позволить себе многое. Он постоянно что-то обходит, постоянно притормаживает. Ему важно не то, где он окажется че-

рез некоторое время, а само содержимое кувшина. Таким образом преподобный показывает, что важно не то, что мы делаем, а то, что мы несем в себе радость Царствия Небесного, боясь её расплескать или обронить. Без этого нет этой Трапезы Тайной Вечери в горнице.

Евангелист показывает соотношение города и деревни, несущее как бы образ Солнца. Люди селятся в слободах – во круг стяжателей Благодати Божьей, как учителей-водителей по верному пути к счастью. Селятся веерообразно, образуя собой лучи, исходящие от Центра. Этот момент замечательно вписывается в древние славянские обычаи. Они бережно несут свой кувшин воды в течение шести дней недели, чтобы на седьмой день принять участие в Литургии. (Именно так возникла необходимость в научно-технической революции – как средство для удобоприемлемого несения в кувшине своего сердца радости.) Тут одно – важная составляющая другого и одно без другого не может быть. Понятно, что жизнь полна всем, а потому случается и непредвиденное – несущий на себе эту ношу бывает теряет её. Чтобы восстановиться в радости тоже нужен наставник. Это самые основные моменты того уклада былой Руси в Средневековье, благодаря коему удалось выжить в сложной ситуации тех веков.

1133-302) Монастырь – не только хранитель радости в торжестве духа над собой, выше чего нет ничего в природе людей, но и радости в иных оттенках: монастырь есть врачеватель страждущих. Дело в том, что критерием здоровой

психики является только радость. Отсутствие её в душе делает человека иным – все его достоинства физиологии становятся проводниками отсутствия этой радости. А потому эти достоинства превращаются в противоположное – в признаки плохой наследственности. Для того, чтобы нейтрализовать источник злобы, люди научились нейтрализовать то в природе человека, что эту злобу проводит. Врачи вторгаются в головной мозг. Но когда действие препарата проходит, тогда восстанавливается способность проводить злое в душевном мире в окружающую реальность и все опять восстанавливается. Это такая ещё одна форма той же самой установки на жизнь общества, которую привнес Иосиф Сталин: есть человек – есть проблемы, нет человека – нет проблем. Только в том обществе активатором злобы, проводников коего постоянно ликвидировали, был атеизм. Так вот монастырь постоянно поддерживает радость для того, чтобы таланты каждого человека были достоинствами. Человек становится творцом по образу Божьему. Именно по этой причине, до революции все психиатрические лечебницы были уделом только монастырей.

Более того, монастыри были носителями образования, в них вели научные исследования.

В монастырях разрешались различные виды споров, неизбежно возникавших между крестьянами и не только между ними.

В монастырь несли пожертвование за усопших и просто

ради прощения грехов, а потому монастырь всегда владел казной, которая не могла расходоваться на любимых жен и своих детей. А так как нет мотивации для самообогащению, то все это естественно возвращалось тому же народу.

Монастырь всегда имел свои вотчины, земли, а потому селянину всегда была оплачиваемая работа вкупе с присмотром за детьми селянина, защитой его прав и свобод, где все пребывало под наблюдением досточтимых отцов-выходцев из того же народа, селившегося в слободах вокруг монастырей.

Более того, очень не редко было и так, что отец семейства утрачивал способность к детопроизводству, а потому жены рожали от монахов, ибо совершить подвиг деторождения – всегда угодно Богу. Таким образом, постепенно выравнивался генофонд народа, в котором сила была в смирении. Этот момент понятен только воину, поведавшему многое и прошедшему через много битв. Именно по этой причине, фамилия Смирнов – самая распространенная в России.

Посредством монастырей Русь продвигалась далеко на Восток, ибо там, где прошел монах, неизбежно за ним идут все остальные, ибо для монаха служить ближнему, то есть быть в рабстве у того, кто страждет – прописано законом веры. Если Запад, пришедший в Россию в виде Советского режима закабалил народы в рабство, охотился за людьми, чтобы поработить их, то тут все наоборот – за рабами шли следом и селились возле них. Без наемного бесплатного труда

общество жить не может – об этом читайте в других томах книги.

1133-303) (смотри 666-01-02) Вот как пишет об этом на своеобразном языке понятий преп. Максим Исповедник в своем труде “Ambigua”: «Начало всякого движения состоит в «пуске в ход» сотворения существ, и начало этого «пуска в ход» положено Богом-Творцом (генесиоургос). Целью естественного движения сотворенных существ является неподвижное состояние.

Это состояние происходит из Бесконечности и достигается выходом из всего конечного вследствие отсутствия пространства в нём по естественным причинам прекращается движение существ Бог есть начало (архи) всякого возникновения и движения: исходят из Него, стремятся к Нему и в Нем обретут свою неподвижность» (мысль преп. Максима взята из работы прот. Иоанна Меендорфа)

Понимание оп природе бытийной единицы видно на мыльных пузырях. Как только отделился от отверстия, через которое он получил порцию воздуха, так сразу же в нем начинаются процессы разложения на составляющие. Одни частицы скапливаются в одном месте, а другие в другом. Частицы, которые обладают склеивающими свойствами, собираясь в одну область, опустошают все остальные, ослабляя стенки пузыря до такой степени, что стенки пузыря не выдерживают и начинается процесс разрушения. Иными словами, бытийная единица – это время жизни этого мыльного

пузыря. На этом примере наиболее наглядно видно определение бытийной единицы.

1133-304)(смотри ссылку 1133-456) Мир вышел из того образа первородного греха, в который впал первый Адам и потому Вселенная несет этот образ первородного греха, и потому все в этом мире на вид сообразно первородному греху. Именно в рамках сообразности греха мир терпит развитие, ведет свое эволюционное становление. Именно поэтому великий мир Вселенной вышел из того обозреваемого, чувственно воспринимаемого ничтожества, коим является точка. Грех ничтожен до абсолютного минимума и абсолютно мгновенен по времени. В пределах природной возможности свидетельствовать о Боге воспаленное первородным грехом естество, как реальность, ставшая ничтожеством точки греховного бытия, начинает исповедовать Божественное в пределах природной возможности своей. Абсолютное ничтожество греха (в точке) в процессе эволюции постепенно обретает образ пустоты греха и бесконечного пространства – так перед нами восстает вакуум, чувственно воспринимаемая межзвездная пустота. В этой сфере бытия разворачивается весь сюжет эволюции Вселенной. Из первообраза первородного греха, в этом же первообразе ничтожества, представляющем перед нами в виде точки, начинается свидетельство, как специфическое славословие о Боге – мы видим это и называем Вселенским взрывом или эволюцией, или ещё как-то там – это есть сфера, где работает весь научный анализ.

Вот как говорит преп. Максим Исповедник о зарождении жизни и дальнейшей её эволюции в Книге 2-ой «Вопросоответы к Фалассию» Часть 1 Вопросы 21. «Поскольку человек, получив бытие от Бога и произойдя от Него, по самому происхождению своего бытия был свободен от тления и греха, ибо они не были созданы вместе с ними, то когда он преступив заповедь, согрешил, то вследствие этого и был осужден на рождение, возникшее через страсть и грех. А потому – *грех в явившейся из-за него страстности имел происхождение уже как бы по закону природы*». И далее преподобный рассуждает об эволюции.

«Бог, сразу образовав, как знает Сам, логосы всего происходящего и общие сущности сущего, до сих пор ещё осуществляет не только сохранение их для бытия, но и созидание, выхождение и устройство содержащихся в них в возможности частей. Кроме того, Бог через Свой Промысел уподобляет отдельные существа общим видам до тех пор, пока через движение отдельных существ к благобытию не объединит их произвольные стремления с присущим им по естеству общим логосам разумной сущности и не сделает их тождественно движущимися и созвучными друг другу и целому так, чтобы отдельные существа не имели произвольного различия по отношению к общему виду, но чтобы единый и тот же самый логос созерцался у всех, не будучи разделяем способами осуществления, в ком он равно сказывается, и пока Он не покажет действенной обожающую всех благодать».

Таким образом, мы смеем утверждать, что мысль эволюции жизни принадлежит не Чарльзу Дарвину, а простому монаху Раннего Средневековья.

Схожесть мыслей преп.Максима Исповедника с теорией Чарльза Дарвина очевидна. Хотя надо сказать, как потом замечательно комментирует А.Ф. Лосев учителей Церкви на ином понятийном языке математики, что образы Царствия Небесного не изменились и заложены в самой возможности становления до совершенного в Боге. То есть человек в Божественном преображении видит во всем человека – то есть самого себя, то есть мир вышел из самого человека, точнее из того, чем он был в момент первого признака жизни на Земле, созерцаемого посредством научного анализа. Для ученого это было взаимодействие фотона, нисшедшего от Солнца, а для духовника высокой аскетической жизни – это был человек. Также само Священное Писание, мы смеем заметить, молвит нам Истину от Имени Божьего – от живого Лица.

1133-305) 1. Человек получает радости жизни имея один и тот же организм и через один и тот же организм – его тело и, следовательно, все радости бытия исходят только из одного и того же Источника – Бога и при этом в природе человека во время радости активирована одна и та же грань человеческого естества. То есть, говоря проще, центром всех нервных окончаний всегда остается только мозг. Каждая грань человеческого организма является проводником радости от Источника радости в ум, то есть в мозг. Чем грань, через кото-

рую приходит радость, низменнее и второстепеннее, тем радость более временная, износонесущая и энергоёмкая. Тут следует пояснить то, как это работает на примере сновидения одному старцу. Группа бесов, пытаясь навести порядок, с огромными усилиями тянули на верёвке листочек, упавший с дерева. Тут с одной стороны есть стремление навести порядок Божий, что есть сотворить радостью, а с другой стороны, будучи озлобленными, радости им никогда не видеть в том проявлении, в каком видят её ангелы. Или иной пример, если шар наполнен воздухом, то будет на поверхности всегда без усилия. Если же в нем песок, то его уже надо поддерживать, нужно усилие и энергозатраты, без которых шар утонет, а без этого бытия на поверхности нет жизни. Именно этим отличается природа человека, бывшая до первородного греха от той, чем она стала после. Это творится в организме человека в жизни и после смерти его. Мы всю жизнь отталкиваемся от вод, чтобы пребывать на поверхности и видеть Солнце Славы Божьей и иметь возможность дышать этим воздухом уже сейчас.

2. Образ жизни человека или всего общества имеет устойчивое состояние только благодаря радости и только радость бытия цементирует и укрепляет все формы жизни и жизнедеятельности. Представьте себе, что вы никогда не пили алкогольный напиток «Русская водка». Вот вы делаете первые глотки в своей жизни, от чего испытываете страшную боль и жжение в глотке. Если бы так было каждый раз при упо-

треблении, то вы к этому напитку никогда бы более не прикоснулись. Алкоголь – это яд, от воздействия коего человек получает травму и потом неизбежно восстанавливает свое здоровье. Но так как преодолев этот барьерный шок человек испытывает радость, то она становится стимулом такого пути к счастью даже через такие вот жертвы, ибо духовное счастье – основа жизни – гораздо сильнее всех физических мук. Такой образ бытия в радости становится устойчивым благодаря приобщению к радости через этот путь и человек попадает в плен этого пути к радости. Точно также обстоит дело с тяжелым физическим трудом. Нагрузка – это тоже яд, от воздействия которого организм человека также получает травму, к которой человек адаптировался в течение эволюции и потому восстанавливается. Но если бы это было так при каждой новой физической нагрузке, то конечно, человек никогда бы не вернулся к этим нагрузкам. Что мы и видим в обществе, парализованном таким трудом, который требует малых нагрузок. Люди, испытав барьерный шок, так и не смогли его преодолеть и предпочитают «царствовать лежа на боку». Хотя, там за барьерным шоком есть радость, надо преодолеть этот барьер, чтобы стать пленником такого образа приобщения к счастью. Этот образ жизни становится устойчивым благодаря тому, что человек при верном настрое ума, сосредотачиваясь в деле исихазма, динамического общения с Личностью при отрешенности от самого себя в нирване во время физической нагрузки – думаю, что иного

более точного и понятного слова тут нет – наступает такая болезнь, которую называют трудоголией. Но это, как беременность женщины, – единственная болезнь, которая установлена Самим Богом. Человек ищет работу во время отдыха и отдыхает лишь сменяя один образ труда на другой. В противном же случае, человек будет искать отдых, даже во время труда. Этот плен радости в трудоголии делает человека свободным, ибо людей уже не запугаешь плохим бытом – они даже сами туда идут. Бог творил мир силой радости.

3. Следует заметить, что в той степени, в какой в организме людей южных народов выработан иммунитет к ядам и болезням, для северян наиболее сильно выработан иммунитет к ядам, кои мы называем физическим трудом. К примеру, народы, которые живут среди виноградников, нет такой алкогольной зависимости, в то время как чукчи становятся «отпетыми» алкоголиками после пол бутылки водки.

Бог творил мир силой радости, а не силой воли. Это важное замечание иной раз путается даже у святых отцов, либо они имели ввиду именно этот момент (все таки, исполнение заповедей Божьих и бытие в Благодати Божьей – не одно и то же. Царствия Небесного посредством исполнения заповедей Божьих невозможно удостоится, ибо нужна Благодать Духа Святого, как самое важное условие радости. Все дороги ведут в Храм и человек в Храм идет всегда. Бывают такие препятствия, которые уводят человека в сторону; бывает, что этих препятствий становится множество, как в аду,

но движение души к Богу не заканчивается и это движение по мытарствам из-за грехов может стать вечным. Человек в трудоголии становится свободным, ибо для того, чтобы идти к радости каким-то альтернативным путем – алкоголь, плотские утехи в блуде, наркотики, красивые вещи и так далее – все эти проводники радости, требующие денег. Вот тут и начинается власть доллара. А в трудоголии в Божественной радости нет этого. Человек становится свободным и его, как прежде наших русских святых отцов, тянет туда, где тяжело – они также заселяют острова, пещеры и болота, а следом за ними идут уже люди семейные, чтобы от них научившись счастью, также как они быть причастниками радости Христовой по тому же самому пути самим и главное научит своих детей следовать им.

а) Война с Россией состоит в том, что этих людей, которые идут к радости через физический труд, целенаправленно обалгивают в самых тяжких грехах, отчего те, кого обманули становятся приобщниками к счастью через все остальное – секс, деньги, ярость в битвах, алкоголь и прочее – это условие закабаления, привязки к доллару, основа бизнеса на искалеченных судьбах людей. Более того, пытаются эти пути узаконить, сделать даже религией в стиле древних традиций. Люди идут и более не возвращаются. Так народ, утратив радость, начал вырождаться. Вырождение же только в одном случае угодно Богу – когда человек принял аскетический подвиг радостью – этот момент является основой демографи-

ческой политики. В противном случае, начнется саморегулирование через кровавые жертвы – просто третьего не дано. Имею смелость сказать, что русский и другие северные народы отличаются от южных именно этой особенностью организма – быть в нирване во время физического труда. Именно отсюда родство с понятием нирваны, именно отсюда взяла Веданта свое представление об отрешении себя во время практики йоги. Это есть та же самая кондиция состояния духа, только уже оказавшаяся в иных условиях жизни – там, где нет надобности быть в постоянном труде (А.Ф.Лосев в своей книге «Хаос и структура» говорит, что это лишь иное имя инобытия). Он заменил естественное для жизни в северных землях бытие в постоянном тяжелом труде, болью в суставах в противоестественной позе. Когда человек испытывает боль в суставах (а равно во время нудной физической нагрузки), он лучше видит в себе то, акцентируясь на чем, человек перестает чувствовать боль и получает блаженство. После этого приходит привыкание и, чтобы этого не было, йогин вновь усиливает до возникновения боли. Именно это условие очищения способствует ориентации живой души, о которой говорил Святейший Патриарх 18 июня 2017 года в православный праздник всех святых, что язычники, не ведая о Ветхом Законе согласно естеству своей природы исполняли Ветхий Закон, ибо живо было духовное сердце, которое разграничивает плохое от злого. Разрушается духовное сердце наступает смерть. То есть позиционируя себя на распознанном в себе

островке отсутствия боли, обозначившимся в болевом шоке, человек понимал, что этому естеству грех противоестественен, ибо грех тоже приносит боль. Так живая душа получает своего руководителя – совесть.

б) Понятно, что говоря о нирване, речь идет не о Благодати Духа Святого, сошедшего в День Пятидесятницы, но том состоянии человеческой природы, в которой он может различать Божественное влияние. Об этом важно сказать, ибо до пришествия Господа Иисуса Христа сие было спасительным опытом. Об этом же пишет преп. Максим Исповедник в 21-м вопросе-ответе, где речь идет о Сыне Божьем, победившем боль: «Затем Он попускает им сделать второе нападение и причинить Ему другое испытание искушениями – через муку и страдания... . Стало быть, Господь совлек с себя начала и власти при первом испытании искушениями в пустыне, исцелив страстность всего естества в отношении к наслаждению. Он вновь совлек их с Себя и во время смерти, подобным же образом изгнав из естества страстность в отношении к боли, по человеколюбию Своему делая Себя ответственным за наше исправление и, более того, даже вменяя нам, как Благий, славу совершенного Им.» Для практикующих нирвану, как конечную цель индуизма и буддизма, сие становится бедой в том, что данное состояние духа, которое есть изготовка для принятия вхождения в себя Божественных влияний, становится конечным моментом. На этом исчерпываются стремления приблизиться к Богу и более того

уходит в сторону, а не ко Христу. Эта неполнота порождает свое же подобие – неполноту, что становится причиной появления множественных сект и даже кровавых. Это такая вот тонкость, которую очень тяжело распознать. *Дело в том, что данное состояние – лишь условие для возможности отношений молящейся личности с Личностью Бога. И исполнение этого условия начинается гораздо раньше – с того, что мы моем руки перед едой, исполняем некоторые общественные обязанности, соблюдаем порядок внутренний и внешний. Более того ради этой нирваны, как основания для плодотворного богообщения, возникли государственные образования, в коих нудный и монотонный труд становится выдающимся изобретением. Монотонный и нудный тяжелейший физический труд возможен только в государственном образовании и только радость, возникшая на фундаменте «нирваны» во время такого труда, становится цементирующим фактором общественных отношений с их национальными формами собственности и государственности вообще. Но этого мало и, более того, это тоже ничего не значит, ведь без межличностного общения двух личностей – Бога и человека – всякие условия становятся бесполезными и даже опасными. Просто жизнь – это вершина бытия, на которой надо стоять, на которой запрещено движение, ибо всякий шаг в сторону становится падением вниз. Так, к примеру, появились учения, которые навязывая нам практику нирваны, выродились в конце концов в такое учение, посвященные в кое считали*

себя сверхчеловеками со всем сопутствующим этому понятию.

в) Это отрешенность в молитве указывается перед чтением псалтири: *"Таже постой мало, дондеже утишатся вся чувства: тогда сотвори начало не вскорѣ, без лености, со умилением, и сокрушенным сердцем. Рцы сие: **Блжен мужъ...**: тихо и разумно, со вниманием, а не борзяся, якоже и умом разумевати глаголема"* Без этого отрешения в образе нирваны – нет молитвы и вообще ничего нет. Именно этим сильно Православие и без этого нет веры и бесполезны богослужения, ибо они воспринимаются как ритуал, а не Праздник всех праздников. Литургия не становится завершением шести дней радостного творчества усилием радости.

Если мир держался шесть дней усилием воли в этом селении, то выходные все будут пьянствовать. Вот где сошлись Православие и древние славянские традиции – на Голгофе. Ибо на Голгофе осталось жить только то, что имеет силу жизни.

г) Вывод.

Надо просто вновь начать жить в естественной для себя радости и этим нарождаться. Если кто хочет, тот пусть присоединяется – никого не гоним, но и не держим. Примерно также как св.Александр Невский использовал естественные особенности природы, чтобы разбить много сильного противника – тевтонский орден.

1133-306) Что есть по природе вещей Истина? Истина –

это всегда полнота, которая может быть абсолютно всеобъемлющей, как у Бога, а может абсолютно ограниченной, как простая окружность или точка. Это полнота сама в себе всегда замкнута. К примеру, вы стоите не на вершине горы и перед вами раскрывается полнота местности – все вокруг переходит из одного в другое. Мы можем уверенно ориентироваться на местности, ибо можем повернуть взгляд на все 360 градусов. Полнота – это когда начало сходится с концом. Пока мы этого не можем сделать, соединит начало и конец, полнотой мы обладать не можем и ориентироваться на местности тоже в полной мере невозможно. Этой ограниченностью страшен поиск Истины. По грехопадению, человечество внешне принимает печать образа змея, сокрушившего Адама и Еву, ибо змей несет в себе смертоносный яд и пока он жив, он этот яд впускает в жертву свою. И только тогда, когда его начало сходится с концом, то есть голова кусает свой хвост, то есть впускает яд в самого себя, тогда и наступает полнота Истины. Поэтому Бог говорит пророку Моисею о том, что «нет человека, который увидит Лицо Мое и после этого жив останется». Образ полноты – всегда образ вечной жизни. По природе своей мы ищем Истину, а она всегда на Небе. Но пока мы её найдем в Духе Святом и покаянии, как образа смерти, где происходит осознание причины блужданий и заблуждений, до той поры мы все разрушители мира вокруг нас. Поэтому-то и приходится помогать искать Истину. Точнее тот, кто её видит дано говорить и о ней на

всех языках мира. Трагедия бывает в том, что языки-то разные. О Благодати нужно рассказывать. Если попала в руки шариковая ручка – пиши, если попал карандаш – рисуй. Если попали краски и гипс, то твори ими. К сожалению, в мире появились такие сообщества, которым уже надо нести полноту такими «инструментами», о которых даже говорить не хочется, ибо предадут анафеме или вообще изгонят из Церкви. Но парадокс в том, что именно с этой грязью тоже уже надо работать. Если их расстрелять, то не будет главного – этого живительного навыка и опыта излечивать таких больных. Это означает, что когда заболеют палачи, то придут и поступят с ними также, как не нашедших Истину и живущих для греха разрушения. По другому, то как? Поэтому к священнику на исповедь идут все и слава Богу, что он их всех принимает.

А с другой стороны, эти поиски Истины должны искать сами болящие, ибо спасение утопающего – дело рук самого утопающего. Змеей не надо быть – и все тут.

1133-307) Природа людей несет в себе двоичность природы, состоящая из абсолютного постоянства и переменной (и Божественной вечности, и временности во грехе). Состоя из двух составляющих и являясь, тем самым границей между ними, человек может видеть вокруг только самого же себя – свое же подобие. Созерцая мир через призму границы в своей двоичности природы, человек видит только её же подобие вокруг – границы в разных проявлениях. Поэтому невоз-

можно распознать то, что не имеет границ – Бога. Человеку дано распознавать только то, что имеет границы и эти границы образуют формы. Точка – это граница в чистом виде. В нашем случае, мы созерцаем границу, которая не есть линия, а то, что является первообразной линией – точки. Точка с окружающей вокруг её переменной. Эту систему в которой есть центр, как граница двух реалий между абсолютным постоянством и переменной, называют атомом. Вот так чисто теоретически втиснув богословие в философию, мы предположили, что есть атом, состоящий из ядра и облака, в некоторой степени несущего в себе свойства и ядра и внешнего пространства.

1133-308) Исходя из этого нам становится ясным, что Бог не смотрит на формы строения человеческого организма, на цвет его глаз, но смотрит только то, каким содержанием наполнен этот сосуд – на состояние духовной жизни человека³⁸⁶. Для Него нет и не может быть ни цвета глаз, ни цвета кожи, ни формы черепа или носа.

1133-309) Поэтому в земных реалиях абсолютной степенью свободы наделён только ум человека.

1133-310) А.Ф.Лосев «О методе бесконечно малых в логике», §10 Дифференциал в логике, п.10, «...Как мы поняли в виде непрерывного становления видовые признаки понятия, так понимаем теперь непрерывно и переход от них к родовой общности...»

1133-311) Бог не преходящий и это свойство многовари-

антно¹⁹⁰ выразилось в бытии и явлено нам как упругость инерция, корпускулярность и так далее. Просто степень подобия Ему в данных реалиях определяет степень выраженности этих Его свойств в бытии.

а) Дело в том, что упругость – образ Божий, заявленный в земных условиях, а точнее это проявление одной Его грани – непреходящий Он. Упругость заложена в самом естестве бытия пустоты. Пустота – это есть в чистом виде сущность постоянства, ибо даже элементарная точка имеет величину, пусть бесконечно малую, но это уже есть величина. А величиной, как известно, называется нами то, что сопряродно пораженному грехом естеству, то есть то, что оказалось в поле обозрения греховной природы как её подобия. Точка – это граница в чистом виде. Но не смотря на то, что точка оказалась в поле нашего обозревания, она остается свойством живого, а потому связью с Царствием Небесным, ибо мы сами эту связь имеем. Как с помощью множества точек выразить свойство постоянства? Это есть сфера. То есть каждая точка сферы наделена одним и тем же элементом постоянства. Эллипс этим элементом постоянства уже не обладает, а потому является производной сферы. Так вот естественным для пустоты может быть только сфера. Всякое иное, всякое не сфера в пространстве, инородно естеству пустоты и потому оказывается во внутреннем противоречии. Просто сама по себе пустота – это уже фундамент, ибо наделена постоянством и по образу подобию коего все вокруг имеет место

быть. Абсолютное ничто никакими свойствами не обладает, а потому там нет ни постоянства, ни переменных и вообще никак не мыслимо. В нашем случае, сам факт бытия постоянства, как свойства, говорит о бытии-фундаменте, на котором разыгрывается сюжет мировой истории. Это самый первый элемент структуры Вселенной, который утверждает себя только в том, что является ему абсолютно подобным – в сфере. Именно этот момент стимулирует все токи к восстановлению абсолютного подобия в постоянстве пустоты. Пространство, плоскость, прямая и так далее. Пустота – это форма жизни, воспринимаемая поврежденной искажением нашей чувственной природы¹⁹⁰. Само присутствие её оказывает организующее влияние на все и окружающий хаос – в том же числе. Так порождаются формы жизни в процессе эволюционного становления от точки, через материальность к живому организму. Именно поэтому все вокруг несет в себе выражение пустоты в разных, множественных образах¹⁹⁰. Устойчивость к воздействиям, как свойство упругости и корпускулярности, как естественная работа Закона Сохранения – одно из них.

б) Как состояние устойчивой упругости можно представить на костном языке математического анализа. Дело все в том, что инородные друг другу явления в процессе взаимодействия нейтрализуются. То есть так как естественным подобием пустоты может быть только то, что несет в себе только один элемент постоянства, носителем коего в чистом виде

является пустота, то все то, что не подобно, то есть инородно пустоте хоть в малом – все то стремится уйти в свое для себя небытие – стремится исчезнуть из той реалии в какой явление было. Естественным подобием пустоты, как носитель элемента постоянства, являются точка, прямая, окружность, сфера, пространство, плоскость. Если в плоскости появляется эллипс, то он несет в себе элемент инородности пустоте, так как кривизна в каждой точке эллипса различна. Уход в инобытие происходит двумя способами: 1. Распад; 2. Возврат в исходное состояние окружности. Распад до одного элемента постоянства может быть только прямая, а восстановлением до исходного состояния – опять окружность. Поэтому мир должен как бы делиться на два образа формального выражения: прямая (пространство) и окружность (шар). Именно в этом аспекте работает и изучаемый нами момент инерции, как основа корпускулярного свойства, как стремление быть подобным пустоте в данном виде элемента постоянства. Чем больше масса, тем сильнее это стремление быть подобным пустоте. Как либо иначе свидетельствовать об этом свойстве посредством физики и математического анализа мы не сможем, ибо все остальное – множественные дефиниции сказанного в пределах этого общего выражения: распад-возвращение в исходное состояние.

в) Далее есть смысл заметить и другое. Дело в том, что из сказанного выше становится ясным, что окружность имеет производные и эллипс – частный случай окружности (здесь

А.Ф.Лосев чуть-чуть не доработал, утверждая обратное). Дело в том, что первообраз всегда есть большее подобие Божественному. Так как прямая является первообразом окружности (это выражение имеет все основания, как инородное логическому анализу), то распад или производная вида, как частного для общего, может осуществиться только до признаков рода – до признаков общего. Вот это общее наделено абсолютной крепостью, в том смысле, что оно более всего постоянное. Следовательно, форма всегда будет менее устойчивой к воздействиям и распад, как уход в инобытие инородного пустоте, будет до естественного подобия пустоте в элементе постоянства – до прямой или до кривой с одним коэффициентом кривизны (дуги). Вот это состояние, как более подобное Абсолюту в простоте и элементарности, более устойчиво. То есть, ни в какие более реалии, ни в какое иное бытие, кроме окружность и прямая, эллипс уйти не может. Отсюда следует, что все формы эволюции – это есть движение в пустоту, в то, что несет в себе только один элемент постоянства. Материя должна терпеть остывание.

г) Вообще, следует сказать важное, чтобы наперед упредить ложное направление научных поисков. Точка имеет иное имя – число. Следовательно все то, что сообразно точке также носит это же имя. Пока окружность не завершена в себе, она числом не может являться – она только лишь непрерывность числового ряда. Парадокс, но это важно запомнить, ибо замкнутость в себе – это уже личностное свой-

ство, порождаемое непрерывностью постоянства. Это нельзя путать и одно из другого не выходит в виде следствия в логической цепи рассуждений. Одно из другого состоит, как подобное рождает свое же подобие.

1133-312) Простотой в абсолютном своем максимуме можно и нужно назвать пустоту.

1133-313) Это согласуется со Священным Писанием, ибо то, что мы можем распознавать посредством чувственной природы, несущей воспаление грехом, то несет в себе природное подобие – воспаление грехом. Грех пришел в мир через Адама, через его естество, потому и процесс эволюции начался только с человека.

1133-314) Бог общением Своим с человеком отпавшим задает этот первопринцип становления.

1133-315) Казалось бы всякое начало сопряжено с покоем и начало должно было быть почти подобно абсолютному покою ноля, но в реальности иначе – точка движется с бесконечной скоростью, как верно заметил А.Ф. Лосев. Это не только потому, что в реальности нашей Вселенной абсолютному покою должен быть противовес и он должен быть абсолютным. Но и исходя из Закона Сохранения. Дело в том, что грехопадение, как отпадение от первоначального образа происходит по двум образам. Дело в том, что бесконечная скорость – это ничто иное, как первообраз единства на понятийном языке нашей реальности. Бесконечные точки во Вселенной едины и это единство представлено нам скоростью, которая даже

намного быстрее световой. Процесс разрушения этого единства бесконечно удаленных пунктов в самые первые мгновения еще имеют какое-то подобие бесконечности, но не воспринимаются чувственной ограниченной природой человека. Здесь включается иная логика мировосприятия, возникает иное мышление. Сам факт того, что появилась в бытии точка, автоматически определяет все иные реалии этого бытия. К примеру, два пункта удаленных друг от друга на расстоянии, в нашей земной реалии имеют выражение, которое на языке физики исповедует именно этот момент, в котором точка и пространство показывают разные стороны Того Тела. Итак, получается, что произнося имя «точка», мы, тем самым, произносим в том же числе самотождественное её различие – пространство, как две грани одного и того же, в пределах чувственной пораженной первородным грехом природы. Каким бы бесконечным этот мир не был, он все равно остается частным того, что является общим. Точку нам легче воспринимать во всяком анализе только лишь потому, что она более удобоприемлемая для распознавания, а все то, что не имеет границ в пределах возможности чувственного восприятия, того для нас не существует как понятия, ибо мы не можем дать этому имя. Этот момент выразился во всех образах Божественного, имеющего цельность в самом себе, хотя и относительно временную. В пределах этого образа, внутри цельного, связь между отдельно взятыми пунктами имеет место быть близко к бесконечно мгновенному. Зву-

ковая волна в воде водоема распространяется куда быстрее, чем волны на поверхности. Итак, мы имеем дело с двумя составляющими бытие: точка и пространство. И мы включать в функционал описания мира их обоих.

1133-316) То, что имеет близость к началу имеет подобие либо его постоянству, либо его абсолютной бесконечности скорости. Такова реальность диполя. Это, именно это определяет исход взаимодействия двух диполь-частиц: упругий отскок, слипание.

1133-317 (смотри 1133-190) Научный анализ исповедует нам Творца несколько специфически. Это такая черно-белая фотография, на которой некоторый набор черно-белых полос несет в себе информацию о сути Божественного замысла. Из-за того, что информация преподнесена в таком виде, мы не понимаем, ибо нам нужно что-то в 3D формате, нужна объемная, пространственная раскладка.

1133-318) Так как энергия, заключенная в орехе, остается неуничтожимой, то поглощая её человек становится частью этого грецкого ореха. Также как и причастие Духа Святого на Божественной литургии. Это Бог нас поглощает, делая на частью или «с» «частьем» Бога³⁹⁸.

1133-319) Становление в процессе возрастания до образа Божьего, как замысел о человеке Творцом и восстановление от порчи греха – эти вещи нельзя путать, хотя и то и другое имеет живительное значение.

1133-320) Познание, не смотря на его бесконечность, из-

за чего оно становится невозможным, имеет предел и оный является Бог.

1133-321) Почему пища постная, если пища является носителем Божественных энергий? Потому что мозгу все должно быть удобоприемлемо в меру, утверждающей комфортное богообщение – любой переизбыток заземляет связь с Ним.

1133-322) После грехопадения человек начал видеть Бога в носителях Его энергий и сущностей – Бога в посредниках. Через Частицу Бога мы стали в пределах дозволенного Членами Предвечного Совета Бога Троицы. Дух един с Богом непосредственно напрямую, душа едина с Ним через дух, тело едино с Ним через душу в сфере своего природного естества. Мы видим свой образ и подобие в творениях Божьих, без этого как-то иначе любить Вселенную невозможно, но только через образы свои в тварном мире, то есть через то, что понятно. Это и обусловило возможность человека приручить и одомашнить животных, назвав их своими братьями меньшими. Это обусловило способность человека «приручить и одомашнить» теперь уже материю, то есть дать толчок развитию науки.

1133-323) Это замечательно показывает также Мерчи Элиаде в культах полудиких народов.

1133-324) (смотри 1133-190) Все в этом бытии есть речь о Боге. Мы иной раз не понимаем речь своего ближнего, хотя он что-то нам говорит. Не говоря уже о языках дальних наро-

дов. Если мы не понимаем эту речь, то это не говорит о том, что этого человека или народа, или явления нет. Просто выражающая какую-то мысль о Боге речь звучит только в пределах свойств данного явления и способностей её выражать Истину. Разверзшаяся земля и тьма с шестого часа по девятый – это тоже слово вселенной о Боге распятом на Голгофе. Но эту речь не дано понимать нам иной раз, но как-то иначе чем вот так в данном виде, вселенная сказать слово свое о Сыне Божьем не способно и не надо от неё этого требовать, также как нельзя заставлять любимую кошку говорить вместо мяуканья. Только человек, как властелин Вселенной, должен понимать все виды словесности. Поэтому научный анализ – это как раз попытка слышать и понимать слово природы о Боге.

1133-325) Если говорить образно, то следует сравнить точку с вершиной, прообраз которой обретают все вершины и абсолюты. Сообразно этому первому элементу постоянства формируется всякая структура порядка. Точка – это вершина бытия, которая предполагает утверждение равновесия. Всякая альтернатива равновесию – есть эволюционное развитие. С этого момента, теория материализма принимает некоторые верные положения Истины. Но точка несет в себе весь абсолют заряда энергий, который несет в себе Вселенная. Согласно Закону Сохранения точка родит все свои прообразы в процессе эволюционного развития становления этого бытия.

1133-326) До Рождества Христова этим содержимым была чистота духовная. После святой Пятидесятницы это содержимое есть Благодать Духа Святого.

1133-327) Надо также напомнить и о том, что первый Адам послушанием отверг только волю Божью, влияние Творца осталось прежним. Земля была проклята за грех первородный, из-за чего прежние потоки живительной энергии Творца формируют образы Божественного в произведенных естественным отбором, а именно в единстве борьбы противоположностей за это «место под Солнцем», за его благое влияние. Человек волю Божью может распознать только в молитвах, как разрушающую закон первородного греха.

1133-328) Этот момент также виден в том же фильме «Садко», а именно в том месте, где властитель посылает воинов, чтобы отрубить голову Садко и его людям, уснувших от напевов птицы: «Идите и принесите их головы».

1133-329) Точно также современные люди занимаются спортом для поддержания себя в форме, для поддержания в себе образ Бога.

1133-330) Об этом говорит А.Ф.Лосев, что точка движется по линии с бесконечной скоростью, образуя образ множественного мира, также как световая точка пробегает по экрану телевизора формируя движущиеся изображения.

1133-331) Если следовать всем законам диалектики. То перед нами явственно открывается важное – атомное ядро также претерпевает эволюционное становление, в против-

ном случае, оно, как реальность, не могла бы быть в нашей реальности. Иными словами, в процессе усложнения в материи появляется больше количества движения, а потому то, что измеряется движением, как подобием внутренней природе материи, фиксирует именно эту составляющую – она видит массу. Усложнение не замечает простоту атома водорода, точнее мы этого взаимодействия не видим, хотя оно есть.

С другой стороны, точка, как граница в чистом виде – наибольшее совершенство, то есть максимум подобия окружающей вездесущей пустоте. Именно по этой причине, так как точка – максимум подобия пустоте, все будет стремиться обрести ее вид – все стремится к точке и в точку. Всякая эволюция, всякое движение имеет в конечном счете одну цель – быть в точке. Это-то и есть природа гравитации (смотри 1133-470).

Таким образом, не имея в руках никаких инструментов и вообще ничего, мы смогли предсказать то, что является частью нашей природы – существование гравитационного поля и понять его природу.

1133-332) Осторожность нужна, ибо очень легко можно впасть в ересь, незаметно покуситься на искажение православной догматики.

1133-333) Надо сказать, что строительство огромных сооружений важно для самого процесса, в котором имеют место быть тяжбы, в коих распознается Божественное. В прин-

ципе, это востребовано, как единящее начало и сама цель построенного Храма дарует единство мировосприятия. Но тут есть очень тонкая грань, которую ныне многие переступают, ибо иной раз это превращается в практику йоги, трансформированной в данном строительстве культового сооружения. Само по себе культовое здание никакого экономического значения не имеет. Иными словами, как только строительство завершено, так вместе с ним сразу же уходит и то трепетное общение с Богом. Иными словами, культовое сооружение никак нельзя отделять от государственности. То есть государственность является храмом, который надо строить. В противном случае, вера превращается в практику йоги.

1133-334) Именно это есть священное предназначение научно-технической революции

1133-335) Именно с этой мысли началось создание этой книги. Книга была задумана, как система рукопашного боя, но пришлось расставлять на свои места то, что казалось бы к единоборствам не имеет никакого значения. Всё в нашем мире как шахматной игре, где казалось бы нет разницы, если мы ходим сначала пешкой, а потом ладьей или наоборот сначала ладьей, а потом уже пешкой. Но это нет разницы для Царствия Небесного, в пределах коего душа остается живой в любом случае, но в пределах земных выбранный приоритет дарует либо проигрыш, либо желанное торжество. Но только торжество делает живое вечным в земных условиях и только оно выкристаллизовывается в процессе эволюционного

становления более совершенного человека.

1133-336) Сама по себе письменность – это тоже величайшее изобретение, которое сильно пособляет молитвенному деланию в духовной брани. Иногда молитвенник из-за бесовского наваждения не может вспомнить даже первые слова из молитвослова, вот тогда на помощь приходит книга с молитвами. Сам процесс молитвы в такие моменты – это хождение по топкому болту, когда надо ногой нащупать твердую кочку, чтобы идти дальше. А если не нащупал, то остановиться. В противном случае, без собранности духа и внимания нет смысла в молитвах – включил магнитофон с песнопениями Богу и ушел по своим делам или даже дискотеку. Магнитофон дома молится. Так вот, когда-то, эта тонкость бытия в духовной брани стала причиной возникновения письменности. Это уже было началом некоторого заката человечества, которое утратило возможность уверенно ходить пешком или даже делать пробежку. Появилась потребность сначала в палочке для опоры, а потом уже все остальное. Также как в СССР многие вещи в математике люди делали в уме, то теперь ум не работает – работает электронная машина.

1133-337) Стоит дать определение совпадению. Что такое совпадение? Совпадение – это когда взаимодействуют абсолютно идентичные, родственные составляющие природы. Точнее одна и та же составляющая природы заявляет о себе столь специфичным для нас образе – созерцаемый контакт между двумя телами. Понятно, что речь идет об испове-

ди видами о некотором более общем понятии рода – о том, в чем имеет место быть единство без всякого взаимодействия. А так как все в этом мире может быть единым только в одном – в Начале всех начал, то всякое взаимодействие – это заявление Первоначала о Себе нам в нашем бытии. Можно и так сказать, что совпадение – это проявление свойства Абсолюта, в котором стираются контрасты вот таким вот специфическим способом.

1133-338) Дело в том, что во время охоты человек преследует вожаделенную цель, а это противоестественно природе человека, ибо у души цели быть не должно – она уже пребывать должна во Царствии Небесном, но цель есть только у тела, которая поспешествует за душой туда же, во Царствие Небесное, посредством своей деятельности и трудов в поте лица. Во время охоты совместить одно с другим очень сложно. Именно этот момент сыграл ключевую роль перехода человека от кочевого образа жизни к оседлому в эпоху раннего неолита.

1133-339) Возможно, что по этой причине на велесовом колесе края лучей изогнуты в разные стороны у разных народов.

1133-340) «Заметим, что становление алогично не только в том смысле, что оно не различимо само в себе, само внутри себя, но и в том, что оно неразличимо и по всей периферии, то есть ни имеет никаких законченных границ и в этом смысле безгранично». А.Ф.Лосев «Хаос и структу-

ра», гл. «Некоторые элементарные размышления к вопросу о логических основах исчисления бесконечно малых», часть II «Исчисление бесконечно-малых и его основные категории», стр.757 изд. «Мысль», Москва, 1997

1133-341) Наша природа чувств распознает только то, что подобно ей в воспалении. К примеру, шрам на теле остается от механического воздействия, как память о покушении на здоровье человека. Таково точно и чувство, которое видит только то, что покушается на здоровье человека. Именно по этой причине мы Бога не видим, ибо Он нам дает силы на восстановление после воздействия. Даже простое нажатие пальцем на клавишу баяна – это тоже покушение на здоровье, которое требует восстановления и энергозатрат. То есть радость – это отсутствие покушения на здоровье, на естественное пребывание человека во Царствии Небесном.

1133-342) Прошу заметить, что я не акцентировал внимание на том, о каком именно зрении идет речь. Зрение есть и душевное, и духовное. Но зрение физическое, посредством глаз тоже следовало бы отнести к этому, ибо этот способ созерцания мира также потворствует идти на лишения и самопожертвование ради жизни. Если мы, к примеру, видим яблоко на дереве, то не смотря на ссадины и трудности восхождения на дерево лезем вверх и срываем плод. В этом образе представлены нам все трудности бытия и Сам Спаситель. До пришествия Иисуса Христа сие было пророчеством о Нем, а после Его светлого Восхождения на Небо стало сви-

детельством о Его Миссии.

1133-343) Иное имя элементу постоянства, характерной черты личности.

1133-344) Здесь речь идет не о духе, а о природе человека. Прошу заметить.

1133-345) Человек – это все живое, все формы жизни как в общем плане, так и в частности – в отдельных проявлениях жизни.

1133-346) Тут можно принять идею Платона о том, что когда идея совокупляется с материей, то материя обретает образ идеи. Только под понятие идеи и материи мы тут вкладываем более общее понятие.

1133-347) Хозяйственная деятельность – это уже культовое действие, но только несущее в себе экономическую осмысленность и потому, в отличие от культа, ещё и плодотворна в определенной сфере жизнедеятельности. Но так бывает не всегда. Ситуация, в которой оказываются люди, не всегда несет в себе возможность сотворить из хозяйственной деятельности единящий все сообщество культ. Так как ритуал и культ не имеют хозяйственной значимости, то когда-то они были одним целым. В процессе эволюции человечества пришлось отделить одно от другого, ибо единство общества востребовано каждую секунду и даже в образе мышления. Хозяйственная деятельность это никак не гарантировала, а иной раз даже исключала.

1133-348) Если исходить из понятия греха, то перед нами

восстает реальность святости в ином виде. Безгрешность да-
ется только в процессе жертвенности и жертвенного служе-
ния. То есть люди, оказавшиеся в чертогах Царствия Небес-
ного пребывают в образе Божьем, а именно соучаствуют в
Его жертвенном служении^{1.0.2.-69.-д(1)}. То есть, пребывая в
образе Божьем в земной реалии они также ведут себя уже
возле Престола Господня после смерти.

1133-349) На самом же деле у прямой линии нет ни на-
чала ни конца. Прямая линия с началом – это кривая с та-
ким элементом постоянства, при котором переменной ста-
новится радиус окружности с постоянным коэффициентом
приращения, а потому нет инородности абсолютной пустоте,
а потому имеет место быть некоторое состояние устойчиво-
сти и структура, как подобие пустоте. (всякая инородность,
как отсутствие элемента пустоты, становится инородной пу-
стоте, а потому терпит распад до таких элементарных, кои
несут в себе элемент постоянства из пустоты или же происхо-
дит восстановление прежнего состояния устойчивости, в ко-
ем имеет место бытия элемент пустоты-постоянства). Про-
сто приращение стремится к бесконечности, из-за чего кри-
вая имеет вид луча. Но в том и обратном направлении кри-
вая бесконечна. Если говорить о Вселенной, то процесс ста-
новления происходит как раз в обратном направлении, как
условие бытия живого. Таким образом перед нами прямая
(кривая), которая зримым образом останавливается в точке,
а на самом же деле прямая (кривая) бесконечна. Перед на-

шим взором должна возникнуть спираль, но не расходящаяся, а сходящаяся в точку. Так устроенной должна быть черная дыра, которая в самом эпицентре должна выпадать из поля зрения, как привычно созерцаемая физическая реальность. Итак, перед нами новое свидетельство о Боге в пределах возможности природы это делать.

1133-350) Если мы несколько изменим формулировки, данные А.Ф.Лосевым и позиционируем их в определение о хаосе, то перед нами возникнет следующее, что хаос – это порядок, который воспринимается как порядок только с расстояния бесконечности. В противном случае, вне становления в порядок нами ничего бы не воспринималось чувственно, как не подобное нам по природе, как не порядок.

1133-351) Дело все в том, что человек в данном качестве имеет максимальное подобие пустоте греха, а потому наделен жизненностью. То есть не инородность форм человеческого организма подобна тому, как окружность несет в себе один элемент постоянства и этим признаком подобна носителю постоянства в чистом виде – пустоте. То есть не инородна пустоте, из-за чего имеет устойчивость.

1133-352) Единство составляющих любое соединение обеспечивается только в Божественном или в сфере близко окружающей Его реалию в частице. Если подобие абсолютно, то соединение частиц абсолютно вечное. Если есть только некоторая степень подобия, то соединение имеет тоже только некоторую степень соизмеримой вечности.

1133-353) Единство с Ним, в нашем понимании – постоянное внимание на Него.

1133-354) До пришествия Иисуса Христа сие было пророчеством о Нем, а после Его светлого Восхождения на Небо стало свидетельством о Его Миссии, о Его восхождении на Голгофу. Мир, как бы делится теперь на две части – до и после Его Пришествия.

1133-355) Что такое полнота времен видно из следующего. Если чертим окружность, то того самого момента, когда начало и конец не сомкнулись, перед нами остается просто дуга. Но как только карандаш сошелся с концом, так перед нами сразу возникла иная реальность, посредством коей мы видим уже не дуги, а иную кондицию мира – завершенность его в самом же себе. Это есть отдаленный прообраз полноты времен, выраженный на простой геометрической фигуре-схеме. До рождества Христова всё во Вселенной было предвестником-пророчеством о грядущем Спасителе мира, а после Его Первого Пришествия все это стало свидетелем о Нем. Именно по этой причине перед Рождеством Христовым мир как бы оказался готовым к принятию Христа, ибо все свидетельствующее о Грядущем Сошествии Сына Божьего было и является самой сущностью мира е естеством природы, что и активировало процессы становления абсолютно всех направлений человеческой мысли до Образа Господа нашего Иисуса Христа. Именно это, к примеру, сформировало даже эллинскую мысль, несомую даже

извращающим естество человека культом Древней Греции. После Рождества Христова эта же эллинская мысль утверждала свидетельство о Воскресении в лице Оригена, но так как полнота времен формирует иной перво-принцип мировосприятия, то эллинская мысль уже не могла вместить в себя новое качество реальности (когда дуга окружностью), ибо нужен был уже новый формат (полнота завершения в образе того, как дуга превращается в окружность, являя новый формат созерцания мира, ибо в поле зрения теперь попадают уже не разного рода дуги-отрезки, а все то, что имеет цикличность, замкнутость сообразно окружности). Этим форматом стало опытно распознаваемое действие Духа Святого, выраженный в доктринах Православного догматического богословия, созданных святыми отцами и учителями Церкви..

1133-356) Дело в том, что во время нагрузок человек перестает замечать то, что в покое отвлекает от богообщения. К примеру, укус комара во время физических работ не чувствуется, а потому человек не отвлекается от молитвы. То есть молитва души призвана идти вкупе с молитвой плоти. Когда же одно от другого отделяется, то сие, хотя и не становится ересью, но противно самой природе богообщения.

1133-357) Трапеза – это один из видов богообщения, в котором востребована ложка и другие столовые предметы. В самом процессе бытия жизни научному прогрессу именно такое место. Если научно-техническая революция оказывается вне этих границ, то она уже паразитирует на живом.

1133-358) Под словом мотивация очень много тут следует вкладывать смыслов.

1133-359) Что такое жизнь? Жизнь – это солнечный зайчик от Солнца. Иными словами, это процесс взаимодействия кванта света с частицей на поверхности Земли. Так как Божественное всегда абсолютно бесконечно по продолжительности, то сей момент должен как-то выразиться на самом этом процессе взаимодействия. Иными словами, он должен растягиваться. Так вот эволюция заключается в том, что мгновенная реакция взаимодействия земной частицы и фотона растягивается во временных промежутках до бесконечности. При этом качественно становится все более и более распознаваемой каждая фибра многогранной природы разряда, а именно все грани единства окружающего мира становятся зримы(смотри 777-07-7.3). Сама по себе природа познания ограничена, но именно вот это постоянное движение к бесконечности растяжения разряда обуславливает все более растущее могущество человека, ибо благодаря этому в пределах ограниченной природы человека оказывается новые реалии всеобщего единства Вселенной. Благодаря этому мы имеем способность видеть мир и теперь уже не только видеть, но и распознавать иными реалиями природы человека. Иными словами, мир теперь виден не как один общий план, а представлен нам как разложенный на сферы проявления. Мы как бы спустились с вершины к подножию горы и тот же самый вид, открывающийся с вершины зрим в более част-

ных множественных проявлениях.

1133-360) Так как Начало начал в естественном для нас мировосприятии есть сам человек, то нашему чувственному миропониманию открыться должно именно эта же самая реальность. То есть мир должен спастись, шествуя тем же путем и через те же ворота, через кои мир сей вышел из Царствия Небесного. Зримым образом сие предстает перед нами как открытия науки, которые реализуются в научно-техническом прогрессе. Иными словами, человек сообразует мир в соответствии с Божественным образом. Но не так, как это привычно для современного человека, а совсем иначе. Человек сообразует мир со своим внутренним миром, а это означает только одно, что человек создает комфортные условия только для процесса непосредственного богообщения личности человека с Личностью Бога. И мир принимает естественное для себя стремление человека, он все сильнее и сильнее начинает сослужить ему в беседах с Творцом. Только непосредственные отношения с Ним являются плодотворными, благодаря чему мир обретает также иные Божественные свойства и вечность бытия – одно из них. Что-то иное альтернативное становится самоликвидацией человечества и вселенной вслед за ним.

1133-361) *Это является ключевым моментом Святой Евхаристии, выраженным в словах священника: «Твоя от Твоих, Тебе приносяща о всех и за вся». Бог творит для нас порядок из хаоса и мы должны делать то же самое сообраз-*

но Ему – создавать порядок для Него и представлять на Суд Его. Это есть ключевой момент всякого научного искания и разработки. Ученый подобно древнему охотнику, который изобразил где-то в глубине пещеры сцену удачной охоты, мысленно обращается к этому сюжету, чтобы в своих действиях сотворить спасительное подобие – соделать удачную охоту. Охотнику нужна верная рука в образе и подобии наскального рисунка удачной охоты. Современному ученому также нужен верный подход в образе и подобии Святой Евхаристии.

С другой стороны, сам факт восприятия нами явления, хотя и в виде хаоса, свидетельствует только об одном – это то, что с нами в родстве только в отдаленной степени подобия, хотя не воспринимаемой как порядок. Мы творим порядок в пределах общемирового порядка, который предстает перед нами хаосом из-за ограниченной грехом природы. Хаос хаосу рознь. Бывает хаос, который укладывается в восприятие как порядок, а бывает нет. Если укладывается, то это порядок, а если нет – то хаос. То есть даже воспринимаемый нами порядок все равно остается хаосом, только теперь сложившийся хаотичный порядок вещей оказался удобным или утверждением жизни. Сложившееся стечение обстоятельств стало теперь удобное и носит имя порядок. Мы постоянно приносим Ему на Суд Его всякое стечение обстоятельств и если оное Им определяется как живительное, то мы называем сие порядком. А если нет – то хаосом. Таким образом, мы

создаем и приносим сие на Суд Его и если Он отвергает сие, то мы делаем выводы и доводим порядок вещей до подобия Ему. Молитвой или богообщением мы называем всякое сопоставление в данном ракурсе. Вот почему охота на мамонта древними и научный поиск современного ученого – суть одно и то же по природе и деятельность обоих так навсегда и останутся в прообразе Святой Евхаристии, ее проскомидии: *«Твоя от Твоих, Тебе приносяща о всех и за вся»*. Вот почему важно, чтобы ученый был верующим.

1133-362) Речь идет о прообразе Голгофы Христовой. Вся Вселенная в каждой микроне своего бытия заявляет о Царствии Небесном Бога. Если до Рождества Христова сие было пророчеством, то после – свидетельством.

1133-363) Энергия – это стихия постоянства, которая заявляет о себе в бесконечных воздействиях, движении, событиях и так далее.

1133-364) (Пустота греха или отсутствие греха – это только лишь узкая грань Божественного). Как имя Бога, на понятийном языке специфики сферы исследований, нами востребовано такое имя Его для обозначения Божественного в анализе в данных сферах исследований и миропонимания.

Точка стала первопринципом субординации, заложенной в любом в порядке, который с одной стороны несет в себе единство точки, бытие в нашей сфере мировосприятия.

1133-365) Это, кстати, является законом бизнеса. Изначально имевшая место быть скромность жизни начинающе-

го, обуславливающая способность много трудиться, сочетается с его растущим материальным достатком. Настоящий бизнесмен не дает благополучию вторгаться в его трудовую деятельность. Человечество также должно жить по этим же принципам. Богообщение первобытного человека обязана оставаться в первоизданном виде, не смотря на все достижения научного прогресса.

1133-366) Истина остается истиной, только в разных приемах выражения. К примеру, если мы разделим четыре на два, то получим два. Это истина. Но именно эта же самая двойка получится если четыре миллиона разделить на два миллиона. Так вот природа выражения Истины на человеке стремится пребывать в пределах востребованной реальностью простоты. Ничего лишнего на природе людей нет.

1133-367) Во имя своей жизни человек призван быть в общении с Творцом, которое имеет много сфер проявления в свойствах окружающего мира. Мы вычленим каждое свойство для обозрения для того, чтобы отвечать на какой-то конкретный вопрос, помятуя о том, что это только лишь отдаленное выражение беседы личностей в данной сфере мироздания.

1133-368) Все пребывает в подобии Изначальному, а потому все изменения происходят в пределах этого подобия Ему. Меняются лишь формы этого подобия. Эволюция – это изменение форм подобия жизни Ему, адаптирующейся в новых условиях её бытия и опять же в пределах богообщения.

1133-369) (смотри также 1133-372) Во время сражения евреев против Амалика за землю обетованную, пророк Моисей молился Богу. Когда он поднимал их, народ Израиля держал верх над Амаликом, когда руки уставали и опускались от бессилья тогда Амалик начинал побеждать. Образ поддержания рук пророка Моисея имеет множество прообразов. Этому призвана служить не только научно-техническая революция, но и всякая живая тварь Вселенной. Всё вокруг заточено на единение человека с Богом. Мы принимаем пищу, строим дома и так далее, чтобы наши поднятые в молитве к Небу руки не уставали.

1133-370) Соппротивление никак не покушается на образ Божий, но дает ему только лишь выразится в ином виде. Мгновенность и точка – одно и то же, но в среде соппротивления мгновенность точки рассредоточивается постепенно выражения, образуя прямую по Закону Сохранения образа Божия. То есть прямая – это образ точки, в которой также все в одном – начало и конец. Хотя так как точка – специфический образ постоянства, то и точка и прямая – это различные образы одного и того же – постоянства.

1133-371) (1.0.2.-69.-д(1)) Вся та палитра ощущений в самой высшей экзальтации, которая присуща любому из нас, естественна для монашествующего, но только в иных уровнях природы. Инок в своем духовном возрастании никогда не идет куда-то в иную сторону, но только в пределах природы тех же самых радостей бытия поднимается до иных вы-

сот ограничений, все более и более ограничивая энергозатраты для того же самого состояния. Есть высшая точка равновесия, вокруг которой происходят все движения внутреннего мира души. Радость – это то, что не воспринимается чувственно, то есть не имеет никакого движения – по определению. Это как палка в вертикальном положении в состоянии равновесия, постоянно стремится упасть, но мы ее рукой вновь возвращаем в исходную вертикаль. Для мирян эти движения имеют амплитуду огромную и они для восстановления мира в себе, иной раз, имеют сильное атлетическое красивое тело, а для инока эта амплитуда вокруг этого же центра равновесия настолько мизерна, что ее нам даже и не видно. Хотя радости бытия в положении близком к равновесию удерживаются уже малыми силами, но степень их экзальтации та же самая, ибо та же самая природа стимулирована. Нет просто очевидных контрастов, возникающих в противоречиях. К примеру, стопа в обуви меньших размеров сильно болит и при освобождении от неё приводит к желанному расслаблению. Мы всю жизнь возрастаем только в данном качестве, а именно пытаемся расслабить стеснение души от плоти, что и становится движителем научного прогресса. Поэтому сама по себе смерть – это и есть совершенство, когда всякие колебания из-за стеснения греховной плотью утрачивают свое бытие. Это следует отнести также к алкоголизму. Медовуха имеет всего три градуса крепости, но для человека Севера сие достаточно для веселья той же

самой степени, какую ныне получаю «отпетые» алкоголики. При этом без тех разрушительных последствий для организма.

Непьющий человек живет тонкими чувствами, в пределах коих может идти и идет активация тех же самых центров мозга. По себе скажу, что за всю свою жизнь никогда не пил крепкие напитки, а потому по мозгам иной раз бьет даже кефир или съеденная гроздь винограда, или от рядом стоящего, пышущего хмельным перегаром. В этих же пределах и в той же степени удовольствия и веселья получаю этот же эффект, но без таких вот страшных последствий. Это еще одна грань той сферы или того Неба, в коей жили древние арии, формируя свои естественные для себя законы общежития. Если человек будет жить самой высшей природой своего естества, то ему для получения радости достаточно просто трудиться в поте лица до усталости, во время коей приходит то же самое веселье. Монах же пребывает в этой радости вообще всю жизнь. Поэтому сама жизнь северного человека тех времен мало чем отличалась от того образа жизни, который пытались упорядочить в Православии Великие Каппадокийцы или *строжайшего* монашества в современном понимании. То, что для нас было естественным, то для людей Средиземноморья было отшельничеством.

Да и вообще, исходя из этого, следует сказать, что алкоголизм – естественное состояние человека, только в пределах очень узких или еще более узких колебаний вокруг центра

равновесия, только не посредством алкогольных напитков с высокой крепостью и не посредством медовухи или кефира, а посредством того алкоголя, который вырабатывает сам организм в процессе тяжелых физических нагрузок. Так как активированы алкоголем одни и те же мозговые центры, то люди после трудодня также по-настоящему пьяны в той же степени и поют песни. Алкоголем особой крепости человек научился воровать у Бога радости, а потому и расплачивается за этот грех. Он подобен безумному, который вместо того, чтобы прихлопнуть муху свернутой газеткой поджигает весь дом, в котором живет. И там, и там он достигает одной и той же цели, но как жить после всего этого.

Надо сказать и то, что всякая болезнь – это живой организм, то есть ему свойственно расти. То, что получили от кефира потом становится мало и быстро приедается, утрачивается контраст между-между, а потому ради нового контраста человек жажде большего и берет уже более крепкие напитки. Так ему становится мало уже даже водки и он берет наркотики.

1133-372) (1133-369) В священном Писании есть важный момент, который формирует нам конечный образ, к которому эволюционно движется вся Вселенная и в частности организм человека. Речь идет о битве евреев с амаликитянами. Пока пророк Моисей «на высоком холме молился, воздев руки к небу, и пока его руки были воздеты, Бог помогал евреям:

«8 И пришли Амаликитяне и воевали с Израильтянами в Рефидиме.

9 Моисей сказал Иисусу: выбери нам мужей, и пойди, сра-
зись с Амаликитянами; завтра я стану на вершине холма, и
жезл Божий будет в руке моей.

10 И сделал Иисус, как сказал ему Моисей, и [пошел] сра-
зиться с Амаликитянами; а Моисей и Аарон и Ор взошли на
вершину холма.

11 И когда Моисей поднимал руки свои, одолевал Изра-
иль, а когда опускал руки свои, одолевал Амалик;

12 но руки Моисеевы отяжелели, и тогда взяли камень и
подложили под него, и он сел на нем, Аарон же и Ор подде-
рживали руки его, один с одной, а другой с другой [стороны].
И были руки его подняты до захождения солнца.

13 И низложил Иисус Амалика и народ его острием меча.

14 И сказал Господь Моисею: напиши сие для памяти в
книгу и внуши Иисусу, что Я совершенно изглажу память
Амаликитян из поднебесной.» (Исх.17:8-14)

В этом же прообразе мир Вселенной выстраивает отно-
шения с Богом. Мироздание, а равно как и организм чело-
века, призвано поддерживать руки человека в верх к Небу,
ибо так Бог лучше слышит его. В этом же направлении при-
звано совершенствование общественных отношений в госу-
дарственную структуру, движение научно-технической ре-
волюции. Произошло излияние из некоторого Начала начал,
которое усложнившись в процессе развития из этой точки,

дало нам этот привычно воспринимаемый вид окружающей Вселенной. Но излияние происходило через внутренний мир человека – из него самого. С тех пор человек держит этот центр мира в себе до сих пор.

1133-373) Во время обеденного перерыва пришел в заводскую столовую и встал в очередь. Мне на глаза попало обращение несчастных родителей маленьких Арины и Дарины. Мама и папа просили денежной помощи для реабилитации их малышей. У одной из них не было зрения, а потому она не могла ходить. Ножки ее были не развиты. Дар зрения наделяет человека стремлением идти к совершенству. Он видит Бога и идет к Нему, напрягая свою волю и силы. Именно по этой причине активируются все фибры функциональности. Ибо организм человека – это то, что возникло в бытии благодаря тому, что человек начал видеть свет в конце тоннеля и идет в этом направлении. Он идет туда, где нет опасности, где нет покушения на природу человека, на его полноту богообщения. Человек отпал и теперь возвращается, а потому его организм – инструмент для возвращения. Человек отпал и теперь в новом естестве природы должен обрести иной образ Бога. Но это тоже образ Бога, наделенный полнотой богообщения.

1133-374) Насилием разрушается мир душевный, даже если оное мотивировано утверждением порядка. Это одна из сторон содомии, то есть развращение жизни народа.

1133-375) Этот постулат нам необходим для более полно-

го представления об определении двоичности природы всякого явления, а именно об определении его составляющей постоянства⁴³.

1133-376) Именно этот момент становится определяющим привычно созерцаемый порядок вещей. Мир пораженный грехом, постепенно вмещая в себя Божественное, обретает все более и более Его подобие. Мир материи становится более совершенным становясь пустотой поражения грехом. Иными словами, такой мир должен тут же начать движение из области высокого давления в область давления низкого. Областью низкого давления в абсолюте своего выражения всегда есть пустота или отсутствия привычно зримой материи. Так как Бог Один и един, то понятно, что речь пойдет не о какой-то там стороне с пониженным движением, а о точке-центре с абсолютно малым давлением. Таким образом, перед нашим взором должно возникнуть всеобщее движение к центру. При этом не так, что все пространство тупо идет в точку, но через ступени. Пространство сначала стремится в плоскость, плоскость стремится в прямую и только потом уже прямая устремляется в точку. Так должен выстраиваться мир согласно нашим суждениям. Это важно, ибо потом нам важно будет при определении понятия комплексного числа, как чистого выражения комплексной материи.

1133-377) Тут о природе времени нет единого мнения отцов Церкви, хотя мне думается, что время, *в привычном для нас его образе*, началось только после грехопадения, ибо то,

как нам преподносит сотворение мира Священное Писание, говорит о том, что времени в данном его привычном нам качестве не было во Царствии Небесном, ибо нарушение заповеди Бога Отца дало новое имя Бога в иных реалиях.

1133-378) Совершенством она является еще и потому, что полнота подобия Ему когда-нибудь возникнет. Пусть не сейчас и не завтра, и не в скором будущем, но по истечении множества времен. Эта возможность заложена в природе живого.

1133-379) Если до грехопадения лучи Бога согревали человечество напрямую, то теперь это же самое происходит несколько иначе. Лучи имеют теперь образ. Лучи теперь идут к человеку через носитель. Вычленять эту же Божественную энергию теперь уже заповедано в поте лица.

1133-380) Дело в том, что сие есть причина бытия всякой частицы. Всякая частица Вселенной несет в себе всю полноту Божественного. В каждой частице из-за этого неизбежно возникает противоречие, в коем абсолютное ничтожество материального мира пытается вместить в себя абсолютное величие Божественного. Два в одном порождают стремление свести противоречие на нет, так возникло движение эволюционного развития. Частица живет благодаря тому, что в ней в ее природе происходит становление.

1133-381) Пустота греховная может быть явлена посредством природы, пораженной грехом только в одном образе – в образе сферы со многими сопутствующими ей свойствами.

Например, замкнутости системы, непрерывности, единстве и так далее. К примеру, разрушение замкнутости ведет к тому, что возникает взрывообразный распад – это та самая реальность, которая поддается обозрению (см. «Примечания» тома 3 под номером 172).

1133-382) Дело все в том, что живое имеет бытие только при одном условии – есть полнота исповеди о Боге, об Абсолюте жизни во всех смыслах. Пусть она будет односторонней, но будет полнота. Природа, пораженная грехом также остается в области Божественного влияния, а потому свидетельство о Нем даже такой реальностью наделяет живучестью или способностью жить. Поэтому жизнь воспаленная грехом – такая же жизнь. Иными словами, важно, чтобы организм выздоровел и тем самым обрел иммунитет к данному вирусу. Просто живое тело организма теперь обретает противоядие. Как только возникла полнота выражения Божественного в сфере бытия пораженной грехом природы, так сразу же живое начинает быть и свидетельствовать о Боге в новой реалии. Это понимали древние, ибо наделяли свойством личности не для того, чтобы поклоняться как идолу, а чтобы владеть этим. Язычество не несло ересь до тех самых пор, пока вера имела чистоту от всякого магизма. Как только оккультизм и магизм проникал в духовную жизнь народа, так сразу же все переворачивалось и олицетворенные образы тут же превращались в идолы. Да, олицетворение воспаленной грехом природы несет в себе жизненное зерно и жи-

вое теперь имеет бытие уже данной реалии с прежней кондичией Царствия Небесного. Беда в том, что падение мгновенно, а свидетельство о Творце занимает очень много времени. Иными словами, можно упасть до такого состояния, восстановление в котором опять займет мириады тысячелетий. Может быть нам приостанавливать движение науки в бездну, свидетельство о Творце в которой принесет уничтожение всей Земли.

1133-383) Доказательством сказанному могут послужить рисунки в наскальной живописи в одном из древних мест обитания первобытных людей – в самой голове мамонта изображен маленький человечек. Это говорит о том, что люди видели в животном самих себя, понимали его поведение и даже приносили Богу как жертву. Этот рисунок – первое доказательство того, что скоро человек откажется от кочевого образа жизни в пользу оседлости, при котором животные станут одомашненными. Эволюция человечества не остановилась на приручении и одомашнении животных. Теперь человек ищет тоже самое, а именно личность даже в материальном мире и замечает эти оттенки личности даже во внутреннем мире вещества. Тем самым производится попытка одомашнить теперь уже мир материи. Так на в истории человечества возник научно-технический прогресс. Математика, физика, химия во множественных вариациях – это суть проявление личностных характеристик в окружающем мире материй. Мы ищем себя или свое отражение в «мертвом ми-

ре», чтобы соделать мир материи единым с Богом через самих же себя и потом таким вот образом преобразив мир по образу и подобию Царствия Небесного и представить сие на Суд Творцу. Порядок, явленный в хаосе, может быть распознанным только в промежутках времени, сопоставимых с абсолютной вечностью, но не сопоставимых с возможностями человека. Всякий хаос содержит в себе любой порядок, то есть порядок всегда остается частным случаем общего – частью хаоса. Частью хаоса остается и порядок, который воспринимается как порядок только воспаленной грехом природой. Поэтому мир, в котором человек видит самого себя, становится упорядоченным в пределах своего ограниченного грехом естества и сие не становится инородным Богу, ибо всякий порядок оказывается частным случаем хаоса или частью того порядка, который явлен в хаосе в промежутках времени, сопоставимых с абсолютной Божественной вечностью. Такова суть природы человека, ибо Бог по великой любви своей позволяет нам, имеющим воспаленную грехом природу, не принимать сразу же всю полноту Творца, но Частичами, то есть на какое-то время карантина быть на каком-то безопасном расстоянии от всей полноты Творчества Бога и при этом, как прежде, в какой-то определенной Им же степени по-прежнему быть сопричастным Предвечному Совету Бога Троицы. Через человека Вселенная отпала от Бога и теперь через него же, через человека, она должна вернуться на свою Родину, в свое естественное состояние. Вот

насколько глубок смысл рисунка наскальной живописи мамонта с маленьким человечком в голове. Это никак не новое божество, но формула выражения любви человека ко всему вокруг, чтобы через себя это все вокруг привести к прежнему счастью Царствия Небесного. Именно так нас любит Сам Бог. Он видит в нас Самого Себя, Свое Подобие и потому слышит нас и спешит на помощь по молитвенному зову души. По этой причине, все исследования, опубликованные в этой книге – это попытка примирить мир духовный с миром материи. Мной постоянно будет делаться попытка увидеть во всяком явлении свой человеческий образ и делаю сие для того, чтобы это явление соделать частью своего биологического процесса, то есть обуздать его и сделать управляемым, соделать явление частью служения Богу через человека.

1133-384) Точка, если рассуждать с позиции нашего искажённого грехопадением мировосприятия, есть самое максимально не раскрытое, но в то же время полное свидетельство о Боге, ибо в ней нет очевидно созерцаемых ни субординации, ни вселенской многогранности свидетельства о Творце. Но, не смотря на это, так как присутствует сам факт того, что точка имеет родство с нами, то уже имеет ряд свойств, которые характеризуются посредством той же самой воспаленной грехом природы, как выражение природы греха в самом чистом виде. Все остальные множественные формы самовыражения, привычно созерцаемые нами как бесконечный космос с его множественными мирами заложены точке, в Нача-

ле начал. Они раскроются потом, давая новые свидетельства нам о том, что их породило, а потому явленного нам в пределах подобия породившего – в пределах единого целого – Начала начал. Точка – это законодатель или перво-принцип в самом чистом виде всего того, что нам явлено станет нам в бытии в процессе развития. То есть всякое развитие черпает образ развития именно в точке.

1133-385) Дьявол тоже познает Бога, но это познание Его им дано в нашем прообразе в скорбях ему и через скорби. Так как дьявол постоянно все путает, постоянно ошибается, постоянно опаздывает, то влияние Бога он получает не к месту, не вовремя и не надлежащим образом. Добро становится постоянной «медвежьей услугой». От этого познание Творца им не приносит радость, но дано ему это познание в болезнях и муках. Вне Бога, вне Его влияния жизнь невозможна, а потому приобщение к Нему даже таким вот образом сказывается живительно. То же самое касается человека. Бог потому закрепощает бесконечные энергии, заключенные в атом, чтобы своим развитием при высвобождении их не в тот момент, не ко времени и не к месту, они не повредили человеку.

Влияние Божественного должно быть соразмерно возможности человека принимать Его влияние. Приведу пример. Запчасть трактора. Это кусок металла, кроме тех характеристик, которые оказались в поле зрения конструктора, в нем заключено множество иных свойств. Но оные не задей-

ствованы, как значимое свойство, а потому говорить о них в работающем двигателе, в коем эта деталь как-то там задействована, нет смысла и даже нельзя. Они есть, но упоминание о них в нашем случае сильно сбивает с толку. Ленин, навязывая атеизм, хочет сказать, что этих иных свойств нет, а мы говорим, что есть. Только упоминать о них там, где сие не востребовано нельзя, а в некоторых случаях губительно, ибо утверждения становятся не научными. Просто несоответствие рвет сознание, причем это не нужно и вредно. Влияние Бога есть и оно наделено полнотой, нам остается только вычленять в этом влиянии какую-то востребованную сторону-грань, дать ей специализированное имя и пользоваться ей при решении каких-то задач. Когда в решение задачи мы включаем то, что инородно данной сфере научных поисков, то даже само вероучение Православия становится ересью. Джон Локк, положивший начало расслоению науки и религии, в какой-то степени был прав. Но, с другой стороны, разделив религию и науку, толкнул человечество в бездну трагедий. Жизнь Европы стала жизнью в прообразе ада.

Катастрофа 1917 года произошла именно на этой почве. Слишком часто полноту Божественного включали туда, где живительно вписывалась только одна Его какая-то грань. Возникала путаница в понятиях и, в результате, возникает страшный вопрос «А где же Бог? Бог был, но почему Он все это разрушил?» Это важно, ибо работа в космосе требует тех же самых осторожностей, а может быть еще больших. Точно

также из-за неправильно расставленных имен ведутся дискуссии межконфессиональные. Так начинаются войны

Касательно 1.0.-45. Дело в том, что если мы позиционируем себя с Началом начал, то начало для нас, как реальность имеет иное значение, чем то, когда мы позиционируем себя вне Начала начал. Если мы позиционируем себя вне Начала начал, то мир для нас имеет разделение на то, что ближе к Началу начал и на то, что дальше от Начала начал, а потому появляется первый элемент контраста, первый элемент границы ограниченных областей. Это первый элемент различения, в коем есть все то, что между Началом начал и точкой созерцания, и то что отстоит за пределами этого отрезка. Это становится призмой, через которую созерцается мир. Теперь мир виден в границах, то есть в формах. Ограниченность области – это есть определение фигуры и формы. Теперь Начало начал пребывает в какой-то стороне вне нас, есть направление, ведущее нас к началу-причине явления.

Если человек пребывает в Начале начал, то мир перед ним не имеет форм, ибо нет того позиционирования, через призму коего мир воспринимается в границах, фигурах и формах. Если позиция созерцания не делит бытие на то, что было и будет, на верх и низ, на стороны, если нет направлений, то и мир не имеет ни форм, ни границ, ни разделений, а потому нет фигур. Человек видит перед собой Личность, а все остальное тут же стирается, как несуществующее. В этом случае, для человека ничего кроме Личности Творца

не существует. Именно по этой причине, когда мы молимся, то сразу опускаем из виду этот бесконечный многообразный мир и встаем перед Творцом один на Один, как будь-то ничего и не существовало никогда.

1133-386) Божественное всегда абсолютно бесконечно во всех смыслах этого слова. Тогда почему за основание всего мы всегда берем именно точку? Дело в том, что грех инокроден Богу, а потому его нет в бытии, но что он есть по сути? По сути говоря, грех несет разрушение, то есть разделение предшествующего единства, которое Божественно по сути природы. Просто протнвоестественное положение точки созерцания наделяет точку иными свойствами. Теперь она не есть единство мира в себе самой, в ней теперь не сходятся все нити мира естественным для Бога образом. Теперь мир не един в точке Центра мира, ибо теперь она делит мир на то, что было до и на то, что оказалось после, на то что внизу и вверху, слева и справа. Теперь она есть граница-раздел. Но это только в прямолинейном причинно-следственном механизме, точка имеет такой образ разделения – она измерима толщине прямой. В плоскости и в пространстве точка несет в себе соответствующий образ разделения, а сфере пространства она обретает иную реалию выражения – она несет в себе вид разделения, то есть это самый первый элемент фигуры, это форма границы не в виде точки, а в виде ее иного образа, как самотождественного различия – в виде ограниченного пространства, то есть фигуры. Мы видим

только то, что наделено границей, а точка – самое элементарное составляющее любой фигуры формальностей – это первый элемент формы. То есть в результате разрушения появляются осколки, то есть формы. Вот эти формы оказываются в поле созерцания воспаленной первородным грехом чувственной природы, имеющей естественное подобие им. Иными словами, если мы зрим Вселенную от туде, откуда смотрит на нее Бог – с высоты, то мир открывается с вершины Вершин единым. А если мы оказались в противоестественном для нас обозревании, то этот же мир открывается нам разрозненным – в осколках, соединенных умопостигаемой связью закона. Итак, зла, как такового нет, но есть только противоестественное позиционирование созерцание Вселенной, из-за чего она предстает перед нами в разделениях, в осколках, в формах, в фигурах. Ум же ищет то, что единит эти формы.

1133-387) Здесь имеется в виду следующее. Дьявол – как уже говорилось, также ангел Божий и Его творение, но по гордыне потерявший ориентацию, а потому всякая его деятельность – разрушение живой гармонии. Это как кружка на полу – это есть беспорядок, то есть зло, но сама кружка злом не является. В этом явлена природа противоречий, свойственная многобожию или иными словами – много центров ориентирования. Утеря естественной точки созерцания мира приводит к тому, что Божественные энергии перестают иметь созидующее действие, а потому, чтобы не повре-

дить ослабленную грехом природу человека, Бог закрепощает Свои Энергии в точку. Так появился атом.

Дьявол тоже познает Бога, но это познание Его им дано в скорбях ему. Так как дьявол постоянно все путает, постоянно ошибается, постоянно опаздывает, то влияние Бога он получает не к месту, не вовремя и не по назначению. От этого познание Творца ему не приносит радость, но дано ему это познание в болезнях и муках.

1133-388) Само понятие взрыва лежит в срезе единое-множественное. Когда мир созерцается с Вершины вершин, он явлен нам как одно единое целое. Когда же нам предложена иная точка зрения, а она может быть только у подножия оной, то мир явлен нам уже во множественности. Или картина издали несет нам один смысл, но в непосредственной близости – это разрозненные трудно осмысливаемые кусочки, но опять же в пределах общего смысла замысла художника. Иными словами, сам взрыв как таковой взрывом не является, взрыв оказывается в сознании человека, как восприятие одного и того же бытия, только в смене имени с единого во множественное. Именно смена мировосприятия становится смертоносным. Слышу возражения. Получается, что граната, разорвавшаяся суть такова в самом сознании. На деле же все иначе, разорвавшаяся граната ранит людей стоящих в области разлета ее осколков. Дело все в том, что сознание пораженное грехом гибнет само по себе, то есть даже если нет никакой гранаты, оное само находит свое яблоко

познания добра и зла.

Также следует сказать о том, что движение во Царствие Небесное всегда имеет место быть во Вселенной. Поэтому можно предположить о том, что всякая множественность в любой точке созерцания оной движется к совершенству Бога и это, хоть и выглядит взрывом, но в то же время смотрится как восстановление мирового порядка. Хаос – это тоже порядок, но воспринимается как порядок с расстояния Божественной удаленности.

Дело в том, что природа познания человека очень ограничена. Он как бы смотрит на мир через узкую щель. Во Вселенной есть только одно место, созерцая мир из которого перед нашим взором встает весь он во всей полноте. Это место – Вершина вершин. Только с этой Позиции мы способны охватить всю Вселенную, созерцая ее через узкую щель ограниченной природы. Ограниченность природы человека невозможно обнаружить только на Вершине вершин. В каком-то ином месте созерцания Вселенной многое выпадает из поля зрения, но без этой живительной полноты познание невозможно, а потому вне этой же полноты невозможна сама жизнь. Так как вне полноты жизни нет, то теперь эту же самую полноту Божественного необходимо воспринимать удобоприемлемо, в пределах способности человека познавать мир через эту узкую щель. По чуть-чуть, Частицами мы постепенно растянута во времени вбираем в себя то, что во Царствии Небесном дано единовременно сразу.

1133-389) J, как составляющая комплексного числа $jx+b$ распознается только в процессе специфического свидетельства о Творце. Это можно и нужно сравнить с велосипедом. Казалось бы бессмысленны два колеса, соединенные рамой с рулем управления, но если вы никогда не двигались, то не понять и другое, для чего человеку ноги. Эти инструменты становятся функционально значимыми только в процесс передвижения. И вот именно в процессе движения относительно неподвижности иных форм живого $jx+b$ распознается как реально существующее бытие. Хотя вне движения $jx+b$, как реальность, не существует.

1133-390) Человек рожден в радости Царствия Небесного и потому быть счастливым – естественное состояние для него и Частицей Творца он утверждает радость, благодаря коей и держится мир. Зла, как такового нет, но есть ложное позиционирование себя при созерцании мира. То есть если мир виден как разрушение, то это означает, что мы не видим радующее сердце перестроение из одной формы в другую. Это естественно для природы в процессе возрастания ее до подобия Божественному, а вот это-то нам закрыто ограниченностью греховной природы. Поэтому мы вычленим из окружающей Вселенной радующее возрастающее Естество подобия Ему и отбрасываем все то, что мешало перестроению. Именно по этой причине, всякий научный анализ привязан не к воспринимаемому естеством греха греховной бесконечности, но к околонулевому участку такого простран-

ства и призван искать естественное сопутствующее счастью – отсутствие греха, то есть призван в закономерностях видеть то, что эти закономерности порождает. Научный анализ всегда мотивирован жизнью вечной. Именно по этой же причине, Сын Божий часто помятует о Духе Святом и оставляет Его на людях, как теперь уже новую Частицу Божественного, позволяющую видеть Путь ко спасению в вечность.

1133-391) Теперь, чтобы видеть внутренний мир в прообразе того, как это было естественно Адаму во Царствии Небесном, человек разрушает формы и становится причастником внутреннего мира этого бытия, и поглощает этим Вселенную. Этот научно-технический прогресс возник не на пустом месте, но вышел из самой сути человека в прообразе его самого, как продолжение природы его организма. Человек в полости рта измельчает форму (продукт), чтобы дать возможность сокам жизни проникнуть во внутреннюю суть естества вещей. Человек как прежде во Царствии Небесном живет только тем, что видит внутренний мир всего вокруг вот таким вот способом в поте лица. Видит и приобщается к нему, и живет в нем. Тем самым человек поддерживает себя на Вершине вершин Царствия Небесного, вне Коего бытие человека невозможно.

Итак, человек после грехопадения как и прежде остается насельником Царствия Небесного, но уже в ином образе. Ему заповедано как прежде видеть внутренний мир Вселенной и через беседы с Богом быть частью его, то есть так, как

это естественно Самому Богу, а поэтому, чтобы держать себя в Образе Божьем и познавать мир не в формах, а в сути внутреннего мира, нам приходится в поте лица разрушать эти формы. Ведь вне образа Божьего нет жизни.

Дьявол нападает на человека и старается покуситься и исказить Образ Божий в человеке. Он нагнетает противостояние, творит страдания. Толкает человека на самую страшную измену, чтобы он сам перестал вкушать пищу, то есть покончил с собой, как это соделал Иуда Искариот. Ведь человеку, чтобы сохранить себя во Царствии Небесном, теперь необходимо терпеть даже муки, но лишь бы остаться тем, кто он есть. Сын Божий после Своего Воскресения не изменил Образа Божьего, он также продолжал делать то, что естественно для Небожителя – он разрушает формы, чтобы быть общником сути внутреннего мира. Он употребляет рыбы и хлеб, и потом возносится на Небесные Обители. Важное для нас. Ибо сие есть образ жителя Царствия Небесного, но в реалиях земных. Тогда возникает вопрос, а где тут эволюция жизни. Эволюция жизни здесь заключена в том, что человек может не изменить своему образу даже в мучениях в прообразе Голгофы Христовой. Иного нам не дано. Действительно выживает сильнейший, то есть тот, кто смог адаптироваться к тяжести бытия природой и пребывать в прежней радости Царствия Небесного. В этом Русь и в этом ее достижение, на которое так сильно злится дьявол.

Самые сильные аскеты в монастырях всегда были в наи-

большем почтении у народа. Народ тут не обманешь. И понятно, что именно они, неся послушание у тех, кто их любит, давали потомство. Это видно хотя бы из того, что уже малолетние девочки начинают привязываться ко взрослым и потом тянутся за ними в процессе взросления. Вождь племени становился многоженцем, но не по похоти, а по любви самой повзрослевшей девы. С появлением Христианства на Руси понятие о красоте несколько изменилось, но все равно сердце видит внутренний мир, как свое подобие. Внутренний мир видит внутренний мир, а потому и приходит любовь. То есть чистота и доброта сердца, которая стяжается в монастыре, становится той направляющей эволюции человечества.

Чистота сердца всегда заметна более всего на Вершине вершин в прообразе Голгофы Христовой. А потому только женщина выбирает себе мужа и впускает в себя только такое семя. Она хозяйка над будущим человечества. Сие было белой линией во все времена существования человечества. И современность не исключение. На страдания в прообразе Голгофы Христовой люди идут только по любви своей к народу. Вне этого нет смысла даже говорить о чем-то. С приходом на Землю св. Василия Великого сие стало обдуманым и организованным мероприятием в пределах Христианства. Теперь государственность – это поиск героев посредством войны, а совсем иное. Герои теперь в монастырской тишине. Аскеза ради своего народа. И народ идет за своим героем не

только подражая в образе жизни, но и эволюционно становясь более подобным Богу. На Руси сие было повальным все-народным. Это важно, ибо ныне аскеза становится не только неизбежностью из-за санкций, но и необходимостью, из-за экологических катастроф в будущем.

Ислам на Руси имеет те же ценности, ибо зримо видим мы помощь Аллаха только в испытаниях, то есть мусульманин тоже должен идти на страдания в прообразе Голгофы Христовой. И также надо адаптировать свое подвижничество с государственными интересами. Бог помогает в аскезе постов и самоограничений. Человек, который этим живет знает об этом. Иного пути нет и быть не может, и никогда не могло быть. Так мы всегда жили. Хороший фильм «Султан моего сердца»

Итак, Русь защищает именно эту реалию бытия и именно эти достижения человечества. Мы бережем опыт духовных побед. А это наука. Ведь духовная победа всегда граничит с переусердством, из-за чего нарушается Образ Божий в ином – человек может в экстазе не заметить и перейти черту, за которой нет обратного, то есть может надорвать себя. Или просто не понять в чем именно радость. Об этом можно говорить бесконечно много, но все сходится к одному – нельзя отдавать на поругание то, что досталось нам по наследству. Надо жить и оставаться самими собой.

1133-392) Полнота Божественного абсолютно многогранная, а для того, чтобы вмещать ее в себя ограниченной гре-

хом природой, необходимо развитие, в процессе которого происходит постепенное приобщение ко всей полноте Творца, вне коего жизнь невозможна. Это та же самая полнота Творца, но только в ином выражении. Так единство (в образе причинно-следственного механизма) и полнота умещаются в одном.

1133-393) Образ Божий в том, что Бог восседает там, где нет опасности, там где Он для всякого злого не постижим ни в каком виде. Этот образ недостижимости Бога заложен в природе человека, но только несколько иначе, но все равно остается зеркальным отражением, благодаря чему жизнь имеет место быть. Человек несет в себе именно этот образ – образ Пасхи, образ «пройти мимо» опасности. Это зеркальное отражение образа Творца на земных реалиях бытия специфически. Человек по образу Божьему не достигаем для смертельной опасности. Именно зеркальное отражение Божественного порядка вещей обусловило наличие в природе человека глаз, ушей, органов распознающих вкус и запах. Достаточно пройти мимо опасности, а потому все остальное теряет смысл, а именно не востребовано абсолютное превосходство в наборе физических достоинств: много рогов, копыт, большая пасть с клыками, огромный рост, хвост, огромное свиное рыло.

1133-394) Таким образом, перед нами явственно предстанет очевидное. Энергия – это есть то самое, заключенное за Началом начал. Это и есть пустота, оказывающая свое вли-

ание, явленная нам в самоорганизации порядка. Порядок – это специфическое выражение пустоты

1133-395) Известно, что древнему мыслителю Греции Гераклиту пришли посланники от властей города с просьбой, чтобы он помог им решить некоторые вопросы более усовершенствованного управления полисом. Но мыслитель прогнал их, так как не закон созидает порядок в обществе (даже если он совершенный), а нравственность. Тут двояко можно рассуждать. С одной стороны он прав, а с другой стороны нет.

1133-396) В разных религиозных системах эта задача решалась по-разному. В Веданте, к примеру, множество гениальных философских доктрин, как множество заграждений падающему духу, с одной стороны. А с другой, предлагается вообще отказаться от всякого мышления и чувственности – нирвана. Иудаизм, предлагает жить по Закону Моисея, что также имеет прообраз нирваны в более грубой форме. Эллинская традиция также богата философскими доктринами, но только вместо нирваны предлагает просто плотские наслаждения. Православие – это динамика возрастания в стяжании Духа Святого. То есть пустота нирваны наполнена Благой Сутью Творца, благодаря чему все три реалии религиозных систем получили преобразование.

1133-397) Именно поэтому на иконе Спас в Силах каждый элемент наделен личностными характеристиками (смотри 1133-190).

1133-398) Понятие свободы в нашем мировосприятии имеет данное привычное нам определение не спроста. Падение человека в первородном грехе открыло еще одну форму исповеди Божественной реальности бытия. Почему Бог наделен свободой? Потому что Он везде, Он вездесущий, везде пребывающий, Он в каждой грани Вселенной и космоса. Нам же открыто только то, что естественно видеть ничтожной падшей во грехе природой. Бог не имеет величины греха, а потому, созерцая Его мы видим только то, что не имеет величины, то есть точку Начала начал эволюционного развития процесса грехопадения, как свой образ и подобие. Так и свобода – это уникально сложенная форма свидетельства о Божественной реальности с помощью точки. Точка свободой исповедует свою внутреннюю природу, а именно Божественную бесконечную вездесущность.

Царствие Небесное не имеет величины в степени омертвлости, а потому воспринимается нашей воспаленной грехом природой как не имеющее величины – точкой. Но все равно, какой бы малой точка не была, мы видим через неё все Царствие Небесное в бесконечных свидетельствах о Нем порождением точки, Началом начал. Грехопадение – это то, что попало в поле нашего зрения посредством воспаленной грехом чувственной природы, которой естественно видеть только свое же ничтожество. Иными словами, дух видит свое подобие через бесподобие своей воспаленной грехом природы. Видит только Царствие Небесное через то, что им не явля-

ется. Таким образом, мы остаемся насельниками Царствия Небесного только в ином образе.

1133-399) Несвобода – это когда нет возможности идти к Богу. Дело все в том, что любая идеология таит в себе некоторую толику заключения, в пределах коей свобода уже имеет какие-то ограничения. Получается, что для того, чтобы дать абсолютную свободу необходимо постоянно ломать всякое утверждение. И если система упорствует разрушению устаревшего порядка, то она становится диктатурой. С этим можно согласиться. Но это только один путь – путь разрухи и боли. Русь же предлагает ориентиры на свободу, высвободить радость от раскрытия иных граней Божественного, благодаря чему всякая система сама поворачивается к Солнцу в нужную сторону. Такова суть эволюции человечества.

1133-400) Так как зла нет в природе вещей, то возникает вопрос в данном случае, откуда тогда понятие о зле? Зло – это нарушение приоритетов. Если жизненно важно в данный момент иметь что-то одно, но в поле зрения оказалось что-то иное, хотя оно тоже нужно, но когда-нибудь потом в иной жизненной ситуации. Вот это не нужное сейчас предстает перед нами как злое, а нужное в данной ситуации предстает как доброе. Отделение зла от добра – речь идет о выборе приоритетов. Организм человека – это как раз инструмент для этого процесса жизнедеятельности 1.0.2.-69.-д(1).

1133-401) Именно эта та самая абсолютная твердость в прообразе устойчивости к воздействиям водной глади,

выдерживает всякое покушение на стабильность плоской структуры зеркала воды. Именно она прошла все формы естественного самого жестокого отбора в процессе всех форм эволюции. Иначе просто и не могло быть.

1133-402) Через мысль, которая по природе имеет образ змия. Ведь мысль – это всегда причинно-следственный механизм.

1133-403) Образ Вселенной можно наглядно увидеть в том, как формировались религиозные системы дохристианской эпохи. Как уже сказано здесь, если падший дух овладел душой, то человек найдет лазейку даже в абсолютно самой совершенной системе Царствия Небесного, через которую пойдет по путям падения и разрушения. И наоборот, если в душе дух Божий, то даже в сферах абсолютной бездны кромешного ада он найдет выход из положения и окажется вновь во Царствии Небесном. Человечество в борьбе с падшим духом выработало определенный опыт. Так Индуизм предлагает нам отказаться вообще от всего того, что соприродно падшему духу, то есть предлагает нам нирвану, а именно ее безмыслие, с одной стороны. А с другой стороны, падшему духу устраиваются некие заслоны падения в виде мощных философско-богословских систем. Второе всегда является неизбежным сопровождением первого, ибо подвиг безмыслия – это тоже высота, с которой открывается возможность видеть красоту мира и нести ее людям посредством уникально сложенного в народе понятийного языка.

Так возникает гениальная философская система. Но так было до Рождества Христова. Мир имел прообраз Девы Марии, то есть жил благодаря чистоте, чистоплотности и постоянном очищению. Именно это обусловило постоянные гражданские войны в Древней Греции, как и вообще войны на Земле, ибо жить в нечистоте не возможно, а потому в грязных нравах для возможности жить неизбежно будет идти очищение кровью. Такова природа бытия – оное возможно только в чистоте. Над сказать очень важное, которое выглядит как некоторая лишь грань, а потому уходит из поля зрения. Дело в том, что в этих пределах сферы чистоты и очищения происходит эволюционное усложнение рисунка богословия посредством понятийного языка. Мир не может стоять на месте, он движется к совершенству большего подобия только Богу. Поэтому такие религиозные системы, как Индуизм и Буддизм в пределах своей сферы будут совершенствоваться бесконечно. Но, если есть падший дух в душе, то эти преграды падающей душе, как песок для воды. Нужно из души выгонять падший дух и заполнять Духом Святым. Иными словами, в этом случае всякая философско-богословская система утрачивает свою значимость, ибо преграждать путь падению нет смысла, ибо душа идет уже в иную, в противоположную сторону. Именно в этом причина молчания Руси и отсутствия в ней столь сильных философских наработок.

Точно также в этом же прообразе шло эволюционное раз-

витие Вселенной. С одной стороны, имеет место усложнения до совершенства, а с другой в какой-то момент сие теряет значимость.

1133-404) Хорошо эта мысль показана в Святом Евангелии, где Спаситель отправляет учеников в город для подготовки к празднику Опресноков. Мы теперь имеем образ того мужа несущего в кувшине воду.

1133-405) Нирвана, как главная цель достижения в Индуизме и Буддизме. В иудаизме чистота достигается покаянием и соблюдением Закона Моисея. В иных древних религиозных системах живительная духовная чистоплотность достигается постоянными междоусобицами и гражданскими войнами. Таков опыт борьбы человечества с падшим духом.

1133-406) Смотреть смерти в глаза – это всегда стрессовая ситуация, к которой очень часто люди не готовы. У них спит природа, так как до этого момента она была не востребована. К примеру, блаженную Матрену спросили однажды о том, как быть тогда, когда, согласно ее пророчеству, будет голод на русской земле. Она ответила, что люди будут кушать землю и спасутся. Представьте себе, что Вы попали зимой в лес без спичек, топора и иных средств существования. Неизбежно, к Вам придет мысль искать выход и начинаете бродить по лесу в поисках еды. Хотя пища под ногами. Просто разгрести снег и найти там все, что зеленое. В организме спят древние способности выживания в таких условиях и в стрессовой ситуации они просыпаются. Даже то, что

мы называем паразитами в нашем организме, на самом деле – это вспомогательные микроорганизмы для переваривания грубой еды. Мой дед рассказывал о том, что белорусские партизаны знали об этом и в трудные моменты выжили. Также, когда работал в храме в начале 90-х со мной делились опытом выживания те, кому пришлось пройти лагеря. Они рассказывали, что на деревьях даже не было листвы, а на территории не росла трава, так как узники раскапывали даже корни пырея. Многие голодные смерти от простого неведения. Вот о чем говорит нам блаженная Матрена.

Кстати, хорошо переваривается также белая плёночка молодых елей – это то, что едят даже личинки короеда.

1133-407) Экстаз являет себя в разных промежутках времени. Это как соль, которую человек вкушает каждый день по чуть-чуть. К старости количество съеденной соли достигает нескольких тонн. Но это не значит, что ее можно есть сразу в этом количестве, ибо сие становится смертельной дозой. Все удовольствия тела должны быть, ибо сие утверждено Самим Богом, но их необходимо растягивать. Также как урожай хлеба нужно уметь растягивать на весь год до следующего урожая, даже если придется жить впроголодь.

1133-408) Так сложилось эволюционно и мы по этому пути становления в распознавании Творца идем наиболее долго, а потому к совершенству в Боге прошли наибольшее расстояние. Мы ближе к Нему как совершенство устройства сложного организма. Иными словами, никаким научным прогрессом

сом сие никогда не заменить.

1133-409) Это отразилось в самой физиологии человека. У него нет таких достоинств, которые бы смягчали аскезу за счет жертвы из кого-то менее сильного. Человек лишен всякой защиты, ибо просто так тяжелее, но слаще мир Царствия Небесного.

1133-410) До первородного греха человек мир этот не видел, ибо все в нем имело место быть в полном сопряжении с Творцом. Это следует из самой природы познания.

1133-411) Так как жизнь может быть только благодаря Божественному, то общение с Ним в любом образе имеет только живительное влияние. Но влияние влиянию рознь. Когда имеет место естественный порядок вещей, свойственный бытию человечества до грехопадения во Царствии Небесном, то мир представлен единым цельным организмом. Но, когда имеет место быть противоестественный порядок вещей, то тоже самое познание Бога осуществляется в трагедиях, в искушениях, в поте лица. Бог в обоих случаях дает Себя и служит нам, но зависит от нас то, как мы Его принимаем. В этом суть грехопадения, при котором человек так и остался жителе Царствия Небесного, но только теперь ему заповедано в поте лица удерживаться в Райских Обителях.

1133-412) Пространство несет в себе пустоту какой-либо величины, то есть постоянство в чистом виде. Дело в том, что если мы позиционируем себя с Началом начал, то начало для нас, как реальность имеет иное значение, чем то, когда мы

позиционируем себя вне Начала начал. Если мы позиционируем себя вне Начала начал, то мир для нас имеет разделение на то, что ближе к Началу начал и на то, что дальше от Начала начал, а потому появляется первый элемент контраста, первый элемент границы ограниченных областей. Это первый элемент различения, в коем есть все то, что между Началом начал и позиционной точкой созерцания, и то что отстоит за пределами этого отрезка. Это становится призмой, через которую созерцается мир. Теперь мир виден в границах, то есть в формах. Пространство в чистом виде нам явлено с места нашей точки позиционирования только как отсутствие формы. Начало начал представлено нам с одной стороны в прообразе нашего ничтожества границей в чистом виде, то есть точкой. А с другой стороны, в ней нет величины разрушения посредством греха, нет величины ограничения свобод. Там абсолютная стесненность во грехе для торжества радости живого. А воспринимаемое нами пространство – это уже нечто диаметральное, отсутствие всякой стесненности. Это сфера для выражения тех же самых Божественных свойств, но уже на ином понятийном языке реалий. Пространство – это такое свойство нашего мира, в коем есть самое главное достоинство, столь значимое для свидетельства о Творце – в нем есть свобода самоопределения. Просто миру дана возможность держаться в структуре единства ¹¹³³⁻⁴⁰¹, посредством радости. Итак перед нами точка, как граница в чистом виде без величины промежутка (как прообраз наше-

го ничтожества и мы видим Бога в своем прообразе, ищем в Нем то, величина чего в Нем равна нолю) и еще перед нами пространство. Получается, что одно противоречит другому. На самом-то деле, одно дополняется другим.

Мир созерцается посредством границы и потому различаем в прообразе Творца, Который посредством границы в чистом виде представлен нам точкой в прообразе величины нашего падения от Него. Граница в чистом виде имеет прообразы свои в отрезках и иных ограничениях. Так появилось время, как промежуток, как отрезок, как носитель конечных реалий. Вермя – это то, что наделено границей началом и концом, между коими некоторый промежуток. Если нет ни начала, ни конца, то это уже подходит под определение вечности. В прообразе же границы в чистом виде возникает ничтожество мгновенности бытия. В этом мире множества границ все имеет ограничение в том же числе и во времени. Мыльный пузырь (или воздушный шарик), в коем инородностью обозначилась граница в чистом виде, тут же начинает принимать образ этого ограничения во всех смыслах и образах – мыльный пузырь получает ограниченное время жизни и являет нам подобие той же самой границе в чистом виде – множество осколков-границ в виде капелек мыльного раствора. Аналогично этому явлению представлено все мироздание вокруг.

Тогда возникает иной вопрос о том, как соединить в одном две взаимоисключающие противоположности? Мгно-

венность и вечность. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сначала задать первопринцип мировосприятия, а потом развернуть всю картину для удобоприемлемого распознавания. Каждая точка наделена полнотой Божественного и несет в себе личностные характерные черты, коим в данной сфере-области бытия свойственно говорить о личности на своем природном языке – замкнутость в себе в прообразе пустоты. Мы заключили, что речь идет только об окружности или о сфере. Так вот в бытии окружность имеет прообраз границы в чистом виде, то есть точки. Это имеет иное удобное для нас имя – цикличность или волновая характеристика. Иными словами, перед нашим взором должна возникнуть такая реальность, которая сочетает в себе и вечность, и ограниченность. И бесконечность и ничтожность. То есть волна – это и есть. Мы, ничего не ведая о том, как устроен мир, вслепую смогли предположить о том, какова его элементарная составляющая и не ошиблись. Это волна, смена циклов. Просто мы верно выбрали первопринцип, наделил его характерными для личности чертами и получили верный результат. Если бы мы за первопринцип взяли бы элементы хаоса, то получили бы небытие и отсутствие всего. Нет мира и ничего в нем тоже нет. Зачем такая наука? Делаем верный вывод о том, что каждая микрона бытия – свойственный личности элемент жизни, в противном случае наш организм никогда бы не возник в бытии. Подобное не может родить не свое подобие – это противоречит Закону

Сохранения.

1133-413) Бомбардировка происходит потому, что возникшая форма связи с Божественным Началом всего не имеет должествующей полноты. Среда выражения требует иного свидетельства о Начале начал, в коем нет противоречий.

1133-414) Это наиболее общее свидетельство о Творце в пределах коего сокрыт весь сюжет бесконечно многогранно-го иного свидетельства о Нем.

1133-415) Точка не имеет величины греха. Мы чувственной природой познаем только, что имеет родство нам в величине грехопадения. Точка не имеет величины, а потому она есть образ духовной и душевной чистоты. До Рождества Христова человечество довольствовалось только этим подобием Творцу и могло угодить Ему только этим качеством бытия. После Рождества Спасителя человечество получило присутствие Духа Святого. Бытие в Духе святом автоматически наделяет душу чистотой Божественного. Просто точка или чистота духа – это лишь грань Его святой Природы, приобщившись к коей человек становится обладателем всех остальных граней полноты, не только чистоты духовной. Также как, если кто из нас оказался в глубокой воде, то ему надо держаться на плаву, поддерживая голову над поверхностью воды. А если мы выйдем на берег, то эта необходимость отпадает и мы не только уже не боремся за свою жизнь, но и обсыхаем. Все остальное становится достоянием, если оказываемся на суше.

1133-416) Надо сказать, что ум и чувственная природа в познании божественного не равнозначны. Сам факт, что мы чувствуем окружающий мир свидетельствует только об одном – мы видим Божественную полноту, какой бы она великой не была. Ум же это в большинстве случаев пытается сие осмыслить и понять Его речь уже умом, а не только чувственным восприятием.

1133-417) При этом, надо сказать, что бытие противоположенного требует энергозатрат. Оно энергоемкое всегда. Но, в то же время, противоположенное тоже в силу своей даже малейшей причастности к Творцу, продолжает исповедовать о Нем в пределах своей природной ограниченности.

1133-418) Именно по этой причине в каждом Православном молитвослове, перед всеми молитвами красными буквами сказано следующее: «Восстав от сна, прежде всякаго другаго дела, стани благоговейно, представляя себе пред всевидящим Богом, и, сотворив крестное знамение, глаголи:

Во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Посем мало помедли, *дондеже вся чувства твоя утишатся и мысли твоя оставят вся земная*: и тогда рци молитвы сия не борзяся, *со вниманием сердечным...*».

Надо заметить, что в молитвослове сие выделено красными буквами и не затерялось в конце молитв, как замечание, а именно в самом начале всех молитв. При этом, хочу обратить внимание на слова «*со вниманием сердечным*», ибо при таком подходе каждое слово умом читается миром в сердце,

то есть настоящий молитвенник при необходимости читает его очень долго, даже час и более. Слово прочтено, если после озвучивания его в уме мир сердечный не нарушен, то есть покоен. То есть перед нами утверждение такого же состояния психики человека, которое в Буддизме и Индуизме выражена нирваной. Но, это состояние духа – только лишь очень значимое основание для богообщения. В Православии мир сердечный сопряжен с динамикой общения *со вниманием сердечным*. Это на заметку начинающим

1133-419) Отсюда следует важное, то есть перед нами возникает еще одно имя пустоты – это радость. Чистота – это всегда составляющая счастья. Именно по этой причине освобождение-нирвана – это всегда пустота всяких желаний, побуждений.

1133-420) Видеть белое можно только посредством черного. Все религии Юга формировали черное по-разному, разными формами зла чтобы видеть добро Творца.

1133-421) Дело все в том, что во Вселенной все остается в прообразе богообщения, при котором даже каждая микрона, хоть и связана с Божественным, но в то же время отделена или безопасно дистанцируется от Него. В природе самого человека голова связана и удалена на несколько позвонков, ибо удаление от биологических процессов пищеварения и иных видов жизнедеятельности благотворно сказывается на ясности ума, благодаря чему человек чаще принимает верные решения. Солнце отстоит от живого на Земле, хотя является

источником (посредником) солнечной энергии. Сам Творец с одной стороны с нами, а с другой удален и непостижимый. В этом же прообразе движется эволюция научно-технического прогресса. Человек остается неприкосновенным. Он едет в своем авто и в то же время независим от него. Это все разные имена одного и того же – экстаза. Человеку свойственно жить только вне себя. Это выразилось в образе психики человека. При правильном настрое психики, она остается вне всех процессов, идущих в нас самих и вокруг. Ребенок, который сидит в нас с самого детства не должен плакать **1.0.2.-69.-д(1)**.

1133-422) В.Н.Лосский

1133-423) Усложнение всегда стимулировано стремлением самовыразится бытию внутренней природы. Это видно из примера с константой. Всякое приращение уже имеет в себе некое постоянное значение. Но если у этого приращение тоже будет приращение, а у этого приращения в свою очередь вновь появится приращение и так до бесконечности. Мы получаем такое изменение, которое вообще не укладывается в наши способности представить, что это означает. Но так как все приращения имеют постоянное значение в прообразе постоянства пустоты, то даже такое возмущение не является инородным пустоте, а потому имеет право на бытие и оно даже существует. Единственное, оно не попадает в поле зрения, ограниченной природы человека. Мы видим только узкий сектор все полноты происходящих процес-

сов, а потому мы видим только то, что оказалось в поле нашего зрения – мы видим окружности и все то, что является им родственное, то есть лежит в одной области определения. То есть мы видим реалии, которые имеют приращения первого и второго порядка, но надо помнить о том, что без их первообразных высшего порядка данной созерцаемой реалии не существует. Мы сталкиваемся с парадоксом, в котором всякая первообразная наивысшего порядка, не смотря на свою сверхэнергичность, не инородно пустоте и в то же время даже самое малое отхождение ее от постоянства делает ее инородной, из-за чего она уходит в небытие либо став вновь подобием пустоте, либо исчезнув как инородное во-все. Колоссальная энергия со значением бесконечно в то же время не инородная постоянству, имеет стабильность. Вот о чем тут речь

Тогда перед нами ясно восстает и другое – направление усложнения, которая обозначилась в процессе эволюции как живое, как становление совершенства. Это имеет подобия того, как рассчитываются электрические цепи или подъемная сила крыла. Два способа и соотношение обоих их имеет тот же прообраз утверждения инобытия посредством усложнения в пределах простоты-постоянства и посредством распада.

1133-424) Дело все в том, что человек счастлив только тогда, когда он может жертвовать самим собой. Самая большая утрата для нас, если мы утрачиваем то, ради чего живем, ес-

ли мы уже не можем служить радости ближнего. Мы ходим к ним на могилы и плачем, и приносим цветы. Для родителя самая большая горе видеть больными детей своих, ибо, если ребенок умрет, чего не желаю каждому, то некому будет более готовить еду, стирать белье, нет того, ради которого он идет на работу и оставляет свое здоровье на вредном производстве и так далее. Общеизвестны случаи, когда родители кормят и лелеют своих любимых с врожденными отклонениями в психике или здоровье. Быть на Голгофе – естественно для любящего сердца. Только на Голгофе ради ближнего своего может иметь счастье каждый нормальный человек.

1133-425) Чем меньше реальность микромира, тем в больших промежутках времени и в более глобальных масштабах дает о себе знать.

1133-426) После грехопадения человек принял образ ничтожества, а потому воспринимает бесконечный мир Царствия Небесного только в своем же прообразе – образе ничтожества. Именно по этой причине, Начало начал имеет для нас образ точки. Этот образ точки – Врата во Царствие Небесное, войти через которые в данном виде миропонимания можно только в одном случае – нужно быть подобным змию-искусителю. Иными словами, научное мировосприятие с его прообразом змия-искупителя, явленного в виде не прерывной последовательности причинно-следственного механизма подталкивает человека иметь образ именно этого причинно-следственного механизма – образ змия-

искупителя. Этот образ далек от Образа Творца, но и он требует преобразования, что и выразилось в эволюции становления человечества.

1133-427) Всякая ситуация в жизни несет в себе вопрос о том, что будет дальше. Человек смотрит на мир через самого себя и, в зависимости от того, кто он есть принимает решение. Каждый из нас есть то, на что он смотрит. Если человек несет в себе Божественное, то видит перед собой то, что свойственно Богу, то есть свойственное Ему вечное, а именно абсолютную вечность бытия. Такой видит пути вечности в том же числе в земном проявлении. Сложная ситуация не будет покусением на жизнь. Если человек несет в себе что-то иное, то есть уже не вечное (вечность свойственна только Богу), то и даже абсолютно не опасная ситуация становится концом не только земного бытия, но и любого иного.

1133-428) Наша земная реальность – это сфера, в которой должна выразиться вся полнота Божественного, хотя и несколько односторонне. В этом смысле, точка становится абсолютным несовершенством. Нужно провести развернутое свидетельство всех свойств Творца. Сам факт, что точка имеет бытие, то будет процесс становления. Этот процесс становление на понятийном языке научного анализа получает новое имя – Вселенский взрыв.

1133-429) Личность общается с личностью

1133-430) Мы имеем образ отказа от всего того, что мешает нам быть в единстве с Ним. Сам организм человека пребы-

вает в прообразе духовной жизни человека, постоянно освобождающейся от греховных помыслов – в постоянном очищении себя, постоянно выводит из себя продукты жизнедеятельности.

Если говорить на понятийном языке науки, то речь идет о точке, которая имеет образ абсолютного совершенства для всего земного. В прообраз этого совершенства, породившего все вокруг пытается ввести себя человек в духовных борениях.

1133-431) Если сравнить состояние покоя в положении равновесия с состоянием покоя палки, просто лежащей на полу, то очевидно сходство – неподвижность. Но в одном случае, палка, как бы имеет в себе энергию, а во втором – нет. Этой очевидностью очень часто соблазняются люди научно-исследовательского труда. Так создаются учения, которые абсолютно далеки от истины.

1133-432) (см. 1.0.2.-68. (б) и ссылку 1133-442) Дадим определение красоте. Представим себе, что мы встретили своего давнего друга детства. Мы счастливы и не можем наговориться с ним. А теперь представим, что мы нашли мертвое тело (не дай Бог) – нас трясет от ужаса. Хотя в обоих случаях мы имеем дело с телом человека. Мы радуемся не телу, а тому, что тело носит в себе – душе. Если мы узнаем самого себя в ближнем, в реальности, в событии, в явлении, то это нам приносит счастье. Понятно, что речь идет о личности. Если мы видим свое отражение, если мы видим

личность в ближнем своем, то это нам дает радость и это и только это есть красота. Когда Бог сотворил Адама, то первые слова сказанные им были к Богу. Далее Адам говорит слова Еве, своей жене. Мы видим межличностные отношения. Перед нами самая первая семья и вне ее нет более ничего в этом мире. Так было изначально, так будет всегда. Все вокруг нас пребывает в пределах межличностных семейных отношений. Вне беседы одной личности с другой ничего более в этом мире не существует. Все вокруг нас – это то, что связывает одну личность с другой. Это такая речь одной личности к другой. Вот что такое счастье и радость, и красота.

1133-433) Древний человек оставил на стене пещеры изображение мамонта, в голове которого пребывает маленький человечек. Древний много наблюдал за поведением этих величественных животных и видел то, как они меж собой ладят, как ухаживают друг за другом и оберегают детенышей. Как они спешат на помощь друг другу и скорбят при утрате одного из своего сообщества. Древний человек видел много человеческого в них и относился к животным как к личностям. Он относился ко всему живому как к личности, с любовью, и все живое вокруг отвечало ему тем же. Именно дар видеть самого себя в животном и во всем вокруг удостоило человека быть исполином на Земле, хозяином над Вселенной. Человек смог приручить, одомашнить флору и фауну. И теперь он ищет личностные черты даже в материи и когда находит свой образ и подобие в законах жизни внутреннего

мира материи, то счастлив от своего открытия. Он заявляет об этом, как об открытии в науке. Теперь прирученной становится мир мироздания и Вселенной. Так родился научно-технический прогресс

1133-434) Человек вне Царствия Небесного жить не может, а потому, «чтобы вновь стать таким, каким он был до грехопадения нужен тяжелый труд очищения. Тогда бы в этом состоянии чистоты, в хотя бы временном, он может молиться Богу, он может смотреть на Бога, он может ожидать, что умерев в этом состоянии он достигнет соединения с Богом». Самый большой грех – быть вне радости Божественной, свойственной прежнему бытию во Царствии Небесном до грехопадения, а потому в природе человека все заточено под эту кондицию бытия – в непрестанном единении с Богом. Мы постоянно дышим, мы постоянно принимаем пищу и в нас постоянно бьется сердце. Такова Слава Божья

1133-435) Мы сказали ранее о том, что окружность и точка – это разные выражения одного и того же, пустоты греха. Без радости человек жить не может, а всякая точка, не смотря на ее абсолютную ничтожность несет в себе множество граней (через нее проходит множество прямых и иных линий-черт, характерных свойств личности. Просто сам факт того, что мы пользуемся всякой линией, то сие означает только одно – она несет в себе личностную характерную черту, а значит имеет какое-то причастие к радости в Боге. Да, даже в геометрической линии мы видим свое отражение, нахо-

дим самих себя. В противном случае, как инструмент выражения Истины, она бы не возникла в нашем мировосприятии. Окружность и сфера тоже имеют столько же общих с ними касательных линий. Но если в точке мы стоим, то в окружности мы уже движемся по порочному кругу для того, чтобы приобщиться к каждой грани радости и ко всем граням живительной полноты. Вне полноты нет жизни. Так, к примеру мы постоянно ищем то одно, то другое, долго не задерживаясь на какой-то отдельной радости. То мы на курортах Египта, то в кинотеатре, то в бассейне, то в кругу друзей, то хотим спать, то есть, то плотских удовольствий и опять движемся по тому же кругу. Все это разные грани одного источника радости, вне коего жизнь не возможна. Беда только в том, что много энергозатрат в прообразе видения одному старцу группы бесов, волокущих на веревке листочек клеона. Мизер пользы, но максимум затрат. В то время как Бог вообще бездействует зримым образом, но пользы от одного Его бытия бесконечно много – вся Вселенная. Таким образом здесь речь идет о том, что сама смерть – это есть уничтожение величины греха до ноля точки, чем становятся мощи усопших, но влияние от Творца через них остается тем же. Мощи соединяют нас с тем самым моментом в бытии Вселенной, когда возникла самая важная счастливая случайность – зародилась жизнь. Мы видим через них именно этот ключевой момент истории человечества.

1133-436) Сама физиология человек такова по сути. Голо-

ва разжевывает пищу до мельчайших частичек, делает продукт-энергоноситель удобоприемлемым для усвоения.

1133-437) То есть можно предположить, что где-то на самом Солнце есть максимум жизни во всех смыслах.

1133-438) Если цветок сорвать, то дальнейший рост его прекращается.

1133-439) Всякое возрастание возможно только до одной Вершины вершин – до абсолютного подобия Богу. Сам факт бытия процесса возрастания свидетельствует только об одном – это личность, которая будет Богом. Эмбрион в утробе матери – уже есть личность, уже человек. Поэтому отцы Церкви говорят, что человек призван стать Богом, но только по Благодати. Именно по этой причине сам Творец входит в общение с Адамом, ибо видит в нем Бога. Также как человек видит в каждой микроне бытия самого себя – личность и личностные характерные черты.

1133-440) Этот закон выражен более усложненным понятийным языком во всех известных и еще пока не известных научных доктринах.

1133-441) Злого в природе нет, но есть только доброе, получившее не верно ориентировано, имеющую не верную интерпретацию, доброе не ко времени, не к месту и не в том положении.

1133-442) (см. 1.0.2.-68. (б), 111-01,222-01,333-01,666-01,777-01 и ссылку 1133-432) Ответим теперь на самый важный вопрос. Что есть красота?

Представьте себе, что некий человек идет по дороге и встречает своего давнего друга детства. С ним связаны лучшие годы вашей жизни. Они не виделись много лет и теперь не могут наговориться от радости встречи. Это нормально. А теперь другой случай. Этот человек идет по этой же дороге и видит не своего давнего приятеля, а его тело или даже часть его тела. Не дай Бог нам никому такой встречи, ибо нас охватывает ужас. Теперь мы нежимаем эту ладонь и нет в нашей душе радости, но горе терзает нашу душу. То есть мы радуемся не телу и не какой-то части его, а тому, что заключено в этом теле – мы рады только душе. Мы рады видеть не лошадь, а всадника на ней. Если мы смотрим на мир, на какое-то явление или событие, или на ближнего и узнаем в нем самого себя, свое отражение, то мы счастливы.

Хорошо сие показано в Священном Писании. Бог творит Адама и Адам произносит речь Богу. Потом Адам говорит слова Еве, жене своей. Перед нами межличностные отношения первого Семейства во Вселенной и ничего кроме Личностей и внутрисемейных межличностных отношений, межличностных связей нет вообще. Есть Личности и то, что связывает Личности между собой.

То есть все остальное вокруг нас имеет бытие в пределах межличностных отношений и вне этих семейных отношений нет ничего и мы что-то иное вне этого бытия ничего не видим, о чем-то ином не ведаем. Человек, являясь личностью во всем вокруг себя видит только личность и множествен-

ные прообразе ее и самого себя Именно по этому в Писании Адам дает имя каждой живой твари, ибо узнавал в них самого себя и в соответствии со своим образом давал имя каждому проявлению жизни. Ведь Сам Творец видит в человеке Самого Себя, Бог видит в человеке Бога по Благодати и потому входит в отношение с человеком, как с Самим Собой в Благодати Духа Святого. вот что такое вершимая ежедневно в Храме Святая Евхаристия – это служения Бога человеку. Бог дает Самого Себя нам.

Хорошо сие понимали древние первобытные люди, о чем свидетельствует нам археология, изучающая множественные памятники старины. К примеру, меня поразила одна из рисунков наскальной живописи. Изображен мамонт, в голове коего находится маленький человечек. Древний художник часто наблюдал за поведением этих величественных животных и он был поражен тем, что в их отношениях между собой много человеческого. Древний видел, как они между собой ладят, как ухаживают друг за другом, как совместно заботятся о своих детенышах, как спешат друг другу на помощь, как скорбят об утратах. Он смотрел на них и видел в них самого себя – личность. Виденье самого себя, то есть видеть личность в живом – это значит любить все то, в чем человек узнал себя. Ведь любить можно только то, что сообразно нам – свое же подобие.

Он ко всему живому относится как к самому себе, как к личности, а потому все живое отвечает человеку взаимно-

стью. Всё живое видит в человеке самого себя, любит человека и жертвует себя ему, дарует ему все самое-самое ценное. Это удостоило человека быть исполином на Земле. Видящий свое отражение в каждой микроне Вселенной, любящий все вокруг человек смог одомашнить диких зверей и приручить животный мир, окультурить растения. И ныне человек не изменил своему предназначению, ибо ученый смотрит во внутренний мир материи и пытается в нем, в его физических явлениях узнать самого себя. И если он вдруг видит характерные личностные черты в событиях ядерных процессов, он кричит от радости: «Эврика. Нашел! Нашел! Ура!». Это называют открытием. И человек, как в те самые изначальные времена дает открытому явлению новое имя. Человек искал в материи характерные для личности черты, чтобы любить ее и этот мир. И мир материи отвечает человеку взаимностью – она относится к человеку тоже как к личности, любит его и служит ему так, как это было до грехопадения во Царствии Небесном. В этом самое важное предназначение всякой науки и научному анализу. Человек теперь смог приручить даже материю. И вот она поднимается и начинает принимать образ личности все явственнее и явственнее утверждая жизнь человека даже там, где она, жизнь, невозможна.

Человек теперь обращает свой взор даже в глубины морские и глубины космоса и ищет там самого себя, чтобы любить и получить отклик взаимностью. Все вокруг нас есть жизнь и именно это и только это доказывают нам ученые,

нашедшие даже в самых малых микронах бытия характерные для личности черты. Движение человечества идет только в русле Замысла Божьего. А если оно как-то выпадает из него, то уходит в небытие.

Итак, все вокруг перед нами Личности и процесс общения между ними. Ответим теперь на другой вопрос. Что есть по природе отношение между Личностями? Это связь. А всякая связь – это все то, что делает личности едиными между собой. А потому, каждая микрона бытия, каждое проявление живого является связующим элементом в пределах семейных отношений Личностей. Всё вокруг нас, есть только личности и их отношения, связь между ними. Что может сказать личность личности для единения, для крепости семьи? Может сказать только одно и только одно: «Я тебя люблю» поэтому этот мир материи, в котором мы все едины, есть образ только одного: «я люблю тебя». Это есть связь и это есть условие бытия связи. Это «люблю тебя» принимает самые различные образы-оттенки. Даже если мы рассказываем о том, сколько стоит коровье масло в магазине, мы косвенно имеем в виду только одно выражение: «Я тебя люблю». Этот смысл словосочетания «люблю тебя» заложен даже в самой малой микроне бытия, ибо всякая частица мира несет в себе образ отношения Личностей или является связью Их, или прообразом беседы Личностей между Собой. Это «люблю тебя» постоянно звучит в Семейных отношениях Предвечного Совета, участником Коего стал чело-

век. Потому мы во всем видим это Троиединство Бога Троицы. Прошлое-настоящее-будущее. Ширина-высота-длинна. Горячее-теплое-холодное. И так далее.

1133-443) Именно по этой причине Кощей Бессмертный показан стариком. Он только лишь форма, нуждающаяся в наполнителе новой жизнерадостной жизни. Он живет поглощением живого.

1133-444) (111-01,222-01,333-01,666-01,777-01) Человек по природе своей сам несет в себе прообраз Голгофы. Гораздо легче ползать на брюхе по земле, чем стоять на двух ногах, но именно это мы и видим. Прообраз Голгофы Христовой стал физиологией человека, он и есть сама природа его. Человек следует за Богом и в процессе этом возникает напряжение-противоречие. Но сам факт, что есть противоречие, свидетельствует о том, есть движение в Его сторону. Поэтому человек, где бы он не был, всегда имеет некоторую степень приобщения к Голгофе Христовой – это даже стало физиологией человека. Все народы живут в некоторой степени причастия к Голгофе Христа. У каждого народа сие выражено по-разному. Единственное, что народы Севера, интенсивность физических нагрузок наиболее сильная, чем у всех остальных. Это-то и стало физиологией людей Севера. Это человек, в природе которого заложено торжество над природой, над самим собой в ином прообразе Голгофы Христовой. Но есть одно «но». В чистом виде, как свойство природы человека, к любви не имеет никакого отношения. А без люб-

ви даже такие достоинства – медь звенящая, то есть пустота. Вот это-то и стало трагедией русского народа. Вместо того, чтобы держать прежний ритм высокой интенсивности трудового процесса, мы гоняемся ха теми, кто, как нам кажется, поставил нам подножку. В результате на финише или до передачи эстафеты добежали единицы. Простить и любить дальше, очищая радость трудами в поте лица.

1133-445) Люди не сошлись характером – это формулировка как раз из этой области. Характерные особенности свойственны человеку, который не умоляет себя до ничтожества точки на исповеди у священника в прообразе деторождения, когда зло остается в прошлом (см. 111-01(в))

1133-446) Дело в том, что всякая система координат до этого времени исключала в себе самой пустоту. Хотя, нет, пустота была, но всякое влияние оной строго отвергалась. На самом деле влияние пустоты никогда и никакими обстоятельствами или условиями не может быть локализовано. Пустота имеет влияние всегда и при любых внешних и внутренних факторах. Всякое воздействие подчиняется законам пустоты.

1133-447) Мы видим стремление хаоса уподобиться пустоте, что возможно только в структуре, в порядке, ибо вне порядка хаос становится инородным самой окружающей реальности пустоты. Даже если порядок разрушается, то только для того, чтобы вновь стать структурой, которая сильнее адаптирована к новым условиям и обстоятельствам. Вне порядка

хаос инороден бытию и потому уходит в небытие только одним способом – упорядочиванием. Но остановиться на этом – сказать неправду. Все в мире пребывает в богообщении и в данном случае – это тот самый случай. Хаос говорит Богу речь данным образом и получает ответ – он существует как реальность в бытии, как общее для частного. Более общий порядок тянет за собой частный порядок, чтобы последний (частный) гармонично вписывался в первый (общий).

1133-448) Так как мир рожден помимо Предвечного Совета Троицы, то он не наделен вечностью – он временный.

1133-449) Высшая точка равновесия (в системе со стулом, выведенного в состояние равновесия на двух ножках) достигается двумя способами. Первый – это постоянно выводить до вертикали, соединяющей центр тяжести с точкой опоры. Такое равновесие не устойчивое и требует постоянного усилия для поддержания. Второй – подвесить систему, из-за чего равновесие будет устойчивым и усилий на восстановление уже не понадобится. Не устойчивое равновесие несет в себе потребность в энергозатратах, требует усилия для поддержания природы в таком вот состоянии. Почему практикующий Нирваны становится пленником ее? Потому, что восстанавливать равновесие возле высшей точки его легче и требует мало усилий. Некоторая близость к состоянию стабильности и покоя – это уже приносит удовлетворение. Тут возникает понятие совершенства, в коем практикующий с каждым годом все ближе и ближе подходит к точке абсолютного покоя

и тратит все меньше и меньше усилий для бытия своего в покое. Повторюсь, что покой – это составляющая счастья, одна из его характеристик, чем и довольствуется исповедник Буддизма или Индуизма. А молитва – это уже сама непосредственная привязь к Самому Абсолюту, благодаря чему равновесие наступает само по себе, автоматически, даже если в природе появился крен.

1133-450) Все несет в себе выражение именно этой пустоты. Это такой специфический язык общения Личности Творца с личностью человека. Бог, желая спасения, говорит человеку о том, что Он пребывает в этом направлении. Каждая ситуация имеет свою специфику, то есть разворачивает Творца как-то иначе, а потому и слово Бога человеку звучит по-разному. Каждое слово – это уникально сложенный образ Бога.

Из предыдущих суждений, мы знаем, что мир материи стремится быть подобным пустоте. Таково влияние пустоты. И влияние это организующее. Всю возникают образы пустоты: точка, прямая, окружность, сфера, шар. Это разные формы порядка. Перед нами творчество Бога, изложенное на понятийном языке специфики анализа. Мы рассказываем о творчестве Бога более углубленно посредством душевных инструментов. Но физика и математика более грубо. Но опять же, речь идет не просто о влиянии пустоты, а речь идет о том, что Бог держит нас на нашу ладонь и вызволяет нас из ямы, освобождает нас от нее. Это суждение сильно мотиви-

ровано душевными порывами, превращая окружающую реальность в сказочную быль. Даже если так, то сие несколько не вредит самым сложным научным поискам. В межличностные отношения человека с Богом вписывается самая железная логика научного анализа. Более того, мы теперь можем взять этот меч за рукоять, а не за лезвие, как это нам предлагалось ранее.

1133-451) Закон Сохранения – это способность пустоты переходить из одного состояния в другое. Просто всякое явление или всякая частица биполярны, когда одна из двух полярностей имеет подобие и идентичность Началу начал. Посредством этой грани подобия пустоте пустота может легко переходить из одной совокупности самовыражения к другой. Пустота сохраняет здесь свою абсолютную свободу (по определению о пустоте). Благодаря этому пустота постоянно меняет свой образ и это есть переход энергии из одного состояния в другое в образе Закона Сохранения. Природа научилась пользоваться этим переходом жизни из одного образа в другой (к примеру из гусеницы получается бабочка). Мне думается, что Закону Сохранения можно дать иное имя Закон Сохранения Жизни.

1133-452) Представьте себе, что Вы очень долго пребываете в космосе. Вы одиноки. Вдруг из какой-то щели вылетает муха и кружит возле Вас. Радости не будет конца. Вы дадите ей даже какое-то имя и всячески будете ее оберегать. Вот это межличностное отношение со своим подобием, пусть отда-

ленным подобием, несет человеку счастье. Пример не удачный, но здесь видно то, чему рад человек – никак не плотскому влечению.

1133-452(б) Природа человека по сути не терпит ущемления полноты Божественного в себе самой. Естество живого не терпит односторонности, ему нужна свобода для выражения всеобъемлющей реальности Творца. К примеру, человеку даже не свойственно быть в одной какой-то позе. Лежащих больных постоянно поворачивают на другой бок, чтобы не было пролежней и так далее бесконечно. Тоже самое касается радости. В жизни она имеет много граней и к каждой из них человек должен иметь приобщение. Межличностное общение человека с Богом Одна грань активизируется только в одиночестве, а другая – в сообществе. Иными словами, жизнь человека, как бы, делится на два образа: в одиночестве и в коллективе в ином пути богообщения. Мы то в одном состоянии, то в другом. Одно другим всегда только дополняется живительно. Именно по этой самой причине древние славянские праздники были именно праздниками межличностного отношения, а не плотских забав. Эти торжества – не то совсем, что нам навязывают современные поборники язычества. Праздник – это иная форма обращения человека с Богом и Бога с человеком. Праздник – это иная форма радости в аскезе, точнее это иной путь аскетического подвига. Именно это мы видим в Литургии. Мы видим то, в чем мы оказались различными в процессе молитв в одиноче-

стве. Это неизбежно. Чтобы быть одним единым целым, мы корректируем себя, свое мировосприятие, дополняем свою природную ограниченность всеобъемлющей полнотой. Нам нужно напрягать себя, чтобы быть в мире с ближним своим. Это неизбежная ломка своего личного опыта, что неизбежно приносит боль – так, что-то нам обычно не нравится.

Чем страшна всякая диктатура? А именно этой своей ограниченностью. Это покушение на убийство всего народа. Мы как бы не даем живому организму повернуться на другой бок и человек умирает от пролежней. Диктатура нужна, ибо это тоже грань бытия, которая является частью живительной полноты. Но только в одном случае она востребована – только как диктатура радости. Причем ее не надо утверждать, ибо она есть без нашего на то вмешательства.

1133-453) Хотя, конечно же, если мы заглянем внутрь мозга, то никакой там сферы мы не обнаружим, но это не означает, что ее там нет. Она есть, только оформлена иным набором инструментов.

1133-454) Конечно, сферу в мозгах искать бесполезно, но она имеет место быть там. Ее выражение явлено иным набором инструментов, иным набором понятий и символов специфического языка.

1133-455) Надо сказать важное, что всякое явление самим фактом своего бытия оказывает влияние, имеющее специфическое, характерное только для этого явления очертание. Не важно какое оно, но сам факт его присутствия имеет

влияние. Поэтому крен, вызванный экзальтацией какого-то одного свойства, становится точкой позиционирования, стоя на коей мы видим все то, что проявилось благодаря этому влиянию, исходящему от озвученного явления. Мы видим его характерные признаки. *Но само по себе явление в наших условиях – это крен, который наделен наделён самым главным недостатком. Он есть только лишь частное проявление того общего, вычлениением коего этот крен стал. Он есть смертельное ограничение* 777-07-111. Он как бы исключает всю остальную реальность и человек, который упускает из виду все остальное, становится ограниченным и ограничение это становится частью его природы. Человек же без полноты Божественного жить не может. а так как жизнь сама по себе есть Божественное, то есть вечна, то для своего вечного земного бытия жизнь должна в пределах земного должна обладать полнотой или эволюционизировать до полноты, что одно и то же по природе вещей. Также как больному, прикованному к постели требуется постоянно переворачиваться с одного бока на другой, чтобы не было пролежней, от которых человек может умереть. Но крен выделяет только одну грань Тела Бога и для того, чтобы повернуться на другой бок, нужно изменить его.

Так как крен имеет два в одном (а именно оный несет в себе с одной стороны всю полноту Божественного, а с другой стороны оный имеет ограниченность), то соответственно всякое явление будет иметь с одной стороны бесконеч-

ность бытия, а с другой стороны абсолютную временность. То есть явление, как крен, попавший в поле зрения имеет инородность ограниченностью и в то же время несет в себе характерные для личности черты, то есть имеет продолжительность (как свойство личности быть вечно) и временность (как инородная личности реалья ограниченности небытия) одновременно. То есть бытие всякого явления имеет срок своего пребывания. Так вот влияние всякого явления порождает характерные черты, которые свойственны только этому явлению и свидетельствуют о присутствии этого явления.

Теперь перед нами единство и борьба противоположностей явлена в следующем виде. Тело имеет точку, в которой нам особенно явственно явлены определенные свойства, коим в формировании мировосприятия отданы приоритеты более всего. Благодаря чему обозначился крен. Перед нами и ответвление, и в то же время единая составляющая с Телом. С одной стороны оные противоречат друг другу, а с другой остаются одним целым. В этих пределах развивается вся Вселенная.

1133-456) Дело в том, что в своих суждениях мы себя позиционируем не правильно, ибо для нас точка и пространство вокруг неё – это противоположности. А на самом же деле – это реалии, которые взаимно дополняются. Это суть одно и то же, только природа воспаленная грехом нам открывает только наше же подобие – ничтожество.

456(a) Мы придаем значение одному в ущерб всему

остальному, упуская из виду все остальное – вот что такое грех в данном случае.

1133-457) Для чего привожу здесь эти суждения? Если наши выводы верны, то они должны вписываться в то, что предстает перед нами в окружающей реалии. Этим критерием истинности мы пользуемся для утверждения в своей правоте. В данном случае, человеческий организм в процессе эволюции усложнился, чтобы в его природе выразились более глубинные свойства Божественного присутствия. Да, эволюция могла идти по пути укрупнения, к примеру, но свойства материи ограничивают. Также как нельзя строить многоэтажные дома из простого кирпича, ибо кирпич у основания может быть раздавлен массой высотного здания. Поэтому лучше всего строить сооружение не ввысь, авширь. Так лучше. И действительно эволюция идет другим путем, но в пределах ограничивающего свойства. То есть дома строят в длину, а не в высоту. Может не совсем удачная аллегория, но примерно так.

1133-458) По этому поводу уместно привести пример того, как происходит межличностное общение Бога и человека. В одном селении произошло сильное наводнение. Причем настолько сильное, что некому мужу пришлось залезть на самую крышу собственного дома. И вот он взывает о помощи к Богу. Тут подплывают к нему люди в лодке и зовут его к себе. В ответ он отказывается, сетуя на то, что его Бог спасет. И опять молит Бога о помощи. Воды подступают вы-

ше. Подплывают к нему на плоту и опять приглашают к себе. Он отказывается, уповая на помощь Божью. И опять продолжает молиться также. Ему пришлось уже залезть на дымовую трубу. Подплывает к нему бревно и его он отталкивает. В конце концов тонет. После смерти спрашивает Бога о том, почему Он его не спас. На что Творец отвечает: «Я тебе три раза помощь посылал, а ты отрекся». То есть иной раз мы, пребывая в общении с Богом, не понимаем Его речь, ведь Он говорит удобоприемлемо для нашей способности воспринимать Его словеса. Бог создал мир и не может быть инородным ему, а потому и речь говорит.

1133-459) когда мы прикасаемся к растению – это мы прикасаемся к Солнцу, причем безопасно для нашего тела, а значит для возможности быть в межличностных отношениях с Ним. Периферия окружности и ее центр пребывают в таком вот соотношении.

1133-460) Предположим, что толстым слое глины лежит спрессованный кусок той же глины. Мы, чтобы не утонуть в этой жиже, ногой ступаем именно на него и делаем следующий шаг вперед. Так как этот кусок твердый, то он всей площадью давит на грунт. А потому нога не проваливается. У куска глины иная структура, что и выделяет его из остальной массы. Это свойство в данном куске глины присутствует, а в остальной жиже его нет. То есть перед нами то самое соотношение материи и вакуума. Единственное, следует добавить, что хаоса нет даже в самом вакууме. Просто это

тоже структура, которая распознается как материальная реальность с бесконечных расстояний и промежутков времени. Это говорит о том, что в нас заложено то, что делит этот мир на до и после. То есть, даже сама жижа глины, не смотря на ее вот такие качества, в определенных параметрах становится твердым предметом. Это зависит от нас и от нашей точки позиционирования. К примеру, если самолет столкнуть в воду, то он войдет в нее и останется невредимым. Но в то же время, мы смотрим хронику военных лет, в коей вражеские самолеты разбиваются о поверхность воды. Вот о чем речь.

1133-461) Все дело в том, что человеку дано не верное определение, а потому и многие суждения становятся не верными, а научный анализ становится средством примирения двух точек позиционирования верной с не верной. Человек – это процесс межличностных отношений Личности Творца Бога Троицы и человека, это Тот Самый Предвечный Совет, соучастником Коего дано право быть человеку в пределах Замысла Божьего о человеке. Именно по этой причине, человек и Бог – это одно целое. Именно по этой причине, человека надо рассматривать не в том виде, как нам это привычно, а в его отношениях с Богом, с тем, без чего он жить не может, а потому следом за ним ничто на Земле жить не может. Человека надо рассматривать как систему, состоящую из Солнца, солнечного луча и солнечного зайчика на поверхности Земли. Но это также частный случай, ибо человек возник уже в тот самый момент зарождения Вселенной, что есть

исповедь на своем уникальном языке о том самом грехопадении, о коем повествуется в Писании¹⁹⁰ на языке нам привычном – на русском. Именно по этому в человеке все едино. Именно по этому подобное рождает свое подобие, подобие познается подобным, подобное стремится к подобному, а также все формы Закона Сохранения. Все это в прообразе того, что человек, пребывающий на Вершине видит мир под собой в монолитном единстве, а когда он спускает к подножию Вершины, то виды меняются, но вид с Вершины и вид, открывающийся у подножия подобны, тождественны и едины в образе Закона Сохранения, ибо человек на Вершине и у подножия оной – один и тот же. Весь научный анализ, всякая человеческая деятельность утверждает именно это единство и это одиночество всего. Всякий ученый ищет только это единство, которое мы по естеству своему человечности в детстве называли беседой любящих друг друга сердец, Бога и человека. Сфер-областей во Вселенной абсолютное множество и каждая из них имеет свое бытия благодаря тому, что на свойственном для нее уникальном понятийном природном языке исповедует именно это положение вещей – межличностное общение любящих сердец.

1133-462) Человек являясь личностью, в естественном для мира состоянии должен быть в единстве с Личностью Бога – только это есть условие возможности жизни и всякого бытия вообще. Если люди не едины с Ним, то свое эго реализуется ими иначе. Они видят виновных в ком-то дру-

гом. Автоматически – это первый посыл-причина гражданской войны. Жить человек вне единства с Ним не может и не должен, и должен либо вернуться в естественное положение вещей, либо самоуничтожиться – вот какой смысл этой фразы. Последнее есть неизбежность, которая приходит самопроизвольно. Убийством народа является простое отторжение людей от веры, ибо сие есть толкание их в междоусобицу.

1133-463) При присутствии Бога зло ограничено Божественным замыслом и действует в пределах Его созидательного творчества. Бог попускает дьяволу, но его власть ничтожно мала и не имеет разрушительных последствий. Это как конь, запряженный в телегу. То есть в присутствии Бога даже зло преобразуется и становится добром, зла нет. Нет границ и нет форм, нет и врагов, ибо в при Его присутствии все происходит в пределах любви и добра. Именно по этой же причине, для молящегося стираются понятия национальной принадлежности. Если Его присутствие сильное, то всякая деятельность врага рода человеческого ограничивается его же ничтожеством и вообще выпадает из поле зрения, как источник ран и повреждений.

Именно по этой же причине окружающий мир исчезает из поля зрения, когда человек обращается к Богу в молитве. Стены раздвигаются, уходит в небытие суета сует, растворяется окружающая нас вселенная, уходит все формы болезни и ранений, уходит из поля зрения все тяжести окружающего

мира, физического нудного труда. Уходит все и перед нами восстает Лицо Творца.

1133-464) Точно по этой же схеме постоянно происходят устроения органических соединений. Взаимодействий множество, но из всех их вычленяются для возможности адекватного распознавания только те, у коих продолжительность бытия имеет хоть какую-то степень подобия вечности Бога.

1133-465) Перестроение, связанное с ломками, заложено в самой нашей природе бытия. Это такое движение, которое не может восприниматься как равномерная монотонность. Но только волнами и ие обусловлено тем, что всякое развитие, хотя и происходит постоянно, но являет нам наши же прообразы. Мы видим самих же себя в каждом элементе бытия. Из-за этого создается, с одной стороны, видимость перестроения, а с другой стороны, перестроение происходит на самом деле.

1133-466) Мы расщепляем органический носитель энергии, становимся приобщенными к энергии, а сам носитель выводим из своего тела. Потом этот же носитель опять наполняется энергией, которая по той же схеме становится достоянием живого тела и так бесконечно. То есть вечность теперь продуцируется данным способом, свойственным для этой сферы-области бытия

1133-467) Бог абсолютно не досягаемы, а потому в Его прообразе можно было бы ходить там, где человек абсолютно не досягаем. К примеру, летать как птицы небесные или

принял бы ангельский невидимый мир. Но этого нет. Человек имеет слабую, немощную видимую плоть, беззащитен, ходит путями земными абсолютно полными опасностями. Но именно он оказался наиболее жизнеспособным в истории Земли. Что его бережет? Любовь. Человек движется к Богу и живет только святостью.

1133-468) Сам механизм зарождения жизни виден из следующего. Положим, что камень оказался в самом эпицентре огня костра. Он начал нагреваться под воздействием температуры. Подобно рождает только свое же подобие. Природа самого камня остается той же, но происходит возрастание температуры и затем даже начинается свечение породы красным светом. Мы не видим чего-то такого иного, что было бы инородно самому пламени. Точно также живое имеет прообраз своего источника, от которого идет влияние и точно также, как нагревание имеет прообраз пламени в пределах возможности камня этот прообраз огня в себе нести, жизнь имеет прообраз Бога в пределах подобия Солнцу. А именно, устойчивость образа, единство в разных вариациях, стабильность, цельность, замкнутость и так далее.

1133-469) Этой полноты экстаза мало человеку, ибо он жаждет большего. Так заложено в его природе, ибо такова природа его, исповедующая пребывание человека на Предвечном Совете в пределах дозволенного ему Им. Именно по этой причине человек взирает на ночное небо, смотрит в дали космоса. Так уже задействована большая полнота экстаза

в богообщении.

1133-470) Если боевая граната начала процесс развития взрыва, то ее влияние породит ее подобие вокруг . То есть все вокруг будет также терпеть развитие разрушения. Эффект домино. С другой стороны влияние, исходящее от Солнца, в образе единства и одиночества, начинает согласно тому же эффекту домино «творить» цельность и замкнутость единого.

Так как всякое развитие «эффекта домино» остается только в теории, то есть все колебания являются затухающими, то сие говорит о том, что процесс распада инороден естеству всего окружающего бытия. Он всегда временный в прообразе границы в чистом виде – в абсолютно и бесконечно малом временном промежутке. Именно бесконечный космос созерцается нам именно в данном образе: бесконечная пустота, в коей есть светящиеся островки с природой развития взрыва.

1133-471) Надо сказать, что образ Царствия Небесного имеет много оттенков и все они были распознаны древними и широко ими использовалось на практике. Об этом будет сказано в третьем томе. Точное попадание в дичь во время охоты – это такой образ Божий и люди придавали ему особое значение. Без этого как жить? Бога изображали на очень специфичном языке охотника, как икону и пользовались этим в соответствии с духовным опытом. Отнюдь, это не поклонение идолу. Это стало идиолом для тех, кто изменил кардинально свой образ жизни и многое для него оказалось не вос-

требуемым.

1133-472) Что такое образ пустоты в симметричном координатном пространстве, окружности, шаре и сфере? Это образ недостижимости для смерти. То, что имеет хоть какое-то отличие от формы с одним с одним коэффициентом постоянства, то сразу попадает в поле зрения. Человек, хоть и несет в себе образ постоянства, но слишком далекий от абсолюта. Поэтому его бытие не имеет вечности, а поддержание в прообразе требует трудов в поте лица. Образ пустоты сокрыт от взора, его как и Самого Творца не распознать напрямую, а потому и распознавание его происходит через посредники, в деле, в производных и так далее. Личность не видно, но видно то, что несет в себе личность, несет в себе личностные характерные черты. Межличностные отношения с Богом также попадают в поле зрения через посредники. Итак, смерть – это проявления временности того, что инородно Богу, попавшее в поле зрения нам в его образе инородности пустоте, в образе достижимости для зла.